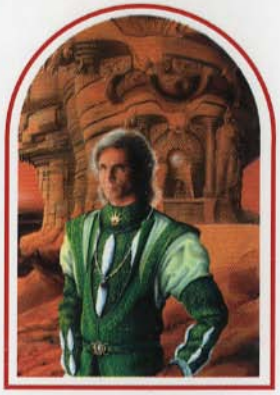
ЗОЛОТОЙ ВЕК ФАНТАСТИКИ

Роберт
СИЛЬВЕРБЕРГ

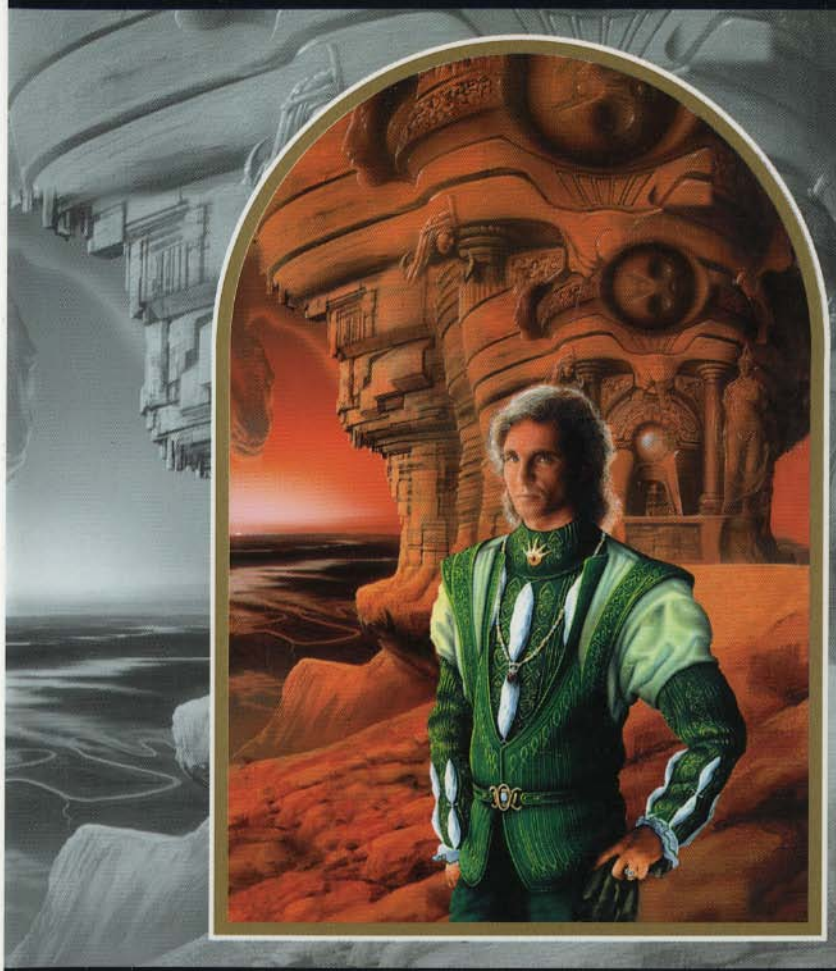


Замок лорда Валентина

САМАЯ ЗНАМЕНИТАЯ ТРИЛОГИЯ ВПЕРВЫЕ В ОДНОМ ТОМЕ

Эксмо

Роберт
СИЛЬВЕРБЕРГ



Замок лорда Валентина

Роберт
СИЛЬВЕРБЕРГ

Замок лорда Валентина

Роберт
СИЛЬВЕРБЕРГ

Замок лорда Валентина

•

Маджипурские хроники

•

Понтифекс Валентин

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2006

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Роберт

СИЛЬВЕРБЕРГ

Замок лорда Валентина

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2006

УДК 82(1-87)
ББК 84 (7США)
С 36

Robert Silverberg
LORD VALENTINE'S CASTLE
© 1979, 1980 by Agberg Ltd.
MAJIPOOR CHRONICLES
© 1981, 1982 by Agberg Ltd.
VALENTINE PONTIFEX
© 1983 by Agberg Ltd.

Составитель *А. Жикаренцев*

Оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Сильверберг Р.

С 36 Замок лорда Валентина: Фантастические романы / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо; СПб.: ИД Домино, 2006. — 1200 с. — (Шедевры фантастики).

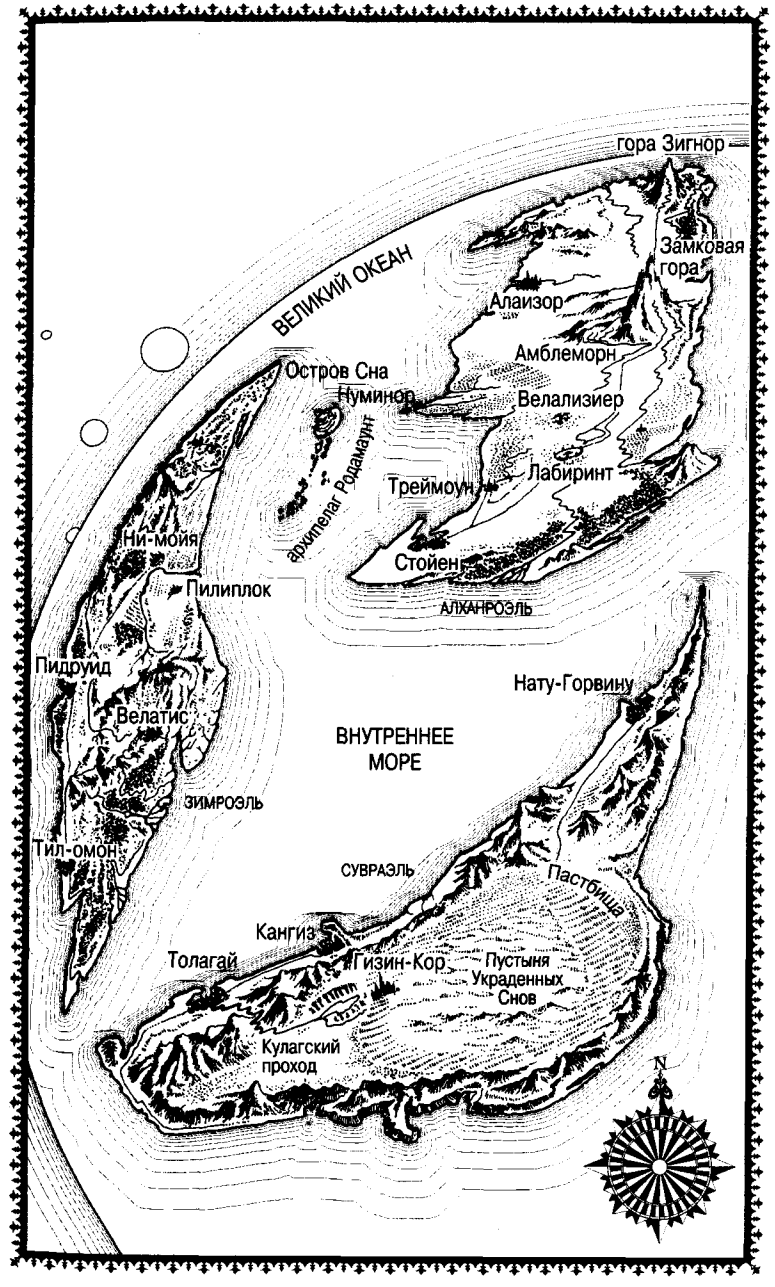
ISBN 5-699-15331-4

Романы «Замок лорда Валентина», «Маджипурские хроники» и «Понтифекс Валентин» составляют культовую трилогию, открывающую Маджипурский цикл всемирно известного фантаста Роберта Сильверберга. Мир планеты Маджипур, где магия мирно уживается с наукой, столь своеобразен и правдоподобен, что после выхода в свет первой книги трилогии критики сравнивали ее с «Дюной» Фрэнка Герберта и «Властелином колец» Джона Толкиена. Маджипурский цикл по праву занимает почетное место на золотой полке фантастики.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

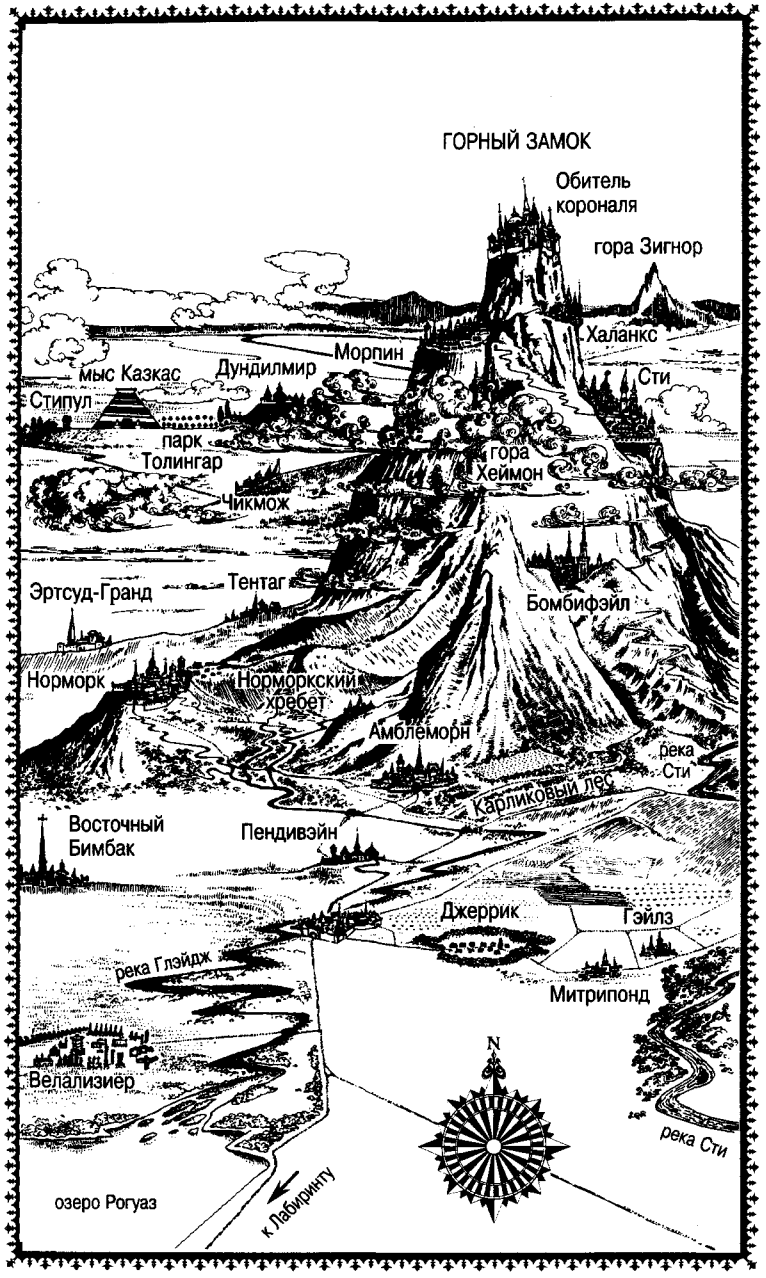
© Перевод. М. Коркин, А. Гришин, В. Монахов, 2006
© Оформление, издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2006

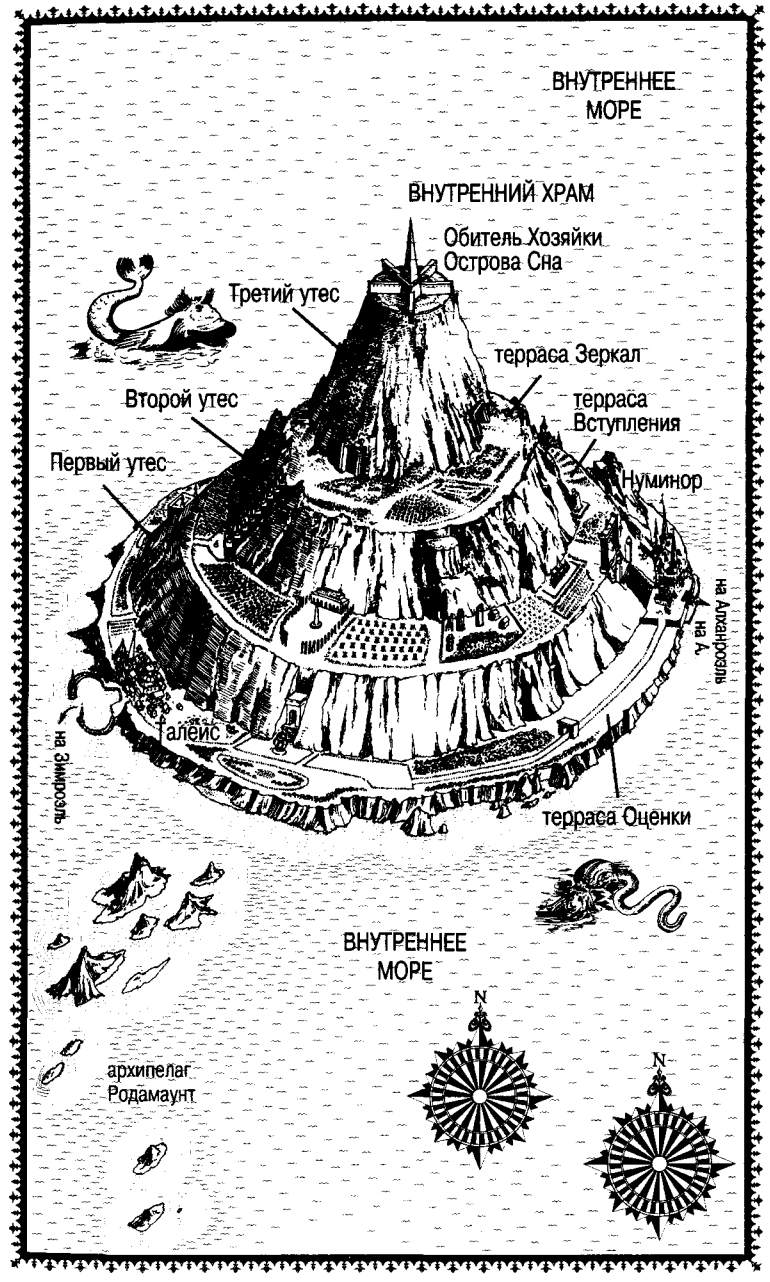
ISBN 5-699-15331-4



ВЕЛИКИЙ ОКЕАН
Граничье Кинтора
Гимбелук
Стрэнд-Виста
Кинтор
Лагомандино
Строин
Ни-мойя
Верф
Истмой
Ниссиморнский
окоем
Ниссиморн
долина
Престимиона
Кинтион
Тагобар
Мазадон
Пилиплок
Фалкинкип
Илириойн
Авендройн
Пиурифэйн
Дюлорн
откос Велатиса
Пидруид
перевал Стиамота
Велатис
Гихорн
Беллатул
пруд Нисмаила
Тил-омон
ВЕЛИКИЙ
ОКЕАН
пруд Тесие
Нарабаль
ВНУТРЕННЕЕ МОРЕ
Ущелье Дюлорн
река Стои
река Зимо
Лонгарский хребет
N

ВЕЛИКИЙ ОКЕАН
Милиморн
гора Зигнор
Зигнор
Бизферн
Мичиманг
Каттикаун
Бьелк
Хамифиу
Синталмонд
Домгрейв
Даниуп
Сингасерин
Фуалль
Горный
замок
Алаизорские холмы
Морпин
Халанкс
река Ийянн
Алаизор
парк Толингар
Дундилмир
Сти
Байлемуна
Стипул
Чикмож
Гизельдорн
Эртсуд-Гранд
Тентаг
Бомбифэйл
Сайсивондэйл
Минимул
Нормарк
Амблеморн
Западный
Бимбак
Перимор
Карликовый
лес
Гимкандэйл
Пендивэйн
Восточный
Бимбак
Фурибл
Велализиер
Мулдемар
ЗАЛИВ
СТОЙЕН
озеро
Рогуаз
река Сти
Стойен
Лабиринт
Банниканниклоль
Треймоун
Обитель
лонтифекса
полуостров Стойензар
река Глейж
N
ВНУТРЕННЕЕ МОРЕ


ГОРНЫЙ ЗАМОК
Обитель короналя
гора Зигнор
Халанкс
Морпин
Дундилмир
мыс Казкас
Стипул
Сти
парк
Толингар
гора Хеймон
Чикмож
Эртсуд-Гранд
Тентаг
Бомбифэйл
Норморк
Норморкский хребет
Амблеморн
река Сти
Карликовый лес
Восточный Бимбак
Пендивэйн
Джеррик
Гэйлз
река Глэйдж
Митрипонд
Велализиер
озеро Рогуаз
к Лабиринту
N
река Сти


ВНУТРЕННЕЕ МОРЕ
ВНУТРЕННИЙ ХРАМ
Обитель Хозяйки Острова Сна
Третий утес
терраса Зеркал
Второй утес
терраса Вступления
Первый утес
Нуминор
на Ахаиропэль
на А.
Алейс
на Змирозэль
терраса Оценки
ВНУТРЕННЕЕ МОРЕ
архипелаг Родамаунт
N
N

Замок лорда Валентина

Дэвиду Хартуэллу, Пейдж Кэдди, Джону Бушу — они очень деликатно подталкивали.

ЧАСТЬ 1

КНИГА КОРОЛЯ СНОВ

Глава 1

После долгого дня пути в золотой дымке влажного тепла, которая окутывала его как легкая мокрая шерсть, Валентин пришел к большому белому гребню, возвышавшемуся над Пидруидом — пышной провинциальной столицей. Это был самый большой город, который Валентин увидел с тех пор, как... Во всяком случае, самый большой за долгое время странствий.

Здесь он остановился, сел на край рыхлого белого выступа и погрузил ноги в осыпавшиеся каменные хлопья, глядя сверху на Пидруид и моргая, словно только что проснулся.

Был летний день, и до сумерек оставалось еще несколько часов. Солнце стояло высоко на юго-западе, над Великим океаном. «Отдохну здесь немного,— подумал Валентин,— а потом спущусь в Пидруид и устроюсь на ночлег».

Услышав за спиной шум катящихся откуда-то с высоты гребня камешков, он медленно оглянулся и увидел погонщика, мальчика с соломенного цвета волосами и веснушчатым лицом. Он вел вниз по горной тропе вереницу из пятнадцати или двадцати пурпурных верховых животных, откормленных, лоснившихся и явно ухоженных. Животное, на котором ехал мальчик, выглядело старше других, было менее упитанным и казалось умным и важным.

— Эй! — окликнул мальчик Валентина.— Куда направляешься?

— В Пидруид. А ты?

— Тоже. Веду вот животных на рынок. После такой работы очень пить хочется. У тебя вино есть?

— Немного,— ответил Валентин и похлопал по фляжке, висевшей на бедре, где более воинственный человек носил бы оружие.— Хорошее красное вино. Жаль, что мало осталось.

— Дай мне глотнуть, а я позволю тебе въехать в город верхом вместе со мной.

— Договорились,— кивнул Валентин.

Мальчик спешился, спустился по выступу и взял фляжку.

Ему было не более четырнадцати-пятнадцати лет. Крепкогрудый и мускулистый, но недостаточно высокий для своего возраста, он едва доставал до локтя Валентину, мужчине чуть выше среднего роста, с широкими плечами и крупными сильными руками. Мальчик покрутил фляжку, принюхался со знанием дела, одобрительно кивнул, сделал большой глоток и вздохнул:

— Глотал пыль всю дорогу от Фалкинкипа! И жара чертовская — прямо душит! Еще час без питья — и я бы умер от жажды.

Он вернул фляжку Валентину.

— Ты живешь в городе?

Валентин нахмурился.

— Нет.

— Значит, пришел на фестиваль?

— Какой фестиваль?

— А ты не знаешь?

Валентин покачал головой. Он ощущал на себе пристальный взгляд светлых насмешливых глаз мальчика, и это его смущало.

— Я путешествовал и не следил за новостями. А что, в Пидруиде сейчас фестиваль?

— На этой неделе. Начало в Звездный день. Большой парад, цирк, Королевское торжество. Посмотри вниз. Разве не видишь, как Он входит в город?

Валентин проследил за вытянутой рукой мальчика, указывавшей на южный край Пидруида, но увидел только скопление зеленых черепичных крыш и лабиринт древних улиц, проложенных без какого-либо плана. Он снова покачал головой.

— Да вон,— нетерпеливо сказал мальчик,— внизу, в гавани. Видишь корабли? Пять потрясающих кораблей с Его знаменем на мачтах. А вон процессия направляется к вратам Дракона, чтобы выйти на Черный тракт. Наверное, это Его колесница едет мимо Арки Снов. Неужели не видишь? Может, у тебя неладно со зрением?

— Я не знаю города,— мягко объяснил Валентин.— Но гавань и пять кораблей вижу.

— Хорошо. Теперь смотри в глубь города. Видишь большие каменные ворота и широкий тракт, идущий через них? И ту церемониальную арку...

— Да, теперь вижу.

— И Его знамя над колесницей?

— Чье знамя? Ты прости, что я бестолковый, но...

— Чье? Как чье? Знамя лорда Валентина! Колесница лорда Валентина! По улицам Пидруида идут телохранители лорда Валентина. Разве ты не знаешь, что прибыл кораль?

— Нет.

— А фестиваль-то? С чего бы его устраивать летом, как не для того, чтобы приветствовать кораля?

Валентин улыбнулся:

— Я путешествовал и не следил за новостями. Еще вина хочешь?

— Там мало осталось,— заколебался мальчик.

— Допивай. В Пидруиде я куплю еще.

Он протянул мальчику фляжку и отвернулся, скользнув взглядом по склону, по лесу, окружавшему густонаселенный город, а затем обратил взор в другую сторону — к воде и к большим кораблям, к знаменам, марширующим воинам и колеснице кораля. Наверное, это был великий день в истории Пидруида. Ведь кораль правит из Горного замка, расположенного на другой стороне мира, а это так далеко, что и он, и Замок стали почти легендарными в мире Маджипура. Коронали Маджипура редко посещали западный континент. Но Валентина почему-то не волновало присутствие его сиятельного тезки. «Я здесь, и кораль здесь,— думал он,— и он будет ночевать в одном из дворцов хозяев Пидруида, а я — где-нибудь копне сена. Потом будет большой фестиваль... А мне-то что?» Он испытывал нечто похожее на стыд за свое спокойствие, когда мальчик так возбужден. Пытаясь загладить свою бестактность, он произнес:

— Прости меня, я так мало знаю о том, что произошло в мире за эти несколько месяцев. Почему кораль здесь?

— Он возглавляет большое шествие по всему королевству, чтобы отметить свой приход к власти. Понимаешь, это новая власть, лорд Валентин всего два года на троне. Он брат умерше-

го лорда Вориакса. Ты знаешь, что лорд Вориакс умер и что лорд Валентин стал нашим короналем?

— Слышал,— уклончиво ответил Валентин.

— Вот поэтому он и в Пидруиде. Он начал обход королевства, как только получил Замок. Целый месяц он провел на юге, в лесных провинциях, а позавчера приплыл к берегу Пидруида. Ночью он войдет в город, и несколько дней здесь будет фестиваль: еда и выпивка для всех, игры, танцы, удовольствия и большой базар, где я продам этих животных за хорошую цену. Потом он поедет через весь Зимроэль — от столицы к столице. Ему придется преодолеть столько тысяч миль, что при одной только мысли об этом у меня начинается головная боль. С восточного побережья он поплывет обратно в Алханроэль, в Горный Замок, и в Зимроэле его не увидят еще лет двадцать, а то и больше. Наверное, это здорово — быть короналем!

Мальчик засмеялся:

— Хорошее было вино. Меня зовут Шанамир. А тебя?

— Валентин.

— Валентин? Знаменательное имя!

— Вполне обычное, по-моему.

— Поставь впереди лорд — и будешь короналем!

— Это не так просто. Да и зачем мне быть короналем?

— Власть,— коротко ответил Шанамир и широко раскрыл глаза.— Хорошая одежда, еда, вино, драгоценности, дворцы, женщины...

— Ответственность,— мрачно продолжил Валентин,— бремя. Ты думаешь, корональ только и делает, что пьет золотое вино и участвует в процессиях? Ты думаешь, он пришел сюда для своего удовольствия?

Мальчик задумался:

— Может, и нет.

— Он правит миллиардом миллиардов людей на такой огромной территории, что трудно даже себе представить. На его плечах лежит все: проведение в жизнь декретов понтифекса, поддержание порядка и справедливости на всей планете... Мне даже подумать об этом страшно, мальчик. Он следит, чтобы мир не скатился в хаос. Я не завидую ему. Пусть делает свое дело.

Шанамир, помолчав, сказал:

— А ты не так глуп, Валентин, как я сначала подумал.

— Значит, ты посчитал меня дураком?

— Ну, простоватым, недалеким. Ты взрослый мужчина, а о некоторых вещах знаешь так мало, что я, который вдвое моложе тебя, вынужден давать тебе объяснения. Однако я, наверное, недооценил тебя. Ну что, поедем в Пидруид?

Глава 2

Валентин мог выбрать любое животное из тех, которых мальчик вел на рынок, но все они казались ему одинаковыми, так что он только сделал вид, что выбирает, и, взяв одного наугад, устроился на его спине. Приятно проехаться после столь долгой ходьбы. Сидеть было удобно, потому что этот вид выводили в течение тысячелетий, взяв за основу древних искусственных животных, созданных с помощью магии. Они были сильны, неутомимы, терпеливы и всеядны. Искусство их селекции уже давно утрачено, но теперь они размножались сами, как настоящие животные. Без них было бы довольно трудно передвигаться по Маджипуру.

Дорога на Пидруид примерно с милю шла вдоль высокого гребня, а затем резко спускалась на прибрежную равнину.

Инициативу в разговоре Валентин предоставил парню. По словам Шанамира, родился он в округе, расположенном в двух с половиной днях пути в глубь континента, на северо-востоке. Вместе с отцом и братьями он выращивает животных для продажи на рынке Пидруида, и это занятие позволяет им прилично жить. Ему тринадцать лет, и он о себе высокого мнения. Он никогда не бывал за пределами провинции, столицей которой является Пидруид, но когда-нибудь пройдет по всему Маджипуру, совершит паломничество на Остров Сна и преклонит колени перед Хозяйкой Острова Сна, пересечет Внутреннее море до Алханроэля, дойдет до подножия Замковой горы, потом отправится на юг, может быть даже за влажные тропики, в жаркие и пустынные владения Короля Снов, ибо какой смысл в обладании молодостью и здоровьем, если ты не имеешь возможности путешествовать по такому, полному чудес миру, как Маджипур...

— А ты, Валентин,— неожиданно спросил он,— кто ты, откуда и куда идешь?

Валентин был застигнут врасплох. Убаюканный болтовней мальчика и размеренным, мягким ходом животного, спускавше-

гося по широкой извилистой дороге, он не был готов к вопросам, а потому ответил только:

— Я из восточных провинций. Дальше Пидруида еще не планировал ничего. Останусь здесь, пока не появится причина уйти.

— Зачем ты идешь?

— А почему бы мне не идти?

— Ох,— вздохнул Шанамир,— ну, ладно. Уклончивый ответ я узнаю сразу. Ты младший сын герцога из Ни-мойи или Пилиплока. Ты навел на кого-то нехороший сон, тебя поймали на этом, и твой отец дал тебе кошелек с деньгами и приказал убраться куда-нибудь подальше от дома. Правильно?

— Точно,— сказал Валентин, подмигнув.

— Ты нагружен реалами и кронами и устроишься в Пидруиде как принц, будешь пить и веселиться, пока не истратишь последнюю монетку, а затем наймешь морское судно и поплывешь в Алханроэль, а оруженосцем возьмешь меня. Так или нет?

— Все верно, мой друг. Кроме денег. Эту часть твоей фантазии я не предусмотрел.

— Но хоть какие-то деньги у тебя есть? — спросил Шанамир уже более серьезно.— Ты ведь не нищий? В Пидруиде нищих не жалуют. Там не разрешают бродяжничать.

— У меня есть несколько монет,— ответил Валентин.— Их хватит, чтобы прожить до конца фестиваля и еще немного, а там видно будет.

— Если ты пойдешь в море, возьми меня с собой.

— Если пойду — возьму.

Они преодолели уже половину склона. Пидруид располагался на побережье, в огромной долине, окруженной низкими холмами. Лишь в одном месте холмы прерывались, пропуская океан в глубь суши и позволяя ему образовать сине-зеленую бухту. Так что у Пидруида была великолепная гавань.

Поздним вечером Валентин и Шанамир спустились к воде. После липкой жары приятно пахнущее дыхание прохладного, бриза доставляло особенное удовольствие. С запада к берегу уже тянулся белый туман, воздух имел резкий привкус соли и был насыщен водой, в которой всего несколько часов назад плескались рыбы и морские драконы.

Валентина потрясли размеры лежавшего перед ним города. Он не мог припомнить, видел ли когда-нибудь город больше этого. Впрочем, он не мог вспомнить очень многого.

Это был край континента. Весь Зимроэль лежал за спиной Валентина. Насколько ему было известно, он прошел его из конца в конец от одного из восточных портов — Ни-мойи или Пилиплока. Однако он знал также, что достаточно молод, и сомневался, можно ли за целую жизнь пройти пешком столь длинный путь, хотя и не помнил, чтобы у него были какие-нибудь верховые животные, если не считать того, на котором он ехал сегодня. С другой стороны, он вроде бы умел ездить верхом, так как на широкой спине животного чувствовал себя весьма уверенно, а значит, вполне возможно, что часть пути он все-таки проехал. Но все это неважно. Он здесь и не испытывает никакого беспокойства. Раз уж ему как-то удалось добраться до Пидруида, здесь он и останется, пока не появится причина отправиться дальше. Валентин не разделял жажду Шанамира к путешествиям.

Мир так велик — подумать страшно. Три больших континента среди безбрежной воды — пространство, размеры которого можно в полной мере постичь лишь во сне, да и то при пробуждении не поверить в это. Говорят, лорд Валентин, корональ, жил в замке, которому было восемь тысяч лет и в котором за каждый год его существования прибавлялось по пять комнат, и что стоял этот замок на высокой горе, буквально пронзающей небо. Ее колоссальные пики вздымались на тридцать миль, а на ее склонах располагались пятьдесят таких же больших городов, как Пидруид. Такое даже трудно себе представить. Мир был слишком огромен, слишком стар, слишком населен. «Я буду жить в этом городе, в Пидруиде,— думал Валентин,— найду способ заплатить за пищу и ночлег и буду счастлив».

— Ты, конечно же, не заказал место в гостинице? — прервал его размышления Шанамир.

— Конечно нет.

— Об этом стоило бы подумать... Из-за фестиваля в городе сейчас все забито, и корональ уже здесь. Где ты будешь спать, Валентин?

— Где-нибудь. Под деревом. На куче песка. В общественном парке. Вон направо, кажется, парк с высокими деревьями.

— Ты забыл, что я тебе говорил насчет бродяг в Пидруиде? Тебя найдут и посадят под замок на месяц, а затем ты будешь убирать навоз, а плата уборщику навоза такова, что тебе придется заниматься этим всю жизнь.

— Во всяком случае, уборка навоза — работа постоянная,— заметил Валентин.

Но Шанамир оставался серьезным.

— Есть гостиница, где останавливаются продавцы верховых животных. Попробую как-нибудь устроить тебя туда. Что бы ты делал без меня?

— Думаю, стал бы уборщиком навоза.

— Ты говоришь так, словно для тебя все это действительно не имеет никакого значения!

Мальчик коснулся уха животного, остановил его и пристально взглянул на Валентина.

— Тебя вообще хоть что-нибудь волнует, Валентин? Я тебя не понимаю. То ли ты глупец, то ли просто самый беспечный человек на Маджипуре.

— Я и сам хотел бы это знать,— сказал Валентин.

У подножия гребня дорога сливалась с трактом, который шел вниз с севера и поворачивал на запад, к Пидруиду. Новая дорога, широкая и прямая, пролегла по цветущей долине, и по бокам ее стояли низкие белые памятные доски с двойным гербом понтифекса и короналя — Лабиринтом и Горящей Звездой. Дорога, вымощенная идеально ровным, слегка пружинившим голубовато-серым материалом, была, наверное, очень древней, как и многое другое из того, что есть лучшего в этом мире.

Животные шли, не сбавляя темпа. Поскольку они были выведены искусственно, то почти не чувствовали усталости и могли без отдыха преодолеть путь от Пидруида до Пилиплока. Они не были связаны между собой, но шли вдоль края тракта точно друг за другом, почти касаясь мордами хвостов впереди идущих. Время от времени Шанамир оглядывался назад, проверяя, не отстал ли кто.

Солнце уже приняло бронзовый вечерний оттенок, и город был совсем близко.

Эта часть дороги сама по себе представляла потрясающее зрелище. С обеих сторон ее росли благородные деревья, раз в двадцать превышавшие рост человека, с гладкими стволами, одетыми темной синеватой корой, и мощными кронами блестящих зеленовато-черных листьев, острых, как кинжалы. Среди этих листьев словно маяки сияли ошеломляюще красивые гроздья красных с желтым цветов.

— Что это за деревья? — спросил Валентин.

— Огненные пальмы,— ответил Шанамир.— Пидруид славится ими. Они растут только на побережье и цветут всего одну неделю в году. Зимой с них падают кислые ягоды, из которых делают крепкое вино. Вечером попробуешь.

— Корональ выбрал подходящее время для своего прибытия.

— Я думаю, не случайно.

Двойная колоннада деревьев все тянулась, и они ехали вдоль нее, пока наконец возделанные поля вокруг не уступили место первым загородным виллам, а затем пригородным дорогам с тесно стоящими более скромными домами; им на смену пришла пыльная зона маленьких заводиков, и наконец показались древние стены самого Пидруида, рассеченные остроконечной аркой с архаичного вида бойницами.

— Врата Фалкинкипа,— возвестил Шанамир,— восточный вход в Пидруид. Мы въезжаем в столицу. Одиннадцать миллионов душ, Валентин. Здесь можно встретить все расы Маджипура, не только людей: скандаров, хьортов, лиименов и всех прочих. Говорят, есть даже меняющие форму.

— Кто это?

— Древняя раса, аборигены.

— Мы называем их как-то по-другому,— неуверенно проговорил Валентин.— Метаморфы, кажется?

— Да. Это одно и то же. Я слышал, что на востоке их называют именно так. Ты знаешь, что у тебя странный акцент?

— Не страннее твоего, приятель.

Шанамир засмеялся.

— Мне твой акцент кажется странным, а у меня его вообще нет. Ты как-то чудно выговариваешь слова. «Мы называем их метаморфами»,— передразнил он.— Вот как это у тебя звучит. Так говорят в Ни-мойе?

Валентин только пожал плечами.

— Я боюсь этих Меняющих Форму,— продолжал Шанамир,— метаморфов. Без них планета, наверное, была бы счастливее. Шныряют вокруг, имитируют других, творят зло. По мне, пусть лучше остаются на своей территории.

— В основном они так и поступают. Или я ошибаюсь?

— В основном. Но говорят, что хотя бы несколько их живут в каждом городе. Замышляют неведомо какие пакости для всех нас.

Шанамир наклонился к Валентину, схватил его за руку и серьезно посмотрел ему в лицо.

— Их можно встретить где угодно — скажем, глядящими на Пидруид с гребня горы в жаркий полдень.

— Значит, ты считаешь меня метаморфом в другом обличье?

Мальчик хихикнул:

— Докажи, что это не так!

Валентин прикинул, каким бы способом продемонстрировать свою подлинную сущность, ничего не придумал и скорчил страшную гримасу: растянул щеки, словно они были резиновыми, свернул рот в сторону и выкатил глаза.

— Вот мое настоящее лицо,— сказал он.— Ты разоблачил меня!

Оба засмеялись и через врата Фалкинкипа въехали в Пидруид.

В самом городе все казалось еще более древним. Дома были выстроены в любопытном стиле: стены изгибались наружу и выступали над крышами, крытыми растрескавшейся, местами расколотой черепицей, поросшей сеткой сочной низкой травы, густо пробивавшейся сквозь трещины.

Над городом висел тяжелый туман, было темно и холодно. Почти в каждом окне горел свет.

Главный тракт все сужался, пока наконец не превратился в очень узкую, но все еще идеально прямую улицу, по которой Шанамир повел своих животных. От нее во все стороны отходило множество других улиц, заполненных народом.

Всякая толпа была чем-то неприятна Валентину. Он не мог вспомнить, попадал ли он когда-нибудь в окружение такого множества людей. Они почти вплотную приближались к животному, толкались и пробивали себе дорогу локтями — толпа носильщиков, торговцев, моряков, мелких разносчиков, людей с холмов, которые, подобно Шанамиру, привезли на рынок животных или продукты, путешественников в нарядных плащах с яркими вышивками и вездесущих ребятишек под ногами. Фестиваль в Пидруиде!

С верхних этажей зданий через улицу были протянуты алые полотнища, украшенные изображением Горящей Звезды и ярко-зелеными приветственными надписями по случаю приезда лорда Валентина, короналя, в самую большую западную метрополию.

— Далеко еще до твоей гостиницы? — спросил Валентин.

— Осталось пройти всего полгорода. Ты проголодался?

— Немного. Может, даже больше, чем немного.

Шанамир подал знак своим животным, и они послушно отправились в тупичок между двумя аркадами, где Шанамир их и оставил. Затем он указал Валентину на крошечную грязную палатку на другой стороне улицы.

Над горящими углями висели нанизанные на вертел сосиски. Голова приземистого продавца-лиимена больше походила на молот, рябая кожа была черно-серого цвета, а его три глаза блестели, как уголь. Мальчик жестами объяснил, что им надо, и лиимен подал два вертела с сосисками и налил светло-янтарного пива.

Валентин достал толстую, яркую, сверкающую монету с зазубренным краем и положил ее на стойку. Лиимен посмотрел на нее так, словно Валентин предложил ему скорпиона.

Шанамир поспешно схватил монету, вернул ее Валентину и положил на стойку свою квадратную, медную, с треугольной дыркой в середине, после чего они ушли со своим обедом в тупичок.

— Я сделал что-то не так? — спросил Валентин.

— За твою монету можно купить самого лиимена со всеми его сосисками и месячным запасом пива! Где ты ее взял?

— В своем кошельке.

— В нем есть еще такие?

— Наверное,— пожал плечами Валентин.

Он осмотрел монету. На одной ее стороне был изображен старик, худой и морщинистый, а на другой — лицо молодое и властное. Достоинство монеты составляло пятьдесят реалов.

— Значит, она слишком ценная, чтобы ею расплачиваться? — спросил он.— Что можно на нее купить?

— Пять моих животных,— сказал Шанамир.— Целый год жить по-царски, съездить в Алханроэль и обратно. Любое из этого, а может, и еще больше. Большинству таких, как я, пришлось бы работать за нее много месяцев. Ты совсем не представляешь ценности вещей?

— Похоже, что так,— ответил Валентин, глядя вниз.

— Эти сосиски стоят десять весовых единиц. Сто весовых единиц — крона, десять крон — реал, а эта монета — пятьдесят реалов. Теперь понял? Я разменяю ее для тебя на рынке, а пока спрячь ее. Это честный город, здесь более или менее безопасно,

но с кошельком, набитым такими монетами, ты искушаешь судьбу. Почему ты мне не сказал, что у тебя целое состояние? — Шанамир от волнения сильно размахивал руками.— Думаю, потому что и сам не знал об этом. Ты удивительно наивен, Валентин. Я еще мальчик, но рядом с тобой чувствую себя мужчиной. Ты вообще что-нибудь знаешь? Известно ли тебе хотя бы, сколько тебе лет? Допивай пиво и поехали дальше.

Валентин кивнул. Сто весовых единиц — крона, десять крон — реал. Он задумался... Что ответить Шанамиру насчет возраста? Двадцать восемь? Тридцать два? Он не имел представления. Что если Шанамир спросит серьезно? «Тридцать два,— решил он.— Это хорошо звучит. Да, мне тридцать два года, и десять крон — это реал, а блестящая монета, на которой изображены старик и юноша, ценится в пятьдесят реалов».

Глава 3

Дорога в гостиницу, о которой говорил Шанамир, шла прямиком через центр Пидруида, через кварталы, даже в этот поздний час заполненные толпами возбужденного народа. Валентин поинтересовался, связано ли это с визитом короналя. Нет, ответил Шанамир, в городе всегда так, поскольку он — главный порт на западном побережье Зимроэля. Отсюда корабли уходят во все главные порты Маджипура, не только вдоль побережья, но и через Внутреннее море — в далекое путешествие к Алханроэлю, занимающее большую часть года. Кроме того, ведется даже небольшая торговля с малонаселенным южным континентом, Сувраэлем,— спаленным солнцем обиталищем Короля Снов.

Когда Валентин думал обо всем Маджипуре в целом, он ощущал на себе давление всей тяжести мира, его абсолютной массы, хотя и сознавал, что думать так глупо, потому что Маджипур — свет и воздушное пространство, гигантский пузырь на планете, лишенный видимой субстанции, и человек всегда чувствует себя плавающим на поверхности. Откуда же эта свинцовая тяжесть на спине, откуда эти приступы необоснованного страха?

Он быстро взял себя в руки, и его настроение улучшилось. Скоро он ляжет спать, а завтра настанет новый чудесный день.

— Пересечем Золотую площадь,— сказал Шанамир,— и пойдем по Дороге Воды, ведущей к пирсам. Наша гостиница в десяти минутах ходьбы по этой дороге. Площадь тебя ошеломит.

Так оно и случилось. Валентин увидел громадное четырехугольное пространство, достаточное для проведения учений сразу двух армий, со всех сторон окруженное величественными зданиями, широкие плоские фасады которых украшала инкрустация — потрясающие узоры из золотых листьев, так что при вечернем освещении огромные башни сверкали и отражали больше света, чем давали огненные пальмы.

Но оказалось, что сегодня пересечь площадь нельзя: в сотне шагов от восточного входа она была перегорожена толстым витым шнуром из красного плюша, а за ним стояли отряды чопорных и бесстрастных людей в зеленых с золотом камзолах — форме телохранителей короналя. Шанамир спрыгнул со спины животного и перекинулся несколькими словами с торговцем-разносчиком. Вернувшись, он угрюмо сказал:

— Все полностью загорожено. Да пошлет им Король Снов мучительный сон в эту ночь!

— Что случилось?

— Корональ расположился в главном дворце. Это самое большое здание — с зубчатыми золотыми завитками на стенах на той стороне площади. Никто не должен к нему приближаться. Мы не можем даже обогнуть площадь по внутреннему краю, потому что там собралась толпа, жаждущая хоть мельком увидеть лорда Валентина. Так что обходить придется далеко, на это уйдет час, если не больше. Ну ладно, спать — это не главное, я думаю. Смотри, вот он!

Шанамир указал на балкон высоко на фасаде главного дворца, где появились какие-то фигуры. На таком расстоянии они казались не больше мышей, но мышей роскошно одетых, обладавших чувством собственного достоинства. Фигур было пять, и центральная наверняка корональ.

Шанамир вытянулся и встал на цыпочки, чтобы лучше видеть. Валентин сумел разглядеть немногое: темноволосого человека, кажется, с бородой, в тяжелом белом меховом плаще поверх зеленого или светло-синего камзола. Корональ стоял у перил балкона, протянув руки к толпе, которая растопыренными пальцами изображала символ Горящей Звезды и снова и снова выкрикивала его имя:

— Валентин! Лорд Валентин!

Шанамир тоже кричал:

— Валентин! Лорд Валентин!

Валентин почувствовал дрожь отвращения.

— Подумать только! — бормотал он.— Вопят, словно само Божество спустилось пообедать в Пидруиде. Он же просто человек, не так ли? Когда его кишки полны, он опорожняет их, верно?

Шанамир был в шоке:

— Он кораль!

— Он для меня ничто, а я для него меньше, чем ничто.

— Он правит, следит за соблюдением справедливости, оберегает мир от хаоса. Ты сам говорил это. Разве все это не заслуживает уважения?

— Уважения — да, но не поклонения.

— В поклонении королю нет ничего нового. Мой отец рассказывал мне о старых временах. Короли были давным-давно, еще на Старой Земле, и я готов держать пари, Валентин, что им поклонялись куда более диким образом, чем сегодня.

— И одних утопили собственные рабы, других отравили их же первые министры, третьих задушили жены, были и такие, кого сверг народ, которому они якобы служили. И всякий раз, едва предав короля земле, о нем тут же забывали.

Валентин ощутил внутри странный жар злости и с отвращением сплюнул.

— А множество стран на Старой Земле обходилось вообще без королей. Зачем они нам на Маджипуре, эти экспансивные коронали, страшный старый понтифекс, прячущийся в своем Лабиринте, Король, посылающий скверные сны с Сувраэля? Нет, Шанамир, может, я и слишком глуп, чтобы понять это, но для меня это все не имеет смысла. Это безумие! Эти восторженные вопли! Спорю, что ничего подобного не происходит, когда по улицам проезжает мэр Пидруида!

— Нам необходимы короли,— настаивал Шанамир.— Этот мир слишком велик, чтобы им могли управлять только мэры. Нам нужны великие и могучие символы, монархи, почти равные богам,способные соединить все в единое целое. Смотри! — Мальчик указал на балкон.— Видишь маленькую фигурку в белом плаще? Это кораль Маджипура. Неужели ты не чувствуешь никакого трепета, когда я говорю это?

— Никакого.

— И ты не взволнован, зная, что в этом мире двадцать миллиардов людей и только один кораль и что сегодня ты видишь

его собственными глазами, а больше никогда не увидишь? Ты не чувствуешь благоговения?

— Нет.

— Странный ты человек, Валентин. Я никогда не встречал такого. Как может быть, чтобы человека не трогало лицезрение кораля?

— Меня не трогает,— Валентин пожал плечами. Он и сам был немного озадачен.— Пошли отсюда. Я устал от толпы. Давай найдем гостиницу.

Путь оказался долгим, потому что почти все улицы упирались в площадь и мало какие шли в обход ее. Валентин и Шанамир двигались по все расширяющейся спирали, пытаясь придерживаться западного направления, а цепочка животных, безмятежно постукивая копытами, тащилась следом за ними.

Наконец они вышли из квартала отелей и богатых магазинов в район складов и галерей, добрались до береговой черты, а затем и до захудалой гостиницы с покосившимися черными балками и потрепанной соломенной крышей, со стойлами на заднем дворе. Шанамир устроил своих животных и пошел через двор к жилью хозяина гостиницы, оставив Валентина одного.

Ждать пришлось довольно долго. Валентину казалось, что даже здесь он неясно слышит приглушенные расстоянием крики: «Валентин... Валентин... лорд Валентин!» Но это бесконечно повторяющееся имя для него ничего не значило, потому что это имя принадлежало другому человеку.

Шанамир вернулся, легко и быстро пробежав через двор.

— Все устроено. Дай мне какую-нибудь монету.

— Пятьдесят?

— Мельче, много мельче, что-нибудь вроде полкроны.

Валентин достал монеты, рассортировал их при тусклом свете лампы и протянул несколько самых потертых Шанамиру.

— За ночлег? — спросил он.

— Взятка сторожу,— ответил Шанамир.— Спальные места сегодня трудно найти. Из-за лишнего человека придется урезать количество места для остальных, и если кто-нибудь сосчитает всех по головам и пожалуется, именно сторож должен нас прикрыть. Иди за мной и помалкивай.

Они вошли в дом. На них пахнуло солоноватым воздухом и плесенью. За столом сидел жирный хьорт с серым лицом, похо-

жий на огромную жабу, и раскладывал пасьянсы. Он только поднял глаза.

Шанамир положил перед ним монеты, и хьорт чуть заметно кивнул. По всей длинной узкой комнате без окон, освещенной красноватым светом трех висевших в разных местах ламп, на полу рядами лежали матрасы, и почти все они были заняты.

— Сюда,— сказал Шанамир.

Он слегка подтолкнул один матрас носком сапога, быстро снял верхнюю одежду и лег, оставив место Валентину.

— Приятного сна,— пожелал он.

— И тебе тоже.

Валентин разделся и лег рядом. Отдаленные крики все еще звучали у него в ушах, а может, ему это только казалось.

Его удивило, насколько он устал. Да, может быть, сегодня ночью и придут сны, а за ними надо внимательно следить, чтобы понять их значение. Но сначала должен был быть глубокий сон, сон совершенно изможденного человека. А утром? Новый день. Все может случиться. Все.

Глава 4

Сон, конечно, возник где-то среди ночи.

Валентин, как его учили в детстве, несколько отстранился от сна и следил за его развитием на расстоянии. Сны имели очень важное значение; это были послания правящих миром Сил, помогающие человеку строить свою жизнь; и игнорировать их можно было лишь на свой собственный страх и риск, ибо они являлись выражением глубочайшей истины. Валентин увидел себя идущим по большой пурпурной равнине под зловещим багровым небом и раздутым янтарным солнцем. Он шел один, лицо его осунулось, глаза ввалились. Земля перед ним растрескивалась, открывая зияющие ярко-оранжевые щели, из которых, как чертики из коробки, выскакивали какие-то существа. Они визгливо смеялись над ним и быстро прятались в трещины, прежде чем те закрывались.

Вот и все. Незавершенный сон, поскольку он ни о чем не рассказывал, в нем не было ни конфликтов, ни решений. Это был только образ, странная сцена, кусочек большой картины, которая еще не явилась ему. Валентин даже не мог сказать, кто послал

этот сон: благословенная Хозяйка с Острова Сна или злобный Король Снов.

Наполовину проснувшись, он лежал, обдумывая сон, и наконец решил не придавать ему большого значения. Он ощущал какое-то странное отдаление от своего внутреннего «я», будто он и вовсе не существовал до вчерашнего дня; даже мудрость снов теперь от него скрыта.

Он снова уснул. Ничто не тревожило его, кроме недолгого, но шумного дождя, и сны больше не приходили. Разбудил Валентина теплый золотисто-зеленый свет, лившийся через открытую дверь с дальнего конца узкого длинного холла. Шанамира не было. Кроме Валентина в комнате спали еще двое.

Валентин встал, потянулся, размял руки и ноги, оделся, умылся над раковиной у стены и вышел во двор, чувствуя себя бодрым, полным сил и готовым ко всему, что принесет ему день. Утренний воздух был плотным и влажным, но теплым и прозрачным. Ночной туман исчез. С чистого неба лился жар летнего солнца.

Во дворе росли три большие вьющиеся лозы, по одной у каждой из стен. Их искривленные стволы были больше чем в обхват толщиной, глянцевые лопатообразные листья имели глубокий бронзовый оттенок, а молодая поросль — светло-красный. Лозы были усыпаны ярко-розовыми цветами, похожими на маленькие трубы, но рядом с цветами на них висели созревающие плоды — тяжелые бело-голубые ягоды, блестевшие от влаги. Валентин сорвал одну ягоду и съел. Она была сладкой, с привкусом молодого вина. Он съел вторую, потянулся было за третьей, но передумал.

Обойдя двор, Валентин заглянул в стойла и увидел животных Шанамира, спокойно жующих солому, но их хозяина не было — наверное, убежал по делам.

До Валентина донесся запах жареной рыбы, и он тут же почувствовал, что голоден, открыл расшатанную дверь и оказался в кухне, где маленький усталый человек готовил завтрак для полудюжины постояльцев различных рас. Он равнодушно взглянул на Валентина.

— Я опоздал к еде? — мягко спросил Валентин.

— Садись. Рыба и пиво. Тридцать весовых единиц.

Валентин нашел монету в полкроны и положил на плиту. Повар отсчитал несколько медяков сдачи и бросил второй кусок рыбного филе на сковородку. Валентин сел у стены. Несколько

позавтракавших собрались уходить. Стройная, гибкая девушка с коротко остриженными черными волосами задержалась около Валентина:

— Пиво в этом кувшине. Обслуживай себя сам.

— Спасибо,— ответил Валентин, но она уже вышла.

Он налил полную кружку. Пиво было крепкое, с резким привкусом. Через минуту он получил зажаренную до хруста, на удивление вкусную рыбу и быстро ее съел.

— Еще,— сказал он повару.

Повар мрачно посмотрел на него, но возражать не стал.

Во время еды Валентин заметил, что сидящий за соседним столиком хьорт, толстый, с одутловатым лицом, пепельной рябой кожей и большими выпуклыми глазами, внимательно разглядывает его. Валентину это было неприятно, и через какое-то время он искоса взглянул на хьорта. Тот заморгал и быстро отвел глаза, но вскоре снова повернулся к Валентину и спросил:

— Только что прибыл?

— Ночью.

— Надолго?

— До конца фестиваля, во всяком случае.

В этом хьорте было нечто такое, что инстинктивно не нравилось Валентину. Возможно, виной всему — внешность, поскольку Валентин считал хьортов непривлекательными, грубыми и надменными созданиями. Конечно, думать так нехорошо: ведь хьорты не виноваты, что так выглядят, и люди, наверное, в свою очередь кажутся им бледными существами с отвратительно гладкой кожей.

А может быть, Валентину не нравилось вмешательство в его жизнь — пристальные взгляды, вопросы. А может, и то, что кожу хьорта украшали жирные полосы оранжевого пигмента. Так или иначе, но он вызывал у Валентина ощущение тошноты и одновременно беспокойства. Однако, устыдившись своих мыслей и не желая казаться необщительным, он заставил себя улыбнуться:

— Меня зовут Валентин. Я из Ни-мойи.

— Далеко забрался,— отозвался хьорт, шумно пережевывая пищу.

— Ты живешь неподалеку?

— Немного южнее Пидруида. Звать Виноркис. Торгую шкурами.

Он занялся своим завтраком, но через минуту снова переключил внимание на Валентина, пристально уставившись на него своими рыбьими глазами.

— Ты путешествуешь с этим мальчиком?

— Нет. Я встретил его на пути в Пидруид.

Хьорт кивнул:

— После фестиваля вернешься в Ни-мойю?

Вопросы начали надоедать Валентину, но ему все еще не хотелось показаться невежливым даже по отношению к столь навязчивому хьорту.

— Еще не знаю,— ответил он.

— Значит, думаешь остаться здесь?

Валентин пожал плечами:

— Я вообще ничего не планирую.

— М-м-м,— промычал Виноркис,— хороший образ жизни.

Из-за гнусавости хьорта трудно было понять, с одобрением он высказался или с саркастическим осуждением. Но Валентина это мало беспокоило. Решив, что все приличия соблюдены, он замолчал. У хьорта, по-видимому, хватило ума прекратить разговор. Он покончил с завтраком, со скрипом отодвинул стул и неуклюже, как все хьорты, поплелся к двери, бросив напоследок:

— Теперь — на рыночную площадь. Еще увидимся.

Валентин вышел во двор. Там шла очень странная игра. У дальней стены стояли восемь фигур и перебрасывались кинжалами. Шестеро были скандарами, крупными косматыми существами с четырьмя руками и грубой серой кожей, а двое — людьми, которых Валентин видел за завтраком, когда вошел в кухню: стройная темноволосая девушка и худой мужчина со строгим взглядом, удивительно белой кожей и длинными белыми волосами.

Кинжалы летали с ошеломляющей быстротой, сверкая в утреннем солнце; на всех лицах было угрюмо-сосредоточенное выражение. Никто ни разу не уронил кинжал, никто не схватил его за острие, и Валентин даже не мог сосчитать, сколько же кинжалов носилось взад и вперед. Их, казалось, постоянно бросали и хватали, все руки были заняты, и все больше оружия мелькало в воздухе. Он подумал, что это жонглеры отрабатывают номер, готовясь к выступлению на фестивале.

Скандары, четырехрукие и тяжеловесные, демонстрировали невероятную ловкость, но мужчина и женщина не уступали им

и жонглировали столь же искусно. Валентин стоял на безопасном расстоянии, зачарованно следя за летающими кинжалами.

Затем один из скандаров крикнул:

— Хоп!

И все перемешалось: шесть чужаков начали бросать кинжалы только друг другу, все увеличивая скорость, а двое людей отошли в сторону.

Девушка улыбнулась Валентину.

— Эй, давай с нами!

— Что?

— Сыграй с нами!

Глаза ее лукаво блеснули.

— Опасная, я бы сказал, игра.

— Все игры опасны. Лови!

Она без предупреждения бросила ему кинжал.

— Как тебя звать, парень?

— Валентин,— выдохнул он и отчаянно схватил кинжал за рукоятку, когда тот пролетал мимо его уха.

— Неплохо,— похвалил беловолосый.— А ну-ка этот!

И тоже метнул кинжал.

Валентин засмеялся, поймал его уже с большей ловкостью и встал, держа по кинжалу в каждой руке.

Скандары, совершенно не обращая внимания на эту сцену, методично продолжали обмениваться каскадом кинжалов.

— Верни бросок,— приказала девушка.

Валентин нахмурился и бросил излишне осторожно, боясь задеть ее. Кинжал описал слабую дугу и упал к ногам девушки.

— Мог бы и лучше,— усмехнулась она.

— Извини.

Другой кинжал он послал с большей силой. Она спокойно поймала его, выхватила еще один у беловолосого и метнула их один за другим Валентину. Думать было некогда — он быстро схватил оба. На лбу выступил пот, но Валентин уже вошел в ритм.

— Давай,— велела девушка.

Он бросил ей один кинжал, второй, поймал от беловолосого третий и послал его в воздух, а к нему уже летели два других.

Лучше бы они были игровыми, тупыми, но он знал, что это не так, и очень волновался. Это занятие вызывало автоматическую реакцию, заставляло его сосредоточиться и, не упуская из виду подлетающий кинжал, вовремя отправлять другой.

Валентин двигался размеренно, ловил и бросал, ловил и бросал, и все время один кинжал летел к нему, а другой от него.

Валентин понял, что настоящий жонглер должен работать обеими руками одновременно, но он не был жонглером, так что ухитрялся только скоординировать хватку и бросок, и делал это хорошо, лишь иногда гадая, скоро ли совершит неизбежный промах и будет ранен.

Жонглеры смеялись и убыстряли темп. Он тоже смеялся с ними, бросал и ловил еще добрых две или три минуты, пока не почувствовал, что от напряжения его рефлексы слабеют. Пора было остановиться.

Он хватал и намеренно ронял кинжалы, пока все три не легли у его ног, а затем наклонился над ними, хлопая себя по бедрам и тяжело дыша.

Его партнеры зааплодировали.

Скандары не замедляли чудовищную скорость бросков. Но вот один из них снова крикнул:

— Хоп!

Секстет чужаков, не произнося ни слова, танцующей походкой двинулся прочь, к спальным помещениям.

Молодая женщина подошла к Валентину.

— Я — Карабелла,— представилась она.

Она была не выше Шанамира и совсем молода. В ее маленьком мускулистом теле играла неукротимая жизненная сила. Она была одета в плотно облегающий светло-зеленый камзол и брюки, на шее сверкала тройная нитка полированных раковин. Глаза ее были такими же темными, как и волосы. Она улыбалась тепло и приветливо.

— Ты раньше жонглировал, приятель? — спросила Карабелла.

— Никогда,— ответил Валентин и вытер вспотевший лоб.— Тяжелый спорт. Удивляюсь, как я не порезался.

— Никогда не жонглировал? — вскричал блондин.— Только природная ловкость и больше ничего?

— Полагаю, что именно так,— пожав плечами, кивнул Валентин.

— Возможно ли это? — удивился блондин.

— Думаю, да,— сказала Карабелла.— Он хорош, Слит, но не в форме. Ты же видел, как двигаются его руки. Чуточку нервно, чуточку жадно, они не ждут, когда рукоятка окажется в нужном месте. А его броски? Поспешные, дикие. Ни один из тех,

кто когда-либо тренировался, не мог бы так легко имитировать неуклюжесть. Да и зачем? У этого Валентина хороший глаз, Слит, но он сказал правду. Он никогда не жонглировал.

— Глаз у него более чем хороший,— пробурчал Слит,— а его проворству можно позавидовать. У него дар.

— Откуда ты? — спросила Карабелла.

— С востока,— неопределенно ответил Валентин.

— Я так и думала. Ты говоришь как-то странно. Ты из Велатиса или, может быть, из Кинтора?

— Из тех краев.

Уклончивость ответов не ускользнула от Карабеллы и Слита. Они переглянулись.

Валентин подумал, не отец ли это с дочерью. Пожалуй, нет. Слит вовсе не так стар, как это казалось с первого взгляда. Скорее всего, примерно средних лет. Белизна кожи и волос увеличивала его возраст. Он был крепким, подтянутым, с тонкими губами и короткой остроконечной бородкой. От уха до подбородка шел шрам, уже бледный, но еще вполне отчетливый.

— А мы с юга,— сказала Карабелла.— Я из Тил-омона, а Слит из Нарабаля.

— Вы приехали выступать на фестивале короналя?

— Именно. Нас только что нанял в свою труппу скандар Залзан Кавол — во исполнение недавнего указа короналя относительно найма людей. А ты? Что привело тебя в Пидруид?

— Фестиваль.

— Хочешь найти работу?

— Просто посмотреть на игры и парад.

Слит понимающе засмеялся.

— Не стесняйся нас, друг. Нет ничего дурного в том, чтобы продавать животных на рынке. Мы видели, как ты приехал с мальчиком прошлой ночью.

— Нет, я только вчера познакомился с юным погонщиком, когда подходил к городу. Это его животные. Я просто пришел с ним в гостиницу, потому что я здесь чужой. У меня нет никакого товара.

В дверях показался один из скандаров — гигантского роста, раза в полтора выше Валентина, страшно неуклюжий, с тяжелой челюстью и узкими желтыми глазами. Его четыре руки свисали до самых коленей, кисти походили на громадные корзины.

— Идите в дом! — резко крикнул он.

Слит поклонился и поспешил туда. Карабелла помедлила, улыбаясь Валентину.

— Ты очень странный,— сказала она.— Ты не врешь, но и правды не говоришь. Я думаю, ты и сам мало что знаешь о собственной душе. Но ты мне нравишься. От тебя исходит свет, ты знаешь это, Валентин? Свет невинности, простоты, тепла и еще чего-то — не пойму.

Она почти робко коснулась двумя пальцами его руки.

— Да, ты мне нравишься. Может быть, мы еще будем жонглировать.

И побежала за Слитом.

Глава 5

Валентин был один. Шанамир куда-то исчез.

Он очень хотел бы провести день с жонглерами и с Карабеллой, но надеяться на это не приходилось. У него не было никаких планов, и это смущало его, но не слишком, ведь он мог осмотреть совершенно не знакомый ему Пидруид.

Валентин отправился бродить по извилистым улицам, полным зелени. Пышные лианы и деревья с толстыми поникшими ветвями росли повсюду, радуясь влажному теплу. Издалека доносились звуки музыки, если так можно назвать эту странную, не самую приятную мелодию,— возможно, шла подготовка к большому параду. Ручеек пенившейся воды бежал по сточной канаве, где резвилась дикая живность Пидруида — минтоны, чесоточные собаки и маленькие шипоносные дроли.

В этом перенаселенном городе все и вся — даже бездомные животные — имели какие-то важные дела и торопились их сделать. Все, кроме Валентина, который шел бесцельно, не выбирая дороги. Он останавливался, чтобы заглянуть то в какую-нибудь темную лавочку с грудами отрезов и гирляндами образцов ткани, то в какой-то заплесневелый склад пряностей, то в зажатый между двумя высокими узкими зданиями ухоженный, элегантный сад с цветами всевозможных оттенков. Прохожие глядели на него как на чудо, потому что он мог позволить себе роскошь прогуливаться без дела.

На одной из улиц он остановился посмотреть на детей, разыгрывавших что-то вроде пантомимы. Мальчик с полоской ткани

золотистого цвета на лбу стоял в центре и делал угрожающие жесты, а остальные танцевали вокруг него, делая вид, что боятся, и пели:

Старый Король Снов
На троне своем сидит —
Он никогда не спит,
Громких не любит слов.
Если кто-нибудь день
Неправедно проведет,
Старый Король во сне
Страх на него нашлет.
Неумолим и суров,
С сердцем-камнем в груди,
За каждым из нас следит
Старый Король Снов*.

Заметив, что Валентин за ними наблюдает, дети повернулись к нему и принялись отчаянно жестикулировать, гримасничать, поднимать руки и указывать на него. Он засмеялся и пошел дальше.

К середине утра он пришел в порт.

Длинные пирсы выдавались далеко в гавань, и все здесь, казалось, бурлило и кипело. Докеры четырех или пяти рас разгружали корабли, пришедшие из двадцати портов всех трех континентов. Работы было столько, что для перетаскивания тюков с товарами на пристань, а оттуда на склады нанимали временных рабочих. Шум стоял жуткий, а когда приходилось перемещать особенно крупные тюки, совершались поистине головокружительные маневры. Валентин следил за всем этим с пристани, когда вдруг почувствовал резкий удар между лопатками. Обернувшись, он увидел толстомордого темпераментного хьорта, размахивавшего руками и показывавшего на пирс.

— Давай туда,— приказал он.— Нам нужно еще шестерых для разгрузки корабля из Сувраэля!

— Но я не...

— Быстро! Пошевеливайся!

Ладно. Валентин не был расположен спорить. Он пошел на пирс и присоединился к грузчикам, которые ревели и рычали, спуская вниз живой груз — скот. Валентин тоже ревел и рычал с ними до тех пор, пока животные, длинномордые годовалые

* Здесь и далее стихи в литературной обработке В. М. Рошаль.

блавы, не оказались на пути к скотным дворам или к бойням. Затем он быстро ускользнул и двинулся по набережной к пустому пирсу.

Там он постоял несколько минут, прищурившись глядя через гавань на бронзово-зеленый, белопенный океан, словно пытался разглядеть за горизонтом Алханроэль и его Горный Замок, поднявшийся к небесам.

Разумеется, Алханроэль не был виден. Его отделяли отсюда десятки тысяч миль океана, такого широкого, что между берегами двух континентов некоторые из планет могли бы разместиться целиком.

Валентин взглянул под ноги, гадая, что лежит на той стороне планеты, если смотреть по прямой, и решил, что, наверное, западная половина Алханроэля. География представлялась ему наукой туманной и запутанной. Ему казалось, что он забыл очень многое из того, что учил в школе, и хотелось вспомнить хоть что-нибудь.

Возможно, он теперь находился как раз диаметрально против страшного Лабиринта, убежища понтифекса — старого и скрытного Великого монарха. А может быть, и это тоже вероятно, прямо под ногами Валентина лежит Остров Сна, где живут ласковая Хозяйка и ее вечно поющие жрецы и жрицы, что отправляют благословенные послания всем спящим мира.

Валентин с трудом мог поверить, что такие места существуют, что в мире есть такие персонажи и такие Силы, как понтифекс, Повелительница Снов, Король Снов и даже корональ, хотя он, Валентин, лишь несколько часов назад видел короналя своими глазами. Эти властители казались мифическими. Реальностью были доки Пидруида, гостиница, где Валентин спал, жареная рыба, жонглеры, мальчик Шанамир и его животные, а все остальное — фантазия, мираж.

Стало жарко и душно, хотя с моря дул приятный ветерок. Валентин опять проголодался. На краю набережной он за пару медяков купил полоски голубой рыбы, маринованной в горячем пряном соусе, а запил ее чашей огненного вина поразительно золотистого цвета и на вкус более обжигающего, чем острый соус. Затем он решил вернуться в гостиницу, но обнаружил, что не помнит ни названия гостиницы, ни улицы и знает лишь, что это недалеко от портового квартала. Невелика потеря, если и не удастся найти гостиницу: все его имущество при нем. Но

Валентин никого не знал в Пидруиде, кроме Шанамира и жонглеров, и ему не хотелось так скоро расстаться с ними.

Он пошел обратно и быстро запутался в лабиринте одинаковых улочек и переулков, пересекавших Дорогу Воды.

Он три раза набредал на гостиницы, но каждый раз, подходя ближе, убеждался, что пришел не туда. Время шло, было уже, наверное, часа два дня, и Валентин понял, что все его поиски напрасны. Ему стало грустно, когда он подумал о Карабелле, о прикосновении ее пальцев, о ловкости ее рук, когда она бросала ножи, о блеске ее темных глаз. «Но что пропало, то пропало,— утешал себя он.— И что пользы оплакивать потерянное? Придется искать новую гостиницу и новых друзей, пока не стемнело».

Он повернул за угол и оказался на рынке.

Это было обширное огороженное пространство, почти столь же громадное, как и Золотая площадь, только здесь стояли не дворцы с башнями и отели с золочеными фасадами, а лишь бесконечные ряды крытых черепицей навесов, открытых скотных дворов и лавчонок. Здесь скопились все ароматы и все зловоние мира и была выставлена для продажи половина существующих на свете товаров.

Под навесами на громадных крюках висели туши. Другие участки занимали мешки с пряностями. В одном загоне стояли поразительные птицы-прядильщики, возвышавшиеся над скандарами на своих несуразных ярких ногах. Они клевали и лягали друг друга, в то время как вокруг них спорили торговцы яйцами и шерстью. Рядом сверкали емкости с блестящими змеями, свисавшими и извивавшимися, как потоки злобного пламени. Поодаль продавались выпотрошенные морские драконы, сваленные в дурно пахнущие кучи.

Вот место для общественных писцов, которые писали за неграмотных, а тут — менялы, быстро обменивавшие деньги дюжины миров, а здесь — ряд совершенно одинаковых ларьков с сосисками, и в каждом похожие друг на друга лиимены крутят вертела над дымящимися углями.

Тут были и предсказатели судьбы, и колдуны, и жонглеры,— только не те, кого знал Валентин,— и сидевшие на корточках рассказчики, за несколько медяков повествовавшие о сложных и малопонятных приключениях жившего восемь тысяч лет назад лорда Стиамота, знаменитого короналя, чьи деяния стали уже мифом. Валентин послушал минут пять, однако так и не уловил

смысл рассказа, который приводил в такое восхищение пятнадцать или двадцать бездельников.

Он пошел дальше — мимо балаганчика, где золотоглазый вруун наигрывал на серебряной флейте нехитрую мелодию, чтобы очаровать какое-то трехголовое существо в плетеной корзинке, мимо ухмылявшегося мальчишки лет десяти, зазывавшего его играть в раковины и бусы, мимо ряда разносчиков, продававших флаги с изображением Горящей Звезды короналя, мимо факира, подвешенного над чаном с каким-то мерзким горячим маслом, мимо ряда толкователей снов, мимо прохода, забитого продавцами лекарств, мимо места переводчиков, мимо продавцов драгоценностей и, наконец, повернув за угол, где торговали всевозможной одеждой, дошел до скотного двора, где продавали верховых животных.

Сотни, если не тысячи сильных пурпурных животных спокойно стояли бок о бок, равнодушно взирая на все, что происходило вокруг.

Здесь было что-то вроде аукциона, но Валентин скоро понял, что разобраться в его ходе так же трудно, как в легенде о лорде Стиамоте. Продавцы и покупатели стояли двумя длинными рядами лицом друг к другу, рубили ребром ладони по запястьям, гримасничали, постукивали сжатыми кулаками и делали внезапный рывок локтем назад. Не произносилось ни одного слова, однако общение, и активное, явно шло, потому что писцы, стоявшие позади рядов, все время составляли акты продажи. Запись подтверждалась отпечатком пальца, окунутого в зеленые чернила, и торопливые клерки привязывали бирку с печатью Лабиринта понтифекса к бедру то одного, то другого животного.

Двигаясь вдоль линии аукциона, Валентин наконец наткнулся на Шанамира, который яростно стучал кулаками, дергал локтями и рубил покупателя по запястью. Через минуту все было кончено, и мальчик выскочил из ряда с радостными воплями. Он схватил Валентина за руку и в восторге завертелся вокруг него.

— Все продал! Все продал! И за высокую цену!

Он держал пачку расписок, выданных ему писцом.

— Пойдем со мной в казначейство, а потом нам останется только играть! Ты поздно встал?

— Наверное, поздно. Гостиница была почти пуста.

— Я пожалел тебя и не стал будить. Ты храпел, как блав. Что ты сегодня делал?

— Главным образом осматривал порт. Я пытался вернуться в гостиницу и случайно вышел на рыночную площадь. Мне повезло, что я набрел на тебя.

— Еще десять минут — и ты потерял бы меня навеки,— сказал Шанамир.— Вот сюда.

Он сжал запястье Валентина и потянул его к высокой светлой аркаде, где клерки за решеткой меняли расписки на деньги.

— Давай твои полсотни,— шепнул он.— Я здесь их разменяю.

Валентин отдал толстую блестящую монету и отошел в сторону, а мальчик встал в очередь. Через несколько минут Шанамир вернулся.

— Это твои,— сказал он и высыпал в раскрытый кошелек Валентина целый ливень монет — несколько по пять реалов и множество крон.— А это мои,— добавил он, лукаво улыбаясь и показывая три большие монеты по пятьдесят реалов, вроде той, которую он только что разменял для Валентина. Их он спрятал в пояс под камзолом.

— Выгодное путешествие! Во время фестиваля все с легкостью тратят свои деньги. Пошли! Вернемся в гостиницу и отпразднуем это флягой огненного вина, а? За мой счет!

Гостиница, как оказалось, была всего в пятнадцати минутах ходьбы от рынка. Как только они вышли на ту улицу, Валентин сразу узнал ее. Он подозревал, что в своих бесплодных поисках прошел мимо нее. Но теперь это было неважно — он здесь, а Шанамир рядом. Мальчик обрел свободу, избавившись от своих животных, и радовался полученной за них цене. Он болтал о том, что собирается делать в Пидруиде, прежде чем вернется домой. Программа была насыщенной: танцы, игры, выпивка, представления.

Когда они сидели в таверне, попивая вино за счет Шанамира, появились Слит и Карабелла.

— Можно присоединиться к вам? — спросил Слит.

— Это жонглеры из труппы скандаров, которая будет участвовать в параде,— объяснил Валентин Шанамиру.— Я познакомился с ними утром.

Он представил их друг другу. Жонглеры сели, и Шанамир предложил им вина.

— Ты был на рынке? — обратился к нему Слит.

— Был и все продал за хорошую цену.

— А теперь что? — поинтересовалась Карабелла.

— Побуду несколько дней на фестивале,— ответил мальчик,— а потом, наверное, домой, в Фалкинкип.

Он чуточку приуныл, подумав об этом.

— А ты? — Карабелла взглянула на Валентина.— Какие у тебя планы?

— Посмотреть фестиваль.

— А потом?

— Там видно будет.

Вино закончилось. Слит резко махнул рукой, и появилась вторая фляжка. Ее щедро разлили по кругу. Валентин почувствовал покалывание в языке от жгучей жидкости и легкое головокружение.

— А ты не хотел бы стать жонглером и войти в нашу труппу? — спросила Карабелла.

Валентин даже испугался:

— Я не умею!

— У тебя природные способности,— возразил Слит,— только нет навыка. Это мы с Карабеллой берем на себя. Ты быстро научишься, могу поклясться.

— Я буду путешествовать с вами, вести жизнь бродячего артиста и ходить из города в город?

— Точно.

Валентин взглянул через стол на Шанамира. Глаза мальчика сияли, и Валентин почти физически ощутил его возбуждение и зависть.

— Но с какой стати? — спросил он.— Зачем приглашать чужеземца, новичка?

Карабелла сделала знак Слиту, и тот быстро вышел из-за стола.

— Залзан Кавол объяснит,— сказала она.— Это не каприз, а необходимость. Нам не хватает рук, Валентин, и ты нам нужен. К тому же тебе все равно нечего делать. Ты, кажется, в этом городе случайно. Мы предлагаем тебе сотрудничество и заработок.

Через минуту Слит вернулся с гигантом-скандаром. Массивная, высоченная фигура Залзана Кавола внушала почтение. Он с трудом поместился за столом, и сиденье под ним угрожающе затрещало.

Скандары пришли из какого-то далекого, продуваемого ветром ледяного мира и, хотя они жили на Маджипуре уже тысячи лет, выполняя тяжелые работы, требовавшие большой силы и необычайной быстроты реакции, в теплом климате Маджипура всегда выглядели злобными и недовольными. Может быть, все дело в природных чертах их лиц, думал Валентин, но тем не менее считал скандаров неприятным и мрачным племенем.

Скандар налил себе вина двумя внутренними руками, а другую пару рук раскинул через стол, словно хотел обхватить его и придвинуть к себе.

— Я видел, как ты утром кидал ножи со Слитом и Карабеллой,— произнес он грубым громовым голосом.— Ты можешь нам пригодиться.

— Каким образом?

— Мне нужен третий жонглер-человек, и быстро. Ты знаешь, что новый корональ издал недавно указ о выступающих на публике?

Валентин улыбнулся и пожал плечами.

— Это глупо и бессмысленно,— сказал Залзан Кавол,— но корональ молод и, я думаю, пускает стрелы куда попало. Был указ, что во всех артистических труппах, состоящих более чем из трех индивидуумов, одну треть должны представлять граждане Маджипура человеческой расы. Указ вступает в силу уже в этом месяце.

— Такой указ,— вмешалась Карабелла,— не даст ничего, кроме межрасовой вражды на планете, где все расы тысячелетиями жили мирно.

Залзан Кавол нахмурился:

— Тем не менее указ существует. Наверное, какие-нибудь шакалы в Замке напели этому лорду Валентину, что другие расы слишком многочисленны, что люди Маджипура голодают, когда мы работаем. Глупость, и глупость опасная. В обычное время никто и внимания не обратил бы на такой указ, но тут фестиваль в честь короналя, и если мы хотим, чтобы нам разрешили выступать, мы должны подчиниться правилам, пусть даже идиотским. Я и мои братья много лет зарабатываем на хлеб жонглерством, и это не вредило ни одному человеку, но теперь мы должны пополнить труппу. Я нашел в Пидруиде Слита и Карабеллу и включил их в нашу программу. Сегодня второй день. Через четыре дня мы выступаем на параде, и мне нужен третий человек. Хочешь стать нашим учеником, Валентин?

— Но смогу ли я научиться жонглировать за четыре дня?

— Ты будешь просто учеником,— ответил скандар.— Мы подберем тебе какой-нибудь жонглерский номер для парада, чтобы ты не осрамил ни себя, ни нас. Насколько я понимаю, закон не требует, чтобы все члены труппы одинаково владели мастерством. Главное, чтобы трое были людьми.

— А после фестиваля?

— Пойдешь с нами из города в город.

— Вы обо мне ничего не знаете, а приглашаете меня разделить вашу жизнь.

— Я ничего о тебе не знаю и не хочу знать. Мне нужен жонглер твоей расы. Я буду оплачивать твой ночлег и стол там, куда мы придем, и, кроме того, платить тебе десять крон в неделю. Согласен?

Глаза Карабеллы странно вспыхнули, как будто она хотела сказать: «Ты можешь попросить и получить вдвое больше, Валентин». Но деньги для него мало значили. Ему достаточно иметь пищу и место для сна. Он будет рядом со Слитом и Карабеллой — с двумя из троих людей, которых он знал в этом городе и — как он с некоторым смущением признался себе — во всем мире. Потому что прошлого у него не было. Лишь какие-то смутные воспоминания о родителях, о кузенах и сестрах, о детстве где-то на востоке Зимроэля, о школе и путешествиях — но ничто из этого не казалось ему реальным, ничто не имело плоти и сути. И в будущем его тоже ждала пустота. Эти жонглеры обещали наполнить ее. Но только...

— Одно условие,— сказал он.

— Какое? — спросил Залзан Кавол с недовольным видом.

Валентин кивнул на Шанамира.

— Я думаю, этому парнишке надоело разводить животных в Фалкинкипе и он наверняка мечтает о путешествиях. Я прошу, чтобы ты принял его в свою труппу как...

— Валентин! — вскричал мальчик.

— ...Как грума или слугу или даже как жонглера, если у него получится,— продолжил Валентин.— Если он хочет быть с нами, прими его вместе со мной. Примешь?

Залзан Кавол помолчал, как бы прикидывая, и откуда-то из глубин его громоздкого тела вырвался едва слышный рычащий звук. Затем он спросил Шанамира:

— Тебя это сколько-нибудь интересует, парень?

— Меня-то? Еще бы!

— Этого я и боялся,— угрюмо пробурчал скандар.— Значит, решено. Мы нанимаем вас обоих за тринадцать крон в неделю плюс ночлег и пища. Идет?

— Идет,— ответил Валентин.

— Идет! — вскричал Шанамир.

Залзан Кавол проглотил остатки огненного вина.

— Слит, Карабелла, ведите этого иноземца во двор и начинайте делать из него жонглера. А ты, парень, пойдешь со мной. Я хочу, чтобы ты посмотрел на наших животных.

Глава 6

Они вышли. Карабелла побежала за снаряжением. Валентин любовался ее изящными движениями и представлял, как играют под одеждой гибкие мышцы. Слит сорвал голубовато-белую ягоду с какой-то лозы и кинул ее в рот.

— Что это? — спросил Валентин.

Слит бросил ему ягоду.

— Токка. В Нарабале, откуда я родом, лоза токки прорастает за одно утро и к вечеру достигает высоты дома. Правда, в Нарабале благодатная почва и каждый день на заре идут дожди. Еще?

— Если можно.

Быстрым, еле заметным движением кисти Слит бросил ягоду. Он был поджарым человеком, без единой унции лишней плоти, с точными движениями, с сухим, хорошо поставленным голосом.

— Жуй семена,— посоветовал он.— Они усиливают мужественность.— И слегка усмехнулся.

Карабелла вернулась с множеством разноцветных резиновых мячей, которыми она жонглировала по дороге, не сбиваясь с шага. Она кинула один мяч Валентину, три — Слиту, а три оставила себе.

— Не ножи? — удивился Валентин.

— Ножи для выступления. А сегодня мы займемся основами,— ответил Слит,— философией искусства. Ножи будут отвлекать.

— Как это — философией?

— Ты думаешь, что жонглирование — просто трюк? — обиженно спросил маленький человек.— Развлечение для зевак?

Средство заработать пару крон на провинциальном карнавале? Все это так, но прежде всего это образ жизни, друг мой, кредо, объект поклонения.

— И своего рода поэзия,— добавила Карабелла.

Слит кивнул.

— Да, и поэзия тоже, и математика. Жонглирование учит расчету, контролю, равновесию, осознанию положения вещей и основам структуры движения. Тут есть беззвучная музыка. Но превыше всего — дисциплина. Я говорю слишком высокопарно?

— Может, это звучит и высокопарно,— сказала Карабелла,— но все, что он сказал,— правда.

Она озорно блеснула глазами:

— Ты готов начать?

Валентин кивнул.

— Сначала успокойся,— начал урок Слит,— очисти мозг от всех ненужных мыслей и расчетов. Войди в центр своего существа и заставь себя оставаться там.

Валентин принял устойчивую позу, трижды глубоко вздохнул, расслабил плечи, чтобы не чувствовать своих болтавшихся рук, и прислушался к себе.

— Я думаю,— сказала Карабелла,— что этот человек живет большую часть времени в центре своего «я». А может, у него нет центра и поэтому он не может отойти далеко?

— Ты готов? — спросил Слит.

— Готов.

— Мы будем учить тебя основам постепенно, каждый раз по чуть-чуть. Жонглирование — это множество отдельных, быстро сменяющихся в определенной последовательности мелких движений, что создает впечатление постоянства и одновременности, единого потока. Одновременность — иллюзия, приятель, когда ты жонглируешь и даже когда не жонглируешь. Все события происходят по очереди.

Слит холодно улыбнулся. Казалось, что он говорил с расстояния в десятки тысяч миль.

— Закрой глаза, Валентин. Ориентация в пространстве и времени очень важна. Думай, где ты находишься и каково твое положение относительно мира.

Перед мысленным взором Валентина возник Маджипур, могучий шар, висящий в пространстве. Половина его, если не больше, поглощена Великим океаном. Валентин представил себя,

крепко стоящего на краю Зимроэля. Позади была вода, а перед ним развернулся континент, и на поверхности Внутреннего моря виднелась точка — Остров Сна, а дальше — Алханроэль, и громадная выпуклость Горного замка, и солнце, желтое с бронзово-зеленым оттенком, посылающее испепеляющие лучи на пыльный Сувраэль и на тропики и греющее все остальное, и луны где-то далеко, и еще дальше — звезды и другие миры, те миры, откуда пришли скандары, хьорты, лиимены и все прочие, и даже тот мир, откуда эмигрировал народ Валентина четырнадцать тысяч лет назад,— Старая Земля, маленькая голубая планета, невероятно крохотная по сравнению с Маджипуром. Она очень далеко, где-то на другом конце Вселенной и почти забыта всеми.

Валентин отстранился от звезд и вернулся обратно в этот мир, на этот континент, в этот город, в эту гостиницу, в этот двор, на этот маленький клочок влажной плодородной земли, в которой утопали его сапоги, и сказал Слиту, что готов.

Слит и Карабелла стояли, согнув руки, прижав локти к бокам, раскрыв ладони, в правой держа мячи. Валентин принял такую же позу.

— Представь,— сказал Слит,— что у тебя в руках поднос с драгоценными камнями. Если ты будешь двигать плечами или локтями, поднимать или опускать кисти рук, камни рассыплются. Понятно? Секрет жонглирования состоит в том, чтобы тело оставалось почти неподвижным. Двигаются вещи и ты управляешь ими, но при этом сам почти не шевелишься.

Мяч Слита неожиданно перелетел из правой руки в левую, хотя в теле Слита не было даже намека на движение. Мяч Карабеллы сделал то же. Валентин, подражая им, перебросил мяч из одной руки в другую, чувствуя усилие и движение.

Карабелла пояснила:

— Слишком активно пользуешься запястьем и локтем тоже. Раскрой ладонь, расставь пальцы. Ты выпускаешь пойманную птицу. Так. Рука раскрыта — птица летит вверх.

— Запястье совсем не работает? — спросил Валентин.

— Чуть-чуть и незаметно. Толчок исходит от ладони. Вот так.

Валентин попробовал. Едва ощутимые движения предплечья вверх, мимолетное сжатие запястья, толчок центром ладони и из центра самого существа Валентина. Мяч перелетел в согнутую левую ладонь.

— Так,— кивнул Слит.— Еще раз.

Еще раз, и еще, и еще... Пятнадцать минут все трое перекидывали мячи из одной руки в другую. Они заставляли Валентина посылать мяч по почти неизменной дуге перед лицом и не позволяли ни поднимать, ни поворачивать голову, чтобы следить за мячом. Руки ждут, мяч летает. Через какое-то время Валентин стал делать это автоматически.

Из стойл вышел Шанамир и ошеломленно уставился на целеустремленные полеты мячей, а затем поплелся прочь.

Валентин не останавливался. Пусть это перебрасывание одного мяча мало походило на жонглирование, но сейчас для него и это было событием, которое поглотило его целиком.

Потом он заметил, что Слит и Карабелла остановились, что он продолжает один и действует как машина.

— Лови,— крикнул Слит и бросил ему только что сорванную ягоду токки.

Валентин поймал ее в промежутке между бросками мяча и держал, как бы в раздумье, не следует ли жонглировать и ею, но Слит жестом пояснил, что ягоду нужно съесть — это его награда, премия.

Карабелла бросила ему второй мяч в левую руку, а следом третий — в правую.

— У тебя большие руки,— сказала она,— тебе будет легко. Следи за мной и делай, как я.

Она стала перебрасывать мяч из руки в руку, ловя его в корзинку, составленную из трех пальцев, и держа по мячу в центре каждой ладони. Валентин стал подражать ей. Хватать мяч занятой ладонью было труднее, чем пустой, но ненамного, и скоро он перестал ошибаться.

— Теперь,— продолжил обучение Слит,— начнется само искусство. Мы делаем обмен. Так.

Один мяч пролетел по дуге на уровне лица из правой руки Слита в левую. Пока мяч летел, Слит приготовил ему место в левой руке, перебросив мяч, который был в ней, по более низкой дуге под летящим мячом в правую руку. Маневр казался довольно простым — быстрый взаимный переброс, но когда Валентин попытался это сделать, мячи столкнулись и разлетелись в стороны. Карабелла с улыбкой поймала их и вернула Валентину.

Он попытался еще раз, но с тем же результатом, и Карабелла показала ему, как бросить первый мяч, чтобы он упал на даль-

нюю сторону левой ладони, в то время как другой мяч пойдет внутри траектории первого, когда его бросают вправо. Валентин сделал несколько попыток. Он несколько раз промахнулся, хватая мяч, а глаза его при этом разбегались. Слит тем временем выполнял обмен за обменом, а Карабелла натаскивала Валентина в двойном броске. Казалось, это длилось часами, а может, так оно и было.

Когда Валентин наконец усвоил урок, он сначала почувствовал усталость, но ей на смену пришло состояние полной гармонии и сознание, что мог бы бросать мячи целый месяц подряд, не утомляясь и не роняя ни одного.

Вдруг он заметил, что Слит жонглирует всеми тремя мячами сразу.

— Давай и ты,— предложила Карабелла.— Это только кажется невозможным.

Легкость, с которой Валентин выполнил трюк, удивила не только его самого, но и Слита с Карабеллой; она захлопала в ладоши, а Слит, не нарушая ритма, одобрительно хмыкнул.

Валентин интуитивно бросил третий мяч, пока второй летел из левой руки в правую. Он схватил второй и снова бросил, а дальше так и пошло: бросок, захват, бросок, захват. Один мяч все время поднимался по дуге, другой опускался в готовую принять его руку, а третий ожидал броска.

Валентин сделал три, четыре, пять чередований, прежде чем осознал сложность того, что делал. Как только это произошло, ритм его движений тут же нарушился, мячи столкнулись и покатились по земле.

— У тебя талант,— пробормотал Слит,— явный талант.

Валентин был смущен из-за ошибки, но падение мячей не имело никакого значения по сравнению с тем, что он сумел с первой попытки жонглировать сразу тремя предметами. Он подобрал их и начал снова. Стоявший напротив Слит не прерываясь продолжал серию бросков.

Подражая стойке и движениям Слита, Валентин начал бросать, сразу же уронил два мяча, поднял, бормоча извинения, начал снова и на этот раз уже не останавливался.

Пять, шесть, семь чередований, десять... Вскоре он сбился со счета, ибо то, что он делал, было уже не чередованием, а бесконечным процессом. Его сознание словно раздвоилось: одна половина следила за точностью и аккуратностью бросков и захватов, а другая управляла взлетом и падением мячей и быстро рассчитывала скорость, угол и темп спуска. Оценивающая часть его мозга тут же передавала информацию другой части, управлявшей бросками и захватами. Время, казалось, делилось на бесконечно малые отрезки, однако же, как ни парадоксально, он не чувствовал их последовательности. Три мяча как бы замерли на своих местах: один все время в воздухе, два других — в руках, и хотя каждый миг эти положения занимали разные мячи, это уже было не важно.

Каждый мяч был всеми сразу, время как бы исчезло. Валентин не двигался, не бросал, не ловил, он только наблюдал за потоком, застывшим вне времени и пространства. Теперь Валентин понял секрет искусства. Своим расщепленным сознанием он вступил в бесконечность и объединил ее. Он шел к внутренней природе движения и понял, что движение — иллюзия, а последовательность — ошибка восприятия. Руки его действовали в настоящем, глаза изучали будущее, и в то же время не существовало ничего, кроме настоящего момента.

Дух Валентина устремился к высотам экзальтации, и едва заметная вспышка в раздвоенном сознании позволила ему почувствовать, что он более не стоит на месте, а каким-то образом движется вперед, что вращающиеся по орбите мячи чуть отдалились от него и магически притягивают к себе. С каждой серией бросков они отступали все дальше через двор, и он теперь снова ощущал, что это серийность, а не бесконечный, безостановочный процесс. Ему приходилось двигаться все быстрее, чтобы не упустить их, и в конце концов, пошатываясь и кренясь, он буквально бежал вокруг двора. Слит и Карабелла отскочили в стороны. Наконец мячи совершенно вышли из повиновения и, несмотря на сделанный им последний отчаянный рывок, запрыгали в разные стороны.

Валентин, задохнувшись, упал на колени. Он услышал смех своих инструкторов и тоже засмеялся:

— Что случилось? Я начал так хорошо, а затем... Затем...

— Мелкие ошибки накапливаются,— объяснила Карабелла.— Ты увлекся и бросил мяч чуть-чуть неправильно, потянулся вперед, чтобы поймать его, и в результате следующий бросок был еще более неправильным, и так шло до тех пор, пока мячи не отошли от тебя. Ты стал охотиться за ними, но в конце концов

преследование стало невозможным. Такое случается поначалу со всеми. Не переживай.

— Подними мячи,— сказал Слит.— Через четыре дня ты будешь жонглировать перед короналем.

Глава 7

Он тренировался часами, работая всего с тремя мячами, но делал это до тех пор, пока раз десять не проник в бесконечность, переходя от скуки к экстазу и обратно к скуке, так что сама скука стала экстазом. Одежда его промокла от пота и прилипла к телу. Даже когда пошел обычный для Пидруида недолгий и слабый дождь, Валентин не прекратил перекидывать мячи. Дождь кончился, а вместе с ним кончился и день. Вечернее солнце закрыл легкий туман. А Валентин все продолжал жонглировать. Безумный ритм заворожил его. Краем глаза он смутно видел, что по двору постоянно двигаются какие-то фигуры: Слит, Карабелла, скандары, Шанамир, приходившие и уходившие незнакомцы,— но не обращал на них внимания.

Он ощущал себя пустым сосудом, который заполнялся этим искусством, этой тайной, и не смел остановиться, боясь, что потеряет это и снова опустошится.

Затем кто-то подошел к нему, и вдруг оказалось, что в руках ничего нет. Слит перехватил мячи один за другим, когда они пролетали в воздухе. Какое-то время руки Валентина еще продолжали двигаться в заданном ритме, а глаза оставались сфокусированными на плоскости, через которую пролетали мячи.

— Выпей это,— мягко предложила Карабелла.

Она поднесла к его губам стакан с огненным вином.

Валентин выпил его, как воду. Карабелла подала второй стакан.

— У тебя изумительный дар,— сказала она.— Не только координации, но и сосредоточенности. Мы даже немного испугались, когда увидели, что ты не можешь остановиться.

— В Звездный день ты будешь лучшим из нас,— подхватил Слит.— И удостоишься похвалы самого короналя. Эй, Залзан Кавол, что скажешь?

— Я скажу, что он весь мокрый и ему надо переодеться,— прогромыхал скандар.

Он протянул Слиту несколько монет.

— Сходи на базар и купи ему подходящую одежду, пока палатки не закрылись. Карабелла, отведи его в очиститель. Через полчаса будем есть.

— Пойдем,— позвала Карабелла.

Она провела все еще не пришедшего в себя Валентина через двор и спальни. К боковой стене здания был пристроен открытый сверху очиститель.

— Вот животное! — сердито ворчала она.— Не сказал тебе ни словечка похвалы. Я знаю, хвалить вообще не в его привычках, но ты произвел на него впечатление.

— На Залзана Кавола?

— Да. Он был поражен. Но разве он может хвалить человека? У тебя всего две руки! Да и вообще, он никому доброго слова не скажет. Сюда. Раздевайся.

Она быстро разделась, и он сделал то же, бросив мокрую одежду на землю. Увидев в ярком лунном свете наготу Карабеллы, он замер от восхищения. Тело ее было стройным, гибким, почти мальчишеским, если не считать маленьких округлых грудей и неожиданной выпуклости бедер ниже узкой талии. Под кожей просматривались хорошо развитые мускулы. На крепкой ягодице красовалась татуировка: красно-зеленый цветок.

Она подвела Валентина под очиститель, и они стояли рядом, пока вибрация снимала с них пот и грязь. Не одеваясь, они вернулись в спальни, где Карабелла достала для себя чистые брюки из мягкой серой ткани и камзол. Вскоре вернулся Слит с базара и принес Валентину новую одежду: темно-зеленый камзол с алой отделкой, плотные красные брюки и темно-синий, почти черный, легкий плащ. Этот костюм был куда более элегантным, чем тот, который Валентин носил прежде. Надев его, он почувствовал себя как бы выше рангом и нарочито важной поступью направился вслед за Слитом и Карабеллой в кухню.

На обед было тушеное мясо неизвестного происхождения (Валентин не осмелился спросить какого), обильно смоченное огненным вином. Шесть скандаров сели за один конец стола, а четыре человека — за другой. Ели молча. Насытившись, Залзан Кавол и его братья встали, по-прежнему не говоря ни слова, и вышли.

— Мы их чем-нибудь обидели? — спросил Валентин.

— Это их обычная вежливость,— ответила Карабелла.

Хьорт Виноркис, разговаривавший с Валентином за завтраком, пересек комнату и навис над его плечом, пристально глядя вниз своими рыбьими глазами. Очевидно, у него была такая привычка. Валентин неохотно улыбнулся.

— Я видел, как ты жонглировал сегодня во дворе. Очень здорово.

— Спасибо.

— Это твое хобби?

— Именно. Никогда раньше этим не занимался. Но скандары, похоже, взяли меня в свою труппу.

На хьорта это, кажется, произвело впечатление.

— Вот как? И ты пойдешь с ними дальше?

— Похоже на то.

— А куда?

— Понятия не имею. Это еще не решено. Но куда бы они ни пошли, для меня все одинаково хорошо.

— Ах, свободная жизнь,— вздохнул Виноркис.— Я и сам хотел бы. Может, скандары наймут и меня тоже?

— Ты умеешь жонглировать?

— Я могу вести счета. Я жонглирую цифрами.— Виноркис неистово захохотал и дружески похлопал Валентина по спине.— Я жонглирую цифрами! Тебе это нравится? Ну, спокойной ночи!

— Кто это? — спросила Карабелла, когда хьорт вышел.

— Я познакомился с ним сегодня утром, за завтраком. Это местный торговец, кажется.

Она состроила гримасу.

— Мне он что-то не нравится. Впрочем, хьортов мало кто любит. Безобразные существа.— Она грациозно встала.— Пошли?

В эту ночь он опять спал крепко. Казалось, после событий дня ему должно было присниться жонглирование, но нет: он снова оказался на пурпурной равнине, и это настораживало, ибо маджипурцы с детства знали, что повторяющиеся сны исключительно важны и, как правило, предвещают зло. Повелительница редко посылает такие сны, а вот Король любит это делать.

И опять сон оказался лишь фрагментом чего-то. В небе парили усмехающиеся лица. Водовороты пурпурного песка кружились на тропе, словно под ней усиленно работали своими когтями какие-то подземные существа. Из земли вырастали шипы. С деревьев таращились глаза. Во всем таилась угроза, уродство,

ненависть. Но в этом сне не было ни действующих лиц, ни событий. Он просто служил дурным предзнаменованием.

Мир сна уступил место миру рассвета.

Валентин проснулся раньше всех, как только первые лучи света проникли в комнату. Рядом блаженно посапывал Шанамир. В дальнем конце свернулся, как змея, Слит. Рядом с ним улыбалась во сне Карабелла. Скандары, видимо, спали в другой комнате, из чужаков здесь были только два больших бесформенных хьорта и три врууна, тела которых переплелись так, что больше походили на запутанный клубок конечностей.

Валентин достал из чемоданчика Карабеллы три жонглерских мяча и вышел в туманный рассвет отточить свои приобретенные навыки.

Появившийся часом позже Слит застал его за этим занятием и всплеснул руками:

— У тебя прямо страсть, приятель! Ты жонглируешь как одержимый. Но не утомляйся чрезмерно. Сегодня мы перейдем к более сложным приемам.

Утренний урок состоял из вариаций основного положения. Теперь Валентин учился так бросать мячи, чтобы один всегда был в воздухе, и он освоил этот трюк, овладев техникой его выполнения за полдня, хотя Карабелла говорила, что это требует многих дней практики.

Его заставляли ходить, бегать, поворачиваться и даже прыгать. Он жонглировал тремя мячами, поднимаясь и спускаясь по лестнице, присев на корточки, опускаясь на колени, стоя на одной ноге, как важная гихорн-птица с болот Зимра. Теперь он был абсолютно уверен в полной согласованности работы глаз и рук, а остальные части тела могли выделывать что угодно, никак не влияя на жонглирование.

Днем Слит учил его новым хитростям: кидать мяч из-за спины, из-под ноги, жонглировать со скрещенными руками. Карабелла показывала, как бросать мяч в стену и мягко переводить его возвращение в полет, как посылать мяч из одной руки в другую и тут же, вместо того чтобы ловить, отправлять его обратно тыльной стороной кисти. Все это он быстро освоил. Карабелла и Слит не осыпали его комплиментами — постоянно хвалить не годится,— но он замечал, как часто они изумленно переглядывались, и это было ему приятно.

Скандары жонглировали в другой части двора, репетируя то, что намеревались показать на параде: чудеса с серпами, ножами и горящими факелами. Валентин мельком взглянул на них, и работа этих четырехруких существ привела его в восхищение. Но в основном он был сосредоточен на собственной тренировке.

Так прошел День моря. На четвертый день мячи сменились дубинками. Задача оказалась сложной, потому что, хотя принципы оставались в основном прежними, дубинки были больше и менее удобны, и приходилось бросать их выше, чтобы иметь время на захват. Валентин начал с одной дубинки, перебрасывая ее из руки в руку. Карабелла объясняла, как держать дубинку, как бросать и как ловить. Следуя ее советам, он быстро освоился и с дубинкой.

— Теперь,— сказала она,— возьми в левую руку два мяча, а в правую — дубинку.

Сначала ему мешала разница в массе и скорости, но так продолжалось недолго, и он вскоре перешел к двум дубинкам в правой руке и одному мячу в левой, а к вечеру четвертого дня уже работал с тремя дубинками. Запястья болели, глаза слезились от напряжения, но Валентин жонглировал, не желая да и практически не имея возможности остановиться.

Вечером он спросил:

— Когда вы научите меня перебрасываться дубинками с другими жонглерами?

Карабелла улыбнулась:

— Позднее, после парада, когда мы пойдем на восток через деревни.

— Я мог бы попробовать это и сейчас.

— Только не во время парада. Ты демонстрируешь чудеса, но есть предел тому, что можно освоить за три дня. Если бы мы стали жонглировать на параде с новичком, нам пришлось бы опуститься до его уровня, а короналю это вряд ли доставит большое удовольствие.

Он вынужден был признать ее правоту и все же продолжал мечтать о том времени, когда сможет принять участие в совместной работе жонглеров как равноправный член труппы и будет перебрасываться с ними дубинками, ножами или факелами.

Ночью четвертого дня шел дождь, необычно затяжной для субтропического лета Пидруида, где обычно бывали короткие

ливни, и к утру пятого дня двор стал вязким и мокрым, как губка. Но небо очистилось, и горячее солнце светило ярко.

Шанамир, шатавшийся по городу, пока Валентин репетировал, рассказывал, что подготовка к большому параду идет полным ходом.

— Повсюду ленты и флаги,— описывал он увиденное, стоя на безопасном расстоянии, когда Валентин с утра начал разминку с тремя дубинками.— Знамена с Горящей Звездой выставлены вдоль дороги от врат Фалкинкипа до врат Дракона, а за ними, как я слышал, вдоль всего порта, на много миль все украшено, даже дорогу покрыли золотыми тканями и зеленой росписью. Говорят, все это стоит не одну тысячу реалов.

— А кто платит? — спросил Валентин.

— Как кто? Народ Пидруида,— удивленно ответил мальчик.— Кто же еще? Уж конечно, не Ни-мойя и не Велатис!

— По-моему, корональ сам мог бы оплатить свой фестиваль.

— А чьими деньгами он будет платить, если не налогами со всего мира? Зачем бы городам Алханроэля платить за фестиваль в Зимроэле? Кроме того, это великая честь — принимать короналя! Пидруид охотно платит. Послушай, как ты умудряешься бросать дубинку и одновременно хватать ее той же рукой?

— Бросок раньше, дружище. Но только чуть-чуть раньше. Смотри внимательно.

— Я смотрю и все-таки не могу понять, как это делается.

— Когда у нас будет время — как только закончится парад,— я все покажу тебе.

— Куда мы пойдем отсюда?

— Не знаю. Карабелла говорила, что на восток. Мы пойдем в любое место, где намечается ярмарка, карнавал или фестиваль и где нужны жонглеры.

— Я тоже стану жонглером, Валентин?

— Если захочешь. Но я думал, тебя больше привлекает море.

— Я и в самом деле хочу путешествовать,— сказал Шанамир,— но не обязательно по морю. Я не хочу возвращаться в Фалкинкип. Восемнадцать часов в день в стойлах, в заботе о животных — нет, это не для меня, хватит уж! Ты знаешь, в ту ночь, когда я покинул дом, мне приснилось, что я научился летать. Это был сон от Повелительницы, Валентин, я сразу понял, а полет означает, что я пойду туда, куда надеялся. Когда ты сказал

Залзану Каволу, чтобы он взял и меня, если хочет нанять тебя, я задрожал. Я думал... Я чувствовал все...

Он овладел собой.

— Валентин, я хочу быть таким же хорошим жонглером, как ты.

— Я еще не хороший. Я только начинающий.

Однако Валентин почувствовал себя увереннее и, словно желая порисоваться, стал бросать дубинки по более низким дугам.

— Не могу поверить, что ты научился этому за два дня.

— Слит и Карабелла хорошие учителя.

— Я никогда не видел, чтобы кто-то чему-то научился так быстро,— удивился Шанамир.— У тебя, наверное, мозг особенный. Бьюсь об заклад, ты был какой-то важной особой, пока не стал бродяжничать. Ты выглядишь таким дружелюбным, таким... простым и тем не менее... тем не менее...

— Скрытые глубины,— добродушно усмехнулся Валентин.

Он попытался бросить дубинку из-за спины, и она с треском ударила его по левому локтю. Все три дубинки упали на мокрую землю, а Валентин, морщась, потирал ушиб.

— Мастер-жонглер! — воскликнул он.— Видал? Обычно требуется несколько недель, чтобы научиться так бить свои локти!

— Ты это сделал, чтобы сменить тему разговора,— почти серьезно сказал Шанамир.

Глава 8

Приближалось утро Звездного дня — дня парада, дня короналя, первого дня великого фестиваля Пидруида, а Валентин спал, свернувшись калачиком, и видел спокойный сон: пышную зелень холмов, прозрачные озера с голубыми и желтыми водяными цветами. Он проснулся от того, что чьи-то пальцы воткнулись ему под ребра, и сел, моргая и что-то бормоча. Было темно. До рассвета еще далеко. Над ним склонилась Карабелла. Даже в темноте Валентин ощутил ее кошачью грацию, уловил тонкий запах кожи, услышал легкий смех.

— Почему так рано? — пробормотал он.

— Чтобы занять хорошее место, когда кораль пойдет мимо. Поторопись! Все уже готовы.

Валентин вскочил. Запястья немного ныли от жонглирования дубинками. Он раскинул руки и потряс расслабленными кистями. Карабелла усмехнулась, взяла его руки в свои и взглянула ему в лицо.

— Ты будешь великолепно жонглировать сегодня,— тихо произнесла она.

— Надеюсь.

— Какие могут быть сомнения, Валентин? Что бы ты ни делал, все у тебя выходит отлично. Таков уж ты есть.

— И тебе известно, что я за человек?

— Конечно. Наверное, даже лучше, чем тебе. Валентин, известна разница между сном и явью?

Он нахмурился:

— Не понял.

— Мне иногда кажется, что для тебя это одно и то же, что ты живешь во сне или спишь в жизни. Но вообще-то я так не думаю, и Слит тоже. Ты околдовал его, а это нелегко. Он везде бывал, многое видел, однако он постоянно говорит о тебе, пытается понять тебя, заглянуть тебе в душу.

— Не думал, что я так интересен. По-моему, я скучный.

— Для нас — нет.

Ее глаза блеснули.

— Ну, одевайся и поешь перед парадом. Утром мы будем смотреть, как проедет кораль, днем у нас представление, а ночью... Ночью...

— Да? Что ночью?

— Ночью мы празднуем фестиваль! — крикнула она и выскочила за дверь.

Туманным утром труппа жонглеров направилась к занятому для них Залзаном Каволом месту на главном тракте.

Путь короналя начинался от Золотой площади, где он остановился на ночь, шел на восток по изогнутому бульвару, начинавшемуся за одними из второстепенных городских ворот и ведущему к главному тракт, по которому Валентин и Шанамир въехали в Пидруид и где стояли в два ряда цветущие огненные пальмы, затем через врата Фалкинкипа обратно в город, через него по Дороге Воды к Арке Снов и из врат Дракона — в порт, где на краю бухты был построен главный стадион Пидруида. Так что парад был, в сущности, двойным: сначала кораль проходит мимо народа, а потом народ проходит мимо короналя. Парад продлится весь день и всю ночь — вероятно, до зари Дня Солнца.

Поскольку выступление жонглеров являлось частью королевского развлечения, им необходимо было занять место где-нибудь недалеко от выхода из порта, иначе они не смогут вовремя пройти через переполненный город и попасть на стадион. Залзан Кавол выбрал для них место возле Арки Снов, но это означало, что им придется большую часть дня ждать, когда парад подойдет к ним. Но тут уж ничего не поделаешь.

Они шли пешком по диагонали через окраинные улицы и наконец добрались до нижнего конца Дороги Воды. Как и говорил Шанамир, город был обильно украшен гирляндами и флагами, свисавшими со всех домови фонарей. Сама дорога была заново раскрашена в цвета короналя — сияющий ярко-зеленый с золотой окантовкой.

В этот ранний час дорогу уже заполнили зрители, но, когда появились жонглеры и Залзан Кавол показал пачку билетов, в толпе быстро освободилось место. Народ Маджипура отличается вежливостью, миролюбием и сговорчивостью. К тому же кое-кто остерегался связываться с шестью угрюмыми скандарами.

Началось ожидание. Утро было теплым, а вскоре стало жарко.

Валентину ничего не оставалось делать, кроме как стоять и ждать, пялясь на пустой тракт и на богато украшенный черный полированный камень Арки Снов. Карабеллу прижимали к Валентину слева, Шанамира — справа. Время тянулось невероятно медленно.

Разговоры угасали, не успев начаться. На какую-то минуту Валентина привлекла удивительная фраза, которую он уловил в разговоре позади себя:

— ...Не понимаю всех этих приветствий. Я ему ни капли не верю.

Валентин прислушался. Двое зрителей — гэйрогов, судя по голосам,— говорили о новом коронале, и отнюдь не благожелательно.

— ...Издает слишком много указов, если хочешь знать мое мнение. То одно регулирует, то другое, тычет пальцем туда-сюда. Во всем этом нет никакой необходимости!

— Он хочет показать, что работает,— примирительно ответил другой.

— Да ладно, кому это нужно! При лорде Вориаксе, а до него при лорде Малиборе все шло хорошо и без этих дурацких правил. Это признак неуверенности, я считаю.

— Тихо! Сегодня особый день, об этом говорить не стоит.

— Если хочешь знать, парень, он просто еще не уверен, что он действительно корональ, вот и старается обратить на себя наше внимание. Вот так я тебе скажу.

— А я тебя не спрашиваю,— раздраженно ответил второй.

— И еще. Повсюду рыщут имперские надзиратели. Чего он добивается? Разослать полицейских по всему миру, чтобы шпионили для короналя? А зачем? Что он хочет найти?

— Если он что-то и найдет, то тебя первого притянут. Заткнешься ты или нет?

— Я ничего плохого не делаю,— возразил первый гэйрог.— Видишь, я держу знамя с Горящей Звездой, как все прочие. Разве я не лояльный гражданин? Но мне не нравится то, что происходит. Граждане имеют право заботиться о благе государства, нет? Если нас что-то не устраивает, мы должны заявить об этом. Это же в наших традициях, нет? Если мы сейчас позволим допустить хоть мелкое злоупотребление, кто знает, как все обернется лет через пять?

«Интересно,— подумал Валентин,— несмотря на восторженные приветствия, отнюдь не все обожают нового короналя и восхищаются им. Хотелось бы знать, много ли таких, кто выказывает энтузиазм просто из страха или личного интереса?»

Гэйроги замолчали. Валентин прислушался к другим разговорам, но ничего примечательного не услышал. Время снова еле ползло. Валентин принялся рассматривать Арку и занимался этим, пока в память не врезались все ее украшения, резные изображения древних властителей Маджипура, героев далекого туманного прошлого, генералов давних войн с метаморфами, короналей — предшественников легендарного Стиамота, понтифексов прошлого, Благословенных Леди. Эта Арка, по словам Шанамира, была наиболее старой и самой святой в Пидруиде. Девять тысяч лет назад ее вырезали из блоков велатисского мрамора, однако время и силы природы на нее не действовали. Пройти под ней означало получить защиту Повелительницы и целый месяц после этого видеть полезные сны.

Вокруг оживленно обсуждали слухи о продвижении короналя через Пидруид. Корональ, как говорили, вышел с Золотой площади, направился к воротам Фалкинкипа, остановился, чтобы разбросать две пригоршни пятикроновых монет в кварталах, населенных в основном хьортами и вруунами, задержался

возле плакавшего ребенка и утешил его, помолился у гробницы своего брата лорда Вориакса, затем, посчитав, что слишком жарко, отдыхал несколько часов... Сделал это, сделал то, сделал что-то еще... Корональ, корональ, корональ!.. Все внимание сегодня было обращено на короналя.

Ну что это за жизнь, размышлял Валентин, без конца совершать столь долгие путешествия из города в город, везде участвовать в парадах, улыбаться, махать рукой, раздавать монеты, играть в бесконечном безвкусном спектакле, демонстрировать в одном лице всю правительственную власть, принимать весь этот почет, это шумное общественное возбуждение, и притом еще как-то ухитряться держать бразды правления. А вообще-то, надо ли это делать? Система была такой древней, что, наверное, держалась и действовала сама собой.

Старый понтифекс, как и его предшественники, уединившийся в таинственном Лабиринте где-то в центральной части Алханроэля, издавал декреты, с помощью которых управлял планетой, а его наследник и приемный сын корональ выступал как исполнитель и первый министр. Он правил из Горного Замка и время от времени предпринимал церемониальные походы вроде нынешнего. А не были ли они оба только символами величия?

Мир казался Валентину спокойным, приветливым, веселым, хотя, без сомнения, есть у него и сокрытые где-то темные стороны, иначе почему Король Снов бросает вызов авторитету Благословенной Леди? Эти правители, эта конституционная помпезность, эта экспансия и смятение чувств... Нет, думал Валентин, это не имеет значения и является лишь пережитком какой-то далекой эры, когда все это, возможно, было необходимым. А что имеет значение сейчас? Жить, дышать свежим воздухом, есть, пить, спокойно спать, а остальное — пустяки.

— Корональ едет! — закричал кто-то.

Так уже кричали раз десять в течение последнего часа, однако короналя все не было. Но сейчас, как раз в полдень, похоже было, что он и в самом деле приближается.

Сначала послышались приветственные крики — далекий рев, похожий на морской прибой. Когда рев стал громче, на тракте появились герольды на быстрых животных, они неслись почти галопом, время от времени издавая губами трубные звуки; наверное, губы их потом будут болеть от перенапряжения. Затем на

низкой, быстро плывущей механической платформе появились несколько сотен личных телохранителей короналя в зеленой с золотом форме — специально подобранный отряд мужчин и женщин различных рас, сливки Маджипура. Они стояли навытяжку на борту платформы и выглядели, по мнению Валентина, весьма достойно и чуточку глупо.

И вот наконец показалась колесница короналя.

Она тоже была механической и плыла на высоте нескольких футов над мостовой. Щедро украшенная блестящей тканью и толстыми белыми квадратами чего-то похожего на мех редких животных, она выглядела величественно и богато. На ней находилось с полдюжины высших чинов Пидруида и провинции — мэры, герцоги и кто-то там еще, все в парадных мантиях. Среди них на возвышении из какого-то отполированного алого дерева стоял, благосклонно протягивая руки к толпе, заполнившей обе стороны тракта, лорд Валентин, корональ, второй сиятельный властелин Маджипура и, поскольку его приемный имперский отец понтифекс предпочитал не показываться на публике и простые смертные никогда его не видели, быть может, истиннейшее воплощение авторитета, какое только могло быть на этой планете.

— Валентин! — раздавалось отовсюду.— Валентин! Лорд Валентин!

Валентин рассматривал своего властительного тезку так же внимательно, как чуть раньше изображения на древней черной Арке Снов. Выглядел корональ весьма импозантно: выше среднего роста, могучего телосложения, с хорошо развитыми плечами и длинными крепкими руками. Кожа его имела оливковый оттенок, черные волосы закрывали уши, подбородок окаймляла коротко подстриженная черная борода.

В ответ на гром приветствий лорд Валентин грациозно поворачивался то в одну, то в другую сторону, слегка наклоняясь и простирая руки над головами восторженных подданных. Платформа быстро проплыла мимо того места, где стояли Валентин и жонглеры. Как раз в эту минуту корональ повернулся к ним, и на миг глаза Валентина и лорда Валентина встретились. Между ними как бы возник контакт, проскочила искра. Улыбка короналя была сияющей, темные глаза метали ослепительные молнии, парадная одежда, казалось, обладала собственной жизнью,

властью и целью. Захваченный магией имперского могущества, Валентин словно прирос к месту.

На секунду он проникся благоговением Шанамира, благоговением всех присутствующих здесь перед их принцем. Да, лорд Валентин был всего лишь человеком, ему нужно было опорожнять мочевой пузырь и наполнять желудок, он спал ночью и просыпался утром, зевая, как всякий другой, пачкал пеленки, когда был младенцем, и со временем станет чудаковатым и дремлющим старцем... Но все-таки он принадлежал к священным кругам, жил в Горном Замке, был сыном Хозяйки Острова Сна и приемным сыном понтифекса Тиевераса, как и его брат, покойный Вориакс. Он прожил большую часть жизни у истоков власти, и на его плечи легла тяжесть управления всем этим колоссальным миром с великим множеством жителей.

Такое существование, как думал Валентин, меняет человека, ставит его отдельно от других, дает ему особую ауру и делает непохожим на окружающих. Когда колесница проплывала мимо, Валентин почувствовал эту ауру, и она смирила его.

Как только колесница проехала, это ощущение исчезло. Лорд Валентин удалился, все еще улыбаясь, простирая руки, грациозно кивая и окидывая сияющим взором горожан, но Валентин уже не ощущал присутствия величия и мощи. Наоборот, он неизвестно почему почувствовал себя обманутым и словно бы запятнанным.

— Пошли скорее,— проворчал Залзан Кавол,— нам пора на стадион.

Это было совсем просто. Все население Пидруида, за исключением больных и заключенных, собралось вдоль пути следования процесии. Прилегавшие улицы опустели.

Через пятнадцать минут жонглеры оказались в порту, а еще через десять подошли к стадиону. Здесь уже начала собираться толпа. Тысячи людей давились на набережных за стадионом, чтобы еще раз увидеть короналя, когда он прибудет.

Скандары построились клином и быстро врезались в толпу; Валентин, Слит, Карабелла и Шанамир последовали за ними.

Участники представления должны были собраться в отгороженной задней части стадиона у самой воды, и здесь уже толкались сотни артистов. Тут были гиганты-гладиаторы с Квилла, перед которыми даже скандары выглядели хрупкими, труппы акробатов, в нетерпении забирающихся друг другу на плечи; абсолютно нагие артисты балетной труппы, три оркестра со странными инопланетными инструментами, настраиваемыми с непонятными диссонансами; дрессировщики, удерживавшие на привязи морских зверей невероятных размеров и ярости; всевозможные уроды: мужчина весом в тысячу фунтов, женщина одиннадцати футов ростом и тонкая, как черный бамбуковый прут, двухголовый вруун, три близнеца-лиимена, соединенные в талиях полосой страшной сине-серой плоти, кто-то, чье лицо походило на топор, а нижняя часть тела — на колесо, и много всяких других. У Валентина закружилась голова от вида, звуков и запахов этого неприятного скопления.

Обезумевшие клерки с муниципальными бляхами старались выстроить всех этих выступающих в каком-то заранее установленном порядке.

Залзан Кавол отдал служителю документы и взамен получил номер, указывавший место его труппы в строю. Теперь им предстояло самим найти соседей по ряду, но это оказалось непросто, поскольку внутри огороженного пространства все непрерывно двигались, и отыскать номера было все равно что навесить ярлыки на морские волны.

Жонглеры все-таки устроились наконец между труппой акробатов и одним из оркестров, и после этого им несколько часов пришлось стоять на месте.

Артистам предлагали освежающее. Служители ходили по рядам, разнося кусочки жаренного на вертеле мяса и стаканчики зеленоватого или золотистого вина, не требуя за это платы. Но от жары и духоты, от запаха испарений стольких столпившихся тел разных рас и продуктов метаболизма Валентин чувствовал дурноту. «Через час,— думал он,— я буду жонглировать перед короналем. Как странно это звучит!» Хорошо, что Карабелла была рядом — веселая, жизнерадостная, всегда улыбающаяся, полная энергии.

— Да избавит нас Божество от еще одного такого испытания в будущем,— шепнула она.

Наконец у ворот стадиона началось какое-то движение, как будто повернули кран, и вихревой поток вытянул первых артистов из огороженного участка. Валентин встал на цыпочки, но так и не увидел, что там происходит. Прежде чем волна движения дошла до них, прошел почти час. Теперь вся линия плавно двинулась вперед.

Со стадиона доносились звуки музыки, рев животных, смех, аплодисменты. Оркестр, стоявший перед труппой Залзана Кавола, уже готовился выйти. Он состоял из двадцати музыкантов трех нечеловеческих рас со странными, незнакомыми Валентину инструментами: похожими на улиток сияющими трубами, наклонными барабанами и маленькими пятиствольными флейтами. Все они на вид были очень изящными, но звук их нельзя было назвать нежным.

Но вот последний музыкант исчез за большими двойными воротами стадиона, и официальный распорядитель важно шагнул вперед, загородив проход жонглерам.

— Залзан Кавол и его труппа,— объявил он.

— Мы здесь,— откликнулся Залзан Кавол.

— Ждите сигнала. Когда выйдете, последуете за музыкантами в процессии слева направо вокруг стадиона. Не начинайте представление до тех пор, пока не пройдете мимо большого зеленого флага с эмблемой короналя. Достигнув павильона короналя, почтительно поклонитесь и находитесь на месте шестьдесят секунд, показывая свое искусство. Потом двинетесь дальше, дойдете до дальних ворот и сразу же покинете стадион. При выходе получите свое вознаграждение. Все понятно?

— Вполне,— кивнул Залзан Кавол и повернулся к своей труппе.

До сих пор он был резким и грубым, а тут вдруг совершенно преобразился: протянул три руки своим братьям и обменялся с ними рукопожатием, а на его грубом лице появилась почти нежная улыбка. Затем он обнял Слита, Карабеллу, а последним притянул к себе Валентина и ласково, насколько это возможно для скандара, сказал:

— Ты быстро всему научился и проявляешь признаки мастерства. Я взял тебя только для удобства, но теперь рад, что ты с нами.

— Благодарю тебя,— торжественно ответил Валентин.

— Не каждый день мы жонглируем перед властями Маджипура,— продолжал Залзан Кавол.— Пусть это будет нашим самым лучшим выступлением.

— Жонглеры! — пролаял распорядитель.

Скандар сделал жест, и труппа прошла через массивные двойные ворота.

Слит и Карабелла шли впереди, жонглируя пятью ножами. Они обменивались ими в быстром, постоянно варьирующемся рисунке. За ними, несколько поодаль, легко шагал Валентин, в напряженном темпе жонглируя тремя дубинками. За ним выступали шесть братьев-скандаров, которые пользовались двадцатью четырьмя руками, чтобы наполнить воздух невообразимой смесью летающих предметов. Шанамир как своего рода оруженосец замыкал шествие. Он ничего не делал, просто служил человеком-точкой.

Карабелла была энергична и неуемна. Она подпрыгивала, щелкала каблуками, хлопала в ладоши, но ни разу не сбилась с такта, а рядом с ней Слит, быстрый, как удар кнута, собранный, динамичный, представлял собой прямо-таки сгусток энергии, когда выхватывал ножи из воздуха и возвращал их партнерше. Всегда спокойный, экономный в движениях Слит позволил себе немыслимый прыжок, пока мягкий воздух Маджипура необходимую долю секунды держал ножи наверху.

Они обошли вокруг стадиона, держа ритм по скрипучему визгу флейт и труб шедшего перед ними оркестра. Толпа зрителей уже устала от чередования выступлений и едва реагировала, но это не имело значения: жонглеры были преданы своему искусству, и их не интересовали потные лица, едва различимые на далеких трибунах.

Валентин придумал номер вчера, репетировал сам и фантастически преуспел в этом. О его номере никто не знал, потому что для новичка это было рискованно, а королевское представление не место для риска. Однако он считал, что такое представление — самое подходящее место для того, чтобы человек продемонстрировал все свои способности.

Итак, он взял две дубинки в правую руку, швырнул их вверх и тут же услышал удивленный возглас Залзана Кавола:

— Эй!

Но у Валентина не было времени на размышления, поскольку дубинки спускались. Он бросил дубинку из левой руки между ними на двойную высоту, ловко поймал падавшие дубинки в каждую руку, бросил из правой вверх и поймал ту, которая вернулась с большой высоты, а затем вполне уверенно занялся знакомым каскадом дубинок, не глядя по сторонам и следуя за Карабеллой и Слитом по периметру громадного стадиона.

Оркестры, акробаты, танцоры, дрессированные животные, жонглеры впереди и позади, тысячи пустых лиц на трибунах, украшенные лентами толпы вельмож — ничего этого Валентин не замечал. Бросок, бросок, бросок и захват, бросок и захват, бросок и захват, вперед и вперед, пока не увидел краем глаза блестящие зеленые с золотом флаги по бокам королевского павильона. Он повернулся лицом к короналю. Это была трудная минута, потому что пришлось делить внимание: следить за полетом дубинок и искать лорда Валентина.

Валентин увидел его в центре павильона. Он жаждал второго толчка обмена энергией, еще одной искры контакта с ищущими глазами короналя. Он бросал дубинки автоматически точно, каждая взлетала на определенную высоту и по дуге опускалась между большим пальцем и остальными, пока он искал лицо короналя. Но в этот раз толчка энергии не было, потому что корональ был рассеян и вообще не видел жонглера. Он, скучая, смотрел через стадион на какое-то другое действие, то ли на животных, то ли на голые зады танцоров, то ли вообще ни на что.

Валентин настойчиво отсчитывал положенные ему шестьдесят секунд, и в конце этой минуты ему показалось, что корональ мельком взглянул на него, но и только.

Валентин двинулся дальше. Карабелла и Слит уже приближались к выходу. Валентин полуобернулся и сердечно улыбнулся скандарам, которые шли под танцующим балдахином из топоров, горящих факелов, серпов, молотков и фруктов, добавляя один предмет за другим к тому множеству, которое кружилось над ними.

Валентин шел в одиночестве своим путем, вперед и через ворота.

Выходя во внешний мир, он держал свои дубинки в руках. И снова, отдалившись от короналя, он ощущал упадок сил, усталость и пустоту, словно лорд Валентин не излучал энергию, а вытягивал ее из других, создавая иллюзию яркой блистающей ауры, а когда люди отходили от него, они испытывали только чувство потери. К тому же выступление закончилось. Минута славы Валентина пришла и ушла, и никто, похоже, этого не заметил, кроме Залзана Кавола, который смотрел на него угрюмо и раздраженно.

— Кто научил тебя этому двойному броску? — спросил он, едва выйдя за ворота.

— Никто,— ответил Валентин.— Я сам это придумал.

— А если бы ты уронил дубинки?

— Так ведь не уронил же!

— Нашел место опробовать новые трюки,— пробормотал скандар и вдруг несколько смягчился: — Но я должен признать, что держался ты хорошо.

От второго распорядителя он получил кошелек с деньгами, высыпал их в две внешние руки и быстро пересчитал. Большую часть он сложил в карман, но по одной монете бросил братьям, потом — Слиту и Карабелле и после некоторого раздумья кинул по более мелкой монетке Валентину и Шанамиру. Валентин заметил, что он и Шанамир получили по полкроны, а остальные по кроне. Но не все ли равно? В его кошельке еще звенели несколько крон, а премия, пусть и небольшая, была неожиданной. Он истратит ее сегодня на крепкое вино и пряную рыбу.

Долгий день близился к концу. С моря поднялся туман и принес в Пидруид ранние сумерки. Со стадиона все еще доносились звуки представления. «Бедный корональ,— подумал Валентин,— ему придется сидеть там до ночи».

Карабелла стиснула его запястье.

— Пошли,— шепнула она повелительно.— Наша работа закончена, теперь мы будем праздновать!

Глава 9

Она нырнула в толпу, и Валентин после некоторого замешательства последовал за ней. Три дубинки, подвешенные к поясу, колотили его по бедрам. он подумал было, что потерял Карабеллу, но тут снова увидел ее. Она бежала широкими прыжками, время от времени оборачиваясь и маня его за собой. Валентин догнал ее на ступенях широкого спуска, ведущего к бухте.

Буксиры привели в гавань барки с тонкими бревнами, замысловато уложенными в костры. Хотя ночь еще не наступила, некоторые костры были уже подожжены и горели холодным зеленым огнем, почти не давая дыма.

В течение дня весь город превратился в площадку для развлечений. Карнавальные палатки выросли, как поганки после летнего дождя. Гуляки в странных костюмах шатались по набережным. Со всех сторон слышались музыка и смех, во всем чувствовалось лихорадочное возбуждение.

Темнота сгущалась, зажигались новые огни, и бухта стала похожа на море цветного света. На востоке появилось нечто вроде фейерверка: высоко взлетела сверкающая ракета и рассыпалась слепящими потоками над крышами самых высоких зданий Пидруида.

Возбуждение Карабеллы захватило и Валентина. Взявшись за руки, они без устали шли через город от палатки к палатке, разбрасывая монеты, как камешки, в которые они играли.

Много было игорных палаток, где сбивали шарами кукол или разрушали какую-нибудь тщательно сбалансированную конструкцию. Карабелла, с ее глазами и рукой жонглера, выигрывала почти в каждой такой игре, а Валентин, хоть и менее ловкий, тоже взял немалую долю призов.

В некоторых палатках призом были кружки вина и куски мяса, в других они получали ненужных животных или знамена с эмблемой короналя. Все это они тут же и оставляли. Но мясо ели, пили вино и по мере приближения ночи становились все более возбужденными и неистовыми.

— Сюда! — крикнула Карабелла.

Они присоединились к танцу вруунов, гэйрогов и пьяных хьортов, в котором, казалось, нет никаких правил — все просто скакали по кругу. Они прыгали с чужаками довольно долго. Какой-то хьорт обнял Карабеллу, и она в ответ обняла его так крепко, что маленькие сильные пальцы глубоко вонзились в его жирную кожу. А когда женщина-гэйрог, вся в змеиных локонах, с гроздью болтавшихся грудей, прижалась к Валентину, он принял ее поцелуй и вернул его с таким энтузиазмом, какого и сам от себя не ожидал.

Затем они пошли дальше, в открытый театр, где угловатые куклы со стилизованно резкими движениями разыгрывали драму, потом на арену, где за несколько весовых единиц посмотрели на морских драконов, плававших кругами в сияющей цистерне, а оттуда в сад одушевленных растений с южного побережья Алханроэля — существ со щупальцами и высоких, дрожащих, похожих на резиновые колонн с удивительными глазами на вершине.

— Время кормления через полчаса,— сказал сторож.

Карабелла не захотела остаться и, увлекая за собой Валентина, нырнула в сгущавшуюся темноту.

Снова взрывались фейерверки, теперь куда более яркие на фоне ночи: тройная Горящая Звезда, за ней изображение лорда Валентина в половину неба, потом ослепительная спираль из зеленого, красного и голубого огня — Лабиринт, а на его фоне — лицо старого понтифекса Тиевераса. А через минуту цвета пропали, новый взрыв бросил ленту огня через все небо, и на ней проступили любимые всеми черты великой королевской матери — Хозяйки Острова Сна, с любовью глядевшей на Пидруид. Лик ее так глубоко подействовал на Валентина, что он готов был преклонить колени и заплакать. Но в толпе не было для этого места. Он на мгновение задрожал. Повелительница Снов растаяла в темноте. Валентин взял руку Карабеллы и крепко сжал ее.

— Мне нужно еще вина,— шепнул он.

— Подожди. Сейчас будет еще одно изображение.

И правда. Еще ракета, еще взрыв красок, на этот раз грубых желтых и красных, и на них — лицо с тяжелой нижней челюстью и угрюмыми глазами, лицо четвертой из Сил Маджипура, самой темной и самой надменной фигуры в иерархии — Короля Снов, Симонана Барджазида. Толпа затихла, потому что Король Снов не был другом никому, хотя все признавали его власть, поскольку он приносил несчастье и страшные кары.

Затем они пошли за вином. Рука Валентина дрожала, когда он быстро опрокинул две кружки. Карабелла внимательно наблюдала за ним, поглаживая пальцами его крепкое запястье. Но она ни о чем не спрашивала и свое вино оставила почти нетронутым.

Следующая дверь, открывшаяся перед ними благодаря фестивалю, вела в музей восковых фигур, выстроенный в форме миниатюрного Лабиринта. Попав в него, нелегко было найти выход, и они дали служителю три медяка, чтобы тот сопровождал их.

Из тьмы как живые выступали герои королевства. Они двигались и даже разговаривали на древних диалектах. Один высокий воин назвал себя лордом Стиамотом, победителем метаморфов. Здесь была легендарная Леди Тиин, его мать, леди-воин, которая лично возглавляла защиту Острова Сна, когда его осаждали аборигены. Затем появилась фигура, назвавшаяся Дворном, первым понтифексом. Он был так же далек по времени от Стиамота, как сам Стиамот от нынешнего короналя. Рядом с Дворном стоял Динитак Барджазид, первый Король Снов, персонаж куда менее древний. Чем глубже Карабелла и Валентин прони-

кали в лабиринт, тем большее число искусно подобранных представителей Власти — понтифексов, Леди и короналей — возникало перед ними. Вот великие правители Конфалюм, и Престимион, и Деккерет, и понтифекс Ариок, и, наконец, последняя фигура — румяный мужчина лет сорока, черноволосый и темноглазый, в туго облегающей черной одежде. Ему не было нужды называть себя — это был лорд Вориакс, последний корональ, брат лорда Валентина, погибший два года назад из-за глупой случайности на охоте. Он правил всего восемь лет. Изображение поклонилось, протянуло руки и воскликнуло:

— Оплакивайте меня, братья и сестры, потому что я погиб раньше времени, и мое падение было тем сильнее, что я упал с такой высоты. Я был лордом Вориаксом. Задумайтесь о моей судьбе!

Карабелла вздрогнула.

— Мрачное место и мрачный конец. Уйдем отсюда!

Она снова повела его по праздничным улицам через игорные залы и ярко освещенные павильоны, мимо обеденных столов и домов радости, нигде не останавливаясь, перелетая, как птица, с места на место, пока наконец они не свернули за угол и не оказались в темноте, за пределами всеобщего веселья. Они пошли дальше — в тишину деревьев, в аромат цветов. Это был парк.

— Идем,— прошептала Карабелла и взяла Валентина за руку.

Они оказались на залитой лунным светом поляне, над которой сомкнулись вершинами деревья. Рука Валентина мягко скользнула вокруг тонкой талии Карабеллы. Дневное тепло задержалось под этими сплетенными кронами, от влажной земли поднимался сладкий аромат громадных, больше головы скандара, цветов. Фестиваль и все его хаотическое возбуждение, казалось, отодвинулись на десять тысяч миль.

— Здесь мы и останемся,— сказала Карабелла.

Подчеркнуто рыцарски Валентин расстелил свой плащ. Она села, потянула к себе Валентина и оказалась в его объятиях. Они лежали в укрытии между двумя густыми кустами с серо-зелеными, как будто приклеенными ветками. Где-то неподалеку бежал ручей. Проблески света слабо пробивались сверху.

На бедре Карабеллы висела маленькая карманная арфа искусной работы. Она сняла ее, сыграла короткое мелодичное вступление и запела чистым высоким голосом:

Моя любовь прекрасна, как весна.
Моя любовь сладка, как плод запретный,
Как ночь благоуханная, нежна,
Чиста, как день, омытый солнца светом.
Она — как сердца радостный полет!
Она дороже мне сокровищ мира
И даже Замка Горного красот.
О ней поет, не умолкая, лира.

— Красивая песня,— задохнулся Валентин,— и твой голос так прекрасен...

— А ты поешь? — спросила она.

— Ну, наверное.

Она протянула ему арфу:

— Спой что-нибудь твое любимое.

Он растерянно повертел в руках маленький инструмент.

— Я не знаю песен.

— Никаких? Ну хоть несколько ты должен знать!

— Похоже, я все забыл.

Она улыбнулась и взяла арфу.

— Хорошо, я научу тебя, только не сейчас.

— Нет, не сейчас.

Валентин нежно поцеловал ее. Она улыбнулась и крепче прижалась к нему. Глаза его привыкли к темноте, и он довольно ясно видел ее маленькое чистое личико с яркими озорными глазами, блестящие растрепанные волосы, трепещущие в ожидании ноздри. Он попытался взять себя в руки, избежать того, что должно вот-вот произойти, не желая брать на себя никаких обязательств, но тут же отбросил эти страхи. Была фестивальная ночь, и они хотели друг друга. Руки Валентина скользнули по спине девушки, переместились вперед, сжали грудь. Он вспомнил, как она стояла обнаженная под очистителем: сильная, стройная, полная внутренней энергии. Он чувствовал, как она дрожит, и понимал, что это не от холода, не от ночной сырости,— казалось, она находится во власти какой-то странной, чуть ли не пугающей силы. Он гладил ее руки, лицо, плечи, с трепетом касался маленьких грудей. Рука скользнула по гладкой коже внутренней стороны ее бедра. Карабелла резко выдохнула и привлекла его к себе.

Они без слов понимали друг друга, каждое движение, каждый жест были настолько ясны и знакомы, как будто они давно

уже были любовниками. Стройные ноги обхватили его талию, и они все перекатывались и перекатывались, пока не оказались на берегу ручья и своей разгоряченной кожей не почувствовали его прохладную свежесть.

Потом он в полудреме лежал в ее объятиях, слушая, как бьется ее сердце.

— Мы останемся ночевать здесь,— прошептала Карабелла.— В эту ночь нас никто не потревожит.

Она погладила его лоб, убрала с глаз прядь мягких желтых волос и легонько поцеловала в кончик носа. Она была ласкова и игрива, как котенок, владевшее ею темное возбуждение ушло, сгорело в пламени страсти. Валентин был потрясен, оглушен и растерян. Он пережил внезапный, острый экстаз, и в миг этого экстаза будто заглянул через ворота ярчайшего света в таинственную область без цвета, формы и субстанции, едва успел замереть на самом краю этого неведомого — и его резко отбросило назад, в реальный мир.

Он не мог говорить, не было подходящих слов. Карабелла, видимо, чувствовала его состояние и тоже молчала, только обнимала его, нежно покачивала, положив его голову к себе на грудь, и тихонько напевала. В тепле ночи он незаметно для себя заснул. И вновь к нему явились сны-образы, грубые и страшные.

Он опять очутился на знакомой унылой пурпурной равнине. Те же насмешливые лица смотрели на него с багрового неба, но на этот раз он был не один. Перед ним маячило темное лицо, и чье-то присутствие физически давило на него. В недобром сиянии янтарного солнца Валентин не мог разглядеть черты этого лица, но знал, что это его брат. Где-то звучала печальная, тихая музыка, в которой слышалось рыдание. Значит, сон был опасный, угрожающий, смертельный.

Двое мужчин сошлись в страшной дуэли, из которой только один должен выйти живым.

— Брат! — закричал Валентин в ужасе и смятении.— Нет! — Он дергался и извивался и как бы плыл по поверхности сна. На миг ему даже удалось воспарить над ней. Но то, чему обучали с рождения, засело в нем слишком глубоко: он знал, что никому не позволено спасаться бегством от снов или в испуге отбрасывать их от себя; он должен полностью входить в них и подчиняться их приказам. Во сне он встречается с немыслимым, и уклониться от этого означает противопоставить себя сну и погибнуть наяву.

Усилием воли Валентин вновь вернул себя на зыбкую границу между сном и бодрствованием и опять почувствовал злобное присутствие брата-врага. Оба были вооружены, но не одинаково: Валентин держал в руке плохонькую рапиру, его брат — массивную саблю. Со всей своей ловкостью и проворством Валентин отчаянно пытался найти рапирой брешь в защите брата, но это было невозможно. Тот все время парировал его уколы медленными, тяжелыми ударами. Слабое лезвие Валентина отскакивало в сторону и неумолимо тянуло его самого назад по грубой, изрытой земле. Над головой кружились стервятники. С неба лилась клекочущая песня смерти. Скоро должна пролиться кровь, и жизнь вернется к Источнику. Шаг за шагом Валентин отступал, зная, что позади овраг и скоро дальше отступать будет некуда. Рука его болела, глаза слезились от напряжения, во рту скрипел песок, силы были на исходе. Назад... назад...

— Брат! — в отчаянии крикнул он.— Во имя Божества...

Ответом на его мольбу были грубый смех и непристойная ругань. Сабля взвилась и опустилась. Валентин выставил свое оружие. Тело его онемело, он задрожал, когда раздался скрежет металла, и его легкая рапира переломилась. В ту же минуту он попал ногой в торчащую из песка корягу и тяжело упал на землю в переплетенные колючие ветки. Гигантский человек с саблей встал над ним, заслонив солнце и закрыв собой небо. Песня смерти зазвучала убийственно визгливо, стервятники устремились вниз.

Спящий Валентин стонал и вздрагивал. Он повернулся и прижался к Карабелле, набираясь от нее тепла, потому что его окутал страшный холод смертельного сна. Так легко было бы проснуться, уйти от ужаса этих образов, выплыть в безопасность на берега сознания. Но нет. Подчиняясь правилу, он снова и снова бросал себя в кошмар. Огромный человек захохотал. Сабля поднялась. Мир вокруг упавшего тела Валентина качался и рушился. Он направил свой дух к Повелительнице Снов и ждал смертельного удара. Но удар сабли оказался неловким и неудачным: оружие его брата с глухим стуком вонзилось глубоко в песок. Сон тут же изменился. Валентин не слышал больше пронзительной песни смерти, все перевернулось. В него неожиданно влились потоки энергии, и он вскочил на ноги. Брат рывками пытался выдернуть

саблю, но Валентин каблуком загнал ее еще глубже и бросился на противника с голыми руками. Теперь уже Валентин одерживал победу, а испуганный брат, отступая под градом ударов, упал на колени и, качая окровавленной головой из стороны в сторону, рычал, как раненый медведь. Он принимал удары, не пытаясь защищаться, и только бормотал: «Брат... брат...», когда Валентин опрокинул его на песок. Он лежал неподвижно у ног вышедшего победителем в борьбе Валентина. «Пусть скорее настанет утро и освободит меня от сна»,— молился он. Было еще темно. Валентин опустил руки и вздрогнул. Безумные образы, разрозненные, но впечатляющие, проплывали в его смятенном мозгу.

Карабелла задумчиво смотрела на него.

— С тобой все в порядке? — спросила она.

— Я видел сон.

— Ты три раза кричал. Я подумала, что тебе надо проснуться. Тяжелый сон?

— Да.

— А как ты сейчас?

— Растерян, ошеломлен.

— Расскажи мне свой сон.

Это была очень интимная просьба. Но разве они не любовники? Разве они не вместе ушли в мир сна, как партнеры в ночных поисках?

— Я видел, что дрался со своим братом,— хрипло ответил он.— Мы сражались на шпагах в жаркой голой пустыне, и он уже готов был убить меня, но в последнюю минуту я поднялся с земли и... и убил его голыми руками.

Ее глаза горели в темноте, как у зверя.

— Ты всегда видишь такие жестокие сны? — спустя мгновение спросила Карабелла.

— Не думаю. Но...

— Да?

— Дело не только в насилии. Карабелла, у меня нет брата!

Она засмеялась:

— А ты хочешь, чтобы во сне все было, как наяву? Валентин, Валентин, где ты учился? В снах истина всегда спрятана очень глубоко. Брат в твоем сне может быть кем угодно или никем: Зализаном Каволом, Слитом, твоим отцом, лордом Валентином, понтифексом Тиеверасом, Шанамиром или даже мной.

Ты же знаешь, что сны, кроме специально посланных, все преобразуют.

— Знаю. Но что означает этот сон, Карабелла? Дуэль с братом... почти убит им... и вдруг убил его...

— Ты хочешь, чтобы я истолковала твой сон за тебя? — удивилась она.

— Он для меня ничего не означает, кроме страха и тайны.

— Да, тебе было очень страшно. Ты обливался потом и несколько раз кричал. Но мучительные сны всегда являются наиболее вещими. Растолкуй его сам.

— У меня нет брата...

— Я же сказала тебе, это неважно.

— Что же, я воюю против самого себя? Не понимаю. И врагов у меня нет.

— Может, твой отец? — намекнула она.

Валентин задумался. Отец? Он попытался представить себе лицо, которое могло бы принадлежать человеку с саблей, но не смог.

— Я не помню его.

— Он умер, когда ты был маленьким?

— Наверное.

Валентин покачал головой и почувствовал, как в висках у него застучало.

— Не помню. Я вижу высокого человека с темной бородой, темноглазого...

— Как его звали? Когда он умер?

Валентин вновь покачал головой.

Карабелла наклонилась, взяла его за руки и тихо спросила:

— Где ты родился?

— На востоке.

— Да, ты говорил. Но где, в каком городе, в какой провинции?

— В Ни-мойе? — вопросительно произнес Валентин.

— Ты спрашиваешь или отвечаешь?

— В Ни-мойе,— повторил он.— Большой дом, сад, неподалеку река. Да, я вижу себя там, купаюсь в реке, охочусь в герцогском лесу. Может, я видел это во сне? Или читал что-то такое, или мне рассказывали?

— Как зовут твою мать?

Он открыл было рот, но промолчал.

— Она тоже умерла молодой?

— Галиара,— неуверенно сказал он.— Да, Галиара.

— Приятное имя. Расскажи, как она выглядела.

— Она... Она была...— Он запнулся.— Золотые волосы, как у меня, гладкая свежая кожа, глаза... ее голос... Это так трудно, Карабелла.

— Ты дрожишь.

— Да.

— Иди сюда.

Она притянула его к себе. Она была много меньше его, но казалась сейчас гораздо сильнее, и рядом с ней ему было так уютно.

— Ты ничего не помнишь, Валентин? — спросила она мягко.

— Ничего.

— Ты не помнишь, где родился, откуда пришел сюда, как выглядели твои родители, не помнишь даже, где ты был в прошлый Звездный день? Твои сны не могут служить тебе руководством, потому что ты ничего не можешь объяснить в них.

Ее пальцы осторожно, но твердо начали ощупывать его голову.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Смотрю, нет ли повреждений. Удар по голове может отбить память.

— Есть что-нибудь?

— Ни рубца, ни шишки. Но это еще ничего не значит. Это могло случиться месяц или два назад. Когда взойдет солнце, посмотрю еще раз.

— Мне нравится прикосновение твоих рук.

— А мне нравится касаться тебя.

Валентин спокойно лежал рядом с ней. То, о чем они говорили, растревожило его. «Другие люди,— думал он,— помнят свое детство и юность, знают, где они родились и как зовут их мать и отца, а у меня нет ничего, кроме неопределенных фрагментов, тумана тонких, ненадежных воспоминаний, покрывающего колодец пустоты». Он знал, что там пустота, и не хотел заглядывать в нее. Но Карабелла заставила его это сделать. Он недоумевал, почему так не похож на других, почему его воспоминания столь бессвязны. Может, он и вправду получил удар по голове или просто так глуп, что не в силах удержать в памяти даже отрывки пережитого? И пока он, Валентин, годами бродил

по Маджипуру, наступавший новый день стирал воспоминания о прошедшем?

Они так и не уснули больше в эту ночь.

К утру они совершенно неожиданно снова занялись любовью, но уже молча, сосредоточенно, совсем не так, как прошлый раз. Затем они все так же молча поднялись, умылись в маленьком холодном ручье, оделись и направились через город в гостиницу. По улицам все еще шатались гуляки с затуманенными глазами, а над Пидруидом уже высоко поднялся яркий глаз солнца.

Глава 10

По совету Карабеллы Валентин доверительно рассказал Слиту про сон и про последовавший за ним разговор. Маленький седовласый жонглер внимательно слушал не перебивая и выглядел невероятно торжественно. Когда Валентин закончил, Слит сказал:

— Тебе надо бы поговорить с толкователем снов. Послание слишком сильно, чтобы им пренебречь.

— Значит, ты думаешь, что это послание?

— Скорее всего.

— От Короля?

Слит вытянул руки и принялся рассматривать кончики пальцев.

— Возможно. Жди и будь осторожен. Король никогда не посылает простых посланий.

— Оно могло быть и от Повелительницы Снов,— вмешалась Карабелла.— Жестокость сна не должна обманывать нас. Когда нужно, Повелительница посылает и такие сны.

— А некоторые сны,— добавил, улыбаясь, Слит,— приходят не от Повелительницы и не от Короля, а из глубин нашего затуманенного мозга. Но без посторонней помощи здесь не обойтись. Иди к толкователю снов, Валентин.

— А может ли толкователь снов помочь мне обрести память?

— Толкователь или колдун может. Но если сны не основаны на твоем прошлом, это ничего не даст.

— Кроме того,— сказала Карабелла,— такой сильный сон нельзя оставлять без внимания. Тебе надо его обдумать. Если сон требует действия, а ты ничего не предпримешь...— Она пожала

плечами.— Твой дух ответит за это, и очень скоро. Ищи толкователя, Валентин.

— Я надеялся,— обратился Валентин к Слиту,— что ты хоть немного разбираешься в этом.

— Я жонглер, а не толкователь.

— А можешь ты порекомендовать мне кого-нибудь в Пидруиде?

— Мы скоро уйдем отсюда. Подожди несколько дней. У тебя будут еще сны, и ты все расскажешь толкователю.

— Хотел бы я знать, послание ли это? — задумался Валентин.— И от Короля ли? Какое дело Королю Снов до такого бродяги, как я? Не думаю, что это от Короля. На Маджипуре двадцать миллиардов жителей — разве может Король найти время для всех, если только это не очень важно?

— В Сувраэле,— ответил Слит,— во дворце Короля Снов есть громадные машины, которые следят за всем миром и каждую ночь направляют послания в мозг миллионов людей. Кто знает, как выбираются эти миллионы? Когда мы были детьми, нам говорили: прежде чем мы покинем этот мир, мы почувствуем прикосновение Короля Снов к нашим душам, ко всем и к каждому по отдельности. И я знаю теперь, что это правда. Знаю, потому что со мной это было.

— С тобой?

— И не один раз.— Слит коснулся своих прямых нечесаных седых волос.— Ты думаешь, я так и родился седым? Однажды я спал в гамаке в джунглях за Нарабалем. Тогда я еще не был жонглером. Король пришел ко мне во сне и отдал приказ моей душе, а когда я проснулся, волосы мои побелели. Мне было тогда двадцать три года.

— Приказ? — выдавил из себя Валентин.— Какой приказ?

— Чтобы черные волосы за одну ночь стали седыми,— сказал Слит, явно не желая продолжать разговор. Он встал и взглянул на утреннее небо, как бы проверяя, насколько высоко поднялось солнце.

— Я думаю, мы достаточно поговорили, друг. На фестивале мы еще успеем пополнить свои карманы кронами. Хочешь, я научу тебя нескольким новым трюкам, пока Залзан Кавол не послал нас работать?

Валентин кивнул. Слит взял мячи и дубинки, и они вышли во двор.

— Смотри,— велел Слит.

Он прижался к спине Карабеллы. Она держала два мяча в правой руке, а он — один в левой, и они начали перебрасывать их друг другу.

— Это полужонглирование,— пояснил Слит,— вещь простая даже для новичка, но выглядит чрезвычайно сложной.

Они сразу же вошли в ритм, легко перекидывая мячи вперед и назад, как одно существо с четырьмя ногами, двумя мозгами и двумя жонглирующими руками.

«Да, это действительно кажется трудным»,— подумал Валентин.

— Подай-ка нам дубинки,— попросил Слит.

Валентин быстрыми, резкими бросками по одной перекинул дубинки в правую руку Карабеллы, и она одну за другой посылал их дальше, до тех пор пока мячи и дубинки не стали летать от нее к Слиту и от Слита к ней с головокружительной скоростью.

Валентин знал по собственному опыту, как трудно работать с несколькими разными предметами. Он надеялся, что за следующие несколько недель научится жонглировать пятью мячами. Четыре дубинки можно освоить достаточно быстро, но управлять тремя мячами и тремя дубинками одновременно и так здорово согласовывать все движения в этом полужонглировании — это подвиг, который поражал и восхищал его. К удивлению Валентина, тут примешивалась еще ревность: Слит стоял вплотную к Карабелле и составлял с ней как бы единый организм, а ведь всего несколько часов назад она лежала с Валентином около ручья в парке Пидруида.

— Попробуй,— предложил Слит и отошел в сторону.

Карабелла повернулась лицом к Валентину. Они работали только тремя мячами. Сначала Валентину было трудно рассчитать высоту и силу броска, и он иной раз бросал мяч так, что Карабелла не могла поймать его, но через десять минут он освоился, а через пятнадцать они действовали так четко, словно делали это не один год. Слит подбадривал их аплодисментами.

Появился скандар — не Залзан Кавол, а его брат Ерфон, казавшийся чересчур суровым и холодным даже для скандара.

— Вы готовы? — проворчал он.

После обеда труппа должна была выступать в частном парке одного богатого торговца, который принимал у себя герцога провинции.

Карабелла и Валентин показали свою новую работу. Скандары продемонстрировали нечто яркое и сверкающее из тарелок, хрустальных стаканчиков и кухонных мисок, а в заключение Слит вышел жонглировать с завязанными глазами.

— Разве такое возможно? — потрясенно спросил Валентин.

— Смотри! — сказала Карабелла.

Валентин смотрел, но кроме него смотрели очень немногие, потому что после безумного Звездного дня настал День Солнца, и господа, заказавшие представление, устали и пресытились. Им уже надоело мастерство музыкантов, акробатов и жонглеров, которых они наняли.

Слит выступил вперед с тремя дубинками, встал твердо и уверенно, помедлил с минуту, слегка склонив голову набок, словно прислушиваясь к ветру, который дул со стороны океана, затем глубоко вздохнул и начал работать.

Залзан Кавол громыхнул:

— Двадцать лет практики, лорды и леди Пидруида! Тут нужен острейший слух! Он слышит шелест дубинок в воздухе, когда они летят из одной руки в другую!

Валентин недоумевал, как даже самый тонкий слух может уловить что-то в гуле разговоров, звоне тарелок и громогласном рекламировании Залзана Кавола, но Слит не сделал ни одной ошибки. Заметно было, что номер был трудным даже для него: обычно он был спокоен и неутомим, как машина, но сейчас его руки двигались необычно резко и с отчаянной торопливостью хватали кружившуюся почти вне пределов досягаемости дубинку. И все-таки жонглировал он замечательно.

Казалось, перед его мысленным взором была разложена карта с изображением местонахождения каждой летевшей дубинки, и рука протягивалась как раз туда, куда та могла упасть, и находила ее именно там или, по крайней мере, очень близко. Он сделал десять, пятнадцать, двадцать обменов, затем прижал все три дубинки к груди, сорвал повязку с глаз и низко поклонился. Раздались жидкие аплодисменты. Слит стоял неподвижно. Карабелла подошла и обняла его, Валентин шлепнул его по плечу, и труппа покинула сцену.

В комнате для переодевания Слит все еще дрожал от пережитого напряжения, и по лицу его текли блестящие струйки пота. Глоток за глотком поглощая огненное вино, как если бы это была простая вода, он спросил Карабеллу:

— Они обратили внимание? Они хоть что-нибудь видели?

— Некоторые,— мягко ответила она.

Слит плюнул.

— Свиньи! Блавы! Сами не могут даже комнату пересечь, а сидят и болтают, когда артист... когда...

Валентин никогда еще не видел Слита таким. «Судя по всему, жонглирование вслепую плохо сказывается на нервах»,— подумал он и обнял Слита за плечи.

— Важно мастерство, а не манеры зрителей,— сказал он серьезно.— Ты был превосходен.

— Не совсем,— угрюмо буркнул Слит.— Синхронность...

— Отличная,— настаивал Валентин.— Ты выступил великолепно! Ты был величествен. Какое тебе дело, что говорят или делают пьяные торговцы? Ты овладел этим искусством ради себя или ради них?

Слит слабо улыбнулся:

— Жонглирование вслепую захватывает тебя до глубины души.

— Мне грустно видеть тебя таким.

— Пройдет. Мне уже лучше.

— Ты сам себе придумал эту боль. Глупо так расстраивать себя. Повторяю: ты был великолепен, а все остальное не имеет значения.

Он повернулся к Шанамиру:

— Сбегай на кухню, нет ли там для нас мяса и хлеба. Слит очень устал, ему надо подкрепиться. Одного огненного вина недостаточно.

Напряжение и злость Слита уже ушли, осталась только усталость. Он протянул руку Валентину.

— У тебя теплая и добрая душа, Валентин, светлая и нежная.

— Твоя боль ранила меня.

— Впредь постараюсь сдерживать свои эмоции,— пообещал Слит.— Но ты прав: мы жонглируем для себя, а все эти не стоят нашего внимания. Я не должен забывать об этом.

В Пидруиде Валентин видел жонглирование вслепую еще дважды, и каждый раз Слит сходил с подмостков напряженным и обессиленным. Он понимал, что усталость Слита не зависела от внимания зрителей: это была адски тяжелая работа, вот и все. И цена, которую платил маленький человек за свое умение, была слишком большой. Валентин старался, как мог, облегчить

его состояние, успокоить и сам получал от этого удовлетворение.

Еще дважды Валентин видел темные сны. Один раз к нему явился понтифекс и позвал его в Лабиринт. Он вошел туда и увидел множество проходов и непонятных улиц. Изображение тощего старого Тиевераса плыло перед ним, ведя его к центру. Наконец он зашел довольно далеко в глубь громадного Лабиринта. Понтифекс вдруг исчез, и Валентин остался один в зеленовато-холодной пустоте. Все опоры исчезли, и он начал падать к центру Маджипура.

В другом сне проезжавший на своей колеснице через Пидруид корональ поманил его к себе и предложил сыграть в игорной палатке. Они метали диск, сбивали фишки и выиграли связку белых пальцевых суставов, а когда Валентин спросил, чьи это кости, лорд Валентин засмеялся, дернул себя за густую черную бороду, устремил на Валентина свой горящий взор и сказал:

— Посмотри на свои руки.

И Валентин увидел вместо пальцев розовые шрамы.

Валентин рассказал об этих снах Слиту и Карабелле, и они опять не смогли истолковать их, а лишь посоветовали, как только они покинут Пидруид, обратиться к какой-нибудь жрице мира снов. Отъезд был неминуем. Фестиваль закончился, корабли короналя ушли из гавани, дороги были забиты, так как люди из провинции возвращались по домам. Залзан Кавол торопил свою труппу закончить все дела в Пидруиде, чтобы двинуться в путь в День Моря после полудня.

Это известие почему-то опечалило Шанамира, и Валентин заметил, как изменилось настроение мальчика.

— Я думал, ты будешь рад отправиться в путь. Тебе не хочется покидать город?

Шанамир покачал головой.

— Я ушел бы отсюда хоть сейчас.

— Тогда в чем дело?

— Прошлой ночью я видел во сне отца и братьев.

Валентин улыбнулся:

— Еще не выехал из своей провинции, а уже тоскуешь по дому?

— Это не тоска по дому,— мрачно возразил мальчик.— Они лежали на дороге связанные, а я вел животных. Отец и братья

кричали мне, чтобы я помог им, а я ехал прямо на них. Тут и без толкователя снов ясно, что это означает.

— Значит, на тебе вина, что ты бросил свои обязанности и дом?

— Вина? Да. Деньги! — ответил Шанамир.

В его голосе слышалось раздражение мужчины, объясняющего что-то тупому ребенку. Он похлопал себя поясу:

— Деньги, Валентин. У меня тут около ста шестидесяти реалов от продажи животных. Разве ты забыл? Это целое состояние. Их хватит моей семье, чтобы прожить весь этот год и часть следующего! Они ждут моего благополучного возвращения в Фалкинкип с этими деньгами.

— А разве ты собирался не отдавать им эти деньги?

— Но меня же нанял Залзан Кавол! А вдруг он направляется в другую сторону? Если я повезу деньги домой, то потом не найду вас, когда вы будете странствовать по Зимроэлю. А если я пойду с жонглерами, я украду деньги моего отца, на которые он рассчитывает и в которых нуждается. Понял?

— Это решается довольно просто,— сказал Валентин.— Фалкинкип далеко отсюда?

— Дня два, если ехать быстро, три — если не торопиться.

— Это близко. Я уверен, что Залзан Кавол еще не определил наш маршрут окончательно. Я поговорю с ним прямо сейчас. Ему все равно, в какой город ехать. Я попрошу его отправиться отсюда по фалкинкипской дороге. Когда мы окажемся поблизости от фермы твоего отца, ты удерешь ночью, отдашь деньги кому-нибудь из братьев и до рассвета вернешься. Тогда на тебе не будет вины и ты будешь свободен.

Глаза Шанамира округлились.

— Ты думаешь, что сможешь уговорить этого скандара? Как?

— Посмотрим.

— Он разозлится и побьет тебя, если ты его о чем-нибудь попросишь. Он не любит, когда вмешиваются в его планы, как и ты не позволил бы стаду блавов решать твои дела.

— Я поговорю с ним,— повторил Валентин,— и увидим. У меня есть основания считать, что Залзан Кавол вовсе не так груб, как хочет казаться. Где он?

— Осматривает свой фургон, готовит его для поездки. Ты знаешь, где стоит фургон?

— Где-то на берегу. Да. Знаю.

Жонглеры путешествовали в отличном фургоне, который сейчас стоял за несколько кварталов от гостиницы, поскольку был слишком широк, чтобы на нем можно было проехать по узким улицам. Это был внушительный, дорогой экипаж, благородный и величественный, отлично сработанный мастерами одной из внутренних провинций. Его основу составляла длинная рама из легких, упругих деревянных крыльев, которые были искусно разрезаны на широкие, выгнутые дугой полосы, склеенные бесцветным душистым клеем и переплетенные гибкими лозами с южных болот. Эту элегантную арматуру покрывали туго натянутые и прошитые толстыми желтыми нитками из хрящеватых жил пластины выдубленной кожи стиков.

Подойдя к фургону, Валентин увидел Ерфона Кавола и другого скандара, Гибора Хаэрна. Они старательно смазывали механизмы фургона, а изнутри доносились яростные крики, такие громкие, что фургон, казалось, качался.

— Где ваш брат? — спросил Валентин.

Гибор Хаэрн угрюмо мотнул головой в сторону фургона.

— Неподходящее время, чтобы впереться туда.

— У меня дело.

— А у него свое дело,— сказал Ерфон Кавол,— с вороватым маленьким колдуном, которому мы платили, чтобы он указывал нам путь по провинциям, и который отказался от работы как раз сейчас, когда мы собираемся уехать из Пидруида. Войди, если хочешь, но ты пожалеешь об этом.

Злобные крики в фургоне перешли в вопли. Дверь неожиданно распахнулась, и оттуда выскочил крошечный ссохшийся старый вруун, маленькое, как кукла, существо в легких перьях, с клейкими щупальцами, тускло-зеленой кожей и громадными золотыми глазами, в которых сейчас горел страх. На щеке возле клюва-рта виднелось пятно желтой крови.

Через секунду в дверях показался Залзан Кавол. От гнева шерсть у него стояла дыбом. Беспорядочно размахивая широкими, похожими на корзины руками, он крикнул братьям:

— Хватайте его! Не давайте ему уйти!

Ерфон и Гибор тяжело поднялись и загородили дорогу вруну. Маленькое существо, пойманное в ловушку, в ужасе остановилось, резко развернулось и ткнулось в колени Валентину:

— Лорд,— бормотал он, вцепившись слабыми щупальцами в Валентина,— защити! Он обезумел и в своей злобе убьет меня!

— Держи его, Валентин,— приказал Залзан Кавол и шагнул вперед.

Валентин толкнул испуганного вруна за спину и твердо взглянул в лицо Залзана Кавола.

— Умерь свой пыл, если можешь. Если ты убьешь этого вруна, мы все застрянем в Пидруиде навеки.

— Я не собираюсь его убивать,— рявкнул Залзан Кавол.— Мне совершенно ни к чему многолетние отвратительные послания.

— Он не хочет меня убивать, он хочет только ударить меня со всей силы об стену,— дрожащим голосом выдавил из себя Вруун.

— Из-за чего ссора? Может, я могу стать посредником?

Залзан Кавол нахмурился:

— Этот спор тебя не касается, Валентин. Убирайся отсюда.

— Мне лучше остаться и подождать, пока ты успокоишься.

Глаза Залзана Кавола вспыхнули. Он подошел к Валентину настолько близко, что тот почувствовал усиленный злобой запах грубой шерсти скандара. «Он запросто может швырнуть об стену нас обоих»,— подумал Валентин.

Ерфон и Гибор держались в стороне. Судя по всему, они никогда еще не видели, чтобы их брату выказывалось такое неповиновение. Некоторое время все молчали. Кулаки Залзана Кавола конвульсивно сжимались, но он не двигался с места. Наконец он заговорил:

— Этот вруун — колдун Аутифон Делиамбер. Я нанял его, чтобы он показывал мне внутренние дороги и охранял нас от происков меняющих форму. Всю эту неделю он праздновал в Пидруиде за мой счет, а теперь, когда нам пора ехать, говорит, чтобы я искал другого проводника, что он потерял интерес к странствиям. Так-то ты выполняешь контракт, колдун?

— Я стар и слаб,— ответил вруун,— мое колдовство утрачивает силу, и, мне кажется, я иной раз забываю дорогу. Но, если ты все еще хочешь, я буду сопровождать тебя, как обещал прежде, Залзан Кавол.

Скандар был ошеломлен:

— Что?!

— Я передумал,— вежливо сказал Аутифон Делиамбер.

Он отцепился от ног Валентина, вышел вперед и уставился на огромного скандара, сгибая и разгибая щупальца, как будто стряхивал с них страшное напряжение.

— Я буду выполнять свой контракт.

Залзан Кавол растерянно проговорил:

— Всего полтора часа назад ты клялся, что останешься в Пидруиде, отвергал все мои просьбы, не обращая внимания даже на угрозы, и привел меня в такую ярость, что я готов был стереть тебя в порошок — на свою беду, потому что мертвые колдуны приносят несчастье и Король Снов страшно покарал бы меня за это. Ты упрямо отказывался от контракта и говорил, чтобы я искал другого проводника, а теперь ты вдруг все переиграл!

— Да.

— Не будешь ли ты так любезен объяснить мне почему?

— Причины нет,— ответил вруун,— кроме разве того, что этот молодой человек мне понравился, я восхищен его мужеством, добротой и теплом его души, и, раз он едет с тобой, я тоже поеду. Только из-за него. Все дело только в этом. Твое любопытство удовлетворено, Залзан Кавол?

Скандар заворчал, плюнул в раздражении и яростно зажестикулировал внешней парой рук. На миг показалось, что он сейчас снова взорвется приступом неуправляемой злобы и что он удерживается от этого с величайшим трудом. Наконец он рявкнул:

— Уходи с глаз моих, колдун, пока я все-таки не размазал тебя по стене. И да хранит Божество твою жизнь, если ты не будешь здесь сегодня после обеда, чтобы ехать с нами.

— В два часа пополудни,— уточнил Аутифон Делиамбер.— Я буду вовремя, Залзан Кавол.— И, обращаясь к Валентину, добавил:

— Я полагаю, ты мой защитник. Я в долгу перед тобой и расплачусь скорее, чем ты думаешь.— С этими словами вруун быстро исчез.

Помолчав, Залзан Кавол произнес:

— С твоей стороны глупо было вставать между нами, Валентин. Это могло плохо кончиться.

— Я знаю.

— А если бы я изувечил вас обоих?

— Я чувствовал, что ты сумеешь обуздать свой гнев. Я был прав?

Залзан Кавол изобразил скандарский вариант улыбки.

— Я сдержал свою злость, это верно, но потому только, что ты поразил меня своим нахальством. Только мое удивление остановило меня. Еще минута, и если бы Делиамбер продолжал перечить мне...

— Но он согласился выполнить условия контракта,— перебил его Валентин.

— Это верно. Полагаю, я тоже у тебя в долгу. Поиски нового проводника могли задержать нас на несколько дней. Так что я благодарю тебя,— закончил Залзан Кавол с неуклюжей любезностью.

— Значит, ты мой должник?

Скандар внезапно выпрямился и с подозрением спросил:

— Так что?

— Мне нужна небольшая милость от тебя. Если я оказал тебе услугу, нельзя ли попросить об ответной?

— Продолжай,— ледяным голосом откликнулся Залзан Кавол.

Валентин сделал глубокий вдох.

— Мальчик Шанамир из Фалкинкипа. Прежде чем идти с нами, он должен выполнить важное поручение. Это дело семейной чести.

— Пусть едет в Фалкинкип, а потом догоняет труппу.

— Он боится, что не найдет нас.

— О чем же ты просишь, Валентин?

— Устрой так, чтобы наш путь прошел в нескольких часах езды от дома мальчика.

Скандар злобно взглянул на Валентина и прорычал:

— Сначала я услышал от своего проводника, что мой контракт ничего не стоит, потом ученик жонглера остановил меня, а теперь меня просят планировать мое путешествие в угоду семейной чести грума! На что это похоже?

— Если у тебя нет где-то важного ангажемента,— с надеждой сказал Валентин,— то Фалкинкип всего в двух-трех днях пути на север, а мальчик...

— Хватит! — заорал Залзан Кавол.— Наша дорога — на Фалкинкип. И больше никаких поблажек! Теперь убирайся. Ерфон, Хаэрн, фургон готов?

Глава 11

Фургон труппы Залзана Кавола был так же роскошен внутри, как и снаружи. Пол был из темных досок ночного дерева, отполированных до блеска и идеально подогнанных друг к дру-

гу. В задней части, предназначенной для пассажиров, со сводчатого потолка свисали изящные нити из сухих семян, украшенные кисточками, стены были покрыты замысловатой резьбой, пластинами из меха и полотнищами тонкой ткани. Здесь, хотя и не слишком свободно, могли разместиться пять или шесть скандаров.

Среднюю часть фургона занимал склад личных вещей, чемоданов, тюков и жонглерского оборудования, а в передней части на высокой открытой площадке находилось сиденье для того, кто управлял фургоном, достаточно широкое, чтобы на нем поместились два скандара или трое людей.

Хотя фургон был громадный и роскошный, вполне достойный герцога и даже короналя, он был достаточно легок, чтобы плыть на воздушной подушке, воздух для которой генерировался магнитными роторами, которые крутились в его чреве. Когда они работали, фургон поднимался примерно на фут над землей и легко двигался с помощью упряжных животных.

К полудню все вещи погрузили в фургон, и труппа отправилась в гостиницу обедать. Валентин опешил, увидев, что рядом с Залзаном Каволом усаживается хьорт Виноркис с намазанными оранжевой краской усами. Скандар стукнул по столу, требуя внимания, и объявил:

— Познакомьтесь с нашим новым управляющим. Это Виноркис. Он будет помогать мне вести книги, присматривать за нашим имуществом и управлять всеми хозяйственными делами, которые доселе были на мне.

— О нет! — прошептала Карабелла.— Он нанял хьорта! Этого страшилу, который всю неделю пялился на нас!

Виноркис улыбнулся призрачной хьортской улыбкой, показав при этом тройной ряд жевательных хрящей, и оглядел всех выпученными глазами.

— Значит, ты всерьез решил присоединиться к нам? — обратился к нему Валентин.— А я думал, ты шутишь насчет жонглирования цифрами.

— Всем известно, что хьорты никогда не шутят,— серьезно ответил Виноркис и мерзко захохотал.

— А что будет с твоей торговлей шкурами хайгу?

— Я продал весь товар на рынке. Вспомнив о тебе, не знающем, где ты будешь завтра, и не заботящемся об этом, я позавидовал такой жизни и подумал: «Неужели я так и буду до конца

дней своих торговать шкурами хайгу или, может, попробовать какое-нибудь новое дело, например отправиться в путешествие?» И предложил свои услуги Залзану Каволу, когда услышал, что ему нужен помощник. И вот я здесь!

— Ты здесь,— мрачно сказала Карабелла.— Добро пожаловать!

После плотной еды стали готовиться к отъезду. Шанамир вывел из стойла четырех животных и ласково разговаривал с ними, пока скандары запрягали. Залзан Кавол взял вожжи, его брат Хейтраг сел рядом с ним, а Аутифон Делиамбер пристроился с краю. Шанамир ехал на собственном верховом животном. Валентин вместе с Карабеллой, Слитом, Виноркисом и четырьмя скандарами забрался в пассажирскую часть фургона. Все долго возились, пока не устроились так, что никто никому не мешал.

— Гей! — крикнул Залзан Кавол.

Фургон двинулся через врата Фалкинкипа к главному тракту, по которому неделю назад, в День Луны Валентин вошел в Пидруид.

Дневная жара еще не спала, и воздух был плотным и влажным.

Прекрасные цветы огненных пальм уже начали увядать, и дорога как малиновым снегом была усыпана опавшими лепестками. В фургоне было несколько окон — прочных пластин из кожи стика отличного качества, тщательно подогнанных и абсолютно прозрачных. В удивительно торжественной тишине Валентин смотрел, как исчезает Пидруид — громадный город с одиннадцатью миллионами жителей, где он жонглировал перед короналем, пил незнакомое вино, ел пряную пищу и провел фестивальную ночь в объятиях черноволосой Карабеллы.

Сейчас перед ним лежала открытая дорога, и кто знает, что ждет путешественников, какие приключения?

У него не было планов. Он жаждал снова жонглировать, освоить новое искусство, перестать считаться учеником и вместе с Карабеллой и Слитом исполнять самые сложные трюки, может быть даже жонглировать со скандарами. Слит говорил ему, что такое по силам только мастеру, потому что четыре руки скандаров дают им неоспоримое преимущество перед человеком. Но Валентин видел, как Слит и Карабелла перебрасывались со скандарами, и когда-нибудь, возможно, то же самое сделает и он. «Высокая цель!» — подумал он. А чего еще мог он желать, кроме

как стать мастером и завоевать право жонглировать с Зализаном Каволом и его братьями?

— Ты вдруг стал выглядеть таким счастливым, Валентин,— заметила Карабелла.

— Я?

— Как солнце. Просто сияешь. От тебя исходят потоки света.

— Это все из-за желтых волос,— усмехнулся он добродушно.

— Нет-нет. Внезапная улыбка...

Он положил ладонь на ее руку.

— Я думал о дороге впереди, о свободной, приятной жизни. Странствовать по Зимроэлю, останавливаться, чтобы дать представление, разучивать новые трюки. Я хочу стать самым лучшим жонглером-человеком на Маджипуре.

— У тебя для этого есть все возможности,— вмешался Слит,— огромные природные способности. Тебе нужна только тренировка.

— В этом я рассчитываю на тебя и Карабеллу.

— А пока ты думал о жонглировании, я думала о тебе,— тихо шепнула Карабелла.

— И я думал о тебе,— наклонившись к ней поближе, так же шепотом ответил он,— но стеснялся говорить об этом вслух.

Дорога пошла вверх, на большое плато. Фургон поднимался медленно. Иногда повороты были настолько крутыми, что он запросто мог перевернуться, но Зализан Кавол был таким же искусным возницей, как и жонглером.

Скоро они достигли вершины гребня. Пидруид был виден отсюда как на ладони — плоский, похожий на нарисованную карту, он упирался прямо в берег. Воздух наверху был суше, но значительно холоднее, несмотря на то что послеполуденное солнце испускало горячие лучи.

На эту ночь они остановились в пыльной деревушке на фалкинкипской дороге.

Едва Валентин улегся на соломенный матрас, пришел тревожный сон. Валентин снова находился среди властителей Маджипура. В одном конце громадного холла с каменным полом сидел на троне понтифекс, а в другом конце — корональ. С потолка словно маленькое солнце, испускавшее безжалостное белое сияние, взирал на происходящее страшный глаз света. Валентин нес какое-то послание от Хозяйки Острова Сна, но

не знал, кому его отдать — понтифексу или короналю, и к кому бы из властителей он ни приближался, тот отступал в бесконечность. Всю ночь он ходил взад и вперед по холодному скользкому полу, умоляюще протягивая руки то к понтифексу, то к короналю, но они уплывали.

На следующую ночь в городке неподалеку от Фалкинкипа он снова увидел во сне понтифекса и короналя. Сон был очень сложным и запутанным, и Валентин сохранил в памяти только впечатление грозных королевских персонажей, громадных помпезных собраний и тишину. Он проснулся с ощущением глубокого и болезненного недовольства. Сны явно имели великое значение, но он не находил им объяснения.

— Властители преследуют тебя и не оставят в покое,— сказала утром Карабелла.— Похоже, ты связан с ними неразрывными нитями. Это ненормально — все время видеть во сне таких могущественных особ. Уверена, что это послания.

Валентин кивнул.

— В жаркий день мне кажется, что я ощущаю, как холодные руки Короля Снов сжимают мне виски, а когда закрываю глаза, его пальцы вонзаются в мою душу.

В глазах Карабеллы вспыхнула тревога:

— Ты уверен, что это его послания?

— Нет, не уверен, но думаю...

— Может быть, Хозяйка...

— Мне всегда казалось, что Хозяйка посылает добрые, мягкие сны,— возразил Валентин.— Боюсь, эти — от Короля. Но что он от меня хочет? Какое преступление я совершил?

Она нахмурилась.

— Ты обещал сходить в Фалкинкипе к толкователю.

— Да, я повидаюсь с кем-нибудь.

В разговор неожиданно вмешался Аутифон Делиамбер.

— Могу ли я дать совет?

Валентин не заметил, как подошел маленький колдун-врун, и с удивлением посмотрел вниз.

— Извини,— не смущаясь, сказал колдун,— я подслушал случайно. Ты думаешь, тебя тревожили послания?

— Эти сны не могут быть ничем иным.

— Ты уверен?

— Я ни в чем не уверен, даже в собственном имени или в том, какой сегодня день недели.

— Послания редко бывают двусмысленными. Когда говорят Король или Повелительница Снов, сомневаться не приходится,— ответил Делиамбер.

Валентин покачал головой.

— Все эти дни моя голова как в тумане. Я ни в чем не уверен. Но эти сны раздражают меня. Мне нужен ответ, хотя я даже не знаю, как сформулировать вопрос.

Вруун потянулся вверх и одним из своих тонких, хитро переплетенных щупалец взял Валентина за руку.

— Доверься мне. Твой мозг, может быть, и затуманен, но мой — нет, и я отчетливо вижу тебя. Мое имя Делиамбер, твое — Валентин, сегодня пятый день девятой недели лета, и в Фалкинкипе есть толковательница снов Тизана — она мой друг и союзница. Она поможет тебе найти правильный путь. Иди к ней и скажи, что я шлю ей приветствия и любовь. Настало время начать освобождаться от вреда, причиненного тебе, Валентин.

— Вреда? Какого вреда?

— Иди к Тизане,— твердо повторил Делиамбер.

Валентин нашел Залзана Кавола, который разговаривал с кем-то из городка. Он как раз закончил беседу и повернулся к Валентину.

— Я прошу разрешения,— сказал Валентин,— провести ночь Звездного дня не с труппой, а в Фалкинкипе.

— Это тоже дело семейной чести? — язвительно спросил Залзан Кавол.

— Личное. Можно?

Скандар пожал всеми четырьмя плечами.

— В тебе есть что-то странное, и это беспокоит меня. Делай, как хочешь. Завтра мы даем представление на ярмарке. Спи где хочешь, но рано утром в День Солнца будь готов. Ладно?

Глава 12

По сравнению с громадным Пидруидом Фалкинкип оказался довольно заурядным, но в то же время отнюдь не незначительным местным центром. Он был метрополией обширного и достаточно важного сельскохозяйственного района.

Население Фалкинкипа насчитывало около трех четвертей миллиона, и впятеро больше людей жили в прилегающих пригородах. Но ритм его жизни, как заметил Валентин, отличался

от того, который был свойствен Пидруиду. Жители Фалкинкипа двигались неторопливо и казались более осмотрительными и флегматичными. Возможно, причина состояла в том, что город располагался на сухом высоком плато, а не вдоль влажного побережья с мягким климатом.

В Звездный день мальчик Шанамир скрывался от всех. Он и в самом деле побывал ночью на ферме своего отца, расположенной в нескольких часах ходьбы от города. Утром он рассказал Валентину, что оставил деньги, заработанные в Пидруиде, и записку, сообщавшую, что уходит искать приключений и мудрости, и ухитрился удрать так, что его никто не заметил. Но он боялся, что отец вряд ли легко отнесется к потере пары ловких и столь необходимых рабочих рук и будет его искать. Поэтому Шанамир решил прятаться в фургоне до тех пор, пока они не покинут Фалкинкип. Валентин объяснил это Залзану Каволу, и тот со своим обычным хмурым видом согласился.

После полудня жонглеры появились на городской ярмарке. Впереди шли Слит и Карабелла. Он бил в барабан, она звенела тамбурином и весело пела:

Не жалейте реала, не жалейте и кроны,
Приходите, смотрите, добрые люди.
Невесомость и радость — жонглера законы,
Ловкость рук вам сегодня показывать будем!
Не жалейте ни дюйма, не жалейте ни мили,
Посмотрите, как весело публика входит,
Как танцуют над нами мячи и бутыли,
Как ножи и дубинки мелькают в полете.
Не жалейте минуты, не жалейте и часа,
Мы прогоним от вас ваши беды, заботы!
Последите за ловкостью нашего паса,
Отдохните-ка с нами от трудной работы!

Но Валентину в этот день не было ни легко, ни радостно, и он жонглировал слабо. Его извели бесконечные тревожные сны. К тому же его подвела самонадеянность, и он допустил промах — дважды ронял дубинки. Но Слит научил его делать вид, что так и должно быть, и публика, похоже, простила. Но простить самого себя было трудно. Мрачный, он пошел в винную палатку, а подмостки заняли скандары.

Валентин издали смотрел на их работу. Шесть огромных косматых созданий сплетали свои двадцать четыре руки в точном,

без изъянов, рисунке. Каждый жонглировал семью ножами. Это производило неизгладимое впечатление — зрители замирали, следя за непрерывным обменом острым оружием. Мирные горожане Фалкинкипа были очарованы.

Наблюдая за скандарами, Валентин все сильнее переживал из-за собственного неудачного выступления. После Пидруида он мечтал снова выйти на публику, руки его тянулись к мячам и дубинкам, а когда настал его час, он работал так неуклюже. Ну ладно, что уж теперь об этом...

Будут другие рыночные площади, другие ярмарки. Год за годом труппа будет странствовать по Зимроэлю, и он, Валентин, еще блеснет, ослепит зрителей, они станут вызывать Валентина-жонглера, будут требовать еще и еще, и сам Залзан Кавол почернеет от зависти. Король жонглеров, да, монарх, корональ бродячих артистов! А почему бы и нет? У него талант.

Валентин улыбнулся. Благодаря то ли ли вину, то ли приятным мыслям дурное настроение покинуло его. Он занялся этим искусством всего неделю назад, а посмотрите, чего уже достиг! Кто знает, какие чудеса ловкости он покажет через год-два?

К нему подошел Аутифон Делиамбер.

— Тизану найдешь на улице Продавцов Воды,— сказал маленький колдун.— Она ждет тебя.

— Значит, ты говорил ей обо мне?

— Нет.

— Но раз она ждет меня... Или здесь замешано колдовство?

— Вроде того,— вруун подергал щупальцами, что означало пожатие плеч.— Иди к ней скорее.

Валентин кивнул. Скандары закончили свое выступление, и теперь Слит с Карабеллой демонстрировали жонглирование одной рукой.

«Как они элегантно двигаются вместе,— подумал Валентин,— как они спокойны, уверены друг в друге... и как она красива».

Валентин и Карабелла не были близки с той фестивальной ночи, хотя иногда и спали бок о бок. Вот уже неделя, как он избегал ее, хотя с ее стороны видел только тепло и поддержку. Сны отнимали все силы и не позволяли думать о чем-либо другом. Сейчас — к Тизане за толкованием, а завтра, может быть, он снова обнимет Карабеллу...

— Улица Продавцов Воды? — переспросил он Делиамбера.— Отлично. На ее жилище есть какой-нибудь знак?

— Спросишь,— ответил Делиамбер.

Вечером, едва Валентин вышел, из-за фургона появился Виноркис.

— На ночь глядя в город?

— По делу.

— Компания не нужна? — Хьорт хрипло засмеялся.— Можем вместе пошляться по тавернам. Я бы не прочь удрать на несколько часов от всего этого жонглерства.

— Есть дела, которые каждый должен делать в одиночку,— неохотно ответил Валентин.

Виноркис внимательно посмотрел на него:

— Не очень-то ты любезен.

— Извини, но у меня дело именно такое: я должен сделать его один. И, будь уверен, я не пойду шляться по тавернам.

Хьорт пожал плечами.

— Ладно. Пусть так. Мне все равно. Я просто хотел помочь тебе повеселиться, показать город, сводить в мои любимые места...

— В другой раз,— быстро сказал Валентин и зашагал к Фалкинкипу.

Найти улицу Продавцов Воды оказалось несложно: город строился по плану, в нем не было средневековой путаницы переулков, как в Пидруиде, и на всех основных перекрестках висели ясные и понятные карты города, но найти дом толковательницы снов Тизаны оказалось труднее, потому что улица была длинной, а прохожие, к которым обращался Валентин, просто указывали через плечо на север.

Он долго шел и наконец добрался до маленького серого, крытого дранкой дома в жилом квартале далеко от рыночной площади. На его старой двери были изображены два символа власти: Скрещенные молнии Короля Снов и Треугольник в треугольнике — эмблема Хозяйки Острова Сна.

Тизана была крепкой немолодой женщиной, необычайно высокой и тяжеловесной, с широким строгим лицом и внимательными глазами. Густые распущенные волосы, черные с белыми прядями, закрывали спину. На ней был серый комбинезон, оставлявший открытыми крепкие мускулистые руки. Она производила впечатление очень сильной и мудрой личности.

Тизана приветствовала Валентина, назвав его по имени, и пригласила в дом.

— Я принес тебе, как ты уже, вероятно, знаешь, привет и любовь от Аутифона Делиамбера,— сказал он.

Толковательница снов серьезно кивнула.

— Да, он послал известие заранее, такой шельмец! Но я ценю его любовь, несмотря на все его фокусы. Передай ему от меня то же самое.

Она прошла по маленькой темной комнате, задернула шторы и зажгла три толстые красные свечи и какую-то курильницу. Обстановки в комнате почти не было, только очень ворсистый тканый ковер в серых и черных тонах, массивный деревянный стол, на котором горели свечи, и высокий гардероб в античном стиле. Делая приготовления, Тизана рассказывала:

— Я знаю Делиамбера почти сорок лет — можешь ты себе такое представить? Мы встретились в начале правления Тиевераса на фестивале в Пилиплоке, когда в город приехал новый кораль — лорд Малибор, который потом утонул, охотясь на морских драконов. Маленький вруун и тогда уже был хитрецом. Мы стояли на улице, приветствуя лорда Малибора, и Делиамбер вдруг произнес: «Ты знаешь, он умрет раньше понтифекса» — да так уверенно, как будто предсказал дождь, когда подул южный ветер. Страшное дело — говорить так, и я сказала ему об этом. И вот удивительно: кораль умер, а понтифекс живет и живет. Сколько же ему теперь лет? Сто? Сто двадцать?

— Не имею представления,— ответил Валентин.

— Он очень стар. Прежде чем войти в Лабиринт, он долгое время был кораленом. И после него правили уже три кораля, представляешь? Интересно, переживет ли он и лорда Валентина? — Ее взгляд остановился на Валентине.— Полагаю, Делиамбер знает и это. Выпьешь вина со мной?

— Да,— кивнул Валентин.

Он чувствовал себя неловко от ее непонятного обхождения и от ощущения, что ей известно о нем больше, чем ему самому.

Тизана достала резной каменный графин и щедро налила в два стаканчика, но не огненного вина Пидруида, а более темного, густого, сладкого, с привкусом мяты, имбиря и еще чего-то. Он быстро сделал глоток, затем другой, а через секунду она небрежно сказала:

— Кстати, в нем наркотик.

— Наркотик? Зачем?

— Для толкования.

— А... Ну да.

Собственная неосведомленность приводила его в замешательство. Он нахмурился и уставился в свой стаканчик. Вино было темно-красным, почти пурпурным, и в нем отражалось его искаженное светом свечей лицо. Интересно знать, что это за процедура? Попросит ли его Тизана рассказать о своих снах? Посмотрим. Он быстрыми глотками допил вино, и женщина тут же вылила в его стакан свое, которого едва коснулась.

— Сколько времени прошло с последнего толкования? — спросила она.

— Боюсь, очень много.

— Судя по всему, да. А теперь отдай мой гонорар. Цена теперь несколько выше той, которую ты помнишь.

Валентин потянулся за кошельком.

— Это было так давно...

— ...Что ты забыл. Сейчас я прошу десять крон. Знаешь, новые налоги и прочие неприятности. Во времена лорда Вориакса цена была пять крон, а когда я только начинала толковать сны, при лорде Малиборе, я брала две или две с половиной. Десять крон для тебя слишком дорого?

Это было его недельное жалованье у Залзана Кавола, не считая стола и ночлега. Но он пришел в Пидруид с полным кошельком, сам не зная, откуда взялись эти деньги. Там было около шестидесяти реалов, и осталось еще много. Он дал толковательнице реал, и она небрежно бросила его в зеленую фарфоровую чашку на столе. Он зевнул. Тизана не сводила с него пристального взгляда. Валентин выпил еще, она сделала то же и снова наполнила стаканчики. Мозг Валентина все больше затуманивался. Хотя ночь еще только начиналась, он почти засыпал.

— А теперь иди к сонному ковру,— велела она и погасила две свечи из трех.

Тизана сняла с себя комбинезон и осталась совершенно обнаженной. Этого он не ожидал. Неужели толкование снов включает в себя какой-то сексуальный контакт? С этой старухой? Правда, сейчас она не казалась старой: ее тело выглядело лет на двадцать моложе лица — конечно, не девичье, но еще крепкое, пышное, без складок, с упругой грудью и крепкими гладки-

ми бедрами. «Может, эти толковательницы что-то вроде священных проституток?» — подумал Валентин.

Тизана сделала ему знак раздеться, и он выполнил ее приказание. Они легли в полумраке на толстый, мягкий ковер, и она обняла Валентина, но в этом не было абсолютно ничего эротического: ее объятия были материнскими, всепоглощающими. Валентин расслабился, положив голову на мягкую, теплую грудь, и ему очень хотелось спать. От нее исходил сильный и острый приятный аромат сучковатых игольчатых деревьев, которые растут на высоких пиках севера как раз ниже линии снега. Это был чистый и живительный запах.

— В королевстве снов существует только язык правды. Не бойся, потому что мы отплывем туда вместе,— тихо произнесла Тизана.

Валентин закрыл глаза.

Высокие пики как раз ниже линии снега. Свежий ветер обдувает скалы, но Валентину совершенно не холодно, хотя он идет босиком по сухой каменистой почве. Перед ним дорога — наклонная тропа с уступами, с широкими серыми плитами, составляющими лестницу. Она ведет в покрытую туманом долину. Валентин без колебаний начинает спускаться. Он знает, что это еще не сон, а только прелюдия, что он только приступает к своему ночному путешествию и пока еще находится на пороге сна. Он проходит мимо поднимающихся навстречу ему по лестнице фигур, знакомых по недавним снам. Понтифекс Тиеверас с пергаментной кожей и высохшим лицом слегка пошатывается на дрожащих ногах, лорд Валентин, корональ, идет размеренным, широким шагом, покойный лорд Вориакс безмятежно плывет прямо над ступенями, великий воин-корональ лорд Стиамот из восьмитысячелетнего прошлого размахивает мощным посохом, на конце которого крутятся яростные молнии. А это, кажется, понтифекс Ариок, который отказался от Лабиринта, объявил себя женщиной и стал Хозяйкой Острова Сна. Вот великий правитель лорд Конфалюм и столь же великий лорд Престимион, его наследник, во время правления которых Маджипур достиг вершин богатства и силы. Следом идут Залзан Кавол и позади него колдун Делиамбер, Карабелла, нагая, ореховокоричневая, брызжущая неиссякаемой энергией, и задыхающийся Виноркис, и Слит, жонглирующий на ходу огненными шарами, и Шанамир, и лиимен, торговец сосисками, и нежная Хозяйка Острова Сна, и снова старый понтифекс, и корональ, и музыканты, и двадцать хьортов несут на золотых носилках Короля Снов, страшного Симонана Барджазида. Чем ниже, тем гуще становится туман, и дыхание Валентина становится прерывистым и болезненным, словно он не спускается с высоты, а, наоборот, все время поднимается, со страшным трудом прокладывая себе путь над линией игольчатых деревьев среди гранитных щитов высоких гор, босиком по обжигающим полосам снега, закутанный в серое одеяло тумана, который закрывает от него весь Маджипур.

В небе слышна теперь благородная строгая музыка. Ансамбли духовых инструментов играют торжественные и печальные мелодии, полагающиеся при церемонии одевания короналя. И в самом деле, Валентина одевают: десяток согнувшихся слуг возлагает на него официальную мантию и звездную корону, но он качает головой, отталкивает слуг, своими руками снимает корону и протягивает ее своему брату, тому, у которого была страшная сабля, срывает с себя нарядную одежду и раздает лоскуты от нее беднякам, которые обматывают ими ноги. По всем провинциям Маджипура разносится весть, что он отказывается от своего высокого назначения и от какой-либо власти. И снова он на каменных ступенях, спускается с горы и в недостижимой дали ищет долину туманов.

— Почему ты идешь вниз? — спрашивает Карабелла.

Она загораживает ему дорогу. Но он не знает, что ей ответить, а когда маленький Делиамбер указывает вверх, он смиренно пожимает плечами и начинает новый подъем по полям блестящих красных и голубых цветов, по золотой траве между высокими зелеными кедрами. Валентин чувствует, что поднимается, спускается и вновь поднимается не на обычный пик, а к самому Горному Замку, который уходит на тридцать миль в небо. Его цель — это приводящее в смятение, превосходящее все, когда-либо существовавшие, сооружение на вершине горы, место, где живет корональ, Замок, который называется Замком лорда Валентина, а раньше назывался Замком лорда Вориакса, а еще раньше — Замком лорда Малибора, а до этого носил имена других великих лордов, которые правили оттуда. Каждый вносил свой вклад в строительство Замка и давал ему свое имя, пока жил в нем, каждый, начиная с лорда Стиамота, завоевателя ме-

таморфов, первого обитателя Горного Замка: он построил скромную башню, положившую начало всему остальному. «Я снова завладею Замком,— говорит себе Валентин,— и буду жить в нем».

Но что это? Тысячи работников разбирают огромное сооружение. Работы идут полным ходом. Все внешние крылья уже отделены, опоры и арки, построенные лордом Вориаксом, зал трофеев лорда Малибора и огромная библиотека, которую построил Тиеверас, пока был короналем, и многое другое превратилось в груды камня и кирпича, аккуратно уложенные на склонах Горы. А рабочие уже пробиваются внутрь, к более древним постройкам, к садам лорда Конфалюма, к оружейной лорда Деккерета, к сводчатому помещению архива лорда Престимиона, уничтожая все на своем пути, как саранча на полях.

— Подождите! — кричит Валентин.— Не делайте этого! Я вернулся, я снова надену мантию и корону!

Но разрушение продолжается, и кажется, что замок сделан из песка и прибой ворвался в него.

Нежный голос произносит:

— Поздно, слишком поздно, чрезмерно поздно!

Дозорной башни лорда Ариока больше не существует, и парапеты лорда Тимина исчезли, и обсерватория лорда Кинникена со всей аппаратурой пропала, и вся Замковая гора дрожит и качается, поскольку снос Замка нарушил ее равновесие, и рабочие теперь отчаянно бегают с кирпичами в руках, в поисках мест, где их можно сложить, и настала страшная вечная ночь, и зловещие звезды корчатся в небе, и механизмы, отводившие космический холод от вершины Горного Замка, сломались, и теплый воздух ушел к лунам, и из глубин планеты раздается рыдание... Валентин стоит среди этого разрушения и начинающегося хаоса, протягивая в темноту руки...

Следующее, что он увидел, был утренний свет. Валентин заморгал и сел, гадая, в какой это гостинице он оказался и чем он занимался всю прошедшую ночь. Почему он лежит голый на толстом ковре в теплой незнакомой комнате, и кто эта старая женщина, которая ходит тут и, похоже, готовит чай?

Да это толковательница снов Тизана! И это улица Продавцов Воды в Фалкинкипе!..

Нагота смущала его. Он встал и быстро оделся.

— Выпей это,— сказала Тизана,— а я приготовлю что-нибудь на завтрак, раз ты окончательно проснулся.

Он с подозрением взглянул на кружку, которую она ему протягивала.

— Это только чай,— успокоила она его,— и ничего больше. Сейчас не время для сновидений.

Пока она хлопотала в маленькой кухне, Валентин выпил чай. В голове у него творилось что-то странное, словно он напился до беспамятства и теперь расплачивался за это. Он помнил, что всю ночь ему снились невероятные сны, но не ощущал боли и тяжести, с которыми пробуждался в предыдущие дни, а только оцепенение, удивительное внутреннее спокойствие, почти пустоту. Быть может, именно за этим ему и следовало прийти к толковательнице? Он так мало знал, что чувствовал себя ребенком, потерявшимся в огромном и сложном мире.

Они ели молча. С противоположного конца стола Тизана бросала на Валентина проницательные взгляды.

Ночью, до того как наркотик начал действовать, она была куда более разговорчива, а теперь выглядела подавленной, задумчивой, почти отсутствующей, как будто ей необходимо было отстраниться от него, пока она готовилась истолковать его сон.

Вымыв посуду, Тизана спросила:

— Как ты себя чувствуешь?

— Внутренне спокоен.

— Хорошо. Это очень важно. Уходить от толкователя снов в тревоге — напрасная трата денег. Но я не сомневаюсь: у тебя сильный дух.

— Да?

— Сильнее, чем ты думаешь. Превратности судьбы, которые раздавили бы обычного человека, на тебя не повлияли. Ты не обращаешь внимания на бедствия и спокойно смотришь в лицо опасности.

— Твои слова слишком туманны.

— Я оракул, а оракулы никогда не говорят совершенно ясно.

— Мои сны — это послания? Хоть это ты можешь мне сказать?

Она задумалась.

— Я не вполне уверена.

— Но ты же разделила их со мной! Разве ты не можешь сразу понять, от кого они — от Повелительницы Снов или от Короля?

— Тихо, тихо. Все не так просто,— замахала на него руками Тизана.— Твои сны не от Повелительницы, это точно.

— Но если это послания, то, значит, они от Короля?

— Трудно сказать. В какой-то мере аура Короля присутствует, верно, но не аура посланий. Я знаю, тебе это трудно понять, да и мне тоже. Я уверена, Король Снов следит за твоими действиями и связан с тобой, но, по-моему, он не входил в твой сон. Это сбивает меня с толку.

— Ты когда-нибудь встречалась с чем-то похожим?

Она покачала головой.

— Нет, никогда.

— Вот, значит, какое толкование ты мне приготовила. Еще больше таинственности и вопросов без ответов.

— Это еще не толкование.

— Прости, что я так нетерпелив.

— Не извиняйся. Дай мне руку и получишь толкование.

Она потянулась к нему через стол, крепко взяла за руки и после долгого молчания проговорила:

— Ты упал с высокого места и теперь должен взбираться туда снова.

— С высокого места? — Валентин ухмыльнулся.

— С высочайшего.

— Высочайшее место на Маджипуре — вершина Замковой горы,— шутливо сказал он.— Не туда ли мне взбираться?

— Туда.

— Уж очень высокий подъем ты мне предлагаешь. Я потрачу всю жизнь, чтобы добраться до Горы и подняться наверх.

— Тем не менее, лорд Валентин, этот подъем ждет тебя, и не я тебе его предлагаю.

Он опешил, когда она произнесла его имя с королевским титулом, а потом зашелся от смеха в ответ на ее грубую и неуместную шутку.

— Лорд Валентин? Не слишком ли много чести для меня, мадам Тизана? Не лорд Валентин, а просто Валентин — Валентин-жонглер, и только. Новичок в труппе Залзана Кавола, скандара.

— Прошу прощения. Я не хотела обидеть тебя,— по-прежнему пристально глядя на него, спокойно произнесла Тизана.

— Как это может обидеть меня? Но, пожалуйста, не награждай меня королевскими титулами. Меня вполне устраивает жонглерская жизнь, даже если сны иногда уносят меня гораздо выше.

Тизана сохраняла полнейшую невозмутимость.

— Хочешь еще чаю?

— Я обещал скандару вернуться рано утром, так что мне скоро пора идти. Что еще ты можешь мне сказать?

— Толкование закончено.

Это было неожиданностью для Валентина. Он ждал разъяснений, подробного разбора, советов, а получил только...

— Я упал с высоты и должен подняться обратно. И это все, что ты поведаешь мне за реал?

— В наше время все дорожает,— сказала она беззлобно.— Ты считаешь себя обманутым?

— Отнюдь нет. Определенную пользу я из этого извлек.

— Сказано вежливо, но не от души. Однако ты и в самом деле получил кое-что ценное. Со временем ты это поймешь.

Она встала, Валентин тоже. Ее окутывала аура доверия и силы.

— Я желаю тебе счастливого пути и безопасного подъема.

Глава 13

Когда он вернулся от толковательницы снов, первым его приветствовал Аутифон Делиамбер. Тихим ранним утром маленький вруун занимался возле фургона чем-то вроде жонглирования какими-то кристаллами с ледяным блеском, но это было колдовское жонглирование, потому что Делиамбер лишь делал вид, что бросает и ловит, а на самом деле кристаллы двигались, повинуясь его мысли. Он стоял под блестящим вихрем, а сверкающие кусочки летали над ним по кругу, как венок яркого света, и оставались наверху, хотя Делиамбер не касался их.

При приближении Валентина вруун махнул кончиком щупальца, и прозрачные осколки тут же собрались в плотный ком.

Делиамбер ловко выхватил его из воздуха и показал Валентину:

— Фрагменты храмового здания из Дюлорна, города гэйроров, который расположен в нескольких днях пути отсюда к востоку. Это город магической красоты. Ты бывал там?

Загадки ночи, проведенной у толковательницы снов, еще мучили Валентина, он был совершенно не расположен к разговорам с раннего утра и поэтому лишь пожал плечами:

— Не помню.

— Запомнил бы, если бы видел его. Это город света, город застывшей поэзии! — Вруун щелкнул клювом, что означало улыб-

ку.— А возможно, ты просто не помнишь. Я полагаю, у тебя слишком многое утеряно. Но ты довольно скоро снова попадешь туда.

— Как снова? Я никогда там не был.

— Если ты когда-то бывал там, то будешь снова, когда мы туда приедем. Если же нет — нет. Но как бы то ни было, следующая остановка — Дюлорн, как сказал наш любимый скандар.

Озорные глаза Делиамбера пронизывали Валентина.

— Я вижу, ты многое узнал от Тизаны.

— Пропусти меня, Делиамбер.

— Она замечательная, не так ли?

Валентин попытался пройти мимо.

— Ничего я не узнал, только зря потратил вечер.

— О нет, нет, нет! Время никогда не тратится зря. Дай руку, Валентин.— Сухое упругое щупальце обвилось вокруг пальцев Валентина.— Я хорошо знаю: время никогда не тратится зря. Куда бы мы ни пошли, что бы мы ни делали, все это чему-нибудь учит нас, даже если мы не сразу познаем урок.

— Тизана сказала мне примерно то же самое, когда я уходил,— угрюмо пробормотал Валентин.— Но что я узнал? Я снова видел во сне короналей и понтифексов, поднимался и спускался по горным тропам. Толковательница снов отпустила глупую шутку по поводу моего имени. Лучше бы этот реал я потратил на вино и лакомства. Нет, я ничего не достиг.

Он попытался освободить руку, но вруун удержал ее с неожиданной силой. У Валентина возникло странное ощущение, что через его мозг прокатываются аккорды печальной музыки, и где-то в глубине его сознания промелькнуло и исчезло какое-то видение, нечто, напоминающее морского дракона. Но он не смог разглядеть его как следует, и смысл этого видения ускользнул от него. Ну и пусть: он боялся узнать, что именно шевельнулось в его воображении. Темная непонятная тревога захлестнула его душу. На минуту ему показалось, что дракон поднялся из глубин его существа и поплыл вверх через мрак его затуманенной памяти к уровню сознания. Это испугало Валентина. Знание, страшное, угрожающее знание скрывалось в нем и теперь грозило вырваться. Он сопротивлялся этому, боролся с ним. Он заметил, что маленький Делиамбер уставился на него с пугающей напряженностью, словно пытаясь дать ему необходимую силу, чтобы он смог принять это темное знание, но Валентин не хотел

этого. Он грубо вырвал руку и, спотыкаясь, пошел к фургону скандаров. Сердце яростно колотилось, в висках стучало, голова кружилась. Сделав несколько неуверенных шагов, Валентин обернулся и сердито спросил:

— Что ты со мной сделал?

— Я просто дотронулся до твоей руки.

— И причинил мне сильную боль!

— Я открыл тебе доступ к твоей собственной боли,— спокойно ответил Делиамбер,— больше ничего. Ты несешь в себе боль, но до сих пор ты ее не чувствовал, а она старается проснуться в тебе, и предотвратить это нельзя.

— А я не хочу, чтобы она просыпалась.

— У тебя нет выбора, ты можешь только прислушиваться к голосам изнутри. Борьба уже началась.

Валентин покачал головой.

— Я не хочу ни боли, ни борьбы. Еще несколько дней назад я был счастлив.

— Даже когда видел сны?

— Этим снам скоро придет конец. Они, видимо, предназначались для кого-то другого.

— Ты действительно так думаешь?

— Не мешайте мне быть тем, кем мне хочется,— после некоторого молчания ответил Валентин.

— А именно?

— Странствующим жонглером, свободным человеком. Зачем ты мучаешь меня, Делиамбер?

— Я был бы рад, если б ты стал жонглером,— мягко сказал вруун.— Не хочу огорчать тебя, но желания человека часто не совпадают с тем, что ему предначертано на великом свитке.

— Я буду выдающимся жонглером, ни больше и ни меньше.

— Желаю тебе этого,— любезно произнес Делиамбер и ушел.

Валентин медленно выдохнул. Он ощущал напряжение и скованность во всем теле. Стараясь избавиться от этих странных ощущений, он присел на корточки, опустил голову, вытянул руки, затем ноги. Постепенно он немного расслабился, но какой-то осадок остался, и тревога не оставляла его: мучительные сны, корчащиеся в глубинах души драконы, знаки и предзнаменования...

Из фургона вышла Карабелла и остановилась перед Валентином.

— Дай я помогу,— предложила она, наклоняясь ближе. Сильные пальцы вонзились в застывшие мышцы шеи и спины. Благодаря Карабелле напряжение немного спало, но Валентин по-прежнему оставался мрачным.

— Толкование не принесло тебе пользы? — тихо спросила она.

— Нет.

— Ты можешь рассказать мне о нем?

— Пожалуй, нет.

— Как хочешь.— Но она явно ждала. В ее глазах одновременно светились тревога, тепло и сочувствие.

— Я мало понял из того, что говорила мне та женщина,— сказал он,— а то, что понял, не хочу принять и не хочу рассказывать об этом.

— Если захочешь, Валентин, я здесь. Когда почувствуешь необходимость сказать кому-то...

— Не сейчас. А может, никогда.

Валентин видел, что она тянется к нему, желая облегчить боль его души, как сняла напряжение с его тела. Он почувствовал, что ее захлестывает любовь к нему, и проговорил, запинаясь:

— Толковательница снов сказала мне...

— Да?

Нет, говорить о таких вещах означало признать их реальность, а они нереальны, абсурдны, фантастичны.

— Все, что она сказала,— вздор. Не стоит и вспоминать эти глупые фантазии.— Их глаза встретились, и он отвел взгляд.— Можешь ты это понять? — Валентин почти кричал.— Чокнутая старуха наговорила мне какой-то ерунды, и я не хочу обсуждать это ни с тобой, ни с кем-либо другим. Толкование предназначалось для меня, и нет необходимости делиться им. Я...

Он увидел смятение на ее лице. В другое время он проболтался бы, но сейчас сказал уже совсем другим тоном:

— Принеси мячи, Карабелла.

— Сейчас?

— Да.

— Но...

— Я хочу, чтобы ты научила меня обмену между жонглерами. Прошу тебя...

— Мы же через полчаса уезжаем!

— Пожалуйста,— повторил он настойчиво.

Она кивнула, взлетела по ступенькам фургона и тут же вернулась с мячами. Они отошли в сторону на открытое место. Карабелла бросила ему три мяча и нахмурилась.

— В чем дело? — спросил он.

— Нельзя осваивать новый трюк в таком состоянии.

— Это меня успокоит. Давай попробуем.

— Ну что ж...

Она начала жонглировать своими тремя мячами для разминки.

Валентин попытался делать то же, но руки были холодными, пальцы не слушались, у него не получались даже самые простые упражнения, и он то и дело ронял мячи. Карабелла молча продолжала жонглировать, в то время как он делал одну ошибку за другой и чувствовал все большее раздражение. Она уже не настаивала, что сейчас неподходящее время для работы, но ее молчание, ее взгляд и даже ее поза говорили лучше слов. Валентин безнадежно пытался уловить ритм. «Ты упал с высокого места,— слышал он слова толковательницы,— и теперь должен взбираться туда снова». Он прикусил губу. Как можно сосредоточиться, когда его мучают такие мысли? «Рука и глаз,— твердил он себе.— Рука и глаз, все остальное забудь. Рука и глаз». «Тем не менее, лорд Валентин, этот подъем ждет тебя, и не я тебе его предлагаю». Нет! Нет! Нет! Нет! Руки его тряслись, ледяные пальцы отказывались повиноваться. Неверное движение — и мячи разлетелись в стороны.

— Пожалуйста, Валентин,— ласково сказала Карабелла.

— Принеси дубинки.

— Это будет еще хуже. Ты хочешь сломать палец?

— Дай дубинки.

Пожав плечами, она собрала мячи и скрылась в фургоне.

Начиналось утро. Появился Слит, зевнул и кивком поздоровался с Валентином. Вышел один из скандаров и полез под фургон исправлять что-то. Наконец показалась Карабелла с шестью дубинками. За ней — Шанамир. Он на ходу поздоровался с Валентином и побежал кормить животных.

Валентин взял дубинки. Чувствуя на себе спокойный взгляд Слита, он встал в позу жонглера, подбросил одну дубинку и промахнулся в захвате. Никто не произнес ни слова. Валентин попробовал снова. Ему удалось довольно успешно поработать с тремя дубинками, но это длилось не более тридцати секунд,

а затем они упали, и одна больно ударила его по ноге. Перехватив взгляд Аутифона Делиамбера, наблюдавшего издали, он снова поднял дубинки. Стоявшая напротив Карабелла сосредоточенно жонглировала и намеренно не смотрела в его сторону. Подобрав дубинки, он начал снова, уронил одну, предпринял еще одну попытку, уронил две, еще раз начал, сделал неверный захват и тут же повредил большой палец на левой руке. Он попытался сделать вид, что все в порядке, снова поднял дубинки, но подошел Слит и мягко взял Валентина за оба запястья.

— Не нужно,— сказал он.— Отдай мне дубинки.

— Я хочу тренироваться.

— Жонглирование — не панацея от бед. Ты чем-то расстроен и потому не можешь точно рассчитать время. Если ты не остановишься, то потеряешь ритм и на несколько недель выйдешь из строя.

Валентин попытался вырвать руки, но Слит держал их на удивление крепко. Карабелла спокойно жонглировала в нескольких шагах от них. Через минуту Валентин сдался. Пожав плечами, он отдал дубинки Слиту, и тот унес их обратно в фургон.

Вскоре появился Залзан Кавол, всеми четырьмя руками тщательно перебирая свою шкуру спереди и сзади, как будто искал в ней блох, и прогудел:

— Все в фургон! Поехали!

Глава 14

Дорога к гэйрогскому городу Дюлорну вела на восток, через мирную сельскую местность, зеленую и плодородную. Как и большинство мест на Маджипуре, она была плотно населена, но разумно распланирована: обширные сельскохозяйственные зоны окаймляли полоски городов, так что фургон весь день ехал попеременно то через фермы, то через город, и опять — через фермы и через город.

Здесь, в ущелье Дюлорн, широкой низине к востоку от Фалкинкипа, климат был удивительно благоприятен для земледелия, потому что северный конец ущелья был открыт полярным грозам с ливнями, которые постоянно заливали умеренную арктическую область Маджипура, а субтропическую жару смягчали легкие прогнозируемые осадки. Все росло круглый год. Сейчас, например, было время уборки сладких желтых клубней стаджи, из которой делали хлеб, и посадки таких фруктовых деревьев, как найк и глейн.

Красота природы рассеяла сумрачное настроение Валентина. Он постепенно перестал думать о том, что его мучило, и увлекся созерцанием бесконечных чудес планеты Маджипур. Черные тонкие стволы деревьев найк, посаженных строгим и сложным геометрическим узором, покачивались на горизонте. Бригады фермеров — хьортов и людей в деревенской одежде — подобно армии захватчиков двигались через поля стаджи, выкапывая тяжелые клубни. Фургон спокойно двигался то мимо озер и ручьев, то мимо странных глыб белого гранита, похожих на зубы, выступающие из ровного травяного ковра.

В середине дня они прибыли в особенно красивое и необычное место — в один из многочисленных лесных заповедников. На воротах светилась зеленая табличка с надписью:

ЗАПОВЕДНИК ПУЗЫРЧАТЫХ ДЕРЕВЬЕВ

Здесь находится выдающийся девственный парк дюлорнских пузырчатых деревьев. Эти деревья выделяют газ легче воздуха, и он поддерживает их верхние ветки. Достигнув зрелости, стволы и корневая система отмирают, а ветви продолжают жить на пустых стволах и почти целиком зависят от питающей их атмосферы. Иногда очень старые деревья отрываются от почвы и летят в поисках новой колонии. Пузырчатые деревья есть и в Зимроэле, и в Алханроэле, но в последнее время их число сократилось. Эта роща посажена для народа Маджипура по официальному декрету двенадцатого понтифекса Конфалюма короналем лордом Престимионом.

Жонглеры молча шли пешком по лесной дороге уже несколько минут, но не видели ничего необычного. Затем опередившая всех Карабелла нырнула в заросли густого сине-черного кустарника и вскрикнула от изумления. Валентин подбежал к ней. Их глазам открылось настоящее чудо.

Всюду стояли пузырчатые деревья разного возраста. Молодые, не выше Делиамбера или Карабеллы, выглядели на редкость неуклюжими кустами с толстыми раздутыми ветвями необычного серебряного оттенка, которые узлами росли из коротких толстых стволов. У деревьев высотой в пятнадцать-двадцать футов стволы начинали утончаться, а у более старых деревьев

они совсем съеживались и выглядели веревками-оттяжками, крепившими плавучие кроны к грунту. Кроны плавали высоко, покачиваясь на легком ветру, безлистные, распухшие, с похожими на воздушные шарики ветвями. Серебряный цвет молодых деревьев с возрастом исчезал, переходя в прозрачность, так что старые деревья казались стеклянными копьями и ярко сверкали в солнечных лучах. Даже Залзана Кавола, похоже, поразили красота деревьев и их необычность. Он подошел к самому высокому, чья светящаяся разбухшая крона, казалось, парила, и осторожно, почти благоговейно обхватил пальцами узкий ствол. Валентин подумал, что скандар хочет сломать его и пустить полое дерево лететь, как воздушного змея, но нет, Залзан Кавол просто измерил толщину ствола и тут же отошел, бормоча что-то себе под нос.

Они довольно долго бродили среди пузырчатых деревьев, разглядывали молодую поросль, старались уловить все стадии роста, смотрели, как постепенно сужаются стволы и утолщаются ветки. Деревья не имели листьев и, наверное, цветов. Трудно было поверить, что это вообще растения. Поистине магическое место. Дурное настроение Валентина как рукой сняло. Среди такой красоты не может быть места грустным мыслям.

— Эй! — позвала Карабелла.— Лови!

Она заметила перемену в его настроении, сбегала к фургону за мячиками и теперь кинула ему все три мяча, и он легко вошел в рабочий ритм.

Карабелла стояла в нескольких шагах от него. Три-четыре минуты они жонглировали независимо друг от друга, но потом начали работать синхронно. Теперь они жонглировали, зеркально отражая друг друга, и Валентин почувствовал, как с каждым циклом бросков на него нисходит все более глубокое спокойствие. Он чувствовал себя уравновешенным, настроившимся на какой-то нужный лад. Пузырчатые деревья, слегка покачиваясь на ветру, вспыхивали фейерверком отраженного света. Мир был тих и ясен.

— По моей команде,— заговорила Карабелла,— бросай мяч из правой руки мне в левую — точно на такую же высоту, как бросаешь себе. Раз, два, три, четыре, пять... пас!

Валентин бросил мяч ей, а она — ему. Он сумел достаточно точно поймать его, не сбиваясь с ритма, продолжая свой каскад и отсчитывая время, чтобы бросить снова.

Назад — вперед — назад — вперед — пас...

Сначала это было трудно, труднее всего, что он делал до сих пор, однако после нескольких пасов страх исчез, и обмен пошел так гладко, будто они практиковались несколько месяцев. Валентин понимал, что в этом есть нечто необычное, что никто не овладевает таким сложным маневром с первой попытки, но, как и прежде, он сумел отбросить от себя все посторонние мысли, и для него перестало существовать все, кроме руки, глаза и летающих мячей,— и промах стал не только невозможным, но и немыслимым.

— Эй! — крикнул Слит.— Идите сюда!

Он тоже жонглировал. Валентин был недоволен, что приходится усложнять задачу, но заставил себя сохранить необходимый ритм: бросать, когда возникает необходимость, ловить то, что летит в руки, и все время держать оставшиеся у него мячи в движении.

Так что, когда Слит и Карабелла начали обмен мячами, Валентин смог включиться и поймал мяч от Слита.

— Раз-два, раз-два,— отсчитывал Слит.

Он встал между Валентином и Карабеллой и взял на себя роль ведущего. Он поочередно бросал им мячи, и долгое время ритм оставался неизменным, но затем ускорился до такой степени, что Валентин уже не мог успеть за ними. В воздух вдруг взлетели десятки мячей — по крайней мере, так казалось,— и Валентин поспешно хватал их, ронял и наконец со смехом повалился в теплую траву.

— Значит, есть все-таки пределы твоей ловкости? — шутливо спросил Слит.— Хорошо! А то я уж начал думать, что ты вообще не из смертных.

Валентин засмеялся:

— Боюсь, что я очень даже смертный.

— Обедать! — крикнул Делиамбер.

Он приглядывал за котелком с тушеным мясом, подвешенным на треноге над огнем.

Скандары, репетировавшие в другой части рощи, появились как из-под земли и тут же принялись накладывать себе еду. Виноркис тоже поторопился наполнить свою тарелку. Валентин и Карабелла были последними, но это их не огорчило. Валентин устал и взмок от напряженной работы, кровь стучала в висках, и долгая ночь с так и не объясненными снами казалась далеко позади, как что-то, оставленное в Фалкинкипе.

Весь день фургон спешил на восток. Теперь было очевидно, что это страна гэйрогов, населенная почти исключительно похожими на рептилий гладкоголовыми существами. Когда наступила ночь, труппа была все еще на полпути от Дюлорна, где Залзан Кавол добился какого-то театрального ангажемента. Делиамбер сообщил, что неподалеку есть гостиница, и они поехали туда.

— Проведи эту ночь со мной,— предложила Валентину Карабелла.

В коридоре они встретили Делиамбера, который остановился, коснулся их рук кончиком щупальца и пробормотал:

— Приятных снов.

— Приятных снов,— машинально ответила Карабелла.

Валентин не ответил колдуну — прикосновение врууна разбудило дракона в его душе и сделало его таким же тревожным и мрачным, как и до посещения чудесной рощи. Можно было подумать, что Делиамбер стал врагом его спокойствия, вызывал в нем необъяснимый страх и неуверенность, против которых у Валентина не было защиты.

— Пошли,— хрипло сказал он Карабелле.

— Спешишь?

Она засмеялась легким звенящим смехом, но, едва взглянув в лицо Валентина, тут же посерьезнела.

— Валентин, что с тобой? В чем дело?

— Ни в чем.

— Ни в чем?

— Разве я не могу поддаться настроению, как и всякий человек?

— Когда твое лицо вот так меняется, кажется, будто тень заслоняет солнце. И так неожиданно...

— Что-то в Делиамбере,— объяснил Валентин,— озадачивает и тревожит меня. Когда он прикоснулся ко мне...

— Делиамбер безвредный. Он лукав, как все колдуны, особенно врууские, да еще и маленькие. В очень маленьких существах всегда сильно темное лукавство. Но тебе не стоит опасаться Делиамбера.

— Это правда?

Он закрыл дверь и обнял Карабеллу.

— Правда,— ответила она.— Тебе не нужно бояться никого, Валентин. Ты с первого взгляда нравишься всем. В мире нет никого, кто повредил бы тебе.

— Хотел бы я этому верить,— вздохнул он.

Она потянула его на постель.

Он поцеловал ее, сначала нежно, потом более страстно, и скоро их тела сплелись. Он не был близок с ней больше недели и ждал этой минуты с упоением и нетерпением. Но то, что произошло в коридоре, уничтожило его желание и привело в состояние какого-то странного оцепенения. Это удивляло и расстраивало его.

Карабелла, вероятно, чувствовала его холодность, но не обращала внимания, потому что ее энергичное тело жаждало его страсти. Он заставил себя ответить, и скоро пыл его разгорелся, но он как бы стоял в стороне от собственных ощущений, был только зрителем их любви.

Все закончилось быстро, и наступила темнота, хотя лунный свет проникал в окно и бросал холодный свет на их лица.

— Приятных снов,— прошептала она.

— Приятных снов,— ответил он.

Карабелла уснула почти сразу, а он лежал рядом с ее горячим телом, и спать ему не хотелось. Через некоторое время он отодвинулся, принял любимую позу для сна — на спине, сложив руки на груди,— но сон не приходил. Ему удалось лишь слегка задремать. Валентин считал блавов, представлял себя жонглирующим со Слитом и Карабеллой, пытался расслабиться — все бесполезно. Приподнявшись на локте, он любовался отчетливо вырисовывавшимся в лунном свете прекрасным телом Карабеллы.

Ей что-то снилось. Ее щека подрагивала, под закрытыми веками двигались глазные яблоки, грудь резко поднималась и опускалась. Прижав пальцы к губам, она бормотала что-то несвязное. Легкое, худенькое тело девушки казалось таким красивым, что Валентину захотелось придвинуться, погладить прохладное бедро, слегка прикоснуться губами к маленьким твердым соскам... Но вторжение в чей-либо сон было недопустимым, непростительным нарушением приличий. И ему ничего не оставалось делать, кроме как смотреть на нее и любить издали, в одиночку справляясь с вновь пробудившимся желанием.

Карабелла в ужасе вскрикнула. Глаза ее открылись, но взгляд их был невидящим. Это служило знаком послания. По телу девушки пробегала дрожь. Еще не освободившись от сна, она со стоном и всхлипами повернулась к Валентину. И он обнял ее,

чтобы дать ей сон-помощь, сон-покой, защитить ее от тьмы духа... Наконец тело ее расслабилось, обмякло. Она еще некоторое время лежала тихо, и Валентин подумал, что она спит обычным мирным сном. Нет. Она проснулась, но не шевелилась, как будто изучала свой сон, боролась с ним и пыталась вынести его в область яви. Вдруг она села и прижала пальцы к губам. Взгляд ее остекленевших глаз был диким.

— Милорд! — прошептала она.

Она отодвинулась от Валентина, отползла, как краб, на край постели, одной рукой прикрывая грудь, а другой — лицо. Губы ее дрожали. Валентин потянулся к ней, но она в ужасе отпрянула и скатилась на пол, где испуганно съежилась, пытаясь скрыть свою наготу.

— Карабелла,— растерянно позвал Валентин.

Она подняла на него глаза:

— Лорд... лорд... пожалуйста, оставь меня, лорд...

Она снова опустила голову и пальцами обеих рук изобразила знак Горящей Звезды — жест повиновения, который делают только в присутствии короналя.

Глава 15

Думая, что, может быть, это не ей, а ему приснился сон, который все еще длится, Валентин встал и увидел брошенную поверх его вещей одежду Карабеллы. Она скорчилась в стороне, ошеломленная и дрожащая. Он хотел успокоить ее, но она отпрянула и съежилась еще больше.

— В чем дело? — спросил он.— Что случилось?

— Я видела во сне, что ты...— Она запнулась.— Так реально, так страшно...

— Расскажи. Я растолкую твой сон, если смогу.

— Его нет нужды толковать. Он говорит сам за себя.

Она снова сделала ему знак Горящей Звезды и продолжила тихо, спокойно, без интонаций:

— Я видела во сне, что ты истинный корональ — лорд Валентин, что у тебя похитили власть и память, дали тебе другое тело и оставили на произвол судьбы неподалеку от Пидруида, чтобы ты скитался и жил в праздности, в то время как кто-то другой правит вместо тебя.

Валентин почувствовал себя на самом краю бездны, где земля осыпается под ногами.

— Это было послание? — спросил он.

— Да, послание. Я не знаю, от кого — от Повелительницы Снов или от Короля, но это не мой сон. Каким-то образом он проник в мой мозг со стороны. Я видела тебя, лорд...

— Перестань называть меня так.

— ...стоявшего на вершине Замковой горы лицом к лицу с другим лордом Валентином, с тем черноволосым, перед которым мы жонглировали, а потом ты спустился с Горы, чтобы ехать во главе великой процессии по всем провинциям. Когда ты был на юге, в моем родном городе Тил-омоне, тебе дали наркотик, усыпили, пересадили в это тело и бросили одного. Не было никого мудрее тебя, но у тебя колдовством отняли королевскую власть. А я касалась тебя, лорд, я делила с тобой ложе и столько раз была фамильярна с тобой. Как теперь мне получить прощение, лорд?

— Карабелла!

Она дрожала от страха.

— Взгляни на меня, Карабелла. Взгляни!

Она покачала головой. Он встал перед ней на колени и коснулся рукой ее подбородка. Она вздрогнула, как от ожога, и застыла в напряжении. Он снова дотронулся до нее.

— Подними голову,— голос его звучал ласково,— и посмотри на меня.

Она медленно и робко взглянула на него, как смотрят на солнце, боясь ослепнуть.

— Я Валентин-жонглер и больше никто.

— Нет, лорд.

— Корональ черноволосый, а у меня золотистые волосы.

— Умоляю тебя, лорд, оставь меня в покое. Я боюсь тебя.

— Ты боишься странствующего жонглера?

— Того, кто ты сейчас, я не боюсь. Ты мой друг, и я тебя люблю. Я боюсь того, кем ты был, лорд. Ты был рядом с понтифексом и пил королевское вино. Ты ходил по громадным залам Горного замка, ты имел полнейшую власть над миром. Это был правдивый сон, лорд, отчетливый и ясный, как наяву, и не может быть никаких сомнений, что это послание. Ты настоящий корональ, а я касалась твоего тела, и ты касался моего.

Это святотатство. Такая простая женщина, как я, не должна приближаться к короналю. За это я умру.

Валентин улыбнулся:

— Даже если я и был когда-то короналем, милая, то в другом теле, а в том, которое ты обнимала ночью, ничего святого нет. Но я никогда не был короналем.

Она продолжала пристально смотреть на него, но, когда заговорила, голос ее дрожал меньше.

— Ты ничего не помнишь о своей жизни до Пидруида. Ты не мог назвать мне имени своего отца, а когда рассказывал о своем детстве в Ни-мойе, сам не верил тому, что говорил, и имя матери ты придумал. Скажешь, неправда?

Валентин кивнул.

— Шанамир говорил мне, что в кошельке у тебя было много денег, но ты не имел представления об их ценности и хотел расплатиться с продавцом сосисок монетой в пятьдесят реалов. Правильно?

Валентин опять кивнул.

— Как будто ты до этого жил, не пользуясь деньгами. Ты так мало знаешь, Валентин, тебя надо учить, как ребенка.

— Да, с моей памятью что-то случилось. Но это еще не делает меня короналем.

— Все говорит о том, что ты рожден для власти: то, как ты жонглируешь,— так естественно, словно ты способен ко всему, чего захочешь, то, как ты ходишь, как держишься, свет, который исходит от тебя. Когда ты у нас появился, мы думали, что ты изгнанный принц или герцог. Но мой сон не оставляет сомнений, лорд...

Карабелла побледнела. На мгновение она преодолела свой страх, но только на мгновение, а теперь снова задрожала. А страх, похоже, заразителен, потому что Валентин тоже вдруг испугался. Мороз прошел по его коже. Правда ли это? Неужели он был помазанным короналем и касался Тиевераса в сердце Лабиринта и на вершине Замковой горы? Он снова услышал голос толковательницы снов Тизаны: «Ты упал с высокого места и теперь должен взбираться туда снова». Это невозможно, немыслимо. «Тем не менее, лорд Валентин, этот подъем ждет тебя, и не я тебе его предлагаю». Это нереально, невозможно.

Да еще эти сны, этот брат, который хотел убить его и которого он сам убил, и коронали, и понтифексы, тревожащие его душу, и все прочее.

Могло ли это быть? Нет, невероятно.

— Ты не должна бояться меня, Карабелла,— сказал он.

Она вздрогнула. Он потянулся к ней, но она с криком отшатнулась.

— Нет, не прикасайся ко мне, милорд!

— Пусть я был когда-то короналем, хоть это звучит странно и глупо, но теперь-то я не корональ и не в помазанном теле, так что все, что между нами произошло, не святотатство. Кем бы я ни был в прошлом, теперь я — Валентин-жонглер.

— Ты не понимаешь, лорд.

— Я понимаю, что корональ такой же человек, как и все прочие, только ответственность у него больше, но ничего магического в нем нет, и бояться можно только его власти, а у меня власти нет, даже если она и была когда-то.

— Нет,— возразила она,— короналя коснулась высшая благодать, и она никогда не покинет его.

— Короналем может быть любой, если его соответственно воспитать и правильно обучить. Короналем не рождаются. Коронали были выходцами из всех провинций Маджипура, из всех слоев общества.

— Лорд, ты не понимаешь. Быть короналем — значит коснуться благодати. Ты правил, ты жил в Горном замке, ты стоял в одном ряду с лордом Стиамотом, лордом Деккеретом и лордом Престимионом, ты — брат лорда Вориакса, сын Хозяйки Острова Сна. Как я могу считать тебя обыкновенным человеком? Как я могу не бояться тебя?

Валентин растерянно уставился на нее.

Он вспомнил, какие мысли приходили ему в голову, когда он стоял на улице, смотрел на лорда Валентина, короналя, чувствовал рядом с собой благодать и мощь и понял, что быть короналем — значит быть вдали от всех, быть загадочной личностью, обладающей аурой, личностью, властвующей над двенадцатью миллиардами, унаследовавшей тысячелетнюю энергию знаменитых властителей, быть тем, кому предназначено в свое время уйти в Лабиринт и принять власть понтифекса. Все это было выше его понимания. Захлестнувшие его тогда ощущения ошеломляли и переполняли душу. И тем не менее это просто абсурдно. Бояться самого себя? Опуститься в ужасе на колени перед собственным воображаемым величеством? Он — Валентин-жонглер, и только.

Карабелла всхлипывала. Еще немного — и у нее начнется истерика. Вруун наверняка найдет способ помочь.

— Подожди,— сказал Валентин,— я сейчас вернусь. Я попрошу у Делиамбера успокаивающее лекарство для тебя.

Он вышел в коридор, гадая, где комната колдуна. Все двери были закрыты. Он хотел было стучать наугад, надеясь, что не напорется на Залзана Кавола, но услышал сухой голос из темноты откуда-то снизу, на уровне локтя:

— Тебе не спится?

— Делиамбер?

— Я здесь, рядом с тобой.

Валентин, щурясь, вгляделся. Вруун, скрестив щупальца, сидел в коридоре в позе медитации. Делиамбер поднялся.

— Мне подумалось, что ты скоро станешь искать меня,— объяснил он.

— У Карабеллы был сон-послание. У тебя есть лекарство, чтобы ее успокоить?

— Лекарств нет. Впрочем, это можно сделать прикосновением. Пойдем.— Маленький вруун быстро прошел по коридору в комнату. Карабелла не двигалась. Она по-прежнему скорчившись сидела у постели, кое-как прикрывшись одеждой. Делиамбер осторожно обвил щупальцем плечи девушки, и ее напряжение слегка ослабло. В комнате слышалось ее тяжелое дыхание. Через минуту Карабелла подняла уже более спокойный, но все еще полный смятения взгляд и жестом указала на Валентина:

— Я видела во сне, что он был... Он...

— Я знаю,— кивнул Делиамбер.

— Это неправда,— быстро проговорил Валентин,— я только жонглер.

— Сейчас ты только жонглер,— мягко сказал Делиамбер.

— Ты тоже веришь в этот вздор?

— Это было ясно с самого начала, когда ты защитил меня от гнева скандара. «Это королевский поступок»,— подумал я. К тому же я читал в твоей душе...

— Что?!

— Профессиональный трюк. Я читал в твоей душе и видел, что с тобой сделали.

— Но это невозможно! — запротестовал Валентин.— Взять из человеческого тела разум, пересадить его в другое тело, а другой разум поместить в это тело...

— Почему невозможно? — возразил Делиамбер.— Я думаю, можно. Из Сувраэля дошли слухи, что при дворе Короля Снов изучают это искусство. Поговаривают, что уже несколько лет проводятся странные эксперименты.

Валентин угрюмо уставился на свои пальцы:

— Не может этого быть.

— Я тоже так думал, когда впервые услышал, но потом, после некоторых размышлений... Я и сам знаю множество секретов почти столь же высокого колдовства, а ведь я всего лишь младший колдун. Семена этого искусства существовали очень давно. Может, какой-нибудь волшебник Сувраэля и сумел наконец прорастить их. На твоем месте, Валентин, я бы не стал исключать такую возможность.

— Обмен телами? — растерянно спросил Валентин.— Значит, это не мое тело? Чье же оно?

— Кто знает? Какой-нибудь неудачник погиб от несчастного случая. Может, утонул, или подавился куском мяса, или по глупости съел ядовитый гриб. В любом случае он умер, но тело его осталось целым, и его сразу же унесли в какое-то потайное место, где в пустой каркас пересадили душу короналя, а кто-то другой, простившись с собственным телом, забрался в пустую оболочку короналя, при этом, вероятно, удержав там многое из его личной памяти и объединив со своей, и теперь правит, словно он истинный монарх.

— Не могу поверить,— упрямо твердил Валентин.

— Однако же, когда я заглянул в твою душу, то увидел, что все было именно так, как я тебе только что описал. Мне стало очень страшно — в моей работе не часто можно встретить короналей или наткнуться на такое явное великое предательство, и я некоторое время размышлял, не лучше ли забыть о том, что видел... Но потом понял, что не смогу, что до самой смерти меня будут преследовать чудовищные сны, если я скрою то, что узнал, и не придам этому значения. Я сказал себе, что очень многое в мире нужно исправить и согласно божественной воле я должен делать это. Теперь время пришло.

— Ничего подобного не было.

— Предположим на минуту, что было,— настаивал Делиамбер.— Допустим, на тебя напали в Тил-омоне, выкинули тебя из твоего тела, а на трон посадили узурпатора. Предположим, что это так. Что ты должен делать?

— Ничего.

— Как это?!

— Абсолютно ничего,— убежденно повторил Валентин.— Пусть тот, кто хочет быть короналем, будет им. Я думаю, власть — это болезнь, а желание править — безумие. Пусть я когда-то жил в Горном замке, но теперь меня там нет, и никто не заставляет меня вернуться. Я — жонглер, от добра добра не ищут, и я счастлив. А корональ счастлив? А понтифекс? Если меня лишили власти, то, я считаю, мне повезло. У меня нет желания снова взваливать на себя этот груз.

— Но тебе было предназначено его нести.

— Предназначено? — Валентин рассмеялся.— С тем же успехом можно сказать, что мне было предназначено быть короналем лишь недолгое время, а затем уступить место более достойному. К власти рвется только чокнутый, а я в здравом уме. Правление — это груз и тяжелая работа. Я не принимаю его.

— Примешь,— сказал Делиамбер.— Тебя изменили, ты перестал быть самим собой. Но тот, кто однажды был короналем, остается им навсегда. Ты исцелишься и вновь станешь лордом Валентином!

— Не употребляй этот титул!

— Он вернется к тебе,— предрек Делиамбер.

Валентин сердито отверг это предположение. Взглянув на Карабеллу, он увидел, что она спит на полу. Валентин осторожно поднял ее, положил на постель и прикрыл одеялом, а затем повернулся к Делиамберу.

— Уже поздно, и сегодня было сказано много всяких глупостей. У меня от этих разговоров трещит голова. Сделай для меня то, что ты сделал для Карабеллы, колдун,— помоги мне уснуть. И не говори мне больше об ответственности, которая никогда не лежала на мне и которую я на себя не возьму. Завтра у нас выступление, и я хочу отдохнуть перед ним.

— Прекрасно. Ложись в постель.

Валентин лег рядом с Карабеллой.

Вруун коснулся его сначала слегка, потом с большей силой, и мозг Валентина заволокло туманом. Сон опустился на него легко, как плотное белое облако. Ему было хорошо, и он охотно отпустил свое сознание. Сон, который пришел к нему ночью, сопровождался ярким светом, что безошибочно указывало на послание, и был чрезвычайно явственным.

Как это часто бывало в прошлых сновидениях, Валентин шел по суровой и страшной пурпурной равнине. Но теперь знал, что эта открытая потокам обжигающих лучей солнца равнина находится на далеком континенте, называемом Сувраэль, а трещины в почве — шрамы лета, когда высыхает всякая влага. Безобразно скрученные растения с вздутыми сероватыми листьями вяло лежали на земле, а другие, колючие, со страшными угловатыми сочленениями, тянулись вверх. Валентин быстро шел, невзирая на жару и безжалостный ветер. От сухости трескалась кожа. Он торопился во дворец Короля Снов — его наняли для представления. Дворец был уже близко: зловещее, тускло-черное, все в ажурных башенках и зубчатых портиках здание, такое же колючее и отталкивающее, как растения в пустыне. Оно куда более походило на тюрьму, чем на дворец,— по крайней мере, снаружи. Внутри же оно было совсем другим: уютное, богатое, даже роскошное, с фонтанами во внутренних двориках, с мягкими драпировками, с витающим в воздухе ароматом цветов. Слуги поклонились, проводили Валентина внутрь, сняли с него пропыленную одежду, вымыли его, обтерли мягкими полотенцами, одели в чистый и элегантный костюм и драгоценный плащ, подали холодный шербет, ледяное вино в серебряной чаше, кусочки незнакомого, очень вкусного мяса и наконец отвели в огромный сводчатый тронный зал Короля Снов.

Валентин издали увидел его на троне. Симонан Барджазид — злобная и непредсказуемая сила, посылавшая из своей продуваемой ветрами пустыни страшные послания по всему Маджипуру,— был тяжеловесным мужчиной с двойным, лишенным растительности подбородком и глубоко посаженными, обведенными темными кругами глазами. Его коротко остриженную голову венчала золотая диадема власти — усиливающий мысли аппарат, изобретенный Барджазидом тысячу лет назад. Слева от Симонана сидел его сын Кристоф, такой же упитанный, как отец, а справа — другой сын, Минакс, наследник,— отталкивающе тощий, темнокожий и остролицый, как будто обточенный ветрами пустыни. Король Снов небрежным жестом приказал Валентину начинать.

Валентин жонглировал ножами — пятнадцатью тонкими блестящими стилетами, которые, упади они неправильно, могли проткнуть руки насквозь, но он, демонстрируя виртуозную ловкость, легко управлял ими и жонглировал так, как могли бы

делать это только Слит или Залзан Кавол. Он стоял неподвижно, чуть заметно шевеля ладонями и запястьями, и ножи стремительно взлетали, сверкая, как бриллиантовые, пролетали по дуге и падали точно в его ожидавшие пальцы, снова взлетали и падали, и дуга, которую они описывали, обрела форму. Это был уже не каскад, а Горящая Звезда — эмблема короналя. Острия, летавшие в воздухе, указывали в разные стороны. Вдруг, когда Валентин приближался к вершине своего представления, ножи замерли — как раз над его пальцами, не опустившись в них. Из-за трона вышел хмурый, с жестоким взглядом Доминин Барджазид, третий сын Короля Снов. Шагнув к Валентину, он легким небрежным движением смахнул Горящую Звезду из ножей в полу своей мантии. Король Снов насмешливо улыбнулся.

— Ты отличный жонглер, лорд Валентин. Наконец-то ты нашел себе подходящее занятие.

— Я корональ Маджипура,— ответил Валентин.

— Был. Теперь ты бродяга и больше ни на что не годен.

— Ленивый,— добавил Минакс Барджазид.

— Трусливый,— подхватил Кристоф Барджазид.

— Увиливающий от обязанностей,— закончил Доминин Барджазид.

— Ты утратил свое звание,— сказал Король Снов,— твоя должность свободна. Уходи. Уходи, иди жонглируй, Валентин-жонглер. Уходи, лодырь. Проваливай, бродяга.

— Я корональ Маджипура,— твердо повторил Валентин.

— Ты больше не корональ,— возразил Король Снов.

Он коснулся руками диадемы на лбу, и Валентин пошатнулся, будто земля разверзлась под ним, и упал. Когда он поднял глаза, то увидел, что Доминин Барджазид одет в зеленый камзол и горностаевую мантию короналя, лицо его стало лицом лорда Валентина, тело — телом лорда Валентина. Из жонглерских ножей, отобранных у Валентина, Доминин сделал корону короналя — Горящую Звезду, и его отец, Симонан Барджазид, возложил ее на его голову.

— Видишь! — крикнул Король Снов.— Власть переходит к более достойному. Уходи, жонглер, убирайся!

Валентин вновь оказался в пурпурной пустыне и увидел злобные песчаные смерчи, наступавшие на него с юга. Он пытался убежать от них, но они подступали со всех сторон.

— Я лорд Валентин, корональ! — кричал он. Но его голос терялся в шуме ветра, и на зубах скрипел песок.— Это измена, захват власти! — не унимался Валентин. Но его крика никто не слышал. Обернувшись к дворцу Короля Снов, он увидел, что дворец исчез, и его переполнило душераздирающее ощущение потери.

Валентин проснулся.

Карабелла спокойно лежала рядом. В комнату вползал первый бледный свет зари. Хотя сон был чудовищным, а послание самым что ни на есть зловещим, Валентин был абсолютно спокоен. Еще совсем недавно он пытался отрицать истину, но теперь ее нельзя было не признать, какой бы невероятной она ни казалась. В другом облике он был когда-то короналем Маджипура, но у него каким-то образом украли тело и личность. Могло ли это случиться? Едва ли допустимо не обратить внимания на столь значимый сон. Он рылся в глубинах своей памяти, пытаясь отыскать воспоминания о власти, о церемониях на Горе, о блеске королевских торжеств, об ощущении ответственности, и ничего не находил. Ничего. Он жонглер, и только. В памяти не осталось ни единого свидетельства о жизни до Пидруида, словно он родился на холме за минуту до встречи с погонщиком Шанамиром — с деньгами в кошельке, фляжкой красного вина на бедре и обрывками фальшивых воспоминаний в голове.

А если это правда и он был короналем? Что ж, тогда он должен ради блага Маджипура сбросить узурпатора и потребовать возвращения своих законных прав. Это его обязанность.

Но сама идея абсурдна, она давит на грудь и сушит горло. Лишить власти черноволосого человека, который так торжественно ехал по Пидруиду? Как это возможно? Как можно даже приблизиться к короналю, не говоря уже о том, чтобы столкнуть его с трона? Если нечто подобное и случалось когда-то, то это не значит, что удастся еще раз. Да кому? Бродячему жонглеру, легкомысленному молодому человеку, который вовсе не желает совершать невозможное.

Кроме того, Валентин не находил в себе склонности к правлению. Если он действительно был короналем, его должны были много лет обучать на Замковой горе искусству пользоваться властью, но теперь в нем не осталось и следа этих знаний. Какой же из него монарх, если он ничего не помнит и ничего не умеет?

И все же... И все же...

Он взглянул на Карабеллу. Она не спала. Глаза ее были открыты и следили за ним. Благоговейный страх в ней все еще оставался, но ужаса больше не было.

— Что ты будешь делать, лорд?

— Раз и навсегда — зови меня Валентином.

— Если ты приказываешь...

— Приказываю.

— Скажи, Валентин, что ты будешь делать?

— Продолжать работать со скандарами,— ответил он,— жонглировать, совершенствовать мастерство, внимательно следить за снами, выжидать, стараться понять. Что еще я могу сделать, Карабелла?

Он легко дотронулся до ее руки.

Карабелла на секунду сжалась, но затем накрыла его руку своей.

Валентин улыбнулся.

— Что еще я могу сделать, Карабелла?

ЧАСТЬ 2

КНИГА МЕТАМОРФОВ

Глава 1

Гэйргский город Дюлорн был поистине чудом архитектуры, городом застывшего блеска. Он тянулся на двести миль вверх и вниз по ущелью Дюлорн. Хотя протяженность города была столь велика, в нем преобладали вертикали: громадные сияющие башни фантастических конструкций поднимались, как острые клыки, из мягкой, богатой гипсом почвы. Единственным строительным материалом в Дюлорне был местный камень — легкий, воздушный кальцит, который благодаря высокой отражательной способности сверкал, как бриллиант. Из него жители Дюлорна строили свои высокие островерхие здания, украшали их балконами, парапетами, массивными вычурными опорами, консолями, сталактитами и сталагмитами, кружевными мостами, перекинутыми высоко над улицами, колоннадами и навесами.

Жонглерская труппа Залзана Кавола вошла в город с запада ровно в полдень, когда солнце стояло над головой и заливало своим сиянием стены гигантских башен, по которым словно танцевали потоки белого пламени. У Валентина захватило дух, он с изумлением взирал на идеальное сочетание света и формы.

Дюлорн насчитывал четырнадцать миллионов жителей и относился к числу крупных городов на Маджипуре, но не был крупнейшим. На континенте Алханроэль, как говорили Валентину, города таких размеров не были редкостью. Даже здесь, на Зимроэле, в краю землевладельцев встречались города еще больших размеров. Но Валентин был уверен, что ни один из них не срав-

нится с Дюлорном по красоте. Дюлорн выглядел и холодным и огненным одновременно. Его сверкающие шпили обладали каким-то неизъяснимым очарованием, они приковывали к себе внимание, как холодная неотразимая музыка, как пронизывающие звуки мощного органа, прокатывающиеся через мрак космоса.

— Сельской гостиницы здесь нет! — радостно воскликнула Карабелла.— Мы будем жить в отеле с тонкими простынями и мягкими подушками!

— Неужели Залзан Кавол так расщедрится? — спросил Валентин.

— Расщедрится? — рассмеялась Карабелла.— А что ему остается делать? В Дюлорне предлагают только роскошное жилье. Если мы ночуем здесь, то либо спим на улице, либо, как герцоги. Середины нет.

— Как герцоги,— задумчиво повторил Валентин.— Спать, как герцоги. Почему бы и нет?

Утром перед уходом из гостиницы он взял с Карабеллы клятву никому не говорить о ночных событиях — ни Слиту, ни скандарам, ни даже толкователю снов, если Карабелле вдруг понадобится встреча с ним. Он потребовал, чтобы она поклялась именами Повелительницы Снов, понтифекса и короналя. Он настоял также, чтобы она обращалась с ним только как со странствующим жонглером Валентином. Требуя клятвы, Валентин говорил с силой и достоинством короналя, и несчастная Карабелла, стоя на коленях и дрожа, так же боялась его, как если бы на нем была звездная корона. Он же чувствовал себя в какой-то степени обманщиком, поскольку отнюдь не был убежден, что странные сны прошлой ночи как-то изменили его. Но все же этими снами нельзя было пренебречь, и приходилось соблюдать осторожность: хранить тайну, идти на обман. Валентин решил так поступить неожиданно для самого себя. Он взял клятву даже с Делиамбера, хотя сомневался, можно ли верить врууну-колдуну. Но Делиамбер, похоже, поклялся совершенно искренне.

— Кто еще знает об этом? — спросил Делиамбер.

— Только Карабелла, но я связал ее такой же клятвой.

— Ты ничего не говорил хьорту?

— Виноркису? Ни слова. Почему ты спрашиваешь?

— Уж очень он внимательно следит за тобой и задает слишком много вопросов. Не нравится он мне.

Валентин пожал плечами.

— Хьорты мало кому нравятся. Но чего ты опасаешься?

— Он хорошо скрывает свои мысли, и аура у него темная. Держись от него подальше, Валентин, иначе он принесет тебе беду.

Жонглеры проехали по широким сверкающим улицам до отеля. Их вел Делиамбер, в голове у которого, похоже, имелась карта любого уголка Маджипура. Фургон остановился перед башней громадной высоты и поразительно фантастической архитектуры — с минаретами и сводчатыми арками, с сияющими восьмиугольными окнами. Выйдя из фургона, Валентин остановился и, раскрыв рот от изумления, огляделся.

— Ты выглядишь так, словно тебя огрели по голове,— проворчал Залзан Кавол.— Никогда не видел Дюлорна?

Валентин сделал уклончивый жест.

Его поврежденная память не сохранила воспоминаний о Дюлорне. Но кто хоть раз видел этот город, не смог бы его забыть. Он спросил:

— Есть ли что-нибудь более замечательное во всем Маджипуре?

— Да,— ответил скандар.— Миска горячего супа, кружка крепкого вина, шипящее на открытом огне жаркое. Ты не можешь есть прекрасную архитектуру. Даже сам Горный замок не представляет никакой ценности для голодного.— Залзан Кавол фыркнул, довольный собой, и, подняв свой багаж, направился в отель.

— Я ведь говорил только о красоте городов! — смущенно сказал ему вслед Валентин.

Телкар, обычно самый молчаливый из скандаров, заметил:

— Залзан Кавол восхищается Дюлорном куда больше, чем ты думаешь, но никогда в этом не признается.

— Он признает достойным восхищения только Пилиплок, где мы родились,— вставил Гибор Хаэрн.— Добрые слова о любом другом месте кажутся ему предательством.

— Ш-ш-ш! — предостерег Ерфон Кавол.— Вот он!

Их старший брат появился в дверях.

— Ну? Долго вы будете стоять? Через полчаса репетиция! — Желтые глаза Залзана Кавола горели, как у хищника. Он заворчал, угрожающе сжал четыре кулака и исчез.

«Странный хозяин,— подумал Валентин.— Где-то глубоко под косматой шкурой прячется вполне культурная и даже — кто зна-

ет? — добрая личность. Но Залзан Кавол изо всех сил старался выглядеть грубым».

Жонглеров пригласили выступить в Непрерывном цирке Дюлорна, городском увеселительном заведении, которое работало ежедневно и круглосуточно. Преимущественно населявшие этот город и его окрестности гэйроги спали не ночами, а по сезонам, по два-три месяца кряду, в основном зимой. А когда бодрствовали, непрерывно жаждали развлечений. По словам Делиамбера, они хорошо платили, а в этой части Маджипура странствующих артистов всегда было мало. Когда труппа собралась на послеобеденную репетицию, Залзан Кавол объявил, что они выступают после полуночи, с четырех до шести.

Валентин расстроился. После тяжелых открытий последнего времени он с особым нетерпением ждал в эту ночь руководства, которое мог дать ему сон. Но можно ли надеяться на полезные сны, если самые подходящие для этого часы он проведет на подмостках?

— Мы можем лечь спать пораньше,— заметила Карабелла.— Сны приходят в любой час. Или, может, тебе назначено время для послания?

Слова прозвучали достаточно дерзко для той, что еще так недавно трепетала перед Валентином. Он улыбнулся, показывая, что не обижен, ибо уловил скрытую за насмешливым тоном неуверенность.

— Я вообще могу не уснуть, зная, что придется вставать так рано.

— Пусть Делиамбер коснется тебя, как в прошлую ночь,— посоветовала Карабелла.

— Я предпочитаю засыпать сам,— ответил он.

Так он и сделал после дневных занятий и сытного ужина из вяленого мяса и холодного голубого вина. Валентин занял отдельную комнату и перед тем, как лечь в постель на прохладные тонкие простыни, годные, как говорила Карабелла, для герцога, поручил свой дух Хозяйке Острова Сна и молил ее о послании. Такое разрешалось и часто делалось, но не всегда приносило плоды. Теперь ему больше всего нужна была помощь Повелительницы Снов. Если он и в самом деле свергнутый корональ, тогда она — его мать по плоти и по духу и может подтвердить его личность и указать ему путь.

Засыпая, он старался вызвать зрительный образ Хозяйки и ее Острова, дотянуться через тысячи миль до нее и воздвигнуть мост над необъятной пропастью, чтобы хоть искра сознания достигла Хозяйки и помогла ей установить контакт с ним. Ему мешали пробелы в памяти. Считалось, что черты лица Повелительницы Снов и география Острова известны каждому взрослому маджипурцу так же хорошо, как лицо кровной матери и предместья родного города. Но в искалеченном мозгу Валентина по большей части была пустота, которую приходилось заполнять с помощью воображения.

Как она выглядела в ту ночь в фейерверке над Пидруидом? Круглое улыбающееся лицо, длинные густые волосы. Очень хорошо. А дальше? Предположим, волосы черные и блестящие, как и у ее сыновей — лорда Валентина и покойного лорда Вориакса. Глаза карие, теплые, живые, губы полные, щеки слегка впалые, возле глаз тонкая сетка морщин. Величавая, крепкая женщина. Она прогуливается по саду среди пышных цветущих кустов, желтых тонигалей, камелий, эльдеронов, пурпурных рухлей — всего богатства тропической жизни. Останавливается, чтобы сорвать цветок и воткнуть его в волосы, идет дальше по белым мраморным плитам, петляющим между кустами, появляется на широком каменном патио на склоне того холма, на котором живет, и смотрит вниз на террасы, спускающиеся широкими изгибами к морю. Смотрит на запад, на далекий Зимроэль, закрывает глаза и думает о своем потерянном, изгнанном сыне, который сейчас ждет ее помощи в городе гэйрогов. Собравшись с силами, она отправляет Валентину нежное послание надежды и поддержки...

Валентин погрузился в глубокий сон, и Повелительница пришла. Он встретился с ней не на склоне холма возле ее сада, а в каком-то мертвом городе пустынной страны, в развалинах среди изрытых непогодой колонн из песчаника и разрушенных алтарей. Под призрачным светом луны они вышли с противоположных сторон на старую площадь. Лицо Повелительницы Снов скрывала вуаль. Он узнал ее по тяжелым кольцам черных волос и по аромату воткнутого в них кремового цветка эльдерона. Он знал, что это Хозяйка Острова Сна, но хотел видеть ее ласковые глаза, ее улыбку, чтобы согреться душой в этом унылом месте. Однако глазам его предстали только вуаль, плечи и часть головы.

— Мама? — спросил он неуверенно.— Мама, я — Валентин! Разве ты не узнаешь меня? Посмотри на меня, мама!

Она, как призрак, проплыла мимо него и исчезла между двумя разбитыми колоннами, на которых были изображены сцены деяний великих короналей.

— Мама! — позвал он.

Сон прошел. Валентин старался вернуть его, но не мог. Он проснулся и уставился в темноту, желая воскресить в памяти это скрытое вуалью лицо и постичь значение этого сна. Она не признала его. Разве он настолько изменился, что даже родная мать не может узнать его в этом облике? А может, он никогда и не был ее сыном, и потому она и не должна узнать его? Если дух черноволосого лорда Валентина переселили в тело Валентина-блондина, Хозяйка Острова Сна не подала и виду, что знает об этом. Он не находил ответов. «Что за глупости приходят мне в голову,— подумал он.— Какие невероятные предположения, какие сумасшедшие мысли!» Валентин снова уснул. Почти тотчас же на его плечо легла рука и трясла его, пока он не пробудился. Это была Карабелла.

— Два часа пополуночи,— сказала она.— Залзан Кавол хочет, чтобы через полчаса мы все собрались в фургоне. Сон был?

— Незавершенный. А у тебя?

— Я не спала. По-моему, это разумнее. В некоторые ночи лучше не спать.— Пока он одевался, она застенчиво спросила: — Я снова буду делить с тобой комнату, Валентин?

— Ты хочешь этого?

— Я поклялась обращаться с тобой как раньше, до того как я узнала... Ох, Валентин, я так испугалась! Но мы снова будем товарищами и завтра же ночью — любовниками!

— А если я корональ?

— Прошу тебя, не задавай таких вопросов.

— А все же?

— Ты приказал мне звать тебя Валентином и смотреть на тебя как на Валентина. Так я и буду делать, если ты мне позволишь.

— Ты веришь, что я корональ?

— Да,— прошептала она.

— И больше не боишься?

— Совсем немного. Ты все еще кажешься мне обыкновенным человеком.

— Хорошо.

— У меня был целый день, чтобы привыкнуть. И я дала клятву. Я должна думать о тебе как о Валентине. Я клялась в этом властителями.— Она нервно засмеялась.— Я клялась именем короналя, что притворюсь, будто ты не корональ, и я должна быть верной своей клятве, не бояться тебя и вести себя так, словно ничего не изменилось. Значит, я могу прийти ночью в твою постель?

— Да.

— Я люблю тебя, Валентин.

Он слегка притянул ее к себе:

— Спасибо, что ты преодолела свой страх. Я тоже люблю тебя, Карабелла.

— Залзан Кавол будет в ярости, если мы опоздаем.

Глава 2

Непрерывный цирк помещался на восточной окраине города в здании, совершенно не похожем на большинство домов Дюлорна,— это был громадный, плоский, без всяких украшений барабан, абсолютно круглый, не более девяноста футов высотой. Внутри центральное место занимала просторная площадка, вокруг нее шли ряды сидений, ярус за ярусом поднимавшиеся концентрическими окружностями к потолку.

Там могли разместиться тысячи, а может, и сотни тысяч зрителей. Валентина поразило, что в столь поздний час цирк почти полон. Разглядеть кого-либо было трудно, поскольку свет на сцене бил в глаза, но все-таки он заметил огромное число зрителей, сидевших или полулежавших на скамьях. Почти все были гэйрогами, хотя кое-где Валентин различил хьортов, вруунов и людей.

На Маджипуре не было мест, целиком заселенных одной расой: древние указы правительства, восходившие к самому началу непростого процесса расселения нечеловеческих рас, запрещали это. Исключением были лишь резервации метаморфов. Но гэйрогов, особенно склонных к общинной жизни, собралось в Дюлорне и его округе намного больше, чем это было разрешено законом.

Гэйроги были теплокровными млекопитающими, но кое-какие черты рептилий вызывали неприязнь у большинства других рас: быстро мелькавшие красные языки, плотная блестящая серая чешуйчатая кожа, холодные немигающие зеленые глаза. Воло-

сы их походили на медуз: черные маслянистые пряди не лежали на месте, а изгибались и свивались в кольца. Кисло-сладкий запах, исходивший от них, был еще одной причиной, по которой остальные расы их сторонились.

Валентин в подавленном настроении взошел с труппой на подмостки. Час был совсем неподходящий: естественный режим был нарушен, и, хотя он спал достаточно, вынужденное бодрствование в неурочный час угнетало его. Непонятный сон камнем лежал на душе. Хозяйка Острова Сна его отвергла, он не сумел добиться от нее ответа. Что все это означало? Когда он был только Валентином-жонглером, смысл сна не был для него так важен: дни шли своим чередом, и Валентин заботился лишь об оттачивании своего мастерства. Но теперь эти неясные и тревожащие откровения настигли его, и он был вынужден размышлять о темных делах, дальних целях, судьбах и дорогах, с которыми теперь связан. Ему это очень не нравилось. Он уже начал испытывать ностальгию по тем безумным, счастливым и беззаботным дням, когда он пришел в Пидруид.

Предстоящее выступление быстро вывело его из задумчивости. Здесь, под ярким светом, нельзя думать ни о чем, кроме работы.

Площадка была огромной, и на ней одновременно показывали свое искусство многие актеры. Вруунские маги работали в плывущих разноцветных потоках света и клубах зеленого и красного дыма. В отдалении дрессировщик управлялся с дюжиной стоявших на хвостах толстых змей. Одетые в сверкающие костюмы, невероятно тощие танцоры рассыпались по площадке серебристыми блестками и демонстрировали прыжки и поддержки. Несколько маленьких оркестров в разных местах площадки исполняли оглушающе громкую музыку, столь любимую гэйрогами. Были здесь и акробат с одним пальцем, и ходившая по проволоке женщина, и левитатор, и трое стеклодувов, создававших вокруг себя клетку, и глотатель живых угрей, и толпа неистовых клоунов, и многие другие, которых Валентин уже не мог видеть. Публика, удобно устроившаяся в полутьме, имела возможность следить за выступлениями всех участников, потому что громадная сцена медленно вращалась, делая полный оборот за час или два, так что каждая группа артистов поочередно проходила перед всеми зрителями.

— Все это плавает на озере ртути,— прошептал Слит.— За этот металл можно купить три провинции.

При такой сильной конкуренции на глазах многочисленной публики жонглеры выступали с самыми искусными трюками, а это означало, что новичок Валентин остался в стороне. Он бросал свои дубинки и лишь изредка получал от других нож или факел. Карабелла танцевала на серебряном шаре диаметром в два фута, который описывал неправильные круги, а она в это время жонглировала пятью ослепительно яркими зелеными шарами. Слит встал на ходули, поднялся выше скандаров — крошечная фигурка где-то наверху — и спокойно перекидывал из руки в руку три огромных красных с черными крапинками яйца моликана, купленных вечером на рынке. Если бы он уронил яйцо с такой высоты, брызги разлетелись бы очень далеко, и зрители обязательно заметили бы это. Стоит ли говорить, что такой промах означал бы провал. Но Слит, как всегда, был великолепен. Что касается шести скандаров, то они выстроились спинами друг к другу, образовав своими телами Звезду, и жонглировали горящими факелами. В тщательно рассчитанное время каждый бросал через плечо факел своему брату на противоположную сторону звезды. Обмен шел с поразительной точностью. Траектории летевших факелов были безупречно рассчитаны, так что получались замечательные перекрещивающиеся световые узоры, и ни один волосок на шкуре скандаров не опалился, когда они вслепую выхватывали из воздуха горящий факел, брошенный невидимым партнером.

Они прошли два оборота сцены, выступая по полчаса с пятью минутами отдыха в центральной шахте прямо под подмостками, где собрались сотни отдыхающих артистов. Валентину хотелось бы показать что-нибудь более интересное, чем элементарное жонглирование, но Залзан Кавол запретил.

— Ты еще не готов,— сказал он,— хотя для новичка работаешь отлично.

Настало утро, когда труппе наконец позволили покинуть сцену. Оплата была почасовой, а продолжительность выступления определялась по счетчикам реакции, помещенным под скамьями для зрителей. За счетчиками наблюдали гэйроги, сидевшие в будке под сценической площадкой. Некоторые выступавшие оставались на подмостках лишь несколько минут, после чего общая скука или презрение изгоняли их. Но Залзан Кавол и его труппа, кото-

рым было гарантировано два часа работы, пробыли на площадке четыре часа. Им предложили поработать еще час, однако после краткого, но бурного обсуждения братья Залзана Кавола отговорили его.

— Жадность доведет его до беды,— сказала Карабелла.— Он что, думает, что эти факелы можно бросать бесконечно, пока кто-нибудь не промахнется? Даже скандары иногда устают.

— Только не Залзан Кавол,— ответил Валентин.

— Он, может быть, и машина для жонглирования, но его братья — простые смертные. Роворн уже начинал сбиваться. Счастье, что у них хватило духу остановить Залзана Кавола.— Она улыбнулась.— Я тоже чертовски устала.

Жонглеры так понравились жителям Дюлорна, что их наняли еще на четыре дня. Залзан Кавол ликовал — гэйроги хорошо платили — и выдал всем по пять крон премии. Валентин был согласен, что все это хорошо, но ему не хотелось надолго оставаться у гэйрогов. На третий день его охватило нетерпение.

— Ты хочешь ехать дальше,— заметил Делиамбер, утверждая, а не спрашивая.

Валентин кивнул.

— Мне видится призрак дороги.

— На Остров?

— Зачем тебе разговаривать с людьми,— пошутил Валентин,— если ты читаешь их мысли?

— На этот раз я не проникал в твой разум. И без того ясно, каким будет твой следующий шаг.

— Да, надо идти к Хозяйке Острова. Кто, кроме нее, скажет мне правду обо мне?

— Ты все еще сомневаешься?

— У меня нет доказательств, кроме снов.

— Которые говорят истинную правду.

— Да,— кивнул Валентин,— но сны могут быть притчами, метафорами или фантазиями. Глупо воспринимать их буквально без подтверждения. А Хозяйка, я надеюсь, может их подтвердить. Далеко этот Остров, колдун?

Делиамбер прикрыл золотистые глаза.

— В тысячах миль. Примерно пятую часть пути мы пройдем через Зимроэль, на восток через Кинтор или Велатис, вокруг территории метаморфов, затем, возможно, на речном судне че-

рез Ни-мойю до Пилиплока, а оттуда до Острова ходят корабли пилигримов.

— Сколько времени это займет?

— Добраться до Пилиплока? Нашими темпами около пятидесяти лет. Идти с жонглерами, останавливаться то тут, то там на неделю...

— А если я пойду один?

— Вероятно, месяцев шесть. Путешествие по реке быстрее, по суше много дольше. Будь у нас воздушные корабли, как в других мирах, потребовалось бы не больше одного-двух дней, но у нас на Маджипуре нет многого, чем пользуются другие народы.

— Шесть месяцев? — Валентин нахмурился.— А если нанять экипаж и проводника? Сколько это будет стоить?

— Примерно двадцать реалов. Тебе придется очень долго жонглировать, чтобы заработать столько.

— Хорошо, вот я в Пилиплоке. Что дальше?

— Ты оплатишь проезд до Острова и через несколько недель будешь на месте. Затем ты остановишься на самой нижней террасе и начнешь подъем.

— Какой подъем?

— Молитвы, очищение, посвящение. Ты будешь переходить с одной террасы на другую, пока не достигнешь террасы Поклонения — порога Внутреннего храма. Ты ничего об этом не знаешь?

— Делиамбер, в мой разум кто-то вмешивался.

— Да, верно.

— Внутренний храм. Потом?

— Теперь ты посвящен. Ты служишь Хозяйке как прислужник. Если хочешь получить аудиенцию, проходишь особые ритуалы и ждешь приглашающего сна.

— Сколько же времени займет все это: террасы, посвящение, служба, ожидание сна? — обеспокоенно спросил Валентин.

— По-разному бывает. Иногда пять лет, десять, а может быть, и вечность. У Хозяйки Острова нет времени для каждого пилигрима.

— А нет более прямого пути, чтобы получить аудиенцию?

Делиамбер издал кашляющий звук, который должен был означать смех.

— Какой? Стучать в дверь Храма и кричать, что ты, сын Хозяйки, но в другом обличье, требуешь, чтобы тебя впустили?

— А почему бы и нет?

— Потому что террасы Острова служат своего рода фильтрами, не позволяющими совершить что-либо подобное. Легких путей доступа к Хозяйке Острова Сна не существует. Именно так и задумано. Так что ты можешь потратить много лет.

— Я найду путь.— Валентин внимательно посмотрел на маленького колдуна.— Если я попаду на Остров, то найду возможность достичь ее мысленно. Я сумею докричаться до ее разума и, возможно, смогу убедить ее призвать меня к себе.

— Возможно.

— С твоей помощью, конечно.

— Я так и думал, что ты к этому придешь,— сухо произнес Делиамбер.

— У тебя есть способности к передаче посланий. Мы могли бы если не добраться до самой Хозяйки, то достаточно приблизиться к ней. Мы будем продвигаться шаг за шагом, сокращая проведенное на террасах время...

— Возможно, это удастся,— согласился Делиамбер.— А ты уверен, что я захочу совершить с тобой это паломничество?

Валентин некоторое время молча смотрел на врууна.

— Уверен,— ответил он наконец.— Ты прикидываешься, будто не хочешь, но ты сам прилагал все усилия, чтобы я в конце концов отправился к Острову Сна и взял тебя с собой. Ведь я прав, Делиамбер? Ты хочешь этого гораздо больше, чем я.

— Ах, вот оно как?

— Я прав?

— Если ты решил ехать на Остров, Валентин, то я с тобой. Но твердо ли ты решил?

— Почти.

— Сомневающийся не достигнет цели.

— Тысячи миль. Годы ожидания. Тяжкий труд и интриги. Почему же я все-таки стремлюсь сделать это, Делиамбер?

— Потому что ты корональ и должен быть им.

— Первое, может, и правда, хотя я сильно сомневаюсь в этом. А второе... Зачем мне это?

Делиамбер хитро взглянул на Валентина.

— Ты предпочитаешь смириться с правлением узурпатора?

— Что мне корональ и его правление? Он на другом конце мира, в Горном замке, а я — странствующий жонглер.

Валентин вытянул пальцы и разглядывал их, словно впервые увидел.

— Я избавлю себя от многих трудностей, если останусь с Залзаном Каволом и позволю другому, кто бы он ни был, сидеть на троне. Может, он мудр и отнял власть справедливо? Какая польза Маджипуру, если я ввяжусь во все это только для того, чтобы самому сесть на трон? Ох, Делиамбер, разве подобные речи звучат по-королевски? Стремлюсь ли я к власти? Как я могу быть правителем, если совершенно очевидно, что я к этому не стремлюсь?

— Мы с тобой уже говорили об этом. С тобой что-то сделали, мой лорд. Изменили не только твое тело, но и душу.

— Пусть так. Но моя королевская сущность, если она была когда-то, покинула меня. Это стремление к власти...

— Ты уже дважды употребил эту фразу,— возразил Делиамбер.— Стремление тут ни при чем. Истинный король вовсе не стремится к власти. Ответственность стремится к нему, захватывает его и владеет им. Этот корональ правит совсем недавно, он мало что успел сделать, если не считать великих процессий, а народ уже ворчит по поводу его декретов. А ты еще спрашиваешь, мудр ли он и справедлив. Как может узурпатор быть справедливым? Он преступник, Валентин. Он правит, испытывая чувство вины, постоянный страх грызет его во сне, и настанет время, когда этот страх отравит его и превратит в тирана. Можешь ли ты сомневаться в этом? Он отстранит всех, кто угрожает ему, он будет даже убивать, если понадобится. Яд, текущий в его жилах, отравит жизнь планеты, поразит всех жителей. И ты, сидящий здесь и разглядывающий свои пальцы, не будешь считать себя ответственным? Как ты можешь даже заикаться о том, что хочешь остаться в стороне? Как будто тебе наплевать, кто у нас король. Очень важно, мой лорд, кто стоит у власти, а ты был избран для этого и соответственно обучен. Или ты думаешь, что короналем может быть любой?

— Думаю, да. Судьба выбирает наугад.

Делиамбер резко засмеялся.

— Возможно, девять тысяч лет назад так оно и было. Но теперь, мой лорд, речь идет о династии.

— Династии?

— Именно. Со времен лорда Ариока, если не раньше, короналей выбирали из небольшой группы семей, не более чем из

сотни кланов, живших на Замковой горе и являвшихся членами правительства. Следующего короналя обучали заранее, но кто он — знали только он сам и немногие советники. Выбирали также двоих или троих на замену. Но теперь этот порядок нарушен, теперь туда вторгся чужак. Ничего, кроме зла, от этого не будет.

— А может, узурпатор просто один из наследников, которому надоело ждать?

— Нет,— возразил Делиамбер,— это невозможно. Никто из обучавшихся, чтобы стать короналем, не смог бы свергнуть законно посвященного принца. К тому же зачем ему рядиться под лорда Валентина?

— Согласен.

— Согласись также и вот с чем: тот тип в Горном замке не имеет ни права, ни необходимых знаний для пребывания там, и его надо скинуть, а сделать это можешь только ты.

Валентин вздохнул:

— Ты требуешь от меня слишком многого.

— Этого требует история,— сказал Делиамбер.— В тысячах миров на протяжении многих тысячелетий история требовала, чтобы разумные существа сделали выбор между порядком и анархией, созиданием и разрушением, разумным и неразумным. И силы порядка, созидания и разума всегда воплощались в одном лидере: короле, президенте, председателе, первом министре, генералиссимусе — одним словом, монархе. Здесь, у нас,— корональ, или, более точно, корональ правит от имени понтифекса, который ранее был короналем. И очень важно, мой лорд, кому быть короналем, а кому — нет.

— Да,— произнес Валентин,— возможно.

— Ты слишком долго мечешься между «да» и «возможно». Но в конце концов ты будешь правителем. Ты совершишь паломничество на Остров, получишь благословение его Хозяйки, отправишься на Замковую гору и займешь свое законное место.

— Твои слова наполняют меня ужасом. Если я когда-то правил, если я когда-то обучался для этого, то в голове моей не осталось и следа от всего этого.

— Ужас исчезнет, со временем твой мозг восстановится.

— Время идет, а мы торчим в Дюлорне и развлекаем гэйрогов.

— Это ненадолго. Мы пойдем на восток, мой лорд, поверь.

В убежденности Делиамбера было что-то заразительное. Сомнения и неуверенность, казалось, оставили Валентина. Но как только Делиамбер ушел, Валентин погрузился в нерадостные размышления о суровой реальности. Может ли он нанять пару верховых животных и завтра же уехать с Делиамбером в Пилиплок? А как же Карабелла, которая стала вдруг так дорога ему? Бросить ее в Дюлорне? А Шанамир? Мальчик привязан к нему, а не к скандарам. Разве можно его оставить? А расходы? Вчетвером пересечь почти весь Зимроэль. Пища, ночлег, транспорт, корабль пилигримов до Острова и жизнь на Острове, пока он не придумает, как получить доступ к Хозяйке... Делиамбер считал, что Валентину одному понадобится двадцать реалов на дорогу до Пилиплока, а четверым, а то и пятерым, если добавится Слит... Набегает сотня реалов, если не больше. А до нижней террасы — сто пятьдесят.

Он заглянул в свой кошелек. Из тех денег, которые он имел при себе, когда появился в Пидруиде, осталось чуть больше шестидесяти реалов плюс один-два реала, заработанные в труппе. Этого никак не хватит. Он знал, что Карабелла почти без денег, Шанамир вернул семье сто шестьдесят реалов, вырученных за животных, а Делиамбер, будь у него хоть какие-то ценности, не стал бы на старости лет заключать контракт с неотесанными скандарами и таскаться по стране.

Так что же? Остается строить планы и надеяться, что Залзан Кавол решил двигаться в основном на восток. А пока следует беречь деньги, набраться терпения и ждать, когда настанет время идти к Хозяйке Осторова Сна.

Глава 3

Через несколько дней после того, как жонглеры уехали из Дюлорна с распухшими благодаря щедрости гэйрогов кошельками, Валентин отвел Залзана Кавола в сторону и спросил, куда они направляются. Был прекрасный день позднего лета, а здесь, на восточном склоне ущелья, где они остановились на обед, все заволокло пурпурным туманом, потому что севернее находились отложения скувва-песка, и ветер все время поднимал его вверх.

Залзан Кавол был недоволен и раздражен такой погодой. Его серая шерсть, покрасневшая в каплях тумана, свалялась, и он

дергал ее, стараясь пригладить. Валентин понял, что сейчас не самое удачное время для разговора, но было уже поздно.

— Кто из нас хозяин труппы, Валентин? — спросил Залзан Кавол.

— Ты, конечно.

— Тогда с какой стати ты пытаешься управлять мной?

— Я?

— В Пидруиде ты просил меня отправиться сначала в Фалкинкип, чтобы не пострадала фамильная честь нашего погонщика, а я, кстати, помню, как ты заставил меня нанять этого мальчишку, хотя он не жонглер и никогда им не будет. Я согласился, сам не знаю почему. Потом ты вмешался в мою ссору с врууном...

— Мое вмешательство оказалось полезным,— уточнил Валентин,— как ты сам потом признал.

— Правильно. Но мне не нравится то, что ты вмешиваешься в мои дела. Ты понимаешь, что я полный хозяин этой труппы?

Валентин слегка пожал плечами:

— Никто с этим не спорит.

— Но ты-то понимаешь это? Мои братья понимают. Они знают, что у тела может быть только одна голова, за исключением разве что тел су-сухирисов, но мы говорим не о них. Здесь голова — это я, от меня исходят все планы и распоряжения, от меня одного.— Залзан Кавол улыбнулся.— Тирания? Нет, просто необходимость. Жонглеры не могут быть демократами, Валентин. Управлять должен только один, иначе наступит хаос. Так чего ты от меня хочешь?

— Знать, куда мы направляемся, и только.

Залзан Кавол ответил с едва сдерживаемой злостью:

— Зачем? Ты работаешь у нас. И идешь туда, куда идем мы. Твое любопытство неуместно.

— Мне так не кажется. Одна дорога для меня более полезна, чем другая.

— Полезна? Для тебя? У тебя свои планы? Ты мне об этом не говорил!

— Я говорю сейчас.

— Каковы же они?

Валентин сделал глубокий вздох:

— В конечном счете — совершить паломничество на Остров и посвятить себя Повелительнице Снов. Поскольку корабли паломников отплывают из Пилиплока, а между нами и Пилиплоком лежит весь Зимроэль, мне важно знать, не собираешься ли ты идти в другую сторону, скажем, в Велатис, или, может, обратно в Тил-омон, или в Нарабаль вместо...

— Ты уволен,— ледяным тоном произнес Залзан Кавол.

Валентин остолбенел:

— Что?

— Хватит! Мой брат Ерфон даст тебе десять крон в качестве окончательного расчета. Я хочу, чтобы через час тебя не было.

У Валентина запылали щеки:

— Это совершенно неожиданно! Я же только спросил...

— Ты только спросил. И в Пидруиде ты только просил, и в Фалкинкипе ты только просил, и через неделю в Мазадоне ты будешь только просить. Ты нарушаешь мое спокойствие, Валентин, а это важнее для меня, чем твой талант жонглера. Кроме того, ты не лоялен.

— Я?! По отношению к кому?

— Ты нанялся к нам, но тайно решил воспользоваться нами как транспортным средством, которое доставит тебя в Пилиплок. Твои обязательства по отношению к нам неискренни. Я называю это предательством.

— Когда я нанимался к тебе, у меня была одна цель: путешествовать с твоей труппой, куда бы вы ни пошли. Но все изменилось, и теперь у меня есть причины совершить паломничество.

— А почему ты допустил, чтобы все изменилось? Где твое чувство долга по отношению к твоим нанимателям и учителям?

— Разве я нанялся к тебе на всю жизнь? — спросил Валентин.— Разве это предательство — обнаружить, что есть более важная цель, чем завтрашнее представление?

— Ты разбрасываешься, потому я хочу избавиться от тебя. Мне надо, чтобы ты каждый день и каждый час думал о жонглировании, а не о дне, когда ты отправишься с пирса Шкунибор в паломничество.

— Никакого разбрасывания не будет. Когда я жонглирую, я жонглирую. Когда мы дойдем до Пилиплока, я уйду из труппы, но до тех пор...

— Хватит,— прервал его Залзан Кавол.— Складывай свои пожитки и уходи. Иди сам в Пилиплок и плыви на Остров. Счастливого пути. Мне ты больше не нужен.

Скандар выглядел вполне серьезным. Нахмурившись и похлопывая себя по влажной шкуре, он тяжело повернулся и пошел

прочь. Валентин задрожал от напряжения и тревоги. Мысль о том, чтобы уйти сейчас и идти в Пилиплок одному, приводила его в ужас. Кроме того, он сжился с труппой даже больше, чем сам предполагал, чувствовал себя членом сплоченной команды, от которой его теперь отрывают силой. Он не мог вот так просто расстаться с Карабеллой, со Слитом, даже со скандарами, которых он не любил, но уважал. Он хотел по-прежнему тренировать глаза и руки и одновременно двигаться на восток, навстречу неведомой судьбе, судя по всему уготованной для него Делиамбером.

— Подожди! — окликнул он скандара.— А как же закон?

Залзан Кавол оглянулся через плечо.

— Какой закон?

— Который требует, чтобы ты держал трех жонглеров-людей в своей труппе.

— Я найму на твое место погонщика,— ответил Залзан Кавол.— И научу его тому, чему он сможет научиться.— Он двинулся дальше.

Валентин был ошарашен. Этот разговор происходил в рощице невысоких растений с золотистыми листьями. Видимо, они были психосенситивами, потому что Валентин заметил, что во время ссоры они свернули свои замысловато разрезанные листья, а теперь на десять футов вокруг все сморщились и почернели. Он дотронулся до листка, безжизненного и как бы опаленного, и очень расстроился, что стал виновником гибели такой красоты.

— Что случилось? — спросил Шанамир. Он появился совершенно неожиданно и теперь с изумлением рассматривал увядшие листья.— Я слышал крики. Скандар...

— Он уволил меня,— растерянно произнес Валентин.— За то, что я спросил его, куда мы отправимся дальше, ибо со временем я собираюсь совершить паломничество на Остров Сна и хотел бы знать, как далеко еще могу идти с труппой.

Шанамир разинул рот:

— Ты хочешь совершить паломничество? Никогда не думал!

— Я недавно решил.

— Тогда мы пойдем вместе,— вскричал мальчик.— Верно? Давай упакуем вещи, украдем пару животных у этих скандаров и сбежим.

— Ты это твердо решил?

— Конечно!

— До Пилиплока тысячи миль. Ни ты, ни я не знаем дороги, и...

— Почему не знаем? Вот, смотри, мы идем в Кинтор, там садимся на речное судно до Ни-мойи, оттуда вниз по Зимру до побережья, а в Пилиплоке покупаем место на корабле пилигримов и... Что не так, Валентин?

— Но я не могу оставить вот так труппу. Они учили меня ремеслу. Я... Я...

Валентин запнулся в смущении. Кто он: ученик жонглера или ссыльный корональ? Какова его цель — таскаться с этими грубыми скандарами... ну и с Карабеллой и со Слитом тоже, или воспользоваться ими, чтобы скорее попасть на Остров, а затем с помощью Хозяйки в Горный замок? Он сам запутался.

— Деньги? — спросил Шанамир.— Это тебя беспокоит? У тебя было больше пятидесяти реалов в Пидруиде. Сколько-то, наверное, осталось? У меня есть несколько крон. Если понадобится еще, ты сможешь подработать жонглером на речном судне, а я могу ухаживать за животными или...

— Куда это ты собираешься ехать? — поинтересовалась неожиданно появившаяся из леса Карабелла.— Что случилось с этими сенситивами? Здесь была ссора?

Валентин коротко рассказал ей о своем разговоре с Залзаном Каволом.

Она молча слушала, прижав руку к губам. Когда он закончил, она, так и не сказав ни слова, стрелой бросилась вслед за Залзаном Каволом.

— Карабелла! — позвал Валентин, но она уже исчезла.

— Пусть бежит,— пожал плечами Шанамир.— Мы можем уйти через полчаса, а к ночи будем уже далеко. Иди складывай наши вещи, а я возьму двух животных и отведу их через лес к маленькому озерку, мимо которого мы ехали. Встретимся в роще капустных деревьев.— Шанамир нетерпеливо замахал руками.— Поторапливайся! Я пойду за животными, пока скандаров нет, а они могут вернуться в любую минуту.— Он исчез в лесу.

Валентин стоял неподвижно. Уйти вот так, сразу, даже не подготовившись? А Карабелла? Как можно не проститься с ней? А Делиамбер? А Слит? Валентин пошел к фургону собирать свои скромные пожитки, но остановился в нерешительности и начал обрывать мертвые листья бедных растений-сенситивов — как будто

надеясь, что на месте сломанных увядших стеблей тут же вырастут новые. Постепенно он заставил себя смотреть на все случившееся не столь мрачно. Останься он с жонглерами, столкновение с реальностью, так явно ожидавшей его, отсрочилось бы на месяцы, а то и на годы. Если во всем, что он узнал, есть хоть крупица истины, то Карабелла в любом случае не может быть частью этой реальности. Значит, он должен отбросить все опасения и страхи, идти в Пилиплок, на корабль паломников. «Иди,— понукал он себя,— шевелись, собирай пожитки. Шанамир с животными ждет под капустными деревьями». Но он не мог сдвинуться с места.

Прибежала раскрасневшаяся Карабелла.

— Все в порядке,— выдохнула она.— Я натравила на него Делиамбера. Ты знаешь разные его штучки: то, другое, прикосновение щупальца и тому подобное обычное колдовство. Ну, в общем, Залзан Кавол передумал. Или мы передумали за него.

Валентин даже испугался силы вспыхнувших в нем чувств.

— Я могу остаться?

— Да, если попросишь у него прощения.

— За что?

— Это неважно.— Она усмехнулась.— Он считает себя обиженным, но почему — одному Божеству известно! Шерсть у него мокрая, нос холодный. Кто его знает? Он же скандар, Валентин, у него довольно дикие представления, что правильно, а что нет, и от него нельзя требовать, чтобы он думал по-человечески. Ты разозлил его, вот он тебя и выгнал. Попроси его вежливо взять тебя обратно, и он возьмет. Иди. Давай, давай!

— Но... Но...

— Что но? Теперь ты будешь проявлять свою гордость? Ты хочешь, чтобы тебя приняли снова или нет?

— Конечно, хочу.

— Ну, так иди.

Он продолжал стоять в нерешительности, и Карабелла потянула его за руку, но, видимо, вспомнив, чьей руки касается, выпустила ее и отступила, как бы готовая преклонить колени и сделать знак Горящей Звезды.

— Пожалуйста,— тихо сказала она,— пойди к нему, Валентин. Вдруг он опять передумает? Если ты уйдешь из труппы, я тоже уйду, а мне этого не хочется. Иди, прошу тебя.

— Ладно,— согласился Валентин.

Она повела его по мокрой от росы земле к фургону. Залзан Кавол угрюмо сидел на ступеньках, завернувшись в плащ.

Валентин подошел ближе.

— Я не хотел рассердить тебя. Прости.

Залзан Кавол издал низкий, почти за гранью восприятия, рычащий звук.

— От тебя одни только неприятности. Почему я должен прощать тебя? Отныне будешь говорить со мной только тогда, когда я это позволю. Понял?

— Понял.

— И даже не пытайся указывать мне, куда ехать.

— Понял.

— Если ты снова разозлишь меня, вылетишь без выходного пособия и исчезнешь с глаз моих через десять минут, где бы мы ни находились, даже в резервации метаморфов, и хоть среди ночи. Понял?

— Понял,— кивнул Валентин.

Он ждал, думая, не придется ли ему наклониться и поцеловать волосатые пальцы скандара в знак повиновения. Карабелла, стоя рядом, затаила дыхание, как будто ожидала какого-то взрыва со стороны властителя Маджипура, выпрашивающего прощение у странствующего жонглера-скандара. Залзан Кавол презрительно оглядел Валентина, как посмотрел бы на поданную ему рыбу сомнительной свежести, и кисло добавил:

— Я не обязан сообщать своим работникам сведения, которые их не касаются, но все же скажу тебе, что Пилиплок — мой родной город, я возвращаюсь в него время от времени и намерен по возможности сделать это и теперь. Скоро ли — зависит от наших ангажементов, каких я смогу добиться по пути. Но знай, наша дорога лежит в основном на восток, хотя возможны отклонения, поскольку нам надо зарабатывать на жизнь. Надеюсь, ты удовлетворен. Когда мы дойдем до Пилиплока, можешь уйти из труппы, если все еще не передумаешь совершить паломничество. Но если ты попытаешься уговаривать кого-нибудь из труппы, кроме мальчишки-погонщика, сопровождать тебя, я обращусь в суд при дворе короналя и буду преследовать тебя судебным порядком. Понятно?

— Понятно,— опять кивнул Валентин. Он знал, что откровенничать сейчас со скандаром нельзя.

— И последнее: помни, что за выступления в этой труппе ты каждую неделю получаешь приличные деньги, не считая расходов на жизнь и премий. Если я замечу, что ты забиваешь себе голову мыслями о паломничестве, о Хозяйке Острова Сна и ее слугах или еще о чем-то там еще, вместо того чтобы сосредоточиться исключительно на жонглировании, я тебя выгоню. В последние несколько дней твое настроение мешает работе, Валентин. Измени его. Мне нужны в труппе три жонглера-человека, но не обязательно те, которые у меня есть. Понял?

— Понял.

— Ну, ступай.

Когда они отошли, Карабелла спросила:

— Тебе было очень неприятно?

— Скорее, это было очень приятно Залзану Каволу.

— Он просто волосатое животное!

— Нет,— возразил Валентин серьезно.— Он существо чувствующее, равное нам, и никогда не говори о нем иначе. Он только кажется животным.— Валентин вдруг засмеялся, и Карабелла подхватила его смех. Он продолжал: — Когда общаешься с существами, крайне чувствительными в вопросах чести и гордости, наверное, самое разумное — приспосабливаться к ним, особенно когда эти существа восьми футов ростом и к тому же платят жалованье. В этом смысле Залзан Кавол нужен мне больше, чем я ему.

— А паломничество? Ты в самом деле хочешь его совершить? Когда ты решил это?

— В Дюлорне, после разговора с Делиамбером. Мне еще многое неясно, сам я не могу ответить на множество вопросов, и помочь мне в этом может только Хозяйка Острова. Я пойду к ней, по крайней мере попытаюсь. Но это дело далекого будущего, и я обещал Залзану Каволу не думать об этом.

Он взял ее за руку.

— Спасибо тебе, Карабелла, что ты нас помирила. Я вовсе не был готов уйти из труппы и расстаться с тобой, ведь я так недавно нашел тебя.

— А почему ты думаешь, что потерял бы меня, если б Залзан Кавол не согласился оставить тебя?

Он улыбнулся.

— Спасибо тебе и за это тоже. А теперь мне надо пойти в рощу капустных деревьев и сказать Шанамиру, чтобы он вернул животных, которых украл для нас.

Глава 4

Через несколько дней труппа оказалась в совершенно незнакомых местах, и Валентин еще раз порадовался, что они с Шанамиром не поехали одни. Местность между Дюлорном и следующим крупным городом, Мазадоном, была относительно малонаселенной. Большую часть округи, как пояснил всеведущий Делиамбер, занимал королевский лесной заповедник. Залзана Кавола это вовсе не радовало, ибо ни в лесных заповедниках, ни, что более важно, на низинной болотистой фермерской земле, занятой в основном посевами риса и плантациями лусавендра, работы у жонглеров не бывает. Но им приходилось ехать по главному лесному тракту, так как выбора у них все равно не было. Почти все время они ехали под моросящим дождем то через деревни и фермы, то через посадки забавных толстоствольных капустных деревьев, низких и приземистых, с массивными белыми плодами, растущими прямо из коры. Но ближе к Мазадонскому лесному заповеднику капустные деревья уступили место густым зарослям поющих папоротников, издававших, когда к ним приближались, пронзительные нестройные звуки. Это было бы еще не так скверно, поскольку в немелодичной песне Валентин находил даже какое-то очарование, но в гуще папоротников жили надоедливые существа, куда более неприятные, чем растения,— маленькие зубчатокрылые грызуны дхиимы, взлетавшие всякий раз, когда фургон задевал за поющий папоротник. Дхиимы, покрытые красивым золотистым мехом, были размером с мизинец. Они взлетали в огромном количестве и вились роем, а кроме того, кусались крошечными, но острыми зубками. Сидевшие впереди толстокожие и косматые скандары не обращали на них внимания, только отмахивались, когда те подбирались слишком близко, но обычно спокойные животные нервничали и несколько раз сбивались с шага. Шанамир, посланный успокоить их, получил с полдюжины болезненных укусов, а когда возвращался обратно в фургон, следом за ним влетело множество дхиимов. Слита укусили в щеку, под левым глазом, а Валентину, сразу же атакованному разъяренными тварями, искусали обе руки. Карабелла, демонстрируя жонглерское искусство, методично уничтожала дхиимов стилетом. Она действовала целеустремленно и ловко, но прошло по крайней мере полчаса, пока удалось справиться с последним дхиимом.

Миновав территорию дхиимов и поющих папоротников, путешественники попали в весьма любопытное место: перед ними простирались широкие открытые луга, на которых торчали сотни сотворенных природой в незапамятные времена черных гранитных игл в несколько футов шириной и высотой футов в восемьдесят. Валентин увидел в них просто тихую красоту, Залзан Кавол торопился уйти отсюда, чтобы попасть на следующий фестиваль, где могли нанять жонглеров, а Делиамбер чувствовал в этих камнях скрытую угрозу. Вруун выглянул из окна фургона и, наклонившись, внимательно рассматривал черные иглы.

— Остановись,— обратился он наконец к Залзану Каволу.

— В чем дело?

— Хочу кое-что проверить. Выпусти меня.

Залзан Кавол, нетерпеливо ворча, натянул поводья. Делиамбер выбрался из фургона, направился скользящей вруунской походкой к странным камням и исчез среди них, время от времени появляясь, когда зигзагами переходил от одной иглы к другой.

Он вернулся хмурым и озабоченным.

— Посмотрите,— сказал он и указал вперед.— Видите лианы, протянутые от одной скалы к другой, от другой к третьей и так далее? По ним ползают какие-то маленькие существа.

Валентин различил только сетку из тонких блестящих красных линий высоко на вершинах, футах в сорока или пятидесяти над землей. Да, верно, с полдюжины обезьяноподобных тварей перебирались, как акробаты, от иглы к игле, свободно вися на руках и ногах.

— Это похоже на сеть птицеядной лианы,— в недоумении проговорил Залзан Кавол.

— Это она и есть,— согласился Делиамбер.

— А почему эти не прилипли к ней? Что это за животные?

— Это лесные братья,— ответил вруун.— Ты знаешь о них?

— Расскажи.

— Они доставляют много беспокойства. Дикое племя, родом из центрального Зимроэля, их редко встретишь так далеко к западу. Метаморфы охотятся на них — то ли для еды, то ли ради спорта, точно не знаю. У них есть разум, но низшего порядка, несколько выше, чем у собак и дролей, но ниже, чем у цивилизованного народа. Их боги — двикка-деревья. Живут лесные братья группами, чем-то вроде племен, умеют делать отравленные стрелы и причиняют неприятности путникам. Их пот содержит ферменты, которые позволяют им не прилипать к птицеядной лиане, и они пользуются этой лианой для самых разных целей.

— Если они станут надоедать нам,— буркнул Залзан Кавол,— мы уничтожим их. Вперед!

Миновав территорию каменных игл, путешественники в тот день больше не встретили следов лесных братьев. На следующий день Делиамбер один раз видел ленты птицеядной лианы на верхушках деревьев, а день спустя, углубившись в лесной заповедник, они дошли до рощи поистине колоссальных деревьев. Вруунский колдун сказал, что это и есть священные для лесных братьев двикка.

— Видимо, потому лесные братья и появились так близко от территории метаморфов,— предположил Делиамбер.— Наверное, это мигрирующая группа, идущая, чтобы поклониться этому лесу.

Двикка-деревья производили потрясающее впечатление. Их было пять, и они стояли далеко в стороне от других деревьев. Диаметр стволов с ярко-красной корой был больше, чем продольные оси фургона Залзана Кавола.

Хотя деревья были не особенно высокими — не более ста футов,— их мощные ветви, каждая толщиной в ствол обычного дерева, тянулись так далеко, что под ними могли укрыться целые армии. На побегах толщиной с бедро скандара росли листья, черные, кожистые, размером не уступавшие целому дому. Они тяжело свисали вниз, отбрасывая непроницаемую тень. На каждой ветви росли по два-три гигантских желтоватых плода в виде неправильных шаров двенадцати-пятнадцати футов в диаметре. Один плод, похоже, недавно упал, вероятно в дождливый день, когда земля была мягкой, и своим весом продавил ее, так что лежал теперь в неглубокой яме. Он треснул, и можно было видеть множество крупных многогранных черных семян, торчащих из алой мякоти. Валентин понимал, почему лесные братья поклонялись этим деревьям: они были величественными монархами растительного царства, господствующими в нем. Он и сам готов был опуститься перед ними на колени.

— Плод очень вкусный,— сказал Делиамбер.— Он безвреден как для человека, так и для других.

— А для скандаров? — спросил Залзан Кавол.

— И для скандаров.

Залзан Кавол засмеялся.

— Попробуем. Ерфон, Телкар, соберите-ка нам этих фруктов.

Делиамбер заволновался:

— Талисманы лесных братьев лежат в земле перед каждым деревом. Лесные братья были здесь недавно и могут вернуться. Обнаружив, что мы оскверняем рощу, они нападут на нас, а их стрелы смертельны.

— Слит, Карабелла, встаньте слева на страже, Валентин, Шанамир, Виноркис — с другой стороны. Крикните, если увидите одну из этих обезьян,— приказал Залзан Кавол и махнул своим братьям.

— Соберите нам плодов. Хаэрн, мы с тобой будем сторожить здесь. Колдун, останься с нами.— Скандар взял со стойки пару энергометов и дал один Хаэрну.

Делиамбер неодобрительно пробормотал:

— Они приходят, как призраки, появляются ниоткуда...

— Заткнись! — рявкнул Залзан Кавол.

Валентин занял наблюдательный пост в пятидесяти ярдах от фургона и внимательно вглядывался в темный таинственный лес. В любую минуту в него могла впиться стрела, несущая смерть. Ощущение было не из приятных. Ерфон и Телкар с большой плетеной корзиной шли к упавшему плоду, останавливаясь через каждые несколько шагов и оглядываясь по сторонам. Дойдя до плода, они осторожно обошли его кругом.

— А если лесные братья уже сидят позади этой штуковины? — спросил Шанамир.— Вдруг Телкар наткнется на них...

Неожиданно где-то возле плода раздалось гневное восклицание и вслед за ним — рев, похожий на рев оскорбленного бидлака, которому помешали спариваться. Скандары, перепугавшись до смерти, отскочили назад и бросились к фургону.

— Скоты! — яростно вопил голос.— Свиньи и отцы свиней! Вы хотели изнасиловать спокойно обедающую женщину?! Я научу вас, как нападать! Я вас так отмечу, что вы никогда больше не сможете никого изнасиловать! Оставайтесь на месте, волосатые звери! Стойте, говорю!

Из-за плода двикка появилась самая громадная женщина, какую Валентин когда-либо видел. Ростом не менее семи футов, она была под стать этим деревьям: гора плоти на крепких, как столбы, ногах. Одета она была в плотную блузу и серые кожаные

брюки. Блуза, расстегнутая почти до талии, обнажала огромные шары грудей размером с голову человека. Ярко-оранжевые кудри были растрепаны, пронзительно голубые глаза сверкали. Великанша держала в руке внушительных размеров вибрационный меч и размахивала им с такой силой, что Валентин, стоя в сотне футов, чувствовал ветер. Ее щеки и грудь были испачканы алым соком плода двикка. Она широченными шагами шла к фургону, вопя о насилии и требуя мести.

— Кто это? — спросил Залзан Кавол и при этом выглядел таким растерянным, каким Валентин еще ни разу его не видел. Он глянул на братьев.— Что вы ей сделали?

— Мы не коснулись ее,— ответил Ерфон.— Мы оглянулись назад, нет ли лесных братьев, а Телкар, неожиданно наткнувшись на нее, споткнулся и схватился за ее руку, чтобы удержаться на ногах.

— Ты же сказал, что вы не коснулись ее,— рявкнул Залзан Кавол.

— Не в том смысле. Это была просто случайность. Он споткнулся.

— Сделай что-нибудь,— быстро проговорил Залзан Кавол, обращаясь к Делиамберу, потому что великанша уже почти настигла их.

Вруун, выглядевший бледным и угрюмым, встал перед фургоном и протянул щупальца к возвышавшейся над ним громаде.

— Мир,— спокойно сказал он нападавшей великанше.— Мы не хотим повредить тебе.— Говоря, он делал магические жесты, накладывая чары, и в воздухе перед ним разливалось слабое синеватое свечение.

Великанша, видимо, восприняла их, потому что замедлила ход и остановилась в нескольких футах от фургона. Она неохотно опустила вибрационный меч и покачивала им, затем запахнула блузу и кое-как застегнула ее. Оглядев скандаров, она указала на Ерфона и Телкара и произнесла громовым голосом:

— Что те двое хотели сделать со мной?

— Они просто хотели собрать немного плодов двикка-дерева,— ответил Делиамбер.— Видишь, у них была корзина.

— Мы же не знали, что ты там,— промямлил Телкар.— Мы обходили плод, чтобы проверить, не спрятались ли за ним лесные братья, вот и все.

— И навалились на меня, как придурки, и изнасиловали бы, будь я безоружной, так?

— Я оступился,— настаивал Телкар.— Я вовсе не намеревался приставать к тебе. Я боялся лесных братьев, а когда встретился с особой таких размеров...

— Что? Снова оскорбления?

Телкар глубоко вздохнул.

— Я хочу сказать... Я не ожидал... Когда я... когда ты...

— Мы не думали,— добавил Ерфон.

Валентин, с интересом наблюдавший за этой сценой, вышел вперед.

— Если бы они задумали изнасиловать тебя, разве стали бы они делать это при нас? Мы одной с тобой расы и не потерпели бы этого.— Он указал на Карабеллу: — Эта женщина умеет постоять за себя не хуже, чем ты. Будь уверена, что если бы эти скандары попытались оскорбить тебя, она даже в одиночку справилась бы с ними. Это было просто недоразумение, только и всего. Опусти свое оружие и чувствуй себя в безопасности среди нас, мы не причиним тебе зла.

Великаншу, видимо, смягчили вежливость и обаяние речи Валентина. Она неторопливо укрепила оружие на бедре.

— Кто ты? — проворчала она.— И зачем вы пришли сюда?

— Меня зовут Валентин, мы странствующие жонглеры, а этот скандар — Залзан Кавол, хозяин нашей труппы.

— А я Лизамон Халтин,— отрекомендовалась великанша.— Я нанимаюсь телохранителем и воином, хотя в последнее время это редко случается.

— Мы тратим время,— напомнил Залзан Кавол.— Если ты простила нас за то, что мы помешали твоему отдыху, то нам пора ехать дальше.

Лизамон Халтин энергично закивала.

— Да, продолжайте свой путь. Но вы знаете, что здесь опасно?

— Лесные братья? — спросил Валентин.

— Да. Они повсюду. Леса кишат ими.

— А ты не боишься их? — поинтересовался Делиамбер.

— Я говорю на их языке. И у меня с ними честный договор. Не думаешь ли ты, что иначе я рискнула бы есть плоды двикка? Может, я и жирная, но не дура, маленький колдун.

Она уставилась на Залзана Кавола.

— Куда вы едете?

— В Мазадон.

— В Мазадон? Зачем?

— Мы надеемся получить там работу.

— Ничего там для вас нет. Я только что из Мазадона. Герцог недавно умер, и по всей провинции объявлен трехнедельный траур. Может, вы будете жонглировать на похоронах?

Лицо Залзана Кавола потемнело:

— Нет работы в Мазадоне? Нет во всей провинции? А мы-то торопились! Мы и так без заработка от самого Дюлорна. Что будем делать?

Лизамон выплюнула кусок мякоти плода.

— Это уж не моя печаль. Но вы все равно не попадете в Мазадон.

— Это почему?

— Лесные братья перекрыли дорогу в пяти милях отсюда. Они требуют с проезжающих дань или еще что-то такое же нелепое. Они не пропустят вас. Хорошо, если сразу не застрелят.

— Пропустят! — воскликнул Залзан Кавол.

Женщина-воин пожала плечами:

— Без меня не пропустят.

— А ты здесь при чем?

— Я же тебе сказала, что говорю на их языке. Я могу сторговаться с ними. Интересуешься? Пяти реалов, наверное, хватит.

— А зачем лесным братьям деньги? — спросил скандар.

— Не им,— беззаботно ответила она.— Пять реалов для меня. А я им предложу кое-что другое. Договорились?

— Безумие! Пять реалов — это целое состояние.

— Я не торгуюсь,— твердо произнесла она.— Честь моей профессии не позволяет этого. Счастливого пути! — Она холодно оглядела Ерфона и Телкара.— Если хотите, можете взять с собой немного плодов двикка. Но лучше не жуйте их, когда встретитесь с лесными братьями.

Лизамон повернулась с большим достоинством и пошла к большому плоду под деревом. Подняв меч, она отрубила три больших куска и с презрением толкнула их к двум скандарам, которые смущенно положили их в корзину.

— Все в фургон! — крикнул Залзан Кавол.— До Мазадона долгий путь.

— Далеко не уедешь,— пообещала Лизамон и захохотала.— Ты скоро вернешься сюда, если, конечно, останешься жив!

Глава 5

На протяжении следующих нескольких миль Валентин напряженно думал об отравленных стрелах лесных братьев. Неожиданная и страшная смерть не привлекала его, а лес был темным и таинственным, полным какой-то первобытной растительности: папоротниковых деревьев с серебряными споровыми оболочками, конских хвостов в дюжину футов высотой, похожих на стекло и усаженных кучами бледных грибов с коричневыми впадинами. В таком странном месте могло случиться что угодно, и, скорее всего, случится.

Но сок плода двикка помог снять общее напряжение. Виноркис разрезал громадный кусок на ломтики и передавал их по кругу. Плод был исключительно сладким и зернистым, таял во рту, а содержащиеся в нем неизвестные алкалоиды проникали через кровь в мозг быстрее самого крепкого вина. Валентин почувствовал, как по телу разлилось тепло, расслабился и развеселился. Он вернулся в пассажирскую часть фургона, одной рукой опираясь на плечо Карабеллы, а другой — на плечо Шанамира. Залзан Кавол отведал плода явно больше, чем следовало, потому что шел рядом с фургоном веселым шагом, отбросив свою обычную суровую осторожность. Всегда замкнутый Слит, отрезав еще плода двикки, начал напевать хулиганистую песню:

Однажды к старому Гарнипу
С короной, цепью и ведром
Явился лорд Бархольд избитый,
Чтоб тот мог съесть его...

Фургон неожиданно остановился, и Слита резко бросило вперед, а кусок мягкого сочного плода двикки шлепнулся Валентину в лицо. Смеясь и моргая, Валентин вытер лицо и увидел, что все собрались в передней части фургона и что-то разглядывают, попеременно высовываясь между сидевшими на козлах скандарами.

— Что там? — спросил он.

— Птицеядная лиана перегораживает дорогу,— печально ответил Виноркис.— Великанша сказала правду.

Действительно, толстая, крепкая красная лиана под разными углами тянулась от одного папоротникового дерева к другому, образуя широкую, прочную и упругую сетку. Лес по краям дороги был здесь совершенно непроходимым. Фургону там не проехать.

— А разрезать ее можно? — поинтересовался Валентин.

— Мы сделали бы это энергометами за пять минут,— отозвался Залзан Кавол.— Но посмотри туда.

— Лесные братья,— шепнула Карабелла.

Они были повсюду: толпились в лесу, свисали с каждого дерева — хотя и держались на расстоянии почти ста ярдов от фургона. Вблизи они казались менее похожими на обезьян, а больше напоминали дикарей разумной расы. Это были маленькие голые существа с гладкой голубовато-серой кожей и тонкими конечностями. Узкие вытянутые головы не имели волос, лбы скошены, шеи — длинные, тонкие и хрупкие, тела — худые и костлявые, с впалой грудью. У всех — у мужчин и у женщин — с бедер свисали тростниковые трубочки для метания стрел. Лесные братья указывали на фургон и переговаривались, издавая слегка шипящие и свистящие звуки.

— Что будем делать? — обратился Залзан Кавол к Делиамберу.

— Наймем женщину-воина.

— Никогда!

— В таком случае будем сидеть в фургоне до конца дней или вернемся в Дюлорн и поищем другую дорогу.

— Мы могли бы договориться,— сказал скандар.— Иди туда, колдун. Поговори с ними хоть телепатически, хоть на обезьяньем языке, хоть на вруунском, на любом — лишь бы сработало. Скажи им, что у нас важное дело в Мазадоне, что мы должны дать представление на похоронах герцога, что если они нас задержат, то будут строго наказаны.

— Скажи им сам,— спокойно ответил Делиамбер.

— Я?

— Любой из нас, выйдя из фургона, рискует получить стрелу. Я уступаю эту честь тебе. Может, их пленят твои размеры, и они будут приветствовать тебя как своего короля, а может, и нет.

Залзан Кавол сверкнул глазами.

— Ты отказываешься?

— Мертвый колдун,— сказал Делиамбер,— вряд ли будет тебе полезен. Я кое-что знаю об этих созданиях. Они непредсказуемы и весьма опасны. Найди другого посыльного. В нашем контракте не сказано, что ради тебя я должен рисковать жизнью.

Залзан Кавол негодующе фыркнул, но дверцу фургона закрыл.

Положение было безвыходным. Лесные братья начали спускаться с деревьев, но все еще держались на почтительном расстоянии от фургона. Некоторые прыгали и плясали на дороге, хрипло напевая что-то без слов и без мотива. Их пение походило на жужжание громадных насекомых.

Ерфон Кавол предложил:

— Дать по ним из энергомета и разбросать их. Сеть сжечь недолго, а затем...

— А затем они будут гнаться за нами по всему лесу и забросают нас стрелами, как только мы высунем нос,— продолжил Залзан Кавол.— Нет. Их тут, наверное, тысячи. Они нас видят, а мы их нет. Силой мы ничего не добьемся.— Скандар угрюмо доел последний кусок плода. Несколько минут он сидел молча, хмурился, время от времени грозил кулаками маленьким существам, перекрывшим дорогу, и наконец с горечью проговорил: — До Мазадона еще несколько дней пути, а та женщина сказала, что работы для нас там нет. Может, поедем в Бургакс или даже в Тагобар, Делиамбер? Пройдут недели, прежде чем мы заработаем пару крон, а здесь мы сидим, пойманные в ловушку маленькими обезьянами с отравленными стрелами. Валентин!

— Да? — вздрогнув, отозвался Валентин.

— Я хочу, чтобы ты выскользнул из фургона через заднее окно и вернулся к той женщине-воину. Предложи ей три реала, чтобы она вывела нас отсюда.

— Ты это серьезно? — спросил Валентин.

Карабелла, чуть задыхаясь, возразила:

— Нет! Вместо него пойду я!

— Это еще что? — рассердился Залзан Кавол.

— Валентин... он... он легко заблудится, он рассеян, он... он не найдет...

— Вздор,— отрезал скандар и нетерпеливо взмахнул рукой.— Дорога прямая. Валентин силен и проворен. И это опасно. Твой талант слишком ценен, чтобы рисковать им, Карабелла. Придется пойти Валентину.

— Не ходи,— прошептал Шанамир.

Валентин заколебался. Ему не слишком нравилась идея покинуть относительно безопасный фургон и оказаться одному в лесу, кишащем опасными существами. Но кто-то должен был

это сделать — и не медлительные, тяжеловесные скандары, не косолапый хьорт. Для Залзана Кавола Валентин был наименее ценным членом труппы. Да и сам он невысоко ценил свою жизнь.

— Женщина-воин назвала нам цену в пять реалов,— сказал он наконец.

— Предложи ей три.

— А если она откажется? Она же сказала, что торговаться ниже ее достоинства.

— Три,— повторил Залзан Кавол.— Пять реалов — огромная сумма. И три-то платить глупо.

— Ты хочешь, чтобы я непонятно ради чего бежал несколько миль по опасному лесу?

— Ты отказываешься?

— Обращаю твое внимание на безрассудность такого поступка,— усмехнулся Валентин.— Если уж рисковать жизнью, то ради какой-то цели. Дай мне пять реалов для этой женщины.

— Приведи ее сюда,— ответил скандар,— а я с ней поторгуюсь.

— Приведи ее сам.

Залзан Кавол задумался. Карабелла, напряженная и бледная, качала головой. Слит взглядом советовал Валентину держаться своей позиции. Шанамир, раскрасневшийся и дрожащий, казалось, был готов взорваться от злости. Валентин понял, что в этот раз он слишком сильно задел вспыльчивого скандара.

Шерсть Залзана Кавола топорщилась, спазмы ярости сжимали могучие мышцы. Он, похоже, с великим трудом сдерживал гнев. Без сомнения, поведение Валентина довело скандара почти до точки кипения, но в его глазах была искра расчета — он словно бы взвешивал открытый вызов Валентина и его необходимость в труппе. Может быть, он даже спрашивал себя, не глупо ли сейчас экономить. После долгого тяжелого молчания Залзан Кавол с шипением вздохнул, хмуро полез за кошельком и мрачно отсчитал пять блестящих монет по одному реалу.

— Вот,— проворчал он.— И поторопись.

— Так быстро, как смогу.

— Бежать трудно,— задумался скандар.— Может, выйдешь на дорогу и спросишь лесных братьев, нельзя ли выпрячь одного из наших животных? Тогда поедешь с комфортом.

— Лучше я побегу,— ответил Валентин и начал открывать заднее окно. Плечи его напряглись в ожидании удара стрелы.

Но ничего не произошло, и скоро он уже легко бежал по дороге. Лес, который выглядел так зловеще из фургона, вблизи казался менее страшным. Растительность была незнакомой, но вроде не угрожающей. Его длинные ноги двигались размеренно, сердце работало без перебоев. Бег расслаблял, почти гипнотизировал и успокаивал, как жонглирование.

Валентин бежал долго, не замечая времени и расстояния, пока не подумал, что оказался уже достаточно далеко. Но не пробежал ли он ненароком мимо двикка-деревьев? Не свернул ли неосторожно с дороги? Нет, вряд ли. Он снова бросился вперед и бежал, пока не увидел гигантские деревья с лежащими у самых стволов плодами.

Великанши нигде не было. Он окликал ее, заглядывал за плоды двикка, обошел всю рощу. Пусто. В отчаянии он решил бежать дальше, в сторону Дюлорна, и попытаться найти ее там, но вдруг почувствовал, как гудят и дрожат ноги, как недовольно стучит сердце. Нет, прямо сейчас он не в состоянии сдвинуться с места. Тут он увидел неподалеку, в нескольких сотнях ярдов, возвышение — что-то крупное, с широкой спиной и толстыми ногами. Вполне подходящий холм, чтобы назвать его Лизамон Халтин. Он пошел в том направлении и вскоре заметил крупные следы и услышал журчание воды.

Земля резко обрывалась, образуя зазубренный утес. Валентин заглянул за его край. Из леса бежал ручей и, стекая по поверхности утеса, впадал в каменный бассейн футах в сорока ниже. Рядом с бассейном лежала вниз лицом, греясь после купания, Лизамон Халтин. Ее меч покоился рядом. Валентин с почтением рассматривал ее широкие мускулистые плечи, мощные руки, массивные колонны ног, обширные полушария ягодиц. Наконец он окликнул ее. Она тут же перевернулась и села, оглядываясь по сторонам.

— Я наверху,— помог ей Валентин.

Лизамон взглянула вверх, и он скромно отвернулся, но она только хмыкнула, встала и неторопливо оделась.

— Это ты,— сказала она,— вежливо говорящий Валентин. Можешь спуститься сюда. Я тебя не боюсь.

— Я знаю, ты не любишь, когда тебе мешают отдыхать,— мягко проговорил Валентин, спускаясь по каменным ступеням. Когда он добрался до нее, она уже надела брюки и натягивала блузу на мощный бюст.— Мы попали в засаду.

— Ясное дело.

— Нам нужно в Мазадон. Скандар велел мне нанять тебя.

Он протянул пять реалов Залзана Кавола.

— Ты поможешь нам?

Она посмотрела на блестящие монеты:

— Цена семь с половиной.

— Ты же говорила — пять.

— То было раньше.

— Скандар дал мне только пять реалов, чтобы заплатить тебе.

Она пожала плечами и начала расстегивать блузу.

— В таком случае я лучше буду загорать. Можешь остаться или уйти — как хочешь, но держись на расстоянии.

— Когда скандар пытался сбить цену, ты отказалась торговаться, сказав, что честь твоей профессии не позволяет этого,— спокойно возразил Валентин.— Мои понятия о чести требуют, чтобы я держался цены, которую запросили.

Она поднесла руки к губам и захохотала так оглушительно, что он испугался, как бы его не сдуло. Рядом с ней он чувствовал себя игрушечным: она была тяжелее его более чем на сто фунтов, а ростом по крайней мере на голову выше.

— Ты такой храбрый или такой глупый? Я могу уничтожить тебя одним шлепком, а ты стоишь тут и распространяешься насчет чести!

— Я не думаю, что ты причинишь мне зло.

Она с большим интересом взглянула на него:

— Может, и нет. Но ты рискуешь, парень. Я обидчива и иногда, если дам волю своему гневу, приношу гораздо больше вреда, чем намеревалась.

— Давай сделаем так. Нам надо в Мазадон, а отозвать лесных братьев можешь только ты. Скандар заплатит пять реалов, но не больше.— Валентин наклонился и положил пять монет на камень у бассейна.— У меня есть немного своих денег, и я добавлю их к твоему гонорару.

Он достал кошелек, вынул из него один реал, второй, полреала, положил их рядом с пятью и с надеждой поднял глаза на Лизамон.

— Пяти будет достаточно,— ответила она.

Она взяла деньги Залзана Кавола, оставив деньги Валентина, и стала подниматься по тропе.

— Где твое животное? — спросила она, отвязывая свое.

— Я пришел пешком.

— Пешком? Ты бежал всю дорогу? — Она с изумлением уставилась на него.— Ну и честный же ты работник! Видно, он хорошо платит тебе, если ты соглашаешься на такое дело и так рискуешь?

— Нет, не слишком.

— Конечно, так я и думала. Ну ладно, садись позади меня. Эта скотина даже и не заметит твоего веса.

Она взгромоздилась на животное. Оно, хоть и было рослым для своей породы, сразу же показалось карликовым и хрупким. Валентин после некоторого колебания устроился позади Лизамон и обхватил ее талию. При всей ее громадности в великанше не было ни грамма жира, зато мышцы были выпуклыми и крепкими.

Животное легким галопом выскочило из рощи и побежало по дороге. Фургон, когда они доехали до него, был все еще плотно закрыт, а лесные братья плясали и щебетали вокруг деревьев позади сетки.

Они спешились. Лизамон спокойно подошла к фургону и высоким дребезжащим голосом окликнула кого-то из лесных братьев. С дерева донесся такой же ответ. Она произнесла что-то еще. Ей снова ответили. Затем последовало лихорадочное совещание с короткими увещеваниями и возражениями. Наконец она повернулась к Валентину:

— Они откроют вам ворота, но за плату.

— Сколько?

— Не деньгами, услугой.

— Какую услугу мы можем оказать лесным братьям?

— Я сказала им, что вы жонглеры, и объяснила, что это значит. Вы дадите представление, а они вас пропустят. В противном случае они убьют вас и будут играть вашими костями, но не сегодня, потому что сегодня у лесных братьев священный день, а в такой день они не убивают. Лично я советую вам выступить, но это уж как хотите.— Затем она добавила: — Яд, которым они пользуются, действует не очень быстро.

Глава 6

Залзан Кавол пришел в ярость: выступать перед обезьянами, да еще бесплатно? Но Делиамбер напомнил ему, что по уровню развития лесные братья все-таки выше обезьян. Слит заметил,

что они сегодня не репетировали и тренировка пойдет только на пользу, а Ерфон Кавол решил вопрос, сказав, что это не просто представление, а плата за проход через ту часть леса, которой владеют эти существа. В любом случае выбора у них не было. Так что они вышли из фургона с дубинками, мячами и серпами, но без факелов, поскольку Делиамбер предупредил, что факелы могут напугать лесных братьев и тогда их действия будут непредсказуемы. Они нашли хорошо расчищенное место и начали жонглировать.

Лесные братья жадно следили за жонглерами. Сотни и сотни их выходили из леса, усаживались на корточки вдоль дороги, кусали пальцы и тонкие хвосты и переговаривались. Скандары обменивались серпами, ножами, дубинками и топориками, Валентин поодаль крутил дубинки, Слит и Карабелла выступали слаженно и элегантно. Прошел час, другой, солнце начало клониться в сторону Пидруида, а лесные братья все смотрели, и жонглеры работали, и никто даже не пытался убрать с дороги сеть.

— Мы будем расплачиваться с ними всю ночь? — спросил Залзан Кавол.

— Молчи,— велел Делиамбер.— Не оскорбляй их. Наши жизни в их руках.

Жонглеры воспользовались случаем, чтобы отрепетировать новые трюки. Скандары увеличивали число перехватов, отнимая броски друг у друга, и это выглядело комично из-за их размеров и силы. Валентин обменивался дубинками со Слитом и Карабеллой. Затем Слит стал быстро перебрасываться с Валентином, в то время как сначала Карабелла, а потом Шанамир бесстрашно кувыркались между ними. Пошел уже третий час выступления.

— Эти лесные братья получили от нас пятиреаловое представление,— ворчал Залзан Кавол.— Когда этому будет конец?

— Вы очень ловко жонглируете,— заметила Лизамон.— Им очень нравится ваше выступление. И мне тоже.

— Как мило с вашей стороны...— язвительно заметил Залзан Кавол.

Наступили сумерки. Видимо, темнота изменила настроение лесных братьев, потому что они вдруг потеряли интерес к представлению. Пятеро из них вышли вперед и стали обрывать сеть. Их маленькие с острыми пальцами руки легко справлялись с лианами, хотя любой другой безнадежно запутался бы в них.

Не прошло и нескольких минут, как путь был свободен, а лесные братья исчезли в лесу.

— У вас вино есть? — спросила Лизамон. Жонглеры к этому времени собрали свой инвентарь и уже готовы были ехать.— Ваше представление вызвало у меня страшную жажду.

Залзан Кавол начал было жаловаться, что запасов останется мало, но опоздал: Карабелла, бросив острый взгляд на хозяина, достала флягу. Женщина-воин запрокинула ее и осушила одним хорошим глотком. Затем вытерла губы рукавом и рыгнула.

— Неплохое,— похвалила она.— Дюлорнское?

Карабелла кивнула.

— Эти гэйроги, даром что змеи, а в выпивке понимают толк. В Мазадоне вы такого не найдете.

— Ты говорила — траур три недели? — спросил Залзан Кавол.

— Не меньше. Все общественные развлечения запрещены. Желтые траурные полотнища на всех дверях.

— От чего умер герцог? — осведомился Слит.

Великанша пожала плечами.

— Одни говорят, что его напугало до смерти послание от Короля, другие — что он подавился полупрожаренным мясом, а третьи — что он перетрудился с тремя наложницами. Да и какое кому дело? Он умер, и сомневаться в этом не приходится, а все остальное — мелочи.

— И работы там не будет? — мрачно поинтересовался Залзан Кавол.

— Нет, ничего до самого Тагобара, а может, и дальше.

— Столько времени без заработка,— пробормотал скандар.

— Да, тебе не повезло,— кивнула Лизамон.— Но я знаю, где вы найдете хороший заработок,— как раз за Тагобаром.

— Да,— откликнулся Залзан Кавол.— В Кинторе, я полагаю.

— В Кинторе? Нет, там сейчас голодное время. Этим летом у них был плохой урожай, торговцы прижали кредит, и вряд ли там есть деньги, чтобы тратить их на представления. Нет, я говорю об Илиривойне.

— Что? — вскричал Слит, как будто его поразила стрела.

Валентин порылся в памяти, ничего не вспомнил и шепнул Карабелле:

— Где это?

— Юго-восточнее Кинтора.

— Но к юго-востоку от Кинтора — территория метаморфов.

— Именно.

Тяжелые черты лица Залзана Кавола оживились:

— Что за работа для нас в Илиривойне?

— В следующем месяце у меняющих форму фестиваль,— ответила Лизамон Халтин.— Там будут танцы в честь урожая, всяческие состязания и празднества. Я слышала, что иногда труппы из имперских провинций приходят в резервацию и во время фестиваля зарабатывают большие деньги. Меняющие форму без всякого уважения относятся к имперским деньгам и легко тратят их.

— В самом деле,— согласился Залзан Кавол. Холодный свет жадности заиграл на его лице.— Я тоже слышал об этом, только очень давно. Но мне никогда не выпадал случай проверить, правда ли это.

— Проверяйте без меня! — вдруг закричал Слит.

Скандар бросил взгляд в его сторону.

— Что?

Слит выглядел страшно напряженным, как будто весь вечер жонглировал вслепую. Губы его побледнели, глаза неестественно светились.

— Если ты пойдешь в Илиривойн,— твердо сказал он,— я с тобой не пойду.

— А контракт? — спросил Залзан Кавол.

— Это не имеет значения. Ничто не заставит меня идти с тобой к метаморфам. Имперский закон там не имеет силы, и наш контракт аннулируется, как только мы войдем в резервацию. Я не люблю меняющих форму и отказываюсь рисковать жизнью и душой на их территории.

— Мы поговорим об этом позднее, Слит.

— Мой ответ и позднее будет таким же.

Скандар окинул взглядом всех.

— Хватит. Мы и так здесь слишком задержались. Спасибо тебе за помощь,— холодно обратился он к Лизамон.

— Желаю тебе выгодной поездки,— усмехнулась она и направилась в лес.

Поскольку они потеряли много времени из-за заблокированной дороги, Залзан Кавол решил ехать ночью, чего прежде они никогда не делали. Валентин, безумно уставший после быстрого бега и жонглирования и слегка опьяневший от плода двикка, уснул, сидя в задней части фургона, и проспал до самого утра.

Последнее, что он слышал, был ожесточенный спор о путешествии на территорию метаморфов. Делиамбер уверял, что слухи об опасности Илиривойна сильно преувеличены. Карабелла говорила, что Залзан Кавол предъявит иск Слиту, если тот нарушит условия контракта, а Слит с почти истерической убежденностью повторял, что он боится метаморфов и не подойдет к ним ближе чем на тысячу миль. Шанамир и Виноркис тоже опасались меняющих форму и говорили, что те угрюмы, лживы и опасны.

Проснувшись, Валентин обнаружил, что его голова покоится на коленях Карабеллы. В фургон вливался яркий солнечный свет. Они стояли в каком-то большом красивом парке с широкими серо-голубыми лужайками и стреловидными деревьями на высоких холмах.

— Где мы? — спросил Валентин.

— В окрестностях Мазадона. Скандар гнал, как сумасшедший, всю ночь,— ответила Карабелла и рассмеялась.— А ты спал как убитый.

Снаружи в нескольких ярдах от фургона Залзан Кавол и Слит затеяли жаркий спор. Маленький блондин, казалось, разбух от ярости. Он ходил взад и вперед, бил кулаком по ладони, кричал, топал ногами, один раз чуть не бросился на скандара, который, как ни странно, был спокоен и выдержан. Он стоял, сложив все четыре руки, глядел сверху вниз на Слита и лишь изредка бросал холодную реплику.

Карабелла повернулась к Делиамберу.

— Это продолжается слишком долго. Колдун, ты не мог бы вмешаться, пока Слит не сказал что-нибудь по-настоящему грубое?

Вруун сохранял меланхолическое спокойствие.

— Ужас Слита перед метаморфами переходит всякие границы разумного. Может, это связано с посланием от Короля, которое он когда-то получил в Нарабале, когда его волосы побелели за одну ночь. А может, и нет. В любом случае ему лучше уйти из труппы, каковы бы ни были последствия.

— Но он нам нужен!

— Если он думает, что в Илиривойне его ждет что-то ужасное, можем ли мы требовать от него, чтобы он превозмог свой страх?

— Может быть, я смогу успокоить его? — предложил Валентин.

Он встал, чтобы выйти, но как раз в эту минуту в фургон влетел Слит. Лицо его потемнело и застыло. Не говоря ни слова, маленький жонглер начал кидать в мешок свои вещи, а затем выскочил из фургона и, по-прежнему разъяренный, не обращая внимания на Залзана Кавола, зашагал к видневшимся на севере пологим холмам. Все растерянно провожали его глазами, но никто не попытался догнать, пока он не скрылся из виду. Лишь тогда Карабелла сказала:

— Я пойду за ним. Я уговорю его.

Она побежала к холмам. Залзан Кавол окликнул ее, но она не ответила. Скандар, покачав головой, вызвал всех из фургона.

— Куда она пошла? — спросил он.

— Она попытается привести Слита обратно,— ответил Валентин.

— Безнадежно. Слит решил уйти из труппы. Я постараюсь, чтобы он пожалел об этом. Валентин, теперь на тебя падает больше ответственности, и я добавляю к твоему жалованью пять крон в неделю. Согласен?

Валентин кивнул. Он подумал о спокойном, доброжелательном, терпеливом Слите и ощутил горечь потери.

Скандар продолжал:

— Делиамбер, я, как ты уже, наверное, догадался, решил поискать для нас работу у метаморфов. Ты знаешь дорогу до Илиривойна?

— Я никогда там не был,— ответил вруун.— Но я знаю, где он.

— Какой путь самый близкий?

— Отсюда до Кинтора, я думаю, затем на восток миль четыреста на речном судне и от Верфа на юг — в резервацию. Дорога неважная, но достаточно широкая для фургона, как мне кажется. Я разузнаю о ней.

— Сколько времени займет весь путь?

— Вероятно, месяц, если не будет задержек.

— Как раз к фестивалю метаморфов,— кивнул Залзан Кавол.— Прекрасно! А какие задержки ты имеешь в виду?

— Обычные,— сказал Делиамбер.— Стихийные бедствия, поломки фургона, местные неприятности, преступники. В центре континента далеко не такой порядок, как на побережье. Путешествие в этих местах всегда связано с риском.

— Уж будь уверен! — раздался знакомый голос.— Тебе нужна защита!

Неожиданно появилась Лизамон Халтин. Она выглядела отдохнувшей и свежей, словно бы и не ехала верхом всю ночь, да и животное ее не казалось особенно усталым.

— Как ты очутилась здесь так быстро? — удивился Залзан Кавол.

— Лесными тропами. Я хоть и велика размером, но все же не такая, как твой фургон, и могу проехать окольными путями. Ты едешь в Илиривойн?

— Да.

— Хорошо. Я так и знала. Я отправилась за тобой, чтобы предложить свои услуги. У меня нет работы, а ты едешь в опасные места — мы нужны друг другу. Могу обещать тебе благополучное прибытие в Илиривойн.

— Твои гонорары слишком высоки для нас.

Она усмехнулась:

— Ты думаешь, я всегда беру пять реалов за мелкую работу вроде той? Я запросила много, потому что вы меня разозлили, помешав мне обедать. Я проведу тебя в Илиривойн за пять реалов, независимо от того, сколько уйдет на это времени.

— Три,— сухо возразил Залзан Кавол.

— Ты ничему не научился? — Великанша плюнула под ноги скандару.— Я не торгуюсь. Иди в Илиривойн сам, без меня, и удачи тебе. Только я в ней сомневаюсь.

Она подмигнула Валентину.

— А где еще двое?

— Слит отказался идти в Илиривойн. Он со скандалом ушел отсюда десять минут назад.

— Я его не осуждаю. А женщина?

— Она пошла за ним, чтобы уговорить его вернуться. Туда.— Валентин указал на тропу, петлявшую между холмами.

— Туда?!

— Да, между теми двумя холмами.

— В рощу плотоядных растений? — В голосе Лизамон звучало недоверие.

— В какую рощу? — переспросил Валентин.

— Плотоядные? Здесь? — воскликнул Делиамбер.

— Для них отведен парк,— ответила Лизамон.— Но у подножия холмов висят предупреждающие знаки. Они пошли вверх по этой тропе пешком? Да защитит их Божество!

— Его пусть хоть дважды съедят,— раздраженно буркнул Залзан Кавол.— Но женщина мне нужна!

— И мне тоже,— сказал Валентин. Он обернулся к женщине-воину: — Может быть, если мы сразу поедем за ними, то сможем догнать их до того, как они попадут в рощу?

— Твой хозяин не хочет принять мои услуги.

— Пять реалов? — спросил Залзан Кавол.— Отсюда до Илиривойна?

— Шесть,— холодно поправила она.

— Ладно, шесть. Только приведи их обратно! Хотя бы ее!

— Да,— с отвращением проговорила Лизамон,— вы народ бесчувственный, а я без работы, так что мы стоим друг друга. Возьми одно из этих животных,— велела она Валентину,— и следуй за мной.

— Ты хочешь взять его? — завыл скандар.— Тогда в моей труппе вообще не останется людей!

— Я приведу его обратно,— заверила она,— а если повезет, то и тех двоих тоже.

Она взгромоздилась на свое животное:

— Поехали!

Глава 7

Тропа к холмам шла слегка под углом. Голубовато-серая трава казалась бархатной. Трудно было поверить, что в этом прекрасном парке обитает что-то смертельно опасное. Когда они доехали до места, где тропа начала круто подниматься вверх, Лизамон Халтин хмыкнула и указала на деревянный столбик, воткнутый в землю. Рядом с ним, полускрытый травой, лежал упавший знак. Валентин увидел надпись на нем крупными красными буквами:

ОПАСНОСТЬ!
ПЕШИЙ ПРОХОД ВОСПРЕЩЕН!

Слит, ослепленный своей яростью, не обратил внимания на знак, а Карабелла, видимо, очень спешила и тоже не заметила надпись или пренебрегла ею. Тропа круто поднималась, и за холмами уже не было травы, а только густой лес. Лизамон, ехавшая впереди, направила животное в таинственный влажный подлесок, где деревья со стройными, сильно ребристыми стволами росли далеко друг от друга и, подобно стеблям бобов, вздымались

вверх и высоко над головой создавали густо переплетенный балдахин.

— Смотри, вот они, плотоядные растения,— показала великанша.— Отвратительная штука! Будь я хранителем этой планеты, я выжгла бы их все, но наши коронали считают себя любителями природы и сохраняют эти растения в королевских парках. Молись, чтобы у твоих друзей хватило ума держаться от них подальше.

Валентин увидел на открытых местах между деревьями колоссальные растения без стеблей. Листья четырех-пяти дюймов шириной и восьми-девяти футов длиной, зазубренные по краям, с металлическим блеском, образовывали свободные розетки. В центре каждой зияла глубокая чаша в фут диаметром, наполовину наполненная зеленоватой жидкостью, из которой в сложном порядке торчали какие-то органы, похожие на лезвия ножей, которые могли смыкаться со страшной силой, и что-то еще, частично затопленное,— возможно, мелкие цветы.

— Это плотоядные растения,— объяснила Лизамон.— Земля здесь пронизана их охотничьими усами, которые реагируют на мелких животных, захватывают их и несут ко рту. Вот смотри.

Она направила свое животное к ближайшему растению. Они были еще футах в двадцати, а из земли уже показалось что-то вроде живого кнута. Оно выскочило со страшным щелканьем и мгновенно обвилось вокруг задней ноги животного как раз над копытом. Животное, спокойное, как всегда, обнюхало ус, усиливающий давление и пытающийся тянуть жертву к раскрытой пасти в центре розетки. Женщина-воин достала свой вибрационный меч, наклонилась и быстро перерубила ус. Он отлетел в сторону, но тут же из земли со всех сторон вылезла дюжина других.

— Им не хватает силы сразу затащить крупное животное в свои челюсти, но оно не может освободиться, слабеет и умирает, и тогда растение по частям подтягивает его. Одному растению такого количества мяса хватит на год.

Валентин вздрогнул. Карабелла в этом страшном лесу! Это ужасное растение навеки заглушит ее нежный голос! Ее быстрые руки, ее блестящие глаза... Нет! Страшно было даже представить, что ее не станет.

— Как мы найдем их? — спросил он.— Может быть, уже поздно...

— Как их зовут? — спросила Лизамон.— Кричи, зови их. Они должны быть недалеко.

— Карабелла! — отчаянно закричал Валентин.— Слит! Карабелла!

Через секунду он услышал слабый ответный крик, но Лизамон среагировала раньше и немедленно двинулась вперед. Валентин увидел вдали Слита. Тот стоял на одном колене, которое глубоко погрузилось в землю и удерживало его на месте, хотя усы пытались его тащить за другую ногу. Позади него, пригнувшись, стояла Карабелла и отчаянно старалась оттащить его. Повсюду вокруг них щелкали и свивались в кольца усы соседних плотоядных растений. Слит тщетно пилил ножом вцепившийся в него мощный ус. На мягкой почве остался след, свидетельствовавший, что Слита уже проволокли на четыре или пять футов к ожидающей пасти. В борьбе за жизнь он уступал дюйм за дюймом.

— Помогите! — кричала Карабелла.

Ударом меча Лизамон разрубила ус, державший Слита. Его резко швырнуло вперед, он развернулся и заметил, что ус другого растения готовится схватить его за горло. С ловкостью акробата Слит откатился в сторону и встал на ноги. Женщина-воин схватила его поперек груди, подняла и быстро посадила позади себя. Валентин подъехал к Карабелле, которая, дрожа, стояла в безопасном месте между двумя рядами хлеставших в воздухе усов, и втащил ее на спину своего животного. Она вцепилась в Валентина так крепко, что у него затрещали ребра.

Он обернулся и обнял ее, нежно поглаживая и испытывая при этом безумную радость. Он до сих пор не сознавал, как много она значила для него, а теперь не мог думать ни о чем ином, кроме того, что с ней все в порядке. Ужас постепенно оставил ее, но она все еще дрожала.

— Еще минута,— прошептала Карабелла,— и Слит погиб бы. Я чувствовала, как он скользит к этому растению. А как здесь оказалась Лизамон?

— Она проехала через лес каким-то коротким путем. Залзан Кавол нанял ее, чтобы она защищала нас на пути в Илиривойн.

— Она уже отработала свой гонорар,— сказала Карабелла.

— За мной! — приказала Лизамон.

Она выбрала безопасную дорогу из этой рощи, но тем не менее плотоядные растения дважды ловили за ногу ее животное, и один раз — животное Валентина. Великанша расправилась с

усами, и скоро роща оказалась позади. Скандары громко приветствовали их возвращение.

Залзан Кавол холодно оглядел Слита.

— Ты выбрал неудачный путь для своего ухода,— заметил он.

— Не более неудачный, чем тот, который выбрал ты,— ответил Слит.— Прошу извинить меня. Я пойду пешком в Мазадон и поищу какой-нибудь работы.

— Подожди,— остановил его Валентин.

Слит вопросительно взглянул на него.

— Давай поговорим. Пройдемся.

Валентин обнял за плечи маленького жонглера и отвел его в сторону, пока скандар не вызвал у Слита новый приступ гнева. Слит был напряжен и насторожен.

— В чем дело, Валентин?

— Без моего участия Залзан Кавол вряд ли нанял бы великаншу, и тобой уже лакомилось бы плотоядное растение.

— Спасибо тебе.

— Я хочу от тебя большего, чем спасибо. Ты мне, можно сказать, в какой-то мере обязан жизнью.

— Пожалуй.

— В ответ я прошу, чтобы ты вернулся в труппу.

Глаза Слита вспыхнули.

— Ты не знаешь, о чем просишь!

— Метаморфы чуждые и несимпатичные существа, это верно. Но Делиамбер говорит, что они вовсе не так опасны, как все думают. Останься в труппе, Слит.

— Ты считаешь меня капризным?

— Отнюдь. Но ты ведешь себя странно.

Слит покачал головой:

— Однажды мне было послание от Короля, поведавшее о том, что метаморфы приготовили мне страшную участь. Человек должен прислушиваться к таким посланиям. Я не хочу и близко подходить к месту, где живут эти создания.

— Послания не всегда надо понимать буквально.

— Согласен. Но часто бывает и так. Я видел во сне, что у меня есть жена, которую я люблю даже больше, чем свое искусство. Она жонглировала со мной, как Карабелла, только в гораздо более тесном контакте, настолько созвучно со мной, что мы как бы составляли единое целое.— На исцарапанном лице Слита выступил пот, он запнулся, как бы не в силах продолжать, но

через минуту заговорил снова: — Я увидел во сне, как метаморфы пришли и украли мою жену, а мне подсунули женщину из своих, подделанную так ловко, что я не заметил разницы. Дальше я видел, как мы выступали перед короналем, лордом Малибором, который правил тогда и который вскоре утонул, и наше жонглирование было великолепным. Мы достигли такой гармонии, равной которой я не встречал в жизни, и корональ угостил нас хорошим мясом и вином, предоставил нам спальню, обитую шелком. Я обнял свою жену и стал ласкать ее, а она преобразилась в моих объятиях. В моей постели лежала женщина-метаморф, страшное существо с шершавой серой кожей, хрящами вместо зубов и грязными лужами вместо глаз. И это существо целовало меня и прижималось ко мне. С тех пор я не касался тела женщины, боясь, что такое существо может попасть в мои объятия и наяву. Я никому об этом не рассказывал, и мне невыносима мысль о том, чтобы ехать в Илиривойн и оказаться в окружении этих созданий с изменяющимися лицами и телами.

Душа Валентина наполнилась состраданием. Не говоря ни слова, он обнял Слита, как будто мог одной только силой своих рук уничтожить воспоминание о кошмаре, изувечившем душу жонглера. Затем отпустил его и сказал:

— Это поистине ужасный сон. Но нас учили ислъзовать наши сны в своих интересах, а не позволять им уничтожать нас.

— Друг мой, я не могу использовать этот сон. Он только лишь предупреждает меня, чтобы я не приближался к метаморфам.

— Ты понимаешь его слишком буквально. Нет ли в нем чего-то скрытого? Ты не говорил с толкователем снов, Слит?

— По-моему, это ни к чему.

— А меня ты заставлял искать толкователя, когда в Пидруиде я видел странные сны! Я отлично помню твои слова: «Король никогда не посылает простых посланий!»

Слит иронически улыбнулся:

— Все мы мастера давать советы другим. Во всяком случае, теперь поздно говорить о сне пятнадцатилетней давности — я его пленник.

— Освободись!

— Как?

— Когда ребенок видит во сне, как падает, и в страхе просыпается, что говорят ему родители? Что такой сон не надо при-

нимать всерьез, потому что во сне никто еще не ушибся на самом деле. Или скажут, что ребенок должен быть рад падению во сне, потому что такой сон — к добру, говорит о мощи и силе, что ребенок не падал, а летел к тому месту, где он чему-то мог научиться, если бы не испугался и не стряхнул с себя грезы сна. Верно?

— Ребенок должен быть благодарен за такой сон,— сказал Слит.

— Вот именно. И так со всеми «страшными» снами: «Вы не должны бояться,— говорят они нам,— а быть благодарными за мудрость сна и действовать согласно ему».

— Так говорят детям. Хотя они часто даже лучше справляются с такими снами, чем взрослые. Я помню, как ты кричал и всхлипывал во сне, Валентин.

— Я пытаюсь узнать что-то из моих снов, как бы темны они ни были.

— Чего ты хочешь от меня, Валентин?

— Чтобы ты поехал с нами в Илиривойн.

— Почему это тебе так важно?

— Ты великолепный жонглер. Все держится на тебе, а без тебя труппа развалится.

— Скандары — отличные мастера. Едва ли имеет значение, что делают люди-жонглеры. Карабелла и я в труппе по той же причине, что и ты,— чтобы соблюсти дурацкий закон. Вы будете получать свою плату, останусь я или уйду.

— Но я учусь у тебя.

— Будешь учиться у Карабеллы. Она так же ловка, как и я, к тому же вы любите друг друга, и кто знает, может, ты будешь работать лучше меня. И дай тебе Бог не потерять Карабеллу в Илиривойне!

— Этого я не боюсь,— ответил Валентин. Он протянул руку Слиту.— Ты очень нужен мне.

— Почему?

— Ты мне дорог.

— И ты мне дорог, Валентин. Но мне очень тяжело идти туда, куда ведет нас Залзан Кавол. Почему ты так хочешь усилить мои страдания?

— Ты можешь излечиться от этих страданий, если поедешь в Илиривойн и увидишь, что метаморфы всего лишь безвредные дикари.

— Моя боль не мешает мне жить,— возразил Слит.— А цена за излечение, по-моему, слишком высока.

— Мы можем жить с самыми страшными ранами. Но почему не попытаться вылечить их?

— Ты чего-то не договариваешь, Валентин.

Валентин медленно перевел дух.

— Верно.

— Что же?

После некоторого колебания Валентин спросил:

— Слит, ты видел меня в своих снах после нашей встречи в Пидруиде?

— Да.

— Как именно?

— Разве это имеет значение?

— Не видел ли ты во сне, что я не совсем такой, как остальные обитатели Маджипура, более силен и властен, чем даже сам предполагаю?

— С первой же нашей встречи мне сказали об этом твоя осанка и манера держать себя. Об этом же говорили и твоя феноменальная ловкость, с какой ты учился нашему искусству, и содержание твоих снов, о которых ты мне рассказывал.

— Кем я был в твоих снах, Слит?

— Личностью властной и благородной, обманом скинутой со своего высокого места. Может быть, принцем, герцогом...

— А не выше?

Слит облизал пересохшие губы:

— Да, выше, возможно. Чего ты добиваешься от меня, Валентин?

— Чтобы ты сопровождал меня в Илиривойн и дальше.

— Ты хочешь сказать, что виденное мной во сне — правда?

— Это я еще должен узнать,— ответил Валентин.— Но думаю, это правда. Должно быть правдой. Послания говорили мне, что все это правда.

— Мой лорд,— прошептал Слит.

— Возможно.

Слит ошеломленно посмотрел на него и опустился на колени. Валентин быстро поднял жонглера.

— Не надо. Могут увидеть. Я не хочу никого посвящать в это. Кроме того, у меня еще много сомнений. Ты не должен вставать передо мной на колени, изображать символ Горящей

Звезды или что-нибудь подобное, поскольку я сам еще не вполне уверен в истине.

— Мой лорд...

— Я остаюсь Валентином-жонглером.

— Мне очень страшно, мой лорд. Сегодня я был в двух шагах от ужасной смерти, но сейчас мне страшнее стоять здесь и вот так разговаривать с тобой.

— Зови меня Валентином.

— Как я смею?

— Ты звал меня Валентином всего пять минут назад.

— То было раньше.

— Ничего не изменилось, Слит.

— Все изменилось, мой лорд.

Валентин тяжело вздохнул. Он чувствовал себя самозванцем, мошенником, обманывающим Слита, но другого выхода, похоже, не было.

— Если все изменилось, значит, по моему приказу ты должен следовать за мной даже в Илиривойн?

— Если я должен,— растерянно проговорил Слит.

— Никакого вреда метаморфы тебе не причинят. Ты уйдешь от них, излечившись от той боли, которая гложет тебя. Можешь ты поверить этому, Слит?

— Я боюсь туда идти.

— Ты нужен мне в пути,— настаивал Валентин.— И не по своей воле я отправляюсь в Илиривойн. Я прошу тебя идти со мной.

Слит склонил голову.

— Я обязан, мой лорд.

— Прошу тебя, Слит, зови меня Валентином и, как и прежде, не оказывай мне почестей в присутствии других.

— Как пожелаешь,— ответил Слит.

— Валентин.

— Валентин,— с трудом повторил Слит.— Как пожелаешь, Валентин.

— Пошли.

Он повел Слита к труппе. Залзан Кавол, как обычно, нетерпеливо расхаживал взад и вперед. Его братья готовили фургон к отъезду. Валентин обратился к скандару:

— Я уговорил Слита. Он поедет с нами в Илиривойн.

Залзан Кавол недоверчиво взглянул на него.

— Как тебе это удалось?

— Да,— заинтересовался Виноркис,— что ты ему сказал?

— Это долго объяснять,— весело улыбнулся Валентин.

Глава 8

Теперь они продвигались быстрее. Фургон мчался по тракту весь день, а иной раз захватывал и вечер. Лизамон Халтин ехала рядом. Ее животное, несмотря на свою выносливость, больше нуждалось в отдыхе, чем те, которые тянули фургон: нести такое огромное тело было нелегко любому. Так что иногда Лизамон отставала. От города к городу они пересекали довольно унылую местность. Очень скромные полоски зелени присутствовали там только ради соблюдения буквы закона. Миллионы жителей этой провинции занимались торговлей, поскольку Мазадон был воротами всего северо-западного Зимроэля для восточных товаров и главным перевалочным пунктом сухопутной перевозки товаров из Пидруида и Тил-омона на восток. Они быстро проехали через вереницу похожих друг на друга и ничем не примечательных городов: Кинтион, Аиуртель и Дойректин, сам Мазадон, Бургакс и Тагобар, тихие и печальные по случаю траура. Повсюду были развешаны желтые ленты — знак скорби. Валентин считал, что это очень тяжело для народа — закрыть всю провинцию из-за смерти герцога. «Что они будут делать,— подумал он,— когда умрет понтифекс? Как они реагировали на преждевременную смерть короналя лорда Вориакса два года назад?» Возможно, конечно, что смерть местного герцога на самом деле очень опечалила их, ведь он был фигурой осязаемой, реальной. Он жил среди них. В то время как для народа Зимроэля, отделенного тысячами миль от Горного замка и Лабиринта, властители Маджипура в значительной мере были фигурами мифическими, легендарными, абстрактными. На такой громадной планете никакое централизованное правление не могло быть по-настоящему эффективным. Валентин подозревал, что стабильность Маджипура в основном зависит от общественного договора, по которому местные правители — провинциальные герцоги и муниципальные мэры — соглашались поддерживать и проводить в жизнь эдикты имперского правительства, при условии, что могут действовать на местах по своему усмотрению. «Как же такой договор может соблюдаться, если корональ не посвященный и помазанный принц, а не-

ведомый узурпатор, лишенный милости Божества, благодаря которой держится столь хрупкая социальная конструкция?» — спрашивал он себя.

В долгие, спокойные, монотонные часы путешествия Валентин все больше задумывался над такими вопросами. Серьезность этих размышлений удивляла его, ибо ему более привычна была бездумная жизнь первых дней в Пидруиде, а теперь он чувствовал, как постепенно обогащается и усложняется его мыслительный процесс, как будто чары, наложенные на него, рассеивались и сквозь них пробивался его истинный интеллект.

Если это так, значит, он на самом деле подвергся воздействию магии, в чем постепенно уверялся все больше и больше.

Его сомнения таяли с каждым днем, но все-таки они еще оставались.

Во сне он теперь часто видел себя у власти. В одну ночь он, а не Залзан Кавол, руководил труппой жонглеров, а в другую он в одежде принца возглавлял какой-то высокий совет метаморфов, казавшихся ему странными туманными призраками, которые не могли удержать определенную форму дольше минуты. В следующую ночь он увидел себя на рыночной площади в Тагобаре в роли судьи, разбирающего мелкие, но шумные споры торговцев одеждой и продавцов браслетов.

— Вот видишь,— сказала Карабелла,— все сны говорят о власти и величии.

— Власть? Величие? Сидеть на рынке и разбирать дела продавцов льна и хлопка?

— Во снах многое изменяется. Эти видения — метафоры высшего порядка.

Валентин улыбнулся.

Однажды ночью, когда они были неподалеку от Кинтора, к нему пришло наиболее ясное видение его предполагаемой прошлой жизни. Он находился в комнате, отделанной панелями из самых красивых и редких пород дерева: сверкающими полосами симотана, банникопа и темного болотного красного дерева. Он сидел за остроугольным палисандровым столом и подписывал документы. Справа висел герб Горящей Звезды, рядом замерли в ожидании приказа послушные секретари. За расположенным напротив громадным закругленным окном открывалось безбрежное море воздуха, внизу просматривался титанический склон Замковой горы. Что это было? Фантазия? Или мелькнувший на

мгновение фрагмент глубоко запрятанного прошлого, которое пытается вырваться на свободу и всплывает во время сна, чтобы приблизиться к поверхности его сознания? Он подробно описал все увиденное Карабелле и Делиамберу, надеясь, что те знают, как в действительности выглядит кабинет короналя, но они имели об этом не больше представления, чем о том, что подают на завтрак понтифексу. Вруун спросил Валентина, каким он виделся себе, когда сидел за палисандровым столом: золотоволосым, как Валентин из жонглерского фургона, или брюнетом, как король, который совершал торжественное шествие через Пидруид и западные провинции.

— Темноволосым,— тут же ответил Валентин и вдруг нахмурился.— Но так ли? Ведь я сидел за столом и не видел себя. Однако же...

— В мире сна мы часто видим себя как бы со стороны,— заметила Карабелла.

— Может, я был и блондином, и брюнетом — сначала одним, потом другим? Переход ускользает от меня. Сначала один, потом другой, да?

— Да,— кивнул Делиамбер.

После многодневного утомительного пути они добрались почти до Кинтора — главного города северной части центрального Зимроэля. Вокруг него было множество озер, высоких холмов и темных непроходимых лесов. По дороге, выбранной Делиамбером, фургон шел через юго-западные предместья города, называемые Горячим Кинтором, потому что здесь встречались и шипящие гейзеры, и широкое розовое озеро, зловеще булькавшее и пузырившееся, и разломы, из которых каждые пять минут вылетали облака зеленоватого газа, сопровождаемые рыгающим звуком и глубоким подземным стоном. Небо здесь отяжелело от густых облаков цвета потускневшего жемчуга, и, хотя в этой части страны лето еще не кончилось, с севера дул резкий, пронзительный, по-осеннему холодный ветер.

Собственно от города Горячий Кинтор отделяла река Зимр, самая большая в Зимроэле. Когда путешественники, уже привыкшие пробираться по старинным узким улочкам, вышли к ней, они внезапно оказались на широкой улице с аллеей посередине, ведущей к мосту Кинтора. Валентин разинул рот от удивления.

— В чем дело? — спросила Карабелла.

— Река... Я никогда не думал, что есть такие большие.

— Ты не видел рек?

— Я могу сравнивать лишь с Пидруидом, а до него ничего не помню.

— В мире нет реки, сравнимой с Зимром,— заметил Слит.— Не мешай ему удивляться, Карабелла.

Направо и налево, насколько хватало глаз, темные воды Зимра уходили за горизонт. Река была в этом месте так широка, что больше походила на залив. Валентин едва мог разглядеть квадратные башни Кинтора на другом берегу. Над водой висели восемь или десять мощных мостов. Они были так велики, что осталось загадкой, как их вообще удалось построить. Тот, что находился прямо перед ними, мост Кинтора, был шириной в четыре тракта. От берега до берега, сплетаясь между собой, громадными скачками поднимались, опускались и снова поднимались широкие арки. Чуть ниже по реке стоял мост совершенно иной конструкции: тяжелое кирпичное ложе покоилось на поразительно высоких мостовых быках. Вверх по течению искрился и переливался мост, сделанный как будто из стекла.

Делиамбер пояснил:

— Это мост Короналя, справа — мост Понтифекса, а дальше, вниз по течению,— мост Снов. Все они древние и знаменитые.

— Но зачем строить мосты там, где река такая широкая? — недоумевающе спросил Валентин.

— Здесь одно из самых узких мест,— ответил Делиамбер.

Длина Зимра, по словам врууна, достигала семи тысяч миль. Он начинался северо-западнее Дюлорна, в самом конце Ущелья, и шел на юго-восток через весь верхний Зимроэль к прибрежному городу Пилиплоку на Внутреннем море. Эта судоходная по всей длине, быстрая и феноменально широкая река стремительно неслась, извиваясь, как змея. На ее берегах стояли сотни богатых городов, главных внутренних портов, самым западным из которых был Кинтор. Почти вплотную к городу, едва различимые в облачном небе, подходили с северо-востока зазубренные пики Граничий Кинтора — девяти громадных гор, на холодных склонах которых жили племена суровых и мужественных охотников. Этот народ часто бывал в Кинторе, чтобы обменять шкуры и мясо на промышленные товары.

В эту ночь в Кинторе Валентин увидел во сне, что входит в Лабиринт для совещания с понтифексом. Сон был явственным,

до боли отчетливым. Валентин стоял под холодным зимним солнцем на голой равнине и видел перед собой храм без крыши, с ровными белыми стенами, которые, как сказал ему Делиамбер, служили воротами в Лабиринт. С ним были врууп, Лизамон и Карабелла, все в защитных очках. Но когда Валентин ступил на голую гладкую платформу между белыми стенами, он оказался один. Дорогу ему преградило зловещее и ужасное существо чуждой формы жизни. Оно не принадлежало ни к одной из нечеловеческих рас, издавна поселившихся на Маджипуре. В нем было что-то таинственное и тревожащее: мускулистые толстые руки, красная кожа, срезанная под тупым углом голова и сверкающие желтые глаза, горевшие нестерпимой злобой. Низким звучным голосом существо спросило Валентина, какое у него дело к понтифексу.

— Нужно починить мост Кинтора,— ответил Валентин.— Заниматься этим — древняя обязанность понтифекса.

Желтоглазое чудовище засмеялось:

— Ты думаешь, понтифексу есть до этого дело?

— Я обязан просить его о помощи.

— Ладно, иди.

Страж портала поклонился с ядовитой вежливостью и отошел в сторону. Как только Валентин прошел мимо него, существо мрачно рыкнуло и захлопнуло ворота. Назад хода не было. Перед Валентином тянулся узкий винтовой коридор, залитый слепящим белым светом. Много часов Валентин спускался по спиралевидной дороге. Затем стены коридора расширились, и он оказался перед другим белокаменным храмом без крыши, а может быть, перед тем же самым, поскольку краснокожая тварь снова преградила ему путь, ворча с необъяснимой злобой:

— Вот понтифекс.

Валентин заглянул в темную комнату и увидел на троне имперского правителя Маджипура, одетого в черное и алое, с королевской тиарой на голове. Понтифекс Маджипура был многоруким и многоногим чудовищем с человеческим лицом, но с крыльями дракона. Сидя на троне, он визжал и ревел как сумасшедший. С губ понтифекса слетали страшные свистящие звуки, исходивший от него запах был нестерпимо отвратительным, черные кожистые крылья с силой рассекали воздух, обдавая Валентина холодным ветром.

— Ваше величество,— с поклоном приветствовал его Валентин.— Ваше величество.

— Ваше лордство,— ответил понтифекс.

Он захохотал, потянулся к Валентину и подтащил его к себе. Валентин оказался на троне, а понтифекс с безумным хохотом вылетел в ярко освещенный коридор, громко хлопая крыльями и вереща, пока не исчез из виду.

Валентин проснулся мокрым от пота в объятиях Карабеллы, которая казалось испуганной, словно сама была свидетельницей его ужасного сна. Не говоря ни слова, она продолжала обнимать его, пока он не осознал, что проснулся.

— Ты три раза кричал,— сказала она, нежно гладя его по щекам.

— Иногда,— ответил он,— во сне устаешь больше, чем наяву.— Он выпил вина из фляжки.— Мои сны — тяжелый труд, Карабелла.

— Многое в твоей душе ищет своего выражения, мой лорд.

— И выражает себя весьма энергично,— заметил Валентин, кладя голову ей на грудь.— Если сны — источник мудрости, я молюсь, чтобы до зари не стать еще мудрее.

Глава 9

В Кинторе Залзан Кавол купил места для труппы на речном судне, идущем к Ни-мойе и Пилиплоку. Они должны были спуститься по реке до небольшого города Верфа — ворот на территорию метаморфов.

Валентин сожалел, что приходится сходить с судна в Верфе, когда запросто можно за десять или пятнадцать реалов проделать весь путь до Пилиплока и сесть на корабль, плывущий к Острову Сна. Ведь больше всего он стремился попасть не в резервацию меняющих форму, а на Остров Повелительницы Снов, где он, может быть, найдет объяснение мучивших его видений. Но пока это было невозможно.

«Нельзя торопить судьбу»,— подумал Валентин. Все события шли своим чередом и вели к какой-то еще не совсем ясной цели. Он уже не был тем веселым и простодушным бездельником, который однажды явился в Пидруид. Хотя он еще не вполне сознавал, кем был и кем ему предстоит стать, Валентин ощущал в себе серьезные внутренние перемены. Границы перейдены, и

обратного пути нет. Он видел себя актером, участвующим в какой-то длинной и запутанной драме, завершающие сцены которой по-прежнему смутно вырисовывались далеко впереди.

Речное судно было довольно нелепым сооружением, хотя и не лишенным своеобразной красоты. Морские корабли, вроде тех, что стояли в порту Пидруида, были крепкими и изящными, потому что от гавани до гавани им приходилось преодолевать тысячи миль. Речное же судно для недолгого путешествия было приземистым и широким, больше напоминавшим плавучую платформу, чем корабль. Словно стремясь компенсировать отсутствие элегантности, строители соорудили на нем громадный парящий мостик, с тремя фигурами спереди, раскрашенными в красные и желтые тона, оборудовали огромную центральную палубу, напоминающую деревенскую площадь со статуями, павильонами и игорными помещениями, а на корме поставили предназначенную для пассажиров надстройку в несколько палуб. На нижних палубах размещались грузовые трюмы, обеденные залы, каюты для пассажиров третьего класса и команды, машинное отделение, откуда торчали две гигантские, изогнутые словно дьявольские рога дымовые трубы. Весь каркас судна был деревянным: на Маджипуре экономили металл, а камень не годился для постройки кораблей,— и плотники изощрялись, украшая чуть ли не каждый квадратный фут поверхности резными панелями, выступами и тому подобным.

В ожидании отплытия Валентин, Карабелла и Делиамбер обошли палубу и увидели на ней жителей множества областей, представлявших все расы Маджипура: горцев с Граничий Кинтора, гэйрогов в пышных нарядах, жителей влажных южных районов в легких белых одеяниях, путешественников в роскошных красных и зеленых одеждах (по мнению Карабеллы — из западного Алханроэля) и многих других.

Вездесущие лиимены продавали неизменные сосиски, навязчивые хьорты в корабельной форме важно расхаживали, давая информацию и советы и тем, кто просил, и тем, кто не просил об этом.

Семья су-сухирисов в прозрачных зеленых одеждах привлекала внимание своими двухголовыми телами и надменными манерами. Они проплывали сквозь толпу, как посланцы мира сна, и все непроизвольно расступались перед ними. Была на палубе и небольшая группа метаморфов.

Первым увидел их Делиамбер. Маленький вруун щелкнул клювом и коснулся руки Валентина.

— Смотри. Будем надеяться, что Слит их не видит.

— Которые? — спросил Валентин.

— У поручней. Стоят отдельно от всех, и видно, что встревожены. Они в своей естественной форме.

Валентин вгляделся. Их было пятеро: судя по всему, взрослые мужчина, женщина и трое младших — стройные, угловатые, длинноногие существа с болезненного вида желтовато-зеленой кожей. Взрослые были выше Валентина и выглядели хрупкими и непрочными. Строение их лиц напоминало бы человеческое, если бы не острые, как лезвия, скулы, почти полное отсутствие губ, уменьшенный до бугорка нос и косо поставленные, наклоненные к центру длинные и узкие глаза без зрачков. Валентин не мог решить, как держат себя метаморфы — надменно или застенчиво, но было ясно, что эти представители древней расы, потомки тех, кто владел Маджипуром до прихода четырнадцать тысяч лет назад первых рожденных на Земле поселенцев, чувствуют себя на этом корабле среди врагов. Он не мог отвести от них глаз.

— А как они меняют форму?

— Кости у них не соединяются, как у большинства других рас,— ответил Делиамбер.— Усилием мышц они сдвигаются и образуют новый рисунок. Кроме того, их кожа содержит имитирующие клетки, позволяющие менять цвет и текстуру. Есть и многое другое. Взрослый метаморф может измениться почти мгновенно.

— А зачем это им?

— Кто знает? Вполне возможно, что метаморфы не понимают, зачем нужны этому миру расы, не умеющие изменять форму. Вероятно, это для них важно и представляет какую-то ценность.

— Очень малую,— язвительно сказала Карабелла,— если при таких возможностях у них отняли планету.

— Изменения формы недостаточно для защиты,— ответил Делиамбер,— особенно когда сталкиваешься с людьми, которые путешествуют меж звездами.

Метаморфы поразили Валентина. Для него они являлись артефактами далекой истории Маджипура, археологическими реликтами, выжившими с тех времен, когда здесь не было ни людей,

ни скандаров, ни вруунов, и только один этот хрупкий зеленый народ бродил по колоссальной планете. До того, как пришли поселенцы — по существу, завоеватели. Как давно это было! Ему очень хотелось увидеть, как они преображаются, скажем, в скандара или лиимена. Но они оставались в своей естественной форме.

Из толпы внезапно появился возбужденный Шанамир, схватил Валентина за руку и выпалил:

— Ты знаешь, кто с нами на борту? Я слышал разговор грузчиков. Целая семья меняющих...

— Потише,— остановил его Валентин.— Вот они.

Мальчик взглянул на метаморфов и вздрогнул.

— Какие же они отвратительные!

— Где Слит?

— Он на мостике с Залзаном Каволом. Хотят получить разрешение на вечернее представление. Если он увидит их...

— Рано или поздно ему придется с ними встретиться,— прошептал Валентин. Он обратился к Делиамберу: — Они редко появляются вне резервации?

— Они живут повсюду, но всегда небольшими группами и почти никогда в естественной форме. В Пидруиде их, говорят, одиннадцать, в Фалкинкипе — шесть, в Дюлорне — девять...

— В другой форме?

— Да, в виде гэйрогов, хьортов или людей — как где удобнее.

Метаморфы решили уйти с палубы. Они шли с большим достоинством, но в отличие от су-сухирисов без всякой надменности. Наоборот, они, похоже, старались не привлекать излишнего внимания.

— Они живут на своей территории по своей воле или по принуждению? — спросил Валентин.

— И то и другое, я думаю. Когда лорд Стиамот завершил завоевание, он вынудил их уйти из Алханроэля. Но Зимроэль был тогда мало населен, за исключением побережья, и их пустили в глубь страны. Они выбрали территорию между Зимром и южными горами, подступы к которой можно легко контролировать, и поселились там. Теперь уже стало традицией, что метаморфы живут только на этой территории, если не считать немногих обитающих в других городах. Но я не знаю, имеют ли эти традиции силу закона. Наверняка они обращают мало внимания на указы, исходящие из Лабиринта или Горного замка.

— Если имперские законы так мало для них значат, то не слишком ли мы рискуем, направляясь в Илиривойн?

Делиамбер засмеялся:

— Дни, когда метаморфы нападали на пришельцев только из жажды мести, давно прошли, как меня заверили. Это скучный и угрюмый народ, но они не станут вредить нам, и мы, скорее всего, уйдем из их страны нагруженными звонкой монетой, которую так любит Залзан Кавол. А вот и он сам.

Появились сияющий самодовольством скандар и Слит.

— Мы договорились о представлении,— объявил Залзан Кавол.— Пятьдесят крон за час работы сразу после обеда! Покажем им простейшие трюки. Зачем нам лезть из кожи вон, пока мы не в Илиривойне?

— Нет,— возразил Валентин.— Мы должны показать самое лучшее.— Он твердо взглянул на Слита.— На борту этого судна группа метаморфов. Они могут рассказать в Илиривойне о нашем высоком мастерстве.

— Разумно,— кивнул Залзан Кавол.

Слит был испуган и подавлен. Ноздри его дрожали, губы сжались. Он делал левой рукой священные знаки. Валентин повернулся к нему и сказал, понизив голос:

— Начинается лечение. Жонглируй для них вечером, как для придворных понтифекса.

— Они мои враги! — прохрипел Слит.

— Не эти. Они не из твоего сна. Те причинили тебе такую боль, какую только смогли. И это было давно.

— Мне тяжко быть с ними на одном корабле.

— Ничего не поделаешь,— ответил Валентин.— И их только пятеро. Хорошая репетиция встречи, которая ждет нас в Илиривойне.

— Илиривойн...

— Нам не избежать его. Ты обещал мне, Слит...

Слит некоторое время молча смотрел на Валентина.

— Да, мой лорд,— наконец прошептал он.

Они разыскали спокойное место на нижней палубе и начали репетировать с дубинками. Поначалу они странным образом поменялись ролями: Валентин жонглировал безупречно, а Слит, словно новичок, то и дело ронял дубинки и несколько раз ушиб пальцы. Но через несколько минут опыт и мастерство одержали

верх. Дубинки замелькали в воздухе, причем рисунок обмена был таким сложным, что Валентин быстро выдохся и в конце концов попросил Слита остановиться и вернуться к более знакомым каскадам.

В тот же вечер они дали представление на палубе — первое после импровизированного выступления перед лесными братьями. Залзан Кавол составил программу, которую они еще никогда не показывали публике. Жонглеры разделились на три группы: Слит, Карабелла и Валентин, Залзан Кавол, Телкар и Гибор Хаэрн, Хейтраг Кавол, Роворн и Ерфон Кавол — и начали одновременный тройной обмен в одном и том же ритме. Одна группа скандаров жонглировала ножами, другая — горящими факелами, а люди — серебряными дубинками.

Это был один из самых трудных тестов на ловкость, какие до сих пор выполнял Валентин. Симметрия работы требовала совершенства. Уронить хоть один предмет из девяти значило погубить все зрелище. Валентин был самым слабым звеном, тем не менее успех всего выступления зависел и от него.

Он не уронил ни одной дубинки, и, когда жонглеры закончили представление ливнем высоких бросков и ловких захватов, раздались бурные аплодисменты. Кланяясь, Валентин заметил, что семья метаморфов сидела в первых рядах. Он искоса глянул на Слита, который кланялся снова и снова, с каждым разом все ниже.

Сойдя с подмостков, Слит сказал:

— Я увидел их, когда мы начали, и тут же забыл о них. Забыл, Валентин! — Он засмеялся.— Они ничуть не похожи на то создание, которое я видел во сне.

Глава 10

В эту ночь труппа спала в сыром переполненном трюме. Валентин кое-как примостился на тонкой подстилке между Шанамиром и Лизамон. Близкое соседство женщины-воина, казалось, гарантировало, что уснуть Валентину не удастся, потому что ее храп походил на яростное и назойливое жужжание, а страх, что эта гора может повернуться и раздавить его, еще более отвлекал от сна. Несколько раз она и в самом деле наваливалась на него, и ему едва удавалось освободиться. Но вскоре храп прекратился, и Валентин уснул.

Во сне он увидел себя короналем, лордом Валентином с оливковой кожей и черной бородой. Он снова жил в Горном замке и владел печатями Власти, а затем оказался в южном городе, влажном тропическом месте с гигантскими лианами и яркими красными цветами. Он знал, что это Тил-омон, расположенный почти на окраине Зимроэля, и что он присутствует там на большом пиру в его честь. За столом сидел и другой высокий гость — Доминин Барджазид, третий сын Короля Снов. Доминин Барджазид наливал вино, произносил тосты, провозглашал здравицы в честь короналя и предсказывал ему достойное и славное правление, которое может встать в один ряд с правлениями лорда Стиамота, лорда Престимиона и лорда Конфалюма. Лорд Валентин пил и смеялся, сам предлагал тосты за хозяина — мэра Тил-омона, и за герцога провинции, и за Симонана Барджазида, Короля Снов, и за понтифекса Тиевераса, и за Хозяйку Острова Сна, свою мать. Его стакан снова и снова наполнялся вином — янтарным, красным и голубым южным. Наконец он уже не в силах был больше пить, отправился в спальню и мгновенно заснул. Подошли люди из окружения Доминина Барджазида, завернули короналя в шелковые простыни и понесли куда-то. Он не мог сопротивляться, казалось, что руки и ноги не повинуются ему, как если бы то был сон во сне. Валентин увидел себя на столе в потайной комнате, и теперь волосы его стали желтыми, кожа белой, а Доминин Барджазид обрел лицо короналя.

— Увезите его в какой-нибудь город на дальнем севере,— велел мнимый лорд Валентин,— и там отпустите — пусть идет куда хочет.

Сон должен был продолжаться, но Валентин почувствовал, что задыхается, проснулся и обнаружил на своем лице мощную руку Лизамон. Не без некоторого усилия ему удалось освободиться. Но сон уже не вернулся.

Утром он никому не сказал о своем сне, решив, что настала пора утаивать получаемую информацию, ибо речь теперь шла о вмешательстве в государственные дела. Ему уже второй раз снилось, что с трона короналя его вытеснил Доминин Барджазид, а Карабелла несколько недель назад видела во сне, что неизвестные враги споили Валентина и украли его личность. Все эти сны, конечно, могли быть и фантазией, но Валентин уже начал сомневаться в этом. Слишком часто повторялись их сюжеты, и действовали в них одни и те же персонажи.

А если звездную корону носит теперь Барджазид, что тогда?

Валентин из Пидруида пожал бы плечами, сказав: «Какое мне дело, кто верховный правитель?» Но Валентин, который плыл сейчас из Кинтора в Верф, смотрел на все иначе. В этом мире существовало равновесие власти, тщательно поддерживаемое в течение многих тысячелетий, со времен лорда Стиамота, а то и раньше, с первых столетий после переселения, когда на Маджипуре властвовали какие-нибудь забытые ныне правители. По издавна установленному порядку недоступный для простых смертных понтифекс правил через выбранного им самим сильного и деятельного короналя. Тот, кто был известен как Король Снов, выполнял приказы правительства и наказывал нарушителей закона, входя в мозг спящих, а Хозяйка Острова Сна, мать короналя, распространяла вокруг себя любовь и мудрость. Это была сильная и эффективная система, иначе она не сохранялась бы тысячелетиями. Благодаря ей Маджипур был счастливой и процветающей планетой, подвластной, конечно, слабостям плоти и капризам природы, но в основном свободной от конфликтов и страданий. А если Барджазид, сам королевской крови, сверг законного конституционного короналя и тем самым нарушил это предписанное священное равновесие? Какой вред будет нанесен всему обществу, всему содружеству, какое это потрясение общественного спокойствия!

А что можно сказать об изгнанном коронале, который покорился судьбе и оставил узурпатора безнаказанным? Разве это не отречение? И было ли когда-нибудь в истории Маджипура, чтобы корональ отрекся? Не станет ли он, Валентин, таким образом, сообщником Доминина Барджазида, посягнувшего на порядок?

Последние сомнения исчезли. Валентину-жонглеру казались смешными и странными первые намеки на то, что он истинный лорд Валентин, корональ. Тогда они воспринимались как безумие, как нелепая шутка. Теперь — нет. Содержание его снов несло груз достоверности. Совершено чудовищное преступление. И все значение этого лишь сейчас начало открываться ему. И теперь он был обязан без дальнейших колебаний исправить положение.

Но как? Вызвать на поединок нынешнего короналя? Или выйти в костюме жонглера и заявить свои права на Горный замок?

Он спокойно провел утро, даже намеком не поделившись ни с кем своими мыслями. Большую часть времени он стоял у

поручней, глядя на далекий берег. У него в голове не укладывалось, как может река быть столь огромной. В некоторых местах она была так широка, что берега не было видно. Иногда то, что казалось Валентину берегом, на самом деле было огромным островом, а между островами и берегом реки простирались целые мили воды. Течение было быстрым, и большое речное судно легко неслось к востоку.

Стоял ясный день, вода рябила и сверкала на солнце, но после полудня вдруг пошел легкий дождь. Затем дождь усилился, и жонглерам, к великому неудовольствию Залзана Кавола, пришлось отменить второе представление. Все спрятались под навесом.

В эту ночь Валентин постарался лечь рядом с Карабеллой, а Лизамон оставить соревноваться в храпе со скандарами. Он жадно ожидал новых снов-открытий, но то, что он увидел, не представляло интереса: обычные бесформенные и хаотичные обрывки фантазии, безымянные улицы, незнакомые лица, яркий свет и кричащие цвета, бессмысленные споры, бессвязные разговоры, неясные образы...

Утром судно прибыло в порт Верф на южном берегу реки.

Глава 11

— Провинция метаморфов,— рассказывал Аутифон Делиамбер,— называется Пиурифэйн, от имени, которым зовут себя метаморфы на своем языке — пиуривары. На севере она граничит с предместьями Верфа, на западе — с Откосом Велатиса, на юге — с горной цепью Гонгар, на востоке — с рекой Стейч, главным притоком Зимра. Я хорошо представляю себе эти места, хотя никогда не бывал в самом Пиурифэйне. Попасть туда трудно, потому что Откос Велатиса — стена в милю высотой и в триста миль длиной. Горы Гонгар неприступны, и там часты грозы. Стейч — дикая, неуправляемая река с множеством быстрин и водоворотов. Единственный безопасный путь — через Верф и врата Пиурифэйна.

Жонглеры, поторопившиеся как можно скорее покинуть скучный торговый город Верф, сейчас находились всего в нескольких милях к северу от этого входа. Несильный, но надоедливый дождь продолжался все утро. Местность оказалась довольно унылой — песчаная почва и густые заросли карликовых деревьев с

бледно-зеленой корой и узкими дрожащими листьями. В фургоне почти не разговаривали. Слит, казалось, погрузился в раздумья, Карабелла в центре кабины жонглировала тремя красными мячами. Те из скандаров, кто не управлял фургоном, занялись какой-то хитрой игрой костяными палочками и связками усов дроля. Шанамир дремал. Виноркис уткнулся в свой журнал и что-то записывал. Делиамбер развлекался мелкими чудесами — вроде зажигания крошечных волшебных свечей — и другими колдовскими штучками. Лизамон Халтин, чтобы не мокнуть под дождем, припрягла свое животное к тем, которые тянули фургон, а сама храпела теперь, как морской дракон, время от времени просыпаясь, чтобы глотнуть дешевого серого вина, купленного ею в Верфе.

Валентин сидел в углу у окна и думал о Замковой горе. Интересно, на что она похожа, эта гора в тридцать миль высотой, естественная колоссальная каменная колонна, поднимающаяся в темную ночь космоса? Если Откос Велатиса в милю высотой был, по словам Делиамбера, неприступной стеной, что же тогда представляет собой башня в тридцать раз выше? Какую тень отбрасывает Гора, когда восходит солнце? Темная полоса бежит по всему Алханроэлю? А как же города на ее величественных склонах получают тепло и воздух для дыхания? Валентин слышал, что какие-то древние машины вырабатывают тепло, свет и свежий воздух, чудесные машины давно забытой технологической эры тысячелетней давности, когда древние ремесла, привезенные с Земли, были широко распространены здесь. Но он не понимал, как работают такие машины, не понимал и того, какие силы действуют на элементы памяти его собственного мозга, чтобы сказать ему: эта женщина — Карабелла, а этот мужчина — Слит. Он думал также и о высочайших областях Замковой горы, о здании в сорок тысяч комнат на ее вершине, теперь Замке лорда Валентина, а не так давно — Замке лорда Вориакса. Замок лорда Валентина! Существует ли это место реально, или и Замок, и Гора — сказки, выдумка? Замок лорда Валентина! Он представил себе его на вершине: яркий мазок света всего в несколько молекул толщиной — каким он, вероятно, кажется по сравнению с этой немыслимой по величине горой — мазок неправильной формы. Сотни комнат по одну сторону, сотни — по другую. Грозди громадных комнат находились как бы в коконе, над ними — внутренние дворики и галереи, а в самой глуби-

не — корональ во всем своем величии, чернобородый лорд Валентин. Правда, сейчас короналя там нет. Он, вероятно, все еще объезжает свое королевство и находится в Ни-мойе или каком-нибудь другом восточном городе. «И я,— думал Валентин,— жил когда-то на этой Горе, жил в Замке? Что я делал, когда был короналем, какие издавал декреты, с кем встречался, каковы были мои обязанности?» Это было непостижимо, и все же в нем крепла убежденность, а призрачные воспоминания, проносившиеся в его мозгу, начали складываться в цельную картину. Он знал теперь, что родился не у реки в Ни-мойе, как подсказывали ему вложенные в него мнимые воспоминания, а в одном из Пятидесяти Городов, расположенных высоко на Горе, почти у границы самого Замка. И что воспитывался он среди тех, из кого выбирали принцев, что его детство и юность были беззаботными и счастливыми. Он все еще не мог вызвать в памяти образ своего отца, который наверняка был принцем королевства, а о матери помнил только, что у нее были черные волосы и смуглая кожа, как когда-то и у него самого, и — воспоминания вдруг пробились ниоткуда — однажды она долго целовала его и плакала, а потом сказала, что вместо утонувшего лорда Малибора выбрали Вориакса, и теперь она должна стать Хозяйкой Острова Сна. Правда ли это, или он вообразил себе это сейчас? Валентин подсчитал, что ему должно было быть двадцать два года, когда к власти пришел Вориакс. Могла ли мать вообще целовать его, могла ли плакать из-за того, что становилась Хозяйкой Острова Сна? Скорее, должна была радоваться, что она и ее старший сын избраны правителями Маджипура. Плакала и радовалась одновременно — возможно, и так. Валентин покачал головой. Столь важные, поистине исторические моменты — найдет ли он когда-либо доступ к ним, или все так и останется под запретом, наложенным на него теми, кто украл его прошлое?

Вдалеке раздался страшный взрыв, глухой подземный удар, привлекший внимание всех пассажиров фургона. Грохот продолжался несколько минут, а затем постепенно стих.

— Что это? — вскричал Слит и выхватил со стойки энергомет.

— Тихо,— сказал Делиамбер.— Это Пиурифэйнский фонтан. Мы приближаемся к границе.

— Фонтан? — спросил Валентин.

— Подожди и увидишь.

Через несколько минут фургон остановился. Залзан Кавол повернулся на сиденье и крикнул:

— Где вруун? Эй, колдун, дорога перекрыта!

— Мы достигли врат Пиурифэйна,— ответил Делиамбер.

Узкую дорогу перегораживала баррикада из блестящих желтых каменных колод, оплетенных яркой изумрудной веревкой. Слева был сторожевой пост, где находились два хьорта в серо-зеленой форме. Они приказали всем выйти из фургона под дождь, хотя сами укрывались под навесом.

— Куда? — спросил тот, что пожирнее.

— В Илиривойн, участвовать в фестивале меняющих форму. Мы жонглеры,— ответил Залзан Кавол.

— У вас есть разрешение на вход в провинцию Пиурифэйн? — вмешался другой хьорт.

— Такого разрешения не требовалось,— возразил Делиамбер.

— Уж больно ты самоуверен, вруун. По указу лорда Валентина, короналя, изданному больше месяца назад, никто из граждан Маджипура не может входить на территорию метаморфов иначе, как по законному делу.

— У нас законное дело,— настаивал Залзан Кавол.

— Тогда вы должны иметь разрешение.

— Но мы не знали, что оно нужно,— запротестовал скандар.

Хьортам это было безразлично. Они, похоже, готовы были заняться другими делами.

Залзан Кавол взглянул на Виноркиса, как бы надеясь, что тот сможет повлиять на своих собратьев, но хьорт только пожал плечами. Скандар посмотрел на Делиамбера:

— Колдун, в твои обязанности входит предупреждать меня о таких вещах.

Вруун ответил:

— Даже колдуны не могут знать об изменениях в законе, особенно когда путешествуют по заповедным лесам и прочим далеким местам.

— Что же нам делать? Вернуться в Верф?

Эта идея, казалось, вызвала вспышку радости в глазах Слита. Отсрочка этой метаморфской авантюры! Но Залзан Кавол начал злиться. Лизамон Халтин потянулась к своему вибрационному мечу. Увидев это, Валентин замер и быстро сказал Залзану Каволу:

— Хьорты не всегда неподкупны.

— Хорошая мысль,— пробормотал скандар.

Он вытащил кошелек. Хьорты тут же оживились. Валентин уверился, что это и в самом деле правильная тактика.

— Может, я найду необходимый документ,— проговорил Залзан Кавол.

Достав из кошелька две монеты по кроне, он схватил хьортов за жирные руки и, самодовольно улыбаясь, прижал к их ладоням по монете. Хьорты обменялись взглядами и бросили деньги в грязь.

— Крона? — прошептала Карабелла.— Неужели он думает купить их за крону?

— Подкуп офицера имперского правительства — серьезное преступление,— оскорбился жирный хьорт.— Вы будете арестованы и предстанете перед судом в Верфе. Оставайтесь в своем фургоне до прихода конвоя.

Залзан Кавол повернулся, начал что-то говорить Валентину, задохнулся, сердито махнул Делиамберу и тихо заговорил по-скандарски с братьями. Лизамон снова взялась за рукоятку меча. Валентин пришел в отчаяние: через минуту здесь будет два мертвых хьорта, а жонглеры превратятся в беглых преступников у самого входа в Пиурифэйн. Это явно не ускорит его путь к Хозяйке Острова.

— Сделай что-нибудь поскорее,— шепнул он Делиамберу.

Вруунский колдун уже двинулся вперед. Он поднял деньги и снова протянул их хьортам.

— Простите, но вы, кажется, уронили эти монеты.

Он сунул их в руки хьортам и одновременно на секунду слегка обвил концами щупалец их запястья. Едва он выпустил их, худощавый хьорт сказал:

— Ваша виза действительна только на три недели. Уйдете из Пиурифэйна через эти же ворота. Другие выходы для вас закрыты.

— И к тому же очень опасны,— добавил другой.

Он махнул невидимым стражам, и те растащили баррикаду в стороны, освободив таким образом дорогу для фургона.

Когда все вошли в фургон, Залзан Кавол яростно рявкнул на Валентина:

— Не давай мне больше неправильных советов! А ты, Делиамбер, должен знать, как улаживать такие дела! Это могло сильно задержать нас и лишить дохода.

— Если бы ты подкупал их реалами, а не кронами,— тихо, чтобы скандар не слышал, произнесла Карабелла,— все было бы гораздо проще.

— Неважно,— ответил Делиамбер.— Нас пропустили, верно? Всего лишь немного колдовства... Это дешевле, чем подкуп.

— Ох уж эти новые законы! — проворчал Слит.— Такое множество указов!

— Новый корональ,— сказала Лизамон,— хочет показать свою власть. Все они такие. То такой указ, то этакий, а старый понтифекс со всем соглашается. Один такой указ лишил меня работы. Вы знаете это?

— Вот как? — удивился Валентин.

— Я была телохранителем одного мазадонского торговца, который очень боялся завистливых конкурентов. Лорд Валентин ввел новый налог на личных телохранителей для всех, кто не имеет благородного ранга. И размер его был как раз равен моему годовому жалованью. Так мой хозяин, отсохни его уши, через неделю уволил меня. Два года работала — и прощай, Лизамон, спасибо тебе, получи бутылку моего лучшего бренди на память! Сегодня я защищаю его презренную жизнь, а завтра я — непозволительная роскошь, и все благодаря лорду Валентину! Ох, бедный Вориакс! Как вы думаете, не брат ли убил его?

— Придержи язык! — рявкнул Слит.— Такие дела в Маджипуре не делаются!

Но она упорствовала:

— Несчастный случай на охоте, как же! А старый Малибор утонул на рыбалке? С чего бы нашим короналям так неожиданно и странно умирать? Раньше никогда не случалось ничего подобного, верно? Они становились понтифексами, уходили в Лабиринт и жили чуть ли не вечно, а теперь Малибора съели морские драконы, а Вориакса нечаянно прихлопнули в лесу! Я вот думаю: наверное, там, на Замковой горе, все уж больно рвутся к власти!

— Хватит! — прервал ее Слит, очень недовольный таким разговором.

— Как только выбирают нового короналя, для всех остальных принцев не остается надежды на выдвижение. Вот если корональ умрет, они снова соберутся на выборы. Когда лорд Вориакс умер и стал править этот самый Валентин, я сказала...

— Заткнись! — рявкнул Слит.

Он встал в полный рост, едва достигая груди женщины-воина, глаза его горели. Она держалась спокойно, но руку положила на рукоятку меча. Тут вмешался Валентин.

— Она вовсе не хотела оскорбить короналя,— спокойно сказал он.— Просто она слегка перебрала вина, и оно развязало ей язык.

Он повернулся к Лизамон.

— Прости его, ладно? Мой друг слишком нервничает, ты же знаешь.

Второй взрыв, во много раз громче и сильнее того, что был полчаса назад, прервал спор. Животные лягались и визжали, фургон дернулся. С сиденья возницы раздавались яростные проклятия Залзана Кавола.

— Фонтан Пиурифэйна,— объявил Делиамбер,— одно из величайших зрелищ Маджипура. Стоит посмотреть, как он выбрасывает воду.

Валентин и Карабелла выскочили из фургона, за ними все остальные. Они оказались на открытом месте, где множество мелких деревьев с зелеными стволами образовали нечто вроде естественного амфитеатра, тянувшегося на полмили вдоль тракта. В дальнем его конце взрывался гейзер, но такой, что по сравнению с ним гейзеры Горячего Кинтора выглядели как мелкие рыбешки рядом с морским драконом. Колонна пенившейся воды превосходила самые высокие башни Дюлорна, белый столб высотой в пятьсот-шестьсот футов, если не больше, вырывался из-под земли с непостижимой силой. В верхней части, где он разделялся на множество потоков, разлетавшихся во все стороны, сиял таинственный свет всех цветов радуги, окружая колонну как бы разноцветной бахромой. Теплые брызги наполняли воздух.

Извержение продолжалось — невероятный объем воды под столь же невероятным напором устремлялся в небо. Валентин чувствовал, как все его тело пронизывают действующие здесь подземные силы. Он смотрел с благоговейным ужасом и ощутил нечто вроде шока, когда колонна стала уменьшаться и наконец исчезла совсем, оставив после себя лишь капельки теплой влаги.

— Каждые тридцать минут,— сообщил Делиамбер.— Говорят, с тех пор как метаморфы живут в Маджипуре, этот гейзер ни разу не опоздал ни на минуту. Это их священное место. Понятно? Вот пришли паломники.

Слит перевел дух и изобразил священные знаки. Валентин положил руку на его плечо. В самом деле, неподалеку, у придорожной гробницы собралось с десяток метаморфов. Они смотрели на путешественников, как показалось Валентину, не слишком дружелюбно. Некоторые аборигены, стоявшие впереди, поспешно спрятались за других, а когда появились снова, то выглядели на удивление расплывчато и неопределенно. Но это было еще не все. Они начали изменяться: у одного выросли пушечные ядра грудей, как у Лизамон, у другого — четыре косматых скандарских руки, третий имитировал белые волосы Слита. Они издали странный высокий звук — возможно, так звучал их смех, а затем вся группа скрылась в лесу.

Валентин не выпускал плечо Слита, пока не почувствовал, что тело маленького жонглера утратило напряжение. Тогда он со смехом проговорил:

— Хороший трюк! Вот бы нам делать такое. Скажем, вырастить дополнительные руки во время представления. Ты хотел бы?

— Я хотел бы быть в Нарабале,— ответил Слит,— или в Пилиплоке, или еще где-нибудь, только подальше отсюда.

— А я — в Фалкинкипе. Кормил бы моих животных,— пробормотал бледный и трясущийся Шанамир.

— Они не собирались вредить нам,— сказал Валентин.— Для нас это просто интересное зрелище, и мы его никогда не забудем.

Он широко улыбнулся, но никто не подхватил его улыбку, даже всегда такая жизнерадостная Карабелла. Сам Залзан Кавол выглядел необычно смущенным, словно задумался, разумно ли было отправляться за своими любимыми реалами в провинцию метаморфов. Оптимизм Валентина не успокоил его спутников. Он взглянул на Делиамбера.

— Далеко еще до Илиривойна?

— Он где-то впереди,— ответил вруун.— Не представляю, далеко ли. Когда приедем, тогда и приедем.

Ответ отнюдь не ободрил путешественников.

Глава 12

Это была первобытная страна, существовавшая вне времени и не испорченная цивилизацией,— отдаленная территория, сохранившая черты древнего Маджипура.

Меняющие форму жили в дождливой лесной местности, где ежедневные ливни очищали воздух и обеспечивали бурный рост зелени. С севера через природную трубу, образованную Откосом Велатиса и Гонгаром, приходили частые грозы, а когда влажный воздух поднимался к предгорьям Гонгара, шли мелкие дожди, пропитывавшие легкую губчатую почву. Деревья были высокими, со стройными стволами, и их кроны с опутанными сетью лиан вершинами образовывали густые навесы. Темная листва блестела, отполированная дождем. Через просветы в лесу Валентин видел вдалеке зеленые, окутанные туманом горы. Животный мир здесь был небогатым — так, по крайней мере, казалось. Иногда проползала красно-желтая змея. Изредка они видели зеленую с алым птицу или пролетавшего над головой зубастого брауна с паутинными крыльями, а один раз испуганный белантун осторожно прошмыгнул перед фургоном и скрылся в лесу, стуча острыми копытцами и в панике размахивая задранным кверху пушистым хвостом. Вероятно, где-то здесь прятались и лесные братья, поскольку по пути попалось несколько рощиц двикка-деревьев. Не было сомнений, что ручьи полны рыбой и рептилиями, а почва — норками насекомых и грызунов фантастических форм и окраски. В каждом из бесчисленных маленьких озер обитало, как говорили, собственное чудовище, которое по ночам выплывало — шея, зубы и бусинки глаз — для охоты на любую дичь, имевшую неосторожность оказаться поблизости от его массивного тела. Но ни одно из этих существ не появлялось, пока фургон быстро двигался к югу по узкой неровной лесной дороге.

Не видно было и самих пиуриваров, хотя время от времени путешественники видели хорошо протоптанный след, ведущий в заросли, или несколько грубо сплетенных хижин в стороне от дороги, а иногда маленькую группу пилигримов, направлявшихся к гробнице у фонтана.

Делиамбер объяснил, что этот народ здесь живет охотой и рыболовством, сбором диких плодов и орехов и частично земледелием. Возможно, когда-то их цивилизация была более развитой, если судить по развалинам, обнаруженным главным образом в Алханроэле,— остаткам больших каменных городов, построенных задолго до прибытия сюда звездных кораблей. Правда, по словам Делиамбера, некоторые историки считали, что это развалины древних человеческих поселений, основанных и уничтоженных в бурный период до начала правления понтифексов — двенадцать или тринадцать тысяч лет назад. Во всяком случае, метаморфы, если и жили когда-то более цивилизованно, теперь предпочли переселиться в лес. Регресс это или прогресс — Валентин сказать не мог.

К полудню грохот Пиурифэйнского фонтана уже не был слышен, и лес стал более редким и обитаемым. На дороге не было никаких дорожных знаков, но она вдруг разветвилась. Залзан Кавол посмотрел на Делиамбера, а тот на Лизамон.

— Лопни моя печенка, если я знаю,— прогудела великанша.— Езжайте наугад. Пятьдесят на пятьдесят, что мы попадем в Илиривойн.

У Делиамбера возникла идея получше. Чтобы узнать дорогу с помощью чар, он опустился на колени прямо в грязь, достал из своего мешка пару кубиков колдовских курений и, прикрыв их от дождя плащом, поджег. Появился светло-коричневый дымок. Делиамбер вдыхал его, делая щупальцами замысловатые движения.

— Все это обман! — крикнула женщина-воин.— Повертит руками какое-то время и скажет наобум. Пятьдесят на пятьдесят за Илиривойн.

— Налево,— сказал Делиамбер.

Может, колдовство было хорошим, может, догадка удачной, но очень скоро путешественники увидели первые признаки обитания метаморфов.

Это были уже не разбросанные одиночные домики, а скопления плетеных жилищ, примерно по десятку через каждую сотню ярдов, а затем даже чаще. Пиуриваров тоже было много, в основном местных ребятишек, которые несли легкий груз в свисавших с головы перевязях. Многие останавливались, смотрели на проезжавший мимо фургон, указывали на него пальцами и что-то говорили сквозь зубы.

Судя по всему, они приближались к большому поселению. На дороге было полно детей и взрослых метаморфов, и вокруг стояло множество жилищ. Дети выглядели совершенно невероятно. Видимо, они практиковались в трансформации и принимали самые разнообразные формы, в основном очень странные: один выпустил ноги, похожие на ходули, у другого были щупальца, как у врууна, но свисавшие почти до земли, третий превратил свое тело в шарообразную массу на крошечных отростках.

— Кто устраивает цирк, мы или они? — спросил Слит.— Меня тошнит от одного их вида.

— Успокойся,— мягко сказал Валентин.

— Я думаю,— угрюмо заметила Карабелла,— у них немало мрачных развлечений. Смотрите!

Прямо перед ними на краю дороги стояла дюжина клеток. Группа носильщиков, видимо, только что поставила их и отдыхала. Сквозь прутья клеток просовывались маленькие руки с длинными пальцами. Мучительно скрутились приспособленные для захвата хвосты. Когда фургон проходил мимо, Валентин увидел, что клетки забиты лесными братьями — по трое-четверо в каждой. Их несли в Илиривойн. Зачем? Для того, чтобы съесть, или чтобы замучить на фестивале? Валентин содрогнулся.

— Постойте,— закричал Шанамир, когда они ехали мимо последней клетки.— А в этой кто?

Последняя клетка была больше других, и в ней сидел не лесной брат, а какой-то другой пленник, существо явно разумное, высокое и странное, с темно-синей кожей, отчаянными пурпурными глазами необыкновенного размера и яркости и широким тонкогубым ртом. Его одежда из прекрасной зеленой ткани была измята, разорвана и покрыта темными пятнами — вероятно, кровью. Существо со страшной силой вцепилось в решетку и с незнакомым акцентом хрипло звало жонглеров на помощь.

Фургон проехал дальше. Похолодев, Валентин обратился к Делиамберу:

— Это существо не с Маджипура.

— Верно,— согласился колдун.— Я таких никогда не встречал.

— Я однажды видела,— сказала Лизамон.— Он с какой-то звезды рядом с нашей. Я забыла ее название.

— Но что здесь делают инопланетяне? — спросила Карабелла.— Межзвездные полеты редки в наше время, и лишь очень немногие корабли залетают на Маджипур.

— Кто-то все-таки посещает нас,— ответил Делиамбер.— Мы не полностью отрезаны от звездных путей, хотя и считаемся задворками в межпланетной торговле. И...

— Спятили вы, что ли? — взорвался Слит.— Сидят себе, беседуют о межпланетной торговле, а цивилизованное существо в клетке зовет на помощь, потому что его, вероятно, зажарят и съедят на метаморфском фестивале! А мы даже внимания не обращаем на его крики и едем себе в их город!

Он бросился к скандарам-возницам. Валентин, боясь скандала, побежал за ним.

Слит схватил Залзана Кавола за плащ.

— Ты видел это? Ты слышал? Инопланетянин в клетке!

— Ну? — буркнул Залзан Кавол, не оборачиваясь.

— Тебе плевать на его крики?

— Это не наше дело,— спокойно ответил скандар.— Как мы можем освобождать пленников независимого народа? У них, несомненно, были причины арестовать это существо.

— Причины? Да, конечно: приготовить из него обед. Мы попадем в следующий горшок. Я прошу тебя вернуться и освободить...

— Это невозможно.

— По крайней мере, хоть узнай, за что его посадили. Залзан Кавол, мы, возможно, прямиком напрвляемся к своей смерти, а ты так стремишься в Илиривойн, что едешь мимо того, кто, вероятно, мог бы рассказать о здешних условиях... И он в такой беде!

— Слит говорит мудро,— заметил Валентин.

— Прекрасно! — Залзан Кавол фыркнул и остановил фургон.— Иди, Валентин, узнай, но побыстрее.

— Я пойду с ним,— вызвался Слит.

— Оставайся здесь. Если ему нужен телохранитель, пусть возьмет великаншу.

Предложение имело смысл. Валентин подозвал Лизамон, и они вернулись к клеткам. Лесные братья тут же подняли страшный крик и затрясли решетки. Носильщики, вооруженные, как заметил Валентин, короткими, внушительно выглядевшими копьями то ли из рога, то ли из полированного дерева, неторопливо выстроились в ряд на дороге, не давая Валентину и Лизамон подойти ближе к большой клетке. Один метаморф, явный лидер, выступил вперед и с угрожающим спокойствием ждал вопросов.

— Он говорит на нашем языке? — спросил великаншу Валентин.

— Вероятно. Попробуй.

— Мы странствующие жонглеры,— громко и отчетливо проговорил Валентин.— Мы едем выступать на вашем фестивале в Илиривойне. Далеко ли мы от Илиривойна?

Метаморф, на голову выше Валентина, но куда более хилый, казалось, развеселился, но, сдерживаясь, ответил:

— Вы в Илиривойне.

От метаморфа исходил слабый запах, кислый, но не противный. Его странно скошенные глаза были пугающе невыразительны. Валентин спросил:

— С кем мы должны договориться о выступлении?

— Всех иностранцев, появляющихся в Илиривойне, встречает Данипиур. Вы найдете ее в Служебном доме.

Холодные манеры метаморфа смущали. Но Валентин продолжил:

— Еще одно. Мы видим в этой большой клетке необычное существо. Могу я спросить, почему оно там?

— Это наказание.

— Преступник?

— Так сказано,— спокойно ответил метаморф.— Разве это вас касается?

— Мы чужие в вашей стране. Если здесь иностранцев сажают в клетку, мы, пожалуй, предпочтем искать работу в другом месте.

Вокруг рта и ноздрей метаморфа мелькнула искра какой-то эмоции — не то презрения, не то насмешки.

— Чего вам бояться? Разве вы преступники?

— Едва ли.

— Тогда вас не посадят в клетку. Выразите почтение Данипиур и с дальнейшими вопросами обращайтесь к ней, а у меня есть более важные дела.

Валентин посмотрел на Лизамон Халтин. Та пожала плечами. Ничего не оставалось, как вернуться к фургону.

Носильщики подняли клетки и укрепили их на шестах, положенных на плечи. Из большой клетки донесся крик ярости и отчаяния.

Глава 13

Илиривойн представлял собой нечто среднее между городом и деревней: унылое скопление множества низких, словно бы временных строений из легкого дерева, стоявших вдоль кривых немощеных улиц, которые, казалось, уходили далеко в лес. Все выглядело так, будто Илиривойн возник здесь всего год-два назад, а через несколько лет исчезнет и появится в каком-нибудь другом округе.

Палки-фетиши с привязанными к ним яркими лоскутками и кусочками меха, воткнутые почти перед каждым домом, видимо, объявляли о фестивале. Кроме того, на улицах были устроены помосты для представлений или, как с дрожью подумал Валентин, для каких-то мрачных племенных ритуалов.

Найти Служебный дом и Данипиур оказалось просто. Главная улица выходила на широкую площадь, ограниченную с трех сторон маленькими куполообразными строениями с узорными плетеными крышами. С четвертой стороны стояло одно большое трехэтажное здание, перед которым был ухоженный садик с толстостебельным серо-белым кустарником. Залзан Кавол остановил фургон на свободном месте рядом с площадью.

— Пойдем со мной,— позвал он Делиамбера.— Посмотрим, о чем сумеем договориться.

В Служебном доме они пробыли долго, а когда наконец появились, с ними вышла величественная женщина-метаморф — несомненно Данипиур.

Все трое остановились у садика, оживленно разговаривая. Данипиур что-то уточняла, Залзан Кавол то кивал, то отрицательно качал головой. Делиамбер, такой крошечный между этими высокими существами, делал изящные дипломатические жесты примирения. Наконец Залзан Кавол и колдун вернулись в фургон. Настроение скандара заметно улучшилось.

— Мы приехали как раз вовремя,— сказал он.— Фестиваль только что начался. Завтрашней ночью состоится один из главных праздников. Но они не обеспечат нас ни пищей, ни жильем, потому что в Илиривойне нет гостиниц. Кроме того, есть некоторые зоны, куда нам нельзя входить. В других местах меня встречали более радушно. Но иной раз, я полагаю, может случиться и наоборот.

— Они нам заплатят? — спросил Слит.

— Похоже, что так,— ответил Залзан Кавол.

Фургон, сопровождаемый толпами молчаливых ребятишек-метаморфов, двинулся к отведенному для стоянки месту за площадью. Вечером жонглеры провели репетицию. Несмотря на все усилия Лизамон отогнать юных метаморфов, они пролезали между деревьями и кустами, чтобы поглазеть на актеров. Валентину это действовало на нервы, и не только ему: Слит был напряжен и необычайно неловок, и даже Залзан Кавол, мастер из мастеров, впервые на памяти Валентина уронил дубинку.

Смущало молчание детей. Они стояли, как белоглазые статуи,— зрители, вытягивающие энергию и ничего не дающие вза-

мен. Но еще больше раздражали их метаморфические фокусы — они переходили из одной формы в другую так же естественно и непреднамеренно, как человеческий ребенок сует палец в рот. Видимо, их метаморфозы преследовали определенную цель, потому что принимаемые ими формы грубо копировали жонглеров, как это делали взрослые метаморфы у Пиурифэйнского фонтана.

Дети очень недолго держали форму — у них еще не хватало умения. Однако во время перерывов Валентин краем глаза наблюдал, как они создавали себе золотистые волосы, как у него, белые, как у Слита, черные, как у Карабеллы, становились похожими на многоруких медведей, как скандары, пытались имитировать лица, индивидуальное выражение. Все изображения были искаженными и отнюдь не лестными.

Все путешественники втиснулись на ночлег в фургон и спали практически вплотную друг к другу. Всю ночь шел дождь. Валентин почти не сомкнул глаз. Лишь время от времени он впадал в легкую дремоту, но быстро просыпался и лежал, слушая богатырский храп Лизамон Халтин и еще более мощные раскаты, издаваемые скандарами. Где-то среди ночи он, видимо, все-таки уснул по-настоящему, потому что ему приснилось что-то смутное и несвязное: метаморфы вели пленников — лесных братьев и синекожего чужака — по дороге к Пиурифэйнскому фонтану, который колоссальной белой горой возвышался над всем миром. Удалось ему ненадолго заснуть и на исходе ночи, но незадолго до восхода солнца Слит потряс его за плечо и разбудил. Валентин сел, протирая глаза:

— В чем дело?

— Выйдем. Надо поговорить.

— Но еще совсем темно!

— Ничего. Пойдем.

Валентин зевнул, потянулся и встал. Они осторожно перешагнули через Карабеллу и Шанамира, обошли одного из скандаров и вышли из фургона. Дождь прекратился, но было темно и холодно, от земли поднимался противный туман.

— Мне было послание,— сказал Слит.— Думаю, что оно от Повелительницы.

— Какое?

— Насчет синекожего в клетке, которого они назвали наказанным преступником. Во сне он пришел ко мне и сказал, что

он вовсе не преступник, а путешественник, по ошибке попавший на территорию метаморфов, и его схватили, потому что у них есть обычай во время фестиваля приносить иностранцев в жертву Пиурифэйнскому фонтану. Я видел, как это делается. Жертву связывают по рукам и ногам и бросают в бассейн фонтана, а когда происходит взрыв, она взлетает в небо.

Валентина пробрала дрожь, но виной тому был не холодный туман.

— Мне привиделось нечто похожее.

— В своем сне я услышал,— продолжал Слит,— что и нам грозит опасность. Возможно, это и не жертвоприношение, но все равно опасность. А если мы освободим чужака, он поможет нам. Если же он умрет, нам тоже не уйти отсюда живыми. Ты знаешь, Валентин, я боюсь этих меняющих форму, но в этом сне было что-то особенное. Он был отчетлив и ясен, как и положено посланию. От него нельзя отмахнуться, посчитав страхами глупого Слита.

— Что ты хочешь делать?

— Освободить чужака.

— А если он и вправду преступник? — с тревогой спросил Валентин.— Какое право мы имеем вмешиваться в правосудие пиуриваров?

— Право дано нам посланием. А те лесные братья тоже преступники? Я видел во сне, что их бросили в фонтан. Мы среди дикарей, Валентин.

— Нет, они не дикари, просто чуждая раса, и ее пути не похожи на пути Маджипура.

— Я твердо решил спасти синекожего. Если ты не поможешь мне, я сделаю это один.

— Сейчас?

— А когда же? Сейчас темно и тихо. Я открою клетку, и он убежит в лес.

— Ты думаешь, клетку не охраняют? Нет, Слит, подожди. Сейчас это неразумно. Ты поставишь под удар всех нас. Я попытаюсь разузнать об этом пленнике — за что его посадили и что его ждет. Если они намереваются принести его в жертву, то сделают это в разгар фестиваля. У нас еще есть время.

— Но послание было сейчас,— возразил Слит.

— Я видел во сне нечто подобное.

— Но не послание?

— Нет. Но этого достаточно, чтобы считать твой сон истиной. Я помогу тебе, Слит, но не сейчас. Пока не время.

Слит явно нервничал. Он уже мысленно бежал к клеткам и воспринимал возражения Валентина как нежелательную помеху.

— Слит!

— Да?

— Послушай меня. Сейчас не время. Подожди.— Валентин пристально смотрел на жонглера. Тот взглянул было на него с такой же твердостью, но быстро уступил и отвел глаза.

— Слушаюсь, мой лорд,— спокойно ответил он.

В течение дня Валентин пытался хоть что-нибудь узнать о пленнике, но все безуспешно. Одиннадцать клеток с лесными братьями стояли на площади напротив Служебного дома в три яруса, а клетка с чужаком — отдельно, на самом верху — высоко над землей. Клетки охраняли пиуривары с копьями.

Валентин хотел было подойти, но уже на середине площади его остановили.

— Вам запрещено подходить сюда,— сказал ему метаморф.

Лесные братья яростно колотили по решетке. Синекожий выкрикивал слова с таким акцентом, что Валентин с трудом понимал его. Чужак кричал:

— Беги, дурак, пока они не убили и тебя!

Но, может быть, Валентину это только показалось? Стражники надежно охраняли клетки. Валентин повернул обратно. Он попробовал расспросить детей, но те смотрели на него холодными пустыми глазами, упорно молчали, имитировали его золотистые волосы и затем разбегались, как от демона.

Все утро в Илиривойн прибывали метаморфы из далеких лесных поселков. Они несли с собой всевозможные декоративные предметы: плетенье, флаги, драпировки, украшенные зеркалами стойки, шесты, на которых были вырезаны мистические письмена. Все, казалось, знали, что им надлежит делать, и были очень заняты. Дождя не было. «Интересно,— подумал Валентин,— каким колдовством пиуривары обеспечили себе для праздника редкий сухой день? Или это просто совпадение?»

Часа в три дня началось празднество. Небольшие группы музыкантов исполняли отрывистые, резкие мелодии, а метаморфы, как во сне двигались в каком-то медленном, величественном, сложном танце. На некоторых улицах проводились состязания

по бегу. Судьи стояли вдоль улиц и затевали споры, когда бегуны проносились мимо них. В палатках, видимо выстроенных ночью, торговали супом, тушеным и жареным мясом, напитками.

Валентин чувствовал себя незваным гостем. Ему даже хотелось извиниться перед метаморфами за свое неуместное присутствие здесь в их праздничные дни. Но никто, кроме детей, не обращал на него внимания, а дети явно воспринимали его как диковинку, привезенную сюда для их развлечения. Пугливые малыши выглядывали отовсюду, старались имитировать членов труппы, но близко не подходили.

Залзан Кавол назначил на вечер репетицию возле фургона. Валентин пришел одним из первых, радуясь возможности уйти с переполненных улиц, но увидел там только Слита и двух скандаров.

Ему показалось, что Залзан Кавол как-то странно смотрит на него, и во взгляде скандара сквозило что-то новое и тревожившее. Через несколько минут Валентин не выдержал и спросил:

— Что-нибудь неладно?

— Что может быть неладно?

— Ты выглядишь недовольным.

— Я? Ничего подобного. Просто этой ночью я видел странный сон и теперь думаю о нем.

— Ты видел синекожего пленника?

Залзан Кавол, казалось, растерялся:

— Почему ты так решил?

— Потому что Слит и я тоже его видели.

— Мой сон не имел ничего общего с синекожим,— ответил скандар,— и я не желаю говорить об этом. Все это глупости, больше ничего.— Залзан Кавол отошел, взял полную охапку ножей и начал жонглировать ими.

Валентин пожал плечами. Он никогда не задумывался, видят ли скандары сны, в особенности тревожащие. Хотя, конечно, они граждане Маджипура, и их жизнь не может в корне отличаться от жизни других, так что и их, равно как и хьортов, вруунов и лиименов, должны посещать яркие сны с посланиями от Короля и Хозяйки Острова Сна и случайными вторжениями в мозг существ меньшего ранга — сны, расширяющие их собственный кругозор. И все-таки странно... Залзан Кавол всегда так умело управлял своими эмоциями, так неохотно раскрывал перед кем

бы то ни было свою истинную сущность, демонстрируя лишь жадность, нетерпение и раздражение, а тут вдруг откровенно признался, что его взволновал сон.

Интересно, а бывают ли у метаморфов сны со значением, послания и прочее?

Репетиция прошла хорошо. Затем жонглеры быстро и не очень сытно пообедали фруктами и ягодами, собранными Лизамон в лесу, и запили их остатками вина, привезенного ими из Кинтора. На многих улицах Илиривойна уже вспыхнули фейерверки, отовсюду лилась нестройная музыка.

Валентин думал, что представление состоится на площади, но нет: метаморфы в костюмах, похожих на одеяния жрецов, проводили жонглеров в совершенно другую часть города, на большую овальную площадку, уже окруженную сотнями, а то и тысячами ожидавших зрителей. Залзан Кавол и его братья тщательно осмотрели все вокруг, проверяя, нет ли ям или неровностей, которые могли бы помешать им в работе. Обычно в этом участвовал и Слит, но, как вдруг заметил Валентин, он исчез после репетиции. Неужели его терпение лопнуло и он решился на отчаянный поступок?

Валентин собрался было отправиться на поиски, но в это время появился слегка запыхавшийся Слит.

— Я был на площади,— шепнул он.— Клетки еще там, но большая часть стражников, видимо, сбежала на танцы. Я сумел перекинуться парой слов с пленником, прежде чем меня отогнали.

— И что?

— Он сказал, что в полночь его принесут в жертву фонтану — совсем как в моем сне. А завтра ночью точно так же поступят с нами.

— Неужели?!

— Клянусь именем Хозяйки! — воскликнул Слит. Его глаза сверлили Валентина.— Я пришел сюда, мой лорд, только по твоему приказу. Ты уверял, что никакого вреда нам не причинят.

— Твои опасения казались напрасными.

— А теперь?

— Я начинаю думать, что ты был прав,— ответил Валентин.— Но обещаю тебе: мы уйдем из Илиривойна живыми и невредимыми. После представления я поговорю с Залзаном Каволом, а потом посоветуюсь с Делиамбером.

— Мне хочется уехать отсюда как можно скорее.

— Метаморфы в этот вечер празднуют и пьют. Чем позже мы уедем, тем больше надежды, что они не заметят этого и вряд ли смогут догнать нас, даже если захотят. К тому же разве Залзан Кавол согласится отменить представление только из-за слухов об опасности? Мы выполним свою работу, а потом займемся другими делами. Что ты на это скажешь?

— Я в твоем распоряжении, мой лорд,— ответил Слит.

Глава 14

Представление получилось замечательным, и лучшим среди всех был Слит. Он показывал слепое жонглирование и делал это безупречно. Скандары перекидывались факелами, Карабелла работала на катающемся шаре, Валентин жонглировал, одновременно танцуя, прыгая и приседая. Сидевшие вокруг площадки метаморфы говорили мало, совсем не аплодировали, но смотрели с неослабевающим вниманием.

Выступать перед такой аудиторией было очень тяжело. Актеры чувствовали себя даже хуже, чем на репетиции, потому что теперь за ними наблюдали тысячи зрителей, а отдачи от них не было никакой. Они сидели, как статуи (так же, как и дети во время репетиции), не выказывая ни одобрения, ни осуждения.

Затем метаморфы вдруг стали воспроизводить действия жонглеров, но в странной, искаженной форме.

По двое, по трое они выходили вперед, вставали в центр круга всего в нескольких ярдах от жонглеров и быстро меняли формы: шестеро стали похожими на скандаров, один — на Карабеллу, один — на Слита, а еще один принял вид высокого золотоволосого Валентина. Эти превращения вовсе не были игрой. Валентин чувствовал таящуюся в них насмешку и явную угрозу. Бросив взгляд в сторону не принимавших участия в выступлении членов труппы, он заметил, что Делиамбер делает тревожные жесты щупальцами, Виноркис хмурится, а Лизамон переступает с ноги на ногу, как бы готовясь к бою.

Залзан Кавол тоже выглядел расстроенным.

— Продолжайте,— бросил он отрывисто.— Мы здесь для того, чтобы выступать для них.

— По-моему,— сказал Валентин,— мы здесь для того, чтобы развлекать их, но не обязательно представлением.

— Не важно. Мы артисты и будем продолжать.

Он дал сигнал и начал с братьями головокружительный обмен множеством острых и опасных предметов. Слит, помедлив, схватил несколько дубинок и стал бросать их каскадом. Карабелла последовала его примеру. Руки Валентина похолодели и явно отказывались работать.

Девять метаморфов неподалеку от них тоже начали жонглировать.

Метаморфы делали все словно как во сне, без малой толики настоящего искусства или ловкости — это была насмешливая пародия, не более. Они держали в руках черные плоды с толстой скорлупой, куски дерева и другие обычные предметы и перебрасывали их из руки в руку, по-детски передразнивая жонглеров, все время роняя предметы даже в этих простых движениях, и быстро наклонялись, чтобы поднять их. Это представление заинтересовало зрителей куда больше, чем все, что показывали настоящие жонглеры. Теперь зрители гудели (может, это были их аплодисменты?), ритмично покачивались и хлопали руками по коленям, а некоторые беспорядочно трансформировались, странным образом чередуя формы то человека, то хьорта, то сусухириса, то жонглеров. В одном месте Валентин увидел сразу шесть или семь грубых копий самого себя.

Выступать в таком ужасном окружении стало невозможно, но жонглеры угрюмо работали еще несколько минут, ошибаясь, роняя дубинки, нарушая давно отлаженные комбинации. Гудение метаморфов становилось все сильнее.

— Ой, смотрите! Смотрите! — вдруг закричала Карабелла.

Она указала на одного из псевдожонглеров, который изображал Валентина.

Валентин тоже взглянул на него и задохнулся от изумления.

Действие метаморфа не поддавалось никакому пониманию, ошеломляло и приводило в ужас. Он словно колебался между двумя формами. Одна воспроизводила Валентина-жонглера — высокого, широкоплечего, большерукого, золотоволосого молодого человека, а вторая была образом лорда Валентина, короналя.

Метаморфозы происходили почти мгновенно, как вспышки света. Какую-то секунду Валентин видел перед собой своего двойника, а в следующий миг — чернобородого короналя с жестким взглядом и властным лицом, который тут же исчезал, снова сменяясь простым жонглером. Гудение толпы стало еще громче: метаморфы одобряли шоу. Валентин... лорд Валентин... Валентин... лорд Валентин...

Глядя на это, Валентин чувствовал, что спина его леденеет, волосы шевелятся, колени дрожат. В смысле этой странной пантомимы нельзя было ошибиться. Если Валентин хотел получить подтверждение всему тому, что прошло через его разум за последнее время, начиная с Пидруида, то теперь он его получил здесь, в этом лесном городе, среди первобытного народа.

Он смотрел в собственное лицо.

Он смотрел в лицо короналя.

Остальные восемь «жонглеров» корчились в каком-то ужасном танце — высоко задирая ноги, размахивая фальшивыми скандарскими руками и хлопая себя по бедрам. Волосы лже-Слита и лже-Карабеллы развевались на ночном ветру, и только фигура лже-Валентина оставалась неподвижной, хотя лицо непрерывно изменялось. Наконец все это закончилось: девять метаморфов стояли в центре круга, протягивая руки к публике, которая вскочила на ноги и принялась изображать тот же дикий танец.

Представление завершилось. Метаморфы, продолжая танцевать, уходили в ночь, к ларькам и развлечениям своего фестиваля.

Ошеломленный Валентин медленно повернулся и увидел застывшие лица своих товарищей. Челюсть Залзана Кавола отвисла, руки вяло болтались. Его братья сгрудились за ним в безмерном ужасе. Слит был страшно бледен, лицо Карабеллы, наоборот, пылало лихорадочным румянцем. Валентин протянул к ним руки. Залзан растерянно подался вперед, но остановился в нескольких футах от Валентина. Он моргал, облизывая губы, и ему, казалось, трудно было заставить себя заговорить.

Наконец слабым, не своим голосом он произнес:

— Мой лорд...

Он и его братья неуверенно и неловко опустились на колени. Залзан Кавол трясущимися руками изобразил знак Горящей Звезды, его братья сделали то же. Слит, Карабелла, Виноркис, Делиамбер тоже встали на колени. Испуганный Шанамир, застыв от изумления и разинув рот, смотрел на Валентина, а затем медленно склонился к земле.

— Вы что, спятили все? — закричала Лизамон.

— На колени! — хрипло приказал Слит.— Ты видела это, женщина! Он — корональ. На колени!

— Корональ? — смущенно пробормотала она.

Валентин протянул к ним руки успокаивающим и благословляющим жестом. Они боялись его, и то, что сейчас произошло, вселяло в них ужас.

Он и сам испугался, но страх быстро прошел, сменившись силой, убежденностью, уверенностью. Само небо, казалось, крикнуло ему: «Ты — лорд Валентин, который был короналем на Замковой горе, и ты вернешься в Замок, если будешь сражаться за это». Даже здесь, в этой дождливой, далекой охотничьей стране, в ее обветшалом древнем городе, еще потный после жонглирования Валентин, одетый в простой грубый наряд, чувствовал себя тем, кем когда-то был. Хотя он еще не осознал, что же с ним произошло, реальность полученных во сне посланий больше не вызывала сомнений. Принимая знаки почтения от своих прежних товарищей, он уже не чувствовал ни вины, ни стыда.

— Встаньте,— произнес он мягко.— Все встаньте. Нам надо уезжать отсюда. Шанамир! Запрягай животных. Залзан Кавол! Готовь фургон.— Сейчас его наполняла сила его прежнего имперского положения.— Всем вооружиться! Энергометами — тем, кто умеет с ними обращаться, остальным — жонглерскими ножами. Присмотри за этим, Слит.

Залзан Кавол с трудом выговорил:

— Мой лорд, мне кажется, я сплю. Подумать только, все это время я путешествовал с... Подумать только, я грубо разговаривал... я ссорился с...

— Потом,— прервал его Валентин,— Сейчас нет времени обсуждать это.— Он повернулся к Лизамон, которая разговаривала сама с собой: шевелила губами, жестикулировала, что-то себе объясняла и обсуждала эти невероятные события. Спокойным и в то же время исполненным силы голосом Валентин обратился к великанше: — Ты нанималась только привести нас в Илириворйн. Мне понадобится твоя сила, когда мы убежим. Ты останешься с нами до Ни-мойи и дальше?

— Они сделали тебе знак Горящей Звезды...— забормотала она.— Они все встали на колени, а метаморфы... Они...

— Когда-то я был лордом Валентином из Горного замка. Поверь, это действительно так. Королевство попало в злые руки.

Останься рядом со мной, Лизамон. Я отправляюсь на восток, чтобы восстановить справедливость.

Прижав громадную ладонь ко рту, великанша ошеломленно смотрела на Валентина, а затем начала сгибаться в почтительном поклоне. Однако он покачал головой, взял ее за локоть и не дал встать на колени.

— Нет-нет. Не нужно сейчас этого. Пора убираться отсюда!

Собрав свой инвентарь, жонглеры поспешили на другой конец города к фургону. Шанамир и Карабелла ушли раньше и теперь были уже далеко. Скандары двигались одной шеренгой, и земля под ними дрожала. Валентин ни разу не видел, чтобы они ходили так быстро. Им со Слитом приходилось буквально бежать за ними. Кривоногий и медлительный Виноркис изо всех сил старался не отставать. Позади всех шагала Лизамон Халтин. Она подхватила Делиамбера и несла его на сгибе левой руки, в правой держа обнаженный вибромеч.

Приближаясь к фургону, Слит спросил Валентина:

— Мы освободим пленника?

— Да.

Валентин поманил к себе Лизамон. Она опустила Делиамбера на землю и пошла за Валентином. Под предводительством Слита они побежали к площади. К облегчению Валентина, там практически никого не было, кроме горстки стражников, стоявших на посту. Двенадцать клеток все еще оставались на месте, поставленные в три яруса, на самом верху — клетка с синекожим. Не дав стражникам опомниться, Лизамон схватила сразу двоих и швырнула чуть ли не на середину площади.

— Не отнимай жизнь,— предупредил ее Валентин.

Слит с ловкостью обезьяны взобрался наверх и начал резать толстые прутья, удерживавшие дверь клетки. Валентин натягивал прут, а Слит пилил его ножом. Через минуту лопнули последние волокна, и Валентин открыл дверь.

Разминая затекшие ноги, чужак выбрался на волю и вопросительно взглянул на своих освободителей.

— Пойдем с нами,— позвал Валентин.— Наш фургон недалеко, за площадью. Ты понимаешь?

— Понимаю,— кивнув головой отозвался чужак. Голос его был глубоким, звучным, с резким щелканьем при каждом слове. Не говоря больше ни слова, он спрыгнул на землю, где Ли-

замон уже разобралась с метаморфскими стражниками и аккуратно укладывала их рядком.

Повинуясь порыву, Валентин разрезал перевязи на ближайшей к нему клетке лесных братьев. Маленькие ручки потянулись между прутьями решетки, вытащили запор, и лесные братья высыпали наружу.

Валентин перешел к следующей клетке. Слит уже спустился вниз.

— Минутку,— окликнул его Валентин.— Работа еще не закончена.

Слит вытащил свой нож и принялся за дело. Через минуту-другую все клетки были открыты, и десятки лесных братьев скрылись в ночи.

На пути к фургону Слит спросил:

— Зачем ты это сделал?

— А почему бы и нет? — ответил Валентин.— Они тоже хотят жить.

Шанамир и скандары подготовили фургон, животные были запряжены, роторы крутились. Последней пришла Лизамон. Она захлопнула за собой дверь, что-то крикнула Залзану Каволу, и они тронулись.

И как раз вовремя: появились метаморфы и с криками бросились вдогонку, жестикулируя на ходу. Залзан Кавол прибавил скорости. Преследователи постепенно отстали и, когда фургон въехал в темные заросли, скрылись из виду.

Слит беспокойно оглядывался.

— Как вы думаете, они все еще преследуют нас?

— Не догонят,— заверила его Лизамон.— Они передвигаются только пешком. Мы в безопасности.

— Ты уверена? — спросил Слит.— А если они пройдут какой-нибудь боковой тропой и перехватят нас?

— Не тревожься заранее,— вмешалась в разговор Карабелла.— Мы едем достаточно быстро.— Она вздрогнула.— И, надеюсь, мы еще очень не скоро вновь увидим Илиривойн!

Все замолчали. Фургон несся вперед.

Валентин сидел чуть поодаль от остальных. Это было неизбежно, но огорчало его, потому что он все еще ощущал себя больше Валентином, чем лордом Валентином, и ему было странно и неприятно ставить себя выше друзей. Но ничего не поделаешь.

Карабелла и Слит, узнавшие о нем правду во сне, согласились хранить тайну. Делиамбер, знавший все раньше самого Валентина, никогда даже не показывал вида, но остальных, быть может и подозревавших, что Валентин не просто странник, ошеломило открытое признание его ранга в гротескном выступлении метаморфов. Они смотрели на него молча, застыв в неестественных позах, как бы боясь шевельнуться в присутствии короналя. Никто не знал, как полагается вести себя перед лицом правителя Маджипура. Нельзя же все время делать перед ним знак Горящей Звезды! Валентину этот жест вообще казался абсурдным: растопыренные пальцы, и только. Его растущее чувство собственной значимости, судя по всему, отнюдь не породило в нем чрезмерного самомнения.

Чужак назвал себя Кхуном с Кианимота, относительно близкой к Маджипуру звезды. Он был сумрачен и задумчив, а в глубине его души кипели гнев и отчаяние, что, по мнению Валентина, выражалось, в форме его рта, тоне голоса и главным образом в пристальном взгляде необычных пурпурных глаз. Конечно, он, Валентин, судил об этом чуждом существе со своей человеческой точки зрения, и, вполне возможно, жители Кианимота считали Кхуна веселым и приятным. Но что-то заставляло Валентина сомневаться в этом.

Кхун прибыл на Маджипур два года назад по делу, суть которого не объяснил. Это была, как он с горечью сказал, величайшая ошибка в его жизни, потому что он растратил на маджипурские развлечения все свои деньги и по глупости отправился на Зимроэль, не зная, что на этом континенте нет космопорта, откуда он мог бы вернуться на родную планету. Еще большую глупость он совершил, зайдя на территорию метаморфов. Здесь он предполагал поправить свои денежные дела какой-нибудь торговлей, а метаморфы схватили его, посадили в клетку и держали в ней много недель, чтобы в главную ночь фестиваля принести в жертву фонтану.

— Может, оно бы и к лучшему,— вздохнул он.— Один быстрый удар воды — и всем моим странствиям конец. Я устал от Маджипура. Если мне суждено умереть здесь, я предпочел бы сделать это поскорее.

— Прости, что мы освободили тебя,— ядовито произнесла Карабелла.

— Нет, я не хочу быть неблагодарным, только...— Кхун помолчал.— Мне тяжело здесь, и на Кианимоте тоже. Есть ли во Вселенной место, где жизнь не означает страдание?

— А чем плоха жизнь? — спросила Карабелла.— Мы находим ее вполне терпимой. Даже самая плохая и то лучше, чем смерть.— Она засмеялась.— Ты всегда такой угрюмый?

Чужак пожал плечами:

— Если ты счастлива, я рад и могу только позавидовать. Я считаю существование тяжким и жизнь бессмысленной. Но это слишком мрачные мысли для того, кто только что обрел свободу. Я благодарен вам за помощь. Кто вы, как попали в Пиурифэйн и куда теперь едете?

— Мы жонглеры,— ответил Валентин и бросил многозначительный взгляд на остальных.— Мы приехали в эту провинцию, думая, что сможем здесь заработать. Если нам удастся удрать отсюда, мы отправимся в Ни-мойю, а потом вниз по реке — в Пилиплок.

— А оттуда?

Валентин сделал неопределенный жест.

— Кое-кто из нас хочет совершить паломничество на Остров Сна. Ты знаешь о нем? Куда хотят ехать другие — не могу сказать.

— Мне надо добраться до Алханроэля,— сказал Кхун.— Это моя единственная надежда вернуться домой, поскольку с этого континента попасть туда невозможно. Может быть, из Пилиплока я сумею как-то перебраться через море. Можно мне поехать с вами?

— Конечно.

— Но у меня нет денег.

— Понятно,— кивнул Валентин.— Но это неважно.

Фургон быстро ехал во тьме. Никто не спал, разве что иногда ненадолго задремывал. Снова пошел дождь. В гуще леса опасности могли подстерегать со всех сторон, но, как ни странно, невозможность увидеть что-либо в темноте, наоборот, действовала успокаивающе. Фургон продолжал двигаться беспрепятственно.

По прошествии примерно часа пути Валентин увидел перед собой дрожащего с ног до головы Виноркиса.

— Мой лорд,— дыша, как пойманная рыба, прошептал он.

Валентин кивнул хьорту.

— Да ты весь дрожишь, Виноркис.

— Мой лорд, могу ли я сказать... я должен сделать страшное признание...

Слит открыл глаза и сурово посмотрел на Виноркиса. Валентин сделал Слиту знак молчать.

— Мой лорд,— повторил Виноркис, замолчал и начал снова: — Мой лорд, в Пидруиде ко мне подошел человек и сказал: «В такой-то гостинице есть высокий блондин, иностранец, и мы считаем, что он совершил страшные преступления». Этот человек предложил мне целый кошелек крон, чтобы я держался поближе к светловолосому иностранцу, куда бы тот ни пошел, и сообщал о его действиях имперским службам каждые несколько дней.

— Шпион? — рявкнул Слит и схватился за кинжал на бедре.

— Кто этот человек, который нанял тебя? — спокойно спросил Валентин.

Хьорт покачал головой.

— Судя по одежде, кто-то из службы короналя. Имени его я не знаю.

— И ты делал это? — поинтересовался Валентин.

— Да, мой лорд,— глядя в пол, прошептал Виноркис.— В каждом городе. Прошло какое-то время, и я уже начал сомневаться, что ты, как мне сказали, преступник, потому что ты вежливый, ласковый, у тебя добрая душа, но я взял их деньги, и за каждый рапорт мне давали еще...

— Позволь мне убить его на месте! — вскричал Слит.

— Нет,— возразил Валентин,— ни сейчас, ни позже.

— Он опасен, мой лорд.

— Нет, теперь уже не опасен.

— Я никогда не доверял ему,— добавил Слит,— и Карабелла, и Делиамбер. Не потому, что он хьорт. Он вечно хитрил, делал какие-то намеки, следил за всеми, задавал множество вопросов, все время что-то вынюхивал.

— Умоляю вас простить меня,— взмолился Виноркис.— Я же не знал, кого предаю, мой лорд.

— Ты веришь ему? — спросил Слит.

— Да,— ответил Валентин.— Почему бы и нет? Он не знал, кто я. Впрочем, я и сам не знал этого. Ему велели следить за блондином и сообщать обо всем правительству. Что плохого он сделал? Он думал, что служит короналю. За его лояльность нельзя платить кинжалом, Слит.

— Мой лорд, ты иной раз бываешь чересчур наивным,— не успокаивался Слит.

— Наверное, да, но не сейчас. Мы много выиграем, простив его, и ничего не выиграем, убив.

Валентин обернулся к хьорту:

— Я прощаю тебя, Виноркис. Прошу только, чтобы ты был так же предан истинному короналю, как был предан фальшивому.

— Клянусь, мой лорд.

— Хорошо. Теперь иди спать и не бойся.

Виноркис сделал знак Горящей Звезды, попятился и сел в средней части кабины рядом с двумя скандарами.

— Все-таки это неразумно, мой лорд. А если он не прекратит шпионить за тобой? — волновался Слит.

— Кому доносить в этой глуши?

— А когда мы выйдем отсюда?

— Я думаю, ему следует поверить,— сказал Валентин.— Хотя понимаю, что это признание могло быть двойной хитростью, усыпляющей любые наши подозрения. Я не так наивен, как ты думаешь, Слит. Поручаю тебе приглядывать за ним, когда мы снова попадем в цивилизованные места. Но думаю, ты сам поймешь, что он раскаялся искренне. Я сделаю его полезным для нас.

— Как, мой лорд?

— Шпион может привести нас к другим шпионам. Пусть Виноркис поддерживает контакты с имперскими агентами.

Слит широко улыбнулся и подмигнул.

— Я понял тебя, мой лорд.

Валентин улыбнулся в ответ, и они замолчали.

Валентин думал, что ужас и раскаяние Виноркиса были искренними и помогли многое узнать. Ведь если кораль платит большие деньги за слежку за каким-то бродягой от Пидруида до Илиривойна, так ли незначителен этот бродяга? Но самое главное, исповедь Виноркиса подтверждает все, что Валентин узнал о себе. Вполне понятно, что, если для пересадки его из одного тела в другое использовали новые и недостаточно проверенные методы, заговорщики не знали, насколько постоянным будет опустошение мозга, и вряд ли рискнули бы позволить короналю бродить по стране без присмотра. Значит, рядом постоянно находился шпион, и, вероятно, не один. А если до узурпатора дойдут сведения, что к Валентину возвращается память, тот начнет немедленно действовать. Интересно бы знать, насколько тщательно имперские силы выслеживают его, и где именно на его пути в Алханроэль они вмешаются.

За окнами фургона стоял ночной мрак. Делиамбер и Лизамон все время обсуждали маршрут с Зализаном Каволом. Второе большое поселение метаморфов, Авендройн, находилось где-то к юго-востоку от Илиривойна в ущелье между двумя большими горами, и дорога, по которой они ехали, похоже, вела туда. Конечно, вряд ли было разумно лезть в другой метаморфский город. Туда наверняка уже дошел слух об освобождении пленников и бегстве жонглеров. Еще опаснее было ехать назад, к Пиурифэйнскому фонтану.

Валентин не спал, сотни раз возобновляя в памяти пантомиму метаморфов. Она походила на сон, но не была им. Валентин стоял достаточно близко, чтобы дотронуться до своего двойника, и отчетливо видел мгновенную смену лица. Метаморфы знали истину лучше, чем он сам. А что, если они, как и Делиамбер, способны читать в душах? Какие чувства они испытывали, зная, что к ним пожаловал свергнутый кораль? Конечно, не страх и благоговение. Коронали для них ничего не значили и были всего лишь символом их поражения тысячи лет назад. Наверное, им было даже смешно, что наследник лорда Стиамота бросает дубинки на их фестивале и забавляет их всякими трюками. Кораль не в роскошном Горном замке, а в их собственном грязном лесном поселке! «Как странно,— думал Валентин.— Как похоже на сон».

Глава 15

К утру показались громадные пологие горы с широким перевалом между ними. Авендройн, видимо, был недалеко. Зализан Кавол с уважением, какого никогда не выказывал раньше, подошел посоветоваться с Валентином: остаться ли в лесу на весь день, а ночью попытаться миновать Авендройн или рискнуть пройти днем?

Валентин не привык к лидерству. Он задумался, пытаясь выглядеть дальновидным и рассудительным:

— Если мы поедем днем, то нас непременно заметят. Если же мы будем отсиживаться тут и потеряем целый день, у них будет время подготовиться к нападению.

— Ночью,— вмешался Слит,— в Илиривойне снова фестиваль, и здесь, наверное, тоже. Пока они развлекаются, мы можем проскользнуть мимо них, а днем у нас не будет такой возможности.

— Я согласна,— сказала Лизамон.

Валентин окинул взглядом всех.

— Карабелла?

— Если мы будем ждать, то позволим метаморфам захватить нас. Я за то, чтобы ехать сейчас.

— Делиамбер?

Вруун деликатно сложил вместе кончики щупалец.

— Ехать. Вокруг Авендройна и назад, к Верфу. Там, конечно, есть вторая дорога из Авендройна к фонтану.

— Да,— кивнул Валентин.— Я согласен с Карабеллой и Делиамбером. А как ты?

Залзан Кавол нахмурился.

— Я бы сказал, пусть колдун сделает так, чтобы наш фургон полетел и к ночи доставил нас в Ни-мойю. В противном случае я за то, чтобы продолжать путь без промедления.

— Да будет так,— произнес Валентин, словно это было его единоличным решением.— Когда дойдем до Авендройна, пошлем разведчиков на поиски обходной дороги.

Они тронулись в путь. Дождь на некоторое время прекратился, а когда пошел снова, то превратился сразу в тропический ливень. Тяжелые капли со злобной силой стучали по крыше фургона. Но Валентина это даже радовало. Может, метаморфы укроются от дождя в домах и не заметят их.

Наконец показались окраины поселения — разбросанные там и сям плетеные хижины. Дорога часто разветвлялась. Каждый раз Делиамберу приходилось угадывать, куда свернуть, и в конце концов они поняли, что уже приблизились к Авендройну. Лизамон и Слит отправились на разведку и через час вернулись с хорошими вестями: одна из двух дорог ведет прямо к центру Авендройна, где полным ходом идут приготовления к фестивалю, а другая уходит на север, огибает весь город и идет через какое-то подобие фермерского округа на дальние склоны гор.

Выбрав северную дорогу, путешественники довольно легко миновали Авендройн.

Ближе к вечеру они преодолели перевал и въехали на широкую, густо заросшую лесом, темную, побитую дождем равнину, которая ограничивала территорию метаморфов с востока. Залзан Кавол гнал фургон вперед, останавливаясь лишь по настойчивому требованию Шанамира, утверждавшего, что животным абсолютно необходимы отдых и корм. Хоть они и были искусственно выведены и практически не уставали, все же они были живыми существами и хотя бы иногда нуждались в передышке. Скандар соглашался неохотно. Им, казалось, овладела навязчивая идея поскорее оказаться как можно дальше от Пиурифэйна.

Беда пришла внезапно — в сумерках, когда они ехали под дождем по неровной, ухабистой дороге.

Валентин вместе с Делиамбером и Карабеллой сидел в средней части фургона, Хейтраг Кавол и Гибор Хаэрн правили, а остальные спали. Впереди раздались грохот и треск, и фургон резко остановился.

— Дерево упало,— крикнул Хейтраг.— Дорога перегорожена.

Залзан Кавол пробормотал проклятие и тычком разбудил Лизамон. Валентин ничего не видел впереди, кроме зелени. Крона какого-то лесного гиганта полностью перекрыла дорогу. На ее расчистку теперь потребуется много часов, а то и дней. Скандары с энергометами на плечах вышли проверить. Валентин пошел за ними. Быстро темнело. Дул порывистый ветер, и струи дождя почти горизонтально неслись им в лицо.

— Примемся за работу,— проворчал Залзан Кавол, с досадой покачивая головой.— Телкар, начинай рубить отсюда. Роворн, руби большие боковые ветви. Ерфон...

— Можно сделать быстрее,— посоветовал Валентин.— Вернемся и поищем другое ответвление дороги.

Идея удивила Залзана Кавола, словно скандар в жизни не додумался бы до такого решения. Он помялся.

— Да,— признал он наконец,— это имеет смысл. Если мы...

Второе дерево, еще больше первого, упало на землю в сотне ярдов позади них. Фургон оказался в западне. Валентин первый сообразил, что сейчас случится.

— Все в фургон! Засада! — крикнул он и бросился к открытой двери.

Но было уже поздно. Из темноты леса выскочила толпа метаморфов и молча врезалась в них. Залзан Кавол испустил яростный вопль и открыл огонь из энергомета.

Два метаморфа упали, страшно обгоревшие. В то же время, приглушенно вскрикнув, рухнул Хейтраг Кавол: боевое копье пронзило его шею.

Телкар, пораженный в грудь, упал тоже.

Задняя часть фургона внезапно вспыхнула. Те, кто был внутри, поспешно выскочили. Впереди с поднятым вибромечом неслась Лизамон. На Валентина напал метаморф с его лицом. Валентин пинком отшвырнул метаморфа, повернулся и ударил другого единственным своим оружием — ножом. Как это было странно — нанести рану! Он с какой-то жуткой зачарованностью смотрел, как льется бронзового оттенка жидкость.

Метаморф-Валентин напал снова, нацелившись когтями в глаза Валентина. Валентин увернулся, изогнулся и ударил. Лезвие вошло глубоко, и метаморф качнулся назад, хватаясь за грудь. Валентина пробрала дрожь, но это длилось только миг — и он тут же повернулся к следующему метаморфу.

Сражаться и убивать было для него новым делом, и он выполнял его, скрепя сердце. Но проявление слабости сейчас означало мгновенную смерть. Он бил и резал, бил и резал.

— Как ты? — раздался позади голос Карабеллы.

— Держусь пока,— буркнул он.

Залзан Кавол увидел свой великолепный фургон в огне, зарычал, схватил поперек тела одного из метаморфов и швырнул в пламя. На него бросились еще двое, но другой скандар схватил их и двумя парами рук сломал, как прутья. В яростной схватке Валентин мельком увидел Карабеллу, боровшуюся с метаморфом. Сильными тренированными руками она прижала врага к земле. Неподалеку от нее с дикой яростью и каким-то радостным наслаждением бил метаморфа сапогами Слит. Фургон был охвачен пламенем! Лес был полон метаморфов, ночь быстро надвигалась, грохотал дождь... А фургон все горел!

Когда жар усилился, центр битвы переместился с обочины дороги к лесу, и обстановка тут же усложнилась, ибо в темноте трудно было отличить друзей от врагов. Метаморфские хитрости усугубляли положение, хотя, к счастью, в ярости сражения они не могли долго удерживать измененную форму, и те, кто казался Шанамиром, Слитом или Залзаном Каволом, быстро возвращались к своему природному виду.

Валентин сражался отчаянно. Он был мокрым от собственного пота и крови метаморфов. Сердце стучало как бешеное.

Задыхаясь и пыхтя, не останавливаясь ни на миг, он пробивался сквозь гущу врагов с азартом, удивлявшим его самого. Удар ножом... еще удар... еще...

Метаморфы имели лишь простейшее оружие, и, хотя их было очень много, вскоре их численность стала уменьшаться. Лизамон своим вибромечом производила страшные опустошения. Она держала его обеими руками и рубила без разбору — будь то ветви деревьев или метаморфы. Уцелевшие скандары, посылая вокруг энергозаряды, сожгли с полдюжины деревьев и усыпали землю трупами врагов. Слит калечил и убивал, как бы мстя за всю ту боль, которую, как он думал, причинили ему метаморфы. Кхун и Виноркис тоже яростно сражались.

Битва закончилась так же внезапно, как и началась.

При свете пожарища Валентин повсюду видел мертвых метаморфов. Между ними лежали два убитых скандара. На бедре Лизамон кровоточила неглубокая рана. Слит потерял половину своего камзола и заработал несколько мелких порезов. У Шанамира были царапины на щеке. Валентин тоже получил незначительные царапины и ссадины, и руки его болели от усталости, но серьезных повреждений не было. А где же Делиамбер? Колдун пропал.

Встревоженный Валентин повернулся к Карабелле.

— Вруун не остался в фургоне?

— По-моему, мы все выскочили, когда он загорелся.

Валентин нахмурился. В лесной тишине слышались только шипение и треск пожарища и насмешливо-спокойный шум дождя.

— Делиамбер! — закричал Валентин.— Делиамбер, где ты?

— Я здесь,— ответил высокий голос сверху.

Валентин поднял голову и футах в пятнадцати над землей увидел крепко уцепившегося за сук колдуна.

— Я, к сожалению, никак не мог повлиять на ход сражения,— вежливо объяснил Делиамбер.

Он раскачался и упал прямо в руки Лизамон.

— Что нам теперь делать? — спросила Карабелла.

Валентин понял, что она обращается к нему. Стоявший на коленях возле мертвых братьев Залзан Кавол, был так потрясен их гибелью и потерей своего драгоценного фургона, что не видел и не слышал ничего вокруг и, уж конечно, не мог руководить труппой.

Валентину пришлось взять инициативу в свои руки.

— У нас нет выбора, надо пробиваться через лес. Если мы пойдем по главной дороге, то опять столкнемся с метаморфами. Шанамир, что с животными?

— Они мертвы.— Мальчик всхлипнул.— Все до единого. Метаморфы...

— Значит, пешком. В долгое путешествие под дождем. Делиамбер, как ты думаешь, далеко ли до реки Стейч?

— По-моему, несколько дней пути. Но мы не знаем точного направления.

— Пойдем по склону,— предложил Слит.— Реки не могут течь в гору. Направимся на восток, и нам обязательно повезет.

— Если на нашем пути не встанут горы,— заметил Делиамбер.

— Мы найдем реку,— твердо сказал Валентин.— Стейч впадает в Зимр у Ни-мойи, правильно?

— Да,— согласился Делиамбер,— но течение у нее бурное.

— Придется рискнуть. Лучше всего, я думаю, построить плот. Пошли. Если мы задержимся здесь, на нас снова нападут.

Из фургона ничего не удалось спасти — ни одежду, ни еду, ни жонглерский инвентарь. Пропало все, кроме того, что было при них, когда они выскочили навстречу засаде. Для Валентина это была небольшая потеря, но для других, особенно для скандаров — бедствие. Фургон долгое время служил им домом.

Труднее всего оказалось увести от этого места Залзана Кавола. Он как бы застыл, не в силах покинуть тела братьев и остатки фургона. Валентин ласково уговаривал его встать, объясняя, что несколько метаморфов могли удрать и скоро вернутся с подкреплением, а потому оставаться здесь опасно. Они быстро вырыли в мягкой почве неглубокие могилы и похоронили Телкара и Хейтрага, а затем в сгустившейся тьме, под непрерывным дождем пошли в восточном, как они надеялись, направлении.

Так они шли больше часа, пока не стало так темно, что ничего нельзя было разглядеть. Пришлось остановиться и, тесно прижавшись друг к другу, отдыхать до восхода солнца. С первыми лучами они встали, озябшие и не отдохнувшие, и побрели дальше через лес. Дождь наконец прекратился. Лес поредел, и идти стало немного легче, но иногда встречались быстрые ручьи, которые приходилось переходить, соблюдая крайнюю осторожность. В одном из таких ручьев Карабелла оступилась и упала. К счастью, ее успела выловить Лизамон Халтин. В другом

Шанамира понесло течением, но Кхун сумел подхватить мальчика. Около полудня путники остановились на час-два, поели корней и ягод, а затем двигались вперед до самой темноты.

Так прошли еще два дня.

На третий они нашли рощу двикка-деревьев — восемь толстых гигантов с висевшими на них громадными плодами.

— Еда! — завопил Залзан Кавол.

— Священная для лесных братьев,— напомнила Лизамон.— Будь осторожен!

Изголодавшийся скандар тем не менее уже собирался свалить своим энергометом один из громадных плодов, но Валентин резко остановил его:

— Нет! Я запрещаю!

Залзан Кавол недоверчиво уставился на него. На миг взыграла его старая привычка командовать, и он взглянул так свирепо, словно собирался ударить Валентина... Однако сумел взять себя в руки.

— Смотри,— сказал Валентин.

Из-за каждого дерева показались лесные братья, вооруженные духовыми трубками.

Валентин так устал, что, увидев, как обезьяноподобные существа окружают их, даже обрадовался скорой неминуемой смерти. Но слабость мгновенно прошла. Он снова воспрянул духом и обратился к Лизамон:

— Спроси их, не могут ли они дать нам еды и проводить нас. Если они потребуют платы, я думаю, мы можем жонглировать для них камешками или кусочками плода.

Женщина-воин, вдвое выше лесных братьев, подошла к ним и долгое время разговаривала. Вернулась она с улыбкой.

— Они знают, что мы освободили их братьев в Илиривойне.

— Значит, мы спасены! — вскричал Шанамир.

— Быстро же распространяются новости в этом лесу! — удивился Валентин.

— Мы их гости,— продолжала Лизамон.— Они накормят нас и проводят.

В эту ночь путники досыта наелись двикка-плодами и другими лесными деликатесами и впервые после битвы искренне веселились. Лесные братья исполнили для гостей что-то вроде танца с обезьяньими прыжками, а Слит, Карабелла и Валентин жонг-

лировали, используя те предметы, которые удалось отыскать в лесу.

Потом Валентин крепко и спокойно заснул. Ему снилось, что он умеет летать и парит над вершиной Замковой горы.

Утром отряд лесных братьев повел своих гостей в трехчасовое путешествие к реке Стейч и там распрощался с ними щебечущими криками.

Река выглядела угрюмой. Широкая, хоть и не такая, как могучий Зимр, она бежала на север так стремительно и энергично, что во многих местах разрушала собственное каменное ложе. В нескольких местах над водой устрашающе вздымались камни, а вдали виднелись пороги.

Сооружение плотов заняло полтора дня. Путешественники рубили молодые деревья, которые росли на берегу, обтесывали их ножами и острыми камнями, связывали лианами. Плоты получились неказистые, но прочные. Их было три: один для четырех скандаров, другой для Кхуна, Виноркиса, Лизамон и Слита, а третий заняли Валентин, Шанамир, Делиамбер и Карабелла.

— Мы можем потерять друг друга из виду, когда поплывем вниз по реке,— сказал Слит.— Давайте договоримся, где нам встретиться в Ни-мойе.

— Стейч и Зимр,— ответил Делиамбер,— сходятся в месте, которое называется Ниссиморн. Там есть широкая песчаная отмель. Давайте встретимся на отмели Ниссиморн.

— Ладно,— согласился Валентин.

Он обрезал лиану, удерживавшую плот у берега, и они понеслись по реке.

Первый день прошел без приключений. Плоты благополучно миновали встречавшиеся на пути невысокие пороги. Карабелла ловко управляла плотом и умело обходила случайные каменные выступы.

Через некоторое время плоты стали отдаляться друг от друга. Тот, на котором плыл Валентин, попал в быстрину и обогнал два других. Утром Валентин поджидал своих спутников, но они не появлялись, и он решил плыть дальше по самому быстрому участку, где время от времени на порогах возникали белые гребни.

К концу второго дня плавание стало труднее. По мере приближения к Зимру местность, похоже, шла под уклон, и река, следуя линии спуска, еще больше ускоряла свое течение. Валентин начал беспокоиться, нет ли впереди водопада. У них не было ни

карт, ни сведений об опасных местах — они мчались наугад. Оставалось лишь верить в удачу, в то, что эта бурная вода донесет их до Ни-мойи живыми.

А потом? На речном судне до Пилиплока... на корабле паломников на Остров Сна... а там всеми правдами и неправдами добиться встречи с Хозяйкой... А дальше что? Как человек может претендовать на трон короналя, если внешне он не имеет ничего общего с лордом Валентином, законным правителем? Как доказать обоснованность своих требований? Вряд ли такое возможно. Наверное, лучше остаться в лесу и управлять своим маленьким отрядом. Они достаточно легко приняли его за того, кем он себя считал, но в этом мире миллиарды жителей, обширная империя включает в себя гигантские города и простирается далеко за горизонт. Как он сможет убедить тех, кто не верит, что он, Валентин-жонглер, был...

Нет, это глупые мысли. Никогда с тех пор, как он появился возле Пидруида, лишенный памяти и прошлого, он не испытывал потребности править другими. Если он стал управлять этой маленькой группой, то больше по природному дару и упущению Залзана Кавола, чем по собственному желанию. Однако пусть мягко и неуверенно, но он правил. Так будет и когда он пойдет по всему Маджипуру. Он будет действовать осторожно и делать то, что покажется правильным и нужным. Возможно, Хозяйка Острова Сна станет направлять его, и если Божество того пожелает, в один прекрасный день он снова взойдет на Замковую гору.

Бояться нечего. Будущее должно ясно раскрыться перед ним, обозначив истинный путь, как это делалось начиная с Пидруида. И...

— Валентин!!! — закричала Карабелла.

Река как бы выпустила гигантские каменные зубы. Повсюду торчали камни и виднелись чудовищные пенные водовороты, а впереди — резкий спуск, где воды Стейч с ревом падали и по ступеням неслись в едва различимую внизу долину. Валентин схватился за шест, но тот оказался бесполезным: застрял между двумя камнями и вырвался из рук. Тут же послышался скрежет, плот ударился о камни, развернулся и рассыпался. Валентина швырнуло в холодный поток и понесло как щепку. Он схватил Карабеллу за руку, но течение тут же оторвало от него девушку, а его накрыло волной. Задыхаясь, Валентин старался поднять голо-

ву над водой. Когда это ему наконец удалось, он увидел, что течение отнесло его далеко вниз. Обломков плота нигде не было видно.

— Карабелла! — звал он.— Шанамир! Делиамбер! Э-э-э-й!

Он кричал до хрипоты, но грохот воды на порогах заглушал голос — он и сам себя почти не слышал. Страшное ощущение потери сковало мозг. Неужели пропали все его друзья: возлюбленная, хитрый маленький вруун, умный дерзкий мальчик Шанамир — всех в один миг взяла смерть? Нет! Не может быть! Потрясение было гораздо большим, чем в тот момент, когда ему открылось, что он — кораль, изгнанный из Замка. Тут дорогие ему существа из плоти и крови, а там — лишь титул и власть. Он звал и звал их, а река продолжала тащить его вниз.

— Карабелла! Шанамир!

Валентин цеплялся за камни, пытаясь остановиться, но его затянуло в середину порогов, о которые билось течение, выворачивая камни с речного дна. Измученный, полупарализованный скорбью, Валентин перестал бороться, и его понесло по гигантской речной лестнице, как игрушку. Он прижал колени к груди, а руками прикрывал голову, пытаясь таким образом защититься от нещадно избивавших его камней. Мощь реки потрясала. «Итак,— думал Валентин,— вот и закончились приключения Валентина с Маджипура, бывшего короналя, а затем странствующего жонглера. Его разнесут на куски равнодушные силы природы». Набрав в грудь побольше воздуха, он воззвал к милости Хозяйки Острова Сна, которую считал своей матерью, и кувырком покатился вниз, больно ударяясь обо что-то и каждый раз думая, что это конец. Но конец все не наступал, и он продолжал свой стремительный спуск... В какой-то момент получив сильнейший удар под ребра, от которого перехватило дыхание, он, видимо, на некоторое время потерял сознание, потому что больше не испытывал боли.

Затем он обнаружил, что лежит на усыпанной галькой отмели в спокойной части реки. Ему казалось, что его несколько часов трясли в гигантском стаканчике для игральных костей, а потом бросили куда попало, как что-то ненужное и бесполезное. Тело болело в тысяче мест, легкие были словно пропитаны водой, он дрожал и покрылся гусиной кожей. Валентин был один под безоблачным небом, на краю неведомой дикой местности,

вдали от цивилизации, а его друзья, возможно, навеки остались лежать среди камней.

Но он жив. Избитый, беспомощный, скорбящий, потерянный... И все-таки живой. Значит, это еще не конец. Медленно, с неимоверными усилиями Валентин поднялся с отмели и поплелся к берегу. Там он с трудом взобрался на широкую плоскую скалу, онемевшими пальцами снял с себя одежду и растянулся под теплым ласковым солнцем, пристально вглядываясь в воду в надежде увидеть плывущую Карабеллу или Шанамира с колдуном на плече. Никого. Но это не значит, что их нет в живых, уверял он себя. Их тоже могло где-то выбросить на берег. Надо остаться здесь на некоторое время, отдохнуть, а потом идти на поиски остальных. Если же он их не найдет, то отправится дальше один — к Ни-мойе, к Пилиплоку, к Острову Сна, вперед, к Замковой горе или куда там еще понадобится.

Вперед, вперед, вперед...

ЧАСТЬ 3

КНИГА ОСТРОВА СНА

Глава 1

Валентину казалось, что он уже целые месяцы, а может, и годы лежит голый на теплом плоском каменистом пляже, куда выбросила его своенравная река Стейч. Солнечные лучи ласкали его избитое тело, и он убеждал себя, что они подлечат его синяки, ушибы и ссадины, если он проведет здесь побольше времени. Грохот бушующей реки странным образом действовал на него успокаивающе. Он смутно сознавал, что надо бы встать, позаботиться о крове, начать поиски пропавших спутников, но у него едва хватило сил повернуться с одного бока на другой. Валентин понимал, что такое поведение недостойно короналя Маджипура. Так потакать своим слабостям простительно купцу, хозяину таверны или даже жонглеру, но не тому, кто претендует на управление страной, ибо на нем лежит высокая ответственность и он должен уметь держать себя в руках. «Сейчас ты встанешь, оденешься,— убеждал себя он,— и пойдешь вдоль берега на север, пока не разыщешь тех, кто в силах помочь тебе вернуть утраченное положение. Вот так. Вставай, Валентин!» Однако он не трогался с места. Кородаль он или нет, но он окончательно выбился из сил, пока летел кувырком через пороги. И сейчас, лежа здесь, он осознавал, как велик Маджипур. Он словно видел многие тысячи миль этой планеты, на которой не было тесно двадцати миллиардам жителей, планеты с громадными городами и удивительными парками, лесными заповедниками, священными районами и сельскохозяйственными территориями... И казалось, что, если он сумеет превозмочь себя и встанет, ему придется покрыть все это колоссальное расстояние пешком, шаг за шагом. Не проще ли остаться здесь?

Что-то легко, но настойчиво пощекотало его спину, однако он не обратил на это внимания.

— Валентин!

На отклик он тоже не отозвался.

Снова это щекочущее ощущение... И только тогда в отупевшем от усталости мозгу шевельнулась мысль, что кто-то зовет его. Значит, кто-то из потерявшихся спутников все-таки жив! Его захлестнула радость. Собрав остатки сил, Валентин поднял голову и увидел крошечную фигурку стоявшего перед ним Делиамбера. Вруунский колдун собирался коснуться его в третий раз.

— Ты жив? — вскричал Валентин.

— Очевидно, да. Ты, как я вижу, тоже.

— А Карабелла? Шанамир?

— Не знаю. Я их не видел.

— Этого я и боялся,— тупо пробормотал Валентин.

Он закрыл глаза, и на его вновь охватило отчаяние.

— Пойдем,— позвал Делиамбер.— Нам предстоит большое путешествие.

— Я знаю, потому и не хочу вставать.

— Ты ранен?

— Не думаю. Но мне необходим отдых, Делиамбер, я хочу отдыхать сто лет.

Щупальца колдуна пробежались по телу Валентина.

— Серьезных повреждений нет,— пробормотал вруун.— Ты практически здоров.

— Мне кажется, что у меня все переломано,— невнятно прошептал Валентин.— А как ты?

— Врууны хорошие пловцы, даже такие старики, как я. Я жив и здоров. Мы пойдем дальше, Валентин?

— Позднее.

— Вот, значит, как кородаль Маджипура...

— Нет,— возразил Валентин,— кородаль Маджипура не поплыл бы по порогам Стейч на связанном лианами плоту. Кородаль Маджипура не шлялся бы по диким местам много дней, не спал бы под дождем и не питался бы одними ягодами да орехами. Кородаль...

— Корональ Маджипура не позволил бы своим подданным видеть себя в столь плачевном состоянии,— резко оборвал его Делиамбер.— А один из подданных уже приближается.

Валентин заморгал и сел. К ним широкими шагами направлялась Лизамон Халтин. Ее одежда превратилась в лохмотья, гигантское тело во многих местах было покрыто синяками, но шагала она уверенно, и голос ее, когда она окликнула их, звучал, как всегда, громоподобно.

— Эй! Вы живы?

— Думаю, да,— ответил Валентин.— Ты видела кого-нибудь из наших?

— В полумиле отсюда Карабелла и мальчик.

Валентин воспрянул духом.

— С ними все в порядке?

— С ней, во всяком случае.

— А Шанамир?

— Он не хочет просыпаться. Она послала меня искать колдуна. Это оказалось проще, чем я предполагала. Фу, ну и река! Этот плот развалился так быстро, что прямо смех!

Валентин потянулся за своей одеждой. Она еще не высохла, и он снова бросил ее на камни.

— Мы сейчас же пойдем к Шанамиру. Ты ничего не знаешь о Кхуне, Слите и Виноркисе?

— Ничего. Я упала в воду, а когда выплыла, никого рядом не было.

— А скандары?

— Вообще никаких признаков. Колдун, как по-твоему, где мы?

— Далеко отовсюду,— ответил вруун.— Во всяком случае, от метаморфов мы спасены. Давай веди меня к мальчику.

Лизамон посадила Делиамбера на плечо и зашагала по берегу, а Валентин, перекинув все еще влажную одежду через руку, вяло заковылял сзади. Скоро они увидели Карабеллу и Шанамира, которые устроились в маленькой бухте с ослепительно белым песком среди толстых ярко-красных стеблей речного тростника. Карабелла, избитая и усталая, в одной кожаной юбке, похоже,чувствовала себя не так уж плохо. Шанамир же был без сознания, дышал слабо и медленно, и его кожа приобрела какой-то странный темный оттенок.

— О, Валентин! — вскрикнула Карабелла и бросилась к нему.— Я видела, как тебя закружил поток, а затем... Ох, я думала, никогда больше не увижу тебя!

Он прижал ее к себе.

— Я тоже так думал, любимая.

— Ты ранен?

— Ничего серьезного. А ты?

— Меня бросало, трясло и крутило, так что я даже имени своего не помнила. А потом я вдруг очутилась в спокойной воде и поплыла к берегу. Там и нашла Шанамира, только он не хотел просыпаться. Затем из-под тростника выползла Лизамон и сказала, что пойдет искать Делиамбера и... Он придет в себя, колдун?

— Сейчас,— сказал Делиамбер.

Он прикладывал кончики щупалец к груди и ко лбу мальчика, как бы передавая ему энергию. Шанамир пробурчал что-то и пошевелился, то открывая, то закрывая глаза. Потом начал что-то хрипло бормотать, но Делиамбер велел ему замолчать и лежать спокойно, чтобы восстановить силы.

О продолжении путешествия в этот день нечего было и думать. Валентин и Карабелла соорудили шалаш из тростника, Лизамон собрала скудный обед из фруктов и молодых побегов пининны. После обеда они молча сидели у реки, глядя на прекрасный закат, на переливы фиолетового и золотого цветов на огромном небосводе, на их оранжево-пурпурное отражение в темной воде; бледно-зеленые, светло-красные полутона сменились первыми тенями серого и черного оттенков, и быстро наступила ночь.

Утром они почувствовали, что в состоянии двинуться дальше. Глядя на Шанамира, нельзя было даже представить, что еще вчера он был так плох. Лечение Делиамбера и природное здоровье мальчика вернули ему жизненные силы.

Приведя, насколько это было возможно, в порядок свою порванную одежду, они пошли на север, сначала по берегу, а затем через примыкавший к реке лес. Воздух здесь был мягкий, а солнце, пробивавшееся сквозь кроны деревьев, согревало путников.

Прошло примерно два часа, и вдруг Валентин уловил запах жареной рыбы. Он поспешил туда, глотая слюну, готовый купить, выпросить, а при необходимости даже украсть хоть ку-

сочек, поскольку уже забыл, когда в последний раз нормально ел. Скатившись по откосу, он увидел костер и три фигуры возле него. Заслонив глаза от яркого солнца, Валентин разглядел мускулистого человека с бледной кожей и белыми волосами, синекожее существо и хьорта.

— Слит! — закричал Валентин.— Кхун! Виноркис!

Спотыкаясь и поскальзываясь, он бросился к ним. Они спокойно ждали, а когда он наконец подбежал к ним, Слит небрежно протянул ему прут с насаженным на него куском речной рыбы и любезно сказал:

— На, перекуси.

Валентин был изумлен.

— Как вы очутились столь далеко от нас? Как вы поймали эту рыбу? Как вы разожгли костер? Что вы...

— Рыба остынет,— перебил его Кхун.— Сначала ешь. Вопросы потом.

Валентин поспешно откусил, и ему показалось, что он никогда не ел ничего вкуснее: нежная сочная мякоть, прекрасно поджаренная, была, похоже, не менее изысканной, чем те блюда, которые подавались в Горном замке. Обернувшись, он крикнул своим спутникам, чтобы те поторопились. Но они уже бежали сюда — Шанамир, гикая и подскакивая на бегу, за ним — Карабелла, а следом топала Лизамон с Делиамбером на плече.

— Еды хватит на всех! — объявил Слит.

Они поймали по крайней мере дюжину рыб, которые теперь плескались в глубокой каменной выемке с водой. Кхун вытаскивал их и потрошил, Слит быстро жарил на костре и передавал друзьям, а те жадно ели.

Слит рассказал, что, когда плот развалился, они все вцепились в один обломок и ухитрились удержаться на нем, пока их несло по порогам и крутило в водопаде. Они смутно помнили, что видели отмель, куда выбросило Валентина, но самого его там не заметили, пронеслись по реке еще несколько миль, пока наконец смогли оставить обломок плота и подплыть к берегу. Слит добавил, что Кхун ловил рыбу голыми руками, что он в жизни не видел таких проворных рук и думает, что из Кхуна вышел бы первоклассный жонглер. При этих словах Кхун усмехнулся, и Валентин впервые увидел улыбку на его угрюмом лице.

— А костер? — спросила Карабелла.— Вы зажгли его, щелкнув пальцами?

— Пробовали,— спокойно ответил Слит,— но это тяжело, так что мы пошли в рыбацкую деревню за поворотом и попросили огня.

— Рыбаки? — удивился Валентин.

— Окраинное поселение лииименов,— объяснил Слит.— Судя по всему, им неизвестно, что главное предназначение их расы — торговать сосисками в западных городах. Они приютили нас на ночь и согласились довезти до Ни-мойи, чтобы мы могли подождать своих друзей на отмели Ниссиморн.

Он улыбнулся.

— Я полагаю, теперь нам нужно нанять две лодки.

— Мы недалеко от Ни-мойи? — спросил Делиамбер.

— Две ночи на лодке, как мне сказали, до места, где сливаются реки.

Мир вдруг показался Валентину не столь уж огромным, а стоящая перед ним задача, не совсем невыполнимой. Он вкусно и сытно поел, узнал, что поблизости есть поселок, где живут друзья, и что скоро он покинет эти места. Весьма ободряющая информация. Теперь его беспокоило только одно: судьба Залзана Кавола и трех его оставшихся братьев.

Деревня лииименов была совсем небольшой: примерно пятьсот душ невысоких, плоскоголовых, темнокожих рыбаков, не отличавшихся особым любопытством. Они жили в скромных тростниковых хижинах у реки, выращивали в маленьких садиках злаки, которые вместе с добываемой ими рыбой составляли основу их довольно однообразного питания. Диалект их был трудным, но Слит, похоже, вполне освоил его и сумел не только нанять вторую лодку, но и купить за пару крон одежду для Карабеллы и Лизамон.

Еще до полудня они с командой из четырех молчаливых лииименов отплыли в Ни-мойю.

Течение было столь же сильным, но порогов мало, и обе лодки быстро скользили между двумя берегами, становившимися все более ухоженными и заселенными. Крутые откосы постепенно уступили место ровным и открытым низинам с наносами тяжелого черного ила, а вскоре перешли в почти непрерывную вереницу фермерских деревень. Русло расширилось, течение успокоилось, вода приобрела глубокий синий цвет. Поселения на берегах переросли в города, население которых несомненно насчитывало многие тысячи. С виду, однако, они казались столь

же простыми, как и деревеньки выше по реке,— настолько все это было незначительным по сравнению с монументальностью окружающей их природы. Впереди лежало устье реки, безмерное, словно открытое море.

— Река Зимр,— объявил лиимен, рулевой на лодке Валентина.— Стейч здесь кончается. Налево — отмель Ниссиморн.

Глазам Валентина открылся громадный полумесяц берега, ограниченный густой рощей каких-то необычных перекошенных пальм. Когда лодка подплыла ближе, Валентин с изумлением увидел на берегу плот из грубо обтесанных бревен, а рядом — четырех скандаров, дожидавшихся своих спутников.

Глава 2

Залзан Кавол считал, что путешествие было самым обыкновенным. Его плот успешно миновал все пороги. Скандары отталкивались от них шестами, ударялись, конечно, но не серьезно, и быстро добрались до отмели Ниссиморн, где и остановились, гадая, что же задержало всех остальных.

Скандару не приходило в голову, что другие плоты могли разбиться, тем более что он по пути не видел никаких обломков.

— У вас были затруднения? — искренне удивился он.

— Пустяшные,— коротко ответил Валентин.— Раз уж мы все собрались, хорошо бы в эту ночь поспать в настоящем жилище.

Они продолжили путь и доплыли до великого слияния Стейч и Зимра. Водное пространство было настолько широким, что Валентину не верилось: неужели это всего лишь место встречи двух рек? В городке Ниссиморн они расстались с лиименами и пересели на паром, который доставил их на другую сторону Стейч, в Ни-мойю — самый крупный город в Зимроэле с тридцатью миллионами жителей.

Здесь, где река Зимр резко поворачивала с востока на юго-восток, и образовался мегаполис. Он тянулся на сотни миль по берегам реки и нескольких притоков, впадавших в Зимр с севера. Валентин и его спутники сначала увидели южные предместья, жилые районы, переходившие южнее в сельскохозяйственную территорию, которая тянулась до долины Стейч. Основная городская зона располагалась на северном берегу Зимра, и отсюда виднелись только спускавшиеся к реке ярусы башен с плоскими крышами. Паромы ходили по всем направлениям, связывая

бесчисленное множество прибрежных городков. Переправа через Зимр заняла несколько часов, и уже начало смеркаться, когда показалась собственно Ни-мойя.

Город завораживал. Безупречной белизны здания, казалось, светились на фоне заросших лесом зеленых холмов. Гигантские пальцы пирсов вонзались в реку, а вдоль гавани тянулся бесконечный шлейф больших и малых судов. Пидруид, поразивший Валентина в первые дни его странствий своей мощью, по сравнению с этим городом был действительно незначительным.

Только скандары, Кхун и Делиамбер видели Ни-мойю раньше. Делиамбер рассказывал о ее чудесах: Паутинной галерее — торговой аркаде в милю длиной, поднятой над землей на почти невидимых тросах; о Парке Сказочных Зверей, где редчайшие животные Маджипура, практически исчезнувшие с развитием цивилизации, обитали в почти естественных для них условиях; о Хрустальном бульваре — сверкающей улице с вращающимися отражателями; о Большом базаре — пятнадцатимильных проходах, похожих на лабиринт, где размещалось неисчислимое множество крошечных лавок под длинными навесами из ядовито-желтой искрящейся ткани; о Музее Миров, Палате Колдовства, о Герцогском дворце, про который говорили, что великолепнее его только Горный замок, и о многом другом. Валентину казалось, что подобные чудеса могут существовать лишь в мифах и сказках, но никак не в реальном городе. Но сейчас им не суждено увидеть все это. Городской оркестр в тысячи инструментов, плавучие рестораны, искусственные птицы с драгоценными камнями вместо глаз и прочие редкости подождут до того дня — если он вообще настанет,— когда Валентин вернется в Ни-мойю в одежде короналя.

Когда паром начал приближаться к городу, Валентин созвал своих спутников и сказал:

— Пора нам выяснить, кто куда намерен направиться. Я собираюсь ехать в Пилиплок, а оттуда на Остров. Я очень ценю нашу дружбу и хотел бы сохранить ее, но не могу предложить вам ничего, кроме чрезвычайно опасного путешествия и даже возможной гибели. Моя надежда на успех слаба, а препятствия огромны. Хочет ли кто-нибудь пойти со мной?

— Хоть на край света! — вскричал Шанамир.

— И я,— в один голос ответил Слит и Виноркис.

— Неужели ты сомневался во мне? — спросила Карабелла.

Валентин улыбнулся и посмотрел на Делиамбера. Тот произнес:

— Некто посмел посягнуть на святость королевства. Как я могу не пойти за истинным короналем, куда бы он ни приказал?

— Для меня это загадка,— пожала плечами Лизамон.— Я не понимаю, как короналя могли вытряхнуть из его же собственного тела. Но у меня нет другой работы, Валентин, и я пойду с тобой.

— Благодарю вас всех,— слегка поклонился Валентин,— и еще раз поблагодарю в пиршественном зале Горного замка.

— А скандары не могут быть тебе полезны, мой лорд? — подал голос Залзан Кавол.

Валентин не ожидал этого.

— Вы хотите идти?

— Наш фургон сгорел, наше братство разбила смерть, мы лишились жонглерского оборудования. На паломничество меня не тянет, но я и мои братья пойдем за тобой на Остров и дальше, если на то будет твоя воля.

— Я не хочу расставаться с вами, Залзан Кавол. Есть ли при дворце должность королевского жонглера? Я обещаю ее тебе.

— Спасибо, мой лорд,— серьезно ответил скандар.

— Есть еще один доброволец,— вмешался Кхун.

— Ты тоже?! — изумился Валентин.

Суровый чужак ответил:

— Мне мало дела до того, кто корональ на планете, где я заблудился, но честь и достоинство для меня превыше всего. Только благодаря тебе я не умер в Пиурифэйне. Я обязан тебе жизнью и буду помогать тебе, чем смогу.

Валентин покачал головой.

— Мы сделали для тебя только то, что любое цивилизованное существо сделало бы для другого. Ты ничего нам не должен.

— Я смотрю на это иначе,— возразил Кхун.— Кроме того, моя жизнь до сих пор была скучной и никчемной. Я покинул свой родной Кианимот и прилетел сюда без какой-либо важной цели, жил здесь глупо и чуть не погиб, так почему бы мне не рисковать жизнью и дальше? Я присоединяюсь к тебе, буду считать твое дело своим и, может быть, со временем поверю в него, а если умру, помогая тебе вернуть власть, это будет всего лишь уплата долга. Своей смертью я расплачусь с Вселенной за плохо проведенную жизнь. Ты принимаешь меня?

— От всего сердца,— ответил Валентин.

Паром громко загудел и причалил.

Они остановились на ночь в самом дешевом портовом отеле, довольно чистом, с голыми, тщательно вымытыми каменными стенами и общими ваннами, а затем скромно, но сытно пообедали в гостинице неподалеку. Валентин предложил объединить все имеющиеся средства и назначил Залзана Кавола и Шанамира казначеями, поскольку они знали цену деньгам и лучше всех остальных умели их расходовать. У самого Валентина оставалось еще много из того, с чем он пришел в Пидруид, а Залзан Кавол извлек из потайного кармана кучу десятиреаловых монет. Собранных денег должно было хватить на дорогу до Острова Сна.

Утром они сели на речное судно, похожее на то, которое доставило их из Кинтора в Верф, и отправились в Пилиплок, большой порт в устье Зимра.

Несмотря на то что они давно уже путешествовали по Зимроэлю, от восточного побережья их все еще отделяло несколько тысяч миль, но по широкой водной глади Зимра корабли скользили величественно и быстро. Конечно, судно то и дело останавливалось в бесчисленных городах и городках: Ларнимискулусе, Белке и Кларисканзе, Флегите, Хискурете, Центриуме, Облиорн-Вейле, Салвамоте, Гоуркэйне, Семироде и Цериноре, Хаунфорте, Маджоре, Импемонде, Оргелиузе, Дамбемуире и нескончаемой череде многих, многих других, почти не отличавшихся друг от друга: каждый — со своим пирсом, набережными, садами пальм и алабандин, весело раскрашенными складами и внушительными базарами. Всюду на борт поднимались пассажиры с билетами, жаждавшие немедленно отправиться в путь.

Из выпрошенных у команды кусков дерева Слит выстрогал жонглерские дубинки, Карабелла где-то разыскала мячи, а скандары, пообедав, преспокойно зажали в ладонях пустые тарелки и улизнули с ними, так что труппа постепенно обзаводилась всем необходимым инвентарем, и уже на третий день они выступили на палубе и заработали несколько лишних крон. К Залзану Каволу понемногу возвращалась прежняя грубоватость и самоуверенность, поскольку снова выступал, но все-таки характер его сильно изменился. Он стал удивительно покладистым и научился сдерживать себя в ситуациях, которые раньше вызвали бы взрыв ярости.

Четверо скандаров чувствовали себя здесь дома. Они родились в Пилиплоке и начали свою карьеру, обходя города обширной провинции, раскинувшейся как вверх по реке, так и в глубь страны на тысячи миль от побережья. Им приятно было видеть знакомые места, рыжеватые холмы, шумные городки с деревянными зданиями. Залзан Кавол рассказывал о своей прежней работе в этих краях, об успехах и неудачах, ибо они тоже бывали, правда, редко, о споре с импрессарио, из-за которого жонглеру пришлось отправиться искать счастья на другой конец Зимроэля. Валентин подозревал, что все тут было не так-то просто и, возможно, Залзан Кавол даже не поладил с законом, но спрашивать не стал.

Однажды ночью, подвыпив, скандары даже затянули — впервые на памяти Валентина — мрачную и унылую песню:

В сердце моем тьма,
Темный на сердце страх.
Это не Смерть ли сама
Стоит у меня в глазах?

Смерть и горе
Идут по пятам:
Смерть — драконам,
Смерть — нам.

Как далеко земля,
Давшая жизни свет,
Милые сердцу поля,
В которых встречал рассвет!

Смерть и горе
Идут по пятам:
Смерть — драконам,
Смерть — нам.

Вперед! За драконом вслед!
Ревет за кормой вода.
Дома родного, нет,
Не видеть мне никогда.

Смерть и горе
Идут по пятам:
Смерть — драконам,
Смерть — нам.

Песня была невероятно печальной, но огромные скандары выглядели так нелепо, когда пели, покачиваясь, что Валентин и Карабелла сначала чуть не фыркнули, однако, прислушавшись, Валентин почувствовал, что песня трогает его, потому что в ней было живое чувство. Скандары и в самом деле встретились со смертью и горем, и, хотя сейчас их дом совсем близко, большую часть жизни они провели вдали от него. «Возможно,— подумал Валентин,— скандарам вообще нелегко на Маджипуре: таким неуклюжим лохматым созданиям трудно жить в теплом климате среди более мелких гладкокожих существ».

Лето закончилось, и в восточном Зимроэле начинался сухой сезон: под южными ветрами вся растительность засыхала до весенних дождей, и, как утверждал Залзан Кавол, обитатели этих мест становились более вспыльчивыми, а потому резко возрастало число преступлений. Валентину этот район показался менее интересным, чем джунгли средней части континента или субтропики на дальнем западе, изобиловавшие красками, но через несколько дней, присмотревшись, он решил, что и здесь присутствует своеобразная красота — сдержанная и строгая, совсем не походившая на яркую, пышную красоту запада. Тем не менее он обрадовался, когда после многих дней, проведенных на однообразной и, казалось, бесконечной реке, Залзан Кавол объявил, что уже видны окраины Пилиплока.

Глава 3

Пилиплок был почти так же стар и почти так же велик, как и его двойник Пидруид, расположившийся на другом краю континента, но на этом их сходство заканчивалось. Пидруид рос стихийно, как попало накручивая улицы и бульвары, а Пилиплок с незапамятных времен строился по плану, которому следовали с жесткой, почти маниакальной точностью.

Город раскинулся на большом мысе, образованном южным берегом Зимра в том месте, где река впадала во Внутреннее море. Ширина ее здесь была около шестидесяти или семидесяти миль. Быстрое течение несло сюда весь мусор, собранный на протяжении семи тысяч миль — от самых истоков на дальнем северо-западе, и это придавало зелено-голубым водам темный оттенок, след которого тянулся в море, как говорили, на сотни миль. Северный мыс устья реки представлял собой длинный

меловой утес в милю высотой. В ясную погоду ослепительно блестевшая белая стена была видна даже из Пилиплока. Этот мыс никак нельзя было использовать для гавани, на нем никогда не было поселений, и его считали священным заповедником. Там жили в полной изоляции отшельники, поклонявшиеся Хозяйке Острова Сна, и никто посторонний не вторгался туда в течение сотен лет. Пилиплок — другое дело. Город с одиннадцатью миллионами жителей радиусами расходился от великолепной природной гавани. Радиусы пересекались изогнутыми поясами: на внутренних линиях располагались торговые и промышленные зоны, а также зоны отдыха, на внешних — жилые кварталы, резко разграниченные по достатку и в меньшей степени — по расовым признакам. В Пилиплоке жило очень много скандаров. Валентину казалось, что каждый третий в районе порта — соплеменник Залзана Кавола, и было несколько странно видеть сразу так много четырехруких гигантов. Здесь обитало также множество надменных аристократических двухголовых сусухирисов, торговцев предметами роскоши, дорогими тканями, драгоценностями и редчайшими изделиями ручной работы, мастеров со всей провинции. Воздух был свежий и сухой. Почувствовав на лице горячий южный ветер, Валентин понял, что имел в виду Залзан Кавол, говоря, что этот ветер ухудшает настроение.

— Он когда-нибудь прекращается? — спросил Валентин.

— С наступлением весны,— ответил Залзан Кавол.

К тому времени Валентин надеялся быть где-нибудь далеко отсюда. Но возникли сложности. Вместе с Залзаном Каволом и Делиамбером он отправился на пирс Шкунибор на восточной окраине гавани Пилиплока, чтобы договориться о переезде на Остров. Много месяцев Валентин мечтал очутиться в этом городе, на этом пирсе, представляя себе нечто волшебное: широкие перспективы, поразительную архитектуру,— и был немало разочарован, обнаружив, что место, откуда отплывают корабли паломников, это всего лишь обшарпанная, обветшалая постройка с облупившейся зеленой краской и хлопавшими на ветру рваными флагами.

Дальше — хуже. На пирсе не оказалось ни души. После долгих поисков Залзан Кавол нашел расписание, висевшее в темном углу билетной кассы. Корабли паломников отплывали на Остров раз в месяц, кроме осени, когда дули неблагоприятные

ветры. Последний в этом сезоне корабль ушел неделю назад, а следующий будет через три месяца.

— Три месяца! — воскликнул Валентин.— Что мы будем делать в Пилиплоке так долго? Жонглировать на улицах? Побираться? Воровать? Прочти-ка расписание еще раз, Залзан Кавол!

— Ничего нового оно не сообщит,— ответил скандар и сморщился.— Уж если где-то надо задержаться, то я, конечно, за Пилиплок, но только не в этот сезон. Вот не повезло!

— В ближайшие три месяца вообще нет никаких кораблей? — спросил Валентин.

— Только драконские.

— То есть?

— Рыбачьи суда. Они охотятся на морских драконов, которые в это время года идут косяком для спаривания, и поэтому их легко ловить. Драконских судов сейчас полно, но что нам от них толку?

— А далеко они выходят в море?

— Как пойдет лов. Иногда, если драконы собираются к востоку, доходят до самого архипелага Родамаунт.

— Где это?

— Это длинная цепь островов,— пояснил Делиамбер,— далеко во Внутреннем море, примерно на полпути отсюда до Острова Сна.

— Они обитаемые?

— Густонаселенные.

— Хорошо. Значит, между островами есть торговля. Что, если нанять такой драконский корабль и добраться до архипелага, а там договориться с местным капитаном о доставке нас на Остров?

— Можно попробовать,— сказал Делиамбер.

— Существует ли такое правило, что все паломники должны прибывать только на определенных кораблях?

— Насколько я знаю, нет.

— Рыбачьи суда никогда не берут пассажиров,— возразил Залзан Кавол.

— Может, несколько реалов соблазнят их?

— Понятия не имею,— в голосе скандара слышалось сомнение.— Но ремесло у них прибыльное, пассажиры для них — помеха, да еще и дурная примета. И они не согласятся тащиться ради нас на архипелаг, если им нужно в другую сторону. Да и

нельзя быть уверенным, что кто-нибудь с архипелага захочет везти нас дальше.

— Кто знает,— пожал плечами Валентин,— может, все легко устроится. Деньги у нас есть, и я лучше заплачу их морским капитанам, чем проживу за три месяца в Пилиплоке. Где можно найти этих охотников за драконами?

Целая секция порта, тянувшаяся на три или четыре мили, располагалась особняком, пирс за пирсом, возле которых стояли десятки больших деревянных кораблей, готовых к только что начавшемуся охотничьему сезону. Все эти корабли были одной конструкции и выглядели, как показалось Валентину, угрюмыми и зловещими: непомерно широкие, с причудливыми трехзубцовыми мачтами, нос каждого вырезан в форме устрашающе зубастой головы дракона, а корма — в форме длинного зазубренного хвоста. По бортам суда украшали нарисованные красным и желтым глаза и ряды хищных белых зубов. Высокие верхние палубы щетинились надстройками для гарпунеров и громадными лебедками с сетями. Платформы, где разделывали добычу, были покрыты пятнами крови. В другой ситуации Валентин счел бы невозможным отправиться на мирный, священный Остров Сна на таком корабле-убийце, но выбора не было.

Но и это оказалось не так-то просто. Они шли от корабля к кораблю, от причала к причалу, капитаны равнодушно выслушивали их и тут же отказывали. Говорил в основном Залзан Кавол, потому что капитаны по большей части были скандарами и к своему могли отнестись любезнее. Но и его доводы на них не действовали.

— Вы мне только команду будете отвлекать,— сказал первый капитан.— То вы путаетесь между снастями, то у вас морская болезнь, то вам нужны особые услуги...

— Мы не возим пассажиров,— ответил второй.— Это не по правилам...

— Архипелаг не в той стороне, куда мы направляемся,— отрезал третий.

— Я верю,— буркнул четвертый,— что если драконское судно выходит в море с чужаками на борту, то оно не вернется в Пилиплок. И вовсе не желаю проверять эту примету.

— Мне нет никакого дела до пилигримов,— рявкнул пятый.— Пусть Хозяйка, если хочет, переносит вас на Остров, а на моем корабле вам не место.

Шестой тоже ответил отказом и добавил, что ни один капитан не согласится взять их на борт. Его слова повторил и седьмой. Восьмой, услышав, что группа сухопутных шляется по докам, вообще отказался разговаривать.

Девятый капитан, старая седая женщина-скандар с потускневшей шерстью и почти беззубая, оказалась более любезной, хотя и не пожелала предоставить им место на своем корабле. Но зато она дала совет:

— На пирсе Престимион найдите капитана Горзвала с «Брангалина». У него было несколько неудачных рейсов, и всем известно, что ему нужны деньги. Я слышала на днях в таверне, что он пытался занять денег на ремонт своей посудины. Может, он и возьмет сейчас пассажиров.

— А где этот пирс Престимион? — спросил Залзан Кавол.

— Самый последний в ряду, за Деккеретом и Кинникеном, как раз к западу от склада утиля.

«Склад утиля, похоже, самое подходящее место для "Брангалина"»,— подумал Валентин, когда через час увидел судно капитана Горзвала. Оно было меньше и старше других судов и выглядело так, будто не сегодня-завтра его разберут на дрова. Когда-то проломленный корпус залатали кое-как, и пропорции судна были полностью нарушены. Нарисованные на ватерлинии глаза и зубы потеряли свой блеск, носовая часть перекосилась, хвостовые зубцы были отломаны футов на десять сильным ударом какого-нибудь разозленного дракона, мачты тоже заметно укоротились. Команда, равнодушно поглядывая на посетителей, лениво смолила и сворачивала веревки, штопала паруса.

Капитан Горзвал выглядел столь же потрепанным и изношенным, как и его судно. Он был скандаром-карликом — почти одного роста с Лизамон, с одним глазом и с обрубком вместо левой внешней руки. Шерсть его потускнела и стала грубой, плечи сгорбились, весь его вид говорил об усталости и постигших его бедах. Но, когда Залзан Кавол заговорил о плавании до архипелага, капитан тут же взбодрился.

— Сколько вас?

— Двенадцать. Четыре скандара, хьорт, вруун, пятеро людей и один чужак.

— Все пилигримы?

— Да.

Горзвал быстро изобразил пальцами знак Хозяйки Острова Сна и сказал:

— Ты знаешь, на драконском корабле перевозить пассажиров не полагается. Но я обязан отплатить Хозяйке за ее милости в прошлом и для вас нарушу правила. Плата вперед?

— Конечно,— кивнул Залзан Кавол.

Валентин вздохнул с облегчением. Судно выглядит жалким и ободранным, а Горзвал, наверное, третьесортный капитан, страдающий от немилости судьбы или от собственного неумения, но он берет пассажиров, в то время как все другие от них отказались.

Горзвал назвал цену и ждал с явным напряжением. Он запросил меньше половины того, что они безуспешно предлагали другим капитанам, но Залзан Кавол, торговавшийся по привычке или из гордости, предложил на три реала меньше. Горзвал, заметно приунывший, скинул полтора реала. Залзан Кавол, похоже, намеревался выторговать еще несколько крон, но Валентин, пожалев несчастного капитана, быстро прервал торг:

— Договорились. Когда отплываем?

— Через три дня,— ответил Горзвал.

Ждать пришлось четыре. Горзвал неопределенно говорил о каких-то мелких починках, под которыми, как выяснил Валентин, подразумевалось залатывание наиболее серьезных дыр. Он не мог себе этого позволить, пока его не наняли пассажиры. По слухам, которые Лизамон собрала в портовых тавернах, Горзвал пытался заложить часть будущего улова, чтобы нанять плотников, но желающих не нашел. Лизамон сказала, что у него сомнительная репутация: недальновидный, невезучий, с плохо оплачиваемой, часто сменяемой командой. Однажды он упустил целый косяк морских драконов и вернулся в Пилиплок с пустыми трюмами, в другой раз потерял руку, потому что принял еще живого маленького дракона за мертвого, а в последнем плавании «Брангалин» получил от разъяренного дракона удар прямо в середину корпуса и чуть не пошел ко дну.

— Наверное, лучше бы нам вплавь добираться до Острова,— размышляла Лизамон.

— А может, мы принесем нашему капитану удачу, которой у него до сих пор не было,— возразил Валентин.

Слит засмеялся.

— Если бы человек мог попасть на трон только благодаря оптимизму, мой лорд, то к Дню Зимы ты был бы уже в Замке.

Валентин рассмеялся вместе с ним. После несчастий, произошедших с ними в Пиурифэйне, он надеялся, что не приведет своих людей к новой катастрофе на борту этого злосчастного корабля. Ведь их вели за ним только вера, свидетельства снов, колдовство и загадочное представление метаморфов. Ему будет бесконечно больно и стыдно, если, спеша на Остров, он принесет им новую беду! Однако Валентин испытывал большую симпатию к всеми оплеванному трехрукому Горзвалу. Такой неудачливый моряк, наверное, как раз подходящий кормчий для еще более неудачливого короналя, который ухитрился за одну ночь потерять трон, память и собственное «я»!

Накануне отплытия Виноркис отвел Валентина в сторону и встревоженно сообщил:

— Мой лорд, за нами следят.

— Откуда ты знаешь?

Хьорт улыбнулся и расправил оранжевые усы.

— Когда человек уже сам побывал в шкуре шпиона, ему легко заметить похожие черты у других. Я обратил внимание на седоватого скандара, слоняющегося возле доков в последние дни, и поговорил с ребятами Горзвала. Один из корабельных плотников сказал мне, что тот скандар интересовался пассажирами Горзвала: кто такие и куда направляются.

Валентин расстроился.

— А я надеялся, что мы сбили их со следа в джунглях!

— Они, очевидно, снова обнаружили нас в Ни-мойе, мой лорд.

— Тогда постараемся еще раз отделаться от них на архипелаге и будем осторожными, чтобы на нашем пути не встретились другие шпионы. Спасибо, Виноркис.

— Не стоит благодарности, мой лорд. Это мой долг.

Ранним утром, когда корабль двинулся в путь, дул сильный южный ветер. Во время посадки Виноркис искал глазами любопытного скандара, но того нигде не было видно. «Он сделал свою работу,— предположил Валентин,— а дальнейшие сведения будет поставлять узурпатору какой-нибудь другой информатор».

Их путь лежал на юго-восток: добираясь до районов промысла, драконские корабли привыкли идти против вечно враждебного ветра. Такая охота была крайне тяжела, но морских драко-

нов можно было ловить только в это время года. На «Брангалине» имелся дополнительный двигатель, но из-за нехватки на Маджипуре горючего он был бесполезен. Неуклюже, но величественно «Брангалин» повернулся бортом к ветру и двинулся из гавани Пилиплока в открытое море.

Это было самое маленькое море Маджипура — Внутреннее море, отделявшее восточный Зимроэль от западного Алханроэля. Пять тысяч миль от берега до берега — не пустяк, однако Внутреннее море казалось просто лужей по сравнению с Великим океаном, который занимал большую часть другого полушария и был недоступен для навигации — бессчетные тысячи миль открытой воды. В центре Внутреннего моря, между континентами, находился Остров Сна, достаточно обширный, чтобы на планете меньших размеров его сочли континентом. Рядом с ним протянулись несколько крупных архипелагов.

Морские драконы постоянно мигрировали между Внутренним морем и Великим океаном. Они двигались вокруг планеты годами, даже десятилетиями. Наверное, около дюжины больших стад обитало в океане, постоянно путешествуя с запада на восток. Каждое лето одно из этих стад шло через Великий океан мимо Нарабаля и вдоль южного побережья Зимроэля к Пилиплоку. В это время охота на них запрещалась, поскольку в стаде имелось множество стельных самок.

К осени малыши появлялись на свет, и стадо приходило в продуваемые ветром воды между Пилиплоком и Островом Сна. Именно тогда начиналась ежегодная охота. Из Пилиплока выходило громадное количество драконских судов. Стада теряли как старых, так и молодых, а оставшиеся в живых возвращались в тропики, обходя с юга Остров Сна, огибали длинный выступ материка Алханроэль — полуостров Стойензар и направлялись на восток к Великому океану, где могли плавать без помех, пока не наступало время снова идти к Пилиплоку.

Из всех животных Маджипура морские драконы были самыми крупными. Рождались они крошечными, не более пяти-шести футов длиной, но росли на протяжении всей жизни, которая была долгой, хотя точной ее продолжительности никто не знал.

Горзвал, позволивший пассажирам питаться за одним с ним столом, оказался весьма разговорчивым. Теперь, когда его тревоги остались позади, он с удовольствием рассказывал легенды о размерах некоторых морских драконов. Один, пойманный в

царствование лорда Малибора, имел в длину сто девяносто футов, а другой — во времена Конфалюма — двести сорок футов. Во времена же, когда понтифексом был Престимион, а короналем — лорд Деккерет, поймали морского дракона на тридцать футов длиннее, но чемпионом, как говорил Горзвал, был дракон, нахально появившийся почти у входа в гавань Пилиплока в правление Тимина и лорда Кинникена: тот, по уверению надежных свидетелей, был триста пятнадцать футов длиной. Этот монстр, известный как дракон лорда Кинникена, ушел невредимым, потому что весь флот в это время находился далеко в море. По свидетельствам охотников, в более поздние века его видели еще несколько раз, последний — в тот год, когда лорд Вориакс стал короналем. Но никто никогда не осмелился бросить в него гарпун, и среди охотников он пользовался зловещей репутацией.

— Теперь он, наверное, достиг пятисот футов,— закончил Горзвал,— и, если этот дракон вернется в наши воды, я молюсь, чтобы честь встретить его выпала какому-нибудь другому капитану.

Валентин видел маленьких драконов, выпотрошенных и высушенных,— их продавали на рынках по всему Зимроэлю. А однажды даже пробовал их мясо — темное, жесткое, с резким привкусом. Так приготовляли драконов меньше десяти футов длиной. Мясо более крупных — до пятидесяти футов — разрубали и продавали свежим на восточном побережье Зимроэля, но из-за трудностей транспортировки на удаленные от моря рынки оно не поступало. Драконы свыше пятидесяти футов были слишком стары, их мясо никто не ел, но вытопленный из них жир использовали для многих целей, ибо нефтью и другими ископаемыми гидрокарбонатами Маджипур был не особенно богат. Кости морских драконов всех размеров применяли в строительстве, ибо они были крепкими, как сталь, а добывать их было куда легче. Яйца драконов, сотни фунтов которых находили в брюхе взрослых самок, использовали в медицине. Драконья кожа, драконьи плавники...— в общем, все части дракона шли в дело, ничего не выбрасывалось. Предлагая гостям фляжку голубоватой жидкости, Горзвал говорил:

— Это, например, драконье молоко. В Ни-мойе или Кинторе за такую фляжку дают десять крон. Попробуйте-ка.

Лизамон недоверчиво потянула жидкость и тут же выплюнула на пол. Ее передернуло.

— Что это? Драконье молоко или драконья моча?

Капитан холодно улыбнулся.

— То, что ты выплюнула, в Дюлорне стоило бы не меньше кроны, и ты еще считала бы, что тебе повезло.

Он протянул фляжку Слиту, а после того, как тот отказался,— Валентину. После минутного колебания Валентин смочил в ней губы.

— Горькое,— сказал он,— и привкус затхлый, но не очень гадкое. Как оно действует?

Скандар хлопнул себя по бедрам.

— Афродизиак! — прогудел он.— Разгоняет соки! Разогревает кровь! Удлиняет жизнь!

Он весело указал на Залзана Кавола, который, не спрашивая, сделал большой глоток.

— Видите? Скандары знают! Мужчину из Пилиплока не нужно уговаривать выпить это!

— Драконье молоко? — спросила Карабелла.— Разве они млекопитающие?

— Да. Яйца созревают внутри, и детеныши рождаются живыми, по десять-двенадцать в помете. На брюхе самки есть ряды сосков. Тебе это кажется удивительным?

— Я думала, драконы — рептилии. А рептилии не дают молока.

— Лучше думай, что драконы — это драконы. Хочешь попробовать?

— Нет, спасибо,— отказалась Карабелла.— Мои соки не нужно разгонять.

Обеды в капитанской каюте были, по мнению Валентина, лучшей частью путешествия. Горзвал оказался добродушным в большей мере, чем это свойственно скандарам вообще, и держал хороший стол с вином, мясом и рыбой разных сортов, включая и драконье мясо. Но корабль его, неумело построенный и плохо обихоженный, скрипел и трещал, а команда, состоявшая из дюжины скандаров и небольшой группы хьортов и людей, была необщительной и часто откровенно враждебной. Эти охотники за драконами даже на таком нищенском судне, как «Брангалин», отличались гордостью и замкнутостью, а потому не испытывали симпатии к чужакам. Только один Горзвал казался олицетворением гостеприимства, явно благодарный пассажирам

за то, что именно они дали ему возможность подготовить корабль к выходу в море.

Теперь они находились далеко от земли, там, где бледно-голубое море сливалось с бледно-голубым небом, стирая всякое ощущение пространства. Курс лежал на юго-юго-восток, и чем дальше они отходили от Пилиплока, тем теплее становился ветер. Теперь он был жарким и сухим.

— Мы называем ветер нашим посланием,— сказал Горзвал,— потому что он идет прямо из Субраэля. Это маленький подарок Короля Снов, такой же замечательный, как и все его дары.

Море было пустынным: ни островов, ни дрейфующих обломков, никаких признаков чего-либо, даже драконов. В этом году драконы шли далеко от побережья, как это иногда случалось, и грелись в тропических водах ближе к Архипелагу.

Иногда высоко над ними пролетала птица-гихорн, следуя путем своей обычной осенней миграции с островов в болота Зимра, которые располагались неподалеку от самой реки, на побережье, примерно в пятистах милях к югу от Пилиплока. Эти длинноногие создания представляли собой весьма хорошие мишени, но никто в них даже не прицеливался. Судя по всему, это еще одна морская традиция.

Первые драконы показались на второй неделе плавания. Горзвал предсказал их появление накануне, увидев во сне, что они рядом.

— Все капитаны видят во сне драконов,— объяснил он.— Наши мозги настроены на них, и мы чувствуем, когда приближаются души драконов. Есть одна женщина-капитан, у которой не хватает зубов. Ее зовут Гуидраг. Она видит драконов во сне за неделю, а иногда и раньше. Идет прямо на них, и они всегда там оказываются. Я не такой способный, я чувствую самое большее за день. Но таких, как Гуидраг, вообще больше нет. Я делаю, что могу. Мы увидим драконов через десять-двенадцать часов, обещаю.

Валентин с недоверием отнесся к заверениям капитана. Но утром дозорный на мачте завопил:

— Эй! Драконы идут!

Великое множество драконов — сорок, пятьдесят, а то и больше — появилось прямо перед носом «Брангалина»: толстобрюхие, неграциозные животные, широкие, как само судно, с длин-

ными толстыми шеями, тяжелыми треугольными головами, короткими хвостами, заканчивавшимися яркими плавниками, и выступавшими костными гребнями во всю длину сильно выгнутой спины. Самой странной их особенностью были крылья — по сути, плавники, потому что такое громадное существо просто не могло подняться в воздух. Однако они казались настоящими крыльями — темными, кожистыми, как у летучей мыши. Они выходили из массивных наростов под шеей дракона и простирались до половины длины его тела. Почти у всех драконов крылья были сложены, но некоторые полностью развернули их и, помахивая ими, двигались с поразительной скоростью. В основном тут были молодые драконы, от двенадцати до пятидесяти футов длиной, много новорожденных, шестифутовых, свободно плескавшихся или державшихся за соски матерей. Но среди этой мелочи выделялись несколько чудовищ, чьи спинные гребни поднимались над водой, как холмы на плавучем острове. Сонные, наполовину скрытые под водой, они казались необыкновенно массивными. Задняя часть их туловищ была глубоко погружена в воду, что не позволяло определить истинные размеры драконов, но выглядели они, по крайней мере, не меньше корабля.

— Нет ли среди них дракона лорда Кинникена? — спросил Валентин у проходящего мимо капитана.

Он в ответ лишь снисходительно усмехнулся.

— Ну, дракон Кинникена по крайней мере втрое крупнее этих. Нет, больше чем втрое! Эти едва достигают ста пятидесяти футов. Я видел куда огромнее. То же предстоит и тебе, друг, причем скоро.

Валентин пытался представить себе дракона втрое больше самого крупного из этих, но разум его взбунтовался. Это все равно что представить себе всю Замковую гору. Человек просто не может это сделать.

Корабль двинулся вперед. Вся операция была четко организована и отработана. На носу каждой спущенной лодки стоял скандар с острогой. Лодки тихо двигались меж кормящихся драконов, и гарпунеры пронзали одного там, другого здесь, распределяя убой так, чтобы ни одна из самок не пришла в ярость из-за потери своих детенышей. Убитых молодых драконов привязывали за хвосты к лодкам.

Когда лодки вернулись к кораблю, спустили сети, чтобы поднять добычу. Только взяв с дюжину молодых драконов, охотники принялись за большую игру. Лодки подняли наверх, а гарпунер, громадный скандар с синей полосой поперек груди, где мех был содран много лет назад, занял свое место, не спеша выбрал оружие и закрепил на катапульте. Горзвал в это время маневрировал кораблем, чтобы дать гарпунеру возможность точно ударить по выбранной жертве. Гарпунер прицелился. Драконы беззаботно плыли. Валентин затаил дыхание и импульсивно сжал руку Карабеллы. Блеснуло древко выпущенного гарпуна, он до половины вонзился в выпуклое плечо девяностофутового дракона, и море сразу ожило.

Раненый дракон с неистовой яростью хлестал по поверхности воды хвостом и развернутыми крыльями, как бы желая взлететь и утащить за собой «Брангалин». При первом его крике боли матери-драконы распустили крылья, собрали под них малышей и стали удирать, мощно колотя хвостами, а крупнейшие в стаде, настоящие чудовища, просто скрылись из виду, уйдя на глубину. Осталось с дюжину средних драконов, которые поняли, что происходит что-то тревожное, но не знали, что им делать. Они плавали широкими кругами возле раненого собрата, полуразвернув крылья и слегка хлопая ими по воде. Тем временем гарпунер, сохраняя полное спокойствие, выбрал оружие и вонзил в жертву второй, а затем третий гарпун, поблизости от первого.

— Лодки! — закричал Горзвал.— Сети!

Началось что-то непонятное. Снова спустили лодки, и охотники строем двинулись к кольцу встревоженных драконов, бросая в воду гранаты, которые взрывались с глухим буханьем, распространяя толстый слой ярко-желтой краски. Взрывы и, видимо, краска привели оставшихся драконов в неописуемый ужас. Дико хлопая хвостами и крыльями, они быстро скрылись из виду. Осталась только жертва, живая, но надежно загарпуненная. Дракон тоже поплыл в северном направлении, но ему пришлось тянуть за собой «Брангалин», и поэтому силы его быстро таяли. Лодочники продолжали швырять гранаты, стараясь с их помощью направить дракона к кораблю. В то же время спустили громадную сеть, которая с помощью какого-то внутреннего механизма раскрылась, растянулась на воде и снова сомкнулась, как только дракон в ней запутался.

— Лебедки! — заорал Горзвал.

Сеть подняли из воды.

Дракон бился. Его непомерный вес заставил корабль опасно накрениться. Высоко над ними гарпунер встал, чтобы нанести последний удар. Яростно рыча, он выстрелил, и секундой позже все услышали хриплый вой агонизирующего дракона. Гарпун вонзился в голову зверя как раз позади громадных, как тарелки, зеленых глаз. Мощные крылья в последней страшной конвульсии ударили воздух.

Остальное уже было делом мясников. С помощью лебедок дракона опустили на платформу, и началась разделка.

Валентин некоторое время наблюдал кровавое зрелище: добывание ворвани, извлечение различных внутренних органов, отсечение крыльев и тому подобное. Не в силах больше на это смотреть, он ушел вниз, а когда через несколько часов вернулся, охотники уже разбирали лежавший на палубе чистый, как музейный экспонат, скелет дракона.

— Ты что-то хмурый,— сказала ему Карабелла.

— Едва ли я могу по достоинству оценить это искусство,— ответил Валентин.

Ему казалось, что Горзвал мог бы целиком набить большой трюм своего корабля уловом из одного этого стада драконов. Однако капитан взял только несколько малышей и одного взрослого, и то не самого крупного, а остальным дал уйти. Залзан Кавол объяснил, что по указу короналей прошлых столетий существуют строгие квоты на отлов. Нельзя истреблять целые стада, можно только несколько снижать их поголовье, и если корабль вернется из плавания слишком скоро, его проверят и строго накажут команду. Кроме того, очень важно быстро поднять на борт пойманных драконов, пока не появились хищники, и как можно скорее разделать. Если же команда нарушает правила и убивает слишком много животных сразу, она не может управиться с добычей так, чтобы ничего не пропало.

Первая удача в этом охотничьем сезоне несколько смягчила команду Горзвала. Они кивали пассажирам, даже иногда улыбались, а свою работу выполняли почти радостно. Угрюмое молчание сменилось смехом, шутками и песнями.

Лорд Малибор был красив и смел
И бурное море любил.
Он спустился с Горы, ушел от дел,
Охоте себя посвятил.

Драконы владели его душой.
И он построил корабль —
Нарядный и крепкий — и шел хорошо —
Красавец, как корональ.

Валентин и Карабелла услышали певцов — это была группа моряков, заливавших в бочки ворвань,— и направились к корме корабля. Карабелла быстро подхватила несложную веселую мелодию и стала тихо наигрывать ее на своей маленькой арфе.

Лорд Малибор у руля без слова
Стоял и в пучину смотрел:
Дерзкого самого, самого злого
Дракона встретить хотел.

И вот однажды он бросил клич,
И звук задрожал тугой:
«Король драконов, морская дичь,
Эй, выходи на бой!»

«Я слышу, мой лорд»,— крикнул дракон,
Взбаламутив всю глубину.
Он был двенадцати миль длиной
И трех достигал в ширину.

— Смотри-ка,— сказала Карабелла,— вон Залзан Кавол.

Валентин обернулся. Действительно, у поручней, сложив все руки, стоял хмурый скандар.

— Похоже, песня ему не нравится. Что это с ним?

На палубе бился лорд Малибор,
И кровь ручьями текла.
А сколько народу тогда полегло —
Память не сберегла.

Но драконий король коварнее был,
Хитрее — молва гласит.
И лорд Малибор, хоть и полный сил,
В конце концов был убит.

Любой охотник, идущий на лов,
Эту быль не забудь.
Моли судьбу, не жалея слов,
Благословить твой путь.

Валентин со смехом зааплодировал. Залзан Кавол, полный негодования, немедленно подошел к нему.

— Мой лорд,— воскликнул он,— как ты терпишь такое непочтительное...

— Не называй меня так во всеуслышание. А что тут непочтительного? О чем ты говоришь?

— Неуважение к страшной трагедии! Неуважение к покойному короналю! Неуважение к...

— Залзан Кавол! — мягко остановил его Валентин.— С каких это пор ты стал поборником приличий?

— Я знаю, что правильно и что неправильно, мой лорд. Насмехаться над смертью лорда Малибора — это...

— Полегче, дружище! — Валентин положил руку на локоть скандара.— Лорд Малибор давно умер, и ему все равно, с почтением или нет относятся к его персоне. А я с удовольствием послушал песню. Если я не оскорблен, почему же это так задело тебя?

Но Залзан Кавол продолжал ворчать:

— Позволь мне сказать, мой лорд, ты еще не вполне усвоил порядок вещей. На твоем месте я запретил бы этим рыбакам петь такое в твоем присутствии.

— В моем присутствии? — Валентин широко улыбнулся.— А какое им дело до моего присутствия? Я всего лишь пассажир, которого едва терпят. Если бы я высказал что-либо подобное, меня тут же выкинули бы за борт, и я тоже стал бы добычей дракона. Подумай об этом, Залзан Кавол! И успокойся, друг. Глупая матросская песня, только и всего.

— Все-таки...— прошептал Залзан Кавол и отошел в сторону.

— Он все принимает всерьез,— Карабелла засмеялась.

Валентин начал негромко насвистывать, а затем напевать:

Любой охотник, идущий на лов,
Эту быль не забудь.
Моли судьбу, не жалея слов,
Благословить твой путь.

— Да, вот что,— обратился Валентин к Карабелле.— Милая, окажи мне услугу: когда моряки закончат работу, отведи в сторону одного — вон хоть того, рыжебородого, я думаю, у него хороший бас — и разучи с ним эту песню. А потом ты научишь меня. Может, Залзан Кавол улыбнется, если я сам запою ее? Давай-ка...

«Я слышу, мой лорд»,— крикнул дракон,
Взбаламутив всю глубину.
Он был двенадцати миль длиной
И трех достигал в ширину.

Прошла неделя, прежде чем они снова увидели драконов. За это время песенку выучили не только Валентин и Карабелла, но и Лизамон Халтин, которая с удовольствием распевала ее своим хриплым баритоном. Но Залзан Кавол по-прежнему хмурился и недовольно фыркал, как только слышал ее.

Второе стадо драконов было гораздо больше первого, и Горзвал разрешил взять примерно две дюжины маленьких, одного среднего и одного большого, по крайней мере в сто тридцать футов. Так что следующие несколько дней все были по горло загружены работой. Палуба стала пурпурной от драконьей крови, а кости и крылья лежали по всему кораблю, пока команда рассортировывала их по размерам и оттаскивала вниз. На капитанский стол подали деликатесы из самых таинственных внутренних частей дракона, и Горзвал выставил бочонки отличного вина, чего совсем никак нельзя было ожидать от капитана, находившегося на грани банкротства.

— Пилиплокское золотое,— пояснил он, наливая щедрой рукой.— Я хранил это вино для какого-нибудь особого случая, а сейчас, без сомнения, он и есть. Вы принесли мне большую удачу.

— Твои товарищи-капитаны не обрадуются, услышав это,— ответил Валентин.— Мы легко могли бы отправиться с ними, знай они, что мы приносим удачу.

— Их потеря — наш выигрыш. За ваше паломничество, друзья! — воскликнул капитан-скандар.

Теперь они шли в более спокойных водах глубокого зеленого оттенка. Здесь, вблизи тропиков, жаркий ветер с Сувраэля затих и подул более приятный, более влажный — с юго-запада, с далекого полуострова Стойензар на Алханроэле. Вода стала изумрудно-зеленого цвета, появилось множество морских птиц, под самой поверхностью воды мелькали ярко окрашенные рыбы — пища драконов. Архипелаг Родамаунт был уже недалеко. Горзвал предполагал закончить лов здесь: «Брангалин» мог вместить еще несколько больших драконов, пару средних и штук сорок маленьких. Затем капитан высадит пассажиров и вернется в Пилиплок, где продаст добычу.

— Драконы! — закричал дозорный.

Это было громаднейшее стадо, в несколько сотен драконов. Повсюду из воды высовывались горбатые спины. Два дня «Брангалин» шел среди них и поработал на славу. На горизонте виднелись другие корабли, но они держались в отдалении, ибо правила запрещали вторгаться на чужую промысловую территорию.

Горзвал прямо сиял от счастья, что плавание оказалось столь успешным. Он сам часто ходил с командой лодочников, и Валентину это казалось необычным. А однажды Горзвал даже отправился на верхнюю палубу, чтобы выстрелить гарпуном. Корабль под грузом драконьего мяса осел ниже ватерлинии.

На третий день драконы все еще находились рядом: охота их не тревожила, и они не спешили уходить.

— Еще одного большого,— пообещал Горзвал,— и идем к островам.

В качестве последней мишени он выбрал восьмидесятифутового дракона. Валентину эта резня уже порядком наскучила. Когда гарпунер послал третий гарпун в свою жертву, он отвернулся и пошел в дальний конец палубы. Там он нашел Слита. Они встали у поручней и устремили взгляд на восток.

— Как ты думаешь, можно отсюда увидеть Архипелаг? — спросил Валентин.— Я уже соскучился по твердой земле, и мне опротивел запах драконьей крови.

— У меня хорошие глаза, мой лорд, но до островов еще два дня пути. Даже мое зрение имеет границы...

Он вдруг задохнулся.

— Мой лорд!

— Что случилось?

— К нам плывет остров, мой лорд!

Валентин вгляделся, но сначала ничего не разобрал: утреннее солнце, отсвечивая от поверхности воды, слепило глаза. Но Слит, взяв его за руку, указал направление, и Валентин увидел, как из воды высунулась зубчатая драконья спина, а под ней смутно виднелось нечто невероятного объема.

— Дракон лорда Кинникена! — срывающимся голосом прохрипел Валентин.— И он идет прямо на нас!

Глава 4

Может, это и был дракон Кинникена, а может, другой, не столь громадный, но он был достаточно велик, длиннее «Брангалина». Он шел прямо на них, спокойно и неотвратимо: то ли

ангел мести, то ли просто тупая сила — неизвестно, но масса его была, бесспорно, чудовищной.

— Где Горзвал?!! — заорал Слит.— К оружию!.. Пушки!

Валентин засмеялся:

— Это то же, что остановить камнепад гарпуном, Слит. Ты хорошо плаваешь?

Большая часть охотников была занята своим уловом, но кое-кто все же оглянулся, и на палубе закипела бешеная деятельность. Гарпунер развернулся и стоял с оружием в каждой руке. Другие бросились к соседним катапультам. Валентин, ища взглядом Карабеллу и других, увидел бросившегося к рулю Горзвала. Лицо скандара было мертвенно-бледным, глаза безумными, словно он увидел послание смерти.

— Спустить лодки! — раздалась чья-то команда.

Лебедки завертелись. Все словно обезумели от страха и беспорядочно метались по палубе. Один хьорт с почерневшими от ужаса щеками погрозил Валентину кулаком и грубо схватил его за руку.

— Ты навел его на нас! Ни одного из вас нельзя было пускать на борт!

Откуда-то возникла Лизамон и отшвырнула хьорта словно тростинку, а затем обвила Валентина могучими руками, как бы защищая его от любого нападения.

— Знаешь, а ведь хьорт прав,— спокойно сказал Валентин.— Мы приносим несчастье. Сначала Залзан Кавол потерял свой фургон, теперь этот несчастный Горзвал теряет... теряет...

Раздался страшный удар — дракон врезался в борт «Брангалина». Корабль накренился, словно его толкнула чья-то гигантская рука, и тут же качнулся в другую сторону. Страшная дрожь сотрясла его обшивку. Второй удар крыльями по корпусу, третий — и... «Брангалин» выпрыгнул из воды, как пробка из бутылки.

— Пробоина! — отчаянно завопил кто-то.

Все вещи свободно катались по палубе. Громадный котел сорвался с креплений и сбил трех матросов, ящик с топорами для разделки туш перевернулся. Корабль продолжал раскачиваться. За дальним бортом, возле которого по-прежнему висел недавний улов, Валентин мельком увидел громадного дракона. Чудовище разворачивалось, готовясь к новой атаке. В том, что он действует целенаправленно, уже не приходилось сомневаться.

Дракон ударил. «Брангалин» страшно закачался. Валентин крякнул — руки Лизамон чуть не раздавили его. Он не имел ни малейшего представления, где остальные и останутся ли они в живых. Совершенно очевидно, что корабль был обречен. Слышно было, как в трюм хлещет вода. Хвост дракона поднялся над палубой и снова ударил. Все растворилось в хаосе. Валентин почувствовал, что летит. Он пронесся по воздуху, затем ударился о воду и погрузился в глубину. Он попал во что-то весьма похожее на водоворот, и его неистово закрутило и потащило вниз. В голове звенели слова песни о лорде Малиборе. Это правда, что кораль, увлекшийся охотой на драконов, десять лет назад вышел в море на самом красивом в Пилиплоке охотничьем корабле и не вернулся. Корабль пропал со всей командой. Никто не знал, что произошло, но, по обрывочным воспоминаниям Валентина, правительство говорило о неожиданном шторме. «Вероятнее всего,— подумал он,— корабль встретился с этим самым зверем-убийцей, мстителем за драконов.

Он был двенадцати миль длиной
И трех достигал в ширину».

И вот теперь второго короналя, наследника Малибора, постигнет та же участь. Но Валентина это, как ни странно, совершенно не трогало. Он ждал смерти в быстринах Стейч, но уцелел. Здесь же, в сотнях миль от любого спокойного места, рядом с разъяренным чудовищем ему грозит куда большая опасность, но плакать бесполезно. Божество явно отвернулось от него. Валентина тяготило лишь, что те, кого он любил, умрут вместе с ним потому только, что были преданными, что поклялись сопровождать его на Остров, что связали себя с неудачником-короналем и неудачником-капитаном и теперь должны разделить их несчастную судьбу.

Его затягивало в глубину, и он перестал рассуждать о превратностях судьбы. Он боролся за каждый вздох, кашлял, выплевывал воду и снова глотал ее. «Карабелла»,— успел подумать он, прежде чем его поглотила тьма.

С тех пор как Валентин утратил свое прошлое и оказался возле Пидруида, он никогда не размышлял о философии смерти. Жизненных проблем хватало и без того. Он смутно вспоминал, чему его учили в детстве: в тот последний миг, когда высвобождается жизненная энергия, все души возвращаются к Божественному Источнику и идут по Мосту Прощания, Мосту Понтифекса. Но правда это или нет, существует ли мир по ту сторону жизни и каков он, Валентин не давал себе труда задуматься. Однако теперь он очнулся в таком странном месте, которое не могли себе представить даже самые плодовитые мыслители с ярчайшим воображением.

Это и есть послежизнь? Гигантское помещение с толстыми влажными розовыми стенами, потолок местами высокий, сводчатый, поддерживаемый мощными колоннами, а местами понижающийся почти до пола. В этом потолке имелись огромные полусферы, испускавшие слабый, как бы фосфоресцирующий голубой свет. Воздух был скверный, насыщенный паром с крайне неприятным, резким горьким привкусом. Валентин лежал на чем-то мокром и скользком, поверхность была грубой, изрезанной глубокими складками, и все время вздрагивала. Он положил на нее ладонь и глубоко внутри ощущал непонятные конвульсии. Пол был сделан из неизвестного Валентину материала. Слабое, но заметное движение под его поверхностью наводило на мысль, что место, куда попал Валентин, не мир после смерти, а какая-то абсурдная галлюцинация.

Валентин, пошатываясь, встал. Одежда промокла насквозь, один сапог он где-то потерял, на губах остался вкус соли. Стоять на этом беспрерывно дрожащем полу было трудно. Оглядевшись, он увидел какую-то туманную, слабо светящуюся растительность, толстую, мясистую, безлистную, поднимавшуюся прямо из пола. Она все время изгибалась от внутреннего движения. Пройдя между двумя колоннами и через участок, где пол почти сходился с потолком, он увидел нечто вроде пруда с зеленоватой жидкостью. За ним ничего нельзя было различить из-за тумана.

Валентин подошел к пруду. Но что это? Он увидел сотни ярких рыб, таких же, каких он видел в море накануне охоты, но они не плавали, они были мертвы и разлагались — мякоть отваливалась от костей. А под водой расстилался толстый, в несколько футов, ковер из таких же костей.

Позади вдруг послышался рев. Валентин оглянулся. Стены комнаты зашевелились, подались назад, в понижавшейся части потолка появилось большое отверстие, и в него хлынул поток воды, затопив Валентина до бедер. Он едва успел добраться до колонны и обвить ее руками, как вода забурлила вокруг с потрясающей силой. Он держался. Казалось, мимо него неслась чуть ли не половина вод Внутреннего моря, и на мгновение ему по-

казалось, что его смоет. Затем поток прекратился, вода всосалась в щели, неожиданно появившиеся в полу, оставив после себя множество рыбы. Пол начал содрогаться, отчаянно бившиеся рыбы покатились к зеленоватому пруду. Попав туда, они тут же перестали двигаться.

Неожиданно Валентин понял. Он не умер, и это место — не обитель послежизни. Он в брюхе дракона.

Валентина разобрал смех.

Откинув голову назад, он хохотал до слез. Что еще оставалось делать? Кричать? Ругаться? Громадное животное одним глотком, как мелкую рыбешку, втянуло в себя короналя Маджипура. Но он оказался слишком велик, чтобы его отправили в перевариваю щий пруд, поэтому он сидит на дне драконьего желудка. А дальше? Вершить суд в рыбьем королевстве? Следить за соблюдением справедливости и закона среди них, по мере их поступления в желудок дракона? Поселиться здесь и до конца дней питаться сырой рыбой из улова чудовища?

«Комедия»,— подумал Валентин.

Но одновременно и трагедия, потому что при крушении «Брангалина» погибли Слит, Карабелла, юный Шанамир и все остальные. Валентин скорбел теперь только о них. Навеки умолк звонкий голос Карабеллы, пропала навсегда удивительная ловкость рук и острота глаз Слита, скандары больше не наполнят воздух множеством ножей, серпов и факелов, оборвалась, едва начавшись, жизнь Шанамира...

Мысль об этом была невыносима. Усилием воли Валентин заставил себя забыть о скорби, боли и избавиться от чувства утраты и снова захохотал, протягивая руки к стенам этой странной комнаты.

— Вот Замок лорда Валентина! — крикнул он.— Тронный зал! Я приглашаю всех вас отобедать со мной в большом пиршественном зале!

Из темной дали послышался голос:

— Клянусь своими кишками, я принимаю это приглашение!

Валентин застыл от изумления.

— Лизамон?! Ты?!!

— Нет, понтифекс Тиеверас и его косоглазый дядя! Это ты, Валентин?

— Да. Ты где?

— В глотке этого вонючего дракона! А ты?

— Недалеко от тебя! Но я тебя не вижу!

— Пой,— предложила она.— Стой на месте и пой, а я постараюсь дойти до тебя.

Валентин запел как можно громче:

Лорд Малибор был красив и смел
И бурное море любил...

Снова раздался рев, гигантская глотка животного вновь открылась, чтобы впустить морскую воду и тучу рыбы. Когда поток захлестнул Валентина, он опять ухватился за колонну.

— Ох, во имя пальцев Божества, держись, Валентин, держись! — кричала Лизамон.

Он изо всех сил цеплялся, пока поток не иссяк, и затем, обессиленный, промокший насквозь, тяжело дыша, привалился к колонне. Откуда-то издалека его снова позвала великанша, и он откликнулся. Затем ее голос послышался ближе... Она потребовала, чтобы он продолжал петь. Валентин повиновался.

Лорд Малибор у руля без слова
Стоял и в пучину смотрел:
Дерзкого самого, самого злого...

Он слышал, как она подхватила песню, пробираясь через замысловатые драконьи внутренности, и наконец в слабом свете увидел ее саму. Они улыбнулись друг другу, а затем со смехом обнялись.

Чудесное спасение Лизамон заставило Валентина вновь вспомнить тех, кого наверняка не было в живых, и в нем опять проснулись боль и стыд. Он закусил губу и отвернулся.

— Мой лорд? — растерянно спросила она.

— Остались только мы с тобой, Лизамон.

— Да, хвала Божеству за это!

— Но остальные были бы живы, если б не сделали глупость и не побежали за на другой конец мира...

Она схватила его за руку:

— Мой лорд, ведь скорбь не вернет их к жизни, если они умерли?

— Я знаю, но...

— Мы спасены. Если мы потеряли друзей, это действительно повод для печали, но не для чувства вины. Они пошли за тобой по своей воле, верно? И если пришло их время, то оно пришло,

и с этим ничего не поделаешь. Горюй о них, мой лорд, но радуйся, что мы спасены.

— Да, скорбь не вернет их к жизни. Но что это за спасение? Долго ли мы просуществуем тут, Лизамон?

— Достаточно для того, чтобы вырваться на свободу.

Она вытянула из ножен вибромеч.

— Ты думаешь, мы сможем прорубить путь наружу? — ошеломленно спросил он.

— А почему нет? Я пробивалась и через худшее.

— Как только ты дотронешься этой штукой до драконьей плоти, он нырнет на дно. Здесь мы в большей безопасности, чем при попытке всплыть с глубины в пять миль.

— Когда нам приходилось туго, все говорили, что ты оптимист,— возразила она.— Куда же делся сейчас этот твой оптимизм? Дракон живет на поверхности. Он будет метаться, но не нырять. А если мы и очутимся на пятимильной глубине, нас, по крайней мере, ждет быстрая смерть. Ты сможешь дышать этой гадостью вечно? Сколь долго ты сможешь продержаться внутри этой гигантской рыбы?

Лизамон коснулась мечом боковой стенки. Толстая влажная плоть слегка вздрогнула, но не отпрянула.

— Видишь? У него здесь нет нервов,— сказала Лизамон.

Она ввела оружие чуть глубже и повернула, чтобы вырезать отверстие. Плоть запульсировала и задрожала. Лизамон воткнула меч еще глубже.

— Как ты думаешь, он никого больше не проглотил, кроме нас? — спросила она.

— Я слышал только твой голос.

— И я слышала только твой. Фу, ну и чудище! Я пыталась удержать тебя, когда нас перекинуло через борт, но потом мы обо что-то ударились, и я выпустила тебя. Но мы все-таки попали в одно и то же место.

Она уже вырезала в боку драконьего желудка дыру в фут глубиной и в два шириной. Дракон, казалось, вовсе не заметил этой хирургической операции. «Мы словно паразиты, прогрызающие себе путь изнутри»,— подумал Валентин.

— Пока я режу, сходи посмотри, нет ли кого-нибудь еще. Только не уходи далеко, слышишь?

— Я буду осторожен.

Он пошел вдоль стенок желудка, пробираясь во тьме, дважды или трижды останавливаясь, чтобы удержаться в потоках несущейся воды, и постоянно крича в надежде на то, что кто-нибудь откликнется, но ответа не получил. Тем временем Лизамон уже глубоко врубилась в тело дракона. Повсюду были навалены куски мяса, а сама она была забрызгана густой пурпурной кровью. Продолжая резать плоть, великанша весело напевала:

На палубе бился лорд Малибор,
И кровь ручьями текла.
А сколько народу тогда полегло —
Память не сберегла...

— Как по-твоему, далеко до конца? — спросил он.

— С полмили или около того.

— Ты серьезно?

Она засмеялась.

— Думаю, десять-пятнадцать футов. Давай очищай отверстие за мной. Эта мясная куча растет быстро, я не успеваю ее откидывать.

Чувствуя себя мясником и не испытывая при этой мысли никакой радости, Валентин принялся хватать куски и отбрасывать их подальше. Он вздрогнул от ужаса, когда увидел, что сокращения желудка отправили куски в пищеварительный пруд. Похоже, здесь с удовольствием поглощается любой белок...

Они все глубже проникали в брюшную стенку дракона. Валентин попытался прикинуть возможную ее толщину, учитывая, что длина животного никак не менее трехсот футов, но арифметика оказалась бесполезной. Теперь они работали в тесноте, в душном, вонючем воздухе. Кровь, свежее мясо, пот, узкое пространство отверстия — казалось, места отвратительнее нет. Валентин оглянулся.

— Отверстие за нами закрывается!

— Зверь, живущий вечно, должен уметь залечивать раны,— пробормотала Лизамон, не прекращая резать и отсекать части драконьей плоти.

Валентин с беспокойством наблюдал поразительную скорость заживления раны. Новая плоть возникала как по волшебству. Что, если они окажутся замурованными в этой нише?

Лизамон старалась выглядеть спокойной, но Валентин заметил, что она, широко расставив ноги и напрягая мышцы, зара-

ботала с еще большим напряжением и быстротой, рыча и постанывая от усилий. Прорубленное отверстие уже сомкнулось позади них, дыру закрыла розовая молодая плоть, и теперь она нарастала со всех сторон. Лизамон рубила и колола с яростной настойчивостью, а Валентин продолжал исполнять свою задачу — уборку отсеченного мяса. Однако теперь было совершенно очевидно, что женщина начала уставать, ее гигантская сила уже не была прежней, и нора закрывалась почти с той же скоростью, с какой Лизамон рубила.

— Не знаю, смогу ли...— прошептала она.

— Дай мне меч.

— Ты с ним не справишься! — Она рассмеялась и с утроенной силой заработала мечом, изрыгая проклятия в адрес драконьей плоти. Теперь было невозможно определить, где они находятся,— приходилось пробиваться без каких-либо ориентиров. Ворчание Лизамон с каждым ударом становилось все слабее и короче.

— Может быть, стоит попробовать вернуться назад, в желудок,— предложил Валентин,— пока мы не попались окончательно в ловушку и...

— Нет! — прогремела она.— Думаю, мы почти у цели! Здесь мясо другое, более плотное. Может, это слой мышц под шкурой...

И тут на них хлынула морская вода.

— Пробились! — закричала Лизамон.

Она повернулась, схватила Валентина, как куклу, и, продолжая крепко держать его за бедра, сильно толкнула вперед, в отверстие в боку дракона. Он едва успел набрать в легкие воздух, прежде чем очутился в зеленых объятиях моря. Лизамон выскочила сразу за ним, теперь ухватив его за лодыжку, а потом за руку,— и они метнулись вверх.

Казалось, что прошли целые часы, прежде чем они оказались на поверхности. Голова Валентина раскалывалась, в груди горело. «Мы поднимаемся с самого морского дна,— безучастно подумал он,— и мы захлебнемся раньше, чем достигнем поверхности, или наша кровь вскипит, как это случается с ныряльщиками Тил-омона, которые слишком глубоко заплывают в поисках глазкамней, или нас раздавит давление, или...» И почти в то же мгновение он выскочил из воды, взлетев над ней чуть ли не на всю длину своего тела, и затем с всплеском рухнул обратно. Глотнув чистого свежего воздуха, он вяло поплыл — усталый, дрожащий, лихорадочно стараясь отдышаться. Лизамон плыла рядом. Их согревали прекрасные лучи яркого солнца.

Он цел и невредим! Он вырвался из чрева дракона!

И теперь он плывет по поверхности Внутреннего моря в сотнях миль от ближайшего берега.

Глава 5

Немного придя в себя, Валентин поднял голову и огляделся. Дракон еще был виден в нескольких сотнях ярдов, но казался спокойным и медленно удалялся. От «Брангалина» не осталось ничего, кроме нескольких обломков на широкой глади моря. Вокруг — ни одной живой души.

Валентин и Лизамон подплыли к ближайшему обломку и легли поперек него. Долгое время они молчали. Наконец Валентин спросил:

— Плывем к Архипелагу или прямо к Острову Сна?

— Плыть — тяжелая работа, мой лорд. Неплохо бы устроиться на спине дракона.

— А как им управлять?

— Дергать за крылья,— предположила Лизамон.

— Сомневаюсь.

Они снова помолчали. Затем Валентин сказал:

— В драконьем брюхе нам, во всяком случае, каждые несколько минут подавали свежую рыбу.

— И гостиница большая,— поддержала Лизамон,— только плохо проветривалась. По-моему, здесь все же лучше.

— Но долго ли мы вот так продержимся?

Она бросила на него странный взгляд.

— Ты сомневаешься в том, что нас спасут, мой лорд?

— Конечно, сомневаюсь.

— Однажды я получила во сне послание от Повелительницы,— сказала Лизамон.— Смерть придет ко мне там, где будет сухо, и тогда, когда я буду очень старой. А я еще молода, и это место наименее сухое во всем Маджипуре, за исключением, может быть, середины Великого океана. Таким образом, бояться нечего. Раз не погибну я, не погибнешь и ты.

— Успокаивающее заявление,— отозвался Валентин.— Что будем делать?

— Ты умеешь составлять послания, мой лорд?

— Я корональ, а не Король Снов.

— Любой разум способен достичь другого, если им правильно управлять. Ты думаешь, такими способностями обладают только Король Снов и Повелительница? Маленький колдун Делиамбер телепатически беседует по ночам, и Горзвал говорил, что он во сне разговаривал с драконами, и ты...

— Но я еще не восстановил свои силы, Лизамон, и то, что осталось от моего мозга, не сможет отправить послание.

— Попробуй. Направь послание по воде Хозяйке Острова Сна, своей матери, или ее людям на Острове, или обитателям Архипелага. У тебя есть сила. Я глупая, я умею только размахивать мечом, а твой мозг, мой лорд, высоко ценился в Замке, и теперь, когда нам необходимо...— Казалось, великаншу просто распирает от желания помочь.— Сделай это, лорд Валентин! Зови на помощь, и помощь придет!

Валентин был настроен скептически. Он мало знал о сети общения во сне, которая, похоже, связывала воедино всю планету. Да, часто бывало, что мозг призывал мозг, и, конечно, существовали Силы Острова Сна и Сувраэля, предположительно посылавшие прямые сообщения с помощью каких-то усиливающих приборов. Но сейчас, когда он плавает здесь, в открытом море, на куске дерева, и его тело и одежда запачканы плотью и кровью недавно проглотившего его гигантского чудовища, а дух так истощен обрушившимися на него бедствиями, что даже его пресловутая вера в удачу и чудо пошатнулась, как может он надеяться вызвать помощь через такую бездну?

Он закрыл глаза и попытался сконцентрировать всю энергию мозга в одной точке в глубине черепа. Он представил себе яркую искру света, скрытый луч, к которому можно подключиться и который можно направить вдаль. Но все напрасно. Он вдруг обнаружил, что думает о том, какое зубастое создание, возможно, вскоре начнет хватать его за болтающиеся в воде ноги.

Валентин со страхом подумал, что если и сможет послать сообщение, то не дальше чем в мозг дракона, разрушившего «Брангалин» и погубившего всех, кто на нем плыл, и тогда дракон вернется и закончит свою работу. Но он все-таки решил попытаться. Несмотря на все свои сомнения, он обязан сделать это для Лизамон Халтин. Он напрягся и затаил дыхание, стараясь настроить себя на передачу послания.

Попытки призвать помощь продолжались до самого вечера. Быстро наступила темнота, и вода засветилась призрачным зеленоватым светом. Чтобы не уснуть одновременно, не соскользнуть с обломка и не потеряться, пришлось установить дежурство. Когда настала очередь Валентина, он с трудом заставлял себя бодрствовать и боялся, что вот-вот потеряет сознание. Время от времени он пытался передать послание, но ничего не получалось. «Мы пропали»,— обреченно сказал он себе. К утру Валентин забылся, и ему приснился странный сон, в котором на поверхности воды танцевали угри. Он попробовал во сне добраться до чьих-то далеких сознаний, но безрезультатно, а затем впал в слишком глубокий сон, чтобы пытаться проделать это вновь.

Валентин проснулся от прикосновения руки Лизамон к его плечу.

— Мой лорд!

Он открыл глаза и удивленно посмотрел на нее.

— Не надо больше звать на помощь. Мы спасены!

— Что?

— Лодка, мой лорд. Видишь, на востоке?

Он тяжело поднял голову. Да, к ним плыла маленькая лодка. Весла блестели на солнце. Галлюцинация или мираж? Мираж...

Но лодка все приближалась... Вот она уже рядом. Чьи-то руки подняли его и осторожно положили, кто-то поднес к его губам фляжку с холодным питьем, вино это или вода — он не понял. Его освободили от мокрой и грязной одежды и завернули во что-то сухое и чистое. Незнакомые люди — двое мужчин и женщина, все с гривами рыжеватых волос и в непривычной взгляду одежде — возились с ним. Он слышал, как Лизамон разговаривала с ними, но слова расплывались, и он не вникал в их смысл. Неужели он вызвал этих спасителей силой своей мысли? Кто они? Ангелы, духи? Валентин лежал не шевелясь. Силы покинули его, он полностью выдохся. Не сказать ли потихоньку Лизамон, чтобы она даже не упоминала о том, кто он? Но язык отказывался повиноваться ему. Оставалось надеяться на ее здравый смысл. Не станет она городить одну нелепость на другую: «Он корональ Маджипура инкогнито, и нас проглотил дракон, но мы прорубили себе выход». Да, конечно, для этих людей подобное заявление показалось бы верхом невероятного. Валентин слабо улыбнулся и погрузился в сон без сновидений.

Он проснулся в веселой солнечной комнате с окнами на широкий золотой пляж. На него серьезно и озабоченно смотрела Карабелла.

— Мой лорд,— тихо позвала она,— ты меня слышишь?

— Это сон?

— Это остров Мардижил в Архипелаге,— пояснила она.— Вас подобрали вчера в море, тебя и Лизамон. Местные рыбаки искали тех, кто сумел спастись после того, как корабль затонул.

— Кто еще жив? — быстро спросил Валентин.

— Делиамбер и Залзан Кавол здесь, со мной. Здешние жители сказали, что Кхуна, Шанамира, Виноркиса и каких-то скандаров — не знаю, наших или нет — подобрали рыбаки с соседнего острова. Некоторые охотники на драконов спаслись на своих лодках и тоже добрались до островов.

— А Слит? Что с ним?

На мгновение во взгляде Карабеллы мелькнул страх, но тут же исчез.

— О нем я ничего не знаю, но поиски продолжаются. Может быть, он на другом острове и в безопасности. Островов здесь много. Божество до сих пор хранило нас, наверное, и теперь не разлучит.

Она слегка улыбнулась:

— Лизамон рассказала невероятную историю, как вас обоих проглотил громадный дракон и вы прорубили себе выход вибромечом. Островитянам очень понравилось. Они считают, что это самая замечательная сказка после легенды о лорде Стиамоте...

— Так оно и случилось.

— Что, мой лорд?

— Дракон проглотил нас. Она сказала правду.

Карабелла засмеялась:

— Когда я впервые услышала во сне, кто ты есть на самом деле, я поверила сразу. Но когда ты говоришь...

— Внутри дракона,— начал рассказывать Валентин,— были колонны, поддерживавшие свод желудка, и в одном конце — отверстие, через которое каждые несколько минут вливалась морская вода, приносившая с собой рыбу. Рыба постепенно сползала к зеленоватому пруду, где и переваривалась. Дракон и нас мог переварить, но нам повезло. Так она рассказывала? Ты думаешь, мы все это придумали, чтобы позабавить вас?

С расширившимися от удивления глазами Карабелла произнесла:

— Да, она рассказывала то же самое. Но мы думали...

— Это правда, Карабелла.

— Стало быть, это Божественное чудо, и ты будешь прославлен на все времена!

— Я уже прославился,— кисло сказал Валентин,— как корональ, потерявший трон и за недостатком королевских дел занявшийся жонглированием. Это обеспечит мне место в истории рядом с понтифексом Ариоком, который объявил себя Хозяйкой Острова. А теперь легенду, которую я сотворил для себя, украсит еще и дракон.— Выражение его лица вдруг изменилось.— Надеюсь, вы никому из здешних не говорили, кто я?

— Ни слова, мой лорд.

— Хорошо. Помалкивайте. Им и так во многое из того, что касается нас, трудно поверить.

Островитянин, худощавый, загорелый, со светлыми волосами, завязанными пучком, как, видимо, было здесь принято, принес Валентину поднос с едой: немного бульона, кусок жареной рыбы, треугольные ломти плода с темно-синей мякотью и крошечными алыми семенами. Валентин вдруг почувствовал зверский голод.

Позднее они с Карабеллой гуляли по берегу.

— Я опять думал, что навеки потерял тебя,— тихо сказал он.

— Разве я так много для тебя значу, мой лорд?

— Больше, чем можно выразить словами!

Она грустно улыбнулась.

— Как рада я это слышать, Валентин! Я зову тебя Валентином, а не лордом Валентином. А сколько очаровательных женщин ожидают лорда Валентина в Горном замке?

Он и сам иногда задумывался об этом. Была ли у него там любовница? Может, и не одна? Может быть, даже невеста? Многое из прошлого все еще оставалось скрытым. А если в Замке его встретит женщина, которая все это время его ждала?

— Нет,— твердо произнес он.— Ты моя, Карабелла, и я твой, а что бы там ни было в прошлом, если и было, это в прошлом и останется. Теперь у меня другое лицо и другая душа.

Она недоверчиво взглянула на него, но промолчала, и он прикоснулся губами к ее нахмуренному лбу.

— Спой мне ту песню, которую ты пела в Пидруиде в фестивальную ночь. Там еще были такие слова:

Любовь дороже мне сокровищ мира
И даже Замка Горного красот...

— Я знаю другую, похожую,— сказала Карабелла и тронула струны своей крошечной арфы.

Моя любовь в одеждах пилигрима
За море, ах, далекое плывет...
Плыви, любовь,— тебя неумолимо
На Остров Сна судьба твоя влечет.

Плыви, любовь, сквозь сны и расстоянья,
За море, ах, далекое спеши,
Ведомая единственным желаньем —
Снять путы с очарованной души.

О Леди Снов, живущая за морем,
За морем, ах, далёко от меня,
Пошли мне сон, где встретимся мы вскоре —
Я и любимый — в ярком свете дня.

— Нет, это совсем иная песня,— сказал Валентин.— Грустная. Спой мне ту, фестивальную, любовь моя.

— В другой раз.

— Пожалуйста, Карабелла. Ведь сейчас время радости, воссоединения. Пожалуйста.

Она улыбнулась, вздохнула и снова взяла в руки арфу.

Моя любовь прекрасна, как весна,
Моя любовь сладка, как плод запретный,
Как ночь благоуханная, нежна...

«Да,— подумал он.— Да, эта песня лучше». Он обнял девушку за плечи, и они пошли вдоль берега. Здесь было изумительно хорошо, тепло и спокойно. Разноцветные птицы сидели на изогнутых ветвях невысоких деревьев, а кристально чистое, прозрачное море лизало песок. Воздух наполнял аромат незнакомых цветов. Вдали слышались смех и негромкая музыка. «Велико искушение,— подумал Валентин,— забыть все фантазии относительно Горного замка и навсегда остаться на Мардижиле... на рассвете выходить на рыбачьей лодке, а все остальное время валяться на песке под жарким солнцем».

Но его ждал единственный, предначертанный судьбой путь. Залзан Кавол и Делиамбер, здоровые и хорошо отдохнувшие после морских испытаний, явились к нему днем и тут же заговорили, что пора продолжать путешествие.

Залзан Кавол, со свойственной ему бережливостью, всегда держал деньги при себе, так что после гибели «Брангалина» по крайней мере половина их богатства была спасена, даже если Шанамир потерял остальное. Скандар выложил блестящие монеты.

— С этим,— сказал он,— мы можем нанять рыбачью лодку до Острова Сна. Я говорил с нашими хозяевами. Архипелаг растянулся на девятьсот миль. В нем три тысячи островов, из них больше восьмисот обитаемы. Здесь никто не берется пройти весь путь до Острова, но за несколько реалов мы можем нанять большой тримаран до Родамаунт-Грауна, находящегося примерно в середине цепи островов, а там, вероятно, сумеем договориться еще с кем-нибудь.

— Когда отплываем? — спросил Валентин.

— Как только все соберемся,— ответил Делиамбер.— Мне сказали, что кое-кто из наших уже едет сюда с ближайшего острова.

— Кто?

— Кхун, Виноркис и Шанамир,— сказал Залзан Кавол,— и мои братья Ерфон и Роворн. С ними капитан Горзвал. Гибор Хаэрн утонул, я видел, как он погиб: его ударило балкой. А о Слите ничего не известно.

Валентин коснулся руки скандара.

— Я скорблю о твоей последней утрате.

Залзан Кавол хорошо владел собой.

— Давай лучше порадуемся за тех, кто остался жив, мой лорд,— тихо произнес он.

Ближе к полудню лодка с Бермонта привезла уцелевших. Встреча была радостной, все бросились обнимать друг друга. Валентин повернулся к Горзвалу, стоявшему отдельно от всех, выглядевшему потрясенным и растерянным. Капитан, казалось, был в шоке и молча потирал культю своей отрезанной руки. Валентин хотел обнять растерявшегося скандара, но едва лишь он успел к нему приблизиться, как Горзвал упал на колени, коснулся лбом песка и дрожащими руками сделал знак Горящей Звезды.

— Мой лорд,— хрипло прошептал он,— мой лорд...

Валентин недовольно оглянулся.

— Кто проболтался?

Все молчали. Потом Шанамир испуганно признался:

— Я, мой лорд. Я не хотел ничего плохого. Скандар так переживал потерю своего корабля... Я хотел утешить его и сказал, кто был среди его пассажиров, а еще добавил, что благодаря этому капитан войдет в историю Маджипура. Мы тогда еще не знали, что ты жив.— Губы мальчика дрожали.— Мой лорд, я не хотел ничего плохого!

Валентин кивнул:

— Ничего плохого и не случилось. Я прощаю тебя, Шанамир.

Испуганный капитан сжался в комок у ног Валентина.

— Встань, Горзвал, иначе я не могу с тобой разговаривать.

— Мой лорд...

— Ну, пожалуйста, Горзвал, встань!

Скандар ошалело посмотрел на Валентина:

— Пожалуйста? Ты сказал пожалуйста?

Валентин засмеялся.

— Я, видно, забыл привычки власти. Ладно. Встань! Я приказываю! — Горзвал, дрожа, поднялся. Маленький трехрукий скандар с потускневшим, запачканным песком мехом и удрученным выражением лица выглядел весьма плачевно. Валентин продолжал: — Я принес тебе несчастье, а тебе и без того досталось в этой жизни! Прими мои извинения. Если судьба снова улыбнется мне, я исправлю беду, постигшую тебя. Обещаю тебе это. Что ты думаешь делать сейчас? Соберешь свою команду и вернешься в Пилиплок?

Горзвал с несчастным видом покачал головой:

— Я не могу вернуться. У меня нет корабля, нет репутации, нет денег. Я потерял все и никогда не восстановлю потерю. Мои люди свободны от контракта с тех пор, как «Брангалин» затонул. Теперь я один и разорен.

— Тогда пойдем с нами на Остров Повелительницы Снов, Горзвал.

— Мой лорд?

— Мы не можем оставаться здесь. Я думаю, островитяне не слишком жалуют чужаков, да и здешний климат не годится для скандаров. К тому же охотник на драконов едва ли сможет стать

рыбаком. Всякий раз, забрасывая сеть, он будет страдать. Поедем с нами. Если мы не уйдем дальше Острова, ты, возможно, найдешь успокоение, служа Хозяйке. Если же мы продолжим путь, тебе будет оказан почет, когда мы поднимемся на Замковую гору. Что скажешь, Горзвал?

— Мне страшно быть рядом с тобой, мой лорд.

— Разве я такой страшный? Разве у меня драконья пасть? Посмотри на других. Разве их лица позеленели от страха? — Валентин хлопнул капитана по плечу и обернулся к Залзану Каволу.— Никто не заменит погибших братьев, но я даю тебе хотя бы компаньона твоей расы. А теперь не пора ли нам готовиться к отъезду? До Острова еще много дней пути.

Менее чем через час Залзан Кавол нанял судно и договорился, что утром они отправятся на восток. В этот вечер гостеприимные островитяне устроили роскошный прощальный пир с холодным зеленым вином, сладкими сочными фруктами и изысканным свежим мясом морского дракона. От последнего блюда Валентина стало тошнить, и он хотел уже было отодвинуть его в сторону, но увидел, что Лизамон жует так, словно она последний раз в жизни ест мясо. Он решил испытать свою силу воли, зажмурился и проглотил кусок... Вкус оказался великолепным, и Валентин сразу же забыл все неприятные мысли, связанные с морскими драконами. Пока они пировали, солнце зашло, и, как всегда в тропиках, стало быстро темнеть. Небо окрасилось в зыбкие янтарные, фиолетовые, красные и золотые тона. «Да, благословенные острова,— подумал Валентин,— и исключительно радостные даже для этой планеты, где так много счастливых и полных жизни мест». Население, кажется, в основном состояло из красивых длинноногих людей с густыми золотистыми волосами и гладкой кожей медового цвета. Попадались, правда, врууны и даже гэйроги, а по словам Делиамбера, на островах Архипелага можно встретить и многие другие расы. Он уже свободно общался с островитянами и рассказал, что они не бывают на континентах, живут совершенно обособленно и почти ничего не знают о делах большого мира. Когда Валентин спросил одну из хозяек, проезжал ли мимо них лорд Валентин, корональ, возвращаясь из своего шествия по Зимроэлю, она взглянула на него и простодушно спросила:

— А разве корональ не лорд Вориакс?

— Нет. Я слышал, что он умер года два назад,— сказал кто-то из островитян. Большинством собравшихся за столом это было воспринято как новость.

Эту ночь Карабелла провела в доме, где остановился Валентин. Они долго стояли на веранде, глядя на сверкающую лунную дорожку, бегущую через море к далекому Пилиплоку. Валентин думал о морских драконах, обитающих в этом море, о чудовище, в брюхе которого он побывал, и с болью вспоминал двух своих пропавших товарищей — Гибора Хаэрна и Слита. Он вспоминал Пидруид, Дюлорн, Мазадон, Илиривойн, Ни-мойю, бегство через лес, пороги Стейч, суровость пилиплокских драконских капитанов, гигантского дракона, несущегося на судно бедняги Горзвала... Какое долгое и какое великое путешествие, многие тысячи миль... А сколько их еще осталось пройти, прежде чем он получит ответы на терзающие душу вопросы?

Карабелла молча прижалась к Валентину. Ее отношение к нему все время менялось, и теперь это была смесь страха и любви, уважения и непочтительности, потому что она принимала и почитала его как короналя, но не забывала о его простоте, наивности, неведении — качествах, которые он все еще не утратил. Она, конечно же, боялась, что в тот день, когда Валентин вернет себе прежнее положение, он будет навсегда для нее потерян. В повседневных отношениях с миром она была куда более сведущей и опытной, и это, несомненно, влияло на ее отношение к Валентину: он вызывал у нее страх, и одновременно было в нем что-то совершенно детское. Валентин понимал это, но ничего не мог изменить. Хотя фрагменты его прежнего «я» и полученного при дворе воспитания постепенно восстанавливались и с каждым днем он все больше привыкал к повелительному тону, большая часть его прежней личности все еще оставалась для него за семью печатями, поэтому в нем все еще жил Валентин-простодушный, Валентин-скиталец, Валентин-жонглер. Неясный образ лорда Валентина, которым он был когда-то и, может быть, станет снова, скрывался очень глубоко, редко проявляя себя, но никогда не позволяя забыть о себе. Он подумал, что Карабелла старалась с честью выйти из трудного положения.

— О чем ты думаешь, Валентин? — спросила она наконец.

— О Слите. Мне очень не хватает его.

— Он найдется. Мы встретим его на каком-нибудь острове.

— Хотел бы надеяться.— Валентин обнял ее за плечи.— Я думаю обо всем, что произошло, и о том, что еще случится. Я как бы блуждаю в мире снов.

— Кто скажет, что, в сущности, есть сон, а что нет? Мы повинуемся воле Божества и не задаем вопросов, потому что на них нет ответов. Ты понимаешь, что я имею в виду? Конечно, есть вопросы и есть ответы: я могу ответить тебе, какой сегодня день или что было у нас на обед, но ведь это не те вопросы и не те ответы.

— Я тоже так думаю,— согласился Валентин.

Глава 6

Залзан Кавол нанял самое большое рыбачье судно на острове — чудесный бирюзовый тримаран под названием «Гордость Мардижила». Это был пятидесятифутовый корабль, гордо покоящийся на трех своих стремительных корпусах, а его безупречной белизны паруса были расцвечены ярко-красной окантовкой, что придавало им веселый и праздничный вид. Его капитан, Гриджитор, был пожилым человеком, одним из самых процветающих рыбаков острова, высоким и крепким, с волосами до пояса и кожей столь загорелой, что она казалась пропитанной оливковым маслом. Он был среди тех, кто спас Залзана Кавола и Делиамбера, когда до острова дошли первые известия о тонущем корабле. В его команде было пять человек — все его сыновья и дочери, такие же крепкие и красивые, как и он.

Их путь лежал сначала на Бурбонт, всего в получасе плавания, а затем в неглубокий пролив, связывавший два внешних острова с остальными. Морское дно здесь было из чистого белого песка, и солнечный свет, легко проникавший сквозь зеленоватую прозрачную воду, освещал подводных жителей: быстрых крабов, большеногих омаров, всевозможных рыб и зловещих песчаных угрей. Один раз даже пронесся маленький морской дракон, слишком близко подплывший к земле и явно смущенный этим. Одна из дочерей капитана уговаривала отца погнаться за ним, но капитан отмахнулся, сказав, что их дело — побыстрее доставить пассажиров на Родамаунт-Граун.

Они плыли все утро, миновали еще три острова: Ричемур, Гриалон и Вомэйр — так назвал их капитан, и в полдень встали на якорь, чтобы позавтракать. Двое сыновей капитана отправи-

лись поохотиться. Нагие, в прозрачной воде, они походили на чудесных животных и быстро, почти без промаха, набили острогами рыбы и крабов. Гриджитор сам приготовил мясо, замариновал в пряном соусе кубики сырой рыбы и щедро налил пряного зеленого вина. Делиамбер почти ничего не ел. Он устроился на самом верху одного из внешних корпусов и устремил напряженный взор на север. Валентин заметил это и хотел подойти, но Карабелла удержала его за руку:

— Он в трансе. Не мешай ему.

После завтрака они на несколько минут задержались с отплытием, дождаясь, пока маленький вруун спустится со своего наблюдательного пункта. Колдун выглядел довольным.

— Я послал свою мысль вперед,— сообщил он,— и несу вам хорошую новость: Слит жив!

— Вот это и вправду хорошая новость! — вскричал Валентин.— Где он?

— На одном из островов,— ответил Делиамбер и неопределенно махнул щупальцами.— С ним еще несколько членов команды Горзвала — им удалось спастись на лодке.

— Назови остров, и мы пойдем туда,— сказал Гриджитор.

— Он имеет форму кольца, открытого с одной стороны, а в середине его — вода. Люди там темнокожие, с длинными курчавыми волосами, в ушах серьги.

— Кангрисорн,— тут же догадалась дочь Гриджитора.

Отец кивнул:

— Верно. Поднять якорь!

До Кангрисорна, маленького атолла, был час пути при попутном ветре. Он лежал несколько в стороне от обозначенного Гриджитором на карте курса. Это был один из полудюжины маленьких песчаных атоллов, всего лишь краешек выступающих над поверхностью воды рифов, окружавших небольшие лагуны. Видимо, его редко посещали люди с Мардижила, потому что еще до того, как тримаран вошел в гавань, его окружили лодки с местными ребятишками, которым не терпелось поглазеть на чужаков. Они были темнокожие, красивые, с иссиня-черными волосами и белоснежными зубами. Смеясь и размахивая руками, дети проводили тримаран до входа в лагуну, а там все увидели сидящего у воды Слита, обгоревшего на солнце, в лохмотьях, но невредимого. Он жонглировал пятью или шестью шариками из белого коралла, развлекая публику, состоявшую из нескольких

десятков островитян и пяти членов команды Горзвала — четверых людей и одного хьорта.

Горзвал, похоже, боялся встречаться со своей бывшей командой. С утра он вроде бы воспрянул духом, но теперь, когда тримаран входил в лагуну, он как-то напрягся и замолчал. Карабелла первой бросилась бежать по мелководью, чтобы обнять Слита, Валентин шел следом. Горзвал брел позади, не поднимая глаз.

— Как вы нашли нас? — спросил Слит.

Валентин показал на Делиамбера.

— Колдовство. Что же еще? С тобой все в порядке?

— Я думал, что сдохну от морской болезни, пока доберусь сюда, но дня через два поправился.— Поежившись, он спросил: — А ты? Я видел, как тебя утянуло под воду, и решил, что все кончено.

— Произошла странная история. Потом расскажу. Главное, что мы опять все вместе, Слит.— Немного помолчав, Валентин печально добавил: — Все, кроме Гибора Хаэрна. Он погиб. Но мы взяли в спутники Горзвала. Иди сюда, Горзвал. Разве ты не рад снова встретиться со своими ребятами?

Горзвал невнятно пробормотал что-то, глядя в пространство и стараясь не встретиться взглядом ни с кем. Валентин понял, в чем дело, обернулся к бывшим членам команды, собираясь просить их не держать зла на капитана за бедствие, неподвластное воле смертного, и отшатнулся, увидев, что все пятеро упали к его ногам.

Слит удрученно сказал:

— Я думал, что ты погиб, мой лорд, а потому не удержался и все им рассказал.

— Понятно,— кивнул Валентин.— Несмотря на все ваши клятвенные заверения, новости распространяются быстрее, чем мне хотелось бы. Что ж, это простительно, Слит.— Он снова обернулся к морякам: — Встаньте. Встаньте! Это ползанье в песке никому не нужно.

Бывшие подчиненные Горзвала встали. Они не могли скрыть своего недовольства капитаном, но изумление, вызванное тем, что они оказались в присутствии короналя, было сильнее. Валентин быстро выяснил, что двое — один человек и хьорт — хотят остаться на острове и со временем попытаться вернуться в Пилиплок. Остальные трое просили разрешения сопровождать его

в паломничестве. В числе этих троих были две женщины, Панделон и Кордеин,— плотник и парусный мастер, и мужчина, Тесме,— лебедочник. Валентин согласился взять их с собой, а они дали клятву верности. Церемония эта будила в нем смутное недовольство, однако приходилось привыкать к неизбежным атрибутам власти.

Гриджитор и его дети не обратили внимания на все эти коленопреклонения и целования руки. Оно и к лучшему: Валентин не хотел, чтобы до его встречи с Хозяйкой Острова Сна всюду стало известно о том, что память к нему вернулась. Он все еще не был уверен в своих силах. К тому же, если он объявит о себе во всеуслышание, это привлечет внимание теперешнего короналя, который вряд ли будет спокойно наблюдать, как претендент на трон движется к Замковой горе.

Тримаран вновь отправился в путь: от одного золотого острова к другому, держась вблизи берегов и только изредка выходя в более глубокие, темные воды. Мимо Лорманара и Климидола, Секундэйла и Блэйхер-Стрэнда, Гэрхувена и Висвис-Кипа, мимо Куила и Фруила, мимо Дайнбрика, Ниссемхолда и Тиакуила, мимо Роазена и Пиплината, мимо огромного крестообразного песчаного острова, известного как Дэмозел. Они остановились на острове Санграйв заправиться свежей питьевой водой, на Мюзорне — флягами с молодым вином местного приготовления. После многих дней путешествия мимо этих благословенных, пронизанных солнцем островов тримаран вошел в обширную гавань Родамаунт-Грауна. Это был большой и живописный остров вулканического происхождения, окруженный прекрасными пляжами. Весь его южный берег представлял собой прекрасный природный волнолом. Родамаунт-Граун был самым большим островом в Архипелаге, его населяли пять с половиной миллионов душ. По обе стороны гавани раскинулись, как крылья, два города-двойника. Склоны центрального пика острова тоже были густо населены. Деревянные дома поднимались ярусами почти до середины пика. За последней линией домов начинались густые леса, а над вершиной пика вилась в небо тонкая струйка белого дыма: Родамаунт-Граун был действующим вулканом. Последнее извержение, как сообщил Гриджитор, произошло лет пятьдесят назад. Но при взгляде на безупречно построенные дома и прекрасный лес в это трудно было поверить.

Отсюда «Гордость Мардижила» собиралась вернуться домой, и Гриджитор устроил своих пассажиров на еще более элегантный тримаран под названием «Королева Родамаунта», который должен был отвезти их на Остров Сна. Шкипером тримарана была некая Намуринта — женщина с царственной осанкой, длинными прямыми волосами, белыми, как у Слита, и молодым, без единой морщинки, лицом. Манеры ее были утонченными, и в них сквозила какая-то скрытая ирония. Она пристально рассматривала пассажиров, словно стараясь понять, что могло толкнуть этих столь не похожих между собой людей на внесезонное паломничество, но сказала только:

— Если на Острове вас не примут, я привезу всех обратно на Родамаунт-Граун, но за это придется доплатить.

— А на Острове часто отказывают пилигримам? — спросил Валентин.

— В положенное время — нет. Но, как вы, наверное, знаете, корабли пилигримов осенью не ходят. И может случиться, что там не готовы принять вас.

— Мы пришли издалека и без особых затруднений,— небрежно бросил Валентин и услышал, как фыркнула Карабелла и кашлянул Слит.— Я уверен, мы не встретим препятствий больших, чем те, которые уже преодолели.

— Я восхищена вашей решимостью,— сказала Намуринта и подала команде сигнал готовиться к отплытию.

Архипелаг в своей восточной части несколько изгибался к северу, и острова здесь совсем не походили на Мардижил и соседние с ним острова. В основном это были вершины подводной цепи гор, а не плоские платформы на коралловом основании. Изучая карты Намуринты, Валентин пришел к выводу, что когда-то эта часть Архипелага представляла собой длинный мыс — окончание полуострова, отходившего от юго-западной оконечности Острова Сна, но в давние времена поглощенного Внутренним морем. Над водой поднимались только наиболее высокие пики, а между самым восточным островом Архипелага и берегом Острова Сна лежали сотни миль открытого моря — непростое путешествие для тримарана, даже и столь хорошо оснащенного, как судно Намуринты. Однако обошлось без происшествий.

Они останавливались в четырех портах: Хеллрэйге, Семпифиоре, Диммиде и Гуаделуме — пополнить запасы воды пищи, спокойно проплыли мимо Родамаунт-Оунза — последнего острова

Архипелага — и вошли в канал Унгехойер, отделявший Архипелаг от Острова Сна. Это был широкий, но мелководный пролив, кишевший разнообразной морской живностью, отлавливаемой рыбаками всюду, кроме последней сотни миль на самом востоке, считавшихся священной границей Острова. Здесь обитали безвредные чудища — громадные шаровидные создания, которые назывались вольвантами. Они прикреплялись к камням на дне и питались планктоном, процеживая его через жабры. Они постоянно выделяли некое вещество, благодаря которому вокруг них существовала питательная среда, поддерживавшая огромное разнообразие форм жизни. За несколько последующих дней Валентин увидел дюжины вольвантов: сморщенные шарообразные мешки пятидесяти-семидесяти футов в поперечнике, карминного цвета, покачивавшиеся на глубине нескольких футов. На их коже виднелись полукруглые отметины, которые представлялись Валентину глазами, носами и губами вольвантов, и ему казалось, что он видит лица, с грустью смотрящие на него из-под воды. И вольванты виделись ему существами, пребывающими в глубокой меланхолии, философами, чьи мысли оказывали влияние на приливы и отливы.

— Они наводят на меня грусть,— сказал он Карабелле.— Вечно парящие там, привязанные своими хвостами к скрытым в глубине камням, медленно поворачивающиеся по воле течений. Как они задумчивы!

— Задумчивы?! Примитивные газовые мешки, ничуть не разумнее мха!

— Но, Карабелла, взгляни-ка на них повнимательнее. Они хотят летать, парить, они смотрят в небо, на весь воздушный мир и жаждут выйти в него, но все, что им позволено,— это висеть под волнующейся поверхностью и качаться, наполняя себя невидимыми организмами. Рядом, совсем неподалеку от их лиц, лежит совершенно другой мир, грозящий им смертью, попытайся они войти в него. И тебя это не трогает?

— Глупости все это,— ответила Карабелла.

На второй день «Королева Родамаунта» подошла к пяти лодкам рыбаков, которые отсекли вольванта от его якоря-корня, вынули на поверхность, разделали и сняли с него кожу, которую затем нарезали мелкими кусочками и разложили на палубе. Валентин ужаснулся. «Когда я снова буду короналем,— подумал он,— я запрещу убивать этих безвредных тварей». Однако,

поймав себя на этой мысли, он вдруг задумался: а имеет ли он право издавать законы, основываясь только на личных симпатиях и не изучив все факты? Он решил узнать у Намуринты, что делают с кожей вольвантов.

— Лекарство для стариков, кровь которых вяло течет в жилах,— ответила она.— Одного вольванта хватит на лекарство для всех островов на год, а то и больше. То, что ты сейчас видел,— редкое событие.

«Когда я снова буду короналем,— подумал Валентин,— я воздержусь от суждений, пока не узнаю истины, если такое вообще возможно».

Тем не менее вольванты вызывали в нем странные эмоции, и он вздохнул с облегчением, когда тримаран вышел в холодные голубые воды, окружавшие Остров Сна.

Глава 7

Остров уже отчеливо вырисовывался на востоке и с каждым часом заметно увеличивался в размерах. Валентин видел его только во сне и в своем воображении. Эти видения ни на чем не основывались, однако придуманные и частично сохранившиеся в воспоминаниях образы еще жили в его памяти, и он вовсе не был готов к действительности.

Остров был огромен, да это и неудивительно для столь великой планеты. Однако Валентин, сбитый с толку тем, что это все-таки остров, предполагал, что он, вероятно, раза в два-три больше Родамаунт-Грауна. Теперь же он видел, что Остров Сна занимает весь горизонт, насколько хватает глаз. Примерно таким же виделось ему побережье Зимроэля, когда они находились в двух днях пути от Пилиплока. Это был остров, сравнимый по величине с Зимроэлем, Алханроэлем и Сувраэлем, и он не назывался континентом только потому, что те были огромными, а он просто очень большим. Ослепительно чистые меловые утесы ярко сияли на солнце и сливались в стену в сотни футов высотой, которая, вероятно, тянулась на сотни миль по западной стороне Острова.

Над этой стеной виднелась темно-зеленая полоса леса. Создавалось впечатление, что за ней возвышалась вторая меловая стена, еще дальше от моря — третья, так что Остров, казалось, представлял собой череду сверкающих ярусов, поднимавшихся

к какой-то неизвестной и, возможно, недоступной центральной цитадели. Валентин слышал о террасах Острова, но представлял их себе древними искусственными сооружениями, символическими этапами подъема к посвящению. Однако, похоже, Остров сформирован природными террасами, что еще более усугубляло его таинственность. Стоит ли удивляться, что это место стало священным на Маджипуре?

— Эта выемка в утесе — Талеис, куда причаливают корабли пилигримов,— пояснила Намуринта, указывая рукой.— Это одна из двух гаваней Острова, вторая — Нуминор — на другой стороне, со стороны Алханроэля. Но вы, наверное, и сами это знаете, раз вы пилигримы.

— У нас было мало времени на подготовку,— отозвался Валентин.— Мы неожиданно решились на паломничество.

— И вы проведете остаток своей жизни здесь, на службе у Хозяйки Острова? — спросила она.

— На службе у Хозяйки, да,— ответил Валентин,— но, думаю, не здесь. Для некоторых из нас Остров — только остановка на очень длинном пути.

Намуринта казалась озадаченной, но больше ни о чем не спрашивала.

Юго-западный ветер быстро и легко донес «Королеву Родамаунта» к Талеису. Скоро перед ними выросла громадная меловая стена, а то, что они приняли за выемку, оказалось очень большой гаванью. Тримаран вошел под полными парусами. Валентин, склонившись, стоял на носу, и волосы его развевались на ветру. Открывшаяся его взгляду картина вызвала в душе благоговейный страх: в углу V-образной гавани утесы спускались в воду почти отвесно с высоты в милю или больше, а в их основании лежала плоская полоса земли, ограниченная широким белым пляжем. На одной стороне располагались верфи, пирсы и доки, казавшиеся карликовыми по сравнению с этим гигантским амфитеатром. Трудно было представить, каким образом из порта у подножия утесов кто-то мог проникнуть в глубь Острова: это была природная крепость.

Паломников встретила тишина. В гавани не было ни одного судна, кругом царило странное спокойствие, лишь изредка нарушаемое завыванием ветра да криком случайно пролетевшей чайки.

— Есть там кто-нибудь? — спросил Слит.— Кто нас встретит?

Карабелла закрыла глаза.

— Обходить Остров и идти до Нуминора или вернуться на Архипелаг...

— Нет,— возразил Делиамбер.— Нас встретят. Бояться нечего.

Тримаран встал у свободного пирса, с него спустили лодку, и они поплыли к берегу. Уверенность Делиамбера казалась совершенно необоснованной. Вокруг — ни души. Стояла такая тишина, что Валентину захотелось заткнуть уши, только бы ее не слышать. Все ждали, неуверенно переглядываясь.

— Давайте искать,— предложил наконец Валентин.— Лизамон, Кхун, Залзан Кавол, осмотрите здания слева. Слит, Делиамбер, Виноркис, Шанамир — справа, Панделон, Тесме, Роворн, обогните пляж и посмотрите, что там. Горзвал, Ерфон...

Сам Валентин, Карабелла и парусный мастер Кордеин пошли вперед, к подножию громадного утеса. Здесь начиналось нечто вроде тропы, которая почти вертикально уходила к самой макушке утеса и исчезала между двумя белыми шпилями. Чтобы подняться по этой тропе, нужно обладать ловкостью лесных братьев и нахальством горного козла, решил Валентин. Однако другой возможности покинуть берег, по-видимому, не было. Он заглянул в будочку у начала тропы, но нашел только парящие сани, видимо, служившие для подъема. Он вытащил одни, установил в подъемное устройство, сел в них, но привести их в движение не сумел.

Разочарованный, он вернулся к пирсу. Почти все уже были там.

— Все пусто,— доложил Слит.

Валентин посмотрел на Намуринту.

— Сколько тебе нужно времени, чтобы отвезти нас на ту сторону?

— В Нуминор? Несколько недель. Но я туда не поеду.

— Мы заплатим,— сказал Залзан Кавол.

Она равнодушно взглянула на него.

— Мое дело — рыболовство. Начинается лов рыбы-колючки. Если я повезу вас в Нуминор, я пропущу и этот лов, и половину сезонного лова гиссуна. У вас денег не хватит, чтобы возместить мне убытки.

Скандар достал монету в пять реалов, словно надеясь, что ее блеск заставит капитана изменить решение. Но та лишь отрицательно качнула головой.

— Вы заплатили мне, чтобы я привезла вас с Родамаунт-Грауна сюда. За половину той платы я отвезу вас обратно. Это лучшее, что я могу сделать. Через несколько месяцев снова пойдут корабли пилигримов, гавань оживет, и тогда, если вы захотите, я опять доставлю вас сюда за те же полцены. Как бы вы ни решили, я к вашим услугам. Я отчалю отсюда до наступления темноты, и не в Нуминор.

Валентин обдумал сложившуюся ситуацию. Это еще хуже, чем быть проглоченным драконом, потому что тогда ему удалось освободиться довольно быстро, а это неожиданное препятствие сулило отсрочку на всю зиму, если не больше. Все это время Доминин Барджазид будет править в Замке, рассылать новые законы, изменять историю и укреплять свое положение. Что же делать? Он взглянул на Делиамбера, но колдун, казавшийся совершенно спокойным, не дал никакого совета. На эту стену им не вскарабкаться. Летать они не умеют. Связывающие их путы тяготения не позволят запыгнуть наверх, к этим недостижимым, безгранично желанным лесным рощам, укрывающим стены. Значит, назад, на Родамаунт-Граун?

— Ты согласна подождать всего один день? — спросил он Намуринту.— За дополнительную плату. Может, утром мы найдем кого-нибудь...

— Я далеко от Родамаунт-Грауна,— ответила она,— и хочу как можно скорее вновь увидеть его берега. Лишний час ожидания вам не даст ничего, а мне и того меньше. Не тот сезон: люди Повелительницы не ждут никого и не придут сюда.

Шанамир слегка дернул Валентина за рукав.

— Ты — корональ Маджипура,— прошептал он.— Прикажи ей ждать! Назови себя и заставь ее встать на колени!

Валентин улыбнулся и тихо ответил:

— Я думаю, этот номер не пройдет. Я где-то оставил свою корону.

— Так пусть Делиамбер заколдует ее и сделает уступчивой.

Это было возможно, но Валентин не хотел пользоваться чарами. Намуринта была честна с ними и теперь имела право уйти. И к тому же, наверное, она права: ждать можно и день, и два, и три, а толку не будет. А заставить ее уступить с помощью колдовства Делиамбера казалось ему отвратительным. Но, с другой стороны...

— Лорд Валентин! — позвал издали женский голос.— Иди сюда!

Он посмотрел в дальний конец гавани. Кричала Панделон, плотник Горзвала. Она махала руками и звала. Валентин рванулся к ней, остальные бросились следом. Когда он подбежал, она повела его по мелководью вокруг каменного выступа, скрывавшего пляж поменьше. Там он увидел одноэтажное здание из розового песчаника с эмблемой Хозяйки Острова Сна — треугольник в треугольнике,— видимо, символом какой-то гробницы. Перед зданием был сад с расположенными симметричным узором кустами, на которых распустились красные, голубые, оранжевые и желтые цветы.

За садом ухаживали два садовника, мужчина и женщина. Они равнодушно взирали на приближавшегося Валентина. Он неуклюже сделал им знак Хозяйки Острова Сна, они ответили тем же, но более умело.

— Мы пилигримы,— обратился к ним Валентин,— и хотим узнать дорогу к террасам.

— Вы приехали не вовремя,— ответила женщина с широким, бледным, морщинистым лицом. В ее голосе не было и тени дружелюбия.

— Виной тому наше стремление служить Хозяйке.

Женщина пожала плечами и вернулась к своей работе.

— В это время года надо ехать в Нуминор,— вступил в разговор мужчина, крепкий, невысокий, с редкими седыми волосами.

— Мы из Зимроэля.

В его взгляде появилась слабая заинтересованность.

— Сквозь драконьи ветры? Вам, верно, нелегко пришлось?

— Были кое-какие трудные минуты,— ответил Валентин,— но теперь они позади. Мы рады, что наконец добрались до Острова.

— Повелительница позаботится о вас,— снова равнодушно произнес мужчина и взялся за лопату.

После минутного, но напряженного молчания Валентин спросил:

— Где дорога на террасы?

— Вы не сможете воспользоваться ею,— отозвалась женщина.

— Вы не поможете нам?

Снова последовало молчание.

— Это же недолго,— настаивал Валентин.— Покажите нам дорогу, и мы больше не будем беспокоить вас.

— Мы заняты делом,— возразил мужчина.

Валентин облизнул губы. Выхода не было. Насколько ему известно, Намуринта минут пять назад покинула Остров и возвращается в Родамаунт-Граун, бросив их здесь. Он посмотрел на Делиамбера, надеясь на его колдовские прикосновения. Вруун не воспринял намек. Валентин подошел к нему и шепнул:

— Коснись их щупальцем и заставь помочь нам.

— Думаю,— ответил Делиамбер,— на этом священном острове мое колдовство мало чего стоит. Пользуйся своими чарами.

— Но я ими не обладаю!

— Попробуй,— предложил вруун.

Валентин вернулся к садовникам.

Сказать садовникам что-либо вроде: «Я — корональ Маджипура, я — сын Хозяйки Острова Сна, которой вы оба служите» — немыслимо, но он, возможно, сумеет передать это лишь силой духа. Он выпрямился, внутренне сосредоточился, как делал это, готовясь жонглировать перед взыскательной аудиторией, и улыбнулся такой теплой улыбкой, от которой могли бы раскрыться почки на ветвях засохших кустов. Через минуту садовники оторвались от своей работы и бросили взгляд на Валентина. Реакция превзошла все ожидания: при виде его улыбки на их лицах отразились удивление, растерянность и... покорность.

Всем своим видом Валентин излучал искреннее дружелюбие.

— Мы преодолели тысячи миль,— ласково начал он,— чтобы отдаться на милость Хозяйки Острова, и мы просим вас во имя Божества, которому вы служите, помочь нам на нашем пути. Нужда наша велика, и мы устали от странствий.

Они заморгали, словно из-за серых облаков вышло солнце.

— Но мы заняты,— неуверенно ответила женщина.

— Мы не можем уйти, пока сад не ухожен,— промямлил мужчина.

— Сад цветет,— возразил Валентин,— и не погибнет без вас за несколько часов. Помогите нам, пока не стемнело. Мы просим только показать дорогу, и Хозяйка вознаградит вас за это.

Садовникам было явно не по себе. Они посмотрели друг на друга, потом на небо, как бы прикидывая, не поздно ли. Наконец оба, нахмурившись, поднялись, отряхнули песок с коленей и пошли к краю воды в мелкий прибой вокруг выступа большого пляжа, а затем вниз к подножию утеса, где начиналась вертикальная тропа.

Намуринта была еще там, но уже готовилась к отплытию. Валентин подошел к ней:

— Мы глубоко признательны тебе за помощь.

— Вы остаетесь?

— Мы нашли путь на террасы.

Она улыбнулась с искренней радостью:

— Не хочется бросать вас, но Родамаунт-Граун зовет меня. Удачи вам в вашем паломничестве.

— А я желаю тебе безопасного путешествия домой.

Валентин уже повернулся было, чтобы уйти, но она остановила его:

— Еще одно. Та женщина назвала тебя лордом Валентином. Что это значит?

— Просто шутка,— ответил Валентин.

— Я слышала, так зовут нового короналя. Он начал править год или два назад.

— Да,— кивнул Валентин,— но он черноволосый. Это была просто шутка, потому что я тоже Валентин. Счастливого плавания, Намуринта.

— Плодотворного паломничества, Валентин.

Он пошел к утесу. Садовники вытащили из будки несколько парящих саней, установили их как нужно и жестом пригласили путешественников. Валентин сел в первые сани с Карабеллой, Делиамбером, Шанамиром и Кхуном. Садовница вошла в будку, откуда, видимо, управляли подъемом.

Сани тут же поднялись на воздушной подушке и поплыли. Начался страшный головокружительный подъем на белый утес.

Глава 8

— Вы прибыли,— сказал служитель Талинот Исульд,— на террасу Оценки. Здесь оценят баланс ваших личностей. Когда настанет время идти дальше, дорога приведет вас на террасу Вступления, затем на террасу Зеркал, где вы встретитесь с собой. Если

увиденное удовлетворит вас и ваших наставников, вы отправитесь на Второй утес, где вас ждет другая группа террас. Так вы доберетесь до террасы Поклонения. Затем, если над вами будет милость Хозяйки, вас вызовут во Внутренний храм. Но на вашем месте я бы не надеялся, что это случится скоро. Я бы даже не надеялся, что это вообще произойдет. Но те, кто стремится встретиться с Хозяйкой Острова, в конце концов, вполне вероятно, доходят до нее.

Настроение Валентина испортилось. Он не просто надеялся дойти до Хозяйки, ему это было жизненно необходимо. Однако он понимал, что имел в виду служитель. В этом священном месте паломник ничего не требовал — он подчинялся. Он должен был отказаться от требований, нужд и желаний и уступить, если искал покоя и утешения у Хозяйки Острова. Здесь не место для короналя. Главное в жизни короналя — пользоваться властью: мудро, если он мудр, но в любом случае твердо. Главное в жизни пилигрима — подчиняться. Это противоречие могло с легкостью погубить Валентина, но иного выбора не было.

Во всяком случае, он заметно приблизился к Повелительнице Снов. На вершине утеса служители встретили их без всякого удивления. Видимо, они знали, что к ним поднимаются пришедшие не в сезон паломники. Теперь их, выглядевших благочестиво и несколько глупо в мягкой белой одежде пилигримов, собрали в длинном низком здании из гладкого розового камня, стоявшем у гребня утеса. Плиты из того же камня устилали широкую дорожку для прогулок, тянувшуюся, видимо, довольно далеко вдоль кромки леса, венчавшего утес. Это была терраса Оценки. Дальше шел лес. Другие террасы располагались далеко за ним.

В глубине, невидимый отсюда, поднимался Второй утес. Третий утес, насколько Валентин знал, был выше Второго и находился в сотнях миль отсюда, где-то в глубине Острова. Это была священнейшая территория, где стоял Внутренний храм и где жила сама Повелительница Снов. Несмотря на то что Валентин проделал такой огромный путь, казалось немыслимым, что он когда-нибудь одолеет эти последние несколько сотен миль.

Быстро наступала ночь. Бросив взгляд в круглое окно за спиной, он увидел темневшее небо и широкую темную полосу моря. На гладкой поверхности воды Валентин заметил пятнышко — наверное, это возвращается домой тримаран «Королева Родамаунта»... А чуть дальше вольванты видят свои бесконечные сны,

и морские драконы плывут к Великому океану... А еще дальше — Зимроэль с его городами, заповедниками и парками, фестивалями и миллиардами жителей... Многое осталось позади, но теперь он должен смотреть вперед.

Валентин внимательно смотрел на Талинота Исульда, их первого здешнего сопровождающего, высокое, худощавое существо неопределенного пола, с молочно-белой кожей и лысой головой. По росту и ширине плеч можно было предположить, что это мужчина, но тонкие черты лица, особенно хрупкий изгиб легкого выступа над странными синими глазами, позволяли допустить и иное.

Талинот Исульд объяснил все: ежедневный порядок молитв, работы и медитации, систему толкования сна, устройство жилых помещений, пищевые ограничения, исключавшие все вина и некоторые пряности, и многое другое. Валентин пытался запомнить все это, но правил, требований, обязанностей и обрядов было так много, что они перепутались в голове, и через некоторое время он оставил всякие усилия, надеясь, что ежедневная практика вобьет в него все необходимое.

Когда стемнело, Талинот Исульд повел их из зала обучения в обеденный зал. Они миновали каменный бассейн, заполняемый из минерального источника, где чуть раньше мылись, прежде чем надеть данную им одежду, и где должны были мыться дважды в день, пока находились на этой террасе. В обеденном зале им подали простую пищу: суп и рыбу — безвкусные и непривлекательные на вид даже для зверски голодных паломников. Здесь работали новички вроде них, но в светло-зеленой одежде. Большой зал был занят лишь частично: время обеда уже почти прошло, как объяснил Талинот Исульд. Валентин оглядел других пилигримов. Они принадлежали к разным расам: примерно половина — люди, но были и врууны, гэйроги, скандары, несколько лиименов, хьорты, а в дальнем конце зала разместилась маленькая группа су-сухирисов. Хозяйке Острова Сна поклонялись все расы Маджипура, кроме одной.

— Метаморфы когда-нибудь искали Хозяйку? — спросил Валентин.

Талинот Исульд ангельски улыбнулся.

— Если пиуривар придет к нам, мы должны принять его. Но они не участвуют в наших ритуалах. Они живут сами по себе, словно на Маджипуре нет никого, кроме них.

— Может, кто-нибудь из них приходил сюда в другом обличье? — предположил Валентин.

— Мы знали бы об этом,— спокойно ответил Талинот Исульд.

После обеда их развели по отдельным комнатам размером едва ли больше стенного шкафа. Обставлены они были более чем скромно: постель, раковина, место для одежды — и ничего больше.

Лизамон сердитым взглядом окинула свое жилище.

— Вина нет, меч отобрали, а теперь еще и спать в этом ящике? Похоже, я промахнулась, став пилигримом, Валентин.

— Успокойся, возьми себя в руки, потерпи. Мы пройдем весь Остров как можно быстрее.

Валентин вошел в свою комнату, находившуюся между комнатами Лизамон и Карабеллы. Свет тут же начал гаснуть. Он лег на койку и неожиданно для себя понял, что засыпает, хотя было еще рано. Когда сознание покинуло его, он увидел Хозяйку Острова. Сомнений и ошибки быть не могло — это была Повелительница Снов. После Пидруида Валентин много раз видел ее во сне: ее ласковые глаза, черные волосы, цветок за ухом, оливковую кожу — но сейчас образ был четким, с множеством деталей. Он разглядел мелкие морщинки в уголках глаз, крошечные зеленые камни в серьгах, узкую серебряную полоску над бровями.

— Мама, я здесь, позови меня к себе! — молил он, протягивая к ней руки.

Она улыбнулась ему, но не ответила.

Они были в саду, и вокруг цвели алабандины. Маленьким золотым инструментом она отщипывала цветочные бутоны, чтобы оставшиеся цвели лучше и пышнее.

Он стоял рядом и ждал, когда Хозяйка обернется к нему, но она, казалось, была поглощена своим занятием. Наконец, не глядя на него, она произнесла:

— Нужно быть очень внимательным к своему делу, чтобы хорошо его выполнить.

— Мама, я твой сын Валентин!

— Видишь, на каждой ветке пять бутонов. Оставь их, и они все раскроются, но я уберу два там, один здесь, еще один вот тут, и цветение будет великолепным.

Пока она говорила, бутоны раскрылись, и запах алабандинов наполнил воздух, а громадные, как тарелки, желтые лепестки развернулись, открыв черные тычинки и пестик. Хозяйка слегка коснулась их, и пурпурная пыльца разлетелась во все стороны.

— Ты тот, кто ты есть, и всегда им будешь,— произнесла Повелительница.

Сон сменился. Хозяйка Осторова исчезла, и только колючие кусты махали ему жесткими ветвями, а над ним летали огромные птицы.

Затем все смешалось.

Проснувшись, он должен был сразу же доложить своему толкователю снов — не Талиноту Исульду, а другому служителю, тоже лысому и тоже неопределенного пола, но, более вероятно, все-таки женщине, Стоминоп. Эти служители были среднего уровня посвящения, как вчера узнал Валентин. Они вернулись с Второго утеса, чтобы обслуживать новичков.

Толкование снов на Острове ничуть не напоминало действий Тизаны в Фалкинкипе. Не было ни наркотических средств, ни возлежания бок о бок. Валентин просто пришел к толковательнице снов и описал все, что видел. Стоминоп спокойно слушала. Валентин заподозрил, что толковательница имела доступ к его сну и теперь просто хочет сравнить рассказ Валентина с собственным восприятием и проверить, нет ли провалов и противоречий. Поэтому Валентин как можно точнее передал сон, а приводя свои слова «Мама, я твой сын Валентин», внимательно посмотрел на Стоминоп. С тем же успехом он мог смотреть на меловой утес.

Когда он замолчал, толковательница спросила:

— Какого цвета были лепестки алабандинов?

— Желтые с черной серединкой.

— Хороший цвет. В Зимроэле алабандины алые с желтой серединой. Какие тебе больше нравятся?

— Одинаково.

Стоминоп улыбнулась.

— В Алханроэле алабандины желтые с черной серединкой. Можешь идти.

И так каждый день: загадочное замечание, а если не загадочное, то такое, что его можно было истолковать по-разному,— но никаких пояснений. Стоминоп была как бы хранилищем снов Валентина, она впитывала их, однако не давала советов. Валентин начал привыкать к этому.

Он втянулся и в ежедневную работу. Каждое утро он два часа трудился в саду: полол, подрезал, окапывал. После обеда работал каменщиком, изучая искусство обтесывания плит. Затем шли долгие часы медитации. Тут им никто не руководил — просто посылали смотреть на стены. Своих спутников он почти не видел, разве что в минуты совместного купания утром и перед ужином. Разговаривали они мало. Легко было войти в такой ритм жизни и отбросить все заботы. Тропический воздух, аромат множества цветов, благородный дух всего, что было здесь, успокаивали и размягчали, как теплая ванна.

Но Алханроэль лежал в тысячах миль к востоку, а Валентин ни на дюйм не приблизился к своей цели, поскольку оставался на террасе Оценки. Прошла уже неделя. Во время медитации Валентин предавался мечтам: он соберет своих людей, удерет ночью, тайком пройдет через террасы Второго и Третьего утесов и появится на пороге Храма Повелительницы Снов. Однако он подозревал, что в таком месте, где сон — открытая книга, им далеко не уйти.

Это его раздражало. Он понимал, что раздражение мешает ему, и учился расслабляться, отрешаться от своих неотложных задач, очищать мозг от всех желаний, принуждений и отвлечений, пытаясь таким образом открыть путь сну, которым Хозяйка позовет его к себе.

Но и это не дало результата. Он выдергивал сорняки, обрабатывал теплую плодородную почву, носил ведра со строительным раствором к дальним концам террасы, целыми часами во время медитации сидел, скрестив ноги и совершенно ни о чем не думая, каждую ночь молился, чтобы Повелительница позвала его, но ничего не происходило.

— Долго ли это будет продолжаться? — однажды в бассейне спросил он Делиамбера.— Пятая неделя идет, а может, и шестая — я уже сбился со счета. Сколько я должен быть здесь? Год? Два? Три?

— Некоторые пилигримы ждут и дольше,— ответил вруун.— Я разговаривал с одной женщиной-хьортом, которая служила в патруле при лорде Вориаксе. Она провела здесь четыре года и, кажется, вполне примирилась с тем, что останется тут навсегда.

— Ей не надо никуда идти. А жить здесь достаточно приятно. Но у меня...

— ...важные дела на востоке,— закончил за него Делиамбер.— Однако ты обречен оставаться здесь. В твоей дилемме есть парадокс, Валентин: ты отрекаешься от цели, но твое отречение само по себе цель. Разве ты этого не понимаешь? Твоя толковательница наверняка понимает.

— Конечно, понимаю. Но что мне делать? Как я могу уверять, что меня не беспокоит, останусь ли я здесь навсегда?

— Уверять нельзя. Но ты двинешься вперед как только по-настоящему перестанешь беспокоиться, не раньше.

Валентин покачал головой.

— Это все равно, как если бы мое спасение зависело от того, буду я вспоминать о гихорн-птицах или нет. Как бы я ни старался не думать о них, они все время будут лезть мне в голову. Что мне делать, Делиамбер?

Других советов у колдуна не было.

На другой день Валентин узнал, что Шанамир и Виноркис продвинулись на террасу Вступления.

Прошло два дня, прежде чем Валентин и Делиамбер встретились снова. Вруун заметил, что Валентин плохо выглядит. Тот с нескрываемым раздражением ответил:

— А как я, по-твоему, должен выглядеть? Ты знаешь, сколько сорняков я выдрал, сколько плит обтесал, а Барджазид сидит себе в Горном замке в Алханроэле и...

— Успокойся,— мягко остановил его Делиамбер.— Ты сам на себя не похож.

— Успокоиться? Сколько я могу быть спокойным?

— Возможно, таким образом испытывают твое терпение. В этом случае, мой лорд, ты провалишь испытание.

Валентин задумался, а затем произнес:

— Наверное, ты прав. А если испытывают мою изобретательность? Делиамбер, пошли в мою голову призывный сон в эту ночь.

— Я же говорил, мое колдовство мало чего стоит на Острове.

— Сделай это. Попробуй. Составь послание от Повелительницы Снов и направь его в мой мозг, а там видно будет.

Колдун пожал плечами и, чтобы передать мысль, коснулся щупальцами руки Валентина. Тот почувствовал слабый внутренний толчок.

— Твое колдовство работает,— сказал он.

В эту ночь он увидел во сне, что плавает, как вольвант, в бассейне, прикрепленный к камням какой-то пленкой, растущей из его ног, и пытается освободиться. В это время в ночном небе появляется улыбающееся лицо Повелительницы. Она зовет:

— Иди ко мне, Валентин.

Пленка исчезает, он всплывает на поверхность, и ветер относит его к Внутреннему храму.

Валентин изложил этот сон Стоминоп. Та выслушала равнодушно. На следующий день Валентин сказал, что видел тот же сон, и Стоминоп опять промолчала. В третий раз Валентин повторил то же и попросил толкования. Стоминоп ответила:

— Толкование твоего сна таково: на чужих крыльях птица не летает.

Валентин покраснел и вышел.

Через пять дней Талинот Исульд сообщил, что Валентину даровано разрешение перейти на террасу Вступления.

— Но почему? — спросил Валентин Делиамбера.

— Почему? — переспросил вруун.— Когда речь идет о духовном совершенствовании, это пустой вопрос. В тебе явно что-то изменилось.

— Но мой сон был незаконным!

— Может, и законным,— пожал плечами колдун.

Один из служителей повел Валентина по лесной тропинке к следующей террасе. Дорога была запутанной, извилистой, иногда требовалось повернуть, казалось бы, совершенно не в том направлении. Валентин полностью потерял счет времени. Через несколько часов они вдруг оказались на обширном свободном пространстве. На розовых каменных плитах террасы через равные промежутки поднимались пирамиды из темно-голубого камня в десять футов высотой.

Жизнь тут была в основном такой же: черная работа, медитация, встречи с толковательницей снов, скромное жилье, скудная пища. Но здесь началось священное обучение. Ежедневно в течение часа посредством эллиптических сравнений и круговых диалогов объяснялись принципы благоволения Хозяйки Острова.

Сначала Валентин слушал невнимательно. Все казалось ему неопределенным и абстрактным. Ему трудно было сосредоточиться на столь отвлеченных понятиях, поскольку им владела конкретная политическая страсть — добраться до Замка и устроить допрос правительству Маджипура. Но на третий день он вдруг с удивлением осознал, что все рассказы служителя о Хозяйке Острова Сна тесно связаны с ее политической ролью. Именно она, как понял Валентин, была регулирующей силой, скрепляющей любовью и верой центры власти на этой планете. Кроме того, она разработала свою магию снов-посланий.

Конечно, распространенному в народе мифу, что она каждую ночь прикасается к сознанию миллиардов жителей, верить было нельзя, но сомневаться в том, что ее спокойный дух делает жизнь легче, не приходилось. Король Снов посылает прямые и специальные сны, бичующие виновных и предупреждающие неуверенных, его послания могут быть жестокими. Но как тепло моря умеряет климат страны, так Повелительница Снов смягчает грубые формы контроля над Маджипуром, и теология считает ее воплощением Божественной Матери. Теперь Валентин понял метафору о разделении власти, которую использовали древние правители Маджипура.

Теперь он слушал с неослабевающим интересом. Он отказался от неуемного стремления поскорее преодолеть все террасы и решил научиться здесь всему, что только будет возможно.

На этой террасе Валентин был совсем одинок. Это было непривычно. Шанамира и Виноркиса он не встречал (может, их уже послали на террасу Зеркал), а остальные, насколько ему было известно, остались позади. Больше всего ему не хватало кипучей энергии Карабеллы и язвительной мудрости Делиамбера, но другие за время долгого и тяжелого путешествия через Зимроэль тоже стали частью его души, и ему было неуютно от того, что их нет рядом. Его жизнь жонглера, казалось, давно окончена и никогда не вернется. Иногда в свободные минуты он срывал плоды с деревьев и жонглировал ими, чтобы развлечь новичков и служителей. Один широкоплечий чернобородый мужчина по имени Фарссал особенно внимательно следил за выступлениями Валентина.

— Где ты научился этому искусству? — поинтересовался он.

— В Пидруиде,— ответил Валентин.— Я был в труппе жонглеров.

— Хорошая, верно, была жизнь?

— Да,— кивнул Валентин.

Он вспомнил те чувства, которые испытывал во время выступлений перед смуглолицым лордом Валентином на арене в

Пидруиде, на широких подмостках Постоянного цирка в Дюлорне и вновь воскресил в памяти незабываемые сцены прошлого.

— Этому можно научиться? — спросил Фарссал.— Или это врожденный дар?

— Любой научится, если у него быстрый глаз и он умеет сосредоточиться. Я учился всего две недели в прошлом году в Пидруиде.

— Ну нет! Наверняка всю жизнь жонглировал!

— До прошлого года — нет.

— Тогда зачем ты взялся за это?

Валентин улыбнулся.

— Нужно было зарабатывать на жизнь, а в Пидруид на фестиваль короналя приехали странствующие жонглеры, и им нужны были лишние руки. Они меня быстро научили. Я мог бы научить тебя.

— Думаешь, получится?

— Лови,— сказал Валентин.

Он бросил чернобородому один из крепких зеленых плодов, которыми жонглировал.

— Перебрасывай его из руки в руку. Пальцы держи свободно. Тебе надо усвоить несколько основных положений и приемов, попрактиковаться в них, а потом...

— А чем ты занимался до жонглирования? — поинтересовался Фарссал, перебрасывая плод.

— Бродяжничал,— коротко ответил Валентин.— Держи руки вот так...

Он с полчаса тренировал Фарссала, как Карабелла и Слит тренировали его самого в Пидруиде. У Фарссала оказались ловкие руки и хорошие глаза, и учился он быстро, хотя и не так, как в свое время Валентин. Через несколько дней он усвоил большую часть элементарных приемов и мог жонглировать, хотя еще и не очень изящно. Он был весьма разговорчивым и, перебрасывая из руки в руку бишавары, не закрывал рта. Родился он, по его словам, в Ни-мойе, много лет был торговцем в Пилиплоке, недавно пережил душевный кризис, который привел его в смятение и чуть позже заставил отправиться в паломничество на Остров. Он рассказывал о своей женитьбе, о ненадежных сыновьях, о том, как выигрывал и проигрывал за игорными столами целые состояния. Но Фарссал, в свою очередь, хотел знать все и о Валентине — о его семье, о склонностях, о том, что привело его к Повелительнице Снов. Валентин отвечал на вопросы достаточно правдоподобно, наиболее неприятные обходил, быстро переключаясь на советы по искусству жонглирования.

В конце второй недели настойчивых и постоянных занятий: работы, учебы, медитации, периодов свободного времени, проводимого в жонглировании с Фарссалом, Валентин вновь почувствовал неудержимое желание двинуться дальше.

Он не имел представления, сколько здесь террас — девять? девяносто? Но если он будет тратить столько времени на каждую, он и за много лет не дойдет до Хозяйки. Как-то надо было ускорить подъем.

Поддельные сны-вызовы, похоже, не срабатывали. Валентин попробовал изложить свой сон о бассейне Силимейн, здешней толковательнице, однако тот не произвел на нее впечатления. Во время медитации и ночного сна он пытался достичь разума Хозяйки и умолять ее о вызове, но из этого тоже ничего не вышло.

Он спросил тех, кто сидел рядом с ним за обедом, давно ли они на этой террасе. Один сказал — два года, другой — восемь месяцев. Их это, казалось, не тревожило.

— А ты? — спросил он Фарссала.

Фарссал ответил, что пришел за несколько дней до Валентина. Он, похоже, также не испытывал нетерпения.

— Куда спешить? Мы везде служим Повелительнице, верно? Чем одна терраса хуже другой?

Валентин кивнул. Он не осмеливался проявлять недовольство. В конце третьей недели ему показалось, что он увидел Виноркиса, шедшего через поле стаджи, на котором работал Валентин. Но тот был далеко, и Валентин не был уверен, Виноркис ли это, а окликать его было бесполезно: он не расслышал бы. На следующий день, жонглируя с Фарссалом возле бассейна, он вновь увидел Виноркиса, на этот раз точно Виноркиса, на другой стороне площадки. Валентин извинился и бросил жонглировать. После стольких недель пребывания вдали от своих спутников он рад был увидеть хотя бы хьорта.

— Значит, это ты проходил по полю стаджи? — спросил Валентин.

Виноркис кивнул.

— В последние дни я несколько раз видел тебя, мой лорд. Но терраса так велика, я никак не мог подойти ближе. Когда ты прибыл?

— Через неделю после тебя. Кто еще из наших здесь?

— Вроде бы никого,— ответил хьорт.— Был Шанамир, но ушел дальше. Как вижу, ты не утратил своего умения жонглировать, мой лорд. Кто твой партнер?

— Человек из Пилиплока. Быстрые руки.

— И язык тоже?

Валентин нахмурился.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты говорил ему что-нибудь о своем прошлом или будущем, мой лорд?

— Конечно, нет! — Валентин уставился на хьорта.— Нет, Виноркис! Как могут оказаться шпионы короналя на Острове Повелительницы Снов?

— А почему нет? Разве так трудно сюда проникнуть?

— Но почему ты подозреваешь...

— Прошлой ночью, после того как я мельком увидел тебя на поле, я пришел сюда и поспрашивал о тебе. Один из тех, с кем я разговаривал, был твой новый знакомый, мой лорд. Я спросил его, знает ли он тебя, и он тут же начал допрашивать меня: друзья ли мы с тобой, знал ли я тебя в Пидруиде, почему мы пришли на Остров и так далее. Я не люблю, мой лорд, когда чужаки задают вопросы, особенно здесь, где учат держаться в стороне от других.

— Быть может, ты излишне подозрителен, Виноркис?

— Может быть. Но в любом случае остерегайся, мой лорд.

— Я так и сделаю. Он не узнает от меня ничего, кроме того, что уже узнал. А знает он лишь то, что я жонглер.

— Может, он уже слишком много знает о тебе,— угрюмо пробурчал хьорт.— Но мы последим за ним, как он следит за тобой.

Известие, что даже здесь он, возможно, находится под наблюдением, расстроило Валентина. Неужели и здесь нет убежища? Ах, если бы рядом были Слит или Делиамбер! Ведь когда Валентин приблизится к Хозяйке Острова и, таким образом, станет угрозой для узурпатора, шпион может превратиться в убийцу.

Но Валентину казалось, что он никогда не окажется рядом с ней. Прошла еще одна точно такая же, как все другие, неделя. Когда Валентин уже готов был поверить, что останется на террасе Вступления до конца своих дней, и, надо сказать, в общем-то это уже его не волновало, его вызвали с поля и велели приготовиться к переходу на террасу Зеркал.

Глава 9

Третья терраса была головокружительно прекрасна. Блеск ее напомнил Валентину Дюлорн. Она прилепилась к основанию Второго утеса — неприступной вертикальной стены белого камня, казавшейся незыблемым барьером для дальнейшего продвижения внутрь, а когда солнце освещало западную сторону утеса, от отраженного света слепило глаза и захватывало дух. Террасу окружали зеркала — громадные, грубо вырезанные плиты из полированного черного камня, укрепленные в грунте. Они были установлены повсюду, так что куда бы любой из обитателей террасы ни бросил взгляд, он немедленно встречался глазами с собственным отражением, озаренным таинственным, исходящим изнутри камня светом.

Валентин оценивающе оглядел себя, пытаясь найти перемены, произведенные долгим путешествием: какие-нибудь следы усталости, потрясений или того теплого излучения, которое исходило от него начиная с Пидруида. Но ничего подобного не обнаружил. Из зеркала на него смотрел все тот же золотоволосый улыбающийся мужчина. Он приветственно махнул своему отражению и дружески подмигнул ему, а через неделю вообще перестал его замечать. Если бы ему приказали не обращать внимания на зеркала, он, вероятно, жил бы в постоянном напряжении, невольно бросая на них взгляд и тут же отводя его. Но никто не объяснил ему, зачем здесь столько зеркал и как он должен вести себя, и поэтому он вскоре просто забыл о них. Как он понял много позднее, именно в этом и состоял ключ к движению вперед на Острове: совершенствование духа, развитие способности отличать и отбрасывать второстепенное.

Здесь он был совсем одинок: ни Шанамира, ни Виноркиса, ни Фарссала. Валентин внимательно следил, не появится ли чернобородый мужчина: если бы Фарссал и в самом деле был шпионом, он, без сомнения, нашел бы возможность следовать за Валентином с террасы на террасу. Но он здесь не появился.

Валентин пробыл на террасе Зеркал одиннадцать дней, а затем вместе с пятью другими новичками отправился на парящих санях дальше, к краю Второго утеса,— на террасу Посвящения.

Отсюда поверх первых трех террас, находившихся глубоко внизу, открывался великолепный вид на далекое море. Терраса Оценки казалась лишь узкой розовой линией на фоне темной

зелени леса; большая терраса Вступления внушительно развертывалась на середине нижнего плато; терраса Зеркал прямо внизу сверкала, как миллион ярких костров в полуденном свете. Теперь ему уже стало безразлично, как быстро он сможет продвигаться. Время утратило всякое значение. Он полностью вошел в здешний ритм жизни: работал на полях, слушал неторопливые лекции духовных наставников, проводил много времени в темном каменном здании — месте поклонения Хозяйке — и спрашивал, будет ли ему дарован свет. Иногда он вспоминал, что намеревался быстро пройти к сердцу Острова — к женщине, которая живет там, но теперь это было для него уже не так важно. Он стал истинным пилигримом.

За террасой Посвящения располагалась терраса Цветов, далее — терраса Преданности, а затем терраса Отрешения. Все они располагались на Втором утесе, так же как и терраса Восхождения — последняя ступень, с которой поднимались на плато, где жила Хозяйка. Каждая из террас, как понял Валентин, шла вокруг Острова, так что на них в любое время мог бы находиться миллион паломников, если не больше, но каждый пилигрим на пути к центру знал только крошечный участок целого. Сколько труда было положено, чтобы выстроить все это! Сколько жизней целиком отдано служению Повелительнице Снов! И каждый паломник двигался в атмосфере молчания. Здесь не заводили дружеских отношений, не были откровенны друг с другом, не обнимали любимых. Фарссал служил загадочным исключением из этого обычая. Вообще это место существовало как бы вне времени и в стороне от обычного течения жизни.

На этом среднем уровне Острова меньше времени уделяли обучению, зато гораздо больше трудились, причем работа была тяжелой. Валентин знал, что, достигнув Третьего утеса, он присоединится к тем, кто фактически выполняет работу Хозяйки Острова Сна. Теперь он понимал, что большую часть посланий излучает не сама Повелительница Снов, а миллионы ее лучших служителей с Третьего утеса, сознание и дух которых наполнены ее благоволением. Но отнюдь не все достигают Третьего утеса, очень многие старые служители десятилетиями остаются на Втором, выполняя административную работу, не надеясь и не желая продвигаться дальше и брать на себя такую ответственность, какая лежит на служителях внутренней иерархии.

В третью неделю пребывания на террасе Преданности Валентин получил настоящий, не вызывающий сомнений сновызов.

Он видел, что идет по опаленной пурпурной равнине, которую так часто видел в своих снах в Пидруиде. Солнце висит низко над горизонтом, небо тяжелое и унылое, вдали виднеются две широкие горы, поднимающиеся, как гигантские кулаки. По усеянной камнями долине между горами пробегает последний красный отблеск заходящего солнца, необычный, маслянистый, зловещий. Из этой странно освещенной долины дует холодный сухой ветер и несет с собой тихую и нежную, меланхолическую мелодию. Валентин идет и идет, но горы не приближаются, пески пустыни тянутся бесконечно, а он все идет, и все не угасает последняя искра света. Силы его иссякают. Перед ним быстрой чередой сменяются таящие угрозу миражи. Он видит Симонана Барджазида, Короля Снов, и его трех сыновей. Он видит призрачного дряхлого понтифекса, хохочущего на своем подземном троне. Он видит чудовищ, медленно ползающих по дюнам, и морды массивных дункаров, высунувшиеся из песка и принюхивающиеся в надежде учуять добычу. Кто-то шипит, шепчет. Насекомые собираются в мерзкие тучи. Начинается дождь из сухого песка, забивающего глаза и ноздри. Валентин устал и готов остановиться, упасть и лежать, пока песчаные дюны не накроют его, и только одно тянет его вперед: в долине он видит улыбающуюся женщину, Хозяйку Острова, его мать,— и он стремится к ней. Он ощущает тепло ее присутствия, притяжение ее любви.

— Иди ко мне, Валентин! — шепчет она.

Ее руки тянутся к нему через пустыню, поверх чудовищ. Но печи его сгибаются, ноги подкашиваются. Он не может идти, но знает, что должен.

— Повелительница,— шепчет он в ответ,— я не могу больше. Я должен отдохнуть, уснуть!

И при этих словах свет между горами становится теплее и ярче.

— Валентин,— зовет она,— сын мой!

Он с трудом удерживается, чтобы не закрыть глаза. Так заманчиво лечь в теплый песок.

— Ты — мой сын,— звучит голос Повелительницы с невообразимо далекого расстояния.— Ты нужен мне.

Когда она произносит эти слова, он обретает новые силы и идет быстрее, а затем вдруг легко бежит широкими шагами. Теперь расстояние между ними быстро сокращается. Валентин уже ясно видит ее на террасе из лилового камня. Она ждет его, протягивает к нему руки, называет его имя, и голос ее звенит, как колокольчики в Ни-мойе.

Валентин проснулся. Голос женщины все еще звенел в его ушах.

Наступил рассвет. Душу Валентина наполнила удивительная энергия. Он встал, спустился к большому аметистовому бассейну и нырнул в холодную родниковую воду. Затем он побежал в комнату Менесипты, здешней его толковательницы снов, плотной, тонкокостной особы с горящими черными глазами и худощавым лицом, и торопливо рассказал ей свой сон.

Менесипта молчала. Ее холодность остудила пыл Валентина. Он вспомнил, как пошел к Стоминоп на террасе Оценки с фальшивым сном-вызовом и о том, как быстро Стоминоп отвергла этот сон. Но ведь этот-то не фальшивый, Делиамбера с его колдовством здесь нет.

Валентин медленно спросил:

— Могу я просить о толковании?

— У сна знакомые обертоны,— спокойно ответила Менесипта.

— Это все, что ты можешь сказать?

— А что бы ты хотел услышать?

Валентин сжал кулаки:

— Если бы кто-нибудь пришел ко мне за толкованием такого сна, я бы сказал, что это сон-вызов.

— Прекрасно.

— Ты согласна? Ты назвала бы его сном-вызовом?

— Если хочешь.

— Мое желание тут ни при чем,— раздраженно заметил Валентин.— Либо это сон-вызов, либо нет. Ты как считаешь?

Криво усмехнувшись, толковательница изрекла:

— Я назову твой сон сном-вызовом.

— И что дальше?

— Дальше? У тебя есть свои утренние обязанности.

— Сон-вызов, как я понимаю, требует явиться к Хозяйке.

— Да.

— Разве я не должен теперь идти во Внутренний храм?

Менесипта покачала головой:

— Никто со Второго утеса не попадает во Внутренний храм. Вот когда ты достигнешь террасы Поклонения, сна-вызова будет достаточно. А сейчас... Твой сон интересен и важен, но он ничего не меняет. Приступай к своим обязанностям, Валентин.

Когда Валентин выходил из комнаты, в нем клокотала злоба. Он понимал, что был глуп, что простого сна недостаточно, чтобы перенестись через барьеры, отделявшие его от Хозяйки Острова, и все же... он так надеялся... Он воображал, как Менесипта всплеснет руками, радостно вскрикнет и тут же направит его во Внутренний храм, но ничего этого не случилось — его просто выставили из комнаты. Он страдал и злился.

Дальше было еще хуже. Через два часа, когда он возвращался с поля, его остановил служитель и сообщил:

— Тебе приказано немедленно отправиться в гавань Талеис, где новые пилигримы ждут твоего руководства.

Валентин остолбенел. Меньше всего он хотел возвращаться к исходной точке. Но он тут же взял себя в руки и решил отправиться пешком один, чтобы как можно скорее оказаться на террасе Оценки. Ему выдали запас пищи, достаточный, чтобы добраться до террасы Цветов, и прибор, указывавший направление,— наручный амулет, издававший тихий высокий звук. В середине дня он оставил террасу Преданности, но пошел не к побережью, а вглубь, к террасе Отрешения.

Мысль об этом пришла ему в голову неожиданно. Казалось, Валентина влекла какая-то непреодолимая сила. Он просто не мог позволить, чтобы его отдалили от Хозяйки. Направляясь по запрещенному пути на этом требующем строжайшей дисциплины Острове, он сильно рисковал, но иначе поступить не мог.

Валентин обогнул край террасы, нашел травянистую тропинку и прошел наискосок через поле к главной дороге. Здесь он предполагал свернуть налево к внешним террасам, но, опасаясь вызвать подозрения, повернул направо. Вскоре он миновал населенную часть террасы, а дорога из широкого мощеного тракта превратилась в узкую лесную тропу. Через полчаса он дошел до развилки, свернул наудачу налево, но тихий свист указывавшего дорогу прибора смолк. Валентин вернулся и пошел направо — свист возобновился. «Полезный аппарат»,— подумал Валентин.

Он шел ровным шагом до темноты, и только тогда остановился в приятной рощице возле ручья, позволил себе поесть не-

много сыра и нарезанного ломтиками мяса. Подкрепившись, Валентин уснул на влажной земле между двумя деревьями.

Его разбудили первые проблески зари. Он потянулся, открыл глаза, быстро умылся в ручье, собрался слегка перекусить и...

...Услышал позади себя треск: кто-то шел через кусты. Валентин бесшумно откатился за толстое дерево, осторожно выглянул и увидел крепко скроенного чернобородого человека. Тот вылез из кустов и остановился, оглядываясь вокруг.

Фарссал!

В одежде пилигрима, но с кинжалом, закрепленным у левого предплечья.

Мужчин разделяли какие-то двадцать пять футов. Валентин нахмурился, прикидывая свои возможности, и обдумывая возможные действия. Где Фарссал нашел кинжал на этом мирном острове? Зачем он шел за Валентином через лес, как не для того, чтобы убить?

Насилие было чуждо Валентину, но единственным выходом было захватить Фарссала врасплох. Валентин качнулся взад-вперед на носках, собираясь в пружину и концентрируясь, как перед жонглированием, и выпрыгнул из укрытия.

Фарссал развернулся и успел выхватить кинжал из ножен как раз в тот момент, когда Валентин врезался в него. Внезапным резким движением Валентин ударил его по руке ребром ладони. Кинжал выпал из онемевших пальцев, но в следующий миг могучие руки сгребли Валентина в охапку.

Они стояли, сцепившись, лицом к лицу. Фарссал был на голову ниже Валентина, но шире в груди и в плечах, торсом напоминая быка. Он пытался повалить противника, но тот отбивался. Вены на лбах обоих набухли, лица покраснели от напряжения.

— Это безумие,— пробормотал Валентин.— Уходи, я не причиню тебе вреда.

Фарссал только крепче сжал Валентина.

— Кто тебя послал? — спросил Валентин.— Что тебе от меня надо?

Молчание. Мощные, как у скандара, руки неумолимо сдавливали ребра, и Валентин начал задыхаться. От боли темнело в глазах. Он пытался раздвинуть локти и разорвать захват, но безрезультатно. Лицо Фарссала безобразно исказилось от напряжения, губы плотно сжались. Он медленно, но верно валил Валентина на землю.

Сопротивляться такому захвату было немыслимо, и Валентин резко расслабился, как тряпичная кукла. Удивленный Фарссал дернул его в сторону. Валентин согнул ноги в коленях и позволил Фарссалу швырнуть его о землю. Он легко упал на спину, подняв вверх согнутые ноги, а когда противник яростно бросился на него, резко распрямил их и изо всей силы ударил Фарссала в живот так, что тот задохнулся и ошеломленно отпрянул. Валентин вскочил, обхватил Фарссала сильными, тренированными многомесячным жонглированием руками, повалил на траву и прижал руками и коленями к земле. «Как странно,— успел подумать Валентин,— деремся врукопашную, словно дети». Все происходящее больше походило на сон.

Фарссал смотрел на него с нескрываемой злобой и колотил ногами по земле, тщетно пытаясь освободиться.

— Теперь говори,— приказал Валентин,— что все это значит? Ты пришел убить меня?

— Ничего я не скажу.

— Ты, однако, был очень разговорчив, когда мы с тобой жонглировали.

— То было прежде.

— Что мне с тобой делать? — спросил Валентин.— Если я тебя отпущу, ты снова нападешь на меня, если же буду держать тебя, то потеряю много времени.

— Долго ты меня не продержишь.

Фарссал снова попытался подняться. Он был очень силен, но Валентин держал его крепко. Лицо Фарссала побагровело, жилы на шее вздулись, глаза горели злобой и отчаянием побежденного. Некоторое время он лежал тихо, затем собрал все силы и рванулся вверх. Валентин не смог противостоять этому рывку. Настал тот момент, когда ни один из них не управлял ситуацией. Валентин наполовину скатился с Фарссала, а тот изворачивался, пытаясь опрокинуть противника на спину. Валентин схватил Фарссала за мощные плечи и попытался прижать к земле. Фарссал стряхнул его и пальцами нацелился прямо в глаза. Валентин увернулся и, не раздумывая, схватил Фарссала за жесткую черную бороду, дернул в сторону и ударил головой о камень, выступавший из влажной почвы.

Фарссал издал глухой горловой звук и затих.

Валентин вскочил, поднял валявшийся рядом кинжал и встал над врагом. Он дрожал, но не от страха: так дрожит тетива лу-

ка, отпустившая стрелу. Ребра болели после жестоких объятий, мышцы рук и плеч все еще гудели от непомерного напряжения.

— Фарссал? — окликнул он, толкнув поверженного противника ногой.

Ответа не было. Мертв? Нет. Широкая грудная клетка медленно поднималась и опускалась, и было слышно хриплое, прерывистое дыхание.

Валентин оглядел кинжал. Что теперь? Слит сказал бы: покончить с поверженным, пока тот не встал. Нет, невозможно. Убить можно только защищаясь и уж, конечно, не человека в бессознательном состоянии, пусть даже и злодея. Убить разумное существо — значит всю жизнь видеть страшные сны. Но если оставить его так, он придет в себя и бросится в погоню. Вот когда пригодилась бы птицеядная лиана! И тут Валентину действительно попалась на глаза лиана, хотя и другого вида, с ветвями в палец толщиной, взобравшуюся высоко на дерево. Несколькими сильными ударами кинжала он отрезал пять больших ветвей и крепко связал ими Фарссала, который шевелился и стонал, но в себя не приходил. За десять минут Валентин спеленал его, как мумию, от груди до лодыжек. Затем проверил — лиана держала крепко.

Наскоро собрав свои немногочисленные пожитки, он поспешил уйти.

Яростное столкновение в лесу потрясло Валентина. Дело было не в драке как таковой, хотя она была достаточно жестокой и надолго выбила его из колеи, но в том, что его врагу уже недостаточно шпионажа — он послал убийцу. «Раз так,— думал он,— могу ли я еще сомневаться в том, что я лорд Валентин?»

Валентин не понимал, как можно сознательно убить разумное существо. Никто не вправе отнимать жизнь у другого. В мире, известном ему, это было одним из основных принципов. Даже узурпатор, столкнувший его с трона, не посмел убить его, боясь черных снов, которые обязательно придут. Но сейчас он, видимо, согласился пойти на этот страшный шаг. Разве только Фарссал, увидев, что Валентин направляется к внутренней зоне Острова и может ускользнуть от преследователей, сам не решился на убийство, надеясь таким ужасным способом снискать большее расположение своих нанимателей.

Как это отвратительно! При одной только мысли о такой подлости Валентина передернуло. Идя широкими шагами по лесным

тропам, он не раз напряженно оглядывался, опасаясь снова увидеть преследующего его чернобородого.

Но погони не было. К концу дня Валентин увидел вдали террасу Отрешения, а за ней — плоский белый пик Третьего утеса.

Никто вроде бы не обращал внимания на спокойно идущего паломника, и он вошел на террасу Отрешения с таким видом, словно имел на это полное право. Обширная терраса выглядела пышно. На восточной ее стороне стояли величественные здания из синего камня, а на западной раскинулась роща фруктовых деревьев. Валентин положил в мешок с полдюжины спелых басса-плодов и направился к бассейну, где смыл с себя дорожную пыль. Набравшись нахальства, он вошел в столовую и пообедал супом и тушеным мясом, затем так же спокойно вышел и направился в дальний конец террасы. День уже клонился к вечеру.

Ночь Валентин вновь провел в лесу, на импровизированной постели, часто просыпаясь с думой о Фарссале, а когда достаточно рассвело, встал и пошел дальше. Впереди высоко над лесом поднималась ошеломляюще величественная белая стена Третьего утеса.

Валентин шел весь день и весь следующий, но, казалось, ни на шаг не приблизился к цели. Пешком через эти леса он вряд ли мог пройти больше пятнадцати или двадцати миль в день, а кто знает, сколько их до Третьего утеса. Пятьдесят? Восемьдесят? А сколько оттуда до Внутреннего храма? Путешествие может занять не одну неделю. Но он шел вперед и даже ускорял шаг. Похоже, лесная жизнь была ему только на пользу.

На четвертый день Валентин достиг террасы Восхождения. Он ненадолго остановился, вымылся, выспался в тихой роще и утром двинулся дальше, пока наконец не оказался у подножия Третьего утеса.

Отсюда ему был виден маленький поселок-станция. Несколько служителей работали в поле. Парящие сани стояли у подножия утеса, но Валентин ничего не понимал в механизмах, перемещавших сани вверх. Он подумал было, не подождать ли темноты и не попытаться ли все же воспользоваться санями, но решил, что не стоит: подниматься на головокружительную высоту без чьего-либо содействия, приводить в действие неизвестное оборудование слишком опасно. Мысль о том, чтобы силой заставить служителей оказать необходимую помощь, нравились ему еще меньше.

Оставалась еще одна возможность. Валентин привел в порядок свою запыленную одежду, принял самый что ни на есть важный вид и степенно пошел к станции.

Трое служителей холодно взглянули в его сторону.

— Сани готовы к работе? — спросил он.

— У тебя дело на Третьем утесе?

— Да.

Валентин улыбнулся самой ослепительной улыбкой, на какую только был способен, в то же время демонстрируя стоящую за ней силу и абсолютную уверенность в себе.

— Я Валентин из Алханроэля, по особому вызову Хозяйки. Меня ждут, чтобы проводить во Внутренний храм.

— Почему нас об этом не предупредили?

Валентин пожал плечами:

— Откуда я знаю? Это чья-то ошибка. Что же, мне ждать здесь, пока вам принесут бумаги? И Хозяйка тоже должна ждать? Давайте ваши парящие сани.

Валентин из Алханроэля... особый вызов Хозяйки... Служители задумались, покачали головами и переглянулись.

— Все это как-то странно. Кто, ты сказал, должен тебя проводить?

Валентин сделал глубокий вдох.

— Встретить меня должна сама главная толковательница Тизана из Фалкинкипа! — решительно объявил он.— Она что, тоже должна ждать, пока вы тут возитесь? Вам придется отвечать перед ней за опоздание! А вы знаете, какой характер у главной толковательницы!

— Верно,— испуганно согласились служители.

Они энергично закивали, словно действительно знали такую особу и слышали, что гнев ее очень страшен.

Валентин понял, что выиграл. Быстрыми нетерпеливыми жестами он понукал служителей и уже через минуту торжественно возносился в санях на самый высокий и самый священный из трех утесов Острова Сна.

Глава 10

Воздух на вершине Третьего утеса был чистым и холодным. Здесь, в жилище Хозяйки Острова, на высоте тысячи футов над уровнем моря, все было совершенно иным, чем на двух нижних

уровнях. Высокие, стройные деревья с игловидными листьями и симметрично расходившимися сучьями росли в окружении кустов и субтропических растений с толстыми глянцевитыми листьями и крепкими стеблями. Оглянувшись, Валентин не увидел моря — только заросший лесом Второй утес и далеко внизу — неясные очертания Первого.

Дорога из красиво уложенных каменных плит шла от края Третьего утеса к лесу. Валентин без колебаний пошел по ней. Он не представлял себе топографию этого уровня, знал только, что здесь много террас и последняя из них — терраса Поклонения, где ждут вызова Хозяйки. Валентин не надеялся незамеченным пройти весь путь до порога Внутреннего храма, но собирался пройти сколько сможет, а когда его схватят как правонарушителя, назвать свое имя и попросить, чтобы о нем доложили Хозяйке. Остальное будет зависеть от ее милости и благорасположения.

Его остановили еще до того, как он достиг внешнего края террасы.

Пять служителей в одеждах внутренней иерархии — золотых с красной отделкой — вышли из леса и сурово преградили путь Валентину. Трое мужчин, две женщины — все немолодые, и никто из них не проявил и намека на страх.

К нему обратилась седая женщина с тонкими губами и темными внимательными глазами:

— Я, Лоривейд с террасы Теней, от имени Хозяйки Острова Сна спрашиваю тебя: как ты сюда попал?

— Мое имя Валентин из Алханроэля,— спокойно ответил он.— Я плоть от плоти Повелительницы Снов, и вы должны отвести меня к ней.

Это наглое утверждение не вызвало на лицах иерархов даже улыбки.

Лоривейд переспросила:

— Ты заявляешь, что ты родственник Хозяйки?

— Я ее сын.

— Ее сына зовут Валентин, и он корональ на Замковой горе. В своем ли ты уме?

— Передайте Хозяйке, что ее сын Валентин пришел к ней через Внутреннее море, через весь Зимроэль и что у него золотистые волосы. Больше я ничего у вас не прошу.

Мужчина, стоявший рядом с Лоривейд, заметил:

— На тебе одежда Второго утеса. Тебе не позволено подниматься сюда.

— Знаю,— вздохнул Валентин.— Я поднялся без разрешения, поступил незаконно и дерзко. Но дело мое — государственной важности. И если мое сообщение не сразу дойдет до Хозяйки, вы за это ответите.

— Мы здесь не привыкли к угрозам,— произнесла Лоривейд.

— Это не угроза, я только говорю о неизбежных последствиях.

Женщина справа от Лоривейд сказала:

— Он сумасшедший. Нам придется запереть его и заботиться о нем.

— И высказать порицание служителям внизу,— добавил другой мужчина.

— Надо узнать, с какой он террасы и как ему позволили уйти оттуда,— вмешался третий.

— Я прошу только, чтобы вы передали мое сообщение Хозяйке,— спокойно повторил Валентин.

Они окружили его и быстро повели по лесной тропе к тому месту, где стояли парящие сани и ожидало множество более молодых служителей. Видимо, они готовились к серьезным неприятностям. Лоривейд махнула одному служителю и отдала короткий приказ. Затем пять иерархов сели в сани и уплыли.

Служители подошли к Валентину и не слишком вежливо стали подталкивать его к саням. Он улыбнулся и показал, что не будет сопротивляться, но его крепко держали и в конце концов грубо втолкнули в сани. Сани резко поднялись, и запряженные в них животные по сигналу побежали к ближайшей террасе.

На террасе Теней Валентин увидел множество широких низких зданий и больших каменных площадок. Тени, давшие ей название, были здесь чернильно-черными, таинственными всепоглощающими озерами мрака. Они тянулись над абстрактными каменными изваяниями, образовывая странный и загадочный узор. Но Валентин шел по террасе недолго: его стражники остановились у приземистого здания без окон. Искусно сделанная дверь беззвучно открылась от легкого прикосновения. Валентина втолкнули внутрь.

Дверь закрылась, не оставив в стене никакого следа.

Он стал пленником.

Квадратная комната с низким потолком была почти пустой: очиститель, раковина, комод, матрац — и больше ничего. Единственный тусклый светильник окрашивал все в зеленовато-желтые тона.

Передадут ли они Хозяйке его сообщение?

А что, если ему придется сидеть здесь, пока они проверяют, как он попал на Третий утес, и островная бюрократия затянет дело на несколько недель?

Прошел час, другой, третий. Валентин был согласен на любой допрос, только бы не эти тишина, скука, одиночество. Он начал считать шаги. Нет, комната не точно квадратная: две стены на полтора шага длиннее других двух. Он попытался отыскать хотя бы очертания двери, но не нашел. Она была подогнана с такой изумительной точностью, что Валентин не мог не восхититься. От нечего делать он вел воображаемые беседы то с Делиамбером, то с Хозяйкой Острова, то с Карабеллой, то с лордом Валентином, но и это развлечение скоро ему наскучило.

Услышав вдруг слабый жужжащий звук, Валентин обернулся и увидел открывшееся в стене отверстие, в которое скользнул поднос. Ему дали печеной рыбы, горсть ягод цвета слоновой кости и чашу холодного красного сока.

— Сердечно благодарю за еду,— громко произнес он, ощупывая пальцами стену в поисках места, откуда появился поднос. Ни единого следа.

Во время еды он снова придумывал диалоги, мысленно разговаривал со Слитом, со старой толковательницей снов Тизаной, с Залзаном Каволом, с капитаном Горзвалом. Он расспрашивал их о детстве, о мечтах и надеждах, о политических взглядах, о том, что они любят есть, пить, как одеваться. Через какое-то время он устал от этой игры и лег спать.

Спал Валентин плохо. Он то ненадолго впадал в забытье, то вдруг просыпался будто от резкого толчка. Сны были отрывочные. В них чередой проходили Хозяйка Острова, Фарссал, Король Снов, вождь метаморфов, женщина-иерарх Лоривейд... Но они только произносили непонятные, неразборчивые слова. Едва Валентин окончательно очнулся от сна, появился поднос с завтраком.

Прошел долгий, показавшийся бесконечным день. Делать было совсем нечего. Валентин мог бы жонглировать тарелками, но они оказались настолько тонкими и легкими, что это было

бы равносильно жонглированию перьями. Он попытался жонглировать ботинками, но их было только два, и это занятие быстро ему наскучило. Вместо ботинок он стал жонглировать воспоминаниями, оживляя в памяти все, что произошло с ним, начиная с Пидруида, но, представив, что ему придется делать это часами, пришел в ужас. Тогда он начал медитировать и занимался этим до тех пор, пока от усталости не зазвенело в ушах. Сидя на корточках в центре комнаты, Валентин старался предугадать момент, когда прибудет следующий обед, но напряжение, вызываемое таким ожиданием, оказалось слабым развлечением.

На вторую ночь Валентин предпринял попытку войти в контакт с Хозяйкой Острова. Он подготовил себя ко сну и, когда его сознание начало затуманиваться, постарался впасть в транс, как бы проскользнуть в узкий промежуток между сном и бодрствованием.Задача была не из легких, потому что если он слишком сильно сосредоточится, то проснется, а если слишком расслабится — уснет. Он долгое время балансировал в точке равновесия, жалея, что во время путешествия по Зимроэлю не выбрал случая поучиться этому у Делиамбера.

Наконец он послал свой призыв:

— Мама!

Он представил себе, как его дух парит высоко над террасой Теней и постепенно проникает вглубь, к сердцу Третьего утеса, к Внутреннему храму, туда, где отдыхает Хозяйка Острова.

— Мама, это Валентин, твой сын. Мне многое нужно сказать тебе и о многом спросить. Помоги мне добраться до тебя.

Валентин лежал неподвижно и был совершенно спокоен. Казалось, что в голове у него разливается чистое белое сияние.

— Мама, я на Третьем утесе, в тюремной камере террасы Теней. Я шел так долго, но теперь меня остановили. Пошли за мной, мама!

— Мама...

— Повелительница...

— Мама...

Он заснул. Сияние все еще длилось. Валентин услышал первые звуки музыки сна, увертюру... Появилось первое ощущение контакта... Пришли видения... Он больше не был заперт. Он лежал под холодными белыми звездами на громадной круглой платформе из полированного камня, как бы на алтаре. Женщина в белом платье, с блестящими черными волосами, подошла

и встала рядом с ним на колени, затем слегка коснулась его и произнесла нежным голосом:

— Ты мой сын Валентин, я признаю тебя своим сыном перед всем Маджипуром и призываю к себе.

И все. Проснувшись, он помнил из всего сна только это.

В это утро подноса с завтраком не было. Но, может, утро еще не наступило и он проснулся среди ночи? Проходили часы. Поднос не появлялся. Не забыли ли о пленнике? Может, они хотят уморить его голодом? Валентин испытал приступ ужаса. Стоит ли расценивать его как лекарство от скуки? Он и сам не мог решить, что для него предпочтительнее. Сознавая всю бесполезность затеи, он все же позвал своих стражей. Он заперт здесь как в могиле.

Валентин угрюмо посмотрел на старые подносы и отшвырнул их к дальней стене. Он вспоминал всевозможную еду: сосиски лиимена, рыбу, которую Кхун и Слит жарили на берегу Стейч, вкус плодов двикка, прекрасный букет огненного вина в Пидруиде. Голод становился сильнее. Валентин уже не скучал, а боялся. А что, если они там посовещались и осудили его на смерть за недопустимое безрассудство?

Шли минуты, часы... Прошло уже полдня.

Безумием было думать, что он прикоснется во сне к разуму Хозяйки острова. Глупо было надеяться, что он беспрепятственно войдет во Внутренний храм и добьется от нее помощи. Безумием было думать, что он вернется в Горный замок, если он вообще когда-нибудь был там. Только по причине собственного безумия он прошел полмира и теперь получит награду за свою самонадеянность и глупость.

Послышался уже знакомый слабый звук, но открылось не отверстие для подноса, а дверь.

С угрюмым и мрачным выражением на лицах в помещение вошли два седовласых иерарха.

— Вы принесли мне завтрак? — спросил Валентин.

— Мы пришли,— ответил более высокий,— чтобы проводить тебя во Внутренний храм.

Глава 11

Валентин настоял на том, чтобы его сначала накормили — и это было мудрое решение, поскольку путешествие должно было растянуться на весь остаток дня. Затем его усадили в парящие

сани, запряженные быстрыми животными, иерархи сели по обе стороны от Валентина и всю дорогу холодно молчали. Когда он задавал вопрос — например, каково название террасы, мимо которой они проезжали,— они отвечали односложно, не проявляя ни малейшего желания поддерживать беседу.

На Третьем утесе было множество террас — Валентин сбился со счета после седьмой. Разделенные лишь полосками леса, они располагались много ближе друг к другу, чем террасы на других утесах. Похоже, центральная часть острова была деловым и густо населенным местом.

В сумерках они прибыли на террасу Поклонения, в область уютных садов и низких зданий из белого камня. Как и все остальные террасы, она располагалась по кругу, но была много меньше других, поскольку находилась во внутренней части острова. Все кольцо, вероятно, можно было обойти за час или два, в то время как на совершение полного круга по террасам Первого утеса потребовались бы многие месяцы. Вдоль ее края через равные промежутки стояли древние деревья с овальными розовыми листьями. Между зданиями, образуя беседки, вились пышно цветущие лианы. В каждом доме имелись внутренние дворы, украшенные стройными колоннами из полированного черного камня и цветущими кустами. Среди всего этого мирного великолепия по двое и по трое неторопливо ходили служители Хозяйки Острова.

Валентина проводили в гораздо более уютную по сравнению с предыдущей комнату с широкой и глубокой ванной, с постелью, на которую тут же хотелось лечь, с окнами в сад и с корзинками фруктов на столе. Иерархи оставили его одного. Он вымылся, поел немного фруктов и ждал, что будет дальше. Через час или чуть больше раздался стук в дверь, и тихий голос поинтересовался, желает ли он ужинать. В комнату вкатилась тележка с самой изысканной едой за все время, проведенное Валентином на Острове: жареным мясом, синими тыквами, фаршированными рыбой, чашей с чем-то холодным, напоминавшим вино. Валентин поел с удовольствием. Потом он долго стоял у окна, вглядываясь в темноту и прислушиваясь, но ничего не видел и не слышал. Проверил дверь. Она была заперта. Значит, он все еще пленник, хотя его новая тюрьма была гораздо приятнее, чем предыдущая.

Он спал крепко, без сновидений. Разбудил его лившийся в комнату поток солнечного света. Валентин умылся. Тот же молчаливый служитель принес на завтрак сосиски и запеченные розовые фрукты. Вскоре явились два хмурых иерарха и сообщили:

— Хозяйка вызвала тебя сегодня утром.

Они провели его через изумительной красоты сад, потом по изящному мосту из чистого белого камня, висящему над темным прудом, где плавали золотые рыбы. Наконец перед ним открылась удивительно ухоженная лужайка. В центре ее стояло одноэтажное здание, на редкость изящное, с длинными узкими крыльями, которые выходили, как звездные лучи, из круглого центра. «Это может быть только он, Внутренний храм»,— подумал Валентин.

Его охватила дрожь. Он шел уже и не вспомнить сколько долгих месяцев сюда, к порогу Храма, где царила таинственная женщина, и воображал, что это его мать. И вот он наконец здесь. Но что если все его мечты окажутся вздором, фантазией или ужасным заблуждением? Что если на самом деле он вообще никто — желтоволосый бродяга из Зимроэля, по какой-нибудь дурацкой случайности потерявший память, в ком шутники пробудили нелепое самомнение? Эта мысль была непереносимой. Если Хозяйка Острова оттолкнет его, если не признает...

Он вошел в Храм.

По-прежнему сопровождаемый иерархами, Валентин долго шел по бесконечно длинному холлу, где через каждые двадцать футов стояли мрачные воины, пока не оказался во внутренней комнате — восьмиугольной, со стенами из прекраснейшего белого камня и с восьмиугольным же бассейном в середине. Через восьмигранную стеклянную крышу комнату заливал утренний свет. В каждом углу стояли молчаливые фигуры в одеяниях иерархов. Валентин растерянно оглядел их по очереди, но лица были неприветливы и суровы, губы поджаты.

Раздался тихий мелодичный звук. Когда он смолк, в комнату вошла Хозяйка Острова Сна.

Она была очень похожа на ту, которую Валентин так часто видел во сне: женщина средних лет, невысокая, со смуглой кожей, блестящими черными волосами, теплым взглядом, с полными губами, улыбкой приподнятыми в уголках, с серебряной полосой на лбу и цветком, состоявшим из множества сочных зеленых лепестков, за ухом. Ее, казалось, окружала аура, нимб,

она излучала силу, уверенность и величие, как и подобает властительнице Маджипура. Валентин не был готов к этому: он надеялся найти лишь материнское тепло женщины, забыв, что она королева, жрица, почти богиня. Он стоял молча. Она же, устремив на него с дальней стороны бассейна ясный, добрый и в то же время проницательный взгляд, некоторое время изучала его. Затем сделала резкий знак выйти. Но не ему, а иерархам. Это сломало их ледяное спокойствие. Они переглянулись, явно растерянные. Повелительница Снов повторила жест — легкий поворот запястья, и в ее глазах вспыхнуло что-то властное, почти устрашающей силы. Трое или четверо иерархов вышли из комнаты, остальные остались, как бы не в силах поверить, что Хозяйка Острова желает остаться наедине с пленником. На секунду показалось, что ей придется в третий раз повторить приказание. Самый старый и самый важный из иерархов, явно протестуя, протянул к ней дрожащую руку, но под взглядом Хозяйки его рука опустилась. Наконец последний из них медленно покинул комнату.

Подавив сильное желание упасть на колени, Валентин чуть слышно произнес:

— Я не имею понятия, как полагается демонстрировать повиновение, и не знаю, как должен обращаться к тебе, чтобы не оскорбить.

— Вполне достаточно, Валентин, если ты назовешь меня матерью,— спокойно ответила она.

Ошеломленный такими словами, он сделал несколько робких шагов в ее сторону и в испуге остановился.

— Это правда? — прошептал он.

— Нет никакого сомнения.

Кровь бросилась Валентину в лицо. Такая благосклонность, казалось, лишила его способности двигаться и говорить. Хозяйка поманила его легким движением пальца, и он качнулся, как под сильным порывом ветра.

— Подойди,— позвала она.— Разве ты боишься? Подойди ко мне, Валентин!

Он пересек комнату, обошел бассейн и встал рядом с женщиной. Она взяла его за руки, и он ощутил мгновенный удар энергии, ощутимую, осязаемую пульсацию, сходную с той, которую чувствовал, когда его касался щупальцами Делиамбер, но неизмеримо более мощную, даже пугающую. Он хотел было освободить

руки, но Повелительница Снов не отпускала их и пристально вглядывалась в его глаза, как бы читая все его тайны.

— Да,— произнесла она наконец.— Клянусь Божеством — да! Тело у тебя чужое, но дух твой создан мною. О Валентин, что они сделали с тобой?! Что они сделали с Маджипуром?!

Она еще сильнее сжала его руки, притянула к себе, и он оказался в ее объятиях. Теперь он чувствовал, как она дрожит,— не богиня, а только женщина-мать, прижимающая к себе испуганного сына. Рядом с нею он обрел такое спокойствие и умиротворенность, каких не знал с момента своего пробуждения в Пидруиде, и он прильнул к ней, молясь, чтобы этот миг продлился как можно дольше.

Затем она отступила и, улыбаясь, оглядела его с ног до головы.

— Во всяком случае, тебе дали красивое тело, ничуть не похожее на прежнее, но приятное взгляду, сильное и здоровое. Могло быть много хуже. Они могли сделать тебя старым, больным, калекой, но, я думаю, у них не хватило смелости. Они знали, что когда-нибудь сторицей заплатят за все свои преступления.

— Кто, мама?

Она, казалось, удивилась этому вопросу.

— Как кто? Барджазид и его выводок!

— Я ничего не знаю, мама, кроме того, что видел во сне, но даже и это было туманным и неопределенным.

— Что именно тебе известно?

— То, что у меня отняли тело, что каким-то колдовством Короля Снов меня оставили возле Пидруида таким, каким ты меня видишь, что кто-то другой, вероятно Доминин Барджазид, правит теперь из Горного замка. Но все мои знания — из самых недостоверных источников.

— Все это правда,— ответила Хозяйка Острова.

— Когда это случилось?

— В начале лета, едва ты отправился в великий поход по Зимроэлю. Я не знаю, как это было сделано. Однажды ночью, во сне, я почувствовала какой-то толчок, как будто сердце планеты дало трещину. Я проснулась с сознанием, что случилось нечто чудовищное, свершилось невероятное зло, послала свой дух к тебе, но не смогла тебя достичь. Там, где ты был прежде, остались только тишина и пустота. Однако эта тишина была не такой, какая ударила меня в момент гибели Вориакса. Я чувствовала,

что ты где-то есть, но не могла к тебе пробиться, как будто ты находился за толстым стеклом. Я немедленно спросила о короналe. Мои люди сообщили, что он в Тил-омоне. «Здоров ли он?» — поинтересовалась я. «Да,— ответили они,— здоров и сегодня направляется к Пидруиду». Но мне не удавалось войти в контакт с тобой. Я послала свой дух во все концы мира, чего не делала много лет, но тебя нигде не было, и одновременно ты где-то был. Я растерялась и испугалась, но оказалась бессильна что-либо сделать — оставалось только искать и ждать. До меня дошли известия, что лорд Валентин в Пидруиде, и я видела его сквозь расстояние: лицо было лицом моего сына, но мозг был другим, закрытым для меня. Я пыталась направить послание, но безрезультатно. Только тогда я наконец начала понимать...

— И ты узнала, где я?

— Не сразу. Они переключили твой мозг так, что он полностью изменился. Каждую ночь я посылала свой дух искать тебя в Зимроэле, пренебрегая всеми остальными делами. Но ведь подмена короналя — дело нешуточное, и мне показалось, что я уловила проблеск твоей истинной сущности, какую-то часть ее. Спустя какое-то время я смогла определить, что ты жив и находишься на северо-западе Зимроэля, но связаться с тобой по-прежнему не удавалось. Оставалось ждать, пока ты начнешь приходить в себя, пока их колдовство хоть чуть-чуть утратит свою силу и твой истинный разум начнет исцеляться.

— Он и сейчас еще не восстановился, мама.

— Я знаю. Но, уверена, это излечимо.

— Когда ты наконец достигла меня?

Она на секунду задумалась.

— Кажется, возле гэйрогского города Дюлорна. И сначала я увидела тебя через сознание других, которые во сне узнали правду о тебе. Я коснулась их мозга, очистила и прояснила то, что там содержалось, и поняла: твой дух оставил на них свой отпечаток, и они лучше тебя знают о твоей участи. Так я очертила возле тебя круг и смогла войти в твой мозг. С этой минуты ты получал знание о своем прежнем «я», и я старалась через разделявшие нас тысячи миль вылечить тебя и привести ко мне. Поверь, это было нелегко. Мир снов неустойчив, это сложная область — даже для меня,— и пытаться управлять ею все равно что писать на песке у самой кромки воды: прибой возвращается

и смывает все, и приходится писать снова и снова... Но наконец-то ты здесь.

— Ты знала, когда я достиг Острова?

— Да, я чувствовала твое приближение.

— И ты заставила меня перебираться с одной террасы на другую несколько месяцев?

Она засмеялась.

— На внешних террасах миллионы пилигримов. Почувствовать тебя — одно, а точно определить — другое, и это гораздо труднее. Кроме того, и ты не был готов прийти ко мне, а я — принять тебя. Я проверяла тебя, Валентин, следила за тобой издали, изучала, какая часть твоей души выжила, осталось ли в тебе что-нибудь от короналя. Я должна была знать это до того, как увижу тебя.

— И много ли во мне осталось от лорда Валентина?

— Немалая часть, значительно большая, чем предполагали наши враги. Их планы не осуществились. Они считали, что навсегда избавились от тебя, а на самом деле лишь одурманили и сбили с толку.

— Не разумнее ли им было убить меня сразу, а не пересаживать мой дух в другое тело?

— Разумнее,— согласилась Хозяйка.— Но они не отважились. Твоя душа — душа помазанника, Валентин. Эти Барджазиды — суеверные скоты. Они посмели свергнуть короналя, но не осмелились убить его, потому что боятся мести его духа. Их трусливая неуверенность теперь принесет им гибель.

— Ты думаешь, я когда-нибудь смогу вновь занять принадлежащее мне по праву место? — тихо спросил Валентин.

— Ты в этом сомневаешься?

— У Барджазида лицо лорда Валентина, народ принимает его за короналя. В его распоряжении вся мощь Горного замка, а у меня всего с дюжину приверженцев, и я никому не известен. Кто мне поверит, если я объявлю себя истинным короналем? Много ли времени пройдет, прежде чем Доминин вновь сотворит со мной то же, что уже раз проделал в Тил-омоне?

— У тебя есть поддержка Хозяйки Острова Сна, твоей матери.

— У тебя есть армия, мама?

Хозяйка ласково улыбнулась.

— Нет, армии у меня нет, но я принадлежу к числу властителей Маджипура, а это не так уж мало. Я распространяю любовь

и справедливость. И у меня есть вот это.— Она коснулась серебряного обруча на голове.

— Через него ты посылаешь послания?

— Да. С его помощью я могу входить в мозг любого обитателя Маджипура. В отличие от Барджазида я не имею возможности контролировать и управлять, как это делают его приборы, но могу сообщать, могу сопровождать, могу влиять. Прежде чем ты покинешь Остров, такой обруч будет и у тебя.

— И я спокойно пройду по всему Алханроэлю, неся его гражданам послания любви, пока Доминин Барджазид не спустится с Горы и не вернет мне трон?

В глазах Хозяйки сверкнуло нечто вроде того гнева, какой видел Валентин, когда она отсылала иерархов из комнаты.

— Что это за речи? — резко спросила она.

— Мама...

— Да, они действительно изменили тебя! Тот Валентин, которого я родила и вырастила, не смирился бы с мыслью о поражении!

— И я не мирюсь, мама. Но задача кажется мне поистине грандиозной, а я так устал. Вести войну против народа Маджипура, даже против узурпатора... Мама, с самых ранних времен на Маджипуре не было войн. И именно я нарушу мир?

Взгляд ее был безжалостен.

— Мир уже нарушен, Валентин. Ты обязан восстановить порядок в королевстве. Фальшивый корональ правит почти год, ежедневно издавая жестокие и глупые законы. Невинный наказан, виновный торжествует. Узурпатор посягнул на тысячелетиями сохранявшееся равновесие. Когда четырнадцать тысяч лет назад наш народ пришел сюда со Старой Земли, было совершено много ошибок. Много страданий претерпели люди, прежде чем был найден верный путь к устройству власти. Начиная с правления первого понтифекса мы стали жить без больших потрясений, а со времени лорда Стиамота на планете царил мир. Теперь мир покачнулся, и ты должен привести все в порядок.

— А если я соглашусь с тем, что сделал Доминин Барджазид? И если я откажусь ввергнуть Маджипур в гражданскую войну? Будут ли последствия столь зловещи?

— Ты и сам отлично знаешь ответы на эти вопросы.

— Я хотел бы услышать их от тебя, потому что все еще колеблюсь.

— Мне стыдно слышать от тебя такие слова.

— Мама, я столько испытал в этом путешествии! И это отняло у меня много сил. Разве я не имею права устать?

— Ты — корональ, Валентин.

— Возможно, я был им и, возможно, стану им снова. Но многое из моей королевской сущности было украдено у меня в Тил-омоне. Теперь я обычный человек. Но даже коронали устают и падают духом, мама.

Хозяйка заговорила более мягко:

— Барджазид не правит пока как настоящий тиран, ибо это может восстановить против него народ. Он все еще не уверен в своей власти — пока ты жив. Но он правит в интересах себя и своей семьи, а не ради блага Маджипура. У него нет чувства справедливости, и то, что он делает, только кажется полезным и целесообразным. Но с ростом его самоуверенности будут умножаться и его преступления — и тогда Маджипур застонет под кнутом чудовища.

Валентин кивнул.

— Когда усталость отступает, я тоже понимаю это.

— Подумай также, что произойдет, когда умре Тиеверас, понтифекс,— а это рано или поздно случится и, вполне вероятно, случится скоро.

— Барджазид войдет в Лабиринт и превратится в лишенного власти затворника. Ты это имеешь в виду?

— Понтифекс отнюдь не лишен власти, и ему не обязательно жить затворником. Ты знаешь только Тиевераса, который год от года стареет и стареет, становясь все более странным. Но понтифекс в полной силе — совсем другое дело. Что, если Барджазид станет понтифексом через пять лет? Ты думаешь, он удовлетворится пребыванием в этой подземной дыре, как это сейчас делает Тиеверас? Он будет править, Валентин, и применит для этого силу.— Она пристально взглянула на него.— А кто тогда, по-твоему, станет короналем? — Валентин пожал плечами.— У Короля Снов три сына,— объяснила Хозяйка.— Минакс, старший, на днях получит трон в Сувраэле. Доминин сейчас корональ и, если ты позволишь ему, станет понтифексом. Кого он выберет новым короналем, как не своего младшего брата Кристофа?

— Но это ненормально, чтобы понтифекс отдал Горный замок собственному брату!

— А чтобы Король Снов свергал законного короналя? — спросила Хозяйка, и глаза ее снова сверкнули.— Подумай вот еще о чем: когда сменяются коронали, сменяется и Хозяйка Острова. Я буду доживать свои дни во дворце для отставных Хозяек на террасе Теней. А кто придет во Внутренний храм? Мать Барджазидов! Как видишь, они захватят все и будут безраздельно править Маджипуром!

— Этого не должно быть,— сказал Валентин.

— Этого не должно быть.

— Что я должен сделать?

— Вместе со своими людьми и с теми, кого я дам тебе, ты сядешь на корабль в моем порту Нуминор и отправишься в Алханроэль. Высадишься на полуострове Стойензар и пойдешь в Лабиринт за благословением Тиевераса.

— Но если Тиеверас сумасшедший...

— Он не совсем безумен. Он живет в странном непрерывном сне, но я недавно коснулась его. Где-то глубоко в нем еще жив прежний Тиеверас. Он уже сорок лет понтифекс, а до этого долгое время был короналем, и он знает, как надо править нашим королевством. Если ты сможешь добраться до него, если сумеешь доказать ему, что ты настоящий лорд Валентин, он поможет тебе. Затем ты должен идти к Горному замку. Тебя пугает эта задача?

— Меня пугает только то, что я принесу хаос на Маджипур.

— Хаос уже есть. Ты принесешь порядок и справедливость.— Она придвинулась ближе, так что Валентин ощутил всю силу ее личности, прикоснулась к нему рукой и заговорила низким, страстным голосом: — Я родила двух сыновей, и каждый, кто видел их в колыбелях, не сомневался, что они предназначены быть короналями. Старшим был Вориакс. Ты помнишь его? Думаю, нет... пока. Он был великолепным, замечательным мужчиной, героем, полубогом. О нем еще в детстве говорили на Замковой горе: «Именно он должен стать короналем, когда лорд Малибор станет понтифексом». Вориакс был чудесен. Но был и второй сын, Валентин, такой же сильный и великолепный, как Вориакс, но он не так сильно любил подвиги и спорт, как старший. Он был теплее душой и мудрее, он без слов понимал, что правильно и что нет, в его душе не было жестокости, характер его был ровным и жизнерадостным. Его все любили и уважали. Говорили, что он мог бы стать даже лучшим короналем,

чем Вориакс, но Вориакс старший, и выбрать должны его, а Валентину суждена лишь должность первого министра. Малибор не стал понтифексом, он погиб, охотясь на драконов, и посланники Тиевераса пришли к Вориаксу и сказали: «Ты — корональ Маджипура». Первым, кто упал перед ним на колени и сделал знак Горящей Звезды, был его брат Валентин. И вот лорд Вориакс правил на Замковой горе, и правил хорошо, а я, как полагалось, пришла на Остров Сна, и восемь лет на Маджипуре все было спокойно. А затем произошло то, чего никто не мог предугадать: как и лорд Малибор, лорд Вориакс безвременно погиб, убитый случайной стрелой во время охоты. Но оставался еще Валентин, и хотя редко бывало, чтобы брат короналя становился короналем после него, почти никто не возражал, ибо все признавали его высокие качества. Таким образом, в Замок вошел лорд Валентин, а я, мать двух короналей, осталась во Внутреннем храме, радуясь, что отдала Маджипуру двух сыновей, и не сомневаясь, что правление лорда Валентина послужит славе Маджипура. Неужели ты думаешь, что я позволю Барджазидам долго сидеть там, где раньше сидел мой сын? Неужели ты думаешь, я могу смотреть на лицо лорда Валентина и знать, что у него подлая душа Барджазида? О Валентин, Валентин, от тебя осталась лишь половина того, кем ты был раньше, даже меньше, чем половина. Но ты вновь станешь самим собой, и Горный замок снова будет твоим, и судьба Маджипура не изменится к худшему. И не говори больше, что боишься принести на планету хаос. Хаос царит над нами. Ты — избавитель. Понимаешь?

— Понимаю, мама.

— Тогда пойдем со мной, и я излечу тебя.

Глава 12

Она провела его из восьмиугольной комнаты вниз по лестнице Внутреннего храма, мимо застывших стражей и хмурых, недоумевающих иерархов в маленькую светлую комнату, украшенную яркими цветами. Здесь стояли письменный стол и несколько мелких предметов меблировки. Судя по всему, это был рабочий кабинет Хозяйки Острова. Знаком пригласив Валентина сесть, она достала из стола две маленькие фляжки.

— Выпей это вино залпом,— велела она и протянула ему одну фляжку.

— Вино, мама? На Острове?

— Мы с тобой не паломники. Выпей.

Он откупорил фляжку и поднес к губам. Пряный и сладкий вкус темного вина был ему знаком: таким вином поила его толковательница снов Тизана, добавляя в него наркотик, чтобы разум открылся разуму. Хозяйка выпила содержимое второй фляжки.

— Значит, будет толкование? — спросил Валентин.

— Нет. Мы будем бодрствовать. Я долго думала, как это устроить.— Она вынула из стола сияющий серебряный обруч, такой же, как у нее, и подала Валентину.— Надень его на лоб и носи его постоянно, пока не поднимешься на Замковую гору, потому что в нем будет сосредоточена твоя сила.

Валентин осторожно надел обруч на голову. Тот плотно лег на виски, и у Валентина возникло какое-то странное ощущение, хотя металлическая полоска была так тонка, что он удивился, что вообще чувствует ее. Мать придвинулась ближе и погладила его густые длинные волосы.

— Золотые,— весело улыбнулась она.— Никогда не думала, что у моего сына будут золотые волосы. Какие ощущения вызывает у тебя обруч?

— Немножко давит.

— Больше ничего?

— Ничего.

— Как только ты привыкнешь к нему, давить перестанет. Ты еще чувствуешь действие наркотика?

— Только легкий туман в голове. Будь это возможно, я бы, наверное, уснул.

— Скоро тебе будет не до сна,— сказала Хозяйка, протягивая к нему руки.— Ты хороший жонглер, сынок? — неожиданно спросила она.

— Говорят, да.

— Прекрасно. Завтра ты покажешь мне свое умение. Думаю, мне будет интересно. А сейчас встань и дай мне обе руки. Вот так.

Она на мгновение накрыла его руки своими тонкими, но сильными на вид руками. Затем быстрым решительным жестом переплела его пальцы со своими. Валентин ощутил толчок, словно щелкнули переключателем и замкнули цепь. И почувствовал, что обруч сжался. Он покачнулся и чуть не упал, но мать держала его крепко. Ощущение было такое, словно в голову вонзилось толстое копье. Все вокруг завертелось, он не мог управлять своим зрением, сфокусировать его и видел только отдельные расплывчатые образы: лицо матери, сверкавшую поверхность стола, яркие оттенки цветов... И все это пульсировало, билось, кружилось...

Сердце его колотилось, в горле пересохло, а легким не хватало воздуха. Это было еще страшнее, чем оказаться в брюхе морского дракона. Ноги полностью отказались повиноваться, он больше не мог стоять и опустился на колени, смутно сознавая, что Хозяйка тоже стоит на коленях перед ним, а их пальцы все еще переплетены. Он видел ее лицо совсем близко. Внушающий ужас опаляющий контакт их душ не прервался.

Валентина захлестнули воспоминания. Он видел гигантскую и величественную Замковую гору и невероятную громаду Замка короналей на ее вершине. Его память со скоростью молнии проносилась по парадным комнатам с золочеными стенами и высокими сводчатыми потолками, по банкетным залам и совещательным палатам, по широким, как площади, коридорам. Яркий свет слепил глаза. Он ощущал рядом с собой мужчину — высокого, могущественного, уверенного в себе, сильного, который держал его за руку, и женщину, тоже сильную и уверенную, державшую его за другую руку, и знал, что это его родители. Он видел впереди мальчика — своего брата Вориакса.

— Что это за комната, отец?

— Это тронный зал Конфалюма.

— А кто этот человек с длинными рыжими волосами, который сидит в большом кресле?

— Это корональ лорд Малибор.

— А что такое корональ?

— Глупышка Валентин! Он не знает, что такое корональ!

— Тихо, Вориакс! Корональ — это король, Валентин, младший из двух королей. А второй — понтифекс, который прежде сам был коронaлем.

— Который?

— Вон тот, высокий, худой, с черной бородой.

— Его зовут понтифекс?

— Его зовут Тиеверас. Понтифексом он зовется как наш король. Он живет недалеко от Стойензара, но сегодня приехал сюда, потому что лорд Малибор женится.

— А дети лорда Малибора тоже будут короналями?

— Нет, Валентин.

— А кто будет?

— Пока этого никто не знает, сынок.

— А я буду? Или Вориакс?

— Вполне возможно, если вы вырастете мудрыми и сильными.

— О, я обязательно буду, отец!

Комната растаяла. Валентин увидел себя в другой — такой же великолепной, но не столь большой — и сам он был теперь уже не мальчиком, а молодым человеком. Здесь сидел Вориакс со звездной короной на голове и словно одурманенным взглядом.

— Лорд Вориакс!

Валентин опустился на колени и поднял руки с растопыренными пальцами. Вориакс улыбнулся и махнул ему:

— Встань, брат. Тебе не пристало ползать передо мной на коленях.

— Ты будешь самым замечательным короналем за всю историю Маджипура, лорд Вориакс.

— Зови меня братом, Валентин. Я корональ, но по-прежнему твой брат.

— Долгой жизни тебе, брат! Да здравствует корональ!

И все вокруг закричали:

— Да здравствует корональ! Да здравствует корональ!

Что-то изменилось. Комната была та же, но лорда Вориакса не было, а странная корона украшала теперь голову Валентина. Все вставали перед ним на колени, махали в воздухе пальцами и выкрикивали его имя. Он с удивлением взирал на происходящее.

— Да здравствует лорд Валентин!

— Благодарю вас, друзья мои. Я постараюсь быть достойным памяти моего брата.

— Да здравствует лорд Валентин!

— Да здравствует лорд Валентин! — тихо произнесла Хозяйка.

Валентин заморгал, жадно хватая ртом воздух. С минуту он не понимал, где он, почему стоит на коленях и кто эта женщина, чье лицо почти касается его лица. Затем сознание прояснилось.

Он встал, чувствуя себя полностью преображенным. Перед его мысленным взором проходили воспоминания: годы на Замковой горе, учеба, сухие факты истории, перечень короналей и понтифексов, целые тома конституционных знаний, экономический обзор провинций Маджипура, долгие занятия с учителями, постоянные проверки со стороны отца и матери... И другие, более легкие минуты: игры, путешествия по реке, турниры, другие игры, в которых принимали участие друзья Элидат, Стазилейн и Тонигорн, весело льющееся вино, охота, счастливое время с Вориаксом, когда они оба, принцы из принцев, были в центре всеобщего внимания. И страшная весть о смерти лорда Малибора в море, испуганный и радостный взгляд Вориакса, когда его нарекли короналем... А затем, через восемь лет, делегация высоких принцев пришла к Валентину и предложила ему корону брата...

Он вспомнил. Валентин вспомнил все — до той ночи в Тил-омоне, когда прекратились все воспоминания. И после этого он помнил только залитый солнцем Пидруид, камешки, летящие мимо него с обрыва, мальчика Шанамира, стоявшего со своими животными рядом с ним. Он мысленно видел самого себя, и ему казалось, что он отбрасывает две тени: светлую и темную. Сквозь иллюзорный туман мнимых воспоминаний, вложенных в него в Тил-омоне, он оглядывался назад, поверх непроницаемой темноты, на то время, когда был короналем, и теперь знал, что его мозг излечился и стал таким, каким был раньше.

— Да здравствует лорд Валентин! — повторила Хозяйка.

— Да,— согласился он,— я лорд Валентин и буду им снова. Мама, дай мне корабли. Барджазид слишком надолго задержался на троне.

— Корабли ждут в Нуминоре, и преданные мне люди будут служить тебе.

— Хорошо. Надо собрать и моих. Я не знаю, на каких они террасах, но их нужно найти быстро: маленького врууна, нескольких скандаров, хьорта, синекожего инопланетянина и нескольких людей. Я дам тебе список имен.

— Мы найдем их,— пообещала Хозяйка.

— Спасибо тебе, мама, что ты вернула мне меня самого.

— Спасибо? За что? Я дала тебе это изначально. За это не благодарят. Теперь ты родился вторично, Валентин, и, если понадобится, я сделаю это и в третий раз. Но будем надеяться, что не придется. Теперь судьба благоволит к тебе.— Глаза ее весело

блеснули.— Покажешь мне вечером, как ты жонглируешь? Сколько мячей ты можешь держать в воздухе одновременно?

— Двенадцать.

— И блавы могут танцевать... Говори правду!

— Меньше двенадцати,— признался он,— но больше двух. После обеда я устрою представление. И... знаешь что, мама?

— Да?

— Когда я вернусь в Горный замок, устрою большой фестиваль. Ты приедешь с Острова и еще раз посмотришь, как я жонглирую на ступенях трона Конфалюма. Обещаю тебе это, мама. На ступенях трона.

ЧАСТЬ 4

КНИГА ЛАБИРИНТА

Глава 1

Из порта Нуминор под командой хьорта Эйзенхарта, главного из адмиралов Хозяйки Острова Сна отплыли семь ее кораблей с широкими парусами и высокими стройными мачтами. Они везли пассажиров: лорда Валентина, короналя, его первого министра Аутифона Делиамбера, врууна, адъютантов Карабеллу из Тилломона и Слита из Нарабаля, военного адъютанта Лизамон Халтин, полномочных министров Залзана Кавола, скандара, и Шанамира из Фалкинкипа, а также других. Флот направлялся в гавань Стойен, расположенную в Алханроэле на полуострове Стойензар в дальней части Внутреннего моря. Корабли плыли уже не одну неделю, подгоняемые западным ветром, который дул в этих водах поздней весной, но берег все еще не показывался и его не будет видно много дней.

Валентина вполне устраивало долгое путешествие. Он не боялся задач, стоявших перед ним, но и не торопился их решать: необходимо было время, чтобы рассортировать свои только что восстановленные воспоминания и обдумать, кем он был и кем надеется стать. Где же лучше всего заняться этим, как не на великих морских просторах, где ничто, кроме узора облаков, не меняется и время кажется застывшим? Валентин часами стоял у поручней флагманского судна «Леди Тиин» в стороне от своих друзей, беседуя сам с собой.

Личность, которую вернула ему Хозяйка Острова Сна, нравилась Валентину: сильнее и тверже характером, чем Валентин-

жонглер, но без отталкивающих качеств души, которые иной раз встречаются у правителей. Бывшее «я» Валентина казалось ему рассудительным, здравомыслящим и умеренным. Это был человек серьезный, но любящий шутку, понимающий, что такое ответственность, и верный своему слову. Как и подобает тому, кого с самого рождения готовят к высокому положению, он был хорошо воспитан, основательно изучал историю, законодательство, принципы управления и экономику, чуть меньше — литературу и философию и, насколько представлял Валентин, лишь поверхностно — математические и физические науки, которые были не в почете на Маджипуре.

Обретение бывшего «я» было равно для Валентина неожиданному подарку, кладу. Но он еще не объединился с другим «я» и по-прежнему думал или «он» и «я», или «мы», все еще не осознавая цельность своей личности. Слишком велик был вред, нанесенный мозгу короналя в Тил-омоне, чтобы теперь быстро исчез разрыв между лордом Валентином и Валентином-жонглером. Но брешь эта с каждым днем уменьшалась. Возможно, несмотря на старания матери, на месте этой трещины навсегда останется рубец, но Валентин мог по желанию преодолеть разрыв и заглянуть в любую точку своей прежней жизни, в детские годы или в короткое время своего царствования. И куда бы он ни взглянул, он видел такое богатство знаний, опыта, зрелости, о каком и не мечтал во время своих странствий. Он входил в эти воспоминания как в энциклопедию, в библиотеку, и был уверен, что обязательно сольется со своим прежним «я».

На девятую неделю путешествия на горизонте показалась тонкая зеленая линия суши.

— Стойензар,— сказал адмирал Эйзенхарт.— Видишь сбоку темное пятно? Это гавань Стойен.

Валентин изучал берег приближавшегося континента как бы двойным зрением. Валентин-жонглер ничего не знал об Алханроэле, кроме того, что это самый большой континент на Маджипуре, куда высадились первые люди, очень густо населенный, славящийся невиданными и потрясающими чудесами природы, что здесь пребывает правительство Маджипура, здесь дом короналя и понтифекса. Лорд Валентин знал много больше. Для него Алханроэль означал Замковую гору, саму по себе являющую почти целый мир, на склонах которой можно было провести всю жизнь и не успеть насытиться всеми чудесами Пятидесяти Горо-

дов. Алханроэль — это Замок лорда Малибора, венчающий Гору, Валентин называл его так, когда был мальчиком, и сохранил эту привычку даже во время своего правления. Теперь он мысленно видел этот Замок, охватывавший вершину Горы и походивший на многорукое существо, протянувшее свои руки во все стороны над скалами, пиками и альпийскими лугами, а ниже — в громадные долины и складки. В Замке были многие тысячи комнат, он как бы жил собственной жизнью и выращивал каждый год все новые флигели и пристройки. Алханроэль — это и бугор над Лабиринтом понтифекса, и сам подземный Лабиринт — полная противоположность Острову Повелительницы Снов. Хозяйка Острова жила во Внутреннем храме на согретой солнцем и омытой ветром вершине, окруженной кольцом открытых террас, а понтифекс, как крот, зарылся глубоко под землю, в самую нижнюю часть своего королевства, окруженную кольцами Лабиринта. Валентин только однажды, много лет назад, был в Лабиринте по поручению лорда Вориакса, но воспоминание об извилистых пещерах все еще было свежо.

Алханроэль также означал Шесть Рек, сбегавших со склонов Замковой горы, и животные-растения Стойензара, которые он скоро увидит, и дома-деревья Треймоуна, и каменные руины Велализиерской равнины, существовавшие, как говорят, еще до появления на Маджипуре людей.

Тонкая линия на востоке стала шире, но все еще была едва заметна. Валентин ощутил всю громадность Алханроэля, развертывавшегося перед ним, как титанический свиток, и спокойствие, царившее в его душе в течение всего путешествия, сразу растаяло. Он жаждал как можно скорее высадиться на берег и отправиться к Лабиринту.

— Когда мы причалим? — обратился он к Эйзенхарту.

— Завтра вечером, мой лорд.

— Тогда сейчас устроим праздник. Лучшее вино для всех и после этого представление на палубе! Небольшой фестиваль.

Эйзенхарт бросил на него серьезный взгляд. Адмирал был аристократом среди хьортов, более стройным, чем большинство его соплеменников, и обладал на удивление сдержанными манерами, что Валентин находил несколько неприятным, однако Хозяйка Острова весьма высоко ценила адмирала.

— Какое представление, мой лорд?

— Немножко жонглирования. Мои друзья чувствуют ностальгическое желание снова заняться своим ремеслом. Вот как раз подходящий случай — отпраздновать таким образом благополучное окончание нашего путешествия.

— Да, конечно,— кивнул Эйзенхарт. Он церемонно поклонился, но ему явно не нравились такие штучки на борту его флагмана.

Валентин предложил это из-за Залзана Кавола. Скандару было неуютно на корабле, и часто замечали, как он ритмично двигает своими четырьмя руками, будто жонглирует, хотя никаких предметов нет. Ему пришлось более чем кому-либо иному потрудиться, чтобы адаптироваться к обстоятельствам за время похода через Маджипур. Год назад Залзан Кавол был королем в своей профессии, непревзойденным мастером жонглирования, с триумфом переезжавшим из города в город в своем удивительном фургоне. Теперь же у него не осталось ничего. Фургон сгорел в лесах Пиурифэйна, два брата из пяти погибли там же, а третий покоится на дне моря. Он больше не отдавал приказаний своим работникам и не видел их повиновения, а вместо вечернего представления перед изумленной публикой, наполнявшей его карманы кронами, он идет теперь вслед за Валентином, В Залзане Каволе копились неиспользованные сила и энергия. Это было видно по его лицу и поведению — по тому, что прежде грубый, необузданный его характер, которому он всегда давал волю, теперь стал, можно сказать, почти мягким, Валентин понимал, что скандар переживает тяжелый душевный кризис. Служители Хозяйки Острова нашли Залзана Кавола на террасе Оценки, где он неуклюже и сонно выполнял черную работу и, как видно, смирился с тем, что будет заниматься ею до конца жизни.

— Хочешь поработать с факелами и ножами? — спросил его Валентин.

— Еще бы! — немедленно просиял Залзан Кавол.— А ты видел эти щепки? — Он указал на несколько здоровенных дубин фута в четыре длиной, лежавших кучей возле мачты.— Прошлой ночью, когда все спали, мы с Ерфоном попрактиковались с ними. Если твой адмирал не возражает, мы возьмем их вечером.

— Эти? Разве такими длинными можно жонглировать?

— Ты только получи разрешение адмирала, мой лорд, а вечером сам увидишь!

Все послеобеденное время труппа репетировала в просторном пустом трюме. Это было впервые после Илиривойна, а с тех пор, казалось, прошла вечность. Однако, пользуясь импровизированным набором предметов, собранным скандарами, все быстро вошли в ритм.

Валентин с восторгом смотрел на жонглеров. Слит и Карабелла яростно обменивались дубинками, Залзан Кавол, Роворн и Ерфон придумали замысловатый новый обмен вместо того, от которого пришлось отказаться из-за смерти братьев. На минуту показалось, что вернулись старые добрые времена Фалкинкипа или Дюлорна, когда важнее всего было выступать на фестивале или в цирке, а самое главное — держать координацию руки и глаза. Но возврата в те дни уже не будет. Теперь труппа ввязалась в политическую интригу, связанную со сменой власти, и никто из них уже не станет прежним. Эти пятеро обедали с Хозяйкой Острова Сна, делили кров с короналем, плыли на свидание с понтифексом. Они уже стали частью истории, даже если кампания Валентина окончится неудачей. Но все-таки они снова жонглировали, как если бы жонглирование было всем в их жизни.

Потребовалось много дней, чтобы собрать их всех во Внутреннем храме. Валентин думал, что Хозяйке и ее иерархам достаточно закрыть глаза, чтобы добраться до любого мозга на Маджипуре, но все оказалось не так просто: связь была неточной и ограниченной. Первым делом на внешней террасе обнаружили скандаров. Шанамир оказался на Втором утесе и по своей юношеской бесхитростности быстро продвигался. Уже не юный и не бесхитростный Слит тем не менее тоже сумел попасть на Второй утес, как и Виноркис. Карабелла была как раз перед ними на террасе Зеркал, но ее по ошибке искали сначала в другом месте. Найти Кхуна и Лизамон оказалось просто, поскольку они внешне сильно отличались от остальных пилигримов, но трое бывших подчиненных Горзвала: Панделон, Кордеин и Тесме — прямо-таки растворились в населении Острова, как невидимки, так что Валентину пришлось бы оставить их там, не объявись они сами в последнюю минуту. Труднее всего оказалось выследить Делиамбера. На Острове находилось много вруунов, некоторые из них тоже были мелкими колдунами, поэтому иерархи Хозяйки много раз ошибались.

Флот готовился к отплытию, а Делиамбера все еще не нашли. Валентин в отчаянии разрывался между необходимостью дви-

гаться дальше и нежеланием уехать без своего самого полезного советника, но тут вруун сам появился в Нуминоре, никак не объяснив, где был и как прошел незамеченным через весь Остров. Итак, все собрались вместе — все, кто пережил долгий путь от Пидруида.

На Замковой горе лорд Валентин имел свой круг приближенных, чьи лица и имена восстановились теперь в памяти Валентина,— принцев и придворных, близких ему с детства. Элидат, Стазилейн, Тонигорн были самыми близкими друзьями. Однако, хотя он и чувствовал, что по-прежнему дорожит этими людьми, все они очень отдалились от него духовно. Ему гораздо ближе стала эта случайно собранная во время странствий компания, и он часто задумывался, как примирить эти две группы, когда он вернется в Замок.

восстановившаяся память успокоила его, по крайней мере, в одном: в Замке его не ждала ни жена, ни невеста, ни даже сколько-нибудь заметная любовница, которая могла бы оспаривать место Карабеллы рядом с ним. Как принц и как молодой кораль он жил, благодарение Божеству, свободным от забот и привязанностей. И так нелегко будет сообщить двору, что возлюбленная короналя — простая женщина, родом из равнинного города, странствующий жонглер, а если бы он отдал свое сердце кому-то раньше, было бы совсем немыслимо заявить, что отныне оно принадлежит другой.

— Валентин! — окликнула его Карабелла.

Голос девушки вывел его из задумчивости, и он оглянулся. Она засмеялась и бросила ему дубинку. Он поймал ее в ладонь, как учили: чтобы головная часть дубинки оказалась между большим и указательным пальцами. Тут же прилетела вторая дубинка — от Слита и третья — снова от Карабеллы. Он засмеялся и заставил дубинки кружиться над головой по старой, знакомой схеме. Он бросал и ловил, а Карабелла хлопала в ладоши и тоже бросала и ловила. Как хорошо было снова жонглировать! Лорд Валентин — великолепный атлет, обладающий острым зрением, ловкий во многих играх, но слегка прихрамывающий после давнего неудачного падения с лошади — не умел жонглировать. Жонглирование было искусством Валентина-простолюдина. На борту этого корабля он был окружен аурой власти, окутавшей его после того, как мать вылечила его мозг, и чувствовал, что компаньоны держатся от него на расстоянии вытянутой руки,

но тем не менее пытаются по возможности видеть в нем прежнего Валентина из Зимроэля. Поэтому было особенно приятно, что Карабелла так непочтительно швырнула ему дубинку.

Жонглирование тоже доставляло ему удовольствие, не омраченное даже тем, что, пока он поднимал оброненную дубинку, вторая стукнула его по голове, и это вызвало презрительное фырканье Залзана Кавола.

— Сделай так вечером,— пригрозил скандар,— и быть тебе неделю без вина!

— Не бойся,— ответил Валентин,— я уронил ее только для того, чтобы попрактиковаться в подъеме. Вечером ты таких ошибок не увидишь.

Ошибок и в самом деле не было. Когда зашло солнце, все, кто находился на корабле, собрались на палубе. Эйзенхарт со своими офицерами расположился в надстройке, откуда было лучше всего видно. Он предложил Валентину занять почетное кресло, но тот с улыбкой отказался. Эйзенхарт бросил на него растерянный взгляд. Стоило, однако, видеть, каким стало его лицо через несколько минут, когда Шанамир, Виноркис и Лизамон ударили в барабаны, затрубили в трубы и из люка показались артисты, а среди них — лорд Валентин, кораль, который словно самый обыкновенный жонглер начал весело швырять дубинки, блюда и плоды.

Глава 2

Если бы адмирал Эйзенхарт действовал по своему усмотрению, Валентина ждала бы в Стойене пышная встреча вроде фестиваля в Пидруиде во время визита фальшивого короналя. Но Валентин, узнав о планах Эйзенхарта, категорически запретил ему устраивать торжества. Он еще не был готов требовать трон, публично обвинить в самозванстве того, кто называл себя лордом Валентином, или ждать каких-то почестей от горожан.

— Пока я не получу поддержки понтифекса,— твердо сказал он адмиралу,— я намерен действовать тихо и собирать силы, не привлекая внимания. Так что никаких фестивалей в мою честь в Стойене не будет.

Вот почему «Леди Тиин», не привлекая к себе внимания, бросила якорь в этом большом порту на юго-западе Алханроэля. Хотя флот состоял из семи кораблей, а корабли Хозяйки Остро-

ва Сна, достаточно известные в гавани Стойена, обычно не прибывали в таком количестве, все они вошли спокойно, без развевающихся на ветру разноцветных флагов.

Портовая администрация почти не задавала вопросов: было очевидно, что корабли прибыли по делам Хозяйки, а ее дела находились вне компетенции обычных чиновников. Чтобы поддержать такое мнение, адмирал в первый же день разослал людей по району верфей покупать материал для парусов, пряности, инструменты и тому подобное. Тем временем Валентин и его компаньоны поселились в скромном торговом отеле.

Стойен был похож на любой приморский город: экспорт-импорт, склады, судостроение. Город с населением около пятнадцати миллионов тянулся на сотни миль вдоль громадного полуострова, отделявшего залив Стойен от основной части Внутреннего моря. Ближайшим к Острову портом был не Стойен, а Алаизор, в тысячах миль к северу, но из-за господствовавших в этот сезон противодействующих ветров и течений быстрее и легче было добраться до дальнего Стойена, чем совершить более короткий, но более трудный и рискованный переход на восток, к Алаизору.

Пополнив запасы воды и продовольствия, они должны были плыть по спокойному заливу вдоль северного берега огромного полуострова в тропический Кирсиден, а затем в Треймоун — прибрежный город, расположенный недалеко от Лабиринта.

Стойен показался Валентину поразительно красивым. Местность была равнинной и в самых высоких точках поднималась не больше чем на двадцать футов над уровнем моря, но жители города построили удивительные сооружения из облицованного белым камнем кирпича, чтобы создать иллюзию холмов. Среди этих «холмов» не было двух одинаковых по высоте: одни едва достигали десяти, а другие поднимались на сотни футов. Окрестности города поднимались вверх гигантскими ступенями в несколько десятков футов высотой и более четверти мили шириной. Некоторые важные здания были построены на фундаментах особой конструкции и возвышались над окружающими домами. Чередование высоких и низких зданий создавало потрясающий эффект.

Все, что могло быть воспринято как явное архитектурное излишество и даже иногда вызвать раздражение, смягчалось тропической растительностью, равной которой Валентин еще не видел. В основании каждого «холма» росло множество деревьев с широкими кронами. Их ветви, переплетаясь, создавали непроницаемое покрывало. По стенам сооружений спускались каскады лиан. По краям широких скатов в бетонных ящиках росли кусты с узкими листьями разнообразнейших расцветок и оттенков: бордо и темно-красного, кобальтовой сини, индиго и кроваво-красного, сапфира и янтаря, зеленого нефрита, багряного — все они смешивались друг с другом, создавая причудливые узоры.

В больших общественных парках города были собраны все наиболее удивительные растения. Там были сады знаменитых животных-растений, которые в естественной среде росли в нескольких сотнях миль к югу от города, на знойном побережье, обращенном к далекому пустынному континенту Субраэль. По сути своей они были растениями, поскольку жили, укоренившись на одном месте, и питались с помощью фотосинтеза, но казались животными, ибо обладали подвижными и гибкими трубчатыми телами, тянущимися в различных направлениях руками и пристально смотревшими на мир глазами. Хотя питания от солнечного света и воды им было достаточно, они всегда были не прочь проглотить какое-нибудь мелкое живое существо, если удавалось его поймать. Живописно рассаженные группы этих растений, окруженные низкой каменной стеной — как с декоративной целью, так и из соображений безопасности,— встречались в Стойене повсюду. Некоторые из них походили на небольшие деревца, другие, наоборот, раздавались вширь, а некоторые были пушистыми и угловатыми. И все они находились в постоянном движении, реагируя на дуновение ветра, запахи, случайные крики, голоса садовников и многое другое. Валентин находил в них какое-то зловещее очарование. Он подумал даже о доставке такой коллекции в Горный замок.

— Почему бы и нет? — сказала Карабелла.— Их можно держать в качестве фона для разных выставок. Должна быть возможность сохранить их в добром здравии в Замке лорда Валентина.

Валентин кивнул.

— Мы наймем группу садовников из Стойена. Узнаем, чем они питаются, и будем постоянно получать это на Горе.

Слит содрогнулся.

— У меня от них мурашки по коже. А тебе они нравятся, мой лорд?

— Не то чтобы нравятся... Они интересные.

— Может, ты и тех, людоедских, привезешь?

— Конечно! — воскликнул Валентин.— Непременно! — Его лицо даже вспыхнуло от восторга. Слит тихо застонал. Но Валентин не обратил на это внимания. Взяв за руки Слита и Карабеллу, он пояснил: — Каждый корональ что-то добавлял к Замку: библиотеку, обсерваторию, парапет, оружейную палату, пиршественный зал, палату трофеев, и с каждым правлением Замок рос, изменялся, становился богаче. Я так недолго был короналем, что не успел даже обдумать, что вложу в него. Но скажите: какой корональ видел Маджипур так, как я? Кто путешествовал так далеко и пережил столько приключений? Чтобы увековечить память о них, я соберу все необыкновенные растения, какие только встречал: и плотоядные, и эти, одушевленные, и полые деревья, и пару двикка-деревьев, и рощу огненных пальм, и сенситивы, и поющий папоротник — все чудеса, виденные нами. В Замке нет ничего подобного, лишь маленькая оранжерея, устроенная лордом Конфалюмом. А я увеличу ее. Сад лорда Валентина! Звучит? Как по-вашему?

— Это будет чудо, мой лорд,— согласилась Карабелла.

Слит кисло заметил:

— Я не хотел бы гулять среди плотоядных растений ни в саду лорда Валентина, ни в герцогствах Ни-мойи и Пилиплока.

— А мы и не заставим тебя гулять по саду,— со смехом пообещал Валентин.

Но пока Валентин не поселится снова в Замке лорда Валентина, не будет никаких прогулок и никаких садов. А он целую неделю бездельничает в Стойене, ожидая, пока Эйзенхарт пополнит свои запасы.

Три корабля, груженные необходимыми товарами, вернутся на Остров, остальные пойдут следом за Валентином как скрытый эскорт. Хозяйка Острова предоставила в его распоряжение более сотни своих самых крепких телохранителей под командой грозной Лоривейд. Они не были воинами в буквальном смысле этого слова, потому что Остров жил мирно со времени последнего вторжения на него метаморфов несколько тысяч лет назад, но это были компетентные и бесстрашные мужчины и женщины, преданные Повелительнице и готовые в случае необходимости отдать жизнь за восстановление порядка в королевстве. Они были ядром частной армии — первой такой военной силы, насколько

было известно Валентину, организованной на Маджипуре, если не считать древних времен.

Наконец флот был готов сняться с якоря. Первыми ушли корабли, возвращавшиеся на Остров. Они отплыли на северо-запад ранним утром Второго дня. Остальные ждали до полудня Дня Моря и двинулись в том же направлении, но с наступлением темноты свернули на восток, в залив.

Длинный и узкий Стойензар выступал из центрального массива Алханроэля, как колоссальный палец. На его южной, обращенной к морю стороне было нестерпимо жарко. На этом побережье, покрытом джунглями, где было полно насекомых, почти никто не жил. Основная часть населения сконцентрировалась на берегу залива. Через каждую сотню миль там встречались большие города, а между ними — непрерывная линия рыбачьих деревушек, мелких городков и фермерских округов. Сейчас здесь было начало лета, и на почти неподвижной воде залива лежала плотная дымка жары. Флот остановился на день в Кирсидене, где берег сворачивал к северу, а затем направился к Треймоуну.

Валентин проводил много времени в своей каюте, практикуясь в обращении с обручем, подаренным ему матерью. Через неделю он овладел искусством впадать в легкий дремотный транс, научился отключать мозг, сохраняя готовность включать его снова и одновременно сознавать, что происходит вокруг. В таком состоянии транса он мог, пусть ненадолго и без большой силы, входить в контакт, мысленно пройти по кораблю и различить ауру спящих, поскольку спящий мозг более уязвим для такого проникновения, чем бодрствующий. Он мог слегка коснуться мозга Карабеллы, Слита, Шанамира, передать им свое изображение или доброе пожелание. Проникнуть в малознакомый разум, например плотника Панделон или иерарха Лоривейд, было пока еще трудно, разве что короткими вспышками, а вот коснуться мозга нечеловеческого происхождения вообще не удавалось — даже если речь шла о близких знакомых, вроде Залзана Кавола, Кхуна или Делиамбера. Но Валентин продолжал учиться и чувствовал, что его умение растет с каждым днем, как было когда-то с жонглированием, потому что он так же отключался от всего, что происходило вокруг, не отвлекаясь на посторонние мысли, и полностью сосредоточивался на контакте. К тому времени, когда «Леди Тиин» подходила к Треймоуну, Валентин уже мог поместить в чей-нибудь мозг начало сна с событиями и образами.

Он послал Шанамиру сон о Фалкинкипе, о пасущихся на лугах животных и кружащих в ясном небе громадных гихорн-птицах, которые постепенно снижаются, взмахивая своими огромными крыльями. Утром за столом мальчик в деталях описал свой сон, но сказал, что птицы были милуфты, пожиратели падали, с оранжевым клювом и мерзкими синими когтями.

— Что означает такой сон, когда спускаются милуфты? — спросил он.

— Может, ты плохо запомнил сон? — поинтересовался Валентин.— Может, это были, скажем, гихорн-птицы? Они служат добрым предзнаменованием.

Шанамир простодушно покачал головой.

— Если я не умею отличить гихорна от милуфты, мой лорд, то мне лучше вернуться в Фалкинкип и чистить стойла.

Валентин отвернулся, чтобы скрыть улыбку, и решил тщательнее отрабатывать технику и посылать более точные образы.

Карабелле он послал сон о жонглировании хрустальными стаканами с золотым вином. Она рассказала об этом, описав форму стаканчиков.

Слит увидел во сне сад лорда Валентина, чудесную страну сверкающих перьеобразных белых кустов, грустных круглых и колючих деревьев и маленьких трехлепестковых растений с подмигивающими игривыми глазками на кончиках стеблей. Все они были воображаемыми, но хищных среди них не было. Слит с восторгом описал сон и добавил, что, будь у короналя в Замке такой сад, он, Слит, был бы счастлив погулять в нем.

Сны приходили и к Валентину. Почти каждую ночь Повелительница Снов, его мать, издалека касалась его духа. Ее сияющее присутствие успокаивало и ободряло его спящий мозг, как холодный лунный свет. Он видел также былые дни в Замке, юношеские игры, Тонигорна, Элидата, Стазилейна, брата Вориакса, учившего его обращаться с мечом и луком, и лорда Малибора, короналя, который путешествовал по городам, расположенным на Горе, как некий великий сияющий полубог, и многое другое, поднимавшееся из глубин его памяти.

Но не все сны были приятными. Накануне подхода «Леди Тиин» к Треймоуну Валентин увидел себя на берегу какой-то странной и мрачной уединенной бухты, поросшей низким кривым кустарником. День клонился к вечеру. Он направился к Замковой горе, перекрученным и острым шпилем высившейся

вдали, но на его пути оказалась стена выше белых утесов Острова Сна, и была она железной — такого количества металла нет на всем Маджипуре: темное, страшное железное кольцо, казалось, опоясывавшее весь мир от полюса до полюса. Валентин был по одну сторону, а Замковая гора по другую. Подойдя ближе, он заметил, что стена потрескивает, как будто по ней пробегает ток, и от нее исходит низкое гудение. Когда же он оказался почти рядом со стеной, то увидел в блестящем металле свое отражение, но лицо, смотревшее на него из этого страшного зеркала, было лицом сына Короля Снов.

Глава 3

Треймоун был городом прославленных по всему Маджипуру деревьев-домов. На второй день после прибытия Валентин пошел посмотреть на них в прибрежный район к югу от устья реки Трей. Деревья-дома не приживались нигде, кроме как на наносной равнине Трея. У них были короткие стволы, несколько напоминавшие стволы двикка-деревьев, но не такие толстые, с красивой, блестящей бледно-зеленой корой. Из их бочкообразных тел выходили короткие ветви, загибавшиеся вверх и наружу, а по ним вились лианы, закрепляясь во многих местах и образуя уютные укрытия, формой похожие на чаши.

Обитатели Треймоуна устраивали жилища по своему вкусу, вытягивая гибкие ветви в форме комнат и коридоров и закрепляя их, пока кора не срасталась в нужных местах. Из листьев готовили вкусный салат, пыльца душистых кремовых цветов была слабым наркотиком, синеватые плоды использовались по-разному, а легко выжимавшийся сладкий сок пили вместо вина. Каждое дерево жило тысячу лет, а то и больше. Семьи ревностно следили за ними. На равнине росло десять тысяч деревьев, все зрелые и все обитаемые. На окраине района Валентин увидел несколько молодых саженцев.

— Они недавно посажены,— объяснили ему,— чтобы заменить погибшие в последние годы.

— А что делает семья, когда ее дерево умирает?

— Отправляется в город, в так называемые траурные дома, пока не вырастет новое дерево. На это уходит лет двадцать. Мы очень боимся смерти деревьев, но такой ужас переживает только одно из десяти поколений.

— А нельзя вырастить эти деревья где-нибудь в другом месте?

— Ни на один дюйм дальше того места, где ты их видишь. Они растут только в нашем климате и только на этой почве. В любом другом месте они проживут год-два и зачахнут.

Валентин тихо обратился к Карабелле:

— А мы все-таки проведем эксперимент. Интересно, уделят ли они немного этой драгоценной почвы для сада лорда Валентина?

Она улыбнулась:

— Даже маленькое дерево-дом — прекрасное место, куда ты сможешь уходить, когда устанешь от государственных дел. Будешь сидеть среди листвы, вдыхать аромат цветов, срывать плоды... Ох, хорошо бы тебе иметь такой дом!

— Когда-нибудь он у меня будет,— сказал Валентин,— и ты будешь сидеть там рядом со мной.

Взгляд Карабеллы стал испуганным.

— Я, мой лорд?

— Конечно. Кто же еще? Доминин Барджазид? — Он слегка коснулся ее руки.— Ты думаешь, наши дороги разойдутся, когда мы достигнем Замковой горы?

— Не будем сейчас говорить об этом,— ответила она строго и, обращаясь к гиду, громко спросила: — А эти молодые деревья — как вы за ними ухаживаете? Их часто необходимо поливать?

От Треймоуна до Лабиринта, находившегося в центре южного Алханроэля, было несколько недель пути на скоростной парящей повозке. Местность была в основном низинная, с плодородной красной почвой в речной долине и бедной — песчаной серой — вне ее, а по мере продвижения Валентина и его отряда поселений становилось все меньше. Время от времени шел дождь, но пористая земля, казалось, мгновенно впитывала воду. Климат был жаркий, и иногда зной был поистине нестерпимым. В монотонном движении проходил день за днем. Теперь путешествие было для Валентина начисто лишено магии и таинственности. Он с грустью вспоминал, как месяцами скитался по Зимроэлю в замечательном фургоне Залзана Кавола. Тогда каждый день казался путешествием в неизвестное, со свежими впечатлениями на каждом повороте, остановками в удивительных городах и с чувством возбуждения от выступлений. А теперь? Все для него делали адъютанты и помощники. Он снова становился принцем, хотя и всего лишь с сотней приверженцев, и вовсе не был уверен, что это ему нравится.

На вторую неделю пути ландшафт резко изменился: из сухой, глубоко изрезанной земли поднимались холмы с плоскими черными вершинами. Здесь росли только чахлые кусты, темные, искривленные, с мелкими восковыми листьями, а на более высоких склонах — колючие заросли призрачно-белых лунных кактусов, вдвое превышавших рост человека.

Маленькие длинноногие животные с рыжим мехом и короткими пушистыми желтыми хвостиками, испуганные приближающимся караваном, молниеносно пробегали мимо и исчезали в горах.

— Это начало пустыни Лабиринта,— объяснил Делиамбер.— Скоро мы увидим каменные города древних.

В своей прошлой жизни Валентин подходил к Лабиринту с другой стороны, с северо-запада. Там тоже была пустыня. И громадные руины города Велализиер. Но он спускался с Замковой горы на речном судне и быстро миновал все мертвые земли, окружающие Лабиринт. Вот почему эта унылая, непривлекательная местность была совершенно незнакома ему. Сначала он находил ее захватывающе странной, особенно при заходе солнца, когда безоблачное небо прочерчивалось причудливыми яркими полосами, а сухая почва казалась металлической. Но через несколько дней все это перестало ему нравиться, стало казаться тревожным, угрожающим. Было что-то в резком воздухе пустыни, что давило на него, вызывая глухую тоску. Он никогда не бывал в пустынях, потому что их не было в Зимроэле, да и в хорошо обеспеченном водой Алханроэле тоже — кроме этого сухого участка. Мысленно Валентин отождествлял пустыню с Суврaэлем, который достаточно часто посещал во сне, и он не мог отогнать от себя непонятное и неизъяснимое ощущение, что едет на свидание с Королем Снов.

— Вот и развалины,— сказал Делиамбер.

Сначала их трудно было отличить от скал пустыни. Валентин видел только небольшие скопления темных монолитов, как бы раскиданных гигантской рукой на расстоянии одной-двух миль друг от друга. Но постепенно он начал различать формы: вот кусок стены, вот основание какого-то исполинского дворца, а это, возможно, алтарь. Все было огромным, хотя отдельные группы развалин, наполовину занесенные песком, были всего лишь обычными, невыразительными сторожевыми заставами.

Валентин велел каравану остановиться возле особенно широко разбросанных обломков и с несколькими спутниками осмотрел их. Он осторожно притрагивался к камням, опасаясь, не совершает ли какого-нибудь святотатства. Камни были холодными, гладкими на ощупь, как бы инкрустированными наросшим желтым лишайником.

— Это работа метаморфов? — спросил он.

Делиамбер пожал плечами:

— Мы думаем, что да, но точно никто не знает.

— Я слышал,— заметил адмирал Эйзенхарт,— что эти города построены первыми поселенцами со Старой Земли вскоре после их высадки на планету и разрушены в гражданскую войну до того, как понтифекс Дворн создал правительство.

— Записей, конечно, с тех времен не сохранилось,— добавил колдун.

Эйзенхарт искоса взглянул на врууна.

— Значит, ты другого мнения?

— Я? Я вообще не имею мнения о событиях, происходивших четырнадцать тысяч лет назад. Я не так стар, как вы полагаете, адмирал.

Иерарх Лоривейд сухо сказала:

— Мне кажется невероятным, что первые поселенцы строились так далеко от моря и что они могли найти поблизости такие громадные каменные плиты.

— Значит, ты думаешь, что это города метаморфов? — спросил Валентин.

— Метаморфы — дикари, они живут в джунглях и пляшут, чтобы вызвать дождь,— вмешался Эйзенхарт.

Лоривейд, недовольная вмешательством адмирала, ответила Валентину с явным раздражением:

— Я думаю, это вполне возможно.— Затем, обращаясь к адмиралу, добавила: — Не дикари, адмирал, а изгнанники. За такой срок они вполне могли опуститься с более высокого уровня развития.

— Вернее сказать, их скинули,— заметила Карабелла.

— Правительство должно бы организовать изучение этих руин, а может, это уже сделано? — вмешался Валентин.— Нам нужно узнать как можно больше о дочеловеческих цивилизациях Маджипура, и если это места метаморфов, их следует взять под охрану. Мы...

— Развалины не нуждаются в другой охране, кроме той, которая у них уже есть,— внезапно раздался новый голос.

Валентин, вздрогнув, обернулся. Из-за монолита появилась странная фигура: тощий, почти бесплотный человек лет шестидесяти-семидесяти, с горящими злобой глазами и тонким, широким, беззубым ртом, искривленным в насмешливой ухмылке. Он был вооружен длинным узким мечом, а одежда его целиком состояла из рыжих шкур животных пустыни. На голове его была шапка из толстого желтого меха. Он снял ее широким жестом и низко поклонился. Когда незнакомец выпрямился, рука его уверенно легла на рукоять меча.

— И мы видим одного из таких охранников? — вежливо поинтересовался Валентин.

— Не одного.

Из-за камней вышло еще около десятка таких же фантастических типов, столь же костлявых, так же одетых в меховые куртки и штаны и с такими же немыслимыми шапками. Все с мечами, и все, казалось, готовы были пустить их в ход. Затем появилась вторая группа, как бы материализовавшись из воздуха, а затем третья, большая — человек в тридцать-сорок.

В отряде Валентина было одиннадцать душ, в основном безоружных. Все остальные остались в парящих повозках в двухстах ярдах отсюда на дороге. Пока они стояли тут, рассуждая о древней истории, их окружили.

— По какому праву вы вторглись сюда? — спросил предводитель.

Услышав легкое покашливание Лизамон и увидев напряженную позу Эйзенхарта, Валентин дал им знак успокоиться и в свою очередь тоже задал вопрос:

— Могу я узнать, кто ко мне обращается?

— Я герцог Насимонт из Ворнек Крэга, верховный лорд Западного Граничья. Вокруг меня ты видишь знатных людей моего герцогства, которые верно служат мне.

Валентин не помнил провинции под таким названием и такого герцога. Может, он позабыл географию? Нет, не настолько же. Однако он решил не шутить с герцогом Насимонтом, а торжественно произнес:

— Ваша милость, у нас не было намерения вторгаться в ваши владения. Мы путешественники, едем в Лабиринт, у нас дело к понтифексу, а здесь, кажется, наиболее прямая дорога от Трейморна.

— Верно. Но для вас лучше было бы ехать к понтифексу менее прямой дорогой.

— Не докучай нам! — внезапно рявкнула Лизамон.— Знаешь ли ты, кто перед тобой?

Валентин с досадой щелкнул пальцами, чтобы великанша замолчала.

Насимонт мягко сказал:

— Это не имеет значения. Будь он хоть сам лорд Валентин, ему не удастся легко пройти здесь. В сущности, для любого этот путь легче, чем для лорда Валентина.

— Ты в ссоре с лордом Валентином? — поинтересовался Валентин.

Бандит грубо захохотал.

— Корональ — мой самый ненавистный враг.

— Ну, тогда ты восстаешь против всей цивилизации, потому что все обязаны повиноваться короналю и во имя порядка противостоять его врагам. Как ты можешь быть герцогом и не признавать авторитета короналя?

— Только этого короналя,— уточнил Насимонт.

Он медленно приблизился к Валентину и остановился перед ним, не снимая руки с меча.

— На тебе хорошая одежда, от тебя пахнет городским комфортом. Ты, наверное, богат, живешь в большом доме где-нибудь на Горе, и слуги исполняют каждое твое желание. Что бы ты сказал, если бы в один прекрасный день все это у тебя отняли и по чьему-то капризу ты был бы ввергнут в нищету?

— Я прошел через это,— сказал Валентин.

— А теперь у тебя целая кавалькада парящих повозок и свита. Кто же ты?

— Лорд Валентин, корональ,— без колебаний ответил Валентин.

Глаза Насимонта сверкнули яростью. Казалось, он вот-вот вытащит свой меч, но затем, словно сочтя эту шутку весьма соответствующей его собственному злобному юмору, расслабился.

— Ну да, ты такой же корональ, как я герцог. Ну, лорд Валентин, твоя светлость возместит мне прошлые потери. За то, что ты вторгся в зону развалин, с тебя тысяча реалов.

— У нас нет такой суммы,— спокойно возразил Валентин.

— Тогда ты останешься с нами, пока твои лакеи не достанут денег.

Он сделал знак своим людям.

— Хватайте их и вяжите. Одного отпустим — врууна. Он будет посланником. Эй, врууп, скажешь там, в повозках, что мы задержим этих, пока не уплатят тысячу реалов. Будем ждать месяц. Если ты вернешься с ополчением вместо денег, то имей в виду, что мы знаем эти холмы, а офицеры — нет. И вы не увидите своих друзей живыми.

— Подожди,— остановил Валентин Насимонта, когда его люди шагнули вперед.— Расскажи мне о своей ссоре с короналем.

Насимонт нахмурился:

— Он прошел через эту часть Алханроэля в прошлом году, возвращаясь из Зимроэля. Я тогда жил у подножия горы Эберсинул, возле озера Айвори, выращивал рикку, туйол и милайл, и мои плантации были лучшими в провинции, потому что шестнадцать поколений моей семьи занимались этим. Корональ и его свита остановились у меня, ибо во всей округе только я был способен принять их достойно. Он явился в самый разгар сбора урожая туйола со всеми его сотнями прихлебателей и слуг, со множеством придворных. Ртов было столько, что они могли объесть половину континента. За время от одного Звездного дня до следующего они опустошили мои винные погреба, устроили фестиваль в полях и вытоптали все посевы, спьяну подожгли мой дом, разрушили плотину на озере и затопили поля. Они, развлекаясь, полностью разорили меня, а затем уехали, даже не зная, что сделали со мной. Да и едва ли их это интересовало. Все оставшееся перекочевало к ростовщикам, а я благодаря лорду Валентину и его друзьям живу в скалах Ворнек Крэг. Это справедливо? Если ты хочешь уйти из этих древних развалин, чужеземец, это будет стоить тебе тысячу реалов. Хотя я задержал тебя не по злобе, я перережу тебе глотку так же спокойно, как лорд Валентин сломал мою плотину, если мне не принесут денег.

Он обернулся и снова приказал:

— Вяжите их!

Валентин глубоко вздохнул, закрыл глаза и, как учила его Повелительница Снов, ввел себя в сон-бодрствование, в транс, приводивший в действие его обруч. Он направил послание в темную, желчную душу верховного лорда Западного Граничья и затопил ее любовью.

Это потребовало всех его сил. Он закачался и положил руку на плечо Карабеллы, черпая ее энергию и жизненную силу и посылая их Насимонту. Теперь он понял, какую цену платит Слит за слепое жонглирование: оно вытягивает из него все жизненные силы.

Насимонт застыл на месте, полуобернувшись, глаза его встретились со взглядом Валентина. Валентин, не ослабляя напряжения, держал его душу и омывал ее состраданием, пока сердце Насимонта не смягчилось и злость не слетела с него, как шелуха. И тогда Валентин влил в душу внезапно ставшего уязвимым человека видение всего того, что произошло с ним с момента свержения в Тил-омоне, спрессовав все знание в одну головокружительную точку света.

Наконец он разорвал контакт и, пошатнувшись, ухватился за поддерживавшую его Карабеллу.

Насимонт уставился на Валентина, как человек, которого коснулось Божество, а затем упал на колени и сделал знак Горящей Звезды.

— Мой лорд...— прохрипел он едва слышно.— Мой лорд, прости меня... Прости...

Глава 4

То, что в пустыне обитает столько разбойников, удивило и испугало Валентина, потому что в истории благополучного Маджипура до сих пор не бывало подобной анархии. Страшен был и тот факт, что эти бандиты были ранее преуспевавшими фермерами, а теперь грубым вмешательством короналя доведены до нищеты. На Маджипуре не было принято, чтобы правители так беззастенчиво пользовались своим положением. Если Доминин Барджазид считает, что может вести себя так и удержаться на троне, то он не только негодяй, но и дурак.

— Ты скинешь узурпатора? — спросил Насимонт.

— Со временем,— ответил Валентин.— До этого еще многое надо сделать.

— Я в твоем распоряжении, если могу пригодиться.

— Много еще разбойников между этими развалинами и входом в Лабиринт?

Насимонт кивнул.

— Много. Бегство в холмы становится обычаем в этой провинции.

— Ты имеешь на них влияние, или твой титул герцога лишь ирония?

— Они повинуются мне.

— Хорошо. Я попрошу тебя проводить нас до Лабиринта и оградить от твоих мародерствующих друзей.

— Будет исполнено, мой лорд.

— Но никому ни слова о том, что я показал тебе. Относись ко мне просто как к служителю Хозяйки Острова, посланному ею к понтифексу.

В глазах Насимонта мелькнула слабая тень подозрения.

— Почему я не могу объявить тебя истинным короналем? В чем дело? — недовольно поинтересовался он.

Валентин улыбнулся.

— На этих нескольких парящих повозках вся моя армия. Я не могу объявить войну узурпатору, пока не соберу большие силы. Именно поэтому и надо хранить тайну, и именно за этим я направляюсь в Лабиринт. Чем скорее я получу поддержку понтифекса, тем скорее начнется кампания. Как скоро ты будешь готов ехать?

— Через час, мой лорд.

Насимонт и кое-кто из его людей сели в первую повозку вместе с Валентином. Ландшафт становился все более голым. Теперь это была темная, почти безжизненная пустыня, где сильные горячие ветры поднимали пыльные смерчи. Иногда в стороне от главной дороги группами по трое-четверо появлялись люди в грубой одежде. Они останавливались поглазеть на путешественников, но и только: никаких столкновений не происходило. На третий день Насимонт предложил срезать путь к Лабиринту и тем сэкономить несколько дней. Валентин согласился без колебаний. Караван свернул к огромному высохшему озеру, а затем поплыл над скверной, изрезанной оврагами дорогой, мимо пологих гор из красного песчаника и, наконец, по широкому плоскогорью, которое оказалось на редкость однообразным: крупный песок и гравий до самого горизонта. Валентин видел, как тревожно переглянулись Слит и Залзан Кавол, когда повозки оказались в этом унылом месте, и подумал, что они, наверное, шепчутся об измене и предательстве, но его собственная вера в Насимонта оставалась непоколебимой. С помощью обруча Повелитель-

ницы Снов он мог заглянуть в душу предводителя бандитов и чувствовал, что тот сдержит слово.

Прошел еще день, и еще, и еще один день этого долгого путешествия в никуда, и Карабелла помрачнела, иерарх Лоривейд стала еще угрюмее, а Лизамон Халтин наконец оттянула Валентина в сторону и сказала спокойно, как если бы речь шла о пустяках:

— А что если этот тип Насимонт нанят мнимым короналем и получил плату за то, чтобы завести тебя в такое место, где тебя никогда не найдут?

— Тогда мы погибнем, и наши кости навеки останутся здесь,— ответил Валентин.— Но я думаю, твои опасения напрасны.

Все-таки в нем росло определенное беспокойство. Вспоминая искренность Насимонта, он не мог поверить, что тот хочет таким странным способом избавиться от него,— ведь для этого было достаточно одного удара мечом в развалинах города метаморфов. Однако он начал сомневаться, что Насимонт знает, куда ехать. Здесь не было воды, и даже животные, способные питаться любой органической материей, худели, по словам Шанамира, и слабели, с трудом находя тощие кустики травы. Если здесь произойдет что-нибудь плохое, надежды на спасение не будет никакой. Но главным ориентиром для Валентина был Делиамбер: колдун умел беречь себя и всегда чувствовал опасность, а сейчас выглядел спокойным.

Наконец Насимонт остановил караван в том месте, где две линии голых холмов сходились, образуя узкий, с высокими стенами каньон, и сказал Валентину:

— Ты думал, мой лорд, мы сбились с пути? Пойдем, я покажу тебе кое-что.

Валентин с несколькими сопровождающими пошел за ним к началу каньона — на расстояние пятидесяти шагов. Насимонт показал на расстилавшуюся за каньоном огромную долину.

— Смотри.

Долина была пустынна: необъятное веерообразное пространство серого песка тянулось к северу и к югу по крайней мере на сто миль. В самом центре долины Валентин увидел колоссальных размеров темный круг, слегка приподнятый над плоской поверхностью. Эту огромную насыпь Валентин узнал по воспоминаниям прошлого, когда видел ее издалека: гигантская гора коричневой земли, покрывавшая Лабиринт понтифекса.

— Послезавтра мы будем у врат Лезвий,— пообещал Насимонт.

Валентин вспомнил, что у Лабиринта было семь входов, устроенных на равных расстояниях вокруг громадного сооружения. Когда он был там с поручением от Вориакса, он вошел через врата Вод, с противоположной стороны, где с Замковой горы через плодородные северо-восточные провинции спускалась река Глэйдж. Это был самый легкий путь к Лабиринту, и им пользовались высокие чиновники, прибывавшие по делам к министрам понтифекса. Со всех других сторон Лабиринт окружал куда менее приятный ландшафт, но все-таки более привлекательный, чем тот, по которому только что проехал Валентин. Его утешало только сознание, что если ему и приходится добираться до Лабиринта через эту пустынную и насыщенную смертью землю, то выйдет он оттуда в лучшую сторону.

Лабиринт занимал очень большую территорию и, спускаясь вниз по спирали, состоял из многих уровней. Население его было неисчислимым. Сам понтифекс жил во внутреннем секторе, куда почти никто не имел доступа. Внутренний сектор был окружен сектором правительственных министров, несметного числа преданных душ, всю жизнь остававшихся под землей и занимавшихся делами, которых Валентин не понимал: ведением архивов, изданием налоговых законов, переписью населения и прочим. Вокруг правительственного сектора много тысячелетий развивалась внешняя оболочка Лабиринта, запутанная сеть круговых проходов, населенных миллионами непонятных личностей — конторщиками и бог знает кем еще,— мир в себе, куда никогда не проникали ни солнечное тепло, ни холодный свет луны и где всю красоту и чудеса Маджипура заменили бледные радости подземной жизни.

После примерно часового объезда вокруг возвышения парящие повозки наконец добрались до врат Лезвий. Через небольшое крытое отверстие можно было попасть в уходивший под землю туннель. Впереди вздымался ряд вделанных в бетон древних ржавых мечей — барьер более символический, чем реальный, поскольку мечи были расставлены редко. «Сколько же времени,— думал Валентин,— понадобилось, чтобы мечи заржавели в этом сухом климате?»

Стражи Лабиринта ждали прямо за входом. Их было семь: два хьорта, гэйрог, скандар, лиимен и два человека. Лица всех стра-

жей скрывались под масками, как это было принято у официальных лиц Лабиринта. Маски были в основном символическими: закрывающий нос лоскут блестящей желтой ткани с прорезями для глаз, но выглядели необычно, а большего и не требовалось.

Стражи молча и невозмутимо преградили путь Валентину и его отряду.

— Они попросят плату за вход,— объяснил Делиамбер.— Такова традиция. Подойди к ним и изложи свое дело.

Валентин обратился к стражам:

— Я, Валентин, брат покойного Вориакса, сын Хозяйки Острова Сна, пришел просить аудиенции у понтифекса.

Даже такое странное и вызывающее заявление не поколебало невозмутимости стражей. Гэйрог сказал только:

— Понтифекс допускает к себе далеко не каждого.

— Тогда я буду просить аудиенции у его главных министров, которые могут передать мое послание понтифексу.

— Их ты тоже не увидишь,— ответил один из хьортов.

— В таком случае я обращусь к заместителям министров или, если понадобится, к заместителям заместителей министров. Единственное, о чем я вас прошу: разрешите мне и моим спутникам пройти в Лабиринт.

Стражники посовещались, тихо жужжа,— видимо, с помощью какого-то прибора. Это явно был не более чем ритуал, поскольку они вряд ли слушали друг друга. Затем гэйрог снова повернулся к Валентину.

— Каково твое приношение?

— Какое приношение?

— Входная плата.

— Назови, я уплачу.

Валентин сделал знак Шанамиру, и тот достал кошелек, но стражники недовольно покачали головами, а некоторые даже отвернулись.

— Не деньги,— презрительно сказал гэйрог.— Приношение.

Валентин опешил и растерянно обернулся к Делиамберу. Тот ритмично покачал щупальцами, как бы подбрасывая что-то.

Валентин нахмурился. И тут до него дошло: жонглирование!

— Слит, Залзан Кавол!..

Из повозки достали дубинки и мячи. Слит, Карабелла и Залзан Кавол встали перед стражниками и по сигналу скандара начали жонглировать. Те смотрели, неподвижные как статуи.

Все это казалось Валентину таким нелепым, что он с трудом удерживался от смеха, но три жонглера выполняли свою работу четко и с большим достоинством, словно это был религиозный обряд. Они показали три полных рисунка обмена, разом остановились и поклонились стражам.

Гэйрог чуть заметно кивнул — единственное одобрение представления.

— Можете войти,— разрешил он.

Глава 5

Они провели повозки между Лезвиями и попали в своеобразный вестибюль, темный и затхлый, из которого открывалась дорога, ведущая вниз. Не успели они пройти нескольких десятков метров, как путь им пересек дугообразный туннель — первое из колец Лабиринта.

Туннель был с высоким потолком, ярко освещенный и вполне мог сойти за торговую улицу в обычном городе: тут были палатки, магазины, пешеходное движение и парящие экипажи всех видов и размеров. Но, внимательно присмотревшись, путешественники поняли, что это отнюдь не Пилиплок, не Пидруид или Ни-мойя. Люди на улицах были удивительно бледными, как привидения,— ведь они никогда не бывали на солнце; все одеты старомодно и в тусклых, темных тонах. Встречалось много людей в масках — их носили слуги чиновников понтифекса. Они совсем не бросались в глаза, и никто в толпе не обращал внимания на маски.

Валентин обратил внимание на искаженные напряжением лица обитателей Лабиринта, на испуганное выражение глаз и опущенные уголки губ. Снаружи, на свежем воздухе, под благодатными лучами солнца народ Маджипура улыбался легко и свободно, не только губами, но и глазами, и щеками — всем лицом, всей душой. А в этих катакомбах души как будто были другими.

— Ты знаешь дорогу? — спросил Валентин Делиамбера.

— Нет. Но провожатых найти легко.

— Как?

— Останови повозки, выйди и оглянись словно в растерянности,— посоветовал вруун.— Через минуту отбоя не будет от желающих показать дорогу.

Это заняло куда меньше минуты. Валентин, Слит и Карабелла вышли из повозки, и к ним тут же подбежал мальчишка лет десяти.

— Показать вам Лабиринт? Одна крона за весь путь.

— У тебя есть старший брат? — спросил Слит.

Мальчик посмотрел на него:

— Ты считаешь меня слишком маленьким? Тогда поезжайте одни! Через пять минут вы заблудитесь!

Валентин засмеялся:

— Как тебя зовут?

— Хиссун.

— Скажи, Хиссун, сколько уровней придется нам проехать, прежде чем мы доберемся до правительственного центра?

— Вы хотите ехать туда?

— А почему нет?

— Они там все чокнутые,— сказал мальчик и усмехнулся.— Работают, весь день перебирают бумаги, бормочут что-то и все жаждут продвинуться еще глубже. Заговори с ними — они даже не ответят. От такой работы у них и мозги-то не ворочаются. До них семь уровней: двор Колонн, потом зал Ветров, площадь Масок, двор Пирамид, двор Шаров, Арена, а затем выходите к Дому Записей. Я провожу вас туда, но не за крону.

— А за сколько?

— Полреала.

Валентин присвистнул.

— Зачем тебе столько денег?

— Я куплю матери плащ, зажгу пять свечей Повелительнице Снов и отведу сестру к врачу.— Мальчик подмигнул.— А может, останется и на угощение для меня.

Пока они разговаривали, собралась толпа ребятишек не старше Хиссуна, несколько юношей и несколько взрослых. Все они стояли плотным полукругом и напряженно следили, получит ли Хиссун работу. Все молчали, но Валентин краем глаза видел, как они старались привлечь его внимание, а маленькие вставали на цыпочки, чтобы казаться взрослее и солиднее. Если он откажет мальчику, тут же поднимется дикий хор голосов и лес машущих рук.

Но Хиссун, похоже, знал свое дело, и его откровенный, хладнокровный и циничный подход по-своему привлекал.

— Ладно,— согласился Валентин,— веди нас к Дому Записей.

— Все эти повозки — твои?

— Вот эта, эта и эта. Ну да, в общем, все.

Хиссун почесал затылок.

— Ты, стало быть, важный? Откуда ты?

— С Замковой горы.

— Я так и подумал, что ты важный. Но если ты едешь с Замковой горы, как ты попал со стороны Лезвий?

Мальчик был явно неглуп. Валентин пояснил:

— Мы путешествовали. Мы только что с Острова Сна.

— Ух ты! — Глаза мальчика округлились. Это была первая брешь в его небрежной по-уличному мудрой холодности. Без сомнения, Остров казался ему поистине сказочным местом, далеким, как звезды, и он помимо своей воли почувствовал благоговение перед теми, кто действительно там побывал. Он облизнул губы.

— Как мне тебя называть?

— Валентин.

— Валентин,— повторил мальчик.— Валентин с Замковой горы. Приятное имя.

Он взобрался в первую повозку и, когда Валентин сел рядом, переспросил:

— Ты в самом деле Валентин?

— В самом деле.

— Очень приятное имя,— снова сказал мальчик.— Ну, плати мне полреала, Валентин, и я покажу тебе Лабиринт.

Валентин знал, что полреала — это непомерно высокая оплата нескольких дней работы искусного ремесленника, но спорить не стал. Ему казалось, что человеку его положения не пристало торговаться с ребенком. Возможно, Хиссун именно на это и рассчитывал. Во всяком случае, деньги были потрачены не зря: мальчик как свои пять пальцев знал изгибы и повороты Лабиринта и с поразительной скоростью вел гостей к нижним и внутренним кольцам. Они спускались вниз, делая неожиданные повороты, срезая путь узкими, едва проходимыми переулками или по скрытым скатам, которые, казалось, уносили их в немыслимые глубины.

Чем ниже, тем мрачнее и запутаннее становился Лабиринт. Хорошо освещался только внешний уровень, а те, что лежали ниже, были таинственными и зловещими, с полутемными боковыми коридорами, которые отходили от главных во всех направ-

лениях, со странными, едва различимыми в черных сырых углах статуями и архитектурным орнаментом. Это место, по мнению Валентина, смущало дух, здесь пахло заплесневелой историей, повсюду царила холодная влажность невообразимой древности — без солнца, без воздуха и без радости. Гигантская пещера страшного мрака забвения, где хмурые фигуры с жестким взглядом занимались делами такими же таинственными, как и они сами.

Все ниже, ниже, ниже...

Мальчишка болтал без умолку. Это был на удивление живой, смышленый, смешной человечек, совсем почему-то не похожий на порождение этого угрюмого места. Он рассказал о туристах из Ни-мойи, потерявшихся между залом Ветров и площадью Масок и целый месяц живших за счет объедков, которыми снабжали их жители низших уровней, но слишком гордых, чтобы признать, что самостоятельно им дороги назад не найти. Он рассказал об архитекторе двора Шаров, который так настроил каждую из сфер в этом сложном зале, что система их в целом соотносилась с какой-то сложной системой мышления, и вдруг обнаружил, что рабочие, не разобравшись в его чертежах, изобрели свою собственную систему и расставили все по-другому. Он разорился, пытаясь перестроить все строение, чтобы восстановить его в должном виде, за свой собственный счет. В конце концов он понял, что его вычисления были неверными и задуманное им решение неосуществимо.

— Они похоронили его прямо там же, на месте,— рассказывал Хиссун.

Затем мальчишка рассказал историю о понтифексе Ариоке, который, узнав о том, что место Хозяйки Острова Сна вакантно, отрекся от своего трона, объявил себя женщиной и отправился на Остров. Босоногий, одетый в просторные одежды Ариок на глазах у всех явился из глубин Лабиринта, сопровождаемый скопищем его приближенных министров, которые отчаянно пытались отговорить его от задуманного.

— На этом самом месте,— говорил Хиссун,— он созвал своих людей и объявил, что теперь он — Повелительница Снов, а потом приказал доставить себя в Стойен на колеснице. И министры ничего не могли поделать. Ничего! Хотелось бы мне увидеть их лица в тот момент...

Караван спускался весь день. Они миновали двор Колонн, где тысячи громадных серых столбов поднимались, как поганые

грибы, и болота почти неподвижной маслянистой черной воды покрывали каменный пол на три-четыре фута. Проехали зал Ветров — жуткое место, где порывы холодного ветра непонятным образом проникали сквозь изящно вырезанные каменные решетки в стенах. Видели площадь Масок — извилистый коридор, где на мраморных постаментах стояли изваяния — одни только лица с пустыми глазницами. Видели двор Пирамид — целый лес многогранных остроконечных белых монолитов, стоящих так близко друг к другу, что между ними невозможно было пройти. Некоторые представляли собой правильные четырехгранники, но большинство были странно вытянутыми, скрученными и выглядели зловеще. Ниже, на следующем уровне, находился прославленный двор Шаров — сложное строение в полторы мили длиной, где помещались сферические предметы, одни размером с кулак, другие — с гигантского морского дракона. Они висели в воздухе и освещались снизу. Хиссун указал на самый большой шар: под ним была могила архитектора — плита из черного камня без надписи.

Ниже, ниже...

Во время своего первого визита Валентин ничего этого не видел. От врат Вод он быстро спустился по проходам, предназначенным лишь для короналя и понтифекса, в имперское логово — в сердце Лабиринта.

«Если я снова стану короналем,— думал Валентин,— когда-нибудь мне придется стать преемником Тиевераса — понтифексом. И если этот день настанет, я объявлю народу, что не хочу жить в Лабиринте, и построю себе дворец в более приятном месте».

Он сам улыбнулся таким мыслям. Интересно, сколько короналей до него, увидев ужасную громаду Лабиринта, давали себе такие же обещания? Однако же все они рано или поздно уходили от мира и навсегда оставались здесь. Конечно, пока он молод и полон жизни, ему легко принимать такие решения, легко думать, что можно перевести понтифексат из Алханроэля в какое-нибудь подходящее место на более молодом континенте — в Нимойю, например, или в Дюлорн — и жить в атмосфере красоты и радости. Ему трудно было представить себе, что он добровольно заточит себя в столь фантастическом и отталкивающем подземелье. Но все до него поступали именно так — когда наступало время, уходили из Замка в эту темную нору. Может, это и

в самом деле не так страшно, как кажется. Вполне возможно, что человек, достаточно долго пробывший короналем, с радостью покидает Замковую гору. «Ладно,— сказал себе Валентин,— я успею обдумать это в более подходящее время».

Караван парящих повозок сделал резкий поворот и спустился на уровень ниже.

— Арена,— торжественно объявил Хиссун.

Валентина изумило помещение, настолько громадное, что не было видно стен, только далекий свет мерцал в затемненных углах. Никаких подпор для потолка он не заметил. Казалось невероятным — если вспомнить о чудовищном весе верхних уровней с бесконечными улицами и переходами, с миллионами жителей, зданиями, статуями и прочим,— что ничем не укрепленный потолок Арены выдерживает столь колоссальное давление.

— Слушай,— сказал Хиссун.

Он вылез из повозки, сложил руки рупором и пронзительно крикнул. Эхо вернуло крик резкими скачущими звуками — они отражались от стен сначала громко, а потом постепенно затихали. Мальчик крикнул еще раз, а затем с самодовольной усмешкой вернулся в повозку.

— Для чего служит это помещение? — спросил Валентин.

— Ни для чего.

— Совсем?

— Просто пустота. Понтифекс Дизимаул хотел, чтобы здесь оставалось большое пустое пространство. Тут никогда ничего не происходит. Строить здесь не разрешается, даже если бы кто-то и захотел. Это всего лишь пустое место. Хорошее эхо, ты не находишь? Единственная польза. Ну-ка, Валентин, вызови эхо!

— В другой раз.— Валентин с улыбкой покачал головой.

Чтобы пересечь Арену, казалось, понадобится целый день. Они ехали и ехали, но не видели ни стен, ни колонн, словно путешествовали по открытой равнине, если не считать едва различимого потолка наверху.

Валентин даже не заметил, когда они покинули Арену. Он просто вдруг осознал, что пол каким-то образом превратился в скат и они постепенно опускаются на нижний уровень по уже знакомым кольцам Лабиринта. По мере продвижения по этому новому полукруглому коридору становилось все светлее, пока наконец не появилось такое же яркое освещение, как на верхнем уровне, где располагались торговые ряды.

Вдали прямо перед ними возник высоченный экран с яркими цветными надписями.

— Мы приближаемся к Дому Записей,— объявил Хиссун.— Дальше я не могу идти с вами.

И в самом деле, дорога заканчивалась пятиугольной площадью прямо перед громадным экраном. Теперь Валентин видел, что на нем находится нечто вроде летописи Маджипура. На левой его стороне записаны имена короналей — и список такой длинный, что Валентин едва мог разобрать верхние имена. На правой стороне — соответствующий список понтифексов. Возле каждого имени проставлены годы правления.

Валентин быстро пробежал глазами список. Сотни имен. Некоторые из них ему знакомы — великие имена в истории планеты: Стиамот, Тимин, Конфалюм, Деккерет, Престимион... Другие — просто набор букв, ничего не значащий для Валентина. Еще мальчиком он видел эти имена в книгах, но они не вызывали никакого отклика в его душе: Пранкипин, Гунзимар, Мейк, Струин, Скоул, Спурифон — люди, властвовавшие в Горном замке и потом в Лабиринте тысячу лет назад, три тысячи, пять, *являвшиеся центром всех бесед, объектами поклонения. Они* выступали на имперской сцене и, завершив свои маленькие шоу, исчезали в анналах истории. «Лорд Спурифон, лорд Скоул...— кто они? — размышлял Валентин.— Какого цвета были их волосы, в какие игры они играли, какие законы издавали, сколь храбро и *хладнокровно встретили свою смерть? Повлияли ли* они хоть как-то на жизнь миллиардов обитателей Маджипура или нет?» Некоторые, как узнавал Валентин, были короналями всего несколько лет, а затем быстро уходили в Лабиринт на смену умершему понтифексу, другие правили в Замке в течение целого поколения.

Вот лорд Мейк был тридцать лет короналем, а потом — Валентин сверился с бесконечными списками — еще двадцать лет — понтифексом. Пятьдесят лет высшей власти! А кто помнит теперь о лорде Мейке и понтифексе Мейке?

Он посмотрел в конец списка: лорд Тиеверас, лорд Малибор, лорд Вориакс, лорд Валентин...

Этим именем, естественно, завершался левый список. Лорд Валентин, правление в течение трех лет, неоконченное...

Лорда Валентина, во всяком случае, должны бы запомнить. И через много поколений на Маджипуре будут рассказывать о

черноволосом молодом коронале, коварно брошенном в тело блондина, и о захвате его трона сыном Короля Снов. Но что скажут о нем? Что он бесхитростный дурень, вроде Ариока, назначившего самого себя Хозяйкой Острова Сна? Что он был слаб и не умел противостоять злу? Что он пережил головокружительное падение и мужественно вернул себе корону? Как будут рассказывать историю лорда Валентина через тысячу лет?

Стоя перед огромным списком Дома Записей, Валентин молился только об одном: чтобы о лорде Валентине не говорили, будто он героически отвоевал свой трон, а потом пятьдесят лет правил слабо и беспомощно. Лучше уж уступить Замок Барджазиду, чем оставить о себе такую память.

Хиссун потянул его за руку.

— Валентин!

Валентин, вздрогнув, обернулся.

— Я оставлю тебя здесь,— сказал мальчик.— Люди понтифекса скоро придут за тобой.

— Спасибо тебе, Хиссун, за все, что ты сделал. Но как ты вернешься обратно?

— Да уж не пешком.— Хиссун подмигнул.— В этом я тебе ручаюсь!

Он помолчал.

— Валентин...

— Да?

— У тебя случайно не было черных волос и бороды?

Валентин засмеялся.

— Ты думаешь, я корональ?

— О, в этом я уверен! Это написано на твоем лице. Только лицо у тебя не то.

— А что? Лицо неплохое,— ответил Валентин и снова рассмеялся.— Чуточку более добродушное, чем мое прежнее, может, более красивое. Думаю, я его оставлю себе. Полагаю, что тот, кому оно раньше принадлежало, теперь в нем не нуждается.

Мальчик широко раскрыл глаза:

— Значит, ты в другом облике?

— Вроде того.

— Я так и подумал.

Он вложил свою маленькую руку в руку Валентина.

— Ну что ж, удачи тебе, Валентин. Если ты когда-нибудь вернешься в Лабиринт, позови меня, и я снова буду твоим проводником, и бесплатно. Запомни мое имя: Хиссун.

— До свидания, Хиссун.

Мальчик снова подмигнул и исчез.

Валентин опять обернулся к экрану истории. «Лорд Тиеверас, лорд Малибор, лорд Вориакс, лорд Валентин... А может, когда-нибудь — лорд Хиссун? — подумал он.— Почему бы и нет? Мальчик, кажется, знает не меньше иных правителей, и у него, надо думать, хватило бы ума не пить одурманивающее вино Барджазида. Я должен запомнить его,— сказал он себе.— Я обязан его запомнить».

Глава 6

Из ворот в дальней стороне площади Дома Записей появились три фигуры: хьорт и двое людей в официально принятых в Лабиринте масках. Они неторопливо подошли к тому месту, где стояли Валентин, Слит, Карабелла и еще некоторые из его спутников. Женщина-хьорт внимательно оглядела Валентина.

— Зачем ты пришел сюда? — спросила она.

— Мне необходимо получить аудиенцию у понтифекса.

— Аудиенцию у понтифекса? — повторила женщина с таким изумлением, словно Валентин просил пару крыльев или разрешения выпить море, и засмеялась: — Понтифекс не дает аудиенций.

— Ты его главный министр?

Она засмеялась громче.

— Здесь Дом Записей, а не Тронный двор. Здесь нет министров.

Три чиновника развернулись и направились обратно к воротам.

— Подождите! — крикнул Валентин.

Он впал в транс и послал им необходимое видение, общий смысл которого заключался в том, что стабильность мира в опасности, что над самим чиновничьим аппаратом нависла страшная угроза и что только он с друзьями может предотвратить хаос. Чиновники не останавливались, и Валентин удвоил интенсивность сообщения, пока не вспотел от усилий. Чиновники замерли. Женщина-хьорт оглянулась.

— Чего ты хочешь? — спросила она.

— Допусти нас к министрам понтифекса.

Они стали шепотом совещаться.

— Что мы должны делать? — спросил Валентин у Делиамбера.— Жонглировать для них?

— Имей терпение,— прошептал вруун.

Валентин подумал, что именно это как раз труднее всего, но промолчал. Через некоторое время чиновники вернулись и сказали, что он и пять его спутников могут войти, а остальные должны ночевать на верхнем уровне.

Валентин нахмурился, но спорить с лицами в масках явно не имело смысла. Он выбрал Делиамбера, Карабеллу, Слита, Эйзенхарта и Залзана Кавола.

— А как остальные найдут себе ночлег? — спросил он.

Хьорт пожала плечами. Это ее не касалось.

Откуда-то сбоку донесся чистый высокий голос:

— Не нужно ли кого-нибудь проводить на верхний уровень?

Валентин усмехнулся:

— Хиссун? Ты все еще здесь?

— Я подумал, что могу понадобиться.

— Так оно и есть. Найди приличное место на внешнем уровне, возле Врат Вод, где мои люди могут остановиться и подождать, пока я закончу дела здесь.

Хиссун кивнул:

— Я попрошу только три кроны.

— Вот как? Тебе же все равно нужно подниматься наверх! И всего пять минут назад ты сказал, что в следующий раз, когда ты будешь моим проводником, ты не возьмешь ничего!

— Так то в следующий раз,— серьезно ответил мальчик,— а сейчас пока еще первый. Неужели ты лишишь бедного мальчишку его куска хлеба?

— Дай ему три кроны,— со вздохом повернулся Валентин к Залзану Каволу.

Мальчик прыгнул в головную повозку, и скоро весь караван развернулся и отправился в обратный путь. Валентин и пятеро его спутников вошли в ворота Дома Записей.

Коридоры разветвлялись во всех направлениях. В скудно освещенных маленьких комнатках служащие низко склонялись над горами документов. Воздух здесь был сухой и затхлый. Общее впечатление было еще более отталкивающим, чем на предыдущих уровнях. Валентин понял, что здесь располагался административный центр Маджипура, где велась реальная работа по управлению двадцатью миллиардами жителей планеты. Сознание, что этим суетившимся гномам, этим подземным жителям принадлежит истинная власть над миром, вызвало у него неприятную дрожь.

Он думал, что истинным правителем является корональ, а понтифекс — всего лишь номинальный глава. Ведь именно корональ командует силами порядка, если где-то возникает хаос, активный, энергичный корональ, в то время как понтифекс остается замурованным внизу и выходит из Лабиринта лишь в исключительных случаях, когда того требуют дела величайшей государственной важности.

Теперь он уже не был в этом так уверен.

Сам понтифекс, возможно, и был всего лишь свихнувшимся стариком, но ставленники понтифекса, тысячи и тысячи серых чиновников в странных маленьких масках, в действительности могли иметь куда большую власть на Маджипуре, чем энергичный корональ со своими помощниками. Здесь составляли списки налогов, налаживали торговые отношения между провинциями, координировали контроль провинций над проезжими дорогами, парками, учебными и воспитательными заведениями и прочим. Валентин не был убежден, что на такой громадной планете, как Маджипур, возможно настоящее централизованное управление, но, во всяком случае, основные формы этого управления существовали. Здесь, во внутренней части Лабиринта, он понял, что управление Маджипуром состоит отнюдь не в торжественных процессиях и мысленных посланиях. Большую часть работы делает скрытая здесь бюрократия. И он оказался в ее лапах.

Несколькими уровнями ниже Дома Записей находились помещения для официальных лиц из провинций, посещавших Лабиринт по правительственным делам. Там Валентину предоставили скромную квартиру, где он и провел следующие несколько дней. Чиновники словно забыли о его существовании. Казалось, отсюда невозможно продвинуться ни на шаг. Как корональ он, конечно, имел право требовать, чтобы его немедленно допустили к понтифексу, но он не корональ в настоящем смысле этого слова, и такое требование, вероятно, вообще лишило бы его возможности действовать.

Порывшись в памяти, он вспомнил имена первых министров понтифекса. Если с тех пор ничего не изменилось, у понтифекса было пять полномочных официальных лиц, наиболее приближенных к нему: Хорнкэст — главный спикер, Дилифон — личный

секретарь, Шинаам, гэйрог,— министр внешних сношений, Сепултроув — министр по делам науки и личный врач понтифекса и Наррамир — толковательница снов, которая, как говорили, обладала гораздо большей властью, чем все остальные, советница, выбравшая в коронали Вориакса, а затем Валентина.

Добраться до любого из этих пятерых было так же трудно, как и до самого понтифекса. Они, как и Тиеверас, находились в самой глубине Лабиринта, далекие, недоступные. Возможности обруча, данного Валентину матерью, не распространялись на установление контакта с незнакомым мозгом на неизвестном расстоянии.

Он скоро узнал, что два меньших по рангу, но все-таки значительных чиновника служат сторожами на центральных уровнях Лабиринта. Это имперские мажордомы Дондак-Саямир, су-сухирис, и Титаморн Суул, человек.

— Но,— сказал Слит, поболтавший с управляющим дома для гостей,— эти двое уже год как поссорились и ненавидят друг друга. А чтобы попасть к министрам, требуется согласие обоих.

Карабелла недовольно фыркнула.

— Нам что, всю жизнь теперь здесь в пыли околачиваться? Валентин, зачем мы вообще связались с этим Лабиринтом? Может, уйдем отсюда и отправимся прямо на Замковую гору?

— Точно. Я тоже так думаю,— согласился Слит.

Валентин покачал головой.

— Главное — поддержка понтифекса. Так сказала Хозяйка Острова, и я с ней согласен.

— Для чего главное? — спросил Слит.— Понтифекс спит себе под землей и знать ничего не знает. Он что, даст тебе армию? Да и существует ли он на самом деле, этот понтифекс?

— У понтифекса есть армия служащих и чиновников,— мягко пояснил Делиамбер.— Для нас они могут быть исключительно полезны. Они, а не воины, контролируют равновесие власти в нашем мире.

Слита такие доводы не убедили.

— А по-моему, ты должен поднять знамя Горящей Звезды и под звуки труб и барабанный бой идти через весь Алханроэль, во всеуслышание объявляя себя короналем и рассказывая о кознях Доминина Барджазида. В каждом городе на своем пути теплом и искренностью и, может быть, немножко с помощью обруча Повелительницы Снов ты завоюешь поддержку народа.

И пока ты будешь подниматься на Замковую гору, десять миллионов пойдут за тобой, и Барджазид сдастся без боя.

— Приятная картина,— сказал Валентин,— но я думаю, что нам все же следует заручиться поддежкой и содействием понтифекса, прежде чем мы бросим открытый вызов. Я повидаюсь с этими двумя мажордомами.

В этот же день его проводили в штаб-квартиру Дондак-Саямира — на удивление унылую маленькую конторку в глубине запутанного скопления крошечных служебных каморок. Валентин больше часа ожидал в тесном и шумном вестибюле, прежде чем его допустили к мажордому.

Валентин плохо представлял себе, как обращаться к су-сухирису. Может, одна голова — Дондак, а другая — Саямир? Обращаться к обеим или только к той голове, которая разговаривает с тобой в данный момент? Может, полагается переводить взгляд с одной головы на другую, пока говоришь?

Дондак-Саямир оглядел Валентина как бы с высоты своего величия. Пока четыре холодных глаза рассматривали посетителя, в кабинете висела напряженная тишина. Су-сухирис был стройным удлиненным существом, безволосым и гладкокожим, трубообразным по форме, с палкой-шеей, поднимавшейся на десять-двенадцать дюймов и имевшей на конце развилку для поддержки двух узких, похожих на веретено голов. Он излучал такое сознание собственного превосходства, словно должность мажордома понтифекса была важнее должности самого понтифекса. Валентин знал, что холодное высокомерие просто свойственно этой расе; су-сухирисы всегда выглядели величественными и надменными.

Наконец левая голова Дондак-Саямира заговорила:

— Зачем ты пришел сюда?

— Просить аудиенции у первых министров понтифекса.

— Так написано в твоем письме. Какое дело у тебя к ним?

— Дело величайшей важности, государственное дело.

— Да?

— Вряд ли ты можешь рассчитывать, что я буду обсуждать это с кем-то ниже самого высокого уровня власти.

Дондак-Саямир бесконечно долго обдумывал сказанное. Он снова заговорил — уже правая голова. Второй голос был много ниже первого.

— Если я зря потревожу верховных министров, мне не поздоровится.

— Если ты помешаешь моему свиданию с ними, тебе будет еще хуже.

— Угрожаешь?

— Отнюдь нет. Скажу тебе только, что, если они не получат моей информации, последствия будут весьма серьезными для всех нас. Министры, без сомнения, рассердятся, узнав, что помешал мне ты.

— Я не один,— сказал су-сухирис.— Есть второй мажордом, и такое прошение мы должны одобрить оба. Ты еще не разговаривал с моим коллегой?

— Нет.

— Она сумасшедшая. Она злонамеренно отказывается сотрудничать со мной уже много месяцев.— Теперь в разговор включились сразу обе головы Дондак-Саямира, и эффект этого жуткого диссонанса был крайне неприятным.— Даже если я дам тебе свое согласие, она откажет, а значит, ты никогда не увидишь верховных министров.

— Но так не должно быть! Нельзя ли как-нибудь обойти ее?

— Это незаконно.

— Если она нарушает закон, то...

— Ответственность за это несет она,— равнодушно ответил су-сухирис.

— Нет,— возразил Валентин,— ответственность лежит на вас обоих! Ты не можешь просто сказать, что из-за ее нежелания сотрудничать с тобой я не двинусь вперед, когда на карту поставлено само существование правительства!

— Ты действительно так думаешь? — спросил Дондак-Саямир.

Вопрос поставил Валентина в тупик. То ли он относился к идее угрозы королевству, то ли к замечанию, что су-сухирис несет равную ответственность, препятствуя Валентину. После паузы он спросил:

— Что же ты мне посоветуешь?

— Возвращайся домой, живи счастливо и плодотворно и оставь проблемы управления тем, кто призван распутывать их.

Глава 7

Примерно такой же разговор состоялся у Валентина и с Титаморн Суул. Женщина-мажордом была менее надменной, но вряд ли более сговорчивой.

Высокая брюнетка, лет на десять-двенадцать старше Валентина, она производила впечатление деловой, знающей женщины. На ее столе в кабинете, более веселом и привлекательном, хотя столь же маленьком, как и у су-сухириса, лежало прошение Валентина. Титаморн Суул несколько раз постучала по нему.

— Ты не можешь увидеться с ними.

— Позволь узнать почему?

— Потому что их никто не видит.

— Никто?

— Никто с внешней стороны. Теперь это не делается.

— Из-за разрыва между тобой и Дондак-Саямиром?

Титаморн Суул поджала губы.

— Он идиот! Но даже если бы он как следует выполнял свою работу, тебе все равно не добраться до министров. На них лежит великая ответственность. Как тебе, наверное, известно, понтифекс стар, он мало занимается делами управления, поэтому на тех, кто его окружает, ложится тяжелое бремя. Ты понимаешь это?

— Но я должен их увидеть.

— Я не могу тебе помочь. Их нельзя тревожить даже по самым важным причинам.

— А предположим,— медленно проговорил Валентин,— что корональ был свергнут и в Замке сидит незаконный правитель?

Титаморн Суул подняла маску и ошеломленно посмотрела на Валентина.

— Что ты хочешь этим сказать? Ну вот что: твое прошение отклонено.— Она встала и указала рукой на дверь.— У нас в Лабиринте и так хватает сумасшедших, а тут еще приходят из...

— Подожди,— сказал Валентин.

Он вошел в состояние транса и, призвав на помощь силу обруча, потянулся к душе Титаморн, коснулся ее и окутал своей душой. Он не собирался раскрывать тайну мелким служащим, но, похоже, другого выбора нет, приходится брать ее в поверенные. Он держал контакт, пока не почувствовал слабость и головокружение. Тогда он прервал его и быстро вернулся к полному сознанию.

Титаморн Суул растерянно смотрела на него, щеки ее горели, глаза блуждали, грудь тяжело вздымалась. Наконец она спросила:

— Что это за фокус?

— Это не фокус. Я сын Повелительницы Снов, и она лично научила меня искусству посланий.

— Лорд Валентин брюнет.

— Был. А теперь — нет.

— Ты хочешь, чтобы я поверила...

— Пожалуйста,— произнес Валентин, вкладывая в это слово всю силу своего духа,— поверь мне. Все зависит от моего доклада понтифексу о случившемся.

Но ее подозрения были слишком глубоки. Она не преклонила колени, не сделала знака Горящей Звезды, в ней появилась лишь угрюмая растерянность. Ей явно хотелось, чтобы Валентин навязал этот рассказ какому-нибудь другому чиновнику.

— Су-сухирис запретит все, что я разрешу,— сказала она наконец.

— Даже если я покажу ему то, что показал тебе?

Она пожала плечами.

— Его упрямство просто легендарно. Даже для спасения жизни понтифекса он не согласится ни с одним из моих предложений.

— Но это безумие!

— Именно так. Ты говорил с ним?

— Да. Он показался мне недружелюбным и распухшим от гордости. Но не сумасшедшим.

— Пообщайся с ним побольше,— посоветовала Титаморн Суул,— прежде чем сформировать окончательное мнение.

— А если подделать его подпись и пройти так, чтобы он не знал?

Она была шокирована.

— Ты толкаешь меня на преступление?

Валентин пытался сохранять спокойствие.

— Преступление уже совершено, и немалое. Я, корональ Маджипура, коварно смещен с трона. Твоя помощь жизненно необходима для восстановления справедливости. Неужели ради этого нельзя нарушить какие-то пустяковые правила? Неужели ты не понимаешь, что в моей власти простить тебе любое нарушение? — Он наклонился к ней.— Время не ждет. Замок стал домом узурпатора. А я, вместо того чтобы вести через Алханроэль армию освобождения, бегаю от одного подчиненного понтифекса к другому. Поставь свою подпись, и ты будешь вознаграждена, когда на Маджипуре вновь воцарится порядок.

Титаморн Суул смотрела на него по-прежнему холодно.

— Твой рассказ столь необычен, что требует от меня слишком большой веры. Что, если ты лжешь? Что, если ты подкуплен Дондак-Саямиром?

— Клянусь,— простонал Валентин.

— Не надо. Такое вполне возможно. Наверняка это ловушка. Ты и твоя фантастическая история вместе с каким-то видом гипноза имеют целью погубить меня и дать су-сухирису полную власть, которой он давно жаждет...

— Клянусь Хозяйкой Острова, моей матерью, что я не солгал тебе.

— Всякий преступник клянется чьей-нибудь матерью, но что толку?

Валентин заколебался, но затем взял Титаморн Суул за руки и пристально взглянул ей в глаза. То, что он собирался сделать, было ему неприятно, но все эти мелкие чиновники, чинившие ему бесконечные препятствия, сами толкали его на такой поступок, вынуждая пойти на небольшой обман, чтобы не застрять тут навек.

Наклонившись ниже, он произнес:

— Даже если бы Дондак-Саямир подкупил меня, я никогда бы не предал такую красивую женщину, как ты.

Она бросила на него презрительный взгляд, но щеки ее окрасились румянцем.

— Поверь мне,— продолжал он.— Я — лорд Валентин, и ты будешь одной из героинь в борьбе за мое возвращение. Я знаю, чего ты хочешь больше всего на свете, и ты получишь это, когда я вернусь в Замок.

— Ты знаешь?

— Да,— шепнул он и ласково похлопал по ее рукам, теперь вяло лежавшим в его ладонях.— Ты хочешь обладать единоличной властью во внутреннем Лабиринте, верно? Ты хочешь быть единственным мажордомом?

Она кивнула, как бы во сне.

— Так и будет,— пообещал он.— Стань моей союзницей, и Дондак-Саямир будет лишен своего ранга за то, что преграждал мне дорогу. Ты поможешь мне добраться до главных министров?

— Это трудно.

— Но возможно! Все возможно! Когда я снова стану короналем, су-сухирис потеряет свой пост! Это я тебе обещаю!

— Поклянись!

— Клянусь! — горячо воскликнул Валентин, чувствуя себя так, словно только что вывалялся в грязи.— Клянусь всем, что для меня свято. Этого достаточно?

— Достаточно,— ответила она тихим, запинающимся голосом.— Но как это сделать? На пропуске должны стоять обе подписи, а если я подпишусь, он непременно откажется сделать это.

— Подпиши пропуск и дай его мне. Я вернусь к су-сухирису и уговорю его.

— Он ни за что не согласится.

— Я поговорю с ним. Я умею его убедить. Получив его подпись, я войду во внутренний Лабиринт и добьюсь того, что мне нужно. А вернувшись с полномочиями короналя, смещу с поста Дондак-Саямира, это я тебе обещаю.

— Но как ты получишь его подпись? Он уже сколько месяцев ничего не подписывает!

— Положись на меня.

Титаморн Суул достала из стола темно-зеленый кубик из какого-то гладкого блестящего материала и поместила его на короткое время в машину, которая опалила его желтым пламенем. Когда она снова достала кубик, поверхность его засияла новым блеском.

— Вот, это твой пропуск. Но предупреждаю тебя: без второй подписи он недействителен.

— Я получу ее,— заверил Валентин.

Он вернулся к Дондак-Саямиру. Су-сухирис неохотно принял его, но Валентин был настойчив.

— Теперь я понимаю твое отвращение к Титаморн Суул,— сказал он.

Дондак-Саямир холодно улыбнулся.

— Разве она не противна? Полагаю, она отказала тебе в просьбе.

— Нет,— возразил Валентин, достал кубик и положил его перед мажордомом.— Она дала мне его довольно охотно, зная, что ты мне откажешь и ее разрешение будет недействительным. А вот другой ее отказ меня сильно задел.

— Какой?

— Тебе это покажется глупостью,— объяснил Валентин,— может быть, даже отталкивающей, но меня прямо очаровала ее красота. Должен сказать, для человеческих глаз эта женщина исключительно привлекательна физически, она излучает эротическую силу, и это... Ну, ладно, не важно. Я потянулся к ней в наивном смятении и, таким образом, стал открытым и уязвимым, а она жестоко посмеялась надо мной. Она презрительно оттолкнула меня, а для меня это как нож в сердце. Как она могла быть такой безжалостной, такой надменной по отношению к мужчине, который только тем и виноват, что она всколыхнула в нем горячие, глубокие и страстные чувства?

— Насчет красоты не знаю,— ответил су-сухирис,— но ее холодность и высокомерие мне хорошо известны.

— Теперь я разделяю твою неприязнь к ней,— сказал Валентин.— Если хочешь, я помогу тебе, и мы вместе устроим такое, что погубит ее.

Дондак-Саямир задумался.

— Да, возможно, это подходящий момент, чтобы скинуть ее. Но как?

Валентин постучал по кубику, лежавшему на столе.

— Поставь свою подпись на этот пропуск, и я смогу войти во внутренний Лабиринт. Пока я буду там, ты начнешь официальное расследование обстоятельств, при которых меня пропустили, и заявишь, что ты не давал такого разрешения. Когда я вернусь, закончив свое дело с понтифексом, ты позовешь меня как свидетеля. Я скажу, что ты отказал в моей просьбе, но я получил полностью оформленный пропуск от Титаморн Суул, не подозревая, что он может быть подделан кем-нибудь, действующим тебе наперекор. Твое обвинение в подделке вкупе с моим свидетельством, что ты отказался подписать мой пропуск, обеспечит ее падение. Ну, что скажешь?

— Чудесный план,— ответил Дондак-Саямир.— Я бы сам не смог придумать лучше!

Су-сухирис сунул кубик в машину, и сверкающий розовый жар перекрыл желтое пламя Титаморн Суул. Теперь пропуск был оформлен по всем правилам. Валентин подумал, что вся эта интрига напоминала сам Лабиринт: такая же темная и запутанная. Но она сработала, и сработала удачно. Пусть теперь эти двое замышляют и строят друг другу козни, а он беспрепятственно встретится с министрами понтифекса. Вероятно, мажордомы будут разочарованы тем, как он выполнит свои обещания, поскольку он намеревался, если удастся, отстранить от власти обоих соперников. Однако он не считал нужным требовать от себя без-

грешного поведения по отношению к тем, чья роль в управлении, видимо, состояла в том, чтобы препятствовать и возражать.

Он взял кубик у Дондак-Саямира и благодарно склонил голову.

— Да будет тебе вся власть и престиж, каких ты заслуживаешь,— произнес он елейно и вышел.

Глава 8

Стражи внутреннего Лабиринта были явно ошеломлены тем фактом, что кто-то ухитрился получить разрешение на вход в их царство. Они подвергли кубик сканированию, с большой неохотой признали его законным и пропустили Валентина и его спутников дальше.

Узкая тупоносая повозка быстро и бесшумно несла их по проходам внутреннего мира. Сопровождавшие их чиновники в масках, казалось, даже не управляли повозкой, да это было бы и непросто, поскольку на этих уровнях Лабиринт без конца разветвлялся. Любой проникший сюда незаконно мгновенно и безнадежно затерялся бы в тысячах изгибов, поворотов и переплетенных коридоров. Но повозка, судя по всему, плыла под каким-то тайным управлением по кратчайшей, хотя отнюдь не прямой дороге вглубь и вглубь, в кольца скрытых проулков.

На каждом контрольно-пропускном пункте Валентина допрашивали недоверчивые чиновники. Создавалось впечатление, что они практически не способны понять, как это пришедший извне направляется к министрам понтифекса. Их бесконечные колкости быстро надоедали, но не задевали. Валентин размахивал своим кубиком-пропуском, как волшебным жезлом.

— У меня поручение высочайшей важности,— повторял он снова и снова,— и я буду говорить только с высшими чинами двора понтифекса.— Вооружившись всем своим достоинством и правом командовать, он отметал все возражения, все увертки: — Вы ответите за то, что задерживаете меня!

И вот наконец — хотя Валентину казалось, что с тех пор, как он вошел в Лабиринт через врата Лезвий, прошло сто лет,— он очутился перед Шинаамом, Дилифоном и Наррамир — тремя из пяти главных министров понтифекса.

Они приняли его в темной холодной комнате со стенами из громадных блоков черного камня, с высоченным потолком и

остроконечными арками. Это непривлекательное помещение более походило на подземную тюрьму, чем на комнату для совещаний. Войдя туда, Валентин почувствовал себя так, словно на него давит вес всего Лабиринта, уровень за уровнем: Арена, Дом Записей и двор Шаров, зал Ветров и все остальное — темные коридоры, тесные каморки, множество работающих клерков. Где-то далеко, наверху, сияло солнце, воздух был свеж и чудесен, с моря дул бриз, несший запахи алабандинов, елдиронов и танигалей. А он был здесь, придавленный гигантской земляной насыпью и многими милями извилистых туннелей, в королевстве вечной ночи. Это путешествие в глубь Лабиринта измучило его, как если бы он не спал несколько недель.

Валентин коснулся рукой Делиамбера и получил от него сильный заряд энергии, поддержавший его почти иссякшие силы. Он взглянул на Карабеллу — и та послала ему воздушный поцелуй; посмотрел на Слита — и тот с ухмылкой кивнул в ответ; бросил взгляд на Залзана Кавола — и гордый седой скандар сделал быстрое жонглирующее движение рукой, чтобы подбодрить Валентина... его спутники, его друзья, его оплот во всем этом долгом и удивительном путешествии.

Он взглянул на министров. Они были без масок и сидели рядом в креслах, величественных, как троны. Шинаам — министр внешних сношений, гэйрог, змееподобный, с холодными глазами и мелькавшим раздвоенным красным языком — располагался в центре. Справа от него находился Дилифон — личный секретарь Тиевераса, хрупкая, призрачная фигура с белыми, как у Слита, волосами, увядшей пергаментной кожей и горевшими, как угли, глазами на древнем лице. По левую руку от гэйрога сидела Наррамир — имперская толковательница снов, стройная, элегантная женщина явно преклонного возраста, поскольку ее сотрудничество с Тиеверасом восходило к тем временам, когда тот был короналем. У нее была гладкая, без морщин кожа и темно-рыжие волосы, пышные, блестящие. Только отстраненное, загадочное выражение глаз выдавало присущие ей мудрость, опыт и накопленную за много десятилетий силу.

Валентин решил, что здесь не обошлось без колдовства.

— Мы прочитали твою петицию,— низким, скрипучим голосом с едва заметным шипением произнес Шинаам.— Нам трудно поверить в твою историю.

— Вы говорили с Хозяйкой Острова Сна, моей матерью?

— Мы говорили с Хозяйкой,— холодно ответил гэйрог.— Она признает тебя своим сыном.

— Она требует, чтобы мы сотрудничали с тобой,— добавил Дилифон дребезжащим голосом.

— Она являлась к нам в посланиях,— мягко и слегка нараспев заговорила Наррамир.— Она поручает тебя нам и просит, чтобы мы оказали тебе всю помощь, которую ты потребуешь.

— И что дальше? — спросил Валентин.

— Не исключена возможность,— сказал Шинаам,— что Хозяйка Острова была обманута.

— Вы думаете, я самозванец?

— Ты хочешь, чтобы мы поверили,— продолжил гэйрог,— будто младший сын Короля Снов, приведя короналя Маджипура в бессознательное состояние, извлек его из собственного тела, частично лишил его памяти, а оставшиеся фрагменты его личности поместил в совершенно иное тело, удачно оказавшееся под рукой, после чего сам вошел в тело короналя, сохранив при этом собственное сознание. Мы находим, что поверить в это весьма трудно.

— Существует искусство переносить дух из одного тела в другое,— объяснил Валентин.— Вот вам прецедент.

— Нет прецедента,— возразил Шинаам,— чтобы такое проделывали с короналем.

— Однако это случилось. Я, лорд Валентин, вновь обретший свою память лишь благодаря доброте Повелительницы Снов, прошу поддержки понтифекса в восстановлении моих прав и обязанностей, возложенных им на меня после смерти моего брата. Прошу помочь вернуть принадлежащую мне корону.

— Да,— кивнул Шинаам,— если ты тот, за кого себя выдаешь, тебе, вероятно, необходимо вернуться в Горный замок. Но как мы можем быть в этом уверены? Это очень серьезное дело. Возможна гражданская война. Как можем мы советовать понтифексу ввергнуть мир в хаос только на основании утверждения неизвестного нам молодого чужака, который почему-то...

— Моя мать уже знает, что я не чужак,— сказал Валентин.— Мой разум открылся ей на Острове, и она видела, кто я.— Он коснулся серебряного обруча на лбу.— Как вы думаете, откуда я взял этот прибор? Это ее дар. Я получил его из ее собственных рук, когда мы с ней были во Внутреннем храме.

— В том, что Хозяйка Острова Сна признает тебя и поддерживает, нет никаких сомнений,— спокойно заметил Шинаам.

— Но вы сомневаетесь в ее свидетельстве?

— Мы требуем более веских доказательств,— вмешалась Наррамир.

— Тогда позвольте мне немедленно передать вам послание — и вы убедитесь в справедливости моих слов.

— Как желаешь,— пожал плечами Дилифон.

Валентин закрыл глаза, вошел в транс, и из самых глубин его существа хлынул наружу страстный, сияющий поток — точно как тогда, когда в мрачной, усеянной каменными обломками пустыне за Треймоуном ему надо было заручиться поддержкой Насимонта, когда ему удалось воздействовать на трех официальных лиц у врат Дома Записей и когда он открыл себя мажордому Титаморн Суул. С различной степенью успеха ему тогда удалось добиться цели. А теперь предстояло получить желаемое здесь. Однако сейчас он чувствовал, что не может преодолеть непоколебимый скептицизм министров понтифекса.

Мозг гэйрога был полностью закрыт для Валентина — стена, такая же недоступная, как высокие белые утесы Острова Сна. За мысленным щитом Шинаама Валентин ощущал лишь туманные проблески сознания и не мог пробить этот щит, хотя изливал на него всю свою силу. Мозга дрожавшего старого Дилифона он тоже не мог достичь, но не потому, что тот был экранирован,— наоборот, он был открытым, пористым, как соты, и Валентин проходил через него, как сквозь воздух, не встречая ничего, за что можно было бы зацепиться. Валентину удалось войти в контакт, да и то неудовлетворительный, только с мозгом Наррамир. Казалось, она пила его душу, впитывала то, что он давал, но все это пропадало в бездонных недрах ее существа, и он так и не добрался до центра ее духа.

Но он не отступал. С яростной силой он направлял всю полноту своего духа, объявляя себя лордом Валентином из Горного замка и требуя от них доказательств, что он кто-то другой. Он дошел до глубины воспоминаний о матери, о короле-брате, о своем воспитании, о своем свержении в Тил-омоне, о странствиях по Зимроэлю — обо всем, что сформировало человека, пробившегося в недра Лабиринта за помощью. Он полностью отдавал себя, пока совершенно обессиленный не повис на руках у Слита и Карабеллы, как ненужная одежда, сброшенная владельцем.

Валентин вышел из транса, боясь провала и дрожа от слабости,— пот покрыл его тело, перед глазами все плыло, и дико болели виски. Он старался восстановить силы, закрыл глаза и глубоко дышал и лишь какое-то время спустя взглянул на трех министров.

Их лица были жесткими и сумрачными, глаза — холодными и неподвижными. Они выглядели надменными, презрительными и даже враждебными. Валентин вдруг испугался: может, эти трое — ставленники самого Доминина Барджазида? Неужели он умоляет своих собственных врагов? Он отчаянно уверял себя, что это невозможно, немыслимо, что это порождение усталого мозга. Нельзя поверить, что заговор против него достиг самого Лабиринта.

— Ну? — хрипло спросил он.— Что вы теперь скажете?

— Я ничего не почувствовал,— ответил Шинаам.

— Я не убежден,— сказал Дилифон.— Такие послания может направить любой колдун. А искренность и страстность бывают и притворными.

— Я согласна,— кивнула Наррамир,— послание может быть как настоящим, так и лживым.

— Нет! — закричал Валентин.— Я открылся перед тобой полностью. Ты не могла не видеть.

— Недостаточно,— возразила Наррамир.

— Что ты имеешь в виду?

— Давай проведем толкование сна вдвоем здесь, в этой комнате, при этих свидетелях. Пусть наши души сольются. Тогда я смогу оценить правдивость твоей истории. Согласен? Выпьешь со мной наркотик?

Валентин обеспокоенно взглянул на своих спутников и увидел на их лицах отражение своей тревоги — у всех, кроме Делиамбера, лицо которого не выражало ничего, словно колдун находился где-то далеко отсюда. Рискнуть? Осмелится ли он? Наркотик может лишить его сознания, сделать абсолютно прозрачным, полностью уязвимым. Если эти трое связаны с Барджазидом и хотят сделать Валентина беспомощным, это, видимо, опасно. Предложение войти в его мозг исходит не от какой-нибудь деревенской толковательницы, а от министра двора понтифекса, женщины по крайней мере столетнего возраста, хитрой и могущественной, считающейся настоящей повелительницей Лабиринта, контролирующей всех, включая самого старого Тиевераса.

Делиамбер намеренно не подал ему знака. Валентин должен решать сам.

— Да,— сказал он, глядя ей в глаза.— Если ничто другое не подходит, пусть будет толкование. Здесь. Сейчас.

Глава 9

Они, похоже, ожидали этого. Прислужники по сигналу принесли все необходимое: толстый ковер яркой расцветки с темно-золотой каймой, высокий графин из белого полированного камня и две изящные фарфоровые чаши. Наррамир сошла со своего кресла, самолично налила в чаши сонного вина и одну предложила Валентину.

Он взял чашу, но выпил не сразу. Однажды он так же принял вино из рук Доминина Барджазида, и после одного-единственного глотка изменилась вся его жизнь. Может ли он выпить сейчас, не опасаясь последствий? Кто знает, какое новое колдовство приготовлено для него? Где он проснется и в каком обличье?

Наррамир молча наблюдала за ним. Глаза толковательницы снов оставались непроницаемыми и таинственными, а взгляд их словно пронзал насквозь. Она улыбалась непонятной улыбкой — то ли ободряющей, то ли торжествующей. Он поднял чашу в коротком салюте и поднес к губам.

Эффект действия вина оказался мгновенным и неожиданно мощным. Валентин покачнулся. Туман и паутина окутали его мозг. Может, этот наркотик был много крепче того, что давала ему Тизана в Фалкинкипе? Какое-то дьявольское снадобье Наррамир? Или усталость и истощение сделали сейчас его самого более чувствительным? Затуманенным взором он увидел, что Наррамир выпила свое вино, бросила пустую чашу прислужнику и быстро сняла платье.

Ее нагое тело было по-девичьи гибким и гладким: плоский живот, стройные бедра, высокая, округлой формы грудь. Валентин подумал, что это, конечно же, колдовство. Кожа ее имела коричневый оттенок. Почти черные соски уставились на Валентина, словно слепые глаза. Он был уже слишком опьянен наркотиком, чтобы раздеться самостоятельно,— за него это сделали руки друзей. Он почувствовал холод и понял, что остался обнаженным. Наррамир поманила его к ковру. На подгибавшихся

ногах Валентин подошел ближе, и она уложила его. Он закрыл глаза, представляя, что рядом с ним Карабелла, но Наррамир ничуть не походила на нее. Ее объятия были сухими и холодными, тело — твердым, неэластичным. В ней не было ни тепла, ни трепета. Ее юный вид был всего лишь обманом. Лежать в ее объятиях было все равно, что на ложе из гладкого холодного камня.

Его окружило всепоглощающее озеро тьмы, которое становилось все глубже, и Валентин легко погружался в густую теплую маслянистую жидкость, чувствуя, как она приятно скользит по его ногам, животу, груди. Он чувствовал, что его засасывает водоворот,— совсем как в тот раз, когда его проглотил морской дракон. Так приятно отказаться от сопротивления... Да, это куда лучше, чем бороться... Так привлекательно, так маняще — отречься от всякой воли, расслабиться, принять все, что может случиться, позволить себе спускаться все ниже и ниже... Он устал... Он так долго боролся... Теперь он может отдохнуть и позволить черному прибою сомкнуться над ним. Пусть другие храбро сражаются за честь, за власть, за аплодисменты. Пусть другие...

Нет!!!

Так вот чего они хотели! Поймать его в ловушку собственных слабостей. Он слишком доверчив, слишком бесхитростен. Он ужинал с врагом, не зная этого, и почти погиб. Он погибнет окончательно, если откажется сейчас от усилий. Не время погружаться в теплые черные воды озера!

Он поплыл. Сначала с трудом, потому что озеро было глубоким, а черная жидкость, липкая и тяжелая, обволакивала его руки. Но после нескольких взмахов Валентин сумел сделать так, чтобы его тело, как острое лезвие, разрезало плотную жидкость. Он двигался все быстрее, руки и ноги работали согласованно. Озеро, которое искушало его забвением, теперь поддерживало его и твердо держало на плаву, пока он быстро плыл к далекому берегу. Солнце, яркое, безмерное, пурпурно-желтое, пускало ослепительные лучи по воде, как огненные дорожки.

— Валентин!

Голос был низкий, раскатистый, как гром. Валентин не узнал его.

— Валентин, почему ты так упорно плывешь?

— Чтобы достичь берега.

— А зачем?

Валентин продолжал плыть. Он видел остров, широкий белый пляж, заросли высоких деревьев, лианы, плотно опутавшие их вершины. Он плыл и плыл, но до берега было еще далеко.

— Вот видишь,— вновь раздался тот же громовой голос.— Нет смысла пытаться!

— Кто ты? — спросил Валентин.

— Я лорд Спурифон.

— Кто?

— Лорд Спурифон, корональ, преемник лорда Скоула, ныне понтифекса. Я советую тебе отказаться от этой глупости. Чего ты надеешься достичь?

— Горного замка,— ответил Валентин и поплыл быстрее.

— Но корональ — я!

— Я... никогда... не слышал... о тебе.

Лорд Спурифон издал резкий визгливый звук. Гладкая маслянистая поверхность озера зарябила и пошла складками, словно миллионы иголок втыкались в нее снизу.

Валентин заставил себя двигаться вперед, но опять изменил свое тело. Оно уже не напоминало лезвие, а стало чем-то тупым и упрямым — бревном с руками, пробивавшимся через водовороты.

Берег был уже близко. Валентин опустил ноги и нащупал внизу песок, горячий, зыбкий, убегавший из-под ног, но не настолько быстро, чтобы помешать Валентину выбраться на берег. Он выполз на пляж и на секунду встал на колени. Подняв глаза, он увидел бледного, худого человека, смотревшего на него печальными голубыми глазами.

— Я лорд Гунзимар,— тихо произнес человек,— корональ из короналей, которого никогда не забудут, а это мои бессмертные спутники.— Он сделал знак, и берег заполнился мужчинами, очень похожими на него,— ничем не примечательными, неинтересными, незначительными.— Это лорд Струин, это лорд Пранкипин, лорд Мейк, лорд Скоул, лорд Спурифон, великие и могущественные коронали. Падай ниц перед ними!

Валентин засмеялся:

— О вас уже никто не вспоминает!

— Нет! Нет!

— Сколько писка!

Валентин указал на последнего в ряду.

— Ты, Спурифон! Все о тебе давно забыли!

— Будь так любезен — лорд Спурифон.

— А ты, лорд Скоул. Три тысячи лет начисто стерли воспоминания о твоей славе.

— Ты ошибаешься. Мое имя занесено в список властителей.

Валентин пожал плечами.

— Верно. Ну и что из того? Все вы — лорд Пранкипин, лорд Мейк, лорд Гунзимар — всего лишь имена, и ничего больше. Только имена...

— Только имена...— как эхо отозвались они тонкими, жалобными голосами и стали уменьшаться, сжиматься, пока наконец не превратились в крошечные существа, суматошно бегающие по берегу и выкрикивающие свои имена резкими, визгливыми голосами. Затем они исчезли, и на их месте оказались маленькие, не крупнее жонглерских мячей, белые шары. Валентин наклонился, чтобы получше рассмотреть их и увидел, что это черепа. Он подобрал их и стал подбрасывать в воздух, ловить и снова бросать, а они летали сверкающим каскадом. Их челюсти щелкали и дребезжали. Валентин усмехался. Сколькими он может жонглировать одновременно? Спурифон, Струин, Гунзимар, Мейк, Пранкипин и Скоул — всего шесть. Но за все прошлые тысячелетия существовали сотни короналей — по одному на каждые десять, двадцать, тридцать лет на протяжении почти ста десяти столетий. Он мог бы жонглировать всеми. В воздухе возникли самые великие — Конфалюм, Престимион, Стиамот, Деккерет, Пинитор, еще дюжина, сотня,— и всех он бросал и ловил. Никогда еще на Маджипуре не было такого искусного жонглера! Но теперь в его руках были уже не черепа: они превратились в сверкающие многогранные диадемы, в шары — тысячу имперских шаров, рассыпавших искрившийся свет во всех направлениях. Он безошибочно жонглировал ими, зная, какого правителя представлял каждый шар,— вот лорд Конфалюм, вот лорд Спурифон, вот лорд Деккерет,— и бросал их вверх, так что они составили громадную перевернутую пирамиду света. Над головой золотоволосого улыбавшегося человека, крепко стоявшего на горячем песке сверкающего пляжа, танцевали все королевские особы Маджипура, и все возвращались к нему. Он поддерживал их всех. Вся история планеты находилась в его руках.

Ослепительные диадемы составили в вышине громадную Горящую Звезду.

Не переставая жонглировать, Валентин направился с пляжа по дюнам к плотной стене зарослей. Деревья расступались перед ним, освобождая путь и открывая взору ярко-красную мощеную дорогу, ведущую в глубь острова. Вдали он увидел низкие серые холмы предгорья, переходившие в гранитные уступы, за которыми вырастали зубчатые пики гигантской горной цепи, тянувшейся до середины континента. На самом высоком пике, на высоте столь величественной, что воздух вокруг него светился бледным переливающимся сиянием, возникающим лишь во снах, раскинулись мощные стены Замка. Валентин шел к нему, по-прежнему не переставая жонглировать. Мимо него по тропе проходили фигуры, уступали ему дорогу, махали, улыбались и кланялись. Лорд Вориакс, Повелительница Снов, высокая мрачная фигура понтифекса Тиевераса — все они сердечно приветствовали его, и он тоже помахал им, не уронив ни одной диадемы, не нарушив четкого рисунка жонглирования. Вот он уже в предгорье и без усилий поднимается вверх. Вокруг него собирается толпа — все его друзья и множество других: хьорты, гэйроги, врууны, лиимены, торговцы, фермеры, рыбаки, акробаты, герцог Насимонт — предводитель разбойников, Тизана, Титаморн Суул и Дондак-Саямир, держащиеся за руки, толпа пляшущих метаморфов, шеренга драконьих капитанов с гарпунами, лесные братья, раскачивающиеся на деревьях вдоль тропы,— все поют, смеются, провожая его в Замок лорда Малибора, лорда Спурифона, лорда Конфалюма, лорда Стиамота, в Замок лорда Валентина...

Замок лорда Валентина...

Он уже почти достиг его. Хотя горная дорога круто идет вверх и над ней низко стелется густой туман, Валентин ускоряет шаг, подскакивает, бежит, жонглируя сотнями блестящих безделушек. Впереди возникают три громадных огненных столба. Подойдя ближе, он узнает их. Это Шинаам, Дилифон и Нарамир стоят бок о бок на его пути.

— Куда ты идешь? — спрашивают они хором.

— В Замок.

— В чей Замок?

— В Замок лорда Валентина.

— Кто ты?

— Спросите их,— говорит Валентин, показывая на танцующую за его спиной толпу.— Пусть они назовут вам мое имя!

— Лорд Валентин! — кричит Шанамир, первым приветствуя его.

— Он лорд Валентин! — вторят ему Карабелла, Слит и Залзан Кавол.

— Лорд Валентин, корональ! — вопят метаморфы, драконьи капитаны и лесные братья.

— Это правда? — спрашивают министры понтифекса.

— Я лорд Валентин,— мягко отвечает он.

Он высоко подбрасывает тысячу диадем, и они летят вверх, пока не скрываются во мраке, что живет между мирами. Оттуда они медленно плывут вниз, мерцающие и искрящиеся, как снежные хлопья на склонах северных гор, и когда касаются Шинаама, Дилифона и Наррамир, три министра мгновенно исчезают, оставив после себя лишь серебряный блеск, и ворота Замка раскрываются.

Глава 10

Валентин проснулся.

Он ощутил шерсть ковра под своим обнаженным телом, высоко вверху увидел остроконечные арки каменного потолка. Мир сна еще так явственно присутствовал в памяти, что Валентину на миг захотелось вернуться в него, и совершенно не хотелось находиться в этом помещении с затхлым воздухом и темными углами. Затем он сел и огляделся, стряхивая туман со своего разума.

Он увидел своих спутников: Слита, Карабеллу, Делиамбера, Залзана Кавола и Эйзенхарта. Напряженные и обеспокоенные, они столпились у дальней стены.

Он повернулся в другую сторону, рассчитывая увидеть трех министров, снова восседавших на своих тронах. Они и в самом деле были тут, но появилось еще два великолепных кресла, так что теперь перед Валентином сидели пятеро. Наррамир, уже одетая, расположилась слева. Рядом с ней сидел Дилифон. В середине Валентин увидел круглолицего мужчину с широким прямым носом и темными глазами. После секундного раздумья он узнал в нем Хорнкэста, главного спикера понтифекса. Рядом с ним сидел Шинаам, а крайнее правое кресло занимал незнакомый Валентину человек — тонгогубый, с резкими чертами лица и серой кожей, иноземец. Все пятеро строго смотрели издали

на Валентина, словно были членами тайного судилища и запаздывали с вынесением приговора.

Валентин встал, не делая попыток одеться. Почему-то казалось, что перед этим судилищем положено стоять обнаженным.

— Твой мозг ясен? — спросила Наррамир.

— По-моему, да.

— После того как кончился твой сон, ты проспал еще час. Мы ждали, когда ты проснешься.

Она указала на серокожего.

— Это Сепултроув, врач понтифекса.

— Я так и подумал,— сказал Валентин.

— А этого человека ты, наверное, знаешь.— Она указала на того, кто сидел в центре.

Валентин кивнул:

— Да, это Хорнкэст. Мы встречались.— Широко улыбнувшись, он добавил: — Только тогда я выглядел по-другому. Вы признаете мои притязания справедливыми?

— Мы признаем твои притязания справедливыми, лорд Валентин,— мелодичным голосом произнес Хорнкэст.— Великое и немыслимое преступление свершилось в этом мире, но все будет поправлено. Оденься. Тебе не пристало являться обнаженным перед понтифексом.

Хорнкэст возглавил процессию в имперский тронный зал. За ним шли Наррамир и Дилифон с Валентином посредине, Сепултроув с Шинаамом замыкали шествие. Спутникам Валентина не позволили сопровождать его.

Они шли по узкому, с высоким сводом туннелю из сияющего зеленоватого стекла, в глубине которого мелькали странные искаженные отражения. Туннель с легким уклоном уходил в глубину по спирали; через каждые пятьдесят шагов его полностью перегораживали бронзовые двери.

Хорнкэст прикасался пальцем к скрытой панели, и дверь бесшумно открывалась, пропуская их дальше. Наконец они дошли до двери, богато украшенной резным золотым символом Лабиринта и имперской монограммой Тиевераса над ним. Валентин знал, что это самое сердце Лабиринта, самая глубокая и центральная его точка. Когда открывшаяся от прикосновения Хорнкэста последняя дверь пропустила их, они оказались в просторной светлой сферической комнате с круглыми стеклянными стенами, где на роскошном троне сидел понтифекс Маджипура.

Валентин видел понтифекса Тиевераса пять раз. Первый — когда Валентин был еще ребенком, а понтифекс прибыл в Горный замок на свадьбу лорда Малибора; второй — через несколько лет, на коронации лорда Вориакса; затем через год — на свадьбе Вориакса; четвертый раз — когда Валентин явился в Лабиринт по поручению брата, а последний — всего лишь три года назад, хотя казалось, что прошло тридцать лет,— когда Тиеверас приехал на коронацию Валентина. Понтифекс и при первой встрече с Валентином был уже стар: огромного роста, худой, отталкивающего вида человек с грубым угловатым лицом, с черной как смоль бородой и мрачными, глубоко посаженными глазами. Чем старше он становился, тем резче выделялись его характерные черты и он все больше походил на труп. Этот утративший гибкость, медленно передвигающийся, старый, как будто высохший человек оставался тем не менее внимательным, мудрым и по-прежнему мощным духом, он все еще излучал ауру безмерной власти и величия.

Но теперь... Теперь...

Трон, на котором сидел Тиеверас, был тот же, что и при первом посещении Валентином Лабиринта: роскошное золотое сиденье с высокой спинкой, к которому вели три широкие низкие ступени. Но теперь этот трон был заключен в шар из голубоватого стекла, в котором переплеталась сложная сеть поддерживавших жизнь трубок, образовавшая некое подобие кокона. Прозрачные трубки с цветными жидкостями, счетчики и шкалы, измерительные пластинки на щеках и лбу понтифекса, провода, соединения и зажимы — все это выглядело сверхестественно и пугающе, потому что откровенно указывало: жизнь понтифекса сохранялась не в нем самом, а в приборах, окружавших его.

— И давно он так? — прошептал Валентин.

— Система разрабатывалась в течение двадцати лет,— с явной гордостью ответил Сепултроув,— но только последние два года он находится под ее контролем постоянно.

— Он в сознании?

— О да, определенно в сознании,— ответил врач.— Подойди ближе, посмотри на него.

Валентин неловко подошел и остановился в футе от трона, вглядываясь в удивительного старика в стеклянном пузыре. Да, он видел, что свет еще горит в глазах Тиевераса, бесплотные губы решительно сжаты. Кожа на черепе понтифекса стала совсем пергаментной, а длинная борода, все еще на удивление черная, сильно поредела.

Валентин глянул на Хорнкэста.

— Он узнает людей? Он говорит?

— Конечно. Дай ему время.

Глаза Валентина встретились с глазами Тиевераса. Повисла страшная тишина. Старик нахмурился, зашевелился и быстро провел языком по губам. Затем он издал дрожащий звук, напоминающий одновременно и хныканье, и стон.

Хорнкэст объяснил:

— Понтифекс приветствует своего возлюбленного сына лорда Валентина, короналя.

Валентин с трудом подавил дрожь.

— Скажи его величеству... скажи ему... скажи, что его сын лорд Валентин, корональ, пришел к нему, как и всегда, с любовью и почтением.

Так было принято: никто никогда не говорил непосредственно с понтифексом, а только через главного спикера, который обязан был повторять все слова, хотя практически этого не делал.

Понтифекс снова пробормотал что-то столь же неразборчивое.

Хорнкэст передал:

— Понтифекс выражает озабоченность положением в королевстве. Он спрашивает, что планирует предпринять лорд Валентин для восстановления надлежащего порядка вещей.

— Скажи понтифексу, что я собираюсь идти на Замковую гору и призвать на помощь всех граждан. Я прошу его указания заклеймить Доминина Барджазида как узурпатора и осудить всех, кто поддерживает его.

Понтифекс издал более воодушевленные звуки — резкие и высокие, наделенные, казалось, сильнейшей энергией.

— Понтифекс желает быть уверенным,— перевел Хорнкэст,— что ты постараешься по возможности избежать сражений и смертей.

— Скажи ему, я предпочел бы взять Замок, не потеряв даже одной жизни с той или другой стороны, но не знаю, удастся ли это мне.

Раздались странные булькающие звуки.

На лице Хорнкэста появилось озадаченное выражение. Он стоял, наклонив голову, напряженно вслушиваясь.

— Что он сказал? — шепотом спросил Валентин.

Главный спикер покачал головой.

— Не все сказанное его величеством можно истолковать. Иногда он заходит в недоступные для нашего понимания области.

Валентин кивнул. Он с жалостью и даже с любовью смотрел на фантастического старика, запертого в шаре, который поддерживал в нем жизнь, и способного общаться только такими стонами. Прожив более ста лет, в течение многих десятилетий пребывая на троне высшего монарха планеты, он теперь лепечет и булькает, как младенец... Плоть его охвачена разрушением... И все-таки где-то в глубине разлагающегося и размягчающегося мозга все еще живет разум прежнего Тиевераса.. Всем своим теперешним видом он словно подтверждал бессмысленность высшего титула: корональ жил в мире обязанностей и моральной ответственности лишь для того, чтобы унаследовать понтифексат и в конце концов исчезнуть в Лабиринте и дожить до старческого слабоумия. Интересно, часто ли понтифексы становятся пленниками своих спикеров, врачей и толковательниц снов и легко ли отказаться от мира ради того, чтобы великое чередование властителей привело на трон более жизнеспособного человека? Теперь Валентин понял, почему система разделила исполнителя и правителя, почему понтифекс со временем скрывается от мира в этот Лабиринт. Придет и его время спуститься сюда, но, возможно,— да будет на то воля Божества,— это случится не скоро.

Он вновь обратился к спикеру:

— Скажи понтифексу, что лорд Валентин, корональ, его почтительный сын, сделает все, что в его силах, чтобы спасти мир от хаоса. Скажи понтифексу, что лорд Валентин надеется на поддержку его величества, без которой его задача станет намного труднее.

Сначала на троне было молчание, потом полился долгий, болезненный, неразборчивый поток звуков, повышавшихся и понижавшихся, как мелодии гэйрогов. Хорнкэст напряженно вслушивался, то тут, то там улавливая обрывки смысла. Понтифекс замолчал, а смущенный Хорнкэст сжал челюсти и прикусил губу.

— Что все это значит? — спросил Валентин.

— Он думает, что ты лорд Малибор,— удрученно ответил Хорнкэст.— Он предупреждает тебя, чтобы ты не выходил в море охотиться на драконов.

— Мудрый совет,— кивнул Валентин,— но несколько запоздалый.

— Он сказал, что корональ слишком ценная фигура, чтобы рисковать жизнью в таких развлечениях.

— Скажи ему, что я согласен и что если снова попаду в Замок, то вплотную займусь своими непосредственными делами и буду избегать любых опасных развлечений.

Врач Сепултроув выступил вперед.

— Мы утомили его. Боюсь, что аудиенцию придется закончить.

— Еще минутку,— попросил Валентин.

Сепултроув нахмурился, но Валентин с улыбкой подошел к самому подножию трона, встал на колени, протянул руки к древнему существу в стеклянном пузыре, вошел в транс и послал к Тиеверасу свой дух, источавший импульсы с выражением почтения и любви.

Любил ли кто-нибудь когда-нибудь грозного Тиевераса и был ли привязан к нему? Скорей всего, нет. Но много десятилетий этот человек был центром и душой Маджипура, и теперь, сидящий здесь, затерянный в безвременном сне правления, сознающий лишь иногда свою былую ответственность, он заслужил, чтобы его приемный сын и будущий преемник выказал ему такую любовь. И Валентин отдал ее полностью, насколько позволила мощь обруча.

И Тиеверас как бы окреп, глаза его засияли, щеки чуть заметно порозовели. Неужто эти дрожащие губы улыбнулись? Неужто левая рука понтифекса слегка приподнялась в благословляющем жесте? Да! Да!! Да!!! Вне всякого сомнения, понтифекс почувствовал исходящую от Валентина волну тепла, обрадовался ей и откликнулся на нее.

Тиеверас коротко сказал что-то почти различимое.

Хорнкэст пояснил:

— Он говорит, что дарует тебе свою полную поддержку, лорд Валентин.

«Живи подольше, старик,— подумал Валентин, вставая и кланяясь.— Вероятно, тебе лучше бы уснуть вечным сном, но я желаю тебе еще более долгой жизни, даже сверх той, что ты уже прожил, потому что у меня еще много работы на Замковой горе».

Он повернулся к пяти министрам:

— Пошли. Я получил то, что мне нужно.

Они тихо вышли из тронного зала. Когда дверь за ними закрылась, Валентин спросил Сепултроува:

— Долго он может прожить так?

Врач пожал плечами:

— Практически неограниченно. Система отлично поддерживает его. Мы можем сохранять ему жизнь, время от времени поправляя кое-что, еще в течение ста лет.

— Сто не обязательно. Но хорошо бы ему оставаться с нами еще лет двенадцать-пятнадцать. Вы можете это сделать?

— Рассчитывай на нас,— пообещал Сепултроув.

— Ну и хорошо.

Валентин посмотрел на сиявший винтовой проход. Он достаточно долго пробыл в Лабиринте. Пора вернуться в мир солнца, ветра и жизни и завершить дело с Доминином Барджазидом. Он обратился к Хорнкэсту:

— Отведите меня к моим людям и приготовьте все к отъезду. Но прежде я хотел бы детально выяснить, какие именно военные силы и вспомогательный персонал вы можете предоставить в мое распоряжение.

— Слушаюсь, мой лорд,— склонил голову главный спикер.

«Мой лорд». Это было первое подтверждение признания и покорности, которое он получил от министров понтифекса. Главное сражение еще впереди, но Валентин, услышав эти два слова, почувствовал себя так, словно уже обрел Замок.

ЧАСТЬ 5

КНИГА ЗАМКА

Глава 1

Из глубин Лабиринта Валентин со своими спутниками поднялся значительно быстрее, чем спустился туда, потому что по бесконечной спирали вниз продвигался никому не известный авантюрист, лавировавший между равнодушными чиновниками, а наверх возвращался властитель королевства.

Теперь для него не существовали извилистые переходы с уровня на уровень, с кольца на кольцо, все хитросплетения святая святых понтификата, Дома Записей, Арены и прочего. Лорд Валентин поднимался быстро и без задержек — по проходу, предназначенному только для высших властей.

Уже через несколько часов они достигли внешнего кольца — ярко освещенной переполненной гостиницы на краю подземного города. Однако новость о том, что здесь, в Лабиринте, находится корональ, таинственным образом измененный, но тем не менее настоящий корональ, достигла внешнего уровня еще быстрее, и когда Валентин появился там, его уже ждала громадная толпа, разглядывавшая его, как невиданного зверя о девяти головах и тридцати ногах.

Толпа молчала. Кто-то сделал знак Горящей Звезды, кто-то выкрикнул его имя, но в основном все только глазели. Лабиринт был владением понтифекса, и Валентин понимал, что преклоняться перед короналем будут где угодно на Маджипуре, но только не здесь. Благоговейный страх — да, почтение — да, но прежде всего — любопытство. Никакого воодушевления и приветственных жестов, какие видел Валентин, когда корональ-узурпатор

шествовал по улицам Пидруида. «Вот и хорошо»,— подумал он. Он не привык быть объектом поклонения, да и не стремился к этому. Вполне достаточно, даже более чем достаточно, что его признали тем, кем он себя считал.

— Неужели все будет так легко? — спросил он Делиамбера.— Нужно просто ехать по Алханроэлю, объявляя себя настоящим лордом Валентином, и все само упадет мне в руки?

— Очень сомневаюсь. Барджазид носит облик короналя. Он держит печати власти. Здесь, внизу, если министры понтифекса признали, что ты корональ, граждане будут приветствовать тебя как короналя. Назови они тебя Хозяйкой Острова, и здешние жители наверняка будут приветствовать тебя как Хозяйку Острова. Думаю, вне Лабиринта все будет по-другому.

— Я не хочу кровопролития, Делиамбер.

— Никто не хочет. Но кровь прольется, прежде чем ты снова займешь трон Конфалюма. Этого не избежать, Валентин.

Валентин нахмурился:

— Я, кажется, скорее готов оставить власть Барджазиду, чем ввергнуть этот мир в хаос беспорядков. Мир — вот что я люблю, Делиамбер.

— Мир и будет,— сказал маленький колдун.— Но дорога к нему не всегда бывает бескровной. Смотри, твоя армия уже собралась.

Валентин увидел неподалеку толпу людей, частью знакомых, частью — нет. Здесь были все, кто шел с ним в Лабиринт, группа, собранная им во время путешествия по миру: скандары, Лизамон Халтин, Виноркис, Кхун, Шанамир, Лоривейд, телохранители Хозяйки Острова и прочие. Но среди собравшихся несколько сотен человек носили цвета понтифекса. Первое отделение — чего? Войска? У понтифекса не было войска. Гражданского ополчения? В любом случае — армии лорда Валентина.

— Моя армия,— произнес Валентин. Слово имело горький привкус.— Армия... Это откуда-то из времен лорда Стиамота, Делиамбер. Сколько тысяч лет прошло со времени последней войны на Маджипуре?

— Долгое время все было спокойно,— ответил вруун,— но тем не менее маленькие армии существуют: телохранители Хозяйки Острова, слуги понтифекса... А как насчет рыцарей короналя? Чем ты их назовешь, если не армией? Они носят оружие,

тренируются на полях Замковой горы. Кто они, Валентин? Лорды и леди, забавляющиеся играми?

— Я именно так и думал, когда был одним из них.

— Пора думать иначе, мой лорд. Рыцари короналя составляют ядро военной силы, и только глупец может не понимать этого. Ты вспомнишь мои слова, когда подойдешь поближе к Горе.

— Неужели Доминин бросит моих собственных рыцарей в сражение против меня? — ужаснулся Валентин.

Вруун бросил на него холодный взгляд.

— Человек, которого ты называешь Доминином Барджазидом, сейчас лорд Валентин, корональ, и рыцари Замковой горы клялись ему в верности. Или ты забыл об этом? Если тебе повезет, ты, может быть, сумеешь убедить их, что они клялись душе и разуму лорда Валентина, а не его лицу и бороде. Но некоторые все равно останутся верными тому, кого считают короналем, и его именем поднимут мечи против тебя.

Сама мысль об этом была неприятна. Когда память Валентина восстановилась, он не раз думал о тех благородных мужчинах и женщинах, с которыми вырос и учился, чьи привязанность и дружба были главными в его жизни до того, как узурпатор разбил эту жизнь. Смелый охотник Элидат из Морвола, золотоволосый проворный Стазилейн, Тонигорн — отличный лучник и многие другие — теперь для него только имена, тени из далекого прошлого, однако же эти тени могут обрести и жизнь, и силу. Неужели они выступят против него? Его друзья, его любимые товарищи прошлых дней... Что ж, если ему придется сражаться с ними за Маджипур, пусть будет так, но думать об этом не хотелось. Он покачал головой.

— Может, удастся избежать этого. Пошли. Нам пора уходить отсюда.

Возле входа, называемого вратами Вод, он встретился со своими ликовавшими приверженцами и с офицерами, которых предоставили в его распоряжение министры понтифекса. Похоже, это была способная команда, явно радовавшаяся возможности покинуть мертвые глубины Лабиринта. Их возглавлял невысокий, крепкого сложения человек по имени Ирманар, с тугими завитками рыжеватых волос и короткой кудрявой остроконечной бородкой. Сложением, ловкостью движений и открытостью он напоминал Слита и мог бы сойти за его брата. Валентину он

сразу понравился. Быстрым официальным жестом Ирманар сделал Валентину знак Горящей Звезды и тепло улыбнулся.

— Я буду рядом с тобой, мой лорд, пока ты снова не окажешься в своем Замке.

— Да будет легким наше путешествие на север,— ответил Валентин.

— Ты выбрал дорогу?

— На речном судне по Глэйдж быстрее всего, не правда ли?

Ирманар кивнул.

— В любое время, кроме осени. Осенью идут проливные дожди необычайной силы.

Он достал маленькую карту центрального Алханроэля. На лоскуте темной ткани блестящей красной краской были обозначены округа от Лабиринта до Замковой горы.

— Смотри, мой лорд. Глэйдж спускается с горы и впадает в озеро Рогуаз, а оно разливается до врат Вод. Как раз сейчас река слишком полноводная и бурная, и участок от озера до Пендивэйна опасен на сотни миль. Я предлагаю идти по суше хотя бы до Пендивэйна, а там мы сможем сесть на корабль и добраться до верховьев Глэйдж.

— Разумно. Ты знаешь дорогу?

— Довольно хорошо, мой лорд.— Он ткнул пальцем в карту.— Многое зависит от того, насколько широко разлилась Глэйдж и так ли сильно затоплена равнина, как о том говорят. Я бы предпочел идти через долину Глэйдж вот так, обогнув озеро Рогуаз с севера и не отходя далеко от реки.

— А если долина залита?

— Тогда пойдем более дальней дорогой. Но земля там сухая, неприятная, почти пустыня. Трудно будет с провиантом. И там мы окажемся слишком близко к этому месту.— Он показал на карте точку к северо-западу от озера.

— Велализиер? — спросил Валентин.— Руины? Почему тебя это смущает, Ирманар?

— Это нездоровое место, мой лорд, дурное. Там заражен воздух, бродят духи, вопиющие о неотмщенных преступлениях. Мне не нравится то, что рассказывают о Велализиере.

— С одной стороны — наводнение, с другой — развалины, населенные призраками. Здорово, а? — Валентин улыбнулся.— А почему бы не пойти на юг от реки?

— На юг? Нет, мой лорд. Ты помнишь пустыню, через которую ехал от Треймоуна? На юге много хуже: ни капли воды, никакой еды, только песок и камни. Я скорее пойду пешком через Велализиер, чем по южной пустыне.

— Выходит, у нас нет выбора? Остается только долина Глэйдж. Будем надеяться, она не очень сильно залита. Когда выступаем?

— Когда ты желаешь?

— Два часа назад,— сказал Валентин.

Глава 2

Незадолго до полудня армия лорда Валентина вышла из Лабиринта через врата Вод. Как и полагается правительственному входу, они были широкими и пышно украшенными. Жители Лабиринта собирались толпами, чтобы поглядеть, как выезжает лорд Валентин со своими спутниками.

Как хорошо было снова увидеть солнце, вдохнуть настоящий воздух — не сухой, жесткий воздух пустыни, а мягкий, сладкий воздух нижней долины Глэйдж. Валентин, находившийся в первой из длинной процессии парящих повозок, приказал открыть в ней окна.

— Воздух-то, как молодое вино! — воскликнул он.— Ирманар, как ты можешь жить в Лабиринте, зная, как чудесно за его пределами?

— Я родился в Лабиринте,— спокойно ответил офицер.— Мой род служил понтифексу в течение пятидесяти поколений. Мы привыкли к подземным условиям.

— Значит, свежий воздух тебе неприятен?

— Почему неприятен? — Ирманар удивился.— Нет, отнюдь. Я ценю его качества, мой лорд. Просто он... Как бы это сказать? Я не испытываю в нем необходимости.

— А вот мне он необходим,— сказал Валентин и засмеялся.— Посмотри, как все кругом свежо и зелено!

— Осенние дожди несут жизнь этой долине,— заметил Ирманар.

— Как я понимаю, в этом году слишком много жизни,— вмешалась Карабелла.— Ты не знаешь, насколько сильно наводнение?

— Я послал вперед разведчиков,— ответил Ирманар.— Скоро узнаем.

Караван шел вперед по мирной, спокойной местности, чуть севернее реки. Здесь Глэйдж не выглядела неуправляемой — спокойный, извилистый поток, отливающий серебром в лучах солнца. Правда, это была еще не сама река, а нечто вроде канала, прорытого тысячи лет назад, чтобы связать озеро Рогуаз с Лабиринтом. Сама Глэйдж, как вспоминал Валентин, была куда более впечатляющей — быстрая, широкая, благородная река, но, конечно, едва ли не ручеек по сравнению с могучим Зимром. В первое свое посещение Лабиринта Валентин плыл по Глэйдж летом, причем достаточно засушливым, и река была достаточно спокойной. Но сейчас совсем другой сезон, и Валентин не испытывал желания снова попасть в разлив — его воспоминания о ревущей Стейч были еще слишком свежи. Подайся они немного на север, и все было бы в порядке, пусть даже пришлось бы проехать через развалины Велализиера. Однако суеверный Ирманар был против.

В эту ночь Валентин впервые ощутил прямое противодействие узурпатора. Едва он уснул, как пришло послание от Короля Снов — зловещее, сильное. Сначала он почувствовал тепло, разливавшееся внутри головы, затем оно усилилось, превращаясь в жар. Жар быстро накапливался и перешел в пламя, яростно бившееся в стенки черепа. Яркая игла света пронзила его душу. За лобной костью ощущалась бешеная пульсация. Вместе с этими жуткими ощущениями пришло нечто еще более болезненное: его разум наполнился чувством стыда, сознанием провала и неудачи, вины за то, что он предал и обманул тех, кто выбрал его в правители.

Валентин принимал послание, пока мог терпеть эту муку. Но в конце концов с криком проснулся, весь в поту, дрожащий, чувствуя себя избитым не во сне, а наяву.

— Мой лорд! — шепотом окликнула его Карабелла.

Валентин сел и, не в силах произнести хоть слово, закрыл руками лицо. Карабелла прижала его к себе и погладила по голове.

— Послание,— выговорил он наконец.— От Короля Снов.

— Его уже нет, любимый, все прошло. Теперь уже все хорошо.— Она покачивалась, обняв его, и постепенно ужас и паника отступили. Он поднял глаза.

— Ужасное,— пояснил он,— хуже, чем в нашу первую ночь в Пидруиде.

— Не могу ли я чем-нибудь помочь?

— Не думаю.— Валентин покачал головой.— Король знает, где я, и теперь никогда не оставит меня в покое.

— Это был просто кошмар, Валентин...

— Нет. Это было послание от Короля, первое из многих.

— Я позову Делиамбера,— предложила она.— Может, он знает, что делать.

— Не уходи, Карабелла. Не оставляй меня.

— Но сейчас все в порядке. Пока ты не спишь, посланий не будет.

— Не оставляй меня,— бормотал он.

Но она успокоила его и убедила лечь снова, а сама пошла за колдуном. Тот выглядел серьезным и расстроенным. Он коснулся Валентина, и погрузил его в сон без сновидений.

В следующую ночь Валентин вообще боялся уснуть, но в конце концов сон пришел и снова принес послание, еще более ужасное, чем первое. В его голове кружились образы: пузыри света с отвратительными лицами, цветные шары, которые насмехались над ним и обвиняли его, в него вонзались серебряные копья жарких лучей. Затем появились метаморфы: странные, текучие, они махали ему тонкими длинными пальцами, визгливо хохотали и называли его трусом, слабаком, глупцом и простофилей. Отвратительные масляные голоса пели детскую песенку:

Старый Король Снов
На троне своем сидит —
Он никогда не спит,
Громких не любит слов.

Смех, нестройная музыка, едва различимый шепот... Пляшущие скелеты, мертвые братья скандара, призрачные, изувеченные, окликали его по имени...

Валентин заставил себя проснуться и несколько часов, осунувшийся и измотанный, бродил по тесной повозке.

В следующую ночь пришло третье послание, хуже двух предыдущих.

«Что же мне — никогда больше не спать?» — спрашивал он себя. Он почти отчаялся, побледнел и измучился. И тогда на помощь к нему пришли Делиамбер и иерарх Лоривейд.

— Я слышала о твоих неприятностях — сказала она.— Разве Повелительница Снов не научила тебя защищаться с помощью обруча?

Валентин тупо взглянул на нее.

— Что ты имеешь в виду?

— Одна сила не имеет права нападать на другую, мой лорд.— Лоривейд коснулась обруча на его голове.— Если ты правильно воспользуешься им, он отразит атаку.

— А как?

— Готовясь ко сну, сплети вокруг себя стену силы,— сказала она.— Проецируй свою личность, заполни воздух вокруг себя своим духом, и тогда никакое послание не причинит тебе беспокойства.

— Ты научишь меня?

— Постараюсь, мой лорд.

Усталый и изможденный, он сумел спроецировать лишь тень силы, а уж о полном могуществе короналя и речи быть не могло. И хотя Лоривейд добрый час обучала его обращаться с обручем, в эту ночь все-таки пришло четвертое послание. Однако оно было гораздо слабее предыдущих, Валентин смог защититься от него и наконец погрузиться в спокойный сон. Днем он чувствовал себя почти нормально и долго тренировался в обращении с обручем.

Послания приходили и в последующие ночи, но очень слабые, пробные, пытавшиеся отыскать брешь в его защите. Валентин отражал их с все возраставшей уверенностью. Первое время он находился из-за этого в постоянном напряжении, что сильно утомляло его. Было несколько ночей, когда он не чувствовал прикосновения щупалец Короля Снов, пытающихся проникнуть в его сонный разум, но тем не менее поддерживал свою защиту и продолжал оставаться невредимым.

Они ехали по долине Глэйдж еще пять дней, а на шестой вернулись разведчики Ирманара с новостями о том, что ждет их впереди.

— Наводнение не так сильно, как рассказывали,— сообщил Ирманар.

— Прекрасно,— обрадовался Валентин.— Значит, продолжаем двигаться к озеру и там садимся на корабль?

— Между нами и озером стоят вражеские силы, мой лорд.

— Силы короналя?

— По-видимому, мой лорд. Разведчики сообщили только, что поднялись на гребень Луманзар, чтобы взглянуть на озеро и окружающую его равнину, и увидели там расположившиеся лагерем отряды и внушительные силы моллиторов.

— Наконец-то война! — радостно закричала Лизамон.

— Нет,— сумрачно произнес Валентин.— До Замковой горы еще тысячи миль. Вряд ли мы можем начать сражение так далеко на юге. К тому же я надеюсь вообще избежать войны или хотя бы оттягивать ее как можно дальше.

— Что будем делать, мой лорд?

— Пойдем, как шли, на север по долине Глэйдж, но при малейшей попытке этой армии двинуться в нашу сторону свернем на северо-запад. Я надеюсь обойти ее, если возможно, и отплыть по реке, а они пусть себе сидят у озера и ждут, когда мы там появимся.

— Двигаться в обход? — Ирманар заморгал.

— Если я не ошибаюсь, Барджазид послал их охранять подступы к озеру. Они не пойдут за нами слишком далеко вглубь.

— Но там...

— Да, я знаю.

Валентин положил руку на плечо Ирманара и мягко сказал, вкладывая в слова всю теплоту и симпатию:

— Прости меня, друг, но я думаю, мы сможем обойти их только через Велализиер.

— Я боюсь этих развалин, мой лорд, и не один я.

— Понятно. Но у нас есть могучий колдун и много храбрецов. Что может пара призраков против Лизамон Халтин, Кхуна с Кианимота, Слита, Карабеллы или Залзана Кавола? Позволим скандару слегка рявкнуть на этих призраков, и они будут бежать без оглядки до самого Стойена!

— Мой лорд, твое слово — закон, но я с детства слышал страшные рассказы о Велализиере.

— Ты когда-нибудь бывал там?

— Нет, конечно.

— А знаешь кого-нибудь, кто был там?

— Нет, мой лорд.

— Можешь ли ты точно знать, насколько опасно это место?

Ирманар поиграл завитками своей бороды.

— Нет, мой лорд.

— Но перед нами армия врагов и орда уродливых боевых моллиторов, верно? Еще неизвестно, что могут сделать с нами призраки, зато мы отлично знаем, какие бедствия принесут нам боевые действия. Я считаю, лучше уклониться от битвы и встретиться с призраками.

— Я бы предпочел другой путь,— ответил Ирманар, пытаясь улыбнуться.— Но я буду рядом с тобой, мой лорд, даже если ты велишь мне идти пешком через Велализиер безлунной ночью. Можешь быть уверен в этом.

— Не сомневаюсь,— кивнул Валентин.— Уверяю тебя, Ирманар, мы выйдем из Велализиера невредимыми.

Какое-то время они продолжали двигаться по той же дороге, оставляя Глэйдж по правую руку от себя. Чем ближе к северу, тем выше становилась местность. Правда, это был пока еще не крутой подъем, отмечавший, как помнил Валентин, подножие Замковой горы, а всего лишь малозначимый уровень — ступень, внешняя складка гигантской выпуклости на теле планеты. Скоро река осталась уже в ста футах ниже — тонкая светлая нитка, окаймленная густыми зарослями кустарника. А над дорогой навис край длинного гребня.

Ирманар объяснил, что это гребень Луманзар, и с его вершины видно очень далеко вокруг.

Вместе со Слитом, Делиамбером и Ирманаром Валентин поднялся по краю гребня, чтобы осмотреть лежавшую впереди местность. Располагавшиеся ниже природные террасы уровень за уровнем спускались от гребня к широкой равнине, в центре которой находилось озеро Рогуаз. Оно казалось огромным, как море. Валентин помнил, что оно большое, да оно и не могло быть иным, ведь Глэйдж собирала воду со всего юго-западного склона Замковой горы и несла ее в озеро, но его действительных размеров Валентин просто не помнил. Теперь ему стало понятно, почему городки по берегам озера строились на высоких сваях. Во время разливов здания оказывались в воде, и нижние этажи, вероятно,затапливало.

— Очень высокая вода,— сказал он Ирманару.

— Да, думаю, почти вдвое выше обычного. Нам, однако, рисовали еще более страшную картину.

— Как весьма часто и бывает. Где твои разведчики видели армию?

Ирманар оглядел горизонт в подзорную трубу. Вполне возможно, подумал Валентин, что воины вернулись на Гору, а может, разведчики ошиблись и никакой армии здесь не было вообще...

— Вон там, мой лорд,— указал Ирманар.

Валентин взял подзорную трубу. Сначала в поле его зрения попадали только деревья, луга и потоки воды из переполненного озера, но Ирманар направил трубу, и он увидел армию. Невооруженным глазом можно было рассмотреть только скопище крошечных фигурок, похожих на муравьев, копошившихся неподалеку от озера.

Но это были отнюдь не муравьи.

Около тысячи воинов, может, сотен пятнадцать стояли лагерем на берегу. Не гигантская армия, но все же достаточно многочисленная для мира, в котором концепция войны почти полностью забыта. Она в несколько раз превосходила армию Валентина. Здесь же паслось около сотни моллиторов — массивных бронированных животных, искусственно выведенных в древние времена. На Замковой горе моллиторов часто использовали во время рыцарских турниров. На своих толстых коротких ногах они передвигались на удивление быстро и могли вызывать поразительно большие разрушения, когда, высовывая тяжелую голову из-под непробиваемого панциря, кусали, разрывали и топтали. Валентин видел, как они вскапывали поле сильными кривыми когтями, как неуклюже носились взад и вперед, сталкиваясь и в тупой ярости ударяя друг друга головами. Десяток этих животных перекроет дорогу лучше любой стены.

— Мы могли бы напасть неожиданно,— предложил Слит,— послать один отряд, чтобы отвлечь моллиторов, а остальным обойти с другой стороны, пока...

— Нет,— возразил Валентин,— сражаться было бы ошибкой.

— Если ты думаешь, мой лорд,— настаивал Слит,— что завоюешь Замковую гору, никого пальцем не тронув, то ты...

— Я знаю, кровопролитие будет,— резко прервал его Валентин,— но я не хочу потоков крови. Эти отряды внизу — армия короналя. Помни это, и помни, кто настоящий корональ. Они не враги. Враг только Доминин Барджазид. Мы будем сражаться лишь тогда, когда нас к тому вынудят, Слит.

— Значит, как запланировано, изменим направление? — хмуро спросил Ирманар.

— Да. Мы пойдем на северо-запад, мимо Велализиера, затем обогнем дальнюю сторону озера и пойдем по долине к Пендивэйну, если нас там не ждет еще одна армия. Карты у тебя есть?

— Есть только карты долины и местности до половины пути к Велализиеру. Дальше там пустыня, мой лорд, и карты не понадобятся.

— Что ж, постараемся обойтись без них.

Когда караван направился к дороге, идущей от озера, Валентин подозвал к своей повозке разбойничьего герцога Насимонта.

— Мы движемся к Велализиеру, и, может быть, нам придется идти прямо через него. Тебе знакомы эти места?

— Я был там однажды, мой лорд, еще в молодости.

— Искал призраков?

— Искал сокровища древних, чтобы украсить свой дом в поместье. Нашел очень мало. Видимо, то место уже основательно разграбили, когда город пал.

— Значит, ты не боялся рыскать по городу призраков?

Насимонт пожал плечами:

— Я слышал легенды. Но я был молод и ничего не боялся.

— Поговори с Ирманаром. Скажи ему, что был в Велализиере и остался жив. Ты можешь проводить нас туда?

— Это было сорок лет назад, мой лорд, но я постараюсь.

Изучая заплатанные, неполные карты, данные Ирманаром, Валентин заключил, что единственная дорога, которая позволит им избежать встречи с армией Барджазида, поджидающей их у озера, идет по краю разрушенного города, если не прямо через него. Валентин не жалел об этом. Развалины Велализиера, как бы ни пугали они легковерных, были, по всем сведениям, величественными. Кроме того, едва ли Доминин Барджазид поставит там свои отряды. Ситуация, возможно, даже обернется им на пользу, если узурпатор рассчитывает, что Валентин двинется по дороге вдоль Глэйдж. Если путешествие по пустыне будет не слишком тяжелым, они пройдут достаточно далеко к северу от реки и появятся возле Замковой горы, когда их совсем там не ждут.

«Пусть себе Велализиер выпускает навстречу нам всех духов, какие в нем есть,— думал Валентин.— Лучше обедать с призраками, чем спуститься по гребню Луманзар прямо в зубы моллиторов Барджазида».

Глава 3

Дорога от озера, пролегающая по чрезвычайно сухим местам, стала труднее, уже не была мощеной и постепенно превратилась в неровную тропу, посыпанную гравием, виляющую между невысокими холмами, отделявшими район Рогуаз от пустыни Велализиерской равнины. Темная плодородная почва равнины

сменилась легким кирпично-красным песком, среди которого лишь изредка встречалась искривленная, колючая растительность.

Чтобы не приближаться к развалинам, Ирманар послал разведчиков в надежде найти подходящий путь на той стороне холмов, которая была обращена к озеру. Но такового не оказалось — только несколько охотничьих троп, непроходимых для повозок. Волей-неволей приходилось двигаться через холмы и спускаться в район, населенный духами.

Ближе к вечеру они начали спуск. Стали собираться тяжелые тучи, и закат расплылся по западной части неба, как громадное кровавое пятно. Перед наступлением темноты тройной темно-красный луч прорезал тучи, и странное сияние разлилось по развалинам Велализиера.

Громадные блоки голубого камня устилали землю. Мощная стена, сложенная из монолитов в два, а в некоторых местах и в три ряда тянулась больше чем на милю к западному краю города и внезапно заканчивалась беспорядочной грядой каменных кубов. Еще видны были контуры далеко друг от друга разбросанных зданий — дворцов, базилик и храмов, наполовину занесенных песком. На востоке устремлялись ввысь шесть колоссальных остроконечных пирамид с узким основанием, поставленных в один ряд, и остаток седьмой, которая, видимо, была разрушена сильным взрывом, потому что обломки лежали широкой дугой. Впереди, возле входа в город, возвышались две гигантские каменные площадки высотой восемь или десять футов, достаточно обширные для маневров солидной армии.

Вдали Валентин увидел громадное овальное здание, возможно, арену, с высокими стенами, с множеством окон и грубым рваным проломом в одном его конце. Масштабы всего, в том числе и пространства, поражали. По сравнению с этим местом безымянные руины с другой стороны Лабиринта, где обитал герцог Насимонт, казались совершенно незначительными.

Просвет в облаках внезапно исчез, и в наступившей темноте разрушенный город производил впечатление хаотического нагромождения бесформенных камней.

— Мой лорд,— обратился Насимонт к Валентину,— дорога идет между теми двумя площадками, затем через строения позади них и дальше вдоль шести пирамид с северо-восточной стороны. В темноте идти трудно, даже при лунном свете.

— Мы и не пойдем в темноте. Разобьем лагерь и будем ждать утра. Раз уж мы здесь, я хочу осмотреть развалины.

Ирманар приглушенно кашлянул. Валентин взглянул на маленького офицера, на его унылое лицо.

— Успокойся,— шепнул он.— Я думаю, духи позволят нам побыть сегодня здесь.

— Мой лорд, я не понимаю шуток по этому поводу.

— А я и не думаю смеяться, Ирманар.

— Ты хочешь идти к развалинам один?

— Один? Нет, не думаю. Делиамбер, пойдешь со мной? Слит? Карабелла? Залзан Кавол? И ты, Насимонт, ты уже бывал здесь и меньше боишься, чем кто-либо из нас,— пойдешь?

Главарь бандитов улыбнулся.

— Я в твоем распоряжении, лорд Валентин.

— Хорошо. А ты, Лизамон?

— Конечно, мой лорд.

— Вот у нас и набралась группа из семи исследователей. После ужина отправимся.

— Из восьми исследователей, мой лорд,— спокойно поправил его Ирманар.

— Едва ли имеется необходимость в...— нахмурился Валентин.

— Мой лорд, я дал клятву быть рядом с тобой, пока Замок вновь не станет твоим. Если ты идешь в мертвый город, я иду с тобой. Если опасность выдумана — бояться нечего, а если реальна — мое место рядом с тобой. Прошу тебя, мой лорд.

Ирманар, похоже, говорил совершенно искренне. Он был очень напряжен, но, как показалось Валентину, больше от опасений, что его не возьмут, чем от страха перед призраками, скрывающимися в развалинах.

— Прекрасно,— согласился Валентин.— Отряд из восьми человек.

В этот вечер луна была почти полной, и ее холодный свет безжалостно обнажал последствия тысячелетней заброшенности, которые не так бросались в глаза при более мягком, фантастическом красном свете заката. У входа они увидели полустертую табличку с почти неразборчивой надписью, что Велализиер объявлен королевским заповедником по указу короналя лорда Симинэйва и понтифекса Калинтэйна. Но они правили пять тысяч лет назад, и после них, как видно, указа не слишком придержи-

вались. Камни двух громадных площадок растрескались, стали шероховатыми, в щелях между плитами выросла мелкая трава с клейкими стеблями, с неистощимым терпением раздвигавшая громадные блоки. В некоторых местах расстояние между блоками позволяло укорениться даже кустарнику. Еще одно-два столетия — и кустарник захватит площадки, полностью скроет громадные квадратные плиты.

— Надо расчистить развалины,— сказал Валентин,— чтобы все выглядело так, как до появления этой растительности. Как могли допустить такое?

— Об этом месте никто не заботится,— пояснил Ирманар,— никто и пальцем его не касается.

— Из-за духов?

— Из-за метаморфов,— вмешался Насимонт.— Эти развалины вдвойне прокляты.

— Почему вдвойне?

— Разве ты не знаешь легенду, мой лорд?

— Нет. Расскажи.

— На этой легенде я вырос. Когда Маджипуром правили метаморфы, Велализиер был их столицей. Двадцать или двадцать пять тысяч лет назад это был самый крупный город на планете, с двумя или тремя миллионами жителей. Племена со всего Алханроэля платили ему дань. На этих площадках устраивали фестивали, а каждую тысячу лет проходил особый фестиваль, который отмечали постройкой пирамиды, так что городу было по крайней мере семь тысяч лет. Но в нем царило зло. Я не знаю, что именно метаморфы считали злом, но во всяком случае здесь оно процветало. Город служил прибежищем всякой мерзости. Метаморфы, жители провинций, испытывали к нему отвращение, потом стали возмущаться и в конце концов однажды выступили против города, сравняли с землей храмы и большую часть городских стен, уничтожили места, где творилось зло, а жителей города или выслали, или обратили в рабство. Точно известно, что никого не убивали. Дело в том, что тут было полно зарытых сокровищ — я говорил тебе, что и сам искал их,— и если б здесь оставались закопанные скелеты, их обнаружили бы. Так что этот город разрушили и покинули задолго до появления на Маджипуре людей, и на нем лежит проклятие. Реки, питавшие город, были отведены, и вся равнина превратилась в пустыню. Пятнадцать тысяч

лет здесь живут только призраки тех, кто умер при разрушении города.

— Рассказывай дальше,— попросил Ирманар.

Насимонт пожал плечами:

— Больше я ничего не знаю, друг.

— О призраках,— пояснил Ирманар.— Знаете ли вы, сколько времени им суждено бродить здесь? До тех пор, пока метаморфы опять не начнут править Маджипуром, а мы не станем их рабами. Тогда Велализиер снова выстроят на старом месте, и он будет больше, чем прежде, и снова станет столицей меняющих форму. И души мертвых наконец освободятся от камней, которые держат их здесь.

— Ну, им еще долго предстоит цепляться за камни,— сказал Слит.— Нас двадцать миллиардов, а метаморфов — горсточка, да и та живет в джунглях. Какая от них угроза?

— Они ждут уже восемь тысяч лет,— пожал плечами Ирманар,— с тех пор, как лорд Стиамот сломил их силы, и будут ждать еще столько же, если понадобится. Но они мечтают о возрожденном Велализиере и не откажутся от своей мечты. Я иногда слышал во сне, как они рассуждают о том дне, когда башни Велализиера поднимутся вновь, и это пугало меня. Вот почему я не хотел идти сюда. Я чувствую, как они следят за этим местом, чувствую вокруг нас их ненависть. Это как бы в воздухе, невидимое, но реальное...

— Значит, этот город для них одновременно и проклят, и свят,— задумалась Карабелла.— Что ж, неудивительно, что нам всегда так трудно их понять.

Валентин сошел с тропы. Город пугал и восхищал его. Он пытался представить себе, каким он был великим и пышным. А что теперь? По камням бегают ящерицы, сорная трава раздвигает плиты широких церемониальных улиц. Двадцать тысяч лет! А на что будет похожа Ни-мойя через двадцать тысяч лет, или Пидруид, или Пятьдесят Городов на склонах Замковой горы? Будет ли цивилизация, создавшая их, существовать вечно, подобно тому как, если верить рассказам, живет цивилизация старой Матери-Земли, или когда-нибудь по развалинам Замка, Лабиринта, Острова Сна будут толпами ходить туристы и гадать, какое значение имели эти руины для древних обитателей планеты? «Мы поработали достаточно хорошо,— думал Валентин, оглядываясь на тысячелетия мира и стабильности.— Но сейчас равновесие нарушено, привычный порядок вещей тоже, и нельзя предсказать, что может случиться. Побежденные и изгнанные метаморфы, чье несчастье заключалось в том, что они владели этой планетой, а ее облюбовал для себя другой, более сильный, народ,— эти метаморфы могут все-таки посмеяться последними».

Он вдруг остановился. Что там за звук? Шаги? Среди камней мелькнула тень. Валентин пристально вгляделся в темноту. Скорее всего, это ночной зверь вышел на охоту. Ведь у призраков нет тени, да и самих призраков здесь нет. Их вообще нет.

Но все-таки...

Он осторожно сделал несколько шагов. Слишком темно, слишком много обломков разрушенных стен и извилистых проходов во все стороны. Он смеялся над Ирманаром, но страхи офицера, видимо, взбудоражили и его воображение. Он думал о суровых таинственных метаморфах, скользящих между развалинами,— привидениях, почти таких же старых, как сама планета, формах без тел, образах без субстанции...

Вдруг он услышал шаги за спиной, вполне явственные шаги...

Валентин резко обернулся. За ним бежал Ирманар, только и всего.

— Подожди, мой лорд!

Валентин остановился. Пальцы его, как ни странно, дрожали. Он спрятал руки за спину.

— Ты не должен ходить один,— сказал Ирманар.— Я знаю, ты несерьезно относишься к воображаемым мною опасностям, однако эти опасности все же могут существовать. Ради всех нас ты обязан беречь себя, мой лорд.

Подошли остальные, и все вместе молча продолжили путь через освещенные луной развалины. Валентин ничего не сказал о том, что видел и слышал. Конечно же это было какое-то животное. И действительно, очень скоро все увидели каких-то зверьков, похожих на маленьких обезьянок,— может, родственников лесных братьев. Они, видимо, жили в разрушенных строениях. Тут же быстро сновали во мраке ночные животные низшего вида — минтоны или дроли. «Но разве могут дроли и обезьяны,— подумал Валентин,— издавать звуки, похожие на шаги?»

Более часа все восемь человек двигались в глубь руин. Валентин внимательно всматривался в расщелины и проходы, осторожно изучая колодцы тьмы. Когда они проходили возле обломков

базилики, Слит, шедший чуть поодаль, вдруг рванулся обратно и сообщил Валентину:

— Я слышал что-то странное вон там, сбоку.

— Привидение, Слит?

— Может быть. Или просто бандит.

— Или обезьянка,— легкомысленно сказал Валентин.— Я слышал всякие шорохи.

— Мой лорд...

— Ты заразился страхами Ирманара?

— Я думаю, мы уже провели тут достаточно времени, мой лорд,— напряженно шепнул Слит.

Валентин покачал головой.

— Будем внимательнее следить за темными углами. Но здесь есть на что посмотреть.

— Не лучше ли нам вернуться обратно, мой лорд?

— Не бойся, Слит.

Жонглер пожал плечами и отошел в сторону. Валентин вглядывался в темноту. Он вполне доверял острому слуху Слита, который жонглировал с завязанными глазами, руководствуясь только звуками, но уйти из этого места, полного чудес, только из-за того, что они слышали странные шаги,— нет, не стоит торопиться.

Валентин ни с кем не поделился собственными опасениями, однако шел с еще большей осторожностью. Пусть призраков и не существует, но в этом таинственном городе необдуманно действовать нельзя.

И когда они исследовали одно из наиболее богато украшенных зданий, выделявшееся среди дворцов и храмов, Залзан Кавол, шедший впереди других, вдруг замер: к самым его ногам откуда-то сверху упал камень. Скандар выругался и пробурчал:

— Эти вонючие обезьяны...

— Нет, я думаю, не обезьяны,— спокойно возразил Делиамбер.— Это был кто-то более крупный.

Ирманар осветил фонариком нависавший край соседнего строения. На мгновение появившийся силуэт, напоминающий человека, быстро исчез. Лизамон рванулась к дальней стороне здания, за ней бросился Залзан Кавол, размахивая энергометом. Слит и Карабелла побежали с другой стороны. Валентин кинулся было за ними, но Ирманар с поразительной силой схватил его за локоть и проговорил при этом, словно извиняясь:

— Я не могу позволить тебе рисковать, мой лорд, если мы не знаем...

— Стой! — прогромыхал вдали голос Лизамон.

Затем послышался шум какой-то возни, кто-то пробежал по камням отнюдь не легкими шагами призрака. Валентин очень хотел знать, что там происходит, но Ирманар был прав: кородаль Маджипура не должен гнаться за неизвестным врагом в темноте среди мрачных развалин.

Он услышал ругань, крики и визгливый крик боли. Почти тут же появилась Лизамон, таща человека с эмблемой Горящей Звезды на плече. Она обхватила его поперек тела, и ноги пленника болтались дюймах в шести от земли.

— Шпион,— доложила она.— Прятался наверху и следил за нами. По-моему, их было двое.

— Где второй? — поинтересовался Валентин.

— Мог удрать. Залзан Кавол погнался за ним.

Лизамон бросила свою добычу на землю перед Валентином и прижала ногой.

— Пусть встанет,— приказал Валентин.

Человек встал. Он выглядел испуганным. Ирманар и Насимонт быстро обыскали его. Оружия не было.

— Кто ты? — спросил Валентин.— Что ты здесь делал?

Ответа не было.

— Говори. Мы не причиним тебе зла. У тебя на плече Горящая Звезда. Ты из армии короналя?

Неизвестный кивнул.

— Ты послан следить за нами?

Незнакомец опять кивнул.

— Ты знаешь, кто я?

Человек молча уставился на Валентина.

— Ты умеешь говорить? Язык у тебя есть? Скажи хоть что-нибудь, все равно — что.

— Я... Если я...

— Прекрасно. Говорить ты можешь. Ну, ты знаешь, кто я?

Пленник ответил шепотом:

— Сказали, что ты хочешь украсть трон у короналя.

— Нет,— возразил Валентин.— Ты ошибаешься, парень. Вор — тот, кто сидит сейчас в Замке. Я — лорд Валентин и требую от тебя преданности.

Человек посмотрел на него растерянно, непонимающе.

— Сколько вас тут?

— Пожалуйста, господин...

— Сколько?

Наступило угрюмое молчание.

— Давай, я ему руку немного покручу,— предложила Лизамон.

— Не надо,— запретил Валентин.

Он приблизился к испуганному человеку и мягко заговорил:

— Ты ничего не понимаешь, но со временем тебе все станет ясно. Я — истинный кораль, ты клялся служить мне, и теперь я требую ответа. Сколько вас здесь было?

На лице пленника отражались противоречивые чувства. Он медленно и неохотно ответил:

— Только двое, господин.

— Могу я тебе верить?

— Клянусь именем Повелительницы Снов, господин!

— Двое? Ладно. Давно вы следите за нами?

— С... с Луманзара.

— Каков был приказ?

Пленник снова заколебался.

— Наблюдать за вашими передвижениями и утром сообщить в лагерь.

Ирманар нахмурился.

— Значит, второй тип уже на полпути к озеру.

— Ты думаешь? — раздался хриплый голос Залзана Кавола.

Скандар шагнул вперед и бросил к ногам Валентина тело второго человека со звездной эмблемой. Энергомет прожег в нем сквозную дыру.

— Я гнался за ним с полмили, милорд. Проворный, дьявол! Он шустрее меня прыгал через кучи камней и уже начал отрываться. Я приказал ему остановиться, но он продолжал бежать. Пришлось...

— Закопай его где-нибудь,— отрывисто приказал Валентин.

— Мой лорд, я плохо сделал, что убил его?

— У тебя не было выбора,— ответил Валентин уже более мягким тоном.— Я хотел, чтобы ты поймал его, но ты не мог, так что ничего другого не оставалось. Все в порядке, Залзан Кавол.

Валентин отвернулся. Убийство потрясло его, но по-иному и быть не могло. Этот человек умер только потому, что был предан короналю. Или тому, кого он считал короналем.

Гражданская война получила свою первую жертву. Кровопролитие началось здесь, в городе мертвых.

Глава 4

Всем сразу же расхотелось продолжать осмотр, и отряд вернулся в лагерь, прихватив с собой пленника. Утром Валентин отдал приказ идти через Велализиер и повернуть на северо-восток.

Днем развалины не казались столь уж таинственными, но все равно впечатляли. Трудно было понять, каким образом хилый народ мог без использования какой-либо техники передвигать эти гигантские плиты, но, возможно, тысячи лет назад метаморфы не отвергали механизмы. Меняющие форму, обитавшие в лесах Пиурифэйна, в тростниковых хижинах и на грязных улицах, были всего лишь жалкими остатками расы, некогда правившей Маджипуром.

Валентин дал себе обещание вернуться сюда, когда расправится с Доминином Барджазидом, затем чтобы детально обследовать древнюю столицу, очистить и реконструировать ее. Он хотел также пригласить метаморфских вождей принять участие в этой работе, хотя сильно сомневался, что они пожелают сотрудничать. Но что-то нужно сделать, чтобы найти общий язык с этой расой.

— Если я снова буду короналем,— сказал он Карабелле,— я намерен...

Они миновали пирамиды и выезжали из Велализиера.

— Когда ты снова будешь короналем,— поправила его Карабелла.

Валентин улыбнулся:

— Да, когда я снова буду короналем, я намерен изучить проблему метаморфов и, если это возможно, приобщить их к жизни всего Маджипура. Я готов даже дать им место в правительстве.

— Если они возьмут его.

— Я поставлю себе целью победить их злобу. И посвящу этому мое правление. Все наше общество, наше удивительное, гармоничное и сердечное королевство было основано на краже и несправедливости, и мы унаследовали привычку не замечать этого.

Слит искоса взглянул на него.

— Меняющие форму не использовали планету полностью. Когда наши предки пришли сюда, на всем этом огромном пространстве было всего двадцать миллионов метаморфов.

— Но эта планета принадлежала им! — вскричала Карабелла.— По какому праву...

— Успокойся,— остановил ее Валентин.— Не стоит обсуждать поступки первых поселенцев. Что сделано, то сделано, прошлого не вернешь, но в наших силах изменить это, и если я снова стану короналем...

— Когда! — повторила Карабелла.

— Когда,— эхом отозвался Валентин.

Делиамбер заговорил тихо, но так, что привлек внимание всех:

— Возможно, все нынешние события — это начало возмездия за подавление метаморфов.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Валентин. Он был удивлен.

— Только то, что мы прошли долгий путь на Маджипуре, ничего не заплатив за грехи завоевателей. Как тебе известно, счет накапливает проценты. Теперь эта узурпация, зло, творимое новым короналем, предстоящая война, разрушение, хаос... Может быть, прошлое начинает наконец сводить с нами счеты.

— Валентин не причастен к подавлению метаморфов,— возразила Карабелла.— Почему это он должен страдать? Почему именно его сбросили с трона, а не какого-нибудь своевольного короналя прошлого?

Делиамбер пожал плечами:

— Сложно искать во всем этом справедливость. А с чего ты взяла, что наказан бывает только виновный?

— Божество...

— А почему ты считаешь Божество справедливым? За долгое время все ошибки выправляются, каждый минус уравнивается плюсом, колонки подсчитываются, итог оказывается правильным. Но то за долгое время... Наш век короток, и в течение его многое часто бывает несправедливым. Компенсирующие силы Вселенной в конечном итоге подравнивают все счета, но в процессе этого они точно так же перемалывают добро, как и зло.

— Более того,— сказал вдруг Валентин,— вполне возможно, я выбран орудием компенсирующих сил природы, и ради достижения высшей цели мне необходимо страдать.

— В каком смысле?

— Если бы со мной не случилось ничего необычного, я, вероятно, правил бы на Замковой горе, как все прочие до меня, довольный собой, принимающий все, как оно есть, поскольку не видел бы никаких ошибок в установившемся порядке вещей. Но все эти приключения показали мне жизнь с той стороны,

какая навсегда осталась бы для меня недоступной, останься я за стенами Замка. Может быть, теперь я готов по-другому сыграть предназначенную мне роль...— Он помолчал.— Однако все это пустые разговоры. Первое, что нам надо сделать,— это вернуть Замок, а уж потом можно рассуждать о силах Вселенной и о тактике Божества.

Он оглянулся на Велализиер, проклятый город древних, разрушенный, но великолепный, раскинувшийся на заброшенной пустынной равнине, затем отвернулся и молча стал смотреть на менявшийся пейзаж впереди.

Дорога поворачивала к северо-востоку, потом шла вверх по гряде холмов и резко спускалась в плодородную долину Глэйдж у самой северной оконечности озера Рогуаз. Сейчас они находились в сотнях миль от лагеря армии короналя.

Ирманар, встревоженный присутствием в Велализиере двух шпионов, послал разведчиков проверить, не двинулась ли армия на север наперерез им. Валентин счел это разумным, но решил провести и собственную разведку.

— Наведи чары,— обратился он к Делиамберу,— чтобы я знал, где ожидает нас вражеская армия. Можешь?

Яркие золотые глаза вруун весело блеснули.

— Могу ли? Упряжное животное может есть траву? Морской дракон может плавать?

— Тогда сделай.

Делиамбер отошел в сторону, зашептал что-то и замахал щупальцами, свивая и переплетая их самыми замысловатыми узорами. Валентин подозревал, что большая часть колдовства Делиамбера рассчитана на зрителей, что настоящая передача зависит не от размахивания щупальцами и произнесения формул, а только от броска проницательного и сенситивного разума колдуна. Но так и должно быть. Пусть себе вруун разыгрывает свой маленький спектакль. Немножко актерства всегда было необходимо не только колдунам и жонглерам, но и короналю, понтифексу, Хозяйке Острова, Королю Снов, толковательницам снов, учителям священных таинств, может быть, даже таможенникам провинциальных границ и продавцам сосисок в уличных ларьках. Занимаясь серьезным делом, нельзя быть чрезмерно прямым и резким, следует хоть чуть-чуть вуалировать свои поступки магией, театральностью.

— Отряды короналя, похоже, остались там, где стояли лагерем,— наконец сообщил Делиамбер.

— Вот и хорошо. Пусть торчат там подольше, ожидая, когда мы вернемся с нашей экскурсии по Велализиеру. Ты можешь обнаружить другие армии к северу отсюда?

— На большом расстоянии не могу. Я чувствую присутствие рыцарских сил, собравшихся на Замковой горе, но они всегда там. Небольшие отряды имеются кое-где в Пятидесяти Городах, но в этом тоже нет ничего особенного. У короналя еще есть время. Он сидит себе в Замке и ждет, когда ты подойдешь, чтобы затем объявить великую мобилизацию. Что ты будешь делать, Валентин, когда миллионы воинов спустятся с Замковой горы?

— Ты считаешь, я не задумывался над этим?

— Знаю, что задумывался, но этого недостаточно. Надо хорошо все взвесить, ведь нас сотни против миллионов.

— Миллион — неудачная мера для армии,— весело ответил Валентин.— Жонглировать дубинками много легче, чем стволами двикка-деревьев. Тебя пугает то, что ждет нас впереди, Делиамбер?

— Нисколько.

— И меня тоже.

Конечно, эти слова были бравадой. Валентин и сам это понимал. Боялся ли он? Всерьез — нет. Рано или поздно смерть все равно придет, и бояться ее глупо. Валентин мог с уверенностью заявлять, что смерть ему не страшна, потому что стоял лицом к лицу с нею в лесу близ Авендройна, в быстринах Стейч, в брюхе морского дракона, в драке с Фарссалом на Острове, не испытывая при этом чувства, которое можно было бы назвать страхом. Если армия, поджидающая их на Замковой горе, уничтожит его немногочисленный отряд, да и его самого, это, конечно, будет печально, как печально было бы разбиться на порогах Стейч, но это не ужасало его. Страх за собственную жизнь был гораздо слабее, чем страх за судьбу Маджипура. Если он, Валентин, погибнет — от неуверенности, глупости или просто от неравенства силы,— Замок останется в руках Барджазидов, и ход истории навсегда изменится. Пострадают миллиарды невинных. Предотвратить подобный ход вещей — великая ответственность, и Валентин чувствовал ее тяжесть. Если он геройски погибнет, пытаясь подняться на Замковую гору, его испытаниям придет конец, но это станет началом агонии Маджипура.

Глава 5

Теперь они ехали через мирные сельские округа по периметру обширного сельскохозяйственного пояса вдоль Замковой горы, снабжавшего продуктами Пятьдесят Городов. Валентин нарочно выбирал главные дороги. Время секретности закончилось, караван бросался в глаза, скрыть его едва ли было возможно, да и пришла пора узнать миру, что борьба за обладание Замком лорда Валентина вот-вот начнется.

И мир уже начал узнавать об этом. Разведчики Ирманара, вернувшись их города Пендивэйна, располагавшегося выше по Глэйдж, принесли известие о первых контрмерах узурпатора.

— Между нами и Пендивэйном нет армий,— доложил Ирманар,— но в городе объявлено, что ты мятежник, разрушитель, враг общества. Заявление понтифекса о том, что он поддерживает тебя, кажется, еще не оглашалось. Граждан Пендивэйна принуждают объединяться в отряды, чтобы защищать их подлинного короналя и истинный порядок вещей от твоих посягательств. Кроме того, широко распространяются послания.

— Какие? — Валентин нахмурился.

— От Короля. Это же очевидно: стоит только хоть ненадолго заснуть, и Король уже тут как тут — он присутствует в твоих снах и жужжит тебе о преданности и о страшных последствиях, если корональ будет скинут.

— Естественно,— пробормотал Валентин.— Король поддерживает сына всей своей энергией. Оттуда, из Субраэля, наверное, день и ночь шлют послания. Но мы повернем это против него, а, Делиамбер? Король Снов говорит народу о том, как ужасно скинуть короналя. Прекрасно. Я хочу убедить народ именно в этом. Я хочу довести до него, что это уже произошло на Маджипуре и что народ в силах вновь поставить все на свои места.

— И что Король Снов заинтересованная сторона в этой войне,— добавил Делиамбер.— Мы должны объяснить народу, что выигрывает Король от изменнических действий своего сына.

— Мы это сделаем,— горячо заявила Лоривейд.— С Острова с удвоенной силой идут послания от Повелительницы Снов. Они противодействуют разрушительным посланиям Короля. В прошлую ночь Повелительница пришла ко мне во сне и показала, какое послание она направит. Оно расскажет о событиях в Тилломоне, о подмене короналя. Она покажет народу и твое новое

лицо, лорд Валентин, и окружит его сиянием короналя, Горящей Звездой власти. В этом послании будет и портрет фальшивого короналя, предателя с темной душой.

— Когда это будет? — спросил Валентин.

— Она ждет твоего одобрения.

— Тогда сегодня же открой свой разум Повелительнице Снов и скажи ей, что пора начинать.

— Мне так странно слышать все это! — вмешался в разговор Кхун с Кианимота.— Война снов! Если у меня и были когда-нибудь сомнения в том, что этот мир чужд и непонятен мне, все, что я узнал за последнее время, развеяло бы их полностью.

— Лучше сражаться снами, чем мечами и энергометами, дружище,— с улыбкой ответил Валентин.— Мы стараемся убеждать, а не убивать.

— Война снов,— растерянно повторил Кхун.— У нас на Кианимоте все по-другому. Но кто скажет, что лучше? Правда, я думаю, здесь будут не только послания, но и сражения, прежде чем все наладится, лорд Валентин.

Валентин печально взглянул на синекожее существо.

— Боюсь, ты прав.

Через пять дней они подошли к предместьям Пендивэйна. Известие об их приближении разнеслось по всей округе. Фермеры прекращали работу на полях и таращили глаза на караван парящих повозок, а в наиболее населенных секторах на дорогах собирались толпы.

Валентин считал, что все пока идет неплохо. Ни одна рука не поднялась против них. Толпа смотрела с любопытством, но без всякой угрозы. Большего он не мог желать.

Однако когда до Пендивэйна оставался день пути, передовой отряд вернулся с известием, что у западных ворот города ждет вооруженный отряд.

— Солдаты? — спросил Валентин.

— Гражданское ополчение,— ответил Ирманар,— судя по их виду, наскоро организованное. У них нет формы, только повязки с эмблемой Горящей Звезды на рукаве.

— Великолепно. Горящая Звезда посвящена мне. Я пойду к ним и попрошу их преданности.

— Что ты наденешь, милорд? — спросил Виноркис.

Валентин рассеянно указал на простую одежду, в которой приехал с Острова,— белую тунику с поясом и легкую верхнюю блузу.

— Это, я полагаю.

Хьорт покачал головой.

— Ты должен быть одет богато и обязательно в короне. Я думаю, это очень важно.

— Я не хотел пышно обставлять свое появление. Если они увидят человека в короне, но с лицом не лорда Валентина, которого они знают, их первой мыслью будет, что я узурпатор. Ведь так?

— Я думаю иначе,— возразил Виноркис.— Ты идешь к ним, чтобы сообщить, что ты истинный корональ. Но ты не похож на него. Простая одежда и непринужденные манеры могут завоевать тебе друзей в спокойной беседе, но не убедят собравшуюся военную силу. Ты должен выглядеть впечатляюще.

— А я как раз и надеялся на простоту и искренность, как действовал всегда, начиная с Пидруида.

— Простота и искренность — это пожалуйста, но еще и корона,— настаивал Виноркис.

— Карабелла, Делиамбер, что вы советуете?

— Небольшая подчеркнутость не повредит,— сказал вруун.

— Это будет твое первое выступление с предъявлением своих прав на Замок,— добавила Карабелла,— и немного царственной пышности тебе, по-моему, не повредит.

Валентин засмеялся.

— Боюсь, за многие месяцы странствий я отвык от таких костюмов. Мысль о короне мне и теперь кажется комичной. Украшение из изогнутого металла, напяленное на голову, немного драгоценностей...

Он остановился, видя, как они разинули рты.

— Корона,— продолжал он уже чуть серьезнее,— просто безделушка. На детей такие игрушки производят впечатление, но взрослые горожане...

Он снова умолк.

— Мой лорд,— обратился к нему Делиамбер,— помнишь ли ты, что почувствовал в Замке, когда к тебе пришли и впервые надели на тебя корону?

— Признаюсь, у меня дрожь прошла по телу.

— Да. Пусть корона — детское украшение, безделушка, но она также — символ власти, она выделяет короналя из всех прочих, превращает просто Валентина в лорда Валентина, наследника лорда Престимиона, лорда Конфалюма, лорда Стиамота. Мы живем этими символами. Мой лорд, твоя мать многое вернула

тебе от той личности, которой ты был до Тил-омона, но в тебе еще очень много от Валентина-жонглера, и в общем-то это неплохо. Но сейчас, я полагаю, нужно больше экспрессивности и меньше простоты.

Валентин молча слушал Делиамбера и думал, что иногда можно позволить себе некоторую театральность, чтобы добиться желаемого эффекта. Да, они правы, а он ошибается.

— Хорошо, я надену корону, если ее сумеют быстро изготовить.

Один из людей Ирманара сделал для него корону из кусочков испорченного механизма парящей повозки — единственного запаса металла, который оказался под руками. Рассматривая своеобразное изделие, Валентин подумал, что это работа мастера: все соединения выполнены искусно, лучи Горящей Звезды располагаются на равном расстоянии друг от друга. Конечно, ее нельзя сравнивать с подлинной короной из семи различных драгоценных металлов, с инкрустацией и гравировкой, с отшлифованными редкими камнями, с тремя сверкающими камнями диниаба. Но та корона, сделанная в великое царствование лорда Конфалюма, вызывавшая восторг более всех атрибутов имперской пышности, была сейчас далеко, а эта, украсив его освященную голову, вероятно, придаст ему соответствующее величие. Валентин долго держал ее в руках. Еще вчера он смеялся над этой игрушкой, однако сегодня испытывал перед ней некоторое благоговение.

— Мой лорд,— мягко напомнил Делиамбер,— ополчение Пендивэйна ждет.

Валентин кивнул. Он облачился в позаимствованный сразу у многих пышный костюм: зеленую пару, принадлежавшую одному из товарищей Ирманара, желтый плащ, данный ему Эйзенхартом, тяжелую золотую цепь иерарха Лоривейд, высокие блестящие сапоги, отделанные белым мехом, которые принес ему Насимонт. Он не наряжался с того злосчастного банкета в Тил-омоне, когда был еще в другом теле, и ему казалась странной столь претенциозная одежда. Не хватало только короны.

Валентин хотел было надеть ее, но вдруг резко остановился. Нравится ему это или нет, но момент поистине исторический: он надевает Горящую Звезду впервые в своем втором воплощении. И вдруг это событие показалось ему не столько маскарадом, сколько коронацией. Он беспокойно огляделся вокруг.

— Я не должен сам надевать ее,— быстро проговорил он.— Делиамбер, ты мой первый министр. Сделай это.

— Мой лорд, я недостаточно высокого роста.

— Я встану на колени.

— Это не годится,— ответил вруун чуть резко.

Он явно не хотел это делать.

Валентин взглянул на Карабеллу, но та отступила, шепнув с ужасом:

— Я же из простонародья, мой лорд!

— При чем тут...

Валентин тряхнул головой. Это начало ему надоедать. Он посмотрел на иерарха Лоривейд, величавую женщину с холодными глазами.

— Ты представительница Хозяйки Острова Сна, моей матери, и ранг твой достаточно высок. Могу я просить тебя...

Но Лоривейд строго произнесла:

— Мой лорд, корона дается короналю властью понтифекса. Самое подходящее, чтобы ее надел на тебя Ирманар, поскольку он самый высокопоставленный представитель понтифекса среди нас.

Валентин вздохнул и повернулся к Ирманару.

— Полагаю, это правильно. Ты согласен?

— Это великая честь для меня, мой лорд.

Валентин протянул корону Ирманару и опустил обруч Хозяйки как можно ниже. Ирманар, человек невысокого роста, взял корону в чуть дрожащие ладони, поднял руки и с величайшей осторожностью надел символ власти на голову Валентина.

Корона оказалась как раз впору.

— Ну вот,— сказал Валентин.— Я рад, что она...

— Лорд Валентин! Виват, лорд Валентин! Да здравствует лорд Валентин!

Все упали перед ним на колени, делая знак Горящей Звезды и выкрикивая его имя,— все: Слит, Карабелла, Виноркис, Лоривейд, Залзан Кавол, Шанамир, Насимонт, Эйзенхарт, Ирманар и даже, к его удивлению, Кхун с Кианимота.

Смущенный Валентин протестующе замахал руками и хотел сказать, что это не настоящая церемония, что это все только для того, чтобы произвести впечатление на горожан Пендивэйна, но слова застряли у него в горле, потому что он знал: это импровизированное действие было фактически его второй коронацией. Он ощутил холод в спине и дрожь.

Валентин стоял, простирая руки и принимая знаки почтения. Затем он сказал:

— Встаньте. Идемте, друзья. Пендивэйн ждет нас.

Разведчики доложили, что ополчение и городские власти уже несколько дней стоят лагерем перед западными воротами Пендивэйна, ожидая его прибытия. Но кто знает, каково настроение народа после столь долгого ожидания и какой прием собираются оказать Валентину...

До Пендивэйна оставался всего час езды. Они быстро продвигались вперед через леса и широкие луга, а затем через жилые поселки с маленькими каменными домами с островерхими крышами из красной черепицы. И вот показался сам город, столица провинции с населением в двенадцать или тринадцать миллионов. В основном он был торгово-промышленным, но через него в Пятьдесят Городов шли и потоки сельскохозяйственной продукции из низин долины Глэйджа.

У ворот их встречало по крайней мере десятитысячное ополчение. Оно заполнило дорогу, рассыпалось по проулкам рыночной площади, приютившейся у внешней стены Пендивэйна. Вооружение его составляло небольшое количество энергометов и более простое оружие. Передние ряды стояли в напряженных позах и старались держаться с достоинством, как истинные воины, хотя было очевидно, что они явно не привыкли к солдатским манерам. Валентин приказал каравану остановиться в нескольких сотнях ярдов от передней линии, чтобы между ними было свободное пространство — нечто вроде буферной зоны.

Нарядно одетый, с короной на голове, он выступил вперед. Справа от него шла Лоривейд в сверкающем облачении высших иерархов Хозяйки Острова Сна, а слева — Ирманар с яркой эмблемой понтифекса на груди. За Валентином шли Залзан Кавол и его устрашающего вида братья, позади них — Лизамон Халтин в полном боевом облачении со Слитом и Карабеллой по бокам. Аутифон Делиамбер сидел на плече у великанши.

Медленным, легким и в то же время несомненно величественным шагом Валентин ступил на открытое пространство. Горожане Пендивэйна зашевелились, смущенно переглядываясь, облизывая пересохшие губы, переминаясь с ноги на ногу и вытирая ладони о грудь или плечи. Наступила устрашающая тишина.

Валентин остановился в двадцати ярдах от передовой линии и обратился к толпе:

— Добрые люди Пендивэйна, я законный корональ Маджипура и прошу вас помочь возвратить то, что было даровано мне волею Божества и указом понтифекса Тиевераса.

Тысячи широко открытых глаз неотрывно смотрели на него. Он чувствовал себя совершенно спокойно.

— Я прошу выйти вперед герцога Хольмсторга Глэйджского и Редварда Хэлигорна, мэра Пендивэйна.

Толпа зашевелилась, раздалась и пропустила полного мужчину в синем с оранжевой отделкой мундире. Лицо его казалось серым — *от страха или от напряжения*. Черная перевязь мэра пересекала его широкую грудь. Он сделал несколько неуверенных шагов к Валентину, яростно сигналя за спиной и стараясь, чтобы этот жест не видели стоявшие перед ним. Через минуту пять или шесть муниципальных чиновников смущенно и неохотно встали позади мэра.

Толстяк сказал:

— Я Редвард Хэлигорн. Герцога Хольмсторга вызвали в Замок лорда Валентина.

— Мы уже встречались, мэр Хэлигорн,— приветливо сказал Валентин.— Не помнишь? Это было несколько лет назад, когда короналем был мой брат лорд Вориакс, а я ехал в Лабиринт с поручением к понтифексу. Я остановился в Пендивэйне, и ты устроил в мою честь банкет в большом дворце на берегу реки. Помнишь, мэр Хэлигорн? Было лето, засушливый год, река сильно обмелела, не то что нынче.

Хэлигорн облизнул губы и прохрипел:

— Да, тот, кто стал лордом Валентином, был здесь в сухой год, но он был черноволос и бородат.

— Правильно. Совершено страшное колдовство, мэр Хэлигорн. Теперь Горный замок занял предатель, а меня изгнали, изменив мою внешность. Но я лорд Валентин и властью Горящей Звезды, которую ты носишь на рукаве, требую, чтобы ты принял меня как короналя.

Хэлигорн совсем растерялся. Ему явно хотелось бы находиться сейчас в любом другом месте, даже в коридорах Лабиринта или в жарких пустынях Субраэля.

Валентин *продолжал*:

— Рядом со мной иерарх Лоривейд с Острова Сна, ближайшая наперсница моей матери, Повелительницы Снов. Как ты думаешь, станет она обманывать тебя?

Иерарх подтвердила ледяным тоном:

— Это истинный корональ, и Повелительница лишит своей божественной любви тех, кто ему противостоит.

— А вот стоит Ирманар, высший служащий понтифекса Тиевераса,— показал Валентин.

— Вы все слышали,— уверенно заговорил Ирманар,— указ понтифекса, гласящий, что этого белокурого человека следует приветствовать как лорда Валентина, короналя. Кто из вас выступит против указа понтифекса?

На лице Хэлигорна застыл ужас. Иметь дело с герцогом Хольмсторгом Валентину, вероятно, было бы труднее. Человек высокого происхождения, весьма надменный, тот вряд ли мог так легко смутиться при виде самодельной короны и столь малочисленного отряда случайным образом подобранных спутников. Но для Редварда Хэлигорна, простого выборного чиновника, много лет занимавшегося только устройством банкетов да дебатами о налогах на товары, это оказалось суровым испытанием. Он пробормотал едва слышно:

— Был приказ из Замка лорда Валентина, чтобы тебя схватить, связать и представить на суд.

— В последнее время из Замка лорда Валентина исходило немало неразумных, несправедливых и несвоевременных приказов, не так ли, мэр Хэлигорн? — сказал Валентин.— Это приказы узурпатора, они ничего не стоят. Ты слышал повеления Хозяйки Острова Сна и понтифекса. Ты получал послания, требующие от тебя покорности мне.

— Были и другие послания,— прошептал Хэлигорн.

— Да, от Короля Снов! — Валентин засмеялся: — А кто узурпатор? Кто украл трон короналя? Доминин Барджазид, сын Короля Снов! Теперь тебе ясны послания из Сувраэля? Ты понимаешь теперь, что произошло на Маджипуре?

Валентин заставил себя впасть в транс и затопил беспомощного Хэлигорна силой своего духа, полным посланием наяву от короналя.

Хэлигорн зашатался. Лицо его пошло красными пятнами. Он отступил и, чтобы удержаться на ногах, ухватился за своих товарищей, но тех тоже настигла волна послания, и они сами едва стояли.

— Поддержите меня, друзья,— попросил Валентин.— Откройте мне ваш город. Отсюда я пойду на завоевание Замковой горы, и велика будет слава Пендивэйна, первого города на Маджипуре, восставшего против узурпатора!

Глава 6

Так Пендивэйн пал без единого удара. Редвард Хэлигорн, растерянный, с таким выражением на лице, будто у него в животе пищит только что проглоченная стойензарская устрица, преклонил колени перед Валентином и сделал знак Горящей Звезды, затем то же самое повторили два его заместителя. Внезапно тысячи людей стали оказывать знаки почтения и сначала робко, а потом все увереннее выкрикивать:

— Валентин! Лорд Валентин! Да здравствует лорд Валентин, корональ!

Врата Пендивэйна широко распахнулись.

— Слишком уж легко,— шепнул Валентин Карабелле.— Может, так получится и на Замковой горе? Застращаю одного-двух жирных мэров и без всяких усилий получу обратно трон?

— Вряд ли,— ответила она.— Наверху тебя ждет Барджазид с телохранителями — его не запугаешь словами и не убедишь театральными эффектами. Сражаться придется, Валентин!

— Пусть была бы только одна битва!

Она слегка коснулась его руки.

— Ради тебя хочу надеяться, что будет только одна, и притом небольшая!

— Не ради меня, а ради всей планеты. Я не хочу, чтобы мой народ погибал, исправляя зло, причиненное нам Домининым Барджазидом.

— Никогда не думала, что у короналя может быть такое доброе сердце, милый.

— Карабелла...

— Ты только что выглядел таким опечаленным...

— Я боюсь грядущего.

— Грядущее — это необходимая борьба, радостная победа и восстановление порядка. Если ты хочешь быть настоящим короналем, поприветствуй свой народ, улыбнись и сгони с лица трагическое выражение.

Валентин кивнул.

— Да, ты права.

Он взял ее за руку и с нежностью быстро провел по ней губами. Повернувшись к толпам людей, выкрикивающих его имя, он поднял руки в знак приветствия.

Было до странности знакомо и приятно въезжать в большой город, где на улицах тут же собралась ликующая толпа. Он вспоминал — хотя это больше походило на воспоминание о сне — начало своего великого церемониального шествия. Вот он плывет по реке до Алаизора на западном берегу, потом на Остров — преклонить колени перед матерью во Внутреннем храме, затем — морское путешествие в Зимроэль. Народ приветствовал его в Пилиплоке, Велатисе, Нарабале, расположенных в живописных ярких тропиках. Парады, банкеты, радостное возбуждение, пышность. Затем Тил-омон, где его тоже встречали восторженными криками. Он вспомнил, как удивился, когда Доминин Барджазид, сын Короля Снов, приехал из Сувраэля в Тил-омон, чтобы приветствовать его и почтить пиром. Барджазиды обычно оставались дома, в своем прокаленном солнцем королевстве, избегали всех, заботились только о своих машинах сна и отправляли послания — поучающие, приказывающие или карающие. Банкет в Тил-омоне, бокал вина из рук Барджазида и... город Пидруид, фальшивые воспоминания о детстве где-то на востоке Зимроэля. И вот теперь, много месяцев спустя, на улицах большого города вновь выкрикивают его имя.

Расположившись в королевских апартаментах дворца мэрии, Валентин вызвал к себе мэра Хэлигорна, все еще ошеломленного и растерянного, и сказал:

— Мне нужна флотилия речных судов, чтобы плыть к истокам Глэйдж. Все будет оплачено из имперской казны после того, как я снова займу трон.

— Слушаюсь, мой лорд.

— Сколько отрядов ты можешь мне дать?

— Каких отрядов?

— Ополчения, воинов, тех, кто может носить оружие. Ты меня понимаешь, мэр Хэлигорн?

Мэр ужаснулся:

— Граждане Пендивэйна знамениты отнюдь не знанием военного искусства, мой лорд.

Валентин улыбнулся.

— Никто на Маджипуре, слава Божеству, не знает военного искусства. Однако, несмотря на наше миролюбие, мы сражаемся, если нам угрожают. Узурпатор угрожает нам всем. Разве в минувшем году ты не ощущал на себе бремя новых непонятных налогов и непривычных указов?

— Конечно, но...

— Что «но»? — резко спросил Валентин.

— Мы думали, новый корональ хочет показать свою власть.

— И вы спокойно позволите давить на вас тому, кто должен служить вам?

— Мой лорд...

— Ладно, оставим это. Ты не меньше, чем я, заинтересован в наведении порядка. Ты это понимаешь? Дай мне армию, мэр Хэлигорн, и храбрость народа Пендивэйна будет воспеваться в балладах тысячи лет.

— Я отвечаю за жизнь моего народа, мой лорд...

— А я отвечаю за жизнь твоего народа и еще за жизнь двадцати миллиардов,— резко перебил его Валентин.— И если хотя бы пять капель крови прольются на моем пути к Замку, то и этого будет больше чем достаточно. Но без армии я слишком уязвим. С армией я выступаю как корональ: имперские силы идут, чтобы рассчитаться с врагом. Понимаешь, Хэлигорн? Собери народ, объясни им, что нужно сделать, и призывай добровольцев.

— Слушаюсь, мой лорд.— Мэр Пендивэйна дрожал с ног до головы.

— И смотри, чтобы добровольцы были и в самом деле добровольцами!

— Будет сделано, мой лорд,— пробормотал Хэлигорн.

Армия сформировалась быстрее, чем ожидал Валентин. Собрать людей, одеть их, обуть, вооружить, снабдить продуктами город сумел за несколько дней. Хэлигорн действительно старался. Возможно, ему просто не терпелось, чтобы Валентин как можно быстрее уехал в какой-нибудь другой район.

Народное ополчение, ранее намеревавшееся защищать Пендивэйн от вторжения претендента на престол, теперь составило ядро созданной за короткий срок преданной армии — около двадцати тысяч мужчин и женщин. Город с тринадцатью миллионами жителей мог бы дать и больше, но Валентин не хотел обирать Пендивэйн. Он не забыл собственные соображения о том, что легче жонглировать дубинками, нежели стволами двикка. Двадцать тысяч воинов уже представляли собой внушительную силу, и Валентин знал, что постепенно сможет собрать многочисленную и грозную армию: даже колоссальный Зимр начинается с маленьких ручейков где-то в северных горах.

На рассвете того дня, когда отряды Валентина построились на берегу реки Глэйдж, шел дождь, но позже выглянуло солнце и залило все вокруг ярким, праздничным светом. Все речные суда на пятьдесят миль вокруг были мобилизованы для перевозки армии. Под зелеными с золотом флагами короналя громадная флотилия двинулась к северу.

Валентин стоял на носу флагманского корабля. Рядом с ним были Карабелла, Делиамбер, адмирал Эйзенхарт. Омытый дождем воздух был чист и приятен, приятный свежий ветерок Алханроэля дул с Замковой горы. Как чудесно сознавать, что наконец-то он возвращается домой.

Суда восточного Алханроэля были более обтекаемы и менее вычурны, чем те, которые Валентин видел на Зимре. Большие, построенные без излишеств корабли, высокие и узкие, с мощными машинами, предназначенными для движения против сильного течения Глэйдж.

— Быстрое течение,— заметил Эйзенхарт.

— Так и должно быть,— сказал Валентин и указал на какую-то еле видимую точку в небе далеко на севере: — Глэйдж начинается на склонах горы. На протяжении нескольких тысяч миль в него впадает десять рек, и, когда мы поднимаемся к истокам, вся эта масса воды идет против нас.

Моряк-хьорт улыбнулся.

— Когда подумаешь о встрече с такой силой, плавание в море кажется детской игрой. Я никогда не понимал рек: узкие, быстрые... Нет, мне дай открытое море, драконов и все такое — и я буду счастлив.

Но Глэйдж, несмотря на быстроту ее течения, была все же приручена. Когда-то на ней были пороги и водопады, и сотни миль ее считались непригодными для навигации. Четырнадцать тысяч лет присутствия на Маджипуре людей давным-давно все изменили. Дамбы, шлюзы, отводные каналы и другие ухищрения заставили Глэйдж, как и все спускающиеся с Горы Шесть Рек, служить их хозяевам почти на всем протяжении. Только внизу, где ровная долина позволяла реке разливаться, возникали некоторые затруднения, да и то только в период больших дождей.

Провинции вдоль Глэйдж тоже были спокойными: зеленые сельские районы, чередующиеся с крупными городскими центрами. Щурясь от яркого утреннего света, Валентин смотрел вдаль

и искал глазами серую громаду Горного замка. Но на расстоянии двух тысяч миль не было видно даже горы, как велика она ни была.

Первым значительным городом вверх по реке после Пендивэйна был Макропросопос, славившийся своими ткачами и художниками. Когда корабли подошли ближе, Валентин увидел, что порт украшен огромными эмблемами короналя. Судя по тому, что множество таких же эмблем еще ожидали своей очереди, чтобы быть развешанными, их, вероятно, поспешно ткали именно к этому случаю.

— Что означают эти флаги? — задумчиво спросил Слит.— Открытую преданность темноволосому короналю или капитуляцию перед тобой?

— Конечно, это уважение к тебе, мой лорд,— сказала Карабелла.— Они знают, что ты идешь вверх по реке, вот и вывесили флаги, чтобы поприветствовать тебя!

Валентин покачал головой.

— Я думаю, народ здесь просто осторожничает. Если мои дела на Замковой горе пойдут плохо, всегда можно сказать, что эти флаги — знак преданности тому короналю. Если же тот падет, город скажет, что признал меня следом за Пендивэйном. Я думаю, мы заставим их высказаться открыто. Эйзенхарт!

— Да, мой лорд?

— Веди нас в гавань Макропросопоса.

Для Валентина это было нечто вроде игры. Особой надобности причаливать здесь не было, и он меньше всего хотел бы сражаться с этим городом так далеко от Горы. Но важно было проверить эффективность избранной стратегии.

Она с честью выдержала испытание. Корабль еще не подошел к берегу, а отовсюду уже слышались крики:

— Да здравствует лорд Валентин! Да здравствует корональ!

Мэр Макропросопоса выбежал на пирс с приветствиями и дарами — тюками прекрасных тканей, изготовленных в его городе. Он совсем не испытывал желания стрелять и драться и охотно предоставил восемь тысяч своих горожан для пополнения армии реставрации.

— В чем дело? — спросила Карабелла.— Может, они признают короналем любого, кто достаточно громко потребует трон и помашет несколькими энергометами?

Валентин пожал плечами.

— Это миролюбивый народ, спокойный, живущий весело и богато. Он тысячелетиями знал только процветание и хочет, чтобы оно продолжалось и в следующие тысячелетия. Мысль о вооруженном сопротивлении чужда им, вот они и сдались сразу же, как только мы вошли в гавань.

— Так-то оно так,— заметил Слит.— А если через неделю сюда явится Барджазид, они столь же охотно будут кланяться и ему?

— Вероятно. Но я набираю вес. Поскольку эти города поддержали меня, другие побоятся оказать неповиновение. Согласись, это немного походит на лавину, а?

Слит нахмурился.

— То, что ты делаешь сейчас, может сделать любой в другое время, и это мне не нравится. А если через год появится рыжий лорд Валентин и скажет, что он настоящий корональ? Что, если какой-нибудь лиимен будет требовать, чтобы все вставали перед ним на колени, и своих соперников назовет колдунами? Этот мир сойдет с ума.

— Помазанный корональ только один,— спокойно ответил Валентин,— и народ этих городов независимо ни от чего поклоняется воле Божества. Когда я вернусь в Горный замок, больше не будет ни узурпаторов, ни претендентов. Это я обещаю.

Однако про себя он признавал мудрость сказанного Слитом. «Как хрупка,— думал он,— связь, объединяющая наше правительство! Только одна добрая воля поддерживает ее. Доминин Барджазид показал, что измена может уничтожить добрую волю, а запугивание тоже можно считать изменой. Но останется ли Маджипур прежним, когда разрешится этот конфликт?»

Глава 7

После Макропросопоса был Апокрун, затем Стэнгард Фаллз, Нимиван, Трейз, Южный Гэйлз и Митрипонд. И все эти города с населением порядка пятидесяти миллионов, не тратя времени, признали светловолосого лорда Валентина.

На это он и надеялся. Эти приречные жители не умели и не хотели воевать, и ни один из городов даже не подумал сражаться, чтобы установить, кто из соперников истинный корональ. Раз Пендивэйн и Макропросопос покорились, остальные быстро присоединились к ним. Но Валентин понимал, что приречные города с той же готовностью перейдут на другую сторону,

если увидят, что удача улыбнется темноволосому властелину. Законность, помазание, воля Божества — все это в реальном мире значит куда меньше, чем представляется тому, кто вырос при дворах Горного замка.

Но все-таки лучше иметь хотя бы номинальную, нетвердую поддержку приречных городов, чем встретить их сопротивление или насмешки над его требованиями. С каждого из них Валентин взял рекрутов — немного, по тысяче с города, но армия его быстро росла, и он опасался, что она утратит маневренность и мобильность. Хотел бы он знать, как относится Доминин Барджазид к тому, что происходит на Глэйдж. Может, он трусит, считая, что все двадцать миллиардов жителей Маджипура выступили против него? Или он просто тянет время, устраивая внутреннюю линию защиты, и готов ввергнуть всю планету в хаос, лишь бы не сдать Гору?

Путешествие по реке продолжалось. Они уже подошли к громадному плато, и бывали дни, когда казалось, что Глэйдж поднимается перед ними вертикальной стеной воды.

Все здесь было знакомо Валентину, потому что в юности он часто посещал верховья всех Шести Рек, охотился или рыбачил с Вориаксом или Элидатом, а то и просто скрывался ненадолго от своих воспитателей. Его память восстановилась почти полностью, процесс излечения постоянно продолжался с момента его пребывания на Острове, и вид хорошо знакомых мест резко высвечивал образы прошлого, которые пытался стереть Доминин Барджазид.

В городе Джеррике, здесь, в узких верховьях Глэйджа, Валентин однажды всю ночь играл в кости со старым врууном, весьма похожим на Аутифона Делиамбера, проиграл кошелек, меч, верховое животное, свое благородное звание и все земли, кроме одного клочка болота, а затем все отыграл. Правда, он подозревал, что его компаньон, порадовавшись победе, начал поддаваться ему и отдал выигранное обратно. Как бы то ни было, это был полезный урок.

А в Гизельдорне, где население жило в черных войлочных палатках, он и Вориакс провели веселую ночь с черноволосой ведьмой лет тридцати, которая утром заставила их трепетать, раскинув семена пингла на их будущее и объявив, что им обоим суждено стать коронаями. Вориакс очень расстроился, поскольку решил, что они должны будут править совместно, так как

вместе обнимали ведьму, а такое двойное правление было неслыханным делом на Маджипуре. Им и в голову не пришло, что Валентин может стать преемником Вориакса.

А в Амблеморне, самом юго-западном из Пятидесяти Городов, Валентин, тогда еще почти мальчик, вместе с Элидатом из Морвола скакал через лес деревьев-карликов, упал и сломал левую ногу. Обломки кости торчали наружу, и Элидат, как мог, поправил их, прежде чем удалось добраться до помощи. После этого осталась легкая хромота. Но теперь, с каким-то странным удовольствием подумал Валентин, эта хромая нога принадлежит Доминину Барджазиду, а тело, которое дали Валентину, не имеет никаких изъянов.

Все эти города и многие другие охотно сдавались ему. Здесь, на границе Замковой горы, под его знаменем собрались уже пятьдесят тысяч воинов.

Амблеморн был последним городом, до которого армия могла добраться по воде. Река здесь превратилась в лабиринт протоков и каналов. Валентин послал Ирманара с тысячью воинов вперед — найти сухопутные повозки. Теперь силы Валентина были такими мощными, что Ирманар сумел забрать практически все парящие повозки в трех провинциях, причем без каких бы то ни было возражений, так что в Амблеморне их ожидало неисчислимое множество экипажей.

Командовать такой большой армией в одиночку Валентин уже не мог. Его приказы шли через его маршала Ирманара пяти высшим офицерам — Карабелле, Слиту, Залзану Каволу, Лизамон и Эйзенхарту, которые командовали дивизиями. Шанамир, заметно выросший и окрепший со времен Фалкинкипа, служил главным офицером связи.

— Мы готовы выступить, мой лорд,— доложил Шанамир.— Я передам приказ?

Валентин кивнул:

— Вели первой колонне выдвигаться. Если мы выступим сейчас, то к полудню будем в Бимбаке.

— Есть, сэр.

— Да, и еще, Шанамир.

— Да, сэр?

— Я знаю, сейчас война, но нельзя же все время быть таким серьезным. Тебе не кажется?

Шанамир покраснел.

— Но ведь это серьезное дело! Под нашими ногами земля Замковой горы! — Он, фермерский сын из далекого Фалкинкипа, похоже, благоговел перед этой землей.

Валентин понимал его чувства. Зимроэль, казалось, находился в миллионах миль отсюда.

Валентин улыбнулся.

— Скажи, Шанамир, правильно ли я запомнил: сто весовых единиц составляют крону, десять крон — реал, а цена сосисок...

Шанамир смутился, потом фыркнул, попытался удержаться от смеха, но в конце концов захохотал.

— Ох, мой лорд!

— Помнишь Пидруид, когда я хотел заплатить за сосиски пятидесятиреаловой монетой? Помнишь, как ты считал меня простаком? Недоумком, как ты говорил. Думаю, я и в самом деле был тогда простаком.

— Это было очень давно, мой лорд.

— Верно. Но, видимо, я все еще простак: лезу на Замковую гору и пытаюсь вернуть себе тяжелую и ответственную работу управления планетой. А может, и не простак? Надеюсь, что нет. Но ты не забывай почаще улыбаться. Иди. Прикажи первой колонне выступать.

Мальчик убежал. Валентин смотрел ему вслед. Как далек теперь Пидруид во времени и пространстве — в миллионах миль, в миллионах лет! А ведь с тех пор, как он стоял на гребне, глядя на Пидруид и размышляя о том, что делать дальше, прошло всего полтора года. Шанамир, Слит, Карабелла, Залзан Кавол... Жонглирование на провинциальных аренах, ночевки на соломенных матрасах в грязных гостиницах... Какое же это было чудесное время! Свободная, беззаботная жизнь, в которой не было ничего более важного, чем быть нанятым в следующем городке и уверенным, что дубинка не упадет на ноги,— чего, кстати, ни разу не случилось. Как хорошо, что Залзан Кавол взял его к себе в труппу! Как хорошо, что Слит и Карабелла учили его своему искусству! Среди них был корональ Маджипура, и никто этого не знал. Кто из них мог вообразить, что еще задолго до старости они перестанут жонглировать и станут генералами, ведущими армию освобождения на Замковую гору?

Первая колонна выступила. Парящие повозки шли вверх по нескончаемым склонам, лежавшим между Амблеморном и Замком.

Пятьдесят Городов Замковой горы раскинулись на склонах почти правильными концентрическими кольцами. На внешнем, самом большом, лежали двенадцать городов: Амблеморн, Перимор, Морвол, Канзилейн, Восточный Бимбак и Западный Бимбак, Фурибл, Дипенхоу-Вейл, Норморк, Казказ, Стипул и Дундилмир — так называемые Города Склона. Это были промышленные и торговые центры, и в самом маленьком из них — Дипенхоу-Вейле — обитали девять миллионов жителей. Города Склона, основанные десять или двенадцать тысяч лет назад, предпочитали оставаться архаичными по стилю: улицы их когда-то были распланированы рационально, но давно уже стали перегруженными и запутанными из-за беспорядочных изменений. В каждом городе было что-то свое, особенное, чем он славился во всем мире. Валентин был не во всех этих городах — не хватало времени, но многие посетил: Бимбак Восточный и Бимбак Западный с их башнями в милю высотой из сверкающего хрустального кирпича, Фурибл и его сказочный сад каменных птиц, Канзилейн с говорящими статуями. Между этими городами находились королевские парки, заповедники растений и животных, охотничьи зоны и священные гробницы. Все это простиралось на тысячи квадратных миль — достаточно места, чтобы цивилизация развивалась без толчеи и спешки.

На сто миль выше по Горе лежало кольцо девяти Свободных Городов: Сиккал, Хайн, Бибирун, Сти, Верхний Санбрик, Нижний Санбрик, Кэстлеторн, Гимкандэйл и Вугел. Ученые много спорили о происхождении этого названия, потому что на Маджипуре все города были свободными. Большинство ученых считало, что при лорде Стиамоте эти девять городов были освобождены от налога в знак особых услуг, оказанных короналю. И позже Свободные Города иногда требовали такой привилегии, и часто она им предоставлялась.

Самым большим из Свободных городов был Сти с тридцатимиллионным населением, стоящий на реке с тем же названием. Он был так же велик, как Ни-мойя, а по слухам, даже больше. Валентину не верилось, что есть город, равный по пышности Ни-мойе, но сам он ни разу не бывал в Сти, да и сейчас это не удастся, поскольку Сти находился совсем в другой стороне.

Еще выше располагались одиннадцать Сторожевых Городов: Стеринмор, Ковани, Грил, Минимул, Стрэйв, Хоикмар, Иртсуд Гранд, Ренноск, Фа, Нижняя Сигла, Верхняя Сигла — все

большие, с населением от семи до тринадцати миллионов. Поскольку окружность Горы с высотой уменьшалась, Сторожевые Города стояли ближе друг к другу, чем те, которые располагались ниже, и считалось, что через несколько столетий они сольются в непрерывное кольцо.

Внутри этого кольца стояли девять Внутренних Городов: Гэбелл, Чи, Хаплиор, Кресм, Бенглекод, Бомбифэйл, Гуанд, Перитол, Тентаг, а также девять Высших Городов: Мулдемар, Хайн, Госсиф, Тидиас, Низкий Морпин, Высокий Морпин, Сипермит, Фрэнгиор и Хэлэнкс. Эти города Валентин хорошо знал с юности. В Хэлэнксе он родился, в Сипермите жил во время царствования Вориакса, потому что этот город был ближе всего к Замку, Высокий Морпин был его любимым местом в праздничные дни. Он часто приезжал туда кататься на зеркальных горах.

Ах, как это было давно!

Теперь, когда он силой вторгся на дороги Горы, он часто вглядывался в даль, в облачные высоты, надеясь хоть одним глазком увидеть Сипермит, Хэлэнкс или Высокий Морпин. Но надеяться на это было рано. Дорога из Амблеморна шла между Восточным и Западным Бимбаками, а затем вокруг зазубренного гребня Норморк к городу Норморку, знаменитому своей внешней каменной стеной — согласно легенде, имитацией великой стены Велализиера.

Восточный Бимбак принял Валентина как законного монарха и освободителя, в Западном же Бимбаке ему оказали значительно менее сердечный прием, хотя и сопротивления не было: население явно не решило, выгодна ли ему эта удивительная борьба. В Норморке большие врата Деккерета были закрыты и запечатаны — возможно, впервые со времени их постройки. Можно было принять это за враждебность, но Валентин предпочел увидеть в этом декларацию нейтралитета и проехал мимо, не предпринимая попыток войти в город. Сейчас он меньше всего был настроен растрачивать силы, осаждая неприступные стены, и решил, что куда легче просто не считать Норморк врагом.

За Норморком дорога пересекала Барьер Толингар, который был вовсе не барьером, а сорокамильным прекрасно ухоженным парком, устроенным для развлечения граждан Казказа, Стипула и Дундилмира. Каждое дерево, каждый куст в нем подстригали и обрезали, придавая им самые различные формы. Ни одной

кривой ветки, ни одного лишнего побега. Даже если бы все жители Замковой горы круглосуточно и без отдыха работали тут садовниками, они и то не смогли бы достичь такого совершенства. Оно явилось результатом программы контролируемого разведения, составленной четыре тысячи лет назад при лорде Хевилбове и осуществлявшейся тремя его преемниками. Эти растения сами придерживались симметрии форм. Секрет такого садоводческого волшебства давно был утерян.

И теперь армия освобождения входила на уровень Свободных Городов. Стоя рядом с Валентином, можно было отсюда, с плато Бибирун на вершине Барьера Толингар, взглянуть вниз, на склоны, и вид при этом открывался невыразимо замечательный. Чудесный парк лорда Хевилбова вился, подобно зеленому языку, прямо вниз, слегка заворачивая к востоку, за ним простыми серыми точками виделись Дундилмир и Стипул, а еще дальше — лишь едва заметное указание на могучие стены Норморка. Далее шел захватывающий дух спуск к Эмблерморну и истокам Глэйдж. И, если обладать некоторым воображением, на горизонте виднелись дрожащие в ленивой дымке очертания самой реки и городов Нимивана, Митрипонда, Трейза, Южного Гэйлза. А на Макропросопос и Пендивэйн не было даже намека, хотя рядом с Валентином толпились жители этих городов, смотревшие туда пристально и долго и украдкой замечавшие друг другу, что вон тот пригорок или тот холмик — это их дом.

— Я думал, с Замковой горы виден весь путь до Пидруида, а мы даже Лабиринта не видим! — посетовал Шанамир.— А когда поднимемся еще выше, увидим больше?

— Нет,— ответил Валентин.— Все, что лежит ниже Сторожевых Городов, скрыто облаками. Иногда, находясь на такой высоте, можно забыть о существовании всего остального на Маджипуре.

— Наверху, наверное, очень холодно? — спросил мальчик.

— Нет, совсем не холодно. Так же, как здесь, даже теплее. Там постоянная весна, воздух мягкий и легкий, всегда цветут цветы.

— Но ведь Гора уходит высоко в небо! Горы Кинтора не такие высокие, их и не сравнить с Замковой горой, но я слышал, что на их вершинах лежит снег и иногда он остается на все лето. Замок, наверное, темен как ночь и холоден как смерть.

— Нет. Машины древних поддерживают вечную весну. Они вытягивают энергию из недр Горы — я не знаю как — и перерабатывают ее в тепло, свет, чистый воздух. Я видел эти машины в подземельях Замка. Это металлические громады — металла хватило бы, чтобы построить город,— гигантские насосы, медные трубы...

— Где мы сейчас, Валентин? Близко?

— Даже полпути не прошли.

Глава 8

Самая прямая дорога наверх через Свободные Города шла между Бибируном и Верхним Санбриком. Это был широкий, с легким подъемом отрог Горы. Когда они приближались к Бибируну, Валентин узнал от Горзвала, теперь квартирмейстера, что армии не хватает свежих фруктов и мяса. Самым разумным казалось пополнить запасы провианта на этом уровне, прежде чем начать подъем к Сторожевым Городам.

Бибирун, двенадцатимиллионный город, грациозно вытянулся на сто миль вдоль гребня, нависавшего над склоном Горы. К нему можно было подойти лишь с одной стороны — от Верхнего Санбрика через ущелье, такое узкое, что сотня воинов могла бы защитить его от миллионов нападающих. Валентин не удивился, что ущелье было занято, пожалуй, больше чем сотней воинов.

Ирманар и Делиамбер отправились на переговоры. Вернувшись, они сообщили, что отрядами в ущелье командует Хейтлуиг, герцог провинции Чорг, чьей столицей был Бибирун, и что он желает говорить с лордом Валентином.

— Кто такой этот Хейтлуиг? — поинтересовалась Карабелла.— Ты его знаешь?

— Не очень близко. Он из семьи Тиевераса. Надеюсь, у него нет зуба на меня.

— Он может получить благодарность Доминина Барджазида, если пристукнет тебя в этом проходе,— заметил Слит.

— Чтобы потом до конца дней его мучили кошмары? — спросил Валентин и засмеялся: — Он, правда, выпивоха, но не убийца. Он из знатной семьи.

— Как и Доминин Барджазид, мой лорд.

— Даже сам Барджазид не рискнул убить меня, когда у него была такая возможность. Неужели я должен ожидать убийц каждый раз, когда веду переговоры? Пошли, не будем терять время.

Валентин пошел к входу в ущелье вместе с Ирманаром, Эйзенхартом и Делиамбером. Их ждали герцог и трое его сопровождающих.

Хейтлуиг был могучим широкоплечим человеком с густыми светлыми кудрявыми волосами и цветущим полным лицом. Он внимательно разглядывал Валентина, как бы ища под внешностью этого светловолосого незнакомца душу истинного короналя. Валентин отсалютовал ему так, как короналю полагалось приветствовать провинциального герцога — прямым взглядом и повернутой наружу ладонью, и Хейтлуиг растерялся, явно не зная, как правильно реагировать. После небольшой паузы он сказал:

— Сообщали, что ты лорд Валентин, измененный колдовством. Если это так, я приветствую тебя, мой лорд.

— Поверь мне, Хейтлуиг, это так.

— Были послания насчет этого. Но были и противоположные.

Валентин улыбнулся:

— Послания Повелительницы Снов правдивы, послания же Короля следует оценивать исходя из того, что сделал его сын. Ты получил указания из Лабиринта?

— Что мы должны признать тебя? Да. Но все-таки это странно. Если я не должен верить тому, что мне говорят из Замка, то почему я должен верить приказам из Лабиринта? Может, они поддельные.

— Здесь с нами Ирманар, высокопоставленный служащий твоего прадеда понтифекса Тиевераса. Он здесь не как пленник и может показать тебе печати понтифекса.

Герцог пожал плечами. Глаза его продолжали сверлить Валентина.

— Невероятно просто, чтобы короналя можно было таким образом изменить. Если это правда, тогда все может оказаться правдой. Чего ты хочешь от Бибируна, мой лорд?

— Фруктов и мяса. Нам еще осталось пройти сотни миль, а голодные воины не самые лучшие.

Дернув щекой, Хейтлуиг сказал:

— Ты, конечно, знаешь, что ты в Свободном Городе?

— Знаю. Так что же из этого?

— Может, кто и забывает о древних традициях, но мы в Свободных Городах придерживаемся их. Мы не обязаны снабжать правительство товарами иначе как по законно установленным ценам. Стоимость провианта для такой армии...

— ...Будет оплачена полностью из имперской казны,— резко прервал его Валентин.— Мы не просим у Бибируна даром ничего, даже стоимостью в пять весовых единиц.

— А имперская казна едет с тобой?

Валентин начал сердиться.

— Имперская казна находится в Горном замке, как это повелось со времен лорда Стиамота. Когда я дойду до Замка и вышвырну узурпатора, я полностью расплачусь за все, что мы купим здесь. Разве корональ уже не пользуется доверием?

— Короналю мы доверяем по-прежнему,— осторожно произнес Хейтлуиг.— Но у нас есть сомнения, мой лорд. Мы — народ бережливый, и какой позор падет на нас, если обнаружится, что мы дали кредит тому, кто предъявил нам фальшивые требования!

Валентин пожал плечами:

— Ты называешь меня «мой лорд», а сам сомневаешься.

— Я не уверен. Признаюсь.

— Хейтлуиг, отойдем на минутку и поговорим наедине.

— Да?

— Отойдем шагов на десять. Или ты боишься, что я вцеплюсь тебе в глотку, как только ты отойдешь от своих телохранителей? Я хочу шепнуть тебе кое-что, и, полагаю, тебе не понравится, если я скажу это при твоих спутниках.

Герцог, недовольный и надутый, кивнул и отошел с Валентином.

— Когда ты был в Горном Замке на моей коронации,— понизив голос, рассказывал ему Валентин,— ты сидел за столом рода понтифекса и выпил четыре или пять фляжек мулдемарского вина — помнишь? Вдрызг пьяный, ты встал, чтобы танцевать, споткнулся о ногу своего кузена Элзандира, растянулся и тут же начал бы драку с ним, если бы я не оттащил тебя в сторону. Ну, тебе это ни о чем не говорит? Откуда бы мне знать об этом, будь я каким-то выскочкой из Зимроэля?

Лицо Хейтлуига залилось краской.

— Мой лорд...

— Вот теперь ты произнес это с большим убеждением!

Валентин тепло похлопал герцога по плечу.

— Все в порядке, Хейтлуиг. Помоги мне, и когда приедешь в Замок праздновать мое восстановление на троне, получишь еще пять фляжек доброго мулдемарского. Надеюсь, ты будешь более воздержанным, чем в тот раз.

— Мой лорд, чем я могу служить тебе?

— Я уже сказал. Нам нужны свежие фрукты и мясо. Мы рассчитаемся, когда я снова стану короналем.

— Пусть будет так. Но станешь ли ты короналем?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Наверху ждет армия, и немалая, мой лорд. Лорд Валентин — я имею в виду того, кто называет себя лордом Валентином,— созывает сотни и тысячи граждан для защиты Замка.

— Где собирается эта армия?

— Между Иртсуд Грандом и Бомбифэйлом. Он стягивает ее во все Сторожевые Города и в города над ними. Реки крови потекут с Горы, мой лорд!

Валентин отвернулся и на миг закрыл глаза. Боль и отчаяние захлестнули его. Это было неизбежно, в этом не было ничего неожиданного, именно так он и предполагал с самого начала. Доминин Барджазид позволит ему пройти по нижним склонам, а на верхних подступах выставит мощную защиту, используя против Валентина его же собственных королевских телохранителей, рыцарей высокого происхождения, рядом с которыми Валентин вырос. И в первых рядах против него — Стазилейн, Тонигорн, его кузен Миригант, Элидат, Диввис, сын его брата...

На мгновение Валентин заколебался. Стоит ли отвоевывать корону ценой хаоса, кровопролития и мучений своего народа? Может быть, такова была воля Божества, чтобы его, Валентина, скинули? Если он пойдет наперекор этой воле, не вызовет ли он этим какого-нибудь страшного катаклизма на равнинах выше Иртсуд Гранда, который оставит шрамы в душах всего народа? И тогда до конца дней его ночи будут наполнены мучительными обвиняющими снами, и его имя будет проклято навеки?

Он еще мог повернуть назад, мог отказаться от столкновения с силами Барджазида, принять приговор судьбы, мог...

Нет!

Он уже боролся однажды с самим собой и победил, и не следует вновь начинать эту борьбу. Фальшивый корональ — человек ограниченный и опасный, он занимает высочайшее место

и правит грубо и противозаконно. Этого нельзя так оставить. Все остальное не важно.

— Мой лорд! — окликнул его Хейтлуиг.

Валентин повернулся к герцогу.

— Мысль о войне причиняет мне боль, Хейтлуиг.

— Она никому не нравится, мой лорд. Однако приходит время, когда во избежание худшего война необходима. Я думаю, сейчас настал именно такой момент.

— Похоже, что так. Значит, ты признаешь меня короналем, Хейтлуиг?

— Никакой иной претендент не мог бы знать, что я напился на коронации.

— Ты будешь сражаться рядом со мной возле Иртсуд Гранда?

Хейтлуиг пристально посмотрел на него.

— Конечно, мой лорд. Сколько людей ты возьмешь из Бибируна?

— Скажем, пять тысяч. Я хочу иметь не огромную армию, а лояльную и храбрую.

— Пять тысяч воинов в твоем распоряжении, мой лорд. Если хочешь, бери больше.

— Пяти тысяч хватит, Хейтлуиг. Спасибо тебе, что ты веришь в меня. А теперь давай позаботимся о фруктах и мясе.

Глава 9

Стоянка в Бибируне была короткой — только чтобы Хейтлуиг успел собрать воинов и необходимый провиант. А затем — вверх, вверх, вверх... Валентин со своими друзьями ехал впереди. Он радовался, видя их благоговение и удивление, слыша, как ахает от восторга Карабелла и даже Залзан Кавол что-то ошеломленно бормочет, когда перед ними развертываются красоты Замковой горы. От мысли, что он возвращается домой, было светло на душе.

Чем выше они поднимались, тем чище и приятнее становился воздух, потому что они все ближе подходили к громадным машинам, поддерживавшим на Горе вечную весну. Скоро показались контуры кольца Сторожевых Городов.

— Так много...— пробормотал Шанамир осипшим голосом.— Такой величественный вид...

Гора здесь представлялась громадным серым гранитным щитом, уходившим в небо и исчезавшим в море облаков, которые скрывали верхние склоны. Небо было поразительно яркого голубого цвета, более глубокого тона, чем над равнинными землями Маджипура. Валентин помнил, как ему нравилось это небо, с какой неохотой он спускался вниз, в обычный мир обычных красок. У него захватило дух, когда он снова увидел его. Весь холм и гребень, казалось, окружал искрившийся нимб таинственного света. Даже пыль вдоль края тракта выглядела блестящей. Вдали виднелись небольшие города-спутники, а высоко над ними — несколько крупных городов-центров. Иртсуд Гранд был прямо впереди. Его громадные черные башни отчетливо вырисовывались на горизонте, а на востоке угадывалось темное пятно, которое, скорее всего, являлось городом Минимулом. Хоикмар, известный своими тихими, спокойными каналами и улицами, едва-едва можно было разглядеть на самом дальнем, западном краю пейзажа.

Валентин смущенно заморгал: глаза его вдруг увлажнились. Дотронувшись до арфы Карабеллы, он попросил:

— Спой мне.

Она улыбнулась и взяла маленькую арфу.

— Мы пели это в Тил-омоне. Замковую гору там считали мифическим местом, романтической грезой.

Далеко на восток, величава, крута,
Есть гора, что вонзается в небо, как птица,
На вершине — заоблачный Замок гнездится,
А на склонах ее нет числа городам.
На Замковой горе коронали живут,
Властелины играют судьбою планеты...

Она неожиданно замолчала, опустила арфу и отвернулась.

— В чем дело, милая?

Карабелла покачала головой.

— Ничего. Просто я забыла слова.

— Карабелла!

— Ничего, я же сказала!

— Прошу тебя...

Она обернулась к нему, прикусив губу, в глазах ее стояли слезы.

— Это все так удивительно, Валентин,— прошептала она,— и так странно, так страшно...

— Удивительно — да, но не страшно.

— Это прекрасно, я понимаю. Я и представить себе не могла, что могут быть такие города, такие горы, которые составляют только часть одной большой горы... и все прочие чудеса. Но только...Только...

— Что?

— Ты идешь домой, Валентин! К своим друзьям, родным, может даже любовницам. Как только мы выиграем войну, все они соберутся вокруг тебя, будут устраивать банкеты и празднества, и...— Она на миг замолчала.— Я поклялась себе не говорить этого.

— Говори.

— Мой лорд...

— Не надо так официально, Карабелла.— Он взял ее за руки и заметил, что Шанамир и Залзан Кавол отошли в другой конец повозки и сели к ним спиной.

— Мой лорд,— скороговоркой произнесла девушка,— что будет с девушкой-жонглером из Тил-омона, когда ты снова окажешься среди принцев и леди Замковой горы?

— Разве я давал тебе повод думать, что брошу тебя?

— Нет, мой лорд, но...

— Называй меня Валентином. Что «но»?

Она покраснела и выдернула свою руку, нервно погладив свои темные волосы.

— Этот твой герцог Хейтлуиг вчера увидел, что ты обнял меня... Он так гадко улыбнулся! Словно я просто игрушка для тебя, безделушка, которую в любое время можно выбросить.

— Мне кажется, в его улыбке ты прочла слишком много лишнего,— медленно проговорил Валентин.

Он и сам заметил эту улыбку и был ею смущен. Он понимал, что для Хейтлуига и людей его ранга Карабелла — всего лишь случайная наложница самого низкого происхождения, не заслуживающая ничего, кроме презрения. В его прежней жизни на Замковой горе подобные классовые различия были в порядке вещей, но его давно уже изгнали с Горы, и на многое теперь он смотрел иначе. В опасениях Карабеллы была доля истины. Однако не об этом сейчас надо было думать. Нерешенными пока

оставались более важные вопросы. Как можно ласковее он обратился к девушке:

— Хейтлуиг слишком налегает на выпивку, и душа его огрубела. Не обращай внимания. Твое место среди самых высоких особ Замка, и никто не посмеет отнестись к тебе пренебрежительно. Ну, а теперь заканчивай песню.

— Ты любишь меня, Валентин?

— Да. Но когда у тебя красные и опухшие глаза, я люблю тебя меньше.

— Так говорят с ребенком! Ты что же, считаешь меня маленькой?

— Я считаю тебя женщиной, умной и привлекательной. А какого ответа ты ждала, когда спросила, люблю ли я тебя?

— Что ты меня любишь. Без дополнений.

— Извини. Впредь я буду осторожнее в выражениях. Так ты будешь петь?

Она снова взяла арфу.

Все утро они поднимались вверх, все выше над Свободными Городами. Валентин выбрал Пайниторский тракт, вившийся по пустынному каменистому плато между Иртсуд Грандом и Хоикмаром. Тут и там встречались редкие рощицы деревьев-газан, с толстыми стволами цвета пепла и изогнутыми сучьями деревьев, живших десять тысяч лет и, когда подходило их время, умиравших с тяжелыми вздохами. Эта мрачная и безмолвная местность вполне подходила для того, чтобы Валентин и его армия могли собраться с духом перед началом решительных действий.

— Они не попытаются остановить тебя,— сказал Хейтлуиг,— пока ты не подойдешь к Сторожевым Городам. Там и захотят захватить тебя.

— Там будет достаточно просторно,— ответил Валентин.

В двадцати милях от города Иртсуд Гранда, в пустой долине, окруженной зазубренными черными пиками, он остановил свою армию и стал совещаться с командирами. Разведчики, заранее высланные вперед, принесли тревожные известия: огромнейшее войско заполнило широкую, в сотни квадратных миль, равнину ниже Внутреннего Города Бомбифэйла. Там были пехота, парящие повозки, верховые отряды, корпус моллиторов — по крайней мере в десять раз превышающий тот, что стоял на берегах Глэйдж. Но Валентин внешне оставался совершенно спокойным.

— Значит, соотношение двадцать к одному в их пользу. Это неплохо. Жаль, что их не больше. Слишком большая армия неповоротлива, и это облегчило бы нашу задачу.

Он постучал по карте.

— Они стоят здесь, на равнине Бомбифэйла и, конечно, видят, что мы идем прямо сюда. Они рассчитывают, что мы поднимемся прямо к проходу Перитол на западе равнины, и там поставят самую сильную охрану. Мы действительно пойдем к Проходу.— Валентин услышал недовольный вздох Хейтлуига, увидел удивленный взгляд Ирманара и спокойно продолжил: — Они пошлют туда подкрепление. Как только они войдут в Проход, им будет сложно перегруппировываться и менять направление. А мы тут же повернем обратно, поднимемся прямо в середину их лагеря и пробьемся к самому Бомбифэйлу. Выше его есть дорога на Высокий Морпин, которая приведет нас к Замку. Вопросы есть?

— А что, если между Бомбифэйлом и Высоким Морпином нас ждет вторая армия? — спросил Ирманар.

— Поговорим об этом, когда пройдем Бомбифэйл. Есть еще вопросы?

Он оглядел своих соратников. Все молчали.

— Хорошо. Тогда вперед!

Еще день — и они въехали в большой зеленый пояс, окружавший Внутренние Города.

Теперь они шли в облачной зоне, прохладной и влажной, где солнце едва пробивалось сквозь постоянный туман. Растения, которые внизу были человеку едва по колено, в этой влажной местности достигали гигантских размеров, их листья вырастали с большое блюдо, а черенки — с древесные стволы, и на всем этом буйстве жизни сверкали блестящие капли росы.

Ландшафт здесь был сильно изрезанным: из глубоких долин резко поднимались горы, и дорога опасно вилась вокруг конических пиков. Дорог стало намного меньше: на западе — непроходимые горы, похожие на клыки, на востоке — широкий и удобный склон Бомбифэйлской равнины, а впереди — ряд гигантских естественных ступеней с отвесными каменными стенами по бокам — проход Перитол, где, если Валентин не ошибался, ждали отборные отряды узурпатора.

Валентин не спеша вел свою армию к Проходу. Четыре часа езды, два часа отдыха, еще пять часов движения, ночевка и по-

зднее выступление утром. В бодрящем воздухе Замковой горы можно было ехать много быстрее, но Валентин подозревал, что враг следит за ними с высоты, и хотел дать ему больше времени подготовиться.

На следующий день они поехали шагом, потому что уже показалась первая из огромных ступеней Прохода. Делиамбер с помощью колдовства послал свой дух вперед и сообщил, что неприятельская армия действительно заняла Проход, а вспомогательные отряды для ее поддержки стягиваются к западу от Бомбифэйлской равнины.

Валентин улыбнулся:

— Теперь уже недолго. Они в наших руках.

За два часа до темноты он отдал приказ разбить лагерь на лугу. Повозки поставили защитной стеной, фуражиры пошли собирать сучья для костра, квартирмейстеры начали раздавать ужин. Едва наступила ночь, лагерь взбудоражил неожиданный приказ ехать дальше, оставив горящие костры и часть повозок на месте.

Валентин ощущал растущее в нем возбуждение. Он видел, как снова разгорелись глаза Карабеллы, как проступил старый шрам на лице Слита. И рядом был Шанамир, снующий там и тут, но всегда по делу, с полной ответственностью выполняющий массу мелких и больших поручений; его сосредоточенность была одновременно и комичной и достойной уважения. Это были незабываемые часы напряжения перед важными событиями, которые вот-вот должны произойти.

— В прежние дни на Горе,— сказала Карабелла,— ты, видимо, глубоко изучал военное искусство, раз придумал такой маневр.

Валентин рассмеялся.

— Военное искусство забыли меньше чем через сто лет после смерти лорда Стиамота. Я ничего не знаю о войне, Карабелла.

— А как же...

— Догадка. Случайность. Жонглирование, которое я выполняю на ходу.— Он подмигнул.— Только никому не говори об этом. Пусть думают, что их полководец — гений, и они заставят его быть таковым.

В облачном небе не было видно звезд, и луна светила очень слабо. Армия Валентина двигалась к Бомбифэйлской равнине, освещая себе путь световыми шарами, настроенными на минимум интенсивности. Делиамбер, сидящий рядом с Валентином

и Ирманаром, пребывал в глубоком трансе и искал впереди барьеры и препятствия. Валентин молчал. Он чувствовал себя удивительно спокойным. «Да,— думал он,— это и в самом деле жонглирование». Теперь он, как раньше в труппе, переместился в то спокойное место в центре своего сознания, где обрабатывал информацию о постоянно меняющемся рисунке событий, по существу даже не зная ни об обработке, ни об информации, ни о событиях. Все происходило само собой.

За час до рассвета они дошли до места, где дорога поворачивала вверх и выходила на равнину. Валентин снова созвал своих командиров.

— Только три приказа: держаться плотно, не отбирать жизнь без необходимости, упорно пробиваться вперед.— Он подошел к каждому из них по очереди — с ободряющим словом, с рукопожатием, с улыбкой.— Сегодня завтракаем в Бомбифэйле, а завтра ужинаем в Замке лорда Валентина. Обещаю вам!

Глава 10

Настала минута, которой давно ждал и боялся Валентин: он должен был вести граждан Маджипура против граждан Маджипура, поставить на карту кровь своих товарищей по странствиям против крови товарищей своей юности. Но пути назад не было, и Валентин оставался твердым и спокойным.

В сером свете зари вторгшаяся армия прокатилась по краю равнины, и в утреннем тумане Валентин впервые увидел легионы противника. Равнину, казалось, заполнили черные палатки. Всюду были солдаты, повозки, животные, моллиторы, и во всем этом напрочь отсутствовал порядок.

Армия Валентина построилась клином: самые храбрые и преданные — в передних повозках, отряды герцога Хейтлуига — в середине, а тысячи ополченцев из Пендивэйна, Макропросопоса и других городов долины Глэйдж составляли арьергард, более значительный по численности, нежели по храбрости.

В армии освобождения были представлены все расы Маджипура: скандары, врууны, целая орда лииименов, множество хьортов и гэйрогов, даже небольшой элитный корпус су-сухирисов. Сам Валентин находился в одной из трех точек передней части клина, но не в центральной: там Ирманар готовился нанести главный удар по силам узурпатора. Повозка Валентина шла в

правом крыле, Эйзенхарта — в левом, а сразу за ними вели колонны Слит, Карабелла, Залзан Кавол и Лизамон.

— Вперед! — крикнул Валентин.

Битва началась.

Повозка Ирманара рванулась вперед, затрубили рога, вспыхнуло освещение. Валентин двинулся следом и, взглянув налево, увидел, что Эйзенхарт не отстает. Плотным клином они врезались на равнину, и сразу же основная масса защитников рассыпалась в беспорядке. Передний край сил узурпатора рухнул с пугающей быстротой, как будто это была намеренная стратегия. Отряды в панике метались, сталкивались, путались, хватались за оружие или просто спасались бегством. По громадной равнине словно прошли волны: это беспорядочно носились воины, не имевшие ни вождя, ни плана. Вторгшийся клин продвигался через эти волны вперед. Вспыхнули несколько случайных выстрелов энергометов, но вражеские командиры, видимо, слишком растерялись, чтобы организовать правильную защиту, а атаковавшие, прорвавшиеся вперед, вовсе не собирались убивать противников.

Делиамбер предупредил Валентина:

— Они растянуты огромным фронтом миль на сто, если не больше. Им нужно время, чтобы сконцентрировать силы. После первого приступа паники они перегруппируются, и нам будет труднее.

Так оно и вышло.

Неопытное гражданское ополчение, набранное Доминином Барджазидом в Сторожевых Городах, могло растеряться, но ядро армии защитников составляли рыцари Замковой горы, тренированные в военных играх, и теперь они собирались со всех сторон вокруг глубоко врезавшихся в них маленьких клиньев. Каким-то образом подогнали моллиторов, и те наступали теперь с фланга на Эйзенхарта, щелкая челюстями и пуская в ход когти. С другой стороны кавалерийский полк отыскал своих животных и создал какое-то подобие строя, а Ирманар попал под заградительный огонь энергометов.

— Держать строй! — крикнул Валентин.— Все время вперед!

Они все еще продвигались, хотя теперь уже значительно медленнее. Если вначале армия Валентина врезалась в гущу врагов, как горячий нож в масло, то теперь она как бы пробивалась сквозь земляную стену. Многие повозки были окружены, некоторые

из них остановлены. Валентин мельком увидел, что Лизамон в одиночку пробивается сквозь толпу защитников, расшвыривая их в стороны, как прутья. Три гигантских скандара тоже покинули повозки и всеми своими руками, в каждой из которых было какое-нибудь оружие, устроили страшную резню.

Затем окружили повозку Валентина, но возница дернул ее назад и резко развернулся, раскидывая вражеских солдат.

Вперед, вперед...

Повсюду лежали тела убитых. Как глупо было надеяться, что завоевать Замковую гору удастся без кровопролития.

Уже, наверное, сотни погибших, сотни раненых... Валентин нахмурился, нацелил свой энергомет на высокого угрюмого мужчину, несшегося на повозке, и заставил его упасть. Воздух вокруг Валентина затрещал от образовавшегося в результате выброса энергии озона, он заморгал, и затем выстрелил снова... и еще... и еще...

— Валентин! Лорд Валентин!

Крик был общим, но исходил с обеих сторон, и воины каждой из них призывали своего лорда Валентина.

Теперь нападающие, казалось, были полностью остановлены. Защитники перешли в контратаку, словно не были готовы напасть первыми и позволили армии Валентина пробиться вперед, а теперь перегруппировались, собрались с духом и начали действовать.

— Похоже, у них сменилось командование, мой лорд,— сказал Ирманар.— Их генерал сейчас полностью контролирует ситуацию и жестко заставляет солдат двигаться на нас.

Вперед выступил строй моллиторов, за ним шли в огромном количестве отряды узурпатора, но тупые неуправляемые животные причиняли больше вреда своими размерами, чем когтями и зубами. Многие из офицеров Валентина выскочили из повозок, и он увидел яростно сражавшихся Лизамон Халтин, Слита и Карабеллу — все они были окружены кольцом своих солдат, отчаянно старавшихся защитить их. Валентин и сам хотел выйти, но Делиамбер приказал ему остаться.

— Твоя особа священна,— резко произнес он.— В рукопашном бою воины обойдутся без тебя.

— Но...

— Так нужно.

Валентин нахмурился. Он сознавал, что Делиамбер прав, но в душе все равно был не согласен с ним, и тем не менее ему пришлось покориться.

— Вперед! — закричал он в черный костяной рог полевого коммуникатора.

Но продвигаться вперед они не могли. Тучи защитников собирались со всех сторон и теснили армию освобождения назад. Новые силы армии узурпатора собрались недалеко от Валентина, точно по какому-то плану, и начали расходиться оттуда лучами почти ощутимой мощи. «Да, похоже, их новый генерал там, в дыму битвы,— подумал Валентин.— Сильный и вдохновенный полевой командир сплотил запаниковавшие было отряды, как это должен был сделать я».

— Мой лорд,— крикнул Ирманар,— видишь холм справа? За ним вражеский командный пункт. Там их генерал.

— Я хочу взглянуть на него,— сказал Валентин, давая сигнал вознице.

— Мой лорд,— продолжал Ирманар,— мы должны атаковать его и обезвредить, прежде чем он добьется еще большего преимущества.

— Да, конечно,— рассеянно пробормотал Валентин и прищурился, пытаясь лучше разглядеть происходящее.

Отсюда казалось, что кругом царил полный беспорядок. Но постепенно ему удалось разобраться в обстановке. Да, это, должно быть, он. Высокий, выше Валентина, с сильным, волевым лицом, властным ртом, пронзительными темными глазами, густыми черными волосами, стянутыми сзади в тугой узел. Он выглядел до странности знакомо — так знакомо, что не подлежало сомнению: Валентин знал его, знал давно и близко, еще в те дни, когда жил в Горном замке, но сейчас его разум был так затуманен хаосом битвы, что какое-то время он никак не мог дотянуться до необходимых воспоминаний, извлечь из своей восстановленной памяти и определить...

Да, конечно. Это Элидат. Как можно было забыть хоть на миг друга юности, казавшегося иногда даже ближе брата Вориакса,— Элидата, близкого к Валентину по способностям и характеру, Элидата, которого все, даже сам Валентин, считали следующим возможным короналем.

Элидат руководит вражеской армией! Элидат — опасный полководец, которого надо устранить!

— Мой лорд,— напомнил Ирманар,— мы ждем твоих приказов.

Валентин вздрогнул.

— Окружите его,— сказал он,— нейтрализуйте и возьмите в плен, если удастся.

— Мы можем открыть огонь...

— Он должен остаться невредимым,— резко приказал Валентин.

— Мой лорд...

— Я сказал — невредимым!

— Слушаюсь, мой лорд,— неуверенно ответил Ирманар. Для него враг был только врагом, а этот генерал принесет немало ущерба, если его не убить как можно быстрее. Но Элидат...

Валентин с тревогой и напряжением следил, как Ирманар собрал свои отряды и повел их к лагерю Элидата. Приказать, чтобы Элидату не вредили,— дело простое, но как проследить за этим в разгаре битвы? Валентин больше всего боялся, чтобы кто-то из преданных ему людей не повел туда отряды. Знать, что Элидат в опасности, что он должен погибнуть, чтобы армия освобождения пошла вперед,— это было ужасно!

Валентин встал.

— Ты не должен...— начал Делиамбер.

— Должен,— прервал его Валентин и выскочил из фургона, пока вруун не наложил на него какие-нибудь чары.

С земли ничего не было видно: все носятся туда-сюда, друзей от врагов не отличить, кругом суматоха, крики, пыль. Сражение, за ходом которого Валентин наблюдал из фургона, отсюда выглядело совсем иначе. Валентину казалось, что отряды Ирманара отошли куда-то в сторону, а возле командного пункта Элидата идет беспорядочная битва.

— Мой лорд,— окликнул его Шанамир,— тебе нельзя быть на самом виду. Ты...

Валентин отмахнулся от него и двинулся в гущу сражения.

События вновь приняли иной оборот. Теперь казалось, что Ирманар сосредоточил атаку на лагере Элидата. Армия Валентина собралась с силами и снова повергла врага в смятение. Рыцари и горожане отступали, разбегались в разные стороны, пытаясь уклониться от безжалостного наступления атаковавших, а где-то впереди ядро защитников крепко сплотилось вокруг Элидата — единственная крепкая скала в бушующем потоке.

«Только бы он остался жив! — взмолился Валентин.— Пусть он будет взят в плен, и взят быстро, но пусть останется жив!» Он подался вперед, всматриваясь в ход битвы.

Снова казалось, что победа в руках Валентина, но цена ее будет высокой, слишком высокой, если придется заплатить жизнью Элидата.

Валентин увидел впереди Лизамон и Кхуна, плечом к плечу прорубающих дорогу для других, идущих за ними. Кхун смеялся, словно всю жизнь ждал минуты, чтобы попробовать свои силы. Неожиданно вражеская стрела ударила синекожего пришельца в грудь. Кхун покачнулся и медленно обернулся. Лизамон подхватила его и осторожно опустила на землю.

— Кхун! — закричал Валентин, бросаясь к нему.

Даже с расстояния двадцати ярдов было видно, что Кхун ранен смертельно. Он задыхался, худое, с резкими чертами лицо посерело, глаза потускнели. Увидев Валентина, он немного просветлел и попытался сесть.

— Мой лорд,— сказала великанша,— тебе здесь не место.

Валентин склонился над раненым.

— Кхун! Кхун?! — настойчиво шептал он.

— Все правильно, мой лорд. Так я и знал — не зря я прибыл на вашу планету.

— Кхун!

— Одно плохо... я не побываю на банкете в честь победы...

Валентин поддерживал чужеземца за костлявые плечи, но жизнь покинула Кхуна быстро и спокойно. Его долгое путешествие закончилось. Он наконец достиг цели и обрел покой.

Валентин выпрямился и оглянулся вокруг, воспринимая сумасшествие битвы, как во сне. Заслон его людей окружал его, и кто-то, кажется, Слит, дергал его за руку, чтобы отвести в безопасное место.

— Нет,— возразил Валентин,— я буду сражаться...

— Не здесь, мой лорд. Ты хочешь разделить судьбу Кхуна? Что будет со всеми нами, если ты погибнешь? Вражеские отряды придут к нам из прохода Перитол. Тебе нельзя находиться здесь.

Валентин понимал это. Доминина Барджазида не было на поле битвы, не следовало быть здесь и Валентину. Но как он может сидеть в фургоне, когда другие умирают, когда даже Кхун, инопланетянин, отдал жизнь за Валентина, когда любимый друг Элидат в опасности? Валентин заколебался. Слит выпустил его и тут же позвал Залзана Кавола. Скандар был неподалеку, с мечами в трех руках и энергометом в четвертой. Держа защитников на почтительном расстоянии, он пробился к Валентину. Тот вдруг подумал, что скандар может просто утащить его с поля боя силой, и сказал:

— Подожди. Предполагаемый наследник в опасности. Я приказываю тебе следовать за мной.

Слит и Залзан Кавол опешили.

— Какой наследник? — повторил Слит.— Кто?..

— Идите за мной. Я приказываю!

— Мой лорд,— начал Залзан Кавол,— твоя безопасность...

— Важно не только это. Слит, иди слева, Залзан Кавол — справа.

Они были слишком растеряны, чтобы не подчиниться. Валентин подозвал также и Лизамон. Под охраной друзей он быстро направился к переднему краю врага и закричал изо всех сил:

— Элидат!

Голос его разнесся далеко, и это могучий звук на миг заставил замереть все вокруг. За толпами неподвижных воинов Валентин разглядел Элидата, их глаза на мгновение встретились, и Валентин увидел, как темноволосый генерал на мгновение замер, нахмурился и пожал плечами.

— Схватите этого человека! Приведите его ко мне — невредимым! — крикнул Валентин Слиту и Залзану Каволу.

И в тот же миг суматоха битвы возобновилась с удвоенной силой. Воины Валентина снова накинулись на отчаянно отбивающегося и отступающего врага, и он во второй раз заметил Элидата, окруженного щитом из верных ему людей, отчаянно старающихся удержаться. Затем Элидат пропал из виду во всеобщем хаосе. Кто-то дергал его за рукав — Слит, наверное, или Карабелла,— снова и снова напоминая ему о возвращении в безопасное место, к повозке, но он только что-то неразборчиво буркнул в ответ и высвободил руку.

— Элидат из Морвола,— снова закричал Валентин.— Выходи на переговоры!

— Кто зовет меня? — послышался ответ.

Толпа между Валентином и Элидатом снова раздалась. Валентин протянул руки к хмурой фигуре и начал было говорить, но решил, что слова слишком медлительны и неуклюжи, поэтому

быстро вошел в транс и бросил Элидату через разделяющее их пространство полную силу своего духа в образах, спрессованных в долю секунды.

Два мальчика едут верхом по лесу... Толстый корень протянулся, как змея, через тропинку. Животное споткнулось, мальчик упал... Ужасный треск, и острая белая кость вылезла сквозь разорванную кожу... Второй мальчик спешился и испуганно присвистнул, увидев рану...

Валентин больше не в силах был удержать мысленные образы. Контакт прервался. Валентин в изнеможении отступил и вернулся к реальности.

Элидат растерянно смотрел на него. Они словно остались только вдвоем на поле, а все, что происходило вокруг, было не более чем шумовым фоном.

— Да,— сказал Валентин,— ты знаешь меня, Элидат, только не в этом облике.

— Валентин?

— Он самый.

Они пошли друг другу навстречу. Отряды обеих сторон окружили их и молча с интересом ожидали... Их разделяли несколько шагов, когда оба остановились и неуверенно приняли боевую позу, словно дуэлянты. Элидат ошеломленно разглядывал Валентина.

— Разве такое возможно? — спросил он наконец.— Разве существует такое колдовство?

— Мы ездили вместе в карликовый лес под Амблеморном,— напомнил Валентин.— Я никогда не испытывал такой боли, как в тот день. Помнишь, как ты вставлял сломанную кость на место и сам плакал, будто это была твоя нога?

— Откуда тебе все это известно?

— А потом я не мог ходить несколько месяцев, и ты, Тонигорн и Стазилейн рыскали по Горе без меня. Хромота у меня так и осталась.— Валентин засмеялся: — Доминин Барджазид украл у меня эту хромую ногу вместе с моим телом. Разве кто-нибудь даже из близких ему мог рассчитывать на такую милость?

Элидат потряс головой, как бы сбрасывая паутину сна.

— Колдовство!

— Да. А я — Валентин.

— Валентин в Замке. Я виделся с ним вчера, он вызывал меня, разговаривал о старых временах, о наших развлечениях...

— Это украденные воспоминания, Элидат. Он шарил в моем разуме. Ты ничего необычного не заметил в нем за последний год?

Валентин внимательно посмотрел в глаза Элидата, и тот отвел взгляд, словно боясь оказаться под властью чар.

— Тебе не казалось, что твой Валентин отдалился от тебя, стал задумчивым, таинственным?

— Да, но я думал, что его сделали таким государственные заботы.

— Но все-таки ты уловил разницу, перемену?

— Да, легкую. Некоторую холодность, отчуждение...

— Ты все еще не признаешь меня?

— Валентин? — прошептал Элидат недоверчиво.— Это и в самом деле ты — в чужом теле?

— Именно. А тот, который в Замке, обманул и тебя, и весь мир.

— Это так странно...

— Брось бормотать, Элидат! Давай же, обними меня!

Валентин широко улыбнулся, притянул друга к себе и крепко обнял. Элидат оцепенел, тело его стало как деревянное. Затем он оттолкнул Валентина и отступил, дрожа.

— Не бойся меня, Элидат.

— Ты слишком многого хочешь от меня. Поверить в такое...

— Поверь.

— Я и так наполовину поверил. Тепло твоих глаз, твоя улыбка, твои воспоминания...

— Поверь мне до конца,— настаивал Валентин.— Хозяйка Острова, моя мать, шлет тебе свою любовь. Ты снова увидишь ее в Замке, когда мы будем праздновать мою победу. Поверни свои отряды, мой дорогой друг, присоединяйся ко мне, и мы вместе пойдем на Гору.

Лицо Элидата выражало борьбу, губы его шевелились, щека дергалась. Он долго молча смотрел на Валентина и наконец произнес:

— Пусть это безумие, но я верю тебе, Валентин. Я присоединяюсь к тебе, но да поможет тебе Божество, если ты обманул меня.

— Обещаю тебе, ты не раскаешься.

Элидат кивнул:

— Я пошлю гонцов к Тонигорну.

— Где он?

— Охраняет проход Перитол от твоего предполагаемого нападения. Стазилейн тоже там. Я расстраивался, что меня оставили командовать здесь, поскольку думал, что пропущу все действие. Ох, Валентин, неужели это и вправду ты? Золотые волосы, невинные глаза...

— Я тот, кто вместе с тобой, позаимствовав колесницу Вориакса, ускользнул в Высокий Морпин, когда нам было по десять, и мы ездили на ней целый день и еще полночи, а после меня наказали, так же как и тебя...

— Да, посадив на хлебные корки стаджа на три дня...

— А Стазилейн украдкой приносил нам мясо, и попался, и на следующий день вместе с нами ел хлебные корки...

— А я забыл об этом. А помнишь, как Вориакс заставил нас полировать его колесницу, которую мы испачкали?

— Элидат!

— Валентин!

Оба засмеялись и дружески потыкали друг друга кулаками.

— Но где же ты был? — Элидат вдруг нахмурился.— Что с тобой происходило весь этот год? Ты страдал? Ты...

— Это очень долгая история,— серьезно ответил Валентин.— Сейчас не время и не место рассказывать ее. Надо остановить сражение, Элидат. Невинные граждане погибают за Доминина Барджазида. Мы не можем допустить это. Собирай свои отряды и поворачивай их обратно.

— В этом сумасшедшем доме это нелегко!

— Отдай приказ. Передай другим командирам. Кровопролитие надо остановить. А затем отправимся вместе к Бомбифэйлу, а оттуда — мимо Высокого Морпина — к Замку.

Глава 11

Валентин вернулся в свою повозку, а Элидат исчез среди поредевших отрядов защитников. От Ирманара Валентин узнал, что во время переговоров его люди сильно продвинулись вперед, по-прежнему держась плотным клином, и привели большую, но плохо организованную армию мнимого короналя в почти полный беспорядок. Клин продолжал расширяться, а отряды противника уже не имели ни воли, ни желания сдерживать его. Без крепкого боевого духа Элидата защитники оказались беспомощными.

Однако именно из-за беспорядочных действий и царившего в рядах защитников Горы смятения остановить битву оказалось почти невозможно. Сотни и тысячи воинов хлынули хаотическими потоками на Бомбифэйлскую равнину, и еще тысячи бежали из Прохода, и обуздать всю эту толпу просто не было средств. Валентин увидел звездное знамя Элидата где-то в середине поля и понял, что тот пытается связаться со своими офицерами, но армия вышла из-под контроля, и солдаты гибли напрасно.

Все это безумно огорчало Валентина, но он не мог ничего сделать. Он дал сигнал Ирманару продолжать движение вперед.

Через час ход битвы начал странным образом изменяться. Клин Валентина шел вперед, почти не встречая сопротивления, а фаланга под предводительством Элидата столь же легко продвигалась с востока. Остатки гигантской армии, занимавшей равнину, были, таким образом, разделены, и, запутавшись, они уже воевали друг с другом, разбиваясь на небольшие группы, которые отчаянно цеплялись за островки плато и отбивались от любого, кто к ним приближался.

Скоро эти бесполезные орды остались далеко в тылу у Валентина, а двойная колонна вошла в ту часть равнины, откуда начинался подъем к Бомбифэйлу, самому старому и самому красивому из Внутренних Городов. Стоял ранний полдень, когда они поднялись по склону, небо стало еще ярче, а воздух теплее, поскольку пояс облаков закончился и начались нижние склоны вершины, вечно купавшейся в лучах солнца.

Теперь уже был виден Бомбифэйл. Он возвышался, как памятник древней роскоши: громадные зубчатые стены из оранжевого песчаника с большими гранеными плитами голубого морского шпата, привезенного с берегов Великого океана во времена лорда Пинитора, и величественными, стройными и изящными остроконечными башнями, стоявшими через равные промежутки на зубцах стен.

Душа Валентина преисполнилась радости. Сотни миль Замковой горы остались позади, пройдены, кольцо за кольцом, великие города: Города Склона, Свободные и Сторожевые Города. Сам же Замок находился еще примерно в одном дне пути наверх, и армия, которая могла остановить восхождение Валентина, сейчас в полном беспорядке рассыпалась позади. И хотя по ночам он еще ощущал далекие, исполненные угроз послания Короля Снов, они лишь слегка задевали его. Его любимый друг Элидат

поднимался с ним, Стазилейн и Тонигорн тоже намеревались присоединиться к нему.

Как хорошо было смотреть на шпили Бомбифэйла и знать, что впереди! Холмы, ограничивающие город вдали, чистая трава лугов, красный камень горной дороги от Бомбифэйла до Высокого Морпина, усыпанные цветами поля, связывавшие тракт Калинтэйн с южным крылом Замка,— он знал все эти места лучше, чем свое новое, все еще не вполне привычное тело. Он был почти дома.

А дальше?

Покончить с узурпатором, восстановить порядок... Задача была так огромна, что Валентин не знал, с чего начать. Он отсутствовал в Замке почти два года. Законы, изданные Доминином Барджазидом, нужно будет проверить и, скорее всего, отменить. Еще один вопрос, над которым он доселе просто не задумывался: как ввести своих спутников в имперскую службу. Ему нужно найти посты для Делиамбера, Слита, Залзана Кавола и других. Надо думать и об Элидате и прочих, занимавших центральное положение при его дворе. Не мог же он их сместить только потому, что вернулся из ссылки с новыми любимцами. Все это было очень сложно, но он надеялся, что сумеет уладить все, не вызвав недовольства и не причинив...

Делиамбер вдруг резко прервал ход его мыслей:

— Боюсь, нам грозят новые неприятности, и притом немалые.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты заметил какие-нибудь перемены в небе?

— Да. Оно стало ярче, когда мы вышли из пояса облаков.

— Посмотри внимательнее,— настаивал Делиамбер.

Валентин уставился вверх. Да, он и в самом деле поторопился с ответом.

Небо изменилось, и очень странно, появилось легкое затемнение, как перед грозой, ни одного облачка, только странный и зловещий оттенок серого наползал на голубизну. Знамена, ранее колыхавшиеся на легком западном ветерке, склонились к югу под внезапным сильным порывом ветра с вершины.

— Погода меняется,— сказал Валентин.— Может, дождь пойдет? А почему ты обеспокоен?

— Ты когда-нибудь видел внезапные перемены погоды в этой части Замковой горы?

— Нет, вообще-то...

Валентин нахмурился.

— Этого никогда не было. Мой лорд, почему в этом районе такой благословенный климат?

— Потому что из Замка им управляют громадные погодные машины...

Он замолчал, пораженный ужасной мыслью.

— Вот именно,— кивнул Делиамбер.

— Нет, это немыслимо!

— Подумай, мой лорд. Гора устремляется высоко в холодную ночь космоса. В Замке над нами прячется испуганный человек, коварно захвативший трон. Он видит, что большая часть его верных генералов перешла на сторону врага. Непобедимая армия беспрепятственно поднимается на вершину Горы. Как может он уберечься от нее? Выключить машины, чтобы этот мягкий воздух замерз в наших легких, чтобы в полдень настала ночь и мрак вакуума обрушился на нас, чтобы Гора снова стала безжизненной, как десять тысяч лет назад. Посмотри на небо, Валентин, посмотри на знамена на ветру!

— Но на Горе живет миллиард жителей! — закричал Валентин.— Если он выключит погодные машины, он убьет вместе с нами всех, и себя тоже, если он не нашел какой-нибудь способ изолировать Замок от холода!

— Ты думаешь, ему дорога теперь собственная жизнь? Он пропал в любом случае. Но так с ним погибнешь не только ты — он убьет и всех обитателей Замковой горы. Посмотри на небо, Валентин. Видишь, как оно темнеет?

Валентин дрожал от ярости. Доминин Барджазид хочет уничтожить в этом чудовищном катаклизме все города Горы, убить матерей с детьми, фермеров на полях, торговцев в лавках, миллионы и миллионы невинных, которые никак не участвуют в этой борьбе за Замок. Зачем эти убийства? Только чтобы утолить свою ярость, теряя то, что никогда не принадлежало ему по праву! Валентин смотрел в небо, все еще надеясь, что это какой-то природный феномен. Глупо надеяться! Делиамбер был прав: погода на Замковой горе никогда не была природным феноменом.

— Мы еще далеко от Замка,— встревожился Валентин.— Сколько времени пройдет, прежде чем все погибнут?

Делиамбер пожал плечами:

— Когда погодные машины были созданы, мой лорд, прошло много месяцев, пока воздух достаточно уплотнился, чтобы под-

держивать жизнь на этих высотах. Машины работали день и ночь, однако это заняло много времени. Ломать — не строить, но все-таки, я думаю, это произойдет не очень скоро, не в одно мгновение.

— Сумеем ли мы вовремя достичь Замка и предотвратить уничтожение?

— Как знать, мой лорд...

Валентин приказал остановить повозку и собрал офицеров. Фургон Элидата еще до приказа уже спешил к Валентину: видимо, Элидат тоже заметил что-то. В воздухе ощущался лишь слабый намек на похолодание, но и этого было вполне достаточно для серьезных опасений.

Элидат подбежал к Валентину и указал на темнеющее небо.

— Мой лорд, безумец решился на самое худшее!

— Я знаю. Мы тоже заметили перемену.

— Тонигорн уже близко, а Стазилейн едет со стороны Бэнглекода. Мы должны как можно быстрее двигаться к Замку.

— Думаешь, успеем? — спросил Валентин.

— Постараемся.— Элидат нервно улыбнулся.— Но это будет самое быстрое путешествие домой, когда-либо совершаемое мною.

Собрались озадаченные Слит, Карабелла, Лизамон, Эйзенхарт, Ирманар. Эти чужие на Замковой горе люди, вероятно, заметили перемену погоды, но не сделали из этого таких мрачных выводов. Они встревоженно смотрели то на Валентина, то на Элидата, чувствуя, что происходит что-то неладное, но не понимая, что именно. Валентин объяснил.

— Остановки в Бомбифэйле не будет,— добавил он.— Мимо Высокого Морпина едем прямо к Замку и нигде не задерживаемся.

Он взглянул на Ирманара.

— Я полагаю, возможна паника в отрядах. Не допусти ее. Объясни всем, что мы будем спасены, если вовремя достигнем Замка, что единственная надежда — в скорости. Понятно? От нее зависят жизни миллиарда граждан, в том числе и наши.

Глава 12

Подъем на Гору был вовсе не таким радостным, как представлял себе Валентин. После победы на Бомбифэйлской равнине с него как бы свалился тяжкий груз, потому что он не видел больше препятствий на своем пути. Он мечтал о безмятежном

путешествии к Внутренним Городам, о триумфальном банкете в Бомбифэйле, о том, как Барджазид трясется от страха в ожидании его, о входе в Замок, о захвате узурпатора, о полной победе. Но все эти приятные мечты разлетелись. Армия в отчаянной спешке поднималась вверх. Небо с каждой минутой становилось темнее, ветер с вершины крепчал, воздух становился все более сырым и едким. Что думают об этих переменах в Бомбифэйле, Перитоле и выше — в Хэлэнксе и Морпине, да и в самом Замке?

Конечно, все понимают, что произошло нечто ужасное, если вся прекрасная Замковая гора содрогается от непривычных порывов холодного ветра и день вдруг обращается в ночь. Но понимают ли они, какое бедствие обрушивается на них? А обитатели Замка? Пытается ли кто-нибудь добраться до погодных машин, которые выключил их сумасшедший корональ, или узурпатор перекрыл доступ к машинам и смерть все равно поразит всех?

До Бомбифэйла было теперь рукой подать. Валентин сожалел, что они вынуждены проехать мимо города, ведь его армия после боев нуждалась хотя бы в короткой передышке. Но если они задержатся в Бомбифэйле, то останутся в нем навеки.

Так что — вверх и вверх, сквозь надвигающуюся ночь. Как ни быстро они ехали, Валентину все равно казалось, что они продвигаются слишком медленно, потому что он представлял себе собиравшиеся на площадях городов беспорядочные толпы перепуганных людей, глядевших в небо, кричавших: «Лорд Валентин, спаси нас!» — и не знавших, что черноволосый человек, к которому они обращают свои мольбы, и есть виновник их гибели. Он мысленно видел, как жители Замковой горы миллионами хлынут на дороги в паническом бегстве на нижние уровни, в безнадежных, бесплодных попытках избежать смерти. Он представлял себе, как языки пронизывающего ветра лижут прекрасные растения Барьера Толингара, замораживают каменных птиц Фурибла, губят элегантные сады Сти и Минимула, превращают в лед каналы Хоикмара. Это чудо — Замковая гора — создавалось восемь тысяч лет, а безумец с холодной и подлой душой уничтожит ее в мгновение ока.

Стены и башни Бомбифэйла, прекрасные даже в этом гаснущем свете, манили к себе, но Валентин проехал мимо, торопясь дальше по ступеням горной дороги, вымощенной древними плитами красного камня. Повозка Элидата шла справа от него, Карабеллы — слева, чуть позади ехали Слит, Залзан Кавол, Ирма-

нар, Лизамон, а за ними — все отряды, собранные Валентином в его долгом путешествии. Все спешили за своим лордом, но понимали, что наступает миг апокалипсиса, когда зло готово восторжествовать и победить его могут только мужество, храбрость и скорость.

Валентин сжал кулаки, пытаясь усилием воли заставить повозку двигаться быстрее. Делиамбер, сидевший рядом, уговаривал его успокоиться. Но как быть спокойным, когда сам воздух Замковой горы уходит молекула за молекулой, а непроглядная тьма ледяной ночи начинает окутывать все вокруг?

— Видишь вдоль дороги деревья с малиново-золотыми цветами? — обратился Валентин к колдуну.— Это галантинги, посаженные четыреста лет назад. Когда они цветут, в Высоком Морпине устраивают фестиваль, и тысячи людей танцуют на дороге между ними. Видишь — листья уже съежились и почернели по краям. Они никогда не знали такой низкой температуры, а холод еще только начинается. Что будет с ними через восемь часов? И что станет с людьми, любившими танцевать под ними? Если даже такой холод губит листья, что будет в настоящий мороз и снег? Снег на Замковой горе! И даже хуже, чем снег,— когда исчезнет воздух и все окажется беззащитным под звездами!

— Мы еще не пропали, мой лорд. Что за город над нами?

— Высокий Морпин — город развлечений, где происходят игры.

— Думай об играх, которые будут здесь в следующем месяце, мой лорд, в честь твоего триумфа.

Валентин кивнул.

— Да,— сказал он без тени иронии,— я буду думать об играх, о смехе, о вине, о цветах на деревьях, о пении птиц. Нельзя ли заставить этот фургон двигаться быстрее, Делиамбер?

— Он плавает в воздухе, а не летает. Наберись еще терпения. Замок уже близко.

— Еще несколько часов,— угрюмо произнес Валентин.

Он изо всех сил старался сохранить душевное равновесие. Он вспоминал Валентина-жонглера, простоватого парня, похороненного теперь где-то в глубинах его существа, который когда-то стоял на стадионе в Пидруиде и отрабатывал только что выученные приемы, сосредоточиваясь только на точности руки и остроте глаза. «Держись в центре своей души, помни, что жизнь — игра, путешествие, короткие развлечения, что коронали могут

падать в реки, что их могут сожрать морские драконы, высмеять в пантомиме метаморфы».

Ну и что? Довольно слабое утешение. Это неудачи одного человека, довольно тривиальные в глазах Божества, хоть этот человек и был короналем. А здесь — угроза миллиарду невинных жизней и произведению искусства — Горе, возможно единственной во всей Вселенной.

Валентин посмотрел на безбрежное темнеющее небо, на котором, как он боялся, скоро проявятся звезды, прямо в полдень. Все эти звезды — множество миров, и было ли на какой-нибудь из них хоть что-то сравнимое с Горным замком и Пятьюдесятью Городами? И все это сегодня погибнет?

— Высокий Морпин,— произнес Валентин.— Я надеялся, что мое возвращение к тебе будет более счастливым.

— Тише, успокойся,— прошептал Делиамбер.— Сегодня мы пройдем мимо. В другой раз ты приедешь сюда в радости.

Высокий Морпин сияющим воздушным плетением поднимался справа. Город-фантазия, город игр, чудес и грез, город, сплетенный из золотой проволоки, как думал в детстве Валентин, когда смотрел на его чудесные здания. Сейчас он бросил на него взгляд и быстро отвернулся. До Замка оставалось десять миль — сущий пустяк.

— Как называется эта дорога? — спросил Делиамбер.

— Большой тракт Калинтэйн. Я тысячу раз ездил по нему в город развлечений и обратно. Поля, окружающие его, засеяны таким образом, что в любой день года на них что-нибудь цветет, и всегда в гармоничном сочетании красок: желтое по соседству с голубым, красное — вдали от оранжевого, по краям — розовые и белые цвета. А сейчас, видишь, все цветы отвернулись от нас и поникли на стеблях.

— Если холод их уничтожит, растения можно посадить снова. Но пока еще этого не случилось. Они не так нежны, как ты думаешь.

— Я чувствую холод на их листьях, как на собственной коже.

Теперь они были на вершине Замковой горы, так высоко над равнинами Алханроэля, как будто попали на другую планету. Здесь все заканчивалось фантастическим взлетом островерхих пиков и утесов. Вершина словно сотнями копий целилась в звезды, и среди этих изящных каменных шпилей поднимался округлый бугор высочайшего места на планете, где восемь тысяч лет

назад, после победы над метаморфами лорд Стиамот устроил свою имперскую резиденцию. И с тех пор каждый кораль отмечал свое правление новыми залами, пристройками, зубчатыми стенами и парапетами. Замок тянулся на тысячи акров, город в себе, лабиринт более запутанный, чем убежище понтифекса. И вот они почти достигли Замка.

Совсем стемнело. Над их головами светились холодные, безжалостные звезды.

— Наверное, воздух уходит,— прошептал Валентин.— И скоро придет смерть.

— Просто наступила ночь,— ответил Делиамбер.— Мы ехали весь день без отдыха, и ты не заметил, как прошло время.

— А воздух?

— Он становится более холодным и более разреженным, но он еще не ушел.

— Время еще есть?

— Есть.

Они проехали последний поворот. Валентин хорошо его помнил: поворот тракта взлетал резкой дугой вокруг горы, и перед ошеломленным путешественником вырастал Замок.

Валентин еще не видел Делиамбера таким изумленным.

— Что это за здания, Валентин? — тихо спросил колдун.

— Это Замок.

Да, это был Замок лорда Малибора, Замок лорда Вориакса, Замок лорда Валентина. Ниоткуда нельзя было увидеть его целиком или хотя бы сколько-нибудь значительную его часть, но отсюда открывалась громадная каменная и кирпичная кладка, поднимавшая уровень над уровнем, лабиринт над лабиринтом, завиваясь по спирали, сверкая миллионами огней.

Страх Валентина исчез, а вместе с ним и мрачное настроение. Лорду Валентину не пристало печалиться в Замке лорда Валентина. Теперь он дома, и какая бы рана ни была нанесена миру, он сумеет ее залечить.

Тракт Калинтэйн заканчивался площадью Дизимаул возле южного крыла Замка — огромным открытым пространством, вымощенным кусочками зеленого фарфора с золотой Горящей Звездой в центре. Валентин вышел из фургона и собрал своих офицеров. Дул пронзительный холодный ветер.

— Здесь есть стража у ворот? — спросила Карабелла.— Нам не придется сражаться?

Валентин улыбнулся и покачал головой:

— Стражи нет. Кто и когда вторгался в Замок короналя? Мы просто проедем через арку Дизимаул. Но внутри можем снова встретиться с вражескими отрядами.

— Стража Замка подчиняется мне,— сказал Элидат,— и с ней буду иметь дело я.

— Хорошо. Держитесь вместе, уповайте на Божество, а утром отпразднуем победу. Клянусь!

— Да здравствует лорд Валентин! — закричал Слит, и все подхватили приветствие.

Валентин поднял руки — как в знак признательности, так и для того, чтобы восстановилась тишина.

— Праздновать будем завтра, а сегодня даем бой, и, надеюсь, последний!

Глава 13

Какое странное ощущение — вновь пройти под Аркой Дизимаул и замереть от восторга, увидев перед собой пышное великолепие Замка!

Мальчиком он играл на этих бульварах и улицах, терялся среди чудес бесконечно перепутывающихся проходов и коридоров, благоговейно взирал на стены и башни, ограды и своды. Юношей, на службе у своего брата лорда Вориакса, он жил в Замке во дворе Пинитора, где располагались резиденции высоких официальных лиц, и много раз гулял вдоль парапета во дворе лорда Оссира, любуясь Верхними Городами. Став короналем, он занимал самый внутренний сектор дворца. Он с наслаждением прикасался к древним камням Башни лорда Стиамота, проходил через тронный зал лорда Конфалюма, изучал звезды в обсерватории лорда Кинникена и размышлял о том, что он сам добавит к Замку. И вот теперь он снова здесь и только сейчас осознал, как любит это место — не за то, что оно было символом власти и имперского величия, а главным образом потому, что это была ткань веков, живая, дышащая ткань истории.

— Замок наш! — радостно закричал Элидат.

Армия Валентина вошла в неохраняемые ворота.

«Но что хорошего,— подумал Валентин,— если по Горе идет смерть и все жители умрут через несколько часов?» Слишком много времени прошло с тех пор, как воздух начал разрежаться.

Валентин хотел попытаться как-то задержать процесс рассеивания атмосферы.

Усилившийся холод, упавший на Замковую гору, нигде не был так заметен, как в самом Замке. Его обитатели, уже ошеломленные и испуганные событиями гражданской войны, стояли, как восковые фигуры, в то время как отряды Валентина врывались внутрь Замка. Некоторые, более практичные или быстрее соображающие, кричали:

— Да здравствует лорд Валентин!

Большинство же при виде золотоволосого незнакомца вели себя так, словно мозги их уже начали замерзать.

Отряды атаковавших быстро и точно двигались к указанным Валентином целям. Герцог Хейтлуиг и его воины из Бибируна хлынули по периметру Замка, чтобы остановить любые вражеские силы. Эйзенхарт и шесть отрядов жителей долин стали закрывать многочисленные ворота Замка, чтобы никто из приверженцев узурпатора не смог ускользнуть. Слит и Карабелла со своими отрядами пошли наверх, к имперским холлам внутреннего сектора, чтобы захватить правительственные посты. Сам Валентин с Элидатом, Ирманаром и их объединенными силами спустился по спиральному мощеному проходу к подземелью, где находились погодные машины. Остальные отряды под командой Насимонта, Залзана Кавола, Шанамира, Лизамон и Горзвала растеклись по всему Замку в поисках Доминина Барджазида, который мог скрываться в любой из тысяч комнат.

В конце мощеного спуска Валентин остановил повозку, потому что она не могла двигаться дальше, и быстро пошел пешком. Нос, губы и уши немели от холода, сердце сильно колотилось, легкие с трудом работали в разреженном воздухе. Подземелье было почти незнакомо ему, он был здесь всего раз или два, и то очень давно, но Элидат, похоже, знал дорогу. По коридорам, по бесконечным пролетам широкой каменной лестницы они устремились к высокой арке, точками мерцавшей вдали. Воздух заметно охлаждался, неестественная ночь плотнее охватывала Гору.

Перед ними возникла громадная деревянная дверь, обитая толстыми металлическими полосами.

— Взломать! — приказал Валентин.— Прожечь, если понадобится!

— Подожди, мой лорд,— прозвучал тихий дрожащий голос.

Валентин быстро обернулся. Древний гэйрог, с кожей, похожей на пергамент, с безжизненно свисающими змееподобными волосами, вышел из проема в стене и неуверенно, пошатываясь, подошел к ним.

— Хранитель погодных машин,— пробормотал Элидат.

Гэйрог выглядел полумертвым.

Он растерянно переводил взгляд с Элидата на Ирманара, с Ирманара на Валентина, а затем упал к ногам Валентина, обняв сапоги короналя.

— Мой лорд... лорд Валентин, спаси нас! Машины выключены!

— Ты можешь открыть дверь?

— Да, милорд. Командный пост в этом проходе, но он занят отрядами, меня вытолкали оттуда. Что они сделали, мой лорд? Что будет со всеми нами?

Валентин поднял трясущегося гэйрога.

— Открой дверь.

— Слушаюсь, мой лорд. Минуточку...

«Скорее, вечность»,— подумал Валентин.

Послышался скрежет подземного механизма, и тяжелая дверь со скрипом и стоном начала отходить в сторону.

Валентин хотел первым ворваться в отверстие, но Элидат грубо схватил его за руку и оттащил назад. Валентин хлопнул по державшей его руке, словно то было надоедливое насекомое, но Элидат держал его крепко.

— Нет, мой лорд,— резко сказал он.

— Пусти, Элидат.

— Пусть это будет стоить мне головы, Валентин, но я не пущу тебя туда. Отойди в сторону.

Валентин оглянулся на Ирманара, но тот не поддержал его.

— Гора замерзает, мой лорд, а ты задерживаешь нас,— произнес Ирманар.

— Я не позволю...

— Отойди! — приказал Элидат.

— Я корональ!

— А я отвечаю за твою безопасность. Не обижайся, мой лорд, но внутри вражеские солдаты, отчаявшийся народ, защищающий последний оплот власти узурпатора. Увидит тебя какой-нибудь снайпер, и вся наша борьба окажется напрасной. Отойдешь сам, Валентин, или я буду вынужден оттолкнуть тебя?

Валентин раздраженно уступил и сердито смотрел, как Элидат с отрядом копьеносцев прошли мимо него внутрь. Почти сразу же послышались звуки сражения: крики, энергоразряды, стоны. Хотя люди Ирманара стерегли Валентина, он раз десять пытался растолкать их и ворваться в подземелье, но они держались стойко. Затем явился посланец от Элидата и сообщил, что первое сопротивление сломлено, что они идут вглубь, что там баррикады, ловушки, засады вражеских солдат через каждые несколько сотен ярдов. Валентин сжимал кулаки. Как это ужасно — быть священной особой и не иметь возможности рискнуть своей шкурой, а стоять в прихожей, пока вокруг кипит битва за него! Он решил войти внутрь — пусть Элидат хоть взбесится.

— Мой лорд!

К нему бежал запыхавшийся посыльный с другого конца коридора.

— В чем дело? — спросил Валентин.

— Меня послал герцог Насимонт. Мы нашли Доминина Барджазида. Он закрылся в обсерватории. Герцог просит тебя прийти побыстрее.

Валентин кивнул. Это было лучше, чем стоять здесь без дела.

— Передай Элидату,— велел он адъютанту,— что я пошел наверх. Он волен добираться до погодных машин любым способом, какой сочтет лучшим.

Едва Валентин отправился по проходам, как появился адъютант Горзвала и доложил, что узурпатор во дворе Пинитора, а еще через несколько минут пришло известие от Лизамон, что она преследует Доминина по спиральному проходу, ведущему к отражающему бассейну лорда Симинейва.

В главном холле Валентин нашел Делиамбера, зачарованно следившего за происходящим. Рассказав врууну о противоречивых рапортах, Валентин спросил:

— Может он находиться сразу в трех местах?

— Скорее всего, нет,— ответил колдун,— если только он не един в трех лицах, в чем я сомневаюсь. Но я ощущаю его присутствие, темное и сильное.

— Где?

— Трудно сказать. Его враждебная жизненная сила такова, что отражается от любого камня Замка, и эхо сбивает меня с толку. Но теперь, думаю, я больше не ошибусь.

— Лорд Валентин!

Это был новый посыльный со знакомым лицом: густые сросшиеся брови, легкая доверчивая улыбка. Тонигорн! Второй ближайший друг детства Валентина, теперь один из главных министров королевства. Он смотрел на незнакомца проницательными глазами, как бы пытаясь обнаружить за незнакомой внешностью настоящего Валентина. Рядом с ним стоял Шанамир.

— Тонигорн! — воскликнул Валентин.

— Мой лорд, Элидат сказал мне, что твой облик изменен, но я не думал...

— С этим лицом я кажусь тебе слишком чужим?

Тонигорн улыбнулся:

— Привыкнем, мой лорд. Но это потом. Я принес хорошие новости.

— Увидеть тебя снова — уже хорошая новость.

— Я принес лучшую. Предателя нашли.

— За последние полчаса я слышал уже три раза, что он в трех различных местах.

— Насчет тех рапортов я ничего не знаю, но мы его нашли.

— Где?

— Он спрятался во внутренних покоях. Последним его видел слуга, старый Канзимар, сохранявший ему преданность до конца. Он видел, как тот трясется и в ужасе бормочет что-то невнятное, и понял наконец, что перед ним не корональ. Изменник закрыл все помещения от тронного зала до гардеробных и сидит там один.

— Да, это и в самом деле хорошие новости!

Валентин повернулся к Делиамберу:

— Твое колдовство подтверждает это?

Делиамбер пошевелил щупальцами:

— Я чувствую злобное, ожесточенное присутствие в том величественном здании.

— Имперские комнаты,— сказал Валентин и обратился к Шанамиру: — Пошли известие Слиту, Карабелле, Залзану Каволу и Лизамон. Я хочу, чтобы они были со мной, когда мы пойдем туда.

— Слушаю, мой лорд.

Глаза мальчика заблестели.

— Кто эти люди, которых ты назвал? — спросил Тонигорн.

— Товарищи по странствиям, дружище. За время моей ссылки они стали мне очень близки.

— Тогда они будут близки и мне, мой лорд. Кто бы они ни были, я буду любить их, раз их любишь ты.— Тонигорн плотнее запахнул плащ.— Что за холод! Когда он кончится? Элидат сказал, что погодные машины...

— Да.

— Их можно поправить?

— Элидат там. Кто знает, что сделал с ними Барджазид... Будем надеяться на Элидата.

Валентин посмотрел на возвышающийся перед ним внутренний дворец и прищурился, как бы стараясь увидеть сквозь благородные каменные стены спрятавшееся за ними злобное испуганное существо.

— Этот холод удручает меня, Тонигорн. Излечение теперь в руках Божества и Элидата. Пошли посмотрим, нельзя ли выкурить это насекомое из его гнезда.

Глава 14

Близился момент последнего расчета с Доминином Барджазидом. Валентин быстро шел вглубь и вверх через все удивительные, хорошо знакомые комнаты.

Эта сводчатая постройка была архивом лорда Престимиона, где великий кораль создавал музей истории Маджипура. Валентин улыбнулся, подумав, что поместит свои жонглерские дубинки рядом с мечом лорда Стиамота и осыпанным драгоценностями плащом лорда Конфалюма. Вот поднимается в головокружительном взлете стройная, кажущаяся хрупкой, сторожевая башня, построенная лордом Ариоком,— поистине странная конструкция, предваряющая, пожалуй, значительно большие странности, проявленные Ариоком, позднее, во времена его понтифексата. Там двойной атриум с приподнятым бассейном в центре — часовня лорда Кинникена, примыкающая к прекрасному белокафельному залу резиденции Хозяйки Острова Сна, когда та посещала своего сына. А вот стеклянная крыша оранжереи лорда Конфалюма — личная слабость этого обожающего помпезность монарха, помещение, где собраны нежные растения со всего Маджипура. Валентин молил судьбу, чтобы растения пережили эту ночь зимнего холода, потому что он мечтал в ближайшее время прогуляться среди них и снова увидеть чудеса, которые встретил в лесах Зимроэля и на побережье Стойензара. Еще выше — через

бесконечный лабиринт коридоров, лестниц, галерей, туннелей, все дальше и дальше...

— Мы умрем не от холода, а от старости, прежде чем доберемся до Барджазида! — ворчал Валентин.

— Теперь уже скоро, мой лорд,— успокаивал его Шанамир.

— Не так скоро, как мне хочется.

— Как ты его накажешь, мой лорд?

Валентин взглянул на мальчика:

— Наказать? Какое наказание может быть за то, что он сделал? Отхлестать? Посадить на три дня на хлеб и на воду? Можно ли наказывать Стейч за то, что она выбросила нас на камни?

Шанамир оторопел:

— Совсем не наказывать?

— В твоем понимании — нет.

— Отпустить на все четыре стороны, чтобы он еще натворил дел?

— Тоже нет,— ответил Валентин.— Но сначала нужно его найти, а уж потом подумаем, что с ним делать.

Через полчаса — а казалось, что прошла вечность,— Валентин стоял перед самым сердцем Замка — огороженными стеной имперскими комнатами, не самыми древними, но наиболее священными. У первых короналей Маджипура здесь были правительственные залы, но потом их заменили более богатыми и впечатляющими помещениями великих правителей последнего тысячелетия, а тут, в стороне от других запутанных лабиринтов Замка, устроили торжественные покои власти. Самые важные государственные церемонии проводились в этих роскошных помещениях с высокими сводами, и вот теперь одно-единственное презренное существо затаилось за древними массивными дверями с огромными массивными резными ручками.

— Ядовитый газ,— предложила Лизамон.— Накачать через стену одну канистру и прихлопнуть его там, где бы он ни был.

— Да! — горячо поддержал ее Залзан Кавол.— Просунуть в эти трещины тонкую трубочку, и газ, каким в Пилиплоке убивают рыбу, поработает внутри.

— Нет,— возразил Валентин,— мы возьмем его живым.

— А это возможно, мой лорд? — спросила Карабелла.

— Можно выломать двери,— прогудел Залзан Кавол.

— Сломать двери лорда Престимиона, которые делали тридцать лет,— и лишь затем, чтобы вытащить мошенника из укры-

тия?! — воскликнул Тонигорн.— Мой лорд, затея с ядом, по-моему, неглупа. Нам нельзя тратить время.

— Мы не можем действовать, как варвары. Никаких отравлений не будет.

Валентин взял руки Карабеллы и Слита и поднял их вверх.

— Вы жонглеры с ловкими пальцами, и ты тоже, Залзан Кавол. Не воспользоваться ли вам ими для других целей?

— Открыть замки, мой лорд? — спросил Слит.

— Вроде того. В эти комнаты есть множество входов. Может, не все они с засовами. Идите, ищите путь в обход барьеров, а я пока попробую другой способ.

Он подошел к гигантской золоченой двери, на каждом квадратном дюйме которой были вырезаны рельефные сцены правления лорда Престимиона и его прославленного предшественника лорда Конфалюма, и положил руки на тяжелые бронзовые ручки, как бы намереваясь открыть дверь одним крепким нажатием.

Он стоял так довольно долго, отрешившись от всего, что напряженно кипело вокруг. Он попытался отыскать спокойное место в центре своей души, но встретил мощное препятствие: его мозг был наполнен бившей через край ненавистью к Доминину Барджазиду.

За этой массивной дверью находился человек, лишивший Валентина трона, пославший его в странствия, грубо и несправедливо правивший от его имени и, что хуже всего, совершенно чудовищно и непростительно собиравшийся уничтожить миллиард невинных, ни о чем не подозревавших граждан, когда его планы провалились.

Поэтому Валентин ненавидел Доминина Барджазида и поэтому стремился уничтожить его.

Пока он стоял, вцепившись в ручки двери, его мозг наполнили образы жестокости и насилия. Он видел Доминина Барджазида, с которого сдирали кожу, истекающего кровью и вопящего так, что было слышно в Пидруиде. Он видел Доминина Барджазида, прибитого к дереву оперенными стрелами. Он видел Доминина Барджазида, падающего под градом камней. Он видел...

Валентин дрожал от силы собственной ярости. Но никто в цивилизованном обществе не снимает заживо кожу с врага, никто не обращается с ним жестоко. Даже с таким врагом, как Доминин Барджазид.

«Как,— думал Валентин,— я могу управлять миром, если не умею справляться с собственными эмоциями?» Он знал, что, пока в его душе кипит такая злоба, он так же не имеет права быть короналем, как и Доминин Барджазид. Нужно победить эти чувства. Необходимо очиститься от дикой жажды мести, прежде чем он сделает хоть один шаг навстречу своему врагу.

Валентин боролся. Он расслабил сжавшиеся мышцы плеч и спины, глубоко вдохнул холодный воздух, и постепенно напряжение оставило его. Он нашел то место в своей душе, где так неожиданно вспыхнула злоба, и очистил его. Вот теперь он мог сосредоточиться и почувствовать, что в Замке только двое: он и Доминин Барджазид, и дверь — единственный барьер между ними. Овладеть собой — лишь малая победа, самое главное впереди.

Он воззвал к силе серебряного обруча Повелительницы Снов, вошел в транс и направил всю силу своего духа к врагу.

Послание Валентина не было сном мести и кары: это слишком явно, слишком дешево, слишком легко. Это был нежный сон любви, дружбы и печали о том, что случилось. Такое послание могло лишь удивить Доминина Барджазида. Валентин показал ему головокружительно прекрасный город развлечений — Высокий Морпин и их двоих, идущих рядом по аллее Облаков, дружески беседующих, улыбающихся, спорящих о различии между ними, пытающихся сгладить все разногласия. Это был рискованный путь. Он мог вызвать насмешки и презрение, если Доминин Барджазид не поймет мотивов Валентина. Но и действовать на него угрозами и яростью тоже было нельзя. Может быть, мягкий путь приведет к победе. Такое послание требовало больших душевных усилий, поскольку наивно было бы предполагать, что Барджазида можно легко обмануть, и если бы доброта Валентина не была искренней, он понял бы это и послание оказалось бы напрасным. Валентин не знал, сможет ли пробудить в себе добрые чувства к человеку, сделавшему столько зла, однако сумел это сделать. Он нашел их в своей душе и послал сквозь огромную дверь.

Закончив послание, Валентин взялся за дверные ручки, восстановил силы и стал ждать какого-либо знака изнутри.

Неожиданно пришел ответ: мощный взрыв ментальной энергии, пугающий, переполняющий, вырвался из имперских комнат подобно яростному горячему субраэльскому ветру. Валентин

почувствовал всю силу глумливого отказа своего врага. Тот не нуждался ни в любви, ни в дружбе. Его послание, заявляющее о продолжении войны, содержало недоверие, ненависть, злобу, презрение.

Удар был мощным. Валентин даже удивился, что Барджазид способен на послания. Наверняка тут действовала какая-то машина его отца, какое-то колдовство Короля Снов. Однако Валентин был готов к чему-то подобному и устоял перед иссушавшей силой энергии, посланной ему Доминином Барджазидом.

Затем он отправил второе послание, настолько же мягкое и искреннее, насколько послание Доминина было грубым и враждебным. Он послал сон прощения, полного забвения, показав Барджазиду гавань, флотилию сувраэльских кораблей, ожидающих его возвращения к отцу, большой парад, где Валентин и Доминин Барджазид вместе в колеснице направляются в порт, стоят на набережной, смеются, прощаются — два добрых врага, расстающихся по-хорошему.

В ответ пришел сон смерти, уничтожения, ненависти, отвращения.

Валентин медленно потряс головой, стараясь очиститься от лившейся к нему ядовитой грязи. В третий раз собрав силы, он принялся готовить послание врагу. Он не хотел опускаться до уровня Барджазида и все еще надеялся победить его теплом и добротой, хотя любой сказал бы, что глупо даже пытаться. Валентин закрыл глаза и сосредоточился на серебряном обруче.

— Мой лорд!

Женский голос пробился сквозь сосредоточенность Валентина, как раз когда он входил в транс. Вмешательство было резким и болезненным. Валентин обернулся с несвойственной ему злостью. Он был так потрясен, что не сразу узнал голос Карабеллы. Она испуганно попятилась.

— Мой лорд,— слабо произнесла она,— я не знала...

Он овладел собой.

— В чем дело?

— Мы... мы нашли способ открыть дверь.

Валентин закрыл глаза. Его тело облегченно расслабилось. Он улыбнулся и, притянув к себе Карабеллу, какое-то мгновение держал ее в своих объятиях, дрожа от покидавшего его тело напряжения.

— Веди меня туда.

Карабелла повела его по коридорам с древними драпировками и толстыми коврами. Она шла с уверенностью, удивительной для того, кто никогда не бывал здесь раньше. Они пришли к той части имперских комнат, которой Валентин не помнил,— к служебному входу где-то за тронным залом, маленькому скромному помещению. Слит, стоя на плечах Залзана Кавола, влез до пояса во фрамугу и производил какие-то манипуляции на внутренней стороне двери.

Карабелла пояснила:

— Мы уже открыли три двери, это четвертая. Еще минутку...

Слит вытащил голову и оглянулся, слегка усталый, покрытый пылью, но улыбающийся, явно довольный собой.

— Готово, мой лорд!

— Здорово!

— Мы войдем и схватим его,— сказал Залзан Кавол.— Где ты будешь ждать его, мой лорд?

— Нет,— возразил Валентин.— Я войду один.

— Ты, мой лорд? — недоверчиво спросил Залзан Кавол.

— Один? — удивилась Карабелла.

Слит, явно оскорбленный, закричал:

— Мой лорд, я не позволю...

И тут же умолк, испугавшись своих святотатственных слов.

— Не бойтесь за меня,— мягко обратился к ним Валентин.— Я должен это сделать сам, без чьей-либо помощи. Отойдите назад. Я запрещаю входить, пока не позову.

Они смущенно переглянулись. Карабелла начала было что-то говорить, но запнулась и замолчала. Шрам на лице Слита побагровел от прилившей крови. Залзан Кавол рыкнул и беспомощно развел всеми четырьмя руками.

Валентин толкнул дверь и прошел внутрь. Он оказался в каком-то вестибюле, видимо, кухонном проходе, едва ли знакомом короналю. Осторожно пройдя через него, он очутился в зале, обитом парчой, в котором после секундного замешательства узнал комнату для одевания. Позади находилась часовня Деккерета, а дальше — зал правосудия лорда Престимиона, громадная сводчатая комната с великолепными окнами матового стекла и канделябрами работы лучших мастеров Ни-мойи. За ним располагался тронный зал с величественным троном Конфалюма. Где-то в этих апартаментах Валентину предстояло встретиться с Доминином Барджазидом.

Комната для одевания оказалась пустой и выглядела так, словно ею не пользовались несколько месяцев. Каменная арка в часовню Деккерета не была занавешена. Валентин прошел туда, никого не увидел и отправился дальше по короткому изогнутому коридору с ярким зеленым и золотым мозаичным орнаментом к судейскому залу. Он глубоко вздохнул, положил руки на дверь и толкнул ее.

Сначала он подумал, что громадное помещение тоже пусто. В дальнем его конце, едва освещая зал, горел только один из больших канделябров. Валентин огляделся, посмотрел на ряды деревянных полированных скамеек, на занавешенные ниши, в которых позволялось скрываться принцам и герцогам, пока над ними вершился суд, на высокий трон. И тут он увидел человека в одеянии короналя, стоявшего в тени стола советника у подножия трона.

Глава 15

За время своих скитаний Валентин увидел и испытал много удивительного и необычного. Но стоять меньше чем в сотне футов от человека с лицом, когда-то принадлежавшим ему, Валентину... Такого ему испытывать не приходилось. До этого Валентин дважды видел поддельного короналя во время фестиваля в Пидруиде и чувствовал тогда, сам еще не зная почему, что взгляд короналя вытягивает из него энергию. Но тогда он еще не обрел память. Теперь перед ним в слабом свете стоял высокий, сильный черноволосый мужчина с жестокими глазами — прежний лорд Валентин, одетый как принц, и вовсе не съежившийся, бормочущий что-то в страхе, а встречающий его с холодной спокойной угрозой. «Неужели я так выглядел? — удивился Валентин.— Таким равнодушным, ледяным, недоступным?» Потом он подумал, что за то время, пока Доминин Барджазид владел его телом, чернота души узурпатора проступила на его лице и изменила черты короналя, придав им выражение болезненной ненависти.

Валентин уже привык к своему добродушному, жизнерадостному новому виду и теперь, глядя на свое бывшее лицо, не ощущал желания получить его обратно.

— Я сделал тебя красивым, верно? — спросил Барджазид.

— А себя — куда меньше,— сердечно сказал Валентин.— Зачем ты хмуришься, Доминин? Этому лицу больше идет улыбка.

— Ты слишком много улыбался, Валентин. Ты был слишком уступчивым, слишком мягким, слишком легкомысленным, чтобы править.

— Значит, так ты обо мне думал?

— Не только я, но и многие другие. Как я понимаю, ты стал бродячим жонглером?

— Мне нужно было новое ремесло, раз ты отнял мое прежнее. Жонглирование мне подошло.

— Неудивительно.

Голос Доминина Барджазида гулко раздавался в пустом зале.

— Ты всегда умел развлекать других. Я советую тебе вернуться к жонглированию, Валентин. Печати власти — мои.

— Печати твои, но власть — нет. Твоя стража сбежала от тебя. Замок тебе не принадлежит. Сдавайся добровольно, Доминин, и мы отпустим тебя к твоему отцу.

— А как насчет погодных машин, Валентин?

— Они снова включены.

— Ложь! Глупая ложь!

Доминин Барджазид быстро повернулся и распахнул высокое окно. Порыв холодного воздуха ворвался так стремительно, что Валентин на другом конце зала почувствовал его почти сразу.

— Машины охраняются моими самыми преданными людьми — не твоими, а моими, привезенными из Сувраэля. Они останутся на своем посту до тех пор, пока я не прикажу снова включить машины, и если вся Замковая гора почернеет и погибнет, не дождавшись этого приказа, пусть так и будет, Валентин. Пусть так и будет! Ты хочешь, чтобы это произошло?

— Этого не будет.

— Будет,— отрезал Барджазид,— если ты останешься в Замке. Уходи. Я обещаю тебе безопасный спуск с Горы и дарую бесплатный переезд в Зимроэль. Жонглируй в западных городах, как в прошлом году, и забудь свои глупые мечты о троне. Я — лорд Валентин, корональ.

— Доминин...

— Мое имя — лорд Валентин! А ты — бродячий жонглер из Зимроэля. Уходи и займись своим ремеслом.

— Это звучит заманчиво, Доминин,— беспечно ответил Валентин.— Мне нравилось выступать, нравилось больше, чем все остальное, что я делал до этого. Но судьба требует, чтобы я нес бремя правления, невзирая на мои личные желания. Пойдем.—

Он сделал к Барджазиду шаг, второй, третий...— Пойдем отсюда. Я объявлю рыцарям Замка, что мятеж окончен и планета возвращается на истинный путь.

— Не подходи!

— Я не желаю тебе зла, Доминин. В каком-то смысле я даже благодарен тебе за мой исключительный опыт, за все, что никогда не случилось бы со мной, если бы...

— Назад! Ни шагу больше!

Валентин продолжал идти вперед.

— Я благодарен тебе также за то, что ты избавил меня от досадной хромоты, которая лишала меня некоторых развлечений.

— Ни... шагу... больше...

Теперь их разделяло не более десяти футов. Рядом с Доминином Барджазидом находился стол с принадлежностями судейского зала: тремя тяжелыми бронзовыми подсвечниками, имперской державой и скипетром. Барджазид с яростным криком схватил обеими руками подсвечник и швырнул его в голову Валентина. Валентин проворно шагнул в сторону и точным движением руки поймал на лету тяжелый предмет. Барджазид швырнул второй подсвечник. Валентин поймал и его.

— Давай еще один,— сказал он.— Я покажу тебе, как жонглируют.

Лицо Барджазида исказилось, он задыхался, шипел и рычал от злости. К Валентину полетел третий подсвечник. Первые два уже легко кружились в воздухе, перелетая из одной руки Валентина в другую, и ему не составило труда схватить на лету третий и пустить его следом за другими, создавая перед собой сияющий каскад. Он весело жонглировал ими, смеялся, подбрасывая их все выше. Как приятно было снова жонглировать, снова пользоваться старыми навыками, надеясь на руки и глаза.

— Видишь? — спросил он.— Вот так. Мы можем обучить и тебя, Доминин. Только научись расслабляться. Ну-ка брось мне еще и скипетр, и державу тоже. Я могу работать пятью предметами, а может, и больше. Какая жалость, что так мало зрителей, но...

Жонглируя, он шел к Барджазиду, а тот пятился, широко раскрыв глаза и капая слюной на бороду.

Вдруг Валентин резко остановился и покачнулся — послание ударило его со страшной силой. Подсвечники со звоном покатились по темному деревянному полу. Последовал второй удар,

затем третий. Валентин изо всех сил старался удержаться на ногах. Игра с Барджазидом окончилась, началась какая-то новая схватка, которой Валентин еще не понимал. Он рванулся вперед, намереваясь схватить противника, прежде чем тот успеет нанести еще один удар.

Барджазид отступал, закрыв лицо дрожащими руками. Сам ли он нападал, или в комнате прятался его союзник? Когда эта неуловимая, невидимая сила ударила в его мозг снова, Валентин отпрянул. Он пошатнулся, прижал ладони к вискам и попытался собраться с мыслями. Схватив Барджазида, он удержится сам, повалит его, сядет на него и позовет на помощь. Он ринулся вперед и схватил за руку лже-короналя. Доминин взвыл и вырвался.

Валентин хотел прижать его к стене, но Барджазид с диким воплем страха и отчаяния метнулся мимо него, побежал, ковыляя, через комнату, нырнул в одну из занавешенных ниш и закричал:

— Отец, помоги мне!

Валентин подбежал, отдернул занавеску и отступил, ошеломленный. В нише прятался могучий, черноглазый, смуглый старик с блестящим золотым обручем на лбу. В руке он держал какой-то прибор из кости и золота с ремешками, застежками и рычажками. Это был Симонан Барджазид, Король Снов, страшный властитель Субраэля, вдруг очутившийся здесь, в судейском зале короналя. Это он отправлял леденившие мозг послания, чуть не погубившие Валентина. Сейчас он силился послать еще одно, но его отвлекал сын, судорожно цеплявшийся за него и умолявший о помощи.

Валентин понял, что одному тут не справиться, и громко закричал:

— Слит, Карабелла! Залзан Кавол!

Доминин Барджазид всхлипывал и стонал. Король Снов пнул его, как надоедливую собачонку. Валентин осторожно пробрался в нишу, надеясь выхватить у старого Симонана Барджазида эту ужасную машину сна, пока тот не успел причинить с ее помощью еще большего вреда.

Как только Валентин потянулся к ней, произошло нечто еще более ошеломляющее: контуры лица и тела Симонана Барджазида заколыхались, стали расплываться, изменяться, превращаться во что-то чудовищно-странное, угловатое, тонкое. Глаза скосились внутрь, нос стал просто бугорком, губы почти исчезли.

Метаморф...

Не Король Снов вовсе, а поддельный, маскарадный король — меняющий форму, пиуривар, метаморф...

Доминин Барджазид в ужасе завизжал, отскочил от странной фигуры и бросился на пол у стены, дрожа и причитая. Метаморф глянул на Валентина с нескрываемой ненавистью и со страшной силой запустил в него машиной сна. Валентин отскочил, но недостаточно быстро: машина вскользь ударила его в грудь, и в это мгновение метаморф проскочил мимо него, стремительно пронесся через зал к открытому Доминином Барджазидом окну, перемахнул через подоконник и исчез в ночи.

Глава 16

Бледный, потрясенный Валентин повернулся и увидел, что зал полон: Слит, Карабелла, Делиамбер, Тонигорн и множество других, поспешно вбегавших из узкого вестибюля. Он указал на Доминина Барджазида, жалкого, в шоке скорчившегося на полу.

— Тонигорн, поручаю тебе заняться им. Отведи его в безопасное место и присмотри, чтобы ему не причинили вреда.

— Двор Пенитора, мой лорд,— самое безопасное место. Дюжина вооруженных людей будет все время охранять его.

Валентин кивнул.

— Хорошо. Не оставляйте его одного. И вызови к нему врача: он перенес чудовищное потрясение.— Он поглядел на Слита.— Дружище, нет ли у тебя с собой фляжки вина? Я и сам тут пережил несколько странных минут.

Слит протянул ему фляжку. Рука Валентина так дрожала, что он чуть не пролил вино, поднося фляжку ко рту. Несколько успокоившись, он подошел к окну, через которое выпрыгнул метаморф.

Где-то далеко внизу, футах в ста, если не больше, горели фонари. Несколько фигур во дворе окружили нечто, покрытое плащом.

Валентин отвернулся.

— Метаморф,— растерянно проговорил он.— Не сон ли это? Я видел, как здесь стоял Король Снов, и вдруг он превратился в метаморфа и выпрыгнул в окно.

Карабелла тронула его за руку:

— Мой лорд, не хочешь ли отдохнуть? Замок взят.

— Метаморф,— снова удивленно повторил Валентин.— Как это могло случиться?

— Метаморфы были и в зале погодных машин,— сказал Тонигорн.

— Что? Кто это сказал?

— Мой лорд, Элидат только что вернулся из подземелья с удивительным рассказом.

Тонигорн махнул рукой, и из толпы вышел сам Элидат, усталый, в запачканном плаще и разорванном костюме.

— Мой лорд!

— Как погодные машины?

— Они целы и снова вырабатывают теплый воздух, мой лорд.

Валентин облегченно вздохнул:

— Хорошо! Там были, ты говоришь, метаморфы?

— Зал охраняли отряды в форме личной стражи короналя,— ответил Элидат.— Мы приказали им сдаться, но они не подчинились даже мне. Пришлось сражаться с ними. Мы убили их, мой лорд.

— Другого выхода не было?

— Не было, мой лорд. Умирая, они изменились...

— Все?

— Да. Все они были метаморфами.

Валентин вздохнул. Странность на странности в этом кошмарном перевороте!

Он чувствовал, как на него наваливается безмерная усталость. Машина жизни крутится снова, Замок принадлежит ему, фальшивый кораль — пленник, мир спасен, порядок восстановлен, угроза тирании устранена. И все-таки есть еще новая тайна, а он так страшно устал...

— Мой лорд,— позвала Карабелла,— пойдем со мной.

— Да,— глухо сказал он,— мне надо немного отдохнуть.— Он слабо улыбнулся.— Отведи меня, милая, на кушетку в комнате для одевания. Я часок посплю. Ты помнишь, когда я спал в последний раз?

Карабелла взяла его под руку:

— Кажется, несколько дней назад.

— Недели, месяцы назад. Но все равно, не давай мне спать больше часа.

— Хорошо, мой лорд.

Он упал на кушетку. Карабелла укрыла его покрывалом, погасила свет, и Валентин позволил усталому телу расслабиться.

Через его мозг проносились яркие образы: Доминин Барджазид вцепился в колени старика, Король Снов злобно отталкивает его и орудует той странной машиной, затем быстрое изменение — и на Валентина смотрит лицо пиуривара. Страшный крик Доминина, метаморф, бросающийся к открытому окну... Все это снова и снова крутилось в измученном мозгу Валентина...

И незаметно к нему пришел сон, подкравшийся, пока он боролся с демонами зала Правосудия.

Спал он не час, как намеревался, а несколько больше. И проснулся оттого, что яркий, золотистый утренний свет бил ему в глаза. Он сел и потянулся. Все тело болело. «Сон,— подумал он,— дикий, смущающий сон. Нет, не сон».

— Отдохнул, мой лорд?

Карабелла, Слит, Делиамбер были рядом, охраняли его сон. Он улыбнулся:

— Отдохнул. И ночь прошла. Что-нибудь произошло?

— Почти ничего,— ответила Карабелла,— кроме того, что воздух снова нагревается. Замок ликует. Вниз по Горе идет известие о перемене, пришедшей на планету.

— Метаморф, который бросился из окна, разбился насмерть?

— Конечно, мой лорд,— кивнул Слит.

— У него были одежда и регалии Короля Снов и один из его приборов. Как это случилось?

— У меня есть лишь предположение, мой лорд,— сказал Делиамбер.— Я разговаривал с Доминином Барджазидом. Он почти лишился разума и поправится не скоро, если вообще поправится. Он рассказал мне кое-что. В прошлом году его отец, Король Снов, тяжело заболел, и все думали, что он вот-вот умрет. Ты в это время был еще на троне.

— Но я ничего не знал об этом.

— Они об этом не сообщали. Но он был очень плох, и тогда в Сувраэле появился новый врач откуда-то из Зимроэля, якобы обладавший большими знаниями. Действительно, Король Снов чудесным образом выздоровел, можно сказать, восстал из мертвых. И, поправившись, он убедил сына устроить тебе ловушку в Тил-омоне и сместить тебя.

Валентин задохнулся:

— Врач... Метаморф?

— Да, но принявший вид человека вашей расы. Затем, я думаю, он принял облик Симонана Барджазида и сохранял его,

пока сила столкновения в зале Правосудия не заставила измененную форму заколебаться и исчезнуть.

— А Доминин? Он тоже?..

— Нет, мой лорд. Он настоящий Доминин, и вид того, кого он считал отцом, покалечил его мозг. Но, понимаешь, именно метаморф толкнул его на преступление, и легко догадаться, что другой метаморф заменил бы Доминина как короналя.

— А метаморфские стражники, охранявшие погодные машины, повиновались приказам лже-Короля Снов, а вовсе не Доминина. Тайный мятеж, так, Делиамбер? Вовсе не захват власти семьей Барджазидов, а начало мятежа меняющих форму.

— Боюсь, что так, мой лорд.

— Это многое объясняет,— произнес Валентин, глядя в пространство.— И вносит еще больше беспорядка.

— Мой лорд,— сказал Слит.— Нужно разыскать тех, кто скрывается среди нас, и истребить, а остальных запереть в Пиурифэйне, где они не смогут вредить нам!

— Полегче, дружище,— остановил его Валентин.— Ты все еще ненавидишь живых метаморфов, верно?

— Не без причины!

— Да, возможно. Ну что ж, мы их разыщем, чтобы не было тайных метаморфов, прикидывающихся понтифексом, Хозяйкой Острова или даже работником в стойлах. Но, я думаю, мы должны наладить отношения с этим народом и вылечить их от злобы, если удастся, иначе Маджипур будет ввергнут в бесконечную войну.— Он встал, застегнул плащ и поднял руки.— Друзья, у нас впереди много работы, но первым делом — праздник! Слит, назначаю тебя распорядителем. Устраивай банкеты, организовывай развлечения, приглашай гостей. Пошли известие на Маджипур, что все хорошо, или почти хорошо, и что Валентин снова на троне!

Глава 17

Тронный зал Конфалюма был самым большим из всех помещений Замка, роскошным, величественным, с яркой позолотой, прекрасными гобеленами, полом из шелковистого дерева с гор Кинтора. Там происходили самые важные имперские церемонии, но таких празднеств в этом зале еще не бывало.

Высоко на громадном многоступенчатом Троне Конфалюма сидел лорд Валентин, корональ, слева на троне, чуть пониже,—

Повелительница Снов, его мать, вся в белом, а справа, на троне такой же высоты, как и трон Повелительницы,— Хорнкэст, главный спикер понтифекса (Тиеверас прислал свои извинения и Хорнкэста вместо себя). Перед ними выстроились герцоги, принцы и рыцари королевства в таком количестве, какого не бывало со времен самого лорда Конфалюма: верховные лорды из далекого Зимроэля, из Пидруида, Тил-омона, Нарабаля, герцог-гэйрог из Дюлорна, великие герцоги Пилиплока, Ни-мойи и пятидесяти других городов Зимроэля, высокие гости из сотни городов Алханроэля, не считая Пятидесяти Городов Замковой горы.

Но не все, заполнявшие зал, были герцогами и принцами, были и более скромные гости: скандар Горзвал, парусный мастер Кордеин, плотник Панделон, торговец шкурами хьорт Виноркис, мальчик Хиссун из Лабиринта, Тизана, толковательница снов из Фалкинкипа, и многие другие рангом не выше их стояли среди вельмож, и лица их сияли.

Лорд Валентин встал, отсалютовал матери, ответил на приветствие Хорнкэста и поклонился, когда раздались крики:

— Да здравствует корональ!

Едва наступила тишина, он произнес:

— Сегодня мы устраиваем большой фестиваль в честь восстановления всеобщего благоденствия и полного порядка. Мы приготовили для вас представление.

Он хлопнул в ладоши, и вошли двенадцать музыкантов под предводительством Шанамира. Рога, барабаны, трубы заиграли приятную веселую мелодию. За ними вошли жонглеры в костюмах редкой красоты, впору хоть принцам: впереди Карабелла, за ней Слит, а потом грубые косматые Залзан Кавол и его два брата. Они несли всевозможный жонглерский инвентарь: мечи, ножи, серпы, факелы, яйца, тарелки, ярко раскрашенные дубинки и многое другое. Дойдя до середины зала, они встали лицом друг к другу по лучам воображаемой Звезды.

— Подождите,— сказал лорд Валентин.— Тут есть место еще одному! — Он спустился по ступеням трона Конфалюма и остановился на третьей снизу. Валентин улыбнулся Хозяйке Острова, подмигнул Хиссуну и махнул Карабелле, которая кинула ему кинжал. Он ловко поймал его, она бросила второй и третий, и он начал жонглировать ими на ступенях трона, как обещал матери на Острове Сна.

Это было сигналом к началу жонглирования. Воздух засиял от множества предметов, которые, казалось, летали сами по себе. Мир еще не видел такого жонглирования, лорд Валентин был в этом уверен. Через несколько минут он сошел со ступеней трона, присоединился к жонглерам и с радостным смехом стал обмениваться серпами и факелами со Слитом, скандарами и Карабеллой.

— Как в старые времена! — улыбнулся Залзан Кавол.— Но ты, мой лорд, теперь работаешь даже лучше!

— Публика вдохновляет меня,— ответил лорд Валентин.

— А можешь жонглировать, как скандар? — спросил Залзан Кавол.— А ну-ка, мой лорд, хватай! Хватай! Хватай!

Он прямо как из воздуха выдергивал яйца, тарелки и дубинки, его четыре руки беспрерывно двигались, и каждую схваченную вещь он бросал лорду Валентину, а тот без устали принимал их, жонглировал ими и перебрасывал Слиту или Карабелле. В ушах его звучали похвалы зрителей — без сомнения, искренние, восторженные. Да, вот это жизнь! Как в старые времена, даже лучше! Он засмеялся, поймал сверкающий меч и высоко подбросил его.

Элидат считал, что короналю неприлично давать представление перед принцами королевства, и Тонигорн был согласен с ним, но лорд Валентин добродушно заметил, что ему наплевать на этикет. Теперь он видел, как они, раскрыв рты, смотрят со своих почетных мест на это поразительное зрелище. Однако он понимал, что пора остановиться. Поочередно освобождая свои руки от предметов, которые поймал, он начал отступать.

Дойдя до первой ступени трона, он обернулся и поманил Карабеллу:

— Пойдем со мной, будем зрителями.

Щеки ее залились краской, но она, не колеблясь, избавилась от дубинок, ножей и яиц и подошла к трону. Лорд Валентин взял ее за руку и вместе с ней поднялся по ступеням.

— Мой лорд,— прошептала она.

— Ш-ш-ш. Это очень серьезно. Осторожно, не споткнись.

— Я споткнусь? Я? Жонглер?

— Прости, Карабелла.

— Я прощаю тебя, Валентин.

— Лорд Валентин.

— Значит, теперь будет так, мой лорд?

— Не всегда. Когда мы вдвоем — нет.

Они поднялись на верхнюю ступеньку. Их ждало двойное сиденье, отделанное зеленым и золотым бархатом.

Лорд Валентин постоял, мгновение вглядываясь в толпу.

— Где Делиамбер? — шепотом спросил он.— Я не вижу его!

— Ему неинтересно,— ответила Карабелла,— и он, наверное, уехал на время праздника. Колдуны скучают на фестивалях, а жонглирование его никогда не занимало, ты сам знаешь.

— Ему полагалось бы находиться здесь,— пробормотал Валентин.

— Когда он тебе понадобится, он вернется.

— Надеюсь. Ну, давай сядем.

Они заняли свои места на троне.

Внизу жонглеры показывали свои лучшие трюки, казавшиеся чудом даже лорду Валентину, хотя он и знал, как они выполняются. Глядя на жонглеров, он чувствовал странную печаль, потому что теперь ему самому приходится оставить труппу, чтобы подняться на трон. Это было серьезным изменением в его жизни. Он понимал, что жизнь бродячего жонглера, свободная и радостная, осталась позади, что на него вновь всей тяжестью навалилась ответственность власти, которой он не желал, но от которой не мог отказаться. И это его огорчало.

— Как-нибудь, когда нас никто не будет видеть, мы потихоньку соберемся все и покидаем дубинки. Как, Карабелла?

— Наверное, да, мой лорд. Я хотела бы этого.

— Мы вообразим, что находимся где-нибудь между Фалкинкипом и Дюлорном и гадаем, пригласят ли нас в Непрерывный цирк, найдем ли мы гостиницу и...

— Мой лорд, ты только взгляни, что делают скандары! Просто глазам не веришь! Так много рук, и все в работе!

Лорд Валентин улыбнулся.

— Я попрошу Залзана Кавола объяснить мне, как это делается. Как-нибудь. Когда у меня будет время.

Хроники Маджипура

Это вымышленная история. Сюжет в целом, равно как и описанные в романе события, действующие лица и места действия являются порождением фантазии автора или же используются условно. Любое возможное совпадение с реально существующими или существовавшими людьми, компаниями или событиями, имевшими место в реальности, является случайным.

ПРОЛОГ

Пошел четвертый год с тех пор, как корональ лорд Валентин вернул себе похищенный у него трон. И в это время в душе Хиссуна — мальчишки, мелкого служащего в Доме Записей Лабиринта Маджипура — произошел какой-то перелом. Он уже шесть месяцев занимался инвентаризацией архивов сборщиков налогов — составлял бесконечный перечень документов, в которые никто никогда не заглядывал и не заглянет,— и было очень похоже, что этой работы ему должно было хватить еще на год, на два, а то и на три. А занятие это, как понимал Хиссун, было совершенно бессмысленным: кому и зачем могли потребоваться отчеты провинциальных сборщиков налогов, живших во времена лорда Деккерета, или лорда Калинтэйна, или даже правившего в незапамятные времена лорда Стиамота? Документы были свалены беспорядочной кучей, и, несомненно, они того и заслуживали. И вот теперь по воле какого-то злого рока Хиссун вынужден их разбирать. Он отлично понимал, насколько бесполезной и бессмысленной была его работа, из которой можно было извлечь разве что великолепный урок географии гигантской планеты Маджипур. Сколько на ней провинций! Сколько городов! Три колоссальных материка разделялись и подразделялись на тысячи муниципальных единиц с многомиллионным населением. И пока Хиссун занимался этим делом, его сознание заполняли названия и Пятидесяти Городов Замковой горы, и огромных городов Зимроэля, и таинственных поселений в пустынях Суврaэля, и провинциальных столиц, откуда в течение четырнадцати тысяч лет процветающей жизни Маджипура лился не поддававшийся воображению поток податей: Пидруид, Нарабаль, Нимойя, Алаизор, Стойен, Пилиплок, Пендивэйн, Амблеморн, Ми-

нимул, Толагай, Кангиз, Нату-Горвину... Сколько же их! Миллионы названий! Но когда человеку всего лишь четырнадцать лет от роду, география способна увлечь его лишь на какое-то более или менее продолжительное время, а потом начинает все сильнее и сильнее надоедать.

Хиссун все сильнее нервничал. А присущая ему склонность к озорству с каждым днем все чаще прорывалась наружу.

Неподалеку от пыльной комнатушки в Доме Записей, где мальчик разбирал и раскладывал горы налоговых отчетов, располагалось куда более интересное место — Регистр памяти душ, доступ к которому был закрыт для всех, кроме самых высокопоставленных особ империи (да и то, по слухам, не для каждого). Хиссун кое-что знал об этом месте — ему вообще было много известно о Лабиринте, даже о запретных его уголках. Вернее, прежде всего о них: ведь он уже с восьми лет почти все время проводил на улицах огромного подземного города и зарабатывал на жизнь, нанимаясь в проводники к приезжим. Бойкость и живой ум всегда помогали ему перехватить крону-другую. «Это Дом Записей,— с важным видом объяснял он путешественникам.— В нем есть комната, где хранятся воспоминания миллионов жителей Маджипура. Нужно взять капсулу, вложить ее в щель специального устройства — и внезапно словно бы становишься тем, кем оставлена запись: оказываешься во временах лорда Конфалюма или лорда Симинэйва или сражаешься вместе с лордом Стиамотом против метаморфов. Вот только попасть в эту комнату почти невозможно». И это было действительно так. Но не удастся ли ему, думал Хиссун, проникнуть туда под предлогом уточнения дат для своих разысканий в налоговых архивах. А потом побывать в миллионах сознаний, в самых различных временах — временах величайших и удивительнейших событий истории Маджипура!

Да, его работа определенно станет более терпимой, если ему удастся найти достаточно веский предлог и внедриться в Регистр памяти душ.

Ему не потребовалось долго тянуть, прежде чем мечта начала воплощаться в реальность. Он без труда смог выведать, где в Доме Записей находятся печати для документов, и потихоньку подготовил для себя все необходимые пропуска. И как-то под вечер с пересохшим от волнения горлом и гулким звоном в ушах,

охваченный возбуждением, направился по ярко освещенным извилистым коридорам к своей цели.

С тех пор как Хиссун в последний раз испытывал нечто подобное, прошло уже немало времени. Конечно, жизнь уличного мальчишки давала немало поводов для волнений, но он уже давно расстался с нею: они позволили ему вкусить блага цивилизованной жизни, приручили его, дали работу. Работу! Они! И кто такие они? Не «они», а «он» — корональ собственной персоной, вот кто! Хиссун до сих пор не переставал изумляться тому, что произошло. Давным-давно (по собственному летосчислению мальчика) лорд Валентин в чужом облике скитался по городам и материкам, а на его троне восседал узурпатор Барджазид. И когда настоящий корональ пришел в Лабиринт, Хиссун нанялся ему в проводники, каким-то образом угадав его истинную сущность. И с этого и начались перемены в жизни мальчика-бродяжки. Потом он узнал, что лорд Валентин направился к Замковой горе, а потом узурпатор был низвергнут, а потом, во время второй коронации, Хиссун, одно лишь Божество ведает почему, вдруг очутился на церемонии в замке лорда Валентина. Какое же это было время! Никогда еще прежде ему не доводилось покидать Лабиринт, видеть солнечный свет — и вот уже он едет на украшенной знаками верховного правителя парящей повозке по долине Глэйджа, минуя множество городов, которые доселе видел лишь во сне. Вскоре перед ним выросла Гора, тридцатимильная громада, парящая над поверхностью земли, словно другая планета, а потом показался и сам Замок, а еще немного позже грязный мальчишка стоял рядом с короналем и обменивался с ним шуточками. Да, это было поистине восхитительно, но то, что последовало за этим, захватило Хиссуна врасплох. Корональ почему-то решил, что мальчишка чего-то стоит, и велел готовить его к будущей государственной службе. Энергия, сообразительность и предприимчивость юного бродяжки восхищали короналя. Прекрасно! Хиссун оказался под покровительством самого короналя. Тоже прекрасно! Просто изумительно! А потом он вернулся в Лабиринт — прямиком в Дом Записей! Это было уже далеко не так прекрасно. Хиссун терпеть не мог чиновников, этих идиотов, прячущих лица под масками и плодящих бумаги в глубинах Лабиринта. И вот теперь благодаря особому покровительству короналя он сам превратился в одного из них. А он-то надеялся, что у него просто появится возможность зарабаты-

вать на жизнь каким-то иным способом, чем экскурсии по Лабиринту для приезжих, но и представить себе не мог, что все обернется таким образом! «Отчет сборщика налогов одиннадцатого округа провинции Чорг префектуры Бибируна за одиннадцатый год царствования понт. Кинникена и кор. лорда Оссиера» — о нет, нет! Разве это жизнь?! Месяц, шесть месяцев, год, занимаясь своей «милой» работенкой в своей «милой» комнатушке в Доме Записей, Хиссун продолжал надеяться на то, что лорд Валентин вот-вот вспомнит о нем, прикажет доставить его в Замок, возьмет к себе на службу и назначит — кем? — ну хотя бы личным адъютантом... И тогда жизнь обретет наконец-то некий смысл. Но кораль, похоже, позабыл о нем, как, впрочем, и следовало ожидать. Он должен был управлять целым миром, населенным двадцатью или тридцатью миллиардами разного рода разумных существ — так разве может рассчитывать на его особое внимание какой-то мальчишка из Лабиринта?! Хиссун всерьез опасался, что лучший момент его жизни уже позади, что он пришелся на те часы, которые он провел в Горном замке, а теперь, по извечной жестокой иронии судьбы, он навсегда превратился в жалкого письмоводителя одной из канцелярий понтифекса и обречен провести всю жизнь, перебирая пыльные бумаги...

Но неподалеку существует Регистр памяти душ, и его обязательно следует изучить.

Даже если он никогда больше не выберется из Лабиринта, он сможет — только бы никто ему не помешал! — побывать в сознании давно умерших людей, исследователей, первопроходцев, воинов, даже короналей и понтифексов. Мысль об этом несколько утешала.

Он вошел в небольшой вестибюль и предъявил пропуск дежурившему там тусклоглазому хьорту.

Хиссун был готов к пространным объяснениям: особое поручение короналя, важнейшее историческое исследование, необходимость сопоставить демографические сведения, уточнить данные в порученных ему документах — о, подобные разговоры были его стихией, и слова готовы были потоком хлынуть с его языка. Но хьорт лишь лениво поинтересовался:

— Умеешь обращаться с аппаратом?

— Плохо помню. Лучше покажите мне еще разок.

Уродливое существо с дряблым туловищем и усыпанным бородавками лицом с бесчисленными подбородками лениво поднялось на ноги и, шаркая ногами, побрело не оглядываясь по короткому коридору со сводчатым потолком, неожиданно ловкими движениями пальцев отперло замок на двери, вошло в комнату и указало на экран, под которым располагались два ряда кнопок:

— Пульт управления. Закажешь нужные капсулы записей. Потом распишешься. Вставлять их нужно вот сюда. Не забудь погасить свет, когда будешь уходить.

И все? Вот так тайна! Вот так охрана!

Хиссун остался наедине с записями воспоминаний всех когда-либо обитавших на Маджипуре.

Ну, может быть, почти всех. Конечно, миллиарды жителей планеты уходили в небытие, даже и не помыслив о том, чтобы оставить капсулу с записью истории своей жизни. Но каждый, достигший двадцатилетнего возраста, раз в десять лет получал возможность внести свой вклад в это хранилище. Хиссун знал, что стеллажи, наполненные совсем крошечными, чуть больше зерна, капсулами, в которых чудесным образом хранится то, что видели, слышали и знали давно ушедшие к Источнику Всего Сущего люди, занимают чуть ли не целый ярус Лабиринта и тянутся на многие мили. Он положил руки на пульт и увидел, что пальцы дрожат.

С чего начать?

Он хотел познать все. Он хотел пересечь леса Зимроэля с первопроходцами, побывать у метаморфов, переплыть под парусами Великий океан, поохотиться на морских драконов в океане за архипелагом Родамаунт и... и... и... Он дрожал, с трудом сдерживая нетерпение и вглядываясь в кнопки. С чего начать? Можно набрать дату, место, определенную личность. Но как угадать, что следует выбрать: ведь история планеты насчитывает четырнадцать тысяч лет? Нет, тысяч восемь-девять, ведь записи, насколько ему было известно, доходили лишь до времени лорда Стиамота или, может быть, чуть ранее. Как трудно принять решение! Минут десять Хиссун просидел в полной неподвижности, не отваживаясь нажать на кнопки.

А потом набрал наобум. Что-нибудь пораньше, решил он. Континент — Зимроэль, время — правление короналя лорда Бархольда, жившего даже раньше Стиамота, личность... любая. Да, любая!

На панели появилась маленькая блестящая капсула.

Затрепетав от изумления и предчувствия, Хиссун вложил ее в отверстие, которое показал ему хьорт, и надел шлем.

Сначала он услышал неровные потрескивающие звуки. Потом перед глазами под сомкнутыми веками замелькали неясные, смазанные полосы — синие, зеленые, алые. Работает? Да! Да! Он ощутил присутствие чужого разума! Неизвестный ему человек умер девять тысяч лет тому назад, но его сознание...— ее?.. да, ее!.. это была женщина, молодая женщина,— вливалось в Хиссуна до тех пор, пока он не перестал быть уверенным, кто же он на самом деле — Хиссун из Лабиринта или Тесме из Нарабаля.

Негромко всхлипнув от радости, Хиссун освободился от того «я», с которым он прожил все четырнадцать лет своей жизни, и полностью отдался во власть чужой души.

ЧАСТЬ 1

ТЕСМЕ И ГЭЙРОГ

Глава 1

Вот уже шесть месяцев Тесме одиноко жила в хибарке, которую построила своими руками в густых тропических джунглях примерно в полудюжине миль к востоку от Нарабаля. Сюда не долетал морской бриз, и царящая везде тяжелая влажная сырость словно покрывала эту часть мира меховой пеленой или саваном. Ей никогда прежде не приходилось заботиться о себе, и поначалу ее беспокоило, насколько успешно она с этим справится. Хижину она строила тоже впервые, но выполнила эту задачу вполне прилично: она нарезала несколько охапок тонких стволов молодых сиджаниловых деревьев, содрала с нижних концов золотистую кору, заострила их и вбила в мягкую влажную землю, а затем сплела стволы между собой длинными тонкими лианами и, наконец, закрепила на крыше пять неестественно огромных голубых листьев врамма, которые образовали кровлю. Конечно, не архитектурный шедевр, но дождь внутрь не попадал, да и холода можно было не слишком опасаться. За какой-нибудь месяц сиджаниловые столбы укоренились, выбросили новые побеги и раскинули молодые кожистые листья прямо под потолком; похожие на виноград лианы тоже продолжали жить, свешивая мягкие красные усики, в конце концов находившие далеко внизу плодородную землю. Так что дом теперь словно ожил и, по мере того как лианы становились прочнее, а деревья все глубже запускали корни в почву, с каждым днем делался уютнее и надежнее. Тесме это нравилось. В Нарабале ничто не могло долго оставаться мертвым: слишком уж теплым был воздух, слишком

ярким солнце, слишком обильными дожди, и все, лишившееся было жизни, с буйной, жизнерадостной легкостью тропиков быстро возрождалось в каком-либо новом качестве.

Одиночество тоже, как выяснилось, не слишком тяготило. Очень уж много было в Нарабале такого, от чего хотелось удрать; там жизнь Тесме пошла как-то вкривь и вкось: неисчислимое множество разного рода неурядиц, внутреннее смятение, друзья, превратившиеся в незнакомцев, любовники, ставшие врагами. Ей исполнилось двадцать пять лет от роду, и необходимо было приостановиться, оглянуться на прошлое, сменить темп и ритм жизни, пока ее не разнесло в клочья. Джунгли подходили для этого идеально. Тесме рано вставала, купалась в маленьком озерце, которое ей приходилось делить с покрытым коростой старым громварком и стайкой крохотных прозрачных чичиборов, ела на завтрак свежесорванные ягоды токки, помногу читала, пела, сочиняла стихи, проверяла ловушки — не попался ли кто, забиралась на вершины деревьев и принимала солнечные ванны, лежа в гамаке из лиан, снова купалась, разговаривала сама с собой и с заходом солнца отправлялась спать. Поначалу она опасалась, что ей нечем будет заняться и она скоро соскучится, но быстро убедилась, что ошибалась: время было заполнено до предела и каждый день приходилось откладывать что-нибудь на завтра.

Она намеревалась раз в неделю ходить в Нарабаль — купить еды, подобрать новые кубики и книги, заглянуть иной раз на концерт или спектакль, навестить семью или, может быть, кого-нибудь из приятелей. И действительно, некоторое время она посещала город довольно часто. Но погода была жаркой и душной, да и дорога отнимала полдня, и, по мере того как Тесме привыкала к уединению, Нарабаль казался ей все более шумным и суматошным, а походы туда приносили все меньше и меньше удовольствия. Горожане пялили на нее глаза. Тесме знала, что к ней всегда относились как к эксцентричной, даже чуточку сумасшедшей дикарке, а теперь стали считать, что она вовсе спятила и сбежала в лес, чтобы вдали от посторонних глаз прыгать по ветвям деревьев. Так что промежутки между ее визитами в город становились все продолжительнее и продолжительнее; теперь она ходила туда лишь в случае крайней необходимости. К тому моменту, когда Тесме наткнулась на раненого гэйрога, она не была в Нарабале по меньшей мере пять недель.

Тем утром она забрела в заболоченное редколесье в нескольких милях к северо-востоку от своей хижины. Время от времени она отправлялась туда собирать калимботы — желтые душистые грибы. Мешок был почти полон, и Тесме уже стала подумывать о возвращении домой, как вдруг случайно заметила в нескольких ярдах от себя нечто необычное — под высоким сиджаниловым деревом неуклюже вытянулось на земле неизвестное ей существо с блестящей, отливающей металлом серой кожей и трубчатыми конечностями. Оно походило на хищную рептилию, которая некогда погубила ее отца и брата, рыбачивших в Нарабальском проливе,— гладкую, длинную, медленно двигающуюся тварь с кривыми когтями и большими ровными зубами. Но, осторожно подкравшись поближе, Тесме разглядела, что своей массивной круглой головой, длинными руками и крепкими ногами существо отдаленно напоминает человека. На первый взгляд оно показалось мертвым, но, стоило ей подойти ближе, как существо шевельнулось и заговорило:

— Я ранен. Поплатился за собственную глупость.

— Можешь пошевелить руками или ногами? — спросила Тесме.

— Руками — да. Сломана одна нога и, возможно, спина. Ты поможешь мне?

Она нагнулась, чтобы рассмотреть существо получше. Да, сверкающая чешуя и гладкое тело делали его похожим на рептилию. Взгляд холодных зеленых глаз был немигающим. Вместо волос голову покрывала масса странных густых черных завитушек, которые медленно шевелились сами по себе. Змеевидный ярко-алый и раздвоенный язык безостановочно мелькал взад и вперед между почти незаметных губ.

— Кто ты? — спросила она.

— Гэйрог. Ты что-нибудь знаешь о нас?

— Конечно,— кивнула Тесме. На самом деле ей было известно очень мало. За прошедшее столетие на Маджипуре обосновалось несколько нечеловеческих рас — целый зверинец инородцев. Их некогда пригласил сюда корональ лорд Меликанд, так как в то время людей для заселения гигантской планеты было слишком мало. Тесме слышала о четвероруких, о двуглавых, о крошечных существах со щупальцами и о чешуйчатых чужаках со змеиными языками и змеящимися волосами, однако до сих пор никто из инородцев не забирался так далеко, до самого Нара-

баля, города, лежавшего на краю света, на громадном расстоянии от прочих цивилизованных мест. Так, значит, это и есть гэйрог? «Странное существо,— подумала она.— Тело почти человеческое, но тем не менее лишенное свойственных людям признаков. Чудовищная, по-настоящему кошмарная тварь, и в то же время не такая уж страшная».

Она посочувствовала бедняге гэйрогу: это надо же — потеряться так далеко и от своего родного мира и от себе подобных обитателей Маджипура! Да он еще и тяжело ранен. Что ей теперь делать? Пожелать всего хорошего и бросить на произвол судьбы? Жестоко. Отправиться в Нарабаль и организовать спасательную экспедицию? На это уйдет по меньшей мере два дня, если кто-нибудь вообще пожелает отправиться на помощь странной твари. Притащить к себе в хижину и выхаживать, пока не выздоровеет? Этот вариант показался ей самым подходящим. Но что будет с ее уединением? И как ухаживать за гэйрогом? Да и вообще, стоит ли брать на себя такую ответственность? Риск немалый — ведь он чужак, и она понятия не имеет, чего от него можно ожидать.

— Я — Висмаан,— сказал гэйрог.

Что это? Имя, титул, или же он просто описывает таким образом свое состояние? Она не стала спрашивать, а произнесла в ответ то, что сказала бы любому человеку:

— Меня зовут Тесме. Я живу в джунглях; отсюда около часа ходьбы. Как, по-твоему, сможем мы туда добраться?

— Позволь мне опереться на тебя, и я попробую идти. Но... у тебя хватит сил?

— Пожалуй, хватит.

— Ты женщина, я угадал?

Из одежды Тесме носила только сандалии. Она засмеялась, чуть коснувшись груди и ягодиц, и кивнула:

— Женщина.

— Я так и подумал. Я мужчина, и слишком, наверное, тяжел для тебя.

Мужчина? Низ живота и треугольник между ногами у него были гладкими, как у бесполого манекена. Хотя, подумала она, возможно, у гэйрогов половые признаки совсем не такие, как у нас. Ну а если гэйроги относятся к рептилиям, то ее новый знакомый вполне мог не определить ее половую принадлежность,

даже увидев обнаженную грудь. Странно, что он вообще задал этот вопрос.

Она опустилась рядом с раненым на колени, не понимая, как он сможет подняться и идти со сломанной ногой. Он обхватил рукой ее плечи. Прикосновение заставило ее вздрогнуть: кожа существа оказалась на ощупь прохладной, жесткой, сухой и гладкой, словно на нем были надеты доспехи. Ощущение не было неприятным — всего лишь необычным. От гэйрога исходил сильный запах, чуть затхлый и горьковатый, с еле уловимым медовым оттенком. Странно, что она не почувствовала его раньше,— очевидно, решила Тесме, виной тому неожиданность происшествия. Но теперь, когда она оказалась совсем рядом с существом, на запах нельзя было не обратить внимание. В первый момент он показался ей довольно отталкивающим, но уже спустя несколько секунд она перестала замечать его.

— Держись крепче,— предупредил гэйрог,— я обопрусь на тебя.

Тесме опустилась на четвереньки — колени и локти глубоко ушли во влажную землю. К удивлению девушки, гэйрог сделал всем телом странное, тоже какое-то змеиное извивающееся движение и встал, на мгновение тяжело надавив ей на спину между лопаток, от чего у нее перехватило дыхание. Затем он, шатаясь, выпрямился и ухватился за свешивающуюся лиану. Тесме вскочила и напряглась, готовая подхватить его, если он вновь упадет. Но гэйрог устоял.

— Нога сломана,— объяснил он.— Спина повреждена, но не сломана.

— Сильно болит?

— Болит? Нет, мы почти не чувствуем боли. Проблема в трудности передвижения. Я не могу опираться на ногу. Постарайся найти для меня крепкую палку.

Тесме огляделась в поисках чего-нибудь подходящего для роли костыля и почти сразу же заметила мощный воздушный корень лианы, спускавшийся к земле. Глянцевитая черная деревяшка была толщиной почти в руку, но, как уже хорошо было известно Тесме, довольно хрупкой, так что она принялась гнуть и крутить корень и вскоре отломила от него кусок ярда в два. Висмаан крепко вцепился в костыль, обхватил второй рукой Тесме и осторожно перенес тяжесть на здоровую ногу. С огромным напряжением сделал шаг, другой, третий, старательно держа сло-

манную ногу на весу. Тесме показалось, что его запах изменился, стал резче, медовый оттенок почти совсем исчез, сменившись резким уксусным духом. Несомненно, это явилось следствием тех усилий, которые ему приходилось прилагать при ходьбе. Да и боль, похоже, была не такой ерундовой, как он хотел ее уверить. Но, так или иначе, он передвигался.

— Как ты сломал ногу? — спросила она.

— Я взобрался на это самое дерево — хотел осмотреть местность, а оно не выдержало моего веса.

Он кивнул в сторону тонкого блестящего ствола высокого сиджанила. Нижняя ветка — футах в сорока над головой — была сломана и держалась только на лоскутке коры. Тесме недоумевала, как он вообще уцелел, свалившись с такой высоты, а секундой спустя изумилась еще больше, вдруг сообразив, что ему удалось забраться туда по совершенно гладкому, без единой зацепки, стволу.

— Я хочу обосноваться в этих местах и заняться земледелием,— между тем сообщил гэйрог.— Ты держишь ферму?

— В джунглях-то? Нет. Я просто тут живу.

— С мужчиной?

— Одна. Я выросла в Нарабале, а сейчас решила некоторое время побыть в одиночестве.— Они добрались до мешка с калимботами, который бросила Тесме, когда заметила лежавшего на земле чужака. Подхватив мешок, она повесила его на плечо.— Можешь оставаться у меня, пока нога не заживет. Только добираться до моей хижины придется весь день. Ты уверен, что сможешь идти?

— Так ведь иду же.

— Если захочешь отдохнуть, скажи.

— Потом. Не сейчас.

И действительно, около получаса они с трудом, но без остановки двигались вперед — раненому, похоже, было при этом очень больно. Наконец он попросил передышки, но при этом остался стоять, привалившись к дереву, и пояснил, что не стоит заново производить весь сложный процесс вставания с земли. И все же Тесме казалось, что он довольно спокоен и не испытывает сильного дискомфорта, хотя, конечно, прочесть что-либо в его неподвижных чертах лица и немигающих глазах было невозможно. Судя по всему, эмоции проявлялись лишь в непрерывном стремительном мелькании раздвоенного языка, но, естественно, она и понятия не имела о том, как можно истолковать эти молниеносные движения. Спустя несколько минут они снова тронулись в путь. Идти так медленно было очень трудно, и к тому же на плечах у девушки всей тяжестью висел раненый, так что она то и дело ощущала судороги в мышцах. Все тело болело, но они упорно тащились через джунгли. Говорили они мало. Гэйрог, казалось, изо всех сил старался удержаться на ногах, а Тесме сосредоточилась на дороге, отыскивая удобные проходы и стараясь избегать ручьев и густого подлеска, которые ее покалеченный спутник не смог бы одолеть. Когда они миновали полпути до хижины, пошел теплый дождь, и весь остаток пути они брели сквозь горячий липкий туман. Когда наконец Тесме увидела впереди свою хибарку, она чувствовала себя совершенно измученной.

— Это не слишком роскошный дворец, но меня вполне устраивает,— пояснила она.— Я построила его собственными руками. Можешь лечь сюда.— Она подвела гэйрога к своей постели из собранных на земле опавших листьев занджа. С негромким шипящим звуком, в котором можно было безошибочно угадать облегчение, он опустился на мягкое ложе.— Ты, наверное, есть хочешь? — поинтересовалась Тесме.

— Не сейчас.

— Или пить? Нет? Понимаю, тебе надо немного отдохнуть. Я выйду, а ты лежи спокойно.

— Сейчас у меня не сезон сна,— ответил Висмаан.

— Не понимаю, причем...

— Мы спим часть года, обычно зимой.

— И бодрствуете все оставшееся время?

— Да,— кивнул он.— В этом году я уже проспал свое. Понимаю, что это не похоже на людей...

— Совершенно,— согласилась Тесме.— В любом случае тебе надо отдохнуть. Ты, должно быть, страшно устал.

— Я бы не хотел выгонять тебя из твоего дома.

— Ничего страшного,— ответила Тесме и, не дожидаясь ответа, шагнула за дверь. Снова начался дождь. Привычный, почти успокаивающий дождь, моросящий каждый день по нескольку часов. Она вытянулась на подушке из мягкого упругого мха и предоставила теплым дождевым струям смывать усталость с ноющей спины и плеч.

Гость. Да еще к тому же чужак. А почему бы и нет? Гэйрог казался нетребовательным, спокойным, хладнокровным даже в несчастье. Травма была явно куда более серьезной, чем он хотел это показать, поскольку даже такое относительно недолгое путешествие через лес измотало его. В таком состоянии ему не одолеть путь до Нарабаля. Тесме, правда, могла сама сходить в город и договориться с кем-нибудь насчет парящей повозки, чтобы перевезти гэйрога, но такая идея ей не нравилась. Никто не знал, где она живет, и она совсем не хотела показывать кому-либо дорогу. С некоторым смущением она вдруг осознала, что у нее нет желания избавиться от гэйрога,— наоборот, ей хочется оставить его здесь и ухаживать за ним, пока силы его не восстановятся. Она сомневалась, что кто-нибудь еще в Нарабале согласится приютить чужака, и мысль об этом наполняла ее приятным ощущением собственной порочности, позволяло и теперь оставаться непохожей на узколобых обывателей родного города. За последние год-два ей приходилось слышать множество перешептываний и сплетен о существах других рас, поселившихся на Маджипуре. Люди опасались и недолюбливали похожих на рептилий гэйрогов, гигантских неуклюжих волосатых скандаров, маленьких хитроумных многоножек — вруунов, кажется,— и прочих причудливых созданий; и пусть пока в укрывшемся на краю света Нарабале чужаков еще не видели воочию, враждебная почва для них была уже вполне подготовлена. Только эксцентричной дикарке Тесме, подумала она, ничего не стоит подобрать инородца и выхаживать его, кормить с ложечки лекарствами и супом — или что там дают гэйрогам со сломанными ногами? Она даже не представляла, как следует о нем заботиться, но это ее не останавливало. Ей вдруг пришло в голову, что за всю жизнь она вообще никогда ни о ком не заботилась: не было ни удобного случая, ни возможности. На нее, как на самую младшую в семье, никто никогда не возлагал никакой ответственности. Она не была замужем, не рожала детей, даже не держала домашних животных, не говоря уже о том, что, хотя ей пришлось пережить множество бурных романов, мысль о том, чтобы навестить заболевшего возлюбленного, даже не приходила ей в голову. Теперь она понимала, почему решилась оставить гэйрога у себя в хижине,— ведь она сбежала из Нарабаля в джунгли для того, чтобы начать новую жизнь и искоренить самые отвратительные качества той Тесме, которой была прежде.

Она решила поутру отправиться в город, чтобы разузнать, если удастся, как ухаживать за больными гэйрогами, и купить лекарств и подходящей провизии.

Глава 2

В хижину она вернулась не скоро. Висмаан лежал в том же положении, в каком она его оставила: вытянувшись на спине, руки вдоль туловища,— и казалось, вообще не двигался, если, конечно, не считать непрерывного змеиного шевеления волос на голове. Неужели спит? После всех разговоров о том, что он не нуждается в сне? Она подошла поближе и всмотрелась в странную массивную фигуру на постели. Глаза гэйрога были открыты, и она видела, что они следят за ней.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

— Не слишком хорошо. Прогулка через лес оказалась тяжелее, чем я думал.

Она приложила ладонь к его лбу — твердая чешуйчатая кожа на ощупь показалась холодной — и сама улыбнулась нелепости своего порыва. Откуда ей знать, какая нормальная температура у гэйрогов? Бывает ли у них жар, а если и да, то как она сможет его определить? Рептилии они или нет? Поднимается ли температура у рептилий во время болезни? Внезапно желание ухаживать за существом из иного мира показалось ей полным абсурдом.

— Зачем ты трогаешь мой лоб? — поинтересовался он.

— Мы так делаем, когда человек болен. Учти, если у тебя жар, у меня тут нет никаких медикаментов. Ты понимаешь, что я имею в виду, когда говорю: поднимается жар?

— Ненормальная температура тела? Да. У меня она сейчас очень высокая.

— Больно?

— Немного. Но главная беда в том, что расстроен весь мой организм. Ты не могла бы принести мне воды?

— Конечно. А ты не голоден? Что ты обычно ешь?

— Мясо. Вареное или жареное. Фрукты. Овощи. И побольше воды.

Она принесла воды. Висмаан с трудом сел — сейчас он казался гораздо слабее, чем недавно, когда, опираясь на нее, ковылял по джунглям,— видимо, последствия тяжелых травм давали

о себе знать,— и тремя большими глотками осушил чашу. Как зачарованная, она смотрела на яростное мелькание раздвоенного языка.

— Еще,— попросил он, и Тесме наполнила вторую чашу. Кувшин почти опустел, и она вышла, чтобы зачерпнуть воды из ручья. По дороге она сорвала с лозы несколько ягод токки и, вернувшись в хижину, протянула ему. Он подержал одну из сочных сине-белых ягод в вытянутой руке, словно иначе не мог сфокусировать на ней взгляд, потом, словно изучая, покатал ее между пальцами. Руки у него были почти человеческие. Тесме обратила внимание, что на каждой имелось по два дополнительных пальца, но ногти отсутствовали — по-видимому, их заменяли чешуйчатые выступы, тянувшиеся по первым двум фалангам.

— Как называется этот фрукт? — спросил он.

— Токка. В Нарабале они растут повсюду. Если понравится, я принесу сколько хочешь еще.

Он осторожно попробовал. Затем язык его замелькал быстрее, и он жадно доел остаток ягоды и потянулся за второй. Тесме с опозданием вспомнила, что токка пользуется репутацией афродизака, но отвернулась, пряча усмешку, и промолчала. Он назвался мужчиной, а стало быть, у гэйрогов существует различие полов — но как же они занимаются сексом? Почему-то ей вдруг представилась странная картина: самец-гэйрог из некоего скрытого отверстия в теле испускает струю семенной жидкости в чан, куда погружаются самки, чтобы оплодотвориться. Действенно, но не слишком романтично, подумала она, продолжая в то же время гадать, на самом ли деле оплодотворение у них происходит без непосредственного контакта, как у рыб и лягушек.

Она приготовила для больного еду из токки, поджаренных калимботов и маленьких многоногих нежных на вкус хиктиганов, которых ловила сетью в ручье. Вино у нее кончилось, но на днях она приготовила сок из крупных красных ягод, названия которых не знала, и сок, простояв два дня на открытом воздухе, забродил. Она налила немного гэйрогу. Его аппетиту позавидовал бы и здоровый. После того как он подкрепился, Тесме попросила разрешения осмотреть его ногу. Гэйрог ответил согласием.

Перелом оказался примерно посередине самой широкой части бедра. Под чешуйчатой кожей девушка сразу же заметила

большую опухоль. Она осторожно ощупала ее кончиками пальцев. Висмаан издал еле слышный свист, но больше никак не показал, что ему больно. Тесме почудилось, что внутри бедра что-то шевелится. Сломанные концы костей? А у гэйрогов есть кости? «Как же мало я знаю,— уныло подумала она,— о гэйрогах, об искусстве исцеления... да и вообще обо всем».

— Будь ты человеком,— пробормотала она,— мы с помощью машины рассмотрели бы перелом, свели бы вместе сломанные кости и оставили их в таком положении, пока они не срастутся полностью. У твоих сородичей ничего подобного не практикуется?

— Кости срастутся сами,— отозвался Висмаан.— Я свел их вместе сокращением мышц и буду держать так, пока они не срастутся. Только мне придется лежать несколько дней, чтобы кости не разошлись. Ты не против, если на это время я останусь у тебя?

— Конечно. Оставайся, сколько понадобится.

— Ты очень добра.

— Завтра я пойду в город за припасами. Тебе что-нибудь нужно?

— У тебя есть развлекательные кубики? Музыка? Книги?

— Есть, но очень мало. Завтра могу принести побольше.

— Пожалуйста. Ночи будут очень долгими, если лежать без сна. Мой народ очень любит развлечения.

— Я принесу все, что смогу найти,— пообещала Тесме.

Она дала ему три имевшихся у нее кубика: один с записью театрального спектакля, другой с симфонической музыкой и еще один для подбора цветовой композиции — и занялась послеобеденной уборкой.

Как всегда в близких к экватору районах, ночь началась рано. Она услышала легкий шелест дождя снаружи. Обычно по вечерам она читала, пока не становилось совсем темно, а потом ложилась спать. Но нынче ночью все изменилось. В ее постели расположилась загадочная рептилия, и ей пришлось устраивать себе новое ложе на полу. К тому же впервые за много недель ей довелось так много разговаривать. Тесме испытывала непривычное напряжение и держалась настороже. А Висмаан, казалось, с головой погрузился в кубики.

Она вышла наружу, нарвала с пузырчатого кустарника две охапки листьев, потом еще столько же и уложила их на полу

возле двери. Затем подошла к гэйрогу, чтобы поинтересоваться, не нужно ли ему еще чего-нибудь. Тот, не отрываясь от кубиков, лишь молча покачал головой. Пожелав ему доброй ночи, Тесме легла на импровизированную постель, вопреки опасениям оказавшуюся вполне удобной. Но уснуть никак не могла и ворочалась с боку на бок, мучаясь от ощущения стесненности и неудобства в присутствии чужака. На душе было неспокойно. И еще этот резкий запах гэйрога, заполнивший хижину. За день она как-то притерпелась и перестала обращать на него внимание, но теперь, в темноте, все ее чувства обострились, нервы напряглись еще сильнее, и запах тревожил ее подобно беспрерывно повторяющемуся звуку трубы. Время от времени она садилась в постели и всматривалась в темноту, стараясь разглядеть Висмаана, лежавшего неподвижно и молча. Но в конце концов сон все же сморил ее...

Новое утро разбудило Тесме привычной мелодией — писком и криками бесчисленного множества разнообразных существ. В открытую дверь лился свет. Проснувшись, она поначалу никак не могла сориентироваться. Такое часто происходит с человеком, если ему случается крепко спать не в своей постели. Потребовалось несколько минут, прежде чем она сообразила, где находится и почему.

Гость следил за ней взглядом.

— Ты плохо спала. Тебя тревожит мое присутствие?

— Ничего, я постепенно привыкну. Как ты?

— Не слишком хорошо, но, кажется, уже начинаю поправляться. Процесс заживления идет — я это чувствую.

Тесме принесла ему воды и тарелку фруктов. Затем вышла во влажный рассветный туман и быстро скользнула в пруд. Когда она вернулась в хижину, запах поразил ее с новой силой: контраст между свежим утренним воздухом и кисловатым резким духом, исходившим от гэйрога, был разительным. Однако ощущение длилось недолго.

— Я вернусь из Нарабаля только к ночи,— одеваясь, сказала она.— Ты как, продержишься один?

— Да, если оставишь еду и воду, так чтобы я мог дотянуться. И что-нибудь почитать.

— У меня почти ничего нет. Но я принесу. А пока, боюсь, придется тебе поскучать.

— Может, кто-нибудь в гости заглянет...

— В гости? — обескураженно воскликнула Тесме.— Какие еще гости? Никто сюда не придет. Или ты хочешь сказать, что с тобой были еще гэйроги и они станут тебя искать?

— Нет-нет, со мной никого не было. Я подумал, может быть, твои друзья...

— У меня нет друзей,— торжественно объявила Тесме. И тут же подумала, что слова прозвучали чересчур глупо и жалобно — совсем как в мелодраме. Но гэйрог никак не отреагировал на ее слова, так что выкручиваться не пришлось. Пытаясь скрыть смущение, она принялась тщательно затягивать ремнем мешок.

Тесме была уже на пороге хижины, когда гэйрог остановил ее вопросом:

— Нарабаль очень красив?

— Разве ты его не видел?

— Я шел с другой стороны, из Тил-омона. Там мне рассказывали, как красив Нарабаль.

— Ничего особенного,— ответила Тесме.— Лачуги. Грязь на улицах. Повсюду растет виноград, и его лозы успевают за год опутать целый дом. Тебе это сказали в Тил-омоне? Ну, так над тобой подшутили. Жители Тил-омона не выносят Нарабаль. Это города-соперники. Два главных тропических порта. Если кто-то в Тил-омоне расхваливал тебе красоты Нарабаля, значит, он просто лгал, разыгрывал тебя.

— Но зачем?

Тесме пожала плечами.

— Откуда я знаю? Может, чтобы ты убрался подальше от Тил-омона. В любом случае в Нарабале нечего смотреть. Тысячу лет назад он, возможно, что-то собой и представлял, а сейчас это не более чем грязный пограничный городишко.

— И все же я хочу побывать в нем. Ты покажешь мне Нарабаль, когда я смогу нормально ходить?

— Разумеется,— кивнула она.— Почему бы и нет? Но ты будешь разочарован, уверяю тебя. Ну ладно, мне пора. Хочу добраться до города, пока еще не слишком жарко.

Глава 3

Быстро шагая по дороге к Нарабалю, Тесме представляла себе, как однажды войдет в город бок о бок с гэйрогом. Интересно, как на это отреагируют горожане? Начнут забрасывать их

камнями или навозом? Будут тыкать пальцами и ржать, а заодно издеваться над ней?.. Вполне возможно. Начнут судачить о том, что чокнутая Тесме привела в город инородца. Да уж не занимаются ли они в джунглях непотребством? Тесме улыбнулась. Пройтись по Нарабалю в обществе Висмаана будет забавно. И она непременно сделает это, как только он сможет одолеть долгий путь через джунгли.

Вообще-то, дорога в Нарабаль представляла собой всего-навсего едва заметную грязную тропинку, пробегавшую по немногочисленным коротким, быстро зараставшим просекам и отмеченную зарубками на деревьях в разделявших просеки перелесках. Но за то время, пока Тесме жила в джунглях, она научилась безошибочно определять направление и очень редко надолго теряла тропу. Задолго до полудня она уже добралась до окружавших город плантаций, а вскоре показался и сам Нарабаль, карабкающийся вверх по одному склону холма и сбегающий вниз, к морю, по противоположному.

Тесме не знала, кому и зачем понадобилось строить здесь город — на неимоверно далеком расстоянии от всех населенных мест, в самой западной точке Зимроэля. Идея принадлежала лорду Меликанду, тому самому короналю, который, желая ускорить развитие западного континента, пригласил на Маджипур множество чужаков. Да, в царствование лорда Меликанда на Зимроэле было всего лишь два города, и они существовали совершенно изолированно от остального мира — небольшие поселения, возникшие на самом первом этапе освоения Маджипура человеком, задолго до того, как стало ясно, что основная жизнь планеты сосредоточится на другом континенте — Алханроэле. На северо-западе Зимроэля располагался Пидруид, город с чудесным климатом и отличной естественной гаванью, а вдали от него, на восточном побережье, находился Пилиплок, где обосновались охотники на морских драконов. Позднее к ним добавились два пограничных поста: Ни-мойя, воздвигнутая на берегу одной из самых больших внутренних рек континента, и Тил-омон, стоявший на краю тропического пояса западного побережья. К тому же существовало несколько поселений в горах центральной части материка, да ходили слухи, что гэйроги строят свой город в тысяче миль к востоку от Пидруида.

И еще был Нарабаль — на дождливом южном полуострове. Если стоять у края Нарабальского пролива и долго смотреть на

воду, то постепенно с ужасом начинаешь ощущать, что за твоей спиной на многие тысячи миль раскинулось дикое царство девственной природы, а впереди — тысячи миль океана, отделяющего тебя от Алханроэля, где находятся другие, настоящие города. В юности Тесме пугала даже мысль о том, что она живет столь далеко от центров цивилизации — все равно что на другой планете,— а иной раз и Алханроэль, и его процветающие города казались ей не более чем мифом, а подлинным центром вселенной — Нарабаль. Она нигде не бывала, да и не надеялась побывать. Слишком велики были расстояния. Единственным городом в пределах досягаемости оставался Тил-омон, но и до него не близко. Впрочем, те, кто его видел, рассказывали, что он сильно похож на Нарабаль, только дождей там меньше и солнце постоянно висит в небе докучливым пытливым зеленоватым глазом.

В Нарабале Тесме повсюду натыкалась на любопытствующие взгляды. Пялились на нее так, словно она заявилась в город голой. Дикарку Тесме, сбежавшую в джунгли, знали все — ей улыбались, приветственно махали руками, расспрашивали, как идут дела... Но внешнему и, казалось бы, вполне естественному добродушию противоречили взгляды — пристальные, враждебные, с неподдельным интересом пронзавшие ее насквозь и как будто стремившиеся заглянуть в самые глубины души: «Почему ты презираешь нас? Почему ты нас сторонишься? Почему ты терпишь присутствие в своем доме отвратительного чужака?» Она тоже улыбалась, махала рукой: «Рада снова увидеть вас», «Все отлично»... А в ответ на пронзительные взгляды мысленно произносила примерно следующее: «Я никого не презираю, мне просто нужно было уйти от себя самой, а о гэйроге забочусь потому, что пришла пора и мне кому-нибудь помочь, а он как раз подвернулся под руку». Но ее никто не понимал.

В доме матери никого не оказалось. Она прошла в свою бывшую комнату, сложила в мешок книги и кубики и отыскала аптечку с лекарствами, которые, по ее мнению, могли пригодиться для Висмаана. Противовоспалительные средства, ускоряющие заживление ран, жаропонижающие...— возможно, ни одно из них не поможет чужаку, но попробовать все же стоит. Тесме бродила по дому, и все в нем казалось ей непривычным, несмотря на то что она прожила здесь всю жизнь. Деревянные полы вместо ковра из листьев, настоящие прозрачные стекла, двери на петлях, очиститель — механический очиститель с кнопками

и рукоятками! — все эти признаки цивилизации, приспособления, выдуманные человечеством много-много тысяч лет назад в другом мире... И от них тоже она сбежала в свою маленькую хижину, где по стенам вьются живые побеги...

— Тесме?

Она оглянулась, застигнутая врасплох. В дверях стояла Мирифэйн, ее сестра. Они были похожи, как близнецы: та же манера говорить, то же лицо, те же длинные тонкие руки и ноги, те же прямые каштановые волосы. Только сестра была на десять лет старше; в ее распоряжении было лишних десять лет для того, чтобы смириться со своим образом жизни. Замужняя женщина, мать, обремененная множеством забот. Тесме всегда страдала при виде Мирифэйн. Словно смотрелась в зеркало и видела себя через десять лет.

— Мне кое-что нужно,— нехотя объяснила Тесме.

— А я все надеялась, что ты наконец вернешься домой.

— Зачем?

Мирифэйн начала было произносить привычную проповедь о том, что надо жить среди людей, следовать принятым в обществе правилам, заняться полезным трудом... и так далее, и все в том же духе... Но вдруг замолчала, едва начав. Тесме почувствовала, что настроение сестры изменилось. И действительно, после небольшой паузы та произнесла:

— Мы очень скучаем без тебя, малышка.

— Я делаю то, что необходимо,— ответила Тесме.— Рада была повидать тебя, Мирифэйн.

— Неужели ты даже на ночь не останешься? Мать скоро вернется, она будет рада, если ты пообедаешь с нами.

— Мне еще далеко идти. Я не могу задерживаться в городе.

— Знаешь, ты хорошо выглядишь. Загорела, окрепла... По-моему, отшельничество идет тебе на пользу.

— Да, несомненно.

— Собираешься и дальше жить в одиночестве?

— Мне нравится,— ответила Тесме. Она начала завязывать мешок.— А как дела у вас?

Мирифэйн пожала плечами.

— По-прежнему. Вот только я, наверное, ненадолго съезжу в Тил-омон.

— Счастливая.

— Да. Удастся хоть ненадолго вырваться из нашего болота и устроить себе маленький праздник. Холтус там работает уже

около месяца над каким-то большим проектом строительства новых городов в горах для расселения всех этих инородцев, которые начинают съезжаться сюда. Он просит привезти к нему детей, вот я и поеду.

— Инородцев? — переспросила Тесме.

— Ты разве не знаешь?

— Расскажи.

— Ну, иномиряне, поселившиеся на севере, начинают проникать в наши края. Есть среди них одна раса — вроде ящериц с человеческими руками и ногами,— так они хотят заниматься фермерством в джунглях.

— Гэйроги?

— А, так ты слышала? И еще одна раса — какие-то надутые создания с лягушачьими рожами и темно-серой бородавчатой кожей. Холтус говорит, что они уже заняли все административные должности в Пидруиде — таможенных инспекторов, клерков и все в таком роде,— а теперь ищут и находят работу здесь. Вот почему Холтус и кое-кто из архитекторов Тил-омона проектируют поселения для них внутри страны.

— Чтобы и духу их не было в прибрежных городах?

— Что? А... ну, я думаю, кое-кто из них все равно тут осядет. Никто не знает, сколько их будет, но, по-моему, в Нарабале вряд ли согласятся принять слишком много иммигрантов. Да и в Тил-омоне тоже...

— Понятно,— кивнула Тесме.— Ну, передавай всем привет, я пойду обратно. Надеюсь, ты хорошо проведешь время в Тил-омоне.

— Тесме, пожалуйста...

— Что пожалуйста?

— Ты такая резкая, такая далекая и холодная! — печально сказала Мирифэйн.— Мы не виделись уже несколько месяцев, а ты с трудом выносишь мои расспросы и смотришь на меня с раздражением. Почему ты злишься, Тесме? Разве я тебя когда-нибудь обижала? Почему ты такая?

Тесме знала, что бесполезно снова все объяснять. Никто не понимал ее и никогда не поймет, и прежде всего те, кто уверял, что любит ее.

— Мири, можешь назвать это запоздалым переходным возрастом,— ответила она, стараясь придать голосу как можно больше мягкости.— Вы все очень хорошо относитесь ко мне. Но у меня

все шло через пень-колоду, и мне очень нужно было смыться.— Она легонько дотронулась пальцами до руки сестры.— Может, я еще как-нибудь загляну.

— Надеюсь.

— Только скоро не ждите. Передай всем привет от меня.— Тесме вышла из дома.

Она торопливо и настороженно шла по городу, боясь встретиться с матерью или с кем-нибудь из старых знакомых, особенно бывших любовников. Она украдкой оглядывалась, как воровка, и не раз, заметив кого-либо, с кем не хотела встречаться, быстро ныряла в ближайший переулок. Разговора с сестрой оказалось более чем достаточно. Тесме не сознавала, насколько явно прорывается ее раздражение, пока Мирифэйн не сделала ей замечание. И Мири, конечно, была права. Тесме чувствовала, что остатки былой злости все еще кипят в ней. Эти люди, эти унылые маленькие людишки со своим ничтожным честолюбием, со своими маленькими страхами и маленькими предрассудками, бессмысленно проживающие день за днем, приводили ее в ярость. Они рассеялись по Маджипуру, распространились словно чума, участок за участком уничтожая не нанесенные на карту леса и загаживая необъятный океан, основывая грязные города среди удивительной красоты... Им даже в голову не приходило задаться какой-либо целью. Слепые, тупые, не способные рассуждать натуры — и это хуже всего. Никогда они не посмотрят на звезды и не зададутся вопросом: откуда взялось у обитателей Старой Земли стремление к освоению иных миров, что заставило их превращать тысячи захваченных планет в копии родного мира? Волнует ли хоть что-нибудь население Маджипура? Наверное, опустошенная, разграбленная и всеми забытая Старая Земля для них по-прежнему что-то значит. Хотя теперь она представляет собой не более чем пустую оболочку прежней планеты — разграбленной и всеми забытой. А Маджипур, несмотря на многие века обитания человечества, остается прекрасным. Но когда-то и Старая Земля наверняка была столь же великолепной. А Маджипур через пять тысяч лет превратится в ее отражение с раскинувшимися на сотни миль городами, проносящимися повсюду нескончаемыми потоками повозок и машин, перевозящих людей и товары, с грязью в реках, истребленными животными и несчастными, обманутыми меняющими форму, согнанными в какие-то отдаленные резервации,— со всеми старыми ошибками, перенесенными в девственный мир. Тесме это поражало до глубины души, заставляя кипеть от бешенства. Она никогда прежде не думала, что ее разлад с миром дошел до таких космических масштабов. Ей казалось, что все происходящее с нею является следствием неудач в любовных делах, расстроенных нервов, отсутствия каких-либо определенных целей, и вдруг оказалось, что ее яростная неудовлетворенность порождена несогласием со всем миром. Открытие ошеломило ее, но ярость продолжала разгораться. Ей хотелось спихнуть Нарабаль в глубины океана, но, к сожалению, это было не в ее силах — она не могла ничего изменить, не могла ни на мгновение приостановить распространение того, что здесь называли цивилизацией. Оставалось только удрать, вернуться в свои джунгли — к переплетающимся лианам, влажному сырому воздуху, к обитавшим на болотах пугливым животным, к хижине, к увечному гэйрогу, который тоже был частью затопляющего планету прилива. Но она станет заботиться о нем, даже лелеять, потому что остальным ее сородичам он мало сказать не нравился — они ненавидели его. Доброе отношение к нему еще больше увеличит пропасть между нею и ими. И главное — она ему нужна, а прежде она не была нужна никому.

Голова болела, мышцы лица свело от напряжения; Тесме шла сгорбившись, но ей почему-то казалось, что, расправив плечи, она словно бы признает свое поражение, вернется к той жизни, от которой отреклась. Она удирала прочь из Нарабаля так быстро, как только могла, но лишь спустя часа два, оставив далеко позади последние городские окраины и свернув на лесную тропку, почувствовала, что напряжение понемногу спадает. Она остановилась у знакомого озера и долго плавала в его прохладной глубине, чтобы очиститься от городской скверны, а затем, небрежно перекинув через плечо городскую одежду, зашагала нагишом, через джунгли к хижине.

Глава 4

Висмаан лежал, кажется, в той же позе, в какой она его оставила.

— Тебе лучше? — поинтересовалась Тесме.— Как ты тут один?

— День прошел на редкость спокойно. Только нога чуть больше опухла.

— Дай-ка взгляну.

Она осторожно ощупала ногу. Действительно распухла. Когда Тесме дотронулась до опухоли, больной слегка вздрогнул. По-видимому, боль очень сильная — ведь если верить утверждению Висмаана, гэйроги ее практически не чувствуют. Тесме задумалась... может, стоит отправить гэйрога в Нарабаль? Но он не показался ей встревоженным; к тому же Тесме сомневалась, что доктора в городе разбираются в психологии и анатомии чужаков. Кроме того, она хотела, чтобы он остался здесь. Тесме распаковала лекарства, принесенные из дома, и дала ему противовоспалительное и жаропонижающее, затем приготовила на обед фрукты и овощи. До наступления темноты она успела проверить ловушки на краю лесной поляны и обнаружила в них добычу — молодого сигимойна и пару минтунов. Она привычно свернула им шеи — в самом начале ее отшельничества ей было ужасно тяжело это делать, но без мяса не проживешь, а здесь, конечно, никто не стал бы убивать дичь за нее и для нее — и разделала тушки. Оставив мясо готовиться на костре, Тесме вернулась в хижину.

Висмаан забавлялся одним из кубиков, которые она принесла ему, но отложил в сторону, едва она вошла.

— Ты ничего не рассказала о визите в Нарабаль,— заметил он.

— Я была там недолго. Взяла что нужно, поболтала немного с сестрой и ушла — там одно расстройство. Только в джунглях себя хорошо и почувствовала.

— Ты, похоже, сильно ненавидишь этот город.

— А он ничего другого и не заслуживает. Унылые надоедливые люди, безобразные, зажатые со всех сторон маленькие домишки...— она покачала головой.— Да, сестра говорила, что на континенте собираются строить новые города для иномирян, потому что многие из них переселяются на юг. В основном гэйроги и еще какие-то, с серой кожей и...

— Хьорты,— подсказал Висмаан.

— Мне все равно,— отмахнулась Тесме.— Мири говорила, что им нравится работать клерками и писцами. По-моему, они устраиваются во внутренних провинциях лишь потому, что никто не хочет допускать их в Тил-омон или в Нарабаль.

— Странно, а я никогда не замечал недоброжелательства людей,— заметил гэйрог.

— В самом деле? Может быть, просто не обращал внимания? Предрассудков на Маджипуре хватает.

— Мне это не бросилось в глаза. Конечно, я еще не бывал в Нарабале, и, возможно, у вас предрассудков действительно больше. Но на севере затруднений нет. Ты была на севере?

— Нет.

— Жители Пидруида встретили нас очень радушно.

— Правда? Я слышала, будто гэйроги строят для себя город где-то к востоку от Пидруида, у Большого ущелья. Если в Пидруиде у вас все было так хорошо, зачем куда-то переселяться?

— Людям не очень-то удобно жить рядом с нами,— спокойно ответил Висмаан.— Ритм нашей жизни сильно отличается от вашего, многие привычки не совпадают — в том, что касается сна, например: нам нелегко жить в городе, который засыпает на восемь часов каждую ночь, в то время как мы полны энергии. Таких различий немало. Вот почему мы основали Дюлорн. Я надеюсь, что ты когда-нибудь увидишь его. Он изумительно красив, выстроен целиком из белого камня, сияющего внутренним светом. Мы очень гордимся им.

— Почему же тогда тебе там не понравилось?

— Мясо не сгорит? — осведомился он.

Тесме залилась краской и выскочила наружу, едва успев сорвать обед с вертела. Она нарезала мясо и подала его вместе с токкой и фляжкой вина, которое купила в Нарабале. Неуклюже приподнявшись, Висмаан принялся за еду.

— Я прожил в Дюлорне несколько лет,— заговорил он немного погодя.— Но там очень сухой климат, а на своей планете я жил в теплом и сыром краю, похожем на Нарабаль. Вот я и решил поискать плодородную землю. Мои далекие предки были землевладельцами, и я подумывал о продолжении родовых традиций. Услышав, что в тропиках Маджипура можно снимать урожай шесть раз в год и имеется множество свободной земли, я отправился сюда.

— Один?

— Да, один. У меня нет жены, но я собираюсь обзавестись ею, как только обустроюсь здесь.

— И будешь продавать выращенный урожай в Нарабале?

— Да. На моей родной планете едва ли найдется невозделанный клочок земли, и все же нам с трудом удается прокормить себя. Большую часть продуктов питания мы ввозим. Поэтому

Маджипур показался нам таким привлекательным — гигантская и в то же время малонаселенная планета, по большей части девственная, обладающая возможностями для развития... Здесь я чувствую себя счастливым. И, думаю, ты не права насчет того, что твои земляки так предубеждены против нас: вы, маджипурцы, сердечный и приветливый народ, учтивый, законопослушный и опрятный.

— Пусть так. Н-да... но все равно, стоит кому-нибудь пронюхать, что я живу с гэйрогом, все будут шокированы.

— Шокированы? Почему?

— Потому что ты чужак. Потому что ты рептилия.

Висмаан издал странный фыркающий звук. Смех?

— Мы не рептилии. Мы теплокровные, мы так же, как и вы, растим детей...

— Ну, похожи на рептилий.

— Внешне — да, пожалуй. Но, уверяю тебя, мы очень близки к млекопитающим и мало чем от них отличаемся.

— Близки?

— Разница, пожалуй, лишь в том, что мы откладываем яйца. Но ведь есть и млекопитающие, поступающие так же. Ты ошибаешься, считая...

— На самом деле это ничего не значит. Люди воспринимают вас как рептилий, а человек издревле не терпел змей. Боюсь, из-за этого между нами и вами всегда будут недоразумения. Это идет еще с давних времен на Старой Земле. Кроме того...— она спохватилась, что чуть было не ляпнула о его запахе.— Кроме того,— повторила она, неловко запнувшись,— вы немного страшноватые.

— Неужели страшнее, чем огромные мохнатые скандары? Или су-сухирисы с двумя головами? — Висмаан повернулся к Тесме и уставился на нее глазами без век.— Мне кажется, Тесме, ты хочешь сказать, что сама неловко себя чувствуешь в обществе гэйрога.

— Нет.

— Предубеждений, о которых ты говоришь, я никогда не замечал. И вообще, впервые слышу о них. Мое присутствие стесняет тебя? Может быть, мне лучше уйти?

— Нет-нет, ты все понял совершенно неправильно. Я хочу, чтобы ты остался здесь. Хочу помочь тебе. Я совершенно не боюсь тебя, не испытываю к тебе неприязни, никаких дурных

чувств. Я только пытаюсь объяснить тебе, какой может быть реакция жителей Нарабаля, то есть какой она будет по моему мнению, и...— она сделала большой глоток из фляжки.— Не знаю, зачем мы вообще об этом заговорили. Извини. Лучше поболтаем о чем-нибудь другом.

— Конечно.

Тесме показалось, что обидела или по меньшей мере расстроила гэйрога. При всей своей холодности и сдержанности он, похоже, был очень проницательным. Возможно, он в данном случае прав: наружу прорвались ее собственные предрассудки, предубеждение и беспокойство.

Она думала о том, что донельзя испортила отношения с людьми и, вполне вероятно, неспособна найти общий язык с кем бы то ни было — будь то человек или мыслящее существо какой-либо иной расы. И потому, сама того не желая, она дала Висмаану тысячи оснований полагать, что ее забота идет не от сердца и вызвана лишь стремлением скрыть недовольство, вызванное его присутствием здесь. Было ли это так на самом деле? Чем старше становилась Тесме, тем меньше понимала собственные побуждения. Но, какова бы ни была правда, она совершенно не хотела, чтобы он ощущал себя здесь незваным гостем, явившимся некстати. «Впредь,— решила она,— я найду способ доказать ему искренность своего желания помочь».

Этой ночью она спала гораздо лучше, чем накануне, хотя и постель из листьев пузырчатки, и присутствие в хижине постороннего все еще оставались непривычными и она довольно часто просыпалась. Каждый раз, открыв глаза, она бросала взгляд на гэйрога и каждый раз видела, что он занимается кубиком. Он же, похоже, не обращал на нее никакого внимания. Она попыталась представить себе, каково это: отсыпаться три месяца в году, а все остальное время непрерывно бодрствовать... это было в нем самой большой странностью, думала она. И вот так лежать час за часом, не имея возможности встать, не имея возможности укрыться в сон от боли в сломанной ноге, использовать любые доступные способы убить время — воистину хуже не придумаешь. А Висмаан неизменно оставался спокойным и невозмутимым. Неужели все гэйроги такие? И никогда не напиваются, не выходят из себя, не бранятся на улицах, не сетуют на судьбу, не ссорятся с близкими? Если Висмаан — типичный

представитель своей расы, можно считать, что они не имеют никаких человеческих недостатков. Но ведь, напомнила она себе, они и не люди.

Глава 5

Утром Тесме умыла гэйрога. Она терла его губкой до тех пор, пока его чешуя не заблестела, а затем полностью сменила его постель. Потом покормила больного и, как обычно, ушла на целый день, оставив его в одиночестве. Бродя по джунглям, Тесме никак не могла избавиться от чувства вины и то и дело спрашивала себя, не следовало ли остаться сегодня в хижине: развлекать гэйрога занимательными историями или втянуть его в беседу, чтобы избавить от скуки. Но она была уверена в том, что, постоянно находясь рядом, они быстро исчерпали бы темы разговора и, очень вероятно, начали бы действовать друг другу на нервы. К тому же теперь у него под рукой множество развлекательных кубиков, способных разогнать любую тоску. И как знать, возможно, он тоже предпочитает одиночество. Что касается ее, то с появлением в хижине соседа она больше, чем когда-либо, испытывала потребность побыть в одиночестве и потому отправилась в дальний поход, чтобы набрать побольше ягод и съедобных корней на обед. В полдень припустил дождь, и Тесме укрылась под врамовым деревом, широкие листья которого не пропускали ни капли воды. Прислонившись к стволу, она уставилась в пространство — лес перед ее глазами превратился в расплывчатую пелену зеленоватых тонов — и выбросила из головы все мысли: чувство вины, сомнения, страхи, воспоминания, гэйрога, семью, бывших любовников, свои несчастья, свое одиночество. На нее снизошел мир, и в этом состоянии она оставалась до самого вечера.

Она все больше привыкала к постоянному присутствию рядом Висмаана. А тот оставался все таким же спокойным и нетребовательным, развлекался при помощи кубиков и с великим терпением переносил неподвижность. Он редко задавал ей вопросы или заводил какой-нибудь разговор, но вполне дружелюбно откликался на любое обращение к нему. Он рассказывал Тесме о родной планете — убогом и перенаселенном мире, о том, как он жил там, о своей мечте обосноваться на Маджипуре, о волнении, которое испытал, впервые увидев его красоту. Тесме попыталась определить признаки волнения у гэйрога. Возможно, ими служат резкие движения его змеевидных волос вместо обычного плавного покачивания. А быть может, эмоции проявляются в изменении запаха.

На четвертый день Висмаан впервые покинул кровать. Опираясь на плечо Тесме, он встал на здоровую ногу и осторожно прикоснулся больной ногой к земле. Девушка ощутила, что его запах внезапно усилился и стал резче — человек в такой ситуации непременно бы вздрогнул,— и решила, что ее теория, видимо, верна и гэйроги проявляют эмоции именно таким образом.

— Ну и как? — спросила она.— Больно?

— Вес тела она еще не выдерживает. Но уже срастается. Еще несколько дней, и, думаю, я смогу стоять. Знаешь что, помоги мне немного прогуляться. А то я, похоже, уже заржавел от неподвижности.

Он тяжело оперся на ее плечо, они вышли из хижины и медленно, осторожно добрели до пруда и обратно. Прогулка явно пошла гэйрогу на пользу. К своему удивлению, Тесме вдруг обнаружила, что первое проявление успешного лечения ее опечалило: скоро — через неделю или две — ее подопечный достаточно окрепнет, чтобы уйти, а она этого не хотела. Нежелание расставаться с ним показалось Тесме настолько странным, что она удивилась самой себе. Ей не терпелось вернуться к прежней отшельнической жизни, снова спать в собственной постели и гулять в свое удовольствие по лесу, не заботясь о том, скучает ли ее гость, не переживая по поводу его состояния... Постоянное присутствие гэйрога раздражало ее все больше. И все же... И все же... И все же мысль о том, что он вскоре покинет ее, волновала и удручала. «Как странно все это,— думала она,— и как это похоже на Тесме».

Теперь они выходили на прогулку по нескольку раз в день. Висмаан все еще не мог наступать на сломанную ногу, но с каждым разом передвигался все легче. Опухоль, говорил он, постоянно уменьшается, и кость, похоже, срастается правильно. Он начал говорить о ферме, которую построит в этих местах, о посевах, о расчистке участка в джунглях.

Как-то под вечер в конце первой недели Тесме, возвращаясь из похода за калимботами — она ходила на то самое болото, где недавно нашла раненого гэйрога,— задержалась, чтобы проверить ловушки. Почти все они были пусты, попалось лишь не-

сколько мелких зверьков, но из кустов неподалеку от пруда доносился необычный довольно сильный шум. Подойдя поближе, она обнаружила, что поймала билантуна — самое крупное животное из всех, которые когда-либо попадались в ее ловушку. Билантуны водились по всему западному Зимроэлю — изящные небольшие стремительные животные с острыми копытами, стройными ногами и крошечным вздернутым пушистым хвостиком,— но нарабальская порода была просто гигантской, вдвое крупнее изящной северной разновидности. Животное было высотой в половину человеческого роста и ценилось за нежное и вкусное мясо. Первым порывом Тесме было отпустить симпатичного зверя на свободу: слишком уж он красив, чтобы вот так взять и спокойно его убить, да и слишком велик. Она приучила себя резать мелочь, которую могла легко удержать одной рукой, но совсем другое дело — билантун: крупное благородное животное, наверняка ценящее жизнь, с умным взглядом, со своими надеждами, стремлениями и разочарованиями... вполне возможно, где-нибудь поблизости тоскует о нем подруга. Тесме обозвала себя дурой. И дроли, и минтуны, и сигимойны тоже, наверное, любили жизнь, и уж конечно, не меньше, чем этот билантун, а она убивала их без колебания. Романтические чувства по отношению к животным неуместны — она это знала еще по опыту своей цивилизованной жизни, когда с удовольствием ела мясо животных, убитых чужими руками. И тяжелая утрата, которую понесла подруга билантуна, в те времена не имела для нее ровно никакого значения.

Подойдя поближе, она увидела, что билантун в панике сломал одну из своих хрупких ног, и на какое-то мгновение ей захотелось вылечить и приручить его. Но это было еще большей глупостью. Она не могла брать к себе всех калек, которые попадутся ей в джунглях. Билантун ни в коем случае не позволит ей спокойно осмотреть больную ногу и наложить шину, ну а если ей даже каким-то чудом и удастся это сделать, он, конечно, удерет от нее при первой же возможности. Набрав полную грудь воздуха, Тесме сзади подошла к бьющемуся животному и одним движением перерезала длинную изящную шею.

Разделка туши оказалась куда более трудным и кровавым делом, чем Тесме предполагала. Она мрачно рубила мясо, как ей показалось, несколько часов, пока наконец Висмаан не поинтересовался из хижины, чем она занимается.

— Готовлю обед,— ответила она.— Сюрприз. Фирменное блюдо: жареный билантун!

Она негромко хихикнула. Эта фраза, должно быть, прозвучала так женственно, почти по-семейному,— и не подумаешь, что она сидит здесь на корточках, голая, с ног до головы перепачканная кровью, распиливая ножом кости, а на ее кровати в хижине лежит, дожидаясь обеда, похожее на рептилию существо, пришедшее из другого мира.

В конце концов она покончила с этим омерзительным занятием, насадила мясо на вертел, развела, как полагается, дымный костер, вымылась в пруду, перебрала ягоды токки, кинула в котел с водой немного корней гумбы и открыла одну из фляжек нарабальского вина, а потом, немного подумав, еще одну. К наступлению сумерек обед был готов, и Тесме испытывала огромную гордость своими достижениями.

Она ожидала, что Висмаан, по своему обыкновению, будет есть молча, флегматично, но ошиблась: впервые ей показалось, что она заметила признаки оживления на его лице — непривычный блеск в глазах, какие-то еще не знакомые движения языка. Теперь она сможет лучше разбираться в проявлениях его эмоций. Он с удовольствием жевал жареное мясо, хвалил его аромат и вкус и несколько раз просил добавки. Подавая ему очередной кусок, Тесме каждый раз брала порцию и себе, впихивая в себя мясо до тех пор, пока не насытилась до отвала. Но она продолжала есть, уговаривая себя тем, что все не съеденное сейчас к утру, скорее всего, испортится.

— Мясо очень хорошо с токкой,— заметила она, закинув в рот очередную голубовато-белую сочную ягоду.

— Да. Дай еще, пожалуйста.

Он неутомимо поглощал все, что ставила перед ним Тесме. В конце концов она уже была не в состоянии не только есть сама, но даже видеть, как продолжает делать это гэйрог. Подвинув все, что осталось, так, чтобы он мог дотянуться, она большим глотком прикончила вино и чуть вздрогнула и рассмеялась, когда несколько капель стекли с подбородка ей на грудь. Тесме растянулась на куче листьев пузырчатки. Голова кружилась. Она уткнулась лицом в подстилку, прижалась к ней всем телом и слушала, как Висмаан откусывает и жует и снова откусывает и жует... и еще... и еще... Наконец все стихло...

Тесме лежала в ожидании сна, но он не приходил. Голова кружилась сильнее и сильнее, и девушка всерьез опасалась, что ее вот-вот швырнет через всю хижину, словно это была не лачуга из веток, а центрифуга. Ее кожа блестела от пота, а соски затвердели и налились. Я слишком много выпила, подумала она, и съела слишком много токки, по меньшей мере дюжину ягод, да еще с семечками, а так они действуют сильнее всего — и теперь их возбуждающий сок клокочет в моем мозгу.

Она не хотела спать одна, обнимая бесстрастный земляной пол.

Старательно удерживая равновесие, Тесме поднялась на колени, задержалась на секунду-другую, чтобы не упасть, и медленно подползла к кровати. Она смотрела на гэйрога, но перед глазами у нее все расплывалось, и она видела перед собой только нечеткий контур его тела.

— Ты спишь? — прошептала она.

— Ты же знаешь, что я не могу спать.

— Ну, конечно, конечно. Я говорю глупости.

— Что-нибудь не так, Тесме?

— Не так? Нет, ничего особенного. Все так. Кроме... ну, только...— Она задумалась, подыскивая слова, которые никак не хотели находиться.— Знаешь, я пьяная! Ты понимаешь, что значит пьяная?

— Да.

— Мне не нравится лежать на полу. Можно, я лягу рядом с тобой?

— Если хочешь.

— Я должна быть очень осторожна,— бормотала она,— чтобы не задеть твою больную ногу. Покажи мне, которая из двух.

— Тесме, она уже почти срослась. Не беспокойся. Ложись.

Она почувствовала, как его пальцы обхватили ее запястья и потянули. Тесме словно всплыла вверх и легко подкатилась ему под бок. От груди до бедра она ощущала прикосновение его странной, твердой, на ощупь напоминающей морскую раковину, кожи, такой прохладной, такой чешуйчатой, такой гладкой... Она робко провела рукой по его телу. Похоже на дорогой чемодан, подумалось ей. Слегка надавив на кожу кончиками пальцев, Тесме ощутила под твердой поверхностью мощные мышцы. Его запах изменился, становясь все более пряным и резким.

— Мне нравится, как ты пахнешь,— промурлыкала она, потираясь лбом о его грудь, а потом крепко прижалась к нему всем телом. Уже много месяцев, почти год, в ее постели никого не было, и как приятно сейчас ощущать рядом чье-то присутствие. Пусть гэйрог, думала она. Ну и что, что гэйрог? Только бы быть рядом, дотрагиваться... Это так хорошо...

Он прикоснулся к ней.

Тесме была застигнута врасплох. До сих пор их отношения складывались так, что она ухаживала за ним, а он пассивно принимал ее заботу. Внезапно его ладонь — непривычно прохладная, чешуйчатая, гладкая — пробежала по ее телу: слегка пощекотала грудь, скользнула по животу, спустилась ниже, задержалась в основании ног... Что бы это значило? Неужели Висмаан собирается заняться с нею любовью? Она мысленно представила себе его лишенное каких-либо половых особенностей тело. А он продолжал гладить ее. Это уже чересчур, думала она. Даже для Тесме, сказала она себе, это чересчур. Он же не человек. А я...

А я очень одинока...

А я совершенно пьяна...

— Еще, пожалуйста,— чуть слышно шепнула она.— Еще...

Тесме хотела только, чтобы гэйрог и дальше продолжал ее ласкать. Но он, подсунув руку ей под плечи, легко приподнял девушку и положил на себя. Тесме почувствовала, как к ее животу прижалась — нет, она не могла ошибиться! — твердая мужская плоть. Возможно ли такое? Наверное, его член скрыт где-то под кожей, и появляется лишь в случае необходимости?.. Неужели он намерен?..

Сомнений у нее не оставалось.

Похоже, он хорошо знал, что следует делать. Будучи порождением чужого мира, гэйрог при первой встрече даже не смог с уверенностью определить пол находившегося перед ним обнаженного человеческого существа, и тем не менее он имел достаточно ясное представление о сексуальных отношениях людей. Тесме на несколько мгновений охватили ужас и отвращение. Потрясенная, она лишь гадала, сильно ли пострадает ее лоно, если он — а что если таковы нравы этих существ? — любит причинять боль. И еще ее не оставляла мысль о чудовищности происходящего, о противоестественности совокупления человека и гэйрога и о том, что в истории вселенной до сих пор ничего подобного, скорее всего, не случалось. Ей вдруг захотелось вырваться из его

объятий и убежать, раствориться в темноте. Но слишком сильно кружилась голова, слишком много она выпила и была слишком смущена, чтобы действовать решительно... а главное, Тесме вдруг осознала, что Висмаан не причинил ей ни малейшей боли, что его член со спокойной уверенностью часового механизма мягко скользит внутри ее и что расходящиеся по телу волны удовольствия заставляют ее содрогаться и задыхаться от наслаждения и она невольно все крепче прижимается к гладкому кожистому панцирю...

Тесме отдалась во власть чувств и в миг высшего взлета не смогла сдержать крик экстаза, а потом, все еще дрожа и негромко всхлипывая, долго лежала, прильнув к груди Висмаана и постепенно приходя в себя. Хмель как рукой сняло. Она сознавала, что сделала, и это поразило ее, но больше позабавило: «Скушай-ка это, Нарабаль! У меня любовник — гэйрог!» А удовольствие, которое она испытала, было настолько потрясающим, настолько изумительным! Но получил ли он удовольствие? Спросить об этом Висмаана девушка не отваживалась. Как задать гэйрогу подобный вопрос? И вообще, знают ли они, что такое оргазм? Имеет ли для него хоть какой-то смысл само это понятие? Она пыталась угадать, приходилось ли ему прежде заниматься любовью с женщинами человеческой расы. И тоже не смела спросить. Висмаан действовал абсолютно правильно — не так, как искушенный любовник, нет... Он, несомненно, отчетливо представлял себе, что нужно делать, и в области сексуальных отношений обладал, пожалуй, бóльшими знаниями, чем многие знакомые Тесме мужчины,— то ли он уже имел опыт общения с женщинами, то ли его ясное холодное сознание способно было без труда определить особенности и требования их анатомии. Этого она не знала и сомневалась, что она когда-либо узнает.

Висмаан не проронил ни звука. Девушка крепко обняла его и провалилась в глубокий сон, какого не знала уже на протяжении нескольких недель.

Глава 6

Утром Тесме было не по себе, но раскаяния она не испытывала. О произошедшем между ними той ночью не было сказано ни слова. Висмаан развлекался своими кубиками. На рассвете Тесме отправилась к пруду, чтобы поплавать и успокоить пульсирующую в голове кровь, потом навела порядок в хижине после вчерашнего банкета, приготовила завтрак и отправилась куда глаза глядят на север. Наткнувшись на маленький, поросший мхом грот, девушка просидела в нем почти до полудня, вновь и вновь вспоминая испытанные ночью ощущения — прикосновения, вздохи и мощные содрогания экстаза, равных которым она еще не знала. Даже покривив душою, Тесме не могла сказать, что находит Висмаана хоть сколько-нибудь привлекательным: раздвоенный змеиный язык, волосы, напоминающие шевелящихся живых змей, покрытое чешуей тело... Нет-нет, то, что случилось вчера вечером, никак не связано с физическим влечением — в этом она уверена. Тогда почему это произошло? Причиной всему — вино и токка, да еще ее одиночество и в довершение всего — протест против привычной системы ценностей обывателей Нарабаля. Отдаться гэйрогу! Ничего лучше и не придумаешь, чтобы бросить вызов всему, во что эти людишки верили! Но конечно, такой вызов не будет иметь никакого смысла, если те, кому он предназначен, о нем не узнают. А потому, как только Висмаан будет в состоянии совершить поход в Нарабаль, они непременно отправятся туда вместе.

После той ночи они стали спать в одной постели, и им это казалось совершенно естественным. Но ни на вторую, ни на третью, ни на четвертую ночь они не занимались любовью — просто лежали рядом, не прикасаясь друг к другу, даже не разговаривая. Протяни Висмаан хотя бы руку, Тесме с готовностью отдалась бы ему, но он не проявлял никакой инициативы. А сама она не решалась придвинуться ближе. Молчание начало ее тяготить, но она опасалась нарушить его, боясь услышать что-нибудь такое, чего ей не хотелось бы слышать: что он испытывает отвращение к человеческой манере сексуальных связей или что он расценивает такое поведение как непристойное и неестественное и пошел на это однажды потому только, что она вела себя чрезмерно настойчиво или же что он знал, что она не испытывала никакого истинного влечения к нему, а просто использовала его для укрепления своих позиций в продолжающейся войне против общества и его нравов. В конце недели, обеспокоенная невысказанными сомнениями и нараставшей напряженностью в их отношениях, Тесме, забираясь в кровать, рискнула как бы случайно прижаться к нему, а он без малейшего колебания легко и охотно обнял ее. В последующие ночи их занятия любовью происхо-

дили как бы случайно и непреднамеренно, близость превратилась в нечто тривиальное, обыденное — в ритуал, которому они иногда следовали перед сном и в котором тайны или волшебства оставалось не больше, чем в любом ритуале такого рода. Но каждый раз Тесме испытывала огромное наслаждение и вскоре совершенно перестала замечать нечеловеческую чуждость его тела.

Висмаан уже ходил без помощи и каждый день уделял все больше времени гимнастике. Сначала вместе с Тесме, а затем и самостоятельно он изучал тропинки в джунглях. Первое время он передвигался с превеликой осторожностью, но вскоре уже почти перестал хромать. Плавание, похоже, тоже шло ему на пользу — он часами барахтался в маленьком пруду Тесме и тем невероятно раздражал громварка, жившего в норе, вырытой в глинистом берегу: медлительное старое существо выползало из своего убежища, растягивалось возле кромки воды, словно забытый кем-то полупустой потрепанный щетинистый мешок, хмуро взирало на гэйрога и не возвращалось в воду до тех пор, пока Висмаан не выбирался на берег. Тесме утешала старожила пруда, принося ему нежные зеленые побеги, которые срывала выше по течению питавшего пруд ручейка — за пределами досягаемости коротких лапок громварка.

— Когда же ты отведешь меня в Нарабаль? — однажды дождливым вечером поинтересовался Висмаан.

— Хоть завтра,— ответила она.

Той ночью Тесме очень волновалась и все теснее прижималась к гэйрогу.

Они вышли на рассвете. Шедший поначалу несильный дождь вскоре прекратился и уступил место блеску солнца. Поначалу Тесме старалась идти очень медленно и осторожно, но быстро поняла, что гэйрог совершенно здоров, и продолжила путь уже своим обычным стремительным шагом. Для Висмаана не составляло ни малейшего труда поддерживать его темп. Она все время болтала — сообщала ему названия всех попадавшихся на пути растений или животных, потчевала его отрывками из истории Нарабаля, рассказывала о своих братьях, сестрах и городских знакомых. Ей отчаянно хотелось, чтобы их заметили — смотрите, смотрите, это мой любовник-гэйрог, я спала с ним! — и, едва они добрались до предместий, она стала оглядываться вокруг, надеясь увидеть хоть кого-нибудь знакомого. Но на пригородных

фермах в тот день, похоже, никого не было, а тех, кто попадался на глаза, она никогда прежде не встречала.

— Видишь, как они смотрят на нас? — шепнула она Висмаану, когда они вступили в более населенный район.— Они боятся тебя. Они считают тебя первой ласточкой какого-то вторжения иных рас. И никак не могут понять, а что я-то делаю рядом с тобой, почему мы с тобой идем вместе и разговариваем между собой.

— Я не замечаю ничего подобного. Да, моя внешность их удивляет. Но я не вижу никакого страха, никакой враждебности. Может быть, это потому, что я плохо разбираюсь в выражениях человеческих лиц? Я-то думал, что научился довольно хорошо понимать их.

— Подожди и увидишь,— пообещала Тесме, хотя в глубине души должна была признать, что, возможно, немного преувеличивала. А может быть, и больше, чем немного. Они дошли уже почти до центра Нарабаля. Кое-кто действительно глядел на гэйрога с удивлением и любопытством, но напряженное выражение лица быстро смягчалось; другие просто кивали и улыбались, словно встреча на улице родного города с существом из иного мира была для них самым обычным делом. Проявлений настоящей враждебности Тесме не заметила вовсе. И это ее возмутило. Эти благопристойные приятные люди, эти добропорядочные любезные люди реагировали совсем не так, как она того ожидала. Даже когда она наконец встретила знакомых — Канидора, лучшего друга старшего из ее братьев, Хеннимонта Сиброя, управляющего небольшой прибрежной гостиницы, и женщину из цветочной лавки,— все они совершенно спокойно восприняли ужасные, как ей казалось, слова Тесме:

— Это Висмаан, он жил со мной последнее время.

Канидор улыбнулся, словно всегда знал, что Тесме относится к тем людям, которые делят кров с существами из иного мира, и заговорил о новых городах для гэйрогов и хьортов, которые намеревался строить муж Мирифэйн. Управляющий гостиницы весело потряс руку Висмаана и пригласил его к себе выпить вина. А цветочница несколько раз повторила:

— Как интересно, как интересно! Мы надеемся, что вам понравится наш городок!

Тесме ощущала снисходительность, скрывавшуюся за их веселостью. Ей казалось, что они сговорились не позволять ей шоки-

ровать себя, словно уже заранее смирились со всеми дикими выходками этой девчонки и теперь были готовы воспринять любой ее поступок без удивления и даже без комментариев. Возможно, они неправильно истолковали характер ее отношений с гэйрогом и думали, что он просто-напросто снимал у нее угол,— ведь никто из них не знал, что в ее круглой хижине вовсе не было углов. А удалось бы ей вызвать у них ту реакцию, которой она ожидала, если бы она прямо объявила, что они были любовниками, что она принимала его плоть в свое лоно, что они, два существа, принадлежащие к разным расам, занимались невероятной, немыслимой, противоестественной любовью?

Кто знает, возможно и нет. Быть может, даже предайся они с гэйрогом совокуплению прямо посреди площади Понтифекса, их поступок не вызвал бы никакого волнения в этом дурацком городишке, хмурясь, думала Тесме.

А понравился ли Нарабаль Висмаану? Ей, как всегда, было трудно понять его эмоции. Они переходили из улицы в улицу, шли по беспорядочно разбросанным площадям, мимо безликих лавчонок, маленьких кривобоких домишек с разросшимися неухоженными садами... и он почти все время молчал. Она ощущала в его молчании разочарование и неодобрение и, несмотря на всю свою ненависть к Нарабалю, почувствовала желание защищать родной город. Это было, в конце концов, достаточно молодое поселение, передовая застава, затерявшаяся в глухом углу второразрядного континента, и здесь успели прожить лишь несколько поколений.

— Ну и как? — наконец не выдержала она.— Похоже, Нарабаль не слишком впечатлил тебя?

— Ты же предупреждала меня, чтобы я не ожидал слишком многого.

— Но он оказался еще хуже, чем я тебе рассказывала, не так ли?

— Он кажется мне маленьким и неухоженным,— ответил Висмаан.— После того, как увидишь Пидруид или хотя бы...

— Пидруиду уже тысяча лет.

— ...Дюлорн,— продолжал он, как будто не заметил ее реплики.— Дюлорн необычайно красив даже сейчас, когда он еще не достроен до конца. Но, конечно, белый камень, который там использован...

— Да,— согласилась Тесме.— Нарабаль тоже нужно было строить из камня, потому что климат здесь настолько влажный, что деревянные дома быстро начинают гнить и разваливаться, но для этого не было времени. Когда население увеличится, мы сможем устроить каменоломни в горах и сделать здесь нечто изумительное. Через пятьдесят лет, а может быть, через сто, когда у нас будет достаточно рабочей силы. Может быть, если удастся заманить сюда на работу хоть сколько-нибудь этих гигантских четвероруких иноземцев...

— Скандаров,— подсказал Висмаан.

— Да, скандаров. Почему бы короналю не прислать к нам тысяч десять скандаров?

— Их тела покрыты густой шерстью. Здешний климат будет слишком тяжел для них. Но, несомненно, здесь поселятся и скандары, и врууны, и су-сухирисы, и много-много гэйрогов — выходцев, как и я, из стран с влажным климатом. Ваше правительство решилось на очень смелый поступок, приглашая в таких количествах переселенцев из иных миров. Другие планеты не настолько богаты землей.

— Другие планеты не настолько велики,— возразила Тесме.— Кажется, я где-то слыхала, что, даже если не считать все огромные океаны, которые у нас есть, площадь одной только суши Маджипура в три или в четыре раза больше полной площади любой другой населенной планеты. По крайней мере, что-то в этом роде. Нам очень повезло, что у такого огромного мира достаточно слабая гравитация, чтобы люди и гуманоиды могли свободно жить здесь. Конечно, мы платим за это высокую цену — почти не имеем тяжелых элементов, но все же... О, привет!

Тесме резко сменила тон, и в голосе ее прозвучали растерянность и тревога. Худощавый, очень высокий молодой человек со светлыми волнистыми волосами, выскочивший из дверей банка на углу, чуть не налетел на Тесме и остолбенело замер, уставившись на нее. А она тоже застыла на месте. Это был Рускелорн Юлван — ее любовник на протяжении последних четырех месяцев перед побегом в джунгли, из всех жителей Нарабаля именно тот человек, кого она меньше всего хотела встретить. Но, раз уж столкновение неизбежно, почему бы не обернуть ситуацию в свою пользу? Ей удалось первой оправиться от замешательства.

— Ты хорошо выглядишь, Рускелорн,— сказала она, забирая инициативу в свои руки.

— И ты тоже. Жизнь в джунглях, судя по всему, идет тебе на пользу.

— Ты прав. Это были самые счастливые семь месяцев за всю мою жизнь. Рускелорн, это мой друг Висмаан. Он жил со мной несколько последних недель. Он искал место для фермы неподалеку от моей хижины, и с ним произошел несчастный случай: упал с дерева и сломал ногу. Вот и я ухаживала за ним.

— Полагаю, что очень умело,— спокойно ответил Рускелорн Юлван.— Похоже, сейчас он в полном порядке. Рад познакомиться,— приветствовал он гэйрога, и тон его не позволял усомниться в искренности этих слов.

— В той части его планеты, где он жил раньше,— продолжала Тесме,— климат был точно такой же, как у нас в Нарабале. Он сказал мне, что через несколько лет здесь, в тропиках, поселятся многие его соплеменники.

— Я тоже слышал об этом,— отозвался Рускелорн Юлван и усмехнулся: — Вы увидите, насколько здесь плодородная земля. Съешьте ягоду за завтраком и бросьте косточку, и к вечеру на этом месте вырастет лоза высотой в дом. Так все говорят, значит это правда.

Легкая и небрежная манера его разговора приводила Тесме в неописуемое бешенство. Он что, не понимал, что этот чешуйчатый пришелец из иного мира, этот гэйрог, заменял его в ее постели? Неужели Рускелорн Юлван настолько лишен чувства ревности? Или же он просто не осознает положение вещей? Тесме буквально рассвирепела, напряглась и попыталась мысленно сообщить бывшему любовнику правду, рисуя в воображении жестокие картины, представлявшие ее в объятиях Висмаана, нечеловеческие руки, ласкающие ее грудь и бедра, раздвоенный алый язык, щекочущий ее сомкнутые веки, ее соски, щель между ног. Бесполезно. Рускелорн умел читать мысли ничуть не лучше, чем она, иначе говоря — совсем не умел. «Он мой любовник,— беззвучно шептала она,— он берет меня снова и снова, а я прихожу к нему ради этого. Я не могу дождаться возвращения в джунгли, чтобы завалиться с ним в постель...» И все это время Рускелорн Юлван стоял, улыбаясь, и вежливо болтал с гэйрогом, обсуждая возможности выращивания в этих местах нийка, глейна и стаджжи — или, возможно для более болотистых районов лучше подойдет лусавендер? Лишь изрядное время спустя он вновь перевел взгляд на Тесме и спросил, как долго еще она намеревается оставаться в джунглях,— так же спокойно, как если бы поинтересовался, какой нынче день недели.

Она вспыхнула.

— Пока что мне нравится там гораздо больше, чем в городе. А что?

— Я подумал, не соскучилась ли ты по комфорту нашей блистательной столицы, только и всего.

— Пока нет, ни капельки. Я никогда еще не была так счастлива.

— Ну и прекрасно. Я очень рад за тебя, Тесме.— Очередная безмятежная улыбка.— Как хорошо, что удалось повидаться с тобой. Приятно было познакомиться,— кивнул он гэйрогу и удалился.

Тесме едва ли не дымилась от ярости. Его ничто не задело, не потревожило! Она может сколько угодно совокупляться с гэйрогами, скандарами или даже громварком в пруду! Ему наплевать — все это ничего для него не значит! Она хотела, чтобы он был больно уязвлен или, по крайней мере, шокирован, а он был всегонавсего вежлив. Вежлив! Наверняка он, как и все остальные, не смог понять реальный характер ее отношений с Висмааном — им, конечно, и в голову не придет, что женщина человеческой расы отдастся похожему на рептилию иноземцу, и, значит, они вовсе не думали... они даже не подозревали...

— Ну что, видел Нарабаль? — спросила она у гэйрога.

— Достаточно для того, чтобы уяснить, что тут почти не на что смотреть.

— Как твоя нога? Сумеешь дойти обратно?

— Может быть, у тебя есть в городе какие-нибудь дела?

— Ничего важного,— бросила она,— мне не терпится уйти отсюда.

— Тогда пойдем,— ответил он.

Нога, казалось, все же беспокоила его — видимо, перенапряг мышцы. Такой переход был нелегким даже и для здорового — а ведь Висмаан с начала выздоровления ходил очень понемногу,— но он по обыкновению безропотно последовал за Тесме к окраине города, откуда начиналась дорога в джунгли. Было самое неподходящее для прогулок время дня: солнце стояло почти в зените, а влажность и тяжесть воздуха говорили о приближении послеполуденного ливня. Они шли медленно, часто останавливаясь, хотя он ни разу не сказал о том, что устал. Тесме сама чув-

ствовала себя утомленной и, притворяясь, будто хочет показать ему то какие-то интересные выходы породы, то какие-то необычные растения, искала предлог, чтобы немного передохнуть. Она ни в какую не желала признаться в том, что устала,— на сегодня унижений достаточно.

Ее вылазка в Нарабаль закончилась крахом. Гордая непокорная мятежница, презирающая нравы Нарабаля, она приволокла своего любовника-гэйрога в город, чтобы похвастать им перед тихими скучными обывателями, а они ничего не заметили. Неужели они все настолько тупы, что не смогли даже угадать истину? Или, напротив, сразу же раскусили ее намерения и решили не дать ей ни малейшего повода для торжества? Так или иначе, она чувствовала себя оскорбленной, униженной, побежденной — и совершенной дурой. Кстати, что там она раньше воображала себе насчет фанатизма жителей Нарабаля? Разве они не опасались наплыва всех этих странных существ? С Висмааном все были настолько обаятельны, настолько дружелюбны... Возможно, мрачно раздумывала Тесме, предубеждение гнездилось лишь в ее собственном сознании, и она извратила те слова, которые слышала от других... Но в таком случае отдаваться гэйрогу было просто глупо, бессмысленно — ей не удалось таким образом влепить пощечину общественному мнению Нарабаля, не удалось одержать хотя бы маленькую победу в той личной войне, которую она вела против своих соплеменников. Ее нелепый поступок оказался не более чем проявлением чудачества и своеволия.

Пробираясь по скользкой после дождя тропе в джунглях, Тесме и гэйрог не перемолвились ни словом. Когда они добрались до хижины, он вошел внутрь, а она принялась бестолково суетиться: мыться, проверять ловушки, собирать ягоды с лоз, хвататься за всякие вещи, тут же забывая, для чего они ей понадобились.

Войдя через некоторое время в хижину, она без предисловий сказала Висмаану:

— Думаю, теперь ты вполне в состоянии двинуться дальше.

— Ладно. Мне действительно пора отправляться в путь и устраивать свою жизнь.

— Ты, конечно, можешь остаться на ночь. Но утром...

— А почему бы не уйти прямо сейчас?

— Скоро стемнеет. Да и ты уже прошел сегодня немало миль...

— Не стоит больше стеснять тебя. Думаю, мне лучше пойти сегодня.

И вновь Тесме поймала себя на том, что не в силах понять его чувства. Он удивлен? Огорчен? Рассержен? Гэйрог ничем не выдал своих ощущений. Ни единого прощального жеста... Он просто повернулся и ровным шагом пошел по тропинке, убегающей в джунгли. Тесме с пересохшим горлом и бешено колотившимся сердцем провожала его взглядом, пока он не скрылся за низко свисавшими лианами. Единственное, на что она оказалась способна, это удержаться на месте и не побежать за ним следом. Но вот он исчез, а вскоре на землю опустилась тропическая ночь.

Она на скорую руку соорудила для себя нечто вроде обеда, но почти ничего не съела и замерла в задумчивости. Он сидит где-то там, в темноте, ожидая наступления утра. Они даже не попрощались! Она могла в шутку посоветовать ему больше не лазить на сиджаниловые деревья, а он мог поблагодарить ее за заботу, но ничего этого не случилось; она просто предложила ему убираться, а он покорно, безропотно ушел. Непонятное существо, и действия его непонятные... И все же, когда они вместе лежали в кровати, и он дотронулся до нее, и сжал в объятиях, и легко положил ее на себя...

Эта ночь показалась Тесме очень долгой, холодной и мрачной. Съежившись на грубо сплетенной из веток кровати, на которой они вместе проводили последние ночи, она прислушивалась к стуку капель ночного дождя по широким синим листьям, служившим крышей хижины, и впервые за все время, проведенное в джунглях, ощущала боль одиночества. Только сейчас она осознала, до какой степени была ей дорога та странная пародия на семейную жизнь, которую они с гэйрогом устроили здесь. И вот теперь все закончилось, и она снова осталась одна, еще более одинокая, чем до встречи с Висмааном, и гораздо сильнее, чем когда-либо, оторванная от своей прежней жизни в Нарабале... А он где-то там — сидит без сна в темноте и не имет даже укрытия от непогоды.

«Я влюбилась в чуждое существо,— с удивлением сказала она себе,— я влюбилась в чешуйчатую тварь, которая не произносит никаких слов о любви, почти не задает вопросов и уходит не поблагодарив и не попрощавшись». Она несколько часов лежала с открытыми глазами и время от времени принималась плакать. Все тело болело от усталости после долгого похода и расстройств

минувшего дня. Подтянув колени к груди, она надолго застыла в такой позе, а затем обеими ладонями принялась поглаживать себя между ног, пока наконец не наступил миг разрядки. Захлебнувшись воздухом, Тесме негромко застонала и почти сразу же провалилась в сон.

Глава 7

С утра Тесме искупалась в пруду, проверила ловушки, позавтракала и прошлась по всем знакомым тропинкам возле своей хижины. Никаких следов гэйрога. К полудню настроение ее несколько улучшилось, а во второй половине дня она ощущала себя почти веселой. Но когда начали сгущаться сумерки и подошло время одинокого обеда, она вновь почувствовала, как на нее наваливается тоска. Но она выдержала. Чтобы убить время, она поиграла с кубиками, которые принесла для Висмаана, и в конце концов незаметно уснула... Следующий день прошел лучше, и следующий еще лучше...

Мало-помалу жизнь Тесме возвращалась в нормальное русло. Она по-прежнему не встречала никаких следов гэйрога, и постепенно он начал уходить из ее мыслей. А недели уединения все тянулись и тянулись, и она вновь ощутила радость одиночества — по крайней мере, так ей казалось. Но порой, в самые неожиданные моменты — при виде билантуна, мелькнувшего в чаще, или сиджанилового дерева со сломанной веткой, или громварка, угрюмо сидящего на берегу пруда,— ее мучили острые и болезненные вспышки воспоминаний, и она понимала, что продолжает тосковать без него. Сама не зная толком зачем, Тесме бродила по джунглям, описывая все более и более широкие круги, пока наконец не признавалась себе, что ищет его.

Ей потребовалось еще три месяца, чтобы его найти. За двумятремя грядами холмов на юго-востоке она вдруг однажды заметила признаки поселения. Забравшись повыше, Тесме смогла разглядеть вырубку, от которой разбегались явно вновь проложенные тропы, и спустя какое-то время отправилась туда. Она переплыла довольно большую реку, о существовании которой прежде не знала, миновала обширную вырубку и оказалась возле свежесозданной плантации. Прячась за окаймлявшими делянку кустами, Тесме заметила гэйрога — в том, что это был Висмаан, она не сомневалась,— рыхлившего жирную черную землю. Внезапно у нее перехватило дыхание от страха, она задрожала всем телом и почувствовала, что колени подкашиваются.

А что, если это какой-нибудь другой гэйрог? Да нет же, нет! Она уверена, что это он, и даже сумела убедить себя, будто видит, как он слегка прихрамывает. Но она продолжала прятаться за кустами, боясь подойти ближе. Что она ему скажет? Как объяснить, почему она вдруг приперлась в эту даль, чтобы разыскать его, после того как с такой холодностью прогнала его из своей жизни? Тесме отступила подальше в кусты и уже совсем было решила уйти прочь. Однако все же взяла себя в руки и окликнула гэйрога по имени.

Он резко остановился и огляделся по сторонам.

— Висмаан? Я здесь! Это Тесме!

Ее щеки пылали, сердце в груди гулко и часто колотилось. На секунду ей показалось, она даже была уверена, что это какой-то другой, незнакомый, гэйрог, и извинения за непрошеное вторжение уже готовы были сорваться с ее губ Но, когда он сделал первый шаг в ее сторону, девушка уже точно знала, что не ошиблась.

— Я увидела расчищенное место и подумала, что это может быть твоя ферма,— сказала она, выбираясь из густого куста.— Как твои дела, Висмаан?

— Просто превосходно. А твои?

Она пожала плечами.

— Все так же. Ты прямо-таки чудо здесь сотворил. Прошло всего несколько месяцев, и смотри-ка, что получилось!

— Да,— согласился он.— Мы постарались как следует.

— Мы?

— У меня теперь есть подруга. Пойдем, я познакомлю вас и покажу тебе, как мы здесь устроились.

Сказанные спокойным тоном слова обожгли ее, словно хлыст. Возможно, именно этого Висмаан и хотел добиться: вместо того чтобы каким-либо образом продемонстрировать оскорбленное самолюбие или негодование тем, как она вышвырнула его из своей жизни, он решил отомстить более изощренным, дьявольским способом — таким вот бесстрастным, отстраненным тоном. Но все же более вероятно, что он не испытывал никакого негодования и не жаждал мести. Его взгляд на все, что произошло между ними, скорее всего в корне отличался от ее восприятия.

Не следует забывать, что он принадлежит к существам другой расы, напомнила она себе.

Они прошли по пологому склону, перебрались через дренажную канаву и обошли небольшое, недавно засеянное поле. На вершине холма показался спрятанный за пышными ягодными кустами дом из сиджаниловых стволов, довольно похожий на ее собственный, но заметно больше и с углами. Отсюда, сверху, она смогла увидеть всю ферму, занимавшую три склона небольшого холма. «Как много он успел сделать!» — с восхищением подумала Тесме. Ей казалось, что просто невозможно за минувшие несколько месяцев проделать такую работу: расчистить участок, построить жилье, подготовить почву и даже начать посадки. Она помнила, что гэйроги не нуждаются в ежедневном сне, но неужели им не нужно и отдыхать?

— Турном! — негромко позвал Висмаан.— Турном, у нас гости!

Тесме заставила себя сохранять спокойствие. Теперь, оказавшись здесь, она поняла, что разыскивала гэйрога потому, что не хотела больше оставаться одна, что подсознательно она все еще питала какую-то надежду, предавалась фантазии: помочь ему в устройстве фермы, разделить с ним не только постель, но и жизнь, создать с ним настоящую семью; ей даже как-то раз представилось, что она едет вместе с ним на север, в великолепный Дюлорн, встречается с его соплеменниками... Глупо, конечно. И тем не менее ее мечты сохраняли какую-то видимость правдоподобия, до тех пор пока он не сказал ей, что у него есть подруга. И теперь Тесме изо всех сил старалась держаться тепло и сердечно, ничем не проявить свою идиотскую ревность...

Из дома вышел гэйрог почти такого же роста, как и Висмаан, с такой же сверкающей жемчужной чешуей кожей, такими же медленно корчившимися змееподобными волосами. Между ними имелось лишь одно, но очень заметное внешнее различие: грудь женщины-гэйрога украшало, наподобие бахромы, множество — дюжина, а то и больше — мясистых трубочек, каждая из которых заканчивалась темно-зеленым соском. Тесме содрогнулась. Висмаан говорил ей, что гэйроги относятся к млекопитающим, и сейчас она получила неопровержимое доказательство его слов. Но подруга Висмаана чрезвычайно походила на рептилию, а эти жуткие трубочки с сосками лишь усиливали это сходство, так что она казалась не млекопитающим существом, а каким-то сверхъестественным и невероятным гибридом. Потрясенная до глубины души, Тесме молча переводила взгляд с одного гэйрога на другого.

— Это та самая женщина, о которой я тебе рассказывал,— сказал Висмаан.— Когда я валялся со сломанной ногой, она нашла и вылечила меня. Тесме, это моя подруга Турном.

— Рада вас видеть,— торжественно приветствовала гостью женщина-гэйрог.

Тесме срывающимся голосом произнесла несколько вымученных похвальных фраз по поводу огромной работы, проделанной на ферме. Ей хотелось только одного: убежать отсюда, но возможности для отступления уже не было: она пришла в гости к своим соседям по джунглям, и те настаивали на соблюдении приличий. Висмаан пригласил ее в дом. А что будет дальше? Чашка чая, бокал вина, немного токки и жареный минтун? Внутри было почти пусто: стол да несколько подушек, а в дальнем углу стоял на трехногом табурете странный высокий, плотно сплетенный из тонких прутьев короб с открытой крышкой. Тесме лишь искоса взглянула на него и быстро отвела глаза, решив почему-то, что проявлять любопытство сейчас неприлично. Но Висмаан взял ее под локоть.

— Я хочу тебе показать. Смотри.

Она заглянула под крышку.

Это оказался инкубатор. В гнезде из мха лежало одиннадцать или двенадцать кожистых круглых яиц — ярко-зеленых, покрытых крупными красными пятнышками.

— Наши первенцы проклюнутся меньше чем через месяц,— сообщил Висмаан.

У Тесме потемнело в глазах. Почему-то именно это открытие истинно чуждой сущности гэйрогов ошеломило ее, как ничто иное прежде. На нее так не действовал ни холодный взгляд немигающих глаз Висмаана, ни его корчащиеся волосы, ни прикосновение его чешуйчатой кожи к ее нагому телу, ни внезапное поразительное ощущение его плоти, заполнившей ее лоно и движущейся внутри нее. Яйца! Эта подстилка! И бахрома на груди Турном уже наливается молоком, чтобы кормить! Тесме воочию увидела дюжину крошечных ящериц, присосавшихся к множеству трубочек, и ее пронзил ужас: какое-то мгновение, показавшееся ей бесконечным, она стояла неподвижно, даже не дышала, а потом повернулась и бросилась прочь. Она промчалась

по склону, перепрыгнула канаву, пробежала прямо, как она слишком поздно поняла, по недавно засеянному полю и вломилась в дышавшие горячим паром влажные джунгли.

Глава 8

Она не знала, сколько времени прошло до того момента, когда на пороге ее хижины появился Висмаан. Минуты и часы слились для нее в единый поток еды, сна, плача, дрожи — так что, возможно, минул день, возможно, два, а возможно, и неделя, прежде чем он вдруг просунул голову и плечи в дверной проем и окликнул ее по имени.

— Чего тебе? — не поднимая головы, спросила Тесме.

— Надо поговорить. Есть кое-то, о чем мне следует тебе сказать. Почему ты так внезапно ушла?

— А это имеет какое-нибудь значение?

Он присел рядом и нежно положил руку ей на плечо.

— Тесме, я должен попросить у тебя прощения.

— За что?

— Когда я уходил отсюда, то не поблагодарил тебя за все, что ты для меня сделала. Мы с Турном долго гадали, почему ты убежала, и она сказала, что ты на меня рассердилась, а я никак не мог понять почему. Тогда мы с ней обсудили все возможные причины, и, когда я рассказал, как мы расстались, Турном спросила меня, говорил ли я тебе о том, насколько благодарен за помощь. И я ответил, что нет, я не этого не сделал — просто не имел понятия, что так следует поступать. Вот почему я пришел к тебе. Прости мою грубость, Тесме. Она — следствие моего невежества.

— Я прощаю тебя,— глухо отозвалась Тесме.— А теперь уходи. Пожалуйста!

— Посмотри на меня, Тесме.

— Лучше не надо.

— Прошу тебя.

Висмаан легонько потянул ее за плечо, и Тесме с мрачным видом повернулась.

— У тебя опухшие глаза,— заметил он.

— Наверное, съела что-то не то.

— Ты все еще сердишься. Почему? Пойми, у меня и в мыслях не было тебя обидеть. Гэйроги не выражают благодарность

так, как делают это люди. Но позволь мне поблагодарить тебя хотя бы сейчас. Ты спасла мне жизнь — я уверен в этом — и была чрезвычайно добра ко мне. Я никогда не забуду, что ты сделала для меня, когда я был болен. И я виноват, что не сказал тебе об этом раньше.

— А я была не права, когда вот так выгнала тебя,— чуть слышно отозвалась она.— Но не проси меня объяснить, почему я так поступила. Это очень сложно. Я прошу тебя за то, что ты не поблагодарил меня, если ты простишь меня за то, что я выгнала тебя из дома.

— Никакого прощения не требуется. Моя нога зажила, пора было двигаться дальше, и ты лишь напомнила мне об этом. Я продолжил прерванные поиски и вскоре нашел подходящую для фермы землю.

— Значит, все было так просто?

— Да. Конечно.

Она поднялась на ноги и выпрямилась, повернувшись к нему лицом.

— Висмаан, почему ты занимался со мной любовью?

— Потому что мне казалось, что ты хотела этого.

— И все?

— Ты была несчастна и, как мне представлялось, не хотела спать в одиночестве. Я надеялся, что смогу хоть немного успокоить тебя, пытался по-дружески поддержать, посочувствовать.

— О. Понятно.

— Мне думалось, что это доставляло тебе удовольствие,— сказал он.

— Да. Да. Это действительно доставляло мне удовольствие. Но ты не хотел меня тогда?

Его язык заплясал перед безгубым ртом, что, по мнению Тесме, могло быть эквивалентом нахмуренного лба озадаченного человека.

— Нет,— сказал он после недолгой паузы.— Ведь ты человек. Как я могу чувствовать половое влечение к человеку? Мы ведь такие разные. На Маджипуре нас называют чужаками, но, согласись, для меня чужак — ты. Или я не прав?

— Наверное... Да, ты прав.

— Но я очень любил тебя и желал тебе счастья. В этом смысле можно сказать, что я хотел тебя. Ты меня понимаешь? И я навсегда останусь твоим другом. Я надеюсь, что ты еще не раз

придешь к нам в гости и мы угостим тебя всем, что сумеем вырастить на своей ферме. Ты ведь придешь, Тесме?

— Я... Да, да, я приду.

— Ну вот и прекрасно! А теперь мне пора идти. Но прежде...

С серьезным выражением лица он торжественно притянул к себе Тесме, и она оказалась в объятиях его мощных рук. И вновь ей довелось ощутить непривычно гладкую жесткость его кожи, и снова маленький алый раздвоенный язычок пробежал по ее векам в неведомом людям поцелуе... Это объятие длилось в течение неимоверно долгого мгновения.

— Я очень люблю тебя, Тесме,— прошептал он, опустив руки.— Я никогда не смогу забыть тебя.

— И я тебя тоже.

Стоя в дверях, она провожала взглядом Висмаана, пока он не скрылся в зарослях на дальнем берегу пруда. Душа ее наполнилась ощущением мира, спокойствия и теплоты. Вряд ли она когда-либо посетит Висмаана и Турном с их выводком крошечных ящериц. Но это уже не имело значения. Висмаан поймет. Теперь все хорошо... Тесме начала укладывать вещи в мешок. До полудня еще далеко, и у нее вполне достаточно времени, чтобы добраться до Нарабаля.

Тесме вошла в город сразу же после полуденного ливня. Прошло уже больше года с тех пор, как она сбежала отсюда, и несколько месяцев после ее последнего посещения... Просто поразительно! Как же все изменилось за это время! Жизнь в городе кипела: всюду росли новые здания, в Канале столпились десятки кораблей, на улицах бурлило движение. Казалось к тому же, что город подвергся нашествию множества иноплеменников. Повсюду сновали сотни гэйрогов, какие-то серые существа, с бородавчатой кожей — наверное, это и есть хьорты — и огромные четверорукие скандары... Целый передвижной цирк странных существ, явившихся сюда по своим делам и доброжелательно принятых населявшими город людьми. Тесме не без труда добралась до материнского дома и застала там двух своих сестер и брата Далхана. Они смотрели на нее с изумлением и, как ей показалось, со страхом.

— Я вернулась,— заявила она.— Знаю, что похожа на дикое животное, но как только подстригусь и надену новую тунику, вот увидите, снова стану человеком.

Спустя несколько недель Тесме переехала в дом Рускелорна Юлвана, а в конце года они поженились. Поначалу она намеревалась признаться ему в том, что она и ее жилец-гэйрог были любовниками, но все никак не решалась, а по прошествии времени все случившееся в джунглях показалось ей слишком незначительным, недостойным даже упоминания.

Лет десять или двенадцать спустя Тесме обедала с мужем в одном из прекрасных новых ресторанов гэйрогского квартала города, где им подали жареное мясо билантуна. Возможно, сыграло свою роль и то, что Тесме выпила чересчур много крепкого золотистого северного вина... Но на этот раз давление старых ассоциаций оказалось слишком мощным, и у нее не хватило сил для сопротивления...

— Ты мог представить себе что-либо подобное? — спросила она, закончив свою историю.

— Я догадался, как только увидел тебя рядом с ним на улице,— ответил Рускелорн Юлван.— Но какое это могло иметь значение?

ЧАСТЬ 2

ВРЕМЯ ОГНЯ

После этого поразительного опыта Хиссун вот уже несколько недель не смеет вернуться в Регистр памяти душ. Впечатление оказалось слишком мощным и болезненным, и ему нужно время, чтобы прийти в себя. За час, проведенный в Регистре, он прожил много месяцев из жизни той женщины, и приобретенный опыт чужой судьбы обжигает ему душу. Перед его мысленным взором проходят незнакомые новые образы.

Прежде всего, джунгли. Хиссун не бывал нигде, кроме подземного Лабиринта с его тщательно регулируемым климатом, не считая, конечно, кратковременного путешествия на Замковую гору, климат которой, хотя и заметно отличался от того, что был в его родном подземелье, был тем не менее тоже искусственным и управляемым. Вот почему густая листва и проливные дожди, пение птиц и жужжание насекомых, ощущение мокрой земли под босыми ногами произвели на мальчишку необыкновенно сильное впечатление. Но это лишь крошечная частица того, что пришлось ему испытать. Превратиться в женщину — что может быть удивительнее! А потом еще и оказаться любовницей существа иной расы! У Хиссуна не хватало слов, чтобы выразить свои ощущения. Просто уму непостижимо! И столь невероятное событие неведомым образом стало частью его существа. А когда он все же взялся за его осмысление, то поводов для раздумий оказалось намного больше: не только отношения мужчины и женщины, представителей различных рас, но и ощущение Маджипура как развивающегося мира, многие части которого до сих пор остаются такими же молодыми, как и в дни творения. Немощеные улицы Нарабаля, деревянные лачуги и сама планета, на которой он живет: не ухоженная, не приручeнная,

как сейчас, но бурная и таинственная, со множеством белых пятен на карте. В то время как Хиссун бездумно листает и перекладывает никому не нужные архивы налоговых инспекторов, мысли его час за часом, день за днем вращаются вокруг пережитых событий. И постепенно до него начинает доходить, что после своего незаконного посещения Регистра памяти душ он уже никогда не станет прежним, никогда не сможет быть просто мальчиком по имени Хиссун, но — в силу неких непостижимых обстоятельств — всегда будет не только Хиссуном, но также и женщиной по имени Тесме, которая жила и умерла девять тысяч лет назад на другом континенте, в жарком душном городе, который Хиссун никогда не увидит.

А потом его, конечно, с неудержимой силой снова влечет к себе удивительный Регистр памяти душ. У входа на сей раз дежурит другой чиновник — хмурый маленький вруун в косо нацепленной полумаске,— и Хиссуну приходится очень быстро и небрежно, словно ему давно уже наскучило это делать, взмахнуть перед ним своим пропуском, чтобы попасть туда, куда ему требуется. А так как его бойкий ум далеко опережает мыслительные процессы любого из этих вялых чиновников, то вскоре он уже сидит в вожделенной кабине и быстрыми пальцами набирает код на пульте. Пусть это будет время лорда Стиамота, решает он. Последний период войны, в которой метаморфы были разгромлены войсками людей — первых поселенцев на Маджипуре. «Выдай мне капсулу солдата армии лорда Стиамота,— мысленно приказывает он скрытому разуму хранилища. И добавляет: — Может быть, мне удастся что-нибудь узнать и о самом властелине Стиамоте!»

Вдоль всего горного хребта, изогнувшегося от Милиморна до Хамифиу, горели сухие предгорья, и даже здесь, в орлином гнезде, находившемся в пятидесяти милях к востоку от горы Зигнор, капитан Эремойль ощущал порывы горячего ветра, несущего запах гари. Весь горизонт закрывала корона густого темного дыма. За час-другой летающие машины должны были дотянуть полосу огня от Хамифиу до маленького городка в устье долины, а завтра им предстоит нести факелы дальше на юг, к Синталмонду. Тогда вся провинция окажется охваченной огнем, и горе всем меняющим форму, которые задержатся здесь.

— Теперь уже недолго осталось,— сказал Вигган.— Война почти закончена.

Эремойль оторвал взгляд от карты северо-западной части континента и посмотрел на своего лейтенанта, исполнявшего обязанности начальника штаба.

— Ты так думаешь? — без выражения спросил он.

— Тридцать лет. Пожалуй, уже хватит.

— Не тридцать. Пять тысяч лет, шесть тысяч. С тех самых пор, как люди впервые попали в этот мир. Война не прекращалась все это время, Вигган.

— Но ведь бóльшую часть этого времени мы даже не сознавали, что воюем.

— Ты прав,— согласился Эремойль.— Мы этого не понимали. Но понимаем это теперь, не так ли, Вигган?

Капитан отвернулся от собеседника и вновь, прищурившись, склонился над картой. Маслянистый дым заставлял глаза слезиться, затуманивал зрение, а тонко начерченная карта была уже сильно потерта. Он медленно вел карандашом вдоль линии, отмечавшей контуры предгорий ниже Хамифиу, и сверялся с записанными на листке бумаги названиями деревень, которые нужно будет перечислить в рапорте.

Он надеялся, что на карте отмечены все деревни, расположенные в районе огненной дуги, и что офицеры побывали в каждой из них, чтобы предупредить о том, что здесь все будет сожжено. Если картографы что-то пропустили, то и ему, и тем, кто находится под его командованием, придется плохо, так как лорд Стиамот издал несколько распоряжений о том, что в ходе этого рукотворного катаклизма не должна пострадать ни одна человеческая жизнь: все поселенцы должны быть заблаговременно предупреждены, чтобы успеть эвакуироваться. Предупреждения получили и метаморфы. Лорд Стиамот неустанно повторял, что никому не дано право заживо сжигать врагов. Их следует только привести к повиновению, и огонь в данном случае был, похоже, наилучшим средством для этого. А вот удержать пламя под контролем будет, по всей вероятности, нелегко, думал Эремойль, но это не относится к числу первостепенных задач.

— Каттикаун, Бизферн, Домгрейв, Бьелк... Как же здесь много мелких городишек, Вигган. И зачем это людям понадобилось поселиться именно здесь?

— Говорят, что земля в этих местах плодородная, господин, а климат для такого северного района достаточно умеренный.

— Умеренный? Полагаю, что только для тех, кто не против по полгода обходиться без дождя.— Эремойль закашлялся. Ему показалось, что он слышит, как отдаленный пожар с треском пожирает желто-коричневую траву по колено высотой. В этой части Алханроэля зимой дожди шли почти непрерывно, зато летом их не было вовсе. Серьезное испытание для фермеров, но они, видимо, смогли с ним справиться, судя по тому, сколько сельскохозяйственных поселений выросло на склонах этих холмов и ниже, в долинах, сбегавших к морю. Сейчас сухой сезон был в разгаре, и вся местность за последние месяцы выгорела под яростным летним солнцем — сушь, сушь, сушь... темная растрескавшаяся земля, полегшая и высохшая трава, выросшая за зимние месяцы, кусты, в ожидании влаги свернувшие в трубочки свои мясистые листья... Просто идеальное место для того, чтобы разбрасывать факелы и оттеснять упрямых врагов до самого океана — или еще дальше! Но не лишать никого жизни, никого не лишать жизни... Эремойль продолжал изучать свои списки. Чикмож, Фуалль, Даниуп, Мичиманг... Он снова посмотрел на лейтенанта.

— Вигган, что ты будешь делать после войны?

— У моей семьи есть земля в долине Глэйдж. Думаю, что снова стану фермером. А вы, господин?

— Мой дом находится в Сти. Я был гражданским инженером — акведуки, трубопроводы для сточных вод и прочие столь же очаровательные вещи. И смогу вернуться к своему делу. Когда ты в последний раз видел Глэйдж?

— Четыре года назад,— ответил Вигган.

— А я пять лет не был в Сти. Ты ведь, кажется, участвовал в сражении при Треймоуне?

— Был там ранен. Слегка.

— И тебе приходилось убивать метаморфов?

— Да, господин.

— А мне нет,— сказал Эремойль.— Уже девять лет, а все еще никого не лишил жизни. Конечно, я все время был офицером. Подозреваю, что из меня получится не слишком хороший убийца.

— Все мы таковы,— отозвался Вигган.— Но когда они наступают на тебя, изменяя форму по пять раз за минуту, с ножом в одной руке и топором в другой... или когда ты знаешь, что они совершили набег на землю твоего брата и убили твоих племянников...

— И такое было, Вигган?

— Не со мной, господин. Но с другими было, со множеством других. Злодеяния... Но вам, наверное, не нужно рассказывать, как...

— Да нет, не рассказывай. Как называется этот городок, Вигган?

Лейтенант наклонился пониже.

— Сингасирин, господин. Надпись немного смазана, но это именно он. И он есть в нашем списке. Вот, смотрите. Мы предупредили их позавчера.

— Думаю, что мы ничего не пропустили.

— Надеюсь, что так, господин,— откликнулся Вигган.

Эремойль свернул карту, убрал ее и снова посмотрел на запад, где четко была видна линия, отделявшая район пожаров от незатронутых огнем холмов к югу от него. На темно-зеленых холмах, судя по всему, росли деревья с пышной листвой. Но за время засухи листья этих деревьев пожухли, и этим склонам предстоит взорваться, словно от бомбежки, когда огонь доберется до них. Время от времени он видел вспышки пламени, не более заметные, чем пущенные зеркалом зайчики. Но это иллюзия, порожденная огромным расстоянием. Эремойль знал: каждый из этих крошечных бликов на самом деле яростный пожар, охвативший новый обширный участок леса неподалеку от Хамифиу. Туда не бросали с воздуха факелы — огонь сам добрался до этих деревьев.

— Господин, прибыл посыльный,— доложил Вигган.

Эремойль обернулся. Спускавшийся с горы высокий молодой человек в пропитанной потом униформе неуверенно уставился на него.

— В чем дело? — спросил он.

— Меня прислал капитан Ванэйль, господин. В долине возникла проблема. Поселенец не желает эвакуироваться.

— Лучше бы он пожелал,— отозвался Эремойль, пожимая плечами.— Где это?

— Между Каттикауном и Бизферном, господин. Богатый землевладелец. Кстати, его зовут тоже Каттикаун, Айбиль Каттикаун. Он сказал капитану Ванэйлю, что владеет этой землей по прямому указу понтифекса Дворна, что его род живет здесь уже тысячи лет и что он не собирается...

Эремойль вздохнул.

— Меня совершенно не интересует, кто дал ему землю. Пусть даже Божество собственной персоной. Завтра мы сожжем этот район, и если он останется там, то хорошо прожарится.

— Он знает об этом, господин.

— Тогда чего же он от нас хочет? Чтобы мы заставили огонь обойти кругом его ферму, так что ли? — Эремойль нетерпеливо махнул рукой.— Эвакуируйте его, хочет он того или нет.

— Мы попробовали,— сказал посыльный.— Он вооружен и сопротивляется. Заявляет, что убьет любого, кто попытается прогнать его с земли.

— Убьет? — повторил Эремойль, как будто услышал нечто бессмысленное.— Убьет? Кто говорит о чьем-то убийстве? Этот человек сумасшедший. Пошлите пятьдесят солдат — пусть укажут ему дорогу в безопасный район.

— Как я уже доложил вам, господин, он оказал сопротивление. Была перестрелка. Капитан Ванэйль полагает, что попытка выдворить этого человека может повлечь за собой человеческие жертвы. Капитан Ванэйль просит вас, господин, лично спуститься в долину и урезонить упрямца.

— Чтобы я...

— Возможно, это наилучший выход,— негромко произнес Вигган.— Эти крупные землевладельцы иногда очень своенравны.

— Пусть Ванэйль сходит к нему,— возразил Эремойль.

— Господин, капитан Ванэйль уже пытался вести переговоры с этим человеком,— сообщил посыльный.— Но у него ничего не вышло. Каттикаун требует аудиенции с лордом Стиамотом. Конечно, это невозможно, но если бы вы пошли...

Эремойль задумался. Вообще-то, командиру его ранга не по чину было заниматься такими мелочами. Очистить территорию перед завтрашним поджогом было прямой обязанностью Ванэйля, а Эремойль должен был находиться здесь и управлять всей операцией. Но, с другой стороны, за освобождение территории в конечном счете отвечает именно он, Эремойль, а Ванэйль явно не справился со своей задачей. Если послать команду и попытаться выставить упрямца силой, дело, скорее всего, закончится гибелью Каттикауна, да еще и нескольких солдат, что вряд ли можно будет расценивать как успешный результат. Почему бы не пойти? Эремойль медленно кивнул. Протокол, будь он проклят: ему приходится выполнять множество ненужных формальностей. От-

кровенно говоря, на вторую половину дня у него не оставалось никаких важных дел, ну а с мелкими вопросами, если они возникнут, вполне справится Вигган. И если ценой небольшой прогулки вниз по склону горы ему удастся спасти пусть даже одну жизнь, жизнь глупого упрямого старика...

— Подай мою парящую лодку,— приказал он Виггану.

— Господин?

— Подавай. И побыстрее, пока я не передумал. Я поеду вниз и встречусь с ним.

— Но Ванэйль уже...

— Перестань дергаться, Вигган. Я отлучусь совсем ненадолго. До моего возвращения ты останешься здесь за командира, но я не думаю, что у тебя будет много проблем. Ты справишься?

— Да, господин,— хмуро ответил лейтенант.

Поездка заняла больше времени, чем рассчитывал Эремойль: почти два часа спуска по извилистой дороге к подножию горы Зигнор, затем по неровному плато, полого уходившему вниз, к предгорьям, окружавшим прибрежную равнину. Там было жарче, хотя и не столь дымно; набегавшие волны горячего воздуха порождали миражи и, казалось, заставляли пейзаж таять и растекаться. Никакого движения на дороге не было, но капитану много раз приходилось останавливаться, чтобы пропустить охваченных паникой странных животных неизвестных ему пород, в страхе спасавшихся от огня. К тому времени, когда Эремойль добрался до поселений в предгорьях, тени уже начали удлиняться. Огонь здесь обладал материальным воплощением, словно второе солнце в небе. Эремойль ощущал на своих щеках его жар, а висевший в воздухе мелкий пепел оседал на коже и одежде.

Городки, названия которых он сверял по списку, теперь неприятно поразили его реальностью своего существования: Бьелк, Домгрейв, Бизферн... Одинаковые словно близнецы: в центре — лавки и общественные здания, окруженные кольцом жилых домов, от которых в разные стороны расходятся поля. Кроме того, каждый городок имел собственную небольшую долину с протекающим по ней ручьем, сбегавшим с холмов и терявшимся на равнине. Все они теперь опустели или почти опустели — в них оставалось лишь несколько запоздавших, а все остальные уже двигались по ведущим к побережью дорогам. Эремойль подумал, что он может зайти в любой из домов и найдет там книги, резные фигурки, подарки к праздникам, полученные от живших

вдали родственников, даже домашних животных, расставание с которыми, возможно, глубоко опечалило всю семью... А завтра все это станет пеплом. Но на этой территории было полно меняющих форму. На протяжении столетий поселенцы жили здесь под угрозой нападения непримиримого и безжалостного противника, который, надев на себя маску чьего-нибудь друга, возлюбленного или сына, появлялся из лесов, чтобы убивать, и вновь скрывался в них. Тихая, тайная война между изгнанниками и теми, кто занял их место, не прерывалась ни на день. И эта война была неизбежной, с тех пор как первые лагеря переселенцев на Маджипуре превратились в города и появились сельскохозяйственные территории, которые все шире и шире распространялись в области, где обитали аборигены. Существует такой способ лечения, как прижигание, и в этих последних конвульсиях борьбы между людьми и меняющими форму его никак нельзя было избежать. И Бьелк, и Домгрейв, и Бизферн необходимо разрушить, чтобы навсегда прекратить мучения. И все же это нисколько не облегчает участь тех, кому пришлось лишиться своего жилья, думал Эремойль. Не так-то легко уничтожить даже чей-то чужой дом — чем он занимался на протяжении вот уже нескольких дней,— если, конечно, делать это самому, а не чужими руками издалека, с удобного расстояния, с которого все эти пожары воспринимаются как стратегическая абстракция. За Бизферном отрог горы сворачивал к западу, и дорога делала поворот вместе с ним. Здесь протекали крупные ручьи, почти что небольшие речки, и там, где не было полей, стояли густые леса. Но после многомесячной засухи и эти леса были готовы вот-вот вспыхнуть; под деревьями валялись кучи сухих листьев, отмершие ветки, обрушившиеся мертвые стволы.

— Это здесь, господин,— сообщил посыльный.

Эремойль оглядел широкий каньон с узкой горловиной, посредине которого протекал ручей. В сгущавшихся тенях он разглядел внушительных размеров поместье, большое белое здание с зеленой крышей и, как ему показалось, раскинувшиеся за ним обширные хлебные поля. Горловину каньона охраняли вооруженные стражники. Это было не простое фермерское хозяйство, а владение некоего человека, мнившего себя не иначе как герцогом. Эремойль понял, что его ожидают изрядные неприятности.

Он спустился наземь и зашагал в сторону стражников. Держа энергометы наизготовку, они встретили капитана неприязненны-

ми, изучающими взглядами. Он обратился к тому из них, который выглядел наиболее внушительно:

— Капитан Эремойль. Я хочу видеть Айбиля Каттикауна.

— Каттикаун ожидает лорда Стиамота,— последовал холодный ответ.

— Лорд Стиамот занят. Сегодня его представляю я — капитан Эремойль, командующий этого района.

— Нам приказано впустить только лорда Стиамота.

— Передайте вашему господину,— устало сказал Эремойль,— что корональ сожалеет о том, что не может посетить его лично и просит его изложить свои претензии капитану Эремойлю.

В первый момент ему показалось, что стражник не услышал этих слов. Но спустя несколько секунд он молча повернулся и направился в глубь каньона. Эремойль смотрел, как он неторопливо шел вдоль берега ручья, пока наконец не скрылся за густыми кустами, посаженными перед замком. Прошло довольно много времени; ветер переменился и теперь налетал обжигающими порывами со стороны пожара, принося с собой дымные клубы, которые жалили глаза и опаляли горло. Эремойль подумал, что в его легких, наверное, уже осел слой черного пепла. Но из этого окруженного горными отрогами места самого огня видно не было.

Наконец стражник возвратился той же неторопливой походкой.

— Каттикаун примет вас,— объявил он.

Эремойль подозвал водителя и приехавшего с ним посыльного. Но стражник отрицательно помотал головой.

— Только вас, капитан.

Водитель переменился в лице. Эремойль махнул ему рукой.

— Ждите меня здесь,— сказал он.— Не думаю, что задержусь надолго.

Вслед за стражником он направился по дорожке к замку.

Эремойль ожидал от Айбиля Каттикауна такого же подчеркнуто недружелюбного приема, какой оказала ему стража, но он недооценил той любезности, которую чувствовал себя обязанным проявлять провинциальный аристократ. Каттикаун приветствовал его с теплой улыбкой и открытым взглядом, обнял гостя, как могло показаться, совершенно искренне и провел его в большой дом, обставленный не слишком пышно, но с грубоватой простотой, производившей впечатление элегантности. Под сводчатым

потолком тянулись блестящие от лака балки из черного дерева, высокие стены украшали охотничьи трофеи, мебель была массивной и, судя по всему, древней. В целом дом производил впечатление архаичности. Как, впрочем, и сам Айбиль Каттикаун. Это был крупный человек, ростом гораздо выше поджарого Эремойля; ширину его плеч еще больше подчеркивала тяжелая мантия из меха ститмоя. Шапка густых с заметной проседью волос лежала красивыми крупными волнами над высоким лбом; глаза были темными, а губы тонкими. Он выглядел поистине величественно.

Каттикаун наполнил два бокала вином красивого янтарного цвета и лишь после того, как они отпили по глотку, заговорил:

— Значит, вам необходимо сжечь мои земли?

— К сожалению, мы должны полностью сжечь всю эту провинцию.

— Какая глупость! Возможно, самая большая во всей военной истории человечества. Имеете ли вы хоть какое-то представление о ценности производимой здесь продукции? Вам известно, сколько поколений вложило свой тяжкий труд в создание и развитие этих ферм?

— Вся область от Милиморна до Синталмонда и дальше — центр партизанской активности метаморфов, их последний оплот на Алханроэле. Корональ твердо решил положить конец этой отвратительной войне, а это можно сделать, только выкурив меняющих форму из их убежищ в этих холмах.

— Есть и другие методы.

— Мы пробовали их, но безрезультатно,— возразил Эремойль.

— Говорите, пробовали? А вы пытались дюйм за дюймом обыскать леса, чтобы найти их? Или, может быть, вы собрали сюда всех солдат Маджипура, чтобы провести сплошное прочесывание? Конечно нет. Это слишком хлопотно. Гораздо проще пустить в ход летающие машины и сжечь целую провинцию.

— Эта война унесла жизни целого поколения.

— И корональ в конце концов потерял терпение! — воскликнул Каттикаун.— А расплачиваться за это должен я!

— Корональ — великий стратег. Корональ победил опасного и почти неуловимого врага и впервые сделал Маджипур безопасным для людей — повсюду, кроме этого района.

— Мы достаточно хорошо управлялись с метаморфами, скрывавшимися рядом с нами, капитан. Ведь меня они все же не

убили. Я умел обращаться с ними. Угроза, которую они могли представлять моему благосостоянию, несопоставима с той, какая исходит от моего собственного правительства. Ваш кораль, капитан, просто дурак.

Эремойль сдержался.

— Будущие поколения станут говорить о нем как о герое из героев.

— Вполне возможно,— согласился Каттикаун.— Именно так обычно и становятся героями. Уверяю вас, что не было никакой необходимости уничтожать целую провинцию ради того, чтобы расправиться с последними аборигенами, которых осталось всего несколько тысяч. Я заявляю вам, что это опрометчивый и близорукий ход переутомившегося генерала, который спешит вернуться к безмятежной жизни в своем Горном замке.

— Пусть даже так, но решение тем не менее принято, и все от Милиморна до Хамифиу уже горит.

— Я заметил это.

— Огонь движется к деревне Каттикаун. Возможно, к рассвету он подойдет к границам вашего владения. В течение дня мы будем поджигать провинцию дальше к югу — до самого Синталмонда.

— Не сомневаюсь,— совершенно спокойно отозвался Каттикаун.

— Этот район превратится в ад. Мы просим вас покинуть его, пока еще не поздно.

— Я предпочитаю остаться, капитан.

Эремойль медленно перевел дух.

— В таком случае, мы не сможем принять на себя ответственность за вашу безопасность.

— Никто и никогда не отвечал за мою безопасность, кроме меня самого.

— Предупреждаю: вы умрете, и смерть будет ужасной. Мы не в состоянии заставить огонь обойти ваши земли стороной.

— Понимаю.

— Но это означает, что вы просите, чтобы мы убили вас.

— Ничего подобного я не прошу. Мы с вами едва ли сможем о чем-либо договориться. Вы ведете свою войну, а я защищаю свой дом. Если огонь, который требуется для вашей войны, вторгнется на мою территорию, тем хуже для меня, но никакого убийства не произойдет. Просто наши пути расходятся в разные стороны, капитан Эремойль.

— Вы странно рассуждаете. В результате нашей огненной атаки вы погибнете, и ваша смерть останется на нашей совести.

— Я заблаговременно получил соответствующее предупреждение и нахожусь здесь по доброй воле,— ответил Каттикаун.— Так что моя смерть останется на моей собственной совести.

— А как же ваши люди? Они ведь тоже погибнут!

— Да, те, кто решил не покидать меня. Я предупредил их о том, что должно случиться. Трое отправились на побережье. Остальные остались. По своей собственный воле, а не для того, чтобы угодить мне. Это наш дом. Еще бокал вина, капитан?

Эремойль отказался было, но внезапно передумал и подвинул к хозяину пустой бокал.

— Неужели у меня нет никакой возможности переговорить с лордом Стиамотом? — спросил Каттикаун, наливая вино.

— Никакой.

— Насколько мне известно, кораль находится где-то здесь.

— Да, приехал на полдня. Но он ни с кем не желает встречаться.

— И, полагаю, не случайно.— Каттикаун улыбнулся.— Он же не сошел с ума, Эремойль?

— Кораль? Ни в коей мере.

— Этот поджог... это такой отчаянный, такой идиотский поступок. Ведь потом ему придется платить репарации — миллионы реалов. Это обанкротит казначейство, это обойдется дороже, чем пятьдесят замков, столь же великих, как тот, что он построил на вершине Горы. И ради чего? Дайте нам еще два-три года, и мы приручим меняющих форму.

— Или пять, или десять, или двадцать,— откликнулся Эремойль.— Конец войне должен быть положен сейчас, до завершения этого сезона. Эта ужасная конвульсия, этот всеобщий позор, это мерзкое пятно, этот бесконечный кошмар...

— Значит, вы считаете войну ошибкой?

Эремойль резко покачал головой.

— Непоправимая ошибка была сделана очень давно, когда наши предки решили обосноваться на планете, уже заселенной разумными существами. А теперь у нас не осталось иного выбора, кроме как сокрушить метаморфов. В противном случае нам придется покинуть Маджипур, но это совершенно невозможно.

— Да,— согласился Каттикаун,— разве можем мы навсегда оставить дома, доставшиеся нам в наследство от многих поколений наших предков?

Эремойль игнорировал мрачную иронию своего собеседника.

— Мы насильно отобрали планету у ее обитателей. В течение тысяч лет мы пытались жить с ними в согласии, пока не признались себе, что мирное сосуществование не более чем иллюзия. Теперь мы силой навязываем им свою волю. Это некрасиво, но другие варианты еще хуже.

— А что лорд Стиамот будет делать с теми меняющими форму, которых он содержит в лагерях для пленных? Запашет их, вместо удобрения, в те поля, которые сжег?

— Им будет предоставлена обширная резервация на Зимроэле,— ответил Эремойль.— Отдать им половину континента — вряд ли это можно назвать жестокостью. Алханроэль останется нашим, и нас с ними будет разделять океан. Уже идет подготовка к переселению. Из всех провинций только в вашей по-прежнему неспокойно. Лорд Стиамот принял на себя тягчайшее бремя ответственности за жестокий, но необходимый акт, и потомки будут еще долго восхвалять его за это.

— А я восхваляю его уже сейчас,— серьезным голосом откликнулся Каттикаун.— О, мудрый и справедливый корональ! О, ты, кто в своей бесконечной мудрости уничтожаешь эту землю, чтобы скрывающиеся здесь непокорные аборигены впредь не причиняли никому беспокойства... Знаете, Эремойль, я бы предпочел, чтобы этот ваш корональ-герой обладал менее благородным духом. Или, возможно, более благородным. Он казался бы мне куда великолепнее, выбери он несколько более мягкий и постепенный метод разгрома остатков своих врагов. Тридцать лет войны — какое значение тут могут иметь еще два-три года?

— Но он выбрал такой путь. И пока мы беседуем, огонь все приближается.

— Пусть приближается. А я останусь здесь и буду защищать от него мой дом.

— Вы не видели зону пожара,— возразил Эремойль.— Ваша защита не продержится и десяти секунд. Огонь пожирает все на своем пути.

— Вполне возможно. Но я все же попытаю счастья.

— Прошу вас...

— Вы просите? Разве вы нищий? Нет, это я должен просить. Я прошу вас, капитан, пощадите мое имение!

— Невозможно. Я действительно прошу вас: отступите и сохраните вашу жизнь и жизни ваших людей.

— И что вы предлагаете мне после этого делать? Ползти на карачках по дороге к побережью? Жить в какой-нибудь грязной клетушке в Алаизоре или Байлемуне? Подавать на стол в гостинице, или мести улицы, или ухаживать за скакунами в конюшне? Здесь мой дом. Лучше погибнуть здесь завтра за десять секунд, чем жить тысячу лет в трусливом изгнании.— Каттикаун подошел к окну.— Уже темнеет, капитан. Надеюсь, вы пообедаете со мной?

— Сожалею, но вынужден отказаться — не могу задерживаться.

— Быть может, вам неприятен такой спор? Тогда поговорим о чем-нибудь другом. Я с удовольствием сменю тему.

Эремойль положил ладонь на огромную лапищу своего собеседника.

— Меня ждут обязанности в штабе. Ваше приглашение большая честь для меня, и я бы с удовольствием воспользовался вашим гостеприимством. Но, к сожалению, это невозможно. Надеюсь, вы простите мою невежливость?

— Мне жаль, что вы уходите, не вкусив пищи в моем доме. Вы торопитесь к лорду Стиамоту?

Эремойль промолчал.

— Хочу обратиться к вам с просьбой,— продолжал Каттикаун.— Помогите мне получить аудиенцию у короналя.

— Ничего не получится, а если бы и удалось, то не принесло бы ничего, кроме вреда. Пожалуйста, уезжайте сегодня же вечером, в крайнем случае ночью. Давайте пообедаем, а затем вместе уедем из вашего поместья.

— Это мой дом, и здесь я останусь,— ответил Каттикаун.— А вам, капитан, я желаю всего наилучшего, долгой и гармоничной жизни. И благодарю вас за эту беседу.— Он на мгновение прикрыл глаза и склонил голову: чуть заметный поклон, тонкое позволение уйти. Эремойль двинулся к двери большого зала.

— Другой офицер думал, что сможет выставить меня отсюда силой,— сказал ему вслед Каттикаун.— У вас оказалось гораздо больше здравого смысла, о чем я с удовольствием сообщаю вам. Прощайте, капитан Эремойль.

Эремойль попытался найти подходящие слова для ответа, ничего не придумал и ограничился воинским салютом.

Стражник Каттикауна проводил его назад к входу в каньон, где водитель Эремойля и посыльный коротали время возле парящей лодки, играя в кости. При виде Эремойля они вскочили, но он сделал успокаивающий жест и отвернулся. Он смотрел на восток, в сторону высоких гор, устремлявшихся к небу на дальней стороне долины. В этих северных широтах летней ночью небо было все еще светлым, даже на востоке, и тяжелая громада горы Зигнор заслоняла полгоризонта, возвышаясь на фоне бледно-серого неба подобно черной стене. А южнее вздымался ее близнец — гора Хеймон, на которой разместил свой штаб корональ. Эремойль постоял некоторое время, вглядываясь в два мощных пика и раскинувшиеся перед ними предгорья, наблюдая, как поднимаются с другой стороны столбы огня и дыма... Потом встряхнул головой и обернулся туда, где скрылось в сгустившемся полумраке поместье Айбиля Каттикауна. В ходе своего движения по армейской лестнице чинов Эремойлю довелось познакомиться с герцогами, принцами и многими другими вельможами, которых простой гражданский инженер не часто встречает в обыденной жизни. Немало времени он провел и в обществе самого короналя и советников из ближайшего окружения правителя. Но никогда еще не приходилось ему сталкиваться с кем-либо, похожим на этого Каттикауна, который был или самым благородным, или самым неразумным человеком на планете, а возможно, и тем и другим.

— Поехали,— скомандовал он водителю.— Сворачивай на хеймонскую дорогу.

— Хеймонскую, господин?

— Да, к короналю. Сможешь доставить нас туда к полуночи?

Дорога к южному пику в целом походила на зигнорскую дорогу, но была круче и не столь ухоженная. В темноте ехать по ее изгибам на такой скорости, какую решился набрать водитель Эремойля — женщина из Стойена,— было опасно, но алое сияние горящих сухих степей освещало и долину, и предгорья, так что риск был не слишком велик. На протяжении всей долгой поездки Эремойль не произнес ни слова. Ему просто нечего было сказать: как могла простая женщина-водитель или парень-посыльный понять внутреннюю сущность Айбиля Каттикауна? Даже сам Эремойль, впервые услышав о том, что один из местных

фермеров отказался покинуть свою землю, неправильно истолковал этот характер, вообразив себе какого-то сумасшедшего старого дурака, упрямого фанатика, не желающего видеть грозящую ему опасность. Конечно, Каттикаун был упрям и, возможно, его можно было назвать фанатиком, но под остальные категории он никак не подходил; он не был сумасшедшим, однако тем, кто, подобно Эремойлю, жил по совершенно иным принципам, его философия могла показаться безумной.

Капитан задумался: что же он сообщит лорду Стиамоту.

Репетировать бесполезно: в нужный момент слова или придут, или не придут. Спустя некоторое время он впал в состояние, похожее на сон наяву; его сознание оставалось ясным, но как бы застыло, лишилось способности мыслить. Парящая лодка легко неслась по головокружительным извивам дороги, поднимаясь из долины в горную местность, иззубренную острыми скалами. К полуночи они достигли лишь подножия горы Хеймон, но повода для беспокойства не было: корональ, как известно, ложился очень поздно, а часто обходился совсем без сна. Эремойль не сомневался, что сможет увидеться с ним.

Где-то уже на середине склона горы Хеймон он незаметно для себя погрузился в настоящий сон и был удивлен и смущен, почувствовав, что посыльный легко трясет его за плечо.

— Лагерь лорда Стиамота, господин.

Растерянно моргая, Эремойль осознал, что сидит, выпрямившись, в парящей лодке, что у него затекли ноги и ноет спина. Луны дошли уже почти до середины неба, и ночь стала уже почти совсем черной — лишь на западе тьму прорезала необыкновенно яркая, фантастическая пламенная рана. Эремойль неловко выбрался из машины. Даже и сейчас, глубокой ночью, в лагере короналя кипела жизнь: во всех направлениях носились посыльные, во многих жилищах горели огни.

Появился адъютант и, узнав Эремойля, в полном соответствии с протоколом отдал ему честь.

— Ваш визит — сюрприз для нас, капитан Эремойль!

— Я бы сказал, что и для меня тоже. Лорд Стиамот в лагере?

— Корональ проводит совещание штаба. Он ожидает вас, капитан?

— Нет,— честно признался Эремойль.— Но я должен поговорить с ним.

Адъютанта это нисколько не удивило. Штабные заседания среди ночи, региональные командующие, являющиеся без вызова или предупреждения для совещания с властелином,— а почему бы и нет? Это война, и к ней неприменимы те строгие правила и установления, которым подчиняется жизнь Замка. Эремойль прошел следом за офицером через весь лагерь к восьмиугольному шатру, украшенному Горящей Звездой — гербом короналя. Шатер окружало кольцо стражников, столь же неприветливых и мрачных, что и те, которые охраняли вход в каньон Каттикауна. За минувшие восемнадцать месяцев произошли уже четыре покушения на жизнь лорда Стиамота. Все покушавшиеся были метаморфами, но ни одному из них не удалось даже приблизиться к намеченной жертве. За всю историю Маджипура еще ни один кородаль не умирал насильственной смертью — правда, до Стиамота ни один из них не воевал.

Адъютант негромко переговорил с командиром стражников, и Эремойль внезапно оказался в окружении множества вооруженных людей; сильные пальцы до боли крепко ухватили его за руки, а прямо в глаза ударили ослепительные лучи света. На мгновение он был обескуражен внезапным нападением, но почти сразу же пришел в себя.

— Что это значит? Я — капитан Эремойль.

— Если только не меняющий форму,— ответил один из стражников.

— И вы думаете, что сможете узнать это, держа меня за руки и ослепляя фонарями?

— У нас свои методы,— буркнул другой голос.

Эремойль рассмеялся.

— Ни одного, который можно было бы считать надежным. Но давайте проверяйте меня, и поживее. Мне необходимо поговорить с лордом Стиамотом.

Они и на самом деле занялись проверкой. Кто-то дал ему полоску зеленой бумаги и велел лизнуть ее языком. Эремойль послушно лизнул; бумажка окрасилась в оранжевый цвет. Кто-то еще попросил разрешения отрезать несколько волосинок с его головы, сделал это, не дожидаясь ответа, и поджег волосы. Эремойль с изумлением наблюдал за действиями стражников. Последний раз он был в лагере короналя месяц тому назад и не видел ничего подобного. Должно быть, решил он, было еще одно покушение или же приперся какой-нибудь ученый шарлатан,

придумавший новые, якобы безошибочные, способы проверки. Насколько было известно самому Эремойлю, отличить метаморфа, принявшего человеческую форму, от подлинного человека можно было разве что при помощи вскрытия, но он вовсе не намеревался соглашаться на эту крайнюю меру.

— Все в порядке,— наконец услышал он.— Вы можете войти.

Тем не менее стражники сопровождали его и далее. Ослепленные ярким светом глаза Эремойля с трудом привыкали к окружающему полумраку, но спустя секунду-другую все же разглядел в глубине шатра полдюжины фигур и среди них — лорда Стиамота. Присутствовавшие, похоже, молились. Он слышал негромкие восклицания и ответы, обрывки фраз из древнего священного писания. Неужели таковы теперь штабные совещания у короналя? Эремойль прошел вперед и остановился в нескольких шагах от группы. Он узнал только одного из приближенных короналя — Дамланга Бибирунского, которого называли вторым или третьим в списке претендентов на трон; остальные, похоже, даже не были военными — пожилые люди в гражданских одеждах, судя по их виду,— городские жители, больше похожие на поэтов или, может быть, толкователей снов, но уж никак не на воинов. Но ведь война почти закончилась.

Кородаль взглянул в строну Эремойля, но, кажется, даже не заметил его.

Эремойль был поражен неуверенным бегающим взглядом лорда Стиамота. За три года войны кородаль заметно постарел, но сейчас этот процесс, видимо, резко ускорился — он выглядел съежившимся, бесцветным, хилым: обтянутое сухой серой кожей лицо, тусклые глаза. На вид ему можно было дать и сто лет, однако он был не старше Эремойля — человек средних лет, которому на самом деле было еще далеко до старости. Эремойль помнил тот день, когда Стиамот вступил на трон. Именно тогда Стиамот поклялся положить конец безумиям этой непрекращающейся необъявленной войны с метаморфами, собрать древних аборигенов планеты всех вместе и изгнать их с территорий, освоенных людьми. С тех пор прошло всего лишь тридцать лет, а кородаль выглядел так, будто прожил едва ли не столетие. Но ведь все время своего царствования он провел на полях войны, чего не делал еще ни один кородаль, властвовавший до него, и, вероятно, не сделает ни один из будущих правителей. Стиамот вел кампании в долине Глэйджа, в жарких южных провинциях,

в густых лесах северо-востока, на плодородных равнинах близ залива Стойен, год за годом окружая меняющих форму силами своих двадцати армий и сгоняя их в лагеря. И теперь он почти выполнил свою задачу — на свободе остались только отдельные группы метаморфов в северо-западных провинциях. Долгая борьба близилась к завершению, жестокое бытие в условиях войны уходит в прошлое, и совсем скоро, ласковой весенней порой, короналю предстоит вернуться в Горный замок и наконец насладиться теми радостями, которые дает обладание троном. Пока шла война, Эремойль иногда задавался вопросом, как поступит лорд Стиамот в том случае, если понтифекс умрет и, согласно закону, короналю придется перейти на верховный престол и переселиться в Лабиринт: не решится ли он отказаться от этого и сохранить за собой звание короналя, чтобы иметь возможность оставаться на полях сражений? Но понтифекс, по имевшимся сведениям, пребывал в добром здравии, а перед ним находился лорд Стиамот, казавшийся утомленным маленьким старичком, стоящим на краю могилы. И Эремойля вдруг словно осенило — он понял то, чего не сумел постичь Айбиль Каттикаун: причину стремления лорда Стиамота как можно быстрее полностью завершить войну независимо от того, какую за это придется заплатить цену.

— Кто это там? — спросил корональ.— Финивэйн?

— Эремойль, мой властелин. Командующий отрядами, проводящими поджоги.

— Эремойль. Да. Эремойль. Я вас вспомнил. Ну, садитесь с нами. Мы возносим благодарение Божеству за окончание войны, Эремойль. Эти люди прибыли от моей матери, Хозяйки Острова, охраняющей наши сны, и мы проведем ночь в песнях восхваления и благодарности, поскольку утром огненный круг замкнется. Ну что, Эремойль? Садитесь, пойте с нами. Вы ведь знаете гимны, посвященные Повелительнице Снов, не так ли?

Эремойль слушал слабый надтреснутый голос короналя и чувствовал, что у него подгибаются колени. Этот негромкий, тонкий как нить, сухой звук — все, что осталось от некогда царственного тона верховного правителя. Этот герой, этот полубог был изнурен и сломлен долгой войной, от него уже ничего не осталось, он превратился в призрак, в тень. Увидев его в этом обличье, Эремойль спросил себя: а был ли лорд Стиамот когда-либо той величественной персоной, образ которой хранила память,

или же, возможно, этот образ — лишь миф, созданный в воображении, а сам корональ всегда был куда более мелкой личностью, чем казался со стороны?

Лорд Стиамот сделал приглашающий жест. Эремойль неохотно подошел поближе.

Он думал о тех словах, которые намеревался сказать, ради которых прибыл сюда: «Мой властелин, там, на пути огня, остался человек, который не уйдет со своей земли и не позволит увезти себя силой, которого нельзя будет удалить иначе, как лишив его жизни. Но, мой властелин, этот человек слишком прекрасен, чтобы поступать с ним столь жестоко. И потому я прошу вас, мой властелин, прекратить распространение огня — может быть, применить какую-то иную стратегию, чтобы мы могли захватить метаморфов, когда они будут бежать из огненного кольца... но не позволять огню продвинуться далее той точки, которой он уже достиг, потому что...»

Нет.

Он видел, что просить короналя задержать окончание войны хотя бы на один час абсолютно бесполезно. Ни ради Каттикауна, ни ради Эремойля, ни ради священной Хозяйки Острова Сна, матери Стиамота, движение огня не могло быть остановлено, поскольку стремление короналя завершить войну было наиглавнейшей силой, перед которой не могло устоять ни одно реальное или кажущееся препятствие. Эремойль мог бы попытаться остановить огненную атаку своей собственной властью, но просить позволения у короналя бессмысленно.

Лорд Стиамот вновь повернулся к Эремойлю.

— Что с вами, капитан? Что вас гнетет? Идите, садитесь возле меня. Пойте с нами, капитан. Присоедините свой голос к благодарению.

Они запели гимн. Эремойль не знал мелодии и негромко подтягивал, стараясь попадать если не в тон, то хотя бы в ритм. Потом последовал еще один гимн и еще один; следующий оказался ему знаком, и он принялся громко и немелодично подпевать. Наверное, уже близился рассвет. Он тихонько отодвинулся в тень и выбрался из шатра. Да, солнце уже окрасило первыми зеленоватыми лучами вершину горы Хеймон с востока, хотя пройдет еще час или немного больше, прежде чем свет озарит склон горы и обреченные долины к юго-западу от нее. Эремойль

с тоской подумал, как хорошо было бы заснуть на неделю. Он осмотрелся и почти сразу же увидел адъютанта.

— Не могли бы вы послать от моего имени приказ моему начальнику штаба на пик Зигнор?

— Конечно, господин.

— Передайте ему, что на него возлагается ответственность за следующий этап огненной атаки и что ему следует действовать по утвержденному мною плану. Я останусь здесь на день, немного отдохну и вернусь в свой штаб к вечеру.

— Да, господин.

Эремойль отвернулся посмотрел на запад. Там все еще царила ночь и лишь отблески пламени, пылавшего в зоне огня, рассекали тьму. Вероятно, Айбиль Каттикаун всю ночь провозился с насосами и брандспойтами, поливая свои поля. Это, конечно, было бесполезно: огонь такой силы пожирает все на своем пути и не останавливается до тех пор, пока есть, чему гореть. Значит, Каттикаун умрет, черепичная крыша его жилища обрушится...— и помешать этому никак нельзя. Его можно спасти, лишь заставив несколько ни в чем не повинных солдат рисковать своей жизнью, да и то без гарантии успеха; еще его можно спасти, если он, Эремойль, откажется выполнить приказ лорда Стиамота, но это будет не спасением, а лишь небольшой отсрочкой гибели. Итак, он умрет. После девяти лет участия в войне, думал Эремойль, я в конце концов дошел до того, что погубил жизнь, жизнь одного из своих сограждан. Но чему быть, тому не миновать. Да, не миновать.

Несмотря на невероятную усталость, он не мог заставить себя уйти и провел на наблюдательном посту еще примерно час, пока не увидел первые вспышки огня в предгорьях около Бизферна или, возможно, Домгрейва. Значит, утренняя бомбардировка зажигательными снарядами началась. «Война скоро завершится»,— сказал он себе. Последние враги уже бегут к безопасному побережью. Они будут интернированы и переправлены через море, и в мире снова наступит тишина. Спиной Эремойль ощущал тепло летнего солнца, а лицом — жар разраставшегося внизу пламени. «В мире снова наступит тишина»,— повторил он про себя и пошел искать место, где можно было бы поспать.

ЧАСТЬ 3

НА ПЯТЫЙ ГОД ПЛАВАНИЯ

Эта запись сильно отличалась от первой. Она не так изумила и потрясла Хиссуна: конечно, история печальная, трогательная, но она не коснулась таких глубин его души, какие затронула сага об отношениях девушки и гэйрога. И все же он сознает, что узнал много о природе ответственности, о тех конфликтах, которые возникают в противостоянии сил, ни одну из которых нельзя назвать неправой, и о том, что представляет собой истинная стойкость духа. Также он узнал кое-что о процессе сотворения мифов — ведь во всей истории Маджипура действительно не было ни одной столь богоподобной личности, как лорд Стиамот, великий правитель-воин, сломивший силу злокозненных аборигенов, меняющих форму. За восемь тысяч лет почитания он стал объектом воистину благоговейного поклонения, фигурой, исполненной грандиозного величия и блеска. Лорд Стиамот из знакомого с малых лет мифа все так же продолжает существовать в сознании Хиссуна, но теперь ему необходимо потесниться, чтобы освободить место для Стиамота, увиденного глазами Эремойля,— того усталого, бледного, изможденного, маленького, преждевременно состарившегося человека, который посвятил всю жизнь войне и тем самым сжег дотла свою душу. Герой? Несомненно! С этим могут не согласиться разве только метаморфы. Но полубог ли он? Нет, он человек, которому не чуждо ничто человеческое, очень ранимый и донельзя утомленный. Очень важно никогда не забывать об этом, говорит себе Хиссун, и в этот момент сознает, что те минуты, которые он незаконно проводит в Регистре памяти душ, дают ему истинное

образование, позволяют надеяться на получение докторской степени в науке знания жизни.

Далеко не сразу он чувствует себя готовым отправиться на следующий урок. Но через некоторое время пыль с бумаг налогового архива начинает вновь просачиваться к глубинам его «я», и он жаждет приключений, подвигов. Значит, обратно в Регистр. Необходимо восстановить подлинную сущность и других легенд.

Когда-то давным-давно в море вышел корабль, полный сумасшедших, решивших пересечь Великий океан,— самая безумная из всех безумных затей, но это безумие было великолепным. Хиссун решает принять участие в этом плавании и выяснить, что же сталось с его командой. Небольшое исследование позволяет выяснить имя капитана: Синнабор Лавон, уроженец Замковой горы. Пальцы Хиссуна легко пробегают по кнопкам, указывая дату, место, имя... И вот он снова сидит в кресле, чуть настороженный, выжидающий, готовый выйти в море.

Шел пятый год плавания, когда Синнабор Лавон заметил первые пряди драконовой травы, извивавшиеся в воде рядом с бортами судна.

Конечно, он и понятия не имел о том, что это такое, поскольку прежде никто на Маджипуре ни разу не видел драконову траву. Эта отдаленная часть Великого океана никогда еще не исследовалась. Но Синнабор Лавон точно знал, что шел уже пятый год рейса, так как каждое утро аккуратнейшим образом записывал в вахтенном журнале дату и координаты судна, чтобы исследователи не утратили своего психологического настроя в этом безграничном и монотонном океане. И потому он был уверен, что этот день относится к двадцатому году правления понтифекса Дизимаула и короналя лорда Ариока и что идет пятый год с тех пор, как «Спурифон» вышел из порта Тил-омон в кругосветное плавание.

Сначала он принял заросли драконовой травы за скопище морских змей. Казалось, что ими движет какая-то внутренняя сила, крутит их, извивает, сплетает и расплетает. В толще спокойной темной воды эти заросли переливались, мерцая, богатейшим набором цветов; каждая нить сверкала изумрудными, голубыми и ярко-красными бликами. С правого борта было видно небольшое пятно водорослей, а вдоль левого борта они тянулись по глади моря длинной и довольно широкой полосой.

Лавон оперся на перила и посмотрел на нижнюю палубу. Там возились три косматые четверорукие фигуры: скандары — члены экипажа чинили сети или притворялись, что чинят. Они встретили его появление кислыми, угрюмыми взглядами. Плавание им, как и большей части команды, уже давно осточертело.

— Эй, вы, там! — заорал Лавон.— Черпак за борт! Ухватитека несколько этих змей!

— Змей, капитан? О каких змеях вы говорите?

— Вон они! Рядом! Вы что, не видите?

Скандары дружно посмотрели в воду, а затем вновь перевели взгляды, на сей раз не лишенные некоторой покровительственности и победительного торжества, на Синнабора Лавона.

— Вы говорите об этой траве в воде?

Лавон всмотрелся пристальнее. Трава? Судно уже миновало первые пятна водорослей, но впереди тянулись обширные поля, и он прищурился, пытаясь рассмотреть отдельные нити в этих колеблющихся массах. Морская трава шевелилась совершенно по-змеиному. Но Лавон, как ни всматривался, не мог разглядеть ни голов, ни глаз. Что ж, возможно, это и вправду трава. Он нетерпеливо взмахнул рукой, и скандары без всякой спешки принялись разворачивать стрелу, к которой была прикреплена сеть-черпак для сбора биологических образцов.

Когда Лавон спустился на нижнюю палубу, там уже лежала кучка водорослей, а вокруг них по доскам быстро растекалась лужица; его успели опередить: возле находки столпились первый помощник Вормечт, главный штурман Галимойн, исследовательница Жоачил Нур с парой ее ученых и Микдал Хасц, летописец. В воздухе чувствовался острый аммиачный запах. Трое скандаров стояли позади, демонстративно зажимая носы, и что-то неодобрительно бормотали, ни к кому не обращаясь, но остальные смеялись, тыкали пальцами в траву, возбужденно переговаривались и вообще выглядели гораздо более оживленными, чем на протяжении нескольких последних недель.

Лавон опустился на колени перед добычей. Без сомнения, уловом на этот раз оказалась какая-то морская водоросль: каждый плоский мясистый лист в виде ленты был длиной в человеческий рост, шириной с мужское предплечье и толщиной в палец. Все это непрерывно судорожно дергалось, словно к каждой ленте было прикреплено по нескольку ниточек, за которые кто-то дер-

гал; но по мере высыхания движения с каждой секундой становились все медленнее, а яркие цвета быстро тускнели.

— Зачерпните-ка побольше,— распорядилась Жоачил Нур, обращаясь к скандарам.— Только сразу вывалите в ведро с забортной водой, чтобы подольше сохранить их живыми.

Скандары не пошевелились.

— Вонь,— проворчало одно из волосатых существ,— такая мерзкая вонь.

Жоачил Нур сделала несколько шагов в их сторону — невысокая худенькая женщина рядом с этими гигантами казалась ребенком — и сердито взмахнула рукой. Скандары, пожимая плечами, взялись за дело.

— Что вы об этом думаете? — обратился к ней Синнабор Лавон.

— Морские водоросли. Неизвестная разновидность, но так далеко в море все оказывается новым. Интересные изменения цвета. Я не знаю, вызваны ли они каким-то особым распределением пигмента или являются просто оптическим эффектом, игрой света в разделенных между собой слоях эпидермиса.

— А движения? Морские водоросли не обладают мускулатурой.

— К движению способно множество растений. Незначительные колебания электрического потенциала изменяют плотность воды, содержащейся в разных частях растения. Знаете о чувствильниках, которые растут на северо-западе Зимроэля? Они обладают способностью съеживаться от крика. Морская вода — превосходный проводник, так что морские водоросли должны получать самые разные электрические импульсы. Мы внимательно изучим их.— Жоачил Нур улыбнулась.— Должна признаться, они для меня словно дар Божества. Еще одна неделя плавания по пустынному океану — и я прыгнула бы за борт.

Лавон кивнул. Он ощущал то же самое: отвратительную убийственную скуку, ужасное, гнетущее сознание того, что сам обрек себя на бесконечное путешествие в никуда. Даже он, отдавший семь лет жизни организации этой экспедиции и всей душой желавший довести ее до конца, даже он на пятый год плавания чувствовал себя парализованным апатией, скованным ею по рукам и ногам...

— А как вы относитесь к идее нынче же вечером сделать нам сообщение? — обратился Лавон к исследовательнице.— Предварительные результаты. Уникальная новая разновидность морских водорослей.

Жоачил Нур не глядя взмахнула рукой; скандары без единого слова подняли полную воды бадью с выловленными водорослями и потащили в лабораторию. Все трое биологов ушли следом за ними.

— Их хватит не только для предварительного, но и для самого подробного изучения,— заметил первый помощник Вормечт.— Посмотрите, нет, только посмотрите туда! Их там совсем немало!

— А может быть, даже слишком много,— вставил Микдал Хасц.

Синнабор Лавон повернулся к летописцу, маленькому человечку с выцветшими глазами, перекошенной фигурой — одно плечо было заметно выше другого — и хрипловатым голосом.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду забитые роторы, капитан. Если водорослей станет слишком уж много. Мне приходилось читать рассказы обитателей Старой Земли об океанах, настолько густо заросших водорослями, что суда безнадежно запутывались в них, команды питались крабами и рыбой и в конечном счете умирали от жажды, а корабли со скелетами на борту сотни лет дрейфовали по этим морским лугам...

— Фантазии. Сказки.— Главный штурман Галимойн фыркнул.

— А что, если это случится с нами? — спросил Микдал Хасц.

— Вы думаете, такая вероятность действительно есть? — поддержал его Вормечт.

Лавон не сразу сообразил, что все смотрят на него. Он вгляделся в море. Да, водорослей, похоже, становилось все больше. Впереди по курсу они формировали скопления, похожие на глубоко сидящие в воде плоты, а их ритмичные конвульсии, казалось, заставляли почти неподвижную воду пульсировать и волноваться. Но «плоты» отделялись один от другого широкими каналами. Существовала ли вероятность того, что эти водоросли смогут застопорить движение такого хорошего судна, как «Спурифон»? На палубе воцарилась тишина. Ситуация становилась почти комической: всеобщий страх перед угрозой, которую представляют собой морские водоросли, встревоженные офицеры разошлись во мнениях и спорят между собой, капитан должен принять решение, которое может означать жизнь или смерть...

Настоящую угрозу, думал Лавон, представляют не водоросли, а скука. Уже на протяжении многих месяцев плавания ничего

не происходило, и пустоту однообразных дней приходилось заполнять самыми разными развлечениями, вплоть до отчаянно безрассудных. Каждое утро из-за Зимроэля поднималось неестественно огромное бронзово-зеленое тропическое солнце; в полдень его обжигающий глаз взирал прямо из центра безоблачного неба, после чего оно спускалось к немыслимо далекому горизонту... и на следующий день все повторялось без малейших вариаций. Уже несколько недель не было дождя, погода вообще не менялась. Великий океан заполнил всю вселенную. Они не видели ни клочка земли, даже вершин островов вдалеке, ни единой птицы, никаких водных животных. При такой жизни неизвестная разновидность морской водоросли показалась чудесным открытием. Безжалостная тоска по хоть какой-нибудь деятельности разъедала дух путешественников, подготовленных и просвещенных исследователей, которые когда-то восторженно восприняли возникшую в воображении Лавона картину странствия эпических масштабов, а теперь мрачно и печально сознавали, что мгновение романтичного безумия обернулось для них загубленными жизнями. Когда составлялись планы первой в истории экспедиции через Великий океан, занимавший почти половину их гигантской планеты, никто не ожидал, что она окажется вот такой. Люди грезили о ежедневных приключениях, фантастических новых животных, не отмеченных на картах необитаемых островах, им представлялись ужасные штормы, небеса, затянутые облаками пятидесяти невиданных оттенков, которые распарывают ослепительные молнии... Но только не это ужасающее однообразие, бесчисленное повторение одинаковых дней. Лавон уже начал опасаться бунта, поскольку на то, чтобы достичь дальних пределов Алханроэля, могло потребоваться еще семь или девять, а может быть, и одиннадцать лет, и он сомневался, что все члены экипажа обладают достаточной силой духа, чтобы воспринять такую перспективу.

Уже очень многим приходила в голову мысль: а не лучше ли развернуть судно и направиться обратно к Зимроэлю? Были моменты, когда даже он сам задумывался об этом. А потому... «Давайте отправимся на поиски риска,— думал он,— и, если потребуется, выдумаем его сами! Давайте бросим вызов опасности, которую представляют морские водоросли, будь она реальной или воображаемой! Угроза опасности пробудит нас от смертельно опасной летаргии».

— Мы сможем преодолеть эти заросли,— объявил Лавон.— Будем двигаться вперед.

Но не прошло и часа, как его начали одолевать сомнения. Стоя на мостике, он внимательно следил за все сильнее сгущавшимися зарослями водорослей. Островов, которые они образовывали, теперь становилось меньше, но они оказывались все крупнее, по пятьдесят и по сто ярдов в поперечнике, а каналы между ними становились все уже. Вся поверхность моря пребывала в движении, плавно волновалась и словно бы поеживалась. Под жгучими лучами стоявшего почти в зените солнца водоросли обрели более богатую цветовую гамму, с невероятной скоростью и резкостью меняли оттенки, как будто прямо на глазах набирали энергию от солнца. По проливам во множестве перемещались какие-то существа: огромные многоногие твари, похожие на крабов с округлыми узловатыми зелеными панцирями, и гибкие змеевидные животные, передвигавшиеся рывками, словно кальмары, в погоне за какой-то еще живностью, слишком мелкой для того, чтобы Лавон мог разглядеть ее с капитанского мостика.

— Может быть, изменим курс,— нервно предложил Вормечт.

— Стоит подумать,— ответил Лавон.— Я пошлю впередсмотрящего, чтобы он попробовал узнать, насколько далеко тянется это безобразие.

Изменение курса даже на несколько градусов нисколько не привлекало его. Его курс был определен, его решение было давно принято, но он опасался, что любое отклонение окончательно уничтожит его все более и более слабеющую уверенность. И все же он ни в коей мере не был одержимым лишь одной своей идеей маньяком, стремящимся вперед, не думая об опасности. Суть в том, что он отчетливо сознавал, с какой легкостью экипаж «Спурифона» растеряет то немногое, что еще оставалось от воодушевления и энтузиазма, вызванных грандиозностью предприятия, за которое они взялись.

Маджипур переживал свой золотой век — время героических личностей и величественных свершений. Исследователи проходили повсюду: по выжженным солнцем пустыням Субраэля, лесам и болотам Зимроэля, девственным просторам Алханроэля, по окружавшим эти три континента архипелагам и отдельным островам. Население быстро увеличивалось, поселения превращались в города, а города — в огромные столицы, с соседних планет при-

бывали в поисках удачи поселенцы, принадлежавшие к нечеловеческим расам... Мир Маджипура волновался, менялся, рос во всех отношениях. И Синнабор Лавон выбрал для себя самый безумный подвиг из всех: пересечь Великий океан на корабле. Никто и никогда еще не предпринимал подобной попытки. Из космоса было хорошо видно, что вода занимает половину поверхности гигантской планеты, что континенты, несмотря на свои колоссальные размеры, стеснились в одном полушарии, а весь остальной мир являет собой пустынный океан. И хотя с тех пор, как люди приступили к колонизации Маджипура, прошло уже несколько тысяч лет, на суше все время находилось очень много дел, и Великий океан был предоставлен самому себе — да еще армадам морских драконов, которые в своих миграциях, растягивавшихся на десятилетия, неустанно пересекали его с запада на восток.

Но Лавон был влюблен в Маджипур и мечтал о том, чтобы заключить весь этот мир в объятия. Он пересек его от Амблеморна, находившегося у подножия Замковой горы, до Тил-омона, лежавшего на другом берегу Великого океана. И теперь, движимый неодолимой потребностью замкнуть круг, вложил все свои средства и энергию в оснащение этого величественного корабля, гордого и независимого, как остров, на борту которого вместе с подобными ему безумцами, составлявшими команду, намеревался провести десять или даже больше лет, исследуя неведомый океан. Он знал, и, вероятно, его спутники тоже, что поставленная задача может оказаться невыполнимой. Но если они добьются успеха и благополучно приведут свой корабль в гавань на восточном побережье Алханроэля, куда со стороны океана не входило еще ни одно судно, то их имена будут жить вечно.

— Эй! — вдруг заорал впередсмотрящий.— Эй, драконы! Смотрите, драконы!

— Столько недель скуки,— пробормотал Вормечт,— а теперь все сразу!

Лавон видел, что впередсмотрящий, четким контуром вырисовывавшийся на фоне яркого безоблачного неба, указывал на северо-северо-запад. Он прищурился и вгляделся в даль. Да! В их сторону оттуда скользили по воде огромные горбатые фигуры, высоко поднимавшиеся над водой; их крылья были прижаты к телу, но порой широко разворачивались в великолепном размахе.

— Драконы! — крикнул Галимойн.

— Драконы! Смотрите! Драконы! — откликнулась сразу дюжина голосов.

«Спурифон» за время рейса дважды сталкивался со стадами морских драконов: спустя шесть месяцев после выхода в море среди островов, которые они назвали архипелагом Стиамота, а затем, двумя годами позже, в той части океана, где они нашли впадину, названную именем Ариока. Оба раза стада были большими, состоявшими из сотен огромных существ, среди которых было много беременных самок, и они держались вдали от «Спурифона». Но сейчас перед ними было не стадо, а всего лишь передовой отряд или самостоятельная группа, не более пятнадцати или двадцати голов: несколько гигантских самцов, а остальные — подростки, едва достигавшие сорока футов в длину. По сравнению с приближающимися драконами корчащиеся морские водоросли теперь казались сущей безделицей. Все, кто находился на палубе, едва ли не приплясывали от волнения.

Лавон покрепче стиснул пальцами перила. Он хотел рискнуть ради пользы дела; что ж, вот он, риск. Разъяренный морской дракон мог несколькими могучими ударами сильно повредить даже такое крупное и крепкое судно, как «Спурифон», и даже потопить его. Правда, они редко проявляли враждебность к кораблям, которые не нападали на них первыми, но все же такие случаи известны. А что, если драконы вообразят, что «Спурифон» принадлежит охотникам за драконами? Каждый год воды между Пилиплоком и Островом Сна бороздили новые и новые стада морских драконов. Там разрешалось охотиться на этих животных, и флот охотников за драконами изрядно прореживал их ряды. По крайней мере, эти гиганты могли принадлежать к числу уцелевших — и кто мог знать, какое негодование может кипеть под твердой чешуей? Гарпунеры «Спурифона» заняли свои места, ожидая сигнала капитана.

Но атаки не последовало. Драконы, казалось, взглянули на судно с любопытством, но не более того. Они пришли сюда, чтобы подкрепиться. Поравнявшись с первыми плотами водорослей, драконы раскрыли чудовищные пасти и начали заглатывать растения огромными клоками, захватывая между делом и существ, похожих на кальмаров, и существ, похожих на крабов, и вообще все живое, что водилось в этих зарослях. В течение нескольких часов они шумно плескались неподалеку; затем, будто сговорив-

шись, почти полностью ушли под воду и спустя несколько минут скрылись из виду.

«Спурифон» теперь окружало большое кольцо чистой воды.

— Они сожрали, наверное, несколько тонн этой травы,— пробормотал Лавон.— Много тонн!

— И расчистили нам дорогу,— обрадовался Галимойн.

Вормечт помотал головой.

— Нет. Смотрите, капитан, сколько там драконовой травы. И чем дальше, тем гуще!

Лавон посмотрел вдаль. Всюду, куда хватало глаз, вдоль горизонта тянулась тонкая темная линия.

— Земля,— предположил Галимойн.— Острова, атоллы...

— Окружают нас со всех сторон? — с презрением в голосе завершил фразу Вормечт.— Нет, Галимойн. Мы заплыли в глубину континента, состоящего из драконовой травы. Сделали открытие: доказали, что мнение, будто драконы едят только разумных наземных существ, передвигающихся на искусственно созданных плавсредствах, является заблуждением. Мы попались!

— Это всего лишь водоросли,— возразил Галимойн.— Если понадобится, мы пробьемся сквозь них.

Лавон тревожно обвел взглядом горизонт. Он начинал разделять тревогу Вормечта. Несколько часов назад драконова трава болталась в воде в виде отдельных лент, затем превратилась в пятна и скопления. А теперь, хотя судно на непродолжительный промежуток времени и оказалось в чистой воде, складывалось такое впечатление, будто цельное кольцо водорослей образовалось только для того, чтобы окружить корабль со всех сторон. И все же может ли драконова трава расти настолько плотно, чтобы преградить им дорогу?

Начали сгущаться сумерки. Теплый тяжелый воздух приобрел розовый оттенок, быстро сменившийся серым. С восточного края неба на путешественников стремительно надвинулась темнота.

— Утром мы спустим лодки и разведаем, что там впереди,— объявил Лавон.

Вечером после обеда Жоачил Нур сделала доклад о драконовой траве. Это гигантская морская водоросль, сказала она, со сложной биохимией, достойной детального исследования. Она подробно говорила о сложной системе цветовых узлов растения, о его способности к мощным конвульсиям, напоминающим сокращения мускулатуры. Почти все участники плавания, даже некоторые из тех, кто несколько недель блуждал в тумане безнадежной депрессии, толпились вокруг, рассматривали и трогали лежавшие в бадье экземпляры, высказывали свои соображения и возражения. После длительного периода уныния такое оживление на борту «Спурифона» несказанно радовало Синнабора Лавона.

Той ночью ему снилось, что он танцует на поверхности воды, исполняя эффектную сольную партию в каком-то бодром и энергичном балете. Под ногами у него расстилался прочный эластичный ковер из драконовой травы.

За час до рассвета его разбудил громкий стук в дверь каюты. Это был Скиин, скандар, стоявший третью вахту.

— Капитан, идите скорее... драконова трава, капитан...

Степень бедствия была ясна даже в свете первых слабых жемчужных бликов нового дня. «Спурифон» всю ночь был на ходу, и драконова трава тоже, как выяснилось, не стояла на месте, и теперь судно оказалось в самом сердце туго натянутой циновки из морских водорослей, которая, казалось, простиралась до краев вселенной. Пейзаж, открывшийся с появлением на небе первой зеленой полосы утреннего света, походил на сновидение: сплошной, без единого разрыва, ковер из триллионов и триллионов спутанных лент. Поверхность этого ковра пульсировала, подергивалась, вибрировала и беспокойно переливалась различными оттенками ярких, насыщенных цветов.

По всей поверхности этого невероятного ковра ползали, скользили, бегали, извивались, карабкались и прыгали его обитатели. От плотно переплетенных масс водорослей исходил едкий запах, который, казалось, минуя ноздри, проникал внутрь черепа и заполнял его до самого затылка. Нигде не было видно ни клочка чистой воды. Безмолвный «Спурифон» стоял неподвижно, как будто за ночь сумел углубиться на тысячу миль по суше — в самое сердце пустыни Сувраэля.

Лавон взглянул на своего первого помощника. Столь ворчливый и язвительный накануне, Вормечт теперь встретил его взгляд со спокойным и уверенным видом человека, который никогда не сомневался в своей правоте. Переведя взгляд на главного штурмана, капитан про себя отметил, что громогласная бравада Галимойна уступила место напряженной настороженности специалиста, ошибшегося в своих самых твердых предположениях, хотя о таком его состоянии можно было догадаться только по сумрачному взгляду и твердо сжатым губам.

— Я выключил двигатели,— сообщил Вормечт.— Мы по уши увязли в драконовой траве. Роторы сразу же забились почти под завязку.

— Можно их освободить? — спросил Лавон.

— Мы уже чистим,— сказал Вормечт.— Но, едва мы их снова запустим, они в первый же момент снова затянут в себя всю траву, которая окажется поблизости.

Лавон, нахмурившись, повернулся к Галимойну.

— Вы можете измерить толщину ее слоя?

— Нам не удается заглянуть в глубину, капитан.

— А проткнуть пробовали?

— Она плотная, словно лужайка на суше. Ни шест, ни груз не проходят сквозь нее.

Лавон медленно перевел дух.

— Немедленно спустите шлюпки. Нам необходимо выяснить, во что мы вляпались. Вормечт, пошлите двоих водолазов. Пусть посмотрят, насколько глубоко уходит трава и можем ли мы как-то защитить от нее движители. И попросите Жоачил Нур подойти сюда.

Маленькая женщина-биолог появилась почти мгновенно. Вид у нее был утомленный, но какой-то неестественно веселый.

— Я всю ночь изучала эти водоросли,— сообщила она, прежде чем Лавон успел сказать слово.— Они накапливают металл и имеют высокую концентрацию рения и ванадия...

— Вы заметили, что мы остановились?

Похоже, женщине это было безразлично.

— Да, я вижу.

— Вполне возможно, что мы превратились в героев старинной сказки, в которой суда застревают в непроходимых водорослях и превращаются в бесполезный хлам. Мы можем остаться здесь надолго.

— Это даст нам шанс изучить столь уникальную экологическую область, капитан.

— Не исключено, что на всю оставшуюся жизнь.

— Вы так думаете? — спросила Жоачил Нур. До нее наконец дошел смысл сказанного.

— Честно говоря, понятия не имею. Но я хочу, чтобы сейчас вы изменили направление своих исследований. Выясните, что кроме высыхания убивает эти сорняки. Нам, вероятно, придется вести против них биологическую войну — если мы, конечно,

намерены когда-либо выбраться отсюда. Мне нужна какая-нибудь химия, какой-нибудь метод, при помощи которого мы сможем избежать наматывания травы на роторы.

— Поймайте пару морских драконов,— без промедления отозвалась Жоачил Нур,— прицепите по одному к каждому борту, и пусть они проедают нам дорогу.

Синнабор Лавон даже не улыбнулся в ответ.

— Подумайте об этом более серьезно,— сказал он,— и сообщите мне.

Он проследил за спуском шлюпок, по четыре моряка в каждой. Лавон надеялся, что подвесные моторы смогут избежать плена, но надежда оказалась тщетной: почти мгновенно винты зарычали и остановились. Морякам пришлось расчехлять весла и медленно пробиваться сквозь густые, как каша, заросли морской травы, иногда останавливаясь, чтобы оттолкнуть багром то одно, то другое бесстрашное гигантское ракообразное, которыми буквально кишел внутри слой водорослей. Спустя пятнадцать минут шлюпки все еще находились не более чем в сотне ярдов от корабля. Тем временем пара водолазов, снабженных дыхательными масками — один хьорт и один человек,— расчистили отверстие в драконовой траве рядом с судном и исчезли под водой.

Прошло полчаса, но они так и не показались на поверхности.

— Вормечт, как долго люди могут оставаться под водой в этих масках? — обратился Лавон к первому помощнику.

— Примерно столько времени, сколько они уже сидят там, капитан. Возможно, хьорт может продержаться чуть дольше, но не намного.

— Так я и думал.

— Вряд ли стоит посылать за ними других водолазов, не так ли?

— Вряд ли,— бесстрастным голосом ответил Лавон.— А как вы считаете, наша субмарина сможет пробиться через эту траву?

— Не уверен.

— Я тоже. Но мы все равно должны попробовать. Вызовите добровольцев.

На палубе «Спурифона» была принайтовлена маленькая подводная лодка, предназначенная для научных исследований. Ею не пользовались уже несколько месяцев, так что на подготовку к спуску потребовалось больше часа; судьба двоих водолазов была

уже ясна, и их гибель тяжестью лежала на душе Лавона: казалось, что ему на голое тело надели панцирь из очень холодного металла. Ему никогда еще не приходилось видеть смерть от каких-либо иных причин, кроме глубокой старости или тяжелой болезни, и смириться с возможностью гибели, связанной с несчастным случаем, было так же трудно, как и признать свою ответственность за произошедшее.

Три добровольца забрались в субмарину, и с помощью крана ее спустили за борт. Некоторое время она оставалась на поверхности воды, а затем операторы выпустили манипуляторы с когтями, и лодка, похожая на толстого глянцевого краба, начала зарываться в глубину. Времени на погружение потребовалось немало, так как сети драконовой травы смыкались почти с такой же скоростью, с какой когти раздирали ее. Но постепенно субмарина скрылась из виду.

Галимойн с другой палубы прокричал что-то в мегафон. Лавон поднял глаза и увидел, что две шлюпки продираются сквозь траву примерно в полумиле от корабля. Солнце уже поднялось высоко, и в ослепляющем свете было трудно определить, куда они направлялись, но казалось, что они движутся обратно.

Лавон в одиночестве молча ждал на мостике. Приблизиться к нему никто не осмеливался. Он не отрывал пристального взгляда от плавучего ковра драконовой травы, насыщенного странными и ужасными на вид существами, и думал о двоих утонувших моряках, и о троих в субмарине, и о восьмерых в лодках, и о тех, кто пока что в безопасности находится на борту «Спурифона», так по-дурацки застрявшего посреди Великого океана.

«Как же просто было избежать этого,— мысленно говорил он себе.— Да, сейчас легко рассуждать — но что в этом толку?»

Пока солнце не перевалило далеко за полдень, он молча неподвижно стоял на своем посту, атакуемый жарой, туманом и зловонием. Затем ушел в каюту. Спустя несколько часов явился Вормечт с докладом о том, что команда субмарины нашла водолазов: они застряли возле неподвижных роторов в цепких объятиях драконовой травы. Впечатление создавалось такое, что водоросли намеренно схватили их. Лавон скептически отнесся к этой версии: они, должно быть, просто сами запутались в стеблях. Правда, свое мнение он отстаивал не слишком настойчиво. Субмарине тоже приходилось несладко: чтобы опуститься на пятьдесят футов, экипажу пришлось задействовать всю мощность лодки, отчего чуть не сгорел один из моторов. Плотный слой травы, сказал Вормечт, заканчивается примерно в десяти-двенадцати футах от поверхности воды.

— Что со шлюпками? — спросил Лавон, и первый помощник ответил, что все благополучно вернулись, хотя матросы буквально выбились из сил, выгребая сквозь плотный слой водорослей. За полдня они смогли отплыть не больше чем на милю от судна и не только не видели конца зарослей драконовой травы, но даже не нашли в них какого-нибудь прохода. На обратном пути неизвестного вида крабоподобное существо напало на одного из гребцов, но тот, хвала Божеству, отделался лишь мелкими царапинами.

За день положение нисколько не изменилось. Впрочем, в возможность изменений даже не верилось. Драконова трава захватила «Спурифон» в плен, и вряд ли можно было ожидать, что она выпустит его, если путешественники не заставят ее это сделать. А что для этого нужно, Лавон пока не знал.

Он попросил летописца Микдала Хасца потолкаться среди моряков и разузнать, что думает по поводу случившегося команда «Спурифона».

— В основном народ спокоен,— чуть позднее доложил Хасц.— Кое-кто встревожен. Большинство, как ни странно, даже испытывают облегчение: наконец-то завершилась многомесячное однообразие, появилась необходимость действовать.

— А вы?

— У меня есть свои опасения, капитан. Но я хочу верить, что мы придумаем, как выбраться. А красота столь необычного пейзажа приводит меня в восхищение.

Красота? Лавону даже и в голову не приходило искать во всем этом красоту. Он обвел мрачным взглядом мили драконовой травы, бронзово-красной под кровавым закатным небом. Над водой поднимался густой красноватый туман, и под его покровом бесчисленные водоросли — будь то существа или растения — непрерывно подергивались, заставляя огромные нерукотворные «плоты» пребывать в постоянном движении. Красота? Действительно, своеобразная красота в этом была, мысленно согласился Лавон. Ему казалось, будто «Спурифон» оказался вплетен в некое огромное живописное панно, обширный свиток мягких жидких форм, изображение сказочного мира, лишенного ориентиров и

вех, на жидкой поверхности которого происходила бесконечная смена форм и цветов..

Почти всю ночь Лавон пролежал с открытыми глазами, безуспешно пытаясь изобрести тактику борьбы против своего растительного противника.

Утром на пугающе огромном небе проявились тонкие, почти кисейные, облака, а трава обрела новые цвета: различные оттенки бледно-зеленого и желтого. Вдалеке виднелись пять или шесть колоссальных морских драконов, неторопливо проедавших дорожки в травяном ковре. Вот если бы, отстраненно подумал Лавон, «Спурифон» мог делать то же самое!

Он собрал командный состав. Они также минувшей ночью заметили, что на судне царило настроение общего спокойствия, даже чуть ли не радости. Но уже с утра начала нарастать напряженность.

— Все и так уже подавлены и тоскуют по дому,— сказал Вормечт,— а теперь еще новая задержка — на несколько дней или даже недель.

— Или месяцев, или лет, или навсегда,— вскинулся Галимойн.— Вы что, делаете вид, будто считаете, что мы сможем когда-нибудь выбраться отсюда?

Голос штурмана срывался от напряжения. Лавон давно чувствовал, что в глубине души Галимойн — человек слабый, и все же быстрота, с которой тот сломался, когда корабль застрял в драконовой траве, стала для него неожиданностью.

Вормечт, казалось, тоже был поражен.

— Вы же сами говорили нам позавчера,— удивленно заметил первый помощник,— что это всего лишь водоросли и мы легко пройдем через них. Помните?

— Я тогда и понятия не имел, во что мы уперлись,— прорычал Галимойн.

Лавон взглянул на Жоачил Нур.

— А что думаете вы? Это скопление могло образоваться случайно? Если водоросли мигрируют с течением, то рано или поздно оно разделится и выпустит нас?

Биолог покачала головой.

— Это, конечно, возможно. Но я не вижу оснований рассчитывать на такой исход. Более вероятно, что это квазипостоянная экосистема. Течение может унести ее в какую-нибудь другую

часть Великого океана, но в таком случае оно унесет и нас вместе с ним.

— Вот видите! — мрачно воскликнул Галимойн.— Безнадежно!

— Еще нет,— возразил Лавон.— Вормечт, сможем ли мы использовать субмарину, чтобы установить экраны на водозаборниках?

— Пожалуй, сможем.

— Попытайтесь. Пусть мастера сразу же займутся изготовлением нескольких вариантов экрана. Жоачил Нур, что вы думаете насчет химического уничтожения водорослей?

— Мы начали эксперименты,— ответила та,— но пока я не могу ничего обещать.

Никто не мог ничего обещать. Они могли только думать и работать, ждать и надеяться.

На проектирование экранов для водозаборников потребовалось два дня; на установку — еще пять. Тем временем Жоачил Нур испытывала различные методы уничтожения травы, но очевидного успеха не добилась.

Не только «Спурифон» но и само время, казалось, остановилось. Лавон ежедневно вычислял координаты и записывал их в судовой журнал: судно каждый день проходило по нескольку миль, устойчиво двигаясь на юго-юго-запад, но оставалось совершенно неподвижным относительно ковра водорослей. Чтобы определить для себя точку отсчета, моряки раскрасили участки драконовой травы вокруг судна в разные цвета, но дни шли, а никакого изменения в расположении больших желтых и алых пятен не было. Неужели они обречены вечно дрейфовать в бескрайнем океане по воле течений и даже издали никогда не увидят землю?

Лавон чувствовал себя измотанным. Ему стало трудно сохранять свою обычную прямую осанку: плечи ссутулились, а голова казалась очень тяжелой. Ему казалось, что он стареет не по дням, а по часам. Еще больше угнетало ощущение вины: именно на нем лежала ответственность за то, что они не успели вовремя уйти от драконовой травы в тот момент, когда опасность стала очевидной. Какие-нибудь несколько часов — и все было бы по-иному, но он позволил себе увлечься зрелищем кормления морских драконов, да еще и придумал эту идиотскую теорию о том, что немного опасности добавит перчику в их чересчур уж спокойное путешествие. Он беспощадно клеймил себя за легко-

мыслие. Вина его и в том, что он убедил этих людей отправиться в совершенно бестолковое и бесполезное плавание. Путешествие длиной в десять или пятнадцать лет из ниоткуда в никуда! Зачем? Зачем?!!

И все же он постоянно заботился о душевном состоянии своих спутников. Порции вина, которые прежде ограничивали, чтобы растянуть запас на весь рейс, были удвоены. Изобретались разного рода вечерние развлечения. Лавон стремился к тому, чтобы ни у кого не оставалось времени для безделья. Каждой исследовательской группе он приказал заново провести анализ собранных материалов в соответствии с последними океанографическими данными. Бумаги, которые следовало заполнить несколько месяцев или даже лет тому назад, но которые отложили в сторону, поскольку не было нужды торопиться, он велел заполнить немедленно. Работа — лучшее лекарство от скуки и неуравновешенности. Поможет она и в борьбе против нового врага — страха.

Когда первые экраны были готовы, группа добровольцев опустилась в субмарине под воду, чтобы попытаться приварить их на корпус перед водозаборниками. Работа, и без того непростая, сильно осложнялась тем, что ее нужно было выполнять, используя только механические манипуляторы. После гибели двух водолазов Лавон не рисковал отпускать кого-нибудь под воду, кроме как в субмарине. Под руководством опытного механика по имени Дуройн Клайс работа тянулась изо дня в день, но занятие оказалось крайне неблагодарным. Тяжелые массы драконовой травы, наваливавшиеся на корпус при каждом легком волнении моря, часто разрывали хрупкий свежий шов, и сварщики очень медленно продвигались вперед.

На шестой день работы Дуройн Клайс пришел к Лавону с пачкой глянцевых фотографий. На всех были запечатлены какие-то оранжевые пятна на унылом сером фоне.

— Что это? — спросил Лавон.

— Коррозия корпуса, господин. Я заметил это вчера и сегодня утром сделал несколько подводных снимков.

— Коррозия? — Лавон заставил себя улыбнуться.— Вряд ли это возможно. Корпус практически не поддается окислению. То, что вы мне показываете, скорее всего, какие-нибудь моллюски, губки или...

— Нет, господин. Возможно, снимки не очень хорошего качества. Но вы можете убедиться сами, опустившись в субмарине. Это похоже на небольшие шрамы. Я совершенно уверен в том, что говорю, господин.

Лавон отпустил механика и послал за Жоачил Нур.

Биолог долго и внимательно изучала фотографии и наконец сказала:

— Это, в общем-то, похоже на правду.

— Значит, драконова трава вгрызается в корпус?

— Мы подозревали такую возможность уже в течение нескольких дней. Одним из наших первых результатов было обнаружение огромной разницы в кислотности этой части океана и открытого моря. Мы сидим в кислотной ванне, капитан, и я уверена, что кислоты выделяют именно эти водоросли. К тому же нам известно, что они накапливают металлы и их ткани насыщены тяжелыми элементами. В обычных условиях они, конечно, поглощают металлы из морской воды. Так что они вполне могли расценить «Спурифон» как гигантский банкетный стол. Я не удивлюсь, если окажется, что драконова трава так плотно окружила нас из-за того, что водоросли с расстояния в несколько миль собрались на пир.

— В таком случае совершенно бессмысленно ожидать, что эта травяная стена развалится по собственной инициативе.

— Именно так.

Лавон прикрыл глаза.

— И если мы остаемся здесь достаточно надолго, то драконова трава проест корабль насквозь?

— На это может уйти несколько сотен лет,— улыбнулась Жоачил Нур.— Голод, вот куда более серьезная проблема.

— Вы о чем?

— Как долго мы продержимся на тех запасах, что еще остались в трюме?

— Полагаю, несколько месяцев. Вы же знаете, что мы почти полностью зависим от того, что удается выловить. Вы хотите сказать...

— Да, капитан. Все, что входит в окружающую нас экосистему, вероятно, ядовито для нас. Водоросли поглощают из воды металлы. Мелкие ракообразные и рыбы едят водоросли. Бóльшие существа едят меньших. По мере подъема по цепи концентрация солей металлов становится все сильнее и сильнее. И мы...

— ...Недолго протянем на рениево-ванадиевой диете.

— А также молибдено-родиевой. Нет, капитан. Вы знаете, с какими жалобами люди в последнее время обращались к врачам? Форменная эпидемия тошноты, лихорадки, каких-то проблем с кровообращением... как вам это нравится, капитан? И это только начало. Никто пока еще не заболел серьезно. Но еще неделя-другая...

— Да защитит нас Повелительница! — хрипло пробормотал Лавон.

— Благословения Хозяйки Острова не достигают этих далеких западных пределов,— ответила Жоачил Нур, холодно улыбнувшись.— Я рекомендую немедленно прекратить лов рыбы и перейти на имеющиеся у нас припасы, пока мы не выберемся из этой части моря. И как можно скорее заканчивать монтаж экранов для роторов.

— Согласен,— отозвался Лавон.

Когда она покинула каюту, он, помедлив несколько секунд, вышел на мостик и уныло уставился на густо забитую водорослями дрожащую воду. Цвета сегодня были богаче, чем прежде: густая умбра, сепия, темная охра, индиго. Драконова трава наливалась соками. Лавон представил себе, как мясистые ленты хлопают по корпусу, разъедая блестящий металл кислотными выделениями, сжигая молекулу за молекулой, превращая судно в густой суп из ионов, представил, как они жадно выпивают этот суп, и содрогнулся. Он больше не мог видеть красоту в густо сплетенной циновке из морской травы. Эта плотная масса морских водорослей, тянувшаяся куда-то далеко за горизонт, теперь олицетворяла только вонь и распад, опасность и смерть, пузыри газов, выделявшихся при разложении, и невидимые разрушительные зубы. Час за часом борта огромного корабля становились все тоньше, а он по-прежнему вынужден торчать здесь — неподвижный, беспомощный, окруженный врагами, заживо пожирающими его.

Лавон постарался, чтобы сведения о новых напастях не стали общим достоянием, хотя в таком замкнутом и тесном мирке все тайное быстро становится явным. Но его настойчивое требование ко всем держать язык за зубами, по крайней мере, сводило к минимуму открытое обсуждение проблем, способное породить панику. Все знали, что дела обстоят хуже некуда, но каждый был уверен, что он один осознает это.

Однако напряжение нарастало. Все были раздражены, разговаривали между собой отрывисто и резко, у людей все валилось из трясущихся рук. Лавон держался в стороне, насколько допускало его положение. Он молился об избавлении и искал подсказки в снах, но, похоже, Жоачил Нур была права: путешественники находились вне пределов досягаемости Хозяйки Острова, чьи послания несли покой и мудрость страждущим.

Единственный проблеск надежды дали биологи. Жоачил Нур предположила, что можно попытаться нарушить биоэлектрическую систему драконовой травы, пропуская ток через воду. Лавону идея показалась сомнительной, но он распорядился выделить ей в помощь для исследования этой версии нескольких судовых механиков.

Наконец последний экран оказался на месте. Шла к концу третья неделя их плена.

— Запустить роторы! — приказал Лавон.

Роторы начали вращаться, и корпус судна задрожал, как будто в него вдохнули новую жизнь. На мостике как зачарованные застыли Лавон, Вормечт и Галимойн. Они слышали дыхание друг друга. От носа вдоль бортов потянулась крошечная волна. «Спурифон» сдвинулся с места! Медленно, упрямо судно начало пробивать путь через плотные массы корчащейся драконовой травы...

...Корабль дрожал, дергался... и вдруг шум роторов стих...

— Экраны не держатся! — закричал Галимойн.

— Вормечт, выясните, что случилось,— распорядился Лавон и повернулся к Галимойну. Тот стоял, широко расставив ноги, как будто его ступни прибили гвоздями к палубе, и дрожал с головы до ног; лицо его покрылось крупными каплями пота, губы и щеки резко подергивались.— Это, вероятно, просто какая-то незначительная помеха,— мягко сказал ему Лавон.— Пойдемте в рубку, выпьем по глотку вина, и увидите, не успеем мы вернуться, как судно пойдет дальше.

— Да нет же! Нет! — взревел Галимойн.— Я чувствую, что экраны оторвались. Драконова трава съедает их.

— Экраны выдержат,— уже тверже сказал Лавон.— Завтра в это же время мы будем далеко отсюда, и вы снова будете рассчитывать курс на Алханроэль...

— Мы погибли! — Галимойн вдруг сорвался с места и, отчаянно размахивая руками, стремительно сбежал по трапу и исчез

из виду. Лавон в нерешительности остался на месте. Возвратился Вормечт; вид у него был мрачный: экраны действительно не выдержали, роторы снова забились и судно остановилось. Лавон растерялся. Что еще можно сделать? Отчаяние Галимойна заразило и его. Мечта его жизни завершалась провалом, глупейшей катастрофой...

Появилась Жоачил Нур.

— Капитан, Галимойн совсем спятил. Он воет, кричит и пляшет на смотровой палубе, призывает команду к бунту.

— Я пойду к нему,— сказал Лавон.

— Я почувствовала, что роторы заработали. Но потом...

Лавон кивнул.

— Снова забились. Экраны не выдержали.— Шагая к трапу, он слышал, как Жоачил Нур что-то говорила о своем электрическом проекте, что она готова провести первый опыт, и ответил, чтобы она немедленно начинала и сразу же сообщила ему, если получит хоть какие-нибудь обнадеживающие результаты. Но ее слова быстро вылетели у него из головы: мысли были полностью заняты Галимойном.

Главный штурман был на штурманском мостике — высокой надстройке по правому борту, где он во время рейса постоянно вел наблюдения и брал высоту солнца, чтобы вычислять широту и долготу. А теперь он бесновался там, как обезумевший зверь, метался взад-вперед, размахивал руками, испускал бессвязные вопли, хрипло распевал какие-то обрывки баллад и кричал, что Лавон сумасшедший и что он нарочно завел их в эту западню. Дюжина или полторы членов команды уже собралась внизу; кое-кто смеялся, некоторые возражали безумцу, были и такие, кто соглашался с ним, а со всех сторон торопливо подходили все новые и новые моряки: никто не желал пропустить такое развлечение, незапланированный спектакль. К своему ужасу, Лавон увидел, что по противоположному трапу на мостик поднимается Микдал Хасц. Он что-то негромко и спокойно говорил, видимо, уговаривая штурмана сойти вниз, а Галимойн смотрел на него с ненавистью и несколько раз прерывал его увещевания угрожающим нечленораздельным рыком. Но тот продолжал подниматься. Теперь он находился всего лишь в ярде или двух от Галимойна и, улыбаясь, продолжал говорить; вот он поднял руки, как будто хотел показать, что безоружен.

— Назад,— взревел Галимойн.— Прочь!

Лавон принялся протискиваться к мостику, чтобы приказать Хасцу отступить, но опоздал. В порыве неуправляемой ярости взбешенный Галимойн метнулся к Хасцу, подхватил маленького человечка, словно куклу, и швырнул его через перила в море. Все в ужасе ахнули. Лавон подбежал к борту как раз вовремя для того, чтобы увидеть, как Хасц, раскинув руки, спиной ударился о воду. Драконова трава сразу же конвульсивно задергалась. Мясистые ленты заметались, будто клубок потревоженных змей, они крутились, корчились, море, казалось, вскипело на мгновение, а затем Хасц исчез.

У Лавона вдруг закружилась голова, и он еле удержался на ногах. Ему показалось, что сердце в груди расширилось, прижав легкие к ребрам, а мозг вот-вот взорвется. Ему никогда еще не приходилось видеть подобное насилие. Более того, за всю свою жизнь он ни разу не слышал о преднамеренном убийстве одного человека другим. И то, что это произошло на его судне, что один из членов его команды оказался жертвой другого, да еще в столь трудный для всех момент, было для него невыносимо. Двигаясь, словно во сне и как бы наблюдая за собой со стороны, он взлетел по трапу, схватил Галимойна за мощные, мускулистые плечи и с силой, какой и сам в себе не подозревал, ни на мгновение не задумавшись, легко перекинул штурмана через перила. Последовал сдавленный вопль, всплеск... Пораженный, потрясенный своим поступком, Лавон посмотрел вниз и увидел, что море вторично вскипело и драконова трава сомкнулась над судорожно дергавшимся телом Галимойна.

Лавон медленно спустился с мостика. Внутри него царила пустота, душа словно выгорела. Что-то в нем сломалось. Окружившие его кольцом фигуры казались расплывчатыми. Постепенно Лавон начал различать глаза, рты, знакомые черты лиц... Он попытался что-то сказать, но слова не шли с языка — только какие-то нечленораздельные звуки. Внезапно у него подкосились ноги, но его поддержали и усадили на палубу. Чьи-то руки обхватили его за плечи, кто-то подносил к губам стакан с вином.

— Да вы взгляните на его глаза! — услышал он чей-то голос.— Он же в шоке!

Лавона начала бить дрожь. Каким-то образом — он не помнил, как его поднимали и несли,— он оказался в своей каюте; над ним склонился Вормечт, за спиной которого маячили другие лица.

— Судно движется, капитан,— спокойно сказал первый помощник.

— Что? Вы о чем? Хасц мертв. Галимойн убил Хасца, а я убил Галимойна.

— Это был единственный выход. Этот человек сошел с ума.

— Я убил его, Вормечт.

— Мы не могли держать на борту под замком сумасшедшего в течение следующих десяти лет. Он представлял опасность для всех нас. Нужно было выбирать: или его жизнь, или наши. У вас хватило на это сил. Вы поступили правильно.

— Мы не убийцы,— отозвался Лавон.— Наши предки-варвары на Старой Земле когда-то отбирали жизни друг у друга, но мы не убийцы. Я не убийца. Мы некогда были животными, но это было в другой эре, на совсем другой планете. Я убил его, Вормечт.

— Вы капитан. Вы имели на это право. Он угрожал успеху плавания.

— Успеху? Какому успеху?

— Судно снова движется, капитан.

Лавон уставился на помощника, но не мог четко разглядеть его лицо.

— Что вы сказали?

— Пойдемте. Посмотрите сами.

Четыре мощные руки обняли его, и Лавон ощутил сильный мускусный запах меха скандара. Гигант легко поднял его, вынес на палубу и осторожно поставил на ноги. Лавон пошатнулся, но к нему сразу же подскочили Вормечт и Жоачил Нур. Первый помощник указал на море. Вдоль всего корпуса судна тянулась полоса чистой воды.

— Мы опустили кабели в воду и хорошенько долбанули драконову траву током,— объяснила Жоачил Нур.— Электрошок резко сократил их двигательные системы. Ближайшие к нам растения умерли немедленно, а остальные начали отступать. Насколько видит глаз, перед нами тянется свободный канал.

— Плавание продолжается,— сказал Вормечт.— Мы снова можем идти вперед, капитан!

— Нет,— ответил Лавон. Он ощущал, что его мысли путаются, словно голова полна тумана.— Кто у нас теперь штурман? Прикажите ему повернуть судно назад, к Зимроэлю.

— Но...

— На обратный курс! Назад к Зимроэлю!

Все изумленно и растерянно уставились на Лавона.

— Капитан, вы все еще не в себе. Отдать такой приказ в тот самый момент, когда все наладилось. Вам нужно отдохнуть, и через несколько часов вы почувствуете...

— Плавание закончено, Вормечт. Мы возвращаемся.

— Нет!

— Нет? Значит, это мятеж? — Глаза моряков, окружавших капитана, были пусты, лица лишены выражения.— Вы действительно хотите продолжать поход?! — воскликнул Лавон.— На борту обреченного корабля, с капитаном-убийцей? Все устали от плавания еще задолго до того, как все это случилось. Может быть, вы думаете, что я не знаю об этом? Вы стремились домой, но просто не осмеливались говорить об этом. Что ж, теперь я чувствую то же, что и вы.

— Мы пробыли в море пять лет,— ответил Вормечт.— И, быть может, преодолели уже полпути. Вполне вероятно, что до того берега, к которому мы плывем, мы доберемся скорее, чем до того, который мы покинули.

— Не менее вероятно, что не доплывем никогда,— возразил Лавон.— Это не имеет значения. У меня больше нет сил, чтобы двигаться вперед.

— Завтра вы, наверное, будете думать по-другому, капитан.

— Завтра на моих руках по-прежнему останется кровь, Вормечт. Мне не было суждено благополучно провести этот корабль через Великий океан. Мы заплатили за свободу четырьмя жизнями, но поход на этом закончился.

— Капитан...

— Разворачивайте корабль,— повторил Лавон.

Когда они на следующий день пришли к нему, упрашивая продолжать плавание, поминая о бессмертной славе, которая ждет их на берегах Алханроэля, Лавон спокойно, но непреклонно отказался даже обсуждать эту тему. Продолжать поход невозможно, снова сказал он. Моряки переглянулись между собой. Они возненавидели это плавание и всей душой мечтали о его завершении, но под влиянием эйфории от победы над драконовой травой изменили свое мнение. И вот теперь им пришлось снова изменить свое мнение, так как без силы и энергии Лавона, от которых движение судна вперед зависело больше, чем от рото-

ров, дальнейшего пути быть не могло. Они легли курсом на восток, и о пересечении Великого океана не было сказано больше ни единого слова. Годом позже на них обрушилось несколько штормов, изрядно потрепавших корабль, а еще через год произошло столкновение с морскими драконами, которые серьезно повредили корму судна. Но «Спурифон» плыл своим путем, и, когда на одиннадцатом году плавания он кое-как доковылял до родного порта, из ста шестидесяти трех путешественников, вышедших когда-то в море из Тил-омона, в живых оставалось более сотни, и среди них капитан Лавон.

ЧАСТЬ 4

ВОСПОМИНАНИЯ КАЛИНТЭЙНА

Несколько дней Хиссун ходит удрученный. Он, конечно, и без того давно знает, что путешествие завершилось неудачей: ни одно судно никогда еще не пересекало Великий океан и никогда не пересечет, потому что сама идея такого плавания абсурдна, а осуществление, вероятно, невозможно. Но потерпеть вот такое поражение: зайти так далеко, а затем повернуть назад не из-за трусости, или болезни, или голода, а из чисто моральных соображений — Хиссун не в силах понять это до конца. Уж он-то никогда не повернул бы обратно. Все пятнадцать лет своей жизни он неуклонно и прямо шел к тому, что воспринимал как свою цель, а те, кто колебался в выборе и осуществлении своего пути, всегда казались ему лентяями и слабаками. Но, во-первых, он не Синнабор Лавон и, во-вторых, ему никогда не приходилось никого убивать. Такое дело могло бы сломить душу любому. Он испытывает некоторое презрение и одновременно жалость к Синнабору Лавону, но, по мере того как он вникает во внутренний мир этого человека, на смену презрению приходит восхищение: он понимает, что капитан «Спурифона» был вовсе не слабаком, а, наоборот, человеком огромной моральной силы. Это потрясающее откровение, и подавленность Хиссуна мгновенно исчезает. Мое образование продолжается, думает он.

Однако он обратился к записи Синнабора Лавона в поисках приключений, а не ради философских размышлений. Он нашел далеко не то, что искал. Но он знает, что всего через несколько лет после событий в Великом океане кое-что произошло в его родном Лабиринте, что этот случай необыкновенно изумил всех и что даже

по прошествии шести с лишним тысяч лет история считает его одним из самых странных происшествий, когда-либо приключавшихся на Маджипуре. И потому, выбрав день, Хиссун совершает новый набег на Регистр памяти душ, чтобы предпринять историческое исследование. Он решает войти в сознание человека безупречной репутации — некоего молодого чиновника из аппарата понтифекса Ариока.

Утром на следующий день после того, как кризис достиг кульминации и были совершены последние глупости, в Лабиринте Маджипура воцарилась странная тишина, как будто от изумления все лишились дара речи. Воздействие вчерашних экстраординарных событий только начало сказываться, хотя даже те, кто явился их свидетелем, все еще не могли до конца поверить в реальность произошедшего. По приказу нового понтифекса все министерства в то утро были закрыты.

И крупные и мелкие чиновники пребывали в чрезвычайном напряжении после недавних перемен и с радостью воспользовались этой возможностью, чтобы отоспаться, пока новый понтифекс и новый корональ — оба ошеломленные неожиданно доставшейся им властью — укрылись в своих личных покоях, чтобы обдумать резкие перемены, свершившиеся в их судьбах. А Калинтэйн наконец получил возможность увидеться со своей возлюбленной Силимур. С некоторой опаской — поскольку он почти не общался с нею весь последний месяц, а она была не из тех, кто легко прощает обиды,— он послал ей записку, в которой говорилось: «...Признаю, что виновен в позорном невнимании, но теперь тебе, возможно, уже известна его причина. Если ты согласишься позавтракать со мной в кафе на дворе Шаров, я все тебе объясню».

Крайняя вспыльчивость была, пожалуй, единственным, но достаточно серьезным недостатком Силимур, и Калинтэйн боялся ее гнева. Они были любовниками уже около года и вот-вот собирались обручиться; все сановники двора понтифекса считали, что он сделал мудрый выбор. Силимур была красива, умна, хорошо разбиралась в политике и принадлежала к знатному роду: среди ее предков числились три короналя, в том числе не кто-нибудь, а сам легендарный лорд Стиамот.

Несомненно, она была бы идеальной парой молодому человеку, предназначенному для высокого положения. Хотя ему еще

не минуло тридцати, Калинтэйн уже входил в наиболее близкое окружение понтифекса и выполнял обязанности, которые нечасто поручались столь молодым людям. Именно эти самые обязанности в последнее время не позволяли ему встретиться и поговорить с Силимур. Он не сомневался, что она будет ругать его, но, хотя и без большой уверенности, надеялся, что в конце концов простит.

Всю прошлую бессонную ночь безмерно уставший Калинтэйн мысленно репетировал длинную оправдательную речь, которая начиналась словами: «Как ты знаешь, последние недели я был занят срочными государственными делами, слишком деликатными для того, чтобы в деталях обсуждать их даже с тобой...» И преодолевая уровень за уровнем по пути к двору Шаров, он продолжал повторять про себя эти фразы. Призрачная тишина Лабиринта этим утром заставила его прочувствовать происшедшее с новой, еще большей остротой. Самые глубокие уровни, где размещались правительственные учреждения, казались совершенно пустыми. Выше он встретил лишь нескольких людей, да и эти немногие тесно сбивались в небольшие кучки в самых темных углах и перешептывались между собой, как будто произошел государственный переворот, что в некотором смысле было не так уж далеко от истины. Все провожали его взглядами. Кое-кто даже указывал пальцем. Калинтэйн поначалу недоумевал, как им удалось узнать в нем чиновника из понтифексата, но быстро вспомнил, что лицо его по-прежнему скрыто под официальной маской. Но он не стал снимать ее — в какой-то мере маска защищала его уставшие до боли глаза от слепящего искусственного света. Сегодня Лабиринт казался ему душным и гнетущим. Он жаждал ускользнуть из мрачных подземных глубин, из уходивших по спирали ниже и ниже огромных залов, образовывавших этот невероятный город. За одну-единственную ночь Лабиринт стал ему неприятен.

На уровне, где располагался двор Шаров, он вышел из подъемника и прошел напрямик через причудливо отделанное необъятное пространство, украшенное тысячами загадочным образом висевших в воздухе сфер — из-за которых это место и получило свое название,— к небольшому кафе на противоположной стороне. В тот момент, когда он вошел туда, часы пробил полдень. Силимур уже сидела за маленьким столиком возле задней стены, отделанной полированным ониксом,— он знал, что так будет:

подчеркнутая точность входила в число ее излюбленных способов выражения неудовольствия. Она поднялась ему навстречу, но не подставила губы, а протянула руку — впрочем, этого он тоже ожидал — и улыбнулась строго и холодно. Калинтэйну ее красота показалась поистине ослепительной: короткие золотые волосы, зачесанные наподобие короны, искрящиеся бирюзовые глаза, полные губы, высокие скулы. Но в таком состоянии он с трудом мог вынести столь изумительное зрелище.

— Я так тосковал без тебя,— хрипло произнес он.

— Конечно. Долгая разлука была для тебя, несомненно, суровым испытанием...

— Как ты знаешь, я в последние недели был занят срочными государственными делами, слишком деликатными для того, чтобы в деталях обсуждать их даже с тобой...

Сейчас даже ему самому эти слова показались совершенно дурацкими, и он почувствовал облегчение, когда она прервала его.

— Об этом мы еще успеем поговорить, милый,— спокойно сказала она.— А сейчас, может быть, выпьем вина?

— Пожалуй... Да.

Она сделала еле заметный жест, и одетый в ливрею официант, надменного вида хьорт, немедленно подошел принять заказ и сразу же удалился.

— А ты что, не хочешь даже снять маску? — с легким удивлением спросила Силимур.

— Ах, да. Извини. Эти дни были такими тяжелыми...

Он снял и отложил в сторону закрывавшую верхнюю половину лица полоску с прорезями для глаз, которая служила отличительным знаком служителей понтифекса. Силимур присмотрелась к нему повнимательнее, и выражение праведного гнева на ее лице уступило место чему-то, похожему на беспокойство.

— У тебя глаза совсем красные, а щеки бледные и ввалившиеся...

— Я почти не спал. Это было какое-то безумие.

— Бедный Калинтэйн.

— Неужели ты думаешь, что я не виделся с тобой, потому что мне так хотелось? Силимур, я находился в самом сердце этого безумия.

— Я понимаю. Вижу, каких усилий это стоило.

Он внезапно понял, что она не дразнила его, а напротив, искренне сочувствовала и что, возможно, все окажется проще, чем ему представлялось.

— Беда честолюбивого человека в том, что он зачастую оказывается вовлеченным в дела, ему не подвластные, и поэтому у него не остается иного выхода, кроме как позволить этим делам поглотить себя. Ты слышала о том, что вчера сделал понтифекс Ариок?

Она с трудом сдержала смех.

— Да, конечно. Я хочу сказать, что до меня дошли слухи. Да и все хоть что-нибудь, да слышали. Неужели сплетни верны? Это действительно произошло?

— К несчастью, да.

— Это изумительно, просто изумительно! Но ведь от такого мир должен перевернуться вверх тормашками, не так ли? И это должно каким-то ужасным способом отразиться на тебе?

— Это отразится на тебе, на мне, на всех и каждом в мире,— ответил Калинтэйн, сопровождая свои слова жестом, который подразумевал не только двор Шаров, не только Лабиринт, в котором они находились, но и всю планету, находившуюся вокруг этой вызывающей клаустрофобию бездны, от вознесшегося на умопомрачительную высоту Замка, венчавшего Гору, до глядевших в Великий океан городов крайнего предела западного континента.— Отразится на всех нас, причем с такой силой, какую я сам пока что не в состоянии постичь до конца. Но позволь, я расскажу тебе все с самого начала...

Возможно, ты не знала о том, что понтифекс Ариок уже несколько месяцев вел себя странно. Думаю, всякая высокая должность оказывает на своего носителя определенное давление, которое в конечном счете сводит его с ума. Мне даже кажется, что любой человек, стремящийся к высокой должности, немножко не в своем уме. Но ты же знаешь, что Ариок целых тринадцать лет был короналем при Дизимауле, и вот уже двенадцать с лишним лет, как он понтифекс. А четверть века достаточно долгое время для того, чтобы в полной мере ощутить на себе бремя власти. Особенно, когда живешь здесь, в Лабиринте. Насколько я себе представляю, понтифекс должен то и дело с тоской вспоминать внешний мир — дуновение ветров Замковой горы, охоту на гихорнов в Зимроэле, простое плавание куда-

нибудь по настоящей реке — в то время, как на самом деле он зарыт на несколько миль под землю, обреченный до конца своей жизни заниматься проведением ритуалов и надзирать за бюрократами.

Как-то, с год назад, Ариок внезапно заговорил о проведении великого паломничества по Маджипуру. Я как раз в тот день дежурил при дворе вместе с герцогом Гуаделумом. Понтифекс приказал принести карты и начал прокладывать маршрут поездки вниз по реке к Алаизору, оттуда к Острову Сна для молитвы и посещения Повелительницы Снов во Внутреннем храме, затем по Зимроэлю с остановками в Пилиплоке, Ни-мойе, Пидруиде, Нарабале — словом, повсюду. Знаешь, такая поездка должна была продлиться по меньшей мере пять лет. Гуаделум с усмешкой взглянул на меня и мягко указал Ариоку, что великие паломничества совершают не понтифексы, а коронали, а лорд Струин совершил такую поездку года два назад.

— Значит, мне это запрещено? — спросил понтифекс.

— Нельзя сказать, что запрещено, ваше величество, но традиция диктует...

— Значит, в Лабиринте я — пленник?

— Ни в коей мере не пленник, ваше величество, но...

— Но мне лучше пореже появляться в верхнем мире, а еще лучше не показываться там вообще?

Ну и так далее. Должен сказать, что мои симпатии принадлежали Ариоку; не забывай, что я не уроженец Лабиринта, подобно тебе, а просто человек, которого привели сюда служебные обязанности, и порой подземная жизнь несколько тяготит меня. Во всяком случае, Гуаделум убедил его величество, что о великом паломничестве не может быть и речи. Но я отчетливо видел беспокойство в глазах понтифекса.

Следующее необычное явление заключалось в том, что его величество начал тайно уходить по ночам и бродить по Лабиринту в одиночку. Никто не знает, насколько часто он делал это, прежде чем мы узнали о происходящем, но до нас стали доходить странные слухи о том, что одетого в маску человека, очень похожего на понтифекса, замечали под утро то во дворе Пирамид, то в зале Ветров. Мы отказывались верить слухам до той ночи, когда одному из лакеев понтифекса послышался звонок, а войдя в его спальню, он обнаружил, что она пуста. Думаю, Силимур, что ты должна помнить ту ночь, потому что я был с тобой, а

один из людей Гуаделума выследил меня и заставил пойти с ним, объявив, что идет экстренное совещание высших советников, для которого требуются мои услуги. Ты была расстроена... я бы даже сказал, сильно расстроена. Конечно, совещание было связано с исчезновением понтифекса, хотя мы скрыли это, заявив, что обсуждались меры помощи Стойензару, сильно пострадавшему от грандиозной приливной волны. Мы нашли Ариока приблизительно в четыре часа утра. Он был на Арене — ты же знаешь эту дурацкую пустую площадь, построенную понтифексом Дизимаулом в один из его периодов помутнения рассудка,— сидел, скрестив ноги на дальней ее стороне, играя на зутибаре и распевая песни перед аудиторией из пяти или шести оборванных малышей. Мы привели его домой. Несколькими неделями позже он снова ускользнул и сумел добраться аж до самого двора Колонн. Гуаделум решил серьезно поговорить с ним. Ариок упорно твердил, что для монарха очень важно бывать среди своих подданных и узнавать, чем они недовольны, приводил при этом примеры из жизни Старой Земли.

Гуаделум начал потихоньку расставлять охранников вокруг покоев его величества — якобы для того, чтобы застраховаться от покушения. Хотя кому может прийти в голову убивать понтифекса? Охранники были нужны для того, чтобы помешать Ариоку выходить наружу. Но понтифекс, хотя и эксцентричен, далеко не глуп, и, несмотря на охрану, за следующие два месяца ему удалось вырваться еще дважды. Ситуация становилась критической. Что, если он вдруг исчезнет на неделю? Что, если он выберется из Лабиринта на поверхность и отправится погулять в пустыню?

— Так как мы, похоже, не можем воспрепятствовать его побегам,— сказал я Гуаделуму,— то почему бы нам не дать ему компаньона, который сможет принять участие в его приключениях и одновременно будет следить, чтобы с ним не приключилось ничего плохого?

— Превосходная идея,— ответил герцог.— И я назначаю на этот пост вас. Понтифекс любит вас, Калинтэйн. А вы достаточно молоды и проворны для того, чтобы вытащить его из любой неприятности, в которую он может впутаться.

Силимур, это произошло шесть недель тому назад. Ты, конечно, помнишь, что тогда я внезапно перестал проводить с тобой ночи, ссылаясь на появление многочисленных новых обя-

занностей при дворе. Так началось наше отчуждение. Я не мог рассказать тебе, чем занимаюсь по ночам, и мне оставалось только надеяться, что ты не заподозришь меня в том, что я перенес свою привязанность на кого-то другого. Но теперь я могу признаться, что был вынужден поселиться рядом со спальней понтифекса и каждую ночь исполнять обязанности его камердинера. Мне удавалось урывать лишь по нескольку часов сна днем, но зато, пустив в ход некоторые хитрости, я смог стать компаньоном Ариока в его ночных прогулках.

Это была очень трудная работа. Я был, по сути дела, телохранителем понтифекса, и мы оба знали об этом, но мне приходилось прилагать массу усилий для того, чтобы не подчеркивать этот факт, пытаясь чрезмерно подчинить его своей воле. И все же я должен был предостерегать его от неподходящих знакомств и опасных прогулок. Существуют жулики, существуют скандалисты, существуют чрезмерно горячие головы; никто не стал бы сознательно причинять вред понтифексу, но он легко мог бы случайно оказаться между парой дуралеев, желающих сделать что-нибудь дурное друг другу. В редкие моменты сна я искал советов Хозяйки Острова — да упокоится она на груди Божества,— и она присылала мне благословения в своих посланиях и говорила мне, что я должен сделаться другом понтифекса, если не хочу стать его тюремщиком. Как же нам повезло, что мы можем получать советы столь доброй матери в наших сновидениях!

И поэтому я посмел подтолкнуть Ариока на несколько новых приключений. «Почему бы нам не отправиться погулять этой ночью»,— говорил я ему. Если бы это слышал Гуаделум, он бы обмер от страха.

Именно мне принадлежала идея отвести понтифекса на один из простонародных уровней Лабиринта, чтобы пошататься ночью по тавернам и рынкам — конечно, в маске, чтобы никто не мог его узнать. Я водил его по укромным переулкам, где собираются игроки в азартные игры, так как хорошо знал, что они не выносят насилия и поэтому не представляют опасности.

И именно я однажды ночью на самом деле вывел его за пределы Лабиринта. Я знал, что именно этого он желал больше всего, но даже он сам опасался предпринять такую попытку; поэтому я преподнес ему такое предложение в качестве тайного дара. Мы вместе с ним поднялись по личному ходу понтифекса к вратам Вод. Мы стояли бок о бок совсем рядом с водами Глэйда и даже ощущали прохладный ветерок, который веет со стороны Замковой горы, и смотрели на сверкающие звезды.

— Я не бывал здесь более шести лет,— сказал понтифекс.

Он дрожал и, кажется, украдкой плакал под защитой своей маски. Ну а я тоже не видел звезд уже слишком долго и был почти столь же сильно растроган.

Он указал на одну из звезд и сказал, что вокруг нее вращается мир, с которого к нам прибыл народ гэйрогов, про другую сказал, что это звезда хьортов, про третью — едва различимую световую точку,— что это не что иное, как Солнце Старой Земли. В этом я, впрочем, усомнился, так как в школе мне показывали совсем другую звезду, но он так радовался, что я не мог решиться возразить ему.

А потом он повернулся ко мне, взял меня за руку и чуть слышно сказал:

— Калинтэйн, я верховный правитель всего этого колоссального мира, но на самом деле я ничто. Раб, заключенный. Я отдал бы все, чтобы удрать из Лабиринта и провести последние годы жизни на свободе, под звездами.

— Тогда почему бы вам не отречься от престола? — спросил я, сам изумившись своей смелости.

Он улыбнулся.

— Это было бы трусостью. Я избран Божеством, и как я могу отказаться от этого бремени? Я предназначен для того, чтобы до конца моих дней оставаться олицетворением Власти на Маджипуре. Но должен найтись какой-нибудь благородный способ освободиться от этого жалкого подземного существования.

И я увидел, что понтифекс отнюдь не был ни безумным, ни злым, ни капризным, а был просто одинок, так как ему пришлось отказаться от ночей, от гор, от лун, от деревьев, от рек его мира и возложить на себя бремя правления.

А затем, две недели назад, прибыло известие о том, что Хозяйка Острова, мать лорда Струина и наша общая мать, заболела и вряд ли уже поправится. Столь необычный кризис порождал серьезные конституционные проблемы, поскольку среди властителей Маджипура Повелительница Снов по своему рангу равна понтифексу и короналю и найти ей замену весьма сложно. Сам лорд Струин, как сообщали, уже ехал сюда с Замковой горы, чтобы обсудить с понтифексом свою предстоящую поездку на

Остров Сновидений, поскольку он, скорее всего, не смог бы успеть попасть туда вовремя, чтобы попрощаться с матерью.

Тем временем герцог Гуаделум, как верховный герольд понтифексата и высший сановник двора, начал составлять список кандидатов на этот пост, который следовало потом сравнить со списком лорда Струина, чтобы определить, окажутся ли в них одни и те же имена. Для выбора необходимо было провести совещание с понтифексом Ариоком, ну и все такое... и мы считали, что в его нынешнем расстроенном состоянии это пойдет ему на пользу, заставив глубже окунуться в вопросы управления империей. По крайней мере, согласно протоколу, умирающая Повелительница была его женой, поскольку по формальным требованиям нашего закона о наследовании он назвал лорда Струина своим сыном, выбрав его в качестве короналя. Конечно, Хозяйка Острова Сна имела собственного законного мужа, который жил где-нибудь в Горном замке, но тебе нет нужды объяснять соотношение бытовых законов и освященного традицией права... Гуаделум сообщил понтифексу о приближающейся кончине Повелительницы Снов, и началась череда правительственных совещаний. Я не принимал в них участия, так как нахожусь на слишком низком уровне полномочий и ответственности.

И, поскольку мы рассчитывали, что серьезность ситуации должна была заставить Ариока вести себя более благоразумно, то, боюсь, мы, по крайней мере подсознательно, ослабили бдительность. И той же ночью, когда известие о смерти Повелительницы достигло Лабиринта, понтифекс сбежал в одиночку — впервые с тех пор, как я был приставлен надзирать за ним. Он ускользнул от охранников, от меня, от всех своих слуг, скрылся в бесконечных переплетениях Лабиринта, и никто не смог его найти. Мы искали всю ночь и половину следующего дня. Меня терзали опасения как за его судьбу, так и за собственную карьеру. Предчувствуя дурное, я послал людей к каждому из семи входов Лабиринта, чтобы они обшарили раскинувшуюся наверху мрачную засушливую пустыню. Сам я побывал во всех притонах, которые показывал ему; где бродили люди Гуаделума, мне неизвестно, но повсюду мы старались скрыть от народа, что понтифекс пропал. Мне кажется, что с этой задачей нам справиться удалось.

Мы обнаружили его в тот же день, ближе к вечеру. Он оказался в некоем доме в районе, известном под названием Зубы

Стиамота в первом кольце Лабиринта, и был одет в женское платье. Мы могли бы вообще не найти его, если бы не ссора из-за неоплаченного счета, в которую пришлось вмешаться уличным прокторам. Когда же понтифекс не смог ясно назвать свое имя, да еще и услышав, как эта якобы женщина говорит мужским голосом, прокторы заподозрили неладное и у них хватило мозгов вызвать меня, ну а я поспешил взять его величество под свою опеку. У него был совершенно дурацкий вид в платье и браслетах, но он спокойно приветствовал меня, назвал по имени и выразил надежду, что не причинил мне слишком больших тревог. Он полностью владел собой и держал себя совершенно разумно.

Я ожидал, что Гуаделум разжалует меня. Но герцог не был настроен карать; вернее, он слишком сильно увяз в главном кризисе, чтобы придать значение моему промаху, так что он вообще ничего не сказал по поводу того, что я позволил понтифексу выйти из спальни.

— Утром прибыл лорд Струин,— сказал Гуаделум; у него был встревоженный и усталый вид.— Естественно, он захотел сразу же встретиться с понтифексом, но мы сказали ему, что Ариок спит и не стоит его тревожить. Именно поэтому половина моих людей бросились разыскивать его. Мне больно лгать короналю, Калинтэйн.

— Но сейчас понтифекс на самом деле спит в своих покоях,— ответил я.

— Прекрасно. И, думаю, там он и останется.

— Я приложу все возможные усилия для того, чтобы так оно и было.

— Вовсе не это меня заботит,— произнес Гуаделум.— Совершенно ясно, что понтифекс Ариок не в своем уме. Выползти через заднее окно прачечной, пробираться по городу в женском наряде — это выходит за пределы простой оригинальности, Калинтэйн. Как только мы покончим с выбором новой Хозяйки Острова Сна, я намерен предложить для его же собственной безопасности постоянно держать понтифекса в личных покоях под сильной охраной и передать обязанности регенту. Такой прецедент существует. Я изучил хроники. Когда Бархольд был понтифексом, он заболел болотной лихорадкой, и это сказалось на его разуме...

— Господин,— возразил я,— я не считаю, что понтифекс безумен.

Гуаделум нахмурился.

— Но как еще можно объяснить все его поступки?

— Это поступки человека, которому пришлось слишком долго быть правителем, отчего его душа возмутилась против всего, что он вынужден в связи с этим переносить. Но я пришел к убеждению, что знаю его достаточно хорошо, и рискну заявить: все, что проявляется через эти эскапады, можно назвать душевными муками, но вовсе не безумием.

Это была выразительная речь и, должен сказать, весьма смелая, так как я всего лишь мелкий советник, а Гуаделум был в тот момент третьей из влиятельнейших персон в империи, уступая только Ариоку и лорду Струину. Но бывает время, когда нужно отложить в сторону и дипломатию, и амбицию, и хитрость и просто говорить чистую правду. К тому же сама мысль о том, что несчастный понтифекс окажется взаперти, подобно обычному сумасшедшему, когда он и так уже испытывает нестерпимые страдания от заточения в Лабиринте, казалась мне страшной. Гуаделум долго молчал, и предполагаю, что мне следовало испугаться и подумать о том, ждет ли меня полное увольнение со службы или же просто ссылка в департамент текущей почты, где я буду обречен провести остаток жизни за перекладыванием бумаг, но я, ожидая его ответа, был спокоен, совершенно спокоен.

А затем в дверь постучали: прибыл посыльный с письмом, запечатанным большим оттиском Горящей Звезды — личной печатью короналя. Герцог Гуаделум разорвал пакет, прочел письмо, затем перечитал его во второй, в третий раз... Я никогда еще не видел выражения такого недоверия и ужаса на лице человека. Его руки затряслись, а кожа стала пепельно-серой. Потом он поднял на меня взгляд и сдавленным голосом произнес:

— Тут кораль собственноручно сообщает мне, что понтифекс покинул свои покои и ушел на площадь Масок, где обнародовал декрет столь ошеломляющего содержания, что я не в силах произнести эти слова вслух.— Он протянул мне бумагу.— Вперед,— приказал он,— думаю, что нам следует поспешить на площадь Масок.

С этими словами он выбежал за дверь, а я, естественно, последовал за ним, отчаянно стараясь на бегу прочесть письмо.

Но почерк лорда Струина очень неразборчив, к тому же Гуаделум несся с феноменальной скоростью, а коридоры, которые казались в тот день особенно извилистыми, были плохо освещены. Так что я смог выхватить из текста лишь несколько отдельных фраз и понял, что речь идет о провозглашении новой Хозяйки Острова Сна и об отречении. А кто же мог отречься, кроме самого понтифекса Ариока? Но ведь он же сам говорил мне, причем совершенно искренне, я был несокрушимо уверен в этом, что попытка уклониться от предназначения, которое сделало его одним из Великих Властителей, было бы трусостью.

Хватая ртом воздух, я добежал до площади Масок. Эта часть Лабиринта обычно производит на меня угнетающее впечатление: огромные головы с узкоглазыми лицами, возвышающиеся на сверкающих мраморных постаментах, кажутся мне воплощением кошмара. Шаги Гуаделума гремели по каменному полу, а мои отдавались эхом далеко позади, поскольку, хотя он был более чем вдвое старше меня, но летел вперед, словно крылатый демон. Впереди я слышал крики, смех, аплодисменты. А затем я увидел толпу из примерно полутора сотен граждан, среди которых узнал нескольких министров понтифексата. Гуаделум и я следом за ним врезались в толпу и остановились, только увидев фигуры в зеленой с золотом униформе — цветах людей короналя,— а потом и самого короналя. Лорд Струин казался одновременно разъяренным и ошеломленным; похоже, он находился в состоянии шока.

— Он не желает успокоиться,— хрипло сказал кораль.— Он переходит из зала в зал, повторяя свое провозглашение. Слушайте: он начинает снова!

И тут я увидел понтифекса Ариока во главе группы его служителей. Он восседал на плечах колоссального скандара. Его величество был одет в свободные белые одежды, похожие на женские, с роскошной парчовой каймой, а на груди у него красовался сверкающий алый драгоценный камень невообразимой величины.

— Учитывая, что среди властителей Маджипура возникла пустота,— кричал понтифекс на удивление мощным голосом, делая паузы в самых неожиданных местах,— и принимая во внимание необходимость назначения новой Хозяйки Острова Сна! Да будет провозглашена она безотлагательно! Чтобы могла она править в душах людей! Появляясь в их сновидениях, дабы оказывать помощь и даровать покой! И! Принимая во внимание,

что! Это мое искреннейшее желание! Сложить с себя бремя понтифексата, которое я нес на протяжении двенадцати лет! Потому! Я делаю это здесь и сейчас! Используя высочайшую власть, находящуюся в моем распоряжении! Объявляю настоящим, что с сего момента я числюсь лицом женского пола! И как понтифекс я объявляю Хозяйкой Острова женщину Ариок, бывшую прежде мужчиной!

— Безумие,— пробормотал герцог Гуаделум.

— Я слышу это уже в третий раз и тем не менее не могу поверить! — воскликнул лорд Струин.

— И одновременно отказываюсь от принадлежащего мне трона понтифекса! И призовите обитателей Лабиринта! Подать колесницу для Повелительницы Ариок! Доставить ее в порт Стойен! А оттуда на Остров Сна, дабы могла она даровать всем вам необходимое утешение!

И в этот момент Ариок повернулся лицом ко мне, и его глаза на мгновение встретились с моим взглядом. Щеки у него были красными от волнения, а на лбу поблескивали бисеринки пота. Он узнал меня, улыбнулся и подмигнул, совершенно явно подмигнул, подмигнул радостно, подмигнул торжествующе!.. А уже в следующую секунду его унесли прочь.

— Это необходимо прекратить,— сказал Гуаделум.

Лорд Струин покачал головой.

— Слышите, как его приветствуют? Они довольны! По мере того как он переходит с уровня на уровень, толпа становится все больше. Они вынесут его наверх, к вратам Лезвий, и оттуда — еще до исхода дня — на стойенскую дорогу.

— Вы — корональ! — повернулся к нему Гуаделум.— Так неужели вы не в состоянии что-либо сделать?

— Отменить указ понтифекса, любую волю которого я поклялся исполнять? Отважиться на измену перед лицом сотен свидетелей? Нет, нет, нет, Гуаделум! Что сделано, то сделано, и, каким бы нелепым ни был этот поступок, мы должны смириться с ним.

— Да здравствует Повелительница Ариок! — взревел неподалеку оглушительный бас.

— Слава! Да здравствует Повелительница Ариок! Слава! Да здравствует!..

Не веря своим глазам, я смотрел, как процессия выходила с площади Масок, направляясь в зал Ветров или двор Пирамид.

Мы — Гуаделум, корональ и я — не пошли следом. Оцепеневшие, молчаливые, мы провожали взглядами кричавший, размахивавший руками народ. Я был смущен тем, что нахожусь рядом с величайшими людьми нашего царства при этих до оскорбительности невероятных событиях. Все это было абсурдом, фантастикой — и это отречение, и это назначение Повелительницы, и они, казалось, не в силах были перенести подобное.

Первым заговорил Гуаделум.

— Если вы, лорд Струин, принимаете это отречение как законное,— задумчиво сказал он,— то вы уже не являетесь короналем и должны приготовиться к тому, чтобы остаться здесь, в Лабиринте, поскольку теперь вы — наш понтифекс.

Эти слова поразили лорда Струина, как удар молнии. В безумии всего происходившего он, очевидно, вовсе и не подумал о самом первом и очевидном последствии поступка Ариока.

Он открыл было рот, но не промолвил ни слова. Развел руками, как будто собирался сделать знак Горящей Звезды в свою честь, но я понял, что это всего лишь проявление замешательства. Я почувствовал озноб волнения и страха, поскольку оказаться свидетелем смены власти вовсе не пустяк; а сейчас я видел, что Струин совершенно не готов к этому. Лишиться всех радостей жизни на Замковой горе, сменить ее блестящие города и роскошные леса на мрачный Лабиринт, снять корону Горящей Звезды и надеть вместо нее диадему верховного правителя — нет, он не был готов к этому. По мере того как он осознавал реальное положение вещей, он становился бледным как полотно.

Моргая будто от яркого света, лорд Струин заговорил лишь после неимоверно растянувшейся паузы:

— Значит, так тому и быть. Я — понтифекс. И кто, я спрашиваю вас, должен стать короналем вместо меня?

Полагаю, это был риторический вопрос. Конечно, я не сказал ни слова. Герцог Гуаделум тоже промолчал.

— Кто должен стать короналем? — не сводя пронзительного взгляда с Гуаделума, яростно выкрикнул Струин.— Кто? Я вас спрашиваю!

Поверь мне, я ощущал себя совершенно раздавленным тем, что являюсь свидетелем событий, которые никогда не будут забыты, даже если наша цивилизация просуществует еще десять тысяч лет. Но на протяжении какого времени они все еще будут сказываться?! Гуаделум отступил на шаг; он что-то бормотал

трясущимися губами. И Ариок и лорд Струин были еще далеко не старыми людьми, и вопрос о преемственности власти пока что не обсуждался. А Гуаделум, хотя и обладал властью и величием, думаю, никогда не ожидал, что сможет достичь высот Замковой горы. Ну а если даже этому суждено случиться, то, конечно, не таким образом. Он разевал рот, словно громварк, которого за хвост вытащили из воды, и, как и Струин в первый момент, не мог сказать ни слова, так что я оказался первым, кто решился на какое-то действие. Я опустился на колено, сделал знак Горящей Звезды перед ним и крикнул не своим голосом:

— Гуаделум! Лорд Гуаделум! Славьте лорда Гуаделума! Да здравствует лорд Гуаделум!

Никогда больше мне не придется увидеть двоих людей, которые были бы настолько удивленными, настолько смущенными внезапно обрушившимися на них переменами, ибо бывший лорд Струин превратился теперь в понтифекса, а бывший герцог Гуаделум — в короналя. Лицо Струина было искажено гневом и болью, а лорд Гуаделум, казалось, с трудом держался на ногах от изумления.

Наступила новая долгая пауза.

Затем лорд Гуаделум произнес странно дрожащим голосом:

— Если я корональ, то традиция требует, чтобы моя мать была названа Хозяйкой Острова, не так ли?

— Какого возраста ваша мать? — спросил Струин.

— Очень старая. Можно сказать, древняя.

— Да. И не подготовленная к обязанностям, налагаемым пребыванием на Острове в качестве Хозяйки, и недостаточно сильная, чтобы исполнять их.

— Это так,— согласился лорд Гуаделум.

— Кроме того,— продолжал Струин,— на сегодня мы уже имеем новую Повелительницу, и не дело сразу же выбирать другую. Давайте посмотрим, хорошо ли Повелительница Ариок сможет устроиться во Внутреннем храме, прежде чем мы постараемся поместить на ее место кого-нибудь другого. Вы согласны?

— Безумие,— отозвался лорд Гуаделум.

— Конечно, безумие,— согласился понтифекс Струин.— Ну а сейчас отправимся к Повелительнице и позаботимся о ее переезде на Остров.

Я поднялся вместе с ними на верхний уровень Лабиринта, где мы обнаружили десять тысяч обитателей подземной столицы, приветствующих Ариока или Ариок, а он — или она — босиком и в роскошных одеждах уже приготовился взойти на колесницу, которая должна была доставить ее — или его — в порт Стойен. Протиснуться к Ариоку было невозможно: так плотно сгрудилась толпа.

— Безумие,— вновь и вновь повторял лорд Гуаделум.— Безумие, безумие!

Но я-то знал, что это не так, поскольку видел, что Ариок подмигнул, и хорошо понял, что он желал мне сообщить. Это не было безумием ни в малейшей степени. Понтифекс Ариок нашел возможность исполнить свое глубочайшее желание — выбраться из Лабиринта. Будущие поколения, я уверен, будут думать о нем как об олицетворении сумасбродства, а может быть, назовут сумасшедшим, но мне известно, что он был совершенно нормален — этот человек, для которого корона стала чрезмерно тяжким бременем, но которому честь не позволяла просто отречься от нее и сменить власть на тихую частную жизнь.

И вот после вчерашних странных событий власть на Маджипуре полностью сменилась и мы имеем новых понтифекса, короналя и Повелительницу. Теперь, моя дорогая Силимур, ты, конечно, понимаешь, что произошло в нашем мире.

Калинтэйн умолк и сделал большой глоток вина. Силимур смотрела на него с выражением, в котором, как ему показалось, смешались жалость, презрение и симпатия.

— Вы похожи на маленьких детей,— наконец сказала она,— с вашими титулами, королевскими дворами и узами чести. Однако я, кажется, понимаю, что ты испытал и насколько это могло встревожить тебя.

— Есть еще одна мелочь,— заметил Калинтэйн.

— И какая же?

— Корональ лорд Гуаделум, прежде чем удалиться к себе и там наедине с собой осознать наконец все эти перемены, назначил меня своим канцлером. На следующей неделе он уедет в Горный замок. И я, естественно, должен уехать вместе с ним.

— Какая удача для тебя,— холодно отозвалась Силимур.

— И поэтому я прошу тебя разделить со мной жизнь в Замке,— тщательно подбирая слова, закончил он.

Ее великолепные бирюзовые глаза обдали его холодом.

— Я родилась в Лабиринте,— ответила она,— и всем сердцем люблю эту жизнь.

— Значит, таков твой ответ?

— Нет,— отрезала Силимур.— Ты получишь ответ позже. Мне, как и твоему понтифексу и твоему короналю, требуется время, чтобы привыкнуть к большим переменам.

— Тогда это твой ответ?

— Позже,— повторила она, поблагодарила его за вино и за рассказ и удалилась, оставив одного за столом. Через несколько минут Калинтэйн тоже поднялся и отправился, словно призрак, блуждать по глубинам Лабиринта. Он был измотан свыше предела человеческих сил, и повсеместные взволнованные разговоры о том, что Ариок теперь стал Повелительницей, Струин — понтифексом, а Гуаделум — короналем, сливались в его ушах в однообразное жужжание роя насекомых. Потом он пришел к себе домой и попробовал уснуть, но сон не шел, и он углубился в мрачные раздумья о своей жизни, опасаясь, что вынужденный период разрыва с Силимур нанес губительный удар их любви и что, несмотря на явный намек на готовность принять его предложение, она все же откажет ему. К счастью, его пессимизм не оправдался. Ибо через день после разговора она прислала ему письмо, в котором говорила о своем согласии поехать с ним. Вместе с Калинтэйном она прибыла на свое новое место жительства в Замок, оставалась она рядом с ним и много лет спустя, когда он занял трон короналя, освобожденный лордом Гуаделумом. Его пребывание на этом престоле было недолгим, но счастливым. За время царствования он построил широкий тракт в районе вершины Замковой горы, который потом стал носить его имя, а когда в преклонном возрасте он вернулся в Лабиринт — уже как понтифекс, это не не стало для него потрясением, поскольку он полностью утратил способность к потрясениям в тот давний день, когда понтифекс Ариок провозгласил себя Хозяйкой Острова.

ЧАСТЬ 5

ПУСТЫНЯ УКРАДЕННЫХ СНОВ

Хиссун теперь видит, что, как это происходит в большинстве случаев, легенда об Ариоке вытеснила правду о нем, поскольку по прошествии веков Ариок кажется странной и гротескной фигурой, своего рода шутом на троне. А в действительности, если воспоминания лорда Калинтэйна чего-нибудь стоят, он был совсем не таким. Страдающий человек искал свободу и, для того чтобы получить ее, выбрал весьма диковинный способ. Нет, он ни в коей мере не был ни шутом, ни сумасшедшим. Хиссун сам находится в капкане Лабиринта и очень хочет дышать свежим воздухом просторов; он неожиданно обнаруживает в понтифексе Ариоке родственную душу — нечто вроде брата по духу, жившего несколько тысяч лет тому назад.

Долго после этого Хиссун не навещает Регистр памяти душ. Последствия его незаконных проникновений в прошлое оказались слишком мощными: в его мыслях расстроенными струнами перекликаются судьбы Тесме и Калинтэйна, Синнабора Лавона и капитана Эремойля; когда же все они принимаются напоминать о себе, он с трудом находит в себе Хиссуна, и это тревожит его. Кроме того, у него появляются и другие дела. После полутора лет возни с древними налоговыми отчетами и разного рода другими документами он уже вполне уверенно чувствует себя в Доме Записей, и его уже ожидает другое назначение: обзор распределения групп коренного населения на современном Маджипуре. Он знает, что у лорда Валентина были какие-то проблемы с метаморфами — что все события недавних лет, к которым он случайно оказался причастен, явились следствием заговора меняющих форму. В результате

этого заговора несколько лет назад корональ сверхъестественным образом оказался свергнутым с трона. Хиссун не забыл подслушанный во время посещения Замка разговор великих вельмож о плане лорда Валентина включить, если это вообще возможно, метаморфов в жизнь планеты. Вот почему Хиссун подозревает, что статистика, которую ему велели собрать, имеет какое-то отношение к великой стратегии короналя, и это приносит ему некоторое удовлетворение.

Это занятие дает ему также поводы для иронических улыбок, поскольку он достаточно проницателен, чтобы видеть, что происходит с уличным мальчишкой Хиссуном. Тот проворный и хитрый пострел, попавшийся на глаза короналю семь лет назад, стал теперь юным бюрократом — он изменился и стал покладистым, воспитанным и уравновешенным. Ну и пусть, думает он, никто не остается навсегда четырнадцатилетним: приходит время расстаться с улицей и стать полезным членом общества. Но и при этом он испытывает некоторое сожаление по поводу исчезновения того мальчишки, которым был. Проказливый характер прежнего Хиссуна по-прежнему проявляется — пусть не слишком часто, но достаточно сильно. Он ловит себя на непростых размышлениях о том, что собой представляет общественное устройство Маджипура, об органической взаимосвязи политических сил, о власти как ответственности, о том, что осознание взаимного долга объединяет все население планеты в гармонический союз. Четыре Великих Властителя: понтифекс, корональ, Хозяйка Острова, Король Снов... Хиссун недоумевает, как им всем вместе удается столь плодотворно работать. Даже в этом глубоко консервативном обществе, которое за тысячи лет претерпело так мало изменений, гармония отношений властей кажется удивительной, они являют собой баланс сил, которые поддерживаются не иначе, как божественным образом. Хиссун не получил никакого образования, рядом с ним нет никого, к кому он мог бы обратиться и задать все интересующие его вопросы; однако существует Регистр памяти душ, магически хранящий в застывшем на века состоянии всю кипучую жизнь Маджипура и готовый по команде высвободить глубоко скрытую жизненную энергию. И будет просто безумием не исследовать это море знаний. И потому Хиссун снова подделывает документы, снова ловко заговаривает зубы тупым смотрителям архива, снова нажимает кнопки. Но теперь он ищет не только развлечений и

радости обладания запретным плодом, но еще и понимания эволюции политических учреждений его планеты. Каким серьезным молодым человеком ты становишься, говорит он себе, в то время как перед его мысленным взором начинает мелькать многоцветие великолепных огней, а в его душе просыпается энергичная, сильная сущность другого человека, уже давно почившего, но тем не менее сохранившегося навеки.

Глава 1

Сувраэль простерся вдоль южного горизонта, словно раскаленный клинок огромного меча — пылающая унылым красным светом железная полоса, воздух над которой переливается от жара. Деккерет стоял на баке торгового судна, на котором совершил долгое и тоскливое плавание, и чувствовал, как учащается биение его пульса. Наконец-то Сувраэль! До этой кошмарной земли, этого континента... нет, мерзости, а не континента, этой бесполезной и жалкой части света оставалось всего лишь несколько дней пути, и кто знает, какие ужасы ждут его там? Но он был готов ко всему. Что ни делается, верил Деккерет, все к лучшему, будь то в Сувраэле или на Замковой горе. Этому высокому массивному человеку с короткой шеей и чрезвычайно широкими плечами было двадцать с небольшим лет. Шло второе лето великолепного правления лорда Престимиона в царствование великого понтифекса Конфалюма.

Путешествие Деккерета в огненные пределы бесплодного Сувраэля было актом покаяния. Во время охоты далеко на севере, у Граничий Кинтора, он совершил позорный поступок — конечно, не желая этого; он даже не сразу осознал свой позор — и считал необходимым принести нечто вроде искупительной жертвы. Он знал, что это в общем-то всего лишь пылкий романтический жест, но жест простительный. Если делать пылкие романтичные и яркие жесты не в двадцать лет, то когда? Ведь не через десять же или пятнадцать лет, когда он полностью окажется во власти своего предназначения, уютно устроится в нише неизбежной спокойной и легкой карьеры поблизости от лорда Престимиона. Или сейчас, или никогда. Ну а если так, значит — вперед, в Сувраэль, чтобы, не думая о последствиях, очистить там свою душу.

Акбалик, его друг, наставник и компаньон по охоте в Кинторе, оказался не в состоянии понять его. Но ведь Акбалик ни в коей мере не был романтиком и к тому же уже далеко перешагнул двадцатилетний рубеж. Однажды ночью, ранней весной, в затерявшейся где-то в горах таверне для простого люда Деккерет после нескольких бутылок золотого терпкого вина объявил о своем намерении. Акбалик в ответ разразился взрывом неудержимого хохота.

— Сувраэль?! — вскричал он.— Ты слишком строго судишь себя. Столь тяжкого греха, для искупления которого потребовалась бы прогулка в Сувраэль, просто не существует.

Ужаленный этим хохотом, оскорбленный снисходительным тоном Деккерет медленно покачал головой.

— Грех лежит на мне пятном. И с помощью солнца жарких стран я выжгу это пятно с моей души.

— Так соверши паломничество на Остров, если уж ты настолько уверен, что тебе необходимо что-то сделать. И пусть благословенная Повелительница излечит твой дух.

— Нет. Сувраэль.

— Но почему?

— Ради страдания,— объяснил Деккерет.— Удалиться как можно дальше от радостей Замковой горы, в наименее приятное место на Маджипуре, в мрачную пустыню со свирепыми опаляющими ветрами и неведомыми грозными опасностями. Умерщвлять плоть, Акбалик, и демонстрировать раскаяние. В качестве своего рода епитимьи подчинить себя неудобствам и даже боли — ты знаешь, что такое боль? — пока я не смогу простить себя. Теперь понятно?

Акбалик, усмехнувшись, зарыл пальцы в густой черный мех накидки Деккерета.

— Ладно. Но если умерщвлять, так уж умерщвлять по-настоящему. Я полагаю, что ты ни разу не снимешь эту штуку с плеч, пока будешь жариться под сувраэльским солнцем?

— Даже для моего стремления к неудобствам имеется предел,— хихикнул Деккерет и потянулся за вином. Акбалик был почти вдвое старше Деккерета и совершенно откровенно потешался над его серьезностью, как, впрочем, в определенной степени и сам Деккерет, что ни в коей мере эту серьезность не уменьшало.

— Наверное, мне все же следует еще раз попробовать отговорить тебя.

— Бессмысленно.

— Но ты только подумай, чего это будет тебе стоить? — заговорил Акбалик, как будто не обратил внимания на последнюю реплику собеседника.— Тебе следует позаботиться о своей карьере. В последнее время твое имя часто произносят в замке. Лорд Престимион о тебе очень высокого мнения: многообещающий молодой человек, блестящее будущее, великая сила характера, ну и так далее... Престимион молод, ему предстоит долгое правление, и те, кто, как и он, молод сейчас, в начале его царствования, будут подниматься по служебной лестнице рядом с ним. А ты, вместо того чтобы находиться при дворе, сидишь в глухом углу Кинтора и уже собираешься в другое, еще более бессмысленное путешествие. Выкинь из головы эти сувраэльские бредни, Деккерет, и возвращайся вместе со мной в Замок. Выполняй приказы короналя, доказывай сильным мира сего, что ты немало стоишь, и строй свое будущее. Сейчас на Маджипуре замечательные времена, и очень полезно находиться среди властей предержащих. Что, скажешь нет? Зачем ссылать себя в Сувраэль? Никто не знает о твоем грехе, этой мелкой ошибке провидения...

— Но я-то знаю.

— Тогда дай себе слово, что подобное не повторится, и покончи с этим.

— Это не так просто,— ответил Деккерет.

— Потратить год, а то и два своей жизни или, может быть, лишиться ее вообще ради бессмысленной, бесполезной поездки...

— Не бессмысленной. И не бесполезной.

— Это твое личное мнение.

— Вовсе нет, Акбалик. Я знаком со многими служащими понтифексата, и мне удалось получить официальное назначение. Я провожу расследование. Разве плохо звучит? Сувраэль не выполнил обязательства по поставкам мяса и домашнего скота, и понтифекс хочет узнать причину. Неплохо? Я продолжаю свою карьеру даже во время того, что тебе кажется моим совершенно частным приключением.

— Значит, ты уже принял меры?

— Я уезжаю в следующий Четвертый день,— Деккерет протянул своему другу руку через стол,— и буду отсутствовать, на-

верное, года два. Встретимся на Горе. Как ты относишься к идее игр в Горном Морпине? В Зимний день через два года?

Спокойный взгляд серых глаз Акбалика остановился на лице Деккерета.

— Я буду там,— медленно сказал он.— И прошу тебя тоже явиться на встречу.

Та беседа состоялась всего лишь несколько месяцев тому назад, но сейчас, когда Деккерет ощущал над бледно-зеленой водой Внутреннего моря пульсирующее жаркое дыхание южного континента, ему казалось, что она происходила невероятно давно и плавание тянется бесконечно долго. Первая часть поездки была довольно приятной: он спустился с гор в Ни-мойю, великую столицу Зимроэля, а оттуда доплыл на речном судне по Зимру до порта Пилиплок на восточном побережье. Там он пересел на грузовое судно — самый дешевый и неблагоустроенный транспорт,— направлявшееся в Толагай, город на дальней оконечности северного побережья Сувраэля, и они направились к югу... все плыли и плыли к югу... все лето к югу и к югу... Его крохотная каютка находилась с подветренной стороны и в ней скапливался, как ему казалось, весь запах от груза — сушеных детенышей морских драконов. А после того как судно пересекло тропик, дневная жара превратила путешествие в настоящую пытку; впрочем, и ночи были немногим лучше, а вся команда, состоявшая главным образом из мохнатых скандаров, смеялась над его страданиями и советовала наслаждаться прохладой, пока можно, потому что в Сувраэле он узнает, что такое настоящий зной. Ну что ж, он жаждал страданий, и его желание уже вполне начало сбываться, а впереди ждало худшее. Он не жаловался. И не испытывал ни малейшего сожаления. Но его благополучная жизнь среди молодых рыцарей Замковой горы не подготовила его ни к бессонным ночам, когда вонь мяса морского дракона режет ноздри, ни к удушающей жаре, которая навалилась на судно спустя несколько недель после выхода из Пилиплока, ни к всепоглощающей скуке, порожденной однообразным морским пейзажем. Планета была невероятно, невообразимо огромна; настолько огромна, что возникало ощущение тревоги. Чтобы попасть откуда-нибудь куда-нибудь, требовалась вечность. Взять даже переезд с его родного Алханроэля на западное побережье Зимроэля: от подножия Горы на речном судне до Алаизора, далее морем до Пилиплока, оттуда вверх по реке поближе к горным перевалам... Но тогда рядом с ним был Акбалик, в обществе которого время тянулось не так медленно, и было волнение первой серьезной поездки, непривычные новые места, новая пища, новые диалекты. А впереди ждала охотничья экспедиция. Но сейчас... Это заточение на борту грязного скрипучего судна, до последней щелочки пропитанного смрадом вяленого мяса... Эта бесконечная череда — нет, не череда, а замкнутый круг — пустых дней без друзей, без дел, без разговоров... Пусть бы хоть один чудовищный морской дракон оказался в поле зрения, думал он, и оживил бы поездку привкусом опасности; но нет, нет, драконы странствовали в других местах, одно большое стадо, как ему сказали, находилось сейчас где-то к западу от Нарабаля, а другое — на полпути между Пилиплоком и архипелагом Родамаунт, так что Деккерету не удалось увидеть ни одного из этих гигантов. Ощущение скуки тяготило еще больше оттого, что она, похоже, не имела ни малейшего очищающего значения. Да, он страдал, страдал по-настоящему, и именно страдание должно было, по его представлениям, исцелить его раны, но все же ощущение тяжести содеянного в горах, казалось, вовсе не ослабело. Ему было жарко, он томился от скуки и не находил себе места, а вина все так же бременем лежала на его душе, и он все так же ядовито смеялся над собой, вспоминая о том, как его не кто-нибудь, а сам корональ лорд Престимион похвалил за большую силу духа, тогда как сам он обнаруживал в себе только слабость, трусость и глупость. Пожалуй, одних только сырости, мерзкой вони и скуки для исцеления души недостаточно, решил Деккерет. Так или иначе, но путешествием в Сувраэль он уже насытился по горло и был готов перейти к следующему этапу своего паломничества в неизвестность.

Глава 2

Каждое путешествие, пусть даже оно кажется бесконечным, когда-нибудь завершается. Обжигающий ветер с юга усиливался с каждым днем, палуба раскалялась настолько, что по ней невозможно было пройти, и босоногие скандары каждый час поливали ее забортной водой. В какой-то момент пылавшая угрюмым жаром масса, закрывавшая горизонт, внезапно превратилась в

береговую линию, из которой выделились челюсти гавани. Они наконец достигли Толагая.

Весь Сувраэль находился в тропическом поясе. Бóльшую часть его территории занимала пустыня, раздавленная неимоверной тяжестью мертвенно застывшего гигантского столпа сухого воздуха. Но окраины континента были более или менее пригодны для жизни; там, на побережьях, располагались пять главных городов, самый большой из которых — Толагай — имел наиболее устойчивые торговые связи с остальной частью Маджипура. Когда судно вошло в просторную гавань, Деккерет был поражен открывшимся перед его глазами видом. За свою не слишком долгую жизнь он успел посетить многие гигантские города мирового значения — по меньшей мере дюжину из Пятидесяти Городов, прилепившихся к склонам Замковой горы, и многобашенный Алаизор, обдуваемый морскими ветрами, и изумлявшую разнообразием окруженную белой стеной просторную Ни-мойю, и великолепный Пилиплок, и многие другие,— но ни разу еще ему не приходилось бывать в столь непривлекательном и в то же время таинственном городе.

Толагай цеплялся словно краб за невысокий горный хребет, вытянувшийся вдоль моря. Дома в нем походили на плоские приземистые бруски из высушенного на солнце оранжевого кирпича-сырца с пустыми проемами вместо окон; возле этих строений лишь изредка встречалась чахлая растительность — как правило, редкие кривобокие пальмы с голыми стволами и крошечными перистыми коронами далеко вверху. В полдень улицы были почти пусты. Горячий ветер нес по растрескавшимся булыжникам мостовой мелкий песок. Город показался Деккерету похожим на мрачную тюрьму или военизированное поселение какой-то древней расы с авторитарным образом мышления. Зачем кому-то понадобилось строить столь отвратительный город? Несомненно, причина заключается в элементарном здравом расчете: столь уродливый облик обусловлен климатом этих мест. И все же, подумалось Деккерету, даже чрезмерная жара и засуха не могут служить оправданием уродливости архитектуры.

В своем счастливом неведении Деккерет предполагал, что сможет сразу же сойти на берег, но здесь простые решения не пользовались популярностью. Судно больше часа простояло на якоре, прежде чем на борт поднялись портовые чиновники — три мрачных хьорта. Началась долгая канитель с санитарным

осмотром, грузовыми декларациями, спорами по поводу величины портовой пошлины, и лишь после этого полтора десятка пассажиров получили разрешение покинуть судно. Носильщик-гэйрог подхватил багаж Деккерета и спросил, в какую гостиницу его доставить. Услышав, что приезжий не заказал номер в гостинице заранее, похожее на рептилию существо со стремительно мелькавшим раздвоенным языком и черными, корчившимися словно клубок змей волосами окинуло его ледяным насмешливым взглядом.

— А чем вы намерены платить? — прямо спросил гэйрог.— У вас есть деньги?

— Немного. Я смогу где-нибудь переночевать за три кроны?

— Не слишком роскошно. Получите соломенный тюфяк. И в придачу паразитов на стенах.

— Проводите меня,— решительно сказал Деккерет.

Будь гэйрог человеком, у него вытянулось бы лицо.

— Вам не понравится там, прекрасный господин. Вы производите впечатление владетельного лорда.

— Возможно. Но в кармане у меня кошелек бедняка. Я постараюсь ужиться с паразитами.

На самом деле гостиница оказалась не настолько плохой, как он опасался. Да, очень старая, запущенная, мрачная на вид. Но точно так же выглядели и все остальные дома, которые ему удалось увидеть, а отведенная ему комната казалась почти роскошной после каюты на судне. К тому же здесь не было вони мяса морских драконов; в воздухе стоял лишь всепроникающий сухой запах сувраэльского воздуха — наверное, нечто подобное вырывается из-под пробки фляги, пролежавшей запечатанной тысячу лет. Деккерет дал гэйрогу монету в полкроны, за что не получил никакой благодарности, и распаковал свои немногочисленные пожитки.

Ближе к вечеру Деккерет вышел на улицу. Изнуряющая жара нисколько не ослабела, но порывы обжигающего ветра стали менее жестокими, и людей на улицах значительно прибавилось. И все равно город казался мрачным. Это было самое подходящее место для покаяния. Он с ненавистью разглядывал пустоглазые кирпичные дома и окружающий пейзаж и тосковал по мягкому благоуханному воздуху своего родного города Норморка, стоявшего невысоко над основанием Замковой горы. Как, спрашивал он себя, кто-то мог захотеть жить здесь, имея возмож-

ность поселиться в куда более благоприятных условиях? Какая пустота или суровость души могла вынудить несколько миллионов его сограждан по собственной воле подвергаться ежедневному пожизненному бичеванию — ибо только с этим можно было сравнить жизнь на Сувраэле? Конторы представителей понтифексата располагались на большой пустынной площади, выходившей к гавани. Согласно полученным инструкциям, Деккерету следовало зайти туда. Несмотря на часовое опоздание, он обнаружил, что все конторы открыты — жители Толагая избегали палящего дневного зноя и отводили для дел вечернее время. Его попросили немного подождать в вестибюле, украшенном огромными керамическими портретами правящих монархов: понтифекса Конфалюма анфас, доброжелательно взиравшего на мир, но тем не менее исполненного неподдельного величия, и молодого короналя лорда Престимиона в профиль — со сверкающими умом и кипучей энергией глазами. Маджипуру повезло с правителями, подумал Деккерет.

Однажды, еще будучи мальчиком, он видел еще короналя Конфалюма с его двором в прекрасном городе Бомбифэйле, недалеко от вершины Горы, и тогда ему хотелось кричать от радости, которую он испытал при виде спокойной мощи этого человека. А спустя несколько лет лорд Конфалюм занял трон понтифекса и переехал в подземелья Лабиринта, сделав короналем Престимиона — человека совершенно иного склада, столь же внушительного на вид, но исполненного порыва, энергии и импульсивности. И когда лорд Престимион, совершая великое паломничество, проезжал через города Горы, он заметил в Норморке молодого Деккерета и по какой-то лишь ему одному известной причине — такие поступки вообще были ему свойственны — включил юношу в число рыцарей, проходивших обучение в Верхних Городах. Это случилось, казалось, целую эпоху тому назад: столько больших перемен произошло с тех пор в жизни Деккерета. В восемнадцать он позволил себе предаться фантазии о том, что когда-нибудь вступит на трон короналя... Но затем случилось это несчастье в горах Зимроэля, и вот теперь, чуть перевалив за двадцать, он оказался в этом сером городе унылого Сувраэля, мучается на жесткой скамье в пыльной конторе и чувствует, что впереди у него нет вообще никакого будущего, а всего лишь бесплодная череда бессмысленных лет, которую нужно будет избыть.

Появился жирный хьорт с кислым выражением лица.

— Архирежиманд Голатор Ласгия сейчас примет вас,— объявил он.

Титул прозвучал очень внушительно, но его обладателем оказалась стройная смуглокожая женщина немногим старше самого Деккерета. Стараясь сделать это незаметно, она окинула посетителя взглядом больших блестящих печальных глаз, небрежно приветствовала его жестом, положенным представителям понтифекса по протоколу, и взяла документ, удостоверявший его личность и полномочия.

— Посвященный Деккерет,— негромко прочла она вслух,— с заданием провести расследование по поручению суперстрата провинции Кинтор. Я не понимаю. Посвященный Деккерет... Вы на службе у понтифекса или у короналя?

— Я состою при лорде Престимионе,— чувствуя себя неловко, ответил Деккерет,— в очень низком ранге. Но как раз когда я находился в кинторской провинции, управлению понтифексата понадобились кое-какие сведения относительно Сувраэля. Когда же чиновники узнали, что я направляюсь именно туда, они попросили меня — как я понимаю, исключительно в интересах экономии — заняться этим делом, несмотря на то что я не являюсь служащим понтифекса. И...

Голатор Ласгия задумчиво разложила бумаги Деккерета на столе.

— Вы намеревались посетить Сувраэль? Могу ли я спросить зачем?

Деккерет вспыхнул.

— С вашего позволения, это сугубо личное дело.

Ответ, похоже, ее вполне удовлетворил.

— А какие же дела в Сувраэле могут представлять столь неотразимый интерес для моих братьев из кинторского понтифексата? Или, может быть, мое любопытство здесь тоже неуместно?

Деккерет почувствовал себя еще более неловко.

— Это связано с нарушением торгового баланса,— ответил он, с трудом заставляя себя встретиться с ее холодным, проницательным взглядом.— Кинтор — район промышленный, и он обменивает свои товары на домашний скот, выращиваемый в Сувраэле. В течение двух последних лет экспорт блавов и скакунов из Сувраэля устойчиво сокращался, и теперь ситуация сказывается на

экономике Кинтора. Промышленникам трудно так долго кредитовать Сувраэль.

— Все сказанное вами для меня не новость.

— Мне поручено осмотреть местные пастбища,— продолжал Деккерет,— и определить, можно ли в скором времени рассчитывать на увеличение поголовья скота.

— Могу я предложить вам вина? — неожиданно спросила Голатор Ласгия.

Деккерет, соблюдая правила приличия, выдержал паузу. Пока он колебался, женщина достала две фляги золотого, ловко сорвала печати с горлышек и подала одну ему. Он принял флягу с благодарной улыбкой. Вино было холодным, сладким, чуть игристым.

— Кинторское,— пояснила она.— Таким образом мы вносим свой вклад в торговый дефицит Сувраэля. Хочу вам сказать, посвященный Деккерет, причина неприятностей заключается в том, что в последний год понтифекса Пранкипина Сувраэль охватила страшная засуха. Вы можете спросить, как мы здесь определяем, засушливым или дождливым выдался год, но разница существует, посвященный, причем весьма существенная. И эта засуха поразила наши скотоводческие районы, лишив возможности прокормить животных. Поэтому нам пришлось забить столько скота, сколько мог принять рынок, а значительную часть уцелевших животных мы продали владельцам ферм в западном Зимроэле. Вскоре после того, как Конфалюм переселился в Лабиринт, вновь начались дожди, и в наших саваннах возродилась трава. Но на восстановление стад потребуется несколько лет. Поэтому торговый дисбаланс сохранится еще в течение некоторого времени, а затем все придет в норму.— Она улыбнулась без всякой теплоты.— Ну вот. Я избавила вас от неприятной и неинтересной поездки внутрь материка.

Деккерет покрылся обильным потом.

— Однако я должен сделать это, архирежиманд Голатор Ласгия.

— Вы не сможете узнать ничего, кроме того, что я только что вам рассказала.

— Я ни в коей мере не хочу выразить вам недоверие. Но я получил совершенно определенный приказ: увидеть все собственными глазами...

Она на секунду прикрыла глаза.

— Попасть в район пастбищ сейчас будет чрезвычайно трудно. Вам придется столкнуться с множеством неудобств, возможно, даже с серьезной опасностью для жизни. На вашем месте я осталась бы в Толагае, воспользовалась бы всеми доступными удовольствиями и разобралась бы со всеми личными делами, которые могли привести вас сюда, в Сувраэль. А потом, выждав должное время, написала бы отчет на основе материалов моей конторы и с чистой совестью отправилась обратно в Кинтор.

В душу Деккерета немедленно закрались подозрения. Та ветвь системы управления, которую представляла эта женщина, не всегда соглашалась сотрудничать с людьми короналя, а ее поведение недвусмысленно свидетельствовало о попытке скрыть нечто, происходившее в Сувраэле. И хотя его поручение было всего лишь предлогом для поездки сюда, а не основной задачей, следовало тем не менее помнить и о своей карьере. Позволь он архирежиманду понтифексата так легко обмануть себя — и ему придется всю жизнь терзаться по этому поводу. Он пожалел, что поддался соблазну выпить с ней вина, но, чтобы скрыть замешательство, позволил себе сделать несколько учтивых глотков, а потом, собравшись с мыслями, возразил:

— Мое понятие о чести не позволяет мне пойти таким простым путем.

— Сколько вам лет, посвященный Деккерет?

— Я родился в двенадцатом году лорда Конфалюма.

— Да, конечно, понятие о чести должно все еще тревожить вас. Давайте вместе посмотрим карту.— Женщина легко поднялась с места. Она оказалась выше, чем он ожидал, почти одного с ним роста, и казалась хрупкой. От темных, сильно вьющихся волос исходил удивительный аромат, перебивавший даже аромат крепкого вина. Голатор Ласгия прикоснулась к стене, и на ней появилась карта Сувраэля, вся в блестящих охристых и темно-рыжих пятнах.— Вот Толагай,— сказала она, ткнув пальцем в северо-западный угол континента.— А пастбища находятся вот тут.— Она провела рукой вдоль полосы, начинавшейся в шести или семи сотнях миль от побережья и описывавшей окружность вокруг пустыни в сердце Сувраэля.— От Толагая,— продолжала она,— к стране пастухов идут три главные дороги. Вот первая. В настоящее время она занесена песчаными бурями, и ни одно транспортное средство не сможет пробиться по ней. Вот второй маршрут; там у нас серьезные трудности с бандитами — меня-

ющими форму, и он тоже закрыт для путешественников. Третий путь проходит здесь, через Кулагский проход, но в последнее время этой дорогой пользовались мало, и до нее дотянулась рука большой пустыни. Видите, какие сложности вас ожидают?

— Но если основное дело Сувраэля — выращивание рогатого скота на экспорт,— со всей возможной мягкостью сказал Деккерет,— а все маршруты между скотоводческими районами и главным портом заблокированы, то верно ли будет говорить, что основной причиной недопоставок является плохое состояние пастбищ?

Она улыбнулась.

— Существуют и другие порты, из которых мы в таких случаях отправляем свою продукцию.

— Ну что ж, значит, из одного из них я найду прекрасную дорогу прямо в страну пастбищ?

Женщина снова постучала пальцем по карте.

— Начиная с прошлой зимы центром торговли рогатым скотом стал порт Нату-Горвину. Вот он, на востоке, напротив побережья Алханроэля, приблизительно в шести тысячах миль отсюда.

— Шесть тысяч...

— В торговле между Толагаем и Нату-Горвину нет, пожалуй, никакого смысла. Суда между этими портами ходят вряд ли чаще одного раза в год. А с сухопутным сообщением дело еще хуже: дороги от Толагая на восток доходят только до Кангиза,— она указала на город, расположенный примерно в тысяче миль,— а что там дальше, никто точно не знает. Сувраэль не слишком густонаселенный континент.

— Получается, что у меня нет никакой возможности попасть в Нату-Горвину? — спросил совершенно ошеломленный Деккерет.

— Одна есть. Доплыть на корабле от Толагая до Стойена на Алханроэле и от Стойена до Нату-Горвину. На это вам потребуется лишь немногим больше года. К тому времени, когда вы вернетесь на Сувраэль и попадете во внутренние районы, кризис, для расследования которого вы прибыли, скорее всего, благополучно закончится. Еще вина, посвященный Деккерет?

Он растерянно взял флягу. Названные расстояния просто ошеломили его. Еще одно ужасающее плавание через Внутреннее море, возвращение на родной Алханроэль только для того, чтобы развернуться и в третий раз пуститься в океан, доплыть до противоположной оконечности Сувраэля и, возможно, обнаружить, что проходы внутрь континента там тоже закрыты, и... Нет. Нет! Это уже не покаяние, а самоистязание. Лучше вообще отказаться от задания, чем совершать столь невероятные глупости.

Пока он сидел в раздумье, Голатор Ласгия решила сменить тему.

— Время уже позднее, а ваши проблемы требуют более подробного изучения. У вас есть какие-нибудь определенные планы насчет обеда, посвященный Деккерет?

В ее мрачных глазах внезапно заиграл хорошо знакомый ему озорной, лукавый огонек.

Глава 3

Находясь в обществе архирежиманда Голатор Ласгии, Деккерет обнаружил, что жизнь в Толагае не настолько сурова, как ему показалось на первый взгляд. В парящей лодке женщина доставила его в гостиницу — он не мог не заметить отвращения, появившегося на ее лице при виде его убогой обители,— и предложила ему отдохнуть, привести себя в порядок и ожидать ее через час. На город быстро опустились медно-красные сумерки, и через час небо стало совсем темным. Бархатную черноту прорезали лишь пунктирные изломанные контуры нескольких незнакомых Деккерету созвездий, да тонкие полумесяцы двух лун низко над горизонтом. Архирежиманд оказалась пунктуальной. Вместо строгой официальной туники на ней теперь было невероятно соблазнительное одеяние из полупрозрачной ткани, похожей на кисею. Деккерет был озадачен столь резкими переменами. Он действительно пользовался определенным успехом у женщин, но сегодня он, несомненно, не сделал и намека на то, что питает к Голатор Ласгии хоть какой-то интерес,— он проявлял лишь чисто формальное уважение. И все же она недвусмысленно демонстрировала намерение провести с ним ночь. Почему? Конечно же. не по причине его непревзойденной мудрости и физической привлекательности и не из-за политических выгод, которые могло бы предоставить более близкое знакомство с ним. Никакой разумной причины такого ее поведения он не находил. Кроме одной: молодая женщина прозябала в грязном заморском

городишке, среди тоскливой рутины, и тут внезапно появился юный незнакомец, способный предоставить ей приятное развлечение на ночь. Он чувствовал, что его используют, но тем не менее не видел в этом большой беды. А после долгих тоскливых месяцев, проведенных в море, был вполне готов пойти на небольшой риск ради удовольствия.

Они обедали в частном клубе где-то в предместьях города, в саду, изящно украшенном известными растениями-животными из Стойензара и другими чудесами растительного мира. Деккерет мысленно прикинул: на снабжение водой этого цветочного чуда должна была уходить изрядная часть скудного водного пайка Толагая. За другими столами, стоявшими на значительном расстоянии один от другого, сидели нарядно одетые сувраэльцы. Голатор Ласгия кивала то тому, то другому, но никто не подходил к ней и никто не кидал недовольных взоров на Деккерета. Из дома тянуло освежающим прохладным сквозняком — первый ветерок, который он почувствовал за несколько недель,— как будто там работала одна из удивительных древних машин, сродни тем механизмам, которые создали и поддерживали восхитительную атмосферу Замковой горы. Великолепный обед состоял из особым образом приготовленных чуть забродивших фруктов и нежных сочных кусков какой-то бледно-зеленоватой рыбы, к которым подали прекрасное сухое вино — амблеморнское, сделанное у подножия Замковой горы. Ни женщина, ни мужчина не ограничивали себя, и вскоре у обоих заблестели глаза и развязались языки; холодная официальность недавнего разговора в конторе была забыта. Он узнал, что она на девять лет старше него, что она уроженка окруженного пышными влажными джунглями Нарабаля, находящегося на западном континенте, что она поступила на службу в аппарат понтифекса еще совсем девочкой и провела в Сувраэле уже десять лет. Нынешний высокий пост в Толагае она заняла после вступления Конфалюма на трон понтифекса.

— И вам нравится здесь? — спросил он.

Она пожала плечами.

— Ко всему можно привыкнуть.

— Сомневаюсь, что мне это удалось бы. Для меня Сувраэль это просто место пытки, своего рода чистилище.

Голатор Ласгия кивнула.

— Совершенно верно.

Словно невидимая молния, сверкнув, соединила их взгляды. Деккерет не посмел уточнять подробности, но что-то подсказало ему, что у них в судьбах есть много общего.

Он снова наполнил бокалы, и понимающе улыбнулся.

— Так, значит, вы ищете здесь покаяния? — спросила она.

— Да.

Она сделала широкий жест рукой, указывая на ухоженный сад, на стол, уставленный пустыми флягами из-под вина и красивыми блюдами с остатками деликатесов.

— Тогда вы начали не с того конца.

— Моя госпожа, обед в вашем обществе никак не входил в мои планы.

— В мои тоже. Но Божество располагает, а нам остается повиноваться. Что? Скажете, не так? — Она склонилась поближе к нему.— И что вы собираетесь делать дальше? Отправиться в Нату-Горвину?

— Похоже, что это слишком сложно.

— Тогда поступите так, как я вам советовала. Оставайтесь в Толагае, пока вам не надоест, а потом вернетесь домой и подошьете свой доклад в нужную папку. А в Кинторе никто и никогда ничего не узнает.

— Нет. Я должен отправиться в глубь страны.

Она взглянула на него, не скрывая насмешки.

— Какая верность своим идеалам! Но как вы собираетесь это сделать? Дороги отсюда закрыты.

— Вы сказали, что путь через Кулагский проход редко используется. Но колдобины на дороге вовсе не так опасны, как смертоносные песчаные бури или нападения меняющих форму. Возможно, я смогу нанять проводника, который покажет мне эту дорогу.

— В пустыню?

— Раз уж это необходимо.

— В пустыне обитают призраки,— небрежно заметила Голатор Ласгия.— Вы должны выбросить эту идею из головы. Позовите официанта, пусть подаст еще вина.

— Мне кажется, моя госпожа, что я выпил уже достаточно.

— Ну что ж. Тогда пойдем куда-нибудь еще.

Выход из овеваемого свежим ветерком сада на заполненную сухим горячим воздухом ночную улицу был подобен удару, но они почти сразу же оказались в парящей лодке и вскоре прибы-

ли в другой сад, находившийся во внутреннем дворе официальной резиденции; посреди сада располагался бассейн. Здесь не было погодных машин, способных побороть жару, но архирежиманд знала и иной способ освежиться, она легко сбросила платье и шагнула к бассейну. Ее худощавое гибкое тело на мгновение блеснуло в свете звезд, а затем она почти без всплеска нырнула и скрылась под водой. Появившись на поверхности, она жестом поманила к себе Деккерета, и он не раздумывая присоединился к хозяйке.

А потом они в тесном объятии упали на постель из коротко подстриженной плотной травы. Их любовная игра была, возможно, больше похожа на борьбу: она сжимала его своими длинными мускулистыми ногами, пыталась удержать его руки, снова и снова, заливаясь смехом, перекатывалась вместе с ним по траве, и он был поражен силой ее тела, наигранной свирепостью ее движений. Но когда они в конце концов прильнули друг к другу, их действия стали обретать все больше и больше гармонии. В эту бессонную ночь они находили силы для все новых и новых слияний.

Рассвет оказался изумительным: солнце без всякого предуведомления взлетело в небо, залив окружающие холмы потоками обжигающего света.

Деккерет повернулся к женщине — в жестоком утреннем освещении она выглядела не столь юной, как при свете звезд.

— Расскажи мне об этой населенной призраками пустыне,— резко произнес он.— Каких таких духов мне предстоит там встретить?

— Как ты настойчив!

— Расскажи.

— Там обитают призраки, которые способны вторгаться в сны и похищать их. Они отнимают у души радость и вселяют на ее место страхи. Днем они поют вдали, сбивая путника с толку, уводя с дороги своей болтовней и музыкой.

— Предполагается, что я должен поверить этому?

— За последние годы многие из тех, кто попал в эту пустыню, погибли.

— Из-за призраков, ворующих сны?

— Так говорят.

— Значит, мне будет о чем рассказать, когда я вернусь на Замковую гору.

— Если вернешься,— поправила она.

— Но ты же говоришь, что погибали не все, кто попадал в эту пустыню. Ясно, что не все,— ведь должен же был кто-то вернуться, чтобы рассказать об этом. Значит, я найму проводника и попытаю счастья среди призраков.

— Никто не возьмется сопровождать тебя.

— Тогда я пойду один.

— И погибнешь наверняка.— Она погладила его мощные руки и издала невнятный мурлыкающий звук.— Неужели ты так стремишься к скорой смерти? Смерть не имеет никакой ценности. Она не приносит выгод. Какого бы покоя ты ни искал, это не покой могилы. Забудь о поездке в пустыню. Оставайся здесь, со мной.

— Мы поедем вместе.

— Ну уж нет,— рассмеялась она.

Деккерет понял, что это безумие. Он не верил в ее рассказы о призраках и похитителях снов; что бы ни происходило в пустыне Сувраэля, это наверняка было происками бунтующих аборигенов — меняющих форму. Хотя и в этом он сомневался. Возможно, все эти разговоры об опасности были лишь уловками, направленными на то, чтобы подольше задержать его в Толагае. Несомненно, это было лестно, но нисколько не помогало в поисках. И она была права насчет того, что смерть является совершенно бесполезной формой очищения. Если его приключениям в Сувраэле суждено иметь смысл, ему необходимо выжить.

Голатор Ласгия вскочила и потянула его за руку. Они поплавали в бассейне, а затем она провела его в дом, в самую красивую комнату, какую ему довелось видеть после отъезда с Замковой горы, и угостила завтраком из вяленой рыбы и фруктов. Спустя довольно долгое время женщина вдруг спросила:

— Ты действительно должен попасть в глубь материка?

— Туда меня ведет внутренняя потребность,— вновь ощутив ту же неловкость, что и накануне, пробормотал он.

— Очень хорошо. У нас в Толагае есть один негодяй, который частенько рискует ходить на внутренние земли через Кулагский проход,— по крайней мере, так он уверяет,— и, кажется, до сих пор жив и здоров. Ради кошелька с реалами он, без сомнения, согласится проводить тебя туда. Его зовут Барджазид. Если ты так настаиваешь, я вызову его и попрошу помочь тебе.

Глава 4

Слово «негодяй» казалось самым подходящим определением для Барджазида. Это был тощий маленький человечек крайне непрезентабельного вида, в потрепанной одежде коричневого цвета и поношенных кожаных сандалиях, с древним ожерельем из разнокалиберных костей морского дракона на шее. Губы у него были тонкими, на дочерна обожженном солнцем пустыни лице лихорадочным блеском сверкали глаза. Он глядел на Деккерета оценивающе, словно мысленно взвешивал содержимое его кошелька.

— Если я возьму вас с собой,— глухим, но все же довольно сильным голосом заговорил Барджазид,— вы сначала подпишете документ, освобождающий меня от любой ответственности перед вашими наследниками в случае вашей смерти.

— У меня нет никаких наследников,— ответил Деккерет.

— Тогда перед родственниками. Я не желаю, чтобы ваш отец или ваша старшая сестра потащили меня в суд понтифексата за то, что вы погибли в пустыне.

— А разве вы уже погибли в пустыне?

Барджазид выпучил глаза.

— Абсурдный вопрос.

— Вы ходите в эту пустыню,— настаивал Деккерет,— и возвращаетесь живым. Так? Если вы знаете свое дело, то вернетесь живым и на этот раз, а следовательно, и я тоже. Я буду делать то, что делаете вы, и пойду туда, куда решите пойти вы. Если вы уцелеете, то и я уцелею тоже. Если я погибну, то вместе с вами, и мое семейство не сможет предъявить вам никаких претензий.

— Я могу противостоять силе похитителей снов,— ответил Барджазид.— Я это точно знаю, так как прошел уже много серьезных испытаний. Откуда вы знаете, что вам удастся так же успешно устоять против них?

Деккерет подлил себе еще чаю, который заварил Барджазид,— густого настоя из листьев, собранных с мощного куста, выросшего где-то на склоне поросшего травой песчаного бархана, оставшегося от одного из былых наступлений пустыни. Двое мужчин сидели друг напротив друга, скрестив ноги, на куче грязных одеял в заросшем плесенью подвале магазина, принадлежащего сыну брата Барджазида; судя по всему, будущий проводник принадлежал к большому семейному клану. Деккерет задумчиво потягивал терпкий густой напиток.

— Кто такие похитители снов? — спросил он после долгой паузы.

— Точно не знаю.

— Может быть, меняющие форму?

Барджазид пожал плечами.

— Они не были столь любезны, чтобы сообщить мне свою родословную. Меняющие форму, гэйроги, врууны, люди... откуда мне знать? В сновидениях все голоса одинаковы. Конечно, в пустыне скрывается несколько племен меняющих форму, и некоторые из них причиняют нам большие неприятности. Возможно, наряду со способностью преобразовывать свои тела они обладают еще и умением проникать в сознание. А возможно, и нет.

— Если меняющие форму закрыли два из трех маршрутов, ведущих из Толагая в глубь страны, то, пожалуй, войскам короналя придется поработать.

— Это меня не касается.

— Меняющие форму — покоренная раса. Мы не должны позволять им нарушать обычный порядок жизни на Маджипуре.

— О том, что похитители снов относятся к метаморфам, заговорили вы,— язвительно заметил Барджазид.— Лично я не придерживаюсь такого мнения. И вообще, неважно, кто такие эти похитители снов. Важно то, что из-за них земли за Кулагским проходом стали опасными для путешественников.

— Тогда зачем вы туда ходите?

— Я не имею обыкновения отвечать на вопросы, которые начинаются со слова «зачем». Я хожу туда потому, что у меня есть для этого причины. Но в отличие от других я возвращаюсь живым.

— И что, каждый, кто пытается преодолеть этот проход, погибает?

— Я в этом сомневаюсь. А вообще-то, понятия не имею. Вне всякого сомнения, прежде чем о похитителях снов стало известно, погибли многие. Но и в лучшие времена пустыня была опасной.— Барджазид помешал ложечкой в чашке с чаем. Он, похоже, начал почему-то волноваться.— Если вы поедете со мной, то я постараюсь как можно лучше защищать вас. Но при этом никоим образом не гарантирую вашей безопасности. Именно по-

этому я требую, чтобы вы дали мне юридическое освобождение от ответственности.

— Написать такую бумагу,— возразил Деккерет,— это все равно, что подписать самому себе смертный приговор. Что в таком случае помешает вам прикончить меня, как только мы отойдем на десять миль от прохода, ограбить труп и свалить все на похитителей снов?

— Клянусь Повелительницей, я не убийца! И не вор!

— И все же бумага, в которой будет сказано, что, в случае моей смерти, вы не понесете никакой ответственности, может явиться чрезмерным соблазном даже для самого наичестнейшего человека. Разве я не прав?

В глазах Барджазида сверкнула ярость. Он взмахнул рукой, как будто хотел положить конец разговору.

— Что чрезмерно, так это ваша подозрительность! — воскликнул он, резко отодвинув чашку.— Если вы так боитесь меня, то найдите себе другого проводника.

Деккерет не двинулся с места.

— Прошу прощения за мои слова,— спокойно сказал он.— Но войдите в мое положение: приезжий молодой человек в отдаленной и опасной стране вынужден просить незнакомца помочь ему попасть в места, где, как всем известно, случаются невероятные вещи. Я должен быть осторожен.

— Тогда будьте по-настоящему осторожны. Садитесь на ближайшее судно, идущее в Стойен, и возвращайтесь к радостям жизни на Замковой горе.

— Я все-таки прошу вас взять меня с собой. За хорошую цену, но без каких-либо бумаг об отказе от ответственности за мою жизнь. Сколько вы хотите?

— Тридцать реалов,— заявил Барджазид.

Деккерет аж задохнулся от удивления. Плавание от Пилиплока до Толагая и то обошлось ему дешевле. Тридцать реалов! Человек, подобный Барджазиду, вряд ли мог заработать столько за целый год. Заплатить такую сумму Деккерет мог, только взяв деньги по аккредитиву. Первой мыслью было ответить благородным презрением и предложить десять, но он вовремя сообразил, что лишился права торговаться, настояв на отказе от письма, снимающего с проводника ответственность за его жизнь. Если он теперь станет спорить о цене, то Барджазид просто-напросто вообще откажется от переговоров.

Вот почему после минутного размышления он ответил:

— Значит, по рукам. Но никаких гарантийных писем.

Барджазид поднял на него кислый взгляд.

— Ладно. Раз вы так настаиваете, то обойдемся без писем.

— Как мы будем расплачиваться?

— Половина сейчас, а вторая половина утром в день отъезда.

— Десять сейчас,— возразил Деккерет,— десять утром в день отъезда и еще десять в день моего возвращения в Толагай.

— В таком случае треть той платы, которую я получаю за свои услуги, будет зависеть от того, уцелеете вы или нет. Не забудьте, что я не гарантировал вам этого.

— А вдруг вероятность моего выживания станет выше, если я отложу последнюю треть вознаграждения до возвращения?

— Все рыцари короналя отличаются надменностью, и люди, как правило, до поры до времени не обращают на нее внимания. Но мне кажется, что вы хватили через край.— Барджазид снова взмахнул рукой, как отрезал.— Мы слишком мало доверяем друг другу. Так что путешествовать вместе нам будет очень трудно.

— Я не хотел вас обидеть,— сказал Деккерет.

— Но тем не менее вы желаете, чтобы я положился на милость ваших родственников в том случае, если вы погибнете, а сами, похоже, видите во мне обычного головореза или в лучшем случае грабителя и считаете необходимым организовать порядок расчета со мной так, чтобы у меня было как можно меньше побуждений убить.— Барджазид сплюнул.— Второе лицо надменности — это любезность, молодой рыцарь. Скандар — охотник на морских драконов и тот обращался бы со мной более любезно. И я не искал службы у вас, имейте это в виду. И не стану унижаться ради того, чтобы помочь вам. Если вам будет угодно...

— Подождите.

— У меня есть и другие дела сегодня утром.

— Пятнадцать реалов сейчас,— сказал Деккерет,— и еще пятнадцать, когда мы выйдем в путь, как вы хотели. Идет?

— Невзирая на опасения, что я прикончу вас в пустыне?

— Я держался с излишней подозрительностью, чтобы не показаться чересчур наивным. Мое поведение было бестактным. Я согласен нанять вас проводником на ваших условиях.

Барджазид промолчал.

Деккерет вынул из кошелька три пятиреаловые монеты. Две — старой чеканки, с изображением понтифекса Пранкипина и лорда Конфалюма. Третья была совершенно новенькой, свежеотчеканенной, и на ней Конфалюм выступал уже в качестве понтифекса, а обратную сторону украшал портрет лорда Престимиона. Барджазид с большим любопытством осмотрел новую монету.

— Я еще не видел таких,— сказал он.— Может быть, позвать моего племянника, чтобы он проверил, настоящая ли она?

— Ну это уж слишком! Вы что, принимаете меня за фальшивомонетчика? — взревел Деккерет, вскочив на ноги и угрожающе наклонившись над маленьким человечком. В висках стучало от ярости, и он был готов ударить Барджазида.

Но сразу же почувствовал, что тот не испугался. Барджазид не пошевелился, нет, он даже улыбнулся и взял две оставшиеся монеты из дрожавшей от ярости руки Деккерета.

— Значит, вам тоже не слишком нравятся необоснованные обвинения, а, молодой рыцарь? — рассмеялся Барджазид.— Тогда давайте договоримся. Вы не будете думать, что я убью вас, как только мы выйдем из Кулагского прохода, а я не стану проверять ваши монеты у менялы. Как? Согласны?

Деккерет устало кивнул.

— И все равно это опасная поездка,— продолжал Барджазид,— и я не стану заверять вас в ее благополучном исходе. Когда наступит время испытаний, многое будет зависеть от вашей силы духа.

— Значит, так тому и быть. Когда мы отправимся?

— В Пятый день, на закате. Мы выйдем из города через врата Пинитора. Вы знаете это место?

— Найду,— ответил Деккерет.— Что ж, в Пятый день на закате.— Он протянул руку маленькому человечку.

Глава 5

До Пятого дня оставалось еще трое суток. Но Деккерет не сожалел о задержке, поскольку она подарила ему еще три ночи с Голатор Ласгией. По крайней мере, он на это надеялся, но на деле случилось по-другому. Вечером после встречи с Барджазидом Деккерет не застал архирежиманда в конторе возле гавани, а ее помощники отказались принять от него письмо для своей начальницы. Пока не стемнело, он грустно бродил по жаркому

городу, так и не встретив никого, с кем можно было бы поговорить, и в конце концов съел на ужин в своей гостинице что-то серое, по вкусу напоминающее песок, все еще продолжая надеяться, что Голатор Ласгия вдруг чудесным образом появится и уведет его с собой. Но она не ответила на его безмолвный призыв. Он забылся чутким, тревожным сном и, часто просыпаясь, вспоминал о ее гладкой коже, ее маленьких твердых грудях, ее голодном, жадном, ищущем рте. Ближе к утру его посетило сновидение, в котором она, Барджазид и несколько хьортов и вруунов исполняли какой-то сложный танец в полуразрушенном, без крыши, здании среди песков, а потом видения покинули его, и он крепко проспал до полудня Лунного дня. Город в это время казался полностью вымершим, но когда свечерело и стало прохладнее, он снова пошел в контору архирежиманда, снова не застал ее и снова провел вечер точно так же бестолково, как и накануне. Укладываясь спать, он пылко обратился к Хозяйке Острова, умоляя, чтобы она прислала к нему Голатор Ласгию. Но исполнение таких пожеланий вовсе не входило в функции Повелительницы Снов, и все, что он получил этой ночью, это спокойное и приятное сновидение. Возможно, то было послание благословенной Повелительницы, но возможно, и нет: он видел себя в соломенной хижине на берегу Великого океана возле Тилломона, поедающим сладкие лиловые плоды, сок которых окрашивал щеки. Проснувшись, он обнаружил у дверей своей комнаты хьорта, одного из служащих архирежиманда, который передал приглашение от Голатор Ласгии. Тем вечером они пообедали вместе, а поздно ночью отправились к ней и там предавались любви с такой страстью, что их первая встреча могла бы показаться воплощением целомудрия. Деккерет не стал спрашивать ее, почему она отказывался от встреч в две минувшие ночи, но во время завтрака — они сидели на мягкой шкуре гихорна, запивая золотистым вином изысканные кушанья, оба энергичные и свежие, хотя ни на минуту не сомкнули глаз,— она сказала:

— Жаль, что я не смогла провести с тобой больше времени на этой неделе, но нам, по крайней мере, удалось разделить твою последнюю ночь. Теперь ты уйдешь в пустыню Украденных Снов со вкусом моего тела на губах. Удалось мне заставить тебя забыть всех других женщин?

— Ты сама знаешь ответ.

— Хорошо. Прекрасно. Тебе никогда больше не придется обнять женщину; но последняя оказалась лучшей из всех. Немногим, согласись, так везет.

— Выходит, ты настолько уверена, что я погибну в пустыне?

— Оттуда возвращались единицы. Шансов за то, что я вновь увижу тебя, очень мало.

Деккерет чуть заметно вздрогнул — не от страха, а оттого, что разгадал мотивы поведения Голатор Ласгии. Какое-то болезненное свойство души, очевидно, вынудило ее проявлять к нему пренебрежение в течение двух суток, чтобы на третью ночь оба смогли проявить больше пыла, так как она была уверена, что вскоре он погибнет, и, видимо, испытывала особое удовольствие от сознания того, что станет его последней женщиной. Это соображение несколько охладило его. Если уж ему предстояло вскоре умереть, то ему было бы куда приятнее, если бы он провел с ней на две ночи больше, но судя по всему, изящество мысленных построений этой женщины не позволяло ей опускаться до столь примитивных понятий. Он изысканнейшим образом распрощался с нею, не зная, встретятся ли они снова, не зная даже, желает ли этого сам, несмотря на всю ее красоту и искушенность в науке страсти нежной. Слишком много таинственных и опасных капризов дремало в этой женщине, ожидая своего часа.

Незадолго до заката Деккерет явился к вратам Пинитора на юго-восточной окраине города. Его нисколько не удивило бы, если бы Барджазид нарушил свое обещание; но нет, парящая лодка ожидала сразу же за изъеденной временем и ветрами песчаниковой аркой старинных ворот, а человечек стоял, прислонившись к боку машины. С ним были три спутника: вруун, скандар и стройный молодой человек с жестким взглядом — вероятно, сын Барджазида.

Барджазид чуть заметно кивнул, и гигантский четверорукий скандар схватил два объемистых мешка, которые принес с собой Деккерет, и небрежным движением закинул их в багажник машины.

— Ее зовут Хаймак Гран,— сказал Барджазид,— она не может говорить, но весьма неглупа. Она служит мне уже много лет, с тех пор как я нашел ее почти что мертвую, онемевшую в пустыне. Вруун — Серифэйн Рейнаулион. Он частенько слишком много болтает, зато знает пустынные тропы лучше, чем любой другой житель этого города.— Деккерет небрежно махнул рукой маленькому многоногому существу.— С нами будет также мой сын Динитак,— закончил представление Барджазид.— Вы хорошо отдохнули, посвященный?

— Вполне,— ответил Деккерет, после бурной ночи проспавший бóльшую часть дня.

— Мы передвигаемся главным образом по ночам, а в жаркое время дня разбиваем лагерь. Насколько я понимаю, мне следует провести вас Кулагским проходом и через необитаемую область, известную как пустыня Украденных Снов, в пастбищный район вокруг Гизин-Кор, где вы зададите скотоводам интересующие вас вопросы. А затем обратно в Толагай. Я ничего не забыл?

— Все совершенно верно,— сказал Деккерет.

Барджазид стоял неподвижно, словно и не собирался садиться в парящую лодку. Деккерет нахмурился было, но сразу же сообразил, в чем дело. Он вынул из кошелька еще три пятиреаловые монеты — как и в первый раз, две отчеканенные при Пранкипине и третью, сияющую монету лорда Престимиона. Он вручил их Барджазиду, а тот щелчком подбросил вверх новую монету и перебросил ее сыну. Юноша подозрительно взглянул на яркую монету.

— Это новый корональ,— пояснил Барджазид.— Присмотрись к его лицу. Нам придется часто его видеть.

— Ему предстоит великолепное царствование,— сказал Деккерет.— Он превзойдет величием даже лорда Конфалюма. Волна нового процветания уже начала распространяться по северным континентам, а они и прежде совсем не бедствовали. Лорд Престимион — энергичный и решительный человек, имеющий честолюбивые планы.

Барджазид пожал плечами.

— События на северных континентах нас почти не затрагивают, и, в общем-то, процветание Алханроэля или Зимроэля вряд ли хоть как-то отзовется на Субраэле. Но мы рады, что Божество благословило нас еще одним великолепным короналем. Может быть, он когда-нибудь случайно вспомнит, что существует еще и южная земля, на которой тоже живут его подданные. Ну а теперь пора в путь.

Глава 6

Врата Пинитора обозначали четкую границу между городом и пустыней. С одной стороны раскинулся район приземистых, безликих, обнесенных стенами вилл, а с другой — за пределами городского периметра — лежала одна лишь бесплодная пустошь. Ничто не нарушало впечатление безжизненности равнины, кроме полосы широкого мощеного тракта, глубоко врезавшегося в неровности местности. Дорога, словно рана, медленно ползла вверх, к гребню горного хребта, окружавшего Толагай.

Жара стояла невыносимая. Ночью в пустыне было заметно холоднее, чем днем, но палящий зной по-прежнему ощущался. Хотя огромный сверкающий глаз солнца скрылся за горизонт, оранжевые пески излучали накопленное за день тепло, и воздух над ними мерцал и, казалось, шипел, словно тлеющие угли в камине. Дул сильный ветер; Деккерет заметил, что с наступлением темноты его направление изменилось на противоположное, и теперь он дул из сердца континента в сторону моря, но разницы при этом не было никакой: что береговой ветер, что морской бриз — оба были одинаково иссушающими и не знали никакой пощады.

В ясной атмосфере пустыни свет звезд и лун казался необыкновенно ярким, а помимо них можно было заметить еще и жар, исходящий от земли,— странное призрачное зеленоватое сияние, неровно разбросанными пятнами истекавшее от откосов вдоль обочин тракта. Деккерет спросил, что это такое.

— *Растения,— объяснил вруун.— Они испускают в темноте* свет. Прикосновение к такому растению всегда очень болезненно, а зачастую бывает даже смертельным.

— Как я смогу узнать их при дневном свете?

— Они растут в расселинах скал и похожи на пучки измятой проволоки. Не все растения, которые так выглядят, опасны, но вы поступите правильно, если будете держаться подальше от любого из них.

— А также и любого другого,— вмешался в разговор Барджазид.— В этой пустыне растения хорошо защищаются, и порой самым удивительными способами. Даже наш собственный сад и то каждый год преподносит нам какой-нибудь новый неприятный сюрприз.

Деккерет кивнул. Он, конечно, не собирался прогуливаться в этих местах, но если уж ему вдруг пришлось бы так поступить, то следовало принять за правило ни к чему не прикасаться.

Старая парящая лодка на протяжении всей жаркой ночи медленно, с трудом, но без остановок ползла вверх по крутой дороге. Пассажиры мало разговаривали между собой. Женщина-скандар сидела за рулем, вруун Серифэйн Рейнаулион устроился рядом с нею и иногда делал замечания по поводу состояния дороги; двое Барджазидов молча расположились на заднем сиденье, предоставив Деккерету возможность с возрастающей тревогой рассматривать адский пейзаж. Беспощадный молот солнца измял, изувечил, исковеркал землю. Вся влага, которую принесла сюда зима, давно улетучилась, оставив в почве корявые трещины. Поверхность земли была вся рябая — это ветер непрерывно драл ее струями песка,— а редкие низкие и чахлые растения, несмотря на множество разновидностей, все казались кривобокими, замученными, скрюченными и узловатыми. К жаре Деккерет начал постепенно привыкать: она просто облекала, подобно коже, и спустя некоторое время любой человек мог смириться с этим. Но напоминающее о смерти уродство всего, что он созерцал, сухое, равнодушное однообразие окружающего пейзажа смущали его душу. Пейзаж, вызывавший ненависть, явился для него совершенно новым явлением, существования которого он до сих пор даже не мог себе вообразить. Везде, где только ему приходилось бывать на Маджипуре, он видел только красоту. Он думал о своем родном городе Норморке с его извилистыми бульварами, прекрасной каменной стеной и нежным полуночным дождем. Вспоминал гигантский город Сти, расположенный чуть выше по склону Горы, где он как-то раз шел на рассвете через сад с деревьями ростом по колено и зелеными листьями, сверкавшими так, что слепило глаза. Он думал о Горном Морпине, этом переливающемся огнями всех цветов радуги чудо-городе, полном развлечений, примостившемся поблизости от невероятного сооружения — Замка короналей на вершине Горы. И о девственных лесных чащах Кинтора, и о блестящих белых башнях Ни-мойи, и об ароматных травах в лугах долины Глэйдж... «Как прекрасен этот мир,— думал Деккерет,— какое в нем множество чудес, и насколько ужасно то место, где я теперь оказался!»

Он говорил себе, что должен попытаться обнаружить красоту этой пустыни — в противном случае вид ее парализует его дух.

Может ли существовать красота в пагубной сухости, думал он, красота в угрожающей угловатости, красота в оспинах, красота в неопрятных растениях, сияющих по ночам бледно-зеленым жаром? Пусть шипы будут красивыми, пусть суровость будет красивой, пусть неприязненность будет красивой. «Ведь что такое красота,— спросил себя Деккерет,— если не полуосознанный отклик на тот предмет, который мы созерцаем? Почему луг считается более красивым, чем пустыня? Говорят, что красота скрыта в глазах наблюдателя; значит, нужно переучить твои глаза, Деккерет, чтобы уродство этой земли не погубило тебя».

Он попытался заставить себя любить пустыню. Он изгонял из своего сознания такие слова, как «суровая», «мрачная» и «отталкивающая», словно вырывал клыки у дикого зверя. Он то и дело напоминал себе, что следует увидеть в этом пейзаже покой и умиротворение. Он заставлял себя восхититься искореженными скальными обнажениями и кривыми клыками расщелин. Он искал прекрасное в запыленных истерзанных ветрами кустах. Он высматривал достойные уважения качества в маленьких зубастых ночных существах, которые порой перебегали дорогу. И, по мере того как тянулась ночь, пустыня сначала стала казаться ему менее ненавистной, затем нейтральной, и наконец он почувствовал, что может увидеть в ней своеобразную красоту, а где-то за час до рассвета он вообще перестал думать о ней.

Утро наступило внезапно: поток оранжевого пламени обрушился на горную стену, окаймлявшую небосвод с запада, щупальца ярко-красного огня высунулись из-за противоположного края земли, и сразу же вслед за ними желтое лицо Солнца, в котором было больше бронзово-зеленого отсвета, чем в северных широтах, взлетело в небо, будто отвязавшийся воздушный шар. В момент этого поистине апокалиптического восхода Деккерет с изумлением поймал себя на том, что с острой болью вспоминает архирежиманда Голатор Ласгию, задаваясь вопросом, видит ли и она этот рассвет, а если да, то с кем, и, чтобы отогнать эту мысль, обратился к Барджазиду:

— Этой ночью не было никаких фантомов. Значит ли это, что здесь призраков нет?

— Настоящие неприятности начнутся за Проходом,— ответил маленький человек.

Пока солнце находилось невысоко над горизонтом, они продолжали путь. Динитак собрал простой завтрак: сухари и кислое

вино. Оглянувшись назад, Деккерет увидел впечатляющее зрелище: земля, уходя вниз, расстилалась перед ним, подобно огромному желтовато-коричневому переднику, открывая напоказ все свои сгибы, трещины и морщины; Толагай еле виднелся вдали как беспорядочное нагромождение кубиков, а дальше к северу раскинулось до самого горизонта необъятное море. На небе не было ни облачка, и его синева еще усиливалась в сравнении с терракотовой раскраской земли, так что казалось, будто над головой лежит второе море. Жара усиливалась. К середине утра зной стал уже почти невыносимым, но тем не менее женщина-скандар невозмутимо продолжала править вверх по склону горы. Время от времени Деккерет начинал дремать, но уснуть по-настоящему в тесноте машины было невозможно. Неужели они собирались ехать всю ночь, а потом еще и весь день? Он не задавал никаких вопросов. Но в тот момент, когда ощущения усталости и дискомфорта стали невыносимыми, Хаймак Гран резко повернула парящую лодку влево, на почти незаметное ответвление дороги, и, проехав еще немного, остановила машину.

— Первый дневной привал,— объявил Барджазид.

Боковая дорога заканчивалась тупиком, упираясь в высокий скальный гребень, служивший естественным укрытием от солнца. Перед ним лежала широкая ровная песчаная площадка, закрытая в это время дня тенью; судя по всему, она постоянно использовалась путешественниками для стоянок. Возле самой скалы Деккерет разглядел темное пятно: там на поверхность загадочным образом просачивалась вода; не то чтобы это был настоящий родник, но и такой источник был очень важен и являлся спасением для изнуренных безжалостным жаром ужасной пустыни путников. Место было идеальным. Совершенно очевидно, что график первого дня поездки был рассчитан так, чтобы попасть сюда прежде, чем начнется по-настоящему убийственная дневная жара.

Хаймак Гран и младший Барджазид вытащили из одного из многочисленных багажников парящей лодки соломенные циновки и расстелили их на песке. Предложенная еда состояла из вяленого мяса, каких-то довольно сочных фруктов с терпким вкусом и теплого медового напитка, приготовленного по скандарскому рецепту. Перекусив, оба Барджазида, вруун и женщина-скандар молча растянулись на циновках и немедленно погрузились в сон. Деккерет стоял один и ковырял в зубах, стараясь извлечь за-

стрявшие волоконца мяса. Теперь, когда можно было поспать, у него пропало всякое желание делать это. Он медленно прошелся вдоль края песчаной площадки, разглядывая валявшиеся за границей тени сожженные солнцем отбросы, оставшиеся от предыдущих путников. Не было видно ни единой живой твари, и даже растения, казалось, стремились втянуть свои жалкие пропыленные чахлые стебли в землю. На юге к небу круто поднимались горы; до прохода не могло быть далеко. А потом? А потом?

Он попробовал уснуть, но в его мозгу теснились непрошеные видения. Голатор Ласгия парила над его циновкой так близко, что, казалось, он может схватить ее и притянуть к себе, но она ускользнула и затерялась в знойном мареве. В тысячный раз он видел себя в лесу у Граничий Кинтора; он гнался за добычей, целился, а потом его внезапно охватывала дрожь. Он стряхнул с себя этот мираж и обнаружил, что карабкается по огромной норморкской стене и его легкие полны восхитительным прохладным воздухом, но все это были не настоящие сновидения, а лишь мечты, праздные грезы и мимолетные воспоминания; сон долго бежал от него, а когда наконец пришел, то оказался глубоким, кратким, лишенным сновидений.

Разбудил его какой-то странный шум: жужжание, пение, отдаленные звуки музыкальных инструментов, слабые, но отчетливые свидетельства движения большого каравана. Ему показалось, что он различает звяканье колокольчиков, глухие удары барабанов. Какое-то время он лежал неподвижно и прислушивался, пытаясь понять, что происходит. Затем сел и, моргая, осмотрелся. Опускались сумерки. Он проспал самую жаркую часть дня, и тени теперь падали с другой стороны. Четверо его спутников сворачивали циновки. Деккерет приложил руку к уху, стараясь определить, откуда идут звуки. Но они, казалось, доносились отовсюду или ниоткуда. Он вспомнил рассказ Голатор Ласгии о призраках пустыни, которые днем поют, сбивая путешественников с толку, уводя их с верной дороги своими разговорами и музыкой.

— Что это за звуки? — обратился он к Барджазиду.

— Какие звуки?

— Разве вы не слышите? Голоса, колокольчики, шаги, разговоры множества путешественников?

Барджазид удивленно посмотрел на него.

— А, вы говорите о песнях пустыни.

— Призрачные песни?

— Может быть. Или действительно дальние отголоски звуков спускающихся с гор путников: грохот цепей, звон гонгов. Последнее более вероятно.

— Ни то ни другое не вероятно,— мрачно ответил Деккерет.— В мире, в котором я живу, не существует никаких призраков. Но на этой дороге нет никаких путников, кроме нас самих.

— Вы в этом уверены, посвященный?

— В чем? Что нет каравана или что не бывает призраков?

— И в том и в другом.

Динитак Барджазид, стоявший чуть поодаль, вмешался в разговор.

— Вы боитесь?

— Неизвестное всегда тревожит. Но пока что я испытываю больше любопытства, чем страха.

— Тогда я смогу удовлетворить ваше любопытство. Когда дневная жара начинает спадать, скалы и пески отдают тепло. Остывая, они сокращаются и при этом издают звуки. Те самые колокольчики и барабаны, которые вы слышите. Никаких призраков здесь нет,— сказал юноша.

Старший Барджазид недовольно взмахнул рукой, и сын послушно отошел в сторону.

— Вы не хотели, чтобы он рассказал мне об этом, не так ли? — спросил Деккерет.— Вы, похоже, предпочитаете, чтобы я верил в то, что вокруг меня вьются призраки.

— Мне это совершенно безразлично,— усмехнулся Барджазид.— Вы вправе верить любому объяснению, если оно вас устраивает. Но ручаюсь вам, что по ту сторону Прохода вы встретите достаточно призраков, чтобы поверить в их реальность.

Глава 7

Весь вечер Звездного дня они продолжали подъем по дороге, извивавшейся по склону горы, и около полуночи добрались до Кулагского прохода. Воздух здесь был заметно прохладнее, так как они находились на высоте тысячи футов над уровнем моря, и резкий ветер приносил некоторое облегчение от жары. Проход представлял собой широкую и очень длинную брешь в стене гор; лишь в начале утра Солнечного дня они выбрались из ущелья

и начали спуск к великой пустыне, занимавшей внутреннюю часть континента.

Вид, открывшийся впереди, совершенно ошеломил Деккерета. В ярком лунном свете он созерцал немыслимо однообразное пространство, по сравнению с которым страна, оставшаяся за горным хребтом, могла показаться похожей на цветущий сад. Та, другая пустыня была скалистой, а эта — песчаной; бескрайний океан дюн, среди которых время от времени проглядывали заплаты бурой земли, усыпанной окатанной галькой. Растительности тут почти не было; в дюнах не росло вообще ничего, а на жалких клочках земли с трудом боролись за жизнь жалкие чахлые крохотные кустики. И жара! Жара! Жара! Из раскинувшейся внизу необъятной темной чаши с неудержимой силой, словно взрывные волны, стремились вверх потоки опаляюще горячего, словно нагретого в адской печи воздуха, который стремился уничтожить все, что попадалось ему на пути. Он изумился тому, что где-то там, в этой печи, могли находиться тучные пастбища, где откармливалось огромное количество скота, и постарался вспомнить карту, которую видел в кабинете архирежиманда: скотоводческая территория представляла собой пояс, окружавший внутреннюю зону пустыни, и эта зона каким-то образом умудрилась протянуть руку сюда, за горловину Кулагского прохода. А на дальней стороне этой гигантской безжизненной ленты лежала другая — на ней росла изумрудная трава и паслись сытые животные; по крайней мере, он молил Божество, чтобы так оно было.

За утро они успели проделать изрядный путь вниз с хребта к центральному плато. В первых же солнечных лучах Деккерет заметил далеко внизу нечто странное: чернильно-черную овальную заплату, резко выделявшуюся на желтовато-коричневой груди пустыни, а когда они подобрались поближе, стало ясно, что это нечто вроде оазиса; темная заплата превратилась в рощу стройных деревьев с длинными ветвями и крошечными фиолетовыми листьями. Здесь было место второй дневки. По следам было хорошо видно, где останавливались другие путешественники. Под деревьями скрывались какие-то древние развалины, а на поляне посреди рощи оказалось с полдюжины грубых строений из наваленных один на другой камней, прикрытых сверху старыми высохшими ветками. Сразу же за ними между деревьями пробегал солоноватый ручеек, заканчивавший свой путь в маленьком стоячем пруду с цветущей водой. А невдалеке находился второй пруд.

Его, очевидно, питал подземный поток, так как вода здесь была очень чистой. Между этими прудами Деккерет увидел любопытное строение: семь каменных колонн с закругленными верхушками, высотой ему по пояс, расположенными по двойной дуге. Он обошел их вокруг.

— Работа меняющих форму,— сказал ему Барджазид.

— Алтарь метаморфов?

— Так считается. Известно, что меняющие форму часто посещают этот оазис. Мы иногда находим здесь следы посещений пиуриваров: молитвенные палки, пучки перьев, маленькие изящные корзинки.

Деккерет не без тревоги посмотрел на деревья, как будто ожидал, что они в мгновение ока превратятся в толпу диких аборигенов. Ему редко приходилось иметь дело с исконными жителями Маджипура, этими побежденными и высланными из родных мест обитателями лесов. Его сведения о них ограничивались главным образом слухами и фантазиями, рожденными страхом, невежеством и чувством вины. Вне всякого сомнения, некогда они жили в больших городах — Алханроэль был буквально усеян их руинами, и в книгах Деккерет видел изображения наиболее известного из них — обширного каменного Велализиера, расположенного неподалеку от Лабиринта понтифекса; но все эти города погибли многие тысячи лет назад, а с прибытием людей и других рас на Маджипур, аборигены-пиуривары оказались вытесненными в глухие места планеты, в основном в большую лесную резервацию в Зимроэле, к юго-востоку от Кинтора.

А воочию Деккерет видел метаморфов всего лишь только два или три раза. Это были хилые зеленоватые существа со странными гладкими, лишенными черт лицами, достигшие высшего мастерства в искусстве мимикрии — им удавалось в считаные секунды полностью изменить весь облик и даже объем своего тела. Так что, судя по тому, что ему было известно, тайным метаморфом мог оказаться любой из его спутников — скажем, маленький вруун, а то и сам Барджазид.

— Но как могут меняющие форму или кто-то еще выжить в этой пустыне? — спросил он.

— Они умеют приспосабливаться.

— И много их здесь?

— Кто знает. Я сталкивался с несколькими рассеянными бандами по пятьдесят, а то и по семьдесят пять особей — по их

собственным словам. Возможно, имеются и другие. А может быть, я каждый раз встречаю одних и тех же, только в другом обличье; ведь и такое возможно.

— Странные существа,— сказал Деккерет, бездумно поглаживая ладонью гладкий каменный купол, венчавший ближайшую из колонн алтаря. Барджазид поразительно быстрым, прямо-таки молниеносным выпадом схватил Деккерета за запястье и отвел его руку в сторону.

— Не прикасайтесь!

— Почему? — изумился Деккерет.

— Эти камни святые.

— Для вас?

— Для тех, кто их воздвиг,— строго ответил Барджазид.— Мы уважаем их. Мы почитаем волшебство, которое может в них скрываться. К тому же в этой земле никогда не следует допускать небрежностей, способных навлечь на тебя месть соседей.

Деккерет обвел удивленным взглядом маленького человечка, колонны, два пруда, окружавшие их изящные тонколистые деревья. Несмотря на жару, листочки трепетали. Он перевел взор за границы маленького оазиса, к скругленным ветрами гребням дюн, окружавших его, к пыльной ленте дороги, скрывавшейся на юге, в земле, полной тайн. Солнце быстро поднималось к зениту, и его жар был теперь подобен ужасному цепу, молотившему небо, землю, немногочисленных слабых путников, скитавшихся в этих страшных местах. Он оглянулся назад, на горы, через которые только что перевалил, на эту огромную зловещую стену, отрезавшую его от форпоста цивилизации, обосновавшегося на этом жарком континенте. Он испытывал здесь чувство пугающего одиночества, слабости и потерянности.

Появился Динитак Барджазид, шатавшийся под тяжестью фляг, которые свалил чуть ли не на ноги Деккерету. Тот помог юноше наполнить их водой из чистого пруда; на эту работу потребовалось неожиданно много времени. Он попробовал воду: прохладная, прозрачная, со странным металлическим вкусом, не вызывающим, впрочем, неприятных ощущений. Динитак пояснил, что привкус воде придают растворенные минералы. Чтобы перенести все фляги в парящую лодку, потребовалось десять раз сходить туда и обратно. Юноша пояснил, что теперь они несколько дней не встретят ни одного источника.

Они позавтракали ставшей уже привычной для Деккерета грубой пищей, а потом, когда зной усилился до обычного днем яростного состояния, устроились на соломенных циновках, чтобы поспать. Деккерет отдыхал так уже третий день, и его организм начал привыкать к перемене ритма. Он закрыл глаза, поручил свою душу возлюбленной Хозяйке Острова, благословенной матери лорда Престимиона, и почти сразу же провалился в тяжелую дремоту.

На сей раз его посетили сновидения.

Он не видел снов уже очень давно — он даже забыл, когда это было в последний раз. Для Деккерета, как и для всех остальных обитателей Маджипура, сновидения являлись одной из важнейших составляющих существования; по ночам они внушали спящим покой и уверенность, в них к разумным существам многочисленных рас приходили советы, разъяснения по поводу происходящего, порицания за дурные поступки и многое другое. Каждый был с детства обучен открывать свое сознание навстречу ночным посланиям, видеть и воспринимать сновидения, запоминать их во всех подробностях, чтобы утром иметь возможность обдумать увиденное. И в этих ночных посланиях всегда присутствовал образ доброжелательной Хозяйки Острова Сна, склонявшейся над спящими, помогавшей им вглядеться в собственные души. При помощи своих посланий Повелительница пребывала в почти постоянном прямом контакте с каждой из душ многих миллиардов разумных существ, населявших необъятный Маджипур.

В этом сне Деккерет видел себя идущим по гребню горного хребта, того самого — он точно знал это,— который они совсем недавно пересекли. Он был один; над головой висело неправдоподобно большое солнце, занимавшее чуть ли не половину небосвода, но жара при этом не казалась ужасающей. Обрыв, уходивший у него из-под ног, был настолько крут, что он мог смотреть вертикально вниз, казалось, на сотни миль, а там находился ревущий дымящийся котел, беснующийся вулканический кратер, в котором чавкала и пузырилась алая магма. Это кипение подземных сил не пугало его, напротив, оно обладало какой-то назойливой привлекательностью, порождало в нем непривычную томительность; он испытывал странное влекущее желание погрузиться туда, нырнуть в клокочущие глубины, плавать в расплавленном сердце вулкана. Он начал бегом спускаться туда, перескакивая

через камни и даже порой отрываясь от земли и проплывая над нею вниз, вдоль огромного склона, и, когда он приблизился к кратеру, ему показалось, что он различает в пульсирующей лаве человеческие лица. Лорд Престимион и понтифекс, Барджазид и Голатор Ласгия... А по краям смутно различались еще какие-то странные ускользающие образы — были ли то метаморфы? В жерле вулкана булькало варево из людских фигур. Деккерет бежал к ним, охваченный любовью. Он безмолвно кричал: «Возьмите меня к себе, вот он я, я иду к вам!» И когда он осознал, что большой белый диск, появившийся позади всех остальных, был ликом возлюбленной Хозяйки Острова, в его душу вторглось глубокое и мощное счастье, так как он понял, что это было послание. Ведь прошло уже много месяцев с тех пор, как добрая Повелительница прикасалась к его спящему сознанию.

Одновременно спящий и бодрствующий, Деккерет всмотрелся в сновидение, ожидая его кульминации, встречи призрачного Деккерета с призрачной Повелительницей, за которым должен был последовать некий момент истины, открытие еще неведомого ему знания, ведущего к радости. Но в этот миг в его сон вторглось что-то неведомое, как будто опустилась завеса. Цвета исчезли; лица потускнели и расплылись; он все так же бежал вниз по крутому склону горы, но стал часто спотыкаться, у него подкашивались ноги, он то и дело натыкался на неровности и падал, обдирая локти и колени о горячие камни пустыни, сбивался с дороги, шел куда-то вбок, а не вниз, неспособный управлять собственным движением. Только что он пребывал на грани просветления, но каким-то образом оно удалилось от него за пределы досягаемости, и он чувствовал теперь лишь тревогу, приближение беды, даже шок. Экстаз, который, как ему только что казалось, обещало сновидение, бесследно исчез.

Яркие цвета сменились всепоглощающей серостью, движение прекратилось, а сам он стоял, застыв, на крутом склоне и, не отрывая глаз, глядел вниз на умерший кратер; от этого зрелища его бросило в дрожь, он опустился наземь, сжавшись в комок, а потом вытянулся ничком и лежал так, содрогаясь от рыданий, пока не проснулся.

Он сел, моргая в отупении. В голове пульсировала боль, глаза были влажными, а в груди и плечах ощущалась давящая тяжесть. Нет, сны, даже самые устрашающие из них, никогда не оставляли такого гнетущего осадка в душе, такой тревоги и

сумятицы. Был полдень, и ослепительное солнце висело высоко над верхушками деревьев. Рядом с ним лежали Хаймак Гран и вруун Серифэйн Рейнаулион, чуть подальше — Динитак Барджазид. Они, казалось, спокойно спали. Старшего Барджазида нигде не было видно. Деккерет вновь вытянулся, прижался лицом к теплому песку и попытался найти в этом прикосновении защиту от овладевшей им тревоги. Он знал, что в его сне что-то пошло не так; в него вторглась какая-то темная сила, похитившая из грез то доброе, что в них было, и оставившая ему боль взамен. Не это ли все, кто предостерегал его, называли призраками пустыни? Похитителями снов? Деккерет сжался в тугой комок, как в недавнем сне. Он чувствовал себя осквернённым, словно кто-то грубо принудил его к чему-то дурному, и не мог не задуматься: неужели теперь, по мере того как они будут углубляться в пустыню, ему придется каждый раз во сне испытывать такое? А может быть, и нечто худшее?

Спустя некоторое время Деккерет вновь уснул. К нему приходили какие-то сны, невнятные. полустертые обрывки, лишенные какого бы то ни было смысла. Он не стал обращать на них внимания. А когда он проснулся, день клонился к вечеру, и вокруг раздавались песни пустыни, призрачные песни; он слышал звон, отголоски человеческих разговоров, отдаленный смех. Ему казалось, что если бы он вообще обошелся сегодня без сна, то устал бы куда меньше.

Глава 8

Все остальные не показывали никаких признаков того, что во время сна их что-то тревожило. Они приветствовали проснувшегося Деккерета как обычно: огромная безмолвная женщина-скандар — никак, маленький вруун что-то любезно гудел и щебетал, сплетая и расплетая щупальца, два Барджазида ограничились сухими кивками. Может быть, они и знали, что их спутника посещали мучительные видения, но все равно ничего об этом не сказали. После еды старший Барджазид совещался с Серифэйном Рейнаулионом насчет дороги, по которой они должны были ехать этой ночью, а затем все вновь углубились в разгоняемую лунным светом ночь.

«Буду делать вид, что ничего не произошло,— решил Деккерет.— Я не позволю им узнать, что уязвим для этих фантомов».

Но его решению не суждено было воплотиться в жизнь. Когда парящая лодка проходила через участок, по-видимому некогда бывший дном давно пересохшего озера, из которого тысячами торчали странные серо-зеленые каменные горбы, Барджазид вдруг повернулся к нему и, прервав долгое всеобщее молчание, спросил:

— Вы видели хорошие сны?

Деккерет понял, что его усталый вид не остался незамеченным.

— Был бы рад отдохнуть получше,— пробормотал он.

Темные блестящие глаза Барджазида смотрели прямо ему в лицо.

— Мой сын говорит, что вы стонали во сне, все время крутились и съеживались. Может быть, вы почувствовали прикосновение похитителей снов, посвященный?

— Я чувствовал присутствие в моем сне какой-то недружественной силы. А были это похитители снов или что-то другое — мне неизвестно.

— Не опишете ли вы свои ощущения?

— Может быть, Барджазид, вы еще и толкователь снов? — вспыхнул гневом Деккерет.— С какой стати я должен позволять вам копаться в моем сознании? Мои сны принадлежат только мне!

— Успокойтесь, успокойтесь, дорогой рыцарь. Я не намеревался вторгаться в ваши мысли.

— Тогда оставьте меня в покое.

— Я отвечаю за вашу безопасность. Если демоны этих мест уже начали покушения на ваш дух, то в ваших собственных интересах сообщить мне об этом.

— Вы сказали, демоны?

— Демоны, призраки, фантомы, меняющие форму — совершенно не важно,— нетерпеливо сказал Барджазид.— Существа, которые охотятся на спящих путешественников. Они приходили к вам или нет?

— Сновидения не доставили мне радости.

— Прошу вас, расскажите, в какой форме это проявилось.

Деккерет медленно перевел дух.

— Я почувствовал, что ко мне пришло послание от Повелительницы, сон о мире и радости. Но постепенно его природа переменилась. Понимаете? Видение потемнело, стало хаотическим,

утратило всю радость, и после сна мне стало гораздо хуже, чем было до него.

— Да, да, это те же самые признаки,— сочувственно кивая, провозгласил Барджазид.— Контакт на мысленном уровне, вторжение в сновидение, тревожащее наложение и откачка энергии.

— Своеобразный вампиризм? — предположил Деккерет.— Некие существа, скрывающиеся в этих пустошах и высасывающие жизненные силы у неосторожных путешественников?

Барджазид улыбнулся.

— Вы продолжаете строить предположения. А я не измышляю никаких гипотез, посвященный.

— А вы сами ощущали их прикосновения во время сна?

Маленький человек как-то странно взглянул на Деккерета.

— Нет. Нет, никогда.

— Никогда? Неужели это значит, что вы невосприимчивы к этому воздействию?

— По-видимому, так.

— А ваш сын?

— С ним это несколько раз случалось. Правда, чрезвычайно редко, пожалуй, в одном случае из пятидесяти. Но все равно, выходит, что эта невосприимчивость не передается по наследству.

— А скандар? И вруун?

— Им тоже приходится с этим сталкиваться,— ответил Барджазид.— И тоже изредка. Им это кажется неприятным, но вполне терпимым.

— И все же от контакта с похитителями снов многие умирали.

— Есть разные предположения,— сказал Барджазид.— Большинство путешественников, проходивших этим путем за последние годы, сообщали о странных сновидениях. Некоторые из них сбились с пути и не сумели выбраться из пустыни. Как знать, может быть, между пугающими снами и потерей ориентации существует связь.

— Вы очень осторожный человек,— заметил Деккерет.— Вы избегаете делать какие бы то ни было выводы.

— И смог дожить до достаточно преклонного возраста, в то время как многие более торопливые уже вернулись к Источнику Всего Сущего.

— Но разве, по-вашему, простое выживание является высшим возможным достижением?

Барджазид рассмеялся.

— Вы говорите, как и подобает настоящему рыцарю Замка! Нет, посвященный, я считаю, что жизнь существует не только для того, чтобы избегать смерти. Но выжить очень полезно, не так ли? Для тех, кто рассчитывает совершить большие дела, выживание является одной из основных задач. Мертвые не достигают цели.

Деккерет не поддержал эту тему. Кодексы ценностей посвященного рыцаря и такого человека, как Барджазид, вряд ли были сопоставимы; кроме того, в манере спора Барджазида имелось что-то коварное и скользкое, из-за чего Деккерет казался себе медлительным, вялым и неповоротливым, а он терпеть не мог это ощущение. Он умолк на несколько секунд, а потом спросил:

— И что, по мере углубления в пустыню сны становятся хуже?

— Так мне дали понять,— отозвался Барджазид.

И все же, когда ночь растаяла и настало время разбивать лагерь, Деккерет почувствовал в себе готовность и даже желание еще раз схватиться с фантомами сна. На этот раз они устроили бивак прямо в пустыне, в низине, из которой непрекращающийся ветер унес почти весь песок, обнажив скальное основание. В сухом воздухе непрерывно слышалось странное потрескивание и шипение, как будто сила солнца вышибала из каменистого грунта частицы вещества, а ветер с готовностью подхватывал и разносил их. Когда все было готово к дневке, до полудня оставался всего один час. Деккерет спокойно улегся на своей соломенной циновке, готовый погрузиться в дремоту и без страха принять все, что могло последовать. Во время подготовки к посвящению в рыцари он, естественно, прошел тренировку на развитие храбрости в общепринятых значениях этого слова и, как предполагалось, должен был встречать любой вызов без боязни, но к настоящему времени ему еще не удалось пройти настоящей проверки. На спокойном Маджипуре встретиться с таким вызовом было очень непросто, для этого нужно было отправляться в самые дикие части мира, поскольку в густонаселенных областях жизнь проходила тихо и безмятежно; поэтому Деккерет отправился за море, но первое же серьезное испытание в лесах Кинторской марки он провалил. Здесь ему давался другой шанс. Омерзительные сны, показанные ему, могли, как он думал, быть обещанием искупления.

Он закрыл глаза и отдался сну.

И вскоре сон пришел. Деккерет вновь находился в Толагае, но этот Толагай был странным образом преображен; явившийся ему город состоял из вилл, отделанных гладкими алебастровыми плитами, и густых зеленых садов, хотя жара была все так же тропически сильной. Он переходил из одного бульвара в другой, восхищаясь элегантностью архитектуры и красотой растительности. Одет он был в зеленый с золотом костюм — традиционное облачение придворных короналя,— и при встречах с жителями Толагая, вышедшими в сумерках на прогулку, он изящно кланялся им и обменивался с ними знаками Горящей Звезды; этот жест делали, складывая пальцы особым образом, и служил он выражением почтения к власти короналя. Вот показалась стройная фигура прекрасной Голатор Ласгии. Она улыбнулась, взяла его под руку, повела его в какое-то место, где каскады фонтанов орошали воздух прохладной водяной пылью, и там они сбросили одежды и кинулись в бассейн, и плавали и ныряли в нем, и вышли обнаженные из душистого водоема, и пошли босыми ногами по мягкой земле в сад, где растения склоняли свои густо покрытые блестящими разлапистыми листьями ветви. Не говоря ни слова, она указала ему на темную аллею между двумя рядами тесно посаженных деревьев. Сама Голатор Ласгия шла впереди — неуловимая и дразнящая фигура — и сначала их разделяли какие-то дюймы, а затем расстояние стало постепенно увеличиваться до футов и ярдов. Ему казалось, что стоит протянуть руку, и он дотронется до нее, но в первый момент это сделать не удалось, и ему пришлось ускорить шаг, чтоб хотя бы не упустить ее из виду. Ее оливковая кожа мерцала в свете восходивших лун, и она часто оглядывалась, улыбалась, показывая сверкающие зубы, кивала ему, чтобы он поторопился. Но он не мог. Теперь их разделяла почти вся длина сада. С нарастающим отчаянием он устремился к ней, но она уже таяла, уменьшалась, и вот он уже с трудом мог различать игру мышц под ее сияющей кожей, а помчавшись сломя голову по аллеям, он почувствовал, что температура принялась стремительно нарастать, влажная теплота воздуха начала неумолимо сменяться все более сухой жарой, ибо каким-то образом среди ночи внезапно взошло солнце и со всей силой обрушило свой безжалостный свет на его плечи. Деревья

прямо на глазах поникали. Листья пожухли и стали опадать. Ему приходилось прилагать большие усилия, чтобы оставаться на ногах. Голатор Ласгия все еще продолжала улыбаться, все еще кивала ему, но она становилась все меньше и меньше, и наконец превратилась в точку на горизонте, а солнце все поднималось, набирая силу, иссушая, сжигая все, на что падал его неумолимый взор. И вот уже прекрасный сад превратился в частокол изможденных голых древесных стволов, торчавший над мгновенно пересохшей почвой, которую непрерывно прорезали грубые корявые трещины. Он почувствовал ужасную жажду, но здесь не было ни капли воды, а потом он увидел фигуры, скрывавшиеся позади растрескавшихся и почерневших стволов деревьев,— это были метаморфы, субтильные хитрые существа, которые не пытались непрерывно пребывать в какой-нибудь одной форме, но совершенно непостижимым образом мерцали и перетекали из образа в образ. Он попросил у них чего-нибудь попить и получил в ответ лишь негромкий смех. Он зашатался. Жестокий свет, пульсирующий в небесах, начал поджаривать его; он чувствовал, что его кожа начинает твердеть, похрустывать, шелушиться, трескаться. Еще немного, и ему предстояло превратиться в головешку. Что случилось с Голатор Ласгией? Где улыбавшиеся, кланявшиеся, складывавшие пальцы в знак Горящей Звезды горожане? Он больше не видел никакого сада. Он находился в пустыне и брел, спотыкаясь, с трудом удерживаясь на ногах, по песчаной равнине, где обжигали даже тени. Теперь в нем появился настоящий страх, поскольку он ощущал во сне боль, которую вызывали солнечные ожоги, и часть его души, наблюдавшая все это со стороны, все глубже погружалась в тревогу, ожидая, что сила сна вполне может оказаться настолько большой, чтобы причинить ему реальный физический урон. Ему приходилось слышать рассказы о таких вещах, о людях, которые погибали, поддавшись своим сновидениям, обладавшим неимоверной силой. Хотя желание прервать сновидение противоречило всем полученным за время подготовки к рыцарству навыкам, хотя он знал, что ему следует увидеть самые худшие ужасы, чтобы досконально понять их сущность, Деккерет начал подумывать о том, что ради безопасности ему следует проснуться... И уже почти сделал это, но сообразил, что таким образом проявит трусость, и приказал себе оставаться в мире видений, пусть даже это будет стоить ему жизни. Он стоял теперь в унизженной позе, на коленях, посреди пламенных песков и со странной ясностью видел таинственных крошечных золотистых насекомых, которые, выстроившись в цепочку, шли к нему, преодолевая наметенные ветром песчаные заструги. Это были муравьи с уродливо раздутыми челюстями, и каждый из них в свою очередь взбирался на его тело и впивался в кожу жвалами, легонько кусал его и оставался висеть... И спустя несколько секунд тысячи крошечных тварей сплошь покрыли его кожу. Он принялся счищать их, но тщетно: их челюсти не разжимались и головы, оторванные от крошечных тел, продолжали висеть на нем. Песок вокруг уже почернел от безголовых муравьиных туловищ, но они продолжали словно плащом покрывать его кожу, а он все энергичнее стряхивал их с себя. Но, пока он делал движение, все новые и новые полчища муравьев взбирались по его ногам и впивались в него своими жвалами. Он уже устал от этой борьбы. В плаще из муравьев не так жарко, подумалось ему. Они оградили его от агрессивного светила, и хотя тоже терзали его тело, но не так яростно и болезненно, как солнечные лучи. Неужели этот сон никогда не закончится? Он попытался взять грезы под контроль, превратить колонну бегущих муравьев в ручей прохладной чистой воды, но это не помогло, и он позволил себе вернуться в кошмар и пополз на четвереньках по песку.

И постепенно до Деккерета дошло, что он уже не спит.

Ему не удалось заметить никакой границы, разделявшей сон и бодрствование. Но в конце концов он понял, что его глаза открыты и что два субъекта, пребывавшие в его сознании — Деккерет, видевший сны, и Деккерет, страдавший в этих снах,— слились воедино. Но он все еще находился в пустыне под ужасным полуденным солнцем. Совершенно обнаженный. По опухшей и покрытой волдырями коже ползали муравьи, покрывавшие до колен его ноги,— крошечные бледные создания, которые на самом деле всаживали свои крошечные челюсти в его плоть. Изумленный, он спросил себя, не провалился ли он в какой-то мир сновидения внутри сновидения, но нет, он был уверен, что это был реальный мир, подлинная пустыня, и он находился посреди нее. Он встал на ноги, обеими руками счистил с ног муравьев — как и во сне, они продолжали цепляться за него, даже жертвуя жизнями,— и осмотрелся в поисках лагеря.

Он не увидел его. Во сне он забрел на голую раскаленную сковороду открытой пустыни и заблудился. «Пусть это будет сон,—

в отчаянии подумал он,— и пусть я очнусь от него в тени парящей лодки Барджазида». Но пробуждения не последовало. Деккерет понял теперь, каким образом люди погибали в пустыне Украденных Снов.

— Барджазид?!! — крикнул он.— Барджазид!!!

Глава 9

Ему ответило только эхо, отразившееся от отдаленных холмов. Он крикнул еще раз, два, три... и каждый раз слышал отзвук собственного голоса, но не слышал никакого ответа. Сколько времени он мог бы выдержать здесь? Час? Два? У него не было ни капли воды, никакого укрытия, даже клочка одежды. Ничто не защищало его голову от огромного сверкающего глаза солнца. Дневная жара была в самом разгаре. Пейзаж со всех сторон казался одинаковым: плоская неглубокая впадина, почти дочиста выметенная горячими ветрами. Он принялся искать свои следы, но почва здесь была твердой, каменистой, и ноги почти не оставляли на ней отпечатков. Лагерь мог находиться где-то невдалеке, скрываясь за какой-нибудь почти незаметной возвышенностью. Он еще раз позвал на помощь — и вновь откликнулось только эхо. Возможно, если бы ему удалось найти бархан, он смог бы укрыться в его тени и переждать таким образом жару, а с наступлением темноты отыскать лагерь по отсвету костра, но он не видел никаких барханов. Если бы здесь отыскался пригорок, с которого открылся бы более широкий вид, то он поднялся бы на него и попытался бы высмотреть вдали стоянку своих спутников. Но и пригорков он не видел. «Что сделал бы в такой ситуации лорд Стиамот? — спросил он себя.— Или лорд Тимин, или еще кто-нибудь из великих воителей прошлого? Что собирается делать он сам, Деккерет? Совершенно дурацкая смерть — бесполезная, противная, постыдная...». Он крутился на месте, внимательно осматривая пустыню. Никаких следов; а идти, не имея понятия о направлении, не было никакого смысла. Он пожал плечами и уселся, выбрав место, где не было муравьев. Никаких мыслей относительно возможности спасения собственной жизни в голову не приходило.

Его организм не обладал никакими внутренними ресурсами, способными, невзирая ни на что, вывести его в безопасное место.

Он заблудился во сне, и ему предстоит умереть именно так, как это предсказывала Голатор Ласгия, и ничего с этим нельзя поделать. Оставалась одна лишь сила духа: он должен умереть спокойно и разумно, без слез и гнева, без проклятий в адрес судьбы. Возможно, на это потребуется час. Возможно, меньше. Важно было лишь умереть достойно, поскольку, когда смерть неизбежна, нет никакого смысла впадать в истерику.

Он сидел, ожидая наступления конца.

Но вместо смерти — то ли через десять минут, то ли через полчаса, а может быть, и через час, он не знал — перед ним оказался Серифэйн Рейнаулион. Вруун появился с востока, словно мираж; он медленно брел к Деккерету, с натугой таща на себе две фляги с водой и, оказавшись на расстоянии в сотню ярдов, замахал свободной парой щупалец.

— Эй, вы живы? — крикнул он.

— Более или менее. А вы настоящий или призрак?

— Самый настоящий. Мы искали вас почти полдня.— Плавным движением гибкой «руки» маленькое существо подняло одну из фляг и подало ее Деккерету.— Ну вот. Прополощите рот. Не глотайте сразу. Не глотайте. Вы настолько обезвожены, что можете погибнуть, если пожадничаете и выпьете слишком много.

Деккерет преодолел желание осушить флягу одним махом. Вруун был прав: чуть-чуть... еще чуть-чуть... по капельке... чтобы не было вреда. Он подержал воду во рту, дал ей впитаться в распухший язык и наконец позволил остаткам стечь в горло. Ах! Еще один осторожный глоток. Еще один — теперь уже настоящий... У него слегка закружилась голова. Серифэйн Рейнаулион потянулся к фляге. Деккерет отодвинул его и отпил еще, потом налил немного воды на ладонь и смочил щеки и губы.

— Насколько мы далеко от лагеря? — спросил он наконец.

— В десяти минутах. Вам хватит сил, чтобы дойти, или мне вернуться за помощью?

— Я дойду.

— Тогда вперед.

Деккерет кивнул.

— Еще один совсем маленький глоток...

— Держите флягу. Пейте всякий раз, когда захотите. Если почувствуете слабость, скажите мне, и мы отдохнем. Но не забывайте, я не смогу нести вас.

Вруун медленно направился к невысокой гряде барханов, протянувшейся примерно в пяти сотнях ярдов к востоку. Неуверенно держась на ногах, пошатываясь, Деккерет последовал за ним и с удивлением увидел, что земля под ногами идет вверх. Гряда оказалась не настолько низкой, как ему показалось на первый взгляд; он понял, что его ввела в заблуждение игра яркого света. На самом деле барханы поднимались на два, а то и три человеческих роста и вполне успешно скрывали от взгляда еще две гряды поменьше. Парящая лодка пряталась в тени дальней гряды.

В лагере оказался один Барджазид. Он смерил Деккерета взглядом, в котором явственно читалось не то презрение, не то раздражение.

— Вы что, решили прогуляться? — процедил он.— В полдень?

— Во сне. Похитители снов добрались до меня. Я был словно околдован.— Деккерета начала бить дрожь; система терморегуляции его тела перестала справляться с солнечным жаром. Он опустился на землю рядом с машиной и накинул на себя какую-то легкую одежду.— Когда я проснулся, то не увидел лагеря. Я был уверен, что умру.

— Еще полчаса, и так бы и случилось. Вы, должно быть, уже на две трети поджарились. Вам повезло, что мой мальчишка проснулся и увидел, что вас нет на месте.

Деккерет поплотнее завернулся в накидку.

— Значит, здесь погибают именно так? От полуденного приступа лунатизма?

— И так тоже.

— Я обязан вам жизнью.

— Вы обязаны мне жизнью с тех самых пор, как мы миновали Кулагский проход. Если бы вы путешествовали в одиночку, то могли бы умереть уже пятьдесят раз. Но если уж благодарить, то благодарите вруна. Ведь именно он нашел вас.

Деккерет кивнул.

— А где ваш сын? И Хаймак Гран? Тоже ищут меня?

— Они уже возвращаются,— ответил Барджазид. И действительно, женщина-скандар и юноша появились спустя всего несколько секунд. Четверорукая женщина, ни на кого не глядя, сразу же улеглась на свою циновку.

Динитак Барджазид хитро улыбнулся Деккерету:

— Хорошо погуляли?

— Не особенно. Я сожалею о беспокойстве, которое причинил вам.

— Мы тоже.

— Возможно, мне следует теперь спать связанным.

— Или с тяжелым камнем на груди,— откликнулся Динитак. Он зевнул.— Постарайтесь оставаться на месте, по крайней мере до заката. Сможете?

— Надеюсь,— сказал Деккерет.

Но заснуть он не смог. Его кожа нестерпимо зудела от тысяч укусов насекомых и солнечных ожогов, так что, несмотря даже на целебную мазь, которую ему дал Серифэйн Рейнаулион, он ощущал себя совершенно разбитым и жалким. В горле саднило, и казалось, что это ощущение нельзя будет унять никаким количеством воды, а глазные яблоки, судя по ощущениям, раздулись и пульсировали болью. Словно исследуя раздражающее воспаление, он снова и снова восстанавливал в памяти перенесенное им в пустыне испытание — сновидение, жара, жажда, осознание неизбежной смерти. Он пристрастно искал проявления трусости, но не нашел ни одного. Да, он испытывал тревогу, и гнев, и дискомфорт, но так и не вспомнил ни одного момента паники или страха. Хорошо. Хорошо. Худшей частью его сегодняшнего испытания, решил он, была не жара, не жажда и не опасность, а сон — темный и тревожный сон, сон, который снова начался с радости и в середине подвергся мрачной метаморфозе. Оказаться вытряхнутым из здравых умиротворяющих грез в нечто, наподобие «прижизненной смерти», думал он, гораздо хуже, чем погибнуть в пустыне, ибо смерть занимает всего лишь одни миг, а сновидение оказывает влияние на все будущее время. И какое знание могли передавать эти мрачные субраэльские сны? Деккерет знал, что сновидения, приходящие от Повелительницы, нужно тщательно изучать и при необходимости прибегать к помощи толкователей, поскольку в них содержится информация, имеющая неоценимое значение для дальнейшей жизни. Но те сны, что посещали его, никак не могли быть посланиями с Острова Сна; судя по всему, их насылала какая-то иная, темная Сила, зловещая и угнетающая, которая больше брала, чем давала. Меняющие форму? Не исключено. Что, если какое-то из их племен сумело обманом заполучить в свое распоряжение одно из тех устройств, при помощи которых Хозяйка Острова связывается с разумами своих подданных? А затем метаморфы могли скрыться

здесь, в знойном глубинном районе Сувраэля, и охотиться на неосторожных путешественников, похищая их души, выпивая их жизненные силы, осуществляя тайную и непостижимую месть тем, кто украл у них этот мир.

Когда тени стали удлиняться, Деккеретом начал наконец овладевать сон. Страшась повторного покушения на свою душу, он вступил в борьбу с ним: напрягал волю, стараясь держать глаза раскрытыми, вглядывался в постепенно темнеющую пустошь, прислушивался к жуткому гулу и бормотанию песен пустыни... Но все же его истощенных сил не хватило. Он погрузился в неглубокую беспокойную дремоту; время от времени в нее вторгались сны, которые — он сознавал это — не были посланы ни Повелительницей, ни какой-то иной внешней силой, а являлись просто беспорядочными порождениями его утомленного сознания, осколками беспрецедентного происшествия, перепутанными с беспризорными невнятными образами. А затем кто-то легонько потряс его за плечо; судя по слабости прикосновения, это был вруун. Мысли Деккерета были туманными и медлительными. Он с трудом мог передвигаться. Его губы растрескались; воспаленная кожа на спине горела. Спустилась ночь, и его спутники уже вовсю трудились, сворачивая лагерь. Серифэйн Рейнаулион предложил Деккерету кружку какого-то сладкого, густого сине-зеленого сока, и он выпил его одним глотком.

— Пойдемте,— сказал вруун,— пора ехать дальше.

Глава 10

Облик пустыни снова изменился, и пейзаж стал более резким и грубым. Очевидно, здесь происходили большие землетрясения, причем не единожды, так как земля была изломана и исковеркана; мощные плиты скального основания пустыни под немыслимыми углами наваливались один на другой, а у подножий низких полуразрушенных утесов разлеглись обширные осыпи. Сквозь этот хаос и разруху вел один-единственный проходимый путь — широкое русло давным-давно пересохшей реки, чье песчаное ложе изящно извивалось между раскатившимися по земле отбитыми головами утесов. Большая луна находилась в полной фазе и заливала эту кошмарную картину ярким, почти дневным светом. После многочасового путешествия по этому однообразному ландшафту — каждый отрезок пути здесь был настолько похож на предыдущий, что казалось, будто парящая лодка стоит на месте,— Деккерет повернулся к Барджазиду:

— И сколько нам еще ехать до Гизин-Кора?

— Эта долина отделяет пустыню от зоны пастбищ,— Барджазид указал на юго-запад, где русло реки исчезало между двумя высокими скалистыми пиками, торчавшими над землей словно кинжалы.— За этим местом — оно называется Муннеракский перевал — климат становится совсем другим. Через дальнюю часть горного хребта по ночам с запада приходят морские туманы, и земля там зеленая и пригодная для выпаса скота. Завтра мы устроим лагерь на полпути к перевалу, а послезавтра пройдем через него. К вечеру Морского дня вы уже будете искать пристанище в Гизин-Коре.

— А вы? — поинтересовался Деккерет.

— У нас с сыном есть дела в других местах этого района. Мы возвратимся в Гизин-Кор за вами через... три дня? Или пять?

— Пяти дней мне должно хватить.

— Хорошо. А затем тронемся в обратный путь.

— Тем же самым маршрутом?

— А никакого другого нет,— сказал Барджазид.— Разве вам не объяснили в Толагае, что доступ в скотоводческие земли отрезан и осталась одна только эта дорога через пустыню? Но с какой стати вам бояться этого пути? Ведь сны не настолько ужасны — или я не прав? И если вы не станете впредь бродяжничать во сне, вам не будет угрожать никакая опасность.

Все это и впрямь звучало так, словно дело было проще простого. И Деккерет действительно чувствовал уверенность в том, что сможет благополучно завершить поездку; но вчерашнее сновидение было достаточно мучительным, и он без всякой радости ожидал того, что могло последовать дальше. Когда они стали лагерем на следующее утро, Деккерет никак не мог решиться отдаться сну. Целый час после того как все легли, он заставлял себя бодрствовать, прислушиваясь к металлическому звону голых камней, трескавшихся от полуденного жара, но в конце концов сон неожиданно навалился на его сознание подобно густому черному облаку и одолел его.

И сразу же к нему пришло сновидение, которое, как он знал с самого начала, должно было оказаться самым ужасным из всех.

Сначала возникла боль — резкий приступ, жестокие схватки, а затем у него в черепе внезапно что-то взорвалось, озарив все

мучительно ярким светом, так, что он зарычал и обхватил голову руками. Однако ужасающая судорога быстро прошла, и он почувствовал рядом с собой Голатор Ласгию. Она утешала его, она поглаживала его по груди, она баюкала его и что-то напевала ему, и наконец он успокоился, открыл глаза, сел, посмотрел вокруг и увидел, что находится не в пустыне и даже не в Суврaэле. Он и Голатор Ласгия были на какой-то прохладной лесной поляне среди гигантских деревьев с совершенно прямыми стволами, покрытыми желтой корой, возносивших свои кроны на умопомрачительную высоту. А рядом с ним, почти у ног, бурлил и ревел стремительный поток, стиснутый крутыми скальными лбами. За ручьем земля резко уходила вниз, открывая вид на отдаленную долину, а вдали возвышалась увенчанная снежной шапкой большая серая гора с зубчатыми, как пила, склонами, в которой Деккерет сразу же признал один из девяти пиков Граничий Кинтора.

— Нет,— сказал он,— я не хочу быть здесь.

Голатор Ласгия рассмеялась, и ее милый звонкий смех показался ему каким-то зловещим, подобным тем негромким звукам, которые пустыня издавала в сумерках.

— Но это сон, милый друг! Надо с благодарностью принимать все, что приходит в снах.

— Я буду сам управлять моими снами. Я не имею ни малейшего желания возвращаться к Граничьям Кинтора. Смотри, пейзаж меняется. Мы плывем по Зимру, приближаясь к большому изгибу реки. Видишь? Вон там, впереди, сверкает Ни-мойя.

И действительно, он видел огромный город, белый на зеленом фоне поросших лесом холмов. Но Голатор Ласгия покачала головой.

— Здесь нет никакого города, любовь моя. Здесь только северный лес. Чувствуешь ветер? Слышишь песню потока? Вот, встань на колени, возьми с земли пригоршню опавшей хвои. Ни-мойя далеко отсюда, а мы приехали сюда на охоту.

— Прошу тебя, давай останемся в Ни-мойе.

— В другой раз,— возразила Голатор Ласгия.

Он не смог возобладать в этом споре. Волшебные башни Ни-мойи дрогнули, стали прозрачными и растворились в воздухе, а перед ним остались только деревья с желтой корой, холодный ветер, лесные звуки. Деккерет задрожал. Он был пленником этого сновидения, и у него не было пути для спасения.

И потом появились пять охотников в грубых черных накидках, небрежно сделали приветственные жесты уважения и принялись показывать ему оружие: толстую унылого вида трубу энергомета, и короткий сверкающий кинжал, и клинки подлиннее с резко расширяющимися, наподобие крючков, остриями. Он покачал головой, и тогда один из охотников подошел к нему почти вплотную и насмешливо усмехнулся, показав редкие зубы; из широкого рта несло запахом вяленой рыбы. Деккерет узнал лицо этой женщины-охотника и, охваченный стыдом, отвел взгляд, потому что именно она погибла возле Граничий Кинтора в тот день... казалось, это произошло тысячу тысяч лет назад. Если бы только ее здесь не было, думал он, этот сон можно было бы вытерпеть. Но то, что с ним происходило, было дьявольской пыткой, в которой его силой заставляли еще раз пройти через все случившееся.

— Возьми у нее оружие,— сказала Голатор Ласгия.— Ститмоев уже подняли, сейчас погонят, и нам нужно поторопиться.

— Я совершенно не хочу...

— Какая глупость, думать, что сны станут уважать твои желания! Сновидение — вот твой закон. Бери оружие.

Деккерет понял, что сопротивляться бесполезно. Холодными руками он взял клинки, энергомет и прицепил их к специальным крючкам на поясе. Охотники улыбнулись и что-то прорычали на резком, грубом северном диалекте. А потом они двинулись вдоль ручья, передвигаясь легкими летящими прыжками так, что казалось, будто они прикасаются к земле лишь в одном шаге из пяти; и Деккерету тоже пришлось поневоле бежать вместе с ними, сначала неуклюже, а затем почти столь же изящными плывущими движениями. Голатор Ласгия бежала рядом с ним, легко выдерживая темп, ее темные волосы развевались, то и дело закрывая прядями лицо, глаза сияли от возбуждения. Вся группа повернула налево, в сердце леса, и развернулась в цепочку, которая в свою очередь растянулась и выгнулась вперед в форме полумесяца, чтобы не упустить добычу.

Добыча! Деккерет ясно видел трех покрытых ослепительно белым мехом ститмоев, сверкающих в глубине леса словно фонари. Животные тревожно метались, почти непрерывно рыча; они знали о вторжении, но не были согласны уступить пришельцам свою территорию,— крупные звери — возможно, самые опасные из диких животных Маджипура — быстрые, мощные, хитрые,

наводившие страх на северные земли. Деккерет вытянул из ножен кинжал. Убийство ститмоя из энергомета не могло иметь ничего общего со спортом; к тому же это оружие приводило в почти полную негодность ценнейший мех зверя. Настоящий охотник должен был подойти к зверю вплотную и прикончить его кинжалом, ну а при необходимости можно было воспользоваться мачете с крючковатым острием.

Охотники повернулись к нему. Выберите одного, говорили они, выберите своего зверя. Деккерет кивнул. Средний, показал он. Они холодно улыбнулись в ответ. Что им могло быть известно такое, о чем они не говорили ему? И в тот раз они вели себя точно так же, даже не стараясь особо скрывать презрение, которое горцы испытывали к избалованным сыновьям вельмож, искавших в их лесах опасных развлечений. А окончание этого пикника должно было оказаться ужасным. Деккерет поднял свой кинжал. Ститмои, которые в его сне нервно перебегали от дерева к дереву, были неправдоподобно громадными, с необъятно толстыми ляжками, и было ясно, что одному человеку, вооруженному лишь холодным оружием, не под силу расправиться с таким зверем, но у него не было пути для отступления — он знал, что обречен на любую судьбу, которую выберет его сон. А потом послышались громкие звуки охотничьих рожков, нанятые охотники заголосили, захлопали в ладоши и погнали добычу. Ститмои, встревоженные неожиданным шумом, пронзительным визгом и воем рожков, поднялись на дыбы, закружились, принялись, раскачиваясь всем телом, драть кору деревьев когтями, а затем — скорее от раздражения, чем от страха,— пустились бежать.

Погоня началась.

Деккерет знал, что охотники разделяют животных, отгоняя двух подальше в стороны, чтобы дать ему верную возможность схватиться именно с тем, которого он выбрал. Но он не смотрел ни направо, ни налево. В сопровождении Голатор Ласгии и одного из охотников он мчался вперед, преследуя среднего ститмоя, который, треща валежником и круша молодые деревца, продирался через лес. Это была самая трудная часть охоты, так как, хотя люди и двигались быстрее, ститмой был в состоянии проломиться напрямую через самый густой подлесок и охотник вполне мог в суматохе погони потерять из виду свою жертву. Лес здесь был довольно редким, но ститмой стремился в крепь,

и вскоре Деккерету пришлось раздвигать кусты, сгибать молодые деревья, обрубать хватавшие его за одежду лианы, чтобы только держать удаляющийся белый фантом в поле зрения. Он самозабвенно несся вперед, не глядя рубил мачете и продирался сквозь чащобу. Все это было до невозможности, ужасно знакомо, настолько совпадало со старой историей; особенно с того момента, когда он понял, что ститмой повернул назад, возвращаясь в уже покинутую ими часть леса, как будто собирался контратаковать...

С минуты на минуту все свершится; Деккерет из сна совершенно точно знал, когда взбешенное животное наткнется на редкозубую охотницу, схватит женщину гор мощными лапами и швырнет о ствол дерева, а он сам, Деккерет, не желая или будучи не в состоянии заставить себя остановиться, помчится дальше, оставив женщину лежать там, где она упала, так что когда приземистый толстмордый зверь-стервятник вылезет из норы и примется раздирать ее живот, рядом не окажется никого, кто сможет защитить ее... И только позднее, когда страсть погони уляжется и наступит время вернуться к раненой охотнице, он начнет сожалеть о своей черствости, о том, что позволил себе так увлечься охотой, что оказался способен пройти мимо своего упавшего спутника ради того, чтобы не упустить из виду добычу. И еще позже придет стыд, чувство вины, бесконечные самообвинения — да, он должен снова пройти через все это, лежа здесь, спящим, посреди невыносимо жаркой сувраэльской пустыни; а почему бы и нет?

Нет.

Нет, все оказалось вовсе не так просто, ибо язык сновидений сложен, и в густом тумане, внезапно опустившемся на лес, Деккерет увидел, как ститмой резко повернулся и схватил редкозубую женщину и швырнул ее, и она растянулась и лежала неподвижно, но вслед за этим женщина поднялась и выплюнула несколько окровавленных зубов и рассмеялась, и преследование продолжалось, пока вдруг события не вернулись к тому же самому моменту, но на сей раз ститмой, вырвавшийся из гущи леса, налетел на самого Деккерета, выбив у него из рук и кинжал, и мачете, и встал на дыбы, готовясь нанести смертельный удар. Но удара не последовало, и теперь уже Голатор Ласгия лежала на земле, и уже в ее тело вонзались убийственные когти, а Деккерет, бледный, безучастно взирал на все происходящее со сторо-

ны, не в силах пошевелиться... А потом жертва снова превратилась в охотницу с гор... а потом снова в Деккерета... а вслед за этим ее внезапно невероятным образом сменил старший Барджазид с худым лицом... а потом вновь там оказалась Голатор Ласгия. Деккерет, наблюдавший за всем этим, услышал за спиной голос:

— Что это может значить? Все мы являемся должниками, и наш долг — смерть. Может быть, для вас было важнее догнать свою добычу.

Деккерет оглянулся. Голос принадлежал редкозубой охотнице. Его звук изумил и потряс Деккерета. Сновидение становилось все непонятнее и непонятнее, и он напряг разум, чтобы проникнуть в его тайны.

Он увидел, что рядом с ним на полутемной прохладной лесной поляне стоял Барджазид. Стервятник снова терзал охотницу.

— Так ли все это было на самом деле? — спросил Барджазид.

— Полагаю, что да. Я не видел этого.

— Что вы делали?

— Продолжал погоню. Я не хотел упустить зверя.

— Вы убили его?

— Да.

— А потом?

— Вернулся. И нашел ее. Вот в таком виде...

Деккерет указал рукой. Лесной стервятник, сопя, ковырялся во внутренностях женщины. Голатор Ласгия, с улыбкой скрестив руки на груди, стояла поблизости.

— А что было дальше?

— Подошли остальные. Они похоронили свою спутницу. Мы освежевали ститмоя и вернулись в лагерь.

— А что было после этого? И потом? И спустя некоторое время?

— Кто вы такой? Почему вы спрашиваете меня об этом?

Перед Деккеретом мелькнуло мимолетное видение: клыки стервятника рвут его собственное тело.

— Вы чувствовали стыд? — продолжал расспросы Барджазид.

— Конечно. Я поставил развлечение выше человеческой жизни.

— Вы не могли знать о том, что она ранена.

— Я чувствовал это. Я видел это, но не позволил себе это заметить — вы понимаете? Я знал, что она ранена. Я прошел мимо.

— И кого это тревожит?

— Меня.

— А что, ее соплеменников это тревожило?

— Это тревожило меня.

— Ну и что? Ну и что из этого?

— Это имело значение для меня. А для них имеет значение другое.

— Вы чувствовали себя виновным?

— Конечно.

— Вы виновны. По молодости, по глупости, по наивности.

— И мой судья — вы?

— Конечно я,— ответил Барджазид.— Видите мое лицо? — Он ухватил себя за изрезанные морщинами, избитые солнцем и ветрами скулы и принялся дергать и тянуть до тех пор, пока загрубевшая, покрытая темным загаром кожа не начала рваться, и лицо, разорванное, словно ненужная маска, отлетело в сторону, открыв другое лицо, отвратительное, искаженное иронией лицо, лицо, изуродованное конвульсивным язвительным смехом, и это другое лицо было собственным лицом Деккерета.

Глава 11

Ощущение, которое испытал в этот момент Деккерет, было подобно удару молнии, пронзившей его череп от темени до позвоночника. Это была самая страшная боль, которую ему когда-либо пришлось испытать, внезапный неимоверно мучительный разряд, с чудовищной яростью пылавший в его мозгу. Он озарил зловещим заревом его мысли, и в мрачном свете этой вспышки он увидел самого себя, дурака, романтичного мальчишку, единственного изобретателя драмы, которая не вызвала больше ни у кого никаких волнений, автора трагедии, имевшего всего лишь одного зрителя, паладина, отправившегося на поиски очищения от греха, который вовсе не был грехом; разве что грехом потакания своим желаниям. И пребывая в апогее своей муки, Деккерет услышал вдали мерный звон большого гонга и сухой скрежещущий звук демонического смеха Барджазида, и тогда он резко дернулся всем телом, извернулся, сумев этим движением осво-

бодиться от сна, и повернулся, весь дрожа от потрясения, все еще ощущая разящий удар боли, хотя она стала проходить, как только последние остатки кошмара покинули его.

Он попытался подняться на ноги, но почувствовал, что весь окутан густым, пахнувшим мускусом мехом, как будто ститмой из сна схватил его и с сокрушительной силой прижимает к груди. Мощные руки крепко держали его — четыре руки, сообразил он — и, поскольку Деккерет завершил свое странствие в мире снов, ему сразу удалось понять, что он находился в объятиях гигантской женщины-скандара Хаймак Гран. Возможно, он кричал и метался во сне, а когда поднялся на ноги, она решила, что он намерен совершить еще одну прогулку в сомнамбулическом состоянии, и сочла за лучшее вмешаться. Она обнимала его с такой силой, что трещали ребра.

— Все в порядке,— пробормотал он (это было нелегко, так как его лицо было прижато к мохнатой шкуре).— Я уже не сплю! Я никуда не уйду!

Тем не менее она все так же крепко держала его.

— Ты... мне больно...

Он напрягал все силы, чтобы набрать воздуха в легкие. Это огромное неуклюжее существо было в состоянии убить его своей материнской заботой. Деккерет толкался, даже бил свою няньку ногами, бодал головой. Судорожными движениями ему удалось лишить ее равновесия, и они вместе повалились на песок, причем он оказался наверху. В последний момент Хаймак Гран разжала объятия, позволив Деккерету отскочить в сторону. Он приземлился на оба колена и покатился по песку; все тело болело, он плохо соображал... Но все же он не полностью потерял контроль над собой, и, торопливо поднявшись, смог заметить с противоположной стороны парящей лодки Барджазида, который поспешно снял с головы какое-то устройство — изящный обруч, напоминавший корону,— и сунул его в кабину машины. Было заметно, что он суетится.

— Что это такое? — резко спросил Деккерет.

Барджазид казался необычно взволнованным.

— Ничего. Просто игрушка.

— Дайте мне посмотреть.

Барджазид взмахнул рукой, видимо, подавая сигнал. Деккерет краем глаза увидел, что Хаймак Гран поднялась на ноги и заторопилась вслед за ним, но, прежде чем неповоротливое существо смогло до него дотянуться, Деккерет увернулся и, стремглав обежав вокруг машины, добрался до Барджазида. Маленький человечек все еще возился со своим непонятным прибором. Рядом с Барджазидом Деккерет казался таким же огромным, как скандар рядом с ним самим. Он стремительным выпадом поймал руку своего проводника и завернул за спину. Свободной рукой он выхватил из машины обруч и принялся рассматривать его.

Теперь уже проснулись все. Вруун, выпучив глаза, смотрел на происходящее, а молодой Динитак, вынув нож, очень мало отличавшийся от того, которым Деккерет был вооружен во сне, яростно уставился на него и потребовал:

— Отпустите моего отца!

Деккерет развернул Барджазида и закрылся им как щитом.

— Прикажите вашему сыну убрать оружие,— потребовал он.

Барджазид промолчал.

— Или он бросит оружие, или я разломаю эту штуку на кусочки. Что вы предпочтете.

Барджазид совершенно не своим, каким-то басовитым рычащим голосом произнес требуемые слова. Динитак отшвырнул нож так, что он воткнулся в песок почти у самых ног Деккерета, и тот, сделав шаг вперед, ступней отодвинул оружие подальше. Он покрутил аппаратом перед лицом Барджазида; изящная вещица была сделана из золота, блестящих кристаллов, среди которых были драгоценные камни, и ценной кости, а все части были соединены между собой многочисленными проводами.

— Что это такое? — вновь настойчиво спросил Деккерет.

— Я уже сказал вам. Игрушка. Пожалуйста, отдайте ее мне, пока вы ее не сломали.

— Для чего она нужна?

— Она развлекает меня во время сна,— хрипло сказал Барджазид.

— Каким образом?

— Она изменяет мои сновидения и делает их более интересными и разнообразными.

Деккерет пристально взглянул ему в лицо.

— Если я надену ее, мои сны тоже станут интереснее?

— Вам это только повредит, посвященный.

— Расскажите мне, что она делает.

— Это очень трудно описать,— ответил Барджазид.

— А вы постарайтесь. Подыщите нужные слова. Каким образом вы появились в моем сне, Барджазид? Именно в той коллизии вам совершенно нечего было делать.

Маленький человек пожал плечами.

— Я был в вашем сне? — с деланной непринужденностью спросил он.— Откуда мне знать, что происходит в ваших снах. Любой человек может попасть в чей угодно сон.

— Я думаю, что эта машина помогла вам проникнуть туда. А также, возможно, помогла узнать, что именно мне снится.

Барджазид мрачно молчал.

— Расскажите мне, как работает этот аппарат,— настойчиво попросил Деккерет,— или я на ваших глазах разотру его в порошок.

— Прошу вас...

Толстые сильные пальцы Деккерета нащупали одну из наиболее хрупких на вид частей устройства. Барджазид напрягся и затаил дыхание.

— Ну! — прикрикнул Деккерет.

— Вы... вы угадали. С ее помощью я могу входить в спящий разум.

— На самом деле? И где же вы взяли такую вещь?

— Это мое собственное изобретение. Идея, над которой я работал много лет.

— Наподобие машин Хозяйки Острова?

— Мой аппарат другой. Более мощный. Повелительница может только обращаться к умам; я же могу читать сны, формировать их образы, в значительной степени контролировать сознание спящего человека.

— И это устройство является вашим собственным созданием. Оно не украдено с Острова,— констатировал Деккерет.

— Мое собственное,— пробормотал Барджазид.

Деккерета захлестнула волна ярости. Какое-то мгновение ему нестерпимо хотелось стиснуть кулак и раздавить аппарат Барджазида, а затем свернуть шею и ему самому. В его памяти сразу развернулись все полуправдивые высказывания Барджазида, и его умолчания, и явная ложь, вспомнилось, как Барджазид вмешивался в его сны, как он безжалостно изуродовал целительный отдых, который был так необходим Деккерету, как он изъял глубинный слой из предназначенного ему послания Повелительницы, которое несло истинный блаженный покой, и заменил его

на страхи, мучения и неуверенность. Деккерет ощущал почти убийственный гнев: быть плененным, одураченным таким образом, оказаться во власти этого человека!.. Его сердце бешено колотилось, в горле пересохло, перед глазами стояла розовая пелена. Его запястье напряглось, сильнее завернув согнутую руку Барджазида, так что человечек ойкнул и заскулил. Сильнее... еще сильнее... так, чтобы затрещало...

Нет.

Деккерет достиг какого-то внутреннего пика гнева, задержался на мгновение в этом состоянии, а затем позволил себе спуститься по противоположному склону в долину спокойствия. Он дождался, пока его зрение прояснится, дыхание восстановится, сердцебиение замрет. Он все так же держал Барджазида, пока не почувствовал себя совершенно спокойным. Тогда он выпустил человечка и толкнул его к парящей лодке; тот покачнулся и вынужден был опереться о выпуклый бок машины. Все краски сошли с лица Барджазида. Он осторожно потирал руку и глядел на Деккерета с выражением, которое, казалось, состояло из равных частей ужаса, боли и негодования.

А Деккерет аккуратно изучал странное устройство, легонько водя кончиками пальцев по его изящным и сложным частям. Затем приподнял его и сделал движение, словно намеревался надеть его себе на голову.

— Не надо! — без голоса выдохнул Барджазид.

— А в чем дело? Я что, могу повредить его?

— Наверняка повредите. И себе тоже.

Деккерет кивнул. Ему казалось, что Барджазид не блефует, но выяснять это доподлинно ему пока что не хотелось.

Несколько секунд прошло в молчании.

— Значит, никаких банд меняющих форму, занимающихся кражей снов, в этой пустыне нет, или я не прав? — спросил Деккерет, прерывая паузу.

— Правы,— прошептал Барджазид.

— Только вы со своими тайными экспериментами на умах других путешественников. Да?

— Да.

— И вы довели их до смерти.

— Нет,— возразил Барджазид.— Я не желал никому смерти. Если они погибли, то из-за собственной тревоги, растерянно-

сти, из-за того, что впали в панику и убежали в опасные места... потому что они ходили во сне, так же как и вы...

— Но они умерли из-за того, что вы вмешивались в ход их мыслей.

— Разве можно быть уверенным в этом? Некоторые умерли, некоторые нет. Я совершенно не желал никому смерти. Вспомните, когда вы заблудились, мы бросились на поиски.

— Я нанял вас своим проводником и телохранителем,— сказал Деккерет.— А остальные были ни в чем не повинными незнакомцами, и вы охотились на них издалека, не так ли?

Барджазид промолчал.

— Вы знали, что смерть этих людей явилась прямым следствием ваших опытов, и все же продолжали экспериментировать.

Барджазид пожал плечами.

— Как долго вы занимались этим?

— Несколько лет.

— И ради чего?

Барджазид упорно смотрел в сторону.

— Я сказал вам однажды, что никогда не отвечаю на подобные вопросы.

— Даже если я сломаю ваш аппарат?

— Вы все равно его сломаете.

— Ошибаетесь,— ответил Деккерет.— Вот. Берите.

— Что?

Деккерет протянул ему руку, держа на раскрытой ладони машину снов.

— Ну же, возьмите ее. И уберите подальше. Мне эта штука не нужна.

— И вы не собираетесь убивать меня? — растерянно спросил Барджазид.

— Разве я судья вам? Если я еще раз поймаю вас, когда вы будете воздействовать этим устройством на меня, то, скорее всего, действительно убью. Но в любом другом случае не стану. Убийства не забавляют меня. У меня и так уже есть один тяжкий грех на душе. А вы нужны мне, чтобы я мог вернуться в Толагай, или, может быть, вы забыли об этом?

— Ну, конечно... Конечно,— пробормотал Барджазид. Казалось, милосердие Деккерета потрясло его до глубины души.

— А почему я должен желать убить вас? — совершенно серьезно спросил Деккерет.

— За вторжение в ваш разум... За искажение ваших сновидений...

— Ах!

— За то, что ваша жизнь была подвергнута опасности в пустыне.

— И это тоже.

— И все же вы не хотите отомстить?

Деккерет покачал головой.

— Вы позволили себе чрезмерную вольность в обращении с моей душой, и я был возмущен этим, но теперь гнев прошел и с этим покончено. Я не стану наказывать вас. Мы с вами заключили сделку, и я получил от вас кое-что, стоившее уплаченных мною денег, и это кое-что оказалось ценным для меня.— Он наклонился поближе к Барджазиду.— Я прибыл в Сувраэль, через край полный сомнениями, внутренним разладом и чувством вины,— негромко и очень серьезно сказал он,— ища возможности очиститься через телесные страдания. Это было глупостью. Телесные страдания причиняют неудобства и укрепляют волю, но очень мало что дают раненому духу. Вы дали мне нечто другое, вы и ваша игрушка, копающаяся в мозгах. Вы истязали меня во сне, вы поднесли зеркало к моей душе, и я смог ясно увидеть себя. Барджазид, много ли из этого последнего сновидения вы сумели по-настоящему прочесть?

— Вы были в лесу, на севере...

— Да.

— Охотились там. Одного из ваших спутников... спутницу... ранил дикий зверь, да? Так?

— Продолжайте.

— И вы не обратили на нее внимания. Вы продолжили гнать зверя. А потом, когда вы вернулись, чтобы заняться ею, оказалось слишком поздно, и вы обвинили себя в смерти женщины. Я ощущал в вас большую вину. Я чувствовал, какая сильная аура окружала вас.

— Да,— сказал Деккерет.— Эту вину мне предстоит нести вечно. Но теперь для погибшей уже ничего нельзя сделать — скажете нет? — Он почувствовал удивительное спокойствие. Он все еще не до конца понимал происшедшее и был уверен только в одном: во сне он наконец-то столкнулся лицом к лицу с реальностью события в Кинторском лесу, с истиной о том, что он сделал и чего не сделал, понял то, чего не мог выразить слова-

ми: безумие — подвергнуть себя пожизненному наказанию за один-единственный поступок, совершенный по небрежности, по необдуманности. Настало время отказаться от самобичевания и вернуться к нормальной жизни. Он уже осознал, что прощение началось. Он прибыл в Сувраэль в поисках очищения, и ему удалось так или иначе найти его. И этим он обязан Барджазиду.

— Может быть, мне удалось бы спасти ее,— обратился он к проводнику,— а может быть, и нет, но мой разум был в этот момент занят совсем другими мыслями, и я в своей неразумности прошел мимо, думая лишь о том, как убить зверя. Но не кажется ли вам, Барджазид, что валяться на земле и посыпать главу пеплом — это не путь к искуплению? Мертвые — мертвы. Я должен трудиться на благо живых. Так что разворачивайте летающую лодку, и двинем назад, в Толагай.

— А как же ваша инспекция пастбищ? Гизин-Кор?

— Совершенно бессмысленное задание. Все эти недопоставки мяса и торговый дисбаланс уже не имеют никакого значения. Проблемы уже решены. Везите меня в Толагай.

— А дальше?

— Вы поедете со мной на Замковую гору. Покажете свою игрушку короналю.

— Нет! — в ужасе вскричал Барджазид. Впервые за все время знакомства Деккерет увидел его по-настоящему испуганным.— Умоляю вас...

— Отец! — вмешался Динитак.

Даже под ослепительными лучами полуденного солнца, заливавшими все вокруг, юноша, казалось, сам светился изнутри. На его лице безошибочно читалось выражение беспредельной гордости.

— Отец, поезжай с ним на Замковую гору. Пусть он покажет своим господам, что у нас тут есть.

Барджазид облизал губы.

— Я боюсь...

— Ничего не бойся. Это начало нашего времени.

Деккерет медленно обвел взглядом обоих: и внезапно потерявшего всю свою напористую наглость и оробевшего старика, и расцветшего в мгновение ока гордого юношу. Он ощущал, что свершается историческое событие, что извечное равновесие могущественных сил нарушено и складывается некий новый порядок, но все это он пока что смутно угадывал, а не понимал, и лишь в одном был уверен: его жизненное предназначение и судьбы этих сынов пустыни теперь оказались неразрывно связанными, и машина для чтения снов, созданная Барджазидом, была той нитью, которая соединяла их жизни.

— А что будет со мной в Горном замке? — осипшим голосом спросил Барджазид.

— Не имею ни малейшего представления,— ответил Деккерет.— Может быть, вам отрубят голову и выставят ее на Башне лорда Симинэйва. А может быть, включат вас в число властителей Маджипура. Может случиться все, что угодно. Как я могу сейчас что-то обещать? — Деккерет понял, что его совершенно не волнует судьба Барджазида, что она ему безразлична, что он нисколько не гневается на этого жалкого и убогого маленького типа, осмелившегося копаться в человеческих умах... Напротив, он испытывает к нему своего рода абстрактную благодарность за то, что Барджазид помог ему избавиться от его собственных демонов.— Решить все это может только корональ. Но в одном я уверен твердо: вы вместе со своим прибором поедете со мной на Гору. Вперед! Разворачивайте лодку — и поспешим в Толагай.

— Сейчас день...— пробормотал Барджазид.— Самая жара...

— Перетерпим. Ну же, заводите машину, да побыстрее! Нам нужно перехватить в Толагае судно, пока оно не ушло, и к тому же я хочу до отплытия успеть еще раз повидаться в городе с одной женщиной!

Глава 12

Эти события произошли в пору возмужания того, кому суждено было именоваться короналем лордом Деккеретом при понтифексе Престимионе. А юный Динитак Барджазид стал первым, кто из Сувраэля управлял умами всех спящих Маджипура и получил титул Короля Снов.

ЧАСТЬ 6

ЖИВОПИСЕЦ И МЕНЯЮЩИЙ ФОРМУ

Это уже приобрело характер непреодолимой тяги. Мысли Хиссуна идут теперь во множестве различных направлений, и Регистр памяти душ служит ключом к новому осознанию бескрайнего мира. У человека, живущего в Лабиринте, развивается специфическое ощущение внешнего мира как чего-то неопределенного и нереального, скорее простой совокупности названий, нежели реальных мест; для него материальным является только темный, овеваемый искусственным ветерком Лабиринт, а все остальное не более осязаемо, чем пар. Но Хиссун уже совершил путешествия на все континенты планеты, попробовал незнакомые и странные блюда, видел невероятные пейзажи, испытал немыслимую жару и страшный холод, и благодаря этому обрел понимание сложности мира, которым, как он подозревает, обладают очень немногие. Теперь он снова и снова возвращается в эту комнатку. Ему уже не приходится волноваться из-за поддельных пропусков — он стал постоянным посетителем и теперь лишь раскланивается с охранниками при входе, а потом остается наедине с миллионами миллионов рассказов о прошлом Маджипура. Частенько ему хватает лишь минуты-другой, и он решает, что в записи не содержится ничего такого, что могло бы повести его дальше по дороге к знанию, и за утро он вызывает и отправляет обратно восемь, десять, дюжину капсул. Он уже доподлинно знает, что каждая живая душа заключает в себе вселенную; но не все вселенные одинаково интересны, так что те сведения, которые он мог бы получить от некоей персоны, всю жизнь подметавшей улицы Пилиплока, или другой, возносившей молитвы рядом

с Хозяйкой Острова, не кажутся ему столь необходимыми. И потому он заказывает капсулы, отправляет их на место и просит прислать новые, раз за разом погружаясь в прошлое Маджипура... и каждый раз стремится открыть мир с новой, неведомой стороны. Он уже знает, что воспоминания даже короналей и понтифексов не всегда обеспечивают его интересной информацией. Но неожиданная находка может произойти в любой момент. Как, скажем, обнаружилась история человека, влюбившегося в метаморфа...

В темные леса западного континента из хрустальных городов Замковой горы живописца Териона Нисмайла привела пресыщенность совершенством. Всю свою жизнь он провел среди чудес Горы, странствовал по всем Пятидесяти Городам, как того требовал успех карьеры, каждые несколько лет меняя один изумительный ландшафт на другой. Его родным городом был Дундилмир, и на первых холстах он со страстью и импульсивной энергией юности запечатлел виды Пламенной долины. Следующие несколько лет он провел в изумительном Канзилейне, прославившемся своими говорящими статуями, а потом жил в величественном Сти, предместья которого раскинулись на три дня пути, в золотом Халанксе возле самых пределов Замка; пять лет он провел в самом Замке — был придворным живописцем у короналя лорда Трайма. Его картины высоко ценили за спокойное изящество и совершенство формы, способные в полной мере отразить великую красоту всех Пятидесяти Городов. Но красота таких мест спустя некоторое время начинает мертвить душу и парализует артистические наклонности. Когда Нисмайлу исполнилось сорок лет, он начал отождествлять совершенство с застоем, возненавидел самые знаменитые свои работы; дух его возопил о необходимости отказа от планомерности, потребовал глубоких и ярких перемен.

Кризис настиг его в садах Барьера Толингар — удивительного парка на равнине, раскинувшейся между Дундилмиром и Стипулом. Корональ обратился к нему с просьбой исполнить серию пейзажей с видами этих садов для украшения перголы, воздвигавшейся вдоль периметра Замка. Нисмайл с готовностью отправился в дальнее путешествие вниз по склонам огромной горы, объехал растянувшийся на сорок миль парк, выбрал подходящие виды и принялся за работу над первым холстом на мысе

Казкас, откуда сад огромным симметричным зеленым свитком тянулся к горизонту. Парк он любил еще с детских лет. На всем Маджипуре не было более безмятежного, более упорядоченного места, ибо специально выведенные растения в садах Толингара всегда умели самостоятельно поддерживать форму. Ни один садовник никогда не подстригал эти кусты и деревья — они росли по собственной воле, в изящном равновесии и чередовании пород, определяя расстояние друг от друга, подавляя поблизости все сорняки и регулируя свой рост так, что первоначальный план посадки сохранялся в неприкосновенности. Когда они теряли листья или считали нужным уронить отмершую ветку, почвенные ферменты быстро превращали отверженные части в полезный перегной. Этим садам было уже более ста лет — их основал кораль лорд Хэвилбоув. Его преемники лорд Канаба и лорд Сиррут продолжили и развили программу генетической модификации, управлявшую саморазвитием сада, а при нынешнем коронале лорде Трайме планирование парка было полностью завершено, и теперь ему предстояло навечно сохранить совершенство. Именно это совершенство и должен был запечатлеть Нисмайл.

Он встал перед девственно чистым холстом, набрал полные легкие воздуха и приготовился перейти в состояние транса. Спустя мгновение его душа, сконцентрировавшаяся в погруженном в грезу сознании, должна была единым мгновенным прикосновением запечатлеть на психочувствительной ткани уникальное яркое видение пейзажа. Он еще раз взглянул на округлые плавные холмы, созданный искусством людей кустарник, изящно вырезанные листья, и на него накатила волна неуправляемой ярости, он задрожал всем телом, зашатался и чуть не упал. Раскинувшийся перед его взором неподвижный пейзаж, статичная, бесплодная красота, весь этот безупречный и несравненный сад совершенно не нуждались в нем: рукотворная природа была столь же неизменяемой, как и живопись, и столь же безжизненной, застывшей в своих собственных безупречных ритмах до скончания времен.

Какой кошмар! Какая мерзость! Нисмайл зашатался и обхватил ладонями разрываемую внутренним грохотом голову. До него как сквозь вату донеслись негромкие удивленные возгласы спутников, а открыв глаза, он увидел, что все в ужасе и растерянности уставились на почерневший, покрывшийся пузырями холст.

Все сразу пришли в движение, а посреди суеты, застыв как статуя, стоял Нисмайл.

— Передайте лорду Трайму, что я не в состоянии выполнить его поручение,— абсолютно спокойным голосом сказал художник, когда к нему вернулся дар речи.

В тот же самый день он купил в Дундилмире все необходимое и отправился в долгое путешествие в равнинную часть материка, и дальше — в широкую жаркую долину тихой и вялой реки Ийянн; по ней он долго плыл к западному порту Алаизору, где спустя несколько недель сел на корабль, направлявшийся на Остров Сна, в Нуминор. Там он пробыл месяц. Затем Нисмайл нашел место на корабле, перевозившем паломников, и переправился на Зимроэль, в Пилиплок. Он был уверен, что своей искусственной красотой, изяществом и ухоженностью Зимроэль не произведет на него угнетающего впечатления. На нем имелось всего лишь восемь или девять городов, и все они мало чем отличались от пограничных форпостов. А посреди материка располагались земли, на которых четыре тысячи лет назад лорд Стиамот расселил аборигенов Маджипура — метаморфов, после того как нанес им окончательное поражение. Человек, уставший от цивилизации, мог в такой обстановке обрести возрождение души.

Нисмайл рассчитывал, что Пилиплок окажется грязной дырой, но, к своему удивлению, увидел огромный древний город, выстроенный согласно непреложному геометрическому плану. Бесспорно, город был уродлив, но не тем освежающим образом, который был необходим для художника, и он отправился на речном судне вверх по Зимру. Он, не останавливаясь, проплыл мимо огромной Ни-мойи, которая славилась даже среди жителей другого континента, но в городе под названием Верф, поддавшись внезапному порыву, покинул судно и двинулся в нанятом фургоне в глубь расположенных на юге лесов. Забравшись в дебри настолько далеко, что вокруг уже нельзя было рассмотреть никаких следов цивилизации, он остановился и на берегу быстрой речки построил хижину. Минуло уже три года, с тех пор как он покинул Замковую гору. На протяжении всей свой поездки он пребывал в одиночестве, разговаривал с другими только в случае необходимости и совсем не рисовал.

Здесь Нисмайл почувствовал, что начинает исцеляться. Все в этих местах было незнакомо и прекрасно. На Замковой горе,

где климат был искусственным, царила бесконечная нежная весна, ненастоящий воздух был свежим и чистым, а начало дождя можно было предсказать достаточно точно. Но сейчас он жил в сыром тропическом лесу, где похожая на губку почва мягко проминалась под ногами, где проплывали облака и наползали языки тумана, где с небес низвергались частые ливни, где все росло в полной анархии, хаотически смешиваясь и переплетаясь между собой, и до крайности не походило на чинный, аккуратный и симметричный Барьер Толингар. Он носил на себе минимум одежды, достаточный, только чтобы едва прикрыть тело, методом проб и ошибок выучил, какие корни, ягоды и побеги пригодны для еды, и даже сконструировал и сплел из веток плотину и ловил возле нее темно-красных рыб, которые, сверкая на солнце чешуей, словно ракеты, неслись вверх по течению. Он часами гулял по густым джунглям, наслаждаясь не только их странной красотой, но еще и каким-то тревожным восхищением, которое испытывал всякий раз, пробираясь к своей лачуге. Он часто пел громким хрипловатым голосом, чего никогда не позволял себе на Замковой горе. Время от времени Нисмайл доставал холст, но каждый раз он оставался нетронутым. Он сочинял бессмысленные стихи, пышные вереницы строк, и распевал их перед аудиторией, состоявшей из стройных высоких деревьев и невообразимым образом переплетавшихся лиан. Порой он принимался раздумывать, как идут дела при дворе лорда Трайма, нанял ли корональ нового художника для оформления перголы, цветут ли халатинги вдоль дороги к Горному Морпину. Впрочем, такие мысли посещали его нечасто.

Он утратил счет времени, так что не знал, сколько недель — четыре, или пять, или, может быть, шесть — прошло до того момента, когда он увидел первого метаморфа.

Встреча произошла на заболоченном лугу в двух милях вверх по течению от его обители. Нисмайл отправился туда искать сочные алые коренья-луковицы болотной лилии, из которых научился делать пюре и печь нечто, похожее на хлеб. Они росли глубоко, и, чтобы добраться до них, ему приходилось по плечо зарывать руку в жирную землю и в буквальном смысле слова ложиться лицом в грязь. Когда он в очередной раз выпрямился, зажав в кулаке скользкую луковицу, с которой капала вода, то с изумлением обнаружил в полутора десятках ярдов спокойно разглядывавшее его живое существо.

Он никогда еще не видел метаморфа. Аборигены Маджипура были навечно высланы с главного континента, Алханроэля, где Нисмайл провел все предшествующие годы своей жизни. Но он имел представление об их облике и был уверен, что встретил именно одного из меняющих форму: существо оказалось необыкновенно высокого роста, хрупким, с болезненно-серой кожей, узким лицом, на котором имелись пара посаженных очень близко к середине глаз и едва заметный нос, и упругими бледно-зелеными волосами. Из одежды на нем была только кожаная набедренная повязка, к которой был прицеплен короткий, острый с виду кинжал из какого-то черного, отполированного, наверное очень твердого дерева. Метаморф стоял в странной позе, обвив одну хилую длинную ногу вокруг голени другой, и все равно в этом смешном, на человеческий взгляд, положении угадывалось мрачное достоинство. Впечатление, которое он производил, было одновременно и зловещим, и ласковым, и угрожающим, и комическим. Нисмайл решил, что пугаться не стоит.

— Привет,— спокойно сказал он.— Вы не против того, что я собираю здесь луковицы?

Метаморф промолчал.

— У меня здесь, ниже по течению, хижина. Меня зовут Терион Нисмайл. Раньше, когда я жил на Замковой горе, я был живописцем.

Метаморф окинул его величественным взглядом. По его лицу промелькнула четкая тень не понятого Нисмайлом выражения. Затем он повернулся и, изящно двигаясь, скользнул в джунгли, почти сразу же исчезнув из вида.

Нисмайл пожал плечами, опустился на колени и вновь принялся копаться в мокрой земле в поисках луковиц болотных лилий.

Спустя неделю или две он встретил другого метаморфа, а быть может, и того же самого. На сей раз это произошло, когда он обдирал кору с лианы, чтобы сплести веревку и поставить капкан на билантуна. Абориген держался так же молчаливо; он, словно привидение, внезапно появился прямо перед Нисмайлом и, стоя в той же необычной позе на одной ноге, принялся его рассматривать. Нисмайл вторично попытался вовлечь существо в беседу, но при первых же его словах оно уплыло от него, будто призрак.

— Подождите! — крикнул Нисмайл.— Я хочу поговорить с вами! Я...— Но он уже был в лесу один.

Еще через несколько дней он собирал дрова и вновь заметил, что на него смотрят. На этот раз он не стал разглядывать своего посетителя, а сразу же обратился к метаморфу:

— Я поймал билантуна и собираюсь жарить его. У меня гораздо больше мяса, чем мне требуется. Вы не составите мне компанию?

Метаморф улыбнулся — во всяком случае, Нисмайл счел за улыбку загадочную тень, пробежавшую по лицу, хотя она вполне могла быть и проявлением иных эмоций — и, как будто в ответ, удивительным образом мгновенно изменился, превратившись в зеркальное изображение самого Нисмайла — коренастого и мускулистого человека с темными проницательными глазами и отросшими до плеч черными волосами. Нисмайл от удивления вздрогнул и захлопал глазами, но почти сразу же успокоился и улыбнулся, решив относиться к мимикрии как к одной из форм общения.

— Изумительно! — воскликнул он.— Я не смог уловить, когда вы это сделали! — Он сделал приглашающий жест.— Пойдемте. На то, чтобы приготовить билантуна, понадобится полтора часа, а мы сможем тем временем поговорить. Вы ведь понимаете наш язык, не так ли? Я не ошибаюсь? — Разговаривать с самим собой было чрезвычайно странно и забавно.— Может быть, вы что-нибудь расскажете: нет ли, например, где-нибудь поблизости деревни метаморфов?.. Пиуриваров,— быстро поправился он, припомнив, что именно так называли себя метаморфы.— Много ли пиуриваров тут поблизости, в джунглях? — Нисмайл снова сделал приглашающий жест.— Пойдемте в мою хижину и разведем огонь. А может, у вас найдется немного вина? Это, пожалуй, единственное, чего мне тут недостает: немного того хорошего крепкого густого вина, которое делают в Малдемаре. Возможно, мне и не придется его вновь попробовать, но ведь в Зимроэле тоже делают вино, правда? Ну как, скажете что-нибудь, а? — Но метаморф ответил лишь гримасой,— или это была ухмылка? — которая странным образом резко исказила отражение лица Нисмайла; в следующий момент существо вернулось к своей собственной форме, а затем спокойной и плавной походкой удалилось.

Какое-то время Нисмайл всерьез надеялся, что его гость возвратится с бутылкой вина, но тот так и не появился. Любопытные существа, подумал он. Может быть, они гневаются, что он расположился на их территории? Или они надзирают за ним,

опасаясь, что он своего рода первая ласточка надвигающейся волны людей-поселенцев? Как ни странно, он не чувствовал никакой угрозы. Метаморфов обычно считали опасными; конечно, они и на самом деле были беспокойными существами, чуждыми и непостижимыми. Повсюду ходило множество рассказов о набегах метаморфов на отдаленные человеческие поселения, и, без сомнения, меняющие форму питали и из поколения в поколение культивировали ожесточенную ненависть к тем, кто незваным явился в их мир, согнал их с обжитых земель и перевез в эти джунгли. Но при этом Нисмайл знал, что сам он является человеком доброй воли, что он никогда не причинял вреда другим, а просто-напросто хотел, чтобы его оставили в покое и позволили жить своей собственной жизнью, и потому полагал, что внутреннее чутье позволит метаморфам понять, что он им не враг. Он хотел бы стать их другом. После своего продолжительного одиночества Нисмайл все больше и больше тосковал по возможности побеседовать с кем-нибудь, а общение с представителями этого странного народа могло оказаться очень полезным; возможно, он мог бы даже нарисовать кого-нибудь из них. В последнее время он начал подумывать о возвращении к искусству, о том, чтобы вновь испытать момент творческого экстаза, когда его душа преодолевала расстояние, отделявшее тело от психочувствительного холста, и закрепляла на нем те образы, которые был в состоянии создать он один. Действительно, он теперь сильно отличался от того постепенно становившегося все более и более несчастным человека, каким был на Замковой горе, и это различие должно было проявиться в его работе. В течение следующих нескольких дней он репетировал речи, призванные помочь ему завоевать доверие метаморфов, преодолеть их необъяснимую застенчивость и отчужденность, которые не позволяли установить какой-либо взаимный контакт. Придет время, думал он, и они привыкнут к нему, они начнут разговаривать с ним, они примут его приглашение разделить трапезу, а затем, возможно, они согласятся позировать...

Но день проходил за днем, а он больше не видел метаморфов. Он бродил по лесу, с надеждой вглядываясь в чащу, в затянутые туманной дымкой проходы между деревьями и не видел никого. Он решил, что слишком поторопился, стремясь установить с ними отношения, напугал их — конечно, самая естественная реак-

ция для таких злокозненных чудовищ, как метаморфы! — и по прошествии некоторого времени он начал терять надежду на контакт с ними. Это его тревожило. Он не скучал без общения, пока оно не представлялось возможным, но теперь сознание того, что где-то неподалеку находятся разумные существа, разжигало в нем ощущение одиночества, которое было нелегко перенести.

Прошло уже несколько недель после его последней встречи с метаморфом. Душным жарким днем Нисмайл купался в прохладном глубоком пруду, образовавшемся возле естественной плотины — гряды валунов, перегородившей реку на полмили ниже его жилья,— и вдруг увидел бледную худощавую фигуру, быстро пробиравшуюся через плотную ограду из кустов с синими листьями. Он поспешно выбрался из воды, обдирая колени о камни.

— Подождите! — крикнул он.— Прошу вас, не бойтесь! Не уходите!

Фигура скрылась, но Нисмайл отчаянно вломился в подлесок и через несколько минут снова увидел это существо: оно стояло, небрежно прислонившись к стволу огромного дерева с ярко-красной корой.

Нисмайл резко остановился, пораженный: перед ним оказался не очередной (или тот же самый) метаморф, а женщина одной с ним, человеческой, расы: молодая, стройная и совершенно обнаженная, с густыми темно-рыжими волосами, узкими плечами, маленькой высокой грудью и яркими живыми глазами. Судя по виду, она совсем не боялась его, словно была неуязвимым лесным духом, которому вдруг захотелось поиграть с ним в догонялки.

Он стоял и рассматривал ее, вытаращив от удивления глаза, а она, окинув его безмятежным взглядом и звонко рассмеявшись, заговорила первой:

— Вы ободрались о ветки с головы до ног! Неужели вы совсем не умеете бегать по лесу?

— Я не хотел упустить вас.

— О, я не собиралась уходить далеко. Знаете, я долго следила за вами, прежде чем вы это заметили. Вы тот человек, который живет в хижине, верно?

— Да. А вы... Где вы живете?

— То тут, то там,— не задумываясь ответила женщина непринужденным тоном.

Он продолжал рассматривать ее. Красота женщины восхищала его, а полное отсутствие застенчивости приводило в изумление. Уж не галлюцинация ли это? Откуда она взялась? Что делает в этих вековечных джунглях одинокое и обнаженное человеческое существо?

Человеческое ли?

Конечно нет, догадался Нисмайл с внезапным острым приступом печали — словно ребенок, которому во сне дали сокровище, о котором он страстно мечтал, но лишь для того, чтобы он проснулся, ослепленный его блеском, и вновь окунулся в унылую действительность. Вспомнив, насколько легко метаморф смог предстать в его собственном обличье, Нисмайл осознал мрачную возможность: это всего лишь шутка, розыгрыш. Он пристально всматривался в гостью, стараясь обнаружить признаки ее принадлежности к метаморфам: острые скулы, раскосые глаза, беззаботно-веселое выражение лица... Нет, она во всех отношениях походила на человека и только на человека. Но все же... Насколько неправдоподобной была встреча здесь с существом из расы людей, настолько вероятнее было то, что она была из меняющих форму, обманщицей — или обманщиком?..

Однако допускать такую возможность ему не хотелось. Он решил противопоставить вероятности обмана сознательную веру — в надежде на то, что таким образом увеличит шансы на превращение желаемого в действительное.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Сэрайс. А вас?

— Нисмайл. Где вы живете?

— В лесу.

— Значит, где-то неподалеку есть человеческое поселение?

Она пожала плечами.

— Я живу одна.— Она подошла к нему — он почувствовал, как по мере ее приближения его мышцы напряглись, что-то резануло в животе, а на коже, похоже, выступила испарина,— и легонько прикоснулась кончиками пальцев к глубоким царапинам, которые оставили на его груди и руках лианы и сучки, пока он продирался сквозь чащу.— Вам, наверное, больно?

— Немного. Нужно промыть их.

— Да. Давайте вернемся к пруду. Я знаю более удобную дорогу, чем та, которую вы выбрали. Идите за мной!

Сэрайс раздвинула стебли густого папоротника, скрывавшего узкую тропинку, и грациозно побежала вперед, а он бросился следом, не переставая восхищаться непринужденностью ее движений и игрой мышц на спине и ягодицах. Он погрузился в воду лишь на мгновение позже нее, и они начали плескаться рядом. Холодная вода мгновенно уняла жжение от царапин. Когда они вышли на берег, ему невыносимо захотелось притянуть ее к себе и заключить в объятия, но он не посмел. Они улеглись рядом на поросшем мхом берегу. В глазах женщины плясали коварные искорки.

— Моя хижина недалеко отсюда,— сказал он.

— Я знаю.

— Вы не хотели бы заглянуть в нее?

— Как-нибудь в другой раз, Нисмайл.

— Ну что ж. В другой, так в другой...

— Откуда вы? — в свою очередь спросила она.

— Я родился на Замковой горе. Слышали? Я был художником при дворе короналя. Но не таким, который кисточками накладывает краски на полотно. Нас называют еще психоживописцами. Говорят, что «психе» на каком-то из языков Старой Земли означало «душа». И я творил картины мыслями на специальном холсте, и... я мог бы показать это вам. Я мог бы нарисовать вас, Сэрайс. Я пристально всматриваюсь во что-нибудь, погружаю сущность увиденного в глубины своего сознания, а затем вхожу в своего рода транс, почти сон наяву, преобразовываю увиденное в некий образ и швыряю его на холст, запечатлеваю истинную суть единым всплеском...— Он приостановился.— Лучше всего я мог бы показать это, нарисовав вас.

Трудно было понять, слышала она его или нет.

— Нисмайл, разве вам не хочется обнять меня?

— Хочется. Очень хочется.

Густой бирюзовый мох, на котором они лежали, был подобен ковру. Сэрайс подвинулась ближе, и его рука потянулась было к ней, но повисла в воздухе — он на мгновение заколебался, поскольку все еще не избавился от ощущения, что она метаморф и всего лишь забавляется с ним некоей извращенной игрой с переменами облика. В душе его пробудилось наследие многотысячелетнего страха и ненависти, и он испугался, что, прикоснувшись к ней, вдруг обнаружит липкую и противную на ощупь кожу (такой представлялась ему кожа метаморфов) или что в его

объятиях она изменится и превратится в чуждое существо. А ее веки были сомкнуты, губы приоткрыты, и по ним нетерпеливо блуждал розовый язык: она ждала. Он с опаской опустил руку на ее грудь... Но плоть оказалась теплой и податливой, именно такой, какой — вспомнилось ему после многих лет одиночества — следовало быть плоти молодой женщины человеческой расы. Негромко вскрикнув, она теснее прижалась к нему, и он заключил ее в объятия. На мгновение в его сознании мелькнул образ метаморфа — угловатого, безносого, с длинными гибкими конечностями,— но он отчаянным усилием воли изгнал его из воображения и всем существом слился с гибким, сильным и жадным женским телом.

А потом они неподвижно лежали рядом, сплетя пальцы, и молчали. Они не пошевелились, даже когда прошел короткий ливень, и позволили быстрым резким струйкам дождя смыть пот с разгоряченной кожи. Открыв глаза, Нисмайл обнаружил, что женщина рассматривает его с нескрываемым любопытством.

— Я хочу нарисовать тебя,— сказал он.

— Нет.

— Не сейчас. Завтра. Ты придешь в мою хижину и...

— Нет.

— Я не пробовал рисовать уже несколько лет. Для меня очень важно начать снова. И я очень хочу нарисовать тебя.

— А я очень не хочу быть нарисованной,— возразила она.

— Прошу тебя.

— Нет,— мягко, но непреклонно ответила она и с этими словами откатилась в сторону и поднялась на ноги.— Рисуй джунгли. Рисуй пруд. Только не рисуй меня, Нисмайл, ладно? Договорились?

Он удрученно махнул рукой.

— А теперь я должна уйти,— сказала она.

— И ты не скажешь мне, где живешь?

— Я уже сказала. И тут и там. В лесу. Почему ты спрашиваешь об этом?

— Я хочу иметь возможность снова найти тебя. Знать, где тебя искать, если ты исчезнешь.

— Я знаю, где найти тебя,— ответила она.— Этого достаточно.

— А ты придешь завтра? В мою хижину?

— Наверное.

Он взял ее за руку и притянул к себе. Но теперь она воспротивилась и отодвинулась подальше. В его мозгу, возбужденном тайной, лихорадочно пульсировала кровь. Ведь фактически она не сказала ему ничего, кроме своего имени. Он никак не мог заставить себя поверить, что подобно ему одиноко жила в джунглях, переходя с места на место, но притом сомневался, что мог за прошедшее время не заметить поблизости существования человеческого поселения. Так что наиболее вероятным объяснением оставалось то, что она была меняющим форму, по невесть какой причине решившим испытать приключение с человеком. И как он ни сопротивлялся этой мысли, прирожденная рациональность не позволяла ему полностью отказаться от нее. Но она выглядела человеком, она вела себя по-человечески, она воспринималась как человек. Насколько глубоко могли метаморфы преобразовывать себя? Его подмывало прямо спросить ее, верны ли его подозрения, но это было бы глупостью: она не ответила ни на один из его вопросов и уж конечно не станет отвечать на этот. Так что он решил оставить этот вопрос при себе.

Она мягко высвободила ладонь из его руки, улыбнулась, изобразила губами воздушный поцелуй, шагнула к тропинке, проложенной среди высоких папоротников, и через несколько секунд исчезла из виду.

Нисмайл ждал в своей хижине весь следующий день. Она не пришла. Это почти не удивило его. Их встреча была мечтой, фантазией, интерлюдией вне времени и места. Он даже не ожидал когда-либо вновь увидеть ее. Ближе к вечеру он достал из своего мешка холст и установил его, решив изобразить открывающийся от дверей хижины вид леса, окрашенного сумеречным освещением в пурпур. Он долго присматривался к пейзажу, к стройным деревьям, вертикально вздымавшимся над придавленной к земле горизонтали густого низкорослого кустарника, густо усыпанного желтыми ягодами, но в конце концов тряхнул головой и убрал холст. В этом пейзаже не было ничего достойного запечатления средствами искусства. Утром он решил, что отправится мимо луга вверх по течению — туда, где из глубокой расселины в большой скале подобно мягким шипам торчали мясистые красные суккуленты. Возможно, тот пейзаж окажется более вдохновляющим.

Но утром он нашел причины для того, чтобы отложить выход, а к полудню решил, что идти уже слишком поздно. Вместо этого он принялся возиться в своем небольшом садике, куда пересаживал из леса некоторые из тех кустов, плоды или побеги которых употреблял в пищу, и это заняло его на несколько часов. К концу работы по лесу молочной пеленой растекся туман. Он вошел в хижину, а спустя несколько минут в дверь постучали.

— Я уже перестал надеяться,— сказал он.

Лоб и брови Сэрайс были усыпаны каплями влаги. Туман, подумал он, а может быть, она танцевала по дороге.

— Я же обещала, что приду,— просто ответила она.

— Вчера.

— Вчера было вчера,— смеясь, возразила она и вынула из-под одежды бутылку.— Ты любишь вино? Я добыла немного. Мне пришлось далеко идти за ним. Вчера.

Это было молодое, бесцветное вино; оно играло, и пузырьки пощипывали язык. На бутылке не было никакого ярлыка, но Нисмайл решил, что это какое-то местное, зимроэльское, вино, неизвестное на Замковой горе. Они выпили его до конца, и Нисмайлу досталось больше — она снова и снова подливала ему в кубок. А когда вино закончилось, они выскользнули наружу, чтобы заняться любовью на прохладной влажной земле около ручья. Потом их обоих охватила дремота, а еще позже, в начале ночи, она разбудила его и полусонного отвела в хижину. Оставшуюся часть ночи они провели на неудобной кровати, тесно прижавшись друг другу. Утром Сэрайс не выказала никакого намерения покинуть его. Они пошли к пруду, чтобы начать день с купания, потом снова любили друг друга на бирюзовом мху и снова купались. Затем женщина повела его к гигантскому дереву с красной корой, возле которого он впервые увидел ее, и указала на огромный, просто колоссальный — три или четыре ярда в поперечнике,— желтый плод, упавший с одной из огромных ветвей. Нисмайл с сомнением посмотрел на него. Он раскололся от удара, открыв алую мякоть и множество огромных блестящих черных семян.

— Двикка,— сообщила Сэрайс.— От нее мы опьянеем.

Она скинула накидку — больше на ней ничего не было,— сделала из нее мешок, сложила туда большие куски двикки, после чего они вернулись к хижине и почти до полудня ели. А потом до самого вечера пели и веселились. На обед они поджарили несколько рыб, попавшихся в плетеный садок Нисмайла, а потом лежали рядом, держась за руки, и смотрели, как на землю спус-

калась ночь, и она задавала ему тысячи вопросов о его прошлой жизни, его живописи, его детстве, его путешествиях, о Замковой горе, о Пятидесяти Городах, о Шести Реках, о жизни при дворе короналя лорда Трайма, о Замке с неисчислимым множеством комнат.

Вопросы лились потоком; не успевал он ответить на предыдущий, как она уже задавала новый. Ее любопытство было неистощимо. И оно, судя по всему, служило еще и тому, чтобы подавить его собственный интерес, ибо, хотя он страстно желал разузнать что-нибудь — нет, не что-нибудь, а все — о ней, у него не было ни малейшего шанса задать вопрос (притом он сомневался, что она вообще захочет ему отвечать).

— Что мы будем делать завтра? — спросила она наконец.

Так они стали любовниками. В первые несколько дней они только и делали, что купались, обнимались и поедали дурманящие плоды двикки. Страх, что она исчезнет так же неожиданно, как и появилась, который Нисмайл испытывал поначалу, начал постепенно оставлять его. Постепенно поток ее вопросов начал иссякать, но и несмотря на это, он решил не переходить в контратаку, предпочитая оставить ее тайны нераскрытыми.

И все же он не мог отрешиться от своей навязчивой идеи о том, что Сэрайс — метаморф, что ее красота ненастоящая, что за привлекательной внешностью кроется чудовищное чуждое обличие. Одна только мысль об этом угнетала его, особенно в те моменты, когда его руки блуждали по такой приятной на ощупь гладкой, прохладной коже ее бедер и груди. Он должен был постоянно бороться со своими подозрениями, но так и не мог отделаться от них. В этой части Зимроэля не было никаких человеческих поселений, да и слишком неправдоподобным казалось, что эта девушка — да, она оказалась девственницей! — подобно ему самому выбрала отшельническую жизнь в столь отдаленных местах. Гораздо вероятнее, думал Нисмайл, что она родом отсюда, что она принадлежит к расе меняющих форму — а их числа никто не знает,— которые скользят по этим сырым лесам словно привидения. Когда она спала, он иногда подолгу наблюдал за ней при слабом свете звезд, чтобы заметить, если она начнет терять человеческое обличие. Но она постоянно оставалась такой, какой он привык ее видеть. И все же, даже несмотря на это, он продолжал подозревать ее.

И все же, и все же... вовсе не в обычае метаморфов было искать общества человеческих существ или проявлять по отношению к ним малейшую теплоту. Для большинства людей, обитавших на Маджипуре, метаморфы были призраками давно прошедшей эпохи, существами нереальными, легендарными. С какой стати кто-то из аборигенов стал бы разыскивать Нисмайла в его уединении, предлагать ему себя, создавать настолько убедительную подделку любви и с таким рвением стремиться украсить его дни и оживить его ночи? В миг очередного приступа параноии он представил себе, как Сэрайс в темноте возвращается к своему истинному облику и поднимается над ним, спящим, чтобы вонзить сверкающий кинжал ему в горло, мстя таким образом за преступления его предков. Но все фантазии такого рода были совершенной чепухой! Если бы местные метаморфы хотели убить его, то им не потребовалось бы прибегать к столь сложным методам.

Считать ее метаморфом было почти настолько же абсурдно, насколько полагать, что она им не была.

Чтобы избавиться от тревожных мыслей, Нисмайл решил снова вернуться к искусству. В один необыкновенно ясный солнечный день он вместе с Сэрайс направился к скале с красными суккулентами, взяв с собой чистый холст. Она затаив дыхание наблюдала, как он готовился к работе.

— Неужели картина целиком и полностью создается в твоем сознании? — спросила она.

— Именно. Я мысленно воображаю ту или иную сцену, преобразовываю, перестраиваю и усиливаю ее, а затем... впрочем, ты все это увидишь.

— А ничего, что я буду смотреть? Не помешаю?

— Конечно нет.

— Но если на картину наложится чья-то еще мысль...

— Этого просто не может случиться. Холсты настроены только на меня.

Он прищурился, привычным движением сложил рамку из пальцев, отошел на несколько шагов в одну сторону, в другую... В горле у него пересохло и першило, руки дрожали. Прошло столько лет с тех пор, как он занимался этим в последний раз: сохранились ли его способности? И навык? Он поправил холст и осторожно, не оставляя отпечатка, наложил на него мысленное изображение. Сцена была хороша! Яркие причудливые контрастные цветовые

сочетания, неожиданные, можно сказать, вызывающие противопоставления элементов композиции, эта массивная скала, эти невероятные мясистые красные растения, увенчанные крошечными желтыми цветками, испещренный солнечными бликами лес...— да, да, это должно получиться, ему удастся передать и внешний вид, и сущность густой спутанной растительности джунглей, этого места, где меняются облики...

Он закрыл глаза... вошел в транс... затаил дыхание... А затем, резко выдохнув, перебросил сложившуюся в уме картину на холст.

Послышался негромкий удивленный возглас Сэрайс.

Нисмайл почувствовал, что все тело покрылось потом; он покачнулся и несколько раз глубоко вдохнул, но вскоре овладел собой и посмотрел на холст.

— Как красиво! — пробормотала Сэрайс.

Но он был потрясен тем, что увидел. Эти раздражающие диагонали... стертые и мутные цвета... тяжелое сальное небо, угрюмыми волнами нависающее от самого горизонта...— все это нисколько не походило на тот пейзаж, который он намеревался запечатлеть. Картина получилась неприятная и тревожная, нисколько не похожая на прежние работы Териона Нисмайла,— мрачная и болезненная живопись, извращенная непреднамеренными диссонансами.

— Тебе не нравится? — спросила она.

— Это не то, что сложилось в моих мыслях.

— Все равно... какое чудо — сделать картину таким вот образом, да еще столь прекрасную...

— Ты считаешь ее прекрасной?

— Изумительной! А что, ты не согласен?

Нисмайл пристально взглянул на девушку. Это? Прекрасно? Он пытался понять, льстит ли она ему, либо совершенно не обладает художественным вкусом, либо искренне восхищается тем, что он сделал. Эта вымученная живопись, это мрачное и чуждое произведение...

Чуждое!

— Тебе не нравится,— сказала она. На сей раз это был не вопрос, а утверждение.

— Я не работал почти четыре года. Вероятно, мне следует начинать постепенно, не торопясь, и тогда все понемногу встанет на свои места...

— Я испортила твою картину,— сказала Сэрайс.

— Ты? Не говори глупостей.

— Сюда примешалось мое сознание. Мое видение мира.

— Я же сказал тебе, что холсты настроены только на меня. Я могу находиться среди тысячной толпы, и это не повлияет на мою живопись.

— Но возможно, я отвлекла тебя, как-то вмешалась в твои мысли?

— Ерунда.

— Я немного прогуляюсь, а ты тем временем напиши другую картину.

— Нет, Сэрайс. И эта получилась отлично. Чем больше я смотрю на нее, тем больше она мне нравится. Знаешь что: давай пойдем домой, поплаваем, съедим двикки и займемся любовью. Как тебе такой план?

Он снял холст с подрамника и скатал его в трубочку. Но ее слова подействовали на него сильнее, чем он был готов признать. Вне всякого сомнения, в процесс его живописи вмешалось нечто странное. Что, если она все же сумела каким-то образом повлиять на него, если скрытая за очаровательной внешностью молодой женщины сущность души метаморфа каким-то образом отразилась в его собственной душе, окрасив импульсы его сознания чуждым оттенком...

Они молча шли вдоль речки. А когда оказались на лугу, где росли болотные лилии и где Нисмайл впервые увидел метаморфа, он вдруг как бы со стороны услышал свой голос:

— Сэрайс, я должен у тебя кое-то спросить.

— Что?

Он не хотел задавать этого вопроса, но не мог сдержаться.

— Ты не человек, не так ли? На самом деле ты метаморф, правда?

Она посмотрела на него широко раскрытыми наивными глазами, ее щеки зарделись.

— Ты говоришь серьезно?

Он кивнул.

— Я — метаморф? — Она рассмеялась, но не очень убедительно.— Какая дикая мысль!

— Ответь мне, Сэрайс. Посмотри мне в глаза и ответь.

— Терион, отвечать на такой дурацкий вопрос просто глупо.

— Прошу тебя.

— Ты хочешь, чтобы я доказала, что я человек? Но как мне это сделать?

— Я хочу, чтобы ты сказала мне, что являешься человеком. Или же кем-нибудь еще.

— Я человек,— сказала она.

— И я могу этому верить?

— Это уже твое дело. Ты просил, чтобы я ответила, и я ответила.— Ее глаза сияли радостным блеском.— Разве я кажусь не человеком? Разве я веду себя не по-человечески? Я похожа на подделку?

— Возможно, я не в состоянии уловить разницу.

— А почему ты решил, что я метаморф?

— Потому что в этих джунглях живут только метаморфы. По-моему, логично. Даже несмотря на то... даже...— Нисмайл замялся.— Ладно, хватит. Я получил ответ на свой вопрос. Это было действительно глупо с моей стороны. Оставим эту тему. Ладно?

— Какой-то ты странный! Ты, наверное, рассердился на меня. Ты считаешь, что я испортила твою картину.

— Это не так.

— Ты не умеешь врать, Терион.

— Хорошо. Что-то — не знаю что — испортило мою картину. У меня получилось совсем не то, что я представлял.

— Тогда нарисуй другую.

— Так и сделаю. Позволь мне нарисовать тебя, Сэрайс.

— Я уже говорила тебе: не хочу.

— Но мне это нужно. Я должен увидеть, что происходит в моей собственной душе, и единственный способ выяснить это...

— Нарисуй двикковое дерево, Терион. Нарисуй хижину.

— Но почему бы мне не нарисовать тебя?

— Это будет мне неприятно.

— Ты все время крутишься вокруг да около. Ну что может быть в живописи такого...

— Пожалуйста, Терион.

— Ты боишься, что я увижу тебя и представлю на холсте в таком виде, который тебе не понравится? Я прав? Что, нарисовав тебя, я получу другой ответ на мой вопрос?

— Ну, пожалуйста...

— Позволь мне нарисовать тебя.

— Нет.

— Объясни почему.

— Я не могу,— беспомощно сказала она.

— Тогда ты не можешь отказаться.— Он принялся доставать холст из мешка.— Прямо сейчас, здесь, на лугу. Ну же, Сэрайс. Встань около ручья. Это займет всего несколько минут...

— Нет, Терион.

— Сэрайс, если ты любишь меня, то не станешь больше отказываться.

Это была неуклюжая попытка шантажа, и он сам устыдился своих слов. А Сэрайс они возмутили: Нисмайл увидел в ее глазах жесткий блеск, которого никогда не замечал прежде. Они долго и напряженно смотрели друг на друга. Наконец Сэрайс холодно, без выражения, произнесла:

— Не здесь, Терион. В хижине. Раз ты настаиваешь, я позволю тебе нарисовать меня там.

За весь оставшийся путь оба не проронили ни слова.

Нисмайл уже и рад был бы отказаться от своего решения. Он силой вынудил ее согласиться и почти жалел о том, что не может отступить с выигранной позиции. Но возврата к легким гармоничным отношениям первых дней быть уже не могло, и он должен был получить так необходимые ему ответы. Чувствуя себя неловко и скованно, он начал готовить холст.

— Где мне встать? — спросила она.

— Где угодно. Над ручьем. Возле хижины.

Ссутулившись, шаркая ногами, она поплелась к хижине. Нисмайл кивнул и, ощущая на душе неимоверную тяжесть, начал готовиться к входу в транс. Сэрайс с негодованием смотрела на него. В глазах у нее стояли слезы.

— Я люблю тебя,— во весь голос прокричал Нисмайл. Последнее, что он успел увидеть, прежде чем веки его сомкнулись, была внезапная перемена, произошедшая с Сэрайс: ее сутулость исчезла, плечи расправились, глаза ярко вспыхнули, на губах заиграла улыбка...

Когда спустя несколько секунд он открыл глаза, картина была готова, а Сэрайс робко смотрела на него, стоя в дверях хижины.

— Ну как? — спросила она.

— Взгляни сама.

Она подошла и встала рядом. Но не успела она поднять глаза на свой портрет, как Нисмайл крепко обнял ее за плечи. Она вздрогнула всем телом и прижалась к нему.

На картине на хаотическом беспредметном фоне из неправильных форм красных оранжевых и розовых пятен была изображена женщина с человеческими глазами, но ртом и носом метаморфа.

— Теперь ты узнал то, что хотел? — спокойно спросила она.

— Это тебя я видел там, на лугу? И еще два раза?

— Да.

— Но почему?..

— Ты заинтересовал меня, Терион. Мне захотелось узнать о тебе как можно больше. Я никогда не встречала никого, сколько-нибудь похожего на тебя.

— Я все еще не могу поверить,— прошептал он.

Она указала на картину.

— Тогда поверь этому, Терион.

— Нет. Нет.

— Ты получил ответ.

— Но я же знаю, что ты человек. Живопись лжет.

— Нет, Терион.

— Тогда докажи мне! Изменись! Прямо сейчас.— Он выпустил ее и отступил на шаг назад.— Ну же. Изменись! Ради меня!

Сэрайс окинула его печальным взглядом. И внезапно, без какого-либо уловимого перехода — как и когда-то давным-давно,— превратилась в точную копию его самого: последнее доказательство, безмолвный ответ. Нисмайл почувствовал, что у него задергалась щека, но продолжал не мигая наблюдать за ней, и она снова изменилась, превратившись на сей раз в нечто ужасающее и чудовищное — в кошмарное серое рябое существо, похожее на воздушный шар, с дряблой кожей, глазами как блюдца и крючковатым черным клювом; а потом она приняла облик высокого метаморфа с невыразительным, лишенным черт лицом... И наконец снова превратилась в Сэрайс, юную женщину с ниспадающими на плечи и вдоль спины темно-рыжими волосами, тонкими руками, полными сильными бедрами.

— Нет,— сказал он.— Не так. Не нужно больше подделок.

Она снова стала метаморфом.

Он кивнул.

— Да. Так лучше. Такой и оставайся. Так красивее.

— Ты сказал, красивее, Терион?

— Да, ты красивая. Вот такая. В своем собственном облике. Обман всегда уродлив.

Он взял ее за руку и увидел на ней шесть пальцев, очень длинных, лишенных ногтей и заметных суставов. Кожа у нее была шелковистой и чуть глянцевой — нисколько не неприятной, как он ожидал. Нисмайл слегка погладил руками тонкое, почти бесплотное тело женщины. Она оставалась неподвижной.

— Теперь я должна уйти,— сказала она наконец.

— Останься. Живи здесь, со мной.

— Даже теперь?

— Даже теперь. В своем настоящем облике.

— Ты все еще хочешь меня?

— Очень,— ответил он.— Ну как, останешься?

— Когда я впервые пришла к тебе,— заговорила она,— то хотела лишь посмотреть на тебя, изучить поближе, позабавиться, посмеяться, возможно даже поиздеваться над тобой. Ты враг, Терион. Ваша раса, должно быть, навсегда останется враждебной и чуждой нам. Но когда мы стали жить вместе, я увидела, что нет никакой причины ненавидеть тебя. Не всех людей вообще, а тебя — отдельного человека. Ты меня понимаешь? — Из уст чуждого существа звучал голос Сэрайс. Как странно, как похоже на сон...— И я захотела остаться с тобой,— продолжала она.— Сделать эту игру вечной. Но забаве пришел конец. И несмотря ни на что, я все так же хочу остаться с тобой.

— Ну так оставайся, Сэрайс.

— Только если ты на самом деле этого хочешь.

— Я уже сказал тебе.

— Ты не боишься меня?

— Нет.

— Нарисуй меня снова. Терион. Подтверди свои слова живописью. Пусть картина покажет мне твою любовь, Терион, и тогда я останусь.

Снова и снова, день за днем, Нисмайл рисовал ее, пока не использовал все имевшиеся холсты. Все портреты он развесил по стенам хижины: Сэрайс возле двиккового дерева, Сэрайс на лугу, Сэрайс, полускрытая густым вечерним туманом, Сэрайс в сумерках, зеленоватая на фиолетовом. Он попытался изготовить новые холсты, но у него ничего не получилось. Впрочем, это теперь не имело значения. Они стали совершать длинные прогулки вдоль многочисленных ручьев и речек, забирались в отдаленные части леса, и она показывала ему деревья, цветы и обита-

телей джунглей: зубастых ящериц, золотых земляных червей и мрачных тяжелых аморфиботов, спавших целыми днями на дне илистых озер. Они мало разговаривали друг с другом: время вопросов и ответов миновало и в словах больше не было необходимости.

Так день шел за днем, неделя за неделей... в этой стране, где не было времен года, трудно было наблюдать ход времени. Возможно, прошел месяц, а возможно, и все шесть. Они не встречали никого. В джунглях было полно метаморфов, сказала она ему, но они держались на расстоянии, и она надеялась, что их навсегда оставят в покое.

Однажды под вечер, когда шел проливной дождь, он отправился проверить ловушки, а возвратившись через час, сразу же почувствовал неладное. Из хижины вышли четыре метаморфа. Он был уверен, что Сэрайс среди них, но не мог отличить ее от остальных.

— Подождите! — крикнул, когда они двинулись к лесу, и побежал следом.— Что вам нужно от нее? Отпустите ее! Сэрайс? Сэрайс?!! Кто они такие? Чего они хотят?

Один из метаморфов чуть замедлил шаг, и художник увидел девушку с темно-рыжими волосами, но это продолжалось лишь мгновение, и вновь четыре метаморфа удалялись от него, скользя подобно призракам среди деревьев. Дождь припустил сильнее, наползла густая полоса тумана, и уже невозможно было разглядеть что-либо в нескольких ярдах. Нисмайл остановился на краю поляны, напряженно вслушиваясь, пытаясь уловить хоть какие-нибудь звуки кроме грохота дождя и плеска ручья. То ему казалось, что он слышал плач, то — крик боли, но это могли быть и случайные лесные шумы. В непроницаемой пелене густого молочно-белого тумана не было никакой надежды догнать метаморфов.

Он больше не видел ни Сэрайс, ни какого-либо другого метаморфа. Некоторое время он ожидал, что вот-вот натолкнется в лесу на меняющих форму и они убьют его своими блестящими деревянными кинжалами, поскольку теперь одиночество стало для него невыносимым. Но ничего не происходило, и когда он наконец понял, что остался в своего рода карантине, отрезанный не только от Сэрайс — если она все еще жива,— но и всего народа метаморфов, он не смог дольше оставаться на поляне возле ручья. Он свернул в рулон все портреты Сэрайс, тщательно разобрал свою хижину и отправился в длительное и рискованное путешествие — назад, к цивилизации. За неделю до своего пятидесятого дня рождения он достиг подножия Замковой горы. Как выяснилось, пока он отсутствовал, лорд Трайм стал понтифексом, а новый корональ, лорд Вильдивар, не испытывал большой симпатии к искусствам. Нисмайл арендовал в Сти студию на берегу реки и снова занялся живописью. Теперь он работал только по памяти, изображая мрачные и тревожные сцены из жизни джунглей, и часто где-то на среднем плане можно было разглядеть фигуры метаморфов. Такого рода работы вряд ли могли завоевать популярность в таком веселом и несколько легкомысленном мире, как Маджипур, и на первых порах покупателей у Нисмайла было немного. Но спустя непродолжительное время его картины поразили воображение герцога Квирайна, уставшего от солнечной ясности и совершенных пропорций. Благодаря патронажу герцога работы Нисмайла вновь вошли в моду в высшем свете, и на склоне лет художника все его новые работы раскупались мгновенно.

Ему очень многие подражали, но никто не достиг успеха; его имя постоянно было на устах критиков и биографов.

— Ваши картины настолько сумбурны и странны,— сказал ему один ученый.— Неужели вы изобрели какой-то способ, благодаря которому можете переносить на холст свои сновидения?

— Я работаю только по памяти,— отрезал Нисмайл.

— Осмелюсь предположить, что в вашей памяти скрыто нечто болезненное.

— Ни в малейшей степени,— ответил Нисмайл.— Вся моя работа преследует единственную цель: попытаться вернуть время радости, время любви, самый счастливый и драгоценный период моей жизни.— Говоря это, он смотрел мимо собеседника, вглядываясь в стелившуюся вдали пелену тумана, густого и мягкого, как шерсть; туман бесшумно растекался между могучими стволами высоких стройных деревьев, связанных между собой запутанной сетью лиан.

ЧАСТЬ 7

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Эта история словно вернула Хиссуна обратно, к первому посещению архива. Еще один лесной роман: отношения между человеком и нечеловеком — и все почти так же, как было у Тесме и гэйрога. Однако сходство исключительно поверхностное — уж больно разными были люди, да и обстоятельства оказались совсем несхожими. Хиссун покидает Регистр памяти душ с ощущением, что в общем и целом он понимает Териона Нисмайла. Как ему удалось выяснить, некоторые из работ живописца до сих пор можно увидеть в галереях замка лорда Валентина. Но метаморфы все так же остаются для него тайной; возможно, столь же великой, какой они были и для Нисмайла. Он проверяет каталог в поисках записей воспоминаний метаморфов и без всякого удивления выясняет, что таковых в нем не имеется. То ли меняющие форму отказывались оставлять свои воспоминания, то ли аппараты не были способны воспринимать эманацию их разумов, а может быть, их записи просто-напросто не разрешалось хранить? Хиссун этого не знает и едва ли когда-нибудь узнает. Со временем, говорит он себе, все вопросы получат ответы. А пока что ему необходимо прояснить для себя еще очень многое. Например, деятельность Короля Снов — об этом ему почти ничего не известно. На протяжении тысячи с лишним лет основной обязанностью потомков Барджазида было терзать мысли спящих преступников. Как это происходит? Хиссун обшаривает архив, и вскоре удача благосклонно предоставляет ему запись поставившего себя вне закона человека, сухо поименованного как торговец из города Сти...

Совершить убийство оказалось удивительно легко. Маленький Глейм стоял перед открытым окном крохотной комнаты на верхнем этаже таверны в Вугеле, где у них с Халигомом была назначена встреча. Халигом расположился возле кушетки. Переговоры не ладились. Халигом попросил Глейма подумать еще раз.

— Вы тратите впустую мое и свое время,— пожал плечами Глейм.— Я не слышу от вас никаких разумных доводов.

В этот момент Халигому показалось, что Глейм и только Глейм стоял между ним и той спокойной жизнью, которую он, по собственному глубокому убеждению, заслужил, что Глейм был его врагом, его Немезидой, его гонителем. Халигом неторопливо подошел к ничего не подозревавшему собеседнику и внезапным плавным движением перекинул его через подоконник.

На лице Глейма появилось изумленное выражение. Удивительно долгое мгновение он висел в воздухе, как будто что-то поддерживало его, а затем полетел в стремительную реку, протекавшую под самой стеной таверны, почти без всплеска упал в воду и сразу же был увлечен течением в сторону отдаленных предгорий Замковой горы. Спустя несколько мгновений его уже невозможно было разглядеть.

Халигом посмотрел на свои ладони, как будто увидел их впервые, как будто они только что выросли на его запястьях. Он не мог поверить, что они сделали то, что сделали. Он снова увидел себя идущим к Глейму; снова увидел изумленное лицо Глейма, повисшего в воздухе; снова увидел Глейма, исчезавшего в темной реке. Вероятно, Глейм был уже мертв. Если же нет, то должен был умереть через минуту-другую. Халигом знал, что его рано или поздно найдут на каменистой отмели где-нибудь возле Канзилейна или Перимора и так или иначе определят, что это торговец из Гимкандэйла, пропавший неделю или десять дней тому назад. Но неужели у кого-нибудь найдутся основания подозревать, что он был убит? Убийство — весьма редкое преступление. Он мог упасть в воду. Он мог спрыгнуть туда. Даже если кому-то удастся доказать — одно Божество ведает как,— что жизнь Глейма оборвана насильственным способом, то все равно, разве удастся им обнаружить, что Сигмар Халигом, прибывший из города Сти, выбросил его из окна таверны в Вугеле? Этого не может быть, убеждал себя Халигом. Но слова не могли изменить истинной сути ситуации, которая состояла в том, что Глейм убит, а Халигом стал его убийцей.

Убийцей? Это новое звание удивило Халигома. Он прибыл сюда не для того, чтобы убить Глейма, а лишь для переговоров с ним. Но переговоры не задались с самого начала. Глейм, маленький въедливый человечек, наотрез отказался признавать свою ответственность за поставку дефектного оборудования и заявил, что, судя по всему, вина лежит на приемщиках Халигома. Он отказался не только платить, но даже проявить хоть какое-то понимание и сочувствие относительно трудностей, возникших по его вине в финансовых делах Халигома. И пока Глейм произносил свою речь — мягкий, но непреклонный отказ,— он, казалось, все больше раздувался от важности, пока его фигура не заполнила собой буквально весь горизонт. Все в нем было неприятно Халигому, и он желал лишь избавиться от мерзкого человечка, чего бы ему это ни стоило. Если бы он приостановился, чтобы подумать о своем поступке и его последствиях, он, конечно, не стал бы выбрасывать Глейма из окна, ибо Халигом ни в коей мере не испытывал тяги к насилию. Но он не сделал ни того ни другого, и теперь Глейм был мертв, а жизнь Халигома кардинальным образом изменилась: за какую-то секунду он из Халигома — коммерсанта, торговавшего точными инструментами, превратился в Халигома-убийцу. Как неожиданно! Как странно! Как ужасно!

И что теперь будет?

Халигом почувствовал озноб; его затрясло, как от холода, и в то же время он весь покрылся потом, а в горле пересохло. Он закрыл окно и опустился на кушетку. Он понятия не имел о том, что нужно сделать дальше. Пойти и сообщить о происшедшем имперским чиновникам? Признаться, сдаться властям и отправиться в тюрьму — или где там держат преступников? Он совершенно не был готов ни к какому действию. Ему доводилось читать предания глубокой старины, древние мифы и сказки, старые истории о преступлениях и карах, но, насколько ему было известно, об убийствах давно уже забыли, и пути их расследования, равно как и способы искупления, наверное, напрочь исчезли из памяти, рассыпались в прах. Он ощущал себя доисторическим человеком, первобытным существом. В известной истории о морском капитане, возглавлявшем в давно минувшие дни злополучную экспедицию, намеревавшуюся пересечь Великий океан, рассказывалось о том, как он выбросил за борт сошедшего с ума члена экипажа, после того как тот убил кого-

то еще. Такие рассказы всегда казались Халигому неправдоподобными и дикими. Но теперь он с бездумной легкостью сам превратил себя в такую же легендарную фигуру, в монстра, отнимающего человеческие жизни. Ему никогда уже не вернуться к прежнему состоянию.

Первое, что необходимо сейчас сделать, это выбраться из таверны. Если кто-нибудь видел падение Глейма — что, впрочем, маловероятно, так как таверна стояла на самом краю обрыва над рекой, а Глейм выпал через обращенное к реке окно и был сразу же подхвачен стремительным потоком,— то не имело никакого смысла сидеть здесь, дожидаясь появления стражи. Он быстро упаковал свой чемоданчик, убедился, что ничего из вещей Глейма в комнате не осталось, и спустился вниз. За столом портье сидел хьорт.

— Я хотел бы рассчитаться,— сказал Халигом, вынув несколько крон.

Ему захотелось немного поболтать с портье, но он подавил это желание. Это был самый неподходящий момент для остроумных замечаний, которые могли бы отпечататься в памяти хьорта. «Расплачивайся по счету и поскорее убирайся»,— мысленно приказал себе Халигом. Мог ли хьорт знать, что приезжий из Сти принимал в своей комнате посетителя? Пусть так, но хьорт наверняка скоро забудет об этом, да и о самом приезжем из Сти тоже, если не возникнет повода особо запомнить постояльца. Портье быстро подсчитал сумму, Халигом пододвинул к нему несколько монет, хьорт заученно произнес: «Прошу вас снова посетить нас», Халигом так же механически что-то ответил — и вот он уже оказался на улице и бодрым шагом удаляется от реки. Со стороны Горы дул довольно сильный приятный ветер. Солнечный свет был ярким и теплым.

Халигом уже несколько лет не бывал в Вугеле и в другое время с удовольствием потратил бы несколько часов на посещение знаменитой площади, украшенной драгоценными камнями, или изучение прославленных фресок, изготовленных психоживописцами, и других местных чудес. Но сейчас был неподходящий момент для осмотра каких-либо достопримечательностей. Он поспешил на вокзал и купил билет до Сти. И, пока он ехал от города к городу, огибая Замковую гору, в его душе все глубже укоренялись страх, неуверенность, вина и стыд.

При виде знакомых предместий Сти он испытал некоторое облегчение. Быть дома означало быть в безопасности. И по мере того, как он все дальше углублялся в этот гигантский город, он чувствовал себя все спокойнее и уютнее. Мощная река, давшая название городу, стремительно неслась с высот Горы. Здесь на милю протянулись гладкие светлые фасады Дома-на-набережной, сорок этажей которого, казалось, пытались соперничать с возносившейся неподалеку колоссальной стеной Замковой горы. Здесь были мост Кинникена, Башня Тимина, Поле Великих Костей. Дом! Сверхъестественная жизненная сила и мощь Сти, вливавшаяся в него, пока он добирался от центрального вокзала до своего пригородного района, в чрезвычайной степени успокоили его. Вне всякого сомнения, здесь, в крупнейшем городе Маджипура — еще сильнее разросшемся за последнее время благодаря покровительству своего уроженца, ставшего теперь короналем лордом Кинникеном,— Халигом был в полной безопасности от мрачных последствий — какими бы они ни были — непостижимого поступка, словно в приступе лунатизма совершенного им в Вугеле.

Он расцеловал жену, двух юных дочерей и крепыша сына. Они, похоже, сразу же заметили его усталость и напряжение, так как с первых же минут начали вести себя с подчеркнутой деликатностью, словно он во время поездки обрел какую-то неестественную хрупкость. Они подали ему шлепанцы, принесли вино и трубку, старались предугадать любое его желание, всем своим видом излучая любовь и доброжелательность; они не задавали ему никаких вопросов о том, как прошла поездка, а развлекали его местными сплетнями. И только после обеда он заставил себя произнести:

— С Глеймом, похоже, удалось обо всем договориться. Так что есть основания надеяться на лучшее.— И сам почти поверил в свои слова.

Можно ли связать это убийство с его персоной, если он будет сохранять полнейшее спокойствие по этому поводу? Он был почти уверен, что свидетелей не было. Власти без всякого труда смогут установить, что они с Глеймом решили встретиться в Вугеле — на нейтральной почве,— чтобы обсудить деловые разногласия, но что это доказывало? «Да, я видел его в такой-то и такой-то таверне около реки,— мог сказать Халигом.— Мы позавтракали вместе, изрядно выпили, достигли согласия по всем вопросам, а затем я ушел. Должен сказать, что, когда мы распрощались, он нетвердо держался на ногах». И бедняга Глейм, одурманенный и разгоряченный чересчур крепким для него добрым малдемарским вином, вероятно, слишком далеко высунулся из окна; возможно, он хотел получше рассмотреть каких-нибудь элегантных господ, проплывавших в лодке по реке... Нет, нет, пусть все предположения они делают сами, прервал ход своих мыслей Халигом. «Мы встретились за завтраком, пришли к соглашению, а потом я ушел»,— и ни слова больше. Ну, и кто сможет доказать, что события происходили иначе?

На следующий день он возвратился в контору и занялся своими делами, как будто в Вугеле не случилось ничего необычного. Он не мог позволить себе такой роскоши, как размышления о своем преступлении. Положение его было шатко, угроза банкротства представлялась весьма реальной, он перерасходовал кредиты, доверие к нему со стороны партнеров, как это ни печально, продолжало падать. И все, все это — дело рук Глейма! Стоит только один раз отправить дрянной товар, и, как бы безупречно ты себя ни вел в прошлом и в дальнейшем, страдать из-за этого придется долго. Он не получил никакой компенсации от Глейма, а теперь полностью лишился всякой надежды на возмещение ущерба. Оставался единственный путь спасения: самоотверженной работой попытаться вернуть себе доверие тех, кого он издавна снабжал точными инструментами, и при этом приложить все силы к тому, чтобы успокоить кредиторов до тех пор, пока положение не выправится.

Но избавиться от мыслей о Глейме оказалось не так-то просто. На протяжении нескольких следующих дней его имя звучало чуть ли не ежечасно, и Халигом был вынужден внимательно следить за собой, чтобы как-нибудь неосторожно себя не выдать. Все, с кем он имел торговые дела, казалось, понимали, что Глейм пытался оставить Халигома в дураках, и все старались так или иначе выказать сочувствие пострадавшему от этого обмана. Само по себе это действовало ободряюще и было даже приятно. Но ситуация, когда каждый разговор в конечном счете сводился к Глейму — к несправедливости Глейма, мстительности Глейма, скаредности Глейма,— постоянно выводила Халигома из равновесия. Это имя действовало на него, как спусковой механизм на тетиву арбалета. «Глейм!» — и он замирал на месте. «Глейм!» — и его щека начинала дергаться. «Глейм!» — и он резким движе-

нием прятал за спину руки, как будто от них по-прежнему исходил запах мертвеца. Как-то в минуту крайней усталости ему представилось, как он говорит одному из клиентов: «Знаете, а ведь это я убил его! Я столкнул его из окна, когда мы встретились в Вугеле...» Как легко эти слова могли бы сорваться с его губ, позволь он только себе расслабиться!

Он подумывал о том, что следует совершить паломничество на Остров Сна и очистить этим свою душу. Возможно, позже, но не теперь: он должен посвятить все свои силы и время торговым делам, в противном случае его фирму ждет неминуемая гибель, а его семья окажется в нищете. Он думал также и о том, чтобы сдаться властям и попытаться договориться с ними как-нибудь так, чтобы ему позволили искупить вину за преступление без прекращения коммерческой деятельности. Может быть, это было бы и хорошо — хотя что хорошего он мог позволить себе теперь? И разве власти с легкостью пойдут на это? В конце концов он не стал делать ничего и только постарался выбросить убийство из головы. В течение недели или дней десяти у него это действительно получалось. А затем начались сны.

Первый из них Халигом увидел в Звездный день второй недели лета и сразу же понял, что это послание, причем самого мрачного и угрожающего рода. Ночь уже шла к концу — было время самого глубокого сна, когда сознание полностью отрешается от забот минувшего дня, но еще не настраивается на встречу рассвета. Халигом обнаружил, что идет по полю, усеянному блестящими и скользкими желтыми зубами, вминавшимися под его ногами в землю. Воздух противно пах болотом и был неприятного серого оттенка; с неба свисали тягучие ленты какой-то сырой мясистой пакости, они то и дело задевали его щеки и руки, оставляя липкие следы, обжигая дергающей болью. В ушах звенело от резкой напряженной тишины зловещего послания — этот звон словно бы говорил, что мир взят на туго, чересчур туго натянутые поводья,— и кроме того, откуда-то издалека доносился еле слышный, но отчетливый издевательский смех. С неба лился невыносимо яркий, опаляющий свет. До него вдруг дошло, что наклонная равнина под ногами — это чей-то рот... Скорее всего одного из тех отвратительных чудовищных плотоядных цветов из отдаленного Зимроэля, которые он когда-то видел на выставке диковинок в павильоне, выстроенном лордом Кинникеном. Но те цветы были диаметром лишь в три или четыре

ярда, а этот по размерам посоперничал бы с целым пригородом... Халигом со всех ног побежал прочь от его дьявольского жерла, но его усилий хватало лишь на то, чтобы не соскользнуть вниз, в усеянную беспощадными зубами пасть.

Значит, вот как это будет, подумал он, на мгновение отрешаясь от сновидения и мрачно рассматривая его, как бы со стороны. Это лишь первое послание; отныне и всегда меня будет мучить Король Снов.

Он не мог никак и никуда укрыться от ужаса происходящего. У зубов были глаза, и глаза эти были глазами Глейма... Халигом карабкался вверх по склону, соскальзывал, потел... вот он рванулся вперед и сорвался, и скатился на край этих безжалостных зубов, и они ухватили его за руку... А когда ему все же удалось подняться на ноги, он увидел, что окровавленная кисть принадлежит вовсе не ему, но превратилась в маленькую бледную руку Глейма и выглядит на его запястье совершенно чуждо. И снова Халигом упал, и снова зубы вцепились в него, и снова с его телом произошла кошмарная перемена... и снова, и снова, и снова это повторялось... И он бежал вверх, рыдая и стеная — наполовину Глейм, наполовину Халигом,— пока не вырвался из сна и не обнаружил, что сидит на постели, дрожа всем телом, и словно спасательный круг стискивает бедро изумленной супруги.

— Что ты делаешь,— пробормотала она.— Мне больно. В чем дело? Что случилось?

— Сон... Кошмарный...

— Послание? — спросила она.— Да, наверное, послание. Я, кажется, улавливаю его оттенок в запахе твоего пота. О, Сигмар, что же все-таки случилось?

Халигом продолжал дрожать с головы до ног.

— Съел что-нибудь не то. Наверное, мясо морского дракона... Оно сразу показалось мне слишком пересушенным, слишком старым...

Нетвердо держась на ногах, он поднялся с кровати и налил себе немного вина. Выпитое помогло ему успокоиться. Жена вытерла ему вспотевший лоб, долго гладила и обнимала его, пока он не расслабился немного, но все равно не решился снова заснуть и лежал с открытыми глазами до самого рассвета, глядя в серый полумрак. Король Снов! Так вот что должно было стать его карой. Перспективы отнюдь не радужные. Он всегда считал

Короля Снов сказочным персонажем, придуманным для устрашения непослушных детей. Да, да, в народе говорили, что он живет в Сувраэле, что в семействе Барджазидов этот титул передается по наследству, что Король и его приближенные по ночам просеивают мысли спящих в поисках прегрешений и, находя недостойные души, подвергают их мучениям. Но так ли все на самом деле? Никто из знакомых Халигома не получал послания от Короля Снов. Однажды ему самому показалось, что пришедшее к нему видение — это послание от Хозяйки Острова, но он не был уверен в этом; к тому же он знал, что оно должно было быть совсем не похожим на то, которое явилось ему. Было хорошо известно, что послания Повелительницы отличаются обобщенностью. Король Снов, как считалось, мог причинять реальную боль; но был ли Король Снов в состоянии на самом деле контролировать десятки миллиардов разумных существ, населявших планету, из которых далеко не все вели добродетельную жизнь?

«Возможно, это всего лишь расстройство желудка»,— пытался успокоить себя Халигом.

Две следующие ночи прошли спокойно, и он разрешил себе поверить в то, что его сон был всего лишь не более чем случайностью, аномалией. В конце концов, Король действительно может оказаться персонажем из сказки. Но во Второй день он вновь получил послание — усомниться в этом было просто невозможно.

Тот же самый негромкий звенящий звук. Тот же жестокий ослепляющий свет... Многочисленные образы Глейма; смех, отзывающийся эхом со всех сторон; растягивающаяся и сжимающаяся ткань космоса; мучительное головокружение, вовлекающее его дух в ужасающую круговерть. Халигом заскулил. Он зарылся лицом в подушку так, что еле-еле мог дышать. При этом он не осмеливался проснуться, так как знал, что в этом случае не сможет скрыть свое состояние от жены, а она наверняка предложит ему пойти к толковательнице снов, на что он решиться никак не мог. Любая толковательница, если только, конечно, она не выманивает деньги у посетителей бессовестным обманом, сразу же поймет, что с ее душой соединилась душа преступника,— и что тогда будет с ним? Поэтому он вытерпел этот кошмар до конца и только тогда проснулся и лежал, дрожа, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, пока не рассвело.

Таков был кошмар Второго дня. А в Четвертый день было еще хуже. Халигом вдруг взлетел высоко в воздух, и опустился вниз, и оказался наколотым на вершину Замковой горы — острую, как копье, и холодную, как лед, и лежал там нескончаемо долгие часы, и все это время птицы гихорны с лицами Глейма раздирали его живот и поливали кровоточащие раны блестящими на солнце каплями помета. В ночь Пятого дня он спал довольно сносно, хотя и оставался все время в напряжении, ожидая прихода сновидений, Звездный день тоже не принес никаких посланий, а в Солнечный день он обнаружил себя плавающим в океанах комковатой крови, и при этом у него выпадали зубы, а пальцы превращались в полоски расползавшегося прямо на глазах теста; Лунный день и Второй день подарили ему хотя и чуть более умеренные, но все же ужасные кошмары, а утром Морского дня жена сказала:

— Твои кошмары продолжаются до сих пор. Сигмар, что ты сделал?

— Сделал? Ровным счетом ничего!

— Я чувствую, что тебя каждую ночь посещают послания.

Он пожал плечами.

— Силы, управляющие нами, допустили какую-то ошибку — это непременно случается время от времени,— и сны, предназначенные мальчишке-хулигану из Пендивэйна пришли к торговцу точными инструментами, живущему в Сти. Рано или поздно они обнаружат ошибку и оставят меня в покое.

— А если они этого не сделают? — Она искоса окинула его проницательным взглядом.— И если эти сны на самом деле предназначены тебе?

Не могла ли она знать правду? — подумал он. Ей было известно, что он поехал в Вугел для переговоров с Глеймом; возможно, хотя в это трудно поверить, ей удалось узнать, что Глейм так и не вернулся из этой поездки домой, в Гимкандэйл, ну а теперь ее муж получает послания от Короля Снов: она могла без всякого труда довести эту цепочку фактов до логического заключения. Могло ли такое произойти? И если да, то как она поступит? Выдаст собственного мужа? Хотя она любила его, но все же вполне могла пойти на это, так как, покрывая убийцу, она рисковала навлечь гнев Короля Снов и на собственную голову.

— Если эти сны не прекратятся,— сказал он,— я обращусь к чиновникам понтифекса с просьбой о защите от несправедливости.

Конечно, он не собирался искать защиты у властей. Вместо этого он попытался вступить в схватку со своим снами и смирить их, чтобы не возбуждать никаких подозрений в спавшей подле него женщине. Перед тем как лечь в постель, он сосредоточился и приказал себе сохранять спокойствие, равнодушно принимать любые видения, какие только могут прийти к нему, воспринимать их как не более чем фантазии, порожденные встревоженной душой, а не как факты, с которыми необходимо бороться. И все же, обнаружив, что бредет через алое море огня, время от времени погружаясь в пламя по щиколотку, он не смог сдержать крик; а когда из его плоти, прорывая кожу, вдруг стали расти иглы, так что он стал похож на манкулейна, этого зверя жарких стран, к которому невозможно прикоснуться не уколовшись, он заскулил во сне и запросил пощады; когда же он прогуливался по прекрасным садам лорда Хэвилбоува на Барьере Толингар и безупречные кусты вокруг него превратились в волосатые уродливые предметы или существа с угрожающе оскаленными зубами, он расплакался и покрылся густым липким потом — матрац еще долго хранил его запах. Жена больше ни о чем его не спрашивала, а лишь подолгу наблюдала за ним с тревогой в глазах. Ему казалось, что на языке у нее постоянно вертится вопрос: как долго еще он намерен допускать это насилие над своей душой?

Халигом перестал справляться с делами. Кредиторы все сильнее донимали его; изготовители инструментов стали требовать авансы под поставки товара, клиенты засыпали его жалобами, и они скапливались на столе в конторе, словно кучи увядающих осенних листьев. Он, скрываясь от знакомых, рылся в библиотеках в поисках материалов о Короле Снов и его власти, словно подцепил какую-то малоизвестную болезнь и пытался найти всевозможные сведения о ней, без которых не могло быть надежды на излечение. Но информация оказалась скудной и крайне примитивной: Король был одной из четырех Сил, или Властей, составлявших систему управления Маджипуром, и по своему рангу не уступал понтифексу, короналю и Хозяйке Острова. Вот уже в течение сотен лет его основная задача состояла в наказании виновных.

«Но ведь суда не было!» — мысленно воскликнул Халигом, хотя понимал, что суд в данном случае не имеет ровным счетом никакого значения. Король, несомненно, тоже знал об этом. И, по мере того как ужасные сновидения продолжали посещать Халигома, изматывая его душу, раздирая его нервы на тоненькие болезненные ниточки, он все яснее видел, что у него нет никакой надежды в попытках противоборства этим посланиям. Его жизни в Сти пришел конец. Один момент затмения, один несдержанный порыв — и он превратил себя в изгоя, обреченного на скитания по необъятным просторам планеты в поисках места, где можно было бы скрыться.

— Мне нужно отдохнуть,— заявил он жене.— Я отправлюсь в другие страны на месяц-другой; наверное, это поможет мне восстановить душевный покой.

Он отозвал сына в сторону — уже не юношу, но мужчину, вполне способного справиться с серьезным делом,— и передал тому все дела, за какой-нибудь час растолковав ему те законы, на познание которых ему самому потребовалось потратить полжизни. После чего, взяв с собой очень небольшую сумму наличными — все, что он мог позволить себе изъять из оскудевшего бюджета,— он занял место в салоне третьего класса парящей повозки и покинул свой великолепный город, направившись куда глаза глядят. Оказалось, что конечный пункт маршрута повозки — Норморк, один из Городов Склона, кольцом охватывавших нижнюю часть Замковой горы. Во время поездки он решил никогда больше не называться своим настоящим именем и из Сигмара Халигома превратился в Миклана Форба. Но удастся ли с помощью этой хитрости обмануть Короля Снов?

Похоже, что удалось. Машина лениво ползла по склону Замковой горы через Нижний Санбрейк, плато Бибирун, Барьер Толингар, и каждую ночь, ложась спать в очередной гостинице, он со страхом стискивал подушку, но все сны, посещавшие его, были лишь обычными видениями утомленного и встревоженного человека, лишенными той болезненной напряженности, которая отличала послания Короля. Он с удовольствием отметил, что сады Барьера Толингар были тщательно распланированы и содержались в образцовом порядке — они нисколько не походили на отвратительные пустоши, являвшиеся ему по ночам. Халигом начал понемногу успокаиваться. Он сравнил реальные сады с теми, что видел во сне, и с удивлением обнаружил, что,

прежде чем преобразовать прекрасный вид в кошмарную декорацию, Король представил ему детальное и точное изображение садов. Но он никогда прежде их не видел и сделал вывод, что послание направляло ему в мозг целый массив данных, невзирая на то, были они знакомы ему или нет, при том что в обычных снах человек видит, пусть даже в необычном образе, то, что присутствует в его памяти.

Это послужило ответом на беспокоивший его вопрос. Он не знал, что делает Король: то ли он, находясь на другом конце планеты, высвобождает фрагменты темных глубин его подсознания, то ли, наоборот, внедряет в его разум образы, сотворенные какой-то неведомой простому смертному силой. Судя по всему, последняя догадка была ближе к истине. Но следующий вопрос. Кошмары явно были предназначены специально для Сигмара Халигома, сформированы знатоками своего дела с совершенно определенной целью — пробуждать и укреплять его персональные страхи. Чтобы справиться с такой работой, на Субраэле должен был иметься многочисленный персонал. Но это означало, что он находится под пристальным наблюдением и попытка скрыться обречена на провал. Поэтому он предпочел думать, что у Короля и его помощников имеется набор стандартных кошмаров — устрашающие зубы, сальные испражнения мерзких птиц, море огня...— которые безлично и механически в определенном порядке направляются каждому преступнику. Возможно, даже сейчас какие-нибудь ужасные фантомы витают над его пустой подушкой в Сти.

Оставив в стороне Дундилмир и Стипул, он наконец приблизился к Норморку, обнесенному неприступной стеной мрачному городу, взгромоздившемуся на огромные клыки Норморкского хребта. До сих пор он не сознавал отчетливо той мысли, что Норморк с его укреплениями, сложенными из циклопических глыб черного камня, обладает всеми качествами, которые требуются от убежища: защищенный, безопасный, неприступный. Но, конечно, даже стены Норморка не могли воспрепятствовать мстительным выпадам Короля Снов, понял он.

Сделанные из великолепно отполированного черного дерева, скрепленного коваными железными полосами, врата Деккерета — проделанный в стене глаз высотой в пятьдесят футов, являвшийся единственной брешью в укреплениях,— как всегда, стояли открытыми настежь. Халигом предпочел бы увидеть их закры-

тыми и запертыми на все три замка, но этого не могло быть, так как лорд Деккерет, построивший эти врата на тридцатый год своего счастливого правления, постановил декретом, что они могут быть закрыты лишь при возникновении угрозы миру, а в эти дни весь Маджипур — за исключением одной лишь смятенной души бывшего Сигмара Халигома, принявшего имя Миклана Форба,— процветал под умелым управлением лорда Кинникена и понтифекса Тимина. Под именем Форба он нашел дешевое жилье в ближней к Горе части города, над которой второй стеной неизмеримой высоты возносился склон с обителью короналя на вершине.

Под тем же именем он устроился на работу в команду, которая ежедневно обходила городскую стену и выпалывала крепкий, похожий на проволоку сорняк, норовивший угнездиться между уложенными один на другой, не скрепленными никаким раствором камнями. Под именем Форба он каждую ночь ложился спать, со страхом ожидая прихода кошмара, но посещавшие его на протяжении многих недель сновидения были всего лишь туманными и бессмысленными сонными грезами, какие может видеть любой. Девять месяцев он жил в Норморке, не смея радоваться тому, что скрылся от карающей руки, протянутой с Субраэля, и, как выяснилось, не зря: однажды ночью после прекрасного ужина с бутылкой изумительного темно-красного банниканниклольского вина он улегся в постель, впервые за время, начавшееся намного раньше его роковой встречи с Глеймом, ощущая себя совершенно счастливым. Но едва он погрузился в сон, пришло новое послание от Короля. Своим отравленным жалом оно пронзило его душу и истерзало ее омерзительными видениями деформирующейся плоти и потоков слизи. Когда сон закончился, он проснулся и заплакал, ибо убедился, что надолго скрыться от преследующей его Силы невозможно.

И все же как Миклан Форб он обрел целых девять месяцев покоя. На те небольшие деньги, которые ему удалось скопить за это время, он купил билет в расположенный еще ниже по склону Амблеморн, где стал Деграйлом Гиталином и зарабатывал десять крон в неделю, будучи птицеловом в имении местного принца. Здесь он получил еще пять месяцев свободы от мучений — до той ночи, когда сон навалился на него полнейшей тишиной и ослепительным светом, а посреди этого безмолвного сияющего жестоким блеском мира возвышалась перегородившая

всю вселенную арка из лишенных орбит глаз... и все эти глаза смотрели только на него.

Он спустился по реке Глэйдж к Макропросопосу, где под именем Огворна Брилла мирно прожил еще месяц, прежде чем его настиг кошмарный сон: кристаллы раскаленного добела металла словно волосы росли в его горле.

Он присоединился к каравану, отправлявшемуся через засушливые пустыни в расположенный в глубине континента торговый город Сайсивондэйл. Путешествие было рассчитано на одиннадцать недель. Король Снов нашел его на седьмую неделю и заставил с криком выбежать из палатки, вломиться в гущу каких-то сухих и твердых кустов и кататься среди них по земле. На сей раз, однако, это был не сон... Вырвавшись наконец из цепких зарослей, он обнаружил, что весь изранен: тут и там была с мясом содрана кожа, он распух от ожогов ядовитых шипов. Пришлось нести его на руках в ближайшую деревню, где ему оказали помощь. Попутчики догадались о том, что его преследует Король Снов, и, не пожелав иметь такое соседство, оставили его в этой деревне. В конечном счете он все-таки сам добрался до Сайсивондэйла — скучного и бесцветного поселения, настолько не похожего на прекрасные города Замковой горы, что каждое утро, выходя на улицу, он не мог сдержать слез. Тем не менее он без всяких осложнений провел там шесть месяцев. Затем сны возобновились и погнали его на запад, через девять городов, давая ему то месяц передышки там, то шесть недель тут. Сменив множество имен, он добрался наконец до Алаизора — крупнейшего портового города, где под именем Бадрила Маганорна спокойно провел целый год, разделывая рыбу на рыночной пристани. Отгоняя дурные предчувствия, он позволил себе надеяться, что Король наконец-то наигрался с ним, и даже подумывал о возвращении к прежней жизни в Сти, который покинул уже около четырех лет тому назад. Неужели столь многих лет наказания за непреднамеренное, почти случайное преступление недостаточно?

Оказалось, что недостаточно. Только начался второй год жизни Халигома в Алаизоре, как голову его заполнило знакомое зловещее гудение, свидетельствующее о приближении послания, и на него обрушилось сновидение, по сравнению с которым все предыдущие можно было воспринимать как детские праздничные представления. Все происходило в суровой пустыне Сувраэля... Сам он стоял на зубчатом утесе и смотрел на иссохшую искореженную прогалину среди сигуповых деревьев, на расстояние в десятки миль испускавших ядовитые эманации, смертельные для всего живого, даже для неосторожных птиц и насекомых, пролетавших над толстыми свисающими к земле ветвями. Там, в долине, он разглядел свою жену и детей: они спокойно шли в сторону смертоносных деревьев... Он побежал к ним по вязкому, словно патока, песку, а деревья покачивались и звали к себе, и его близкие вошли в окружавшее лес темное облако, и упали, и больше он их не видел... Но он все так же бежал вперед, пока сам не оказался в запретных пределах. Он молил о смерти, но испарения деревьев не действовали на него, единственного из всех живых существ. Деревья в этом ужасном лесу стояли на изрядном расстоянии одно от другого, и между ними не росло ничего — ни кустов, ни лиан, ни единого клочка мха на земле — лишь множество уродливых безлистных деревьев, словно редкий забор, поставленный кем-то посреди пустоты. Больше в его сновидении ничего не было, но на том, что он увидел, лежала печать ужаса, далеко превосходящего все чудовищные видения, посещавшие его прежде... И этот кошмар все тянулся и тянулся, и Халигом блуждал, одинокий и несчастный, среди этих бесплодных деревьев, словно в душной пустоте... А когда он проснулся, то увидел в зеркале, что его лицо покрылось морщинами, кожа обвисла, а веки подергиваются,— как будто полночь от рассвета отделяла добрая дюжина лет.

Он потерпел сокрушительное поражение. Бежать — бесполезно; скрываться — тщетно. Вся его оставшаяся жизнь принадлежит Королю Снов. У него не осталось больше сил на то, чтобы снова и снова начинать жизнь сначала, выдумывать себе новые имена и прятаться в бесполезных убежищах.

Когда лучи рассвета изгнали из его души видение ужасного леса, он, спотыкаясь, заторопился к Храму Хозяйки Острова, венчавшему Алаизорские холмы, и попросил позволения совершить паломничество на Остров Сна. Он назвался своим настоящим именем — Сигмар Халигом. Чего ради ему было теперь скрываться?

Как и все желающие, он получил разрешение и спустя непродолжительное время среди множества других, стремившихся поклониться Повелительнице Снов, уже плыл в Нуминор, порт на северо-восточном берегу острова. Все время, пока он плыл

по морю, его посещали послания; одни раздражали и смущали его, воздействие нескольких было просто ужасающим, но когда он, дрожа всем телом и обливаясь слезами, просыпался, рядом оказывались другие паломники, которые помогали ему успокоиться. К тому же так или иначе, но теперь, когда он препоручил свою жизнь Повелительнице, сновидения, даже худшие из них, лишились большей части своего значения. Главный ущерб, наносимый посланиями — это он уже понял,— состоит в разрушении повседневного порядка жизни, в осознании невозможности сопротивляться чуждым пугающим образам. Но у Халигома не было больше той жизни, которую можно было бы разрушить,— так какое значение теперь имело то, что, открывая глаза поутру, он дрожал от страха?

Он не был больше ни торговцем точными инструментами, ни борцом с сорняками, ни птицеловом — он стал никем и ничем и не имел собственного «я», нуждавшегося в защите от нападений противника. И наконец среди потока посланий на него снизошел странный, своеобразный покой.

В Нуминоре он был препровожден на террасу Оценки — внешний, самый низкий ярус Острова, где, как он был уверен, ему предстояло провести весь остаток жизни. Повелительница допускала паломников в глубь Острова постепенно, шаг за шагом, согласно темпу их видимого ей одной внутреннего прогресса, и тот, чья душа была запятнана убийством, мог навсегда остаться на окраине святого места, выполняя какие-нибудь грязные и неприятные работы. Но это его нисколько не страшило. Он хотел всего лишь укрыться от посланий Короля и надеялся, что рано или поздно окажется под защитой Повелительницы и будет забыт своим преследователем с Сувраэля.

Облаченный в мягкие, бесформенные одежды паломника, он шесть лет трудился садовником на наиболее удаленной от центра острова террасе. Его волосы поседели, спина сгорбилась; он научился отличать мельчайшие ростки сорняков от проклюнувшихся над землей стебельков цветов. Первое время послания мучили его каждый месяц или два, а затем стали появляться все реже и реже. Хотя они так и не прекратились, он с каждым разом переносил их все легче и легче, словно приступы боли в старой, полузажившей ране. Иногда он вспоминал о своей семье, которая, несомненно, давно считала его погибшим. Он думал также о Глейме, повисшем в воздухе с выражением крайнего

изумления на лице и с этим изумленным выражением канувшем в вечность. А существовал ли когда-нибудь такой человек и действительно ли он, Халигом, убил его? Произошедшее казалось ему теперь нереальным, все случилось так безумно давно... Халигом не чувствовал никакой вины за преступление, в самом факте которого он все чаще и чаще сомневался. Но он помнил деловые переговоры, перешедшие в ссору, и высокомерный отказ другого торговца увидеть возникшие по его вине трудности, грозившие Халигому разорением, и момент слепого гнева, когда он ринулся на своего врага. «Да, да, все было именно так,— думал Халигом,— и Глейм и я, мы оба лишились жизней во время этой мгновенной вспышки гнева».

Халигом добросовестно выполнял все, что от него требовалось: предавался медитациям, посещал толковательниц снов (здесь такие визиты были обязательными) — ни одна из них ни разу не сказала ни слова по поводу его посланий — и получал указания от служителей храмов. Весной седьмого года он был призван на следующий ярус острова — террасу Вступления — и провел там много месяцев; паломники приходили и уходили, поднимались наверх, на террасу Зеркал, а он по-прежнему оставался здесь. Он почти не разговаривал с другими, не обзаводился друзьями и смиренно воспринимал послания, которые все так же продолжали посещать его, хотя достаточно редко и нерегулярно.

На третий год своего пребывания на террасе Вступления он заметил в столовой низенького хилого человека средних лет, со странно знакомым взглядом, устремленным в его сторону. Целых две недели новичок не сводил глаз с Халигома. В конце концов Халигом не смог сдержать любопытства, принялся осторожно расспрашивать окружающих и выяснил, что этого человека зовут Говиран Глейм.

Он ожидал чего-нибудь подобного. Улучив первую же свободную минуту, Халигом подошел к нему.

— Вы не согласитесь ответить на мой вопрос?

— Если смогу.

— Скажите, вы уроженец город Гимкандэйла, что на Замковой горе?

— Да,— ответил Говиран Глейм.— А вы из Сти?

— Да,— признался Халигом.

На некоторое время оба затихли. Затем Халигом нарушил молчание.

— Значит, это вы преследовали меня все эти годы?

— Нет, что вы! Ни в коей мере.

— Значит, то, что мы оба оказались здесь, просто совпадение?

— Я думаю, что не никаких случайных совпадений вообще не бывает,— сказал Говиран Глейм.— Но я не предпринимал никаких шагов для того, чтобы попасть туда, где вы находитесь.

— Вы знаете, кто я такой и что я сделал?

— Да.

— И чего же вы хотите от меня? — спросил Халигом.

— Хочу? Чего я хочу? — Глаза Глейма, маленькие, темные и сверкающие, такие же, как и у его давно погибшего отца, в упор смотрели на Халигома.— Чего я хочу? Расскажите мне, что случилось в Вугеле.

— Давайте прогуляемся,— предложил Халигом.

Они прошли сквозь свежеподстриженную живую изгородь из сине-зеленых кустов в сад цветущих алабандинов; Халигом постоянно прореживал их саженцы, чтобы цветы были крупнее. И здесь, среди благоухающих клумб, Халигом спокойным, ровным голосом описал те события, о которых не говорил никогда и никому и которые стали уже почти нереальными для него самого: встреча, ссора, окно, река... Во время этого рассказа лицо Говирана Глейма не отражало ровным счетом ничего, хотя Халигом не сводил с него глаз, пытаясь отгадать намерения этого человека.

Завершив свой тяжелый рассказ, Халигом замер в ожидании реакции. Но реакции не последовало.

— И что же случилось с вами потом? — спросил Глейм после долгой паузы.— Почему вы исчезли?

— Король Снов истерзал мою душу жестокими посланиями и довел до таких мучений, что я спрятался в Норморке, а когда он отыскал меня там, я продолжал скрываться, перебегая с места на место, и наконец в качестве паломника прибыл на Остров.

— И Король все еще преследует вас?

— Время от времени меня посещают послания,— ответил Халигом и покачал головой.— Но они бесполезны. Я страдал, я принес покаяние, но все бессмысленно, поскольку я не чувствую никакой вины за свое преступление. Это был момент безумия, и я тысячи и тысячи раз желал, чтобы этого никогда не случилось, но я не могу принять на себя никакой ответственности за смерть вашего отца: он довел меня до безумия, я толкнул его, и он упал, но этот поступок не имел ни малейшей связи со всеми остальными перипетиями моей жизни и потому это не было моим действием.

— Значит, случившееся вы воспринимаете именно так?

— Да, именно так. И все эти годы мучительных снов — что хорошего они принесли? Если бы я воздержался от убийства, боясь мщения Короля, вся система наказания была бы оправдана; но я не думал ни о чем, и уж конечно, не о Короле Снов, и потому считаю кодекс, согласно которому был наказан, бесполезным. Точно так же было и с моим паломничеством: я прибыл сюда не столько для того, чтобы искупить вину, сколько для того, чтобы скрыться от Короля и его посланий, и, предполагаю, это мне почти что удалось. Но ни мое искупление, ни мои страдания не возвратят к жизни вашего отца, так что вся эта головоломка, как оказалось, не имеет решения. Действуйте! Прикончите меня, и покончим с этим.

— Прикончить вас? — удивился Глейм.

— А разве не таково ваше намерение?

— Я был совсем мальчишкой, когда мой отец исчез. Сейчас я уже немолод, а вы совсем старик, и вся эта история давно осталась в прошлом. Я хотел лишь узнать правду о его смерти, и теперь я ее знаю. Зачем мне убивать вас? Если бы это возвратило моего отца к жизни, то, возможно, был бы какой-то смысл... Но, как вы сами только что сказали, это невозможно. Я не испытываю никакого гнева по отношению к вам и не имею ни малейшего желания терпеть мучения по вине Короля. Для меня эта система является действенным средством устрашения.

— Вы действительно не собираетесь меня убивать? — Халигом остолбенел от изумления.

— Нисколько.

— Ну да, конечно же, я понимаю. Зачем вам убивать меня? Смерть могла бы избавить меня от жизни, которая превратилась в бесконечное наказание.

— Неужели вы это так воспринимаете? — снова удивился Глейм.

— Да, вы приговариваете меня к жизни.

— Но ваше наказание давно закончилось! Теперь на вас лежит благодать Повелительницы. Через смерть моего отца вы нашли свой путь к ней!

Халигом не мог понять, то ли собеседник дразнил его, то ли говорил серьезно.

— Вы видите на мне благодать? — растерянно спросил он.

— Да.

Халигом потряс головой.

— Остров и все, что на нем есть, ничего не значат для меня. Я прибыл сюда только для того, чтобы удрать от преследования Короля. Я наконец нашел укрытие, и это все, что мне нужно.

Глейм не мигая смотрел ему в лицо.

— Вы обманываете себя,— возразил он секунду спустя и сразу же ушел, оставив Халигома обескураженным и растерянным.

Могло ли это быть? Он получил очищение от своего преступления и не понял этого? Он решил, что если этой ночью к нему придет послание от Короля, а это могло быть, так как страшные видения не посещали его уже почти год, то он пойдет на край террасы Оценки и бросится в море. Он действительно получил послание, но оно пришло от Повелительницы — успокоительная нежная греза, в которой его призывали перейти выше, на террасу Зеркал. Он думал, что неверно понял послание, сомневался в том, что вообще может получить такое предложение, но толковательница снов утром велела ему не медля отправляться на расположенную на следующем уступе светлую террасу, ибо наступило время следующей стадии его паломничества.

ЧАСТЬ 8

СРЕДИ ТОЛКОВАТЕЛЕЙ СНОВ

Хиссун все чаще обнаруживает, что одно приключение требует разъяснений, которые можно найти в других. Покончив с мрачным но поучительным рассказом убийцы Сигмара Халигома, он намного лучше представляет себе деяния Короля Снов, но о толкователях снов — посредниках между мирами сновидений и бодрствования — он знает крайне мало. Ему еще не приходилось иметь с ними дела; он воспринимает посещающие его сновидения скорее как театральные представления, нежели как руководство в жизни. Он знает, что это находится в противоречии с одной из главных традиций духовного существования мира, но многое из того, что он делает и думает, точно так же вступает в противоречие с многими из подобных традиций. Он таков, каков есть: уличный мальчишка из Лабиринта, хорошо знающий этот мир, но не испытывающий большого желания следовать по проторенным путям.

В Зимроэле жила или живет известная толковательница снов по имени Тизана; Хиссун видел ее во время посещения второй коронации лорда Валентина. Эта жирная старуха из города Фалкинкипа, вероятно, сыграла какую-то роль в восстановлении истинной сущности лорда Валентина. Хиссун ничего не знает об этом, но до сих пор испытывает некоторое беспокойство при воспоминании о пронизывающем взгляде старухи, ее мощной и исполненной жизненной силы индивидуальности. Почему-то она заинтересовалась мальчишкой: он не забыл, как стоял рядом с нею, ощущая себя придавленным близостью этой огромной фигуры, и надеялся, что ей не придет в голову фантазия обнять его и прижать к своей необъятной груди, так как в этом случае она, несомненно, раздавит бед-

ного ребенка. «А вот и еще один маленький заблудший принц!» — воскликнула она тогда. Что это могло означать? Толкователи снов могли бы разъяснить Хиссуну эти слова, но он не идет к ним. А не могла ли Тизана оставить свою запись в Регистре памяти душ? Он проверяет архив. Есть! Он вызывает капсулу и почти сразу же обнаруживает, что запись была сделана около пятидесяти лет назад, когда Тизана только-только начала познавать свое ремесло, и других, более поздних, воспоминаний она не оставила. Хиссун уже готов отправить запись обратно. Но какая-то эманация души Тизаны все же успевает коснуться его разума. От нее все же можно будет что-то узнать, решает он, вновь надевает шлем, который отложил было в сторону, и позволяет неистовой душе молодой Тизаны войти в свое сознание.

В день накануне Испытания Тизаны с самого утра внезапно начался дождь, и все выбежали из общинного дома, чтобы посмотреть на него: и новички, и послушники, и выпускники, и наставники, и даже старая Верховная толковательница Инуэльда собственной персоной. Здесь, в пустыне, занимавшей почти всю Велализиерскую равнину, дожди были большой редкостью. Тизана выскочила вместе с остальными и стояла, глядя на огромные кристально чистые капли, косо слетавшие к земле из единственного темно-серого облака, обрамленного черной каймой, которое парило, как привязанное, над высоким шпилем общинного дома. Капли с отчетливым звуком ударялись о пересохшую песчаную почву, оставляя на бледно-красноватой поверхности темные пятна, разделенные между собой странно большими промежутками. Новички, послушники, выпускники и даже наставники, отбросив плащи, резвились под дождем.

— Первый более чем за год,— сказал кто-то.

— Предзнаменование,— пробормотала Фрейлис, выпускница и ближайшая подруга Тизаны в общинном доме.— Ты легко пройдешь Испытание.

— Ты на самом деле веришь в такие вещи?

— Я верю в то, что стоит всегда искать сначала хорошие предзнаменования и только потом плохие,— весело откликнулась Фрейлис.

— Полезное правило для толкователя снов,— воскликнула Тизана, и они обе рассмеялись.

Фрейлис дернула Тизану за руку.

— Пойдем со мной, потанцуем!

Тизана покачала головой. Она стояла под навесом, и Фрейлис тщетно пыталась вытащить ее под дождь. Тизана была высокой, ширококостной и крупной, и хрупкая маленькая Фрейлис казалась рядом с нею легкой как птичка. Танцы под дождем нынче не привлекали Тизану. Завтра должна была наступить кульминация всех семи лет ее обучения. Она до сих пор не имела ни малейшего понятия о том, что представляет собой этот ритуал, но тем не менее была заранее уверена, что ее признают недостойной и с позором отошлют обратно в глухой, провинциальный родной городишко. Страхи и дурные предчувствия лежали на ее душе, словно свинцовые гири, а танцевать в такое время казалось непростительным легкомыслием.

— Нет, ты только посмотри,— звонко выкрикнула Фрейлис.— Верховная тоже здесь!

Действительно, даже почтенная Инуэльда вышла под дождь и величественно приплясывала посреди двора: изможденная седовласая старуха с изрезанной бесчисленными глубокими морщинами кожей выделывала нетвердыми ногами па какого-то, по-видимому, изысканного танца, притопывала, ходила по кругу, раскидывая в стороны тощие руки и исступленно запрокидывая к небу лицо. Глядя на старуху, Тизана не смогла сдержать улыбку. А Верховная, которая сама неотрывно наблюдала за Тизаной, скрывавшейся под портиком (правда, та не замечала ее пристального взгляда), чуть заметно усмехнулась и поманила девушку к себе, словно подзывала грустного ребенка, не желающего присоединиться к общей игре. Но Верховная прошла Испытание так давно, что, судя по всему, напрочь забыла, с каким страхом сама ожидала его. Вне всякого сомнения, она была просто неспособна понять ту мрачную озабоченность, которую вызывали у Тизаны мысли о завтрашнем дне. Сделав просительный жест, Тизана повернулась и ушла в дом. Снаружи доносился резкий грохот мощного ливня, вдруг сменившийся пронзительной тишиной. Странная маленькая буря закончилась.

Пригнув голову, чтобы пройти под низенькой аркой, сложенной из правильных блоков синего камня, Тизана вошла в свою келью и на мгновение прислонилась к неровной неоштукатуренной стене, чтобы хоть немного снять напряжение. Келья была крошечной: в ней помещались только топчан, бадья для умывания, шкафчик для одежды, рабочий стол и небольшой

книжный шкаф — и крепкое, полное, здоровое тело девчонки с фермы, которой еще совсем недавно была Тизана, почти полностью занимало оставшееся свободное место.

Но она уже много времени прожила в этой тесноте, которая, как ни странно, оказывала на нее успокаивающее действие, равно как и принятый в общинном доме непререкаемый порядок, предусматривавший ежедневные учебные занятия, ручной труд, выслушивание наставлений и — с тех пор как она достигла ранга выпускницы — обучение новичков. Когда начался ливень, Тизана готовила сонное вино; этому делу она на протяжении вот уже двух лет ежедневно посвящала час по утрам и сейчас вернулась к своему занятию, радуясь его сложности. В столь тревожный день ей очень важно было чем-нибудь занять свои мысли и внимание.

Все сонное вино, используемое на Маджипуре, изготавливалось именно здесь, в Велализиере, послушницами и выпускницами общинного дома. Вообще-то для этой работы требовались более тонкие и проворные пальцы, чем у Тизаны, но она все равно до тонкостей овладела этим искусством. Перед нею были аккуратно разложены небольшие баночки с травами, крохотными серыми листочками муорны, сочными корнями веджлы, сушеными ягодами сизерила и прочими ингредиентами — девять и двадцать, как принято было исчислять их количество,— вызывавшими состояние транса, в котором и осуществлялось восприятие и истолкование сновидений. Тизана растирала и смешивала компоненты — это необходимо было делать в раз и навсегда строго определенном порядке, в противном случае химические реакции пойдут не так, как надо,— а затем нагревала порошки на огне, чтобы они спеклись, один за другим растворяла их в спирте и вливала отмеренные дозы спиртового раствора в вино. Благодаря сосредоточенной работе девушка вскоре забыла о своих тревогах и даже развеселилась.

Увлеченная своим занятием, она не сразу услышала негромкое дыхание за спиной.

— Фрейлис?

— Ничего, что я пришла? Я тебе не помешаю?

— Конечно нет. Я уже почти закончила. Они все еще танцуют?

— Нет, все уже разошлись по своим делам. Солнце снова жарит.

Тизана аккуратно перелила темное густое вино в бутылку и взболтала ее.

— В Фалкинкипе, где я выросла, климат тоже жаркий и сухой. Однако мы не бросаем все дела и не бежим скакать на улицу, как только закапает дождь.

— В Фалкинкипе,— ответила Фрейлис,— люди принимают все как должное. Они нисколько не удивятся, увидев скандара с одиннадцатью руками. Если даже сам понтифекс приедет в город и начнет разгуливать по главной площади на руках, ему все равно не удастся собрать толпу.

— О? А я и не знала, что ты бывала там!

— Однажды, еще девочкой. Мой отец намеревался устроить там скотоводческую ферму. Но у него не хватило на это характера, и спустя год с небольшим мы вернулись в Тил-омон. Но с тех пор он всегда говорил о жителях Фалкинкипа как о людях чрезвычайно медлительных, рассудительных и бесстрастных.

— И что, я тоже такая? — не без ехидства спросила Тизана.

— Ты... ты необыкновенно уравновешенная.

— Тогда почему я так волнуюсь насчет завтра?

Маленькая женщина опустилась на колени перед Тизаной и взяла обе ее руки в ладони.

— Тебе совершенно не о чем беспокоиться,— мягко сказала она.

— Неизвестность всегда пугает.

— Это всего лишь экзамен, Тизана!

— Последний экзамен. Что, если я провалю его? Что, если у меня обнаружится какой-нибудь ужасный недостаток в характере, из-за которого я окажусь совершенно непригодна в толковательницы?

— Ну и что тогда? — поинтересовалась Фрейлис.

— Как что? Ведь это будет означать, что я потратила впустую семь лет. Мне придется как дуре брести обратно в Фалкинкип — без профессии, без каких-либо навыков — и провести оставшуюся часть жизни, разгребая навоз на чьей-нибудь ферме.

— Если Испытание покажет, что ты не сможешь стать толковательницей, то тебе нужно будет отнестись к этому философски,— наставительно заметила Фрейлис.— Ты сама знаешь, что мы не можем позволить кому попало свободно рыться в людских мозгах. Ну и помимо всего прочего, ты не можешь быть непригодной, и Испытание не должно составить для тебя никакой

проблемы, так что я не понимаю, почему ты так трепыхаешься из-за него.

— Потому что не имею ни малейшего представления о том, что будет.

— Ну, скорее всего, они просто поговорят с тобой. Они дадут тебе вина, заглянут в твое сознание, увидят, какая ты сильная, мудрая и хорошая, выведут тебя из транса, а потом Верховная обнимет тебя и скажет, что ты прошла Испытание. И на этом все закончится.

— Ты уверена? Может быть, тебе что-то известно?

— Это просто разумные предположения, только и всего.

Тизана пожала плечами.

— А я слышала другие предположения. Что они делают нечто такое, из-за чего ты оказываешься лицом к лицу с самым худшим поступком своей жизни. Или чем-то таким, чего ты больше всего на свете боишься. Или тем, что ты ужасно не хочешь позволить другим узнать о себе. Разве ты не слышала таких историй?

— Слышала.

— И что, если бы завтра было твое Испытание, разве тебя это нисколько не тревожило бы?

— Все это только догадки, Тизана. Никто не знает, что такое Испытание на самом деле, кроме тех, кто выдержал его.

— И тех, кто не выдержал.

— А ты знаешь кого-нибудь, кто не прошел бы Испытание?

— Ну... мне кажется...

Фрейлис улыбнулась.

— Я подозреваю, что они прощаются со школой гораздо раньше, чем становятся выпускниками. Даже не успевают стать послушниками.— Она выпрямилась и принялась перебирать склянки с травами на столе Тизаны.— Став толковательницей снов, ты собираешься вернуться в Фалкинкип?

— Рассчитываю.

— Ты так его любишь?

— Это мой дом.

— Тизана, но ведь мир так велик. Ты могла бы поехать в Ни-мойю, или Пилиплок, или остаться здесь, на Алханроэле, могла бы поселиться на Замковой горе, даже...

— Меня устроит и Фалкинкип,— ответила Тизана.— Я люблю пыльные дороги. Люблю сухие буро-коричневые холмы. Я не

видела их больше семи лет. И в Фалкинкипе нужны толкователи снов. В больших городах их много. Любой толкователь хочет устроиться в Ни-мойе или Сти, верно? А я все же предпочитаю Фалкинкип.

— Тебя, наверное, ждет там возлюбленный? — хитро прищурившись, полюбопытствовала Фрейлис.

Тизана фыркнула.

— Вряд ли! Через семь лет?

— У меня был любовник в Тил-омоне. Мы собирались пожениться, построить лодку, обойти под парусом вокруг всего Зимроэля — на это потребовалось бы три или четыре года, а затем, возможно, подняться по реке до Ни-мойи, поселиться там и открыть лавку в Паутинной галерее.

Эти слова поразили Тизану. За все время, пока она была знакома с Фрейлис, та никогда еще не говорила о таких вещах.

— И что же случилось?

— Я получила послание, в котором мне приказывали стать толковательницей снов,— негромко сказала Фрейлис.— Я спросила его, как он отнесется к этому. Знаешь, я даже не была уверена, что поступлю так, как мне велела Повелительница, но хотела узнать, что думает по этому поводу он, и в тот же момент, когда сказала ему, еще не дожидаясь его слов, узнала ответ. Он был ошеломлен, казался обескураженным и немного сердитым, как будто это должно было воспрепятствовать его планам. Конечно, так и должно было бы получиться. Он сказал, что мне следует дать ему день-другой, чтобы все обдумать. Это была наша последняя встреча. Потом его друг рассказал мне, что той же ночью он получил послание, в котором ему посоветовали отправиться в Пидруид, и утром уехал. Позднее он женился на своей бывшей возлюбленной, с которой встретился там, и, полагаю, они до сих пор мечтают о постройке лодки и плавании вокруг Зимроэля. Ну а я повиновалась посланию, отправилась в паломничество и прибыла сюда. С тех пор я нахожусь здесь, а в следующем месяце закончу обучение и, если все пойдет хорошо, на будущий год стану полноправной толковательницей, поеду в Ни-мойю и открою заведение на Большом базаре.

— Бедная Фрейлис!

— Не нужно меня жалеть, Тизана. С какой стороны ни взгляни, я оказалась в выигрыше. Его поступок немного задел меня, но лишь на первых порах. Он ничего собой не представлял, и я

рано или поздно должна была это выяснить. Ну и мы все равно со временем расстались бы, только по-другому. Сейчас я смогу стать толковательницей и служить Божеству, а в противном случае я не была бы нужна никому вообще. Понимаешь?

— Понимаю.

— К тому же на самом деле я вовсе не хочу быть чьей-нибудь женой.

— Я тоже,— сказала Тизана. Она внимательно понюхала свежеприготовленное вино, сочла запах подходящим и начала убирать стол, плотно закрывая склянки и расставляя их в строгом порядке. Фрейлис такая добрая, думала она, такая нежная и ласковая, такая понимающая. Воплощенная женственность. Тизана не могла найти в себе ни одной из этих черт. Если уж на то пошло, ее душа была скорее мужской (как она ее себе воображала) — толстокожей, грубоватой, тяжелой, крепкой, способной выдерживать любое напряжение, но не слишком очень гибкой и уж конечно нечувствительной к нюансам и деликатным материям. На самом деле мужчины были не такими — это Тизана тоже знала,— они были даже тоньше и чувствительнее, чем женщины. И все равно в ее представлении имелась какая-то нелицеприятная истина, ну а Тизана была всегда слишком крупной, слишком угловатой, слишком здравомыслящей для того, чтобы ее можно воспринимать как настоящую женщину.

Тогда как Фрейлис, невысокая, хрупкая, с подвижной, как ртуть, душой и мыслями, перепархивавшими с предмета на предмет с легкостью колибри, принадлежала к совсем другому типу. И Фрейлис, думала Тизана, будет превосходной толковательницей снов: она будет интуитивно проникать в глубины разума тех, кто придет к ней за истолкованием, и сможет выбрать наилучший способ для того, чтобы изложить каждому самое важное, то, что тому на самом деле будет необходимо узнать. Хозяйка Острова и Король Снов, посещая умы спящих, часто говорили невнятно и загадочно, и задача толковательницы состояла в том, чтобы служить посредницей между этими великими властителями и миллиардами обитателей планеты, расшифровывая и истолковывая их наставительные послания. Это налагало устрашающую ответственность. Толковательница снов могла направить жизнь человека в нужное русло и могла, наоборот, разрушить ее. У Фрейлис эта работа должна была хорошо получаться: она точно знала, когда следует быть строгой, когда легкомысленной, когда необходимы утешение и тепло. Откуда она могла узнать все это? Наверняка из обстоятельств своей собственной жизни, из испытания горем, разочарованием, отверженностью и поражением. Даже не зная многих подробностей прошлого Фрейлис, Тизана ясно видела в холодных серых глазах стройной женщины бесценное знание, и это знание должно было значить для выбранной ею профессии куда больше, чем любые приемы и уловки, которым ее обучали в общинном доме. Тизана питала серьезные сомнения в собственной пригодности к специальности толковательницы снов, поскольку она сумела пропускать мимо себя ту сумятицу страстей, которая сформировала мир Фрейлис. Ее жизнь была слишком спокойной, слишком простой, слишком — как это сказала Фрейлис? — уравновешенной. Образ жизни в Фалкинкипе был достаточно простым: подъем с рассветом, и за работу, потом еда, снова работа, развлечения, а потом сытые и утомленные люди шли спать. Никаких бурь, никаких переворотов, никаких чрезмерных амбиций, которые вели бы к большим крушениям. И, не испытав никакой настоящей боли, как могла она рассчитывать верно понимать страдания тех, кто их испытывал? Тизана подумала о Фрейлис и о ее неверном возлюбленном, предавшем ее при первой же возможности из-за того, что ее неоформленные еще планы не слишком точно совпадали с его намерениями, а затем задумалась о своих собственных мимолетных сельских романах, если их можно было так назвать, таких легких, таких случайных; это была просто форма общения двоих людей, бездумно проводивших вместе некоторое время, а затем так же бездумно расставшихся, не испытывая никакой боли, никаких страданий. Даже занятия любовью, которые считались обязательным условием общения, были самым тривиальным делом, простым развитием сближения двух здоровых людей и состояли из соприкосновения, легкого слияния тел, непродолжительных покачиваний и подергиваний, вздохов и стонов, быстрого содрогания удовольствия, а затем расслабления и расставания. И ничего больше. Тизане удалось, неведомо как, проскользнуть по жизни без душевных травм. Она не испытывала потрясений, ее не бросали. Так какую же ценность она может представлять для других? Их тревоги и конфликты будут бессмысленными для нее. И, думала она, наверное Испытание страшит ее именно тем, что наставники наконец-то разглядят ее душу и увидят, насколько непригодна она для того, чтобы быть толко-

вательницей — ведь она настолько простодушна и невинна,— что они все же раскроют ее обман. Какая ирония заключена в том, что она сейчас тревожится о своей бестревожной жизни! Она заметила, что руки дрожат, подняла их над столом и уставилась на них: крестьянские лапы, дурацкие огромные грубые толстопалые руки, а дрожат, как нежные листочки на ветру. Фрейлис, увидев движение Тизаны, потянулась к ней и взяла ее кисти в свои крохотные ладошки; она едва смогла обхватить их своими тонкими хрупкими пальчиками.

— Успокойся! — страстным шепотом приказала она.— Для волнения нет никаких причин!

Тизана кивнула.

— Который теперь час?

— Тебе пора уже отправляться к своим новичкам, а мне заниматься своими наблюдениями.

— Да. Да. Ну и отлично; покончим с этим.

— Увидимся позже. За обедом. А ночью я разделю с тобой сновидения, ладно?

— Да,— ответила Тизана.— Мне очень этого хочется.

Они вышли из кельи, и Тизана торопливо направилась через внутренний двор к классным комнатам; в одной из них ее ждала дюжина новичков. От недавно прошедшего дождя не осталось и следа: жгучее солнце пустыни почти сразу же обратило в пар каждую попавшую на землю каплю. К полудню даже ящерицы прятались в укрытия. Когда она уже подходила к дальнему крылу монастыря, ей встретилась старшая наставница Вандуна, женщина из Пилиплока, почти столь же древняя, как и Верховная. Тизана улыбнулась ей и хотела было пройти мимо, но наставница остановилась и подозвала ее к себе.

— Ну что, завтра твой день?

— Боюсь, что да.

— Тебе сказали, кто будет проводить твое испытание?

— Мне не сказали ничего,— не скрывая горечи, откликнулась Тизана,— и предоставили мне догадываться о том, что и как будет.

— Так и должно быть,— сказала Вандуна.— Неуверенность полезна для души.

— Легко вам говорить,— сквозь зубы пробормотала Тизана, дождавшись, впрочем, когда старуха отбрела немного в сторону. А будет ли она сама когда-нибудь относиться к кандидатам на Испытание с таким вот веселым равнодушием, мелькнула у

нее мысль, если она сама пройдет его и останется наставницей. Возможно. Вполне возможно. Это возрастные изменения, благодаря которым каждый переходит на другую сторону стены, думала она, вспоминая, как некогда, будучи ребенком, она клялась, что, когда станет взрослой, всегда будет понимать особые проблемы детей и никогда не станет обращаться с младшими с той ненамеренной жестокостью, с которой сталкиваются все дети, общаясь с легкомысленными взрослыми. Она не забыла этой клятвы, но пятнадцать или двадцать лет спустя просто забыла, что из себя представляло это особое состояние детства и сомневалась, что, несмотря на искренность своего обещания, выказывала в общении с детьми достаточно чуткости. Так же, скорее всего, будет и с этим.

Она вошла в классную комнату. Обучение в общинном доме проводили, главным образом, наставницы, которые были толковательницами высшей квалификации, добровольно удалявшиеся на несколько лет от практики, чтобы передать свое умение учащимся, но им помогали и выпускницы, прошедшие уже весь курс обучения и готовившиеся к прохождению последнего Испытания. Главный смысл их занятий с новичками заключался в получении навыков общения с людьми. Тизана вела занятия по изготовлению сонного вина, теории посланий и социальной гармонии. Когда она заняла место за столом, новички посмотрели на ее с почтительным страхом. Что они могли знать о ее тревогах и опасениях? Для них она была посвященной высокого ранга и находилась лишь на ступеньку или две ниже самой Верховной толковательницы Инуэльды. Она уже овладела всеми навыками, которые они с таким трудом постигали. И если они вообще что-то знали об Испытании, то для них это было всего лишь неясное темное облако, чуть проглядывающее из-за отдаленного горизонта, имеющее к их сиюминутным интересам не больше касательства, чем старость и смерть.

— Вчера,— начала Тизана, сделав глубокий вдох и пытаясь заставить себя казаться холодной и уверенной — оракулом, источником мудрости,— мы говорили о роли Короля Снов в регулировании общественных взаимоотношений на Маджипуре. Мелиара, ты затронула проблему частой недоброжелательности образов в посланиях Короля и подвергла сомнению одно из основных этических положений социальной системы — на наказание через сны. Я хотела бы сегодня рассмотреть эту проблему поглубже.

Представим себе некоего гипотетического человека — скажем, охотника на морских драконов из Пилиплока,— который в мгновение чрезвычайного внутреннего напряжения совершает акт непреднамеренного, но серьезного насилия против такого же члена ее команды, и...

Ее речь текла плавно; слова следовали одно за другим, аккуратно скрепленные, как звенья цепи. Новички записывали, хмурились, качали головами и еще торопливее двигали стилосами. Тизана помнила свои первые месяцы в школе, когда при мысли о бесконечном количестве предметов, которые предстояло изучить, ее охватывало чувство, близкое к отчаянию; она должна была познать не только методы истолкования снов, но и разнообразнейшие бесчисленные вспомогательные концепции и тонкости. Она никак не ожидала, что ей предстоит погрузиться в столь бездонное море знаний, как, вероятно, этого не ожидал ни один из новичков до или после нее. Но, конечно, Тизана мало задумывалась о тех трудностях, которые возникнут перед ней, когда она станет толковательницей снов. Она никогда не волновалась раньше времени — это просто не было свойственно ее характеру,— пока к ней не приблизилось вплотную Испытание. Однажды, семь лет назад, ее посетило послание Повелительницы, в котором было сказано, что ей надлежит покинуть свою ферму и стать толковательницей снов. Она без малейшего сомнения повиновалась, заняла денег, совершила дальнее паломничестве на Остров Сна за предварительными указаниями, а затем, согласно полученной инструкции, отправилась в Велализиер, чтобы поселиться в общинном доме. Она переправилась через бескрайнее море и добралась по суше до этой отдаленной от всего жалкой пустыни, где прожила последние четыре года. Никогда она не испытывала сомнений, никогда не колебалась.

Но ей пришлось столько всего выучить! Неимоверное множество деталей взаимоотношений толковательницы с клиентами, профессиональная этика, обязанности, трудности, ловушки... Методы смешивания вина и слияния разумов... Способы изложения толкования в умеренно неоднозначных выражениях... И сами сны! Их типы, значения, подтексты! Семь разновидностей обманных снов и девять поучительных снов, сны-приказы, сны-запреты, три вида снов, возвышающих спящего в собственных глазах, сны, предписывающие критически посмотреть на себя, сны, требующие отвлечься от собственной персоны, одиннадцать видов

мучительных снов, пять видов счастливых снов, сны о прерванном путешествии, сны о борьбе, сны о хороших мечтах, сны о дурных мечтах, сны о чрезмерности амбиций, тринадцать видов снов о благодати — Тизана выучила их все, накрепко запечатлев весь этот список в своем мозгу так же, как там на всю жизнь запечатлелись алфавит и таблица умножения, глубоко и пристрастно проанализировала каждую разновидность сновидения во время запрограммированного сна, продолжавшегося из месяца в месяц, и теперь могла прямо признаться самой себе, что была уже знатоком, посвященной, что она достигла всего, что эти глядевшие на нее широко раскрытыми глазами наивные юницы только намеревались познать, и все же все, несмотря на это, завтрашнее Испытание могло полностью покончить с нею; а вот этого ни одна из них не могла постигнуть.

Или могли? Урок подошел к концу, и Тизана на несколько секунд задержалась за своим столом, отрешенно перебирая бумаги, пока новички выходили из класса. Одна из них, пухлая светловолосая юная коротышка, прибывшая из одного из Сторожевых Городов Замковой горы, на мгновение приостановилась перед нею — как и большинство женщин и даже многие мужчины, рядом с Тизаной она казалась маленькой,— посмотрела своей наставнице в лицо, легонько, словно крылышко мотылька, прикоснулась кончиками пальцев к ее запястью и застенчиво прошептала:

— Вот увидите, у вас завтра все пройдет легко. Я уверена в этом.— Девушка улыбнулась, ее щеки ярко вспыхнули, она отвернулась и поспешно вышла из класса.

Выходит, они знали, по крайней мере некоторые из них. Это благословение оставалось с Тизаной, словно свет свечи, весь оставшийся день. Это был долгий тоскливый день, полный работ, от которых она не могла уклониться, хотя, конечно, предпочла бы уйти одна в пустыню и погулять там, вместо того чтобы заниматься всеми этими делами. Но существовали обязательные ритуалы — одни из них было необходимо исполнять, а при других присутствовать,— и обязанность копать котлован под фундамент новой часовни Повелительницы, и занятия с еще одним классом новичков, затем непродолжительное время перед ужином, когда можно было побыть в одиночестве, и наконец, на закате, ужин. К тому времени Тизане казалось, что утренний дождь случился несколько недель тому назад, а может быть, и вовсе приснился ей.

Ужин оказался непростым делом. У нее почти не было аппетита — неслыханное для нее состояние. Столовая была полна теплом и жизненной силой общинного дома; слышались веселые громкие голоса, пересказывавшие сплетни, то и дело раздавались взрывы смеха, порой звучало нестройное пение, а Тизана сидела посреди всего этого, как будто замурованная в невидимый кристалл. Старшие женщины сознательно не подавали виду, что им известно о ее завтрашнем Испытании, тогда как молодые, стараясь следовать их примеру, все же не могли удержаться от того, чтобы украдкой бросать на нее быстрые взгляды; так тайком осматривают человека, которому внезапно стало известно о том, что ему предназначено принять на себя некое тяжкое и исключительное бремя. Тизана не могла точно понять, что было хуже: то ли ненавязчивое притворство наставниц и выпускниц, то ли с трудом скрываемое любопытство послушниц и новичков. Она вяло ковырялась в своей тарелке, а Фрейлис ругала ее, как будто она была ребенком, и уговаривала, что завтра ей понадобятся силы. В конце концов Тизана не выдержала и рассмеялась.

— Сил у меня вполне хватит на дюжину Испытаний,— сообщила она, похлопав себя по внушительному животу.

— Все равно,— не отступала Фрейлис.— Ешь.

— Я не могу. Я слишком нервничаю.

Со стороны, где на возвышении стоял стол Верховной толковательницы, послышалось ритмичное звяканье ложки о стакан. Инуэльда поднялась с места; видимо, она намеревалась что-то объявить.

— Сохрани меня, Повелительница! — в испуге пробормотала Тизана.— Она что, собирается сказать всем о моем Испытании?

— Нет, это насчет нового короналя,— успокоила ее Фрейлис.— Под вечер прибыли новости.

— Какого такого нового короналя?

— Который сменил лорда Тиевераса. А тот стал понтифексом. Где ты была все это время? Уже пять недель...

— ...И, конечно, прошедший сегодня утром дождь был знаком добрых новостей и новой весенней поры,— говорила Инуэльда.

Тизана заставила себя вслушаться в слова старухи.

— Я получила сегодня сообщение, которое касается всех вас. Мы снова имеем короналя! Понтифекс Тиеверас выбрал себе в

преемники Малибора Бомбифэйлского, который нынешним вечером в Горном замке займет его место на троне Конфалюма!

Раздались приветственные крики, кто-то принялся стучать по столу, и все присутствовавшие принялись делать знаки Горящей Звезды. Тизана, почти не владея собой, как лунатик, делала все то же, что и другие. Новый корональ? Да, да, как же она об этом забыла, старый понтифекс умер несколько месяцев назад, а теперь государственное колесо совершило новый оборот: лорд Тиеверас стал понтифексом, и в тот же день на вершине Замковой горы появился новый обитатель.

— Малибор! Лорд Малибор! Да здравствует корональ! — кричала она вместе со всеми, и все же это было нереальным и незначительным для нее. Новый корональ? Еще одно имя в длинном, бесконечно длинном списке. Что ж, счастья лорду Малибору, кем бы он ни был, и пусть Божество окажет ему благосклонное попечение: теперь ему предстоит много хлопот. Но Тизана почти не думала о нем. Каждый новый правитель начинал свое царствование с празднеств. Она помнила, как еще маленькой девочкой напилась огненно-красного вина; это случилось, когда скончался прославленный Кинникен, лорд Оссиер спустился под землю, в Лабиринт понтифекса, а Тиеверас поднялся на Замковую гору. И теперь лорд Тиеверас стал понтифексом, и кто-то новый стал короналем, и однажды, без сомнения, Тизана услышит, что этот Малибор переселится в Лабиринт, а на трон взойдет новый нетерпеливый молодой корональ. Хотя эти события, конечно же, должны были иметь огромнейшее значение, Тизану нынче ни в малейшей степени не интересовало имя нового короналя: Малибор или Тиеверас, Оссиер или Кинникен. Единственное, что она знала о Замковой горе, было то, что она находилась далеко отсюда, за тысячи миль; впрочем, с таким же успехом она могла и вовсе не существовать. Предстоящее Испытание поднималось сейчас в ее жизни на гораздо большую высоту, нежели Гора. Овладевший ею навязчивый страх перед Испытанием затмил все; рядом с ним все другие события обратились в бесплотные тени. Она знала, что ведет себя глупо. Это было похоже на неуправляемое усиление чувствительности, наступающее у больного человека, когда ему кажется, что вся вселенная сконцентрировалась вокруг точки боли в его мозгу, позади левого глаза, или же колики в кишках, и ничто иное не имеет никакого значения. Лорд Малибор? Она сможет отпраздновать его возвышение в какое-нибудь другое время.

— Знаешь что,— решительно сказала Фрейлис,— давай пойдем в твою комнату.

Тизана кивнула. Сегодня вечером столовая была неподходящим для нее местом. Ощущая, что все глаза прикованы к ней, она, чуть пошатываясь, прошла мимо столов и вышла во тьму. Сухой горячий ветер скреб по коже и, казалось, задевал ее нервы, словно они были обнажены. Когда они добрались до кельи Тизаны, Фрейлис зажгла свечи и мягким движением усадила Тизану на кровать. Из шкафчика она достала два бокала, а из-под платья извлекла маленькую фляжку.

— Что это? — удивилась Тизана.

— Вино. Чтобы ты смогла расслабиться.

— Сонное вино?

— А почему бы и нет?

— Но мы не...— нахмурилась Тизана.

— А мы и не станем заниматься толкованием. Это только для того, чтобы помочь тебе расслабиться, помочь нам сблизиться, чтобы я смогла поделиться с тобой своей силой. Ну же! Давай! — Она разлила густое темное вино в бокалы и вложила один Тизане в руку.— Выпей. Выпей это, Тизана.

Тизана машинально повиновалась. Фрейлис быстро выпила свое вино и начала раздеваться. Тизана смотрела на нее, широко раскрыв глаза от изумления. У нее никогда еще не было любовных отношений с женщинами. И неужели Фрейлис сегодня захотела от нее именно этого? Почему? Это ошибка, думала Тизана. Накануне моего Испытания напиться сонного вина, разделить постель с Фрейлис...

— Разденься,— шепнула Фрейлис.

— Что ты хочешь делать?

— Разделить с тобой сны, дурочка. Как мы договаривались. И ничего, кроме этого. Допивай вино и снимай одежду!

Фрейлис уже разделась. Ее тело было почти детским: худое, с тонкими прямыми руками и ногами, бледной чистой кожей и маленькой девичьей грудью. Тизана, повинуясь, сбросила одежду прямо на пол. Ее смущало обилие собственной плоти, мощные руки, толстые колонны голеней и бедер. Во время истолкования сновидений и толковательница, и пришедший за истолкованиями всегда были обнажены, и каждая толковательница быстро переставала смущаться собственной наготы, но сегодня все было иным, интимным, личным. Фрейлис плеснула в бокалы еще немного вина. Тизана без возражений выпила.

Тогда Фрейлис обхватила пальцами запястья Тизаны, опустилась перед нею на колени, взглянула ей прямо в глаза и сказала тоном, одновременно нежным и презрительным:

— Ты, здоровая дура! Ты должна перестать дергаться по поводу завтрашнего дня! Испытание — это ничто. Ничто.— Она погасила свечи и легла рядом с Тизаной.— Спи спокойно. Хороших сновидений.— Фрейлис прижалась своими чуть наметившимися грудками к необъятной груди подруги, но лежала неподвижно и спустя несколько секунд заснула.

Значит, им не предстояло стать любовницами. Тизана почувствовала облегчение. Возможно, в другое время — почему бы и нет? — но сейчас был совершенно неподходящий момент для таких авантюр.

Тизана закрыла глаза и обняла Фрейлис, как обнимала бы спящего ребенка. Вино согрело ее и пробудило волнение, но совсем не то, какое владело ею прежде. Сонное вино служило для того, чтобы раскрывать одно сознание другому, и Тизана остро чувствовала присутствие души Фрейлис рядом с собой, но это вовсе не было истолкованием сновидений; они не сделали упражнений, помогающих сосредоточиться, при помощи которых достигался полный союз. От Фрейлис исходила только мощная неоформленная аура, содержавшая покой, любовь и энергию. Она была сильной, гораздо более сильной, чем можно было подумать, глядя на ее хрупкое тельце, и, по мере того как сонное вино все глубже впитывалось в кровь Тизаны, та ощущала все больший уют и спокойствие от близости другой женщины. На нее медленно нисходила дремота. И все равно она продолжала тревожиться по поводу Испытания, волновалась по поводу того, что могли подумать другие при виде того, что они ушли вместе так рано вечером, по поводу того, что они нарушили правила, выпив вино, которое разрешалось использовать только по прямому назначению... Ощущения вины, стыда и страха еще некоторое время продолжали обуревать ее душу. Но постепенно она успокоилась и заснула. Привычным глазом толковательницы она следила за своими сновидениями, но они представляли собой всего лишь бессвязную череду бесформенных, загадочных смутных образов, пустынный горизонт, озаренный неопределенным и отдаленным жаром, на фоне которого вдруг мелькнул лик Повелительницы, хотя, может быть, это была Верховная толковательница Инуэльда или Фрейлис, хотя, скорее всего, это был лишь блик теплого, такого утешительного света. А затем наступил рассвет, и в пу-

стыне, как всегда, завопила птица — Тизана до сих пор не знала какая,— возвещая наступление нового дня.

Тизана заморгала и села. Она была одна. Фрейлис убрала свечи, вымыла бокалы и оставила записку на столе. Нет, не записку, а рисунок. Зигзаг молнии — символ Короля Снов,— заключенный в треугольник, вписанный в другой треугольник — знак Хозяйки Острова; все это помещалось в сердечке, окруженном солнечным кругом с множеством длинных лучей: напоминание о любви и пожелание хорошего настроения.

— Тизана!

Она подошла к двери. Там стояла старая наставница Вандуна.

— Уже пора? — спросила Тизана.

— Уже давно пора. Солнце взошло двадцать минут назад. Ты готова?

— Да,— ответила Тизана. Она чувствовала странное спокойствие — даже смешно, после бесконечной недели, полной страхов. Но теперь, когда наступил решающий момент, на страхи не оставалось времени. Теперь должно было свершиться то, что предписано судьбой, и если во время Испытания ее сочтут недостойной, то что ж, чему быть, тому не миновать; что ни случится, все будет к лучшему.

Она прошла следом за Вандуной через внутренний двор, мимо огородика, а затем они вышли из ограды общинного дома. Навстречу попалось несколько человек, но никто не стал заговаривать с ними. Под небом, окрашенным в цвет морской волны, цвет раннего утра, они молча шли по земле пустыни, покрытой твердой запекшейся на солнце коркой. Тизана сдерживала шаг, чтобы держаться прямо за спиной старухи. Они шли сначала на восток, а потом повернули на юг — ей казалось, что они идут уже многие мили, долгие часы,— не обменявшись ни единым словом. Наконец посреди пустынного ландшафта стали угадываться отдаленные руины Велализиера, древнего города метаморфов, обширной, населенной призраками страны развалин, места разрушенных замыслов и низвергнутого величия, имевшего тысячи и тысячи лет от роду и давно проклятого и покинутого своими создателями. Тизане показалось, что она поняла. Испытание будет заключаться в том, что ее на весь день оставят здесь, в руинах, скитаться среди призраков. Но неужели это могло быть? Такая ребяческая, такая примитивная проверка? Она нисколько не боялась призраков. Кроме того, если наставники хотели напугать ее, лучше было попробовать устроить это ночью. Днем Велализиер был всего лишь местностью, пересеченной множеством невысоких пригорков и канав, насыпей, в которых угадывались древние стены, холмы обрушившихся храмов, кочки упавших колонн, песчаные барханы, образовавшиеся на месте пирамид.

В конце концов они вышли к сравнительно хорошо сохранившемуся месту, напоминавшему амфитеатр: многочисленные ярусы каменных сидений, расположенных концентрическими незамкнутыми кольцами. Внизу посредине стоял каменный стол, на котором Тизана увидела бутылку и один бокал, а рядом с ним несколько каменных скамеек. Так вот оно, место Испытания!

И теперь, поняла Тизана, она и старая Вандуна выпьют вино, лягут вместе на ровной песчаной площадке, Вандуна прочтет все ее мысли, и, когда они поднимутся, наставница будет знать, стоит ли включать Тизану из Фалкинкипа в список толковательниц снов.

Но и тут она ошиблась.

— Это сонное вино,— сказала Вандуна, указав на бутылку. Я покину тебя. Выпей вина, сколько тебе захочется, загляни к себе в душу. Проведи свое Испытание.

— Я?

Вандуна улыбнулась.

— А кто еще сможет как следует проверить тебя? Ну же, пей. Я вернусь, когда придет время.

Старая наставница кивнула ей и, без дальнейших разговоров, удалилась. В голове Тизаны сразу же зароилось множество вопросов, но она сдерживалась и не стала задавать их, так как поняла, что Испытание уже началось и что первая часть его заключалась в том, что ответы на все вопросы она должна была искать самостоятельно. В растерянности она провожала взглядом Вандуну, а та вошла в узкий проем в стене амфитеатра и скрылась из виду. Теперь она не слышала ни звука, даже шагов наставницы. На нее навалилась всепоглощающая тишина пустого города; ей показалось, что песок негромко гудит. Тизана сначала нахмурилась, потом улыбнулась, рассмеялась — на смех ответило отдаленное эхо. Ну и шутку сыграли с нею! Придумай сама себе Испытание, вот это да! Заставить ее трястись от страха, а затем вывести в руины и приказать устроить все самостоятельно! Какой простор для тех, кто со страхом и нетерпением ожидает решения своей участи, какой простор для сотворения призраков в своей собственной душе.

Но каким образом...

Тизана пожала плечами. Налила вина, выпила. Очень сладкое, наверное, вино другого года. Бутыль была большой. Ну что ж, я тоже немаленькая тетка. Она во второй раз наполнила бокал. В животе у нее было пусто, и она почти сразу же почувствовала, как вино зашумело у нее в голове. Все же она выпила третий бокал.

Солнце быстро поднималось по небосклону. Вот его край показался над амфитеатром.

— Тизана! — выкрикнула она. И сама же ответила на свой зов: — Да, Тизана здесь!

Снова рассмеялась. Выпила еще.

Она никогда еще не пила сонное вино в одиночестве. Оно всегда употреблялось в присутствии кого-нибудь другого — или в процессе толкования сна, или вместе с наставницей. Пить его наедине с собой было все равно, что задавать вопросы своему отражению в зеркале. Она чувствовала себя в замешательстве, словно стояла между двумя зеркалами и смотрела, как ее образ умножается в них до бесконечности.

— Тизана,— сказала она вслух,— это твое Испытание. Ты готова к тому, чтобы стать толковательницей снов?

И сама себе ответила:

— Я училась четыре года, а перед тем отдала еще три года паломничеству на Остров. Я знаю семь видов обманных сновидений, девять видов поучительных сновидений, сновидения призывающие, сновидения...

— Очень хорошо. Можешь пропустить все это. Готова ли ты к тому, чтобы стать толковательницей снов?

— Я знаю, как смешивать вино и как пить его.

— Отвечай на вопрос. Готова к тому, чтобы стать толковательницей снов?

— Я очень уравновешенна. У меня спокойный дух.

— Ты уклоняешься от вопроса.

— Я сильна и здорова. У меня почти нет дурных мыслей. Я желаю служить Божеству.

— А как насчет службы твоим ближним, всем разумным существам?

— Служить им — значит служить Божеству.

— Очень изящно сформулировано. Кто подсказал тебе эту мысль, Тизана?

— Она только что пришла ко мне. Могу я выпить еще вина?

— Как хочешь.

— Спасибо,— поблагодарила Тизана и выпила. У нее кружилась голова, но она все же не чувствовала себя пьяной; в вине не было мистической силы, соединяющей разумы, она была одна, и она бодрствовала.— А какой следующий вопрос? — спросила она.

— Ты еще не ответила на первый.

— Задайте следующий.

— Существует только один вопрос, Тизана. Готова ли ты к тому, чтобы стать толковательницей снов? Сможешь ли ты привнести покой в души тех, кто придет к тебе?

— Я попытаюсь.

— Это твой ответ?

— Да,— подтвердила Тизана.— Таков мой ответ. Отпустите меня на свободу и позвольте попробовать. У меня только добрые намерения. Я владею нужными навыками и имею желание помогать другим. К тому же Повелительница приказала мне стать толковательницей снов.

— Ты будешь ложиться со всеми, кому понадобится твоя помощь? С людьми, и гэйрогами, и скандарами, и лиименами, и вруунами, и представителями всех других рас этого мира?

— Со всеми,— откликнулась она.

— Ты будешь освобождать их от владеющих ими страхов и растерянности?

— Если смогу.

— Ты готова к тому, чтобы стать толковательницей снов?

— Позвольте мне попробовать, и тогда мы узнаем это,— попросила Тизана.

— Это кажется справедливым,— сказала Тизана-экзаменатор.— У меня больше вопросов нет.

Она вылила в бокал остатки вина и выпила. А потом она сидела молча, неподвижно, а солнце двигалось к зениту и жара все усиливалась. Она была совершенно спокойна, не испытывала ни нетерпения, ни неудобства. Она могла бы просидеть так весь день и всю ночь, если бы потребовалось. Ей показалось, что прошел час или немного больше, а затем внезапно, без каких-либо звуков, перед нею появилась Вандуна.

— Твое Испытание закончилось? — мягко спросила старуха.

— Да.

— Ну и как?

— Я выдержала его,— ответила Тизана.

Вандуна улыбнулась.

— Конечно. Я была уверена, что так и будет. А теперь пойдем. Нам нужно поговорить с Верховной и подумать о твоем будущем, толковательница Тизана.

Они возвращались в общинный дом так же молча, как и покидали его; помимо всего прочего, разговаривать во время быстрой ходьбы по ежеминутно усиливавшейся жаре было достаточно трудно. Когда они вышли из области руин, время уже близилось к полудню. Новички и послушницы, работавшие в полях, собирались отправиться на обед. Они вопросительно смотрели на Тизану, и Тизана отвечала им широкой уверенной улыбкой.

Когда Тизана подходила к входу в главное здание монастыря, оттуда как бы случайно появилась Фрейлис и взволнованно взглянула на подругу.

— Ну?

Тизана улыбнулась. Ей хотелось сказать: «Все это пустое, шутка, формальность, простой ритуал, настоящее Испытание прошло намного раньше». Но Фрейлис должна была сама узнать обо всем этом. Теперь их на какое-то время разделила непреодолимая пропасть, поскольку Тизана уже была толковательницей снов, а Фрейлис все еще оставалась простой выпускницей. И поэтому Тизана сказала лишь одну коротенькую фразу:

— Все хорошо.

— Какое счастье! Какое счастье! О, милая Тизана! Я так рада за тебя!

— Спасибо тебе за помощь,— очень серьезно сказала Тизана.

Внутренний двор внезапно пересекла тень. Тизана подняла глаза. По небу плыло маленькое черное облако, очень похожее на вчерашнее, наверняка какой-то заблудший клочок, оторвавшийся от штормовой тучи над отдаленным побережьем. Потом оно повисло, как будто зацепилось за шпиль общинного дома, и, словно отомкнулся некий замок, на землю посыпались крупные тяжелые капли.

— Смотри! — воскликнула Тизана.— Снова пошел дождь! Ну, Фрейлис! Давай танцевать!

ЧАСТЬ 9

ВОРОВКА ИЗ НИ-МОЙИ

К исходу седьмого года после возвращения лорда Валентина на престол в Лабиринт приходит известие о том, что кораль намерен вскоре посетить подземный город. От этой новости у Хиссуна начинает резко колотиться сердце и пересыхает во рту. Удастся ли ему увидеть кораля? Вспомнит ли его лорд Валентин? Кораль однажды лично позаботился о том, чтобы его доставили аж в самый Горный замок на церемонию его повторной коронации; несомненно, кораль подумает о нем, конечно, лорд Валентин не забыл мальчишку, который...

Скорее всего, нет, решает Хиссун. Его волнение спадает, холодный рациональный рассудок снова поддается управлению. Если ему удастся хотя бы краешком глаза увидеть лорда Валентина во время визита, это уже можно считать редкостной удачей, ну а если лорд Валентин вспомнит, кто он такой, это нужно будет считать настоящим чудом. Наверняка кораль в Лабиринте не увидится ни с кем, кроме верховных министров понтифекса. Говорят, что он отправился в великое паломничество и направляется в Алаизор, а оттуда на Остров, чтобы навестить свою мать, и остановка в Лабиринте обязательна на таком маршруте. Но Хиссун знает, что коронали не слишком-то любят гостить в Лабиринте; такие посещения неприятно напоминают им о том жилье, которое дожидается, когда придет их время пересесть на старший трон. И он знает также, что понтифекс Тиеверас — это существо-призрак, скорее мертвый, чем живой, запертый в своем коконе систем жизнеобеспечения, погруженный в не ведомые никому грезы, неспособный к разумной человеческой речи, более символ, нежели человек; ему следовало сойти в могилу уже несколько лет тому

назад, но в нем поддерживают жизнь для того, чтобы продлить время пребывания лорда Валентина в качестве короналя. Это прекрасно для лорда Валентина и, несомненно, для Маджипура, думает Хиссун, хотя вовсе не так хорошо для старика Тиевераса. Но такие вопросы не его ума дело. Он возвращается в Регистр памяти душ, продолжая праздно размышлять о предстоящем визите короналя, и совершенно бездумно заказывает новую капсулу. Когда она приходит, он видит, что запись сделана кем-то из обитателей Ни-мойи и начинается так неинтересно, что Хиссун готов уже отправить ее обратно. Но он желает получить представление о крупнейшем городе другого континента. Ради знакомства с Ни-мойей он позволяет себе погрузиться в жизнь ничем не примечательной содержательницы лавки — и очень скоро перестает испытывать хоть малейшее сожаление по этому поводу.

Глава 1

Мать Иньянны всю жизнь была хозяйкой магазина в Велатисе, как и мать матери Иньянны, и было похоже, что такая же судьба ждет и Иньянну. Ни ее мать, ни мать ее матери не казались особенно обиженными на такую жизнь, но Иньянна, став в девятнадцать лет единоличной хозяйкой магазина, воспринимала его как тяжкое бремя, как горб, невыносимо давящий на спину. Она часто мечтала о том, чтобы продать его и отправиться на поиски счастья в какой-нибудь другой город, подальше отсюда. Например, в Пилиплок, или Пидруид, или даже далеко на север, в великую столицу Ни-мойю, красоту которой, как говорили, даже представить себе невозможно, если не видел ее воочию.

Но времена были не самыми лучшими, дела шли неважно, и Иньянна не видела на горизонте никаких покупателей на свой магазин. Кроме того, он составлял смысл жизни вот уже нескольких поколений ее семейства, и, несмотря на всю ее ненависть, отказаться от него было совсем непросто. Вот почему она каждое утро поднималась на рассвете, выходила на небольшую выложенную каменными плитками террасу, чтобы окунуться в каменный чан с дождевой водой, которую собирала специально для купания, а затем одевалась, завтракала вяленой рыбой, запивая ее вином, и спускалась вниз, чтобы открыть магазин. Там она торговала всем на свете: и отрезами тканей, и глиняными горш-

ками, доставлявшимися с южного побережья, и специями, и консервированными фруктами, и вином в кувшинах, и острыми нарабальскими ножами, и дорогим деликатесным мясом морских драконов, и сверкающими филигранью фонарями, сделанными в Тил-омоне, и множеством других вещей. В Велатисе имелось множество точно таких же магазинов, и ни один из них не мог похвалиться большими доходами. После смерти матери Иньянна сама вела торговые книги, следила за инвентарем, подметала пол, начищала прилавки, заполняла правительственные декларации, получала разрешения — и донельзя устала от всего этого. Но какие у нее могли быть другие жизненные перспективы? Девчонке-простолюдинке, живущей в городе, прилепившемся к склону горного хребта в дождливом районе второстепенного материка, не имело смысла всерьез надеяться на то, что за следующие шестьдесят или семьдесят лет что-нибудь может измениться.

Среди ее покупателей людей было немного. В течение многих десятилетий в этой части Велатиса селились, главным образом, хьорты и лиимены; тут было также довольно много метаморфов, поскольку Пиурифэйн, территория, на которой обитали метаморфы, располагалась к северу от города, по другую сторону горного хребта, и множество меняющих форму мало-помалу просочились в Велатис. Она доброжелательно встречала всех покупателей, даже метаморфов, с которыми, как правило, общаться было очень нелегко. Единственная вещь, о которой Иньянна сожалела, обслуживая своих клиентов, состояла в том, что ей очень мало приходилось общаться с представителями ее собственной расы, и потому, хотя она выглядела совсем юной, была высокой, стройной и привлекательной, с красиво вьющимися рыжими волосами и прекрасными зелеными глазами, поклонников у нее было мало, а такого мужчину, с которым ей захотелось бы прожить жизнь, она и вовсе пока не встретила. Если бы ей удалось разделить с кем-нибудь заботы о магазине, это значительно облегчило бы ей работу. С другой стороны, это стоило бы ей значительной части ее свободы, в том числе и свободы мечтать о времени, когда она больше не будет содержать магазин в Велатисе.

Однажды после полуденного ливня в магазин вошли двое незнакомых людей, первые клиенты за несколько часов. Один из них, коротенький и толстый, больше походил на чурбак, чем

на человека, а второй был, напротив, длинным, бледным и изможденным, с костистым лицом, на котором отовсюду торчали не только кости, но и, казалось бы, несвойственные человеческому лицу шипы и углы; этот напоминал какого-то хищного обитателя гор. Оба были одеты в белые туники из плотной ткани с ярко-оранжевыми поясами — в Велатисе считали, что так одеваются в великих городах севера — и, войдя в магазин, окинули полки быстрыми презрительными взглядами людей, привыкших покупать товары куда более высокого качества.

— Имею ли я удовольствие видеть перед собой Иньянну Форлану? — спросил коротышка.

— Да.

Он посмотрел в лист бумаги, который держал в руке.

— Дочь Форланы Хайорн, которая была дочерью Хайорн Иньянны?

— Да, это именно я и есть. Могу ли я спросить...

— Наконец-то! — в голос воскликнул длинный.— Какое же это было долгое и тоскливое путешествие! Если бы вы только знали, как долго мы искали вас! По реке до Кинтора, а оттуда обходным путем в Дюлорн и через эти омерзительные горы — кстати, здесь когда-нибудь прекращаются дожди? — а потом от дома к дому, от магазина к магазину через весь Велатис, приставая с вопросами то к одному, то к другому...

— И я именно тот человек, которого вы разыскиваете?

— Если вы сможете подтвердить свою родословную, то да.

Иньянна пожала плечами.

— У меня есть документы. Но какие у вас дела ко мне?

— Мы должны представиться,— спохватился коротышка.— Меня зовут Везан Ормус, а моего коллегу Стейг; мы из Ни-мойи, чиновники канцелярии наследственных дел администрации его величества понтифекса Тиевераса.— Везан Ормус раскрыл богато украшенную кожаную папку, извлек из нее пачку бумаг, бегло и целеустремленно пролистал их и продолжил: — У матери вашей матери была старшая сестра, некая Салин Иньянна, которая в двадцать третьем году понтифексата Кинникена при коронале лорде Оссиере поселилась в городе Ни-мойе, где вышла замуж за Хельмиота Гавоуна, троюродного брата герцога.

Иньянна подняла на него безучастный взгляд.

— Я ничего не знаю об этих людях.

— И неудивительно,— откликнулся Стейг.— С тех пор сменились два поколения. И, несомненно, обе ветви семейства поддерживали между собой не слишком тесный контакт, особенно если вспомнить о разделявших их расстояниях и разнице в материальном и общественном положении.

— Моя бабушка никогда ничего не говорила о каких-либо богатых родственниках в Ни-мойе,— сказала Иньянна.

Везан Ормус снова порылся в бумагах и откашлялся.

— Возможно, у нее были на то какие-то свои причины. Однако вот как обстояло дело. У Хельмиота Гавоуна и Салин Иньянны родились трое детей, и старшая дочь унаследовала семейное состояние. Она умерла молодой, погибла в результате несчастного случая на охоте, и имение отошло к ее единственному сыну Гавоуну Диламейну, который остался бездетным и умер на десятый год понтифексата Тиевераса, то есть девять лет назад. С тех пор собственность считалась выморочной, хотя поиски законных наследников продолжались. Три года назад выяснилось...

— Вы хотите сказать, что я являюсь их наследницей?

— Именно так,— вкрадчивым голосом подтвердил Стейг, сопроводив свои слова широкой улыбкой, от которой, казалось, кости чуть не проткнули кожу на щеках.

Иньянна, которая уже давно поняла, к чему клонится весь этот рассказ, не могла оправиться от изумления. Ее ноги подкосились, губы пересохли; в замешательстве она взмахнула рукой и опрокинула дорогую алханроэльскую вазу, которая упала на пол и разбилась.

— И что же, предполагается, я должна унаследовать? — чрезмерно сухо спросила она, смущенная тем, что утратила контроль над собой.

— Огромный дом, известный как Ниссиморнский окоем, на северном берегу Зимра в Ни-мойе и три поместья в долине Стейч; все сданы в аренду и приносят доход,— ответил Стейг.

— Мы поздравляем вас,— сказал Везан Ормус.

— А я поздравляю вас,— ответила Иньянна.— У вас получилась прекрасная шутка. Спасибо за то, что вы развлекли меня, а теперь, если вы не пожелаете что-либо купить, то прошу вас позволить мне вернуться к моей бухгалтерии, поскольку налоги...

— Вы не доверяете нам,— заметил Везан Ормус,— и, конечно, совершенно правы. Мы явились, рассказали историю, которая может показаться фантастической, и вам, естественно,

трудно воспринять наши слова. Но вот, смотрите: мы из Нимойи. Неужели мы потащились бы в Велатис, за тысячи миль, ради того, чтобы подшутить над хозяйкой магазина? Вот... посмотрите сюда...— Он взмахнул пачкой бумаг и положил их на прилавок перед Иньянной. Та дрожащими руками принялась перебирать их. Рисунок особняка — потрясающе! — множество документов с титулами, генеалогическими таблицами и бумаги с печатями понтифекса, на которых написано ее имя...

Она подняла глаза; голова кружилась, мысли смешались.

— И что я должна теперь делать? — проговорила она слабым дрожащим голосом.

— Выполнить ряд обычных в таких случаях процедур,— ответил Стейг.— Вы должны предъявить официальное подтверждение того, что вы на самом деле являетесь Иньянной Форланой, а затем подписать документы о том, что согласны уплатить прогрессивные налоги с накопленных за эти годы доходов, как только вступите во владение, уплатить пошлину за передачу титула и кое-что еще. Мы можем сделать все это за вас.

— И какова же пошлина?

— Несколько реалов.

Ее глаза широко раскрылись. Это была изрядная сумма.

— Я смогу ее заплатить, когда вступлю во владение?

— К сожалению, нет,— сказал Везан Ормус.— Вы не сможете получить титул до уплаты пошлины, а доступ к доходам от имения получите только после того, как примете титул, так что...

— Неприятная формальность,— сказал Стейг,— но в общем-то пустяковая в свете открывающихся перспектив.

Глава 2

Оказалось, что пошлина составляет около двадцати реалов. Это была огромная сумма для Иньянны, почти все ее сбережения. Но из документов она узнала, что одни только сельскохозяйственные угодья приносят до девятисот реалов в год, а помимо них имелись еще и другие источники доходов: арендная плата за использование помещений особняка, платежи за причалы на набережной...

Везан Ормус и Стейг оказали ей чрезвычайно полезную помощь. Она закрыла магазин — торговля все равно шла неважно,— и до самого вечера они сидели втроем за небольшим столиком

наверху, и она заполняла формы, подписывала какие-то обязательства, а они скрепляли ее подпись внушительного вида печатями администрации понтифекса. А потом она устроила праздник: отвела своих посетителей в таверну, находившуюся и подножия холма, чтобы выпить вина. Стейг настаивал, что должен заплатить первым, отодвинул ее руку, бросил на стойку полкроны и потребовал большую бутылку лучшего пидруидского пальмового вина. У Иньянны захватило дух при виде такой расточительности — обычно она пила что-нибудь попроще,— но сразу же вспомнила, насколько она разбогатела, и, когда бутылка опустела, сама заказала еще одну.

В таверне было много народу; в основном хьорты да несколько гэйрогов. Бюрократы с севера, судя по всему, чувствовали себя неловко среди всех этих так не похожих на людей существ и время от времени глубокомысленно прикрывали пальцами носы, словно хотели загородиться от запаха чуждой плоти. Иньянна, чтобы вернуть их в непринужденное настроение, снова и снова принималась благодарить их за то, что они, несмотря на бесчисленные трудности, все же разыскали ее в такой дыре, как Велатис.

— Но это наша работа! — возразил Везан Ормус.— Все мы, обитатели этого мира, должны служить Божеству, играя свои скромные роли в большой сложной пьесе повседневности. Земля лежала в праздности, большой дом стоял неиспользованный, наследница жила серой скучной жизнью, пребывая в неведении. Справедливость требовала, чтобы этот непорядок был устранен. А честь исправления положения выпала нам.

— Все равно,— не согласилась Иньянна. Она раскраснелась от вина и почти кокетливо склонялась то к одному, то к другому мужчине, словно заигрывала с ними.— Вы претерпели большие трудности ради меня, и я всегда буду в долгу перед вами. Могу я купить вам еще вина?

Когда они наконец покинули таверну, уже совсем стемнело. В небе висело несколько лун, и горы, окружавшие город — оскаленные клыки огромного Гонгарского хребта,— в холодном сиянии казались ледяными столпами. Иньянна увидела, что ее посетители повернули к направлении гостиницы, расположенной на площади Деккерета, и, не слишком хорошо соображая из-за выпитого, предложила им переночевать у нее. Но, по-видимому, предложение не вызвало у чиновников никакого восторга,

они, похоже, даже немного насторожились и вежливо и бесстрастно попрощались с нею у дверей гостиницы. Чуть пошатываясь, Иньянна взобралась по круто поднимавшейся вверх длинной улице к своему дому и вышла на террасу, чтобы подышать ночным воздухом. У нее кружилась голова. Слишком много вина, слишком много разговоров, слишком много потрясающих новостей! Она смотрела сверху на свой город, на ряды маленьких обнесенных оштукатуренными стенами домиков с крышами из каменных плит, спускавшихся к чаше водохранилища, на неровные полосы чахлых скверов, на немногочисленные площади и особняки, на обветшавший замок герцога, оседлавший восточный отрог горного хребта, на шоссе, опоясывавшее город; сразу за ним вздымались высокие мрачные горы, на боках которых, как свежие раны, темнели провалы мраморных карьеров — все это она видела из своего гнезда на вершине холма. Прощайте! Она не думала ни о красоте своего города, ни о его уродстве. Это было всего лишь тихое, влажное, унылое, холодное — донельзя обыкновенное — место, известное своим прекрасным мрамором и умелыми каменщиками и, пожалуй, ничем больше; провинциальный город на провинциальном континенте. Она была уверена, что судьбой ей предназначено провести здесь всю жизнь. Но теперь, теперь, когда в эту жизнь внезапно вторглись чудеса, ей казалось невыносимым пробыть здесь хотя бы лишний час, когда ее ждет великолепная, блистательная Ни-мойя. Ни-мойя, Ни-мойя, Ни-мойя!

Она почти не спала этой ночью. Утром она встретилась с Везаном Ормусом и Стейгом в конторе нотариуса, прилепившейся к задней стене банка, и передала им небольшой мешок с затертыми монетами; бóльшая часть их была старыми, некоторые очень старыми, с профилями Кинникена, Тимина и Оссиера, а одна монета относилась даже к царствованию великого Конфалюма, трудно было даже сказать, сколько ей сотен лет. Взамен ей она получила единственный лист бумаги: расписку в получении двадцати реалов, которые были предназначены для уплаты пошлины. Другие документы, как ей объяснили, они должны взять с собой, чтобы должным образом подписать и утвердить. Но они пришлют ей все, как только оформление будет завершено, и после этого она сможет отправиться в Ни-мойю, чтобы вступить во владение собственностью.

— Когда я поселюсь в своих владениях,— величественно вымолвила она,— прошу вас в первый же месяц приехать ко мне, поохотиться и отдохнуть.

— О нет,— мягко, но непреклонно возразил Везан Ормус.— Это было бы неприлично с нашей стороны: слишком разное у нас общественное положение с обитателями Ниссиморнского окоема. Но мы понимаем ваши чувства и благодарны вам за приглашение.

Иньянна предложила им пообедать.

— Нет,— ответил Стейг,— нам уже пора отправляться.— Он сказал, что они должны были установить контакт еще с несколькими наследниками, провести действия по утверждению завещаний в Нарабале, Тил-омоне и Пидруиде; что пройдет еще много месяцев, прежде чем они снова увидят свои дома и своих жен в Ни-мойе. Означало ли это, спросила она, внезапно встревожившись, что до окончания их поездки ее документы так и останутся лежать без движения.

— Ни в коей мере,— успокоил ее Стейг.— Мы отправим ваши документы в Ни-мойю с курьером сегодня же вечером. Оформление документов начнется безотлагательно. Вы должны получить известие из нашего департамента через... ну, пожалуй, семь, самое большее, девять недель.

Она проводила их до гостиницы, подождала снаружи, пока они укладывали вещи, смотрела, как они садились в летающую лодку, и махала им вслед, пока машина не свернула на шоссе, ведущее к юго-западному побережью; затем она вернулась в магазин и возобновила торговлю. За всю вторую половину дня у нее было всего два покупателя. Один купил на восемь мерок гвоздей, а второй попросил три ярда фальшивого атласа по шестьдесят мерок за ярд, так что вся выручка от дневной торговли составила меньше двух крон, но это ничего не значило. Скоро, совсем скоро она разбогатеет.

Прошел месяц, а из Ни-мойи не было никаких вестей. Второй месяц — и все такая же тишина.

Терпение, благодаря которому Иньянна продержалась в Велатисе девятнадцать лет, было терпением отчаяния, безнадежного смирения. Но теперь, когда перед нею замаячили грандиозные перемены, терпение иссякло. Она волновалась, она расхаживала взад-вперед по комнатам, она зачеркивала числа на календаре. Лето с его практически ежедневными дождями подошло к

концу, сменившись сухой свежей осенью, окрасившей в пламенно-алый цвет листья деревьев в лесах предгорья. Ни слова. Начались тяжелые зимние ливни, которые принесли с собой массы сырого воздуха, прорывающиеся на юг из долины Зимра через страну метаморфов и сталкивающиеся с резкими горными ветрами. На высотах Гонгара белели снежные шапки, по улицам Велатиса текли мутные ручьи. Ни-мойя все так же молчала, а Иньянна вспоминала о своих двадцати реалах, и к страху, все глубже забиравшемуся в ее душу, начинало примешиваться раздражение.

Она отметила свой двадцатый день рождения в одиночестве, горестно потягивая прокисшее вино и пытаясь представить себе, какое чувство она будет испытывать, распоряжаясь доходами от Ниссиморнского окоема. Почему все так затянулось? Без сомнения, Везан Ормус и Стейг должным образом отправили документы в департамент, офисам понтифекса; но столь же несомненно, сейчас ее бумаги лежали на каком-нибудь пыльном столе, ожидая, пока их переложат на другой стол, в то время как сады ее имения зарастали сорняками.

Накануне Зимнего дня Иньянна решила отправиться в Ни-мойю и лично проследить за ходом дела.

Поездка должна была обойтись очень дорого, а Иньянна уже лишилась всех своих сбережений. Чтобы добыть деньги, она заложила магазин семейству хьортов. Они уплатили ей десять реалов. Погасить ее долг они имели право, распродавая ее запасы, и если бы они успели вернуть свои деньги до ее возвращения, то должны были продолжать вести торговлю, выплачивая ей аренду. Контракт был составлен целиком и полностью в пользу хьортов, но Иньянну это не тревожило: она знала, хотя и не говорила никому, что никогда больше не увидит ни свой магазин, ни этих хьортов, ни Велатис и что единственной вещью, интересовавшей ее, были деньги, с которыми она смогла бы добраться до Ни-мойи.

Это было нешуточное путешествие. Прямой путь из Велатиса в Ни-мойю пролегал через Пиурифэйн, область, принадлежавшую меняющим форму, куда никто не заходил без крайней необходимости. Так что ей надлежало сделать огромный крюк: на запад через перевал Стиамота, затем по длинной широкой долине, именовавшейся ущельем Дюлорн, по правую сторону которой на сотни миль тянулся огромный, в милю высотой, почти

отвесный Велатисский уступ. Город Дюлорн лежал почти точно на середине предстоявшего ей пути, и оттуда нужно было одолеть еще половину колоссального материка Зимроэля, сначала по суше, а потом на речном судне до Ни-мойи. Но Иньянна видела в предстоящей поездке только великолепное приключение и не думала о том, как долго она может продлиться. Она никогда еще не выезжала из города; лишь однажды, когда ей было десять лет, мать, на радостях от успешной торговли, отправила ее на месяц в теплые края, на юг от Гонгарских гор. Другие города, которые она видела только на картинках, были для нее столь же далеки и неправдоподобны, как и другие планеты. Ее мать однажды была на побережье, в Тил-омоне, и рассказывала, что это был край вечного мягкого лета, где ласковый солнечный свет походил на золотое вино. А мать ее матери была даже в Нарабале, где тропический воздух был влажным и тяжелым и лип к телу, словно мокрая одежда. Но прочие города — Пидруид, Пилиплок, Дюлорн, Ни-мойя и все остальные — являлись для нее только именами, понятие океана с трудом вмещалось в ее воображение, а поверить в то, что где-то за загадочным океаном имелся другой континент с тысячами миллионов обитателей, где имелся десяток огромных городов против каждого города Зимроэля, где посреди пустыни находилось загадочное подземное логовище, именуемое Лабиринтом, в котором скрывался от мира понтифекс, где вздымалась к небу гора высотой в тридцать миль, на вершине которой обитал корональ и весь его королевский двор, она до сих пор до конца не могла. От мыслей о таких вещах в горе у нее начинало першить, а в ушах звенело. Устрашающий и непостижимый Маджипур был слишком уж большой конфетой для того, чтобы проглотить ее одним большим глотком; но и разгрызать ее постепенно, небольшими кусочками по миле-другой, для человека, который никогда не покидал пределов Велатиса, тоже было немыслимо трудной задачей.

Так, Иньянна с изумлением отметила перемены в климате, когда большая многоместная летающая лодка миновала перевал и спустилась на равнину, раскинувшуюся к западу от гор. Там все еще стояла зима — дни были короткими, солнечный свет бледным и зеленоватым,— но ветер был теплым и плотным, почти весенним, и в воздухе чувствовался приятный острый запах конца зимы. Она с удивлением обнаружила, что почва здесь мягкая, рассыпчатая и упругая, совершенно непохожая на твердую гли-

ну, сверкавшую бесчисленными мелкими и крупными камнями, на которой стоял ее дом, и что в этих местах земля имела удивительный ярко-красный оттенок. И растения с мясистыми глянцевыми листьями были незнакомы ей, и птицы здесь носили непривычные оперения, и поселения, попадавшиеся вдоль шоссе, жили открыто и были полны воздуха; эти деревни ничуть не напоминали темный тяжеловесный серый Велатис, их непохожие друг на друга маленькие деревянные домики, украшенные причудливой резьбой, сияли яркими всплесками желтого, синего и алого цветов. Для нее было также до ужаса непривычно не видеть со всех сторон горы, как в Велатисе, угнездившемся на груди Гонгарского хребта, но сейчас она оказалась в широченной впадине, лежавшей между горами и отдаленной прибрежной полосой и, когда взглянула на запад, то увидела перед собой почти пугающую ничем не ограниченную перспективу, полого уходившую вниз, сливавшуюся с бесконечно далеким горизонтом. С другой стороны от дороги, на севере, вздымался казавшийся бесконечным Откос Велатиса, противоположная Велатису сторона горной цепи, но даже и горы здесь были незнакомыми: цельный монолитный мрачный вертикальный барьер, из которого лишь изредка торчали, грозя небесам, острые пики. Но, описывая направленную на север кривую, они в конечном счете выехали из впадины, и почва снова изменилась — они достигли верхнего конца ущелья Дюлорн. Здесь было много гипса, холмистая низменность была от него белой, как будто покрытой изморозью. Камень казался жутковатым: на изломе он показывал рисунок, очень похожий на паутину, и сверкал таинственным холодным блеском. В школе она узнала, что из этого минерала был построен весь город Дюлорн; ей показывали там картинки с изображением изящных шпилей, арок и прозрачных фасадов, сверкавших подобно холодному огню в дневном свете. Она всегда воспринимала это как легенду, наподобие сказок о Старой Земле, с которой, как считалось, некогда сорвались на поиски счастья люди, отдаленные предки ее соплеменников. Но однажды, в конце зимы, Иньянна увидела предместья настоящего города Дюлорна и поняла, что эта легенда вовсе не являлась плодом воображения. Дюлорн оказался гораздо более красив и странен, чем она была способна вообразить. Он, казалось, сиял своим собственным внутренним светом, тогда как свет солнца,

преломляемый, расщепляемый и отражаемый бесчисленными углами и изгибами высоких причудливых зданий, сияющими потоками затоплял улицы.

Так вот каков был этот город! Рядом с ним, думала Иньянна, Велатис следовало считать грязным болотом. Она могла бы остаться здесь на месяц, на год, навсегда и ходить из улицы в улицу, рассматривать башни и мосты, глядеть в витрины невероятных магазинов, ослеплявшие изысканными дорогими товарами, так не похожие на ее собственную жалкую лавчонку. Эти орды людей, покрытых чешуей, со змеиными языками — город принадлежал гэйрогам, миллионам квазирептилий, среди которых лишь изредка попадались представители иных рас,— перемещавшихся с такой целеустремленностью, занимаясь какими-то работами, незнакомыми простой горянке... эти светящиеся, мигающие разноцветные рекламы знаменитого Непрерывного цирка Дюлорна... эти элегантные рестораны, гостиницы, парки — все это привело Иньянну в благоговейное оцепенение. Конечно же, на Маджипуре не могло быть ничего, что сравнилось бы с этим местом! И все же она не раз слышала, что Ни-мойя гораздо больше, а Сти, город на Замковой горе, больше их обоих; а ведь были еще и знаменитый Пилиплок, и порт Алаизор, и... множество, множество других городов!

Но она пробыла в Дюлорне всего лишь полдня — пока из летающей лодки высаживались пассажиры, выгружался багаж, освободившиеся места занимали новые пассажиры, а машину проверяли перед выходом на следующий этап маршрута. Она не понимала толком, идет время или стоит. Днем позже, когда машина уже давно двигалась на восток через леса, раскинувшиеся между Дюлорном и Мазадоном, она обнаружила, что совершенно не уверена, видела ли она на самом деле Дюлорн, или он ей только пригрезился.

Ежедневно перед нею открывались новые чудеса — места, где воздух был фиолетовым, деревья величиной с целые холмы, чащи поющих папоротников... Затем на смену лесам пришла длинная череда унылых неразличимых городов — Кинтион, Мазадон, Тагобар и еще какие-то... Пассажиры выходили, доехав куда им нужно, на их места садились новые, водители сменялись через каждые девятьсот миль, и одна только Иньянна продолжала путь, огибая всю огромную страну, разглядывая мир. Глаза и мозги

у нее уже затуманились и отказывались воспринимать то и дело появлявшиеся перед нею новые и новые виды. А вскоре ей предстояло увидеть гейзеры, и горячие озера, и прочие чудеса, порожденные подземным жаром; все это находилось подле Кинтора, крупнейшего из городов, расположенных в глубине континента, где Иньянне предстояло пересесть на судно и преодолеть последний отрезок своего пути в Ни-мойю по воде. Здесь с северо-запада тек Зимр, река огромная, как море; не всегда можно было рассмотреть ее противоположный берег. В Велатисе Иньянна видела только быстрые и узкие горные речки и никак не могла предположить, что на свете может существовать такое гигантское плавно извивающееся темноводное чудовище, коим являлся Зимр.

И несколько недель грудь этого чудовища качала Иньянну, которая проплыла мимо Верфа, Стройна, Лагомандино и еще пятидесяти городов, названия которых она не слышала прежде и не стала пытаться запомнить теперь. Судно, на котором она плыла, стало всем ее миром. Климат в долине Зимра был очень мягким, сезоны сменялись почти незаметно; здесь легко можно было утратить ощущение хода времени. Можно было подумать, что стоит весна, хотя она знала, что на самом деле уже близится к концу лето, поскольку ее поездка тянется уже почти полгода. Возможно, путешествию предстояло никогда не закончиться; возможно, теперь ее судьба заключалась в том, чтобы плыть по течению с места на место, не испытывая никаких чувств, нигде не причаливая к земле... Все шло своим чередом. Она начала забывать себя. Где-то существовал принадлежавший когда-то ей магазин, где-то существовало большое состояние, которое будет принадлежать ей, где-то существовала молодая женщина по имени Иньянна Форлана, прибывшая из Велатиса, но, пока она плыла по бесконечному Маджипуру, все это утратило образы и превратилось в простое бесформенное движение.

И вот в один прекрасный день в сотый раз на берегу Зимра — на обоих берегах — появился какой-то новый город, и пассажиры судна внезапно заволновались, кинулись к бортам и принялись вглядываться в туманную даль. Иньянна услышала возгласы: «Ни-мойя! Ни-мойя!» — и поняла, что ее путешествие подошло к концу, что ее странствия закончены, что она прибыла в свой настоящий дом, чтобы обрести свои неотъемлемые права.

Глава 3

Она была достаточно разумна и сознавала, что пытаться понять Ни-мойю в первый же день столь же глупо, как и считать звезды. Это была столица, в двадцать, если не больше, раз превышавшая размерами Велатис, растянувшаяся на сотни миль по обоим берегам огромного Зимра, и — она ощущала это — можно было провести здесь всю жизнь и все равно продолжать путаться в улицах и площадях города-гиганта. Ну и прекрасно. Она не позволила себе ни благоговения, ни потрясения от огромности и чрезмерности всего, что видела вокруг. Ей предстояло одолевать этот город постепенно, шаг за шагом. И в этом спокойном решении было начало преобразования в истинную жительницу Ни-мойи.

Но все же первый шаг ей еще только предстояло сделать. Судно причалило к, как ей показалось, южному берегу Зимра. Вцепившись в свой чемоданчик, Иньянна переводила глаза с одного берега на другой, каждый раз изумляясь колоссальной массе воды — Зимр принимал здесь в себя сразу несколько крупнейших притоков и расширялся до неимоверной величины,— и видела города на каждом берегу. Который из них был Ни-мойей? Где располагаются представительства понтифексата? Как ей найти свои поместья и особняк? Светящиеся надписи указывали, откуда отправляются паромы, но их назначением были места, именовавшиеся Гимбелук и Истмой, Стрелейн и Стрэнд-Виста; Иньянна решила, что все это предместья. Зато о пароме в Ни-мойю нигде не было ни слова, так как все эти места и составляли Ни-мойю.

— Ты заблудилась? — раздался у нее за спиной тонкий резкий голос. Иньянна обернулась и увидела девушку, которая плыла на судне вместе с нею, на два-три года моложе, чем она, с пестрым от косметики лицом и жидковатыми волосами, вызывающе окрашенными в лавандовый цвет. Слишком гордая, а может быть, слишком застенчивая для того, чтобы принимать помощь от нее — она сама не могла решить, какое чувство превалировало,— Иньянна резко мотнула головой и отвернулась, почувствовав при этом, как ее щеки вспыхнули.

— За билетными кассами есть справочная установка,— сказала девушка ей в спину и исчезла в толпе.

Иньянна встала в хвост очереди, скопившейся возле справочной установки, и спустя некоторое время получила возможность засунуть голову в коробку переговорного устройства.

— Слушаю вас,— послышался приятный голос.

— Представительство понтифекса. Бюро утверждения завещаний,— без запинки проговорила Иньянна.

— В списках нет такого бюро.

Иньянна нахмурилась.

— Тогда представительство понтифекса.

— Стрелейн, Родамаунтский бульвар, 853.

Испытывая не совсем понятную тревогу, она купила билет на паром до Стрелейна: одна крона двадцать мерок. У нее теперь оставалось ровно два реала; этого должно было хватить на несколько недель жизни в этом городе, где все, похоже, очень дорого. А что потом? А потом я поселюсь в Ниссиморнском окоеме,— бодро сказала она себе и перешагнула с причала на паром. Но мысль о том, почему адрес Бюро утверждения завещаний мог оказаться не внесенным в список учреждений, не выходила у нее из головы.

День уже клонился к вечеру. Паром, испуская хриплый свист, плавно отошел от причала. Иньянна вцепилась в поручни и с удивлением вглядывалась в город, раскинувшийся на далеком берегу. Сверкающие белые башни с плоскими крышами, постепенно, ярусами, взбирались на нежно-зеленые холмы, ограничивавшие горизонт на севере. Возле широкого трапа, ведущего на нижние палубы, располагался стенд с картой. Стрелейн оказался центральным районом города и располагался прямо напротив пристани, от которой отошел паром,— это и был Ниссиморн. Чиновники понтифексата сказали ей, что ее особняк находился на северном берегу и назывался Ниссиморнским окоемом потому, что из него открывался вид именно на Ниссиморн; значит, он должен быть именно в Стрелейне, возможно где-то в районе леса, покрывавшего берег на северо-востоке. Гимбелук, западный пригород, отделялся от Стрелейна безымянным притоком, через который было перекинуто множество мостов; Истмой лежал на востоке; с юга впадала река Стейч, почти такая же большая, как Зимр, и города по его берегам назывались...

— Ты здесь первый раз? — Это вновь оказалась девушка с бледно-сиреневыми волосами.

Иньянна нервно улыбнулась.

— Да. Я из Велатиса. Деревенщина, можно сказать.

— Похоже, что ты боишься меня.

— Я? Неужели?

— Я тебя не укушу. И даже не стану тебя обманывать. Меня зовут Лилойв. Я воровка с Большого базара.

— Ты сказала, воровка?

— Это почтенная профессия в Ни-мойе. Хотя муниципалитет и не выдает нам лицензий, но все же не слишком вмешивается в наши дела. Ну а у нас есть свои собственные порядки, как в любой утвержденной гильдии. Я была в Лагомандино, продавала краденое моему дяде. А ты что, считаешь себя слишком хорошей для того, чтобы разговаривать со мной, или просто очень застенчивая?

— Ни то и ни другое,— ответила Иньянна.— Но я очень долго путешествовала одна и отвыкла от разговоров с людьми. Я задумалась.— Она заставила себя улыбнуться.— А ты на самом деле воровка?

— Да. Но не карманница. Очень уж у тебя встревоженный вид! И все же как тебя зовут?

— Иньянна Форлана.

— Красивое имя. Я никогда еще не встречала ни одной Иньянны. И ты проехала аж от Велатиса до самой Ни-мойи? Зачем?

— Чтобы получить наследство,— прямо ответила Иньянна.— Собственность внука сестры моей бабушки. Поместье на северном берегу, известное как Ниссиморнский окоем...

Лилойв захихикала, попыталась сдержать смех, отчего ее щеки раздулись, закашлялась и хлопнула себя ладонью по губам в приступе неудержимого смеха. Но она все же смогла почти сразу же пересилить себя, и насмешка на ее лице сменилась жалостью.

— Если это так, то, значит, ты принадлежишь к семейству герцога, и я должна просить у тебя прощения за то, что так нахально разговаривала с тобой.

— Семейству герцога? Нет, конечно нет. С чего ты это взяла?

— Ниссиморнский окоем принадлежит Калейну, младшему брату герцога.

Иньянна покачала головой.

— Нет. Сестре моей бабушки...

— Бедняжка, да шарить по твоим карманам нет никакого смысла. Кто-то уже успел их обчистить!

Иньянна прижала к груди чемоданчик.

— Нет,— заметив ее смятение, поправилась Лилойв.— Вероятнее, что ты тронутая, раз считаешь, что унаследовала Ниссиморнский окоем.

— Я видела бумаги с печатью администрации понтифекса. Два человека из Ни-мойи лично доставили их в Велатис. Я, возможно, не слишком прыткая деревенская девчонка, но все же не дура, чтобы решиться на такую поездку, не имея серьезных доказательств. Да, у меня были подозрения, но я видела документы. Я уплатила пошлину за право наследования титула! Это стоило двадцать реалов, но бумаги были в полном порядке!

— И куда ты собираешься идти, когда попадешь в Стрелейн?

— Я не думала об этом... Наверное, в гостиницу...

— Побереги свои кроны. Они тебе еще потребуются. Устроишься у нас, на базаре. А утром поговори с имперскими прокторами. А вдруг они смогут помочь тебе вернуть хотя бы часть потерянного?

Глава 4

Мысль о том, что она оказалась жертвой мошенников, с самого начала жила в сознании Иньянны, словно басовитый гул, чуть слышно пробивающийся сквозь звуки прекрасной музыки, но она не желала слышать этот гул, и даже теперь, когда он сменился оглушительным ревом, она заставила себя верить в свое счастье. Эта невзрачная маленькая базарная девчонка, по ее собственному признанию, профессиональная воровка, несомненно обладала чрезмерно развитой недоверчивостью, как это и должно быть свойственно тому, кто живет, противопоставляя свой ум враждебной вселенной, и потому видела мошенничество и недоброжелательность повсюду, возможно даже там, где их и близко не было. Иньянна знала, легковерие могло вовлечь ее в ужасную ошибку, но было бессмысленно начинать жаловаться, когда еще ничего не началось. Ведь могло же в конце концов оказаться, что она все-таки имела какое-то отношение к фамилии герцога, а может быть, Лилойв напутала насчет владельцев Ниссиморнского окоема. Ну а если она и в самом деле прибыла в Ни-мойю, поддавшись на обман и все ее последние кроны истрачены без толку, то, по крайней мере, она находилась теперь в Ни-мойе, а не в Велатисе, и это само по себе было причиной для радости.

Когда паром приблизился к причалу Стрелейна, Иньянна смогла получить первое представление о центре Ни-мойи вблизи. Ослепительно белые башни стояли почти у самого края воды, поднимаясь к небу так резко и круто, что казались неустойчивыми, и было трудно понять, почему они не сваливались в реку. Начало темнеть. Повсюду зажигались огни. Иньянна взирала на великолепие города со спокойствием лунатика. Я пришла домой, раз за разом повторяла она себе. Я дома, этот город — мой дом, я чувствую, что попала домой. И все равно она следила за тем, чтобы не отстать от Лилойв, когда они через толпу местных жителей пробирались с пристани на улицу.

У ворот речного вокзала стояли три огромных металлических птицы со сверкавшими — наверное, из драгоценных камней — глазами: гихорн с распахнутыми широкими крыльями, большой глупый длинноногий хазенмарл и еще одна (Иньянна такой не знала) с огромным, изогнутым наподобие серпа клювом, под которым свисала кожистая сумка. Механические фигуры медленно двигались, покачивая головами, взмахивая крыльями.

— Эмблемы города,— не дожидаясь вопроса, объяснила Лилойв.— Ты будешь встречать этих дурацких истуканов повсюду! И у всех вместо глаз будут драгоценные камни.

— И никто их не украдет?

— Хотела бы я набраться смелости на это. Я могла бы легко забраться туда и выковырять их. Но говорят, что за этим последует тысяча лет непрерывных бедствий. Метаморфы снова восстанут и прогонят нас, башни обрушатся, ну и тому подобная чепуха.

— Но раз ты не веришь в эти легенды, то почему бы не украсть камни?

Лилойв фыркнула.

— А кто их купит? Любой барыга сразу же поймет, откуда они, и, раз уж всем известно, что на них наложено проклятие, то вора будет ждать бездна неприятностей, а Король Снов примется терзать твою голову до тех пор, пока ты не взвоешь. Пусть лучше у меня будет полный карман осколков цветного стакана, чем глаза птиц Ни-мойи. Ну вот, садись! — Она открыла дверь маленькой летающей лодки-такси, стоявшей неподалеку от вокзала, подтолкнула Иньянну на сиденье, сама шлепнулась рядом, бойко отстучала код на клавиатуре, и машина тронулась с места.— Мы можем поблагодарить твоего благородного родственника за эту поездку,— заявила она.

— Что-что?

— Калейна, брата герцога. Я указала его платежный код. Его номер выкрали месяц назад, и многие из нас теперь ездят бесплатно, то есть за его счет. Конечно, когда придут счета, канцлер изменит код, но до тех пор... понимаешь?

— Я, наверное, очень наивна,— сказала Иньянна.— Я все еще верю в то, что Повелительница и Король видят наши грехи, когда мы спим, и посылают сновидения помешать таким вещам.

— На такую веру все и рассчитано,— ответила Лилойв.— Вот убей кого-нибудь, и наверняка получишь послание от Короля Снов; в этом не может быть сомнений. Но сколько народу живет на Маджипуре? Восемнадцать миллиардов? Тридцать? Пятьдесят? И что, у Короля найдется время, чтобы насылать карающие сны на каждого, кто обманом бесплатно проедется в летающей лодке? Думаешь, это возможно?

— Ну...

— Или даже на тех, кто выманивает деньги, взимая пошлину за не принадлежащие людям дворцы?

Щеки Иньянны вспыхнули, и она отвернулась.

— Куда мы едем? — глухим голосом спросила она.

— Уже приехали. Остановка Большой базар. Прошу на выход!

Иньянна следом за Лилойв вышла на широкую площадь, ограниченную с трех сторон высокими башнями, а с четвертой — приземистым зданием, к которому вело множество длинных низеньких ступеней. Сотни, а может быть, и тысячи людей в изящных белых нимойских туниках поспешно проходили туда и сюда через широкую пасть здания, арку которого украшал резной горельеф — те же самые три символические птицы с драгоценными камнями в глазах.

— Это Пидруидские врата,— сказала Лилойв,— один из тринадцати входов. Сам базар занимает пятнадцать квадратных миль. Знаешь, он немного похож на Лабиринт, хотя, конечно, не уходит так глубоко под землю, разве что ниже уровня улиц. Он пронизывает весь город, его части соединяются через разные дома, через проходы под улицами; можно сказать, что это город в городе. Мои предки жили здесь сотни лет. Мы потомственные воры. Без нас у владельцев лавок было бы много неприятностей.

— Я была в Велатисе хозяйкой лавки. У нас там нет воров, и, по-моему, никто и никогда не желал, чтобы они появились,— сухо заметила Иньянна, когда они влились в толпу, продвигавшуюся по широким низким ступеням к воротам Великого базара.

— Здесь все по-другому,— возразила Лилойв.

Базар простирался во все стороны — сложнейший лабиринт ярко освещенных узких галерей, проходов, туннелей и галерей, разделявшихся и подразделявшихся на бесчисленное множество крошечных кабинок. Над головами тянулось цельное полотнище желтой ткани, испускавшей яркое сияние, благодаря собственному люминесцентному свечению. Это зрелище изумляло Иньянну больше, чем все остальное, что она успела увидеть в Ни-мойе, так как она в своем магазине иногда торговала такой тканью — по три реала за рулон, а одного рулона хватало для того, чтобы украсить разве что небольшую комнату; ее душа пришла в смятение от мысли о пятнадцати квадратных милях светящейся ткани, и Иньянна, несмотря на свои навыки, никак не могла вычислить в уме ее стоимость. Ай да Ни-мойя! Такие крайности можно было выдержать, только имея хорошее чувство юмора.

Они все дальше углублялись в базар. Каждый закоулок казался Иньянне неотличимым от другого; везде было одинаково шумно, независимо от того, чем там торговали. По сторонам теснились одна к другой лавки с фарфором, тканями, столовыми приборами, одеждой, фруктами, мясом, овощами, деликатесами; где-то сконцентрировались винные лавки, в другом месте остро пахло пряностями, потом по сторонам заблестели в многочисленных витринах драгоценные камни, и повсюду стояли торговцы с жареными сосисками, и торговцы с жареной рыбой, и торговцы иной едой и лакомствами. Ну а Лилойв, похоже, всегда точно знала, куда идти от той или иной развилки и в который из неисчислимых совершенно одинаковых переулков нужно сворачивать, чтобы попасть к известной ей одной цели. Она двигалась стремительно и уверенно, и лишь несколько раз приостановилась, чтобы раздобыть себе обед, ловко прихватив балыковое полено с одного прилавка да бутылку вина с другого. Несколько продавцов заметили ее действия, но лишь улыбнулись и промолчали.

— Неужели это не волнует их? — изумилась Иньянна.

— Они знают меня. Но я уже сказала тебе, что нас, воров, здесь высоко ценят. Мы нужны.

— Очень жаль, но я этого не понимаю.

— Видишь ли, мы поддерживаем порядок на базаре. Здесь не ворует никто, кроме нас, а мы берем только, что нам нужно,

зато разгоняем любителей. Ну, что могло бы здесь твориться, если бы каждый десятый набивал себе карманы тем, что лежит в кошельках у остальных девяти? Но мы ходим среди них, заполняя наши собственные кошельки, а также останавливая лишних. Нас знают. Понимаешь? Наша добыча это своего рода налог на торговцев или жалованье, которое они уплачивают нам за то, что мы контролируем толпы, которые непрерывно толкутся здесь. Эй, ты! А ну, прекрати! — Последние слова были обращены не к Иньянне, а к мальчишке лет двенадцати, темноволосому, щуплому и гибкому, как угорь, который перебирал охотничьи ножи, выставленные в большом ведре. Молниеносным движением Лилойв поймала мальчишку за руку и одновременно совершенно непостижимым образом ухватила за извивавшееся щупальце какого-то врууна, ростом не больше мальчика, стоявшего в тени в нескольких футах. Иньянна слышала, как Лилойв что-то негромко говорила им, улавливала жесткий тон, но не могла понять ни единого слова. Спустя несколько секунд все закончилось, и врууп с мальчишкой поспешно бросились прочь и канули в толпе.

— И что это было? — спросила Иньянна.

— Они воровали ножи; мальчишка передавал их врууну. Я велела им немедленно убраться с базара и пригрозила, что если они не послушаются, то мои братья запекут врууна в его собственном панцире и заставят мальчишку съесть.

— Неужели они сделали бы это?

— Конечно нет. Это значило бы обречь себя всю жизнь смотреть не самые приятные сны. Но они поняли свою ошибку. Здесь крадут только те воры, которые имеют на это право. Можно сказать, что мы заменяем здесь прокторов. Мы необходимы. А вот тут я живу. Милости прошу в гости.

Глава 5

Лилойв обитала под землей в комнате со стенами из покрытого грязно-белой штукатуркой камня, входившей в анфиладу из семи или восьми таких же комнат, расположенную под тем рядом Великого базара, который занимали торговцы сырами и маслом. В подземные жилища нужно было спускаться через люк по веревочной лестнице. В тот самый миг, когда голова Иньянны опустилась ниже уровня пола, весь шум и безумие базара остались позади, и единственным напоминанием о том, что находится наверху, был несильный, но неистребимый запах красного стойензарского сыра, проникавший даже через каменные стены.

— Вот наша берлога,— объявила Лилойв. Она запела быструю ритмичную мелодию, и тут же из дальних помещений появились люди — потасканного вида люди с ловкими движениями, в большинстве низкорослые и тощие; каждый из них, как и Лилойв, казался сделанным из второсортного человеческого материала.— Мои братья Сидоун и Ханоун,— представила их Лилойв.— Моя сестра Медилл Фаруйн. Мои двоюродные братья Авейн, Амейн и Атейн. А это мой дядя Агурмоль, глава нашего клана. Дядя, это Иньянна Форлана, из Велатиса; двое странствующих жуликов впарили ей за двадцать реалов Ниссиморнский окоем. Я встретила ее на речном судне. Она будет жить с нами и станет воровкой.

У Иньянны перехватило горло.

— Я...

Агурмоль с величественным видом Хозяйки Острова, раздающей благословения, сделал изысканный и подчеркнуто официальный жест.

— Теперь ты одна из нас. Ты сможешь носить мужскую одежду?

— Думаю, что смогу,— оторопела Иньянна,— но я не пони...

— У меня есть младший брат, приписанный к нашей гильдии. Он живет в Авендройне среди меняющих форму; его не видели в Ни-мойе уже несколько лет. Ты назовешься его именем, и это будет куда проще, чем устраивать тебе вступление в гильдию. Дай мне руку.

Она безропотно позволила ему взять свою ладонь своими влажными мягкими пальцами. Он посмотрел ей в глаза и сказал низким выразительным голосом:

— Твоя настоящая жизнь только начинается. Все, что было прежде, это всего лишь сны. Теперь ты воровка, вернее, вор в Ни-мойе, и твое имя Кулибгай.— И добавил, подмигнув: — Двадцать реалов — не слишком высокая цена за Ниссиморнский окоем.

— Это была только пошлина за регистрацию,— сказала Иньянна.— Они заявили мне, что я унаследовала этот дом после сестры матери моей матери.

— Если это верно, то ты должна будешь устроить для нас грандиозный пир, как только вступишь во владение, чтобы от-

благодарить за гостеприимство. Согласна? — Агурмоль беспечно рассмеялся.— Авейн! Вина для твоего дяди Кулибгая! Сидоун, Ханоун, подберите ему подходящую одежду! Эй, кто-нибудь, музыку! Кто хочет потанцевать? Ну-ка, дадим жизни! Медилл, приготовь кровать для гостя!

Маленький человечек беззаботно крутился, весело выкрикивая приказания. Иньянна, заразившись его неистовой энергией, выпила бокал вина, позволила примерить на себя тунику одного из братьев Лилойв. При этом она старалась не задумываться о посторонних вещах, чтобы запомнить поток имен, которые ей поминутно называли. В комнату стал набиваться народ — в основном люди, три хьорта с серыми пухлыми лицами и, к изумлению Иньянны, пара стройных молчаливых метаморфов. Хотя она, пока вела торговлю, привыкла иметь дело с меняющими форму, но все же никак не ожидала, что Лилойв и ее семейство фактически разделяют кров с этими таинственными аборигенами. Хотя возможно, что воры, как и метаморфы, считались на Маджипуре отверженными и потому с готовностью тянулись друг к другу.

Импровизированный праздник в ее честь продолжался несколько часов. Воры, казалось, были рады оказать ей покровительство, все по очереди подходили к ней, предлагая какие-то пустяковые услуги, забавляя ее байками и сплетнями из местной жизни. Для Иньянны, предки которой на протяжении длинной череды поколений были лавочниками, воры являлись естественными врагами. Но все же эти люди, хотя и были, по ее мнению, жалкими изгоями, казались ей приветливыми, дружелюбными и открытыми; к тому же они были единственными союзниками в той борьбе, которую ей предстояло вести против огромного и безразличного города. Иньянна не испытывала никакого желания осваивать их профессию, но она прекрасно понимала, что судьба могла поступить с ней и хуже, чем заставить прибиться к родственникам Лилойв.

Она спала беспокойно, видела во сне нечто отрывочное и беспредметное и несколько раз просыпалась, не в состоянии понять, где же она находилась. Но в конце концов усталость сломила ее, и она погрузилась в глубокий сон. Обычно она пробуждалась на рассвете, но в этой пещерной обители рассвет был чужаком, так что, проснувшись, она не могла даже представить, какое сейчас время суток.

— Ты, похоже, ужасно устала? — улыбнулась ей Лилойв.

— Я спала слишком долго?

— Ты спала до тех пор, пока не проснулась. Я думаю, что ты проспала не больше и не меньше, чем было нужно. А тебе как кажется?

Иньянна посмотрела вокруг и увидела следы вечерники — пустые бутылки, грязную посуду, забытые кем-то предметы одежды — но никого, кроме них, в комнате не было. Они на утреннем обходе, объяснила Лилойв. Она показала Иньянне, где можно умыться и одеться, а затем они поднялись на поверхность и очутились в кипучем водовороте базара. Днем жизнь здесь бурлила так же, как и накануне вечером, но в обычном свете все здесь казалось не столь волшебным, не столь переполненным и бурлящим, атмосфера была не столь заряженной энергией, как при электрическом освещении: то, что вчера вечером казалось Иньянне загадочной самостоятельной вселенной, сегодня было всегонавсего переполненным народом обширным торговым центром. Они приостановились лишь у трех-четырех прилавков, чтобы тайком прихватить чего-нибудь себе на завтрак. Лилойв нахально принималась закусывать, отойдя всего на несколько шагов от обворованной лавчонки, и призывала смущенную и колеблющуюся Иньянну следовать ее примеру. А затем, пробравшись через невероятно запутанный лабиринт, в котором, Иньянна была полностью уверена, она никогда не сможет почувствовать себя хозяйкой, они неожиданно оказались на свежем чистом воздухе надземного мира.

— Мы вышли из Пилиплокских врат,— сказал Лилойв.— Отсюда до понтифексата рукой подать.

Прогулка действительно оказалась короткой, но Иньянна все равно была ошеломлена, ибо за каждым углом ей открывались все новые и новые чудеса. Один уходивший вдаль прекрасный бульвар был весь залит ослепительным светом, словно под тротуаром пряталось второе солнце. Этот бульвар, сказала Лилойв, так и назывался — Хрустальный бульвар, поскольку он днем и ночью сверкал ослепительными огнями, испускаемыми специальными отражателями, которые автоматически поворачивались, чтобы иметь наилучшую ориентацию. В конце другой улицы, уходившей вниз по склону холма на восток, туда, где Зимр делал крутой изгиб, она разглядела здание, которое могло быть только дворцом герцога Ни-мойи. Ее изумила также стройная стела из отполированного камня, возвышавшаяся на широком постамен-

те,— даже издалека было ясно, насколько грандиозно это сооружение, окруженное парком, подобным зеленому ковру. Еще один поворот, и Иньянна увидела нечто, похожее на аккуратнейшим образом вытканный гигантский — в милю длиной — кокон какого-то невероятного насекомого, висящий над широченным проспектом.

— Паутинная галерея,— объяснила Лилойв,— здесь богачи покупают свои цацки. Может, и ты когда-нибудь выкинешь здесь ведро-другое реалов. Но это будет не сегодня. Мы уже пришли. Вот Родамаунтский бульвар, и вскоре мы точно выясним все, что касается твоего наследства.

Улица изгибалась плавной дугой; вдоль одной ее стороны бок о бок высились совершенно одинаковые башни с плоскими фасадами, а по другой чередовались высокие и приземистые дома. Судя по всему, это были правительственные учреждения. Строгость архитектурного ансамбля привела Иньянну в замешательство; одна она могла бы бродить по улице хоть целый день, не смея открыть хоть одну дверь, но Лилойв, задав несколько решительных вопросов, быстро разобралась, что где находится, и потащила Иньянну в глубину клубка извилистых коридоров, едва ли менее запутанных, чем Большой базар. Вскоре они уже сидели на деревянной скамье в большом и ярко освещенном зале для дожидающихся приема и смотрели на табло под потолком, на котором высвечивались имена посетителей, которых приглашали войти. Через какие-нибудь полчаса там появилось имя Иньянны.

— Это бюро утверждения завещаний? — спросила она свою спутницу, пока они шли к двери.

— Скорее всего, такого просто нет,— ответила Лилойв.— Здесь сидят прокторы. Они, пожалуй, единственные, кто, возможно, в силах тебе помочь.

Хьорт со строгим пухлым лицом и выпученными, как у всех своих сородичей, глазами спросил, какая у них проблема, и Иньянна, поначалу запинаясь, постепенно разговорилась и рассказала всю свою историю: незнакомцы из Ни-мойи, поразительный рассказ о грандиозном наследстве, документы, печати администрации понтифекса, двадцать реалов, уплаченных в качестве пошлины. Она рассказывала, а хьорт все сильнее и сильнее горбился за своим столом, стискивал челюсти и немыслимым образом вращал своими огромными вытаращенными глазами в разные стороны. Когда она умолкла, он взял у нее из рук квитанцию об

уплате пошлины, глубокомысленно пощупал толстыми пальцами имперскую печать, стоявшую на ней, и уныло сообщил:

— Вы уже девятнадцатая. В этом году в Ни-мойе побывало уже восемнадцать претендентов на Ниссиморнский окоем. Но, боюсь, их будет больше. Намного больше.

— Девятнадцатая?

— Насколько мне известно. Возможно, были и другие, но они не стали извещать прокторов о мошенничестве.

— О мошенничестве...— бездумно повторила Иньянна.— Но возможно ли такое? Они показали мне документы, генеалогическое древо, бумаги с моим именем... Неужели они совершили путешествие от Ни-мойи до Велатиса лишь затем, чтобы выманить у меня двадцать реалов?

— Нет, конечно, они ехали не только ради вас,— ответил хьорт.— Вероятно, три или четыре наследника Ниссиморнского окоема нашлись в Велатисе, пятеро в Нарабале, семь в Тиломоне, дюжина в Пидруиде... Видите ли, генеалогию нескольких десятков людей узнать совсем не трудно. И подделать документы, и заполнить бланки. Получить двадцать реалов от одного, тридцать от другого — вам не кажется, что на эти деньги можно неплохо жить, если только не слишком задерживаться на одном месте?

— Но ведь этого же не может быть! Это противозаконно!

— Да,— устало согласился хьорт.

— И Король Снов...

— Строго накажет их, можете не сомневаться в этом. И мы, конечно, не замедлим строго наказать их, как только обнаружим. Вы могли бы оказать нам большую помощь, подробно описав их внешность и манеры.

— А мои двадцать реалов?

Хьорт пожал плечами.

— Есть какая-нибудь надежда на то, что смогу получить их обратно? — требовательно спросила Иньянна.

— Никакой.

— Это значит, что я лишилась всего, что у меня было!

— От имени его величества я выражаю вам мое искреннее и глубокое сочувствие,— сказал хьорт, и на этом аудиенция закончилась.

— Отведи меня к Ниссиморнскому окоему! — потребовала Иньянна у своей спутницы, когда они с Лилойв вышли наружу.

— Но ты, конечно же, не веришь...

— Что этот дом принадлежит мне? Нет, конечно нет. Но я хочу его увидеть! Я хочу знать, как выглядит дом, который мне продали за мои двадцать реалов!

— Ну зачем терзать себя?

— Прошу тебя,— настаивала Иньянна.

— Ну что ж,— сдалась Лилойв.

Она взмахом руки подозвала летающую лодку и набрала на пульте адрес. Широко раскрыв глаза, Иньянна изумленно смотрела по сторонам, пока машина несла их по благородным проспектам Ни-мойи. Под теплыми лучами полуденного солнца все, казалось, купалось в свете, и город сиял, но не морозным блеском прозрачного Дюлорна, а переливающимся, пульсирующим, прямо-таки чувственным блеском, отражавшимся от каждой гладко оштукатуренной стены, заливавшим улицы. Лилойв рассказывала о наиболее интересных местах, мимо которых они проезжали.

— Это Музей миров,— сказала она, указывая на огромную архитектурную композицию, увенчанную диадемой из угловатых стеклянных куполов.— Здесь хранятся сокровища с тысячи планет; есть даже несколько вещей со Старой Земли. А это Палата колдовства, тоже своего рода музей, посвященный волшебству и сновидениям. Я никогда там не бывала. А там — смотри, видишь, спереди три птицы? Городской дворец, где живет мэр.— Машина начала снижаться по склону к реке.— Там находятся плавучие рестораны,— сказала она, обведя рукой полгоризонта.— Их девять, и каждый как небольшой остров. Говорят, что там можно попробовать блюда из каждой области Маджипура. Когда-нибудь мы в них побываем, во всех девяти, правда?

— Блажен, кто верует,— печально улыбнулась Иньянна.

— Выше нос! У нас с тобой вся жизнь впереди, а воровская жизнь совсем не плоха,— тараторила Лилойв.— Я собираюсь со временем пройтись по всем улицам Ни-мойи, и ты сможешь пойти со мной. Знаешь, в Гимбелуке — это за городом, в холмах — есть Парк Сказочных Зверей, которых уже совсем не осталось в природе: всякие там сигимойны, галвары, димилайоны, ну и еще всякая всячина. А еще есть Дом Оперы, там играет муниципальный оркестр — ты слышала о нашем оркестре? Тысяча инструментов, ничего подобного нет нигде во вселенной. А еще есть... Ну вот, мы приехали!

Они вышли из летающей лодки. Иньянна увидела, что они находились на набережной. Перед нею лежал Зимр, великая река, столь широкая в этом месте, что она могла разглядеть лишь смутную зеленую полоску — это был Ниссиморн — на горизонте. А совсем рядом от нее, слева, высилась ограда из металлических пик в два человеческих роста высотой, расставленных на восемь-десять футов одна от другой и соединенных между собой тонкой, почти невидимой сетью, издававшей басовитое зловещее жужжание. А за оградой находился сад поразительной красоты с изящными низенькими кустами, усыпанными золотыми, бирюзовыми, алыми цветами и газонами, так низко и ровно подстриженными, что казалось, будто на земле раскатан изумрудный ковер. Дальше начинался пригорок, на вершине которого, на выступавшей из земли скале, возвышался огромный особняк с белыми, как было принято в Ни-мойе, стенами, казавшийся воплощением воздушной легкости, характерной для нимойского архитектурного стиля, с портиками, которые, казалось, плыли в воздухе, и балконами, немыслимо далеко выступавшими из стен. Не считая дворца самого герцога, который был виден неподалеку, лишь немного ниже по реке, Ниссиморнский окоем показался Иньянне самым красивым отдельно стоявшим зданием, которое она увидела во всей Ни-мойе за то недолгое время, что пробыла здесь. И вот об этом она думала, как о наследстве от своей двоюродной бабушки?! Ею овладел безудержный смех. Она вдруг пустилась бежать вдоль ограды, время от времени приостанавливаясь, чтобы рассмотреть домину с разных точек, и продолжала хохотать, как будто кто-то сообщил ей величайшую истину во вселенной, ту истину, в которой содержался ключ к тайнам всех остальных истин, а такая всеобъемлющая истина должна, несомненно, вызвать смех. Лилойв поспешила за ней; она окликала свою новую подругу, просила ее подождать, но та неслась вперед, будто в нее вселились бесы. Наконец она оказалась перед главными воротами, по сторонам которых возвышались, внушительно сложив все свои руки на груди, два одетых в безупречно белые ливреи стражника-скандара, самых огромных из всех, каких ей доводилось видеть. Иньянна продолжала хохотать. Скандары нахмурились. Лилойв, догнав наконец Иньянну, дернула ее за руку и шепнула, что им лучше уйти и не нарываться на неприятности.

— Подожди,— ответила Иньянна, которой в конце концов удалось смирить свой смех. Она подошла к скандарам.— Вы служите у Калейна Нимойского?

Гигантские существа взглянули на нее, как на пустое место, и ничего не ответили.

— Передайте вашему господину,— продолжала она, ничуть не задетая этим,— что Иньянна Велатисская была здесь, видела дом и передает свои сожаления, что не сможет прийти к обеду. Заранее благодарю вас.

— Пойдем! — яростно прошипела ей в ухо Лилойв.

Безразличие на волосатых лицах огромных стражников начало уступать место гневу. Иньянна сделала им изящный прощальный жест, снова расхохоталась, махнула рукой Лилойв; они вместе отбежали к летающей лодке, и Лилойв тоже присоединилась к истерическому веселью подруги.

Глава 6

Прошло много времени, прежде чем Иньянна снова увидела солнце Ни-мойи, ибо она начала в подземельях Большого базара новую жизнь, жизнь воровки. Сначала она нисколько не хотела браться за ту «работу», которой занимались Лилойв и ее родственники. Но практические соображения вскоре вынудили ее отказаться от тонкостей этики. Она не имела никакой возможности вернуться в Велатис; к тому же теперь, после того как она получила первое, пусть даже очень ограниченное, представление о Ни-мойе, у нее не было и такого желания. Там ее ничего не ждало, кроме давно уже опостылевшей жизни мелкой торговки клеем и гвоздями, фальшивым атласом и фонарями из Тил-омона. Но для того, чтобы остаться в Ни-мойе, тем не менее требовались деньги. Она не владела никакой профессией, кроме торговли, а о том, чтобы без капитала открыть здесь хоть самую захудалую лавчонку, нечего было и думать. Со дня на день ее скудные средства должны были закончиться. Она не могла отвергнуть доброжелательного предложения своих новых друзей, у нее просто не было иного выхода — они предлагали ей присоединиться к своему обществу; а ведь прибиться к какому-либо другому было очень нелегко, ну а в одиночку выжить было просто почти невозможно. Ко всему прочему, теперь, убедившись, что все ее сбережения оказались отнятыми у нее говорливыми пройдохами, она уже не так неприемлемо относилась к тому, чтобы включиться в воровскую жизнь, невзирая даже на то что она была совершенно чужда ее натуре. Так что девушка надела

на себя мужскую тунику (рост позволял ей это) и, держась немного неуклюже — чего, впрочем, вполне хватило для того, чтобы сделать обман, который никто не собирался раскрывать, достаточно правдоподобным,— под именем Кулибгая, брата мастера-вора Агурмоля, вступила в гильдию воров.

Лилойв сделалась ее наставницей. Иньянна три дня ходила следом за нею по базару, пристально наблюдая, как девушка с лиловыми волосами тут и там прихватывала что-нибудь. Порой она воровала грубо, почти не таясь, как, например, в том случае, когда она схватила висевший неподалеку от входа в лавку плащ и скрылась с ним в толпе. Порой она демонстрировала известную ловкость рук, когда нужно было стащить что-нибудь из ведра с товаром или прямо с прилавка. Ну а иногда использовался и довольно сложный обман: например, заговорить с мальчишкой-рассыльным, отвлечь его внимание обещанием поцелуев или даже чего-то побольше, пока сообщник убегает с его тележкой, полной товаров. В то же время в ее обязанности входило отваживать посторонних воров. Иньянне приходилось видеть, как Лилойв делает это, дважды или трижды за день — хватает нарушителя конвенции за руку, прожигает его яростным взглядом, произносит свистящим резким шепотом несколько слов,— и каждый раз инциденты заканчивались одинаково: испуг на лице, торопливые извинения и немедленное отступление. Иньянна спрашивала себя: сможет ли она когда-нибудь набраться храбрости, чтобы сделать то же самое? Это казалось ей более трудным делом, чем воровство, хотя она не была уверена и в том, что сможет заставить себя украсть.

На четвертый день Лилойв дала ей первое задание:

— Принеси мне бутылку драконьего молока и две бутылки золотого пилиплокского вина.

— Но они же стоят, наверное, по реалу за штуку! — ошарашенно воскликнула Иньянна.

— Совершенно верно.

— Позволь мне начать с сосисок.

— Дорогие вина тырить ничуть не труднее,— наставительно заметила Лилойв,— но куда выгоднее.

— Я не готова.

— Тебе только так кажется. Ты видела, как это делается, и сможешь сделать то же самое. Твои страхи совершенно пустые. У тебя душа вора, Иньянна!

— Как ты можешь так говорить...— возмутилась Иньянна.

— Спокойно, спокойно! Я же сделала тебе комплимент.

Иньянна кивнула.

— И все равно я думаю, что ты ошибаешься.

— А я думаю, что ты недооцениваешь себя,— сказал Лилойв.— В твоем характере есть качества, которые лучше видны со стороны. В тот день, когда мы посетили Ниссиморнский окоем, я кое-что увидела. А теперь иди, притарань мне бутылку пилиплокского золотого и бутылку драконьего молока, и не надо больше болтовни. Если тебе суждено когда-нибудь стать настоящей воровкой в нашей гильдии, то начинай сегодня.

Деваться было некуда. Но не было никакой причины рисковать, отправляясь на первое дело в одиночку. Иньянна попросила Атейна, кузена Лилойв, проводить ее, и они вместе отправились в винные ряды, расположенные в переулке Оссиера,— два молодых ничем не примечательных нимойских парня, пришедших купить чего-нибудь для веселья. Иньянной овладело странное спокойствие. Она запретила себе думать о каких бы то ни было посторонних вещах, таких как мораль, право собственности или страх перед наказанием; имело значение только задание, которое нужно было выполнить, обычная воровская работа. Некогда она содержала магазин, а теперь обворовывала магазины, и было совершенно бесполезно усложнить ситуацию философствованием и колебаниями.

За винным прилавком стоял гэйрог: ледяные никогда не мигающие глаза, глянцевая чешуйчатая кожа, извивающиеся мясистые волосы. Иньянна, сделав голос погрубее, принялась расспрашивать, сколько стоит фляжка драконьего молока, бутылка и двойная бутыль. Атейн тем временем копался в дешевых красных винах из глубинных провинций материка. Гэйрог назвал цены. Иньянна сделала вид, что шокирована. Гэйрог пожал плечами. Иньянна подняла бутылку, разглядела бледно-голубую жидкость на просвет и нахмурилась.

— Оно гораздо темнее, чем обычно,— заявила она.

— Год на год не приходится. И дракон на дракона.

— Вообще-то считается, что такие вещи должны быть одинаковыми.

— Зато действие у них всегда одно и то же,— ответил гэйрог и изобразил что-то наподобие ухмылки; это выражение плохо вязалось с холодными застывшими чертами лица, похожего на

морду пресмыкающегося.— Всего лишь несколько глотков, дружище, и вам всю ночь удержу не будет!

— Дайте-ка мне немного подумать,— заявила Иньянна.— Реал — это приличные деньги, независимо от того, насколько у меня усилится потенция. Хотя, впрочем, я и так не жалуюсь.

Эти слова были сигналом для Атейна.

— Вот это мазадонское пойло,— удивленно спросил он у продавца,— оно что, на самом деле стоит по три кроны за двойную? Я уверен, что еще на прошлой неделе его продавали за две.

— Покупайте за две, если найдете,— равнодушно ответил гэйрог.

Атейн нахмурился, потянулся, чтобы поставить бутылку назад на полку, споткнулся, взмахнул руками и повалил полряда фляжек. Гэйрог зашипел от гнева. Атейн начал хрипло, заплетающимся языком просить извинения, неуклюже попытался поставить бутылки на место и сбил еще несколько штук. Гэйрог с возмущенными воплями кинулся к витрине. Они с Атейном, мешая друг другу, принялись в четыре руки наводить порядок, и в тот же миг Иньянна засунула бутылку драконьего молока под тунику, отправила туда же бутылку пилиплокского золотого и, громко объявив: «Пойду приценюсь у других»,— вышла из лавки. Вот и все. Она заставила себя удержаться и не броситься бежать, хотя ее щеки пылали и она была уверена, что все прохожие знают, что она воровка, и что другие лавочники этого ряда вот-вот кинутся за ней, и что обворованный гэйрог уже обнаружил пропажу и пустился в погоню. Но, несмотря на все опасения, она спокойно дошла до угла, повернула налево, попала в ряд с косметикой и духами, прошла его насквозь и наконец добралась до ряда масла и сыра, где ее ожидала Лилойв.

— Забери их! — потребовала Иньянна.— Они прожгли дыры в моих сиськах.

— Хорошо сделано,— похвалила Лилойв.— Сегодня вечером мы выпьем золотого за тебя.

— А драконье молоко?

— Оставь его себе,— сказала Лилойв.— Выпьешь его с Калейном в ту ночь, когда он пригласит тебя поужинать в Ниссиморнском окоеме.

Половину той ночи Иньянна лежала с открытыми глазами, боясь уснуть, ибо со сном должны были прийти сновидения, а они наверняка принесут с собой наказание. Вино было выпито, но

бутылка драконьего молока лежала у нее под подушкой, и она испытывала сильное, почти непреодолимое желание выскользнуть ночью и возвратить ее гэйрогу. В ее душе беспокойно шевелилась длиннющая — в столетия длиной — череда предков-лавочников. Воровка, думала она, воровка, воровка, я стала воровкой в Ни-мойе. Какое право было у меня брать все это? То же самое право, ответила она себе, по которому те двое украли мои двадцать реалов? Но какое отношение к этому имел гэйрог? Они обворовали меня, а я воспользуюсь их поступком для обоснования своего права украсть у него, а он украдет у кого-нибудь еще, то к чему же это приведет? Да разве может общество выдержать такое состояние? Прости меня, Повелительница, молча молила она. Король Снов истерзает мою душу. Но в конце концов она все же уснула — не могла же она бодрствовать вечно,— и сновидения, посетившие ее, говорили о красоте и величии; во сне ее душа, покинув тело, скользила низко над землей по прекрасным проспектам Ни-мойи, мимо Хрустального бульвара, Музея миров, Паутинной галереи к Ниссиморнскому окоему, а там брат герцога взял ее под руку. Сновидение изумило ее, так как никоим образом не походило на сон-наказание. Где же мораль? Где нормы поведения? Это противоречило всему, во что она верила. Так, может быть, таково было ее жизненное предназначение — стать воровкой. Все, что происходило в течение минувшего года, постепенно подводило ее к этому. Стало быть, не исключено, что в том, чтобы она стала тем, кем стала, проявилась воля Божества. Иньянна улыбнулась в темноте. Какой цинизм! Но чему быть, того не миновать. Она не станет бороться с судьбой.

Глава 7

Она воровала часто, она воровала ловко. За первым, заставившим ее пережить столько страхов упражнением в воровстве без всякого перерыва последовали новые и новые опыты. Она свободно бродила по Большому базару, иногда с сообщниками, иногда в одиночку, и хватала все, что подворачивалось под руку. Все получалось настолько легко, что, казалось, почти не походило на преступление. Базар всегда был переполнен; говорили, что число жителей Ни-мойи приближалось к тридцати миллионам, и казалось, что все они одновременно находились на базаре. По нему постоянно протекал мощный людской поток. Торговцы, измученные вопросами, спорами, посредниками, инспекторами, были невнимательны. Так что плавать по реке состоявшей из существ множества различных рас, и хватать все, что плохо лежит, было совсем нетрудно.

Добыча в основном шла на продажу. Профессиональный вор имел право сохранять небольшую часть присвоенного для себя, так что почти все продукты употреблялись в пищу, но чуть ли не все остальное изначально предполагалось для немедленной перепродажи. Этим занимались, главным образом, хьорты, обитавшие вместе с семейством Агурмоля. Их было трое — Бийорк, Ханк и Мозинхунт,— и они являлись важной частью всеохватывающей системы сбыта краденого. Хьорты служили началом цепочки, по которой воровская добыча быстро уходила с базара в оптовую торговлю, где товары зачастую покупали те же самые торговцы, у которых они были украдены. Иньянна быстро усвоила, что пользуется спросом в торговле, а также ради чего не стоит утруждаться.

Поскольку Иньянна была новенькой в Ни-мойе, у нее поначалу все получалось довольно легко. Не все торговцы Великого базара были готовы спокойно мириться с существованием гильдии воров, и некоторые из них, знавшие в лицо Лилойв, Атейна, Сидоуна и других членов семейства, выставляли их из лавок, как только они появлялись там. Но молодой человек, называвшийся Кулибгаем, был еще неизвестен на базаре, так что Иньянна имела возможность обчистить почти бесконечное количество лавок в разных концах гигантского торжища, прежде чем жертвы запомнят ее облик.

Опасность при ее работе исходила не столько от торговцев, сколько от воров, принадлежавших к другим семействам. Они тоже не знали ее, а их наметанные взгляды выявляли новую воровку быстрее, чем она успевала заметить, что за ней наблюдают. Поэтому за первые десять дней Иньянну трижды останавливали воры из иных кланов. В первый раз она ужасно испугалась, почувствовав жесткую хватку чужой руки на своем запястье, но ей удалось сохранить спокойствие.

— Вы нарушаете конвенцию,— совершенно ровным голосом сказала она, твердо глядя в незнакомое лицо.— Я Кулибгай, брат Агурмоля.

Известие о появлении на базаре нового представителя уважаемого клана разнеслось молниеносно, и после третьего объясне-

ния Иньянну никто больше не беспокоил. Зато отлавливать чужаков самостоятельно оказалось очень трудно. Сначала она не имела никакого представления о том, как отличить зарегистрированных воров от самодеятельных, и опасалась схватить за руку представителя одного из тех родов, которые промышляли на базаре еще со времен лорда Кинникена. Прошло всего несколько дней, и она научилась безошибочно замечать действия воров, но если рядом с нею не было никого из ветеранов клана Агурмоля, с которым она могла бы посоветоваться, то она не предпринимала никаких действий. Мало-помалу она запомнила многих представителей гильдии, относившихся к другим семействам, но все же почти каждый день замечала какую-нибудь незнакомую фигуру, подозрительно перебиравшую товары на прилавках, и наконец, прожив на базаре несколько недель, почувствовала, что пора действовать. Если она наткнется на законного вора, то всегда сможет попросить прощения; но сущность системы заключалась в том, что местные воры были не только ворами, но и полицейскими, и она четко понимала, что не справляется со второй частью своих обязанностей. Первой ее жертвой оказалась какая-то грязная девчонка, пытавшаяся украсть овощи; Иньянна едва успела произнести несколько слов, как девчонка бросила свою жалкую добычу и в страхе пустилась бежать. Следующий оказался ветераном гильдии, к тому же отдаленно связанным с Агурмолем, который дружелюбно объяснил Иньянне ее ошибку. А третий пойманный, промышлявший незаконно, но не испугавшийся, осыпал Иньянну градом проклятий и угрозы. В ответ на это Иньянна совершенно спокойно соврала, что за ними сейчас наблюдают еще семеро воров из гильдии, которые немедленно вмешаются в случае малейшего осложнения. После этого она уже не чувствовала никакой растерянности и действовала свободно и уверенно всякий раз, когда считала это необходимым.

И, за исключением ночи после первой попытки, она не испытывала никаких угрызений совести. Она с детства усвоила, что грех неизбежно повлечет за собой месть Короля Снов — мучительные кошмары, душевная лихорадка всякий раз, когда она закроет глаза,— но Король или не считал это мелкое воровство грехом, или он и его приближенные были настолько заняты более серьезными преступниками, что не имели времени для того, чтобы взяться за нее. Но, так или иначе, Король не присылал ей никаких посланий. Иногда она видела его во сне — старого жес-

токого людоеда, рассылающего кошмары из выжженных зноем пустынь Субраэля,— но в этом не было ничего необычного: Король время от времени являлся каждому, и это почти ничего не значило. Иногда Иньянна видела в снах благословенную Хозяйку Острова, добрую мать короналя лорда Малибора, и ей казалось, что милая немолодая женщина печально качает головой, словно хочет сказать, что она горестно разочарована своим ребенком Иньянной. Но ведь именно Повелительница должна была настоятельно предостерегать тех, кто сошел с верного жизненного пути, а она, казалось, не намеревалась говорить ничего определенного. И, не имея должного морального наставления, Иньянна быстро нашла удобную точку зрения на свою новую профессию: это не преступление, а просто перераспределение имущества. В конце концов, никто, казалось, от этого сильно не страдал.

Спустя некоторое время она взяла себе в любовники Сидоуна, старшего брат Лилойв. Он был мал ростом — заметно меньше Иньянны — и настолько костляв, что обниматься с ним было не совсем обычным занятием, но оказался ласковым и задумчивым человеком, прекрасно играл на карманной арфе и пел чистым легким тенором старинные баллады. Иньянна все чаще выходила с ним на промысел и радовалась тому, что обрела его общество. В подземелье клана Агурмоля была сделана перестановка, и теперь они могли проводить ночи вместе. Лилойв и другие воры, казалось, радовались такому развитию событий.

В компании Сидоуна она все дальше и дальше углублялась в огромный город. Они столь удачно действовали вместе, что частенько успевали выполнить план — глава клана каждый день составлял планы для всех своих родственников — к часу или двум дня, так что большая часть дня оставалась у них свободной, ибо превышать квоту не разрешалось: негласный общественный договор Большого базара разрешал ворам безнаказанно брать достаточно ограниченное количество товаров. И у Иньянны появилась возможность совершать экскурсии в изумительные предместья Ни-мойи. Одним из ее любимых мест стал Парк Сказочных Зверей, расположенный в холмистом пригороде Гимбелук, где она могла бродить среди животных других эпох, вытесненных из исконных мест обитания развитием цивилизации. Здесь она видела таких диковинных зверей, как с трудом ковылявшие шаткой походкой димильоны, хрупкие длинноногие листоеды вдвое выше самого крупного скандара, легко, словно танцуя,

бегавшие сигимойны, имевшие с обоих концов туловища обросшие густым мехом хвосты, и неуклюжие птицы зампидуны с огромными клювами; их огромные стаи некогда затмевали небо над Ни-мойей, а теперь эти птицы существовали только в парке, да еще в качестве одной из официальных эмблем города. Всякий раз, когда одно из этих существ проходило поблизости, откуда-то из земли доносились голоса, сообщавшие зрителям его название и рассказывавшие о месте его первоначального обитания; это было неведомое волшебство, секреты которого, вероятно, были утрачены еще в незапамятные времена. В парке были также прекрасные уединенные поляны, где Иньянна и Сидоун могли гулять, взявшись за руки. Они почти не разговаривали, ибо Сидоун был очень молчаливым человеком. А порой они садились на лодку и отравлялись плавать по Зимру, переправлялись на ниссиморнский берег или же поднимались по течению Стейча, по которому, если плыть достаточно долго, можно было попасть на запретную территорию меняющих форму. Но для этого требовалось несколько недель, а они добирались лишь до небольшой рыбацкой деревушки, населенной лиименами, где покупали свежепойманную рыбу и устраивали пикники на берегу, плавали и загорали. Иногда, безлунными ночами, они ходили на Хрустальный бульвар, где автоматически поворачивавшиеся отражатели кидали в разные стороны пучки ослепительного света, и благоговейно взирали на витрины магазинов крупнейших торговых компаний Маджипура; протянувшиеся вдоль тротуаров выставки дорогих товаров, столь величественные и пышно оформленные, что даже у самого смелого вора не хватало духу совершить попытку украсть что-нибудь оттуда. А еще они довольно часто обедали в одном из плавучих ресторанов, и обычно брали с собой Лилойв, так как эти места нравились ей больше всего в городе. Каждый остров был миниатюрной копией какой-нибудь отдаленной части планеты; здесь высаживались произраставшие в тех местах растения, среди которых прогуливались обитавшие там животные, и подавались особые блюда и вина. В ресторане, представлявшем ветреный Пилиплок, те, у кого было достаточно денег, ели мясо морского дракона, на острове сырого Нарабаля подавали прекрасные фрукты и сочные папоротники; а еще был ресторан великого города Сти, что на Замковой горе, и ресторан Стойена, и ресторан Пидруида, и ресторан Тил-омона — но не было ресторана Велатиса (Иньянна ничуть

не удивилась этому), не было ресторана Илиривойна, столицы меняющих форму, хотя этот город вполне заслуживал своего острова, не было ресторана выжженного яростным южным солнцем Толагая, что на Сувраэле, ибо Толагай и Илиривойн были такими местами, о которых большая часть населения Маджипура не любила думать, а Велатис просто не заслуживал внимания.

Однако из всех мест, которые Иньянна посещала вместе с Сидоуном во время своего досуга, самым любимым была Паутинная галерея. В этой огромной, в милю длиной, галерее, висевшей высоко над широким проспектом, находились самые прекрасные магазины Ни-мойи, что означало: лучшие на всем Зимроэле, лучшие на всей планете, не считая, пожалуй, только великих городов Замковой горы. Направляясь туда, Иньянна и Сидоун надевали лучшие свои одежды, добытые в самых дорогих лавках Великого базара; конечно, они не шли ни в какое сравнение с тем, что носили аристократы, но сильно отличались в лучшую сторону от их повседневных одеяний. Иньянна любила снимать мужские костюмы, которые ей приходилось носить в ее роли вора Кулибгая, одеваться в облегающие пурпурные и зеленые платья и распускать свои длинные рыжие волосы. Еле заметно опираясь кончиками пальцев на руку Сидоуна, она шествовала по галерее и, развлекаясь про себя милыми фантазиями, разглядывала монокли из драгоценных камней, маски из перьев, сверкающие амулеты и металлические безделушки, купить которые могли, вероятно, лишь два-три десятка представителей родов высшей аристократии, по-настоящему богатые люди. Она знала, что у нее никогда не будет ни одной из этих вещиц, ибо существование вора, который воровал настолько успешно, чтобы позволить себе такую роскошь, представляло бы опасность для стабильности Великого базара, но ей было просто приятно разглядывать сокровища Паутинной галереи и притворяться покупательницей.

Именно во время одной из таких прогулок по Паутинной галерее орбита жизни Иньянны пересеклась с орбитой жизни Калейна, брата герцога.

Глава 8

Конечно, она не имела никакого понятия о том, к чему все это приведет. Ей казалось, что она ведет лишь легкий невинный флирт, являвшийся частью тех приятных вымыслов, бла-

годаря которым посещения галереи доставляли ей такое удовольствие. Был очень теплый вечер последних дней лета, и она надела одно из самых легких своих платьев, из почти прозрачной ткани, даже тоньше, чем та паутина, из которой была соткана галерея. Они с Сидоуном находились в магазине, торговавшем резными изделиями из кости дракона, любуясь изумительными шедеврами — каждый из них мог поместиться на ногте большого пальца,— созданными неким скандаром, капитаном речного судна, капитана лодки, огромные руки которого соединяли между собой тончайшие костяные пластинки так, что не было заметно ни единого шва, когда туда вошли четверо мужчин, в которых по одежде можно было угадать очень знатных людей. Сидоун сразу же скрылся в самом темном углу, так как прекрасно знал, что его одежда, стрижка его волос и его манеры сразу покажут, что он не ровня вновь прибывшим. Но Иньянна, сознавая, что формы тела и холодный взгляд ее зеленых глаз отлично возмещают все изъяны в умении держаться, смело осталась возле прилавка.

— Если вы купите это, то считайте, что вам повезло,— заметил один из вновь пришедших, взглянув на вещицу, которую она держала в руке.

— Я еще не решила,— безмятежно откликнулась Иньянна.

— Можно мне тоже посмотреть?

Она осторожно положила безделушку на ладонь мужчине, одновременно позволив себе вызывающе глянуть ему в глаза. Он улыбнулся, но тем не менее сосредоточился на костяной игрушке, представлявшей собой глобус Маджипура, сложенный из множества отполированных до шелковистой гладкости кусочков кости.

— Сколько? — посмотрев несколько секунд на вещицу, обратился он к хозяину.

— Это подарок,— ответил стройный строгого вида гэйрог, стоявший за прилавком.

— Ну что ж. А я передарю эту штучку вам,— сказал дворянин, вновь вложив безделушку в руку изумленной Иньянны. Его улыбка стала теплее.

— Вы из этого города? — спокойно спросил он.

— Я живу на Стрелке,— ответила Иньянна.

— Вы часто обедаете на Нарабальском острове?

— Когда бывает настроение.

— Прекрасно. Не собираетесь ли вы туда завтра вечером, к закату? Там будет один человек, который будет рад познакомиться с вами.

Скрывая замешательство, Иньянна поклонилась. Дворянин поклонился в ответ и отвернулся; он купил три резных безделушки, небрежно бросил на прилавок кошелек, туго набитый монетами, а затем все четверо ушли. Иньянна, пребывая в изумлении, рассматривала драгоценную игрушку.

— Эта штука стоит дюжину реалов! Продай ее обратно хозяину! — прошептал неслышно возникший из тени Сидоун.

— Нет,— тоже шепотом ответила она.— Кто был этот человек? — обратилась она к хозяину.

— Вы не знакомы с ним?

— Я не стала бы спрашивать у вас его имя, если бы знала его.

— Ну, конечно, конечно...— Гэйрог издал несколько негромких шипящих звуков.— Это Дюранд Ливолк, гофмейстер герцога.

— А остальные?

— Двое — это приближенные слуги герцога, а третий — друг Калейна, брата герцога.

— А-а,— почти равнодушным тоном протянула Иньянна.— Вы можете подвесить это на цепочку? — спросила она, протянув хозяину глобус.

— Подождите несколько секунд.

— А цепь будет стоить столько же, сколько и само изделие?

Гэйрог смерил ее долгим оценивающим взглядом.

— Цепочка служит только приложением к изделию,— сказал он наконец,— а так как изделие было подарено, то и цепочка тоже будет подарком.— Он ловко прицепил к костяному глобусу тонкую золотую цепочку, упаковал безделушку в блестящую коробочку и заклеил кусочком липкой ленты.

— С цепью по меньшей мере двадцать реалов! — ошарашенно пробормотал Сидоун, когда они вышли.— Иньянна, смело заходи в любой другой магазин и требуй эту цену.

— Это был подарок,— холодно ответила она.— Я надену его завтра вечером, когда поеду обедать на Нарабальский остров.

Она не могла пойти на обед в том же платье, которое было на ней накануне, а поиски другого, столь же дорогого и простого на вид в лавках Великого базара потребовали от нее на следующий день двух часов прилежной работы. Но в конце ей все же удалось найти такое, которое, почти не скрывая наготы, тем не

менее придавало телу загадочность, и именно в нем она отправилась на Нарабальский остров, а на груди у нее висел костяной глобус.

В ресторане ей не потребовалось называть свое имя. Как только она сошла с парома, ее встретил мрачный и напыщенный вруун в герцогской ливрее, который проводил ее через пышные заросли похожих на виноград вьющихся растений и папоротников к укрытой ветвями ароматных растений уединенной беседке, отгороженной от предназначенной для рядовой публики части ресторана плотной живой изгородью. Там, сидя за столом из сияющего полированного дерева ночной красавицы, над которым низко нависала лиана, толстый волосатый стебель которой был густо усыпан огромными шаровидными синими цветами, ее ждали трое — Дюранд Ливолк, тот самый, который подарил ей драгоценный костяной глобус, изящная женщина с темными волосами, такими же гладкими и блестящими, как столешница, и еще один мужчина, примерно вдвое старше Иньянны, хрупкого сложения, изящно построенного, с тонкими напряженно сжатыми губами и мягкими чертами лица. Все трое были одеты с таким великолепием, что Иньянна мысленно съежилась, представив себе, как же убого она должна выглядеть со стороны. Дюранд Ливолк не спеша, но быстро поднялся с места и сделал несколько шагов навстречу Иньянне.

— Вы сегодня кажетесь еще прекраснее, чем вчера. Прошу, знакомьтесь. Мою спутницу зовут леди Тисиорна. А это...

Худощавый поднялся на ноги.

— Я Калейн Нимойский,— просто сказал он мягким чуть хриплым голосом.

Иньянна почувствовала смущение, но лишь на несколько секунд. Она-то думала, что понравилась гофмейстеру герцога и он пригласил ее для себя, а теперь поняла, что Дюранд Ливолк просто-напросто хотел предложить ее брату герцога. От этой мысли в ней на мгновение вспыхнуло негодование, впрочем оно тут же угасло. Стоит ли возмущаться? Разве у многих молодых женщин Ни-мойи была возможность пообедать на Нарабальском острове в обществе брата герцога? Если кто-то подумает, что ею воспользовались,— ну и что из того?

А лично она постарается в ответ тоже воспользоваться выпавшим на ее долю шансом.

Для нее было приготовлено место рядом с Калейном. Она села, и тот же самый вруун немедленно притащил поднос с бока-

лами, в которые были налиты какие-то незнакомые ей напитки, блестевшие разными цветами, переливавшимися и, казалось, светившимися. Она взяла бокал наугад; его содержимое имело аромат горного тумана, а сделав глоток, она сразу же почувствовала, что ее щеки и уши начали покалывать микроскопические иголочки. Послышался негромкий шум дождя, поливавшего широкие глянцевые листья деревьев и лиан, но не на обедающих. Богатая тропическая растительность этого острова,— Иньянна уже знала это — поддерживалась частыми искусственными ливнями, имитировавшими климат Нарабаля.

— У вас есть здесь любимые блюда? — спросил Калейн.

— Я предпочла бы, чтобы вы заказали для меня что-нибудь на ваш вкус.

— Как вам будет угодно. Судя по вашему акценту, вы не из Ни-мойи.

— Из Велатиса,— ответила она.— Я приехала сюда только в прошлом году.

— Мудрый поступок,— заметил Дуранд Ливолк.— И что же подвигло вас на это?

Иньянна рассмеялась.

— Думаю, что лучше расскажу эту историю в другой раз, если выдастся такая возможность.

— Ваш акцент очарователен,— сказал Калейн.— Мы нечасто видим здесь обитателей Велатиса. Это на самом деле красивый город?

— Я бы так не сказала, мой господин.

— Он разместился в самом сердце Гонгарских гор... Наверное, эти огромные вершины, возвышающиеся со всех сторон, очень красивы.

— Вполне возможно. Но одни приезжают куда-то издалека, чтобы восхищаться пейзажами, а другие проводят среди них всю свою жизнь. Возможно, даже Ни-мойя рано или поздно начинает скучной тому, кто вырос здесь.

— И где вы живете? — спросила Тисиорна.

— В Стрелейне,— ответила Иньянна. А затем, почувствовав неудержимое желание созорничать — видимо, потому, что выпитое спиртное уже начало действовать на нее,— добавила: — На Большом базаре.

— На Большом базаре? — удивленно откликнулся Дюранд Ливолк.

— Да. Под рядом торговцев сыром.

— И по какой же причине вы решили поселиться именно там? — продолжала допытываться Тисиорна.

— О,— беззаботно ответила Иньянна,— конечно для того, чтобы быть поближе к рабочему месту.

— В ряду торговцев сыром? — сказала Тисиорна; в ее голосе явственно прозвучал ужас.

— Вы не поняли меня. Я работаю на базаре, но не торгую. Я воровка.

Слово, сорвавшееся с ее языка, произвело эффект молнии, ударившей в горную вершину. Иньянна заметила, как Калейн изумленно взглянул на Дюранда Ливолка, а тот ответил ему таким же обескураженным взглядом и немного изменился в лице. Но она сидела за столом с аристократами, которые воистину по-аристократически умели владеть собой. Калейн первым оправился от удивления.

— Я всегда был уверен, что для этой профессии требуется дарование, ловкость и сообразительность.— Он прикоснулся своим бокалом к бокалу Иньянны.— Я приветствую вас, воровка, которая прямо говорит о том, чем она занимается. В этом видна честность, которой очень недостает многим другим.

Вновь появился вруун; на сей раз он принес большую фарфоровую чашу с бледно-голубыми с белыми пятнами ягодами, казавшимися восковыми. Иньянна знала, что это токка, очень любимая нарабальцами. Говорили, что она заставляет кровь бежать быстрее и разжигает страсть. Она взяла из чаши несколько ягод; Тисиорна кончиками пальцев выудила одну, Дюранд Ливолк взял почти полную горсть, а Калейн еще больше. Иньянна заметила, что брат герцога ел ягоды вместе с семечками; она слышала, что это усиливает их действие. Тисиорна семечки выплюнула — Дюранд Ливолк криво усмехнулся, заметив это. Иньянна решила не следовать примеру Тисиорны.

Затем последовали разные вина, и приготовленная с пряностями рыба, и устрицы, плавающие в собственном соку, и блюдо с какими-то неведомыми ей мелкими разноцветными грибами мягких пастельных оттенков, и увенчал все целиком зажаренный ароматный окорок огромного билантуна — такие водятся лишь в лесах к востоку от Нарабаля, сказал Калейн. Иньянна ела понемногу, пробуя понемногу от каждого блюда. Ей казалось, что так будет разумнее. Через некоторое время появились несколько

скандаров-жонглеров; они принялись выделывать непередаваемые чудеса с факелами, ножами и топорами, а все четверо обедающих от души аплодировали им. Калейн бросил нескладным с виду четвероруким артистам сверкающую монету — пять реалов, с изумлением сообразила Иньянна. Потом снова пошел дождь, и на них точно так же не попало ни капли, потом принесли другие напитки, после чего Дюранд Ливолк и Тисиорна с изысканной учтивостью попрощались и ушли, оставив Калейна и Иньянну наедине в туманном полумраке.

— И вы на самом деле воровка? — спросил Калейн.

— На самом деле. Но этим я занимаюсь недавно. В Велатисе у меня был магазин.

— А затем?

— Я лишилась его, попавшись на обман,— ответила она.— Оказалась без гроша в Ни-мойе, мне нужно было чем-то заняться, и я присоединилась к ворам, которые показались мне разумными и доброжелательными людьми.

— А сейчас вы попали к куда более крупным ворам,— сказал Калейн.— Это не тревожит вас?

— Значит, вы считаете себя вором?

— Я занимаю высокое положение только благодаря случайности рождения. Я не работаю, разве что изредка помогаю брату, когда ему что-то нужно. Я живу в великолепии, недоступном человеческому воображению. Ничего этого я не заслужил. Вы видели мой дом?

— Я очень хорошо его знаю. Конечно, снаружи.

— А не согласились бы вы этой ночью осмотреть его изнутри?

В голове Иньянны промелькнула мысль о Сидоуне, ожидавшем ее в комнате с беленными стенами под рядом торговцев сыром.

— Охотно,— сказала она.— А когда я увижу его, то расскажу вам небольшую историю обо мне самой, о Ниссиморнском окоеме и о том, почему я оказалась в Ни-мойе.

— Уверен, что это будет чрезвычайно интересно. Ну что, пойдемте?

— Да,— согласилась Иньянна.— Но, надеюсь, вам не составит труда сначала ненадолго завезти меня на Большой базар?

— У нас впереди целая ночь,— сказал Калейн.— Нам некуда торопиться.

Появился одетый в ливрею вруун и, светя под ноги фонарем, проводил их через похожий на джунгли сад к причалу, возле

которого ожидал частный паром. На нем они переправились в город, где их встретила летающая лодка, и вскоре Иньянна оказалась на площади перед Пидруидскими вратами.

— Я вернусь через несколько минут,— шепнула она и, похожая на привидение в своем тончайшем облегающем платье, стремительно углубилась в толпу, которая даже в этот час все еще заполняла базар. Спустилась в подземное логово. Воры, собравшись вокруг стола, играли в какую-то игру со стеклянными фишками и костями из черного дерева. Они сразу же заметили ее и приветствовали ее великолепное появление, но она ответила только быстрой напряженной улыбкой и отвела Сидоуна в сторону.

— Я снова ухожу и не вернусь сегодня ночью,— чуть слышно сказала она.— Ты простишь меня?

— Не каждой женщине удается поразить воображение гофмейстера герцога.

— Не гофмейстера герцога,— ответила она,— а брата герцога.— Она легко прикоснулась губами к губам Сидоуна, а тот стоял, выпучив остекленевшие от неожиданности глаза.— Давай поедем завтра в Парк Сказочных Зверей, а, Сидоун?

Она еще раз поцеловала его снова, пробежала в свою спальню и вынула из-под подушки бутылку драконьего молока, которая лежала там уже несколько месяцев. В центральной комнате она остановилась возле игорного стола, склонилась к Лилойв и показала ей бутылку. Глаза Лилойв широко раскрылись.

— Помнишь, для чего я его храню? — подмигнув, спросила Иньянна.— Ты сказала, чтобы я выпила его с Калейном, когда отправлюсь в Ниссиморнский кругозор. Ну вот...

Лилойв раскрыла и закрыла рот, не в силах вымолвить ни слова. Иньянна еще раз подмигнула, поцеловала ее и вышла.

Той же ночью, много позже, достав бутылку с драконьим молоком и подав ее брату герцога, она внезапно почувствовала почти панический страх: а не могла ли она совершить грубейшее нарушение этикета, предложив ему афродизак и таким образом намекнув на то, что он может потребоваться партнеру. Но, судя по виду Калейна, его это нисколько не задело. Наоборот, он, казалось, был тронут ее подарком (хотя, возможно, искусно притворился) и устроил целое представление, торжественно наливая голубое молоко в специальные чашечки из тончайшего, почти прозрачного фарфора, и, как будто выполняя какой-то высочайший обряд, вложил одну чашечку ей в руку, а вторую высоко в приветственном жесте. Иньянна впервые попробовала драконье

молоко; оно имело резкий и странный вкус, она не сразу решилась проглотить его, но все же справилась с собой, протолкнула его в глотку и почти сразу же почувствовала, как ее бедра налились теплом. Калейн улыбнулся. Они находились в Зале окон Ниссиморнского окоема, где вместо стен было множество огромных листов стекла, вставленных в золотые рамы, сквозь которые открывался круговой обзор на пристани Ни-мойи и отдаленный южный берег реки. Калейн коснулся выключателя. Огромное окно мгновенно стало непрозрачным, а из пола бесшумно поднялась большая круглая кровать. Он взял Иньянну за руку и подвел к ложу.

Глава 9

Надеяться занять положение постоянной любовницы брата герцога было чрезмерно высокой амбицией для воровки с Великого базара. Иньянна не питала никаких иллюзий по поводу своих отношений с Калейном. Несомненно, Дюранд Ливолк выбрал ее за одну только внешность, за красивые глаза, густые яркие волосы, возможно, за манеру держаться. Калейн, хотя, конечно, ожидал, что она окажется несколько ближе к его классу, очевидно нашел кое-что заманчивое в том, чтобы сблизиться с женщиной из самых низов общества, и в результате она получила прекрасный вечер на Нарабальском острове и ночь в Ниссиморнском окоеме. Это была прекрасная интерлюдия в ее мечтах, а утром ей предстояло возвратиться на Большой базар с воспоминаниями, которые она будет хранить всю жизнь, и с этим ничего нельзя было поделать.

Но все вышло не так.

Они совсем не спали той ночью — интересно, это было результатом действия драконьего молока, думала она, или таким он был всегда? — и на рассвете они нагишом отправились гулять по огромному дому, и хозяин показывал ей свои сокровища, а когда они завтракали на веранде, выходившей в сад, он предложил ей устроить днем пикник в его собственном парке в Истмой. Значит, приключение не должно было ограничиться одной ночью? Она задумалась было, не стоит ли ей послать Сидоуну на базар сообщение о том, что она не вернется и днем, но сразу же поняла, что Сидоуну не нужно ничего говорить. Он сделает из ее молчания верный вывод. Она не хотела причинять ему боли,

но, с другой стороны, их связывали друг с другом лишь обоюдные удовольствия. Теперь она оказалась вовлечена в одно из крупнейших событий своей жизни и когда вернется на Большой базар, то вернется не ради Сидоуна, а просто потому, что приключение закончится.

Она провела с Калейном следующие шесть дней. Днем они плавали по реке в его роскошной яхте, или гуляли, взявшись за руки, по парку герцога, где обитало много таких же зверей, которыми она любовалась в Парке Сказочных Зверей, или просто лежали на веранде Ниссиморнского окоема, следя за тем, как солнце проплывает над материком от Пилиплока к Пидруиду. А по ночам они кутили; пировали то на одном, то на другом из плавучих островов, то в доме какого-то знатного семейства, а однажды даже во дворце самого герцога. Герцог очень мало походил на Калейна: он был намного крупнее и намного старше, с грубоватыми манерами и держался так, словно смертельно устал. Все же он сумел быть чрезвычайно любезным с Иньянной, обращался к ней с величайшим почтением и серьезностью и ни разу не заставил ее почувствовать себя уличной девкой, которую знатный вельможа подцепил на базаре. Иньянна проплывала сквозь все эти события с ощущением почти равнодушного приятия их, какое, бывало, испытывала в снах. Она знала, что демонстрировать вельможам преклонение перед ними глупо, что такое поведение может произвести лишь отталкивающее впечатление. Притворяться, что она одного с ними ранга и равна по образованности и светскости было бы еще хуже. Но она сумела держаться скромно без униженности, достойно без хвастовства, и это, казалось, было то, что нужно. Спустя всего лишь несколько дней ей уже казалось естественным сидеть за одним столом с сановниками, которые недавно возвратились с Замковой горы со свежими сплетнями насчет короналя лорда Малибора и его придворных, или же вспоминали, как охотились в северных марках вместе с понтифексом Тиеверасом, когда тот был короналем при Оссиере, или делились впечатлениями от бесед во Внутреннем храме с Хозяйкой Острова Сна. Находясь в обществе сильных мира сего, она почувствовала такую уверенность в себе, что если бы кто-либо из них обратился к ней с вопросом: «А вы, госпожа, чем занимались в последние месяцы?», то она, нисколько не колеблясь, ответила бы: «Воровала на Большом базаре», как она сделала в первый вечер на Нарабальском острове. Но вопрос не возникал: на этом уровне общества, поняла она, никто никогда не проявлял праздного любопытства к другим, а предоставлял всем возможность обнародовать свои биографии в той степени и с той точки зрения, какую они предпочитали.

И потому, когда на седьмой день Калейн велел ей приготовиться к возвращению на базар, она не стала спрашивать его, перестало ли ему нравиться ее общество, или она просто надоела ему. Он выбрал ее себе в спутницы на время; теперь это время закончилось, и так тому и быть. А она никогда не забудет эту неделю.

Хотя, конечно, возвращение в логово воров было для нее ударом. Роскошная летающая лодка довезла ее от Ниссиморнского окоема до Пилиплокских врат Большого базара, и слуга Калейна вложил ей в руки коробочку с теми драгоценностями, которые Калейн дарил ей в течение этой недели, их недели. Потом машина ушла, а Иньянна спустилась в потный хаос базара, и это было подобно пробуждению от редкого волшебного сновидения. Когда она проходила по переполненным, как всегда, торговым рядам, ее не окликнул ни единый человек, так как на базаре ее знали в облике хилого и нескладного мужчины Кулибгая, а сейчас на ней была женская одежда. Она молча скользила сквозь бурлящие толпы, продолжая все еще ощущать вокруг себя ауру аристократизма, которая, однако, с каждой секундой таяла, уступая место набиравшим силу чувствам подавленности и утраты, ибо теперь ей стало окончательно ясно, что сон закончился и она заново вступила в действительность.

Сегодня вечером Калейн должен был обедать с прибывшим с визитом герцогом Мазадонским, а завтра вместе с гостями отправится на рыбалку — вернее будет сказать, в рыбацкую экспедицию — по реке Стейч, а послезавтра... Нет, этого она не знала, зато знала точно, что она послезавтра будет воровать кружева, склянки духов и отрезы ткани. В ее глазах вскипели было слезы, но она сдержала их, строго сказав себе, что это все глупость, что она должна не оплакивать свое возвращение из Ниссиморнского окоема, а скорее радоваться тому, что была вознаграждена неделей пребывания там.

В обиталище клана оказались только хьорт Бийорк и один из метаморфов. Когда Иньянна вошла, они просто кивнули, как будто не видели ее всего лишь несколько часов. Она прошла в свою комнату и сразу же переоделась в костюм Кулибгая. Но

она не смогла заставить себя так же в один миг вернуться к воровству. Она аккуратно поставила коробочку с драгоценностями и дорогими сувенирами, подарками Калейна, под кровать. Продав их, она смогла бы выручить такие деньги, с которыми можно было бы года два, а то и больше, не воровать, но она не собиралась расставаться даже с самой никчемной из этих безделушек. Выйду на базар завтра, решила она. Ну а сейчас она легла ничком на кровать, которую ей предстояло снова разделить с Сидоуном, а когда вновь подступили слезы, она позволила им свободно течь и через некоторое время поднялась, чувствуя себя почти успокоившейся, умылась и стала ждать появления остальных.

Сидоун приветствовал ее с достоинством дворянина. Он не стал задавать никаких вопросов по поводу ее приключения, не выказал ни намека на недовольство, никаких хитрых инсинуаций, а просто улыбнулся, взял ее под руку, сказал, что рад ее возвращению, предложил ей алханроэльского вина, которое только что украл, и рассказал пару историй о событиях, произошедших на базаре за время ее отсутствия. Она подумала, не помешает ли ему знание о том, что последним человеком, касавшимся ее тела, был брат герцога, заниматься с нею любовью, но нет, когда они оказались в постели, он нежно, но решительно взял ее, и его нескладное костлявое тело так же тепло и ласково, как и прежде, качалось на ней. На следующий день, совершив положенный обход базара, они вместе поехали в Парк Сказочных Зверей и впервые увидели там госсимоля из долины Глэйдж — тело этого зверя был таким тонким, что его было почти невозможно разглядеть в лесу,— они следили за ним, пока он не исчез, слившись с окружающим пейзажем, и смеялись, как будто не разлучались вовсе.

Другие воры в течение нескольких дней поглядывали на Иньянну с некоторым страхом, поскольку они знали, где она была и что она могла там делать, и это пребывание в высших сферах наложило на нее отпечаток чуждости. Но одна только Лилойв однажды осмелилась прямо заговорить с ней об этом, бросив как бы мимоходом:

— И что же он увидел в тебе?

— Откуда я знаю? Это все было как во сне.

— Я думаю, что это было справедливо.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что тебя обманули, пообещав Ниссиморнский окоем, и то, что произошло, явилось возмещением для тебя. Ну что, видишь, что Божество уравновешивает добро и зло? — Лилойв рассмеялась.— Ты ведь получила обратно те двадцать реалов, на которые тебя нагрели те двое кидал?

Действительно, получила, согласилась Иньянна. Но она скоро обнаружила, что долг был выплачен еще не полностью. Утром в Звездный день, пробираясь между ларьками менял и подхватывая то тут, то там по монете-другой, она почувствовала, как кто-то схватил ее за запястье. Какой еще дурак-вор нашелся, подумала она, не узнали меня, что ли, и хотят выпроводить с базара? Но это оказалась Лилойв; девушка была совсем не похожа на себя; ее щеки ярко пылали от волнения, а глаза, казалось, готовы были выскочить из орбит.

— Быстро бросай все и беги домой! — крикнула она.

— Что случилось?

— За тобой приехали два врууна. Тебя вызывает Калейн, и они говорят, что ты должна упаковать все свои вещи, потому что никогда больше не вернешься на Большой базар.

Глава 10

Вот так Иньянна Форлана Велатисская, бывшая воровка, поселилась в Ниссиморнском окоеме как постоянная любовница Калейна Нимойского. Калейн не дал ей никаких объяснений, а она не стала требовать их. Он хотел, чтобы она была рядом, и этого было вполне достаточно. В течение первых нескольких недель она все еще каждое утро ожидала приказа приготовиться к возвращению на базар, но этого не происходило, и через некоторое время она почти забыла об этих опасениях. Куда бы Калейн ни ездил, он брал ее с собой: охотиться на гихорнов в болотах Зимра, в сверкающий Дюлорн, где они целую неделю смотрели представления в Непрерывном цирке, в Кинтор на Фестиваль гейзеров, даже в таинственный дождливый Пиурифэйн, чтобы ознакомиться с бытием сокрытой от большинства обитателей Маджипура родины меняющих форму. Эта женщина, проведшая первые двадцать лет своей жизни в захудалом Велатисе, начала принимать как должное то, что она путешествует почти как корональ, совершающий великое паломничество, сидя бок о бок с братом правящего герцога. Но она никогда не утрачивала пер-

спективного видения, позволявшего ей сознавать всю иронию и даже несообразность тех странных перемен, которые произошли в ее жизни.

И при этом она не испытала чрезмерного удивления, даже когда оказалась за столом рядом с самим короналем. Лорд Малибор прибыл в Ни-мойю с официальным визитом. Обычай и здравый смысл требовал от правящего монарха совершать такие поездки по западному континенту каждые восемь или десять лет, чтобы тем самым показать жителям Зимроэля, что они значат для него ничуть не меньше, чем обитатели его родного Алханроэля. Герцог устроил положенный такому высокому гостю банкет, и Иньянна была посажена за верхний стол. По правую руку от нее сидел кораль, по левую Калейн, с другой стороны от лорда Малибора расположились герцог и герцогиня. Конечно, в школе Иньянна заучивала имена великих короналей прошлого, Стиамота, Конфалюма, Престимиона, Деккерета и многих других, а ее мать часто вспоминала о том, что именно в самый день ее рождения в Велатис пришло известие о кончине понтифекса Оссиера и о том, что лорд Тиеверас, унаследовавший верховный престол, выбрал новым короналем некоего Малибора, жителя Бомбифэйла. А вскоре появились новые монеты, изображавшие этого самого лорда Малибора, человека с тяжелым лицом, широко расставленными глазами и большими бровями. Но все равно все эти годы она в глубине души продолжала испытывать некоторые сомнения по поводу реальности существования таких людей, как коронали и понтифекси, а сейчас ее локоть находился всего в нескольких дюймах от локтя лорда Малибора, и она изумлялась только тому, насколько этот высокий и массивный человек в одеянии имперских — зеленого и золотого — цветов походил на изображение на монетах. Она не думала, что эти чеканные портреты окажутся настолько точными.

Она ожидала, что кораль будет говорить только о государственных делах. На самом деле лорд Малибор говорил, главным образом, об охоте, о том, как он ездил в некое отдаленное место, чтобы убить какое-то редкое животное, а в другое почти недоступное гиблое место за головой еще одного опасного и умело скрывающегося зверя, и так далее, и так далее; о том, что он пристроил к Замку новое крыло, где будет хранить все свои трофеи.

— Я уверен,— говорил ей кораль,— что через год или два вы с Калейном посетите меня в Замке. Зал Трофеев к тому времени будет полностью готов. Вы наверняка с удовольствием посмотрите на его экспонаты; там будет множество чучел, изготовленных искуснейшими таксидермистами из всех городов Горы.

Иньянна действительно мечтала побывать в Замке лорда Малибора. Огромный дом, традиционная обитель короналей, был легендарным местом, порой являвшимся в снах всем жителям Маджипура, и она не могла вообразить ничего более замечательного, чем подняться на самую вершину Замковой горы и побродить по бесчисленным комнатам этого древнего — тысячи и тысячи лет — здания. Но одержимость лорда Малибора убийством живых существ ей претила. Когда он рассказывал о том, как убивал аморфиботов и гхалваров, сигимойнов и ститмоев, о том, сколько сил ему пришлось затратить для того, чтобы прикончить того или иного зверя, Иньянна вспоминала о нимойском Парке Сказочных Зверей, где по приказу гораздо менее кровожадного короналя те же самые животные издавна находились под защитой и бережной опекой, а это приводило ей на память тихого тощего Сидоуна, который так часто бывал с нею в этом парке и негромко и нежно играл там на своей карманной арфе. Она не хотела думать о Сидоуне, к которому испытывала какую-то смешанную с виной привязанность, хотя и не была ничем ему обязана, и она также не хотела слушать похвальбу о том, как убивают редких животных ради того, чтобы головы смогли украсить зал трофеев лорда Малибора. Тем не менее она смогла с должной вежливостью выслушать кровавые рассказы короналя и даже сделала два-три любезных замечания.

Когда перед рассветом они вернулись в Ниссиморнский окоем и собирались отправиться в постель, Калейн сказал ей:

— Кораль намеревается теперь отправиться на охоту за морскими драконами. Он ищет зверя, известного как дракон лорда Кинникена. Его удалось однажды наблюдать достаточно долго, чтобы прикинуть размер, и тогда его длину оценили в более чем триста футов.

Иньянна, усталая и невеселая, пожала плечами. Морские драконы, по крайней мере, еще не стали редкими, и, если короналю удастся загарпунить нескольких, причины для печали все же не будет.

— А в его Зале Трофеев хватит места для дракона такой величины?

— Думаю, что голова и крылья поместятся. Но у него не много шансов получить этот трофей. Дракона Кинникена ви-

дели всего четыре раза, начиная со времен самого лорда Кинникена; он не показывался уже семьдесят лет. Но если он не найдет этого, то подцепит какого-нибудь другого. Или утонет, пытаясь подцепить.

— А что, такая опасность действительно есть?

Калейн кивнул.

— Охота на драконов очень опасное занятие. Он поступил бы куда умнее, если бы не брался за нее. Но он уже охотился почти на все, что движется на суше. К тому же еще ни один кораль не выходил в море на судне охотников за драконами, так что его не удастся отговорить от этого. Мы уезжаем в Пилиплок в конце недели.

— Мы?

— Лорд Малибор попросил меня составить ему компанию на охоте,— с кривой улыбкой сказал он.— По правде говоря, он хотел взять с собой герцога, но брат отговорился множеством государственных обязанностей. Так что он пригласил меня. А от такого приглашения так просто не откажешься.

— Ты возьмешь меня? — спросила Иньянна.

— Общество женщин не предусматривалось.

— А-а...— чуть слышно выдохнула она. И спустя секунду-другую спросила спокойным голосом: — Как долго ты собираешься отсутствовать?

— Охота обычно продолжается три месяца, весь сезон южных ветров. А еще нужно добраться до Пилиплока, обеспечить ремонт судна и вернуться домой... на это потребуется шесть или семь месяцев. Я вернусь домой к весне.

— Понятно...

Калейн подошел к ней и прижал ее к себе.

— Это будет самая долгая разлука из всех, которые когда-либо будут в нашей жизни. Я клянусь тебе.

Она хотела сказать: не можешь ли ты найти какой-нибудь предлог, чтобы отказаться? Или же: нельзя ли мне как-то поехать с тобой? Но она знала, что это будет бесполезно и противно тому этикету, который управлял жизнью Калейна. Поэтому Иньянна не стала ни сетовать, ни протестовать, ни упрашивать. Она крепко обняла Калейна, и они целовались до самого восхода солнца.

Накануне отъезда в порт Пилиплок, служивший главной гаванью кораблей охотников за драконами, Калейн попросил ее прийти к нему в кабинет, расположенный на верхнем этаже Ниссиморнского окоема, где предложил ей подписать документ, состоявший из толстой пачки листов.

— Что это такое? — спросила Иньянна, не прикасаясь к бумагам.

— Наш брачный контракт.

— Это жестокая шутка, мой господин.

— Это не шутка, Иньянна. Совсем не шутка.

— Но...

— Я собирался поговорить с тобой о женитьбе этой зимой, но тут невесть откуда взялись эти проклятые драконы и совсем не оставили мне времени. Так что я решил немного поторопить события. Ты для меня не случайная любовница, и этот документ узаконит нашу любовь.

— А разве нашей любви требуются какие-нибудь законы?

Калейн, прищурившись, глянул ей в лицо.

— Я оказался втянут в опасное и безрассудное приключение. Надеюсь, что оно закончится благополучно, но, находясь в море, я не буду властен над своей судьбой. Как моя любовница ты не имеешь никаких законных прав на наследование. Как моя жена...

Иньянна на некоторое время лишилась дара речи.

— Если опасность настолько велика, то откажись от этого плавания, мой господин! — наконец с трудом выговорила она.

— Ты же знаешь, что это невозможно. Я вынужден пойти на этот риск. И поэтому обязан подумать о тебе. Подпиши это, Иньянна.

Она долго смотрела на документ, вернее, на стопку листов, лежавшую на столе. Перед ее глазами все расплывалось, и она не могла прочесть ни слова в том тексте, который, вероятно, являлся шедевром каллиграфии. Жена Калейна? Это словосочетание казалось ей чуть ли не чудовищным, оно нарушало все правила приличия, выходило за любые мыслимые границы. И все же... все же...

Он ждал, глядя на нее. И она не смогла отказаться.

Утром он со свитой короналя отбыл в Пилиплок, и весь этот день Иньянна растерянно, бездумно бродила по комнатам и коридорам Ниссиморнского окоема. Тем же вечером герцог заботливо пригласил ее на обед; на следующий день Дюранд Ливолк и его дама составили ей компанию в поездке в ресторан Пидруидского острова, куда только что доставили партию вина из плодов огненной пальмы. Приглашения следовали одно за другим, она

постоянно находилась в вихре светской жизни. Так минуло несколько месяцев. Зима перевалила за половину. И тогда пришло известие о том, что огромный морской дракон напал на судно лорда Малибора и отправил его на дно Внутреннего моря. Лорд Малибор погиб, и все, кто был с ним, тоже, а короналем был назван некий Вориакс. И в соответствии с волей Калейна его вдова Иньянна Форлана стала единоличной хозяйкой большого имения, известного под названием Ниссиморнсого окоема.

Глава 11

Когда срок траура закончился и Иньянна получила возможность общения с внешним миром, она вызвала одного из своих управляющих и распорядилась передать довольно крупные суммы денег на Большой базар для вора Агурмоля и всех членов его семейства. Только так Иньянна могла показать этим людям, что она их не забыла.

— Постарайтесь точно запомнить, что они скажут, когда вы вручите им деньги,— приказала она слуге, втайне надеясь услышать несколько теплых слов о том времени, когда она была одной из них. Но, вернувшись, слуга сообщил, что никто не сказал ничего достойного запоминания — они просто удивлялись и благодарили госпожу Иньянну — за исключением одного человека по имени Сидоун, который отказался от подарка и его так и не удалось уговорить принять его. Иньянна печально улыбнулась и велела раздать причитавшиеся Сидоуну двадцать реалов детям на улицах. Она ни разу больше не вспоминала вслух о ворах с Большлго базара, не имела с ними никаких контактов и даже никогда не появлялась в тех местах.

Спустя несколько лет, во время одного из посещений магазинов Паутинной галереи, госпожа Иньянна заметила в одном из своих любимых магазинчиков, торговавшем резными изделиями из кости морского дракона, двоих мужчин подозрительного вида. По их поведению и взглядам, которым они обменивались, Иньянна безошибочно определила, что это воры, намеревавшиеся устроить суматоху, чтобы под шумок ограбить магазин. Присмотревшись пристальнее, она поняла, что ей уже приходилось сталкиваться с ними. Один из них был толстым коротышкой с квадратной физиономией, а другой, напротив, был высок ростом, тощ, и лицо у него было вытянутое, костлявое и очень бледное. Иньянна подала знак своим телохранителям, и те бесшумно придвинулись к этой парочке.

— Один из вас Стейг, а другой назывался Везаном Ормусом,— ледяным голосом сказала Иньянна,— но я забыла, кто есть кто. С другой стороны, я очень хорошо помню другие детали нашего знакомства.

Воры испуганно переглянулись.

— Госпожа изволит ошибаться,— угодливым тоном ответил высокий.— Меня зовут Элакон Мири, а имя моего друга — Тсануз.

— Возможно, сегодня ваши имена звучат так. Но несколько лет назад вы посетили Велатис именно под этими именами. Я вижу, что вы перешли от мошенничества к воровству. Скажите-ка мне вот что: сколько наследников Ниссиморнского окоема вам удалось найти до того, как эта игра вам наскучила?

В глазах воров появилась откровенная паника. Они, казалось, решали, не стоит ли им попытаться прорваться мимо телохранителей Иньянны к двери, но, видимо, поняли, что делать этого не стоит: быстро разобравшиеся в ситуации охранники Паутинной галереи уже собрались перед входом в магазин.

— Уверяю вас, госпожа, мы всего лишь честные торговцы,— дрожа всем телом, проговорил коротышка.

— Вы всего лишь неисправимые негодяи,— отрезала Иньянна.— Попробуйте-ка только отрицать это, и я позабочусь о том, чтобы вас отправили на каторгу в Субраэль!

— Госпожа...

— Говорите правду! — потребовала Иньянна.

— Мы признаем свою вину,— стуча зубами, ответил длинный.— Но это было давно. Если мы причинили вам ущерб, то мы готовы все полностью возместить.

— Причинили мне ущерб? — Иньянна громко рассмеялась.— Наоборот, вы оказали мне самую большую из всех возможных услуг. Лично я испытываю к вам только благодарность. Знайте, что я была Иньянной Форланой, мелкой лавочницей из Велатиса, у которой вы обманом выманили двадцать реалов, а теперь я госпожа Иньянна Нимойская, владелица Ниссиморнского окоема. И так получилось потому, что Божество защищает слабых и обращает зло в добро.— Она подозвала стражников галереи.— Передайте этих двоих имперским прокторам и скажите, что я смогу позднее предъявить доказательства их виновности, но сей-

час прошу для них милосердного наказания: трехмесячных исправительных работ на строительстве дорог или чего-нибудь в этом роде. А потом, думаю, мне следует взять вас обоих к себе на службу. Вы никчемные жулики, но не дураки, так что лучше держать вас под рукой и следить за вами, чем отпустить вас на свободу и позволить снова обирать неосторожных простаков.— Она махнула рукой, и мошенников увели.

Иньянна повернулась к хозяину магазина.

— Сожалею, что пришлось отвлечься,— сказала она, как будто ничего не произошло.— Вернемся к нашим делам. Вы говорите, что эти резные медальоны с эмблемами города стоят по двенадцать реалов за штуку... А что вы скажете о тридцати реалах за все три и, пожалуй, еще и этого маленького резного билантуна в придачу...

ЧАСТЬ 10

ВОРИАКС И ВАЛЕНТИН

Из всех судеб, к которым Хиссуну удалось прикоснуться в Регистре памяти душ, судьба Иньянны Форланы является, пожалуй, самой близкой его сердцу. Частично потому, что эта женщина жила в совсем недавние времена, может быть жива до сих пор, и потому мир, в котором она обитала, кажется ему не столь чуждым, как миры живописца, или капитана, или Тесме Нарабальской. Но главная причина, по которой Хиссун чувствует внутреннее родство с бывшей лавочницей из Велатиса,— то, что она начала фактически почти с нуля, лишилась даже того немногого, что у нее было, и все же, невзирая ни на что, смогла достичь власти, величия и, подозревает Хиссун, меры в достигнутом. Он понимает, что Божество помогает тем, кто сам прилагает силы для своего спасения, и Иньянна кажется ему очень похожей на него самого в этом смысле. Конечно, ей сопутствовала удача — она в нужный момент попалась на глаза нужным людям, ей помогли в труднейший период ее путешествия,— но разве человек не кует свое счастье собственноручно? Хиссун, оказавшийся в нужном месте, когда несколько лет назад — как давно! — лорд Валентин в своих странствиях добрался до Лабиринта, верит в это. Он задумывается, какие еще неожиданности и чудеса судьба приготовила для него в своей заначке и как он может своими силами повлиять на нее, чтобы достичь чего-нибудь получше, чем секретарская работа в Лабиринте, которая так долго была его уделом. Ему уже почти восемнадцать, и он считает, что слишком стар для того, чтобы начать дорогу к величию. Но он тут же напоминает себе, что Иньянна в его возрасте торговала глиняными горшками и разматывала отре-

зы ткани в захудалой лавчонке на захудалой окраине захудалого Велатиса, а потом унаследовала Ниссиморнский окоем. Он не знает, что его может ожидать в будущем. Но все же лорд Валентин может в любой момент послать за ним — лорд Валентин прибыл в Лабиринт уже неделю назад и поселился в роскошных палатах, которые держат специально для тех случаев, когда кораль посещает резиденцию понтифекса,— лорд Валентин может вызвать его к себе и сказать: «Хиссун, ты достаточно прослужил в этой душной дыре. А с сегодняшнего дня ты будешь жить рядом со мной, в Горном замке!»

Да, в любой момент. Но Хиссун не получил никаких посланий от короналя и не надеется получить их в будущем. Это милая фантазия, но он не станет терзать себя несбыточными надеждами. Он продолжает заниматься своей постылой работой и вновь переживает в это время все то, что узнал в Регистре памяти душ. Спустя всего лишь день или два после погружения в жизнь воровки из Ни-мойи он возвращается в Регистр и с самой величайшей смелостью, которую ему когда-либо приходилось проявлять, запрашивает каталог архива, есть ли там запись души лорда Валентина. Он знает, что это наглость, что он рискованно испытывает судьбу; Хиссун не удивится, если вокруг замигают огни, зазвенят звонки, и в комнатку влетят вооруженные охранники, чтобы схватить зарвавшегося молодого выскочку, который, не имея на то ни малейшего права, пытается проникать в мысли и душу самого короналя. Его гораздо больше удивляет то, что следует за его нахальным запросом: машина просто сообщает ему, что единственная доступная запись лорда Валентина сделана давно, еще в пору его ранней молодости. Хиссун, ощущая себя полным бесстыдником, тем не менее без колебаний набирает код на клавиатуре.

Они были очень похожи, эти двое молодых людей — черноволосые, чернобородые, высокие и крепкие, с темными блестящими глазами, широкими плечами и легким налетом властности во взоре,— так что любой сразу угадал бы, что перед ним братья. Но была между ними и разница. Один был уже мужчиной, а другой в значительной степени еще оставался юношей, и это было видно не только по более редкой недавно отпущенной бороде и гладкой коже лица, но и по теплому, веселому и даже игривому взгляду. Старший был более серьезным, более строгим на

вид, более властным, как будто на нем лежали какие-то важнейшие обязанности, оставившие свою метку. И это впечатление было в общем-то верным, ибо он был Вориаксом Халанкским, старшим сыном верховного канцлера Дамиандейна, и с его малых лет на Замковой горе говорили, что когда-нибудь он наверняка станет короналем.

Конечно, были и такие, кто говорили то же самое про его младшего брата Валентина,— что он прекрасный многообещающий юноша, имеющий все задатки для того, чтобы стать правителем. Но Валентин не питал никаких иллюзий по поводу таких комплиментов. Вориакс был старше на восемь лет, и вне всякого сомнения, если кому-то из них и было суждено обосноваться в Замке, эта честь должна была принадлежать Вориаксу. Конечно, и Вориакс не имел никаких гарантий насчет своей избранности в качестве наследника престола; это было лишь распространенное убеждение. Дамиандейн, их отец, был одним из ближайших советников лорда Тиевераса, и в то время его тоже считали более чем вероятным кандидатом на престол короналя. Но лорд Тиеверас, став понтифексом, спустился с Горы в город Бомбифэйл и назвал своим преемником Малибора. Никто этого совершенно не ожидал, поскольку Малибор был обыкновенным губернатором провинции, человек с грубыми манерами, и куда больше интересовался охотой и спортом, чем проблемами управления. Валентин тогда еще не появился на свет, но Вориакс сказал ему, что их отец ни разу ни словом не выдал своего разочарования или недовольства тем, что трон достался другому. Это, возможно, было наилучшим признаком того, что он был его достоин.

Валентин иногда думал, сможет ли Вориакс держаться так же благородно, если корона Горящей Звезды в конце концов пройдет мимо него. И достанется какому-нибудь другому знатному принцу Горы — скажем, Элидату Морволскому, или Тунигорну, или Стазилейну, или даже ему самому, Валентину. Как же это будет странно! Иногда Валентин тайком произносил эти имена вслух, чтобы прислушаться к их звучанию: лорд Стазилейн, лорд Элидат, лорд Тунигорн. Даже лорд Валентин! Но это были всего лишь фантазии, праздная бессмысленная забава. Валентин не имел никакого желания переступить дорогу своему брату, да и вероятности такого исхода, можно сказать, не было. Разве что в результате невообразимой шутки Божества или столь

же невероятной прихоти лорда Малибора. Вориакс был предназначен к тому, чтобы принять правление, когда лорду Малибора придет пора стать понтифексом, и знание этого предназначения наложило свой отпечаток на душу Вориакса и сказывалось в его поведении и манерах.

Но сейчас тонкие проблемы придворной жизни мало занимали мысли Валентина. Они с братом на отдыхе путешествовали по нижней части Замковой горы — эта поездка долго откладывалась, поскольку годом раньше, во время поездки с другом Элидатом в карликовом лесу ниже Амблеморна, у Валентина случился очень тяжелый перелом ноги, и лишь недавно его здоровье восстановилось в достаточной степени для того, чтобы он смог вновь отправиться в дальнюю дорогу. Они с Вориаксом постепенно спускались вниз по склонам неправдоподобно огромной горы, совершая замечательную, грандиозную экспедицию. Возможно, для Валентина это были последние длительные каникулы перед вступлением в мир взрослых отношений, мир с другими правами и обязанностями. Ему уже исполнилось семнадцать, так что он принадлежал к той группе принцев, из которой выбирались коронали, и был вынужден старательно изучать все, что связано с методами управления, чтобы быть готовым к тому, что выбор падет на него.

И поэтому он вместе с Вориаксом — тот с радостью бросил свои дела, чтобы помочь брату отпраздновать обретение здоровья,— покинул фамильное поместье в Халанксе и отправился в расположенный неподалеку Горный Морпин, город удовольствий, чтобы покататься на горках и поплавать по силовым тунелям. Валентин настаивал также на том, чтобы, для проверки состояния своей выздоровшей ноги, покататься на зеркальном катке, и на лице Вориакса мелькнула лишь чуть заметная тень неуверенности. Вероятно, он сомневался в том, что Валентин сможет справиться с таким упражнением, но был слишком тактичен, для того чтобы высказать свое сомнение вслух. Но когда они вышли на каток, Вориакс держался совсем рядом с Валентином. Это невыносимо походило на опеку; стоило Валентину сделать несколько шагов, как Вориакс двигался следом за ним, словно привязанный. В конце концов Валентин не выдержал.

— Брат, ты боишься падения?

— Это не исключено.

— Тогда почему же ты стоишь так близко? Ведь это ты боишься упасть! — Валентин рассмеялся.— Не волнуйся, я всегда успею тебя поддержать.

— Ты всегда был очень заботлив, братец,— откликнулся Вориакс. А затем зеркала вспыхнули ярким блеском, каток начал вращаться и изгибаться, доска, на которой он стоял, сама собой сдвинулась с места, и для шуток не осталось времени.

Валентин и на самом деле некоторое время ощущал неуверенность, поскольку зеркальный каток мало подходил для инвалидов, а у него после травмы осталась небольшая, но очень сильно раздражавшая его хромота, нарушавшая координацию движений. Впрочем, ему очень быстро удалось уловить ритм, он довольно легко удерживал равновесие на самых крутых и неожиданных виражах и, проносясь в очередной раз мимо Вориакса, заметил, что выражение беспокойства покинуло лицо его брата. Все же этот небольшой эпизод дал Валентину много почвы для размышлений во время их с Вориаксом путешествия вниз по склону Горы сначала в Тентаг на фестиваль танцующего дерева, затем в Эртсуд-Гранд, Минимул и дальше, мимо Гимкандэйла в Фурибл, чтобы наблюдать там за брачными полетами каменных птиц. Пока они дожидались начала движения зеркал, Вориакс был не только встревоженным любящим опекуном; в нем также можно было заметить некоторую снисходительность и готовность одернуть младшего. Забота старшего брата о его безопасности казалась Валентину одним из способов, какими Вориакс может проявить свою власть над ним, и Валентину, стоявшему на пороге полной возмужалости, это нисколько не нравилось. Но он понимал, что взаимоотношения между братьями лишь отчасти представляют собой любовь, а отчасти войну, и потому хранил раздражение при себе.

Из Фурибла они проехали через Восточный Бимбак и Западный Бимбак, задержавшись в каждом из городов, чтобы постоять перед колоссальными, с милю вышиной, башнями-близнецами, рядом с которыми даже самый надменный хвастун ощущал себя ничтожным муравьем, а выйдя из Восточного Бимбака, выбрали путь, ведущий к Амблеморну, где дюжина стремительных горных потоков, собираясь воедино, образовывали Глэйдж, величайшую реку континента. Неподалеку от Амблеморна, немного выше его по склону, находилось небольшое, поперечником в не-

сколько миль, плато с каменно-твердой белесой меловой почвой. Деревья, которые в других местах затмевали кронами небо, здесь представляли собой жалкую поросль высотой едва ли в человеческий рост, со стволами не толще девичьей руки. Именно в этом карликовом лесу Валентина подстерегла беда, когда он чересчур быстро гнал своего скакуна через заросли, где предательские корни, не в силах глубоко проникнуть в землю, змеясь, ползли по земле. Скакун оступился, Валентин свалился наземь, и его нога застряла между двумя стройными, но чрезвычайно крепкими деревьями, стволы которых в течение нескольких сот лет накапливали прочность, а далее последовали долгие месяцы мучительных болей и печали, на протяжении которых кости медленно срастались; неповторимый год молодости был безвозвратно потерян. Зачем они возвратились сюда? Вориакс бродил по удивительному лесу, как будто искал надежно спрятанное сокровище. Наконец он повернулся к Валентину.

— Это место кажется мне зачарованным.

— Все очень просто. Корни деревьев не могут проникнуть в глубь этой никчемной серой земли и цепляются за нее где и как могут; ведь это же Замковая гора, где растет все, что способно существовать, но даже и здесь они живут впроголодь, и...

— Это я понимаю,— с холодком в голосе ответил Вориакс.— Я не имел в виду, что здесь на самом деле колдовали, а только хотел сказать, что это место производит такое впечатление. Да целый легион колдунов-вруунов не смог бы создать ничего настолько уродливого. И все же я рад, что мне наконец удалось здесь побывать. Ну что, поскачем?

— Какие тонкие у тебя подходы, Вориакс.

— Подходы? Я не понимаю...

— Ты предполагаешь, что я решусь повторно пересечь заросли, из-за которых чуть не остался одноногим.

Румяное лицо Вориакса покраснело еще сильнее.

— Я не думаю, что ты снова упадешь.

— Конечно нет. Но ты считаешь: я могу думать, что упаду, а ты всегда верил в то, что лучший способ преодолеть страх состоит в том, чтобы пойти навстречу тому, что тебя пугает, и потому ты подводишь меня к тому, чтобы предпринять повторный заезд через лес, и тем самым выжечь, словно каленым железом, любое мельчайшее опасение, которое может порождать во мне этот лес.

Это полностью противоречит тому, что ты делал, когда мы катались на зеркальном катке, но преследует ту же самую цель. Скажешь, не так?

— Я совершенно не понимаю, что ты хочешь сказать,— солидно ответил Вориакс.— Ты что, подцепил лихорадку?

— Нисколько. Так что, устроим гонки?

— Думаю, что нет.

Валентин, расстроенный, с силой стукнул кулаком о кулак.

— Но ведь ты же сам только что это предложил!

— Я предложил поехать дальше,— ответил Вориакс.— Но мне кажется, что тебя переполняет какой-то таинственный гнев и вызов, ты обвиняешь меня в том, что я выдумываю какие-то подходы для того, чтобы управлять тобой, хотя у меня и в мыслях нет ничего подобного. Если мы поедем через лес, когда ты пребываешь в таком настроении, то ты наверняка снова упадешь и, скорее всего, сломаешь вторую ногу. Так что лучше поедем-ка в Амблеморн.

— Вориакс...

— Ну?

— Я хочу проехать через лес.— Валентин пристально уставился в глаза брату.— Ты поедешь со мной или предпочтешь подождать здесь?

— Я предпочту поехать с тобой.

— Тогда скажи мне, чтобы я был осторожен и глядел на землю, чтобы скакун не споткнулся о корень.

На щеках Вориакса заиграли желваки; он глубоко вздохнул, сдерживая раздражение.

— Ты не ребенок. Я не собираюсь говорить тебе такие вещи. Кроме того, если бы я считал, что ты нуждаешься в подобных советах, то отказался бы считать тебя своим братом и послал бы куда подальше.

Он дал шенкеля скакуну и неистово погнал животное по узкой тропинке между карликовыми деревьями.

Мгновение спустя Валентин последовал за ним. Он тоже подгонял животное, стараясь сократить расстояние, отделявшее его от брата. Дорога была плохой; то и дело ему попадались на глаза препятствия столь же угрожающего вида, как то, на котором он покалечился, когда ехал здесь же с Элидатом, но сейчас его скакун устойчиво держался на ногах, очевидно, хорошо ви-

дел дорогу, и седоку почти не нужно было дергать за узду. Хотя память о падении была еще ярка в его памяти, Валентин не чувствовал никакого страха, только своего рода повышенную настороженность: он твердо знал, что если снова упадет, то последствия будут далеко не столь печальными. Он думал, не слишком ли он горячится в общении с Вориаксом. Возможно, он чрезмерно чувствителен и раздражителен, чересчур торопится защититься от мнимого покровительства со стороны старшего брата. В конце концов, Вориакс учился на правителя всего мира и потому, вероятно, не мог не стремиться взять на себя ответственность за всех и каждого, а в особенности за своего младшего брата. Валентин решил постараться проявлять поменьше рвения в защите своей независимости.

Они благополучно миновали лес и въехали в старейший из городов Замковой горы, древнее поселение, где узкие извилистые улицы сплетались в запутанные лабиринты, а стены, сложенные из дикого камня, плотно оплетали одеревеневшие от старости виноградные лозы. Это отсюда двенадцать тысяч лет назад началось завоевание Горы — первые смелые, порой безрассудные вылазки на холодные почти лишенные воздуха откосы тридцатимильного нароста на боку Маджипура. Тому, кто провел всю жизнь в Пятидесяти Городах с их вечной ароматной весенней порой, теперь было трудно представить себе то время, когда Гора была голой и непригодной для жизни. Но Валентин хорошо знал историю пионеров, карабкавшихся вверх по титаническим склонам, волоча за собой машины, которые дали великой горе тепло и воздух. Они за несколько столетий превратили ее в царство волшебной красоты. Лорд Стиамот восемь тысяч лет назад увенчал вершину небольшим поселением; а оно, претерпев невероятные превращения, превратилось в огромный непостижимый Замок, где сегодня обитал лорд Малибор. Они с Вориаксом постояли в благоговении перед монументом в Амблеморне, на котором красовалась лаконичная надпись:

ВСЕ, ЧТО ВЫШЕ ЭТОГО МЕСТА,
НЕКОГДА БЫЛО БЕЗЖИЗНЕННЫМ.

Стелу из полированного черного велатисского мрамора окружал сад из прекрасных халатинговых деревьев, круглый год украшенных темно-красными и золотыми цветами.

Вориакс и Валентин пробыли в Амблеморне два дня и две ночи, а затем спустились по долине Глэйджа в расположенное в стороне от больших дорог поселение под названием Гизельдорн. Здесь на краю огромного густого леса обосновалось несколько тысяч людей, решивших покинуть большие города; они мало общались со своими соседями и жили в шатрах, сделанных из черного войлока, который сами валяли из шерсти диких блавов, обитавших на тучных луговых пастбищах возле реки. Поговаривали, что все они были ведьмами и колдунами, что кое-кто из них принадлежал к той части непокорного племени метаморфов, которой удалось в древности избежать изгнания из Алханроэля; они, чтобы избежать подобной участи, непрерывно пребывали в человеческом облике. Правда, Валентин подозревал, что все эти люди просто не нашли себе места в мире торговли и конкуренции, который представлял собой Маджипур, и прибыли сюда, чтобы жить по-своему среди себе подобных.

Уже вечерело, когда они с Вориаксом поднялись на холм, с которого разглядели лес Гизельдорн и скопище черных шатров перед ним. Лес казался неприветливым — он состоял в основном из приземистых пингловых деревьев с необхватными стволами, из которых под острыми углами торчали толстые ветви. Сцепляясь и переплетаясь с ветвями соседних деревьев, они образовывали плотный навес, сквозь который даже в самый яркий день не могли пробиться солнечные лучи. И поселение тоже не манило к себе. Стоявшие поодаль один от другого десятигранные шатры напоминали гигантских насекомых странной формы, остановившихся на мгновение перед тем, как продолжить свое неудержимое шествие по просторам, красоты которых не оказывали на них ни малейшего воздействия. Валентин давно испытывал сильное любопытство по поводу Гизельдорна и его обитателей, но сейчас, когда он попал сюда, ему с каждой минутой все меньше хотелось проникать в его тайны.

Он взглянул на Вориакса и увидел на лице брата те же самые сомнения.

— Ну, что будем делать? — спросил Валентин.

— Думаю, разобьем лагерь на ближней опушке леса. А утром отправимся в деревню и посмотрим, как нас примут.

— Они что, могут напасть на нас?

— Напасть? В этом я очень сомневаюсь. Мне кажется, что они еще более миролюбивы, чем все остальные жители Мад-

жипура. Но зачем навязываться тем, кто не хочет иметь с нами дела? Почему бы не уважить их уединение? — Вориакс указал берег напоминавшей полумесяц излучины реки.— Что ты скажешь насчет того, чтобы сегодня расположиться там?

Они спешились, привязали скакунов, чтобы те могли пастись, распаковали свои мешки, набрали на обед сочных вкусных побегов и отправились на поиски дров для костра.

— Как ты думаешь, если бы лорд Малибор гнался через этот лес за каким-нибудь редким животным, стал бы он думать об уважении к уединению жителей Гизельдорна? — вдруг спросил Валентин.

— Когда лорд Малибор преследует добычу, его ничто не остановит.

— Именно. Такая мысль просто не могла бы прийти ему в голову. Я думаю, Вориакс, что ты будешь намного лучшим короналем, чем лорд Малибор.

— Не болтай глупостей.

— Это не глупость. Это вполне разумное мнение. Все согласны с тем, что лорд Малибор груб и беспечен. А когда наступит твоя очередь...

— Валентин, прекрати!

— Ты будешь короналем,— сказал Валентин.— Зачем притворяться? Это произойдет наверняка, причем скоро. Тиеверас очень стар. Лорд Малибор переселится в Лабиринт через два или три года и, конечно, назовет короналем тебя. Он не столь глуп, чтобы поступать наперекор убеждениям всех своих советников. А тогда...

Вориакс взял Валентина за руку и притянул к себе. В его глазах отчетливо читались мука и раздражение.

— Такая болтовни может принести только несчастье,— сказал он.— Прошу тебя, прекрати.

— Можно мне сказать еще кое-что?

— Я не хочу выслушивать домыслы насчет того, кто должен стать короналем.

Валентин кивнул.

— Это не домыслы, а вопрос брата брату. Он уже довольно давно меня преследует. Я не говорю, что ты станешь короналем, но я хотел бы знать, хочешь ли ты этого. Говорили ли с тобой об этом? Желаешь ли ты взвалить на себя это бремя? Ответь мне лишь на этот вопрос, Вориакс.

Вориакс долго молчал.

— От этого бремени никто не посмеет уклониться,— медленно произнес он.

— Но ты хочешь этого?

— Разве смогу я отказаться, если таким окажется мое предназначение?

— Ты уклоняешься от ответа. Посуди сам: вот мы с тобой, молодые, здоровые, счастливые, свободные. Помимо наших обязанностей при дворе, которые трудно считать очень уж обременительными, мы можем делать все, что заблагорассудится, поехать куда захотим, скажем, совершить плавание на Зимроэль, паломничество на Остров Сна, отдыхать в Кинторской марке, заниматься чем угодно и где угодно. И отказаться от всего этого ради короны Горящей Звезды, ради того, чтобы подписывать миллионы декретов, совершать великое паломничество, повторяя изо дня в день одни и те же речи, и знать, что когда-нибудь неизбежно придется до конца жизни переселиться на самое дно Лабиринта... Что ты думаешь об этом, Вориакс? Почему человек может желать всего этого? И желаешь ли этого ты сам?

— Все-таки ты еще ребенок,— сказал Вориакс.

Валентин отшатнулся, будто его ударили. Снова снисходительность! Но он сразу же понял, что заслужил таких слов, что он задавал наивные, ребяческие вопросы, и пригасил свой гнев.

— Мне казалось, что я более или менее достиг зрелости.

— В чем-то. Но тебе предстоит еще многому научиться.

— Несомненно.— Он помолчал.— Ладно, ты примешь королевскую власть как неизбежность, если она будет тебе предложена. Но хочешь ли ты этого, Вориакс, жаждешь ли ты этого на самом деле, или же готовиться к трону тебя заставляют только твое воспитание и чувство долга?

— Я готовлюсь не к трону,— медленно сказал Вориакс,— а всего лишь к исполнению определенной роли в правительстве Маджипура, точно так же, как и ты, и... да, это вопрос воспитания и чувства долга, поскольку я сын верховного канцлера Дамиандейна, и я уверен, что ты относишься к этому так же. Если трон предложат мне, я приму его с гордостью и вложу все свои силы и знания в выполнение тех обязанностей, которые

получу вместе с ним. Я не трачу времени на мечты о королевской власти и не строю предположений о том, достанется она мне или нет. И еще должен сказать, что я нахожу эту беседу чрезвычайно утомительной и был бы тебе благодарен, если бы ты позволил мне собрать дрова в тишине.

Он посмотрел на брата непривычно тяжелым взглядом и отвернулся. Вопросы расцветали в мозгу Валентина, словно алабандины в разгар лета, но он заставил себя проглотить их все до единого, так как заметил, что у Вориакса дрожат губы, и понял, что перешел уже через все границы. Вориакс сердито перебирал валявшиеся на земле ветки, выдергивал прутья, ломал их с силой, явно чрезмерной для сухого ломкого дерева. Валентин не делал повторных попыток прорваться сквозь оборону своего брата, хотя узнал далеко не все, что его так сильно интересовало. Впрочем, по самому наличию этой обороны он заподозрил, что Вориакс действительно стремился к званию короналя и посвящал все свое время подготовке. У него также имелось подозрение, впрочем только подозрение, почему старший брат должен был желать этого. Ради собственной пользы, ради власти и славы? Почему бы и нет? И для выполнения предназначения, которое налагает на некоторых людей высокие обязательства? Да, и это тоже. И, несомненно, ради того, чтобы исправить несправедливость, которая была допущена, когда корона прошла мимо их отца. Но все же, все же... променять свою свободу на всегонавсего обязанность управлять миром — это было тайной для Валентина, и в конце концов он решил, что Вориакс был прав, что он в свои семнадцать лет еще был не в состоянии полностью постичь такие вещи.

Он притащил охапку дров в лагерь и принялся разжигать огонь. Вориакс присоединился к нему довольно скоро, но не сказал ни слова.

Между братьями пробежал холодок отчужденности, и Валентин воспринял это как большое несчастье. Он хотел извиниться перед Вориаксом за то, что завел злосчастный разговор, однако ему всегда было очень неловко просить прощения у брата. При этом он продолжал чувствовать, что мог говорить с Вориаксом о большинстве интимных вопросов без чувства обиды и не считая свое самолюбие задетым. Но, с другой стороны, этот холод было трудно выдерживать, и если он не исчезнет, то их совместный

отдых будет испорчен. Валентин искал способ вернуть нарушенное дружелюбие и спустя несколько минут решился испробовать тот, который неизменно приводил к успеху, когда они были моложе.

Он подошел к Вориаксу — тот с угрюмым видом резал мясо — и сказал:

— А не побороться ли нам, пока вода закипит?

Вориакс поднял на него изумленный взгляд.

— Что-что?

— Я чувствую, что мне необходимо размяться.

— Тогда залезь на дерево и попрыгай с ветки на ветку.

— Ну давай, Вориакс. Пару-другую схваток.

— Это ни к чему.

— Почему же? Неужели, если я повалю тебя, это еще больше заденет твое достоинство?

— Поосторожнее, Валентин!

— Я говорил слишком резко. Прости меня.— Валентин принял борцовскую стойку, вытянул руки.— Ну, пожалуйста! Немножко повозимся, прольем немного пота перед обедом...

— А как же твоя нога? Она только недавно зажила.

— Но ведь зажила. Так что можешь бороться в полную силу, как и я, и ничего не бояться.

— А если твоя нога снова сломается? Ведь мы находимся в целом дне пути от любого города, заслуживающего такого названия.

— Давай, Вориакс,— нетерпеливо потребовал Валентин.— Ты раздражен сверх меры. Ну, покажи мне, что все еще умеешь бороться! — Он засмеялся, хлопнул в ладоши, жестом поманил брата к себе, еще раз хлопнул в ладоши, взглянул, улыбаясь, прямо в лицо Вориаксу, потянул брата за руку, помогая подняться, и тот наконец не выдержал и сцепился с ним.

Но что-то шло не так. Они довольно часто боролись друг с другом с тех пор, как Валентин стал достаточно большим, чтобы соперничать с братом почти на равных. Валентин отлично знал все приемы, которыми владел Вориакс, уловки, которые тот применял, чтобы вывести соперника из равновесия, сорвать атаку противника и перейти в наступление самому. Но человек, с которым он боролся сейчас, показался ему совершенно незна-

комым. Может быть, то какой-то метаморф принял облик Вориакса? Нет, нет, нет, все дело было в ноге, понял Валентин. Вориакс сдерживал свою силу, действовал осторожно, и оттого неловко; он снова относился к младшему брату покровительственно! Разгневанный и удивленный Валентин рванулся вперед и, хотя по обычаю в первые моменты схватки противники лишь примерялись друг к другу, сделал захват, намереваясь провести бросок, и вынудил Вориакса опуститься на колено. Вориакс изумленно взглянул на брата и, пока тот переводил дух и собирался с силами, чтобы дожать противника и припечатать его спину к земле, напрягся и рванулся вверх, впервые использовав всю свою огромную силу и успев в самую последнюю секунду перед решающей атакой младшего брата освободиться и вскочить на ноги.

Они принялись настороженно кружиться по импровизированной площадке, выгадывая момент для атаки.

— Вижу, что я недооценил тебя,— заметил Вориакс.— Твоя нога, похоже, в полном порядке.

— Так оно и есть, и я уже много раз говорил тебе об этом. Я просто немного прихрамываю, но это ерунда. Ну, Вориакс, кончай прятаться, дай-ка я дотянусь до тебя еще разок!

Они одновременно ринулись вперед, обхватили друг друга руками, уперлись грудь в грудь, и, как показалось Валентину, целый час, а то и больше ни один из них не мог сдвинуть другого с места (хотя, вероятно, на самом деле прошло не больше одной-двух минут). Потом ему удалось заставить Вориакса попятиться *на несколько дюймов, а затем Вориакс напрягся еще сильнее,* навалился на него и заставил отступить на то же самое расстояние. Они напрягались, обливались потом, рычали и вызывающе ухмылялись. Валентин испытал искреннюю радость, увидев эту ухмылку на лице Вориакса, ибо она значила, что они снова братья, что холод, разделивший их, улетучился, что он получил прощение за свою дерзость. В этот момент ему страстно захотелось обнять Вориакса, а не бороться с ним; и в этот же самый момент, уловив, что противник на неуловимое мгновение чуть расслабился, Вориакс, резко извернувшись, толкнул его одной рукой в плечо, а другой резко дернул, бросил брата наземь, поставил колено на грудь, а руками нажал на плечи. Валентин попытался встать на мостик, но долго сопротивляться Вориаксу

в таком положении было просто невозможно, и вскоре Валентин почувствовал под лопатками прохладную сырую землю.

— Твоя взяла,— с трудом переводя дыхание, воскликнул Валентин, и Вориакс выпустил его и откатился в сторону. Оба вдруг одновременно расхохотались.— Но в следующий раз я тебе задам!

Как хорошо, несмотря на поражение, было чувствовать возвращение любви брата!

И тут Валентин неожиданно услышал совсем неподалеку аплодисменты. Он сел, осмотрелся и увидел в сумеречном свете стоявшую на самой опушке леса женщину. У нее были резкие черты лица и необыкновенно длинные прямые черные волосы, блестящие злые глаза и полные губы. Одежда у нее была странной — просто полосы дубленой кожи, грубо сшитые между собой. Она показалась Валентину совсем старой, наверное, лет тридцати.

— Я смотрела на вас,— сказала женщина, без малейшего страха подходя к ним.— Сначала я подумала, что вы деретесь по-настоящему, а потом увидела, что вы развлекаетесь.

— А сначала это и была почти настоящая драка,— ответил Вориакс.— Но все равно для развлечения. Меня зовут Вориакс Халанкский, а это Валентин, мой брат.

Она посмотрела на одного, потом на другого.

— Да, конечно, вы братья. Это сразу видно. А меня звать Танандой, я отсюдова, из Гизельдорна. Хотите, предскажу вам судьбу?

— Так значит, вы ведьма? — спросил Валентин.

Глаза женщины зажглись веселым блеском.

— Ну да, конечно ведьма. И что из того?

— Что ж, тогда расскажите, что нас ожидает! — крикнул Валентин.

— Подожди,— остановил его Вориакс.— Я не питаю ни малейшей симпатии к колдовству.

— Ты чересчур трезвый человек,— отозвался Валентин.— Какой от этого может быть вред? Мы посетили Гизельдорн, город волшебников; так почему бы нам не ознакомиться с предначертаниями судьбы? Чего ты боишься? Это же игра, Вориакс, всего лишь игра! — Он подошел к ведьме.— Вы не откажетесь пообедать с нами?

— Валентин...

Валентин смело глянул на брата и рассмеялся.

— Я буду защищать тебя от зла, Вориакс! Ничего не бойся! — И добавил полушепотом: — Мы путешествовали вдвоем достаточно долго, брат. Я соскучился по обществу.

— Вот я и вижу,— пробормотал Вориакс.

Но ведьма была привлекательна, Валентин был настойчив, и вскоре Вориакс, похоже, слегка успокоился по поводу ее присутствия. Он отрезал для женщины кусок мяса — ровно треть,— а она отправилась в лес, вскоре возвратилась с несколькими плодами пинглы и показала братьям, как их жарить, чтобы сок вытекал на мясо, отчего оно обрело незнакомый им приятный дымный аромат.

Спустя некоторое время после того, как они приступили к еде, Валентин почувствовал, что у него слегка закружилась голова, а перед глазами все поплыло. Он усомнился в том, что виною этому несколько глотков вина, которым он запивал мясо, так что, вероятнее всего, дело было в соке пинглы. У него мелькнула было мысль, что это какое-то предательство, но он отогнал ее, так как головокружение было приятным и даже завораживающим, и он не усмотрел в нем никакой опасности. Он посмотрел на Вориакса, ожидая, что его гораздо более подозрительный по характеру брат возмутится и испортит их пир, но Вориакс, если вообще ощущал действие сока, казалось, пришел от него в наилучшее расположение духа: он громко смеялся всему, что говорили, раскачиваясь всем телом и хлопая себя по бедрам, наклонялся почти вплотную к ведьме и что-то хрипло кричал прямо ей в лицо. Валентин взял еще мяса. Спустилась ночь; на лагерь внезапно навалилась темнота, в небе, где была видна лишь крошечная долька одной из малых лун, ярко сверкали бесчисленные звезды. Валентину показалось, что слышит отдаленное пение, которому ответили другие голоса, хотя он был уверен, что Гизельдорн находится слишком далеко для того, чтобы звуки могли донестись оттуда через лес. Померещилось, решил он, из-за этих дурманящих плодов.

Огонь понемногу угасал. Воздух становился прохладнее. Они придвинулись поближе друг к другу, Валентин, Вориакс и Тананда, тела соприкоснулись, и это показалось сначала невинным, а затем стало уже не столь невинным. Когда они еще сдвинулись еще теснее, Валентин на мгновение поймал взгляд брата, и Вориакс подмигнул ему, как будто хотел сказать: мы с тобой мужчины, брат, и этой ночью получим удовольствие вместе. Валентину уже случалось, вместе с Элидатом или Стазилейном иметь дело с одной и той же женщиной, и все трое весело кувыркались в кровати, предназначенной для двоих, но никогда еще он не делал такого вместе с Вориаксом. Вориакс всегда настолько старательно хранил достоинство, ощущал свое превосходство, свое высокое положение, так что предстоящая игра обрела для Валентина особую прелесть. А гизельдорнская ведьма отбросила свои кожаные одежды и обнажила при тусклом свете костра стройное и податливое тело. Валентин опасался, что вид ее плоти окажется отталкивающим, ведь она была намного старше, чем он, даже на несколько лет старше Вориакса, но теперь он понял, что его опасения были порождением неопытности, так как она все равно казалась ему красивой. Он потянулся к женщине, его рука на ее боку встретилась с рукой Вориакса; он игриво хлопнул по ней ладонью, как будто хотел прихлопнуть жужжащую муху. Оба брата рассмеялись, и в их басовитый хохот врезался серебристый звонкий смех Тананды, и все трое покатились по влажной траве.

Валентин никогда еще не проводил столь безумной ночи. Неизвестно, какой наркотик содержался в соке пинглы, но он помог ему освободиться от почти всех вошедших в плоть и кровь запретов и подхлестнул его энергию. С Вориаксом, судя по всему, произошло то же самое. Потом Валентин представлял эту ночь как цепочку отрывочных образов, вернее, мешанину событий, никак не связанных с другими. То он лежал на спине, вытянувшись во весь рост, и голова Тананды лежала у него на коленях и он гладил ее блестящий от пота лоб, а Вориакс в это время подпрыгивал на ней, а Валентин со странным удовольствием прислушивался к их хриплому страстному дыханию, то уже он обнимал ведьму, а Вориакс был где-то поблизости, совсем рядом, но он не мог понять где, а затем Тананда лежала, стиснутая между двумя мужскими телами в некоем неестественном соитии, а потом все трое отправились к реке, и купались, и плескались, и смеялись, и бежали голые и дрожащие от холода к умирающему огню, и снова занимались любовью. Валентин и Тананда, Вориакс и Тананда, Валентин и Тананда и Вори-

акс, и плоть снова и снова требовала другой плоти до тех пор, пока первые сероватые отблески утренней зари не нарушили темноту.

Когда в небе появилось солнце, никто из троих не спал. В памяти Валентина сохранилась лишь часть прошедшей ночи, и он время от времени задумывался, не спал ли он урывками, сам того не замечая, но сейчас его сознание было сверхъестественно ясным, а глаза широко раскрытыми, как будто стояло не раннее утро, а полдень после ночи безмятежного сна. Вориакс тоже выглядел абсолютно свежим, как и усмехающаяся голая ведьма, расслабленно раскинувшаяся между ними.

— А теперь,— объявила она,— займемся судьбой!

Вориакс беспокойно кашлянул, намереваясь что-то сказать, но Валентин поспешно перебил его:

— Да! Да! Предскажи нам судьбу!

— Соберите семечки пинглы,— приказала женщина.

Они были разбросаны вокруг, глянцевые черные орешки с красными пятнышками. Валентин подобрал не меньше дюжины, и даже Вориакс разыскал несколько штук. Свои находки они вручили Тананде, которая тоже собрала полную горсть орешков. И она принялась, сидя на корточках, встряхивать их в горстях и кидать на землю, как будто играла в кости. Пять раз она бросала свои кости-семена, собирала их и бросала снова; затем она сложила ладони чашей, и одно за другим высыпала семена так, что они образовали кольцо, оставшиеся кинула внутрь кольца, а потом принялась пристально вглядываться в образованный ими узор, опустилась на колени и пригнулась почти вплотную к земле, на которой были разбросаны семена. Это продолжалось довольно долго, а потом она подняла голову. Вызывающая дьявольская усмешка исчезла с ее лица; женщина выглядела странно изменившейся, постаревшей на несколько лет, а на ее лице было торжественное выражение.

— Вы люди чрезвычайно высокого рода,— сказала она.— Впрочем, это можно понять, глядя на то, как вы держитесь. Семена сообщают мне гораздо больше. Я вижу вперед большие опасности для вас обоих.

Вориакс уставился в сторону, нахмурился и сплюнул.

— Да, ты мне не доверяешь,— спокойно сказала ведьма.— Но опасности грозят вам обоим. Ты,— она указала на Вориакса,— должен особо остерегаться лесов, а ты,— она посмотрела в лицо Валентину,— воды, океанов.— Она нахмурилась.— И, похоже, еще много чего, поскольку твоя судьба загадочная, и я не в состоянии ясно разглядеть ее. Твоя линия сломана — нет, не смертью, а чем-то непонятным, каким-то изменением, огромным преобразованием...— Она помотала головой.— Я не могу все это понять до конца. Тут от меня больше не будет толку.

— Остерегайтесь лесов,— проворчал Вориакс,— остерегайтесь океанов... остерегайтесь ерунды!

— Ты будешь королем,— сказала Тананда.

Вориакс задохнулся. Гнев сбежал с его лица, и он уставился на женщину, разинув рот.

Валентин улыбнулся и хлопнул брата по спине.

— Вот видишь, вот видишь?

— И ты тоже будешь королем,— продолжала ведьма.

— Что? — опешил Валентин.— Вот это на самом деле глупость. Твои семена врут!

— Если и врут, то впервые,— ответила Тананда. Она собрала лежавшие на земле семена, быстрым движением швырнула их в воду и завернулась в свои странные кожаные одежды.— Король и еще один король, а я в свое удовольствие трахалась с вами обоими всю ночь напролет, ваши будущие величества. Вы поедете сегодня в Гизельдорн?

— Думаю, что нет,— ответил Вориакс, не глядя на нее.

— Значит, мы больше не встретимся. Прощайте!

Она поднялась и стремительно зашагала к лесу. Валентин протянул к ней руку, но ничего не сказал, только стиснул пустой воздух дрожащими пальцами. А затем она скрылась из виду. Он повернулся к Вориаксу, который, стоя на четвереньках, сердито раздувал тлеющие угольки костра. Всю радость ночного кутежа как рукой сняло.

— Ты был прав,— сказал Валентин.— Мы не должны были позволять ей творить свои недоделанные пророчества насчет нас. Леса! Океаны! И это безумие о том, что мы оба станем королями!

— Что она имеет в виду? — спросил Вориакс.— Что мы разделим трон так же, как мы делили ее тело этой ночью?

— Этого не будет,— ответил Валентин.

— На Маджипуре никогда еще не было совместного правления. Это совершенная бессмыслица! Чушь! Валентин, если я должен стать королем, то как же им можешь стать ты?

— Ты не слушаешь меня. Послушай, брат, не обращай на это внимания. Это какая-то дикарка, которая, правда, устроила нам замечательную оргию. Но никакой истины в ее пророчестве нет.

— Она сказала, что я должен стать королем.

— И это, по всей видимости, должно случиться. Но с ее стороны это было всего лишь удачной догадкой.

— А если нет? Если она настоящая прорицательница?

— Ну и в этом случае ты будешь королем!

— А ты? Если она верно говорила обо мне, то ты тоже должен стать короналем, но как...

— Нет,— ответил Валентин.— Пророки обычно говорят темно и двусмысленно. Она имела в виду нечто другое, помимо буквального значения. Ты должен стать короналем, Вориакс, это общепризнанная истина, а в том, что она говорила обо мне, есть еще какое-то значение, а может быть, и вовсе нет никакого смысла.

— Это пугает меня, Валентин.

— Если ты должен стать короналем, то тебе попросту нечего бояться. Почему ты корчишь такие гримасы?

— Разделить трон с братом...— Эта мысль продолжала тревожить Вориакса, словно больной зуб, и не позволяла отвлечься от нее.

— Этого не будет! — решительно сказал Валентин. Он порылся в кучке сброшенной накануне одежды, нашел вещи Вориакса и бросил ему на колени.— Ты помнишь, что я говорил вчера? Я не в состоянии понять, почему человек может стремиться к трону. Нет, в этом я не представляю для тебя никакой угрозы.— Он обхватил пальцами запястье брата.— Вориакс, Вориакс, у тебя такой испуганный вид! Неужели слова лесной ведьмы так больно задели тебя? Клянусь тебе: когда ты станешь короналем, я всегда буду твоим слугой, но никогда — соперником. Клянусь в этом нашей матерью, будущей Хозяйкой Острова. И говорю тебе: не принимай всерьез то, что произошло здесь этой ночью.

— Пожалуй, не стоит,— отозвался Вориакс.

— Конечно, не стоит,— подтвердил Валентин.— Ну что, брат, уедем отсюда?

— Думаю, что да.

— Но она хорошо поработала своим телом, тебе не кажется? Вориакс рассмеялся.

— Пожалуй, лучше не бывает. Меня немного расстраивает, что никогда больше не придется обнимать ее. Хотя, нет, я не желаю слышать больше ни слова из ее безумных предсказаний, как бы ловко она ни крутила бедрами. Думаю, что я сыт по горло и ею, и этим местом. Объедем Гизельдорн стороной?

— По-моему, так будет лучше,— ответил Валентин.— Какие здесь ближайшие города в долине Глэйдж?

— Ближайший — Джеррик, где живет много вруунов, затем Митрипонд и городишко по имени Гэйлз. Я думаю, что нам следует остановиться в Джеррике и несколько дней поиграть в карты, в рулетку, и тому подобное.

— Ну так вперед, на штурм Джеррика!

— Да, в поход на Джеррик. И не приставай больше ко мне с разговорами насчет трона, Валентин.

— Ни слова, обещаю тебе! — Он рассмеялся и обнял Вориакса.— Брат! За время нашей поездки мне несколько раз казалось, что я навсегда потерял тебя, но сейчас я вижу, что все хорошо, что я тебя снова нашел!

— Мы никогда не теряли друг друга,— отозвался Вориакс,— ни на мгновение. Ну а теперь собирай вещи, и вперед, на Джеррик!

Они никогда больше не говорили ни о ночи, проведенной с ведьмой, ни о ее предсказаниях. Пятью годами позже, когда лорд Малибор погиб во время охоты на морских драконов, Вориакс, как все и ожидали, был выбран короналем, и Валентин первым опустился перед ним на колени и принес присягу. К тому времени Валентин напрочь забыл темное пророчество Тананды, но не вкус ее поцелуев и ощущение ее плоти. Они оба станут королями? Но ведь, в конце концов, это было просто невероятно, так как короналем мог быть только один человек! Валентин радовался за своего брата лорда Вориакса и был счастлив, оставаясь тем, кем был. А когда он понял все значение пророчества, которое заключалось не в том, что он будет управ-

лять совместно с Вориаксом, а в том, что он наследует ему на троне, хотя никогда еще в истории Маджипура корона Горящей Звезды не переходила от брата к брату, у него уже не было возможности обнять Вориакса и заверить его в своей любви. Потому что Вориакс был потерян для него навсегда, сраженный наповал стрелой из позабытого в лесу охотником самострела, и Валентин, оставшись без брата, испытывая скорбь, изумление и благоговейный трепет, поднялся по ступеням трона Конфалюма.

ЧАСТЬ 11

Эти заключительные слова, этот эпилог, который неведомый писец добавил к записи души молодого Валентина, потрясают Хиссуна. Он долго сидит в неподвижности, затем поднимается, как во сне, и медленно идет к выходу из кабины. В его взбудораженном сознании сменяются образы той безумной ночи в лесу: борющиеся между собой братья, ведьма с блестящими глазами, сплетенные нагие тела, пророчество о предстоящей обоим королевской власти. Да, два короля! И Хиссун шпионил за ними в момент наибольшей за все время жизни обоих незащищенности! Он чувствует смущение — эта эмоция почти незнакома ему. Возможно, настало время отдохнуть от посещений Регистра памяти душ, думает он: влияние этих опытов на него порой оказывается подавляющим, и на то, чтобы прийти в себя, потребуется, пожалуй, несколько месяцев. Когда он берется за дверную ручку, то замечает, что его руки дрожат.

Один из постоянных служащих Регистра, с которым он здоровался час назад, одутловатый, со стеклянными глазами, человек по имени Пенагорн все так же сидит за своим столом, но рядом с ним стоит еще один человек, высокий, с отличной выправкой тип, облаченный в зелено-золотую одежду — официальные цвета короналя и униформы, которую носят его слуги и гвардейцы. Он строго смотрит на Хиссуна и вежливо говорит:

— Если вас не затруднит, я хотел бы взглянуть на ваш пропуск.

Так вот, настал момент, которого он боялся. Его застукали на самовольном пользовании архивом и сейчас арестуют. Хиссун

протягивает свой документ. Вероятно, о его незаконных вторжениях сюда знали уже давно, но дожидались, пока он совершит наиболее злостное деяние, залезет в запись самого короналя. Вполне возможно, думает Хиссун, что эта запись оборудована каким-нибудь сигналом для вызова охранников короналя, и теперь...

— Именно вас мы и разыскиваем,— говорит человек в зеленом с золотом мундире.— Прошу вас пройти со мной.

Хиссун молча следует за ним — на улицу из Дома Записей, через просторную площадь к входу в нижние уровни Лабиринта и мимо охранника, пропустившего гвардейца короналя, не спросив у него пропуска, к дожидавшейся поблизости летающей лодке, и дальше вниз, вниз, в таинственные пределы, где Хиссун никогда еще не бывал. Он сидит неподвижный, оцепенелый, буквально, физически ощущая, как весь мир наваливается своей тяжестью на это место, а летающая лодка продолжает углубляться в Лабиринт. Куда они прибыли? Может быть, это Зал тронов, откуда верховные министры управляют миром? Хиссун не смеет задавать вопросы, а сопровождающий не говорит ни слова. Они проезжают через несколько залов, несколько ворот, несколько коридоров — это именно коридоры, а не улицы, как на знакомых Хиссуну уровнях,— а затем летающая лодка останавливается. Появляются еще шесть человек в униформе лорда Валентина и ведут его в ярко освещенную комнату. Там он останавливается, а они стоят по бокам.

Открывается дверь — бесшумно откатывается в сторону на невидимых роликах,— и в комнату входит высокий широкоплечий златовласый человек в простой белой одежде. У Хиссуна захватывает дух.

— Ваше высочество...

— Ну, перестань. Перестань. Мы можем прекрасно обойтись без всех этих поклонов, Хиссун. Ведь ты Хиссун, я не ошибаюсь?

— Да, мой властелин. Только старше.

— Да, ведь все это было восемь лет назад... Да, восемь. Ты был тогда вот такой...— Кораль показывает рукой где-то на уровне пояса.— А теперь уже совсем мужчина. Конечно, я понимаю, что удивляться этому глупо, но я все равно ожидал увидеть мальчика. Тебе уже восемнадцать?

— Да, мой властелин.

— И сколько лет тебе было, когда ты начал копаться в Регистре памяти душ?

— Так вы и об этом знаете, мой властелин? — чуть слышно шепчет Хиссун. Его щеки багровеют, он смотрит в пол, как будто видит его в первый раз.

— Наверное, четырнадцать, не так ли? Кажется, именно тогда мне об этом доложили. Ты знаешь, я ведь следил за тобой. А три или четыре года назад мне сообщили, что ты измыслил способ пробраться в Регистр. В четырнадцать лет притвориться ученым! Думаю, что ты видел много такого, о чем подростки не имеют никакого представления.

Щеки Хиссуна еще сильнее наливаются кровью. В его мозгу крутится одна-единственная фраза: «Час назад, мой властелин, я видел, как вы и ваш брат забавлялись с длинноволосой ведьмой из Гизельдорна». Но он скорее согласится спрыгнуть в жерло вулкана, только бы не говорить этих слов вслух. Но он уверен, что лорду Валентину это все равно известно, и эта уверенность невыносима. Он не смеет посмотреть ему в лицо. Этот златовласый человек не тот Валентин, который присутствовал в записи, поскольку Валентин был, как теперь известно всему миру, позднее магическим образом перенесен из своего темноволосого тела в другое, и теперь кораль облечен другой плотью, в которой тем не менее находится тот же самый человек. Хиссун шпионил за ним, скрыть это нет ни малейшей возможности.

Хиссун молчит, а лорд Валентин продолжает говорить:

— Хотя, пожалуй, в последнем предположении я не прав. Ты всегда был развитым ребенком, и Регистр вряд ли мог показать тебе много такого, что ты не видел бы воочию.

— Он показывал мне Ни-мойю, мой властелин,— говорит Хиссун. Язык не повинуется ему, и чуть слышный голос похож на хриплое карканье.— Он показывал мне Сувраэль, и города Замковой горы, и джунгли вокруг Нарабаля...

— Да, разные места. География... Ее тоже полезно знать. Но география души — ты изучал ее по своему собственному методу, так ведь? Посмотри на меня. Я на тебя не сержусь.

— Не сердитесь?

— Ведь это по моему приказу тебе предоставили свободный доступ в Регистр. Но не для того, чтобы ты таращил глаза на красоты Ни-мойи и, уж конечно, не для того, чтобы ты мог подглядывать за любовниками в постели. А для того, чтобы ты смог получить истинное представление о том, что такое на самом деле Маджипур, познать сущности миллионной части миллион-

ной доли того бесчисленного множества, которое составляет население этого мира. В этом заключалось твое образование, Хиссун. Или я не прав?

— Именно так я к этому и относился, мой властелин. Да... Я так много всего хотел увидеть...

— И тебе все это удалось?

— Нисколько. Ни на миллионно-миллиардную долю.

— Это плохо. Потому что у тебя больше не будет доступа к Регистру.

— Мой властелин? Вы решили все же наказать меня?

На губах лорда Валентина мелькает странноватая улыбка.

— Наказать? Нет, это слово здесь, пожалуй, не подходит. Но тебе придется покинуть Лабиринт, и возможности вновь попасть сюда у тебя не будет очень долго, даже после того, как я стану понтифексом, а этот день может наступить не так уж и скоро. Я включил тебя в свою свиту, Хиссун. Твое обучение окончено, и я хочу, чтобы ты занялся работой. Полагаю, ты уже достаточно взрослый для этого. твоя семья все еще живет здесь?

— Мать и две сестры...

— О них позаботятся. У них будет абсолютно все, чего они только смогут пожелать. Попрощайся с ними и собери вещи. Ты успеешь подготовиться за три дня, чтобы уехать со мной?

— Три... дня...— все мысли в голове Хиссуна мешаются.

— Мы отправимся в Алаизор. Я снова совершаю великое паломничество. Оттуда поплывем на Остров. Зимроэль на сей раз пропустим и, надеюсь, вернемся на Гору через семь или восемь месяцев. У тебя будет квартира в Замке. Некоторые протокольные обязанности, которые, полагаю, не окажутся для тебя совсем уж невыносимыми. Хорошая одежда. Ты ведь ожидал всего этого, не так ли? Догадывался, что я наметил тебя для больших дел, когда ты был всего лишь маленьким оборвышем и так удачно заговаривал зубы пришельцам? — Корональ непринужденно смеется.— Но уже поздно. Я пошлю за тобой завтра утром. Нам нужно многое обсудить.

Он машет рукой — нет, одними пальцами — Хиссуну; изысканный любезный жест. Хиссун кланяется в ответ, а когда осмеливается поднять глаза, лорда Валентина уже нет в комнате. Ну вот! Вот! Они в конце концов сбылись, его мечты, его фантазии. Но Хиссун не позволяет эмоциям проявиться на лице. С мрачным насупленным лицом он поворачивается к своему эскорту и следует вслед за зелено-золотыми гвардейцами к выходу и дальше по коридорам. Они провожают его до первого общественного уровня Лабиринта и возвращаются назад.

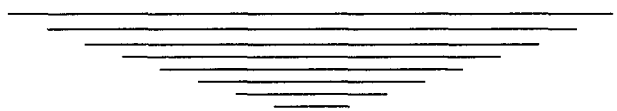
Но Хиссун не в состоянии заставить себя сразу же вернуться в свое жилище. Его мысли лихорадочно путаются, он не в состоянии прийти в себя от изумления. Из глубины его сознания возникают все те давно почившие люди, которых он, по воле случая, так близко узнал: Нисмайл и Синнабор Лавон, Тесме, Деккерет, Калинтэйн, несчастный измученный Халигом, Эремойль, Иньянна Форлана, Висмаан, Сэрайс. Они теперь стали частью его «я», навсегда поселились в его душе. Он чувствует себя переполненным, словно смог проглотить целую планету. Что же будет с ним теперь? Он станет адъютантом короналя? Будет вести блестящую новую жизнь в Горном замке? В обществе сильных мира сего ездить развлекаться в Горный Морпин и Сти? Да ведь он может в один прекрасный день стать короналем! Лорд Хиссун! Он смеется над своим невероятным, чудовищным предположением. И все же, все же, все же... Почему бы и нет? Разве рассчитывал Калинтэйн стать короналем? Или Деккерет? Или сам Валентин? Но нельзя думать о таких вещах, одергивает себя Хиссун. Нужно работать, учиться, жить, и из всего этого сложится судьба.

Он понимает, что каким-то образом умудрился заблудиться — он, который еще в десять лет считался самым знающим гидом из всех, кто водил туристов по Лабиринту. Он полночи прошлялся, ошеломленный, с уровня на уровень, и теперь понятия не имеет, где находится. А затем он обнаруживает, что оказался на верхнем уровне Лабиринта, около выходящих в пустыню ворот, именуемых врата Лезвий. Через какие-нибудь пятнадцать минут он может выйти из Лабиринта на поверхность. Он не часто мечтал о таких прогулках, но эта ночь особенная, и потому, когда ноги сами несут его к воротам подземного города, он не сопротивляется. Он входит во врата Лезвий и долго рассматривает заржавленные мечи какой-то древней эпохи, установленные поперек входа — они отмечают границу Лабиринта,— и наконец пересекает их черту и оказывается в жаркой сухой пустыне, начинающейся сразу же за воротами. Как и Деккерет, бродивший в незапамятные времена по другой, куда более ужасной пустыне, он, волоча ноги, тащится неведомо куда, пока не оказывается в изрядном отдалении от густонаселенного улья, именуемого Лабиринтом. Он стоит один под холодными блестящими звездами. Как их много! И одна из них — Старая Земля,

с которой так давно вышли все те миллиарды и миллиарды, составляющие человечество. Хиссун стоит, будто зачарованный. Он испытывает непостижимое ощущение, словно сквозь него протекает, подобно необоримой реке, вся бесконечно длинная история космоса. Регистр памяти душ содержит записи стольких жизней, чтобы ему не хватило бы и половины вечности, чтобы изучить их, думает он, и все же то, что находится там,— лишь ничтожно малая часть всего того, что существует на всех мирах этих звезд. Он хочет охватить и поглотить все это и сделать это частью своего «я», как он вобрал в себя те чужие жизни, но, конечно, это желание невыполнимо, и даже от одной только мысли об этом начинает кружиться голова. Но теперь он должен распрощаться с такими фантазиями и отказаться от искушений, которыми манит его Регистр. Он заставляет себя успокоиться, и вскоре мельтешение в мыслях останавливается. Я буду теперь очень спокойным, говорит он себе. Я буду твердо держать свои чувства в узде. Он позволяет себе еще один, последний, взгляд на звезды и тщетно пытается найти среди них солнце Старой Земли. Затем пожимает плечами, резко поворачивается и медленно идет назад к Устам клинков. Утром лорд Валентин снова пошлет за ним. Очень важно успеть перед этим немного поспать. Для него начинается новая жизнь. Я буду жить в Горном замке, думает он, буду помогать короналю, и кто знает, что случится со мной потом? Но, что бы ни случилось, это будет то, что должно быть, как это было с Деккеретом, с Тесме, с Синнабором Лавоном, даже с Халигомом, ибо все они являются теперь частью моей души.

Хиссун на мгновение, всего лишь на мгновение останавливается перед вратами Лезвий, и в это самое мгновение звезды начинают одна за другой исчезать, вытесняемые первыми отблесками рассвета, а потом могущественный восход солнца овладевает небом и вся земля оказывается залитой светом. Он не двигается. Теплые лучи солнца Маджипура касаются его лица — о, насколько редко такое случалось за всю его минувшую жизнь! Солнце... Солнце... Великолепное сверкающее пламенное солнце... Мать миров... Он протягивает к нему руки. Он обнимает его. Он улыбается и впитывает в себя его благословение. Затем он поворачивается и в последний раз спускается в Лабиринт.

Понтифекс Валентин



Карен, Сандре, Кэтрин, Джерри, Кэрол, Эллен, Даяне, Хилари, Диане — моему оплоту в сезон штормов

В тревожной груди, в потрясенных сердцах
Великий испуг:
Не крушенья ли срок сужденный настал,
Чтоб низвергнуть мир, чтобы хаос опять
Безвидный обьял и людей, и богов,
Окружил и твердь, окружил и моря,
Чтобы скрыла огни блуждающих звезд
Природа опять...
Неужели у всех, сколько было, племен
Только мы сочтены достойными пасть
Под крушеньем небес?

Сенека. «Фиест»
Перевод С. Ошерова

ЧАСТЬ 1

КНИГА КОРОНАЛЯ

Глава 1

Валентин покачнулся, ухватился свободной рукой за край стола, стараясь не расплескать вино.

Очень странные ощущения: головокружение, дурнота. Слишком много выпито... Спертый воздух... И сила тяжести, наверное, здесь, на такой глубине, больше...

— Произнесите тост, ваша светлость,— пробормотал Делиамбер.— Сначала за понтифекса, потом за его помощников, а затем...

— Да-да, знаю...

Валентин неуверенно озирался по сторонам, подобно загнанному ститмою, окруженному со всех сторон копьями охотников.

— Друзья...— начал он.

— За понтифекса Тиевераса,— раздался пронзительный шепот Делиамбера.

Друзья. Да. Рядом с ним те, кто дорог ему больше всего. Почти все, кроме Карабеллы и Элидата: она отправилась на запад, чтобы встретить его там, а Элидат в отсутствие Валентина занят делами правления на Замковой горе. Но остальные здесь: Слит, Делиамбер, Тунигорн, Шанамир, Лизамон, Эрманар, Тизана, скандар Залзан Кавол, хьорт Эйзенхарт. Да, все его близкие — опора его жизни и царствования.

— Друзья,— произнес он,— поднимите бокалы и поддержите еще один мой тост. Всем вам известно, что Божество не даровало мне возможности беззаботно восседать на троне. Все вы знаете о навалившихся на меня тяготах, испытаниях, с которыми

пришлось столкнуться, задачах, которые предстоит выполнить, о грузе нерешенных проблем...

— Мне кажется, что такие слова сейчас неуместны,— услышал он чей-то голос у себя за спиной. И вновь бормотание Делиамбера:

— За его величество понтифекса! Вы должны предложить тост за его величество понтифекса!

Валентин оставил советы без внимания. Речь его лилась плавно, словно сама собой.

— Если мне будет дарована милость преодолеть эти ни с чем не сравнимые трудности,— продолжал он,— то лишь потому, что у меня есть поддержка, совет, любовь таких товарищей и бесценных друзей, какими могли бы похвастать немногие из царствовавших когда-либо правителей. Благодаря вашей неоценимой помощи, друзья, мы наконец сможем найти спасение от бед, терзающих Маджипур, и вступить в эру истинного братства, которого заслуживаем. Итак, поскольку мы с радостью и желанием готовимся отправиться завтра в великий поход по принадлежащему нам государству, я предлагаю, друзья мои, последний за сегодняшний вечер тост: за вас, за тех, кто поддерживал и сопровождал меня все эти годы и кто...

— Как странно он выглядит,— пробормотал Эрманар.— Ему нездоровится?

По телу Валентина волной прошла ошеломляющая боль, в ушах загудело, дыхание стало огненно-горячим. Он почувствовал, как проваливается в ночь, настолько ужасную в своей темноте, что она, поглотив всякий свет, расползлась по его душе подобно приливу черной крови. Бокал выскользнул из его пальцев и разбился — словно целый мир распался на тысячи мелких осколков, что разлетелись в разные стороны, до самых дальних уголков вселенной. Головокружение стало невыносимым. И тьма... эта абсолютная и беспросветная ночь, полное затмение...

— Ваша светлость! — раздался чей-то крик. Кто это был? Хиссун?

— Он принимает послание! — послышался другой голос.

— Послание? Но как, если он не спит?

— Мой лорд! Мой лорд! Мой лорд!

Валентин опустил взгляд. Все вокруг было черным-черно, по полу будто разливался мрак. Казалось, тьма манит его. «Иди,— говорил тихий голос,— вот твоя тропа, вот твоя судьба: ночь,

тьма, рок. Покорись, лорд Валентин, ты, кто был короналем и никогда не станет понтифексом. Покорись». И Валентин покорился, поскольку в то мгновение замешательства и оцепенения духа ничего иного ему не оставалось. Взглянув в черный омут на полу, он позволил себе упасть в него. Не задаваясь никакими вопросами, не пытаясь что-либо постичь, он погрузился во всепоглощающую тьму.

«Я умер,— подумал он.— И плыву теперь по волнам черной реки, возвращающей меня к Источнику, и вскоре выйду на берег и найду дорогу, которая ведет к мосту Прощания; а потом пойду к тому месту, где любая жизнь имеет начало и конец».

Какое-то необычайное спокойствие объяло его душу, чудесное ощущение удовлетворения и покоя, неодолимое чувство того, что вся Вселенная слилась воедино в счастливой гармонии. Ему казалось, будто он попал в колыбель, где лежит теперь в теплых пеленках, свободный наконец от мук королевской власти. Ах, как хорошо лежать тихо, не обращая внимания ни на какую суету! Неужели это и есть смерть? Что ж, тогда смерть — это радость!

— Вы заблуждаетесь, мой лорд. Смерть — конец радости.

— Кто говорит со мной?

— Вы знаете меня, мой лорд.

— Делиамбер? Ты тоже умер? Ах, старина, до чего же хорошо в смерти!

— Да, верно, вы вне опасности. Но не умерли.

— Но мне кажется, что это очень похоже на смерть.

— Разве вы настолько искушены в признаках смерти, что так уверенно говорите о ней?

— Что же тогда?

— Всего лишь чары,— ответил Делиамбер.

— Уж не твои ли, колдун?

— Нет, не мои. Но я могу снять их в вас, если позволите. Пробуждайтесь. Пробуждайтесь!

— Нет, Делиамбер! Оставь меня.

— Но вы должны, мой лорд.

— Должен,— горько повторил Валентин.— Должен! Всегда должен! Неужели мне никогда не суждено отдохнуть? Оставь меня там, где я есть. Здесь так покойно. Я не обладаю воинственными наклонностями, Делиамбер.

— Пробуждайтесь, мой лорд.

— Ты еще скажи, что пробуждение — мой долг.

— Нет необходимости напоминать о том, что вы и так хорошо знаете. Пробуждайтесь же.

Открыв глаза, он обнаружил, что находится между небом и землей и лежит на руках у Лизамон Халтин. Амазонка несла его как куклу, прижимая к своей необъятной груди. Неудивительно, что он вообразил себя в колыбели или плывущим по черной реке! Рядом с ним, взгромоздившись на левое плечо Лизамон, восседал Аутифон Делиамбер. Тут до Валентина дошло, каким образом он вышел из беспамятства: его лба, щеки и груди касались кончики трех щупалец врууна.

— Можешь меня отпустить,— произнес он, чувствуя неловкость.

— Вы еще очень слабы, ваша светлость,— пророкотала Лизамон.

— Кажется, уже не настолько. Отпусти меня.

Она поставила Валентина с такой осторожностью, будто ему было лет девятьсот. Голова тут же закружилась, и он вытянул руки, чтобы опереться на великаншу, не спешившую отойти. Зубы стучали. Тяжелые одеяния саваном облепили влажную, липкую кожу. Он боялся, что если хотя бы на мгновение закроет глаза, то снова окажется в омуте тьмы, а потому заставил себя твердо стоять на ногах, хоть это и была всего лишь видимость твердости. Старые уроки не прошли даром: независимо от того, какими страхами терзался кораль, нельзя допустить, чтобы его видели растерянным и слабым.

Мгновение спустя Валентин почувствовал, что успокаивается, и оглянулся. Его вынесли из большого зала. Сейчас он находился в каком-то ярко освещенном коридоре со стенами, инкрустированными тысячами переплетенных и перекрывающих друг друга эмблем понтифекса, бесконечно, до ряби в глазах, повторяющихся символов Лабиринта. Вокруг — встревоженные и испуганные лица: Тунигорн, Слит, Хиссун и Шанамир, несколько приближенных понтифекса — Хорнкэст и старик Дилифон, а за ними еще с полдюжины голов в желтых масках вместо лиц.

— Где я? — спросил Валентин.

— Скоро вы окажетесь в своих покоях, ваше высочество,— пояснил Слит.

— Я долго был без сознания?

— Не более двух-трех минут. Во время речи вы вдруг начали падать. Но вас поддержал Хиссун, да и Лизамон оказалась рядом.

— Это вино,— сказал Валентин.— Пожалуй, я многовато выпил: бокал того, бокал другого...

— Сейчас вы вполне трезвы,— заметил Делиамбер.— А ведь прошло всего несколько минут.

— Позволь мне потешить себя надеждой, что все дело только в вине.— Коридор свернул влево, и показалась огромная резная дверь с золотой инкрустацией в виде звездной короны, над которой была вырезана личная монограмма Валентина: «КЛВ».

— Тизана! — позвал он.

— Я здесь, мой лорд,— откликнулась толковательница снов.

— Отлично. Я хочу, чтобы ты вошла вместе со мной. Еще — Делиамбер и Слит. Больше никто. Ясно?

— Можно мне тоже войти? — спросил кто-то из приближенных понтифекса — тонкогубый тощий человек с мертвенно-бледной кожей. Валентин почти сразу узнал Сепултроува, врача понтифекса Тиевераса, и покачал головой.

— Благодарю за заботу, но не думаю, что вы понадобитесь.

— Столь внезапный приступ, мой лорд... вас нужно осмотреть...

— Он прав,— тихо заметил Тунигорн. Валентин пожал плечами.

— Тогда попозже. Позвольте мне сначала поговорить с советниками, любезный Сепултроув. А потом можете немного постучать по моим коленным чашечкам, если считаете, что это необходимо. Тизана, Делиамбер, пойдемте...

Вступая в свои покои, кораль из последних сил изображал царственное величие, и только когда тяжелая дверь отгородила его от взволнованной толпы в коридоре, позволил себе расслабиться. Все еще дрожа от медленно уходящего напряжения, он со вздохом облегчения рухнул на парчовую кушетку.

— Ваша светлость...— мягко обратился к нему Слит.

— Подожди. Подожди, дай мне отойти.

В висках пульсировало, глаза болели. Слишком много усилий было потрачено, чтобы притвориться, будто он быстро и полностью оправился от случившегося в трапезной. Что же все-таки это было? Но постепенно силы начали возвращаться. Валентин поискал взглядом толковательницу снов. Крупная, широкая в

кости и сильная пожилая женщина казалась в этот миг самой крепкой опорой.

— Подойди, Тизана, сядь рядом,— попросил он.

Она присела и провела рукой по плечам короналя. «Да,— подумал Валентин.— О да, так... хорошо!» Тепло возвращалось в его иззябшую душу, и тьма отступала. Валентина буквально переполняла любовь к Тизане, такой надежной и мудрой, именно она в дни изгнания первая назвала его при всех лордом Валентином, хотя тогда он еще вполне довольствовался участью жонглера. Сколько раз за годы правления после реставрации она пила вместе с ним открывающее мысли сонное вино и нежно заключала в объятия, чтобы увидеть приходившие к нему во снах беспокойные образы и объяснить их тайный смысл! Как часто она облегчала ему бремя королевской власти!

— Ваше падение очень испугало меня, лорд Валентин, а вы знаете, что я не робкого десятка. Так вы утверждаете, что все дело в вине?

— Так я сказал там, снаружи.

— Сдается мне, вино тут ни при чем.

— Наверное. Делиамбер считает, что это чары.

— Чьи?

Валентин посмотрел на врууна.

— Что скажешь?

Поведение Делиамбера выражало крайнее замешательство. Валентину нечасто приходилось видеть колдуна в таком состоянии: бесчисленные щупальца крохотного существа в смятении сплетались и шевелились, огромные желтые глаза излучали странный блеск, клюв, похожий на птичий, словно что-то перемалывал.

— Я затрудняюсь с ответом,— сказал наконец Делиамбер.— Точно так же, как не все сны являются посланиями, так и не все чары имеют своего создателя.

— Иногда чары создают сами себя, так? — спросил Валентин.

— Не совсем. Но существуют чары, мой лорд, которые возникают самопроизвольно — изнутри, из чьей-либо души, сосредоточиваясь в ее пустотах.

— О чем ты говоришь? Что я сам на себя навел порчу?:

— Сны и чары — одно и то же, лорд Валентин,— мягко заметила Тизана.— Внутри нас дают о себе знать определенные предчувствия. Предзнаменования стараются пробиться, чтобы попасть в поле зрения. Собираются бури, а они и есть предвестники.

— И ты так быстро все это увидела? Знаешь, прямо перед пиром мне привиделся тревожный сон, и был он, скорее всего, наполнен предзнаменованиями, предсказаниями и предвестниками бури. Но если я не разговаривал во сне, значит, и тебе не мог ничего сказать, разве не так?

— Думаю, вам снился хаос, мой лорд.

Валентин широко раскрыл глаза.

— Откуда ты узнала?

— Хаос должен наступить,— пожав плечами, ответила Тизана.— Все мы признаем справедливость этого утверждения. В мире осталось незаконченное дело, и оно взывает к своему завершению.

— Ты говоришь о метаморфах,— пробормотал Валентин.

— Я не осмеливаюсь давать вам советы относительно дел государственных...

— Оставь эти церемонии. От советников я жду советов, а не расшаркиваний.

— Моя область — лишь царство снов.

— Мне снился снег на Замковой горе и великое землетрясение, расколовшее мир.

— Желаете, чтобы я растолковала вам сон, мой лорд?

— Как ты можешь его толковать, если мы еще не выпили сонного вина?

— Сейчас не слишком удачное время для толкования снов,— твердо заявил Делиамбер.— Для одной ночи у короналя видений было более чем достаточно. Если он сейчас выпьет сонного вина, то это не пойдет ему на пользу. Полагаю, время терпит...

— Мы можем обойтись без вина,— перебила Тизана.— Этот сон может растолковать и ребенок. Землетрясение? Раскол мира? Что ж, вам надо готовиться к тяжким временам, мой лорд.

— О чем ты говоришь?

— Близится война, мой лорд,— вместо Тизаны ответил Слит.

Валентин резко обернулся и устремил взгляд на бывшего жонглера.

— Война? — вскричал он.— Война?!! Неужели мне вновь придется сражаться? За восемь тысяч лет я был первым короналем, вынужденным вывести войска на поле битвы! Неужели мне предстоит сделать это во второй раз?

— Вам наверняка известно, мой лорд,— объяснил Слит,— что борьба за реставрацию была лишь первой схваткой истинной войны, которую придется вести; войны, назревавшей на протяжении столетий. Думаю, вы и сами знаете, что ее невозможно избежать.

— Нет таких войн, которых нельзя избежать.

— Вы так считаете, мой лорд?

Корональ бросил на Слита сердитый взгляд, но ничего не ответил. Они все твердили о том, что он давно уже понял, хотя не хотел об этом слышать. Слова Слита вновь вызвали в его душе страшное беспокойство. Мгновение спустя он встал и принялся молча расхаживать по комнате. В дальнем конце ее стояла громадная жутковатая скульптура, вырезанная из кости морских драконов: переплетенные пальцы двух соединенных ладоней или, может быть, смыкающиеся клыки какой-то колоссальной демонической пасти. Валентин долго простоял у изваяния, бесцельно поглаживая блестящую, отполированную поверхность. «Незаконченное дело, сказала Тизана. Да-да. меняющие форму, метаморфы, пиуривары — назови их любым именем на выбор — аборигены Маджипура, у которых четырнадцать тысячелетий назад переселенцы со звезд отняли этот дивный мир. Восемь долгих лет я пытался понять потребности этого народа, но так ничего и не узнал». Он вновь повернулся к своим собеседникам.

— Когда я поднялся, чтобы произнести речь, мне вдруг вспомнились слова главного представителя понтифекса: «Корональ — это мир, а мир — это корональ». И внезапно я словно стал Маджипуром. Все происходившее в любом уголке мира проходило через мою душу.

— У вас и раньше такое бывало,— сказала Тизана.— В снах, которые я толковала: вы говорили, что видели вырастающие из земли двадцать миллиардов золотых нитей и держали их все в правой руке... И еще один сон: когда вы широко раскинули руки и обняли весь мир, и...

— То другое,— перебил Валентин.— А в этот раз мир распадался на части.

— То есть как?

— Буквально. Разваливался на куски. Не осталось ничего, кроме моря тьмы... в нее-то я и упал...

— Хорнкэст говорил правду,— тихо промолвила Тизана.— Вы и есть мир, ваша светлость. Темное знание ищет к вам путь и

собирается со всего света вокруг вас. Это послание, мой лорд, но не от Хозяйки Острова, не от Короля Снов, а от самого мира.

Валентин повернулся к врууну.

— Что скажешь, Делиамбер?

— Тизану я знаю, кажется, лет пятьдесят и ни разу не слышал, чтобы из ее уст звучали глупые речи.

— Значит, будет война?

— Думаю, что война уже началась,— ответил Делиамбер.

Глава 2

Хиссун корил себя за опоздание на пир. Первая официальная церемония, на которой он присутствовал с тех пор, как очутился в кругу приближенных лорда Валентина,— и на тебе, даже не прийти вовремя. Возмутительная небрежность!

Часть вины лежала на его сестре Эйлимур. Все то время, что он пытался облачиться в красивые парадные одежды, она приставала к нему, суетилась, поправляла наплечную цепь, переживала по поводу длины и покроя камзола, отыскивала на начищенных до зеркального блеска башмаках видимые только ей пятнышки. Эйлимур было пятнадцать лет, нелегкая пора для девушки,— впрочем, Хиссуну иногда казалось, что у девушек любой возраст труден,— и она старалась держаться властно, своевольно, вникала во все домашние дела.

Так что своим стремлением надлежащим образом подготовить Хиссуна к банкету у короналя сестра помогла ему опоздать. Эйлимур потратила минут двадцать, как ему показалось, просто вертя в руках знак его звания — небольшой золотой эполет в виде Горящей Звезды, который он намеревался носить на левом плече в образуемой цепью петле. Девушка бесконечно долго передвигала этот эполет то в одну, то в другую сторону, вымеряя доли дюйма, чтобы разместить эмблему как можно точнее по центру, пока наконец не сказала:

— Отлично. Все. Вот так, посмотри. Нравится?

Она схватила свое старое зеркало, потускневшее и частично осыпавшееся с обратной стороны, и сунула ему под нос. Хиссун увидел мутное, искаженное отражение: этакий незнакомец в пышных одеждах, будто собравшийся на маскарад,— картинный, театральный, неправдоподобный вид. И все же он осознал новое ощущение величавости и властности, пришедшее к нему

благодаря новому наряду. Как странно, подумал он, что торопливо подогнанное у модного портного с площади Масок облачение смогло произвести столь разительную перемену: теперь он больше не Хиссун — озорной уличный оборвыш, не беспокойный и неуверенный в себе молодой человек, но Хиссун-щеголь, Хиссун-павлин, гордый собой соратник короналя.

А еще — Хиссун-опаздывающий. Хотя, если поторопиться, можно было бы добраться до большого зала понтифекса вовремя.

Но тут вернулась с работы его мать Эльсинома, что стало причиной дальнейшей задержки. Войдя в комнату, эта хрупкая, темноволосая, бледная и усталая женщина посмотрела на него с таким благоговением и удивлением, будто кто-то поймал комету и запустил в свободный полет по ее убогой квартире. Глаза Эльсиномы горели, от лица исходил невиданный раньше свет.

— Ты потрясающе выглядишь, Хиссун! Какая роскошь!

Усмехнувшись, он развернулся, чтобы продемонстрировать свое великолепие.

— Просто глазам не верится, да? У меня прямо вид рыцаря с Замковой горы!

— У тебя вид принца! Короналя!

— Ну да, конечно! Лорд Хиссун! Короналю, насколько я знаю, подобает горностаевая мантия, чудесный зеленый дублет и еще, пожалуй, огромная затейливая подвеска в виде Горящей Звезды на груди. Однако я и так хорош, правда, мама?

Они посмеялись, и, несмотря на усталость, мать обняла его и даже протанцевала вместе с ним по комнате, но вскоре отпустила.

— Время поджимает. Пора идти.

— Да, пора.— Он направился к двери.— Как все странно... Я отправляюсь на ужин к самому короналю... буду сидеть с ним рядом, сопровождать его в поездке, поселюсь на Замковой горе...

— Да, это очень странно,— тихо сказала Эльсинома. Все они — Эльсинома, Эйлимур, его младшая сестра Мараун — встали в ряд, и Хиссун торжественно по очереди поцеловал их, пожал руки и отстранился, испугавшись за свои одежды, как только женщины попытались заключить его в объятия. Он видел, что мать и сестры взирают на него, как на богоподобное существо или уж как минимум на короналя, будто он утратил всякое отношение к своей семье и спустился с небес, чтобы сегодня вечером величаво пройтись по этим безрадостным комнатушкам. Ему мнилось, что вовсе не он провел восемнадцать лет жизни в закопченных стенах жилища на первом уровне Лабиринта, словно он всегда был Хиссуном из Замка, кандидатом в рыцари, завсегдатаем королевского двора, знающим толк во всех его удовольствиях.

«Глупость! Безумие! Ты не должен забывать, кто ты такой и с чего начинал»,— убеждал он себя, спускаясь по бесконечной винтовой лестнице на улицу. Но разве можно не думать о том, что произошло? Так много нового появилось в их жизни! Когда-то они с матерью работали на улицах Лабиринта: она выпрашивала кроны у проходящей знати, а он бегал за путешественниками, за полреала настойчиво предлагая им свои услуги в качестве гида по живописным диковинам подземного города. А сейчас он пользуется покровительством короналя, а мать благодаря его новым связям стала буфетчицей в кафе во дворе Шаров. И все это — за счет удачи, сверхъестественной и невероятной, удачи.

А только ли в удаче дело? Когда ему было всего десять лет, он предложил свои услуги высокому светловолосому человеку, даже не подозревая, что этот незнакомец был не кем иным, как короналем лордом Валентином, свергнутым и оказавшимся в Лабиринте, чтобы добиться поддержки понтифекса в борьбе за утраченный престол.

Но само по себе это событие могло и не иметь никаких последствий. Хиссун часто спрашивал себя: чем же он так приглянулся лорду Валентину, что заставило его вспомнить о нищем мальчишке, отыскать после реставрации, предоставить ему работу в Доме Записей, а теперь призвать в святая святых государственного управления? Вероятно, причиной тому его непочтительность, саркастические замечания, холодная, небрежная манера держаться, отсутствие благоговения перед короналями и понтифексами, его самостоятельность, проявившаяся уже в десять лет. Должно быть, это и произвело впечатление на лорда Валентина. «Все рыцари из Замка такие вежливые, изысканные,— размышлял Хиссун,— наверное, в глазах короналя я выглядел чужаком почище какого-нибудь гэйрога. А ведь в Лабиринте полно других мальчишек. Любой из них мог бы уцепиться за его рукав. Но удача улыбнулась именно мне».

Он вышел на небольшую пыльную площадь, на которой стоял его дом. Узкие кривые улочки района двора Гуаделума, где прошла его жизнь, разбегались в разные стороны, а по бокам виднелись скособочившиеся от старости, ветхие тысячелетние зда-

ния, составляющие границу мира. При резком, слишком ярком свете — таким светом, столь не похожим на мягкое золотисто-зеленое солнце, лучи которого никогда не достигали подземелья, был залит весь этот уровень Лабиринта — выщербленная серая кладка древних зданий словно кричала о страшной усталости, об изношенности камня. Хиссун попробовал вспомнить, замечал ли он когда-нибудь раньше, насколько тут убого и уныло.

На площади было полно народу. Мало кто из обитателей двора Гуаделума испытывал желание сидеть вечерами в четырех стенах своих полутемных клетушек; они собрались здесь, чтобы послоняться по какой-нибудь аллее. Хиссуну казалось, что все, кого он когда-либо знал, вышли на улицы поглазеть на его блистательные новые одежды, завистливо похихикать и позлословить. Он увидел Ванимуна, родившегося с ним в один день и час и ставшего когда-то чуть ли не братом, и стройную, с глазами-миндалинами младшую сестру Ванимуна, которая уже подросла, и Хойлана с тремя его кряжистыми братьями, и Никкилона, и маленького с угловатым лицом Гизнета, и продававшего сладкие корешки гумбы врууна с глазами-бусинками, и Конфалюма-карманника, и трех старых сестер-гэйрогов, которых в открытую называли метаморфами, чему Хиссун никогда не верил, и еще кого-то, и еще... И все смотрят, и у всех в глазах молчаливый вопрос: почему ты так вырядился, Хиссун, к чему эта пышность, зачем эта роскошь?

Он торопливо шел через площадь, и на душе было неспокойно: банкет вот-вот начнется, а идти еще далеко. Знакомые без конца преграждали ему путь.

— Куда собрался, Хиссун? На маскарад? — первым подал голос Ванимун.

— Он на Остров направился, с Повелительницей Снов в бирюльки играть!

— Да нет же, он собирается охотиться с понтифексом на морских драконов!

— Дайте пройти,— спокойно попросил Хиссун, видя, что толпа становится все плотнее.

— Дайте пройти! Пропустите его! — весело закричали вокруг, но и не подумали расступиться.

— Где же ты раздобыл эту клоунскую хламиду, Хиссун? — поинтересовался Гизнет.

— Взял напрокат,— откликнулся Хойлан.

— Спер, наверное,— с издевкой предположил один из его братьев.

— Нашел подвыпившего рыцаря в темной аллее и обобрал его как липку!

— Прочь с дороги! — воскликнул Хиссун, которому все труднее становилось сохранять спокойствие.— У меня важное дело.

— Важное дело! Важное дело!

— Он идет на прием к понтифексу!

— Понтифекс хочет сделать Хиссуна герцогом!

— Герцог Хиссун! Принц Хиссун!

— А почему бы не лорд Хиссун?

— Лорд Хиссун! Лорд Хиссун!

В их голосах слышалось что-то недоброе. Десять или двенадцать человек окружили Хиссуна плотной стеной. Сейчас ими двигали обида и зависть. Его пышный наряд, наплечная цепь, эполет, башмаки, плащ...— слишком уж, на их взгляд, вызывающий, слишком высокомерный способ подчеркнуть открывшуюся между ними пропасть. Мгновение спустя чьи-то руки принялись дергать его за камзол, тянуть за цепь. Хиссуну стало страшно. Уговаривать их бесполезно, пробиться силой — попросту безрассудно, а ожидать, что вот-вот появится патруль прокторов,— безнадежно. Он предоставлен самому себе.

Стоявший ближе всех Ванимун потянулся к плечу Хиссуна, словно намереваясь его толкнуть. Хиссун отстранился, но Ванимун успел оставить грязный след на светло-зеленой ткани плаща. Внезапно Хиссуна охватила бешеная ярость.

— Не смейте прикасаться ко мне! — заорал он, рисуя в воздухе знак морского дракона.

Издевательски посмеиваясь, Ванимун вцепился в него второй раз. Хиссун перехватил его запястье и стиснул так, что наглец побледнел.

— Ой! Отпусти! — простонал Ванимун.

Хиссун дернул его руку вверх и назад, грубо развернув противника к себе спиной. Особыми бойцовскими качествами Хиссун никогда не отличался — для этого он был слишком маленьким и хрупким — и полагался обычно на быстроту и смекалку, но в гневе не давал спуску никому. И сейчас, чувствуя, как его переполняет ненависть, низким, напряженным голосом он процедил:

— Если надо будет, я сломаю тебе руку, Ванимун. Не желаю, чтобы меня кто-то трогал!

— Больно!
— Будешь еще руки распускать?
— Уж и пошутить нельзя...
Хиссун до предела вывернул руку бывшего приятеля.
— Я тебе пошучу.
— От-т-пу-у-у-сти-и-и...
— Если будешь держаться от меня подальше.
— Ладно... Ладно!

Хиссун отпустил Ванимуна и отдышался. Сердце бешено колотилось, он весь покрылся потом, но не хотел даже думать о том, как сейчас выглядит. А Эйлимур так старалась...

Его противник отступил назад, с угрюмым видом потирая запястье.

— Он боится, видите ли, что я испачкаю такой шикарный наряд. Не хочет, чтобы простые люди его замарали.
— Именно так. А теперь — прочь с дороги. Я уже опаздываю.
— Надо думать, на банкет к короналю?
— Совершенно верно. Опаздываю на банкет к короналю.

Ванимун и остальные так и остались стоять с широко раскрытыми от удивления глазами; их лица выражали нечто среднее между презрением и почтительностью. Хиссун растолкал их и зашагал через площадь. У него мелькнула мысль, что вечер начинается не слишком удачно.

Глава 3

В один прекрасный день, в разгар лета, когда солнце неподвижно висело над Замковой горой, корональ лорд Валентин с легким сердцем выехал на усыпанные цветами луга у подножия левого крыла Замка.

Он отправился один, не взяв с собой даже супругу, леди Карабеллу. Советники не одобряли его стремление отказываться от сопровождения охраны даже на территории Замка, не говоря уж о риске, которому он подвергался за пределами обширных королевских владений. И всегда, когда возникал этот вопрос, Элидат досадливо бил кулаком по ладони, Тунигорн выпрямлялся во весь рост, как бы желая закрыть своим телом дорогу Валентину, а у маленького Слита просто лицо чернело от ярости, и он напоминал короналю о том, что врагам однажды уже удалось свергнуть его, и они способны повторить попытку.

— Но ведь в любом месте Замковой горы я наверняка буду в полной безопасности,— возражал Валентин.

Однако до сих пор им всегда удавалось настоять на своем под предлогом, что безопасность короналя Маджипура превыше всего. Поэтому, когда лорд Валентин выезжал куда-нибудь, его обязательно сопровождали Элидат, Тунигорн или, иногда, Стазилейн, точно так же, как в детстве. А позади, на почтительном расстоянии, незаметно следовали личные охранники короналя.

Но на этот раз Валентин каким-то образом улизнул, не попавшись никому на глаза. Он и сам удивлялся, как это ему удалось. Утром Валентина охватило непреодолимое желание прогуляться; он направился в конюшни южного крыла, без помощи конюха оседлал любимого скакуна и поехал по зеленому фарфору необычно пустынной площади Дизимаула, стремительно миновал огромную арку и очутился на великолепных полях, примыкавших к Большому Калинтэйнскому тракту. Никто не остановил его. Никто не окликнул. Казалось, благодаря каким-то чарам он стал невидимым.

Свободен! Пусть всего лишь на пару часов — но свободен! Корональ откинул голову и расхохотался, а затем подстегнул скакуна и пустил его галопом по лугам. Копыта огромного пурпурного животного словно парили над ковром из бесчисленного множества цветов. Эх, вот это жизнь!

Фантастическая громада Замка за спиной быстро уменьшалась в размерах. Но даже на таком расстоянии состоявший примерно из сорока тысяч помещений Замок поражал величиной: он загораживал полгоризонта и походил на некое гигантское чудовище, вцепившееся в вершину Горы, навалившееся на нее всем своим гигантским весом. Валентин не мог вспомнить ни единого случая после реставрации, когда он покидал Замок без охраны. Ни единого!

Что ж, зато теперь он вырвался на волю. Валентин посмотрел налево, где под головокружительным углом уходила вниз скала в тридцать миль высотой — Замковая гора, и увидел город развлечений Большой Морпин, сиявший паутиной воздушных золотых нитей. А что, если отправиться туда и посвятить весь день развлечениям? Почему бы и нет? Ведь он свободен! Стоит только захотеть, и можно поехать дальше и прогуляться по садам Барьера Толингар среди халатинговых деревьев, танигалов и ситери-

лов, а потом вернуться с желтым цветком алабандина на шляпе вместо кокарды... А может, поехать в Фурибл ко времени кормления каменных птиц или в Сти — попить золотого вина на вершине Башни Тимина? Или съездить в Бомбифэйл, Перитол или Банглкод?.. Этот день принадлежит ему!

Скакун, казалось, способен был отвезти своего седока куда угодно. Час за часом он нес его на своей спине, не выказывая ни малейшей усталости. В Большом Морпине Валентин привязал животное у фонтана Конфалюма, где копьевидные, тонкие струи подкрашенной воды били вверх на сотни футов, в силу какого-то древнего колдовства оставаясь при этом прямыми. Он пешком прошелся по улицам из плотно сплетенных золотых канатов, и вышел к зеркальному катку, где они с Вориаксом в далеком детстве так часто испытывали свою ловкость. Однако на зеркальном катке никто не обратил на него внимания, будто все считали неучтивым наблюдать за катающимся короналем или кто-то набросил ему на плечи чудесный плащ-невидимку. Валентин, разумеется, отнюдь не был огорчен таким невниманием. После катка Валентин хотел было сходить к силовым туннелям или к джаггернотам, но потом решил, что продолжение поездки будет не менее приятным, и мгновение спустя вновь оказался на спине скакуна и направился в Бомбифэйл.

В этом древнейшем и красивейшем из всех городов, где закругленные стены из темного грязно-оранжевого песчаника венчали светлые башни с изящно заостренными макушками, однажды, давным-давно, когда он в одиночестве сидел в отделанной граненым ониксом и полированным алебастром таверне, к нему пришли пятеро друзей, и в ответ на его радостное приветствие преклонили колени, сделали знак Горящей Звезды и воскликнули: «Валентин! Лорд Валентин! Да здравствует лорд Валентин!» В первый момент он подумал, что это розыгрыш: ведь он не король, а лишь младший брат короля, он не желает становиться и никогда не станет королем. Валентин был не из тех, кого легко вывести из себя, но тогда он все же разозлился, что друзья так жестоко шутят. Однако при виде их бледных лиц и необычного выражения глаз гнев покинул его, уступив место печали и страху: так Валентин узнал, что Вориакс, его брат, погиб, а он провозглашен короналем. Сегодня, по прошествии десяти лет, Валентину казалось, что у каждого третьего прохожего в Бомбифэйле лицо Вориакса — черная борода, румяные щеки, тяжелый взгляд... На душе стало тревожно, и он поспешил уехать.

Больше Валентин нигде не останавливался, ведь столько еще предстояло увидеть, столько проехать. Минуя один город за другим, он мчался легко и безмятежно, будто плыл или летел. То здесь, то там с края какого-нибудь обрыва открывалась одна из тех изумительных перспектив, какими славилась Гора, были видны как на ладони все ее Пятьдесят Городов, а также бесчисленные городки у подножия, и Шесть Рек, и широкая равнина Алханроэля, протянувшаяся до самого Внутреннего моря,— какое великолепие, какая ширь! Маджипур! Вне сомнения, он — прекраснейший из всех миров, по которым рассеялось человечество в течение нескольких тысяч лет после начала великого переселения со Старой Земли. И все это отдано в его руки, вверено его заботе. На него возложена величайшая ответственность, от которой нельзя отказаться.

Но, продолжая путь, он почувствовал, что происходит что-то странное. Стало темнеть и холодать; Валентин удивился: климат на Замковой горе был рукотворным, здесь всегда царила весна. Затем что-то холодное ударило его по щеке. Озираясь по сторонам в поисках того, кто посмел оскорбить короналя, он никого не увидел. И тут до него дошло, что это снег, гонимый ледяным ветром ему навстречу. Снег на Замковой горе? Ледяные ветры?

Дальше — хуже: земля застонала, как чудовище в родовых муках. Его скакун, обычно такой спокойный и послушный, в страхе шарахнулся назад, издал странный, напоминающий ржание звук и в неподдельном испуге затряс массивной головой. Валентин услышал отдаленные громовые раскаты, затем, уже ближе,— диковинный скрежет и увидел на поверхности земли гигантские борозды. Все вокруг бешено вздымалось и сотрясалось. Землетрясение? Гора содрогалась подобно мачте корабля охотников на драконов под натиском суховея с юга. Само свинцово-черное небо внезапно словно отяжелело.

Что это? О, милосердная Повелительница, что творится на Замковой горе?

Валентин отчаянно вцепился в становящееся на дыбы, охваченное паникой животное. Казалось, вся планета раскалывается, рассыпается, растекается, рушится... Корональ обязан сохранить этот мир, крепко прижать к груди гигантские континенты,

удержать в берегах моря, остановить реки, что вздымаются во всесокрушающей ярости над беззащитными городами... А он совершенно бессилен что-либо сделать.

Могучие силы вздыбливали целые провинции и бросали их друг на друга. Он протянул руки, чтобы удержать все на месте, мечтая иметь железные обручи, чтобы стянуть ими мир... Тщетно! Земля сотрясалась, вздымалась и раскалывалась, черные тучи пыли застилали солнце, а он был не в состоянии подавить этот чудовищный катаклизм. В одиночку предотвратить распад планеты невозможно.

— Лизамон! Элидат!

Нет ответа. Он снова и снова звал на помощь друзей, но голос тонул в грохоте и треске.

Устойчивость покинула мир. Валентину вспомнились вдруг зеркальные катки Морпина, где приходилось пританцовывать и подпрыгивать, чтобы удержаться на ногах, противостоять вращению и раскачиванию. Но то была игра, а тут — сущий хаос, когда выворачиваются корни мироздания. Стихия швырнула его наземь и поволокла прочь, перекатывая с бока на бок; в отчаянии он вонзил пальцы в мягкую податливую почву, чтобы не соскользнуть в одну из разверзшихся рядом трещин, откуда доносился зловещий смех и исходило багровое сияние от поглощенного землей солнца. В воздухе проплывали сердитые лица... он их почти узнавал, но, когда пытался рассмотреть получше, они беспорядочно изменялись: глаза превращались в носы, а носы — в уши. Затем, позади этих искаженных физиономий, он разглядел еще одно знакомое ему лицо, обрамленное сияющими темными волосами, встретил доброжелательный взгляд. Хозяйка Острова Сна, его нежная матушка!

— Достаточно,— произнесла она.— Теперь просыпайся, Валентин.

— Выходит, мне все это снится?

— Да-да, конечно.

— Тогда я должен досмотреть сон и узнать, что будет дальше.

— Думаю, с тебя довольно. Проснись.

Да. Хватит. Чуть больше знания — и ему конец. Наученный давним опытом, он вырвался из этого неожиданного сна и сел, пытаясь стряхнуть с себя оцепенение и смятение. Образы титанических катаклизмов все еще тревожили душу, но постепенно он осознал, что вокруг царят мир и покой. Валентин лежал на

роскошной парчовой кушетке, отделанной в зеленых с золотом тонах. Что остановило землетрясение? Куда подевался скакун? Кто принес его сюда? Ага, вот они! Над ним наклонился бледный, худощавый, седовласый человек с неровным шрамом во всю щеку. Слит. А за ним стоит Тунигорн — хмурый, густые брови сошлись в одну линию.

— Успокойтесь, успокойтесь,— приговаривал Слит.— Теперь все хорошо. Вы уже проснулись.

Проснулся? Так это лишь сон?

Кажется, действительно сон. Он вовсе не путешествовал по Замковой горе. Не было ни метели, ни землетрясения, не было пылевых облаков, затмевавших солнце. Да, сон! Но какой ужасный, устрашающе правдоподобный и неодолимый, настолько всепоглощающий, что он не без труда сумел вернуться к действительности.

— Где мы находимся? — спросил Валентин.

— В Лабиринте, ваша светлость.

Где? В Лабиринте? Что же, получается, что его тайно перенесли с Замковой горы во время сна? Валентин почувствовал, как пот крупными каплями проступает на лбу. Да, это Лабиринт. Теперь он вспомнил. Государственный визит, до конца которого, хвала Божеству, осталась лишь одна ночь. Пришлось вытерпеть ужасный банкет — избежать его не было никакой возможности. Лабиринт, запутанный Лабиринт... и сейчас он находится на самом нижнем его уровне. Стены комнаты украшали чудесные фрески с видами Замка, Горы, Пятидесяти Городов, пейзажи, настолько приятные взору, что сейчас они казались ему жестокой насмешкой. Как далеко до Замковой горы, до ласкового солнечного света и тепла...

Как это неприятно: пробудиться от кошмарного сна, в котором видел сплошные разрушения и бедствия, только для того, чтобы оказаться в самом унылом на свете месте!

Глава 4

В шести сотнях миль от сверкающего хрустального города Дюлорна, в болотистой долине, известной под названием долина Престимиона, где несколько сотен семейств гэйрогов выращивали на широко раскинувшихся плантациях лусавендру и рис, наступал сезон сбора урожая середины года. Лоснисто-черные

стручки лусавендры свисали налитыми гроздьями с концов изогнутых побегов, поднимавшихся над полузатолленными полями.

Для Аксимаан Трейш, старейшей и хитроумнейшей из всех, кто занимался выращиванием лусавендры в долине Престимиона, с этой страдой были связаны волнения, подобных которым она не испытывала в течение многих десятилетий. Эксперимент по протоплазменной подкормке, начатый ею три года назад под руководством правительственного сельскохозяйственного агента, близился к завершению. В этот сезон она засадила лусавендрой нового вида всю плантацию: и вот они, стручки, в два раза крупнее обычного, готовые к сбору! Больше никто в долине не решался на риск, пока Аксимаан Трейш все не проверит. А теперь она это сделала и в ближайшее время получит результаты. Все они заплачут — да-да, заплачут! — когда она на неделю раньше остальных появится на рынке с вдвое большей, чем обычно, партией зерна!

Стоя по колено в грязи на краю своих полей, она давила пальцами ближайшие стручки, пытаясь определить, когда начинать сбор. К ней подбежал один из ее старших внуков.

— Отец велел сказать, что слышал в городе, будто из Мазадоны выехал сельскохозяйственный агент! Он уже добрался до Хелькаплода, а завтра поедет в Сиджаниль.

— Тогда в долине он будет во Второй день,— сказала она.— Хорошо. Отлично! — Ее раздвоенный язык затрепетал.— Иди, дитя, возвращайся к отцу. Скажи, что в Морской день мы устроим праздник для агента, а в Четвертый день начнем собирать урожай. И я хочу, чтобы вся семья собралась через полчаса в доме возле плантации. Теперь ступай. Бегом!

Плантация принадлежала семейству Аксимаан Трейш со времен лорда Конфалюма. Она имела форму неправильного треугольника, что протянулся миль на пять вдоль речки Хэвилбоув, в юго-восточном направлении доходил неровной линией до границ Мазадонского леса и заворачивал обратно к реке в северном направлении.

В пределах этого участка Аксимаан Трейш безраздельно повелевала своими пятью сыновьями, девятью дочерьми, бесчисленными внуками и двадцатью с лишним лиименами и вруунами, ее работниками. Если Аксимаан Трейш говорила, что пора сеять, они выходили сеять. Когда Аксимаан Трейш сообщала, что наступило время сбора урожая, все начинали собирать урожай.

В большом доме на краю андродрагмовой рощицы ужин подавали, лишь когда она выходила к столу. Даже распорядок сна в семье подчинялся указаниям Аксимаан Трейш, поскольку гэйроги впадают в зимнюю спячку, а допустить, чтобы вся семья спала одновременно, она не могла. Старший сын знал, что должен бодрствовать первые шесть недель ежегодного зимнего отдыха матери; на оставшиеся шесть за главу семьи оставалась старшая дочь. Среди остальных членов Аксимаан Трейш распределяла время сна в соответствии со своими представлениями о потребностях плантации. Никто никогда не задавал ей вопросов. Даже в молодости — а это было невероятно давно, когда понтифексом был Оссиер, а Замком владел лорд Тиеверас — именно к ней в тяжкие времена обращались за советом ее отец и супруг. Она пережила обоих, а также кое-кого из своего потомства, и множество короналей сменилось на Замковой горе за это время, а Аксимаан Трейш все еще активно хозяйничала на своей земле. Ее толстая чешуйчатая кожа лишилась глянцевого блеска и с возрастом приобрела фиолетовый оттенок, извивающиеся змееподобные волосы сменили иссиня-черный цвет на бледно-серый, холодные немигающие глаза помутнели, но она по-прежнему неутомимо выполняла свои обязанности.

Кроме риса и лусавендры, на ее плантациях нельзя было вырастить ничего стоящего, да и эти растения требовали непомерных затрат труда. Дождевые бури далекого севера легко проникали в провинцию Дюлорн через огромную трубу ущелья. Хотя сам город Дюлорн располагался в сухом климате, обильно поливаемая и хорошо осушаемая зона к западу от него отличалась плодородностью почвы. Но район вокруг долины Престимиона, к востоку от ущелья, представлял собой совершенно другой тип местности — болотистой и сырой, с вязкой голубоватой грязью вместо почвы. Однако при тщательном планировании там можно было вырастить рис к концу зимы — как раз перед весенним паводком, а лусавендру — поздней весной и еще раз — в конце осени. Никто в этих местах не знал сезонных ритмов лучше, чем Аксимаан Трейш, и лишь самые шустрые из фермеров успевали высадить рассаду прежде, чем проносился слух о том, что она уже приступила к севу.

Несмотря на всю ее властность и авторитет, у Аксимаан Трейш имелась одна черта, которую народ долины считал непостижимой: она столь внимательно прислушивалась к советам сельско-

хозяйственного агента провинции, будто он был кладезем всевозможных знаний, а она — лишь ученицей. Два-три раза в год агент выбирался из Мазадона — столицы провинции, совершал объезд по болотистым землям и первую остановку в долине всегда делал на плантации Аксимаан Трейш. Она размещала его в большом доме, открывала бочонки искристого вина и крепленого нийка, посылала внуков на Хэвилбоув наловить маленьких вкусных хиктиганов, сновавших между камней на порогах, приказывала разморозить куски мяса бидлака и поджарить их на огне из поленьев душистого твейла. По окончании застолья она усаживалась рядом с агентом и до поздней ночи вела беседы о таких вещах, как удобрения, прививки для рассады, уборочная техника, а ее дочери Хайнок и Ярнок тем временем записывали каждое слово.

Для всех оставалось загадкой, почему Аксимаан Трейш, которая наверняка больше всех на свете знала о выращивании лусавендры, прислушивалась к тому, что говорил маленький правительственный чиновник. Для всех — кроме ее семьи.

«У нас свои обычаи, и их нужно соблюдать,— говаривала она.— Мы делаем то же, что и всегда, поскольку раньше это себя оправдывало. Сажаем семена, ухаживаем за рассадой, следим за ее ростом, созреванием, собираем урожай, а потом точно так же начинаем все заново. И если каждый год урожай не меньше предыдущего, считается, что все сделано хорошо; а на самом деле мы терпим неудачу, так как всего лишь повторяем то, что делали прежде. Но в жизни нельзя стоять на месте: остановиться — значит утонуть в болоте».

Потому-то Аксимаан Трейш и подписывалась на сельскохозяйственные журналы, время от времени посылала внуков учиться в университет и самым внимательным образом выслушивала все, что говорил агент. Ее агротехнические методы год от года совершенствовались, количество мешков с лусавендрой, отправляемых на рынок в Мазадону, неуклонно возрастало, все выше становились кучи блестящих рисовых зерен в ее закромах. Ведь всегда можно научиться делать что-то лучше, чем умеешь, и Аксимаан Трейш не жалела на учебу ни средств, ни сил. «Мы и есть Маджипур,— все время повторяла она.— Большие города стоят на основании из зерна. Без нас и Ни-мойя, и Пидруид, и Кинтор, и Пилиплок превратились бы в пустыни. А города растут с каждым годом, поэтому мы должны больше работать, чтобы

прокормить их. У нас нет выбора. Такова воля Божества. Разве не так?»

К настоящему времени она пережила пятнадцать или двадцать агентов. Появлялись они, как правило, молодыми и энергичными, но зачастую не решались обращаться к ней со своими предложениями. «Не знаю, чему вообще я смогу вас научить,— обычно говорили они.— Это я должен учиться у Аксимаан Трейш!» И ей каждый раз приходилось начинать все снова: подбадривать их, вселять в них уверенность и убеждать в своем искреннем желании побольше услышать о всяких новинках.

Поэтому, когда старый агент уступал место какому-нибудь юнцу, она испытывала досаду. С возрастом ей все труднее становилось налаживать хоть сколько-нибудь полезные отношения с новичками. Иногда на это уходило несколько сезонов. Но при появлении два года назад Калимана Хайна трудностей такого рода не возникло. Это был молодой человек лет тридцати, сорока или пятидесяти — все, кто был моложе семидесяти, выглядели в глазах Аксимаан Трейш молодыми — с крайне резкими, можно сказать, бесцеремонными манерами, что пришлось ей по нраву. Он держался уверенно и, судя по всему, не имел ни малейшего намерения льстить.

— Мне говорили, что вы больше всех стремитесь применять новшества,— без обиняков заявил Хайн меньше чем через десять минут после знакомства.— А что вы скажете насчет процесса, который может удвоить размер зерен лусавендры без ущерба для их вкуса?

— Я бы сказала, что меня дурачат,— ответила она.— Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Тем не менее такой способ существует.

— Неужели?

— Мы готовы к его опытному применению в ограниченных масштабах. По документам моих предшественников я узнал, что вы славитесь склонностью к экспериментам.

— Да, так и есть,— подтвердила Аксимаан Трейш.— И что это за способ?

По его словам, речь шла о протоплазменной подпитке с использованием ферментов, способствующих растворению клеточных оболочек растений для обеспечения доступа генетического вещества внутрь клеток. Это вещество затем может подвергнуться обработке, после чего клеточная ткань, или протоплазма, по-

мещается в окультуренное растение, где ей дают восстановить клеточную оболочку. Из единственной клетки можно вырастить целое растение со значительно улучшенными характеристиками.

— Я думала, что о подобных методах на Маджипуре забыли тысячи лет назад,— сказала Аксимаан Трейш.

— Лорд Валентин в определенной степени поощряет возрождение интереса к древним наукам.

— Лорд Валентин?

— Ну да, корональ.

— Ах, корональ! — Аксимаан Трейш отвела взгляд. Валентин? Она была почти уверена, что имя короналя — Вориакс, однако после недолгих раздумий вспомнила, что Вориакс погиб. Да, его сменил, как она слышала, лорд Валентин, и, поразмыслив еще немного, припомнила, что с Валентином произошло нечто странное — не он ли обменялся телом с другим человеком? Да, наверное, именно он. Но такие существа, как коронали, почти ничего не значили для Аксимаан Трейш, не покидавшей долину уже двадцать или тридцать лет. Замковая гора со всеми ее короналями была так далека, что воспринималась, как нечто мифическое. Для нее имело значение лишь выращивание риса и лусавендры.

Калиман Хайн сообщил, что в имперских растениеводческих лабораториях выращен усовершенствованный клон лусавендры, которому требуются испытания в естественных полевых условиях. Он предложил Аксимаан Трейш сотрудничество и пообещал, что не отдаст новое растение никому в долине, пока у нее не появится возможность засадить им все свои поля.

Желание попробовать было непреодолимо. Она получила от агента пакет поразительно крупных лусавендровых зерен, больших и блестящих, размером с глаз крупного скандара, и высадила их в отдаленном уголке участка, где вероятность перекрестного опыления с обычной лусавендрой отсутствовала. Зерна проросли очень быстро, и всходы отличались от обычных лишь двойной-тройной толщиной стебля. Однако в пору цветения пурпурные цветы нового сорта достигли чрезвычайных, почти с блюдце, размеров, а из цветов появились стручки сверхъестественной длины, из которых в период сбора урожая были извлечены в огромных количествах гигантские зерна. Аксимаан Трейш испытывала искушение пустить их осенью на посадку и занять все площади новым сортом лусавендры, чтобы следующей зимой

получить небывалый урожай. Но ей не удалось это сделать, так как большую часть чудо-зерен пришлось вернуть Калиману Хайну для лабораторных исследований в Мазадоне. Он оставил ей столько, чтобы хватило примерно на одну пятую всех площадей, а потом попросил смешать увеличенные зерна с нормальными. Предполагалось, что при взаимном скрещивании приобретенные характеристики окажутся доминантными, но в таких масштабах это еще не проверялось.

Хоть Аксимаан Трейш и запретила своей семье говорить об эксперименте в долине, долго хранить его в тайне от других фермеров оказалось невозможным. Растения второго поколения, толстые стебли которых торчали по всей плантации, едва ли можно было спрятать, и весть о том, чем занимается Аксимаан Трейш, разлетелась по всей округе. Любопытствующие соседи напрашивались на приглашение и изумленно глазели на новую лусавендру.

Но все же их не покидали сомнения. «Такие растения высосут из почвы все питательные вещества за два-три года,— предположил кто-то.— Если это будет продолжаться, то ее земля превратится в пустыню». Другие полагали, что пища с этими гигантскими зернами будет безвкусной или горькой. И лишь немногие с уверенностью утверждали, что Аксимаан Трейш знает свое дело. Но даже они предпочитали увидеть результаты сначала на ее поле.

К концу зимы она собрала урожай: обычное зерно отправили на рынок, а новый сорт рассыпали по мешкам и отложили для посадки. На третий сезон все встанет на свои места. Поскольку крупные зерна частично были получены за счет клонирования, а другая часть — возможно, бóльшая — представляла собой гибрид нормальной и приращенной лусавендры, то оставалось лишь посмотреть, что за растения получатся из гибридных семян.

К концу зимы, пока не начался паводок, подошло время сажать рис. Затем на более возвышенные и сухие земли плантации были посажены зерна лусавендры. Всю весну и лето Трейш наблюдала, как поднимаются толстые стебли, распускаются огромные цветы, удлиняются и темнеют стручки. Время от времени она разламывала какой-нибудь стручок и разглядывала мягкие зеленые зерна. Что большие — нет сомнений. Но каковы на вкус? А что, если они безвкусные или вообще непригодны в пищу? Ее ставкой в этой игре был весь урожай.

Впрочем, ответа осталось ждать недолго.

В Звездный день пришло известие о приезде сельскохозяйственного агента и о том, что он, как и ожидалось, появится на плантации во Второй день. Но из этого же сообщения выяснилось нечто непонятное и вызывающее беспокойство: прибывающий агент — не Калиман Хайн, а некий Эревейн Нур. Аксимаан Трейш никак не могла понять, почему ушел Хайн: такой молодой — и уже в отставке. Вдобавок ее волновало, что он исчез как раз перед завершением опытов с протоплазмой.

Эревейн Нур оказался еще моложе Хайна и раздражающе зеленым. Употребляя затасканные цветистые выражения, он сразу же пустился в рассуждения о том, какая это честь — познакомиться с ней, но Аксимаан Трейш оборвала его.

— А где тот, другой? — требовательно спросила она. Нур ответил, что этого, по всей видимости, не знает никто, и сбивчиво рассказал о том, как месяца три назад Хайн бесследно пропал, оставив после себя ужасный беспорядок в делах.

— Мы все еще пытаемся с этим разобраться. Очевидно, он затеял множество всяких экспериментальных исследований, но неизвестно каких и с кем и...

— Один из экспериментов проходил здесь,— холодно сказала Аксимаан Трейш.— Это полевые испытания протоплазменного прироста лусавендры.

Нур *тяжело вздохнул.*

— Спаси меня Божество! Со сколькими же еще частными проектами Хайна мне придется столкнуться? Лусавендра, приращенная протоплазмой?

— Вы говорите так, будто никогда не слышали этих терминов.

— Слышать-то слышал, но не могу похвастать тем, что много знаю о них.

— Пойдемте со мной,— сказала она и направилась мимо риса, выросшего по пояс, к лусавендровым полям. Гнев придал энергии ее походке, и молодой агент с трудом поспевал за ней. По дороге она рассказала ему о пакете с гигантскими семенами, привезенном Хайном, о посадке нового клона на ее земле, о скрещивании с обычной лусавендрой, о вызревающем в настоящий момент поколении гибридов. Добравшись до первых рядов лусавендры, она вдруг испуганно остановилась и воскликнула:

— Помилуй нас, Повелительница!

— Что это?

— Смотрите! Смотрите!

Ощущение времени вдруг покинуло Аксимаан Трейш. Гибридная лусавендра внезапно начала выбрасывать зерна недели за две, если не больше, до положенного срока. Огромные стручки раскрывались под палящим летним солнцем, растрескиваясь с противным звуком, напоминающим щелканье костей. Каждый стручок, взрываясь, расшвыривал свои гигантские зерна, разлетавшиеся во все стороны со скоростью пуль. Пролетев тридцать-сорок футов по воздуху, они зарывались в густую грязь, покрывавшую залитые поля. Конца этому, похоже, не намечалось. Через час все стручки раскроются, и урожай будет потерян.

Но худшее ждало впереди.

Из стручков вылетали не только зерна, но и мелкая коричневая пыль, хорошо знакомая Аксимаан Трейш.

Она отчаянно рванулась в поле, не обращая внимания на разлетавшиеся семена, больно жалившие ее чешуйчатую шкуру, схватила еще не раскрывшийся стручок и разломила его. Вверх поднялось облако пыли. Да! Лусавендровая ржавчина! В каждом стручке содержалось не меньше горсти спор. По мере того как стручки один за другим взрывались на дневной жаре, коричневые споры, зависшие над полем, образовали в воздухе видимую дымку, неспособную противостоять даже легкому ветерку.

Эревейн Нур тоже понимал, что происходит.

— *Вызывайте ваших работников!* — *закричал он.*— Все это надо повыдергивать.

— Слишком поздно,— произнесла Аксимаан Трейш замогильным голосом.— Никакой надежды. Слишком поздно, слишком поздно. Что же теперь удержит споры? — ее земля была непоправимо заражена. А через час споры распространятся по всей долине.— Нам конец, неужели не видите?

— Но ведь лусавендровая ржавчина давно уничтожена! — дурацким голосом проблеял Нур.

Аксимаан Трейш кивнула. Она прекрасно все помнила: выжигание, опрыскивание, выведение устойчивых к ржавчине видов, уничтожение всех растений с генетической предрасположенностью к сохранению смертоносного грибка. Семьдесят, восемьдесят, девяносто лет тому назад; сколько пришлось потрудиться, чтобы избавить мир от этой болезни! И вот ржавчина вернулась в гибридах. Только они одни на всем Маджипуре могли стать убежищем для лусавендровой ржавчины. Ее растения, с такой любовью выращенные, такие ухоженные... Своими соб-

ственными руками она вернула ржавчину в мир и выпустила на волю, чтобы заразить посевы соседей.

— Хайн! — взревела она.— Хайн, где ты? Что ты со мной сделал?

Ей хотелось умереть прямо сейчас, прямо здесь, до того как произойдет то, что должно случиться. Долгая жизнь, которая раньше казалась благословением, теперь стала ее проклятием. Разрывы стручков звучали орудийными залпами продвигающейся по долине неприятельской армии. Она подумала, что пережила свой срок: теперь ей суждено увидеть конец света.

Глава 5

Пользуясь с детства знакомыми коридорами и лифтами, Хиссун пробирался вниз, чувствуя себя помятым, потным и преисполненным дурных предчувствий. Он спускался с одного уровня на другой, и вскоре ветхий мир внешнего кольца остался далеко позади. Теперь его окружали чудеса и красоты, которых он не видел уже несколько лет: двор Колонн, зал Ветров, дворец Масок, двор Пирамид, двор Шаров, Арена, Дом Записей. Люди, приходившие сюда с Замковой горы, из Алаизора, Стойена и даже из невероятно далекой и, скорее всего, легендарной Нимойи на другом континенте, бродили вокруг, ошеломленные и подавленные, охваченные восторгом перед гениальностью тех, кто придумал и воздвиг столь причудливые архитектурные диковинки на такой глубине. Но Хиссун различал за этой вычурностью скучный, унылый, старый Лабиринт и не находил в нем ни очарования, ни тайн — для него Лабиринт был просто домом.

Обширная пятиугольная площадь перед Домом Записей служила нижней границей территории, доступной широкой публике. Дальше в глубину все помещения занимали правительственные чиновники. Хиссун прошел мимо огромного, светившегося зеленым цветом экрана на стене Дома Записей. Здесь были перечислены все понтифексы, все коронали — два столбца имен, тянувшиеся ввысь, за пределы видимости самого зоркого глаза, где присутствовали имена Дворна и Меликанда, Бархольда и Стиамота, правивших тысячелетия назад, а также Кинникена и Оссиера, Тиевераса и Малибора, Вориакса и Валентина. У дальнего конца имперского списка Хиссун предъявил документы одутловатому хьорту в маске, охранявшему вход, и спустился в самую

глубокую зону Лабиринта. Он проследовал мимо крохотных клетушек чиновников средней руки, мимо резиденций высоких министров, мимо туннелей, ведущих к огромной вентиляционной системе, от которой зависела жизнь обитателей Лабиринта. Раз за разом его останавливали на постах и требовали предъявить документы. В имперском секторе к вопросам безопасности относились очень серьезно. Здесь находилась и обитель самого понтифекса — рассказывали, что это огромный стеклянный шар, внутри которого восседает на троне старый монарх, опутанный сетью трубок системы жизнеобеспечения, уже многие годы продлевающей его существование, несмотря на то что отведенный ему срок давно истек. Неужели они боятся убийц? — подумал Хиссун. Если то, что он слышал, правда, то лишь милосердие Божества способно избавить старого понтифекса от этих трубок и позволить бедняге Тиеверасу вернуться к Источнику Всего Сущего. Хиссун не мог понять необходимости на протяжении десятков лет поддерживать жизнь в безумном и дряхлом старце.

Наконец, залыхавшийся и потрепанный, он достиг преддверия Большого зала на самом дне Лабиринта и понял, что безнадежно опоздал почти на час.

Три громадных косматых скандара в форме гвардии короналя преградили ему путь. Хиссун, съежившийся под свирепыми и высокомерными взглядами четвероруких гигантов, с трудом подавил в себе желание упасть на колени и попросить у них прощения. Неимоверным усилием воли он собрал остатки чувства собственного достоинства и, стараясь придать обращенному на стражников взгляду как можно больше высокомерия — непростая задача, когда смотришь в глаза существам девяти футов ростом,— объявил, что принадлежит к числу приближенных лорда Валентина и приглашен на банкет.

В глубине души он ожидал грубости и насмешек с их стороны. Но нет: стражники угрюмо осмотрели его эполет, заглянули в какие-то свои бумажки, низко поклонились и распахнули перед Хиссуном огромную, окованную медью дверь.

Наконец-то! Банкет у короналя!

Прямо в дверях стоял пышно разодетый хьорт с огромными золотистыми глазами навыкате и причудливыми, выкрашенными в оранжевый цвет усами, резко выделявшимися на фоне сероватой и грубой кожи его лица. То был Виноркис, мажордом

короналя. Он встретил Хиссуна с большой торжественностью и воскликнул:

— Ах! Посвященный Хиссун!

— Еще не посвященный,— возразил было тот, но хьорт уже величественно развернулся и, не оглядываясь, зашагал по центральному проходу. Хиссуну ничего не оставалось, как последовать за ним на онемевших вдруг ногах. В зале находилось, должно быть, не меньше пяти тысяч приглашенных; они сидели за круглыми столами, примерно на двенадцать персон каждый, и Хиссуну казалось, что все взоры устремлены на него. Пройдя не больше двадцати шагов, он, к своему ужасу, услышал нарастающий смех, сначала тихий, потом погромче, и вот уже волны безудержного веселья с оглушительной мощью пошли гулять по залу. Никогда еще Хиссуну не приходилось слышать столь раскатистого звука — примерно таким он представлял грохот морской волны, обрушивающейся на какой-нибудь северный берег.

Хьорт не останавливался и прошагал уже, казалось, чуть ли не полторы мили, а Хиссун мрачно брел за ним посреди этого океана веселья, мечтая лишь о том, чтобы быть хоть на полдюйма повыше. Но вскоре он понял, что все смеются не над ним, а над забавными ужимками кучки акробатов-карликов, пытавшихся образовать живую пирамиду, и немного успокоился. Наконец показалось возвышение, с которого его манил сам лорд Валентин, указывая на свободное место рядом. В конечном итоге ничего страшного не произошло, и Хиссун едва не заплакал от облегчения.

— Ваше высочество! — прогремел Виноркис.— Посвященный Хиссун!

Хиссун с благодарностью устало опустился на свое место как раз в тот момент, когда гости зааплодировали закончившим свой номер карликам. Слуга подал кубок с искрящимся золотистым вином, и как только он поднес его к губам, сидевшие вокруг стола тоже подняли кубки в знак приветствия. Вчера утром во время краткого и удивительного разговора с лордом Валентином, когда корональ предложил войти в круг его приближенных на Замковой горе, Хиссун видел некоторых из гостей, но его никто не представил. А теперь они сами здороваются с ним — с ним! — и сами представляются. Хотя в этом не было нужды, поскольку то были герои славной борьбы лорда Валентина за возвращение на престол и все их знали.

Рядом сидела воительница-великанша. Конечно же это Лизамон Халтин, личная телохранительница короналя, которая, по преданию, однажды освободила лорда Валентина из чрева проглотившего его морского дракона. А поразительно бледный коротышка с белыми волосами и рассеченным шрамом лицом, насколько знал Хиссун,— знаменитый Слит, в дни изгнания обучавший лорда Валентина искусству жонглирования. А тот, с проницательным взглядом из-под нависших бровей,— лучший стрелок из лука на Замковой горе Тунигорн; маленький вруун со множеством щупалец — должно быть, чародей Делиамбер; а тот, немногим старше Хиссуна, с веснушчатым лицом — скорее всего, бывший пастух Шанамир; вон там — худощавый величественный хьорт — по всей видимости, великий адмирал Эйзенхарт. Да, сплошь знаменитости, и Хиссун, когда-то считавший себя чуждым всякого преклонения перед ними, обнаружил, что весьма польщен таким окружением.

Чуждым преклонения? Да, однажды он подошел к лорду Валентину и без зазрения совести содрал с него полреала за экскурсию по Лабиринту и сверх того еще три кроны — за устройство на ночлег во внешнем кольце. Тогда он не испытывал ни малейшей почтительности, понимая, что коронали и понтифексы — тоже люди, их отличают от простых смертных лишь власть и богатство, а трона они добиваются только благодаря своему появлению на свет в аристократических семействах Замковой горы и удачному преодолению все ступеней карьеры на пути к вершине. Как давным-давно заметил Хиссун, чтобы стать короналем, не требовалось даже особого ума. Взять хотя бы последние лет двадцать: лорд Малибор отправился охотиться с гарпуном на морских драконов и глупейшим образом позволил одному из них съесть себя, лорд Вориакс погиб не менее нелепо — от шальной стрелы на охоте в лесу, а его брат лорд Валентин, вообще-то пользовавшийся репутацией довольно разумного чоповека, оказался настолько беспечен, что отправился бражничать с сыном Короля Снов и в результате позволил себя споить, лишить памяти и сбросить с трона. И перед такими благоговеть? Да в Лабиринте любой семилетка, с такой небрежностью относящийся к своей безопасности, считался бы безнадежным идиотом.

Однако Хиссун заметил, что за последние несколько лет уважения к сильным мира сего у него, судя по всему, несколько прибавилось. Когда человеку от роду десять лет, и пять-шесть из них

он провел на улице, полагаясь лишь на свою смекалку, то немудрено, что он плевать хотел на все власти. Но ему уже не десять лет, и он больше не болтается по улицам. Он теперь на многое смотрит другими глазами и сознает, что кораль Маджипура — фигура отнюдь не мелкого масштаба и быть им не так-то просто. Поэтому, глядя на широкоплечего, златовласого человека, величественного с виду и мягкого одновременно, облаченного в зеленый дублет и горностаевую мантию — знак второго по значению правителя в мире — и думая, что этот человек рядом с ним — сам кораль лорд Валентин, пригласивший его на сегодняшний пир, Хиссун ощутил, как по спине его пробегает дрожь, и в конце концов признался самому себе, что испытывает благоговение: перед самим понятием монархии, перед личностью лорда Валентина, а также перед таинственной цепью случайностей, приведших простого мальчугана из Лабиринта в августейшую компанию.

Он потягивал вино и чувствовал, как внутри разливается тепло. Какое значение имеют теперь все предыдущие неприятности этого вечера? Сейчас он здесь, и в качестве желанного гостя. Пусть Ванимун, Хойлан и Гизнет лопнут от зависти! Он здесь, среди великих, он начинает свое восхождение к вершинам и вскоре достигнет такой высоты, с которой уже невозможно будет разглядеть всех ванимунов его детства, вместе взятых.

Тем не менее время от времени Хиссуна полностью покидало ощущение уверенности, и он снова испытывал замешательство и смущение.

Сначала случилось то, что можно было бы назвать пустяком, недоразумением, выходкой, в которой едва ли стоило винить Хиссуна. Слит обратил внимание на чиновников понтифекса, поглядывавших в их сторону с явным беспокойством. В них читался откровенный страх, вызванный тем, что кораль не выказал особого удовольствия от пира. И Хиссун, слегка охмелевший от вина и осмелевший от сознания того, что наконец-то оказался на банкете, нахально выпалил:

— Им есть о чем волноваться! Они понимают, что должны произвести хорошее впечатление, иначе окажутся за воротами, когда лорд Валентин станет понтифексом!

За столом послышались изумленные возгласы. Все смотрели на Хиссуна так, будто он осмелился произнести чудовищное богохульство, все, кроме короналя — тот брезгливо поджал губы, словно обнаружил у себя в супе жабу, и отвернулся.

— Я что-то не так сказал? — спросил Хиссун.

— Цыц! — сердито прошептала Лизамон Халтин и довольно сильно двинула его локтем под ребра.

— Но разве не так? Ведь лорд Валентин станет когда-нибудь понтифексом. А когда это произойдет, разве у него не будет своих придворных?

Тут Лизамон двинула его так, что он чуть не слетел со стула. Слит бросил на него враждебный взгляд, а Шанамир свистящим шепотом произнес:

— Хватит! Ты только себе делаешь хуже!

Хиссун мотнул головой и, несмотря на смущение, сердито воскликнул:

— А я все равно не понимаю!

— Позже объясню,— ответил Шанамир.

— Но что я такого сделал? — не унимался Хиссун.— Всего лишь сказал, что лорд Валентин однажды станет понтифексом, и...

— Лорд Валентин в настоящее время не желает обсуждать этот вопрос, тем более за столом,— ледяным тоном прервал его Шанамир.— В его присутствии о подобном говорить не принято. Теперь ты понял? Понял?

— Ага, понял,— жалким голосом подтвердил Хиссун.

От стыда ему хотелось спрятаться под стол. Ну откуда же он мог знать, что кораль так чувствительно относится к неизбежности вступления на престол понтифекса? Ведь это всего лишь вопрос времени, разве нет? Когда умирает понтифекс, кораль автоматически занимает его место и назначает нового короналя, который, в свою очередь, тоже в конце концов окажется в Лабиринте. Таков обычай, и он существует уже на протяжении тысячелетий. Если лорду Валентину настолько неприятна мысль о том, что он станет понтифексом, то ему лучше отказаться и от поста короналя. Нет никакого смысла закрывать глаза на существующий закон о смене властей предержащих, ожидая, что он отомрет сам собой.

Хотя кораль сохранял холодное молчание, Хиссун понял, что вел себя недостойно. Сначала опоздал, а потом, впервые раскрыв рот, сморозил нечто совершенно неуместное при данных обстоятельствах — какое жалкое начало! Неужели ничего уже не исправить? Хиссун предавался горестным раздумьям в течение всего выступления каких-то жонглеров и последовавшей за

ним череды скучнейших речей... Так он мог бы промучиться весь вечер, если бы не другое, куда более ужасное событие.

Лорд Валентин собирался произнести тост. Однако когда корональ поднялся, вид у него был странно отрешенный и задумчивый. Он напоминал лунатика с невидящим, затуманенным взором и неуверенными движениями. За высоким столом начали перешептываться. После тягостной паузы лорд Валентин заговорил, но как-то сбивчиво и явно невпопад. Не занемог ли корональ? Не выпил ли лишнего? Или внезапно подвергся воздействию недобрых чар? Хиссуна встревожило его состояние. Старый Хорнкэст только что произнес слова о том, что корональ не только правит Маджипуром, но, в некотором смысле, он и есть Маджипур: и тут у короналя начинают подкашиваться ноги, заплетается язык и кажется, будто он вот-вот упадет...

Кто-то должен взять его под руку, мелькнула в голове у Хиссуна мысль, и помочь сесть, пока он не упал. Но никто не шелохнулся. Никто не посмел. Ну пожалуйста, безмолвно взмолился Хиссун, глядя на Слита, на Тунигорна, на Эрманара. Поддержите же его! Хоть кто-нибудь! Поддержите его!!! Но никто по-прежнему не трогался с места.

— Ваша светлость! — раздался хриплый крик.

Хиссун понял, что это его собственный голос, и рванулся вперед, чтобы подхватить короналя, падавшего вперед лицом на блестящий деревянный пол.

Глава 6

Вот какой сон увидел понтифекс Тиеверас.

Здесь, в том царстве, где я теперь обитаю, ничто не имеет цвета, ничто не обладает звуком, все лишено движения. Цветы алабандинов черные, а блестящие листья семотановых деревьев белые; птица, которая не летает, поет песню, которую никто не услышит. Я лежу на ложе из нежного мягкого мха, глядя вверх на капли дождя, которые не падают. Когда ветер дует по просеке, не шелохнется ни один лист. Имя этому царству — смерть. И алабандины с семотанами мертвы, и птица мертва, и ветер и дождь мертвы. И я тоже мертв.

Они приближаются ко мне, останавливаются и спрашивают:

— Ты Тиеверас, который был короналем и понтифексом Маджипура?

И я отвечаю:

— Я мертв.

— Ты Тиеверас? — опять спрашивают они.

И я отвечаю:

— Я мертвый Тиеверас, который был вашим королем и вашим императором. Вы видите, что у меня нет цвета? Вы слышите, что я не издаю ни звука? Я мертв.

— Ты не мертв.

— Здесь, по правую руку от меня, лорд Малибор, который был моим первым короналем. Он мертв, разве нет? Здесь, по левую руку от меня. лорд Вориакс, который был моим вторым короналем. Разве он не умер? Я лежу между двумя мертвецами. Я тоже мертв.

— Поднимайся и иди, Тиеверас, который был короналем, Тиеверас-понтифекс.

— Мне этого не нужно. Мне простительно, поскольку я мертв.

— Прислушайся к нашим голосам.

— Ваши голоса беззвучны.

— Слушай, Тиеверас, слушай, слушай, слушай!

— Алабандины черные. Небо белое. Это царство смерти.

— Поднимайся и иди, император Маджипура.

— Кто ты?

— Валентин, твой третий корональ.

— Привет тебе, Валентин, понтифекс Маджипура!

— Это пока не мой титул. Поднимайся и иди.

И я говорю:

— От меня ничего нельзя требовать, поскольку я мертв.

Но они отвечают:

— Мы не слышали тебя, о тот, кто был королем, и тот, кто есть император.

А потом голос, который утверждает, что он Валентин, опять обращается ко мне:

— Поднимайся и иди.

В этом царстве, где все неподвижно, рука Валентина — в моей руке, она тянет меня вверх, и я плыву по воздуху, легкий как облако, и иду, двигаясь без движения, дыша без дыхания. Вместе мы проходим по мосту, подобно радуге изогнувшемуся над бездной, глубина которой не меньше, чем обширность мирозда-

ния, и мерцающая металлическая поверхность моста при каждом шаге издает звук, напоминающий пение молоденьких девушек. На той стороне все залито светом: янтарным, бирюзовым, коралловым, сиреневым, изумрудным, каштановым, синим, малиновым. Небесный свод яшмовый, а воздух пронзают острые бронзовые солнечные лучи. Все плывет, все колышется: в этом мире нет незыблемости, нет постоянства. Голоса говорят:

— Вот жизнь, Тиеверас! Вот твое настоящее царство!

Я не отвечаю, поскольку мертв. Несмотря ни на что, мне лишь снится, что я жив; и я начинаю плакать, и слезы переливаются всеми цветами радуги.

А вот другой сон понтифекса Тиевераса.

Я восседаю на машине внутри машины, а вокруг — стена голубого стекла. Я улавливаю булькающие звуки и чуть слышное тиканье сложнейших механизмов. Мое сердце бьется медленно: чувствуя каждый тяжелый толчок жидкости в его камерах, я думаю, что это не кровь. Но чем бы она ни была, она движется во мне, и я чувствую ее движение. Следовательно, я наверняка жив. Как это может быть? Я так стар: неужели я пережил саму смерть? Я — Тиеверас, который был короналем при Оссиере и однажды касался руки лорда Кинникена, когда Замок принадлежал ему, Оссиер был всего лишь принцем, а понтифекс Тимин владел Лабиринтом. Если так, то, думаю, я единственный до сих пор оставшийся в живых человек времен Тимина, если я жив,— а я думаю, что жив. Но я сплю. Я вижу сны. Меня окутывает великое спокойствие. Все черное, все белое, неподвижное, беззвучное. Таким я представляю царство смерти. Смотри-ка, вон понтифекс Конфалюм, а вон Престимион, а вот и Деккерет! Все великие императоры лежат, глядя вверх, на дождь, который не падает, и беззвучно говорят: «Добро пожаловать, ты, который был Тиеверасом, добро пожаловать, усталый старый король, иди, приляг с нами, теперь, когда ты так же мертв, как и мы. Да-да. Ах, как здесь чудесно! Смотри, вон лорд Малибор, тот человек из города Бомбифэйл, на которого я возлагал такие надежды, но так ошибся, и он мертв, а это — лорд Вориакс, у которого была черная борода и пунцовые щеки, но теперь они потеряли румянец». И наконец мне позволено присоединиться к ним. Все

неподвижно. Наконец-то! Наконец-то! Наконец! Наконец-то они позволяют мне умереть, даже если это только сон.

И понтифекс Тиеверас плывет между мирами, не мертв и не жив, грезя о мире живых и думая, что он мертв, грезя о царстве смерти и помня, что жив.

Глава 7

— Немного вина, если можно,— попросил Валентин. Слит подал ему кубок, и корональ сделал большой глоток.— Я просто задремал,— пробормотал он.— Слегка вздремнул перед банкетом — и этот сон, Слит! Этот сон! Найдите мне Тизану! Мне нужно, чтобы она истолковала его.

— При всем уважении к вам, ваша светлость, на это сейчас нет времени,— ответил Слит.

— Мы пришли за вами,— вмешался Тунигорн.— Банкет вот-вот начнется. Согласно протоколу, вы должны сидеть на помосте, когда чиновники понтифекса...

— Протокол! Протокол! Этот сон — почти послание, как вы не понимаете! Зрелище такой катастрофы...

— Корональ не принимает посланий, ваша светлость,— спокойно заметил Слит.— Банкет начинается через несколько минут, а мы еще должны одеть вас и проводить. Тизана со своими снадобьями появится потом, если в этом будет необходимость. Но сейчас, мой лорд...

— Я должен разобраться с этим сном!

— Понимаю, но времени нет. Собирайтесь, мой лорд.

Слит и Тунигорн безусловно правы. Нравится ему или нет, он должен немедля отправляться на банкет. Дело тут не столько в уважении к собравшимся: речь идет о придворной церемонии, где вышестоящий монарх оказывает честь более молодому, который являлся его названым сыном и помазанным наследником. И даже если понтифекс дряхл и совершенно невменяем, корональ не имеет никакого права легкомысленно относиться к этому событию. Он должен идти, а сон подождет. От достоверного, насыщенного знамениями сна нельзя отмахнуться — ему потребуется толкование и, возможно, даже совещание с чародеем Делиамбером. Но потом, потом, не теперь...

— Собирайтесь, мой лорд,— повторил Слит, протягивая ему горностаевую мантию — знак высокого положения.

Гнетущие картины сновидения еще смущали дух Валентина, когда десять минут спустя он вошел в Большой зал понтифекса. Поскольку короналю Маджипура не подобает иметь угрюмый или задумчивый вид при таком событии, он постарался придать своему лицу самое любезное выражение, какое только смог, и направился к помосту.

Подобным образом, впрочем, ему пришлось вести себя в течение всей этой нескончаемой недели официального визита: вынужденная улыбка, деланое дружелюбие. Из всех уголков необъятного Маджипура Валентин меньше всего любил Лабиринт — он производил слишком мрачное, гнетущее впечатление. Молодой корональ появлялся здесь лишь тогда, когда того требовали связанные с его положением обязанности. Если под теплым солнцем и гигантским небесным сводом, проезжая по какому-нибудь густому лесу, когда ветер трепал его золотистые кудри, он в полной мере ощущал радость жизни, то в этом безрадостном, зарывшемся в землю городе он столь же остро чувствовал себя заживо похороненным. Валентин ненавидел его мрачные, нисходящие витки, бесконечность мрачных подземных уровней, вызывающую страх атмосферу замкнутого пространства.

Тем более ненавистным для его было сознание неизбежности ожидавшей его судьбы, когда придется унаследовать титул понтифекса, отказаться от жизни на Замковой горе и похоронить себя заживо в столь отвратительной гробнице.

И вот сегодня банкет в Большом зале, на самом нижнем уровне унылого подземного города — как он страшился этого! Вызывающий неприятные чувства зал, весь состоящий из резко очерченных углов, неисчислимое множество слепящих светильников, причудливо отражающих блики. Напыщенные чиновники Лабиринта и придворные понтифекса в своих нелепых традиционных масках, скука, а пуще всего — гнетущее чувство, что вся эта громада давит на него колоссальной каменной массой, вселяли в его сердце страх.

Он подумал, что ужасный сон был, вероятно, лишь предвестником того, что ему придется испытать нынче вечером. Однако, к своему удивлению, вдруг обнаружил, что беспокойство покидает его, он расслабляется и не то чтобы наслаждается банкетом — нет, едва ли,— но, во всяком случае, находит его не слишком тягостным.

Помогло и то, что зал заново украсили. Повсюду были развешаны яркие знамена цветов короналя — золотого и зеленого; они скрывали и затушевывали вызывающие смутное беспокойство очертания громадного помещения. Да и освещение изменилось со времени его последнего визита: теперь в воздухе парили матово светящиеся шары.

Чувствовалось, что чиновники понтифекса не пожалели ни средств, ни усилий, чтобы событие выглядело празднично. Из легендарных подвалов понтифекса извлекли поразительный набор изысканнейших вин планеты: золотое искристое из Пидруида, белое сухое из Амблеморна, нежное красное из Ни-мойи, за которым последовало крепкое пурпурное мулдемарское, хранящееся еще со времен Малибора. И к каждому вину, естественно, подавались соответствующие деликатесы: охлажденные ягоды токки, копченое мясо морского дракона, калимботы по-нарабальски, жареные ножки билантуна. Развлечения следовали друг за другом нескончаемой вереницей: певцы, мимы, арфисты, жонглеры. Время от времени кто-нибудь из приспешников понтифекса заискивающе посматривал на возвышение, где восседал лорд Валентин со своими приближенными, как бы спрашивая: «Всего ли достаточно?», «Довольна ли ваша светлость?»

И всякий раз Валентин отвечал теплой улыбкой, дружеским кивком, поднятием бокала, давая таким образом обеспокоенным хозяевам понять, что он всем доволен.

— Что за трусливые шакалы! — воскликнул Слит.— За шесть столов чувствуется, как они потеют от страха!

Эта реплика и стала поводом для глупого и бесцеремонного замечания Хиссуна о том, что они из кожи вон лезут, чтобы угодить Валентину, предвидя день, когда он станет понтифексом. Неожиданная бестактность обожгла Валентина, словно удар хлыста, и он отвернулся. Сердце у него колотилось, во рту вдруг пересохло, но он заставил себя успокоиться: улыбнулся сидящему за несколько столов от него главному спикеру понтифекса Хорнкэсту, кивнул мажордому, окинул милостивым взглядом еще кого-то, одновременно слыша за спиной, как Шанамир раздраженно вразумляет Хиссуна.

Гнев Валентина тут же прошел. В конце концов, откуда мальчишке знать, что это запретная тема? Но он не мог вступиться за Хиссуна, не обнаружив, сколь глубоко уязвлен, а потому сде-

лал вид, будто ничего не произошло, и вновь включился в разговор.

Затем появились пятеро жонглеров — три человека, скандар и хьорт — и весьма кстати отвлекли внимание гостей. Они затеяли бешеную круговерть из факелов, серпов и ножей, заслужив одобрение и аплодисменты короналя.

Нет, они, конечно, не принадлежали к мастерам своего дела; ошибки и погрешности не могли ускользнуть от опытного взгляда Валентина. Но жонглеры всегда приносили ему радость. Они невольно вызывали воспоминания о тех, теперь уже далеких, беззаботных временах, когда он сам был жонглером и странствовал с бродячей труппой. Тогда он был безмятежным, не обремененным властью, по-настоящему счастливым человеком.

Заметив восторг Валентина, Слит недовольным тоном произнес:

— Ах, ваша светлость, неужели вы искренне считаете их безупречными?

— Они очень стараются, Слит.

— Точно так же старается и скот в поисках корма в сухой сезон. На то он и скот. А эти ваши усердные жонглеры, мой лорд, немногим лучше любителей.

— Ах, Слит, будь милосердней.

— Если вы помните, мой лорд, в этом ремесле существуют определенные критерии.

Валентин усмехнулся.

— Радость, которую дарят мне эти люди, Слит, имеет мало общего с их искушенностью. Они напоминают мне о былом, о простой жизни и моих спутниках той поры.

— Вон оно что,— протянул Слит.— Тогда другое дело, мой лорд! Это — сантименты. Но я-то говорю о ремесле.

— Значит, мы говорим о разных вещах.

Истощив запас трюков, жонглеры удалились. Валентин с довольной улыбкой откинулся назад. Однако время веселья подошло к концу, и наступал черед скучных торжественных речей.

Впрочем, речи оказались на удивление терпимыми. Первым говорил Шинаам, министр внутренних дел и внешних сношений понтифекса, гэйрог со сверкающей чешуей и мелькающим раздвоенным красным языком. В своем изящном и кратком выступлении он приветствовал лорда Валентина и его свиту.

Адъютант Эрманар произнес ответное слово от имени короналя. После него наступила очередь древнего, сморщенного Дилифона, личного секретаря понтифекса: он передал личные пожелания высокочтимого монарха. Валентин понимал, что это не более чем выдумка, поскольку все знали, что старый Тиеверас вот уже десять лет не произносил ни одного членораздельного слова. Однако он вежливо выслушал произнесенное дрожащим голосом сочинение Дилифона и попросил ответить Тунигорна.

Потом заговорил Хорнкэст — главный спикер понтифекса, дородный и осанистый, истинный правитель Лабиринта в течение всех последних лет слабоумия Тиевераса. Он заявил, что будет говорить о великой процессии. Валентин оживился: в последнее время он очень много думал о необходимости длительной церемониальной поездки по Маджипуру, которую время от времени обязан совершать корональ: народ воочию видит своего правителя, оказывает ему почет и имеет возможность выразить преданность и любовь.

— Кому-то может показаться,— говорил Хорнкэст,— что это — всего лишь увеселительная прогулка, пустой и легкомысленный праздник, позволяющий отвлечься от государственных забот. Нет! Неверно! Именно личность короналя — он сам во плоти и крови, а не знамя, не символ, не портрет — связывает воедино все, даже самые отдаленные, провинции мира. И лишь благодаря такому непосредственному контакту сохраняется целостность государства.

Валентин нахмурился и отвернулся. Перед его мысленным взором внезапно возникла тревожная картина: раскалывающийся, встающий на дыбы Маджипур — и человек, который борется со стихией, стараясь вернуть все на свои места.

— Корональ,— продолжал Хорнкэст,— это персонификация Маджипура. Маджипур находит свое воплощение в личности короналя. Он есть мир, а мир есть корональ. И когда корональ участвует в великой процессии, что предстоит сделать вам, лорд Валентин, впервые после вашего славного восстановления на престоле, он выходит не только в мир, но и в себя — отправляясь в путешествие по своей собственной душе, вступает в соприкосновение с глубочайшими корнями своей личности...

Так ли? Да, Хорнкэст прав. Конечно, он пользуется обычными риторическими оборотами, ораторскими приемами. Валентину слишком часто приходилось терпеть такого рода речи. Но на этот раз тем не менее слова спикера брали его за живое — создавалось впечатление, что впереди открывается бесконечный тем-

ный туннель, полный загадок. Тот сон... проносящийся по Замковой горе ледяной ветер... стоны земли, расколотая планета... Корональ — воплощение Маджипура... корональ есть мир...

За время его правления попытка разрушить единство уже предпринималась: Валентина предательским путем отстранили от власти, лишили памяти и даже собственного тела и отправили в изгнание. Неужели это должно повториться? Опять свержение, опять падение? Или надвигается беда более страшная, катастрофа гораздо более серьезная, которая коснется уже не одного человека, но судеб многих и многих обитателей планеты?

Он ощутил незнакомый доселе вкус страха. Пусть пир идет своим чередом, а ему необходимо срочно получить толкование сна. Что-то пугающее, зловещее туманило его мозг. Никаких сомнений. В душе короналя творилось что-то неладное — все равно что сказать, что-то неладное творится с миром...

— Мой лорд! — окликнул его маленький вруун-чародей Аутифон Делиамбер.— Пора, мой лорд, произнести заключительный тост.

— Что? Когда?

— Сейчас, мой лорд.

— Ах да, конечно,— рассеянно согласился Валентин.— Да-да, заключительный тост...

Он поднялся и медленно обвел взглядом все пространство огромного зала, отмечая про себя множество мелочей. Но его мысли витали где-то далеко — он был совершенно не готов к выступлению. Он очень смутно представлял себе, что должен сказать, к кому обращаться и даже — что вообще делает в Лабиринте. Это действительно Лабиринт?.. Ненавистное пристанище теней и плесени? Почему он здесь? Чего хотят эти люди? А может быть, это всего лишь видение? Очередной сон? И он на самом деле не покидал Замковой горы?

Это пройдет, подумал Валентин, надо только подождать... Однако ничего не происходило, лишь усугублялось странное состояние. Ощущая пульсирующие толчки во лбу и звон в ушах, он с неожиданной остротой осознал, что находится в Лабиринте, ядре огромной планеты, в самом центре мироздания. Но некая неодолимая сила увлекала его прочь. Тем временем его душа, оторвавшись от тела, подобно гигантскому облаку света устремилась вверх, сквозь многочисленные уровни Лабиринта, на свежий воздух, а затем охватила всю необъятность Маджипура

до отдаленных берегов Зимроэля и опаленного солнцем Суврaэля, до безбрежного пространства Великого океана. Она словно сияющее покрывало покрыла мир. В этот головокружительный миг Валентин почувствовал, что воплощает собой двадцать миллиардов жителей Маджипура — людей и скандаров, хьортов и метаморфов,— и все они потоком крови перемещаются внутри него. Он присутствовал одновременно везде: был всей скорбью мира и всей его радостью... Он был всем. Он был вселенной, кипящей противоречиями и конфликтами. Ощущая жар пустыни, теплый тропический дождь и холод горных вершин, он смеялся и плакал, умирал и любил, ел и пил, танцевал и сражался, скакал во весь опор по неизведанным холмам, трудился до изнеможения в полях и прорубал тропу в проросших лианами джунглях. В океанах его души чудовищные драконы всплывали на поверхность и с устрашающим рыком вновь скрывались в бездонных глубинах. Ухмылялись окружавшие его лица. В воздухе мелькали костлявые, изможденные руки. Хоры распевали нестройные гимны. И все происходило одновременно, одновременно, одновременно...

Оглушенный и растерянный Валентин стоял посреди бешено вращающегося вокруг него зала.

— Произнесите тост, ваша светлость.— Похоже, Делиамбер уже не раз повторял эти слова.— Сначала за понтифекса, потом за его помощников, а потом...

«Держи себя в руках,— твердил себе Валентин, отчаянно пытаясь освободиться от страшного видения.— Ты — корональ Маджипура».

— Тост за понтифекса, ваша светлость...

— Да-да, знаю.

Фантомные образы не исчезали. Призрачные, бесплотные пальцы вцепились в него словно намертво. Он пытался вырваться. «Держать себя в руках! Держать! Держать...» В душе царила полная растерянность.

— Тост, ваша светлость!

Тост? Какой тост? О чем это он? Ритуал... Обязанность... Ты — корональ Маджипура. Да. Он должен говорить. Должен что-то сказать этим людям.

— Друзья...— начал он. И вдруг волной накатила слабость, и Валентин словно рухнул с обрыва в пропасть.

Глава 8

— Корональ желает тебя видеть,— сказал Шанамир.

Удивленный Хиссун поднял голову. Последние полтора часа он провел в нелепом многоколонном вестибюле, напряженно ожидая чего-то и пытаясь догадаться, что происходит за закрытыми дверями покоев лорда Валентина. Сколько еще времени он должен здесь оставаться — и должен ли? Было уже далеко за полночь, а часов через десять короналю со свитой предстояло продолжить путь, определенный для великой процессии. Но, может статься, ночные события что-то изменили? Так или иначе, Хиссуну еще нужно было возвратиться во внешнее кольцо, собрать свои пожитки, попрощаться с матерью и сестрами и вернуться сюда к назначенному сроку, чтобы присоединиться к свите лорда. Не мешало бы еще успеть хоть чуть-чуть поспать. Вокруг царила полная неразбериха.

После обморока короналя лорда Валентина унесли в его покои, трапезная опустела, а Хиссун и другие приближенные уныло собрались в мрачного вида приемной. Через некоторое время пришла весть, что лорду Валентину стало лучше, а им следует оставаться на месте и ждать дальнейших указаний. Затем их по одному начали вызывать к короналю — сначала Тунигорна, затем Эрманара, Эйзенхарта, Шанамира, остальных... и наконец Хиссун остался один, не считая нескольких телохранителей и чиновников второстепенного ранга. Он не испытывал желания спрашивать у кого-либо из них, что делать дальше, однако уйти не посмел и ждал, изнывая от неизвестности.

Хиссун закрыл покрасневшие, опухшие глаза. Нет, заснуть не удается... Перед его мысленным взором встает одна и та же картина: лорд Валентин падает, а он и Лизамон Халтин разом вскакивают со своих мест, чтобы подхватить короналя. Мучительные воспоминания о бесславном завершении банкета вновь и вновь бередят душу: растерянный, утративший все свое величие монарх с трудом подбирает слова, но, так и не сумев подыскать нужные, шатается, качается, падает...

Конечно, корональ, как и любой другой, мог хватить лишку и вести себя глупейшим образом. Одна из истин, усвоенных Хиссуном за годы работы в Доме Записей и чтения воспоминаний в Регистре памяти душ, состояла в том, что корона Горящей Звезды не дарит ее обладателю сверхъестественных способностей.

И вполне вероятно, что в тот вечер лорд Валентин, которому явно не очень нравилось в Лабиринте, позволил себе обильными возлияниями облегчить эту участь и оказался в хмельном тумане, когда подошла его очередь выступить с речью.

Но Хиссун почему-то сомневался, что именно вино стало причиной наваждения короналя, и не поверил словам лорда Валентина, хотя тот сам об этом упомянул. Во время произнесения речей он пристально наблюдал за короналем, и тот вовсе не выглядел пьяным, а, наоборот, казался радостным, оживленным. А потом, когда маленький вруун-чародей прикосновением щупалец вывел лорда Валентина из беспамятства, тот имел несколько неуверенный вид, вполне естественный для человека после обморока, но тем не менее сохранял ясность ума. Никому не удалось бы протрезветь так быстро. Нет, вино ни при чем, здесь что-то другое — чародейство или тайное послание, завладевшее душой лорда Валентина в самый неподходящий момент. Ужасно! Просто ужасно!

Хиссун поднялся и по извилистому коридору направился к покоям короналя. Когда он приблизился к двери, украшенной искусной резьбой, сверкающей золотыми эмблемами Горящей Звезды и королевскими монограммами, она открылась и появились Тунигорн с Эрманаром, оба усталые и угрюмые. Кивнув ему, Тунигорн небрежным движением пальца подал знак стражникам у двери пропустить Хиссуна.

Лорд Валентин сидел за широким столом из какого-то редкого полированного дерева цвета крови. Крупные, с узловатыми пальцами ладони короналя опирались на стол, как бы помогая лорду сохранять равновесие. Бледное лицо, блуждающий взгляд, поникшие плечи...

— Мой лорд...— неуверенно начал Хиссун, запнулся и умолк.

Стоя в дверях, он чувствовал себя не в своей тарелке. Казалось, лорд Валентин не замечает его. В комнате находились Тизана, старая толковательница снов, Слит и вруун. Все молчали. Хиссун смешался — он не имел ни малейшего представления, как в такой ситуации подобает обращаться к короналю. Следует ли выразить искреннее сочувствие или притвориться, будто все в порядке и монарх пребывает в добром здравии? Чувствуя, как горят щеки, Хиссун сделал знак Горящей Звезды и, не получив ответа, повторил его.

Попытка собрать воедино остатки прежней мальчишеской самоуверенности не удалась. Как ни странно, но чем чаще Хис-

сун видел короналя, тем скованнее чувствовал себя в его присутствии. Он и сам не понимал, в чем тут дело.

Выручил его Слит, который громко объявил:

— Мой лорд, посвященный Хиссун.

Корональ поднял голову. Его неподвижный, словно остекленевший взгляд, затуманенный бесконечной усталостью, пугал. И все же, как с изумлением заметил Хиссун, лорд Валентин нашел в себе силы выйти из состояния крайнего изнеможения, подобно человеку, который сорвался с края обрыва, но вцепился в лиану и выбрался по ней на безопасное место, выказав при этом необъяснимую силу. Лицо короналя приобрело оживленное выражение, щеки вновь окрасились румянцем. Ему удалось даже восстановить королевское достоинство, привычку повелевать. «Неужели будущих короналей на Замковой горе обучают каким-то особым приемам?» — с благоговением подумал Хиссун.

— Подойди,— заговорил наконец лорд Валентин.

Хиссун сделал несколько шагов.

— Ты боишься меня?

— Мой лорд...

— Я не могу позволить тебе страшиться меня и таким образом тратить время. Мне слишком многое предстоит сделать. И тебе тоже. Когда-то мне казалось, что ты совершенно свободен от благоговейного трепета передо мной. Я ошибался?

— Мой лорд, это лишь потому, что у вас такой усталый вид... Я тоже, кажется, устал... эта ночь была такой необычной для меня, для вас, для всех...

Корональ кивнул.

— Ночь, полная странных событий. Сейчас уже утро? Когда я здесь бываю, у меня пропадает ощущение времени.

— Сейчас немного за полночь, мой лорд.

— Всего лишь? Мне показалось, что уже ближе к утру. Какая долгая ночь! — лорд Валентин негромко рассмеялся.— Но ведь в Лабиринте всегда немного за полночь, верно, Хиссун? Одному Божеству известно, как мне хочется вновь увидеть солнце!

— Мой лорд...— деликатно вмешался Делиамбер.— Уже действительно поздно, а еще так много дел...

— Да, верно.— Взгляд короналя вновь на мгновение остекленел. Однако Валентин быстро пришел в себя.— Тогда к делу. Во-первых, выражаю тебе признательность. Не подхвати ты меня так вовремя, я бы так легко не отделался. Похоже, ты рванулся

ко мне еще до того, как я начал падать. Неужели так бросалось в глаза, что я вот-вот рухну?

— Да, ваша светлость. Я, по крайней мере, заметил,— слегка покраснев от смущения, ответил Хиссун.

— Вот как?

— Возможно, я наблюдал за вами внимательнее, чем остальные.

— Да. Должен признать, что так, пожалуй, и есть.

— Надеюсь, ваша светлость не слишком страдает от прискорбных последствий... э-э-э-э...

На губах короналя заиграла улыбка.

— Нет, Хиссун, я не был пьян.

— Я не хотел намекать... я хочу сказать... но...

— Нет, причина не в этом. Чары, послание... кто знает? Вино — одно, колдовство — совсем другое, и я, кажется, до сих пор не могу сказать, в чем разница. Это было темное видение, мой мальчик, и, увы, не первое. Предзнаменования беспокоят меня давно. Дело, судя по всему, идет к войне.

— К войне? — вырвалось у Хиссуна. Какое чужое и страшное слово! Оно пронеслось по воздуху, будто какое-то мерзкое жужжащее насекомое в поисках жертвы. Война? Перед глазами Хиссуна возникла картина восьмитысячелетней давности из капсулы с воспоминаниями, найденной в Регистре памяти душ: объятые пламенем голые холмы далеко на северо-западе, черное от густых клубов дыма небо — последняя вспышка продолжительной войны лорда Стиамота против метаморфов. Но это происходило в древности. В течение всех последующих веков войн не было, за исключением борьбы за реставрацию. Но благодаря лорду Валентину, питавшему отвращение к насилию, в той борьбе едва ли имелись жертвы.

— Какая еще война?! — удивился Хиссун.— Ведь на Маджипуре не бывает войн!

— Война приближается, юноша! — грубо вмешался Слит.— А когда она начнется, от нее не спрячешься, клянусь Повелительницей!

— Но война с кем? Это ведь самый мирный из миров. Откуда появится враг?

— Враг есть,— ответил Слит.— Неужели вы, обитатели Лабиринта, настолько оторваны от реальности, что неспособны это уяснить?

Хиссун нахмурился.

— Вы говорите о метаморфах?

— Именно! — воскликнул Слит.— О метаморфах, об этих мерзких меняющих форму! Уж не думал ли ты, что нам удастся вечно держать их в узде? Клянусь Хозяйкой Острова, заваруха начнется довольно скоро!

Ошеломленный Хиссун уставился на худощавого человека со шрамом. Глаза Слита сверкали. Казалось, он чуть ли не рад такому развитию событий.

Хиссун медленно покачал головой.

— При всем уважении к вам, верховный канцлер Слит, я не вижу в этом никакого смысла. Чтобы кучка метаморфов выступила против двадцати миллиардов жителей Маджипура? Однажды они уже затевали войну и проиграли ее, и как бы они нас ни ненавидели, не думаю, что они решатся повторить свою попытку.

Слит указал на короналя, который, казалось, даже не прислушивался к их разговору.

— А когда они усадили свою марионетку на трон лорда Валентина? Что это, если не объявление войны? Эх, мальчик, мальчик, ничего-то ты не знаешь! Метаморфы в течение веков строят против нас козни, и вот наступило их время. Сны самого короналя служат тому подтверждением! Клянусь Хозяйкой Острова, короналю снится война!

— Нет, Слит. Клянусь Повелительницей, если это хоть в какой-то мере зависит от меня, войны не будет, и тебе это известно,— бесконечно усталым голосом возразил кораль.

— А если не зависит, мой лорд? — парировал Слит.

Лицо коротышки, обычно мертвенно-бледное, сейчас горело от волнения, глаза блестели, а руки находились в беспрерывном движении, будто он жонглировал невидимыми булавами. Хиссуну и в голову не могло прийти, что кто-то, пускай даже верховный канцлер, может так резко разговаривать с короналем. Однако случалось такое, похоже, нечасто, поскольку на лице лорда Валентина Хиссун заметил нечто, весьма похожее на гнев: гнев лорда Валентина, которому, по всеобщему убеждению, неведома ярость; ведь мягкостью и любовью он стремился умиротворить даже своего непримиримого врага, узурпатора Доминина Барджазида. Затем гнев вновь уступил место беспредельной усталости, придававшей энергичному сорокалетнему мужчине, каковым Хиссун знал короналя, вид дряхлого старца.

В комнате повисла напряженная тишина. После долгого молчания лорд Валентин заговорил — медленно, обдумывая каждое слово и обращаясь только к Хиссуну, будто в комнате никого, кроме них, не было.

— Я не желаю слышать о войне, пока остается надежда на мир. Но знамения были зловещими и достаточно правдоподобными: если не война, то какое-то другое бедствие неизбежно. Я не стану пренебрегать такими предупреждениями. Этой ночью, Хиссун, мы изменили кое-что в наших планах.

— Вы отмените великую процессию?

— Нет, это не в моих силах. Я уже не раз отказывался от нее под предлогом отсутствия времени на увеселительные поездки, ссылаясь на множество неотложных дел на Замковой горе. Возможно, я откладывал ее слишком долго. Процессия должна проходить каждые семь-восемь лет.

— А что, прошло больше, мой лорд?

— Почти десять. К тому же мне тогда не удалось завершить поездку: в Тил-омоне — ты знаешь об этом — произошла небольшая неприятность: меня против воли освободили на некоторое время от государственных обязанностей.— Кораль смотрел мимо Хиссуна куда-то в бесконечность. Казалось, он вглядывается в туманные бездны времени: возможно, он вспоминал узурпатора Барджазида, долгие месяцы или даже годы, когда в беспамятстве, лишенный власти скитался по Маджипуру. Лорд Валентин покачал головой: — Нет, великая процессия должна состояться. Более того, ее следует сделать более продолжительной. Раньше речь шла о поездке только по Алханроэлю, но теперь я считаю, что необходимо посетить оба континента. Народ Зимроэля тоже должен своими глазами увидеть короналя. И если Слит прав в том, что следует опасаться прежде всего метаморфов... что ж, тогда и надо отправляться именно на Зимроэль, поскольку как раз там обитают метаморфы.

Хиссун никак не ожидал такого поворота событий. Еще и Зимроэль! Невообразимо далекий, чуть ли не мифический край лесов, полноводных рек, волшебных городов с волшебными именами!..

— Ах, мой лорд, если это и есть ваш новый план, то он чудесен! — взволнованно воскликнул он, не в силах сдержать радо-

стную улыбку.— Я и не надеялся когда-нибудь увидеть те места, разве что во сне! Мы поедем в Ни-мойю? А в Пидруид? Тилломон? Нарабаль?..

— Я скорее всего поеду,— ответил кораль, и бесстрастный тон его голоса поразил Хиссуна до глубины души.

— А я, мой лорд? — с внезапной тревогой спросил он.

— Еще одно изменение в планах,— мягко сказал лорд Валентин.— Ты не будешь сопровождать меня во время великой процессии.

От таких слов на Хиссуна повеяло таким холодом, будто по самым укромным закоулкам Лабиринта пронесся налетевший с небес звездный ветер. Он задрожал, и душа его съежилась под этим ледяным порывом; он ощутил себя отброшенной шелухой.

— Я отстранен от службы, ваша светлость?

— Отстранен? Ни в коем случае! Неужели ты еще не понял, что с тобой у меня связаны серьезные замыслы?!

— Да, вы не раз говорили об этом, мой лорд. Но процессия...

— В том, что тебе со временем предстоит, она будет лишь помехой. Нет, Хиссун, я не могу допустить, чтобы ты потратил год или два, сопровождая меня из провинции в провинцию. Тебе надлежит как можно скорее отправиться на Замковую гору.

— На Замковую гору, мой лорд?

— Чтобы начать подготовку, необходимую кандидату в рыцари.

— Как вы сказали, мой лорд? — изумленно переспросил Хиссун.

— Сколько тебе сейчас? Восемнадцать? Значит, ты несколько отстаешь от сверстников. Но сметливости тебе не занимать: ты наверстаешь упущенное и поднимешься до своего истинного уровня достаточно быстро. Ты должен многого добиться, Хиссун. Нам не дано знать, какое именно зло может поразить наш мир, но сейчас я уверен, что должен ожидать худшего, готовиться к нему и готовить тех, кто будет рядом со мной, когда наступят тяжкие времена. Вот почему ты не примешь участия в великой процессии.

— Понимаю, мой лорд.

— Неужели? Да, пожалуй, ты понимаешь. Когда-нибудь ты наверняка побываешь в Пилиплоке, Ни-мойе и Пидруиде. Согласен? Но сейчас... теперь...

Хиссун кивнул, хотя на самом деле едва ли смел предположить, что постигает смысл сказанного кораль. Лорд Валентин долго и пристально смотрел на него, и юноша твердо выдержал этот взгляд усталых голубых глаз. Однако и сам он уже чувствовал, что силы его на исходе,— ничего подобного ему прежде не доводилось испытывать. Он понял, что аудиенция окончена, хотя вслух ничего сказано не было, молча сделал знак Горящей Звезды и вышел.

Сейчас Хиссуну хотелось только одного — поспать: день, неделю, месяц. Эта суматошная ночь отняла всю его энергию. Всего два дня назад тот же лорд Валентин вызывал его в ту же комнату и велел срочно готовиться к отъезду из Лабиринта, поскольку его включают в состав королевского кортежа, совершающего великую процессию по Алханроэлю. А вчера его назначили одним из королевских помощников и выделили место за высоким столом на время банкета... И вот банкет прошел, завершился необъяснимым происшествием. Ему довелось видеть слабость кораля, убедиться в том, что и правитель Маджипура всего лишь обыкновенный человек. А потом его лишили радости участия в великой процессии. И вот теперь... Замковая гора? Кандидат в рыцари? Наверстать упущенное? Что именно? Жизнь начинает больше походить на сон. И нет никого, кто мог бы этот сон растолковать.

В коридоре за дверью комнаты кораля Слит внезапно схватил его за руку и притянул поближе к себе. Хиссун почувствовал, какие необычайные сила и энергия, сжатые словно пружина, скрываются внутри этого маленького человека.

— Я просто хотел сказать, мальчик... я не испытывал враждебности, когда так резко разговаривал с тобой.

— Я и не думал обижаться.

— Ладно-ладно. Я не хочу ссориться с тобой.

— И я с вами, Слит.

— Сдается мне, нам придется немало потрудиться вместе, когда начнется война.

— Если начнется война.

Слит мрачновато усмехнулся.

— В этом нет ни малейшего сомнения. Но я не собираюсь затевать новый спор. Довольно скоро ты начнешь думать так же. Валентин не замечает беды, пока она не схватит его за горло,— это в его характере: он слишком добр и, как мне кажется,

слишком верит в добропорядочность других... но ты-то не такой, мой мальчик, верно? Ты живешь с открытыми глазами. По-моему, именно это корональ и ценит в тебе больше всего. Ты слушаешь меня?

— Ночь была долгой. Слит.

— Да-да, верно. Ну ступай, мальчик, поспи немного. Если заснешь...

Глава 9

Первые лучи солнца упали на неровный, серый, илистый берег в юго-восточной части Зимроэля и осветили его бледно-зеленым светом. Рассвет моментально разбудил пятерых лиименов, расположившихся в потрепанной, латаной-перелатаной палатке на краю дюны в нескольких сотнях ярдов от моря. Они молча поднялись, зачерпнули пригоршни сырого песка и растерли его по грубой рябой коже серо-черного цвета на груди и руках, совершая таким образом утреннее омовение. Выйдя из палатки, они повернулись на запад, где в темном небе еще светились несколько звезд, и сделали приветственный знак.

Одна из этих звезд была, вероятно, той, с которой прилетели их предки. Они не представляли, какая именно. Этого не знал никто. Семь тысячелетий прошло с той поры, как на Маджипур прибыли первые лиимены-переселенцы; за долгие годы большая часть сведений была утеряна. За время скитаний по гигантской планете, появляясь везде, где можно было отыскать простую, черную работу, лиимены уже давно позабыли то место, откуда начался их путь. Но однажды они вспомнят то, что забыли.

Старший молча развел костер. Тот, что помоложе, принес вертелы и насадил на них мясо. Две женщины без единого слова взяли вертелы и стали держать их над пламенем; вскоре послышалась песня кипящего жира. Все так же не произнося ни звука, они раздали куски мяса, и лиимены в молчании съели то, чему предстояло стать их единственной пищей на протяжении целого дня.

В полной тишине они гуськом вышли из палатки: сначала старший, за ним обе женщины, затем еще двое лиименов-мужчин — пять поджарых, широкоплечих существ с плоскими головами и горящими глазами, по три на каждом бесстрастном лице. Они направились к берегу моря и выстроились на узком выступе

мыска, куда не добирался прибой. Вот уже несколько недель они приходили сюда каждое утро.

Они стояли в безмолвном ожидании, и каждый из них надеялся, что новый день позволит им увидеть драконов.

Юго-восточное побережье Зимроэля, обозначенное на картах как провинция Гихорн,— один из самых мрачных уголков Маджипура. Богом забытый край, скудная серая почва, пронизанные сыростью порывистые ветры, полное отсутствие городов, чудовищные, опустошительные песчаные бури, налетающие когда им вздумается... На сотни миль вдоль этого злополучного побережья нет ни единой естественной гавани — лишь бесконечная гряда низких, осыпавшихся холмов спускается к полосе мокрого песка у кромки воды, полосе, о которую с печальным, угрюмым плеском разбиваются волны прибоя Внутреннего моря. На заре заселения Маджипура первопроходцы, забредавшие сюда, утверждали по возвращении, что здесь нет ровным счетом ничего достойного внимания. На столь богатой всякими чудесами и диковинками планете подобное определение служило самой уничижительной характеристикой, какую только можно себе представить.

Вот почему при освоении нового континента Гихорн обошли стороной. Поселения возникали одно за другим: сначала Пилиплок — в центре восточного побережья, возле устья полноводного Зимра, потом Пидруид — на далеком северо-западе и Ни-мойя в излучине Зимра в глубине континента; затем Тил-омон, Нарабаль, Велатис, сияющий город гэйрогов Дюлорн, и прочие, прочие, прочие. Форты превращались в поселки, поселки — в городки, городки — в города, а города — в очень большие города, от которых по необъятным просторам Зимроэля тянулись щупальца коммуникаций. Но для исследования Гихорна причин так и не появилось, и никто к тому не стремился. И даже метаморфы, после того как лорд Стиамот разгромил их и загнал в лесную резервацию к западу от Гихорна, за рекой Стейч, не желали пересекать реку, чтобы обосноваться в тех гиблых местах.

Значительно позже — спустя тысячи лет, когда большая часть территорий была освоена не в меньшей степени, чем Алханроэль,— в Гихорн все же проникли наконец несколько поселенцев. Почти все они были лиименами, бесхитростными и неприхотливыми существами, так и не влившимися окончательно в общую жизнь Маджипура. Казалось, они добровольно держатся особняком, зарабатывая по нескольку мерок то там, то сям — торгуя

жареными сосисками, на рыбном промысле, на сезонных работах. Этот странствующий народ, жизнь которого всем остальным обитателям Маджипура казалась тусклой и бесцветной, без особого труда обосновался в тусклом и бесцветном Гихорне. Лииме-ны селились в крохотных деревушках, забрасывали сети сразу за линией прибоя и ловили серебристо-серую рыбу, которой кишела вода, вырывали западни на блестящих черных крабов с огромным восьмиугольным панцирем, что ползали по побережью огромными стаями, а к праздникам выходили охотиться на медлительных и нежных на вкус дхумкаров, которые проводили дни наполовину зарывшись в песок дюн.

Большую часть года Гихорн принадлежал лииименам. Но только не летом, когда шли драконы.

В начале лета по всему побережью Зимроэля к югу от Пилиплока до края непроходимых болот Зимра вырастали, подобно желтым калимботам, палатки любопытствующих. В это время года стаи морских драконов совершали свое ежегодное путешествие к восточному берегу континента, направляясь в воды между Пилиплоком и Островом Сна, к местам своего размножения.

На всем Маджипуре только с побережья ниже Пилиплока можно было хорошо разглядеть драконов, не выходя в море, поскольку здесь беременные самки подплывали близко к берегу, чтобы полакомиться мелкой живностью, обитавшей в густых зарослях столь распространенных в этих водах золотистых водорослей. Так что практически ежегодно ко времени нереста драконов сюда со всего света съезжались тысячи желающих посмотреть на диковинных животных. Палатки знатных особ представляли собой великолепные изящные сооружения — настоящие дворцы из парящих опор и сверкающих тканей. Другие — устойчивые и добротные — служили прибежищем для процветающих торговцев с семьями. Те, что попроще, принадлежали простонародью, копившему деньги по нескольку лет, чтобы позволить себе эту поездку.

Аристократы съезжались в Гихорн потому, что находили забавным зрелище проплывающих по воде огромных морских драконов. А еще из-за некой пикантности времяпрепровождения в таком столь зловещем месте. Причиной появления здесь богатых торговцев служило стремление возвыситься в глазах окружающих, ибо столь дорогостоящая поездка несомненно свидетель-

ствовала о процветании. Кроме того, их дети имели возможность получить полезные знания о природе Маджипура. Простые же люди собирались на побережье, поскольку верили, будто достаточно увидеть, как проплывают драконы, и счастье на всю жизнь обеспечено, хотя никто не мог сказать, откуда взялось это убеждение.

Для лииименов появление драконов не было связано ни с развлечениями, ни с соображениями престижности, ни с надеждами на благосклонность судьбы — оно имело гораздо более глубокий смысл: избавление и спасение.

Никто не знал точно, когда драконы покажутся у берегов Гихорна. Они неизменно проплывали летом, но иногда чуть раньше, а иногда — позже; в этом году драконы запоздали. Пятеро лииименов, каждое утро изо дня в день выходившие на маленький мысок, не видели ничего, кроме серого моря, белой пены и темной массы морских водорослей. Но нетерпеливостью они не отличались. Рано или поздно драконы все равно приплывут.

Тот день, когда драконы наконец появились в поле зрения, был теплым и душным; с запада дул горячий влажный ветер. Крабы, обычно выползавшие на берег по утрам, безостановочно маршировали взводами, фалангами, полками взад и вперед по песку бухты, как бы готовясь к отражению неприятеля. Это был верный знак.

Около полудня появился еще один признак: из-под накатившего вала выбралась огромная жирная прибойная жаба, состоявшая, казалось, лишь из живота и острых, как зубья пилы, зубов. Она проковыляла несколько ярдов в сторону берега и зарылась в песок, тяжело при этом вздыхая, трясясь всем телом и помаргивая большими глазами молочного цвета. Мгновение спустя из воды вынырнула и уселась на песке, злобно поглядывая на первую, вторая жаба. За ними последовала небольшая процессия большеногих омаров, в которой насчитывалось до полудюжины голубовато-пурпурных созданий со вздутыми оранжевыми конечностями: они решительно выбрались на сушу и принялись быстро закапываться в грязь. После явились красноглазые гребешки, пританцовывавшие на тоненьких желтых ножках, маленькие тощие угри с вытянутыми белыми рыльцами и какие-то рыбы, беспомощно бившиеся на песке, пока за них не взялись крабы.

Лиимены, явно взволнованные, обменялись кивками. Лишь одно могло заставить обитателей прибрежных отмелей искать спасения на суше. Должно быть, по воде начал распространяться мускусный запах морских драконов — свидетельство того, что они почти рядом.

— Теперь смотрите,— отрывисто приказал старший.

С юга надвигался передовой отряд драконов — две или три дюжины громадных животных с распластанными черными кожистыми крыльями, с изогнутыми, подобно гигантским лукам, массивными шеями. Они невозмутимо углубились в заросли водорослей и начали собирать с них урожай. Хлопая крыльями по поверхности воды, они нагнали страху на обитателей подводных плантаций, набросились на них с неожиданной свирепостью, заглатывая без разбору водоросли, омаров, жаб и все остальное. Эти гиганты были самцами. За ними, переваливаясь с боку на бок, плыла небольшая группа самок, движениями походивших на стельных коров. Завершал процессию вожак стаи — настолько огромный, что напоминал перевернутый вверх килем крупный корабль. Он возвышался над поверхностью моря лишь наполовину: задние лапы и хвост скрывались под водой.

— Склонитесь и вознесите молитву,— приказал старший, упав на колени.

Семью длинными, костлявыми пальцами левой руки он снова и снова творил в воздухе знак морского дракона, изображал распростертые крылья и хищно изогнутую шею. Подавшись вперед, он потерся щекой о прохладный, влажный песок, подняв голову, посмотрел на дракона-вожака, находившегося теперь не далее чем в двух сотнях ярдов от берега, и усилием воли попытался призвать чудовищного зверя.

— Приди к нам... приди... приди...

— Время пришло. Мы ждали так долго. Приди... спаси нас... веди нас... спаси...

— Приди!

Глава 10

Машинальным росчерком пера он поставил свое имя на чуть ли не десятитысячном за день листе: «Элидат Морволский, верховный канцлер и регент». Рядом с именем он небрежно черкнул дату. Один из секретарей Валентина положил перед ним очередную стопку бумаг.

Сегодня был день подписи документов, еженедельная небесная кара Элидата. Каждый Второй день после обеда, с тех пор как уехал лорд Валентин, он покидал свою резиденцию во дворе Пинитора и приходил в канцелярию короналя во внутреннем замке. Здесь он усаживался за великолепный стол лорда Валентина — огромный, с полированной крышкой из темно-красного палисандра, украшенной четким рисунком, напоминающим эмблему Горящей Звезды,— и в течение нескольких часов секретари по очереди подавали ему документы, поступавшие из различных правительственных учреждений на утверждение. Даже когда корональ находился в отъезде по случаю великой процессии, шестеренки государственной машины продолжали крутиться, неутомимо производя поток декретов, поправок к декретам и декретов, отменяющих предыдущие декреты. И все они — одному лишь Божеству известно почему — должны были иметь подпись короналя или назначенного им регента. Опять то же самое: «Элидат Морволский, верховный канцлер и регент». И дата. Получите!

— Давайте дальше,— сказал Элидат.

Поначалу он добросовестно пытался читать или по крайней мере просматривать каждый документ, прежде чем поставить подпись. Затем решил, что достаточно будет ознакомиться с краткой пояснительной запиской на восемь-десять строчек, прикрепленной к папке, но и от этого отказался уже давно. Неужели Валентин читает все подряд? Невозможно. Даже если бы он читал одни записки, ему пришлось бы заниматься этим дни и ночи напролет без еды и сна, не говоря уж о том, что тогда не оставалось бы времени на серьезные государственные дела. Сейчас Элидат подписывал большую часть бумаг, не заглядывая в них. Он отдавал себе отчет в том, что в принципе мог таким образом подписать декрет о запрете есть сосиски по пятницам или об объявлении вне закона дождя в провинции Стойензар или даже бумагу, в соответствии с которой все его земли конфискуются и переводятся в пенсионный фонд административных секретарей. И все равно подписывал. Правитель — или исполняющий обязанности правителя — должен доверять своим помощникам; в противном случае работа не просто подавляет, а становится совершенно немыслимой.

Он вздохнул. «Элидат Морволский, верховный канцлер и...

— Дальше!

Он все еще испытывал некоторую вину из-за того, что не читал документы. Но неужели короналю действительно нужно знать о том, что между городами Мулдемар и Тидиас достигнуто соглашение о совместном владении какими-то виноградниками, право на которые оспаривается с седьмого года правления понтифекса Тимина и короналя лорда Кинникена? Нет, нет и нет! «Подписывай и переходи к другим делам,— подумал Элидат,— а Мулдемар и Тидиас пусть возрадуются воцарившимся между ними дружбе и любви; королю же о таких пустяках нечего и задумываться».

«Элидат Морволский...»

Когда он положил перед собой следующий документ и начал искать место, где расписаться, секретарь доложил:

— Господин, прибыли лорды Миригант и Диввис.

— Пригласите,— не поднимая головы, ответил Элидат.

«Элидат Морволский, верховный канцлер и регент...» Лорды Миригант и Диввис, советники внутреннего круга, соответственно кузен и племянник лорда Валентина, заходили каждый день примерно в этот час, чтобы предложить Элидату пробежаться по улицам Замка и таким образом избавиться от напряжения, накапливавшегося за время исполнения обязанностей регента. Он едва ли располагал другой возможностью для физических упражнений, и только ежедневные пробежки придавали ему бодрости.

Пока лорды шествовали от двери к столу, топоча башмаками по мозаичному полу — кабинет вообще отличался роскошью убранства и был отделан панелями из банникопа, семотана и других редких пород деревьев,— Элидат успел подписать два документа и взялся за третий, говоря себе, что это последний на сегодняшний день. Документ состоял всего из одной странички, и, подписывая его, Элидат поймал себя на том, что просматривает написанное: патент на дворянство, ни больше ни меньше, возвышающий какого-то удачливого простолюдина в ранг кандидата в рыцари Замковой горы «в знак признания его высокого достоинства и неоценимых заслуг, а также...»

— Что вы сейчас подписываете? — осведомился Диввис, перегибаясь через стол и заглядывая в бумагу. Крупный, широкоплечий, чернобородый, он, достигнув зрелости, приобрел черты

сверхъестественного сходства со своим отцом, бывшим короналем.— Валентин опять понижает налоги? Или решил сделать праздником день рождения Карабеллы?

Элидат, привыкший к шуточкам Диввиса, не имел особого желания выслушивать их сегодня, после целого дня столь утомительной и бессмысленной работы. Внезапно в нем разгорелся гнев.

— Вы хотели сказать — леди Карабеллы? — резким тоном поинтересовался он.

Диввис, казалось, опешил.

— С чего вдруг такие церемонии, верховный канцлер Элидат?

— Если бы я вдруг назвал вашего покойного отца просто Вориаксом, то могу себе представить, что бы вы...

— Мой отец был короналем,— сказал Диввис холодно и жестко,— и он достоин уважения, оказываемого усопшим королям. В то время как леди Карабелла — всего лишь...

— Леди Карабелла — супруга вашего здравствующего короля,— оборвал Диввиса Миригант. В его голосе, хоть он и отличался добродушным нравом, послышались ледяные нотки.— И кроме того, должен вам напомнить, что она является супругой брата вашего отца. Этих двух причин вполне достаточно, чтобы...

— Ладно,— устало произнес Элидат,— хватит заниматься глупостями. Сегодня побежим?

Диввис рассмеялся.

— Если вас не слишком утомили обязанности короналя.

— Больше всего мне сейчас хотелось бы,— сказал Элидат,— спуститься с Горы и отправиться в Морвол. Если идти не торопясь, на это потребуется месяцев пять, а потом три года заниматься моими садами и... Увы! Да, я побегу с вами. Вот только закончу с последней бумагой...

— Насчет празднования дня рождения леди Карабеллы,— с улыбкой вставил Диввис.

— Патент на дворянство,— сказал Элидат,— который, да будет вам известно, подарит нам нового кандидата в рыцари, некоего Хиссуна, сына Эльсиномы, как здесь говорится, жителя Лабиринта, «в знак признания его высокого достоинства и...»

— Хиссун, сын Эльсиномы?! — воскликнул Диввис.— А вы знаете, кто это, Элидат?

— Откуда мне знать?

— Вспомните торжества по случаю реставрации Валентина, когда он потребовал, чтобы с нами в тронном зале Конфалюма были все эти гнусные типы — его жонглеры, морской капитан-скандар без руки, хьорт с оранжевыми бакенбардами и прочие. Видели среди них мальчишку?

— Шанамира?

— Нет, еще младше! Щуплый мальчишка лет десяти-одиннадцати, начисто лишенный уважения к кому бы то ни было, с глазами воришки... Он еще ко всем приставал и клянчил медали и знаки отличия, а потом прикалывал их к своей одежде и беспрестанно разглядывал себя в зеркала! Он-то и есть Хиссун!

— Тот маленький мальчик,— добавил Миригант,— который от всех добился обещания нанять его проводником, если они когда-нибудь попадут в Лабиринт. Да, я помню его. Смышленый, я бы сказал, плутишка.

— Теперь этот плутишка стал кандидатом в рыцари,— буркнул Диввис.— Или будет им, если Элидат не порвет бумагу, которую столь спокойно рассматривает. Надеюсь, вы не собираетесь ее утверждать, Элидат?

— Конечно, собираюсь.

— Кандидат в рыцари из Лабиринта?

— Какая мне разница? — пожал плечами Элидат.— Да будь он хоть метаморфом из Илиривойна! Я здесь не для того, чтобы переиначивать решения короналя. Раз Валентин приказал сделать его кандидатом в рыцари, значит так тому и быть. А кто этот мальчик-плутишка, рыбак, разносчик сосисок, метаморф или золотарь...— Он быстро поставил дату рядом с подписью.— Все. Готово! Теперь Хиссун не менее знатен, чем вы, Диввис.

Диввис надменно выпрямился.

— Моим отцом был кораль лорд Вориакс, а дедом верховный канцлер Дамиандейн. Прадедом же...

— Да. Мы все это знаем. Но я подтверждаю, что теперь мальчик не менее знатен, чем вы, Диввис. Тут так написано. А какая-нибудь бумага вроде этой сделала то же самое для кого-нибудь из ваших предков, хотя я и не знаю когда и почему. Или вы полагаете, что знатность — нечто врожденное, вроде четырех рук и темной шерсти у скандаров?

— Сегодня вы вспыльчивы, Элидат.

— Так и есть. Поэтому будьте снисходительны ко мне и постарайтесь не докучать.

— Простите,— извинился Диввис без особого раскаяния в голосе.

Элидат встал, потянулся и выглянул в огромное закругленное окно перед столом короналя, откуда открывался грандиозный вид на необъятный воздушный простор. Два могучих черных стервятника, чувствовавших себя на столь головокружительной высоте в своей стихии, парили в небе друг над другом; от серебряных хохолков на их золотистых головах отражался солнечный свет. Наблюдая за легкими, раскованными движениями птиц, Элидат поймал себя на том, что завидует их свободе. Он медленно покачал головой. После такой работы устоять бы на ногах. «Элидат Морволский, верховный канцлер и регент...»

На этой неделе исполняется шесть месяцев с тех пор, как Валентин отправился в поездку, подумал он. А кажется, будто прошло несколько лет. Неужели такова вся жизнь короналя? Рутинная работа изо дня в день, невозможность принадлежать самому себе?.. Вот уже, пожалуй, лет десять Элидат живет с мыслью о том, что сам, возможно, станет короналем, ведь как ни крути — он первый в линии наследования с того самого дня, как лорд Вориакс погиб в лесу, а корона столь неожиданно перешла к его младшему брату. Если с Валентином что-нибудь случится или если понтифекс Тиеверас наконец-то умрет и Валентину придется обосноваться в Лабиринте, то звездную корону предложат ему, Элидату. Вот только не состариться бы раньше времени — кораль должен быть человеком во цвете лет, а Элидату пошел уже пятый десяток; Тиеверас же, как кажется, будет жить вечно.

Если обстоятельства сложатся удачно, он не станет, да и не сможет думать об отказе. Отказ — нечто немыслимое. Правда, с течением времени Элидат все более пылко молился о продлении жизни понтифекса Тиевераса, и о продолжительном и благополучном правлении короналя лорда Валентина. А несколько месяцев, проведенных на посту регента, лишь укрепили его в этой мысли. Еще в раннем детстве, когда Замок принадлежал лорду Малибору, Элидату казалось, что быть короналем — самое чудесное занятие на свете, и он испытывал острую зависть к Вориаксу, который, будучи всего на восемь лет старше, стал преемником лорда Малибора. Теперь он недоумевал, чему тут можно завидовать, но отказываться от короны все же не собирался. Он помнил, как старый верховный канцлер Дамиандейн, отец Вориакса и Валентина, сказал однажды, что лучшим канди-

датом в коронали является тот, кто обладает всеми необходимыми качествами, но не слишком стремится к власти. Что ж, невесело сказал себе Элидат, тогда я, наверное, хороший кандидат. Но, может, до меня дело не дойдет.

— Ну что, побежали? — спросил он с напускной веселостью.— Пять миль, а потом по стаканчику доброго золотого вина?

— Пожалуй,— откликнулся Миригант.

При выходе из кабинета Диввис остановился перед огромным глобусом из бронзы и серебра у дальней стены — на нем отмечался маршрут следования процессии короналя.

— Смотрите,— сказал он, поднеся палец к рубиновому шарику на поверхности глобуса, похожему на налитый кровью глаз горной обезьяны.— Он уже довольно далеко к западу от Лабиринта. Что это за река, по которой он спускается? Глэйдж?

— Кажется, Трей,— ответил Миригант.— По-моему, он направляется в Треймоун.

Элидат кивнул. Он подошел и легонько провел рукой по шелковисто-гладкой металлической поверхности.

— Да, а оттуда в Стойен, потом, я думаю, переправится на корабле через залив в Перимор и поднимется по побережью до Алаизора.

Он не мог оторвать ладонь от глобуса, поглаживал причудливые линии континентов, как если бы Маджипур был женщиной, а Алханроэль и Зимроэль — ее грудями.

Как прекрасен мир, как прекрасно его изображение! Литой шар представлял собой полуглобус, так как не имело никакого смысла показывать обратную сторону Маджипура, сплошь занятую океаном и практически неисследованную. Но на заселенном полушарии располагались три континента: Алханроэль с вздымавшимся над поверхностью глобуса огромным зазубренным шпилем Замковой горы, богатый лесами Зимроэль и на юге — пустынный Сувраэль. А между ними — во Внутреннем море — лежал благословенный Остров Сна. Многие города, горные цепи, крупные озера и реки были изображены во всех подробностях. Какой-то механизм, принцип работы которого Элидат не понимал, все время показывал местонахождение короналя: светящийся красный шарик постоянно перемещался, так что всегда можно было узнать, в каком именно месте находится Валентин. Словно зачарованный, Элидат провел пальцем по пути великой процессии: Стойен, Перимор, Алаизор, Синталмонд, Даниуп, вниз

по ущелью Кинслейн в Сантискион и обратно, по кругу, через холмы у подножия Замковой горы...

— Жалеете, что не с ним? — поинтересовался Диввис.

— Или хотели бы совершить эту поездку вместо него? — добавил Миригант.

Элидат резко повернулся к нему.

— Что вы хотите сказать?

— Разве непонятно? — слегка смешавшись, ответил Миригант.

— Кажется, вы обвиняете меня в противозаконных намерениях?

— Противозаконных? Тиеверас задержался на этом свете лет на двадцать. Жизнь в нем поддерживается лишь благодаря какому-то колдовству...

— За счет новейших достижений медицины,— поправил Элидат.

— Это одно и то же,— пожал плечами Миригант.— При естественном ходе событий Тиеверасу давно уже пора умереть, а Валентину — стать нашим понтифексом. А новый корональ должен был бы отправиться в свою первую великую процессию.

— Решать не нам,— буркнул Элидат.

— Верно, решать Валентину. А он не станет,— вмешался в разговор Диввис.

— Станет, когда придет время.

— Когда? Лет через пять? Десять? Сорок?

— Вы намерены заставить короналя сделать это, Диввис?

— Я хотел бы дать короналю совет. Это наш долг: ваш, мой, Мириганта, Тунигорна — всех, кто состоял в правительстве до переворота. Мы обязаны напомнить ему, что пора переселяться в Лабиринт.

— Думаю, нам пора на прогулку,— сухо заметил Элидат.

— Послушайте, Элидат! Я что, вчера родился? Мой отец был короналем, дед занимал ваш нынешний пост, я всю жизнь провел рядом с владыками мира сего и понимаю все не хуже, чем большинство других. У нас нет понтифекса. В течение восьми или десяти лет нами правит некое существо,— скорее мертвое, чем живое,— которое обитает в стеклянной банке где-то в Лабиринте. Хорнкэст разговаривает с ним или делает вид, что разговаривает, получает от него распоряжения или опять же только делает вид, что получает, но фактически у нас вообще нет понти-

фекса. Как долго правительство может так работать? Думаю, Валентин пытается одновременно быть и короналем и понтифексом, а это не по силам никому, и в результате страдает вся структура власти, все парализовано...

— Достаточно,— вмешался Миригант.

— Он все упрямится, поскольку молод и ненавидит Лабиринт, а еще потому, что вернулся после изгнания с новой свитой из жонглеров и пастухов, которые настолько увлечены красотами Горы, что не дают ему увидеть, в чем состоит истинный долг...

— Хватит!

— И последнее,— серьезным тоном продолжал Диввис.— Разве вы ослепли, Элидат? Всего восемь лет прошло с тех пор, как мы пережили событие, совершенно уникальное в нашей истории, когда законного короналя свергли — причем он даже не знал об этом — и посадили на его место самозванца. И кого? Марионетку метаморфов! Да и Король Снов — самый настоящий метаморф! Две из четырех Властей империи узурпированы, а сам замок кишит ставленниками метаморфов...

— Все они выявлены и уничтожены. А трон доблестно отвоеван его законным владельцем, Диввис.

— Все верно. Но неужели вы надеетесь, что метаморфы довольствуются своими джунглями? Я утверждаю, что именно сейчас, в это самое мгновение, они замышляют уничтожить Маджипур и завладеть всем, что останется. И нам известно об их замыслах с момента реставрации Валентина — а что он предпринял? Что он сделал, Элидат? Распахнул перед ними объятия! Пообещал, что исправит былые ошибки и восстановит справедливость. Да, а они тем временем строят против нас козни.

— Я побегу без вас,— сказал Элидат.— Оставайтесь здесь, садитесь за стол короналя, подписывайте вороха документов. Вы ведь этого хотите, Диввис? Сесть за стол? — Он гневно развернулся и направился к двери.

— Погодите,— удержал его Диввис.— Мы идем.— Он догнал Элидата, взял его под руку и произнес тихим, напряженным голосом, так не похожим на его обычную манеру говорить, растягивая слова: — Валентину следует перебраться в понтифексат. Неужели вы думаете, что я стану вашим соперником из-за короны?

— Я не являюсь кандидатом на корону,— сказал Элидат.

— Никто никогда не претендует на корону,— ответил Диввис.— Но даже ребенку известно, что вы — наиболее вероятный наследник. Право же, Элидат!

— Оставьте его,— вмешался Миригант.— Кажется, мы собрались на прогулку?

— Да, пойдемте и закончим наш разговор,— согласился Диввис.

— Хвала Божеству,— буркнул Элидат.

Впереди остальных он спускался по широким каменным ступеням, истертым на протяжении столетий, мимо постов стражи на площади Вильдивара вымощенной розовым гранитом и соединявшей внутренний замок, основную рабочую резиденцию короналя, с нагромождением окружавших его на вершине Горы внешних построек. Элидату казалось, будто голова у него стянута раскаленным обручем: сначала пришлось подписывать бессчетные дурацкие бумаги, а потом еще и выслушивать граничащие с изменой разглагольствования Диввиса.

И все же следовало признать, что сын Вориакса прав. Дальше так продолжаться не может. Когда следует предпринять решительные, крупномасштабные действия, понтифекс и корональ должны объединить усилия и предотвратить любое безрассудство. А Валентин попытался действовать в одиночку — и потерпел неудачу. Даже величайшие из короналей — Конфалюм, Престимион или Деккерет — не осмеливались единолично править Маджипуром. А ведь опасности, с которыми приходилось сталкиваться им, не идут ни в какое сравнение с тем, что выпало на долю Валентина. Мог ли кто-нибудь представить себе во времена Конфалюма, что смирные, покорные метаморфы вновь поднимут голову, чтобы попытаться отвоевать потерянные владения? И все же движется в укромных уголках планеты полным ходом идет подготовка к мятежу. Вряд ли Элидату удастся забыть последние часы войны за реставрацию, когда пришлось прокладывать путь в пещеры, где стояли машины, управляющие климатом Замковой горы, и, чтобы спасти их, убивать стражников, одетых в мундиры личной гвардии короналя,— а они, умирая, видоизменялись и превращались в безносых метаморфов с раскосыми глазами и щелями вместо ртов. Это происходило восемь лет тому назад; Валентин до сих пор надеется пронять мятежников заверениями в братской любви и найти какой-нибудь мирный способ унять их злобу. Но ничего конкретного за восемь лет добиться

не удалось; и кто знает, какие новые уловки напридумывали метаморфы.

Элидат набрал побольше воздуха в легкие и стрелой помчался вперед, в мгновение ока оставив Мириганта и Диввиса далеко за спиной.

— Эй! — закричал вслед ему Диввис.— Разве вы не хотели пробежаться трусцой?

Он не обратил внимания на крик. Боль внутри можно было выжечь только другой болью; и он бежал как сумасшедший, притворяясь, что не слышит окликов. Вперед, только вперед, мимо изящной, украшенной пятью шпилями, Башни лорда Ариока, мимо часовни лорда Кинникена, мимо подворья понтифекса. Вниз — по каскаду Гуаделума, вокруг приземистой темной громады сокровищницы лорда Пранкипина, вверх — по Девяноста девяти ступеням — сердце начинает колотиться в груди — в сторону колоннады двора Пинитора — вперед, вперед, через дворы, которыми он ходил в течение тридцати лет каждый день, с тех пор как ребенком попал сюда из Морвола, что у подножия Горы, чтобы научиться искусству государственного управления. Сколько раз он бегал так с Валентином, Стазилейном или Тунигорном — они были как братья, четверо необузданных мальчишек, чьи вопли разносились по всему Замку лорда Малибора (так он тогда назывался). Ах, до чего же беззаботной была их жизнь! Они предполагали, что станут советниками, когда престол займет Вориакс — в подобном исходе никто не сомневался; а потом преждевременно ушел из жизни лорд Малибор, за ним последовал Вориакс, корона перешла к Валентину, и единообразие их жизней было нарушено раз и навсегда.

А сейчас?! «Валентину пора переселяться в Лабиринт»,— сказал Диввис. Да-да. Он несколько молод для понтифекса, это верно, но невелика радость попасть на трон выжившим из ума, как Тиеверас. Старый император заслужил вечный покой. Валентин должен отправиться в Лабиринт. А корона перейдет...

«Ко мне? Лорд Элидат? И замок будет называться Замком лорда Элидата?» — мысль об этом разом удивила, восхитила и испугала, ибо за последние шесть месяцев он сполна испытал, каково быть короналем.

— Элидат! Вы погубите себя! Вы бежите как ненормальный! — голос Мириганта доносился издалека, словно подхваченное ветром эхо.

Элидат взбежал уже почти на самый верх Девяноста девяти ступеней. Сердце глухо бухало в груди, глаза заволокло пеленой, но он заставил себя преодолеть последние ступени и вбежать в узкий проход из зеленого королевского камня, ведущий в административные здания двора Пинитора. Ничего не видя перед собой, он завернул за угол, ощутил сокрушительный удар, услышал сдавленный возглас, растянулся во весь рост и какое-то время лежал полуоглушенный, тяжело дыша.

Наконец он сел, открыл глаза и увидел молодого человека, худощавого и темноволосого, с причудливой новомодной прической; юноша неуверенно поднялся и подошел к нему.

— Господин? С вами все в порядке, господин?

— Я с вами столкнулся, да? Надо было... смотреть... куда бегу...

— Я видел вас, но не успел отскочить. Вы бежали так быстро... позвольте, я помогу вам встать...

— Все хорошо, юноша. Мне просто... надо... отдышаться...

Высокомерно отказавшись от помощи молодого человека, Элидат поднялся, отряхнул дублет и расправил плащ; на брючине, под коленом, зияла огромная дыра, сквозь которую виднелась ободранная до крови кожа. Сердце колотилось по-прежнему гулко; он чувствовал себя выставленным на всеобщее посмешище. Диввис и Миригант были совсем близко. Элидат хотел было рассыпаться в извинениях, но странное выражение лица незнакомца остановило его.

— Вас что-то беспокоит? — спросил Элидат.

— Вы случайно не Элидат Морволский?

— Он самый.

Юноша рассмеялся.

— Так я и подумал, разглядев вас поближе. Вы-то мне и нужны! Мне сказали, что вас можно найти во дворе Пинитора. У меня для вас сообщение.

В проходе появились Миригант и Диввис. Они остановились рядом с Элидатом. По их виду он представил себе, насколько ужасно выглядит сам — раскрасневшийся, потный, очумелый от сумасшедшего бега. Он попытался сгладить неприятное впечатление и, указав на молодого человека, пояснил:

— Я так торопился, что налетел на гонца, у которого для меня кое-что есть. От кого сообщение, юноша?

— От лорда Валентина, господин.

У Элидата округлились глаза.

— Это что, шутка? Кораль совершает великую процессию, и сейчас он где-то к западу от Лабиринта.

— Так и есть. Я состоял при нем в Лабиринте, а когда он послал меня на Гору, то попросил первым делом разыскать вас и передать...

— Что именно?

Юноша неуверенно посмотрел на Диввиса и Мириганта.

— Я полагаю, что сообщение предназначено лично вам, мой лорд.

— Это лорды Миригант и Диввис, кровные родственники короналя. Можете говорить при них.

— Очень хорошо, господин. Лорд Валентин велел мне передать Элидату Морволскому — забыл сказать, мой лорд, что я — кандидат в рыцари Хиссун, сын Эльсиномы,— велел передать, что изменил первоначальные планы и собирается посетить с великой процессией Зимроэль, а перед возвращением нанесет визит своей матушке Хозяйке Острова Сна, и потому просит вас исполнять обязанности регента в течение всего срока его отсутствия. По его мнению, этот срок составит...

— Помилуй меня, Божество! — хрипло пробормотал Элидат.

— ...Год или, возможно, полтора сверх запланированного.

Глава 11

Вторым признаком надвигающейся беды стали для Этована Элакки увядшие через пять дней после пурпурного дождя листья нийковых деревьев.

Пурпурный дождь сам по себе не предвещал чего-либо необычного. Он не такая уж редкость на восточном склоне ущелья Дюлорн, где на поверхность выходят пласты мягкого, легкого песка скувва, имеющего бледную красновато-голубую окраску. В определенное время года северный ветер, называемый «скребком», поднимал этот песок высоко в небо, где он на несколько дней зависал в облаках и придавал дождю красивый бледно-лиловый оттенок. Но дело в том, что земли Этована Элакки лежали на тысячу миль к западу от тех мест, на другом склоне ущелья, неподалеку от Фалкинкипа; насколько было известно, ветры с песком скувва так далеко на запад не залетали. Однако Этован Элакка знал, что ветры имеют обыкновение менять направление, и «скребок», по всей видимости, решил в нынешнем году нанести визит на противоположный склон ущелья. В любом случае пурпурный дождь беспокойства не вызывал: после него повсюду оставался лишь слой песка, но лишь до следующего, уже обычного дождя. Нет, первым знаком беды стал не сам пурпурный дождь, а увядание сенситивов в саду Этована Элакки, случившееся за два или три дня до этого.

Есть над чем призадуматься, но в общем-то ничего из ряда вон выходящего. Заставить сенситивы увянуть не так уж и сложно: небольшие растения с золотыми листочками и неприметными зелеными соцветиями — их родиной являются леса к западу от Мазадона — чувствительны к психологическим излучениям. Любой психический диссонанс поблизости — будь то гневные выкрики, рев дерущихся в лесу животных или даже, как утверждают, одно лишь приближение человека, совершившего серьезное преступление,— приводит к тому, что листочки сенситивов складываются, как ладони во время молитвы, и чернеют. Такая реакция на первый взгляд не имеет никаких биологических объяснений, но Этован Элакка не сомневался, что доскональное изучение необычных растений, которым он намерен когда-нибудь заняться, поможет ему раскрыть их тайну. А пока он просто выращивал сенситивы у себя в саду, потому что ему нравилось, как весело сверкают их золотистые листья. Поскольку во владениях Этована Элакки царили порядок и гармония, сенситивы чувствовали себя прекрасно и еще ни разу не случалось, чтобы они зачахли. До сих пор. Загадка. Кто мог переругиваться у границ его сада? Какое злобно рычащее животное в провинции, где встречалась только домашняя скотина, могло внести сумятицу в порядок, которым отличалось его поместье?

Для Этована Элакки, шестидесятилетнего земледельца-джентльмена, высокого и статного, с крупной седой головой, порядок составлял смысл бытия. Его отец был третьим сыном герцога Массисского, а оба брата последовательно занимали пост мэра Фалкинкипа. Но его самого государственная служба не привлекала: едва вступив в права наследства, он приобрел роскошный участок земли в спокойном холмистом зеленом районе на западном склоне ущелья и создал там Маджипур в миниатюре — маленький мирок, воспроизводивший красоту и спокойствие всей планеты, ее безмятежный и гармоничный дух.

Он выращивал обычные для этих мест культуры: нийк и глейн, хингамоты и стаджу. Стаджа была основой его хозяйства, поскольку спрос на сладкий воздушный хлеб из клубней стаджи никогда не падал, и хозяйства в районе ущелья должны были производить ее в достаточных количествах, чтобы обеспечить потребности примерно тридцати миллионов жителей Дюлорна, Фалкинкипа и Пидруида, а также еще нескольких миллионов, проживавших в окрестных городках. Чуть выше стаджи по склону располагалась плантация глейна — ряды густых, куполообразных кустов, между удлиненными серебристыми листьями которых гнездились крупные гроздья небольших, нежных, налитых соком голубых плодов. Стаджа и глейн всегда росли рядом: давно было известно, что корни глейна выделяют в почву азотосодержащую жидкость, которая после дождей опускается по склону и стимулирует рост клубней стаджи.

За глейном виднелась рощица хингамотов, где из почвы торчали мясистые, грибовидные желтые отростки, вздувшиеся от сахарного сока: они улавливали свет и таким образом поставляли энергию растениям, прятавшимся глубоко под землей. А вдоль границ всего поместья протянулся чудесный сад Этована Элакки. Сад состоял из деревьев нийк, посаженных, как принято, причудливыми геометрическими фигурами — по пять деревьев в каждой группе. Элакка любил прохаживаться среди них и ласково поглаживать ладонями тонкие черные стволы не толще человеческой руки и такие же гладкие, как самый изысканный атлас. Дерево нийк жило не больше десяти лет: первые три года оно росло поразительно быстро, вымахивая до сорокафунтовой высоты; на четвертый год на нем появлялись первые изумительные золотые цветы в форме чаши с кроваво-красной серединой, а затем оно начинало в изобилии приносить беловато-прозрачные серповидные плоды с резким запахом и плодоносило до тех пор, пока внезапно не умирало — за несколько часов изящное дерево превращалось в сухую палку, которую мог сломать и ребенок. Ядовитые в сыром виде, плоды нийка были тем не менее незаменимы для приготовления острого, пряного жаркого и каш, столь ценимых в кухне гэйрогов. По-настоящему хорошо нийк рос только в ущелье, и Этован Элакка со своим урожаем занимал прочное место на рынке.

Земледелие наполняло жизнь Этована Элакки ощущением полезности, но не в полной мере удовлетворяло его любовь к

красоте. Вот почему он создал собственный ботанический сад, где устроил восхитительную живописную экспозицию, собрав со всех концов света всевозможные удивительные растения, какие только могли прижиться в теплом и влажном климате ущелья.

Были здесь алабандины с Зимроэля и Алханроэля всех естественных тонов и оттенков, а также большинство искусственно выведенных сортов. Были танигалы, твейлы, деревья из лесов Гихорна с цветами, которые лишь в полночь по пятницам являлись взору во всем своем ошеломляющем великолепии. Имелись также пиннины, андродрагмы, пузырчатые деревья и резиновый мох; халатинги, выращенные из добытых на Замковой горе черенков; караманги, муорны, сихорнские лианы, сефитонгалы, элдироны. Экспериментировал Элакка и со столь прихотливыми растениями, как огненные пальмы из Пидруида, которые иногда жили у него до пяти-шести сезонов, но в таком отдалении от моря никогда не цвели; или с игольчатыми деревьями с гор, которые быстро чахли в отсутствие необходимого им холода; или со странными, призрачными лунными кактусами из Велализиерской пустыни, которые он безуспешно пытался оградить от слишком частых дождей.

Этован Элакка не брезговал и местными растениями: выращивал странные надутые пузырчатые деревья, качавшиеся, как воздушные шарики, на своих толстых корнях, и зловещие, плотоядные деревья из лесов Мазадона, поющие папоротники, капустные деревья, несколько громадных двикка-деревьев, полдюжины папоротниковых деревьев доисторического вида. Для создания живого ковра он небольшими кучками рассаживал сенситивы, которые своим скромным и изящным видом являли приятный контраст более ярким и выносливым растениям, составлявшим основу его коллекции.

Тот день, когда он обнаружил, что сенситивы пожухли, начинался великолепно. Ночью прошел небольшой дождик, но ливня, как заметил, совершая обычный обход сада на рассвете, Этован Элакка, не предвиделось; воздух был прозрачен настолько, что лучи восходящего солнца, отражаясь от гранитных скал на западе, били в глаза зеленым огнем. Сверкали цветы алабандины; проснувшиеся голодными плотоядные деревья безостановочно шевелили щупальцами и пестиками, полупогруженными в глубокие чаши, расположенные посреди огромных розеток.

Крошечные долгоклювы с малиновыми крыльями порхали, как ослепительные искорки, между ветвей андродрагмы. Но поскольку в Элакке было сильно развито предчувствие дурного — ночью он видел нехорошие сны со скорпионами, дхиимами и прочей нечистью, что копошилась на его земле,— он почти не удивился, наткнувшись на злосчастные сенситивы, почерневшие и скукожившиеся от неведомой болезни.

Все утро до завтрака он работал в одиночестве, угрюмо вырывая поврежденные растения. Они были живы, но из-за сильно пострадавших отростков спасти их не представлялось возможным, поскольку увядшая листва никогда не восстановится; а если он попытается их подрезать, то нижняя часть все равно погибнет от боли. Потому он и вырывал их десятками, с содроганием ощущая, как они корчатся у него в руках, а потом соорудил из них погребальный костер. Вызвав к посадкам сенситивов старшего садовника вместе с рабочими, Этован Элакка спросил, знает ли кто-нибудь, что привело растения в такое состояние. Но никто не смог ничего сказать.

Происшествие повергло Этована Элакку в уныние, но не в его обычае было надолго опускать руки, и уже к вечеру он раздобыл сотню пакетиков с семенами сенситивов из местного питомника: сами растения он, разумеется, купить не мог, поскольку при пересадке они не выживали. Весь следующий день он высаживал семена. Через шесть-восемь недель от несчастья не останется и следа. Он расценил гибель растений как небольшую загадку, которая, возможно, когда-нибудь разрешится, но, скорее всего, нет,— и выбросил ее из головы.

День или два спустя к первой загадке прибавилась новая: пурпурный дождь. Необычное, но безобидное событие. Все сошлись на одном: «Должно быть, меняется направление ветра, вот и заносит скувву так далеко на запад». Песок продержался меньше одного дня, а потом очередной ливень смыл все дочиста, заодно с воспоминаниями Этована Элакки. Но нийковые деревья...

Через несколько дней после пурпурного дождя Элакка наблюдал за сбором урожая плодов нийка, когда к нему подбежал старший десятник, худощавый невозмутимый гэйрог по имени Симуст. Он находился в состоянии, которое применительно к Симусту можно было назвать крайним возбуждением: змееобразные волосы растрепаны, раздвоенный язык мелькал так, словно норовил выскочить изо рта. Гэйрог закричал:

— Нийк! Нийк!

Серовато-белые листья деревьев нийк имеют форму карандаша и располагаются вертикально редкими пучками на окончаниях двухдюймовых побегов, будто внезапный удар электричеством заставил их встать торчком. Само дерево очень тонкое, а ветки настолько немногочисленны и корявы, что такое положение листьев придает нийку забавный колючий вид, благодаря чему его невозможно ни с чем спутать даже на большом расстоянии; но когда Этован Элакка побежал вслед за Симустом к роще, то разглядел еще за несколько сотен ярдов нечто, с его точки зрения, невообразимое: на всех деревьях листья свисали вниз, будто это были не нийки, а какие-нибудь плакучие танигалы или халатинги!

— Вчера они были в порядке,— пояснил Симуст.— И сегодня утром тоже! Но сейчас... сейчас...

Этован Элакка достиг первой группы из пяти деревьев и положил руку на ближайший к нему ствол, показавшийся необычно легким. Он толкнул дерево, и оно качнулось. Сухие корни легко вывернулись из почвы. Он толкнул второе, третье...

— Листья...— добавил Симуст.— Даже у мертвого нийка листья повернуты вверх. А тут... Ничего подобного мне видеть не доводилось.

— Неестественная смерть,— пробормотал Этован Элакка.— Это что-то новое, Симуст.

Он бросался от группки и группке, опрокидывая деревья; после третьей перешел на шаг, а на пятой опустил голову и еле переставлял ноги.

— Умерли... все умерли... все мои красавцы-нийки...

Погибла вся роща — обычным для нийков образом: стремительно, потеряв свои соки через пористые ветки... Но нийковая роща, засаженная ступенчатым способом по десятилетнему циклу, не должна была засохнуть целиком, а странное поведение листьев оставалось необъяснимым.

— Надо известить сельскохозяйственного агента,— сказал Этован Элакка.— А еще, Симуст, пошлите кого-нибудь на ферму Хагидона, и к Нисмейну, и еще к тому... как его... возле озера, чтобы узнать, что происходит с нийками у них. Интересно, это болезнь?

Но у нийков не бывает болезней... какая-нибудь новая, а, Симуст? Наваливается на нас, как послание Короля Снов?

— Пурпурный дождь, господин...

— Немного цветного песка? Какой от него может быть вред? На той стороне ущелья такой дождь льет раз по десять в году, но там его и не замечают. Ох, Симуст, нийки... мои нийки!..

— Это пурпурный дождь,— твердо заявил Симуст.— Он совсем не такой, какой бывает на востоке. Он другой, господин, ядовитый! Он убил нийки!

— И сенситивы тоже? За два дня до того, как прошел?

— Они очень нежные, господин. Возможно, они почувствовали яд в воздухе, когда приближался дождь.

Этован Элакка пожал плечами. Может, так оно и есть. А может быть, ночью прилетали метаморфы из Пиурифэйна на метлах или каких-нибудь волшебных парящих машинах и наслали на землю некие гибельные чары. Может быть. В мире, состоящем из «может быть», все возможно.

— Что толку строить догадки? — горько спросил он.— Мы ничего не знаем. Кроме того, что нийки погибли и сенситивы тоже умерли. Что дальше, Симуст? Кто следующий?

Глава 12

Карабелла, весь день напролет смотревшая в окно двигавшегося по унылой пустоши парящего экипажа, будто надеясь силой своего взгляда увеличить его скорость, вдруг воскликнула с неожиданным ликованием:

— Смотри, Валентин! Кажется, пустыня и вправду заканчивается!

— Вряд ли,— отозвался он.— Наверняка придется ехать по ней еще три или четыре дня. А может, и все пять, шесть, семь...

— Неужели ты даже не взглянешь?

Он отложил ворох донесений, которые просматривал, выпрямился и выглянул в окно поверх ее головы. Точно! О, Божество, да там зелень! И не сероватая зелень корявых, пыльных, упрямых и жалких пустынных растений, а яркая, нежная, присущая подлинной маджипурской флоре, пронизанная энергией роста и плодородия. Наконец-то зловредный дух Лабиринта остался позади, и королевский кортеж выбирается с безрадостного плоскогорья, на котором расположена подземная столица. Наверное,

приближаются земли герцога Насимонта — озеро Айвори, гора Эберсинул, огромные поля туола и милайла и особняк, о котором Валентин столько слышал...

Он положил ладонь на узкое плечо Карабеллы, погладил по спине, одновременно разминая ей мышцы и лаская. Как хорошо, что она снова с ним! Она присоединилась к процессии неделю назад у развалин Велализиера, где они вместе ознакомились с работой археологов, которые занимались раскопками огромного каменного города, оставленного метаморфами пятнадцать, а то и двадцать тысячелетий назад. С ее появлением утомленный и подавленный Валентин заметно приободрился.

— Ах, миледи, как одиноко было в Лабиринте без вас,— нежно сказал он.

— Жаль, что меня там не было. Я ведь знаю, как ты ненавидишь это место. А когда мне сказали, что ты болен... о, я чувствовала себя такой виноватой, и мне было так стыдно, что я далеко, когда ты... когда...— Карабелла покачала головой.— Будь это в моей власти, я оставалась бы рядом с тобой. Ты же знаешь. Но я пообещала, что буду на открытии музея в Сти, а...

— Да, конечно. У супруги короналя есть свои обязанности.

— Так странно: «супруга короналя»... Маленькая девочка-жонглер из Тил-омона ходит по Замковой горе, произносит речи и открывает музеи...

— Все еще «маленькая девочка-жонглер из Тил-омона»? И это после стольких лет, Карабелла?

Она передернула плечами и пригладила мягкие, коротко остриженные темные волосы.

— Моя жизнь — всего лишь цепь странных случайностей, о которых невозможно забыть. Если бы я не остановилась с труппой Залзана Кавола в той гостинице именно тогда, когда туда пришел и ты... если бы тебя не лишили памяти и не бросили в Пидруиде, такого простодушного... как черноносый блав...

— А если бы ты родилась во времена лорда Хэвилбоува или в каком-нибудь другом мире...

— Не дразни меня, Валентин.

— Прости, любимая.— Он взял ее маленькую прохладную ручку в свою.— Но сколько ты еще будешь вспоминать, кем была? Когда ты наконец начнешь воспринимать как должное свою настоящую жизнь?

— Пожалуй, никогда,— отчужденно ответила она.

— Владычица моей жизни, как ты можешь говорить...

— Ты знаешь почему, Валентин.

Он на мгновение прикрыл глаза.

— Повторяю, Карабелла, тебя на Горе любит всякий рыцарь, принц или лорд — к тебе обращены их преданность, восхищение, уважение...

— Да, если говорить об Элидате. А также о Тунигорне, Стазилейне и им подобным. Те, кто искренне любит тебя, так же относятся и ко мне. Но для многих других я остаюсь выскочкой, простолюдинкой, случайным человеком со стороны... сожительницей...

— Кого именно ты имеешь в виду?

— Ты их знаешь, Валентин.

— Так кого же?

— Диввиса,— после некоторого колебания сказала она.— И прочих мелких лордов и рыцарей из окружения Диввиса. И других. Герцог Халанкский говорил обо мне с издевкой с одной из моих фрейлин... из Халанкса, Валентин, твоего родного города! Принц Манганот Банглкодский. Есть и другие...— Она повернулась к нему, и во взгляде ее темных глаз таилась мука.— Я все это придумываю? Или мне чудится шепот там, где всего лишь шуршат листья? Ах, Валентин, иногда мне кажется, что они правы, что кораль не должен жениться на простолюдинке. Я не принадлежу к их кругу. И никогда не войду в него. Мой лорд, наверное, я для вас такая обуза...

— Ты для меня радость и ничего, кроме радости. Можешь у Слита спросить, в каком я был настроении на прошлой неделе в Лабиринте и как оно изменилось, когда ты присоединилась ко мне. А Шанамир... Тунигорн... любой тебе скажет...

— Знаю, любимый. Когда я приехала, вид у тебя был мрачный, угрюмый. Я едва тебя узнала — такого хмурого, с таким тусклым взглядом.

— Несколько дней, проведенных с тобой, полностью меня исцелили.

— И все же мне кажется, что ты немного не в себе. Неужели тебя все еще терзают воспоминания о Лабиринте? Или действует на нервы пустыня? Или причиной тому развалины?

— Думаю, что дело в другом.

— В чем же?

Он изучал пейзаж за окном парящего экипажа, замечая, как в нем появляется все больше и больше зелени — деревьев и травы, а местность становится все холмистее. Но радость Валентина омрачало тяготившее душу бремя, от которого по-прежнему не удавалось избавиться.

Мгновение спустя он произнес:

— Тот сон, Карабелла,— то видение или знамение,— никак не могу выбросить его из головы. Эх, ну и след же мне суждено оставить в истории! Кораль, лишенный трона и ставший жонглером, вернул себе престол, а потом управлял настолько дурно, что допустил низвержение мира в хаос и безумие... Ах, Карабелла, неужели именно к этому я иду? Неужели после четырнадцати тысячелетий существования государства мне суждено стать последним его кораль? Как ты думаешь, останется ли хоть кто-нибудь, чтобы рассказать обо мне потомкам?

— Ты никогда не был дурным правителем, Валентин.

— Разве я не слишком мягок и сдержан, разве я не слишком стремлюсь к тому, чтобы понять в любом деле обе стороны?

— Это нельзя ставить в вину.

— Слит считает, что можно. Слит чувствует, что мой страх перед войной, перед насилием любого рода ведет меня по неверному пути. Кстати, я цитирую его почти дословно.

— Но войны не будет, мой лорд.

— А тот сон...

— Мне кажется, что ты слишком буквально воспринимаешь его.

— Нет,— возразил он.— Слова, подобные твоим, приносят мне лишь иллюзию успокоения. Тизана и Делиамбер согласны со мной в том, что мы стоим на пороге какого-то большого потрясения, возможно — войны. А Слит в этом просто убежден. Он решил, что метаморфы замышляют восстание, вот уже семь тысячелетий готовятся к священной битве.

— Слит слишком кровожаден. Вдобавок он с юного возраста панически боится метаморфов. Да ты и сам знаешь.

— А когда восемь лет назад мы отбили Замок и застали там кучу замаскированных метаморфов — это что? Одно воображение?

— Но ведь их попытка с треском провалилась.

— А если они начнут все сначала?

— Если твоя политика, Валентин, увенчается успехом...

— Моя политика! Какая политика? Я пытаюсь добраться до метаморфов, а они ускользают у меня из рук! Ты же знаешь, что

на прошлой неделе я рассчитывал проехать по Велализиеру в сопровождении десятка вождей метаморфов. Хотел, чтобы они увидели, как мы восстанавливаем их священный город, взглянули на найденные нами сокровища и, может быть, взяли наиболее драгоценные реликвии с собой в Пиурифэйн. Но я не дождался от них вообще никакого ответа, даже отказа.

— Ты предполагал, что раскопки в Велализиере могут вызвать осложнения. Возможно, им ненавистна сама мысль о том, что мы проникли туда, не говоря о его восстановлении. Ведь, кажется, существует какая-то легенда, будто когда-нибудь они отстроят его сами?

— Да,— сумрачно подтвердил Валентин.— После того как вновь обретут власть над Маджипуром и вышвырнут нас из своего мира. Так мне однажды сказал Эрманар. Ладно, возможно, приглашение в Велализиер — ошибка. Но ведь они проигнорировали и все остальные мои попытки примирения. Я пишу их королеве Данипиур в Илиривойн, и если она вообще отвечает, то ее письма состоят из трех холодных, формальных, пустых...— Он глубоко вздохнул.— Хватит этих мучений, Карабелла! Войны не будет. Я найду способ пробиться сквозь беспредельную ненависть, которую испытывают к нам метаморфы, и привлеку их на свою сторону. А что до лордов с Горы, которые пренебрежительно к тебе относятся, если это действительно так,— умоляю, не обращай на них внимания. Отвечай им презрением! Кто тебе Диввис или герцог Халанкский? Просто глупцы — вот и все.— Валентин улыбнулся.— Скоро я заставлю их поволноваться по более серьезному поводу, чем родословная моей супруги.

— О чем это ты?

— Если они не согласны с тем, что супруга короналя — простолюдинка, то каково им будет, если простолюдин станет короналем?

Карабелла удивленно посмотрела на него.

— Я ничего не понимаю, Валентин.

— Поймешь. В свое время поймешь. Я собираюсь произвести в мире такие перемены... ах, любимая, когда будут писать историю моего правления, если Маджипур доживет до этого, то понадобится не один том, уж я тебе обещаю! Я совершу такое... настолько грандиозное... настолько переворачивающее устои...— Он рассмеялся.— О чем ты думаешь, Карабелла, слушая мою болтовню? Мягкосердечный лорд Валентин переворачивает мир вверх дном! Способен ли он на такое? Сможет ли он осуществить задуманное?

— Вы заинтриговали меня, мой лорд. Вы говорите загадками.

— Возможно.

— И не даете ключа к разгадке.

После некоторого молчания он ответил:

— Ключ к разгадке — Хиссун, Карабелла.

— Хиссун? Уличный мальчишка из Лабиринта?

— Больше не уличный мальчишка. Теперь он — оружие, которое я направляю против Замка.

Она вздохнула.

— Загадки, загадки, и нет им числа.

— Говорить загадками — привилегия королей.— Валентин подмигнул, притянул жену к себе и поцеловал в губы.— Не лишай меня этой небольшой милости. И...

Экипаж вдруг остановился.

— Эй, смотри! Мы приехали! — воскликнул он.— А вот и Насимонт! К тому же — клянусь Повелительницей! — он, кажется, притащил с собой полпровинции.

Караван расположился на широком лугу, поросшем короткой густой травой, настолько ярко-зеленой, что она, казалось, имела какой-то другой цвет, некий неземной оттенок, находящийся на самом краю спектра. Под ослепительным полуденным солнцем уже разворачивалось грандиозное празднество, охватывавшее, вероятно, несколько миль; в карнавале участвовали десятки тысяч людей, заполонивших все обозримое пространство. Под оглушительные орудийные выстрелы и нестройные пронзительные мелодии систиронов и двухструнных галистанов над головами залп за залпом возносились к небу удивительно четкие фигуры дневного фейерверка черного и фиолетового цветов. В толпе резвились шагавшие на ходулях весельчаки в огромных клоунских масках с багровыми щеками и огромными носами. На высоких шестах колыхались на легком летнем ветерке знамена с эмблемами Горящей Звезды; шесть оркестров с такого же количества подмостков разом наигрывали гимны, марши и хоралы; со всей округи собралась целая армия жонглеров — едва ли не все, кто имел хоть малейшие навыки в столь многотрудном ремесле. В воздухе кишмя кишели палки, ножи, булавы, горящие факелы, пестро раскрашенные шары и другие предметы — они летали в разные стороны, напоминая лорду Валентину о бого-

творимом им прошлом. После сумрачного и гнетущего Лабиринта лучшего продолжения великой процессии невозможно было представить: суматошное, ошеломляющее, немного нелепое, а в целом — восхитительное зрелище.

Посреди суеты стоял в спокойном ожидании высокий, сухопарый человек старше среднего возраста с необычайной силы взглядом светлых глаз; резкие черты его лица смягчала доброжелательнейшая из улыбок. То был Насимонт — землевладелец, ставший разбойником, сам себя называвший когда-то герцогом Ворнек Крэга и верховным лордом Западного Граничья, а теперь повелением лорда Валентина получивший более благозвучный титул герцога Эберсинулского.

— Ой, ты только посмотри! — воскликнула Карабелла, которую душил смех.— Он надел ради нас свой разбойничий наряд!

Валентин с усмешкой кивнул.

Когда они впервые встретились в заброшенных развалинах древнего города метаморфов в пустыне к юго-западу от Лабиринта, герцог с большой дороги носил причудливую куртку и гамаши из густого рыжего меха пустынной крысоподобной твари, а также нелепую желтую меховую шапку. В ту пору Насимонт, разоренный и изгнанный из своих владений приспешниками лже-Валентина, которые проезжали по этим местам во время совершения узурпатором великой процессии, завел обычай грабить странников в пустыне. Теперь, когда все земли вновь принадлежали ему, стоило Насимонту пожелать, он мог бы вырядиться в шелка и бархат, обвешаться амулетами, перьями и самоцветами, но вот ведь — предпочел столь любимое им во времена изгнания неряшливо-живописное, нелепое одеяние. Насимонт всегда отличался хорошим вкусом; Валентину подумалось, что ностальгический наряд герцога в такой день был не чем иным, как проявлением особого шика.

С тех пор как Валентин познакомился с Насимонтом, минуло немало лет. Не в пример многим сражавшимся бок о бок с Валентином в заключительные дни войны за реставрацию, Насимонт не счел нужным принять назначение на должность советника короналя на Замковой горе, а пожелал всего лишь вернуться на землю своих предков у подножия горы Эберсинул, на берега озера Айвори. Добиться этого оказалось не так-то просто, поскольку, после того как Насимонт был незаконно лишен поместного титула, тот уже на вполне законном основании перешел к другим. В первые дни после реставрации правительству лорда Валентина пришлось посвятить довольно много времени решению подобных головоломок, и Насимонту в конечном итоге вернули все ранее ему принадлежавшее.

Больше всего Валентину хотелось сразу же выскочить из экипажа и броситься навстречу старому товарищу по оружию. Но протокол, разумеется, не допускал подобных проявлений чувств: кораль не мог просто взять и нырнуть в ликующую толпу, как какой-нибудь там обычный свободный гражданин.

Вместо этого пришлось дожидаться завершения шумной церемонии размещения гвардии короналя: огромный, дородный и косматый скандар Залзан Кавол, начальник гвардейцев, орал и суматошно размахивал всеми четырьмя руками, мужчины и женщины в роскошных зеленых с золотом одеждах выбирались из своих парящих экипажей и выстраивались живым коридором, чтобы сдержать напирающих зевак, королевские музыканты заиграли королевский гимн, и прочая, и прочая... Но вот наконец Слит и Тунигорн подошли к королевскому экипажу, открыли дверцы и выпустили короналя с супругой в золотистое тепло дня.

А потом под руку с Карабеллой пришлось пройти между двойными рядами гвардейцев ровно половину расстояния до Насимонта и ждать, пока герцог подойдет, поклонится, сделает знак Горящей Звезды и еще более церемонно склонится перед Карабеллой...

Валентин рассмеялся, шагнул навстречу, заключил тощего старого разбойника в объятия и крепко прижал его к себе, после чего они вместе двинулись сквозь расступающуюся перед ними толпу к возвышающемуся над праздничной суматохой гостевому помосту.

Начался большой парад, достойный визита короналя: музыканты, жонглеры, акробаты, наездники, клоуны, дикие звери самого устрашающего вида, которые в действительности были вовсе не дикими, а вполне ручными; одновременно с артистами в живописном беспорядке шествовали горожане и, проходя мимо помоста, приветствовали высокого гостя:

— Валентин! Валентин! Лорд Валентин!

А кораль улыбался, махал рукой, аплодировал... в общем, делал все то, что и ожидают от короналя в ходе торжественной церемонии, все то, что он обязан совершать, дабы всем своим видом демонстрировать радость, одобрение и единство с народом. Несмотря на всю присущую ему жизнерадостность, Вален-

тин лишь усилием воли принуждал себя веселиться: темный сон, привидевшийся ему в Лабиринте, никак не желал забываться. Однако умение владеть собой все-таки победило, и он улыбался, махал рукой и аплодировал в течение нескольких часов.

Прошло полдня, и праздничное настроение заметно улеглось: разве могут люди, даже в присутствии короналя, радоваться и ликовать с равным усердием час за часом? После того как волна всеобщего возбуждения несколько схлынула, наступил момент, который всегда угнетал Валентина: в глазах окружавшей его толпы он увидел жгучее, испытующее любопытство, напомнившее ему о том, что для большинства обитателей планеты кораль не более чем титул, корона, горностаевая мантия и строка в летописи. Они воспринимают его как нечто странное и непостижимое, как некое священное чудовище, недоступное пониманию и даже устрашающее. Но вот последние участники парада промаршировали мимо помоста, крики сменились негромкими разговорами, бронзовые тени удлинились, в воздухе повеяло прохладой.

— Не пройти ли в мой дом? — спросил Насимонт.

— Думаю, пора,— ответил Валентин.

Особняк Насимонта оказался причудливым сооружением. Он располагался напротив обнажившегося пласта розового гранита и своими формами напоминал некое громадное крылатое, но бесперое существо, присевшее передохнуть. По правде говоря, особняк по сути был всего лишь шатром, но таких размеров и столь необычного вида, что Валентин в первый момент даже оторопел. Тридцать или сорок высоченных столбов поддерживали огромные, взмывающие кверху крылья из туго натянутой темной ткани: они поднимались на поразительную высоту, опускались почти до самой земли, опять шли вверх под острыми углами и замыкали пространство. Создавалось впечатление, что шатер можно разобрать в течение часа и перенести к другому склону; и все же он производил впечатление мощи и величия, парадоксального сочетания монументальности и прочности с воздушностью и легкостью.

Внутри ощущение постоянства и прочности еще более бросалось в глаза. Толстое ковровое покрытие темно-зеленого цвета с вкраплениями алого — в стиле Милиморна,— пришитое к нижней стороне полотна крыши, придавало ей яркости и нарядности; тяжелые стойки окольцовывал мерцающий металл, а пол

устилал тонко нарезанный, искусно отполированный бледно-фиолетовый сланец. Обстановка была незатейливой: диваны, длинные массивные столы, несколько старомодных шкафчиков, комодов, что-то еще — но зато все добротное и по-своему величавое.

— Этот дом хоть немного напоминает тот, сожженный людьми узурпатора? — спросил Валентин, оставшись наедине с Насимонтом.

— По конструкции — один к одному, мой лорд. Оригинал, как вы помните, был задуман шестьсот лет тому назад самым первым и величайшим из Насимонтов. При восстановлении мы воспользовались старыми планами, не отступив от них ни на йоту. Часть мебели я истребовал от кредиторов, а остальное — копии. И плантация тоже восстановлена в том виде, в каком она была до пьяных дебошей. Заново выстроена дамба, осушены поля, вновь посажены фруктовые деревья: пять лет упорной борьбы — и от опустошений той злополучной недели не осталось даже следа. И все это только благодаря вам, мой лорд. Вы помогли мне подняться на ноги — и восстановили целостность всего мира...

— Молюсь, чтобы так оно и было.

— Так и будет, мой лорд.

— Ты так полагаешь, Насимонт? Думаешь, нам уже не грозят неприятности?

— Какие неприятности? — Насимонт легонько прикоснулся к руке Валентина и повел к широкой террассе, с которой открывался великолепный вид на все его владения. В лучах заката и мягком отсвете развешенных на деревьях желтых воздушных шаров-светильников Валентин увидел продолговатую лужайку, спускавшуюся к тщательно возделанным полям и садам, а за ними — безмятежный полумесяц озера Айвори, на светлой поверхности которого неясно отражались многочисленные вершины горы Эберсинул. Откуда-то доносилась музыка — похоже, кто-то перебирал струны; несколько голосов слились в негромкую песню, последнюю в этот праздничный день. Все здесь навевало мысли о покое и процветании.— Неужели, мой лорд, глядя на все это, вы можете поверить, что в мире существуют какие-то неприятности?

— Я понимаю тебя, дружище. Но с твоей террасы открывается вид далеко не на всю планету.

— Мы живем в самом безмятежном из миров, мой лорд.

— Так оно и было много тысячелетий подряд. Но как долго еще продлится его безмятежное существование?

Насимонт ответил таким взглядом, будто впервые за весь день увидел Валентина.

— Что с вами, мой лорд?

— Мои речи кажутся тебе чересчур мрачными, Насимонт?

— Я еще ни разу не видел вас в такой печали, мой лорд. Можно подумать, что все вернулось на круги своя, и передо мной опять лже-Валентин, а не тот, которого я знал.

— Я — настоящий лорд Валентин. Но, пожалуй, очень уставший,— с легкой улыбкой ответил Валентин.

— Пойдемте, я покажу вам ваши покои, и там же, когда вы будете готовы, состоится ужин в узком кругу: только моя семья и несколько гостей из города да человек тридцать ваших людей...

— После Лабиринта — и впрямь узкий круг,— беспечно заметил Валентин.

Он последовал за Насимонтом в темные и таинственные закоулки дома. Герцог привел его в крыло, расположенное в стороне, на высоком восточном отроге горы. Здесь, за грозным заслоном из охранников-скандаров, включая самого Залзана Кавола, находились королевские покои. Попрощавшись с хозяином, Валентин прошел внутрь и застал Карабеллу одну. Она отдыхала в глубокой ванне, выложенной изысканной голубой с золотом плиткой из Ни-мойи; стройное тело девушки смутно просвечивало сквозь поднимавшуюся над поверхностью воды причудливо искрящуюся пену.

— Изумительно! — воскликнула она.— Иди сюда, Валентин.

— С превеликой радостью, моя госпожа!

Он скинул сапоги, отшвырнул дублет и плащ и, блаженно вздохнув, скользнул в ванну. Вода кипела пузырьками, словно наэлектризованная, и только теперь Валентин увидел слабое свечение над ее поверхностью. Закрыв глаза, он откинулся назад, положил голову на гладкую плитку парапета, приобнял Карабеллу, притянул к себе и легонько поцеловал в лоб. Когда она повернулась к нему, из-под воды на краткий миг показался сосок ее небольшой округлой груди.

— Что они добавляют в воду? — спросил он.

— Вода поступает из природного источника. Дворецкий упомянул про «радиоактивность».

— Сомневаюсь,— сказал Валентин.— Радиоактивность — нечто совсем другое, мощное и опасное. Я изучал ее, поэтому знаю, о чем говорю.

— И что же она собой представляет, если не имеет ничего общего с тем, что мы видим вокруг себя?

— Не могу сказать. Благодарение Божеству, чем бы она ни была, на Маджипуре ее нет. В любом случае, не думаю, что мы смогли бы в ней купаться. А это, скорее всего, какая-то разновидность минеральной воды.

— Вполне возможно.

Некоторое время они плескались в полном молчании. Валентин ощущал, как к нему возвращается жизненная сила. Что тому причиной? Особая, пощипывающая кожу вода? Успокаивающая близость Карабеллы и наконец-то полное избавление от приверженцев, поклонников, просителей и ликующих граждан, освобождение от давления со стороны придворных? И то, и другое, и третье... Все это вместе помогло ему отвлечься от невеселых мыслей. Присущая ему от природы стойкость должна в конце концов проявиться и вытащить его из того странного, подавленного состояния, в котором он пребывал с тех пор, как вступил в Лабиринт. Он улыбнулся. Карабелла прикоснулась губами к его губам; ладони Валентина скользнули по ее гладкому гибкому телу вниз, к тонкой мускулистой талии, к сильным упругим бедрам.

— Прямо в ванне? — сонно спросила она.

— А что? Вода — просто чудо.

— Да, конечно.

Подплыв к нему, она обвила его ногами; взглянула на него из-под полусомкнутых век — и глаза ее закрылись. Валентин слегка сжал ее тугие ягодицы и привлек к себе. Неужели прошло десять лет, подумал он, с той самой первой ночи в Пидруиде, когда после торжеств в честь того, другого лорда Валентина мы любили друг друга в полосе лунного света под высокими серо-зелеными кустами? Трудно даже представить: целых десять лет. Их тела соединились, задвигались в ставшем таким знакомым, но отнюдь не надоевшем ритме, и он мгновенно забыл и о первой встрече, и обо всех последующих, забыл обо всем, наслаждаясь теплом, любовью и счастьем.

Потом, когда они одевались к дружескому застолью на пятьдесят персон в покоях Насимонта, она спросила:

— Ты и вправду собираешься сделать Хиссуна короналем?

— Что?

— Мне показалось, что ты имел в виду именно это. Я о загадках, которыми ты донимал меня по дороге,— помнишь?

— Помню.

— Если ты не хочешь говорить...

— Нет-нет, я не собираюсь от тебя таиться.

— Значит, это правда?

Валентин нахмурился.

— Да, я считаю, что он может быть короналем. Я слежу за ним еще с той поры, когда он был всего-навсего чумазым мальчишкой и бегал по Лабиринту, выпрашивая кроны и реалы.

— Но разве простолюдин может стать короналем?

— Странно слышать такой вопрос от тебя, Карабелла, от той, которая была уличной артисткой, а теперь стала супругой короналя.

— Ты влюбился в меня и сделал поспешный выбор, с которым, как тебе известно, не смирился никто.

— Лишь несколько знатных вельмож! А весь остальной мир приветствует тебя как мою законную жену.

— Возможно. Но жена короналя и корональ — вещи разные. А простые люди никогда не признают себе подобного достойным трона. Для них корональ — нечто царственное, священное, почти божественное. Во всяком случае, именно таким он был раньше для меня.

— Тебя приняли. И его примут.

— До чего же ты своевольный — подобрать мальчишку с улицы и вознести на такую высоту! А почему не Слит? Или Залзан Кавол? Или не кто-нибудь другой?

— Хиссун обладает всеми необходимыми качествами. В этом я совершенно уверен.

— Тут не мне судить. Но одна мысль о том, что маленький оборвыш будет носить корону, кажется мне настолько необычной, настолько странной — такое не привидится даже во сне!

— Неужели короля должна избирать одна и та же кучка людей на Замковой горе? Ну да, сотни, а то и тысячи лет короналями становились отпрыски благороднейших семейств Горы. Правда, иногда обычай нарушался — хотя лично я такого что-то не

припомню,— но от кандидата все равно требовалось знатное происхождение, то есть он должен был быть сыном принца или герцога. Мне кажется, что изначально система задумывалась не так — иначе что мешает нам иметь наследственную монархию? А сейчас, Карабелла, перед нами встают вопросы столь головоломные, что ответы на них можно получить лишь за пределами Горы. Мне часто кажется, что мы знаем меньше, чем ничего. Планета в опасности, а потому пора достичь истинного возрождения и передать корону кому-то, кто действительно принадлежит иному миру и не имеет отношения к нашей увековечившей себя аристократии. Нужен правитель, обладающий иными взглядами, тот, кто видел жизнь снизу...

— Но он так молод!

— Ничего, со временем повзрослеет,— ответил Валентин.— Я знаю, многие считают, что мне пора уже становиться понтифексом, но я буду упираться, сколько смогу. Для начала мальчик должен полностью пройти обучение. Кроме того, как тебе известно, я не испытываю особого желания поскорее попасть в Лабиринт.

— Да,— ответила Карабелла.— А ведь мы говорим о нынешнем понтифексе так, будто он уже умер или находится при смерти. Но Тиеверас жив.

— Да, жив. В определенном смысле слова по крайней мере. Я молюсь лишь о том, чтобы он протянул еще какое-то время.

— А когда Хиссун будет готов?..

— Тогда я наконец позволю Тиеверасу отдохнуть.

— Мне трудно представить тебя понтифексом, Валентин.

— А мне и того труднее, любимая. Но я должен поступить так, обязан — и подчинюсь необходимости. Но не очень скоро: я вовсе не горю желанием торопить события!

— Наверняка ты переполошишь Замковую гору таким поступком,— после недолгого молчания сказала Карабелла.— Ведь предполагается, что очередным короналем станет Элидат!

— Он мне очень дорог.

— Ты же сам не раз называл его наиболее вероятным преемником.

— Да, называл. Но с тех пор, как мы учились с ним вместе, Элидат изменился. Понимаешь, любимая, всякий, кто отчаянно желает стать короналем, совершенно непригоден для трона. Тут нужно не отчаяние, но стремление, ощущение призвания,

внутренний огонь, если хочешь. Думаю, у Элидата этот огонь пропал.

— Когда ты был жонглером и впервые узнал о своем высоком предназначении, тебе казалось, что и твой внутренний огонь погас.

— Но он разгорелся, Карабелла, и прежнее «я» вновь заняло место в моей душе! И не покидает ее. Я нередко ощущаю тяжесть короны — но, откровенно говоря, ни разу не пожалел о том, что ношу ее.

— А Элидат пожалеет?

— Подозреваю, что да. Сейчас, в мое отсутствие, он играет роль короналя. Я предполагаю, что особого удовольствия он не испытывает. К тому же ему уже за сорок. А короналем должен становиться человек молодой.

— Сорок еще не шестьдесят,— усмехнулась Карабелла.

Валентин пожал плечами.

— Не спорю, любимая. Но позволь тебе напомнить, что если все пойдет, как я задумал, то повода к выборам нового короналя не будет еще долго. А тогда, полагаю, Хиссун будет готов, а Элидат великодушко посторонится.

— А проявят ли остальные лорды Горы такое же великодушие?

— Куда они денутся? — хмыкнул Валентин, предлагая ей руку.— Пойдем, нас ждет Насимонт.

Глава 13

Поскольку наступил пятый день пятой недели пятого месяца — священная годовщина исхода из древней столицы за морем, то перед встречей с лазутчиками из отдаленных провинций Фараатаа должен был исполнить важный обряд.

В это время года дожди в Пиурифэйне шли два раза в день: за час до рассвета и на закате. Ритуал Велализиера следовало творить в темноте и сухости, поэтому Фараатаа приказал себе проснуться в тот ночной час, известный под названием Час Шакала, когда солнце еще стоит на востоке — над Алханроэлем.

Не разбудив никого из спавших рядом с ним, он выбрался из легкой плетеной хижины, сооруженной накануне,— из соображений безопасности Фараатаа и его спутники находились в постоянном движении,— и шмыгнул в лес. Воздух был, как обычно, напоен влагой, однако ничто пока не предвещало утреннего дождя.

В мерцании звезд, проглядывавших сквозь разрывы в облаках, он различил и другие фигуры, спешившие к лесным зарослям, но окликать их не стал. Они тоже хранили молчание. Обряд Велализиера исполнялся в одиночестве, что являлось личным выражением всенародной скорби. О нем никогда не говорили, его просто исполняли на пятый день пятой недели месяца, а когда чьи-то дети достигали совершеннолетия, то их обучали обряду, всегда испытывая при этом стыд и печаль; так полагалось по обычаю.

Фараатаа углубился в лес на предписанные триста шагов и оказался у скопления стройных, устремленных ввысь гибарунов, но совершить обряд надлежащим образом ему мешали светящиеся колокольчики, гроздьями свисавшие из всех трещин и отверстий в стволах деревьев и распространявшие вокруг резкое оранжевое свечение. Он подыскал неподалеку старое величественное дерево двикка, в которое какое-то время тому назад угодила молния: зияющее в нем громадное обугленное отверстие, поросшее по краям молодой корой, могло послужить храмом. Сияние колокольчиков сюда не проникало.

Стоя обнаженным внутри гигантского шрама двикки, Фараатаа сотворил сначала Пять Изменений.

Его кости и мышцы текли, клетки кожи видоизменялись сами собой, и он превратился в Красную Женщину, затем стал Слепым Великаном, а потом — Человеком Без Кожи, во время четвертого Изменения принял вид Последнего Короля, а следом, сделав глубокий вдох и собрав все свои силы, превратился в Грядущего Принца. Пятое Изменение требовало от Фараатаа сильнейшей внутренней борьбы: ему приходилось менять очертания не только тела, но и самой души, из которой следовало удалить всю ненависть, жажду мщения и стремление к разрушению. Грядущий Принц выше всего этого. Фараатаа не надеялся возвыситься до такого состояния. Он знал, что в его душе нет ничего, кроме ненависти, жажды мщения и стремления к разрушению: чтобы стать Грядущим Принцем, ему следовало пройти полное внутреннее очищение, но он был не готов к нему. Однако существовали способы приблизиться к желаемому состоянию. Он грезил о том времени, когда все, ради чего он действует, будет выполнено: враг падет, покинутые земли обретут прежних хозя-

ев, обычаи восстановятся, мир родится заново. Он мысленно переносился в ту эпоху и позволял ликованию овладевать собой, усилием воли выбрасывал из души все, что напоминало о поражении, изгнании, потерях. Он видел, как наполняются жизнью жилища и храмы мертвого города. О каком возмездии может идти речь, когда перед мысленным взором возникает такая картина? Разве еще остается враг, которого следует ненавидеть и убивать? Странное и восхитительное ощущение покоя охватывало его душу. Наступил день возрождения; в мире все прекрасно; боль исчезла навсегда, и снизошло спокойствие...

В тот же миг миг он принял вид Грядущего Принца.

Сохраняя образ — для этого требовались уже меньшие усилия,— он опустился на колени и из камней и перьев сложил алтарь. Поймав двух ящериц и ползающего по ночам бруула, он принес их в жертву, испустил Три Воды — слюну, мочу и слезы; набрав гальки, выложил ее в форме крепостной стены Велализиера. Перечислив вслух Четыре Печали и Пять Скорбей, он вновь преклонил колени и стал есть землю. Видение погибшего города заполнило его разум: крепостные стены из голубых валунов, королевские палаты. Площадка Неизменяемости, Столы Богов, шесть высоких храмов, Седьмой — осквернённый. Алтарь Гибели, Дорога Прощания. Все еще сохраняя ценой некоторого напряжения образ Грядущего Принца, он поведал самому себе предание о падении Велализиера, переживая древнюю трагедию и одновременно ощущая на себе милосердие и благодать Принца, что позволяло постигать потерю великой столицы не через боль, а через истинную любовь, видя в ней необходимую стадию странствий своего народа, неизбежную и неминуемую. Когда он понял, что сумел проникнуться истиной, то позволил себе видоизмениться, поочередно переходя из формы в форму: Последний Король, Человек Без Кожи, Слепой Великан, Красная Женщина и, наконец, Фараатаа из Авендройна.

Вот и все.

Когда начали падать первые капли утреннего дождя, он лежал распростершись, уткнувшись лицом в поросшую мягким мохом землю.

Через некоторое время Фараатаа поднялся, собрал камни и перья своего маленького алтаря и вернулся к хижине. Благодать Грядущего Принца все еще окутывала его душу, но теперь он уже стремился избавиться от этого кроткого чувства: пришло время дневных забот. Ненависть, разрушение, месть не должны касаться души Грядущего Принца, но они суть необходимые орудия в деле становления его царства.

Он подождал, пока перед хижиной после совершения обряда соберется достаточное количество братьев, чтобы приступить к вызыванию водяных королей. Один за другим они становились вокруг, занимая определенное положение: Аарисиим положил руку на правое плечо Фараатаа, Бенууиаб — на левое, Сиимии прикоснулся к его лбу, Миисиим — к поясу, а остальные расположились концентрическими окружностями вокруг пятерых, взявшись за руки.

— Пора,— сказал Фараатаа. Мысленные усилия соединились и устремились в пространство.

— Морской брат!

Усилие было настолько могучим, что Фараатаа почувствовал, как его форма перетекает и видоизменяется сама по себе, как у ребенка, который только учится пользоваться своими способностями. У него появлялись перья, когти, шесть страшных клювов; он становился билантуном, сигимойном, фыркающим свирепым бидлаком. Стоявшие вокруг фараатаа сжимали его все крепче, хотя посыл был настолько мощным, что некоторые из них тоже стали видоизменяться от формы к форме.

— Брат! Услышь меня! Помоги мне!

И из бездонных глубин возникли очертания громадных темных крыльев, медленно поднимающихся и опускающихся над титаническими телами. Раздался голос, подобный набату сотни колоколов:

— Слышу, мой земной брат.

Голос принадлежал водяному королю Маазмурну. Фараатаа знал их всех по музыке мыслей: Маазмурн — колокола, Гироуз — поющий гром, Шейтун — негромкая и печальная дробь барабана. Великих королей насчитывалось несколько десятков, и каждого из них можно было безошибочно узнать по голосу.

— Неси меня, о Король Маазмурн!

— Приди ко мне, о земной брат!

Фараатаа ощутил притяжение и поддался ему. Оставив тело, он в единый миг оказался над морем, а еще через мгновение погрузился в него и стал одним целым с Маазмурном. Его охватил исступленный восторг: это слияние, эта общность захлестывали душу наслаждением, как исполнение всех желаний, и чув-

ство было настолько могучим, что само по себе могло бы стать пределом стремлений, чего, впрочем, никак нельзя было допустить.

Необъятный разум водяного короля напоминал океан — такой же бескрайний, всеобъемлющий, беспредельно глубокий. Опускаясь все ниже и ниже, Фараатаа потерялся в нем. Но он ни на секунду не забывал о своей миссии. Могущество водяного короля позволяло ему сделать то, что самому Фараатаа было не по силам. Он собрался, сосредоточился и со своего места посреди теплого, убаюкивающего простора стал передавать послания, ради которых здесь и оказался.

— Саареккин?

— Я здесь.

— Какие новости?

— Лусавендра в восточной части ущелья полностью уничтожена. Мы посеяли грибок, который ничем не искоренить, и он распространяется уже сам по себе.

— Что правительство?

— Они жгут зараженные посевы. Но это бесполезно.

— Победа за нами, Саареккин!

— Победа за нами, Фараатаа!

— Тии-хаанимак?

— Слышу тебя, Фараатаа.

— Что нового?

— Яд пролился дождем, и деревья нийк уничтожены по всему Дюлорну. Теперь он впитывается в почву и скоро убьет глейн и стаджу. Мы готовим очередную атаку. Победа за нами, Фараатаа!

— Победа за нами! Инириис?

— Я — Инириис. Корневые долгоносики размножаются и распространятся по полям Зимроэля. Они пожрут рикку и милайл.

— Когда будут видны результаты?

— Уже видны. Победа за нами, Фараатаа!

— Мы завоевали Зимроэль. Теперь, Инириис, сражение нужно перенести на Алханроэль. Начинай переправлять долгоносиков через Внутреннее море.

— Будет сделано.

— Победа за нами, Инириис! И-Уулисаан?

— И-Уулисаан здесь, Фараатаа.

— Ты по-прежнему следуешь за короналем?

— Да. Он выехал из Эберсинула и направляется в Треймоун.

— Известно ли ему, что происходит в Зимроэле?

— Он ничего не знает. Великая процессия занимает его целиком и полностью.

— Тогда принеси ему вести. Расскажи ему о долгоносиках в долине Зимра, о болезни лусавендры в ущелье, о гибели нийка, глейна и стаджи к западу от Дюлорна.

— Я, Фараатаа?

— Мы должны приблизиться к нему. Новости все равно дойдут до него рано или поздно по официальным каналам. Пусть они появятся сначала от нас, и пусть это будет нашей возможностью внедриться в его окружение. Ты станешь его советником по болезням растений, И-Уулисаан. Поведай ему новости; поддержи его в борьбе с напастями. Мы должны знать, что он замышляет. Победа за нами, И-Уулисаан.

— Победа за нами, Фараатаа!

Глава 14

Прошло не меньше часа, пока записка дошла наконец до главного представителя Хорнкэста в его личных апартаментах на одном из верхних уровней неподалеку от Сферы Тройных Теней:

«Срочно жду вас в тронном зале.
Сепултроув».

Главный представитель посмотрел на посыльных. Они знали, что в этих покоях его можно было беспокоить лишь в крайней надобности.

— Что случилось? Он умирает? Уже умер?

— Нам не сказали, господин.

— Сепултроув был необычно взволнован?

— Он выглядел обеспокоенным, господин, но я не имею ни малейшего представления...

— Ладно, ничего. Я выйду к вам через минуту.

Хорнкэст торопливо привел себя в порядок и оделся. Если так, кисло подумал он, то момент самый неподходящий. Тиеверас дожидается смерти уже не меньше ста лет; неужели он не мог продержаться еще часок-другой? Если правда...

Бывшая у него в гостях златовласая женщина спросила:

— Мне оставаться до твоего возвращения?

Он покачал головой.

— Не знаю, как долго я там пробуду. Если понтифекс скончался...

Женщина сделала знак Лабиринта.

— Да пребудет с нами милость Божества!

— Вот именно,— сухо поддакнул Хорнкэст.

Он вышел. Сфера Тройных Теней, вздымавшаяся высоко над сверкающими обсидиановыми стенами площади, находилась в самой яркой фазе, отбрасывая мрачный бело-голубой свет, скрадывавший объем и глубину: прохожие выглядели этакими бумажными куклами, которых несет легкий ветерок. Сопровождаемый с трудом поспевавшими за ним посыльными, Хорнкэст стремительно прошел через площадь к личному лифту — скорость передвижения и исходившая от главного спикера энергия разительно не соответствовали его восьмидесяти годам. Спуск в имперскую зону казался нескончаемым.

Умер? Умирает? Хорнкэст обнаружил, что никогда не принимал в расчет вероятность внезапной естественной кончины Тиевераса. Сепултроув заверял его, что техника не подведет, что жизнь понтифекса можно поддерживать еще лет двадцать-тридцать, если не все пятьдесят. И главный спикер предполагал, что смерть императора, когда придет время, станет результатом выверенного политического решения, а не нелепым происшествием, случившимся без всякого предупреждения в разгар во всем остальном ничем не примечательного утра.

А если это действительно произошло? Тогда необходимо срочно вызывать лорда Валентина. Ах, как ему не понравится, что его опять тащат в Лабиринт, тем более когда он едва начал великую процессию! Конечно, придется уйти в отставку, размышлял про себя Хорнкэст. Наверняка Валентин пожелает поставить своего главного спикера: скорее всего, того, со шрамом, Слита, или даже врууна. Хорнкэст прикинул, каково будет вводить кого-то из них в круг обязанностей, которые он исполнял так долго.

Источающий высокомерное презрение Слит или этот маленький колдун-врууп с его громадными мерцающими глазами, клювом и щупальцами...

Да, передача дел новому спикеру станет точкой в карьере Хорнкэста. «А если я потом уйду,— подумал он,— то, подозреваю, недолго проживу после потери должности. Короналем, надо полагать, будет Элидат. Говорят, хороший человек, очень близок

к лорду Валентину, почти как брат. Как странно, что после стольких лет рядом с короналем появится настоящий понтифекс! Но я этого не увижу,— сказал себе Хорнкэст.— Меня здесь не будет».

Исполненный дурных предчувствий и покорности судьбе, он подошел к затейливо украшенной двери, ведущей в имперский тронный зал. Засунув руку в опознавательную перчатку, он сдавил прохладный упругий шар внутри; в ответ на прикосновение дверь распахнулась, открыв взгляду огромное сферическое помещение, трон, к которому вели три широкие ступени, диковинные механизмы системы жизнеобеспечения понтифекса и в центре — пузырь из бледно-голубого стекла, столько лет содержавший в себе Тиевераса — бесплотную и высохшую словно мумия, прямо сидящую на стуле фигуру с длинными конечностями, сомкнутыми челюстями и чрезвычайно яркими глазами, в которых все еще сверкали искорки жизни.

Возле трона толпились до боли знакомые несуразные личности: ветхий Дилифон, высохший и трясущийся личный секретарь; толковательница снов понтифекса ведьма Наррамир; крючконосый, с кожей цвета сухой грязи врач Сепултроув. От них, в том числе и от Наррамир, поддерживавшей свою молодость и умопомрачительную красоту колдовскими штучками, веяло дряхлостью, разложением, смертью. Хорнкэст, изо дня в день на протяжении сорока лет общавшийся с этими людьми, никогда еще не ощущал с такой остротой, насколько они малопривлекательны; впрочем, он догадывался, что и сам выглядит едва ли намного приятнее. «Наверное, и в самом деле пришло время вышвырнуть нас всех отсюда»,— подумалось ему.

— Я пришел сразу же, как только получил сообщение,— сказал он, бросая взгляд на понтифекса.— Что случилось? Он умирает, да? Но я не вижу в нем никаких изменений.

— Ему еще очень далеко до смерти,— отозвался Сепултроув.

— Что же тогда происходит?

— Судите сами,— ответил врач.— Вот, опять.

Существо в шаре жизнеобеспечения шевелилось и качалось из стороны в сторону примерно раз в минуту.

Понтифекс издал низкий воющий звук, потом что-то вроде храпа с присвистом — и все это сопровождалось невнятным бормотанием.

Хорнкэст и раньше неоднократно слышал все эти звуки, представлявшие собой особый язык понтифекса, созданный царствен-

ным старцем на склоне мучительных лет и доступный пониманию одного лишь главного спикера. В некоторых из них почти угадывались слова или признаки слов: в их размытых очертаниях все же проступал изначальный смысл. Другие же за много лет превратились просто в шумы, но Хорнкэст, многократно наблюдавший такого рода превращения, знал, какое значение приобретают те или иные из них; некоторые, казалось, обладали формой определенной сложности и могли выражать отдельные идеи, постигнутые Тиеверасом в его одиноком и продолжительном безумии.

— Я слышу то же, что и всегда,— сказал Хорнкэст.

— Подождите немного.

Прислушавшись, Хорнкэст уловил цепочку слогов, которые означали «лорд Малибор» — понтифекс забыл двух преемников Малибора и по-прежнему считал его нынешним короналем,— а затем клубок других королевских имен: Престимион, Конфалюм, Деккерет, опять Малибор. Слово «спать». Имя Оссиера, который был понтифексом до Тиевераса. Имя Кинникена, предшественника Оссиера.

— Как это с ним часто бывает, понтифекс блуждает в отдаленном прошлом. И вы меня позвали сюда, чтобы...

— Подождите.

С растущим раздражением Хонкраст вновь обратил свой слух к невнятному монологу понтифекса и с изумлением различил впервые за много лет отчетливо произнесенное, полностью узнаваемое слово:

— Жизнь.

— Слышали? — спросил Сепултроув.

Хорнкэст кивнул.

— Когда это началось?

— Два часа назад, точнее два с половиной,— пояснил Дилифон.— Мы сделали запись.

— Что еще он сказал? Что вы разобрали?

— Семь или восемь слов,— ответил Сепултроув.— Вероятно, есть и другие, которые сможете понять только вы.

Хорнкэст перевел взгляд на Наррамир.

— Он бодрствует или спит?

— Мне кажется, в отношении понтифекса эти понятия неприменимы,— возразила ведьма.— Он пребывает одновременно в обоих состояниях.

— Поднимайся... Иди...

— Он и раньше несколько раз произносил те же слова,— пробормотал Дилифон.

Наступила тишина. Хорнкэст угрюмо смотрел на понтифекса, а тот, казалось, заснул, хотя глаза его продолжали оставаться открытыми. Впервые Тиеверас заболел еще в самом начале царствования лорда Валентина, и тогда поддерживать жизнь понтифекса как можно дольше представлялось вполне логичным, поэтому Хорнкэст был среди наиболее активных сторонников плана, предложенного Сепултроувом. До этого не случалось, чтобы понтифекс пережил двух короналей и чтобы третий кораль пришел к власти, когда понтифекс находился в весьма преклонном возрасте. Это нарушило динамику государственной системы. Хорнкэст сам в то время заявлял, что лорда Валентина, столь молодого и неопытного, не без труда справлявшегося с обязанностями короналя, еще слишком рано отправлять в Лабиринт. Все согласились с тем, что, если есть возможность, понтифексу следует еще некоторое время оставаться на троне. Сепултроув нашел средство продлить его существование, хотя вскоре стало очевидно, что дряхлый Тиеверас впал в старческий маразм и пребывает между жизнью и смертью.

Но потом произошел переворот, за которым последовал сложный период реставрации, когда для устранения последствий мятежа потребовалась вся энергия короналя. Все эти годы Тиеверас так и оставался в своей клетке. Хотя продление жизни понтифекса означало более продолжительное пребывание у власти самого Хорнкэста, а вследствие недееспособности монарха главный спикер сосредоточил в своих руках чрезвычайную власть, бесцеремонное затягивание жизни человека, давным-давно заслужившего покой, внушало ему отвращение. А лорд Валентин просил дать ему время, потом еще время, потом еще чуть побольше времени...— чтобы закончить свои дела в качестве короналя. И так прошло уже восемь лет — разве этого недостаточно? С некоторым удивлением Хорнкэст поймал себя на том, что готов чуть ли не молиться за избавление Тиевераса от неволи. Если бы только можно было позволить ему уснуть!

— Ва... Ва...

— Что это значит? — спросил Сепултроув.

— Что-то новое! — прошептал Дилифон.

Хорнкэст жестом призвал всех к тишине.

— Ва... Валентин...

— Воистину новое! — сказала Нарырамир.

— Валентин... понтифекс... Валентин... понтифекс... Маджипура...

Установилась тишина. Эти отчетливо произнесенные, лишенные всякой двусмысленности слова витали в воздухе, подобно взрывающимся солнцам.

— Я думал, он забыл имя Валентина,— сказал Хорнкэст,— а короналем считает лорда Малибора.

— Судя по всему, не считает,— ответил Дилифон.

— Иногда перед кончиной,— тихо заговорил Сепултроув,— разум восстанавливается сам по себе. Думаю, к нему возвращается рассудок.

— Он по-прежнему безумен! — вскричал Дилифон.— Боги не допустят, чтобы он осознал, что мы с ним сделали!

— Я полагаю,— вновь вступил в разговор Хорнкэст,— что он всегда знал, что мы с ним сделали, и сейчас к нему возвращается не рассудок, а способность общаться с помощью слов. Вы слышали: Валентин понтифекс. Он приветствует своего преемника и знает, кто должен быть преемником. Сепултроув, он умирает?

— Приборы не отмечают никаких физических изменений. Я считаю, что он еще протянет некоторое время в таком состоянии.

— Мы не должны этого допустить,— возразил Дилифон.

— Что вы предлагаете? — поинтересовался Хорнкэст.

— Мы слишком затянули с его уходом. Я знаю, что такое старость, Хорнкэст,— вероятно, так же как и вы, хоть по вам и не скажешь. Этот человек в два раза старше любого из нас. Он испытывает такие страдания, что нам и представить невозможно. Я считаю необходимым положить им конец. Сегодня же! Сейчас же!

— Мы не имеем права,— сказал Хорнкэст.— Уверяю вас, я не меньше, чем вы, сочувствую его страданиям. Но решать не нам.

— И все-таки надо заканчивать.

— Ответственность должен взять на себя лорд Валентин.

— Лорд Валентин никогда не пойдет на такое,— пробормотал Дилифон.— При его попустительстве фарс будет продолжаться еще лет пятьдесят.

— Выбор за ним,— твердо сказал Хорнкэст.

— Кому мы служим: ему или понтифексу? — спросил Дилифон.

— У нас единое правительство с двумя монархами, лишь один из которых в настоящий момент дееспособен. Служа короналю, мы служим понтифексу. Кроме того...

Из шара жизнеобеспечения донеслось яростное мычание, леденящий кровь звук втягиваемого сквозь зубы воздуха и резкий тройной рык. Затем — слова, отчетливее, чем перед этим:

— Валентин... понтифекс Маджипура... слава!

— Он слышит наш разговор и сердится. Он умоляет о смерти,— сказал Дилифон.

— А может быть, думает, что уже умер,— предположила Нарамир.

— Нет-нет, Дилифон прав,— ответил Хорнкэст.— Он услышал нас. Он знает, что мы не можем дать ему то, что он хочет.

— Поднимайся... Иди...— Подвывание. Бульканье.— Смерть! Смерть! Смерть!

Никогда за многие десятилетия Хорнкэст не испытывал такого отчаяния. Охваченный этим чувством, главный спикер метнулся к шару жизнеобеспечения, готовый разом оборвать все кабели и трубки и немедленно покончить с мучениями старика. Но нет: поступить так, конечно, было бы безумием. Хорнкэст остановился и заглянул в шар; его глаза встретились со взглядом Тиевераса, и он заставил себя сохранить твердость при виде застывшей во взгляде понтифекса безмерной печали. Понтифекс вновь обрел рассудок. Никакого сомнения. Понтифекс понимал, что ему не дают умереть в интересах государства.

— Ваше величество,— обратился к нему Хорнкэст, стараясь выговаривать слова громко и внятно.— Ваше величество, вы слышите меня? Закройте глаз, если слышите.

Ответа не последовало.

— И все же, полагаю, вы слышите меня, ваше величество. Я хочу сказать вам следующее: мы знаем, что вы страдаете, и не допустим продления ваших страданий. Мы клянемся, ваше величество.

Тишина. Неподвижность. И вдруг:

— Жизнь! Боль! Смерть!

Потом — стоны, бульканье, свист и визг... словно песня мертвеца из могилы.

Глава 15

— А это Храм Повелительницы Снов,— лорд-мэр Самбигель указал на изумительный отвесный утес, вздымавшийся к востоку от города.— Заветнейшая из всех ее святынь, не считая, конечно, самого Острова.

Валентин напряг зрение. Храм сиял одиноким белым оком на челе темного утеса.

Шел четвертый или пятый, а может быть, и шестой месяц великой процессии: дни и недели, города и провинции — все начинало терять очертания и мешаться. Сегодня он прибыл в огромный портовый город Алаизор, находившийся на северо-западном побережье Алханроэля. Уже остались позади Треймоун, Стойензар, Вилимонг, Эстотилоп, Кимоиз; город за городом, и все они сливались в сознании лорда в один обширный мегаполис, раскинувшийся по поверхности Маджипура подобно некоему неповоротливому многорукому чудовищу.

Темнокожий низкорослый Самбигель, лицо которого окаймляла густая черная борода, все зудел и зудел, сыпал банальностями, выражая радость по поводу прибытия Валентина, а тот делал вид, что внимает, но сам думал о другом. Все это он слышал и раньше: в Кикиле, в Стинорпе, в Клэе... «незабываемое событие... любовь и признательность всего народа... гордимся тем-то... почтем за честь то-то...» Да-да. Он вдруг поймал себя на том, что пытается вспомнить, в каком городе ему показывали знаменитое исчезающее озеро. В Симбильфанте, что ли? А воздушный балет? В Монтепульсиэйне или Грэве? Золотые пчелы — это наверняка Байлемуна. А небесная цепь? В Аркилоне или Сеннамоуле?

Он снова взглянул в сторону храма на утесе. Тот властно манил к себе. Валентин страстно желал оказаться там именно сейчас: быть подхваченным ураганом и унестись, как сухой лист, на величественную вершину.

— О, матушка, дай мне отдохнуть с тобой!

Лорд-мэр то ли сделал паузу, то ли закончил свою речь. Воспользовавшись моментом, Валентин обратился к Тунигорну:

— Распорядись, чтобы я мог провести ночь в Храме.

Самбигель явно смешался.

— Но я полагал, мой лорд, что вы сегодня посетите гробницу лорда Стиамота, а потом отправитесь в Топазовый зал на прием, после чего состоится ужин в...

— Лорд Стиамот восемь тысячелетий обходился без изъявлений почтения с моей стороны. Думаю, он может подождать еще денек.

— Конечно, мой лорд. Как скажете, мой лорд.— Самбигель торопливо сделал несколько знаков Горящей Звезды.— Я уведомлю иерарха Амбаргарду, что вы сегодня будете ее гостем. А теперь, если позволите, мой лорд, мы приготовили для вас некоторые развлечения...

Оркестр заиграл какой-то торжественный гимн. Сотни тысяч глоток затянули песню, из которой Валентин не сумел разобрать ни слова, но не сомневался, что вирши были трогательными. Он стоял, устремив бесстрастный взор поверх громадного скопления людей, время от времени кивал, улыбался, встречался взглядом с кем-нибудь из восторженных горожан, которые навсегда запомнят этот день. Его охватило ощущение собственной нереальности. Не обязательно быть человеком из плоти и крови, подумал он, чтобы играть эту роль. С ней прекрасно справилась бы какая-нибудь статуя, искусно изготовленная марионетка или даже одна из тех восковых фигур, которые он видел когда-то на празднике в Пидруиде. Насколько полезнее было бы отправлять на подобные мероприятия копию короналя, способную угрюмо слушать, поощрительно улыбаться и, возможно, даже произносить несколько прочувствованных слов благодарности...

Краешком глаза он заметил, как обеспокоенно смотрит на него Карабелла. Двумя пальцами правой руки он сделал ей знак, известный лишь им двоим и означавший, что с ним все в порядке. Однако выражение озабоченности с ее лица не пропало. И ему показалось, что Тунигорн и Лизамон Халтин подались вперед и теперь стоят совсем близко от него. Чтобы подхватить его, если он начнет падать? «Клянусь бакенбардами Конфалюма! Да они никак решили, что я вот-вот грохнусь, как тогда, в Лабиринте?»

Ему все труднее было держаться прямо: помахать рукой, кивнуть, улыбнуться, помахать, улыбнуться, кивнуть. Все идет нормально. Все. Абсолютно. Но когда же, когда же конец?

Оставалось еще полтора часа. Но вот, наконец-то! Церемония завершилась, и королевская свита по подземному ходу быстро перешла в апартаменты, приготовленные для короналя во дворце лорд-мэра в дальнем конце площади.

— Мне показалось, Валентин, что ты там начал заболевать,— озабоченно сказала Карабелла, когда они остались вдвоем.

— Если скука — недуг, тогда и впрямь заболел.— Валентин постарался, чтобы его ответ звучал как можно беззаботней.

Она немного помолчала. Но все же не выдержала:

— Неужели так необходимо продолжать процессию?

— Ты же знаешь, что у меня нет выбора.

— Я боюсь за тебя.

— С чего это вдруг?

— Временами я тебя просто не узнаю. Кто этот погруженный в свои мысли раздражительный человек, с которым я делю ложе? Что случилось с мужчиной по имени Валентин, которого я знала когда-то в Пидруиде?

— Он по-прежнему здесь.

— Надеюсь. Но он не виден — как солнце, когда его затмевает луна. Какая тень легла на тебя, Валентин? Какая тень легла на мир? Что-то загадочное произошло с тобой в Лабиринте. Но что? В чем причина?

— Лабиринт для меня страшное место, Карабелла. Возможно, я чувствовал, что замурован там, похоронен заживо, задыхаюсь...— Он покачал головой.— Да, очень странно. Но теперь Лабиринт далеко позади. Как только мы покинули его, я почувствовал, что мое былое «я» возвращается, ко мне вновь пришли радость жизни, любовь, и я...

— Себя-то ты, может, и обманешь, но только не меня. Путешествие не доставляет тебе никакой радости. Поначалу ты с жадностью впитывал все, что только можно,— хотел везде побывать, все увидеть, все попробовать,— но ничего подобного больше нет. Я вижу по твоим глазам, по лицу. Ты живешь словно во сне. Неужели ты станешь отпираться?

— Да, я устаю. Признаюсь.

— Тогда прекрати процессию! Вернись на Гору, которую ты любишь, где всегда был счастлив!

— Я корональ. На короналя возложена священная обязанность являться народу, которым он правит. Это мой долг перед подданными.

— А в чем тогда твой долг перед собой?

Он пожал плечами.

— Пощады, миледи! Даже если мне скучно, а мне действительно скучно — не стану отрицать, что даже во сне слышу торжественные речи и вижу нескончаемые вереницы жонглеров и

акробатов,— все же от скуки еще никто не умирал. Процессия — моя обязанность, и необходимо ее продолжать.

— Ну тогда отмени поездку на Зимроэль. Одного континента больше чем достаточно. У тебя и так уйдут месяцы лишь на то, чтобы возвратиться на Замковую гору, если ты будешь останавливаться по дороге в каждом крупном городе. А еще и Зимроэль? Пилиплок, Ни-мойя, Тил-омон, Нарабаль, Пидруид — потребуются годы, Валентин!

Он медленно покачал головой.

— Мне положено заботиться обо всех, а не только о тех, кто живет на Алханроэле.

— Я понимаю.— Карабелла взяла его за руку.— Но, может быть, ты слишком требователен к себе. Еще раз прошу: подумай о том, чтобы исключить Зимроэль из своих планов. Хорошо? Ну хоть пообещай, что подумаешь.

— Будь на то моя воля, я сегодня же вечером вернулся бы на Замковую гору. Но увы, я обязан продолжать путь.

— Ты надеешься сегодня ночью в Храме побеседовать с Повелительницей Снов?

— Да, но...

— Тогда дай слово, что, если тебе удастся связаться с ней, ты спросишь, следует ли ехать на Зимроэль. Пусть ее совет будет для тебя путеводной звездой, как бывало уже не раз. Обещаешь?

— Карабелла...

— Обещаешь? Только спроси!

— Хорошо. Спрошу. Это я обещаю.

Она лукаво посмотрела на него.

— Я похожа на сварливую жену, Валентин? Потому что давлю на тебя и пытаюсь настоять на своем? Но ты же знаешь, что это только из любви к тебе.

— Да, знаю,— сказал он, привлекая к себе и обнимая Карабеллу. Больше они не разговаривали, поскольку наступило время для восхождения на Алаизорские холмы — к Храму Повелительницы Снов. Уже опускались сумерки, когда они начали путь по узкой извилистой дороге. Позади них словно миллионы ярких самоцветов, небрежной рукой разбросанные по долине, мерцали и искрились огни Алаизора.

Иерарх Амбаргарда, рослая, осанистая женщина с колючим взглядом и ослепительно белыми волосами, ожидала посетителей у калитки. В то время, как восхищенные служители во все

глаза разглядывали правителя Маджипура, она произнесла краткую и теплую приветственную речь — сказала, что он первый кораль, который посетил Храм после лорда Тиевераса во время его второй процессии,— и повела через сад. Вскоре в поле зрения появился сам Храм: длинное невысокое строение из светлого камня, без каких-либо украшений, даже суровое на вид, располагалось посреди обширного парка, величественного и очаровательного в своей простоте. Западный фасад, обращенный в сторону моря, полумесяцем огибал выступ утеса, а разнесенные под острыми углами крылья были направлены на восток.

По просторной галерее Валентин прошел в небольшой портик, казавшийся продолжением края утеса, и ненадолго задержался в нем — Карабелла и иерарх находились рядом, а Слит и Тунигорн остановились немного поодаль. Все хранили молчание. Здесь было восхитительно тихо: до кораля не доносился ни один звук, кроме разве что пения прохладного ветерка, без передышки задувавшего с северо-запада, и легкого шелеста алого плаща Карабеллы. Валентин смотрел вниз, на Алаизор. Огромный морской порт раскинулся у подножия утеса подобно гигантскому раскрытому вееру, протянувшись так далеко на север и юг, что границ его не было видно. Колоссальные проспекты темными спицами пересекали город из конца в конец, сходясь у отдаленного, еле различимого кольца обширных бульваров, где вздымались к небу шесть остроконечных обелисков: то была гробница лорда Стиамота, победителя метаморфов. А дальше виднелось только окутанное низкой дымкой темно-зеленое море.

— Пойдемте, мой лорд,— сказала Амбаргарда.— Последний свет дня уходит. Позвольте показать вам ваши покои.

Этой ночью он будет спать один в келейке рядом с молельней. Ему не придется ни есть, ни пить ничего, кроме вина толкователей снов, которое раскроет его душу перед Повелительницей. Когда Амбаргарда ушла, он повернулся к Карабелле:

— Я не забыл о своем обещании, любимая.

— Я знаю. Ах, Валентин, я молю только об одном: чтобы она велела тебе вернуться на Гору!

— А ты подчинишься, если она прикажет что-нибудь другое?

— Как я могу не подчиниться любому твоему решению? Ты кораль. Но я молюсь, чтобы она посоветовала тебе вернуться. Хороших сновидений, Валентин.

— Хороших сновидений, Карабелла.

Она ушла. Он постоял немного у окна, наблюдая, как темнота поглощает берег и море. Где-то к западу, далеко за горизонтом, лежит Остров Сна, владение его матери, где обитает милосердная и благословенная Повелительница Снов, наполняющая мудростью спящий мир. Валентин пристально смотрел в сторону моря, разыскивая среди туманов и сгущающейся тьмы — как будто достаточно было лишь напрячь зрение, чтобы увидеть,— сверкающие белые меловые уступы, на которых покоился остров.

Раздевшись, он лег на простую койку, составлявшую единственный предмет обстановки в комнате, и поднял кубок, наполненный темно-красным сонным вином. Сделав большой глоток густой сладкой жидкости, потом еще один, он откинулся на спину, ввел себя в транс, чтобы душа его открылась навстречу посланиям издалека, и стал дожидаться сна.

— Приди ко мне, матушка. Это я, Валентин.

Дремота приняла его в свои объятия, и он впал в забытье.

— Матушка...

— Повелительница...

— Матушка...

Худые долговязые фигуры вырывались из отверстий в земле и штопором ввинчивались в небесную высь. На стволах деревьев появлялись руки, валуны открывали желтые глаза, а у рек вырастали волосы. Он наблюдал и ждал, все глубже и глубже погружаясь в царство снов, шаг за шагом приближая свою душу к Повелительнице.

И вот он видит ее сидящей у восьмиугольного бассейна в своих чертогах из прекрасного белого камня во Внутреннем храме Острова. Она наклонилась вперед, как бы разглядывая свое отражение. Он приближается к ней и зависает в воздухе прямо у нее за спиной, смотрит вниз и видит в воде знакомый образ: темные блестящие волосы, пухлые губы, теплые любящие глаза, неизменный цветок за ухом, серебряная повязка на лбу.

— Матушка? — тихо окликает он.— Это Валентин.

Она поворачивается к нему, но его взору предстает лицо незнакомки: бледное, изможденное, хмурое, удивленное.

— Кто ты? — прошептал он.

— Но ведь ты знаешь меня! Я — Хозяйка Острова Сна!

— Нет... Нет!..

— И все-таки это я.

— Нет!

— Зачем ты пришел ко мне? Тебе не следовало приходить, потому что ты понтифекс, и скорее мне пристало искать тебя, а не наоборот.

— Понтифекс? Ты хотела сказать — корональ.

— Ах, я так сказала? Тогда я ошиблась.

— А моя матушка? Где она?

— Это я, Валентин.

И действительно, изможденное бледное лицо оказывается всего лишь маской, которая становится все тоньше и тоньше, пока не спадает словно лоскут старой кожи, чтобы открыть восхитительную улыбку его матери, завораживающе спокойный взгляд ее глаз. Но и этот образ в свою очередь исчезает, и перед ним возникает истинное лицо Повелительницы Снов: она плачет. Валентин тянется к ней, но его руки проходят сквозь нее, и он вдруг обнаруживает, что остался один.

Больше в ту ночь она не возвращалась, хоть он и разыскивал ее из видения в видение, бродил в пространствах столь пугающих, что он готов был с радостью покинуть их, если бы мог; в конце концов он оставил поиски и погрузился в глубокий, лишенный каких-либо образов сон.

Когда Валентин проснулся, утро было уже в разгаре. Он умылся и вышел из комнаты и обнаружил у входа Карабеллу — осунувшаяся, с покрасневшими глазами, она, похоже, вовсе не спала.

— Что скажет мой лорд? — сразу же спросила она.

— Я ничего не смог узнать. Мои сновидения оказались пустыми, а Повелительница Снов не стала со мной разговаривать.

— Ах, любимый, как жаль!

— Сегодня я попытаюсь еще раз. Возможно, я выпил слишком много или, наоборот, слишком мало сонного вина. Иерарх даст мне совет. Ты что-нибудь ела, Карабелла?

— Давно. Но я позавтракаю с тобой, если хочешь. Слит хочет тебя видеть. Ночью пришло какое-то срочное сообщение, и он все рвался к тебе, но я не пустила.

— Что за сообщение?

— Он мне ничего не сказал. Послать за ним прямо сейчас?

Валентин кивнул.

— Я подожду там,— сказал он, показывая на выходящий к морю портик.

Слит привел с собой какого-то незнакомца: худощавого гладкокожего человека с вытянутым лицом, широким лбом и угрюмым взглядом. Тот торопливо сделал знак Горящей Звезды и уставился на Валентина так, будто корональ был каким-то инопланетным существом.

— Ваша светлость, это И-Уулисаан, который ночью прибыл с Зимроэля.

— Необычное имя,— заметил Валентин.

— Наш род носит его уже много поколений, мой лорд. Я имею отношение к сельскохозяйственному управлению в Ни-мойе и доставил вам дурные вести с Зимроэля.

Валентин почувствовал, как у него сжалось сердце. И-Уулисаан подал пачку бумаг.

— Здесь все описано, мой лорд: все подробности каждого заболевания, район распространения, размеры ущерба...

— Заболевания? Какие заболевания?

— В сельскохозяйственных районах, мой лорд. В Дюлорне вновь появилась лусавендровая ржавчина, а к западу от ущелья наблюдается вымирание деревьев нийк; поражены также стаджа и глейн, а корневые долгоносики напали на рикку и милайл в...

— Мой лорд! — вдруг закричала Карабелла.— Смотрите, смотрите туда!

Он резко повернулся к ней. Она показывала на небо.

— Что это?

Валентин с тревогой посмотрел вверх. Там, несомая свежим ветерком, перемещалась диковинная армада крупных, сверкающих на солнце, прозрачных существ. Ничего подобного ему видеть не доводилось. Они появились внезапно, с запада. Их круглые тела равнялись в поперечнике росту среднего человека, а формой напоминали перевернутые блистающие чаши, из которых во все стороны торчали прямые мохнатые лапы. Глаза, расположенные на головах двойными рядами, походили на черные бусины размером с человеческий кулак и ослепительно сияли на солнце. Они пролетали по небу сотнями, если не тысячами; перелетная стая, поток фантастических призраков.

— Что за чудовища! Как самое страшное из посланий Короля Снов! — воскликнула Карабелла.

В изумлении и ужасе наблюдал Валентин за полетом кошмарных тварей, которые то опускались, то поднимались по воле ветра. С храмового двора донеслись тревожные крики. Валентин

кивком позвал Слита и побежал во двор, где увидел посреди лужайки иерарха Амбаргарду, водившую вокруг себя излучателем. Воздух кишел летающими существами. Некоторые из них устремлялись к земле. Амбаргарда с полудюжиной служителей старалась уничтожать их до приземления; но несколько десятков сумели все же прорваться сквозь заслон. Они оставались лежать неподвижно, однако на изумрудно-зеленой лужайке тут же появлялись желтые проплешины размером вдвое или втрое больше самих чудовищ.

Через несколько минут все закончилось. Летающие существа проплыли дальше на восток, но парк выглядел так, будто его забросали горящими факелами. Амбаргарда заметила Валентина и, опустив излучатель, медленно подошла к нему.

— Что это было? — спросил он.

— Ветряные пауки, мой лорд.

— Я ни разу не слышал о них. Они водятся в этих местах?

— Благодарение богам, мой лорд, нет! Они прилетают с Зимроэля, с гор за Кинтором. Каждый год во время брачного сезона они поднимаются в небо, а во время полета спариваются и сбрасывают оплодотворенные яйца, которые более низкими потоками воздуха уносятся в противоположном направлении, на восток, где из них вылупляются детеныши. А взрослых пауков уносит ветром в море. Иногда они даже достигают берегов Алханроэля.

Слит с гримасой отвращения приблизился к валявшемуся неподалеку пауку. Тот лежал спокойно, почти неподвижно, лишь изредка подергивая толстыми мохнатыми лапами.

— Держитесь от него подальше! — крикнула Амбаргарда.— Он весь ядовит! — Она подозвала служителя, и тот уничтожил паука выстрелом из излучателя. Иерарх вновь обратилась к Валентину: — До спаривания они достаточно безобидны и питаются листьями, молодыми веточками и тому подобными вещами. Но как только сбрасывают яйца, становятся опасными. Сами видите, что они сделали с травой. Нам придется все выкапывать, иначе здесь ничего больше не вырастет.

— И такое происходит каждый год? — спросил Валентин.

— О, нет-нет, благодарение Божеству! Большая их часть гибнет в море. Они забираются в такую даль крайне редко. Но когда это случается... Ах, мой лорд, дурное предзнаменование!

— И когда это было в последний раз? — спросил корональ.

Лицо Амбаргарды выражало замешательство. Наконец она сказала:

— В год смерти вашего брата лорда Вориакса, мой лорд.

— А до того?

Губы у нее задрожали.

— Не помню. Может быть, лет за десять до его гибели или за пятнадцать.

— Не в тот ли год, случайно, когда умер лорд Малибор?

— Мой лорд... простите меня...

— Вам не за что извиняться,— спокойно сказал Валентин. Он отошел от остальных и встал в стороне, разглядывая выжженные пятна на изуродованной лужайке. В Лабиринте, подумал он, короналя за праздничным столом терзали темные видения. На Зимроэле болезни уничтожают урожай. На Алханроэль, суля неведомые беды, налетели ветряные пауки. А когда я во сне призвал свою мать, то увидел незнакомое лицо. Разве не ясен общий смысл всего происходящего? Да. Ясен как день.

— Слит! — окликнул он.

— Да, ваша светлость?

— Разыщи Эйзенхарта и распорядись, чтобы он готовил флот. Мы отплываем, и как можно скорее.

— На Зимроэль, мой лорд?

— Сначала на Остров — мне необходимо пообщаться с Повелительницей Снов. А потом на Зимроэль.

— Валентин! — Карабелла пристально смотрела на короналя; в ее глазах застыло странное выражение, по лицу разлилась бледность. Сейчас она больше походила на ребенка — испуганного малыша, чью душу унес в ночь Король Снов.— Какое зло поразило наш мир, мой лорд? — спросила она еле слышно.— Что будет с нами, мой лорд? Скажи мне: что будет с нами?

ЧАСТЬ 2

КНИГА ВОДЯНЫХ КОРОЛЕЙ

Глава 1

— Твое задание — добраться до Эртсуд-Гранда,— сказал ему наставник.— Маршрут пролегает по открытой местности к югу от дороги на Пинитор. Оружие — дубинка и кинжал. На пути тебя подстерегают семь хищников: вурхейн, малорн, зейль, кассай, мин-моллитор, вейхант и зитун. Они опасны, и если ты позволишь застать себя врасплох, тебе не поздоровится.

Хиссун прятался за неохватным стволом газана, настолько узловатым и искривленным, что ему спокойно можно было дать десять тысяч лет, и, выглядывая из-за дерева, изучал протянувшуюся внизу длинную и узкую долину. Полная тишина. Он не видел ни своих соучеников, ни хищников.

Шел третий день охоты, а ему оставалось пройти еще двенадцать миль. Местность, по которой он двигался, кого угодно могла привести в уныние: лишенный всякой растительности склон, усеянный гранитными обломками. Вполне возможно, что стоит ему только ступить на этот склон, как тут же начнется оползень, который потащит его за собой вниз, на усеянное камнями глубокое дно долины. Хотя задания были всего-навсего учебными, он знал, что в случае оплошности наверняка погибнет.

Но мысль о том, чтобы вернуться назад тем же путем и попробовать спуститься где-нибудь в другом месте, была еще менее привлекательной. Снова пробираться узким уступом по тропинке, что извивается и петляет по отвесной стене утеса, когда перед тобой пропасть глубиной в триста футов, в которую можно сва-

литься после любого неверного шага; ползти под этими гнусными выступами, уткнувшись носом в землю, в то время как над твоим затылком остается не больше половины фута свободного пространства,— нет уж, увольте. Лучше довериться каменному полю впереди, чем пытаться повернуть назад. Кроме того, где-то там все еще рыщет вурхейн — один из семи хищников. Счастливо избежав серповидных клыков и огромных загнутых когтей, Хиссун не испытывал особого желания сталкиваться со зверем во второй раз.

Используя дубинку в качестве посоха, он осторожно ступил на каменистое поле.

На таком удалении от вершины Замковой горы, гораздо ниже слоя облаков, постоянно окутывавшего огромную гору где-то на середине ее высоты, яркое солнце палило нещадно. Отражаясь от вкраплений на разбросанных по склону огромных кусках гранита, его ослепительные лучи били прямо в глаза.

Хиссун осторожно поставил ногу, подался вперед и нащупал камень, способный выдержать его вес. Потом сделал еще шаг... и еще... Несколько больших обломков сорвались со своих мест и полетели кувыркаясь, переворачиваясь и подскакивая вниз по склону, сверкая как маленькие зеркальца.

Пока вроде бы весь склон обрушиваться не собирается. Хиссун продолжал путь. После вчерашнего перехода через высокий, продуваемый ветрами перевал икры и колени нестерпимо болели, и спускаться было очень тяжело. Ремни заплечного мешка врезались в тело. Хотелось пить, а голова слегка побаливала: воздух на этом участке Замковой горы был разреженным. Временами Хиссун страстно желал вновь оказаться в Замке и корпеть там над учебниками конституционного права и древней истории, изучать которые он был обречен в течение последних шести месяцев. Он не смог удержаться от улыбки при мысли о том, как в самые тяжкие дни учебы тоскливо считал дни до того момента, когда его освободят от книг и он отправится навстречу приключениям, чтобы пройти испытание на выживание. Теперь же, напротив, дни, проведенные в библиотеке Замка, представлялись не столь уж и тягостными, а поход казался чрезмерно утомительным экзаменом.

Он поднял голову. Такое впечатление, что солнце занимает полнеба. Он прикрыл глаза ладонью.

Прошел почти год с тех пор, как Хиссун покинул Лабиринт, но он так и не привык к висящему в небе огненному шару, к прикосновению его жарких лучей. Иногда он наслаждался непривычным теплом — присущая всем обитателям Лабиринта бледность давно уже сменилась густым золотистым загаром,— но солнце по-прежнему страшило его, бывали моменты, когда ему хотелось спрятаться, зарыться на тысячу футов под землю —туда, куда не проникает солнечный свет.

«Идиот! Дурачина! Солнце — не враг тебе! Вперед! Вперед!»

Далеко на западе, у самого горизонта, он увидел черные башни Эртсуд-Гранда. А скопление серых теней с другой стороны — это Гоикмар, из которого он отправился в путь. По его расчетам, он прошел не больше двадцати миль — сквозь жару и жажду, через пылевые озера и древние моря из пепла, вниз по закручивающимся спиралью фумаролам, по полям звенящей металлической лавы. Он сумел отделаться от кассая, зверя с подергивающимися усами и белыми глазами-тарелками, что преследовал его чуть ли не полдня. Прибегнув к древнему приему, он одурачил вурхейна: заставил его идти на запах сброшенной туники, а сам воспользовался тропой, слишком узкой для столь крупного зверя. Оставалось пять хищников. Малорн, зейль, вейхант, мин-моллитор, зитун.

Странные названия. Странные, неизвестно откуда взявшиеся животные. Возможно, это искусственно выведенные создания вроде шакунов, порождения забытых колдовских наук древности. Но зачем было создавать таких чудовищ? Зачем понадобилось выпускать их на свободу на Замковой горе? Только для испытания и закалки молодого поколения знати? Хиссун попытался представить, что будет, если вдруг из этого каменного крошева появится вейхант и неожиданно бросится на него: «Если ты позволишь застать себя врасплох, тебе не поздоровится. Да, не поздоровится». Но способны ли они его убить? В чем смысл этого испытания? Отшлифовать навыки выживания у юных кандидатов в рыцари или избавиться от непригодных? Насколько знал Хиссун, одновременно с ним по тридцатимильной зоне полигона пробирались примерно три десятка молодых людей. Сколько из них достигнет Эртсуд-Гранда?

Он-то уж, во всяком случае, дойдет. В этом Хиссун не сомневался.

Осторожно проверяя дубинкой устойчивость камней, он спускался вниз по гранитному склону. На полпути произошла первая неприятность: огромная, надежная на вид треугольная плита вдруг покачнулась, едва он слегка наступил на нее левой ногой. В течение какого-то мгновения он отчаянно пытался сохранить равновесие, балансируя и размахивая руками, а потом начал падать вперед. Дубинка выскочила из его руки, а когда он споткнулся, вызвав небольшой камнепад, правая нога провалилась до бедра в расщелину между двумя острыми как бритва огромными плитами.

Он цеплялся за что попало и сумел-таки удержаться. Камни под ним оставались неподвижными. Но вся нога горела, ощущение жжения было нестерпимым. Сломана? Разрыв связок? Растяжение мышц? Он начал медленно вытаскивать ногу. Штанина располосована от бедра до икры, из глубокого пореза обильно течет кровь. Но, кажется, ничего серьезного не произошло, и эта рана, а также дрожь в паху назавтра дадут о себе знать лишь легкой хромотой. Подобрав дубинку, он осторожно продолжил путь.

Поверхность склона постепенно стала иной: огромные обломки плит сменились мелким щебнем, который так и норовил выскользнуть из-под ног. Хиссун приспособился идти медленной скользящей походкой, поворачивая ступни боком и раздвигая гравий перед собой. Боль в поврежденной ноге заставляла его стискивать зубы, но теперь он шагал достаточно уверенно, и впереди уже виднелось дно склона.

Он дважды оступился на щебне. В первый раз он проскользил лишь несколько футов, во второй же проехал ярдов десять вниз по склону, удержавшись от падения до самого низа лишь тем, что уперся в щебенку ногами и зарылся ступнями на шесть-семь дюймов в глубину, одновременно отчаянно пытаясь ухватиться за что-либо руками.

Поднявшись, он не смог отыскать свой кинжал. Безуспешно пошарив в щебне, он в конце концов пожал плечами и отправился дальше. Все равно, утешал он себя, при встрече с вейхантом или мин-моллитором от него никакого толку. Но все же кинжала ему будет недоставать — клинком было удобно выкапывать съедобные клубни или срезать кожуру с плодов.

Достигнув дна склона, Хиссун увидел, что долина переходит в широкое каменистое плато — сухое, зловещее; тут и там торча-

ли безлистные газановые деревья древнего вида, имевшие обычную для них причудливо изогнутую форму. Но чуть подальше к востоку тесно стояли другие деревья: тонкие, высокие, с пышными кронами. Они сулили воду, и он направился в их сторону.

Но вожделенный зеленый островок оказался куда дальше, чем казалось на первый взгляд. Он брел уже час, но, судя по всему, ни на шаг не приблизился к цели. Раненая нога быстро немела. Во фляге не осталось ни капли воды. А перевалив через гребень небольшой гряды, Хиссун обнаружил, что на той стороне его поджидает малорн.

Более омерзительную тварь было трудно себе представить: мешковатое овальное туловище на десяти длиннющих V-образных лапах, поддерживающих грудь животного на высоте трех футов от земли. Восемь ног заканчиваются широкими подушечками, а две передние снабжены клешнями и когтями. На всем протяжении туловища сверкают налитые кровью глаза. Длинный загнутый хвост щетинится жалами.

— Чтобы убить тебя, хватило бы и зеркала! — сказал ему Хиссун.— Стоит тебе только увидеть свое отражение, как ты перепугаешься до смерти!

Малорн издал негромкий шипящий звук и медленно двинулся на него, пощелкивая клешнями и словно что-то пережевывая. Хиссун поднял дубинку и стал ждать. Бояться нечего, говорил он себе, главное — не впадать в панику: ведь смысл этого испытания состоит не в том, чтобы погубить ученика, а лишь в том, чтобы закалить его волю и, возможно, понаблюдать за его поведением в минуту опасности.

Он подпустил малорна на десять ярдов, поднял камень и запустил им зверю в морду. Малорн, не замедлив движения, легко отбил камень в сторону. Хиссун осторожно сместился левее, в седловину на гребне, стараясь держаться повыше и сжимая дубинку обеими руками. Малорн не производил впечатления ловкого или стремительного зверя, но Хиссун предпочитал сражаться с хищником, стоя на возвышении.

— Хиссун?

Голос раздался сзади.

— Кто там? — не оборачиваясь, спросил Хиссун.

— Альсимир.— Кандидат в рыцари из Перитола, на год или два старше Хиссуна.

— У тебя все в порядке? — спросил Хиссун.

— Я ранен. Малорн меня ужалил.

— Сильно?

— Рука вздувается. Яд.

— Сейчас подойду. Но сначала...

— Осторожно! Он прыгает!

И действительно, малорн, похоже, сгибал лапы перед прыжком. Хиссун ждал, с трудом сохраняя равновесие и слегка покачиваясь. Бесконечно долго ничего не происходило. Казалось, время застыло; Хиссун терпеливо наблюдал за малорном. Он был совершенно спокоен: в его душе не оставалось места страху, неуверенности, размышлениям о дальнейшем ходе событий.

Внезапно зверь оттолкнулся от земли всеми лапами и оказался в воздухе, и в то же самое мгновение Хиссун рванулся вниз по склону, навстречу парящему малорну, чтобы тот в своем могучем прыжке перелетел через него.

Когда малорн оказался у него над головой, юноша бросился на землю, чтобы избежать колющего удара смертоносным хвостом. Сжимая дубинку обеими руками, он изо всех сил ткнул ею вверх, норовя продырявить чудовищное брюхо. Послышался свист воздуха; от боли малорн замолотил лапами, его когти чуть было не зацепили Хиссуна.

Малорн приземлился на спину в нескольких футах от Хиссуна; тот подскочил поближе и, увернувшись от дергающихся лап, дважды всадил дубинку в брюхо зверю. Затем он отступил. Малорн продолжал слабо шевелиться. Тогда Хиссун отыскал самый большой валун, какой только смог поднять, и с размаху опустил его на малорна. Агония прекратилась. Хиссун отвернулся и оперся на дубинку — его бросало то в дрожь, то в пот, в животе все бурлило и переворачивалось... Но вскоре к нему вернулось хладнокровие.

Альсимир лежал футах в пятидесяти вверх по склону, зажав правой рукой распухшее до невероятных размеров левое плечо. Его лицо пылало, глаза потускнели. Хиссун присел рядом.

— Дай кинжал. Свой я потерял.

— Возьми... там...

Хиссун решительно отрезал рукав. Его взгляду открылась рана в форме звезды, прямо над бицепсом. Кончиком кинжала он крест-накрест надрезал эту звезду, надавил, высосал кровь, сплюнул, опять надавил. Альсимира трясло как в лихорадке, он сто-

нал и пару раз даже вскрикнул. Вскоре Хиссун вытер рану насухо и начал рыться в своей сумке в поисках бинта.

— Думаю, этого достаточно,— сказал он.— Если ничего не случится, завтра примерно в это же время ты будешь в Эртсуд-Гранде, где тебя подлечат как следует.

Альсимир со страхом посмотрел на поверженного малорна.

— Я пытался увернуться от него, так же как и ты, а он вдруг прыгнул и ужалил меня. Наверное, он ждал моей смерти, чтобы сожрать. Если бы не ты...

— Экая уродина.— Хиссун поежился.— На картинке в учебнике он не выглядит и вполовину так мерзко.

— Ты его убил?

— Возможно. Интересно, имеем ли мы право убивать их? А вдруг они понадобятся для испытаний на следующий год?

— Их трудности,— заметил Альсимир.— Если уж они послали нас навстречу этим страшилищам, то нечего обижаться, если мы случайно убьем одно из них. О, Повелительница, до чего же больно!

— Пошли. До конца пойдем вместе.

— Но это против правил, Хиссун.

— Ну и что? Неужели ты думаешь, что я оставлю тебя одного, в таком состоянии? Идем. Пусть нас выгонят, если хотят. Я убил малорна, я спас раненого — ладно, испытание я не выдержал. Зато завтра я буду жив. И ты тоже.

Хиссун помог Альсимиру подняться на ноги, и они медленно пошли в сторону видневшихся вдалеке зеленых деревьев. Внезапно Хиссуна заколотила запоздалая дрожь. Нет, похоже, он не скоро забудет кошмарную тварь у себя над головой, кольцо из красных выпученных глаз, мягкое подбрюшье...

С каждым шагом Хиссун становился все спокойнее. Он попытался представить лорда Валентина сражающимся с малорнами, зейлями и зитунами в этой злосчастной долине. Или Элидата, или Диввиса, или Мириганта. Наверняка в дни подготовки к рыцарскому званию они прошли точно такое же испытание, и, может быть, тот же самый малорн шипел и щелкал челюстями на юного Валентина двадцать лет назад. Хиссуну все это казалось несколько нелепым: какое отношение имеет возня со всякой живностью к обучению искусству государственного управления? Несомненно, рано или поздно он поймет эту связь. А пока ему

надо думать об Альсимире, а также о зейле, вейханте, мин-молляторе и зитуне. Как бы то ни было, ему еще обязательно придется столкнуться с одним или двумя хищниками: вероятность встретиться со всеми семью слишком мала. Но до Эртсуд-Гранда остается миль десять, а дорога выглядит так неприветливо и сурово. Вот, значит, какова развеселая жизнь на Замковой горе? Зубрить по восемь часов в день указы всех короналей и понтифексов от Дворна до Тиевераса, отвлекаясь лишь на непродолжительную прогулку в эти негостеприимные места, чтобы сразиться с малорнами и зитунами? А где же праздники и развлечения? Где увеселительные поездки по паркам и заповедникам? По-видимому, представления обитателей равнины о жизни знати на Горе весьма приукрашены.

Хиссун бросил взгляд на Альсимира.

— Как дела?

— Сильная слабость. Но опухоль вроде пошла на убыль.

— Мы промоем рану, коща дойдем до тех деревьев. Там должна быть вода.

— Не появись ты как раз в тот момент, я бы погиб.

— Не я, так кто-нибудь другой.— Хиссун лишь пожал плечами.— Этот путь удобнее всего.

— Не понимаю, зачем тебя заставляют проходить это испытание,— после недолгого молчания вновь заговорил Альсимир.

— Ты о чем?

— Я имею в виду, заставляют подвергаться такому риску.

— Почему бы и нет? Все кандидаты должны пройти через него.

— Лорд Валентин имеет на тебя особые виды. Я слышал на прошлой неделе, как Диввис говорил об этом Стазилейну.

— Ну да, конечно, меня ждут великие дела. Главный конюший. Верховный ловчий.

— Я не шучу. Как ты знаешь, Диввис завидует тебе. И побаивается, поскольку ты — фаворит короналя. Диввис мечтает стать короналем — это всем известно. И он считает, что ты стоишь на его пути.

— У тебя, по-моему, горячка началась от яда.

— Поверь мне, Хиссун, Диввис видит в тебе угрозу.

— И зря. У меня не больше шансов стать короналем, чем... чем у Диввиса. Наиболее вероятный преемник Элидат. А лорд

Валентин, как мне удалось узнать, собирается оставаться короналем так долго, как только сможет.

— Да говорю же тебе...

— Ничего не говори. Прибереги-ка лучше силы для перехода. До Эртсуд-Гранда как минимум двенадцать миль. А по дороге нас поджидают еще четыре зверюги.

Глава 2

Вот сон пиуривара Фараатаа.

Наступил Час Скорпиона, и вскоре солнце поднимется над Велализиером. Сразу за воротами города, вдоль дороги, известной когда-то под названием Дорога Прощания, но которая отныне будет зваться Дорогой Возвращения, собралась огромная процессия, вытянувшаяся чуть ли не до горизонта. Впереди стоит Грядущий Принц, окутанный изумрудным облаком. За ним — четверо в обличиях Красной Женщины, Слепого Великана, Человека Без Кожи и Последнего Короля. Затем следуют четверо пленников, связанных провисшими жгутами; а за ними — многочисленный народ пиуриваров: Те, Кто Возвращается.

Фараатаа парит высоко над городом, легко перемещаясь в любую точку на всем его протяжении, одним взглядом охватывая его во всей его необъятности, и не видит ни одного изъяна: все отстроено заново, стены восстановлены, башни воздвигнуты вновь, упавшие колонны поставлены прямо. По акведукам вновь течет вода, цветут сады, удалены сорняки и кустарники, заполнившие все щели, город очищен от песчаных заносов.

Лишь Седьмой храм оставлен в том же виде, что и во времена Падения: плоская поверхность, одно лишь основание в окружении каменных обломков. Фараатаа парит над ним и мысленно проносится сквозь темный океан времен назад, чтобы увидеть Седьмой храм таким, каким он был до разрушения,— и перед ним возникает картина Осквернения.

А вон, смотри! На Столах Богов готовится нечестивое жертвоприношение. На обоих столах лежат огромные водяные короли, все еще живые, беспомощные из-за собственной тяжести; их крылья слабо шевелятся, шеи изогнуты, глаза сверкают от ярости или страха. Крошечные фигурки копошатся вокруг двух исполинов, готовясь к совершению запретного обряда. Фараа-

таа содрогается. Фараатаа плачет, и слезы его хрустальными шариками падают на далекую землю. Он видит сверкание длинных ножей; он слышит рев и хрип водяных королей; он видит, как отрезаются куски мяса. Он хочет крикнуть народу: «Нет, нет, это чудовищно, мы понесем страшную кару» — но что толку, что толку? Все это произошло тысячи лет назад. И он продолжает плыть по воздуху, продолжает наблюдать. Как муравьи, нечестивцы растекаются по городу, и каждый несет кусок водяного короля на высоко поднятых руках, и они идут с жертвенным мясом к Седьмому храму, швыряют его в погребальный костер и поют Песнь Огня. «Что вы делаете? — кричит Фараатаа, но его никто не слышит.— Вы сжигаете наших братьев!» И вздымается дым, черный и густой; и этот дым жжет глаза Фараатаа, и он больше не может удержаться в воздухе и падает, падает, падает... Осквернение свершилось, и город обречен, и весь мир будет потерян вместе с ним.

И вот на востоке появляется первый свет дня, который проходит через весь город и освещает полумесяц, установленный на высоком шесте над основанием Седьмого храма. Грядущий Принц подает знак поднятой рукой. Процессия начинает движение. По мере продвижения Те, Кто Возвращается время от времени видоизменяются в соответствии с учением Книги Водяных Королей. Они последовательно принимают формы, которые зовутся Пламя, Поток, Падающий Лист, Клинок, Пески, Ветер. Проходя Площадку Неизменяемости, они вновь превращаются в настоящих пиуриваров и сохраняют это обличие.

Грядущий Принц заключает в объятия каждого из четырех узников. Затем их ведут к алтарям над Столами Богов. Красная Женщина и Человек Без Кожи ведут младшего короля и его мать к восточному столу, где когда-то, в ночь святотатства, погиб водяной король Низнорн. Слепой Великан и Последний Король провожают старшего короля и того, кто приходит ночью во сне, к западному столу, где осквернителями был предан смерти водяной король Домситор.

Грядущий Принц стоит один над Седьмым храмом. Его окутывает алое облако. Фараатаа опускается, сливается с ним и становится им: теперь они одно целое.

— Вначале было Осквернение, когда безумие обуяло нас и мы совершили грех по отношению к нашим морским братьям,— восклицает он.— А когда пелена спала с наших глаз и мы

осознали дело рук своих, за тот грех мы разрушили наш великий город и отправились в изгнание. Но мало того, на нас были насланы издалека полчища врагов, и они забрали у нас все, что мы имели, и вытеснили нас в пустынные места, и это стало нашей карой, поскольку мы согрешили перед нашими морскими братьями. И мы блуждали, претерпевали огромные страдания, и лик Наивысшего отвернулся от нас, пока не наступил конец искуплению, и мы не собрались с силами, чтобы сбросить угнетателей и вернуть себе все, что было нами утеряно за тот древний грех. И было предсказано, что среди нас появится принц и он выведет нас из изгнания, когда наступит конец искуплению.

— Наступило время искупления! — отвечают все.— Наступило время Грядущего Принца!

— Грядущий Принц явился!

— Ты — Грядущий Принц!

— Я — Грядущий Принц! — восклицает он.— Теперь все грехи прощены! Теперь все долги оплачены! Мы прошли через искупление и очистились. Исполнители кары изгнаны из нашей страны. Водяные короли получили возмещение. Велализиер отстроен. Жизнь наша начинается заново.

— Наша жизнь начинается заново! Наступило время Грядущего Принца!

Фараатаа поднимает жезл, сверкающий огнем в утреннем свете, и подает знак тем, кто ждет возле двух Столов Богов. Четырех пленников выталкивают вперед. Сверкают четыре длинных ножа, и мертвые короли падают, и короны катятся в пыль. Столы омыты кровью захватчиков. Сыграно последнее действие. Фараатаа воздевает руки.

— Теперь придите и восстановите вместе со мной Седьмой храм!

Пиуривары устремляются вперед. Они собирают разбросанные камни храма и под руководством Фараатаа укладывают их туда, где они лежали когда-то.

Когда все заканчивается, Фараатаа становится на самую вершину и смотрит вдаль, в морскую ширь, где собрались на просторе водяные короли. Он видит, как они бьют своими огромными крыльями по поверхности воды. Он видит, как они поднимают свои громадные головы и фыркают.

— Братья! Братья! — зовет их Фараатаа.

— Мы слышим тебя, земной брат.

— Враг уничтожен. Город вновь освящен. Седьмой храм поднялся заново. Закончено ли наше искупление, о, братья?

И они отвечают:

— Закончено. Мир очищен, и начинается новая эпоха.

— Прощены ли мы?

— Вы прощены, о, земные братья.

— Мы прощены! — восклицает Грядущий Принц.

И все протягивают к нему руки, и видоизменяются, и становятся поочередно Звездой, Туманом, Тьмой, Лучом, Пещерой.

И остается только одно: простить тех, кто совершил изначальный грех, кто с тех пор оставался пленником этих развалин. Грядущий Принц простирает к ним руки и говорит им, что висевшее над ними проклятие снято и что они отныне свободны.

И камни павшего Велализиера отпускают своих мертвецов, и вылетают их души, бледные и прозрачные; они обретают жизнь и краски; и они танцуют, видоизменяются и издают крики радости.

И вот что они выкрикивают:

— Славься, Грядущий Принц, который есть Король Сущий!

Таким был сон пиуривара Фараатаа, когда тот лежал на ложе из листьев пузырчатки под огромным деревом двикки в провинции Пиурифэйн, а над ним накрапывал дождик.

Глава 3

— Позовите И-Уулисаана,— велел кораль.

По всему столу лорда Валентина в его каюте на борту флагманского судна «Леди Тиин» были разложены испещренные пометками и надписями карты и планы пораженных болезнями районов Зимроэля. Шел третий день плавания. Эскадра из пяти кораблей под командованием верховного адмирала Эйзенхарта вышла из Алаизора, держа курс в сторону порта Нуминор на северо-восточном побережье Острова Сна. Путешествие обещало занять много недель даже при попутном ветре, а сейчас, как назло, дул встречный.

В ожидании советника по сельскому хозяйству Валентин еще раз просмотрел документы, приготовленные для него И-Уулисааном, и те, которые он затребовал из исторических архивов. После отплытия из Алаизора он перелистывал их, наверное, раз

в пятидесятый, но от того сведения, которые в них содержались, не становились более радостными.

Валентин знал, что болезни растений появились вместе с земледелием. Каким бы благодатным миром ни был Маджипур, он не мог полностью избежать таких напастей, чему в архивах имелось достаточно подтверждений. Болезни, засуха, насекомые наносили серьезный урон урожаям при более чем десяти правителях, а основные невзгоды выпадали по крайней мере на пять эпох: при Сетифоне и лорде Станидоре, при Трайме и лорде Вильдиваре, при Струине и лорде Гуаделуме, при Канабе и лорде Сирруте, а также во времена Синьора и лорда Меликанда в седой древности.

Но то, что происходило сейчас, выглядело куда более угрожающим, думал Валентин, и дело не только в том, что о тех случаях известно лишь по архивным делам, а нынешняя беда случилась именно сегодня. Население Маджипура неизмеримо выросло: сейчас оно составляет двадцать миллиардов, в то время как в эпоху Струина народу было раз в шесть меньше, а в годы правления Синьора и вообще горстка. При столь громадном населении, если погибнет сельское хозяйство, непременно наступит голод, да и само государство может потерпеть крах. Валентин отлично понимал, что в отличие от большинства цивилизаций стабильность жизни на Маджипуре в течение стольких тысячелетий основана на чрезвычайном благополучии жизни. Поскольку никому и никогда не приходилось испытывать истинной нужды в чем-либо, существовало почти всеобщее молчаливое согласие по поводу установленного порядка вещей и даже неравенства в обществе. Но стоит только лишить людей уверенности в сытом, безбедном существовании, как все остальное может развалиться за одну ночь.

А все эти его темные сны, видения хаоса и странные предзнаменования — ветряные пауки над Алханроэлем и тому подобное — по капле вливали в его душу ощущение грозной, невообразимой опасности.

— Мой лорд, пришел И-Уулисаан,— доложил Слит. В каюту вошел советник по сельскому хозяйству. Вид у него был неуверенный и смущенный. Он неуклюже пытался изобразить знак Горящей Звезды, как того требовал этикет. Валентин терпеливо мотнул головой и жестом пригласил И-Уулисаана садиться. Показав отмеченную красным зону вдоль ущелья Дюлорн, он спросил:

— Каково значение лусавендры?

И-Уулисаан ответил:

— Велико, мой лорд. Она составляет основу ассимиляции углеводов во всех северных и западных районах Зимроэля.

— А что можно сделать при большой нехватке лусавендры?

— Восполнить запасы продовольствия такими культурами, как стаджа.

— Но стаджа тоже охвачена болезнью!

— Совершенно верно, мой лорд. И милайл, который имеет примерно такую же пищевую ценность, также поражен корневыми долгоносиками — я вам уже говорил об этом. Отсюда следует, что территория Зимроэля на указанном участке окажется зараженной примерно через шесть-девять месяцев...

Кончиком пальца И-Уулисаан обвел на карте широкий кружок, захватывавший Ни-мойю на востоке и Пидруид на западном побережье, а на юге — Велатис.

Валентин прикинул, какова численность населения в этих местах. Миллиарда два с половиной, пожалуй? Он попытался представить два с половиной миллиарда голодных людей, привыкших к изобилию пищи. И если они наводнят Тил-омон, Нарабаль, Пидруид...

— Житницы империи какой-то срок смогут обеспечивать нуждающихся. А тем временем мы постараемся обуздать болезни. Насколько я понимаю, лусавендровая ржавчина уже появлялась лет сто назад, но тогда с ней удалось справиться.

— Лишь за счет чрезвычайных мер, мой лорд. В нескольких провинциях был объявлен карантин. Сжигали целые фермы, а потом еще и снимали верхний слой почвы. Все это обошлось в миллионы реалов.

— Что деньги, если люди голодают? Мы снова сделаем то же самое. Как ты полагаешь, сколько времени потребуется, чтобы выправить ситуацию, если мы незамедлительно начнем действовать в тех районах, где выращивается лусавендра?

И-Уулисаан помолчал немного, машинально потирая пальцами свои странно широкие, заостренные скулы, и наконец сказал:

— Не меньше пяти лет. Скорее даже десять.

— Это невозможно!

— Ржавчина распространяется очень быстро. Пока мы тут беседуем, мой лорд, заразилась, должно быть, тысяча акров. Самое главное — локализовать болезнь, а уже потом — уничтожить.

— А заболевание нийков? Оно распространяется так же быстро?

— Еще быстрее, мой лорд. И кажется, это связано с уменьшением количества стаджи, которая, как правило, растет вместе с нийком.

Валентин посмотрел на переборку каюты и не увидел ничего, кроме серой пустоты.

После продолжительной паузы он обратился к И-Уулисаану:

— Мы справимся, чего бы это ни стоило, и я хочу, И-Уулисаан, чтобы ты разработал планы борьбы с каждой из этих болезней. Мне нужно оценить затраты. Можешь это сделать?

— Да, мой лорд.

— Нам необходимо объединить усилия с понтифексом,— обратился Валентин теперь уже к Слиту.— Передай Эрманару, чтобы он срочно установил контакт с министром сельского хозяйства из Лабиринта — пусть выяснит, известно ли им, что происходит в Зимроэле, что они собираются предпринять... ну и так далее.

— Мой лорд,— вмешался в разговор Тунигорн,— я только что разговаривал с Эрманаром. Он уже связался с понтифексом.

— И что?

— В министерстве сельского хозяйства ничего не знают. Собственно говоря, сама должность министра в настоящий момент не занята.

— Не занята? Как это может быть?

Тунигорн невозмутимо ответил:

— Я полагаю, что в силу недееспособности понтифекса Тиевераса многие высокие должности в течение последних нескольких лет остаются вакантными. Это в определенной степени парализует работу понтифексата, мой лорд. Но подробнее об этом вам может рассказать Эрманар, поскольку он является основным связующим звеном с Лабиринтом. Послать за ним?

— Пока не надо,— вяло ответил Валентин. Он вернулся к картам И-Уулисаана и, водя пальцем по Дюлорнскому ущелью, продолжил: — Тут, похоже, положение хуже всего. Но если судить по картам, значительные зоны выращивания лусавендры располагаются еще и на плоскогорье между Тагобаром и северными пределами Пиурифэйна и вот тут, к югу от Ни-мойи до окрестностей Гихорна. Я не ошибаюсь?

— Все верно, мой лорд.

— Поэтому первым делом следует оградить от лусавендровой ржавчины именно эти районы,— он смотрел на Слита,

Тунигорна и Делиамбера.— Оповестите герцогов зараженных провинций о том, что прекращается всякое сообщение между зонами распространения заболевания и не затронутыми бедствием провинциями: все границы должны быть тотчас же перекрыты. Если им это не понравится, пусть отправляются на Гору жаловаться Элидату. Да, кстати, сообщите ему обо всем. Неоплаченные торговые счета пока можно переправлять по каналам понтифексата. Пожалуй, Хорнкэста следует предупредить, чтобы он готовился к серьезным скандалам. Далее: в районах выращивания стаджи...

Битый час из уст короналя лился непрерывный поток распоряжений, касавшихся всех насущных и возможных в будущем проблем. Корональ частенько обращался за советом к И-Уулисаану, и у того всегда находилось какое-нибудь дельное предложение. У Валентина мелькнула мысль, что в этом человеке есть нечто непонятное и отталкивающее, какие-то отстраненность и холодность, даже надменность; впрочем, он прекрасно разбирался в сельском хозяйстве Зимроэля, и то, что он появился в Алаизоре как раз перед отплытием королевского флагмана в направлении Зимроэля, казалось подарком судьбы.

И все же после окончания совещания в душе у Валентина сохранилось смутное ощущение тщетности всех усилий. Он отдал десятки приказов, разослал во все концы послания, предпринял твердые и решительные действия для сдерживания и уничтожения заболеваний, но тем не менее по-прежнему остался простым смертным в маленькой каюте небольшого судна, несущегося по волнам безбрежного моря, пылинкой в необъятном мире. А тем временем невидимые организмы разносят болезнь и смерть по тысячам акров плодородных угодий, и перед несокрушимостью поступи этих роковых сил все его приказы бессильны. Он вновь впал в состояние безнадежной подавленности, столь не свойственной его истинному характеру. «Может быть, во мне самом сидит какая-то болезнь? — подумал он.— Может быть, я сам поражен недугом, который лишает меня надежд, радости и жизненных сил, и я обречен закончить дни свои в жалкой безысходности?»

Он закрыл глаза. И снова перед его мысленным взором возник образ из его видения в Лабиринте, образ, который как будто неотступно преследовал его: огромные разломы на твердом основании мироздания, вздымающиеся и сталкивающиеся друг с другом гигантские куски земли и скал. А посреди безумия приро-

ды — он сам, отчаянно пытающийся удержать мир. Но безуспешно, безрезультатно, безнадежно.

«Не наложено ли на меня некое проклятие? — мелькнула у него мысль.— Почему из сотен сменявших друг друга короналей именно я избран присутствовать при крушении нашего мира?»

Он заглянул к себе в душу и не обнаружил там потаенных грехов, за которые Божество могло бы обрушить кару на него самого и на Маджипур. Он не домогался трона; он не злоумышлял против своего брата; он никогда не использовал во вред власть, полученную неожиданно для себя; он не...

Он не...

Он не...

Валентин сердито тряхнул головой. Что за глупая, напрасная трата душевных сил! У земледельцев возникли некоторые совпавшие по времени трудности, а ему приснилось несколько нехороших снов: просто нелепо возводить все это до уровня ужасного катаклизма вселенских масштабов. Со временем все уладится. Болезни растений будут побеждены. Его правление не забудется в истории не только из-за омрачавших его бедствий, но и благодаря гармонии, равновесию и радости. Ты хороший король, сказал он себе. У тебя нет причин сомневаться в себе.

Корональ поднялся и вышел из каюты на палубу. День клонился к вечеру: громадное бронзовое солнце нависало над кромкой воды на западе, а на севере как раз всходила одна из лун. Небо переливалось разными цветами: коричневатым, бирюзовым, фиолетовым, янтарным, золотистым... На горизонт наползали тяжелые тучи. Валентин немного постоял в одиночестве у поручня, глубоко вдыхая соленый морской воздух. «Со временем все уладится»,— сказал он себе еще раз, но почувствовал, что его вновь исподволь охватывают беспокойство и мучительные колебания. Казалось, нет никакой возможности надолго избавиться от этого настроения. Никогда в жизни ему не приходилось так часто предаваться тоске и отчаянию. Он не узнавал того Валентина, каким стал: мнительного человека на грани меланхолии, чужого самому себе.

— Валентин?

Карабелла! Он заставил себя стряхнуть мрачные раздумья, улыбнулся и предложил ей руку.

— Какой чудный закат,— сказала она.

— Просто великолепный. Один из лучших во все времена. Хотя и есть сведения, что однажды, в правление лорда Конфалюма, был один закат еще красивее, чем этот, на четырнадцатый день...

— Этот лучше, Валентин, потому что сегодня он наш.— Она взяла его под руку и молча встала рядом. Рядом с ней он уже не помнил, почему всего буквально несколько мгновений тому назад был погружен в беспросветное уныние. Все будет хорошо.— А это не морской дракон, вон там? — услышал он голос Карабеллы.

— Морские драконы никогда не заходят в здешние воды, любовь моя.

— Тогда у меня галлюцинация. Но очень убедительная. Разве ты не видишь?

— А куда надо смотреть?

— Вон туда. Вон, видишь, где от воды отражается полоска пурпурно-золотистого цвета? А теперь немножечко левее. Вон там. Там...

Валентин прищурился, напряженно всматриваясь в море. Поначалу он не увидел ничего; потом ему показалось, что на волнах качается огромное бревно; а потом море осветил последний луч заходящего солнца, пробившийся сквозь облака, и у него не осталось никаких сомнений: да, это, несомненно, морской дракон, медленно плывущий к северу.

Он почувствовал озноб и прижал руки к груди. Насколько он знал, морские драконы передвигаются только стадами и всегда странствуют вокруг света примерно одним и тем же маршрутом: в южных водах с запада на восток, вдоль южной оконечности Зимроэля, вверх — вдоль побережья Гихорна до Пилиплока, затем в восточном направлении на широте Острова Сна и вдоль знойного южного берега Алханроэля до какого-то места в не нанесенных ни на какие карты просторах Великого океана. И все же это был дракон собственной персоной, и он плыл на север. Пока Валентин наблюдал за ним, исполин расправил громадные черные крылья и стал бить ими по воде, медленно и размеренно — хлоп-хлоп-хлоп-хлоп,— будто собирался совершить невозможное, оторваться от поверхности моря и подобно колоссальных размеров птице улететь в затянутые туманом полярные дали.

— Как странно,— пробормотала Карабелла.— Ты видел когда-нибудь что-либо подобное?

— Нет, никогда,— Валентин содрогнулся.— Знамение за знамением, Карабелла. Что все это мне предвещает?

— Пойдем, выпьем теплого вина.

— Нет. Пока нет.

И он стоял как вкопанный на палубе, напрягая зрение, чтобы различить в сгущающихся сумерках темную фигуру на фоне темного моря. Огромные крылья раз за разом вспенивали воду; но вот дракон свернул их, выпрямил длинную шею, откинул назад тяжелую треугольную голову и издал рокочущий скорбный крик, напоминающий звук горна, что пробивается сквозь туманную мглу. Потом дракон нырнул и скрылся под водой.

Глава 4

Когда шли дожди — а в это время года дожди в долине Престимиона шли непрерывно,— кисловатый запах обугленных растений поднимался от сожженных полей и проникал повсюду. Когда Аксимаан Трейш в сопровождении своей дочери Хайнок, поддерживающей ее под руку, приплелась в зал муниципальных собраний в центре города, вонь настигла ее и здесь, в нескольких милях от ближайшей из преданных огню плантаций.

От запаха спасения не было. Он стоял над землей, как вода в паводок. Удушливые испарения проникали сквозь все двери и окна, добирались до винных подвалов и портили вино в запечатанных бутылках. Ими пропитывалось мясо на столах. Никакие средства не могли избавить от вони одежду. Смрад проникал во все поры и пачкал плоть. Аксимаан Трейш уже начинала думать, что даже душа постепенно покрывается пятнами копоти. И когда подойдет ее время вернуться к Источнику, если ей когда-нибудь вообще будет позволено завершить свою нескончаемую жизнь, Аксимаан Трейш не сомневалась, что стражники на мосту остановят ее презрительными словами: «Нам не нужен здесь скверный запах пожарища. Забирай свое тело, старуха, и уходи отсюда» — и хладнокровно отправят назад.

— Присядешь сюда, матушка? — спросила Хайнок.

— Мне все равно. Куда угодно.

— Здесь удобно. Тебе все будет слышно.

В зале возникла легкая суматоха: люди в ряду сдвигались потеснее, чтобы дать ей место. Сейчас все к ней относились как к выжившей из ума старухе. Конечно, она стара, чудовищно

стара, она пережила времена Оссиера, она стара настолько, что помнит дни юности лорда Тиевераса; но ведь ее старость ни для кого не новость, так почему же все вдруг стали относиться к ней так снисходительно? Она не нуждалась в особом отношении. Она по-прежнему способна самостоятельно передвигаться; она видит еще достаточно хорошо; она все еще может выйти в поле в страду и собирать стручки... и собирать... выйти в... поле... и... собирать...

Несколько неловко, но почти не спотыкаясь, Аксимаан Трейш подошла к своему месту и села. На произнесенные шепотом приветствия она ответила слегка отчужденно, потому что сейчас с трудом припоминала имена тех, кого видела. Когда люди из долины в эти дни разговаривали с ней, в их голосах всегда проскальзывало сочувствие, как будто над ее семьей витала смерть. Так оно в некотором роде и было. Но не та смерть, которой она искала, не та смерть, которая от нее отказалась, не ее смерть.

Наверное, тот день никогда не наступит. Ей казалось, что она обречена вечно продолжать свой путь в мире разрухи и отчаяния, бесконечно вдыхать едкую вонь. Она сидела тихо, устремив в пространство невидящий взгляд.

— По-моему, он такой отважный,— услышала она голос Хайнок.

— Кто?

— Семпетурн. Тот, который будет выступать сегодня. Его пытались остановить в Мазадоне, обвинив в том, что он ведет изменнические речи. Но он все равно выступил, а теперь разъезжает по всем сельскохозяйственным провинциям и пытается нам объяснить, почему уничтожен наш урожай. Сегодня здесь все жители долины. Это очень важное событие.

— Да, очень важное событие,— сказала Аксимаан Трейш.— Очень важное. Да.

Из-за такого большого количества людей вокруг она ощущала себя немного не в своей тарелке Вот уже несколько месяцев она не была в городе, да и вообще редко выходила из дома, едва ли не целые дни напролет проводя у себя в спальне спиной к окну, чтобы не видеть плантации. Но сегодня Хайнок проявила настойчивость. Она без конца твердила, что это очень важное событие.

— Смотри, матушка! Вот он!

Аксимаан Трейш едва заметила, как появился на возвышении низкорослый краснолицый человек с напоминающими звериную шерсть густыми волосами, черными и уродливыми. Как странно, подумала она, насколько за последние месяцы мне стал ненавистен вид человеческих существ с их мягкими дряблыми телами, бледной потной кожей, отвратительного вида волосами и слабыми водянистыми глазами. Человек взмахнул руками и начал говорить противным скрипучим голосом:

— Жители долины Престимиона... с вами мое сердце в час тяжких испытаний... в зловещую пору, когда на вас неожиданно обрушились великие несчастья... эта трагедия, это горе...

«Так вот оно, очень важное событие,— подумала Аксимаан Трейш,— этот шум, эти причитания... Да уж, чрезвычайно важное». Вскоре она перестала вникать в суть выступления. А оно явно было весьма серьезным, потому что доходившие до нее отдельные слова звучали очень весомо: «Рок... судьба... наказание... прегрешение... невинность... совесть... коварство...» Но слова, сколь бы значимыми они ни казались, пролетали мимо как некие бесплотные крылатые создания.

Последнее важное событие в жизни Аксимаан Трейш уже произошло, и других не будет. После обнаружения лусавендровой ржавчины ее поля первыми подверглись сожжению. Сельскохозяйственный агент Эревейн Нур с весьма удрученной физиономией, беспрестанно рассыпаясь в льстивых извинениях, объявил в городе трудовую повинность, приколотив объявление об этом на дверь того самого зала, где Аксимаан Трейш сидела в настоящее время. И однажды утром Звездного дня все трудоспособные жители долины Престимиона собрались на ее плантации, чтобы произвести сожжение. Тщательно распределив горючее вещество по всей плантации, крестообразно разместив его посреди полей, они бросили факелы...

А потом очередь дошла до земли Михиэйна, затем — Собора Симитота, Пальвера, Нитиккималя...

Все пропало, вся долина почернела и обуглилась, нет больше ни лусавендры, ни риса. И в следующем сезоне не будет урожая. Зернохранилища опустеют, весы заржавеют, а солнце будет одаривать теплом мир пепла. «Очень похоже на послание Короля Снов,— подумала Аксимаан Трейш.— Когда ты погрузилась в двухмесячный зимний отдых, в твою душу закрались пугающие видения уничтожения всего, что ты создала тяжким трудом, и, пока лежала, ты ощутила на душе тяжесть дыхания Короля, которое давило тебя, сминало, нашептывало: "Это твое наказание, ибо ты виновна в прегрешении"».

— Откуда мы знаем,— говорил человек на возвышении,— что тот, кого мы именуем лордом Валентином, действительно является помазанным короналем, благословенным богами? Разве мы можем быть уверены в этом? — Аксимаан Трейш вдруг выпрямилась, ловя каждое слово.— Только вдумайтесь! Мы знали короналя лорда Вориакса, который был темноволос, верно? Восемь лет правил он нами, правил мудро, и мы любили его. Разве нет? А потом, по неисповедимой воле богов, он слишком рано покинул нас, и с Горы донеслась весть, что нашим короналем станет лорд Валентин, тоже темноволосый. Это известно. Он был среди нас во время великой процессии — впрочем, нет, не здесь, не в этой провинции,— но его видели в Пилиплоке, его видели в Ни-мойе, в Нарабале, Тил-омоне, в Пидруиде, и был он тогда темноволос, со сверкающими черными глазами и черной бородой, и нет сомнения в том, что он был братом своего брата и нашим законным короналем.

Но что мы узнали потом? Появился человек с золотистыми волосами и голубыми глазами и сказал народу Алханроэля, что он, мол, и есть настоящий корональ, лишенный своего тела колдовскими чарами, а тот, темноволосый,— самозванец. И жители Алханроэля все как один сделали знак Горящей Звезды, склонились перед ним и восславили его. И когда в Зимроэле нам заявили, что тот, кого мы считали короналем, вовсе не корональ, мы тоже поверили россказням о колдовстве и приняли этого, другого, и все эти восемь лет он владеет Замком и руководит правительством. Разве не правда то, что мы приняли золотоволосого лорда Валентина вместо темноволосого?

— Но ведь действительно имела место государственная измена! — выкрикнул плантатор Нитиккималь, сидевший рядом с Аксимаан Трейш.— Его собственная мать, Хозяйка Острова, признала его.

Человек на возвышении оглядел собравшихся.

— Верно, сама Повелительница Снов признала его, а также понтифекс и все высокородные лорды и принцы на Замковой горе. Я не отрицаю этого. И кто я такой, чтобы обвинять их в ошибке? Они преклоняют колени перед златовласым королем. Он их устраивает. Он устраивает вас. Но устраивает ли он Боже-

ство, друзья мои? Я прошу вас, оглянитесь вокруг! Сегодня я проехал по долине Престимиона. Куда подевался урожай? Почему не зеленеют тучные поля? И я видел пепел! Я видел смерть! Посмотрите, болезнь обрушилась на вашу землю, и с каждым днем она все дальше распространяется по ущелью, быстрее, чем вы успеваете сжигать ваши поля и очищать почву от смертоносных спор. В следующем сезоне вы не вырастите лусавендру. У жителей Зимроэля будут пустые желудки. Можете ли вы припомнить такие времена? Здесь есть женщина, пережившая многих короналей и исполненная мудрости благодаря прожитым годам. Приходилось ли ей жить в такие времена? Я обращаюсь к тебе, Аксимаан Трейш, имя которой с уважением произносится во всей провинции: поля твои были преданы огню, нивы уничтожены, жизнь отравлена на самом закате...

— Матушка, он говорит о тебе,— громко шепнула Хайнок.

Аксимаан Трейш непонимающе встряхнула головой. Она утонула в этом потоке слов.

— Почему мы здесь? О чем он говорит?

— Что скажешь ты, Аксимаан Трейш? Разве милость Божества не покинула долину Престимиона? Ты знаешь, что это так! Но не из-за твоих прегрешений и не по вине кого бы то ни было из присутствующих! Я говорю вам: это гнев Божества без разбору обрушивается на мир и лишает долину Престимиона лусавендры, уничтожает милайл в Ни-мойе и стаджу в Фалкинкипе. И кто знает, какое растение будет следующим, какая напасть свалится на нас — а все из-за лжекороналя...

— Измена! Измена!

— Говорю вам, лжекорональ сидит на Замковой горе и неправедно царствует! Златовласый узурпатор, который...

— А? Что? Опять трон захвачен? — пробормотала Аксимаан Трейш.— В каком-то году до нас уже доходили слухи, что кто-то незаконно захватил власть...

— И я говорю, пусть он докажет, что он — избранник Божества! Пусть он придет сюда во время великой процессии, встанет перед нами и покажет, что он настоящий корональ! Уверен, он не станет это делать. Уверен, он не сможет это сделать. А еще я уверен, что, пока мы терпим его в Замке, на нас падет еще большая кара богов, если мы не...

— Измена!

— Пусть говорит!

Хайнок прикоснулась к руке Аксимаан Трейш.

— Матушка, ты себя хорошо чувствуешь?

— Почему они сердятся? Что они кричат?

— Наверное, мне нужно проводить тебя домой, матушка.

— И я говорю: долой узурпатора!

— А я говорю — зовите прокторов, этого человека надо привлечь к ответственности за измену.

Аксимаан Трейш в замешательстве огляделась. Все повскакали со своих мест и что-то кричали. Как шумно! Какой рев! И этот странный запах — запах чего-то сырого, что это? От него щиплет в носу. Почему же они так кричат?

— Что с тобой, матушка?

— Мы ведь завтра начнем сажать лусавендру, да? Так что нам пора домой. Верно, Хайнок?

— Ах, матушка, матушка...

— Начнем сажать...

— Да,— сказала Хайнок.— Утром начнем. А сейчас нам пора идти.

— Долой всех узурпаторов! Да здравствует настоящий корональ!

— Да здравствует настоящий корональ! — неожиданно крикнула Аксимаан Трейш, поднимаясь с места. Глаза у нее горели, язык безостановочно двигался во рту. Она вновь почувствовала себя молодой, полной жизненных сил и энергии. Завтра на рассвете в поле — разбросать семена и любовно присыпать их, вознести молитву и... Нет, нет и нет.

Пелена спала с ее глаз. Она вспомнила все. Поля сожжены. Сельскохозяйственный агент сказал, что их нельзя засевать еще три года, пока почва не очистится от спор. А этот странный запах — запах горелых стеблей и листьев. Огонь бушевал несколько дней. А после дождя запах усилился, им пропитан весь воздух. В этом году урожая не будет. И через год. И через два.

— Глупцы,— произнесла она.

— Кто, матушка?

Аксимаан Трейш описала рукой широкий круг.

— Они все. Потому что поносят короналя. Потому что считают все это божественной карой. Неужели ты думаешь, что Божество пожелало наказать нас так страшно? Мы все будем голодать, Хайнок, потому что ржавчина убила наши посевы, и совершенно неважно, кто корональ. Совершенно неважно. Отведи меня домой.

— Долой узурпатора! — закричали опять, и, пока она шла из зала, крик этот отзывался у нее в ушах погребальным звоном.

Глава 5

Внимательно оглядев собравшихся в совещательной комнате принцев и герцогов, Элидат сказал:

— Указ подписан Валентином собственноручно и скреплен печатью Валентина. Его подлинность не вызывает сомнений. Юноша должен быть введен в принципат в кратчайший срок.

— И вы считаете, что этот срок наступил? — спросил Диввис ледяным тоном.

Верховный канцлер невозмутимо встретил гневный взгляд Диввиса.

— Да, я так считаю.

— Почему вы так решили?

— Его наставники сообщили мне, что он изучил все основные предметы.

— Стало быть, он может назвать всех короналей от Стиамота до Малибора в правильном порядке! И что это доказывает?

— Обучение состоит не только из запоминания перечня короналей, Диввис. Надеюсь, что вы это еще не забыли. Он прошел полный курс подготовки и вполне его усвоил. Синодальный и Декретный своды, финансы, Кодекс провинций и все остальное: надеюсь, вы помните все это? Экзамены он выдержал безупречно. В суть предметов вникает глубоко и вдумчиво. Вдобавок он проявил отвагу. При переходе через равнину он убил малорна. Вам это известно, Диввис? Не просто обошел его, а убил. У него исключительные способности.

— Думаю, что вы правы,— сказал герцог Элзандир Чоргский.— Я выезжал с ним на охоту в леса за Гизельдорном. Передвигается он быстро, с прирожденной грацией. У него очень живой ум, чуткая душа. Он осознает пробелы в своих знаниях и изо всех сил старается их восполнить. Его нужно возвысить без промедления.

— Немыслимо! — воскликнул Диввис, сердито хлопнув несколько раз ладонью по столу.— Безумие какое-то!

— Спокойно, спокойно,— урезонил его Миригант.— Вам не подобает так кричать, Диввис.

— Юноша слишком молод, чтобы стать принцем!

— И не будем забывать,— добавил герцог Халанкский,— что он низкого происхождения.

Стазилейн негромко спросил:

— Сколько ему лет, Элидат?

Высокий советник пожал плечами.

— Двадцать. Может быть, двадцать один. Молод, согласен. Но ребенком его едва ли можно назвать.

— Вы сами только что назвали его «юношей»,— заметил герцог Халанкский.

Элидат развел руками.

— Оборот речи, ничего более. Да, признаю: выглядит он совсем юным. Но лишь по причине худощавости и невысокого роста. Да, вид у него, пожалуй, мальчишеский: но он не мальчик.

— Но еще и не мужчина,— отметил принц Манганот Банглкодский.

— И как же вы это определили? — поинтересовался Стазилейн.

— Посмотрите вокруг,— сказал принц Манганот.— Здесь вы увидите немало признаков мужественности. Взять вас, Стазилейн: любой распознает в вас силу. Стоит вам только пройтись по улицам любого города — пусть то будет Сти, Норморк или Бибирун — просто пройтись, и люди, помимо своей воли, будут оказывать вам почтение, даже не имея представления о вашем титуле или имени. То же самое и Элидат. И Диввис. И Миригант. Мой царственный брат из Дундилмира. Мы — мужчины. Он же — нет.

— Мы — принцы,— сказал Стазилейн,— и являемся таковыми на протяжении многих лет. Длительное осознание нашего положения придает нам стати. Но разве двадцать лет тому назад мы были такими?

— Думаю, что да,— ответил Манганот.

Миригант рассмеялся.

— Я припоминаю некоторых из вас в возрасте Хиссуна. Да, вы были шумливыми и хвастливыми, и если это и есть истинные мужские качества, то тогда вы точно были мужчинами. Но, с другой стороны... полагаю, что...— хотя, на мой взгляд, это совершенно очевидно — стать принца обусловлена лишь самосознанием, и мы надеваем ее на себя, будто плащ. Вот взять, к примеру, наши пышные одеяния... Попробуйте переодеться в крестьянскую одежду и отправьтесь в какой-нибудь портовый город на Зимроэле. И кто там будет вам кланяться? Кто окажет вам почести?

— В нем нет стати принца и никогда не будет,— угрюмо сказал Диввис.— Он всего лишь маленький оборвыш из Лабиринта, и ничего более.

— Я все же категорически возражаю против возвышения никому не известного подростка до нашего положения,— заявил принц Манганот Банглкодский.

— Говорят, Престимиону тоже не хватало родовитости,— отметил герцог Чоргский.— Но его правление, как мне кажется, все же в основном считается успешным.

Почтенный Канталис, племянник Тиевераса, вдруг поднял голову и, нарушив часовое молчание, с изумлением спросил:

— Вы сравниваете его с Престимионом, Элзандир? И чем мы в таком случае занимаемся? Возводим человека в принципат или выбираем короналя?

— Любой принц может стать короналем,— ответил ему Диввис.— Давайте не забывать об этом.

— И нет никакого сомнения в том, что выборы следующего короналя не за горами,— сказал герцог Халанкский.— Просто возмутительно, что Валентин так долго не дает умереть старому понтифексу, но рано или поздно...

— Мы сейчас говорим о другом,— резко перебил его Элидат.

— Думаю, о том же,— возразил Манганот.— Если мы сделаем Хиссуна принцем, то ничто не сможет помешать Валентину усадить его в конце концов на трон Конфалюма.

— Такие домыслы нелепы,— подал голос Миригант.

— Вы так думаете, Миригант? А сколько нелепостей со стороны Валентина мы уже видели? Он берет в жены девочку-жонглерку, делает колдуна-врууна одним из главных министров, окружает себя шайкой бродяг, которые занимают наше место при дворе, в то время как нас попросту отпихнули подальше...

— Выбирайте слова, Манганот,— предупредил Стазилейн.— Тут присутствуют те, кто любит лорда Валентина.

— Здесь нет таких, кто его не любит,— отпарировал Манганот.— Можете не сомневаться, а Миригант с полной ответственностью подтвердит, что после смерти Вориакса я был в числе самых ярых сторонников передачи короны Валентину. Я люблю его не меньше, чем кто бы то ни было. Но любовь не должна быть слепой. Он способен на безрассудство, как и любой из нас. И я утверждаю, что подбирать двадцатилетнего юношу на задворках Лабиринта и делать его принцем по меньшей мере безответственно.

— А сколько лет было вам, Манганот, когда вы стали принцем? Шестнадцать? Восемнадцать? А вам, Диввис? Кажется, семнадцать? А вам, Элидат? — спросил Стазилейн.

— Мы — другое дело,— ответил Диввис.— Мы отличаемся высоким происхождением. Мой отец был короналем; Манганот принадлежит к одному из благороднейших семейств Банглкода. Элидат...

— И все же бесспорно то,— сказал Стазилейн,— что, когда мы были моложе Хиссуна, мы уже обладали этим титулом. Как и сам Валентин. Дело в подготовленности, а не в возрасте. Элидат же заверил нас, что юноша вполне готов.

— Разве мы когда-нибудь возводили в принцы человека из простонародья? — спросил герцог Халанкский.— Умоляю вас, только вдумайтесь: кто такой этот новый принц? Дитя улиц Лабиринта, мальчик-попрошайка или, может быть, даже карманный воришка...

— У вас нет достоверных сведений на этот счет,— резко заметил Стазилейн.— То, что вы говорите, как мне кажется, чистейшая клевета.

— А разве не правда, что он был попрошайкой в Лабиринте, когда Валентин впервые встретил его?

— Тогда он был всего лишь ребенком,— сказал Элзандир.— И истина состоит в том, что уже в десятилетнем возрасте он нанимался в качестве гида и добросовестно отрабатывал свои деньги. Но все это к делу не относится. Нас не должно волновать его прошлое. Мы обязаны принять во внимание настоящее и попытаться предугадать будущее. Корональ попросил нас сделать его принцем, когда, по мнению Элидата, наступит подходящий момент. Элидат говорит нам, что такой момент наступил. Отсюда следует, что всякие споры лишены смысла.

— Нет,— отрезал Диввис.— Мнение Валентина еще не закон. Ему не обойтись без нашего согласия.

— Ага, значит, вы хотите воспротивиться воле короналя? — спросил герцог Чоргский.

— Если так велит мне совесть, то да, так я и поступлю,— после некоторой паузы ответил Диввис.— Непогрешимость Валентина имеет пределы. Иногда я совершенно с ним не согласен. Сейчас как раз такой случай.

— С тех пор, как он переменил тело,— заговорил принц Манганот Банглкодский,— я замечаю перемены в его характере, склонность к романтике, к фантазиям. Возможно, такие черты присутствовали в нем и до узурпации, но никогда не бросались в глаза, а теперь проявляются во всем...

— Достаточно! — раздраженно прервал Элидат.— Нам следовало обсудить назначение, что мы и сделали. Я заканчиваю дебаты. Корональ предлагает нам возвести рыцаря Хиссуна, сына Эльсиномы, в принципат, со всеми привилегиями титула. Как верховный канцлер и регент, я представляю это назначение на ваш суд и отдаю свой голос в его поддержку. Если нет возражений, предлагаю записать, что он возведен в ранг единодушно.

— Я против,— сказал Диввис.

— Против,— поддержал его принц Манганот Банглкодский.

— Против,— присоединился герцог Халанкский.

— Есть ли еще такие,— медленно спросил Элидат,— кто желает оказаться среди выступающих против воли короналя?

Молчавший до сих пор принц Нимиан Дундилмирский теперь объявил:

— В ваших словах, Элидат, содержится скрытая угроза, против чего я возражаю.

— Ваше возражение принимается к сведению, хотя никакой угрозы не подразумевалось. Как вы распорядитесь своим голосом, Нимиан?

— Против.

— Да будет так. Против — четверо, чего явно не хватает для отрицательного решения. Стазилейн, пригласите, пожалуйста, принца Хиссуна в зал совещаний.— Окинув взглядом помещение, Элидат добавил: — Не желает ли кто-либо из тех, кто голосовал против, изменить свое решение? Сейчас подходящий момент.

— Пусть все останется как есть,— сразу же заявил герцог Халанкский.

Принц Банглкодский и Нимиан Дундилмирский тоже отказались присоединиться к большинству.

— А что скажет сын лорда Вориакса? — спросил Элидат.

Диввис улыбнулся.

— Я меняю свое решение. Дело сделано: пускай же оно пользуется моей поддержкой.

При этих словах Манганот привстал с места. Его взгляд выражал изумление, лицо налилось кровью. Он хотел что-то сказать, но Диввис оборвал его жестом и суровым взглядом. Манганот нахмурился, озадаченно покачал головой, однако, не проронив ни слова, опустился обратно в кресло. Герцог Халанкский шепнул что-то принцу Нимиану, тот пожал плечами и ничего не ответил.

Вернулся Стазилейн. Рядом с ним шел Хиссун, одетый в простое белое платье с золотым пятном на левом плече. Его лицо слегка порозовело, глаза возбужденно сверкали, но в целом он выглядел спокойным и сосредоточенным. Элидат провозгласил:

— По представлению короналя лорда Валентина и с одобрения собравшихся здесь высоких лордов мы включаем вас в принципат Маджипура с соответствующими титулами и привилегиями.

Хиссун склонил голову.

— Я несказанно тронут. Невозможно выразить словами всю мою признательность вам за оказанную мне высочайшую честь.

Потом он оглядел всех присутствующих, задержавшись на какой-то миг на Нимиане, Манганоте, на герцоге Халанкском, а потом — уже подольше — на Диввисе, который встретил его взгляд с легкой улыбкой.

Глава 6

Одинокий морской дракон, столь необычно бивший крыльями по воде на закате, оказался предвестником еще более странных явлений. На третьей неделе плавания от Алаизора к Острову Сна справа по борту «Леди Тиин» неожиданно появилась целая стая гигантских чудовищ.

Лоцман Панделюм — женщина-скандар с темно-синей шерстью, которая когда-то охотилась на морских драконов, чтобы добыть средства к пропитанию,— первой заметила их, когда делала астрономические измерения на мостике. Она доложила об этом верховному адмиралу Эйзенхарту, тот поделился новостью с Аутифоном Делиамбером, а последний взял на себя труд разбудить короналя.

Валентин быстро вышел на палубу. К этому времени солнце уже взошло над Алханроэлем и отбрасывало на воду длинные тени. Лоцман подала ему подзорную трубу, он приложил ее к глазу, а Панделюм навела фокус на видневшиеся вдали фигуры.

Поначалу он не увидел ничего, кроме легкой зыби в открытом море, а потом, поведя трубой к северу и напрягая зрение, разглядел морских драконов: очертания темных горбатых туш, с необычайной целеустремленностью плывущих куда-то сомкнутым строем. Время от времени над поверхностью показывалась длинная шея или распрямлялись и трепетали широкие крылья.

— Их, должно быть, не меньше сотни,— изумленно воскликнул Валентин.

— Больше, мой лорд,— отозвалась Панделюм.— Ни разу за все время промысла я не сталкивалась с такой стаей. Видите королей? Их по меньшей мере пять. И еще с полдюжины почти таких же крупных. И десятки коров и молодняка, невозможно сосчитать...

— Вижу,— сказал Валентин. Посреди группы передвигалась небольшая фаланга из животных исполинского размера, полностью погруженных в воду, за исключением рассекавших воду спинных гребней.— Их шесть, на мой взгляд. Какие громадины — даже больше, чем тот, который пустил ко дну «Брангалин», когда я на нем плыл! Да они еще и не в своих водах. Что они здесь делают? Эйзенхарт, вы слышали когда-нибудь, чтобы стаи морских драконов подходили к Острову с этой стороны?

— Ни разу, мой лорд,— сумрачно ответил хьорт.— Я уже тридцать лет плаваю между Нуминором и Алаизором и ни разу не видел ни одного дракона. Ни разу! А тут — целая стая...

— Хвала Повелительнице, они плывут в стороне от нас,— заметил Слит.

— Но как они вообще здесь очутились? — спросил Валентин.

Никто не мог ответить. Казалось, невозможно найти объяснение тому, что побудило морских драконов столь неожиданно изменить древнему обычаю — ведь на протяжении тысячелетий их стаи с завидным постоянством следовали проторенными морскими путями. Каждая стая беспечно выбирала для своих долгих странствий вокруг света один и тот же маршрут, что приводило к большим потерям среди драконов, потому что охотники на драконов из Пилиплока, знавшие, где их искать, ежегодно нападали на них в соответствующее время года. Они устраивали настоящую бойню и нещадно истребляли морских гигантов, поскольку на рынках всего мира можно было с выгодой продать и драконье мясо, и драконий жир, и молоко, и кости, и много-много всяких других, добытых из драконов, продуктов. И все же драконы не отказывались от своих привычек. Иногда перемены ветров, течений или температур могли заставить их отклониться на пару сотен миль к югу или северу от испытанных маршрутов — возможно, из-за того, что перемещались служившие им пищей морские существа. Но сейчас происходило нечто, доселе не виданное:

целая стая драконов огибала восточное побережье Острова Сна и направлялась, очевидно, в полярные районы вместо того, чтобы обогнуть Остров и берега Алханроэля с юга и проследовать в воды Великого океана.

Кроме того, та стая была не единственной. Через пять дней заметили еще одну, поменьше, особей из тридцати. Гигантов среди них не было, и проплыли они милях в двух от эскадры. В опасной близости, по словам адмирала Эйзенхарта: ведь на судах, переправлявших на Остров короналя со свитой, не имелось *никакого мало-мальски серьезного оружия*, а *морские драконы* отличались своенравным характером и недюжинной силой, которую испытали на себе многие злополучные суда, случайно оказавшиеся на их пути в неподходящий момент.

Плыть оставалось шесть недель. В кишащем драконами море такой срок представлялся весьма продолжительным.

— Может быть, нам лучше повернуть назад и предпринять плавание в более подходящее время года,— предложил Тунигорн, никогда до этого не бывавший в море. Еще до встречи с драконами вода не слишком-то радовала его.

Слит тоже проявлял беспокойство по поводу продолжения путешествия; Эйзенхарт имел озабоченный вид; Карабелла подолгу мрачно всматривалась в море, будто ожидая появления дракона прямо перед носом «Леди Тиин». Но Валентин, самым невероятным приключением которого в годы изгнания был случай, когда ему довелось познать на себе всесокрушающую ярость дракона и не только оказаться на борту потопленного чудовищем корабля, но и попасть в пещерообразное чрево гиганта, не хотел и слышать об изменении планов. Он должен посоветоваться с Повелительницей Снов; он должен посетить пораженный эпидемией растений Зимроэль: он чувствовал, что возвращение на Алханроэль стало бы отречением от всей возложенной на него ответственности. Да и вообще, какие имелись основания считать, будто заблудившиеся чудища собираются нанести какой-либо урон эскадре? Они, казалось, были целиком поглощены своими таинственными делами и не обращали никакого внимания на проплывавшие мимо них суда.

Примерно через неделю после второй появилась третья группа драконов, около пятидесяти особей и среди них три поистине исполинские.

— Кажется, вся годовая миграция движется к северу,— заметила Панделюм. Она объяснила, что существует примерно

с десяток отдельных драконьих стай, странствующих вокруг света в разное время. Никто не может сказать точно, сколько продолжается их кругосветное плавание,— вероятно, не менее нескольких десятилетий. Каждая стая по пути разбивается на группы, но все они выдерживают общее направление; вот и теперь большая стая, по всей видимости, решила проторить новую тропу в северном направлении.

Отозвав Делиамбера, Валентин спросил у врууна, что тот чувствует. Бесчисленные щупальца маленького колдуна начали причудливо извиваться, что, как Валентин уже давно догадался, служило признаком крайнего возбуждения. Однако сказал Делиамбер немного:

— Я ощущаю их силу, огромную, могучую. Вы знаете, они отнюдь не глупые животные.

— Не сомневаюсь, что такое тело вполне может обладать и соответствующих размеров мозгом.

— Так оно и есть. Проникая еще дальше, я чувствую их присутствие, величайшую решимость, сильнейшую сплоченность. Но куда они направляются, мой лорд, сказать не могу.

Валентин старался по возможности преуменьшить грозящую им опасность.

— Спой мне балладу о лорде Малиборе,— попросил он Карабеллу как-то вечером, когда они сидели за столом. В ответ на ее удивленный взгляд он улыбнулся, однако продолжал свои настойчивые уговоры, пока в конце концов она не достала миниатюрную арфу. Зазвучала старинная песня:

Лорд Малибор был красив и смел
И бурное море любил.
Он спустился с Горы, ушел от дел,
Охоте себя посвятил.

Драконы владели его душой.
И он построил корабль —
Нарядный и крепкий и шел хорошо —
Красавец, как корональ.

Валентин вспомнил слова и принялся подтягивать:

Лорд Малибор у руля без слова
Стоял и в пучину смотрел:
Дерзкого самого, самого злого
Дракона встретить хотел.

И вот однажды он бросил клич,
И звук задрожал тугой:
«Король драконов, морская дичь,
Эй, выходи на бой!»

Тунигорну явно было не по себе. Он расхаживал по каюте, держа в руке кубок с вином.

— Я думаю, мой лорд, эта песня принесет нам несчастье,— пробормотал он.

— Ничего не бойся,— сказал Валентин.— Спой с нами.

«Я слышу, мой лорд»,— крикнул дракон,
Взбаламутив всю глубину.
Он был двенадцати миль длиной
И трех достигал в ширину.

На палубе бился лорд Малибор,
И кровь ручьями текла.
А сколько народу тогда полегло —
Память не сберегла.

В кают-компанию вошла Панделюм. Приблизившись к столу короналя, она остановилась с выражением некоторого замешательства на заросшем шерстью лице. Валентин жестом пригласил ее присоединиться, но она нахмурилась и встала в стороне.

Но драконий король коварнее был,
Хитрее — молва гласит.
И лорд Малибор, хоть и полный сил,
В конце концов был убит.

Любой охотник, идущий на лов,
Эту быль не забудь.
Моли судьбу, не жалея слов,
Благословить твой путь.

— Что случилось, Панделюм? — спросил Валентин, когда затих последний куплет.

— Драконы, мой лорд, идут с юга.

— Много?

— Очень много, мой лорд.

— Вот видите? — не выдержал Тунигорн.— Мы накликали их этой дурацкой песенкой!

— Тогда споем еще разок, чтобы они оставили нас в покое и следовали своей дорогой,— сказал Валентин и затянул снова:

Лорд Малибор был красив и смел
И бурное море любил...

Новая стая состояла из нескольких сотен особей — обширное сборище морских драконов, вереница поражающих воображение туш. В центре стаи двигались девять громадных королей. Валентин старался не подавать виду, что тревожится, хотя сам ощущал почти осязаемую угрозу, исходившую от этих созданий. Впрочем, драконы проследовали мимо, не подходя к эскадре ближе чем на три мили, и с какой-то сверхъестественной целеустремленностью стремительно скрылись в северном направлении.

Глубокой ночью, когда Валентин спал и разум его, как всегда был открыт для всех откровений, ему привиделся странный сон. Посреди широкой долины, утыканной угловатыми скалами и изъязвленными сухими деревьями без листьев, легкой парящей поступью по направлению к отдаленному морю двигался поток людей. Он обнаружил среди них себя, в таких же, как и у всех, свободных одеждах из воздушной белой ткани, которая развевалась сама по себе, хотя в воздухе не чувствовалось ни дуновения. Никто из окружающих не казался ему знакомым, но в то же время у него не было ощущения, что он находится среди чужаков: он знал, что тесно связан с этими людьми, что они его попутчики в неких странствиях, продолжавшихся многие месяцы, возможно, годы. А теперь путешествие подходит к своему завершению.

Впереди раскинулось море, переливающееся всеми оттенками цветов; поверхность его колыхалась то ли из-за движений исполинских созданий под водой, то ли из-за притяжения луны, огромным янтарным диском зависшей в небе. Могучие волны изогнутыми хрустально прозрачными когтями вздымались и отступали в мертвой тишине, невесомо ударяя сверкающую сушу, как если бы они были вовсе не волнами, а лишь призраками волн. А вдали от берега за всей этой круговертью вырисовывался в воде темный массивный силуэт.

То был морской дракон, которого называли драконом лорда Кинникена, считающийся крупнейшим среди своих собратьев. Его никогда не касался гарпун охотника. От гигантской вытянутой спины с костяным гребнем исходило ослепительное сияние — чудесный мерцающий аметистовый свет, заполняющий небо и окрашивающий воду в темно-фиолетовые тона. Безостановочно и торжественно разносившийся вокруг колокольный звон проникал повсюду, заполняя души и мрачным трезвоном грозя расколоть мир на две части.

Дракон неудержимо двигался к берегу; его гигантская пасть разверзлась, подобно входу в пещеру.

— Наконец пришел мой час,— слышится голос короля драконов,— и вы принадлежите мне.

Странники, привлеченные и завороженные исходящим от дракона ослепительным пульсирующим свечением, парят в сторону моря, в направлении разверстой пасти.

— Да. Да-а-а. Придите ко мне. Я — водяной король Маазмурн, и вы принадлежите мне!

Теперь дракон достигает отмели, волны расступаются перед ним, и он легко выходит на берег. Перезвон колоколов становится еще громче: ужасный звук неумолимо заполняет атмосферу, давит на нее, и с каждым новым ударом воздух становится гуще, тягучее, теплее. Драконий король расправляет колоссальные крылообразные плавники, растущие из утолщений за его головой, и с их помощью совершает стремительный бросок вперед, на морской песок. Едва его массивное тело оказывается на суше, первые странники без колебаний входят в титаническую утробу и исчезают; а за ними следуют и остальные нескончаемой вереницей добровольных жертв, стремящихся к дракону, в то время как он ползет им навстречу.

И они входят, и гигантская пасть поглощает их, и Валентин находится среди них, и он спускается глубоко в бездну драконьего чрева. Он попадает в бесконечное замкнутое пространство и видит, что оно уже заполнено неисчислимым множеством — миллионами, миллиардами — проглоченных, в числе которых люди и скандары, врууны и хьорты, лиимены и су-сухирисы, гэйроги... все великое множество народов Маджипура, запертое в утробе драконьего короля.

Маазмурн продолжает двигаться вперед, все дальше удаляясь от моря и все с большей жадностью заглатывая мир: он поглощает города и горы, континенты и моря, полностью вбирает в себя необъятный Маджипур... И тогда он ложится, свернувшись кольцами вокруг планеты, словно некая исполинская змея, заключившая в своей утробе какое-то существо вселенского размера.

Колокола вызванивают триумфальную песнь.

— Вот наконец наступило мое царство!

Когда сон закончился, Валентин не спешил возвращаться в реальность, но позволил себе еще какое-то время плыть в полудреме обостренного восприятия и продолжал лежать тихо и спо-

койно, восстанавливая в памяти сон, вновь входя во всепожирающую пасть, пытаясь растолковать видение.

С первыми лучами утреннего света к нему возвратилось сознание. Карабелла не спала и лежала рядом, наблюдая за ним. Он обнял ее за плечи и игриво положил ладонь ей на грудь.

— Это было послание? — спросила она.

— Нет, я не ощущал присутствия ни Повелительницы, ни Короля.— Он улыбнулся.— Ты всегда знаешь, когда мне снятся сны, верно?

— Я видела, что тебе что-то снится. Твои глаза двигались под веками, губы шевелились, а ноздри раздувались, как у загнанного зверя.

— У меня был встревоженный вид?

— Нет, вовсе нет. Поначалу ты вроде бы хмурился, но потом улыбнулся, и на тебя снизошло великое спокойствие, будто ты идешь наветречу предопределенной судьбе и полностью ее принимаешь.

— Ага, как раз в тот момент, когда меня опять глотал морской дракон! — рассмеялся Валентин.

— Твой сон был об этом?

— Приблизительно. Впрочем, все происходило не совсем так. На берег выбрался дракон Кинникена, и я зашел прямо в его утробу. Как мне показалось, вместе со всеми остальными обитателями планеты. А потом он проглотил и весь мир.

— И ты можешь растолковать свой сон?

— Лишь отдельные места,— ответил он.— А смысл в целом ускользает от меня.

Он понимал, что было бы слишком просто счесть сон лишь отзвуком событий прошлых лет,— будто включаешь волшебный куб и видишь воспроизведение того необычного происшествия времен изгнания, когда его действительно проглотил морской дракон после кораблекрушения у берегов архипелага Родамаунт, а попавшая в драконий плен одновременно с ним Лизамон Халтин пробила путь к свободе сквозь пропитанные ворванью потроха чудовища. Даже ребенку известно, что не следует воспринимать сон как буквальное воспроизведение биографических подробностей.

Не находил он оснований и для выхода на более глубокий уровень постижения, кроме разве что простого до банальности толкования: наблюдаемые им в течение последнего времени перемещения морских драконов служат еще одним предупреждением о том, что мир в опасности, что какие-то могучие силы угрожают стабильности государства. Это было ему уже известно, и лишних подтверждений не требовалось. Но почему именно морские драконы? Какая засевшая в его голове метафора превратила морских млекопитающих в чудовищ, угрожающих поглотить весь мир?

Карабелла заметила:

— Мне кажется, ты просто устал. Отвлекись, подумай о чем-нибудь другом, и тогда в какой-то момент значение сна прояснится само. Ну как? Пойдем на палубу?

В последующие дни он больше не видел драконьих стад — лишь несколько отставших одиночек, а потом и они перестали появляться. Да и во сне Валентина больше не тревожили угрожающие образы. На море царило спокойствие, небо было ярким и чистым, с востока дул попутный ветер. Валентин подолгу в одиночестве простаивал на мостике и всматривался в даль; и вот пришел день, когда среди морской пустыни над горизонтом вдруг показались ослепительно белые щиты меловых утесов Острова Сна — самого священного и мирного места на всем Маджипуре, прибежища милосердной Хозяйкой Острова.

Глава 7

Поместье полностью опустело. Ушли все полевые работники Этована Элакки и большая часть домашней прислуги. Никто из них не позаботился даже о том, чтобы официально уведомить его об уходе, даже ради получения причитающегося жалованья: они просто улизнули тайком, будто страшились хоть на час задержаться в зараженной зоне или боялись, что он сможет изыскать какой-то способ принудить их остаться.

Симуст, десятник из гэйрогов, все еще сохранял верность хозяину, равно как и его жена Ксхама, старшая кухарка Этована Элакки, да еще две-три горничные и несколько садовников. Этован Элакка не слишком расстраивался из-за бегства остальных — ведь как ни крути, а работы для большинства из них не осталось, да и платить полное жалованье он был не в состоянии, поскольку на рынок вывозить нечего. Кроме того, если слухи

о растущих перебоях с продуктами по всей провинции верны, рано или поздно возникли бы сложности даже с пропитанием. И все же их уход он воспринял как упрек. Как их хозяин, он отвечал за их благополучие и поделился бы с ними всем, что имел. Почему они так стремились уйти? Неужели эти работники и садовники надеялись найти работу в сельскохозяйственном центре Фалкинкипа, куда они предположительно направились? Как странно было видеть таким тихим поместье, где когда-то кипела жизнь! Этован Элакка ощущал себя королем, чьи подданные отказались от гражданства и перебрались в другую страну, оставив его бродить по опустевшему дворцу и отдавать бессмысленные распоряжения, которые некому исполнять.

Как бы то ни было, он старался жить в соответствии со своими привычками. Некоторые из них остаются неизменными даже в самые мрачные времена.

До выпадения пурпурного дождя Этован Элакка вставал каждое утро задолго до восхода солнца и в предрассветный час выходил в сад для небольшого моциона. Он всегда следовал одним и тем же маршрутом: от алабандиновой рощи к танигалам, затем налево — в тенистый уголок, где пучками растут караманги, прямо к пышному изобилию дерева тагимоль, из короткого приземистого ствола которого на высоту от шестидесяти футов и выше поднимаются изящные отростки, усыпанные ароматными, голубовато-зелеными цветами. Потом он приветствовал плотоядные растения, кивал сверкающим кинжальным деревьям, останавливался послушать поющий папоротник и выходил наконец к границе из ослепительно желтых мангахоновых кустов, отделявших сад от плантаций. Отсюда были хорошо видны располагавшиеся вдоль пологого подъема посадки стаджи, глейна, хингаморта и нийка.

На плантациях не осталось ничего, сад почти опустел, но Этован Элакка по-прежнему совершал утренние обходы, задерживаясь возле каждого мертвого дерева и почерневшего растения точно так же, как если бы они были живы и вот-вот собирались расцвести. Он понимал, что ведет себя нелепо и что любой, кто увидит его за этим занятием, наверняка скажет: «Несчастный сумасшедший старик! Горе лишило его рассудка». Ну и пусть себе болтают. Этован Элакка никогда не придавал особого значения тому, что о нем говорят, а сейчас это значило еще меньше.

Возможно, он и впрямь сошел с ума, хотя сам так не считал. Он все равно будет продолжать свои утренние прогулки — а иначе что здесь еще делать?

В течение первой недели после смертоносного дождя его садовники хотели удалять каждое погибшее дерево, но он запретил их трогать, поскольку надеялся, что многие из растений лишь повреждены, а не умерли, и вновь оживут, как только прекратится воздействие отравы, принесенной пурпурным дождем. Через некоторое время даже Этован Элакка понял, что большая часть растений погибла и что из этих корней уже не появится новая жизнь. К тому времени садовники стали потихоньку пропадать, и вскоре их осталось так мало, что они едва успевали ухаживать за выжившей частью сада, не говоря уже об уборке мертвых растений. Поначалу он решил, что сможет в одиночку справиться с этой скорбной задачей, но объем работ был невообразимо огромным, и он предпочел оставить все как есть: пускай погибший сад служит своего рода надгробным памятником былой красоте.

Через несколько месяцев после пурпурного дождя, прогуливаясь как-то утром по саду, Этован Элакка обнаружил любопытный предмет, торчавший из земли у основания пиннины: отполированный зуб какого-то крупного животного. При длине в пять-шесть дюймов тот был острым, как кинжал. Он вытащил его, озадаченно повертел в руках и сунул в карман. Чуть подальше, среди муорн, он нашел еще два зуба таких же размеров, воткнутые в землю примерно в десяти футах друг от друга; взглянув вверх по склону в сторону полей мертвой стаджи, он увидел еще три зуба, все на одинаковом расстоянии один от другого. Чуть дальше виднелась новая троица — все зубы были выложены по большому участку его земли в виде ромба.

Он быстро вернулся в дом. Ксхама готовила завтрак.

— Где Симуст?

— В нийковой роще, господин,— не оборачиваясь ответила женщина-гэйрог.

— Нийки давно мертвы, Ксхама.

— Да, господин. Но он в нийковой роще. Он там всю ночь, господин.

— Сходи за ним, скажи, что я хочу его видеть.

— Он не придет, господин. А если я уйду, пища пригорит.

Ошеломленный ее отказом, Этован Элакка не нашелся что сказать. Потом, немного поразмыслив, пришел к выводу, что во времена таких перемен и не то еще будет, отрывисто кивнул и опять вышел на улицу, не произнеся ни слова.

Со всей возможной скоростью он взобрался по склону, миновав вызывающее уныние море пожелтевших скрюченных побегов стаджи, голые кусты глейна, а также нечто сухое и бесцветное, что было когда-то хингамортами, и достиг нийковой рощи. Мертвые деревья были настолько легкими, что сильный ветер без особого труда выворачивал их вместе с корнями, поэтому в большинстве своем лежали на земле, а остальные стояли под разными углами, будто какой-то великан играючи смахнул их тыльной стороной ладони. Этован Элакка не сразу нашел Симуста, но потом разглядел его: десятник бродил по опушке рощи от одного наклоненного дерева к другому, время от времени останавливаясь и заваливая какое-нибудь из них. И так он провел всю ночь. Поскольку сон гэйрогов ограничивается несколькими месяцами спячки в году, Этована Элакку никогда не удивляло, что Симуст работал ночью, но такие бесцельные действия — это на него не похоже.

— Симуст!

— Это вы, господин? Доброе утро, господин.

— Ксхама сказала, что вы здесь. С вами все в порядке, Симуст?

— Да, господин. У меня все хорошо, господин.

— Вы уверены?

— Очень хорошо, господин. Очень.— Но в голосе Симуста недоставало убедительности.

— Вы не спуститесь? Я хочу вам кое-что показать.

Казалось, гэйрог тщательно взвешивает это предложение. Потом он медленно спустился до того уровня, где его поджидал Этован Элакка. Змееобразные завитки его волос, которые не ведали полной неподвижности, сейчас судорожно дергались, а от мощного чешуйчатого тела исходил запах, который, насколько мог судить Этован Элакка, уже давно знакомый с ароматами гэйрогов, свидетельствовал о тяжелых страданиях и дурных предчувствиях. Симуст работал у него двадцать лет, но никогда раньше Этован Элакка не ощущал, чтобы от него так пахло.

— Да, господин?

— Что вас тревожит, Симуст?

— Ничего, господин. У меня все хорошо, господин. Вы хотели мне что-то показать?

— Вот,— сказал Этован Элакка, доставая из кармана продолговатый заостряющийся к концу зуб, который обнаружил у основания пиннины. Он протянул его Симусту и объяснил: — Я нашел это примерно полчаса назад, когда обходил сад. Я хотел узнать, известно ли вам что-нибудь о таких штуковинах.

Зеленые без век глаза Симуста беспокойно мерцали.

— Это зуб молодого морского дракона, господин. Так я думаю.

— Точно?

— Абсолютно, господин. Там были еще?

— Да, кажется, штук восемь.

Симуст очертил в воздухе ромб.

— Они были расположены вот так?

— Да,— нахмурившись, ответил Этован Элакка.— А откуда вы знаете?

— Так всегда бывает. Ах, господин, нам грозит опасность, большая опасность.

Этована Элакку начинало охватывать раздражение.

— Вы что, специально туману напускаете? Какая такая опасность? От кого? Ради всего святого, Симуст, расскажите толком, что вы знаете.

Запах гэйрога стал еще более едким: он выражал смятение, страх, замешательство. Симуст, казалось, с трудом подбирает слова. После продолжительного молчания он спросил:

— Господин, вам известно, куда подевались те, кто работал у вас?

— В Фалкинкип, я полагаю, чтобы подыскать работу на фермах. Но что...

— Нет, не в Фалкинкип, господин. Дальше на запад. Они отправились в Пидруид. Ждать появления драконов.

— Что?

— Когда наступит преображение.

— Симуст!..

Этован Элакка ощутил прилив гнева, что с ним за всю его долгую размеренную жизнь случалось крайне редко.

— Я знать не знаю ни о каком преображении,— сказал он с плохо скрываемой яростью.

— Я расскажу вам, господин. Я все вам расскажу.

Гэйрог немного помолчал, как бы собираясь с мыслями. Потом глубоко вздохнул и начал:

— Есть одно старое поверье, господин, будто в определенное время на Маджипур обрушится страшная беда и всю планету охватит смятение. И тогда — так говорят — морские драконы выйдут из моря, пойдут в глубь суши и провозгласят новое царство, а также произведут огромные преобразования в нашем мире. И то время станет временем преображения.

— И чья же это фантазия?

— Да, господин, фантазия — подходящее слово. Или легенда, или сказка, как вам больше нравится. Пустая выдумка. Мы понимаем, что драконы не могут выбраться из моря. Но это поверье распространено повсюду, и многие люди обретают в нем успокоение.

— И кто же это?

— В основном бедняки. Преимущественно лиимены, хотя у них находятся единоверцы и среди других народов. Я слышал, например, о том, что некоторая часть хьортов и кое-кто из скандаров придерживаются того же мнения. Аристократы вроде вас, господин, не слишком прислушиваются к нему. Но я точно знаю, что сейчас многие говорят, будто пришел час преображения, что болезни растений и недостаток пищи — его первые знаки, что корональ и понтифекс скоро исчезнут и начнется правление водяных драконов. И те, кто во все это верит, господин, сейчас направляются в прибрежные города — в Пидруид, Нарабаль, Тил-омон,— чтобы не пропустить выхода драконов на берег и поклониться им. Это правда, господин. Это происходит по всей провинции и, насколько я знаю, во всем мире. Миллионы начали движение к морю.

— Поразительно,— сказал Этован Элакка.— Насколько я слеп здесь, в своем маленьком мирке! — Он провел пальцем по всей длине драконьего зуба до заостренного кончика, легонько надавил на него и не ощутил боли.— А это? Для чего он тут?

— Насколько я понимаю, господин, их помещают в разных местах в качестве символов преображения, а также вешек, показывающих путь к побережью. Впереди великого множества странников, идущих к западу, передвигаются разведчики и расставляют зубы, чтобы остальные не сбились с пути.

— А как они узнают, где помещать зубы?

— Они знают, господин. Не могу вам сказать откуда. Возможно, знание приходит к ним в сновидениях. Возможно, сами водяные короли передают им послания, подобно Хозяйке Острова или Королю Снов.

— Значит, в ближайшем будущем нас ожидает нашествие орды странников?

— Думаю, что так, господин.

Этован Элакка похлопал зубом по ладони.

— Симуст, а зачем вы провели всю ночь в нийковой роще?

— Пытался собраться с духом, чтобы рассказать вам все, господин.

— А почему вам потребовалось собираться с духом?

— Потому что, я думаю, нам нужно бежать отсюда, господин; я знаю, что вы не захотите это сделать, а я не хочу вас бросать, но и умирать тоже не хочу. А я думаю, что мы погибнем, если останемся здесь.

— Вы знали о зубах дракона в саду?

— Я видел, как их расставляли. Я разговаривал с разведчиками.

— Вон что. Когда же?

— В полночь, господин. Их было трое: два лиимена и один хьорт. Они сказали, что этим путем пройдут четыреста тысяч из восточных земель ущелья.

— Четыреста тысяч пройдут по моей земле?

— Полагаю, что да, господин.

— Да здесь же ничего не останется! Это будет похоже на нашествие саранчи. Они уничтожат имеющиеся у нас запасы провизии, наверняка разграбят дом и убьют всех, кто встанет на пути. Не со зла, нет, а просто в состоянии всеобщей истерии. Как, по-вашему, я прав?

— Да, господин.

— И когда же они здесь появятся?

— Через два, может быть, через три дня, как они сказали.

— Тогда вам с Ксхамой нужно уходить сегодня же утром. И всем остальным тоже. Думаю, в Фалкинкип. Вы должны добраться до Фалкинкипа прежде, чем появится вся эта толпа. Только тогда вы будете в безопасности.

— А вы не уйдете, господин?

— Нет.

— Господин, умоляю...

— Нет, Симуст.

— Вы наверняка погибнете!

— Я уже погиб, Симуст. Зачем мне бежать в Фалкинкип? Что я буду там делать? Я уже погиб, Симуст, неужели вам не понятно? Я — всего лишь собственный призрак.

— Господин... господин...

— Времени терять нельзя. Вам надо было забирать жену и уходить в полночь, когда вы увидели, как они расставляют зубы. Идите. Уходите сейчас же.

Этован Элакка развернулся и спустился по склону, а проходя через сад, воткнул драконий зуб туда, где нашел его, у основания пиннины.

Тем же утром гэйрог и его жена пришли к нему и умоляли уйти вместе с ними — Этован Элакка еще ни разу не видел, чтобы гэйроги были настолько близки к тому, чтобы расплакаться, хотя они лишены слезных желез,— но он твердо стоял на своем, и в конце концов они ушли без него. Потом он созвал всех, кто еще сохранял ему верность, и отпустил их, раздав им все деньги, что имелись у него на руках, и значительную часть провизии из кладовых.

Вечером он впервые в жизни сам приготовил себе ужин. Для новичка получилось неплохо. Потом он открыл последнюю бутылку вина урожая времен метеоритного дождя и выпил гораздо больше, чем мог бы себе позволить при обычных обстоятельствах. Происходящее в мире казалось ему очень странным и с трудом поддающимся восприятию, но после вина все стало проще. Сколько тысячелетий царил на Маджипуре мир! Каким приятным местом была эта планета! Как гладко здесь текла жизнь! Кораль и понтифекс, кораль и понтифекс — ничем не нарушаемый порядок перемещения с Замковой горы в Лабиринт. И правили они всегда с согласия многих на благо всех, хотя, конечно, кто-то получал благ больше, чем другие,— но никто не голодал, никто не испытывал нужды. А теперь всему приходит конец. С небес падает отравленный дождь, сады погибают, урожай уничтожен, начинается голод, появляются новые религии, обезумевшие толпы ползут к морю. Знает ли об этом кораль? А Хозяйка Острова? А Король Снов? Что делается для того, чтобы все исправить? Что можно сделать? Помогут ли светлые сны, навеянные Повелительницей, наполнить пустые желудки? По силам ли грозным видениям, ниспосланным Королем, повернуть вспять толпы? Сможет ли понтифекс, если он вообще существует, выйти из Лабиринта и обратиться ко всем с проникновенным воззванием? Проедет ли кораль от провинции к провинции, призывая к терпению? Нет, нет и еще раз нет. Все кончено, подумал Этован Элакка. Как жаль, что все это происходит не двадцатью, тридцатью годами позже, чтобы я мог спокойно умереть в своем саду, в цветущем саду. Он не смыкал глаз ночь напролет: все было спокойно. Утром ему показалось, что он слышит неясный рокот орды, приближающейся с востока. Он прошелся по дому, открывая все запертые двери, чтобы бродяги причинили зданию как можно меньше ущерба, рыская здесь в поисках пищи и вина. Дом был очень красивый, и он надеялся, что с ним ничего не случится.

Потом он погулял по саду среди скрюченных и почерневших растений. Он обнаружил, что после смертоносного дождя их осталось гораздо больше, чем ему казалось, поскольку в течение последних мрачных месяцев его взор обращался лишь в сторону опустошений, но вот, плотоядные растения все еще цветут, а с ними — деревья ночных цветов, несколько андродрагм, двикки, сихорнские лозы и даже хрупкие ножевые деревья. Он бродил среди них в течение нескольких часов, подумывая о том, чтобы отдаться одному из плотоядных растений... но нет, это будет некрасивая смерть, медленная, кровавая и неизящная, а ему хотелось, чтобы о нем сказали — даже если и некому будет говорить,— что он до конца сохранил элегантность. Тогда он пошел к сихорнским лозам, увешанным незрелыми, желтыми плодами. Спелые сихорны — один из изысканнейших деликатесов, но желтый плод налит смертоносными алкалоидами.

Этован Элакка довольно долго стоял возле лозы. Он не испытывал ни малейшего страха, просто был еще не совсем готов. И вдруг до него донесся гул голосов, на этот раз уже не воображаемый,— резкие голоса городских жителей. Благоухающий ветер доносил эти звуки с востока. Вот теперь он был готов. Конечно, гораздо учтивее было бы дождаться их и предложить гостеприимство в своем поместье, лучшие вина и обед, какой он только мог позволить; но без прислуги он не смог бы сыграть роль радушного хозяина, да и вообще недолюбливал горожан, особенно когда те являлись непрошеными. В последний раз взгля-

нув на двикки, ножевые деревья и единственную каким-то чудом выжившую халатингу, он предал свою душу на милость Повелительницы и почувствовал, что на глаза навернулись слезы. Однако таким, как он, плакать не подобает. Этован Элакка поднес к губам желтый сихорн и решительно вонзил зубы в жесткий, незрелый плод.

Глава 8

Прежде чем готовить обед, Эльсинома решила лишь немного отдохнуть. Но не успела она прилечь, как словно провалилась в глубокий сон — в туманное царство желтых теней и расплывчатых розовых холмов. Короткая предобеденная передышка едва ли предполагала получение послания, однако, когда сон накрепко смежил ее веки, Эльсинома ощутила в душе легкое давление, предвещавшее появление Повелительницы Снов.

В последнее время Эльсинома постоянно уставала. Никогда ей не приходилось работать так тяжко, как в последние несколько дней. После того как весть о несчастье в западном Зимроэле достигла Лабиринта, все дни напролет кафе было переполнено возбужденными чиновниками понтифексата: за парой кубков мулдемарского или золотистого дюлорнского — столь сильное душевное волнение могли успокоить только лучшие вина — они обменивались здесь свежими новостями. Эльсинома не знала ни минуты передышки, без конца проверяла и перепроверяла свои записи, посылала к виноторговцам за новыми бочками взамен опустевших. Поначалу ей даже нравилось чувствовать себя участницей исторических событий, но вскоре она совершенно выбилась из сил.

Засыпая, она думала о Хиссуне, о принце Хиссуне. Как же трудно свыкнуться с тем, что ее сын — принц! Уже несколько месяцев от него не приходило ни единой весточки — после того ошеломляющего письма, больше походившего на сон: в нем он сообщал, что принят в высший круг аристократов в Замке. Образ Хиссуна в ее воображении постепенно начинал терять черты реальности. Она представляла его не маленьким мальчиком, быстроглазым и смышленым, который когда-то доставлял ей столько радости, служил утешением и опорой, но незнакомцем в богатых одеждах, проводившим свои дни в беседах с сильными мира сего,

принимающим решения, от которых зависит судьба всей планеты. Хиссун виделся ей за огромным столом, отполированным до зеркального блеска, среди людей постарше — их черты вырисовывались неясно, но от них тем не менее исходило ощущение знатности и власти — и все они внимательно слушали Хиссуна. Затем картина исчезла, и Эльсинома увидела желтые облака и розовые холмы. Повелительница Снов вошла в ее душу.

Это было самое короткое из посланий. Эльсинома находилась на Острове — она догадалась по белым утесам и отвесным террасам, хотя никогда там и не была и вообще никогда не выходила из Лабиринта — и проплывала через сад, поначалу показавшийся ухоженным и воздушным, а потом вдруг ставший в мгновение ока темным и безмерно разросшимся. Рядом с ней была Повелительница Снов, темноволосая женщина в белых одеждах, выглядевшая печальной и усталой, совсем не похожей на ту уверенную в себе, доброжелательную, внушающую спокойствие даму, которую Эльсинома видела в предыдущих посланиях: заботы пригнули ее к земле, глаза потускнели, движения были неуверенными.

— Дай мне твои силы,— прошептала Повелительница Снов.

«Но так не должно быть»,— подумала Эльсинома. Ведь Повелительница Снов приходит, чтобы вдохнуть в нас силы, а не отнять их. Однако Эльсинома из сна не испытывала ни малейших колебаний. Она была рослой и полной сил, ее голову и плечи обрамлял светящийся ореол. Она привлекла к себе Повелительницу Снов, крепко прижала к груди, и та вздохнула, и казалось, будто неведомая боль покидает ее. Затем женщины отстранились друг от друга, и Повелительница Снов, от которой теперь исходило такое же сияние, как и от Эльсиномы, послала Эльсиноме воздушный поцелуй и исчезла.

Сон закончился. Эльсинома внезапно проснулась и увидела знакомые унылые стены своего жилища во дворе Гуаделума. Впечатление от послания еще сохранялось, но раньше каждое послание оставляло в ее душе ощущение новых целей, как-то изменяло жизнь; тут же — ничего, кроме тайны. Смысл послания оставался за пределами понимания Эльсиномы, но, подумала она, через денек-другой, возможно, все разъяснится само собой.

В комнате дочерей раздался странный звук.

— Эйлимур? Мараун?

Ни одна не ответила. Эльсинома вошла к ним и увидела, что они склонились над каким-то небольшим предметом, который Мараун быстро спрятала за спину.

— Что это у вас?

— Ничего, мама. Просто маленькая вещичка.

— Что за вещичка?

— Так, безделушка.

Что-то в голосе Мараун заставило Эльсиному насторожиться.

— Дай посмотреть.

— Ну правда, ничего особенного.

— Покажи.

Мараун бросила быстрый взгляд в сторону старшей сестры. Эйлимур, вид у которой был встревоженный и смущенный, лишь пожала плечами.

— Это личное, мама. Неужели у девушки не может быть ничего личного? — попыталась защититься Мараун.

Эльсинома протянула руку. Мараун вытащила из-за спины и с явной неохотой подала матери небольшой зуб морского дракона. Большая часть его поверхности была покрыта резьбой, изображавшей какие-то незнакомые, вызывающие неосознанное беспокойство знаки — причудливые, вытянутые, остроугольные. Эльсиноме, все еще находившейся под влиянием странного послания, амулет показался зловещим и источающим угрозу.

— Где ты его взяла?

— Они есть у всех, мама.

— Я спрашиваю, откуда он у тебя.

— От Ванимуна. Вообще-то, от сестры Ванимуна Шулэйр. Но она взяла у него. Можно забрать?

— А ты понимаешь, что он означает? — спросила Эльсинома.

— Что означает?

— Именно это я и спрашиваю. Что он означает?

— Ничего. Просто безделушка,— пожав плечами, ответила Мараун.— Я собиралась проделать в нем дырочку и носить на шее.

— И ты думаешь, что я тебе поверю?

Мараун промолчала.

— Мама, я...— Эйлимур запнулась.

— Продолжай.

— Это причуда, и ничего больше. Они есть у всех.

У лиименов появилась новая сумасшедшая идея насчет того, что морские драконы — божества, что они собираются завладеть

миром, а все несчастья последнего времени — предзнаменование того, что должно произойти. И еще говорят, что если мы будем носить зубы дракона, то спасемся, когда они придут.

— Ничего нового тут нет,— ледяным тоном сказала Эльсинома.— Подобные слухи распространяются вот уже несколько столетий, но всегда тайком, шепотом, потому что они нелепы и вдобавок опасны. Морские драконы — всего лишь огромные рыбы. Божество покровительствует нам через посредство короналя, понтифекса и Хозяйки Острова Сна. Вам ясно? Ясно, я спрашиваю?

В гневе она сломала заостренный зуб пополам и швырнула куски Мараун, а та в ответ посмотрела на нее с такой яростью, какой Эльсинома ни разу не видела в глазах дочерей. Она резко повернулась и пошла на кухню. Руки у нее тряслись, тело била дрожь. От покоя, ниспосланного ей посланием Повелительницы, не осталось и следа — сейчас ей казалось, будто после того видения прошли недели.

Глава 9

Вход в гавань Нуминора требовал от лоцмана всего мастерства, поскольку канал был узким, течения — сильными, а на неровном дне иногда за одну ночь намывало песчаные рифы. Но Панделюм стояла на мостике хладнокровно и уверенно, отдавая команды четкими решительными жестами, и королевский флагман, минуя горловину канала, изящно вошел в широкую и безопасную бухту. Это было единственное место на побережье Острова Сна со стороны Алханроэля, где в отвесной меловой стене Первого утеса существовал проход.

— Уже здесь я ощущаю присутствие матери,— сказал Валентин, когда они приготовились сходить на берег.— Она приходит ко мне как приносимый ветром аромат цветущей алабандины.

— Повелительница Снов придет сегодня сюда, чтобы поприветствовать нас? — спросила Карабелла.

— Сильно сомневаюсь,— ответил Валентин.— Обычай требует, чтобы сын приходил к матери, а не наоборот. Она останется во Внутреннем храме и, я полагаю, пришлет за нами своих иерархов.

И действительно, группа иерархов ожидала схода на берег королевской свиты. Лишь одна из этих женщин в золотых с крас-

ным одеяниях была хорошо известна Валентину — суровая седовласая Лоривейд, сопровождавшая его во время войны за восстановление на престоле от Острова до Замка, чтобы обучить практиковавшейся на Острове технике транса и ясновидения. Валентину показалась знакомой еще одна женщина из группы, но он никак не мог ее вспомнить, пока та не назвала его по имени. То была Талинот Исульд, худощавая, загадочная, первая его проводница во время давнего паломничества на Остров. Тогда голова у нее была гладко выбрита, и Валентину никак не удавалось определить, кто же перед ним — женщина (если обратить внимание на изящество черт) или мужчина (если принять во внимание высокий рост). Однако после посвящения во внутреннюю иерархию она отрастила волосы, и теперь длинные шелковистые локоны, такие же золотистые, как и у Валентина, не оставляли никаких сомнений.

— У нас есть новости для вас, мой лорд,— сказала иерарх Лоривейд.— Сообщений много, но боюсь, приятных среди них нет. Но сначала мы должны проводить вас в королевскую резиденцию.

В порту Нуминора стоял дом, известный как Семь Стен. Никто не знал, что это означает, потому что корни названия уходили в седую древность. Он находился на городском валу, выходящем в сторону моря. Фасад его был обращен к Алханроэлю, а обратная сторона выходила на отвесную трехъярусную стену острова. Был он сооружен из массивных блоков темного гранита, добытого в каменоломнях полуострова Стойензар, подогнанных друг к другу столь искусно, что стыки оставались совершенно незаметными. Его единственное предназначение состояло в том, чтобы служить приютом посещающему Остров короналю, и поэтому он пустовал по многу лет. Тем не менее за порядком в доме постоянно следила многочисленная прислуга, как будто корональ мог в любую минуту прибыть без предупреждения и поселиться в своей резиденции.

Дом был очень старым, почти как Замок, и даже старше, насколько смогли выяснить археологи, чем некоторые из существующих на Острове храмов и священных террас. Как гласило предание, его построили по распоряжению матери лорда Стиамота, легендарной леди Тиин, для его приема во время посещения им Острова Сна после завершения войн с метаморфами восемь

тысячелетий тому назад. Кое-кто утверждал, что название «Семь Стен» связано с захоронением в основании здания во время его строительства семи воинов-метаморфов, собственноручно убитых леди Тиин при отражении нападения врага на Остров. Но никаких останков во время многочисленных реконструкций старинного здания обнаружено не было, да и большинство историков считали маловероятным, чтобы леди Тиин, какой бы героической женщиной она ни была, брала в руки оружие в ходе битвы за Остров. По другой легенде, название всему сооружению дала стоявшая когда-то в центральном дворе семигранная часовня, воздвигнутая лордом Стиамотом в честь его матери. Эта часовня, как рассказывают, была разобрана в день смерти лорда Стиамота и переправлена в Алаизор, чтобы стать основанием его гробницы. Но подтверждений тому тоже не имелось, потому что сейчас невозможно было отыскать никаких следов сооружения с семью стенами в центральном дворе, да и сомнительно, чтобы кто-то стал теперь раскапывать гробницу лорда Стиамота, чтобы посмотреть, на чем она стоит. Сам Валентин предпочитал совсем другую версию происхождения названия: «Семь Стен» — это искаженное заимствование из языка меняющих форму, означающее «место, где счищается рыбья чешуя» и относящееся к доисторическим временам, когда на побережье Острова высаживались рыбаки-метаморфы, приплывавшие с Алханроэля. Однако до истины вряд ли удастся когда-либо докопаться.

По прибытии в Семь Стен короналю следовало выполнить определенные ритуалы для перехода из мира деятельного, в котором в основном проходила его жизнь, к миру духовному, где царствовала Хозяйка Острова Сна. На время выполнения этих процедур — ритуального омовения, возжигания благовоний, медитации в келье с воздушными стенами из ажурного мрамора — Валентин оставил Карабеллу читать сообщения, накопившиеся за то время, что он был в море. Но когда он вернулся, очищенный и безмятежный, то по напряженному выражению ее лица сразу же понял, что поторопился с ритуалами, поскольку ему сейчас же придется вернуться в мир действий.

— Что, плохие новости? — спросил он.

— Хуже не бывает, мой лорд.

Она подала ему стопку документов, разложенных так, чтобы уже по верхним листам можно было понять суть наиболее важных из них. Неурожай в семи провинциях. Нехватка продовольствия

во многих районах Зимроэля. Массовое перемещение населения из центральных районов континента к городам на западном побережье. Внезапный рост числа последователей малоизвестной до недавнего прошлого религии, по сути апокалиптической и эсхатологической,— в ее основе лежала вера в сверхъестественную сущность морских драконов, которые скоро выйдут на сушу и возвестят наступление новой эры...

Вид у Валентина был ошеломленный.

— И все за такое короткое время?

— А ведь это только выборочные сообщения, Валентин. Никто не в состоянии сейчас точно сказать, что происходит на самом деле — расстояния огромные, а связь такая ненадежная...

Он взял ее за руку.

— Сбывается все, о чем мне говорили сны. Мрак надвигается, Карабелла, а на его пути стою только я.

— Не забывай о тех, кто рядом с тобой, дорогой.

— Я помню. И благодарен им. Но в самый последний момент я останусь один — и что мне тогда делать? — Он грустно улыбнулся.— Помнишь, когда-то мы жонглировали в Непрерывном цирке в Дюлорне, и до меня только начинало доходить, кто я такой на самом деле. Тогда, разговаривая с Делиамбером, я сказал ему, что меня сбросили с трона, вероятно, по воле Божества и что, возможно, для Маджипура даже лучше, что узурпатор завладел престолом и моим именем, поскольку у меня не было сильного желания становиться королем, а тот, другой, наверное, показал себя способным правителем. Делиамбер совершенно со мной не согласился и сказал, что законный король может быть только один, что им являюсь я и что мне следует вернуться на свое место. «Ты слишком многого от меня требуешь»,— ответил я тогда. «Многого требует история,— возразил он.— В тысяче миров в течение многих тысячелетий история требует, чтобы разумные существа сделали выбор между порядком и анархией, между созиданием и разрушением, между разумом и неразумием.— А потом добавил: — Кому суждено быть короналем, а кому нет имеет значение, очень большое значение, мой лорд». И я никогда не забывал его слова и никогда не забуду.

— И что ты ответил тогда?

— Я сказал «да», потом добавил «возможно», а он заметил: «Ты еще долго будешь колебаться между "да" и "возможно", но в итоге победит "да"». Так оно и случилось, и в результате я

возвратил себе трон. И все равно мы с каждым днем удаляемся все дальше от порядка, созидания и разума и все больше приближаемся к анархии, разрушению и безумию.— Валентин посмотрел на жену с мукой во взгляде.— Что же, Делиамбер ошибся? Имеет ли значение, кому суждено, а кому нет быть короналем? Думаю, я хороший человек, а иногда мне кажется даже, что я хороший правитель; но мир все равно распадается, Карабелла, несмотря на все мои усилия или благодаря им. Не знаю: благодаря или вопреки. Возможно, для всех было бы лучше, если бы я остался бродячим жонглером.

— Ах, Валентин, что за глупости!

— Ты думаешь?

— Неужели ты действительно считаешь, что если бы оставил Доминина Барджазида на троне, то в этом году был бы хороший урожай лусавендры? Разве можно обвинять тебя в недороде на Зимроэле? Это стихийные бедствия, имеющие естественные причины, и ты найдешь разумный способ справиться с ними, поскольку тебе присуща мудрость и ты избран Божеством.

— Я избранник принцев на Замковой горе. Они люди, и им свойственно ошибаться.

— При избрании короналя они выполняют волю Божества. А Божество не предполагало сделать тебя орудием разрушения Маджипура. Эти сообщения серьезны, но не трагичны. Ты просто очень устал. Через несколько дней ты поговоришь с матерью, и она поможет тебе, укрепит твой дух. А потом мы направимся на Зимроэль, и ты восстановишь там мир и порядок.

— Я надеюсь, Карабелла, но...

— Не надеешься, а знаешь, Валентин! Еще раз повторяю, мой лорд: когда вы говорите с такой безысходностью, я с трудом узнаю в вас человека, которого люблю.— Она хлопнула ладонью по стопке сообщений.— Я не умаляю их серьезности, но считаю, что мы можем многое сделать, чтобы разогнать тьму, и сделаем это.

Он медленно кивнул.

— Твои мысли по большей части сходны с моими. Но временами...

— Временами лучше всего вообще не думать.— В дверь постучали.— Прекрасно,— сказала она.— Нас прерывают, и я очень тому рада, потому что устала, любимый, слушать твое нытье.

Она пригласила в комнату Талинот Исульд, и та объявила:

— Мой лорд, Хозяйка Острова явилась и желает видеть вас в Изумрудном зале.

— Матушка здесь? Но я собирался посетить ее завтра во Внутреннем храме!

— Она пришла к вам,— невозмутимо произнесла Талинот Исульд.

Изумрудный зал поражал богатством оттенков: стены из зеленого серпентина, полы из зеленого оникса, вместо окон — панели из зеленого нефрита. В центре зала, между двух огромных танигалов в кадках, стояла Повелительница Снов. Кроме танигалов, усыпанных зелеными с металлическим отливом цветами, здесь ничего не было. Валентин быстро подошел к матери. Она протянула к нему руки, и как только кончики их пальцев соприкоснулись, он ощутил знакомую пульсацию исходящих из нее токов, священную силу, которая за годы личных контактов с миллиардами душ на Маджипуре накапливалась в ней, как весенняя вода накапливается в колодце.

Много раз во сне он разговаривал с матерью, но не видел ее многие годы и не был готов к переменам, произошедшим в ее облике. Она была по-прежнему прекрасна: время не нанесло ущерба ее красоте. Но возраст оставил свой след: черные волосы потускнели, во взгляде стало чуть меньше тепла, кожа ее, казалось, несколько утратила упругость. И все же в своем чудесном белом одеянии, с цветком за ухом, с серебряным обручем — знаком ее власти — на челе Повелительница была восхитительна, как и всегда. Она являла собой воплощение изящества и величественности, силы и безграничного сострадания.

— Матушка! Наконец-то!

— Как долго мы не виделись, Валентин! Сколько лет прошло!

Она легонько прикоснулась к его лицу, плечам, рукам. Это прикосновение было легче перышка, но сила Повелительницы Снов была такова, что по всему его телу прошел трепет. Он заставил себя вспомнить, что она не богиня, а всего лишь простая смертная — дочь смертных родителей, супруга верховного канцлера Дамиандейна, мать двух сыновей, одним из которых является он сам; что когда-то она держала его у груди и пела ему нежные песни, утирала ему лицо, когда он приходил после детских игр, что свои мальчишеские обиды он оплакивал, уткнувшись в ее ладо-

ни, и находил в ней утешение и мудрость. Все это было давно, как будто в какой-то другой жизни. Когда жезл Божества указал на семью верховного канцлера Дамиандейна и вознес Вориакса на трон Конфалюма, мать нового короналя стала Хозяйкой Острова Сна, и никто даже в их семье не имел права считать их отныне простыми смертными. И тогда, и после Валентин уже не мог заставить себя думать о ней просто как о своей матери. Надев серебряный обруч и обосновавшись на Острове во всем величии Повелительницы Снов, те утешение и мудрость, которыми раньше делилась с ним, она отдавала теперь всему миру, взиравшему на нее с благоговением и надеждой. И даже когда взмах того же жезла вознес Валентина на место Вориакса, и он тоже в какой-то мере поднялся над царством обыденности и стал чем-то большим, чем простой смертный, некой мифической фигурой, он все равно сохранил благоговение перед ней, поскольку не испытывал ни малейшего благоговения по отношению к себе, даже будучи короналем, и не мог заставить себя проникнуться к собственной персоне тем же пиететом, что и остальные к нему или он к Хозяйке Острова Сна.

Однако, прежде чем обратиться к высоким материям, они поговорили о семейных делах. Он рассказал ей все, что знал, о ее сестре Галиаре и брате Сэйте из Сти, о Диввисе, Мириганте, дочерях Вориакса. Она спрашивала его, часто ли он бывает в старых родовых землях в Халанксе, хорошо ли ему в Замке, по-прежнему ли они с Карабеллой близки и любят друг друга. Внутреннее напряжение оставило Валентина, и на какой-то миг он почувствовал себя обыкновенным мелким аристократом с Горы, находящимся с визитом в гостях у своей матушки, которая переселилась в другое место, но по-прежнему с интересом выслушивает домашние новости. Однако надолго забыть о их положении было невозможно, и, когда в разговоре начали ощущаться натянутость и напряженность, он заговорил уже совсем другим тоном:

— Было бы лучше, если бы я пришел к тебе, матушка, как подобает. Негоже Хозяйке Острова Сна спускаться из Внутреннего храма, чтобы нанести визит в Семь Стен.

— Сейчас эти формальности лишены смысла. События накатываются лавиной: необходимо действовать.

— Так тебе известны новости с Зимроэля?

— Конечно.— Она прикоснулась к обручу.— Он со скоростью мысли приносит мне вести отовсюду. О, Валентин, какое неудачное время для нашей встречи! Когда ты начинал процессию, я ожидала встретить тебя здесь веселым и радостным, и вот ты со мной, а я ощущаю в тебе только боль, сомнение и страх перед грядущим.

— Что ты видишь, матушка? Что должно случиться?

— Ты думаешь, что у меня есть возможность узнавать будущее?

— Ты очень отчетливо видишь настоящее. Ты же говоришь, что получаешь вести отовсюду.

— То, что я вижу, скрыто пеленой мрака. В мире происходит нечто, выходящее за пределы моего понимания. Установленный общественный порядок вновь под угрозой. И корональ в отчаянии. Вот что я вижу. Почему ты в отчаянии, Валентин? Почему в тебе столько страха? Ты же сын Дамиандейна и брат Вориакса, а они были не из тех, кому знакомы эти чувства, и мне они не свойственны, да и тебе, как мне казалось.

— По прибытии сюда я узнал, что над миром нависла опасность, и эта опасность становится все более реальной и грозной.

— Это приводит тебя в отчаяние? Да ведь опасность должна только усилить твое желание исправить положение вещей, как то бывало раньше.

— Но за время своего пребывания на троне я уже во второй раз вижу Маджипур, охваченный бедствием. Я вижу, что мое правление не было счастливым, а будет еще более несчастным, если увеличатся масштабы болезней, голода и бездумных переселений. Боюсь, на мне лежит какое-то проклятие.

Он заметил, что ее глаза сверкнули гневом. Да, за прекрасным обликом его матери скрывались величайшая душевная сила, железная самодисциплина и преданность долгу. В своем роде она была не менее яростной воительницей, чем легендарная леди Тиин, которая в древности вышла на битву против метаморфов. Эта леди тоже способна на подобную доблесть, если потребуется. Он знал, что она всегда отличалась нетерпимостью по отношению к любым проявлениям слабости в своих сыновьях, будь то жалость к себе, уныние или что-либо еще, потому что напрочь лишена была слабости сама. И Валентин вдруг почувствовал, как упадочное настроение начинает покидать его.

— Тебе не стоит обвинять себя без особых на то причин.— В голосе матери слышалась нежность.— Если на мир наложено проклятие, то оно лежит не на благородном и добродетельном коронале, а на всех нас. Тебе не в чем винить себя, Валентин: ты виновен в наименьшей степени. Не ты носитель этого проклятия — напротив, именно ты, скорее всего, способен снять его с нас. Но ты должен действовать, и действовать быстро.

— А в чем же суть этого проклятия?

— У тебя есть серебряный обруч, парный с моим.— Она приложила руку ко лбу.— Ты взял его с собой?

— Я с ним не расстаюсь.

— Тогда пусть его принесут.

Валентин вышел из комнаты и отдал распоряжение Слиту, ожидавшему у дверей; вскоре пришел слуга с усыпанной драгоценными камнями шкатулкой, в которой хранился обруч, подаренный Повелительницей Снов Валентину, когда он в поисках истины появился на Острове. С его помощью, соединившись разумом со своей матерью, он получил окончательное подтверждение того, что простой жонглер из Пидруида и правитель Маджипура Валентин — одно и то же лицо. Благодаря обручу и поддержке матери к нему стала возвращаться память. Потом иерарх Лоривейд научила его погружаться в транс, используя обруч, и проникать, таким образом, в мысли других людей. Он редко пользовался им после восстановления на престоле, поскольку обруч являлся принадлежностью Повелительницы Снов, а не короналя, а одному из владык Маджипура не подобает вторгаться в сферу деятельности другого. Но сейчас он вновь надел тонкую металлическую полоску, в то время как Повелительница Снов наливала ему, как и когда-то, темное и пряное сонное вино, способствовавшее раскрытию душ навстречу друг другу.

Он осушил кубок одним глотком, и она тоже выпила свое вино. Прошло немного времени, и напиток начал действовать. Он погрузился в транс, обеспечивавший наиболее полное восприятие видений. Потом она сплела его пальцы со своими для завершения контакта — и на него обрушился поток образов и ощущений. Они буквально ослепили и оглушили его, хотя он знал, каким сильным будет удар.

Однако Повелительница Снов испытывала это ежедневно: на протяжении многих лет она и ее служительницы посылали

свои души странствовать по свету в поисках нуждающихся в помощи.

Он не увидел отдельных душ: слишком велик и населен был мир, чтобы добиться такой точности даже за счет величайшей сосредоточенности. Пролетая по небу горячим ветром в восходящих воздушных потоках, он обнаруживал отдельные пятна ощущений: то дурные предчувствия, то страх, стыд, вину, внезапный всплеск сумасшествия, серое, широко раскинувшееся покрывало отчаяния. Он опустился пониже и увидел естество душ, черные кромки, пересеченные алыми полосами, острые зазубренные пики, причудливо перепутанные дорожки ворсистой плотной ткани. Он взмыл еще выше, в безмятежность царства небытия; он пересекал мрачные пустыни, от которых исходило цепенящее одиночество; он описывал круги над сверкающими заснеженными полями и лугами, где каждая травинка светилась несказанной прелестью. Он увидел те места, где свирепствовали болезни, голод, где царил хаос, и почувствовал, как от крупных городов горячим суховеем поднимаются страхи, ощутил, как некая сила со всепроникающим барабанным раскатом бьется в морях. Его со всей мощью охватило ощущение нависшей угрозы, надвигающейся катастрофы. Валентин увидел, что на мир опустился невыносимый груз и сокрушает его с постепенно нарастающим усилием, подобно медленно сжимающемуся кулаку.

Во всех странствиях его сопровождала благословенная Повелительница Снов, его мать. Если бы не ее присутствие, он мог бы обгореть и обуглиться в пламени чувств, исходящих из колодца мировой души. Но она оставалась рядом, облегчая ему путь через темноту к порогу понимания, неясно маячившему впереди и напоминавшему исполинские ворота Деккерета в Норморке, закрывавшиеся только тогда, когда мир был в опасности. Но перед самым порогом он остался один и переступил через него без посторонней помощи.

Дальше была только музыка, музыка... она словно стала видимой — дрожащий, вибрирующий звук, протянувшийся через пропасть тончайшим подвесным мостом... И он ступил на тот мост и увидел всплески яркого звука в потоке внизу, кинжально острые импульсы звука над головой, линию уходящего в бесконечность красного цвета и пурпурные с зеленым дуги у горизонта, которые пели для него. Потом все это многообразие уступило место одному-единственному звуку — устрашающему,

оглушительному реву, который поглотил все вокруг и черной неудержимой колесницей накатил на вселенную, безжалостно расплющивая ее. И Валентин понял.

Он открыл глаза. Повелительница Снов, его мать, спокойно стояла между танигалами и с улыбкой наблюдала за ним, любуясь им словно спящим младенцем. Она сияла с него обруч и положила обратно в шкатулку.

— Видел? — спросила она.

— Я так и думал,— ответил Валентин.— Происходящее на Зимроэле не случайность. Да, это проклятие, и лежит оно на всех нас уже несколько тысячелетий. Мой чародей Делиамбер сказал мне однажды, что мы прошли здесь, на Маджипуре, долгий путь, ничем не заплатив за изначальный грех завоевателей. Еще он сказал, что по счету нарастают проценты. А теперь счет предъявлен к оплате. То, что началось,— наше наказание, наше унижение, отмщение всем нам.

— Да, именно так.

— А то, что мы видели, это и есть само Божество, матушка? Оно держит мир крепкой хваткой и сдавливает его все сильнее? А тот звук, такой страшно тяжелый,— тоже Божество?

— Те образы, которые явились тебе, Валентин, тебе и принадлежат. Я видела нечто другое. Божество не имеет конкретного облика. Но, я думаю, ты узрел суть вещей.

— Я видел, что Божество лишило нас своей милости.

— Да. Но не безвозвратно.

— Ты уверена, что еще не слишком поздно?

— Уверена, Валентин.

Он помолчал. Потом заговорил снова:

— Да будет так. Я увидел, что нужно сделать, и я сделаю это. Как символично, что я пришел к пониманию всего в Семи Стенах, которые леди Тиин воздвигла в честь своего сына после его победы над метаморфами! Ах, матушка, а ты построишь такое здание для меня, когда я исправлю дело рук лорда Стиамота?

Глава 10

— Еще раз,— Хиссун повернулся лицом к Альсимиру и еще одному кандидату в рыцари.— Нападайте на меня, теперь оба.

— Оба? — переспросил Альсимир.

— Оба. И если увижу, что вы играете в поддавки, месяц будете чистить стойла — это я вам обещаю.

— Как ты думаешь справиться с нами двумя, Хиссун?

— Пока еще не знаю. Но я должен научиться. Нападайте, и тогда посмотрим.

Он весь лоснился от пота, а сердце бешено колотилось, но тело его было раскованным и послушным. Сюда, в пещерный гимнастический зал в восточном крыле Замка, он приходил каждый день и занимался не меньше часа, независимо от прочих обязанностей.

Хиссун считал необходимым развивать силу и выносливость, вырабатывать еще большую ловкость. Иначе ему, с его честолюбием, несомненно, придется здесь тяжко. Принцы на Замковой горе возводили атлетизм в культ, постоянно испытывая себя верховой ездой, турнирами, гонками, борьбой, охотой — словом, всеми теми простыми первобытными забавами, на которые в Лабиринте у Хиссуна не было ни времени, ни желания. А теперь, когда по воле лорда Валентина он оказался среди множества крепких, сильных мужчин, он знал, что должен сравняться с ними на их поле, если намерен надолго остаться в их компании.

Конечно, ему не по силам изменить свое щуплое, худощавое телосложение на что-либо подобное грубой мускулистости какого-нибудь там Стазилейна, Элидата или Диввиса. Такими, как они, ему никогда не стать. Но он мог превзойти их, следуя своим путем. Вот, например, забава с дубинкой: еще год назад он даже не слышал ни о чем подобном, а теперь, после многих часов тренировок, стал почти мастером. Здесь требовалась быстрота глаз и ног, а не сверхъестественная сила. В фехтовании на дубинках выражался в каком-то смысле его подход к жизни.

— Готов,— крикнул он.

Он стоял как полагается, слегка согнув ноги, настороженный и гибкий, немного разведя руки, сжимавшие легкую тонкую дубинку — палку из дерева ночного цветка с оплетенной рукоятью. Он переводил взгляд с одного противника на другого. Они оба выше его: Альсимир — дюйма на два-три, а его друг Стимион и того больше. Но он проворнее. За все утро ни один из них не смог даже коснуться его дубинкой. Но вдвоем одновременно — это меняет дело...

— Вызов! Встали! Начали! — воскликнул Альсимир.

Противники двинулись на него, подняв дубинки в положение для нападения.

Хиссун сделал глубокий вдох и сосредоточился, стремясь образовать вокруг себя сферическую зону защиты — пространство, закрытое непроницаемой и непробиваемой броней. То, что сфера была воображаемой, значения не имело. Этот прием ему показывал наставник по фехтованию на дубинках Тани: делай свою защитную зону все равно что из стали, и тогда ничто не проникнет через нее. Секрет состоит в умении сосредоточиться.

Как Хиссун и ожидал, Альсимир приблизился к нему долей секунды раньше Стимиона. Альсимир высоко поднял дубинку, попробовав на прочность северо-западный сектор обороны, а потом сделал ложный выпад пониже. Когда он добрался до периметра обороны Хиссуна, тот легко парировал удар движением кисти и, не прекращая движения,— он уже все рассчитал на уровне подсознания,— переместил дубинку правее, где с северо-востока наносил чуть запоздалый удар Стимион.

Послышался шуршащий звук скольжения дерева по дереву; проведя своей дубинкой до половины оружия Стимиона, Хиссун уклонился, заставив Стимиона со всей силы ударить в пустое пространство. Все это заняло буквально мгновение. Стимион потерял равновесие и, крякнув от неожиданности, шагнул на то место, где только что был Хиссун, который слегка стукнул его дубинкой по спине и развернулся к Альсимиру. Дубинка Альсимира взмыла вверх: он начал второй выпад. Хиссун легко отбил его и ответил ударом на удар, с которым Альсимир справился хорошо и парировал его с такой силой, что столкновение дубинок отозвалось в руке Хиссуна до локтя. Но он быстро оправился от сотрясения и, увернувшись от очередного выпада Альсимира, отскочил в сторону, чтобы избежать удара Стимиона.

Теперь они занимали иное положение: Стимион и Альсимир стояли не перед Хиссуном, а с двух сторон от него. Они наверняка попробуют сделать выпад одновременно, подумал Хиссун. Этого нельзя допустить.

Тани учил его: время всегда должно служить тебе, а не быть твоим хозяином; если тебе не хватает времени для движения, тогда раздели каждый миг на несколько мгновений поменьше, и тогда тебе хватит времени на все.

Верно. Хиссун знал, что абсолютной одновременности не бывает.

Именно так, как в течение многих месяцев делал на тренировках, он переключился в тот временной режим, который привил ему Тани: рассматривая каждую секунду как сумму десяти десятых долей, он обосновался в каждой из них по очереди, как если бы шел через пустыню и раз за разом останавливался на ночлег в каждой из десяти попадающихся на пути пещер. Теперь его восприятие коренным образом изменилось. Он увидел Стимиона передвигающимся отрывистыми движениями, поднимающим дубинку, чтобы опустить ее на Хиссуна. Но Хиссун без малейшего труда вклинился между двумя долями секунды и отбил дубинку Стимиона в сторону. Альсимир уже начал свой выпад, но у Хиссуна было достаточно времени, чтобы уйти от него, а когда рука Альсимира вытянулась полностью, Хиссун легонько стукнул по ней повыше локтя.

Вернувшись к нормальному восприятию времени, Хиссун сошелся со Стимионом, который заходил для очередного выпада. Вместо того чтобы приготовиться к отражению удара, Хиссун предпочел идти вперед, прорвав оборону застигнутого врасплох Стимиона. Из этого положения Хиссун еще раз коснулся Альсимира и развернулся, чтобы достать кончиком дубинки Стимиона, пока тот в замешательстве вертелся на месте.

— Касание, и двойное,— воскликнул Хиссун.— Игра!

— Как это у тебя получается? — спросил Альсимир, бросая свою дубинку. Хиссун рассмеялся.

— Не имею представления. Но хотел бы, чтобы Тани увидел меня! — Он упал на колени, и пот капал с его лба прямо на циновки. Он знал, что продемонстрировал незаурядное мастерство. Никогда еще он не дрался так хорошо. Случайность? Везение? Или он в самом деле вышел на новый уровень постижения? Он вспомнил, как лорд Валентин рассказывал о жонглировании, которым начал заниматься совершенно случайно, чтобы всего лишь заработать на жизнь, когда бродил по Зимроэлю, потерянный и отчаявшийся. Корональ сказал тогда, что жонглирование указало ему путь к полной концентрации душевных сил, и даже заявил, что не смог бы отбить престол, если бы не дисциплина духа, развившаяся в нем после овладения ремеслом жонглера. Хиссун знал, что он сам вряд ли обучится жонглированию — уж больно грубой лестью по отношению к короналю будет это выглядеть, слишком открытым подражанием,— но начинал понимать, что может достигнуть той же дисциплины при помощи фехтования на дубинках. Только что состоявшийся поединок, несомненно, весьма повысил уровень его восприятия и реакции. Он прикинул, способен ли повторить все, потом оглядел обоих противников и предложил:

— Ну что, еще разок-другой?

— Неужели ты никогда не устаешь? — воскликнул Стимион.

— Устаю, конечно. Что же теперь, заканчивать только потому, что устали?

Он опять принял стойку. Еще минут пятнадцать, потом окунуться, немного поработать во дворе Пинитора, а потом...

— Ну что же вы? Нападайте!

Альсимир покачал головой.

— Какой в этом смысл? Ты на голову выше нас.

— Ну давайте же,— повторил Хиссун.— Готов!

Альсимир с неохотой встал в позицию для поединка и жестом призвал Стимиона сделать то же самое. Но когда все трое встали в исходное положение, собираясь с мыслями и готовя тела к предстоящему бою, на балкончике над ними появился смотритель гимнастического зала и окликнул Хиссуна. Сообщение для принца от регента Элидата: принца Хиссуна просят незамедлительно явиться к регенту в кабинет короналя.

— Что ж, тогда в другой раз,— бросил Хиссун Альсимиру и Стимиону.

Он быстро оделся и направился вверх через причудливые хитросплетения Замка, пересекая дворы и проходы, мимо парапета лорда Оссиера, с которого открывался чудесный вид на склон Замковой горы, мимо обсерватории Кинникена, музыкальной комнаты лорда Пранкипина, мимо оранжереи лорда Конфалюма и десятков других сооружений и строений, которые, как ракушки, покрывали всю центральную часть Замка. Наконец он добрался до центрального сектора, где располагались правительственные учреждения, и прошел в просторный кабинет, где работал корональ, а на время его затянувшейся поездки расположился верховный канцлер Элидат.

Он обнаружил регента расхаживающим взад и вперед, как медведь в клетке, перед лежавшей на столе лорда Валентина рельефной картой мира. Выглядел он мрачно и на появление Хиссуна отреагировал еле заметным кивком. Почти вслед за Хиссуном

прибыл Диввис, одетый в официальный наряд с драгоценными украшениями и маской из перьев, как будто вызов застиг его по пути на какую-то торжественную государственную церемонию.

Хиссун ощутил растущее беспокойство. Зачем Элидату понадобилось созывать на подобную встречу так внезапно, вопреки заведенному порядку? И почему из всех принцев выбор пал лишь на немногих? Элидат, Стазилейн, Диввис — наиболее вероятные из возможных преемников Валентина, ближайшие из наиболее приближенных. Случилось что-то очень серьезное, подумал Хиссун. Может быть, умер в конце концов старый понтифекс. Или кораль, возможно... «Пусть это будет Тиеверас! — взмолился Хиссун.— Ради всего святого, пусть это будет Тиеверас!»

Наконец Элидат заговорил:

— Очень хорошо. Все собрались: можем начинать.

— Что случилось, Элидат? — с кислой усмешкой поинтересовался Диввис.— Кто-то увидел двухголовую милуфту, направляющуюся на север?

— Если ты хочешь сказать, что пришло время дурных предзнаменований, то так оно и есть,— угрюмо ответил верховный канцлер.

— Что-то произошло? — спросил Стазилейн.

Элидат бросил на стол пачку бумаг.

— Два важных события. Во-первых, из западного Зимроэля пришли новые сообщения: ситуация там гораздо серьезней, чем нам представлялось. Весь район ущелья на континенте, примерно от Мазадоны до точки где-то к западу от Дюлорна, дезорганизован, и бедствие распространяется. Сельскохозяйственные культуры продолжают погибать от загадочных болезней, и уже наблюдается ужасающая нехватка основных продуктов питания, а сотни тысяч, если не миллионы, начали движение к побережью. Местные власти делают все от них зависящее, чтобы обеспечить поставки продовольствия из не затронутых бедствием районов. Судя по всему, пока спокойно вокруг Тил-омона и Нарабаля, а Ни-мойя и Кинтор почти полностью избежали сельскохозяйственных проблем. Но расстояния так велики, к тому же все произошло настолько внезапно, что они успели сделать совсем немного. Еще одна возможная проблема: появился некий особый религиозный культ — что-то связанное с поклонением морским драконам...

— Что? — не поверил своим ушам Стазилейн, у которого от изумления даже щеки покраснели.

— Я понимаю, что это звучит дико,— сказал Элидат.— Но нам сообщают, будто прошел слух, что драконы — какие-то там боги и что они провозгласили конец света, и прочий бред, а...

— Это не новый культ,— тихо сказал Хиссун.

Все трое обернулись к нему.

— Вам что-то известно? — спросил Диввис.

Хиссун кивнул.

— Я несколько раз слышал об этом, когда жил в Лабиринте. Так, шепотки, беспочвенные слухи, которые, насколько я помню, никто не принимал всерьез. А вообще-то, простонародье давно перешептывалось за спиной знати. Кое-кто из моих друзей немного разбирался в тех слухах, возможно, даже больше, чем немного, но сам я никогда не лез в них. Я помню, что как-то спросил об этом у матери, а она обозвала эти разговоры опасной чепухой и посоветовала держаться от них подальше, что я и сделал. Кажется, религия зародилась в древности среди лиименов и постепенно негласным путем распространилась в нижних слоях общества, а сейчас, как мне думается, вышла на поверхность из-за начавшихся бедствий.

— А в чем суть этой веры? — спросил Стазилейн.

— Элидат примерно объяснил: однажды драконы выйдут на берег, возьмут власть над миром и положат конец всем горестям и страданиям.

— Каким горестям и страданиям? — вступил в разговор Диввис.— Я не слышал о больших невзгодах в мире, если не считать нытья метаморфов, а они...

— Вы полагаете, что все живут так же, как мы на Замковой горе? — резко спросил Хиссун.

— Я полагаю, что нуждающихся у нас не осталось, что все обеспечены всем необходимым, что мы живем в счастье и процветании, что...

— Все это правда, Диввис. И все же кто-то живет в замках, а кто-то очищает дороги от экскрементов маунтов. Есть те, кто владеет огромными поместьями, и те, кто попрошайничает на улицах. Есть...

— Избавьте меня от рассуждений на тему социальной несправедливости.

— Простите, что я вам докучаю,— бросил Хиссун.— Я просто подумал, что вам хотелось бы знать, откуда берутся люди, которые ждут пришествия водяных королей, чтобы те избавили их от тягот и лишений.

— Водяные короли? — переспросил Элидат.

— Да, морские драконы. Так их называют те, кто им поклоняется.

— Ладно,— сказал Стазилейн.— На Зимроэле голод, а среди низших слоев распространяется опасный культ. Вы упомянули два важных события. Это именно те, которые вы и подразумевали?

Элидат отрицательно покачал головой.

— Это две стороны одного и того же. Другая важная новость касается лорда Валентина. Мне сообщил о ней Тунигорн — он очень расстраивается по этому поводу. По его словам, во время визита к своей матери на Остров кораль пережил что-то вроде преображения и вошел в состояние высокого подъема, очень странное состояние, в котором он совершенно непредсказуем.

— В чем заключается его преображение? — спросил Стазилейн.— Вам известно?

— Войдя в транс под руководством Повелительницы Снов,— сказал Элидат,— он имел видение, показавшее ему, что бедствия на Зимроэле являются выражением недовольства Божества.

— Но неужели кто-то думает иначе? — воскликнул Стазилейн.— Однако какое отношение это имеет...

— Как сообщает Тунигорн, теперь Валентин считает, что болезни и недостаток продовольствия, которые, как нам стало известно, гораздо серьезнее, чем могло показаться по первым сообщениям,— определенно имеют сверхъестественное происхождение...

Медленно покачав головой, Диввис насмешливо фыркнул.

— ...Сверхъестественное происхождение,— продолжал Элидат,— и являются наказанием со стороны Божества за дурное отношение к метаморфам в течение столетий.

— В этом нет ничего нового,— сказал Стазилейн.— Он уже много лет говорит примерно то же самое.

— Тут явно есть что-то новое,— возразил Элидат.— Тунигорн говорит, что со дня преображения он в основном бывает один и видится лишь с Повелительницей и Карабеллой, да иногда с Делиамбером и толковательницей снов Тизаной. И Слит, и Тунигорн проникают к нему с трудом, а если они с ним и встречаются, то речь идет о самых обыденных делах. У Тунигорна создалось впечатление, что короналем овладела какая-то новая грандиозная идея, какой-то потрясающий план, который он не хочет с ними обсуждать.

— Не похоже на Валентина, которого я знаю,— сумрачно заметил Стазилейн.— Он может быть каким угодно, но склонности к иррациональности в нем не замечалось. С ним явно что-то не так.

— Или у него очередное переселение душ,— добавил Диввис.

— А чего опасается Тунигорн? — спросил Хиссун.

Элидат пожал плечами.

— Он не знает. Ему кажется, что Валентин вынашивает какой-то сумасбродный замысел и опасается что они со Слитом станут возражать. Но он даже намеков никаких не делает.— Элидат подошел к глобусу и постучал пальцем по ярко-красному шарику, обозначавшему место пребывания короналя.— Пока Валентин еще на Острове, но скоро отплывает на материк. Он высадится в Пилиплоке и планирует отправиться вверх по Зимру в Ни-мойю, а оттуда — в пораженные голодом районы на западе. Но Тунигорн подозревает, что он изменил свое решение и, поглощенный мыслью о каре Божества, возможно, планирует какое-то духовное мероприятие: пост, паломничество, перестройку общества в направлении, противоположном чисто светским ценностям...

— А что, если он стал приверженцем культа морских драконов? — предположил Стазилейн.

— Не знаю,— ответил Элидат.— Все возможно. Я лишь хочу сказать вам, что Тунигорн сильно озабочен и требует, чтобы я как можно скорее присоединился к процессии короналя, в надежде на то, что я смогу удержать его от необдуманных действий. Думаю, у меня получится то, что не удается даже Тунигорну.

— Что такое? — воскликнул Диввис.— Он же в тысячах миль отсюда! Разве возможно...

— Я отправляюсь через два часа,— перебил Элидат.— На перекладных быстроходных парящих машинах я доберусь по долине Глэйдж до Треймоуна, откуда крейсер доставит меня до Зимроэля по южному маршруту через архипелаг Родамаунт. Тем вре-

менем Тунигорн постарается задержать Валентина на Острове, а если ему удастся договориться с адмиралом Эйзенхартом, он позаботится о том, чтобы плавание от Острова до Пилиплока продолжалось подольше. Если повезет, я окажусь в Пилиплоке примерно на неделю позже Валентина, и, возможно, будет еще не слишком поздно для того, чтобы привести его в чувство.

— Вам не удастся сделать это вовремя,— сказал Диввис.— Пока вы будете плыть по Внутреннему морю, он будет уже на полпути в Ни-мойю.

— Я должен попытаться. У меня нет выбора. Если бы вы только знали, как озабочен Тунигорн, как он страшится того, что Валентин ввяжется в какое-нибудь сумасшествие, сомнительное предприятие...

— А кто будет управлять? — тихо спросил Стазилейн.— С этим-то как? Вы являетесь регентом, Элидат. Понтифекса у нас нет. Вы сообщаете нам о том, что кораль одержим чем-то вроде маниакальной идеи, и предлагаете теперь вообще обезглавить Замок?

— В тех случаях, когда регент отзывается из Замка,— сказал Элидат,— в его власти назначить регентский совет для ведения всех дел, находящихся под юрисдикцией короналя. Именно это я и собираюсь сделать.

— А кто будет входить в совет? — спросил Диввис.

— Всего три человека: вы, Диввис, Стазилейн, а также вы, Хиссун.

— Я? — ошеломленно переспросил Хиссун.

Элидат улыбнулся.

— Признаться, я не сразу понял, зачем лорд Валентин решил продвигать, да еще так стремительно, столь молодого человека из Лабиринта к высотам власти. Но с возникновением этого кризиса его замысел для меня постепенно прояснился. Здесь, на Замковой горе, мы оторвались от реальной жизни Маджипура. Мы засели на вершине Горы, не зная о том, что вокруг нас возникают неразрешимые проблемы. Я слышал ваши слова, Диввис, что все в мире счастливы, кроме разве что метаморфов, и могу признаться, что считал точно так же. И все же, кажется, среди недовольных утвердилась новая религия, а мы о ней ничего не знаем, а теперь к Пидруиду шагает армия голодных людей, чтобы поклониться чужим богам.— Он перевел взгляд на Хиссуна.— Из того, что вы знаете, Хиссун, есть вещи, которые надо усвоить и нам. Во время моего отсутствия вы будете принимать решения вместе с Диввисом и Стазилейном, и я надеюсь, что от вас будут исходить ценные мысли. Что скажете, Стазилейн?

— Полагаю, что вы сделали мудрый выбор.

— А вы, Диввис?

Лицо Диввиса выражало плохо скрываемую ярость.

— Что я могу сказать? Воля ваша. Вы произвели назначение. Я должен лишь подчиниться.— Он встал и подал Хиссуну руку.— Мои поздравления, принц. Вам удалось добиться многого за столь короткий срок.

Хиссун бесстрастно встретил ледяной взгляд Диввиса.

— Я с нетерпением жду возможности поработать с вами в совете, лорд Диввис,— весьма официальным тоном произнес он.— Ваша мудрость будет служить мне примером.— Он ответил на рукопожатие Диввиса.

Диввис хотел было что-то сказать, но слова застряли у него в горле. Он медленно освободил руку, посмотрел исподлобья на Хиссуна и вышел из кабинета.

Глава 11

С юга дул горячий и жесткий ветер, тот самый ветер, который капитаны судов охотников на драконов называли «Посланием», поскольку он зарождался на бесплодном Сувраэле — обиталище Короля Снов. Этот ветер иссушал душу и выжигал сердце, но Валентин не обращал на него ни малейшего внимания. Его дух был далеко отсюда: он думал о предстоящих свершениях и часами простаивал на королевской палубе «Леди Тиин», вглядываясь в горизонт, на котором должны были появиться очертания материка, и даже не замечал знойных, колючих порывов свистевшего вокруг него ветра.

Плавание от Острова к Зимроэлю обещало, похоже, стать нескончаемым. Эйзенхарт говорил о штиле на море и о встречных ветрах, о необходимости сократить маршрут и взять южнее... и тому подобное. Валентин не был моряком, но по мере того, как проходили дни, а западный континент так и не приближался, его охватывало все большее нетерпение. Не раз приходилось им менять курс, чтобы избежать встречи со стаями морских драконов, поскольку с этой стороны Острова воды просто кише-

ли ими. Кое-кто из моряков-скандаров утверждал, что это самое массовое перемещение драконов за последние пять тысячелетий. Как бы там ни было, их изобилие вызывало опасения: во время своего последнего плавания в этих водах, когда гигантский дракон пробил корпус «Брангалина», которым командовал капитан Горзвал, Валентин не видел ничего подобного.

Драконы проходили в основном группами по тридцать—пятьдесят особей с интервалом в несколько дней. Но иногда попадались и громадные драконы-одиночки, настоящие драконьи короли, которые плыли сами по себе, неторопливо и целеустремленно, как бы погрузившись в глубокие раздумья. Но через некоторое время исчезли и большие, и маленькие драконы, ветер усилился и флот устремился к Пилиплоку.

И однажды утром с верхней палубы раздался крик:

— Земля! Пилиплок!

Огромный порт появился внезапно, сияющий и очаровательный в своей устрашающей необъятности. Он возвышался на выступе южного берега устья Зимра, где невероятно широкая река на сотни миль выносила в море грязь, намытую в центре континента,— город с одиннадцатимиллионным населением, четко распланированный в соответствии с комплексным планом, который неукоснительно соблюдался при застройке: правильные дуги пересекали начинавшиеся от береговой линии лучи величественных проспектов. Валентин подумал, что, несмотря на всю красоту его широкой гостеприимной гавани этот город трудно полюбить. Но вдруг заметил, что его спутник, скандар Залзан Кавол, который был родом из Пилиплока, разглядывает открывающуюся панораму с выражением удивления и восторга на грубом и суровом лице.

— Охотники на драконов подходят! — крикнул кто-то, когда «Леди Тиин» приблизилась к берегу.— Смотрите, да тут целая флотилия!

— Как чудесно, Валентин! — негромко сказала Карабелла, стоявшая у него за спиной.

Действительно чудесно. До этого момента Валентин никогда не думал, что суда, на которых моряки Пилиплока отправляются охотиться на драконов, могут быть красивыми. Малопривлекательные сооружения с широкими корпусами, нелепо украшенные отвратительными резными головами и остроконечными хвостами, кричаще разрисованные по бортам рядами белых зубов и желтых с алым глаз — взятые по отдельности, они выглядели по-варварски отталкивающими. Но в составе столь внушительной флотилии — казалось, все охотники на драконов Пилиплока вышли в море, чтобы приветствовать короналя,— они, как ни странно, являли собой величественное зрелище. Они расположились вдоль линии горизонта, и наполненные ветром черные с малиновыми полосами паруса выглядели как праздничные флаги. Приблизившись, они четко спланированным строем окружили королевскую эскадру и подняли на мачтах огромные зеленые с золотом стяги короналя.

— Валентин! Лорд Валентин! Да здравствует лорд Валентин! — доносились с них хриплые крики. По волнам поплыла музыка барабанов, фанфар, систронов и галистанов. Она звучала приглушенно и не очень отчетливо, но все же празднично и трогательно.

Насколько отличается этот прием, саркастически подумал Валентин, от того, который был оказан ему во время последнего посещения Пилиплока, когда он вместе с Залзаном Каволом и другими жонглерами униженно ходил от одного капитана к другому, безуспешно пытаясь уговорить кого-нибудь из них за плату доставить их на Остров Сна, пока наконец им не удалось сторговаться насчет переезда на самом маленьком, обшарпанном и жалком суденышке. Сколь многое изменилось с тех пор.

Самое большое из судов приблизилось к «Леди Тиин», и с него спустили шлюпку с двумя людьми и одной женщиной-скандаром. С флагмана спустили специальную сетку, однако люди остались на веслах, и на борт поднялась только женщина-скандар, пожилая и суровая на вид, с выдубленной морской водой кожей лица; во рту у нее отсутствовали два клыка, а шерсть имела мрачный сероватый оттенок.

— Меня зовут Гуидраг,— представилась она, и Валентин тут же вспомнил: самая старая и почтенная из всех капитанов — охотников на драконов, одна из тех, кто тогда отказался взять жонглеров пассажирами на борт своего судна; но она проявила доброжелательность и направила их к капитану Горзвалу с его «Брангалином». Интересно, помнит ли она его? Скорее всего, нет. Как Валентин уже давно понял, если на человеке облачение короналя, то самого человека за одеянием не видно.

От имени своей команды и всех товарищей по промыслу Гуидраг произнесла грубоватое, но красноречивое приветствие и

подарила Валентину ожерелье с искусной резьбой, сделанное из переплетенных костей дракона. Он в свою очередь поблагодарил за торжественный прием и поинтересовался, почему промысловые суда прохлаждаются в гавани Пилиплока, а не выходят в море на охоту. Гуидраг ответила, что в нынешнем году драконов идет столько, что все охотники уже в первые недели промысла выполнили разрешенные законом нормы и их сезон закончился сразу же после открытия.

— Год был необычный,— сказала Гуидраг.— А следующий, боюсь, будет еще необычнее.

Эскорт судов держался поблизости до самого порта. Королевская процессия сошла на берег возле причала Малибора в самом центре гавани, где их ждала делегация встречающих: герцог провинции с внушительной свитой, мэр города с почти такой же компанией чиновников и делегация капитанов судов сопровождения. Когда начался традиционный обряд приветствия, Валентин почувствовал себя человеком, которому снится, что он бодрствует: он отвечал всем серьезно и церемонно, держался спокойно и уравновешенно, но все равно ему казалось, что он проходит сквозь сонмище призраков.

Вдоль дороги от гавани до городской ратуши, где должен был остановиться Валентин, тянулись толстые алые канаты, повсюду, сдерживая натиск любопытствующих, стояли стражники. Валентин, ехавший с Карабеллой в открытом парящем экипаже, подумал, что никогда еще ему не доводилось слышать такого шума, столь неразборчивого и неумолчного приветственного гула, настолько оглушительного, что он на какое-то время отвлекся от мыслей о кризисе. Но передышка продолжалась недолго. Едва оказавшись в резиденции, он потребовал принести ему последние сообщения. Новости оказались неутешительными.

Он узнал, что, несмотря на карантин, болезнь лусавендры каким-то образом перекинулась в не затронутые до сих пор провинции. Урожай стаджи в этом году ожидался вдвое меньше обычного. Районы, где выращивался туол, важная фуражная культура, подверглись нашествию считавшихся давно истребленными жуков-проволочников, что угрожало сокращением производства мяса. Грибок, поразивший виноград, вызвал опадание незрелых плодов в винодельческих районах Кинтора и Ни-мойи. Теперь весь Зимроэль, за исключением юго-западной оконечности в райо-

не тропического города Нарабаля, был охвачен различными сельскохозяйственными болезнями.

Когда Валентин показал все эти сообщения И-Уулисаану, тот мрачно заметил:

— Теперь эпидемию не сдержать. Все экологически взаимосвязано: снабжение Зимроэля продовольствием будет полностью нарушено, мой лорд.

— Но на Зимроэле восемь миллиардов жителей!

— Верно. А что будет, когда болезни распространятся и на Алханроэль?

Валентин вздрогнул.

— Думаете, это случится?

— Ах, мой лорд, да я уверен, что так будет. Сколько судов совершают еженедельно плавание между континентами? Сколько птиц и даже насекомых пересекает море? Внутреннее море не такое уж широкое, а Остров и архипелаг служат удобными местами для промежуточной посадки.— Со странно безмятежной улыбкой сельскохозяйственный эксперт прибавил: — Я утверждаю, мой лорд, что болезням невозможно сопротивляться, их невозможно победить. Будет голод. Будет мор. Маджипур опустеет.

— Нет. Не может быть.

— Если бы я мог найти слова утешения... Но мне нечем вас успокоить, лорд Валентин.

Корональ пристально посмотрел на И-Уулисаана.

— Божество наслало на нас это бедствие, Божество и отведет его.

— Возможно. Но не раньше, чем произойдут страшные бедствия. Мой лорд, прошу вашего разрешения удалиться. Вы позволите мне забрать с собой эти бумаги? Я верну их через час.

Когда И-Уулисаан ушел, Валентин какое-то время сидел неподвижно, в последний раз обдумывая то, что теперь, после получения катастрофических сообщений, казалось еще более неотложным, чем когда бы то ни было. Потом он вызвал Слита, Тунигорна и Делиамбера.

— Я собираюсь изменить маршрут процессии,— заявил он без всяких предисловий.

Они осторожно переглянулись, будто уже несколько недель ожидали от него подобного сюрприза.

— Сейчас мы не поедем в Ни-мойю. Отмените все приготовления к поездке туда и дальше.— Они смотрели на него угрюмо и напряженно, и он понял, что без борьбы не добьется от них поддержки.— На Острове Сна,— продолжал он,— мне стало ясно, что все эти болезни на Зимроэле, которые вскоре могут поразить и Алханроэль, являются прямым свидетельством неудовольствия Божества. Ты, Делиамбер, уже говорил мне об этом на развалинах Велализиера и предположил тогда, что все беды, которые валом валят по нарастающей после захвата моего трона, могут быть началом расплаты за расправу с метаморфами. Ты сказал, что мы долго прожили на Маджипуре, не искупив изначальный грех завоевателей, а теперь надвигается хаос, поскольку прошлое начинает предъявлять счет, да еще и с солидными процентами.

— Да, я помню. Мой лорд повторил мои слова почти дословно.

— А я сказал,— продолжал Валентин,— что всю свою энергию направлю на исправление несправедливостей, допущенных по отношению к метаморфам. Но я этого не сделал. Я был слишком занят другим и предпринял лишь слабые попытки найти взаимопонимание с меняющими форму. А пока я откладывал, мера наказания усугублялась. Теперь, оказавшись на Зимроэле, я намереваюсь безотлагательно отправиться в Пиурифэйн...

— В Пиурифэйн, мой лорд?!! — в один голос воскликнули Слит и Тунигорн.

— В Пиурифэйн, в столицу метаморфов Илиривойн. Я встречусь с Данипиур. Я выслушаю ее требования и рассмотрю их самым внимательным образом. Я...

— Еще ни один корональ не появлялся на территории метаморфов,— перебил Тунигорн.

— Один корональ появлялся,— сказал Валентин.— В бытность мою жонглером я был там и выступал перед метаморфами, в числе которых была сама Данипиур.

— Это другое дело,— возразил Слит.— Вы могли делать все, что заблагорассудится, когда были жонглером. Тогда мы бродили среди метаморфов, и вы с трудом верили, что являетесь короналем. Но теперь-то вы, несомненно, корональ...

— Я пойду. Это будет паломничеством смирения, начальным актом искупления.

— Мой лорд!..— с жаром начал Слит.

Валентин усмехнулся.

— Ну, продолжайте. Приводите свои возражения. Я уже несколько недель ожидаю долгого, скучного спора с вами троими по этому поводу. Но позвольте сначала заявить вам следующее: когда мы закончим разговор, я отправлюсь в Пиурифэйн.

— И ничто не сможет изменить ваше решение? — спросил Тунигорн.— Даже если мы напомним вам о возможных опасностях, о нарушении протокола, о вероятных неблагоприятных политических последствиях, о...

— Нет, нет и нет. Ничто не изменит моего решения. Лишь преклонив колени перед Данипиур, смогу я положить конец бедствию, опустошающему Зимроэль.

— Вы настолько уверены, мой лорд,— поинтересовался Делиамбер,— что все так просто?

— Надо попытаться хоть что-то сделать. Я в этом убежден, и ничто не поколеблет моей решимости.

— Мой лорд,— сказал Слит,— ведь насколько я помню, именно метаморфы при помощи колдовства лишили вас трона, и полагаю, что вы также сохранили воспоминания об этом. А теперь, когда мир стоит на пороге безумия, вы предлагаете добровольно пойти к ним, в их дремучие леса. Неужели...

— Разумно? Нет. Необходимо? Да, Слит, да, и еще раз да. Одним короналем больше, одним меньше — какая разница? Немало таких, кто может занять мое место и исполнять долг не хуже или даже лучше, чем я. Однако на карту поставлена судьба Маджипура. Я должен отправиться в Илиривойн.

— Умоляю, мой лорд...

— Нет, это я вас умоляю. Достаточно разговоров. Я решился.

— Вы направитесь в Пиурифэйн? — недоверчиво проговорил Слит.— Вы предадитесь в руки метаморфов?

— Да,— ответил Валентин.— Я предам себя в руки метаморфов.

ЧАСТЬ 3

КНИГА РАСКОЛОТОГО НЕБА

Глава 1

Милилейн навсегда запомнит день, когда первый из новых короналей заявил о себе, потому что в тот день она заплатила пять крон за пару горячих сосисок.

В середине дня она шла на встречу со своим мужем Кристофоном в его лавке на эспланаде возле моста Кинтора. Начинался третий месяц нехватки. В Кинторе так говорили все — «нехватка»,— но внутренний голос подсказывал ей более подходящее название: «голод!». Никто не голодал — пока! — но никто и не ел досыта, а положение, казалось, ухудшалось с каждым днем. Позапрошлым вечером у них с Кристофоном не оказалось ничего, кроме каши из сушеных калимботов с добавкой из корня гумбы. На ужин сегодня будет пудинг из стаджи. А завтра... кто знает? Кристофон поговаривал насчет того, чтобы выйти в парк Престимиона на охоту за мелкими животными — минтунами, дролями и им подобным. Филе минтуна? Жареная грудка дроля? Милилейн содрогнулась. Дальше будет, наверное, жаркое из ящерицы. С гарниром из листьев капустного дерева.

По бульвару Оссиера она дошла до поворота на Зимрскую дорогу, которая вела к эспланаде у моста. Когда она проходила мимо проктората, до нее донесся ни на что не похожий, восхитительный аромат жареных сосисок.

У меня галлюцинации, подумала она. Или я, наверное, сплю.

Когда-то на эспланаде торговали десятки разносчиков сосисок. Но уже несколько недель Милилейн не видела ни одного.

В эти дни с мясом были перебои: из-за недостатка кормов голодал скот в западных животноводческих районах, а поставки скота с Сувраэля, где пока все было в порядке, прервались из-за того, что стаи морских драконов заполонили все морские пути.

Но запах сосисок был весьма и весьма реальным. Милилейн огляделась, пытаясь отыскать его источник.

Вон! Там!

Это не галлюцинация. Не сон. Невероятно, поразительно, но на эспланаде появился торговец сосисками, маленький сутулый лиимен со старой обшарпанной тележкой, в которой над жаровней висели скрюченные длинные красные сосиски. Он стоял с таким видом, будто в мире все осталось неизменным. Будто не было нехватки. Будто продовольственные лавки не работали всего три дня в неделю, поскольку именно столько времени им требовалось, чтобы распродать все свои запасы. Милилейн побежала.

Остальные тоже бежали. Со всех сторон они набегали на торговца сосисками, будто он раздавал монеты в десять реалов. Но, по правде говоря, то, что он предлагал, было гораздо ценнее самой блестящей серебряной монеты.

Никогда в жизни она еще так не бегала — размахивая локтями, вскидывая колени, с развевающимися по ветру волосами. Не меньше сотни людей устремились к лиимену с его тележкой. Наверное, сосисок у него на всех не хватит. Но Милилейн оказалась ближе всех: она первой увидела торговца и быстрее всех прибежала. Сразу за ней мчалась длинноногая женщина-хьорт, а сбоку, похрюкивая на ходу, несся какой-то скандар в нелепом деловом костюме. Неужели кто-нибудь мог себе представить, подумала Милилейн, что наступит время, когда придется бежать, чтобы купить у уличного торговца сосиску?

Нехватка — голод — началась где-то на западе, в районе ущелья. Поначалу она выглядела в глазах Милилейн далеким от реальности и незначительным событием, поскольку происходило все где-то там, в местах, которые сами казались нереальными. Она никогда не бывала к западу от Тагобара. Когда поступили первые сообщения, она почувствовала некоторое сострадание к тем, кому, как было сказано, грозит голод,— в Мазадоне, Дюлорне и Фалкинкипе,— но ей было трудно поверить, что это творится в действительности. В конце концов, на Маджипуре еще никто не голодал, и какие бы новости о бедствиях ни поступали

с запада: о волнениях, массовых перемещениях, эпидемиях, они казались ей отдаленными не только в пространстве, но и во времени, не происходящими в данный момент, а, скорее, взятыми из учебника истории, из главы о деяниях почившего тысячелетия назад лорда Стиамота.

Но потом Милилейн стала замечать, что бывают дни, когда в тех лавках, где она обычно закупала продукты, отсутствует то нийк, то хингамоты или глейн. Продавцы говорили ей, что это из-за неурожая на западе: из сельскохозяйственной зоны ущелья больше ничего не поступает, а доставка продуктов из других мест — дело долгое и накладное. Затем вдруг были установлены ограничения на продажу составлявших основу питания стаджи и рикки, даже несмотря на то что они росли в здешних местах, а болезни растений до Кинтора еще не добрались. На этот раз объяснением послужила посылка продовольственных резервов в бедствующие провинции. Имперский декрет гласил, что в столь тяжкое время необходимо пойти на некоторые жертвы... и так далее, и тому подобное. Потом пришла весть о появлении заболеваний вокруг Кинтора, а также к востоку от Кинтора вниз по реке до Ни-мойи. Поставки туола, рикки и стаджи сократились наполовину, лусавендра вообще исчезла из продажи, мяса стало совсем мало.

Ходили разговоры о доставке продовольствия с Алханроэля и Сувраэля, где пока все, очевидно, было в порядке. Но Милилейн знала, что это одни разговоры. Во всем мире не хватило бы грузовых судов для поставок с других континентов такого количества продуктов, чтобы заметно исправить положение, а если бы они и были, то цена оказалась бы непомерной.

— Нас ждет голод,— сказала она Кристофону.

И вот в конце концов нехватка достигла и Кинтора. Голод...

Кристофон не думал, что кто-нибудь будет в действительности голодать. Он всегда был оптимистом. Как-нибудь уладится, говорил он. Как-нибудь. Но сейчас сотня людей со всех ног сбегалась к торговцу сосисками. Женщина-хьорт попыталась обойти ее. Милилейн, резко двинув плечом, сбила ее с ног. Раньше она никого не била. Она почувствовала какую-то легкость в голове и спазм в горле. Соперница выкрикнула в ее адрес проклятие, но Милилейн неслась вперед, хотя сердце у нее колотилось, а глаза болели от напряжения. Она отшвырнула в сторону кого-то

еще и локтями проложила себе дорогу к начинавшей образовываться очереди. Лиимен подавал сосиски со странно безучастным видом, присущим всем его собратьям, как будто его совершенно не волновала собравшаяся перед ним толпа.

Милилейн напряженно наблюдала за движением очереди. Перед ней еще семь или восемь человек — хватит ли ей сосисок? Отсюда нельзя было увидеть, что делается там, впереди, помещаются ли на жаровню новые партии по мере распродажи. Останется ли там для нее хоть что-нибудь? Она сравнила себя с жадноватым ребенком, который волнуется, чтобы ему хватило всяких угощений. Я схожу с ума, сказала она себе. Почему какая-то сосиска так много для нее значит? Но ответ был известен. Уже три дня она вообще не ела мяса, если не считать мясом пять полосок соленой драконины, которые она случайно нашла в шкафу в Звездный день. От шипящих сосисок исходил восхитительный аромат. Внезапно приобретение их стало для нее самым важным, быть может, даже единственным делом на свете.

Подошла ее очередь.

— Два вертела,— сказала она.

— Один в руки.

— Тогда один!

Лиимен кивнул. Во взгляде его трех светящихся глаз читалось полное отсутствие всякого интереса.

— Пять крон,— сказал лиимен.

Милилейн ахнула. Для нее пять крон — половина дневного заработка. Она припомнила, что до нехватки вертел сосисок стоил десять мерок. Но ведь то было до нехватки.

— Вы шутите,— сказала она.— Разве можно взвинчивать старую цену в пятьдесят раз! Даже в такие времена.

За ее спиной раздался чей-то крик.

— Платите или уходите, любезнейшая!

Лиимен хладнокровно объяснил:

— Пять крон сегодня. На следующей неделе — восемь крон. Еще через неделю — один реал. Еще через неделю — пять реалов. Через месяц вообще не будет сосисок ни за какие деньги. Вы хотите сосисок? Да или нет?

— Да,— пробормотала Милилейн. У нее дрожали руки, когда она подавала ему пять крон. Еще за одну крону она купила кружку пива, выдохшегося и безвкусного. Опустошенная и ошеломленная, она выбралась из очереди.

Пять крон! Да еще совсем недавно за эти деньги она могла поужинать в хорошем ресторане! Но большинство ресторанов сейчас закрылись, а в оставшиеся, как она слышала, записывались за несколько недель. И одному Божеству известно, какие у них там сейчас цены. Но это просто безрассудство! Пять крон за вертел сосисок! Ее охватило ощущение вины. Что она скажет Кристофону? Правду, только правду. «Я не могла удержаться,— скажет она.— Это был порыв, безумный порыв. Я почувствовала их запах на жаровне и не могла удержаться».

А что будет, когда лиимен запросит восемь крон или реал? Пять реалов? Она не могла найти ответа. Она подозревала, что заплатит любые деньги,— настолько сильным было наваждение.

Она жадно впилась зубами в сосиску, будто боялась, что кто-нибудь вырвет лакомство у нее из рук. Сосиска была на удивление вкусной: сочная, пряная. Она поймала себя на том, что пытается догадаться, чье мясо пошло на ее изготовление. Лучше не думать, сказала она себе. Вполне возможно, что мысль об охоте на мелких грызунов в парке приходила в голову не одному Кристофону.

Она сделала глоток пива и снова поднесла вертел ко рту.

— Милилейн?

Она удивленно подняла глаза.

— Кристофон?

— Так и думал, что найду тебя здесь. Я закрыл лавку и вышел посмотреть, что тут за толпа.

— Неожиданно появился разносчик сосисок. Как по волшебству.

— Вот оно что. Ну да, вижу.

Он смотрел на полусъеденную сосиску у нее в руке.

Милилейн деланно улыбнулась.

— Извини, Крис. Хочешь укусить?

— Один кусочек,— сказал он.— Думаю, что становиться в очередь уже нет смысла.

— Наверное, их распродадут очень быстро.— Она подала ему вертел, стараясь изо всех сил, чтобы он не заметил, с какой неохотой она это делает, и напряженно наблюдала за тем, как он откусывает кусок длиной в дюйм, а то и два. Она почувствовала сильное облегчение, одновременно с некоторыми угрызениями совести, когда он отдал ей остаток.

— Хороша, клянусь Повелительницей!

— Как же иначе! Ведь она стоит пять крон.

— Пять...

— Я не смогла удержаться, Крис. Когда я почуяла их запах в воздухе... я, как зверь, ворвалась в очередь. Я толкалась, пихалась, дралась. Наверное, я заплатила бы сколько угодно. Ах, Крис, прости меня!

— Не извиняйся. А на что еще сейчас тратить деньги? Вдобавок все скоро изменится. Ты слышала новость сегодня утром?

— Какую новость?

— Насчет нового короналя! Он будет здесь с минуты на минуту. Прямо здесь, он проедет по мосту Кинтора.

Она озадаченно спросила:

— А что, лорд Валентин стал понтифексом?

Кристофон покачал головой.

— О Валентине уже можно и не вспоминать. Говорят, он исчез — то ли похищен метаморфами, то ли что-то еще в этом духе. Как бы там ни было, примерно час назад объявили, что короналем теперь Семпетурн.

— Семпетурн? Проповедник?

— Да, тот самый. Он появился в Кинторе ночью. Мэр поддержал его, а герцог, как я слышал, бежал в Ни-мойю.

— Но это невозможно, Крис! Ведь не может кто угодно встать и сказать, что он корональ! Ведь он должен быть выбран, помазан, он должен быть с Замковой горы...

— Мы просто привыкли так думать. Но наступили другие времена. Семпетурн — человек из народа. Такой нам сейчас и нужен. Он знает, как вернуть благорасположение Божества.

Она не верила своим ушам. Забытая сосиска висела у нее в руке.

— Этого не может быть. Это безумие. Лорд Валентин — наш помазанный корональ. Он...

— Семпетурн говорит, что он самозванец, что вся эта история с обменом телами — чушь, что болезнями и голодом мы наказаны за его грехи, что единственная для нас возможность спастись — свергнуть лжекороналя и посадить на трон того, кто поведет нас обратно к справедливости.

— И Семпетурн утверждает, что он и есть тот человек и потому мы должны поклониться ему, принять его и...

— Вот он! — воскликнул Кристофон.

Лицо его раскраснелось, глаза пылали странным блеском. Милилейн еще ни разу не видела мужа в таком возбуждении. Она и сама была как в лихорадке, сбитая с толку и ошеломленная. Новый кораль? Этот маленький краснолицый подстрекатель Семпетурн на троне Конфалюма? Она ничего не понимала. Все равно как если бы ей сказали, что красное — это зеленое, а вода в реках отныне потечет в обратном направлении.

Раздались резкие звуки музыки. На мосту появился величаво вышагивающий оркестр в зеленых с золотом костюмах с эмблемой короналя в виде Горящей Звезды. Оркестр вышел на эспланаду. За ним следовал мэр и другие городские чиновники. Потом появился огромный, причудливо изукрашенный паланкин, на котором восседал низкорослый человек вульгарного вида, с густыми спутанными черными волосами. Человек улыбался и милостиво принимал овации, которыми его приветствовала огромная толпа, следовавшая за ним из города.

— Семпетурн! — ревела толпа.— Семпетурн! Да здравствует лорд Семпетурн!

— Да здравствует лорд Семпетурн! — заорал Кристофон. «Как сон,— подумала Милилейн.— Какое-то ужасное послание, которого я не понимаю».

— Семпетурн! Лорд Семпетурн!

Теперь кричали все, кто только был на эспланаде. Толпа словно обезумела. Милилейн, не ощутив никакого вкуса, машинально проглотила остаток сосиски и уронила вертел на землю. Казалось, мир сотрясается у нее под ногами. Кристофон кричал не переставая, уже охрипшим голосом:

— Семпетурн! Лорд Семпетурн! — Паланкин проследовал мимо: лишь двадцать ярдов отделяли их от нового короналя, если он действительно был им. Он повернулся и посмотрел прямо в глаза Милилейн. С изумлением и растущим ужасом она услышала свой крик:

— Семпетурн! Да здравствует лорд Семпетурн!

Глава 2

— Куда? — ошарашенно переспросил Элидат.

— В Илиривойн,— повторил Тунигорн.— Он отправился три дня назад.

Элидат покачал головой.

— Я слышу ваши слова, но они до меня не доходят. Мой разум отказывается их воспринимать.

— Клянусь Повелительницей, для меня это тоже непостижимо! Но ничего не поделаешь. Он намеревается предстать перед Данипиур и вымолить у нее прощение за все прегрешения против ее народа. В общем, сущее безумие.

Всего за час до этого разговора корабль Элидата вошел в гавань Пилиплока. Он сразу же поспешил в городскую ратушу в надежде застать там Валентина или в худшем случае отправиться вслед за ним в Ни-мойю. Но там не оказалось никого из королевской свиты, за исключением Тунигорна, которого он обнаружил угрюмо перебирающим какие-то бумаги в небольшой пыльной комнатушке. А то, что Тунигорн ему рассказал: великая процессия отменена, кораль отправился в дикие джунгли к метаморфам,— нет, нет, это уж слишком, это выше всякого разумения!

Усталость и отчаяние, подобно исполинским валунам, обрушились на его душу, и он почувствовал, что не выдерживает их сокрушительной тяжести.

Безжизненным голосом он произнес:

— Я гнался за ним через полмира, чтобы удержать его от чего-нибудь подобного. Знаете, какой была моя поездка, Тунигорн? День и ночь я мчался в парящих машинах к побережью, не останавливаясь ни на мгновение. А потом спешил через море, кишащее разъяренными драконами, которые трижды столь близко подходили к нашему кораблю, что я уж думал, они нас потопят. И когда я наконец, полуживой от изнеможения, добираюсь до Пилиплока, то узнаю, что опоздал на три дня, что он пустился в это нелепое гибельное приключение, хотя если бы я передвигался хоть немного быстрее, если бы я выехал несколькими днями раньше...

— Вы не смогли бы заставить его переменить решение, Элидат. Никто не смог. Слит не смог. Делиамбер не смог. Карабелла не смогла...

— Даже Карабелла?

— Даже Карабелла.

Отчаянию Элидата не было предела. Тем не менее он продолжал сопротивляться, стараясь не поддаваться страху и сомнению.

— И все же Валентин выслушает меня, и я смогу повлиять на него. В этом я уверен.

— Боюсь, вы обманываете себя, дружище,— грустно заметил Тунигорн.

— Зачем же вы вызвали меня, если считаете задачу невыполнимой?

— Когда я вызывал вас, то вообразить себе не мог, что задумал Валентин. Я лишь догадывался о том, что он чересчур возбужден и готов к каким-то опрометчивым действиям. Мне казалось, что, если вы будете рядом с ним во время процессии, вы сможете успокоить его и отговорить от задуманного. Когда он сообщил нам о своих намерениях и дал понять, что ничто не заставит его отказаться от них, вы были еще очень далеко. Ваше путешествие было напрасным, и мне остается лишь выразить сожаление по этому поводу.

— Все равно я отправлюсь к нему.

— Боюсь, вы ничего не добьетесь.

Элидат пожал плечами.

— Я и так уже довольно далеко забрался, так зачем же останавливаться на полпути? Возможно, несмотря ни на что, мне все же удастся привести его в чувство. Вы сказали, что планируете отправиться за ним завтра?

— Да, в полдень. Как только я разберусь со всеми оставшимися сообщениями и декретами.

Элидат резко подался вперед.

— Возьмите их с собой. Нам нужно выехать сегодня вечером!

— Это было бы неразумно. Вы же сами сказали, что путешествие вымотало вас, да и по вашему лицу видно, насколько вы устали. Отдохните сегодня в Пилиплоке, поешьте, как следует отоспитесь, а завтра...

— Нет! — воскликнул Элидат.— Сегодня, Тунигорн! Каждый час промедления с нашей стороны приближает его к землям метаморфов! Неужели вы не видите опасности? — Он окинул Тунигорна ледяным взглядом.— Если придется, я уеду без вас.

— Я не могу вам этого позволить.

Элидат поднял брови.

— Вы хотите сказать, что моя поездка зависит от вашего разрешения?

— Вы понимаете, что я имел в виду. Я не могу допустить, чтобы вы в одиночку отправились неизвестно куда.

— Тогда выезжаем сегодня вместе.

— Может, все-таки подождем до завтра?

— Нет!

Тунигорн на мгновение прикрыл глаза. Потом он тихо произнес:

— Хорошо. Пусть будет так. Сегодня вечером.

Элидат кивнул.

— Мы возьмем небольшое быстроходное судно и, если повезет, перехватим его до того, как он доберется до Ни-мойи.

Тунигорн невесело заметил:

— Но он не собирается в Ни-мойю, Элидат.

— Не понимаю. Насколько я знаю, единственный путь отсюда до Илиривойна идет вверх по реке мимо Ни-мойи до Верфа, а потом на юг, от Верфа до врат Пиурифэйна.

— Хотелось бы мне, чтобы он отправился этим путем.

— Но разве туда можно попасть как-нибудь еще? — спросил удивленный Элидат.

— Другого разумного маршрута нет. Но он выбрал иной путь: на юг до Гихорна, а потом через Стейч в страну метаморфов.

— Разве это возможно? Гихорн — безлюдная, заброшенная земля. Стейч — непреодолимая река. И он это знает, а если не знает он, то наверняка про то известно маленькому врууну.

— Делиамбер изо всех сил старался отговорить его. Валентин и слушать не стал. Он обратил внимание на то, что если бы он отправился через Ни-мойю, то ему пришлось бы останавливаться в каждом городе для обычных церемоний, устраиваемых во время великой процессии, а он не хочет откладывать паломничество к метаморфам.

Элидат почувствовал, что его охватывают смятение и тревога.

— Итак, он намеревается преодолеть песчаные бури бесплодного Гихорна, а потом попытается переправиться через реку, в которой однажды чуть не утонул...

— Да, и к тому же собирается нанести визит тем, кто десять лет назад успешно сбросил его с трона...

— Безумие!

— Действительно, безумие,— согласился Тунигорн.

— Так вы согласны? Отправляемся сегодня?

— Да, сегодня.

Тунигорн протянул руку, и Элидат крепко пожал ее. Они немного помолчали.

Тишину нарушил Элидат.

— Ответьте мне на один вопрос, Тунигорн.

— Спрашивайте.

— Вы неоднократно употребляли слово «безумие», когда говорили о предприятии Валентина. И я тоже произносил это слово. Так оно и есть. Но я не видел его год, а то и больше, а вы находились с ним рядом все то время, которое прошло после отъезда с Замковой горы. Скажите мне: вы в самом деле думаете, что он сошел с ума?

— Сошел с ума? Нет, я так не думаю.

— Даже когда назначал юного Хиссуна в принципат? Когда затеял паломничество к метаморфам?

Немного помолчав, Тунигорн ответил:

— Этого не сделали бы ни вы, Элидат, ни я. Но я полагаю, что мы видим признаки не безумия Валентина, а его великодушия, доброты, в некотором роде даже святости, чего-то такого, чего мы с вами не в состоянии полностью постичь. Мы всегда знали, что Валентин во многом от нас отличается.

— Да, согласен: святость лучше, чем безумие,— нахмурился Элидат.— Но разве вы считаете, что в столь смутные, тяжелые времена от короналя Маджипура требуются именно такие качества: великодушие и святость?

— У меня нет ответа, старина.

— И у меня. Но я не могу отделаться от страха.

— Я тоже,— ответил Тунигорн.— Не могу, и все.

Глава 3

И-Уулисаан не спал. Он лежал в темноте и напряженно прислушивался к реву ветра, задувавшего над безлюдными землями Гихорна. То был резкий, порывистый ветер с востока, который вздымал тучи сырого песка и неустанно швырял его на палатку.

Королевский караван, в котором он находился уже столь продолжительное время, остановился лагерем в нескольких сотнях миль к юго-западу от Пилиплока. До реки Стейч оставалось лишь несколько дней пути, а за ней находился Пиурифэйн. И-Уулисаану отчаянно хотелось как можно скорее переправиться через реку и вдохнуть воздух родных мест, и по мере приближения каравана к реке это желание становилось все более настойчивым.

Опять оказаться дома, среди своих, освободиться от бремени нескончаемого маскарада... Скоро... скоро...

Но сначала он должен предупредить Фараатаа о намерениях лорда Валентина.

Шесть дней прошло после того, как Фараатаа последний раз связывался с И-Уулисааном, а шесть дней назад И-Уулисаан не знал, что корональ собирается предпринять паломничество в страну пиуриваров. Нет сомнения, что Фараатаа должен узнать об этом. Но И-Уулисаан не имел надежных средств войти с ним в контакт ни по обычным каналам, которые фактически не действовали в этой безотрадной, безлюдной местности, ни через морских драконов. Слишком много разумов требуется, чтобы привлечь к себе внимание водяных королей, а помощников у И-Уулисаана не было.

Все равно надо попробовать. Так же как и в предыдущие ночи, он сосредоточил всю свою психическую энергию и послал ее вдаль, отчаянно пытаясь установить хоть какой-то контакт через тысячи миль, отделяющих его от предводителя мятежа.

— Фараатаа! Фараатаа!

Безнадежно. Без помощи водяного короля в качестве посредника такая передача немыслима. И-Уулисаан знал это. И все же он продолжал взывать. Он заставил себя верить, что существует мизерная возможность того, что какой-нибудь проплывающий мимо водяной король поймает послание и усилит его. Шансов немного, почти никаких, но он не мог позволить себе пренебречь даже ничтожной вероятностью.

— Фараатаа!

От усилий внешность И-Уулисаана претерпела некоторые изменения. Его ноги удлинились, а нос уменьшился в размере. Он решительно устранил эти изменения, прежде чем их заметит кто-нибудь из находившихся в палатке, и вернул себе человеческий облик. С тех пор как он впервые принял этот облик в Алханроэле, он не позволял себе видоизменяться даже на мгновение, иначе они догадаются, что он шпион пиуриваров. Это требовало от него постоянных усилий, что стало уже почти невыносимо: но он поддерживал себя в одном и том же образе.

Он продолжал посылать в ночь энергию своей души.

— Фараатаа! Фараатаа!

Ничего. Тишина. Одиночество. Как обычно.

Через некоторое время он оставил всякие попытки и попытался уснуть. До утра еще далеко. Он откинулся на спину и закрыл воспаленные глаза.

Но сон не приходил. Ему вообще редко удавалось уснуть во время этого путешествия. В лучшем случае он мог лишь ненадолго вздремнуть. Мешало слишком многое: неумолчный шум ветра, звук песка, барабанящего по полотну палатки, громкое сопение и храп людей короналя, с которыми он делил палатку. А самое главное — постоянная тупая боль от ощущения своего одиночества среди враждебных, чужих существ. Так и ждал он наступления рассвета в состоянии крайнего напряжения.

Потом, где-то между часами Шакала и Скорпиона, он услышал в своей голове гулкий, гудящий звук. Он пребывал в таком напряжении, что внезапное вторжение лишило его в одно мгновение устойчивой внешности: он помимо своей воли прошел через несколько форм — скопировал вначале внешность двух человеческих существ, спавших поблизости, затем на долю секунды принял форму пиуривара,— прежде чем сумел взять себя в руки. Он сел. Сердце колотилось, дыхание было прерывистым, он снова стал настраиваться на музыку мыслей.

Да. Вот она. Сухой, ноющий звук, странно скользящий между интервалами гаммы. Теперь он узнал песню сознания водяного короля, которую по звучанию и тембру нельзя было спутать ни с чем, хотя он никогда не слышал песни именно этого водяного короля. Он открыл свой разум для контакта и мгновение спустя с громадным облегчением услышал мысленный голос Фараатаа:

— И-Уулисаан?

— Наконец-то, Фараатаа! Сколько я ждал твоего вызова!

— Вызов пришел в назначенное время, И-Уулисаан.

— Да, я знаю. Но у меня есть для тебя срочные новости. Я вызывал тебя каждую ночь, пытаясь осуществить контакт пораньше. Ты ничего не слышал?

— Я не слышал ничего. Ты не сумел пробиться ко мне.

— Понятно.

— Где ты, И-Уулисаан, и что у тебя за новости?

— Я нахожусь где-то в Гихорне, далеко от Пилиплока в глубине материка, почти возле Стейч. Я по-прежнему нахожусь в окружении короналя.

— Возможно ли, чтобы он зашел с великой процессией в Гихорн?

— Он оставил процессию, Фараатаа. Теперь он передвигается в сторону Илиривойна, чтобы встретиться с Данипиур.

В ответ наступила тишина, тишина настолько тяжелая и напряженная, что она потрескивала, как разряд молнии, с шипением и шуршанием. И-Уулисаан подумал было, что контакт полностью прервался. Но Фараатаа наконец заговорил:

— Данипиур? Что он хочет от нее?

— Прощения.

— Прощения за что, И-Уулисаан?

— За все преступления его народа против нашего.

— Тогда он сошел с ума.

— Некоторые из его спутников тоже так думают. Другие говорят, что это единственный путь Валентина — ответить на ненависть любовью.

Наступила еще одна продолжительная пауза.

— Он не должен говорить с ней, И-Уулисаан.

— Я тоже так считаю.

— Сейчас не время для прощения. Сейчас — время борьбы, иначе у нас не будет победы. Я не допущу его к ней. Они не должны встретиться. Он может попытаться достичь компромисса, а компромисса быть не должно!

— Я понимаю.

— Победа уже почти за нами. Правительство разваливается. Разрушается установленный порядок вещей. Знаешь ли ты, И-Уулисаан, что появилось уже три лжекороналя? Один объявился в Кинторе, другой — в Ни-мойе, а третий — в Дюлорне.

— Это правда?

— Абсолютная. Неужели ты ничего не знаешь?

— Ничего. Думаю, что и Валентин ни о чем подобном не подозревает. Мы здесь очень далеко оторвались от цивилизации. Три лжекороналя! Это начало их конца, Фараатаа!

— Мы тоже так думаем. Все складывается для нас удачно. Болезни продолжают распространяться. С твоей помощью, И-Уулисаан, мы смогли найти способы противостоять мерам, принимаемым правительством, и даже ухудшить обстановку. Зимроэль повержен в хаос. На Алханроэле появляются первые серьезные трудности. Победа за нами!

— Победа за нами, Фараатаа!

— Но мы должны перехватить короналя по пути в сторону Илиривойна. Назови, если сможешь, ваше точное расположение.

— Три дня мы двигались в парящем экипаже к юго-западу от Пилиплока, в сторону Стейч. Я слышал, как кто-то сегодня говорил, что до реки нам осталось не больше двух дней пути, возможно, меньше. Вчера корональ с несколькими спутниками покинул караван и ушел вперед. Сейчас они должны быть уже где-то там, недалеко от реки.

— А как он собирается переправляться?

— Этого я не знаю. Но...

— Давай! Хватай его!

При этом неожиданном выкрике контакт с Фараатаа полностью прервался. Из темноты возникли две громадные фигуры и навалились на метаморфа. Изумленный, застигнутый врасплох, И-Уулисаан вскрикнул.

До него дошло, что его схватили воительница-великанша Лизамон Халтин и свирепый, лохматый скандар Залзан Кавол. Вруун Делиамбер находился на безопасном удалении; его щупальца извивались самым причудливым образом.

— Что вы делаете? — возмутился И-Уулисаан.— Это произвол!

— Ага, так и есть,— бодро ответила амазонка.— Никаких сомнений, что это и есть произвол.

— Отпустите меня сейчас же!

— Можешь не надеяться, шпион! — рявкнул скандар.

И-Уулисаан отчаянно пытался освободиться от нападавших, но в их руках он был всего лишь беспомощной куклой. Его охватила паника, и он почувствовал, что ему уже не удается сохранить свое прежнее обличье. Но он ничего не мог сделать, чтобы восстановить форму: утрата самоконтроля приведет к тому, что он появится в своем истинном виде. Пока они держали его, он вертелся и извивался, стремительно проходя целый ряд видоизменений, превращаясь то в одно, то в другое существо: то ощетинивался шипами и колючками, то становился длинной змеей. Контакт с Фараатаа забрал у него столько энергии, что он стал совершенно беспомощным, не мог даже вызвать какую-нибудь защитную реакцию вроде электрошока, и кричал и рычал в отчаянии, пока вруун не поднес к его лбу щупальце и не оглушил

мысленным ударом. И-Уулисаан обмяк и остался лежать в полубессознательном состоянии.

— Надо доставить его к короналю,— сказал Делиамбер.— Мы допросим его в присутствии лорда Валентина.

Глава 4

Во время поездки к Стейч в западном направлении с передовым отрядом королевского каравана Валентин увидел, что окружающий пейзаж резко меняется с каждым часом: однообразие Гихорна сменилось таинственным буйством дождевого леса Пиурифэйна. Позади осталось неряшливое побережье с его дюнами и песчаными наносами, редкими пучками зубчатой травы и чахлыми деревцами с вяловатыми желтыми листьями. Теперь песка в почве было все меньше, она становилась все плодороднее, темнее, обретала способность обеспечивать питание пышной растительности; в воздухе больше не ощущалось пряного морского запаха, но теперь в нем появился сладковатый, мускусный аромат джунглей. Но Валентин понимал, что и это лишь переходная местность. Настоящие джунгли были еще впереди, за Стейч, царство туманов и неизвестности, густой темной зелени, окутанных дымкой гор и холмов: королевство метаморфов.

Примерно за час до сумерек они добрались до реки. Первым здесь оказался экипаж Валентина, а остальные два появились через несколько минут. Он подал знак их капитанам, чтобы они встали параллельно берегу. Потом вышел из парящей машины и напрвился к воде.

У Валентина имелись причины хорошо запомнить эту реку. Он появлялся здесь в годы изгнания, когда со своими товарищами-жонглерами спасался бегством от гнева метаморфов Илиривойна. Теперь он вновь стоял перед стремительным потоком Стейч и мысленно возвращался во времена той бешеной поездки по раскисшему от дождей Пиурифэйну, к кровавой схватке с засадой меняющих форму, после которой их спасли и вывели к Стейч похожие на обезьян маленькие лесные братья. А потом — ужасный, злополучный сплав на плотах по бурной реке среди грозных валунов, водоворотов и течений в надежде добраться до безопасной Ни-мойи...

Но сейчас здесь не было ни водоворотов, ни остроконечных скал, рассекающих кипящую поверхность воды, ни отвесных

каменных стен вдоль берега. Течение было быстрым, но гладкая поверхность воды не вызывала сомнений в возможности переправиться.

— Неужели мы добрались до Стейч? — спросила Карабелла.— Эта река совершенно не похожа на ту, что доставила нам столько хлопот.

Валентин кивнул.

— Все хлопоты остались на севере. Тут она выглядит гораздо пристойнее.

— Но не слишком ласково. Мы сможем переправиться?

— Должны,— сказал Валентин, вглядываясь в отдаленный западный берег и лежащий за ним Пиурифэйн.

Начинало смеркаться, и в наступающей темноте земли метаморфов казались неприступными, недостижимыми. У короналя опять стало портиться настроение. Уж не безрассудство ли, подумал он, вся эта отчаянная экспедиция в джунгли? Возможно. Возможно, единственным результатом всей этой затеи с походом за прощением королевы метаморфов станут насмешка и стыд. И, возможно, тогда лучшим, что он только сможет сделать, будет отречься от престола, которого он никогда особо и не домогался, и передать власть кому-то, более жестокому и решительному.

Возможно. Возможно...

Он заметил, как на другой стороне вынырнуло из воды и неторопливо вышло на берег какое-то медлительное создание; то было неуклюжее на вид животное: продолговатая туша с бледно-голубой кожей и единственным огромным печальным глазом на макушке округлой головы. Привлеченный уродством и неповоротливостью существа, Валентин с интересом наблюдал за ним, а оно уткнулось мордой в раскисшую почву берега и стало раскачиваться из стороны в сторону, как бы пытаясь вырыть лбом нору.

Подошел Слит. Валентин, полностью поглощенный наблюдением за нелепым зверем, некоторое время не обращал на Слита внимания, а потом повернулся к нему.

Валентину показалось, что выражение лица у того задумчивое, даже несколько озабоченное.

— Мы собираемся разбить здесь лагерь на ночь, так, мой лорд? И дождаться утра, чтобы проверить, могут ли экипажи передвигаться по реке с таким быстрым течением, верно?

— Да, таковы мои намерения.

— С вашего разрешения, мой лорд, я бы предложил подумать о том, чтобы переправиться сегодня, если это возможно.

Валентин нахмурился. Он чувствовал себя странно отстраненным: слова Слита, казалось, доходят до него с огромного расстояния.

— Насколько я помню, наш план состоит в том, чтобы с утра поэкспериментировать с парящими экипажами, но остаться на этом берегу реки и дождаться всего каравана, прежде чем мы действительно начнем переправляться. Разве не так?

— Да, мой лорд, но...

— Тогда необходимо распорядиться о разбивке лагеря до темноты, верно, Слит? — Сочтя вопрос решенным, кораль опять повернулся к реке.— Видите вон то странное животное на том берегу?

— Вы имеете в виду громварка?

— Так оно называется? Как вы думаете, зачем он трется мордой о землю?

— Роет нору, как мне кажется, чтобы спрятаться в ней, когда начнется буря. Понимаете, они живут в воде, и, как я предполагаю, он решил, что в воде будет слишком неспокойно...

— Буря? — переспросил Валентин.

— Да, мой лорд, об этом я и пытался вам сказать. Взгляните на небо, мой лорд!

— Небо темнеет. Скоро ночь.

— Да нет, на восток,— проговорил Слит.

Валентин повернулся и посмотрел в сторону Гихорна. Солнце давно уже обещало зайти; Валентин ожидал, что небо в это время суток будет серым или даже черным. Однако на востоке все еще горел причудливый закат, противоречивший естественному порядку вещей: небо освещалось каким-то бледным свечением, розовым с проблесками желтого, бледно-зеленым на горизонте. Цвета отличались некоей необычной, неравномерной насыщенностью, будто небо пульсировало. Мир казался чрезвычайно спокойным: Валентин слышал течение реки, но больше ничто не нарушало тишину — ни вечерние песни птиц, ни несмолкаемый прежде писк маленьких алых древесных лягушек, которые водились здесь тысячами. Кроме того, в воздухе ощущалась сухость пустыни, ее обжигающее дыхание.

— Песчаная буря, мой лорд,— тихо сказал Слит.

— Вы уверены?

— На побережье, должно быть, уже метет. Весь день дул восточный ветер, а именно оттуда, с океана, и приходят гихорнские бури. Сухой ветер с океана, ваша светлость. Вы можете предсказать последствия? Я — нет.

— Ненавижу сухой ветер,— пробормотала Карабелла.— Он похож на тот, которые драконобои называют «посланием». От него мне нехорошо.

— Вы знаете, мой лорд, что это за бури? — спросил Слит.

Валентин неохотно кивнул. Образование короналя включает в себя множество сведений из географии. Песчаные бури в Гихорне случались нечасто, но они пользовались дурной славой: лютые ветры, которые, как ножом, срезали дюны, вздымали тонны песка и со всесокрушающей свирепостью несли их в глубь материка. Они бывали по два-три раза на памяти одного поколения, но потом их долго не могли забыть.

— Что будет с теми, кто остался в караване? — спросил Валентин.

— Буря наверняка пройдет над ними. Она, возможно, уже над ними, а если нет, то скоро будет. В Гихорне очень сильные бури. Послушайте, ваша светлость, послушайте!

Ветер усиливался.

Валентин услыхал, пока в отдалении, низкий шипящий звук, который потихоньку начинал заполнять неестественную тишину. Поначалу он напоминал яростный шепот некоего великана, шепот, который скоро перейдет в ужасный, раздирающий уши рев.

— А что будет с нами? — спросила Карабелла.— До этих мест буря дойдет, Слит?

— Громварк думает, что да, миледи. Ему хочется переждать ее под землей.— Он повернулся к Валентину: — Вы позволите дать совет, мой лорд?

— Извольте.

— Мы должны переправиться сейчас, пока это еще возможно. Если буря застигнет нас, она может повредить экипажи или уничтожить их, и тогда мы лишимся возможности передвигаться по воде.

— Но больше половины моих людей еще в Гихорне!

— Если они еще живы.

— Делиамбер... Тизана... Шанамир!..

— Я понимаю, мой лорд, но сейчас мы ничем не можем им помочь. Если мы вообще собираемся продолжать наш путь, то нам надо переправляться, иначе потом это будет невозможно. На той стороне мы можем укрыться в джунглях, разбить там лагерь и подождать, пока остальные не присоединятся к нам, если присоединятся вообще. Но если мы не уйдем отсюда, то рискуем остаться здесь навеки, застрять так, что ни вперед, ни назад.

Безрадостная перспектива, подумал Валентин, но вполне правдоподобная. Однако его по-прежнему терзали сомнения: ему не хотелось идти дальше, в Пиурифэйн, пока ближайшие, самые дорогие ему люди испытывают судьбу под ударами гихорнских песков. На какое-то мгновение у него возникло непреодолимое желание развернуть экипажи на восток, чтобы разыскать оставшихся там спутников. Но он сразу же отбросил эту мысль, как совершенно безрассудную. Возвращением туда он ничего не добьется, только подвергнет опасности еще нескольких друзей. Буря, возможно, не забралась еще так далеко на запад; поэтому лучше всего подождать, пока она уляжется, а потом вернуться в Гихорну, чтобы подобрать тех, кто уцелеет.

Он стоял неподвижно и молчаливо, мрачно вглядываясь в царство тьмы на востоке, странным образом подсвеченное разрушительной мощью песчаной бури.

Ветер продолжал набирать силу. Валентин осознал, что буря настигнет их, сметет и, возможно, забросит в джунгли Пиурифэйна еще до того, как иссякнет ее мощь. Потом он прищурился, моргнул от удивления и показал куда-то рукой.

— Вы видите приближающиеся огни? Это огни парящей машины?

— Пресвятая Повелительница! — хрипло пробормотал Слит.

— Это они? — спросила Карабелла.— Думаете, они спаслись от бури?

— Только один экипаж, мой лорд,— тихо заметил Слит.— И, кажется, не из королевского каравана.

Валентин подумал то же самое. Королевские экипажи представляли собой огромные машины, вмещающие много людей и груза. А к ним со стороны Гихорна приближался сейчас аппарат, смахивавший на небольшой частный экипаж, рассчитанный на двух-четырех пассажиров: впереди у него было только

две фары, светившие не очень ярко, в то время как у больших машин фар было три, и все очень мощные.

Экипаж остановился не дальше чем в тридцати футах от короналя. Его тут же окружили охранники лорда Валентина, держа наизготовку излучатели. Двери экипажа открылись, и из него выбрались, шатаясь от усталости, двое изможденных мужчин.

У Валентина от изумления перехватило дыхание.

— Тунигорн? Элидат?

Невероятно! Как сон, как видение... Тунигорн сейчас должен находиться в Пилиплоке и заниматься текущими делами. А Элидат? Откуда мог взяться Элидат? Ведь Элидату следует быть в тысячах миль отсюда, на вершине Замковой горы. Его появление здесь, на границе темных пиурифэйнских лесов, казалось Валентину не меньшей неожиданностью, чем было бы появление матери — Повелительницы Снов.

И все же высокий человек с нависающими бровями и раздвоенным подбородком был не кем иным, как Тунигорном, а второй, еще более рослый, с пронзительным взглядом и широким лицом,— без всякого сомнения, Элидатом. Если только... если...

Ветер крепчал все больше. Теперь Валентину казалось, что в нем появились тонкие песчаные ручейки.

— Вы настоящие? — резко окрикнул их Валентин.— Или просто пара искусных подделок метаморфов?

— Настоящие, Валентин, вполне настоящие! — воскликнул Элидат и раскрыл объятия навстречу короналю.

— Клянусь Божеством, ваши глаза вас не обманывают,— сказал Тунигорн.— Мы не фальшивые и мчались, мой лорд, день и ночь, чтобы застать вас в этом месте.

— Да,— произнес Валентин.— Думаю, вы настоящие.

Он хотел было пойти навстречу объятиям Элидата, но между ними неуверенно встали охранники. Валентин сердитым жестом отогнал их и крепко обнял своего самого старого и ближайшего друга, после чего отпустил его и отступил на шаг, чтобы как следует рассмотреть. Прошло чуть больше года с их последней встречи, но Элидат выглядел постаревшим по меньшей мере лет на десять. Вид у него был потрепанный, измотанный. Что же его так подкосило, подумал Валентин: бремя регентства или тяготы долгого путешествия на Зимроэль? Когда-то он был Валентину как брат, поскольку они были ровесниками и обладали

душевным сходством: теперь же Элидат вдруг превратился в усталого старика.

— Мой лорд, буря...— заговорил Слит.

— Один момент,— резко оборвал его Валентин.— Мне нужно многое узнать.— Уже обращаясь к Элидату, он спросил: — Как вы здесь оказались?

— Я прибыл, мой лорд, чтобы умолять вас не идти навстречу гибели.

— Что заставило тебя думать, что я иду навстречу гибели?

— До меня дошли сведения, что вы собираетесь войти в Пиурифэйн и вести переговоры с метаморфами.

— Решение принято совсем недавно. А ты, должно быть, покинул Гору за много недель, а то и месяцев до того, как мысль об этом пришла ко мне в голову.— Уже с некоторым раздражением Валентин добавил: — Так-то ты мне служишь, Элидат? Оставить вверенный тебе пост в Замке и преодолеть полмира, чтобы вмешиваться в мои действия?

— Мое место рядом с тобой, Валентин.

Валентин нахмурился.

— Из любви к тебе я приветствую тебя и принимаю в свои объятия. Но мне хотелось бы, чтобы тебя здесь не было.

— Мне тоже,— сказал Элидат.

— Мой лорд,— настойчиво вмешался Слит.— Буря уже совсем рядом! Умоляю...

— Да, буря,— произнес Тунигорн.— Гихорнская песчаная буря, трудно даже вообразить. Мы слышали, как она ревела на побережье, когда отправлялись, и всю дорогу она гналась за нами. Она будет здесь через час, полчаса, а то и меньше, мой лорд!

Валентин почувствовал, как напряжение тесным обручем сдавило ему грудь. Буря, буря, буря! Да, Слит прав: они должны что-то делать. Но у него еще столько вопросов... ему столько нужно узнать...

Он обратился к Тунигорну:

— Вы не могли миновать по дороге другой лагерь. Лизамон, Делиамбер, Тизана — они в безопасности?

— Они постараются защитить себя всеми доступными способами. А мы должны заняться тем же. Надо двигаться на запад и постараться найти укрытие в джунглях, пока на нас не обрушилось самое страшное...

— Именно это я и советовал,— сказал Слит.

— Хорошо,— произнес Валентин. Он посмотрел на Слита.— Готовьте машины к переправе.

— Есть, мой лорд.— Слит тут же сорвался с места.

— А кто же управляет в Замке, если ты здесь? — спросил Валентин у Элидата.

— Я назначил регентский совет из троих членов: Стазилейна, Диввиса и Хиссуна.

— Хиссуна?

На щеках у Элидата появился румянец.

— Я считал, что таково твое желание — как можно быстрее продвигать его в правительство.

— Верно. Ты правильно сделал, Элидат. Но я подозреваю, что кое-кто остался не слишком доволен твоим выбором.

— Именно так. Принц Манганот Банглкодский, герцог Халанкский и...

— Имен можешь не называть. Я их и так знаю,— перебил Валентин.— Думаю, что со временем они изменят свое мнение.

— И я так думаю. Мальчик изумительный, Валентин. Ничто не ускользает от его внимания. Он обучается поразительно быстро. Действует наверняка. А если и ошибается, то знает, как извлечь пользу из своей ошибки. Он мне немного напоминает тебя в его возрасте.

Валентин покачал головой.

— Нет, Элидат. Он совсем не похож на меня. Пожалуй, именно это я и ценю в нем больше всего. Мы видим одно и то же, но разными глазами.— Он улыбнулся, взял Элидата за локоть и, чуть помедлив, мягко спросил: — Ты понимаешь, какие у меня планы на его счет?

— Думаю, что понимаю.

— И тебя это тревожит?

Элидат ответил открытым взглядом.

— Ты же знаешь, что нет.

— Да, знаю,— сказал корональ. Он стиснул руку Элидата, отпустил ее и отвернулся, чтобы Элидат не увидел в его глазах внезапно блеснувших слез.

Насыщенный песком, жутко завывающий ветер прорвался сквозь расположенную к востоку рощу деревьев с тонкими стволами и, будто невидимыми ножами, изодрал в клочья их широкие листья. Валентин ощутил бьющие по лицу колючие струи

песка и плотнее закутался в плащ. Остальные сделали то же самое. Возле реки, где Слит наблюдал за переоборудованием сухопутных движителей экипажей для переправы, кипела работа.

Тунигорн сказал:

— Есть еще одна весьма странная новость, Валентин.

— Рассказывай!

— Советник по сельскому хозяйству, который появился у нас в Алаизоре...

— И-Уулисаан? Что с ним? Что-то случилось?

— Он шпион метаморфов, мой лорд.

Валентин был потрясен.

— Что?

— Его поймал Делиамбер: вруун почувствовал ночью нечто необычное и не успокоился, пока не отыскал И-Уулисаана, который поддерживал с кем-то мысленную связь. Он распорядился, чтобы скандар и амазонка схватили его, что они и сделали, а И-Уулисаан при этом начал менять формы как пойманный демон.

Валентин яростно сплюнул.

— Неслыханно! И все эти недели мы таскали с собой шпиона, доверяли ему все наши плань по борьбе с эпидемиями в пораженных провинциях... нет! Нет! Что они с ним сделали?

— Сегодня вечером они хотели доставить его к вам для допроса,— ответил Тунигорн.— Но потом началась буря, и Делиамбер решил, что разумней будет переждать в лагере.

— Мой лорд! — окликнул с берега Слит.— Мы готовы к началу переправы!

— Есть еще кое-что,— сказал Тунигорн.

— Пошли. Расскажешь по дороге.

Они поспешили к экипажам. Ветер дул беспощадно: под его напором деревья сгибались почти до земли. Карабелла, которая шла рядом с Валентином, споткнулась и едва не упала, но Валентин успел ее подхватить. Он крепко обнял ее одной рукой: она была настолько легкой и воздушной, что ее мог бы унести любой порыв ветра. Тунигорн заговорил снова:

— Я как раз собирался уезжать, когда в Пилиплок пришло сообщение о новых беспорядках. Некий бродячий проповедник по имени Семпетурн объявил себя в Кинторе короналем, и некоторая часть населения признала его.

Валентин издал такой звук, будто его ударили под дых.

— И это еще не все. Говорят, в Дюлорне появился другой кораль: гэйрог по имени Ристимаар. Если верить слухам, в Нимойе объявился третий, но его имя пока неизвестно. Сообщают также о том, что обнаружился по крайней мере один понтифекс — в Велатисе или, возможно, в Нарабале. Мы не совсем уверены, мой лорд, поскольку линии связи в настоящий момент работают с перебоями.

— Все так, как я и предполагал,— произнес Валентин безжизненным голосом.— Божество обрушило на нас всю свою мощь. Государство разрушено. Само небо расколото и падает на нас.

— Заходите в экипаж, мой лорд! — закричал Слит.

— Слишком поздно,— пробормотал Валентин.— Теперь нам не будет прощения.

Когда они забрались в машины, буря разразилась над ними в полную силу. Сначала наступила странная тишина, будто атмосфера покинула это место в страхе перед надвигающимся ветром, прихватив с собой способность передавать звук; но уже через мгновение прогремел гром, глухой и отрывистый, как звук падения чего-то тяжелого. Сразу же за ним налетела буря, сопровождаемая ревом и завываниями, а также песчаными вихрями, воздух от которых сделался непрозрачным.

В это время Валентин сидел уже внутри экипажа рядом с Карабеллой и Элидатом. Неуклюже раскачиваясь, напоминая какого-то огромного аморфибота, машина выбралась из дюны, где стояла полузасыпанная песком, сползла к реке и шлепнулась в воду.

Тьма сгустилась, внутри нее виднелось причудливое, светящееся ядро пурпурно-зеленого света, яркость которого, казалось, раздувается силой ветра, проносящегося над землей. Река совершенно почернела, и на ее поверхности под влиянием катастрофически резкого изменения давления вздымались валы и образовывались бездонные провалы. Песок непрерывными завихряющимися потоками обрушивался на воду, оставляя на ней следы, напоминающие разрывы. Карабеллу подташнивало, она заходилась в кашле, а Валентин пытался справиться с приступом невероятной дурноты; экипаж рыскал и раскачивался самым непредсказуемым образом, его носовая часть то поднималась над водой, то плюхалась обратно, поднималась снова и вновь опускалась — плюх-плюх-плюх. Низвергающийся песок разрисовал окна чудесными узорами, но вскоре они стали мутными; впрочем, Валентин различал силуэт соседнего экипажа, вставшего на дыбы: вот он застыл на миг в немыслимом положении, а затем рухнул в реку.

Потом за окнами экипажа ничего не стало видно, слышался лишь вой ветра, да песок выбивал на корпусе барабанную дробь.

Голова у Валентина шла кругом, тем не менее он испытывал некую умиротворенность. Теперь ему казалось, будто экипаж ритмично раскачивается вокруг продольной оси, дергается из стороны в сторону все более резкими рывками. Скорее всего, решил он, сухопутные роторы потеряли и без того небольшое сцепление с бурлящей поверхностью воды, и через несколько мгновений машина наверняка перевернется.

— На реку наложено заклятие,— произнесла Карабелла. Да, мысленно согласился Валентин. Так оно и есть. Река находится под воздействием каких-то черных сил, или Стейч сама и есть некий злой дух, желающий его гибели. Теперь мы все пойдем ко дну, подумал он, сохраняя, однако, необычайное спокойствие.

Река, которая однажды чуть было не взяла меня, но каким-то чудом позволила спастись, сказал он себе, долго ожидала своего часа. Теперь этот час пробил.

Не имеет значения. По большому счету ничто не имеет значения. Жизнь и смерть, война и мир, радость и печаль — все это одно и то же, слова без смысла, просто звуки, шелуха. Валентин не жалел ни о чем. От него хотели службы, и он служил. Без сомнения, он сделал все, что мог. Он не уклонялся ни от каких трудностей, не обманул ничьего доверия, не нарушил ни единой клятвы. Теперь он вернется к Источнику, поскольку ветер взбесил воду и река поглотит их всех, и да будет так: это не имеет значения, ровным счетом никакого.

— Валентин!

Кто-то схватил его за руку, трясет, толкает.

Чье это лицо? Чьи глаза? Чей голос? Чья рука?

— Кажется, он в трансе, Элидат.

Другой голос. Более нежный, ясный, совсем рядом. Карабелла? Да, Карабелла. А кто такая Карабелла?

— Здесь не хватает воздуха. Отдушины забиты песком... мы задохнемся, если не утонем!

— Мы можем выйти?

— Через запасной люк. Но сначала нужно вывести его из этого состояния. Валентин! Валентин!

— Кто это?

— Элидат. Что с тобой?

— Ничего. Абсолютно ничего.

— У тебя полусонный вид. Дай-ка я ослаблю спасательный пояс. Вставай, Валентин! Поднимайся! Еще пять минут — и экипаж пойдет ко дну.

— А-а-а...

— Валентин, пожалуйста, послушайся его! — Снова второй голос, который нежнее, голос Карабеллы.— Нас крутит все сильнее! Нам нужно выбираться отсюда и плыть к берегу. Это наша единственная надежда. Один из экипажей уже утонул, а второго не видно, а... о, Валентин, ну пожалуйста! Поднимайся! Сделай глубокий вдох! Вот так. Еще раз. Еще. Теперь дай мне руку — держи другую, Элидат: мы доведем его до люка... вот... вот так... так... не останавливайся, Валентин...

Да. Не останавливаться. Валентин ощутил, как воздух обдувает его лицо тонкими струйками. Он слышал легкий шорох падающего сверху песка. Да. Да. Выползти отсюда, пробраться мимо этой штуки, поставить ногу сюда, другую — туда... шаг... еще один... схватиться за это... тянуть... тянуть...

Он карабкался наверх, как автомат, смутно понимая, что происходит, пока не миновал аварийную лестницу и не высунул голову в люк.

Внезапный порыв свежего воздуха — горячего, сухого, насыщенного песком — жестко хлестнул его по лицу. Он сделал судорожный вдох, наглотался песка, поперхнулся, сплюнул. Но зато теперь к нему полностью вернулось сознание. Цепляясь за кромку вокруг люка, он вглядывался в расколотую бурей ночь. Темнота стояла почти непроглядная, ибо колдовское свечение значительно ослабло; по воздуху по-прежнему носились струи песка, волна за волной, забиваясь в глаза, нос и рот.

Видимость была крайне плохой. Они находились примерно посреди реки, но ни восточного, ни западного берега не различить. Их экипаж высоко задрал нос и застрял в таком неустойчивом и ненадежном положении, приблизительно наполовину выступая из клокочущего хаоса реки. Остальные исчезли. Валентину показалось, что он видит над водой головы, но утверждать наверняка было невозможно: песок роился вокруг, и держать глаза открытыми уже само по себе было мучением.

— Вниз! Прыгай, Валентин! — раздался голос Элидата.

— Подожди,— отозвался он, оглянувшись. Под ним на лестнице стояла Карабелла, бледная, напуганная, оцепеневшая. Он дотронулся до нее, и она улыбнулась, увидев, что он пришел в себя. Он помог ей подняться. Она резко оттолкнулась от ступеньки и встала рядом с ним на краю люка, ловко, как акробат, удерживая равновесие, такая же гибкая и сильная, как и в те дни, когда занималась жонглированием.

Заполнявший воздух песок был невыносим. Они крепко взялись за руки и прыгнули.

Соприкосновение с водой больше напоминало падение на твердую поверхность. На какое-то мгновение он прижался к Карабелле, но потом она оторвалась от него. Валентин почувствовал, что опускается под воду, что ушел под нее с головой; тогда он рванулся и устремился наверх. Вынырнув, он принялся звать Карабеллу, Элидата, Слита, но никого не увидел. Даже здесь, в воде, от песка некуда было деваться, он падал сверху, как докучливый дождь, и сгущал реку до дьявольской плотности.

А не пройти ли мне по этому месиву до берега, подумал Валентин.

Слева от себя он различил неясную громаду экипажа. Тот медленно погружался в воду; в нем еще оставалось некоторое количество воздуха, придававшего ему плавучесть, а насыщенная песком река своей причудливой, желеобразной консистенцией в известной мере удерживала его, но экипаж все равно тонул. Валентин знал, что обратная волна грозит ему гибелью, а потому постарался отплыть подальше, все время оглядываясь в поисках своих спутников.

Экипаж исчез. Огромная волна настигла Валентина. Она подмяла его под себя, он быстро вынырнул, опять нырнул, когда его накрыл второй вал, а потом его ноги попали в водоворот, и он почувствовал, как его засасывает ко дну. Легкие пылали: то ли от воды, то ли от песка. Апатия, охватившая его было на борту обреченного экипажа, куда-то пропала, и он бил ногами, извивался, стараясь остаться на поверхности. Он с кем-то столкнулся в темноте, вцепился, не смог удержать, опять ушел под воду. Неожиданный приступ тошноты ошеломил его, и он уже

решил, что ему не суждено выплыть, но тут же почувствовал, как сильные руки обхватили его и потащили, и он расслабился, ибо понял что отчаянное сопротивление реке было ошибкой. Теперь ему дышалось гораздо легче, и он легко скользил по поверхности. Спаситель отпустил его и скрылся в ночи, но теперь Валентин увидел, что он рядом с одним из берегов реки, и усталыми, судорожными рывками стал продвигаться, пока не ощутил, что его набухшие от воды башмаки коснулись дна. Медленно, будто шагая по кисельной реке, он побрел к берегу, выбрался на илистый склон и упал лицом вниз. Ему хотелось, как тому громварку, вырыть нору в сырой земле и спрятаться, пока не пройдет буря.

Через некоторое время он отдышался, сел и огляделся вокруг. В воздухе все еще носился песок, но не в таких количествах, чтобы приходилось закрывать лицо, а ветер, кажется, действительно стихал. В нескольких сотнях ярдов от себя он увидел на берегу экипаж, но остальных двух нигде не наблюдалось. Рядом с машиной распростерлись три или четыре фигуры, живые или мертвые — он не мог определить. Издалека слабо донеслись глухие голоса. Валентин не мог сказать, на каком берегу он оказался — со стороны Гихорна или Пиурифэйна,— хотя подозревал, что все-таки оказался в Пиурифэйне, так как прямо за его спиной угадывалась стена непроходимых зарослей.

Он поднялся на ноги.

— Ваша светлость! Ваша светлость!

— Слит? Ты здесь!

Из темноты появился низкорослый и гибкий Слит. Рядом с ним была Карабелла, а чуть поодаль — Тунигорн. Валентин торжественно обнял их, всех по очереди. Карабеллу била дрожь, хотя ночь была теплой, и теперь, когда знойный ветер утих, воздух становился влажным. Валентин привлек жену к себе и попытался счистить налипший на ее одежду, как и на его собственную, песок, напоминавший сморщенную корку.

Слит сообщил:

— Мы потеряли два экипажа, а вместе с ними, как мне кажется, и многих спутников.

Валентин сумрачно кивнул.

— Боюсь, что так. Но ведь не всех же!

— Кому-то удалось остаться в живых. По пути к вам я слышал их голоса. Некоторые из них — не знаю сколько — рассеяны

по обоим берегам. Но вам следует, мой лорд, приготовиться к потерям. Мы с Тунигорном видели на берегу несколько тел, и похоже на то, что есть и такие, кого унесло течением, и они утонули далеко отсюда. Утром нам удастся узнать побольше.

— Верно,— ответил Валентин и умолк. Он уселся на землю, скрестив ноги, больше похожий на портного, чем на короля, и долго не произносил ни слова, так бездумно запустив руку в песок, что походил на диковинный снег, покрывший землю слоем в несколько дюймов. Он не решался задать один вопрос, но наконец не выдержал и спросил, глядя на Слита и Тунигорна: — А что с Элидатом?

— Ничего, мой лорд,— тихо ответил Слит.

— Ничего? Совсем ничего? Неужели его не видели или не слышали?

— Он был рядом с нами в воде, Валентин,— сказала Карабелла,— перед тем, как затонул экипаж.

— Да, я помню. Но потом?

— Ничего,— подтвердил Тунигорн.

Валентин бросил на него испытующий взгляд.

— Может быть, его тело обнаружено, а вы не хотите мне говорить?

— Клянусь Повелительницей, Валентин, о судьбе Элидата мне известно не больше, чем тебе! — воскликнул Тунигорн.

— Да-да, я верю тебе. Меня пугает, что нам неведомо, что с ним сталось. Ты знаешь, Тунигорн, что он для меня значит.

— Думаешь, мне нужно об этом говорить?

Валентин печально усмехнулся.

— Прости, старина. Эта ночь, кажется, выбила меня из колеи.— Карабелла положила на его ладонь свою, прохладную и влажную, а он накрыл ее другой ладонью и негромко повторил: — Прости меня, Тунигорн. И ты, Слит, и ты, Карабелла.

— Простить вас, мой лорд? — спросила изумленная Карабелла.— За что?

Он покачал головой.

— Не будем об этом, любимая.

— Ты коришь себя за то, что случилось сегодня?

— Я обвиняю себя очень во многом,— сказал Валентин,— и среди всего прочего случившееся сегодня составляет лишь малую толику, хотя для меня оно — страшная катастрофа. Целый мир был вверен моему попечению, а я привел его к бедствию.

— Нет, Валентин! — вскрикнула Карабелла.

— Мой лорд,— сказал Слит,— вы слишком жестоки к себе!

— Неужели? — он рассмеялся.— На половине Зимроэля голод, объявились три, а то и четыре лжекороналя, вокруг нас вьются метаморфы, чтобы получить с лихвой по счету, а мы, наглотавшись песку, расселись тут, на краю Пиурифэйна; многие наши спутники утонули, и, кто знает, какая ужасная судьба ждет уцелевших, и... и...— Голос изменил ему. Усилием воли он взял себя в руки и заговорил уже спокойнее: — Ночь была чудовищной, и я очень устал, и меня беспокоит, что Элидат до сих пор не объявился. Но ведь болтовня не поможет его разыскать? Давайте отдохнем и подождем до утра, а там начнем чинить то, что еще поддается починке. Согласны?

— Да,— сказала Карабелла.— Мудрое решение, Валентин.

Сон не приходил. Он, Карабелла, Слит и Тунигорн лежали, тесно прижавшись друг к другу на сыром песке, а бессонная ночь ползла себе под многоголосье лесных звуков и неумолчный шум реки. Наконец над Гихорном занялся рассвет, и в сером утреннем свете Валентин увидел, какие страшные разрушения причинила буря. Все деревья на гихорнском берегу и частично на Пиурифэйнском лишились своей листвы, будто ветер опалил их огнем, и остались лишь жалкие голые стволы. Земля была засыпана песком, покрывавшим ее в некоторых местах тонким слоем, а в других — большими дюнами. Экипаж, на котором вчера прибыли Элидат и Тунигорн, по-прежнему стоял на другом берегу, но его металлическая обшивка начисто лишилась наружной полировки. Единственный экипаж, оставшийся от каравана Валентина, валялся на боку, как мертвый морской дракон, выброшенный волнами на берег.

На дальнем берегу суетились то ли четверо, то ли пятеро оставшихся в живых; на том же, где находился Валентин, очутилось еще с полдесятка, в основном скандаров из личной охраны короналя. Некоторые из них бродили примерно в сотне ярдов к северу, очевидно, разыскивая тела. Несколько мертвецов были аккуратно уложены в ряд возле перевернутого экипажа. Валентин не увидел среди них Элидата, но он не надеялся, что его старый друг уцелел, и потому почувствовал лишь цепенящий холод в груди, когда вскоре после рассвета появился один из скандаров, который легко, как ребенка, нес в своих четырех руках тяжелое тело Элидата.

— Где он был? — спросил Валентин.

— В полумиле ниже по течению, мой лорд, или чуть подальше.

— Положите его и начинайте копать могилы. Мы должны похоронить всех погибших нынче утром, на том небольшом холмике, обращенном к реке.

— Слушаюсь, мой лорд.

Валентин склонился над Элидатом. Глаза того были закрыты, а губы слегка раздвинуты, словно он улыбался, хотя, вполне возможно, улыбка скрывала под собой гримасу боли.

— Вчера вечером он показался мне совсем старым,— сказал корональ Карабелле, а затем обратился к Тунигорну: — А тебе не кажется, что он сильно сдал за последний год? Но теперь он словно помолодел. Морщины исчезли с его лица: он выглядит года на двадцать четыре, не больше. Как ты думаешь?

— Я виноват в его смерти,— проговорил Тунигорн ровным, бесцветным голосом.

— Как тебя понимать? — резко спросил Валентин.

— Это я вызвал его с Замковой горы. Приезжай, сказал я, поспеши в Зимроэль: Валентин задумал что-то странное, хоть я и не знаю, что именно, и ты один сможешь его отговорить. И он приехал, а теперь... Если бы он остался в Замке...

— Хватит, Тунигорн. Больше не надо об этом.

Но Тунигорн твердил монотонно, как во сне, очевидно, не владея собой:

— Он мог бы стать короналем, после твоего переселения в Лабиринт, мог бы жить в Замке долго и счастливо и быть мудрым правителем, а теперь... вместо этого... вместо...

Валентин мягко сказал:

— Он никогда не стал бы короналем, Тунигорн. Он знал о том и не возражал. Давай, старина, продолжай: пусть мне будет еще горше от твоих глупых причитаний. Этим утром он возвратился к Источнику. Мне от всего сердца хотелось бы, чтобы он прожил еще лет семьдесят, но что случилось, то случилось, и ничего уже не исправишь, сколько бы мы о том ни рассуждали. У нас, переживших эту ночь, слишком много дел. Давай займемся ими, Тунигорн. Ладно? Приступим?

— Какие дела, мой лорд?

— Сначала — похоронить. Я вырою могилу сам, собственноручно, и пусть никто не смеет возражать. А после того ты должен найти способ переправиться обратно через реку: я отправ-

ляю тебя в том маленьком экипаже на восток, чтобы узнать, что с Делиамбером, Тизаной, Лизамон и всеми остальными. Если они живы, ты должен доставить их сюда.

— А ты, Валентин? — спросил Тунигорн.

— Если нам удастся привести в порядок второй экипаж, я продолжу путь в глубь Пиурифэйна, поскольку мне все равно надо попасть к Данипиур, чтобы сообщить ей то, что следовало сказать уже давно. Ты найдешь меня в Илиривойне, куда я и собирался с самого начала.

— Мой лорд...

— Умоляю, больше никаких разговоров. Что ж, приступим, друзья! Нам предстоит выкопать могилы и оплакать погибших. А затем мы должны завершить наше путешествие.— Бросив взгляд на тело Элидата, он подумал: «Я еще не смирился с его смертью, но скоро поверю в нее. И тогда у меня появится лишний повод молить о прощении».

Глава 5

Хиссун приобрел привычку бродить в одиночестве по утрам, до начала ежедневных заседаний Совета, по Замку, открывая для себя его многочисленные уголки и закоулки. Он уже достаточно долго прожил на вершине Горы, чтобы больше не страшиться ее, и начинал считать Замок своим настоящим домом: жизнь в Лабиринте теперь выглядела прочитанной главой из книги его жизни — книги закрытой, опечатанной и спрятанной в запасники памяти. Но теперь он понимал, что даже если проживет в Замке пятьдесят лет или десять раз по пятьдесят, то все равно так и не изучит его до конца.

Хиссун подозревал, что ни прежде, ни теперь никому не удалось досконально исследовать Замок. Говорят, в нем сорок тысяч помещений. Так ли это на самом деле? Разве кто-нибудь их считал? Здесь жили все коронали, начиная с лорда Стиамота, и каждый старался оставить свой след. Согласно преданию каждый год в Замке прибавлялось по пять помещений, а с тех пор, как на Горе впервые обосновался лорд Стиамот, прошло восемь тысяч лет. Так что тут вполне могло быть сорок тысяч комнат или пятьдесят, а возможно, и все девяносто. Кто знает? Можно считать по сто комнат в день, и года не хватит, чтобы сосчитать все, а к концу года где-нибудь добавится еще несколько, и тогда их

придется искать, чтобы внести в список. Невозможно. Никак невозможно.

Замок казался Хиссуну самым чудесным местом на свете. В первые дни пребывания здесь он сосредоточился на изучении его, так сказать, сердцевины, где располагались Верховный суд, королевские службы, самые знаменитые здания, в число которых входили и Башня Стиамота, архив лорда Престимиона, сторожевая Башня лорда Ариока, часовня лорда Кинникена и громадные парадные залы, окружавшие огромное помещение, в центре которого стоял трон короналей — трон Конфалюма. Подобно провинциалам из лесной зимроэльской глубинки, Хиссун раз за разом обходил все эти сооружения, в том числе и такие, куда посторонним строго-настрого запрещалось заглядывать, и со временем освоился в них не хуже любого гида из тех, кто трудился здесь десятилетиями.

Центральная часть Замка, во всяком случае, останется неизменной навеки: в ней нельзя построить ничего более-менее значительного, не разрушив чего-либо, возведенного одним из короналей прошлого, что было бы немыслимой дерзостью. Насколько смог выяснить Хиссун, зал Трофеев лорда Малибора был последним из строений, появившихся во внутренней зоне. Лорд Вориакс за свое короткое правление успел соорудить лишь несколько площадок для игр на восточной окраине Замка, а лорд Валентин не добавил пока к общему числу ни единой комнаты, хотя время от времени и поговаривал об устройстве обширного ботанического сада, способного вместить все чудесные и восхитительные растения, попадавшиеся ему за время долгих скитаний по Маджипуру,— он утверждал, что как только немного освободится от бремени королевских обязанностей, серьезно поразмыслит над этим проектом. Судя по текущим сообщениям об опустошениях на Зимроэле, подумалось Хиссуну, лорд Валентин слишком долго ждал: болезни на континенте, как оказалось, выкашивали не только сельскохозяйственные культуры, но и многие дикорастущие экзотические растения.

Освоив, к своему удовлетворению, внутреннюю зону, Хиссун распространил изыскания на таинственные, едва ли не легендарные помещения за ее пределами. Он побывал и в подвалах, где размещались климатические машины, изготовленные в незапамятные времена, когда на Маджипуре лучше разбирались в столь тонких научных проблемах. С их помощью на Замковой

горе поддерживалась вечная весна, хотя гора поднималась на тридцать миль над уровнем моря и упиралась в ледяной мрак космоса. Он бродил по гигантской библиотеке, уровни которой тянулись огромной спиралью от одной до другой стороны Замка. Ему сказали, что здесь имеются все книги, которые когда-либо издавались в цивилизованной вселенной. Бывал он и в конюшнях, где в ожидании очередного выезда вставали на дыбы, фыркали, били копытами королевские скакуны, искусственно выведенные красивые пылкие животные, столь не похожие на своих рабочих собратьев, влачивших тяжкое ярмо во всех городах и хозяйствах Маджипура. Он обнаружил туннели лорда Сангамора — соединенные между собой помещения, расположенные, подобно связке сосисок, вокруг одной из вершин с восточной стороны Замка. Стены и потолки этих залов светились сверхъестественным светом: одна комната была синей, цвета полуночного неба; другая — ярко-пунцовой; третья — нежно-аквамаринового цвета; четвертая — ослепительной желтовато-коричневой; пятая — мрачной красновато-коричневой, и так далее. Никто не знал, для чего построены эти туннели и где находится источник света, самопроизвольно исходящего из покрывающих стены панелей.

Куда бы он ни проходил, его пропускали без всяких вопросов. Ведь он, в конце концов, был одним из трех регентов государства: в некотором роде заменял короналя или, по крайней мере, входил в число его заместителей. Но ореол власти стал появляться над ним задолго до того, как Элидат назначил его в состав триумвирата. Он чувствовал, что на него обращены все взгляды, и понимал, что они означают: вот идет фаворит лорда Валентина, он пришел ниоткуда; он уже стал принцем; нет предела его возвышению. Уважайте его. Подчиняйтесь ему. Льстите ему. Бойтесь его. Поначалу он думал, что, несмотря на повышенное к себе внимание, останется таким же, но это оказалось невозможным. Я все еще тот же самый Хиссун, который водил путешественников по Лабиринту, перекладывал бумаги в Доме Записей, над которым насмехались его собственные друзья за то, что он напустил на себя важность. Да, такова правда, и от нее никуда не деться, но правда и то, что ему уже не десять лет, он узнал много полезного для себя и изменился после того, как изучил множество жизней других мужчин и женщин в Регистре памяти душ, прошел курс обучения на Замковой горе, принял на себя почести и обязанности — в основном обязан-

ности,— возложенные на него во время регентства Элидата. Даже походка у него изменилась: теперь он уже не мальчик из Лабиринта, дерзкий, но осмотрительный, вечно стреляющий глазами по сторонам в поисках сбитого с толку чужака, за счет которого можно поживиться; и не мелкотравчатый чиновник, цепляющийся за свое место, но тем не менее добивающийся повышения; и не застенчивый неофит, неожиданно оказавшийся среди власть имущих и оттого чувствующий себя не в своей тарелке; теперь он — подающий большие надежды молодой аристократ, уверенный в себе и спокойный, самая походка которого дышит достоинством, который осознает свою силу, цели и судьбу. Он надеялся, что сумеет избежать высокомерия, надменности, самодовольства; и пока у него получалось, без ложной скромности воспринимал себя таким, каким стал и каким станет.

Сегодняшний маршрут завел его в ту часть Замка, куда он заглядывал редко, в северное крыло, что спускалось по выступу у вершины Горы и выходило в сторону далеких городов Хайна и Госсифа. Здесь находились казармы гвардейцев, несколько ульеобразных строений, возведенных в правление лорда Дизимаула и лорда Ариока для позабытых уже целей, а также скопление полуразрушенных временем и непогодой сооружений без крыш, о которых вообще никто не мог ничего сказать. Во время последнего посещения этой зоны несколько месяцев назад Хиссун застал здесь археологов, двух гэйрогов и врууна, наблюдавших за тем, как команда рабочих-скандаров просеивает песок в поисках глиняных черепков, и тогда врууп рассказал ему о своем предположении, будто эти строения — остатки старого форта, построенного при лорде Дамланге, преемнике Стиамота. Сегодня Хиссун пришел посмотреть, продолжаются ли раскопки, и поинтересоваться, что археологам удалось узнать; но здесь никого не оказалось, а все ямы были засыпаны. Он немного постоял на древней стене, всматриваясь в невероятно далекий горизонт, наполовину закрытый громадным выступом Горы.

Какие города расположены в том направлении? В пятнадцати—двадцати милях Госсиф, дальше — Тентаг, а потом — Минимул или Грил. Следом наверняка идет Сти с тридцатимиллионным населением, равный величием лишь Ни-мойе. Он никогда не видел ни одного из них, да, наверное, и не увидит. Сам Валентин частенько говаривал, что всю жизнь провел на Замковой горе, ни разу не найдя возможности посетить Сти. Мир слиш-

ком обширен, воистину необъятен, чтобы на его изучение хватило одной жизни.

Тридцать миллионов жителей Сти, другие тридцать миллионов Ни-мойи, одиннадцать миллионов Пидруида, миллионы, населяющие Алаизор, Треймоун, Пилиплок, Мазадону, Велатис, Нарабаль,— они-то как живут? Каково им сейчас приходится, подумал Хиссун, в этот самый момент, когда вокруг голод, паника, вопли новоявленных пророков и самозванных королей и императоров? Он знал, что положение отчаянное. На Зимроэле такая неразбериха, что совершенно невозможно выяснить, что же все-таки там происходит, хотя и так ясно, что ничего хорошего. А не так давно поступили сведения о появлении жучков, ржавчины и грибков, и одному Божеству известно, какая еще напасть движется на сельскохозяйственные пояса западного Алханроэля. Так что в ближайшем будущем такое же безумие, скорее всего, охватит основной континент. А волнения уже начались: в Треймоуне и Стойене открыто проповедуется культ морских драконов, а на самой Горе, в таких городах, как Амблеморн и Норморк, вдруг возникли мистические рыцарские ордена — Рыцари Деккерета, Братство Горы и некоторые другие. Беспокоящие, зловещие признаки грядущих потрясений.

Кое-кто полагал, что Маджипур обладает неким врожденным иммунитетом к всеобщей неизбежности перемен, лишь по той причине, что его общественный порядок не претерпел практически никаких изменений, с тех пор как несколько тысячелетий тому назад возник в своей нынешней форме. Но Хиссун достаточно хорошо изучал историю и Маджипура, и Матери-Земли, чтобы понимать, что даже столь мирное население, как на Маджипуре, вполне довольное своим положением и сохранявшее стабильность в течение тысячелетий, убаюканное мягкостью климата и плодородностью почвы, способной прокормить практически неограниченное количество народа, в состоянии внезапно воспрянуть и ввергнуть планету в пучину анархии, если вдруг у него из-под ног будут выбиты обеспечивающие благоденствие подпорки. И восстание уже началось и набирает силу.

Но откуда взялись эпидемии? Хиссун не имел ни малейшего представления. Что сделано, чтобы справиться с ними? Ясно, что недостаточно. А можно ли вообще что-то сделать? Для чего нужны правители, если не для заботы о благополучии своего народа? И вот он, некий суррогат правителя, по крайней мере

в настоящее время, стоит на обособленной от всего мира Замковой горе, что возвышается над гибнущей цивилизацией: плохо осведомленный о происходящем, отстраненный, беспомощный. Но, конечно, он не может полностью отвечать за все действия, которые предпринимаются для устранения кризиса. А как насчет истинных, помазанных правителей Маджипура? Понтифекс, погребенный на самом дне Лабиринта, всегда представлялся Хиссуну слепым кротом, не способным здраво судить о происходящем в мире,— даже если в отличие от Тиевераса он полон сил и рассудительности. Конечно, понтифексу не следует непосредственно соприкасаться с событиями: на то, если верить теории, и существует корональ. Но теперь Хиссун видел, что и корональ оторван от реальности, здесь, в заоблачных высотах Замковой горы, находясь в такой же изоляции, как и понтифекс в своей норе. Во всяком случае, время от времени корональ предпринимает великие процессии, во время которых общается со своими подданными. Однако ныне Валентин занимается совершенно иными делами, а какую пользу могут принести его занятия — разве они исцелят рану, которая все расширяется в сердце мира? И где, кстати, сейчас находится Валентин? Какие шаги, если таковые имеются, он предпринимает? Кто из правительства слышал о нем хоть что-нибудь за последние несколько месяцев?

Все мы очень мудрые и просвещенные люди, подумал Хиссун. И при самых благих намерениях все делаем неправильно.

До заседания регентского совета осталось совсем немного. Он развернулся и вприпрыжку побежал в Замок.

Едва начав подниматься по Девяноста девяти ступеням, он заметил Альсимира, недавно назначенного старшим среди его помощников; тот отчаянно жестикулировал и что-то кричал высоко наверху. Перепрыгивая через три ступеньки, Хиссун помчался вверх, а Альсимир почти столь же стремительно устремился ему навстречу.

— Мы вас уже обыскались! — выпалил Альсимир на одном дыхании с расстояния в полдюжины ступеней. Он выглядел необычно возбужденным.

— Ну вот, ты меня и нашел,— бросил Хиссун.— Что случилось?

Альсимир сделал паузу, чтобы перевести дух, сказал:

— Поднялась большая суматоха. Час назад пришло сообщение от Тунигорна из Гихорна...

— Из Гихорна? — изумился Хиссун.— Во имя Божества, онто что там делает?

— Не могу сказать. Мне известно лишь то, что он прислал оттуда сообщение, а...

— Ну ладно, ладно.— Поймав Альсимира за руку, Хиссун резко спросил: — О чем там речь?

— Думаете, я знаю? Неужели такого, как я, подпустят к важным государственным делам?

— Значит, дело важное?

— Диввис и Стазилейн совещаются уже сорок пять минут, они разослали посыльных во все закоулки, чтобы отыскать вас, а половина высоких лордов сошлись на собрание, остальные на подходе, и...

Должно быть, Валентин погиб, похолодев, подумал Хиссун.

— Пошли,— сказал он и яростно рванулся вверх по ступенькам.

Картина перед залом совещаний напоминала сумасшедший дом: тридцать или сорок лордов и принцев помельче со своими помощниками беспорядочно метались из стороны в сторону, и каждую минуту подходили все новые. При появлении Хиссуна они сразу же освободили ему проход, по которому он шел, как корабль, прокладывающий свой путь по морю, чья поверхность густо поросла драконьими водорослями. Он оставил Альсимира у двери, наказав ему собрать все сведения, какие только могли у них быть, и вошел внутрь.

Стазилейн и Диввис сидели за высоким столом: Диввис — унылый и мрачный, Стазилейн — угрюмый, бледный и невыразимо подавленный. Плечи его поникли, он нервно теребил свою густую шевелюру. Вокруг находилось большинство высоких лордов: Миригант, Элзандир, Манганот, Канталис, герцог Халанкский, Нимиан Дундилмирский и еще пять-шесть человек, в том числе и тот, которого Хиссун видел лишь однажды,— дряхлый и злобный принц Гизмайл, внук понтифекса Оссиера, предшественника Тиевераса. При появлении Хиссуна все посмотрели на него, и он на какое-то мгновение оказался словно под перекрестным огнем взглядов. Самый младший из собравшихся был на десять-пятнадцать лет старше его, к тому же все они провели жизнь, толкаясь в коридорах власти. Все они смотрели на него такими глазами, будто он один знал нужный им ответ на какой-то ужасный и сложный вопрос.

— Мои лорды,— сказал Хиссун.

Диввис, сурово сдвинув брови, кинул ему через стол длинный лист бумаги.

— Прочитайте,— буркнул он.— Если еще не знаете.

— Я знаю лишь то, что пришло сообщение от Тунигорна.

— Тогда читайте.

К досаде Хиссуна, когда он взял бумагу, у него дрожала рука. Он пристально посмотрел на пальцы — те словно взбунтовались против него — и заставил их успокоиться.

Строчки прыгали у него перед глазами, складываясь в обрывки фраз.

...Валентин отправился в Пиурифэйн просить прощения у Данипиур...

...Разоблачен шпион метаморфов, состоявший в свите короналя...

...Допрос шпиона показал, что сами метаморфы создали и распространили болезни в сельскохозяйственных районах...

...Большая буря... погиб Элидат и многие другие...

...Кораль пропал в Пиурифэйне...

...Погиб Элидат...

...Кораль пропал...

...Шпион в свите короналя...

...Сами метаморфы создали болезни...

...Кораль пропал...

...Погиб Элидат...

...Кораль пропал...

...Кораль пропал...

...Кораль пропал...

Хиссун в смятении поднял взгляд.

— Вы уверены, что сообщение подлинное?

— Никаких сомнений,— сказал Стазилейн.— Оно пришло по секретным каналам. Шифр правильный. То, что это стиль Тунигорна, я ручаюсь. Можете поверить, Хиссун: оно подлинное.

— Тогда нам предстоит что-то делать не с одной катастрофой, а с тремя или четырьмя,— заметил Хиссун.

— Так и есть,— подтвердил Диввис.— Что вы обо всем этом думаете, Хиссун?

Хиссун медленно и внимательно посмотрел на сына лорда Вориакса. Его вопрос, кажется, не содержал насмешки. У Хиссу-

на сложилось впечатление, что зависть Диввиса и его презрение к нему слегка уменьшились за несколько месяцев их совместной работы в регентском совете и что Диввис в какой-то мере оценил его способности. Но сейчас Диввис впервые зашел столь далеко, проявив то, что могло показаться искренним желанием узнать мнение Хиссуна,— да еще в присутствии остальных лордов.

Хиссун заговорил, тщательно взвешивая слова:

— Первым делом нам следует признать, что мы столкнулись не просто со стихийным бедствием огромных масштабов, а с мятежом. Тунигорн сообщает, что во время допроса метаморфа по имени И-Уулисаан, проведенного Делиамбером и Тизаной, шпион признался, что ответственность за болезни лежит на метаморфах. Полагаю, что мы вполне можем доверять методам Делиамбера, а насчет Тизаны мы знаем, что она умеет проникать даже в души метаморфов. Следовательно, ситуация именно такова, *какой ее описал Слит в разговоре с короналем в Лабиринте*, в самом начале великой процессии,— и, как я слышал, корональ отказался этому верить: метаморфы развязали против нас войну.

— Тем не менее,— заметил Диввис,— Тунигорн утверждает, что в ответ на это корональ отправился в Пиурифэйн, чтобы принести свои королевские извинения Данипиур за все зло, которое мы причинили ее подданным на протяжении веков. Все мы отдаем себе отчет, что Валентин считает себя миролюбцем: доказательством того послужило для нас его мягкое обращение с теми, кто когда-то сбросил его с трона. Это благородная черта. Но сегодня, Хиссун, я заявлял здесь, что нынешний поступок Валентина выходит за рамки допустимого и попадает в разряд сумасбродных. По моему мнению, корональ, жив он или нет, лишился рассудка. Таким образом, у нас безумный понтифекс и безумный корональ именно сейчас, когда смертельный враг держит нас за горло. Что по этому поводу думаете вы, Хиссун?

— *Я считаю, что вы неправильно истолковываете факты*, изложенные Тунигорном.

Во взгляде Диввиса промелькнуло удивление и что-то похожее на гнев, но голос его звучал сдержанно.

— Да? Вы так думаете?

Хиссун опустил ладонь на лист с донесением.

— Тунигорн сообщает, что корональ в Пиурифэйне и что пойман и допрошен шпион. Я не вижу никаких намеков на то, что лорд Валентин направился в Пиурифэйн после того, как услышал признания шпиона. Полагаю, имеются основания утверждать совсем противоположное: лорд Валентин решил предпринять миссию примирения, разумность которой мы можем оспаривать, но она вполне отвечает его характеру, насколько мы его знаем; а второе обстоятельство выяснилось, когда он уже находился в пути. Возможно, Тунигорн не смог из-за бури связаться с короналем, хотя Делиамбер, пожалуй, мог бы найти какой-нибудь способ.— Переведя взгляд на глобус Маджипура у дальней стены, Хиссун спросил: — Кстати, что нам известно о местонахождении короналя в данный момент?

— Ничего,— пробормотал Стазилейн.

Глаза Хиссуна широко раскрылись.

Ярко-красная точка, обозначавшая перемещения лорда Валентина, исчезла.

— Свет погас,— сказал Хиссун.— Что это значит? Что он мертв?

— Может быть, и так,— ответил Стазилейн.— А может, всего лишь потерял или повредил передатчик, который находится при нем.

Хиссун кивнул.

— А там была большая буря, которая нанесла значительный урон. Хотя сообщение не слишком внятное, я вполне могу предположить, что лорд Валентин сам попал в бурю по пути в Пиурифэйн, он двигался со стороны Гихорна, оставив позади Тунигорна и кого-то еще...

— Но мы никак не можем узнать, погиб ли он во время бури или потерял передатчик,— перебил Диввис.

— Будем надеяться, что Божество пощадило юную жизнь Валентина,— заявил вдруг престарелый Гизмайл сухим и слабым голосом, едва напоминавшим голос живого существа.— Но есть один вопрос, которым мы должны заняться независимо от того, жив он или мертв: выборы нового короналя.

Хиссун поразили слова самого старшего из лордов Замка.

Он обвел взглядом зал.

— Я не ослышался? Сегодня мы обсуждаем свержение короля?

— Слишком сильно сказано,— произнес Диввис ровным голосом.— Мы обсуждаем лишь одно: уместно ли Валентину ис-

полнять обязанности короналя ввиду ставших нам известными враждебных намерений метаморфов, а также давно нам известных методов Валентина бороться с любыми неприятностями. Если мы находимся в состоянии войны — а в этом уже никто не сомневается,— тогда можно достаточно обоснованно утверждать, что он не тот человек, который способен руководить нами в такое время, если даже он жив. Но заменить его не значит свергнуть. Существуют вполне законные, конституционные средства, которыми мы можем сместить Валентина с трона Конфалюма, не ввергая Маджипур в междоусобицу и не выказывая к нему недостаточную любовь и уважение.

— Вы имеете в виду — позволить умереть понтифексу Тиеверасу.

— Именно так. Что на это скажете, Хиссун?

Хиссун ответил не сразу. После непростых размышлений он сегодня пришел к тому же вынужденному заключению: лорда Валентина должен сменить кто-то более решительный, напористый, даже более воинственный. Такие мысли посещали его не впервые, хотя он ни с кем ими не делился. Несомненно, существует достаточно простой способ передачи власти — всего лишь обеспечить возвышение лорда Валентина в понтифексат, независимо от его воли.

Но преданность Хиссуна лорду Валентину — его опекуну, наставнику, создателю его карьеры — была велика и имела глубокие корни. Кроме того, он знал, возможно, лучше, чем кто бы то ни было, какой страх испытывает лорд Валентин при одной мысли о том, что ему придется попасть в Лабиринт, что он рассматривает это не как возвышение, а как падение в темную бездну. И жестоко, чудовищно жестоко было бы проделать такое за его спиной как раз в тот момент, когда он совершает героическую, пусть даже и ошибочную, попытку восстановить мир на планете, не прибегая к оружию.

Но того требовали интересы государства. А способны ли вообще интересы государства оправдать жестокость? Хиссун знал, как ответил бы на этот вопрос лорд Валентин. Но вот в своем ответе он вовсе не был уверен. После некоторой паузы он произнес:

— Возможно, лорд Валентин и не самый подходящий корональ в нынешних условиях: у меня пока еще не сложилось определенного мнения на этот счет, и я бы предпочел узнать побольше, прежде чем дать ответ. Но могу вам сказать одно: я возражаю против его насильственного смещения,— разве такое хоть раз случалось на Маджипуре? Думаю, что нет. Но, к счастью, как мы все понимаем, в столь суровых действиях нет необходимости. Впрочем, я считаю, что вопрос о соответствии Валентина занимаемому им положению следует обсудить как-нибудь в другой раз. А вот с чем нам действительно нужно определиться вне зависимости от всех прочих обстоятельств, так это с вопросом о престолопреемнике.

При этих словах по залу прокатилась волна возбуждения. Диввис впился в Хиссуна столь пристальным взглядом, будто хотел заглянуть к нему в душу. Герцог Халанкский побагровел; принц Банглкодский застыл в неестественно прямой позе; герцог Чоргский резко подался вперед; лишь двое старейших, Канталис и Гизмайл, сохранили невозмутимость, словно проблема выбора будущего кандидата в коронали не являлась предметом забот тех, кому жить осталось недолго.

Хиссун продолжал:

— Во время обсуждения мы предпочли не затрагивать один из важнейших пунктов послания Тунигорна: смерть Элидата, который долгое время считался преемником лорда Валентина.

— Элидат не хотел становиться короналем,— сказал Стазилейн еле слышно.

— Возможно,— откликнулся Хиссун.— Он явно не проявлял ни малейшего желания занять трон после того, как стал регентом. Но я хочу подчеркнуть лишь то, что в лице трагически погибшего Элидата мы потеряли человека, которому наверняка была бы предложена корона, если бы лорд Валентин перестал быть короналем. С его гибелью мы утратили четкое представление о преемнике короналя, а ведь завтра мы можем узнать о смерти лорда Валентина или Тиевераса, или нам придется организовывать смещение лорда Валентина. Мы должны во всеоружии встретить любые неожиданности. Именно нам предстоит выбирать нового короналя, а знаем ли мы, кто им станет?

— Вы предлагаете прямо сейчас проголосовать за порядок престолонаследования? — резко спросил принц Манганот Банглкодский.

— Мне представляется, что особых сложностей у нас не возникнет,— заметил Миригант.— Перед началом великой процес-

сии корональ назначил регента, а регент, покидая Замок, оставил вместо себя троих — как я догадываюсь, с одобрения лорда Валентина. Эти трое правили нами в течение нескольких месяцев. Если уж мы должны выбирать нового короналя, то разве не из их числа?

— Вы меня пугаете, Миригант,— сказал Стазилейн.— Когда-то я думал, как, наверное, и большинство из вас в детстве, что быть короналем — просто великолепно. Я уже не мальчик, и я видел, как изменился Элидат, причем не к лучшему, когда власть навалилась на него всей своей тяжестью. Позвольте мне первым оказать почести будущему короналю, но пусть им будет кто-нибудь другой, только не Стазилейн!

— Короналем ни в коем случае не должен стать тот, кто слишком сильно желает заполучить корону,— высказался герцог Чоргский.— Но, я считаю, и не тот, кто боится ее надеть.

— Благодарю вас, Элзандир,— сказал Стазилейн.— Всем понятно, что я не претендент?

— А что скажут Диввис и Хиссун? — поинтересовался Миригант.

Хиссун ощутил, что у него подергивается щека и странно цепенеют руки и плечи. Он посмотрел на Диввиса. Тот улыбнулся, пожал плечами и промолчал. У Хиссуна зашумело в ушах, застучало в висках. Должен ли он что-то говорить? И что ему сказать? Теперь, когда наконец наступил тот миг, может ли он заявить в лицо принцам, что хочет быть короналем? Он чувствовал, что Диввис вовлечен в какую-то интригу, недоступную его пониманию; и впервые после того, как вошел сегодня в зал совещаний, он совершенно не представлял, что делать.

Тишина казалось нескончаемой.

Потом он услышал свой собственный голос — спокойный, ровный, размеренный:

— Думаю, что на этом мы можем остановиться. Выдвинуты два кандидата: теперь на очереди обсуждение их качеств. Но не здесь и не сегодня. На данный момент нами сделано достаточно. Вы хотите что-то добавить, Диввис?

— Вы говорите мудро и с глубоким пониманием дела, Хиссун. Как обычно.

— Тогда объявляется перерыв,— объявил Миригант.— Тем временем мы обдумаем все сказанное здесь и дождемся дальнейших сведений о коронале.

Хиссун поднял руку.

— Прошу еще минуту внимания.

Он дождался тишины.

— С недавнего времени мне хочется съездить в Лабиринт, навестить семью, повидаться с некоторыми из друзей. Я также считаю, что было бы полезно, если бы кто-нибудь из нас связался с чиновниками понтифекса и узнал из первых рук о состоянии его здоровья. Поскольку в ближайшие месяцы нам, возможно, придется одновременно выбирать и понтифекса, и короналя, мы должны быть готовы действовать в столь уникальной ситуации. Поэтому предлагаю направить официальную делегацию из Замка в Лабиринт, а себя — в посланники.

— Поддерживаю,— сразу же откликнулся Диввис.

Далее последовали рутинные процедуры обсуждения и голосования, потом проголосовали за объявление перерыва, и все собрание распалось на круговерть небольших групп. Хиссун остался в одиночестве и судорожно пытался прийти в себя. Несколько мгновений спустя над ним навис высокий светловолосый Стазилейн, который одновременно и хмурился, и улыбался.

— Возможно, Хиссун, вы допускаете ошибку, покидая Замок в такой момент,— тихо сказал он.

— Может быть. Но мне кажется, я поступаю правильно. Рискну.

— Тогда провозгласите себя короналем перед отъездом!

— Вы это серьезно, Стазилейн? А если Валентин еще жив?

— Если он жив, вы знаете, как сделать его понтифексом. Если же он погиб, то вы, Хиссун, должны занять его место, пока это в ваших силах.

— Я отказываюсь.

— Вы должны! Иначе по возвращении вы можете обнаружить на его троне Диввиса!

Хиссун усмехнулся.

— Тут все просто. Если Валентин погиб, а Диввис займет его место, то я позабочусь о том, чтобы Тиеверасу наконец позволили умереть. Диввис незамедлительно станет понтифексом, и ему придется отправиться в Лабиринт. Тогда нам понадобится новый корональ, а кандидатов — один-единственный.

— Вы неподражаемы, клянусь Повелительницей!

— Вы так думаете? Для меня все вполне очевидно.— Хиссун крепко пожал Стазилейну руку.— Благодарю вас за поддержку

и уверяю, что в конечном итоге все будет хорошо. Если мне суждено стать короналем при понтифексе Диввисе, так тому и быть: я думаю, мы с ним сработаемся. Но пока вознесем молитву за благополучие и успех миссии лорда Валентина и оставим домыслы при себе. Ладно?

— Конечно.

Они обнялись, и Хиссун вышел из зала совещаний. В коридоре творилось то же самое, разве что добавилась сотня с лишним мелких лордов. При его появлении они уставились на него во все глаза, но он никому не сказал ни слова, и лишь встретился взглядом с некоторыми из них, когда пробивался через толпу, на краю которой обнаружил Альсимира, который, разинув рот, с глупым видом вытаращился на него. Подозвав его, Хиссун распорядился готовиться к поездке в Лабиринт.

Юный рыцарь смотрел на Хиссуна чуть ли не с обожанием.

— Должен сообщить, мой лорд, что по толпе прошел слух, будто вы станете короналем,— наконец осмелился спросить он.— Есть ли в этом хоть доля истины?

— Наш корональ — лорд Валентин,— жестко отрезал Хиссун.— Иди, готовься к отъезду. Я собираюсь выехать на рассвете.

Глава 6

Когда Милилейн находилась еще в нескольких кварталах от дома, до ее слуха донеслись ритмические выкрики на улицах где-то впереди: «Я-та, я-та, я-та, вум» — или что-то похожее. То были бессмысленные, невнятные звуки, исходившие, казалось, из глоток тысяч сумасшедших. Она остановилась и прижалась к выщербленной старинной каменной стене, чувствуя себя попавшей в западню. Позади на площади буйствовала кучка подвыпивших горцев, которые били стекла и приставали к прохожим. В восточной стороне проходило шествие, устроенное Рыцарями Деккерета в честь лорда Семпетурна. А теперь вдобавок эти безумные звуки. «Я-та, я-та, я-та, вум». И никуда не свернуть, нигде не спрятаться. Сейчас ей хотелось только одного — добраться до дому живой и невредимой и запереть дверь на засов. Мир сошел с ума. «Я-та, я-та, я-та, вум».

Действительность напоминала послания Короля Снов — с той лишь разницей, что сумятица продолжалась часами, днями, месяцами, тогда как даже худшее из посланий, пускай даже пробиравшее до глубины души, длилось совсем недолго. Но происходившему сейчас не было конца. К тому же положение усугублялось.

Все время волнения и грабежи. Вместо еды — какие-то объедки и корки, да иногда перепадает кусочек мяса — и то если у тебя есть возможность покупать его у горцев. Те спускались со своих гор и приносили добытых на охоте животных, мясо которых продавали по умопомрачительным ценам тем, у кого еще оставались хоть какие-то средства, а потом пропивали выручку и бесчинствовали на улицах, прежде чем отправиться восвояси. И все время возникали новые трудности. Ходили слухи, будто морские драконы топят любое выходящее в море судно, и поэтому всякое сообщение между континентами практически прервано. Еще говорили, что лорд Валентин погиб, а в Кинторе теперь уже не один новый корональ, а целых два — Семпетурн и хьорт, назвавшийся лордом Стиамотом. И у каждого из них свое маленькое войско, которое расхаживает по городу, выкрикивает призывы и устраивает беспорядки: Семпетурну служат Рыцари Деккерета, а хьорту — Орден Тройного Меча или что-то вроде того. Кристофон теперь состоял в Рыцарях Деккерета. Милилейн не видела его уже две недели. А в Ни-мойе третий корональ, да ко всему прочему по округе слоняются несколько понтифексов. В общем, не хватало только этого: «Я-та, я-та, я-та, вум».

Что бы то ни было, ей не хотелось подходить ближе. Скорее всего, очередной корональ с толпой истеричных последователей. Милилейн опасливо огляделась, прикинув, сможет ли она пройти по улице Дизимаула и выйти задними дворами на тракт Маламола, который пересекает ее улицу в нескольких кварталах от дамбы Вориакса. Сомнения вызывали лишь задние дворы — недавно ей поведали о том, что на них творится...

Приближалась ночь. Закапал дождик, немногим отличавшийся от густого тумана. У Милилейн, хоть она уже и привыкла к такому состоянию, от голода слегка кружилась голова. С южной стороны, из окрестностей Горячего Кинтора, где находились все геотермальные источники, раздался глухой грохот гейзера Конфалюма, который, как всегда, точь-в-точь обозначил наступление нового часа. Милилейн машинально посмотрела в том направлении и увидела поднимающийся к небу столб пара, окру-

женный клубами зеленовато-желтого дыма, что закрывал собой, казалось, полнеба. Она всю жизнь видела гейзеры Горячего Кинтора, воспринимала их как должное, но почему-то сейчас извержение напугало ее, и она раз за разом повторяла знак Хозяйки Острова Сна, пока не стала успокаиваться.

А Повелительница? Наблюдает ли она за Маджипуром? Куда подевались ее добрые послания, содержавшие хорошие советы и наполнявшие душу теплом? И где, кстати, Король Снов? Когда-то, в более спокойные времена, две эти силы поддерживали в равновесии жизнь каждого, давали советы, предостерегали, наказывали в случае необходимости. Милилейн подумала, что они, возможно, еще не утратили власть, но обстановка уже такова, что с ней не могут ничего поделать ни Король, ни Повелительница Снов, пусть они даже трудятся денно и нощно, чтобы восстановить утраченное. Такая система была придумана и действовала без сучка без задоринки в мире, где большинство населения охотно подчинялось законам. Но сейчас таких едва ли можно было отыскать, ибо законов более не существовало.

Я-та, я-та, я-та, вум.

А с другой стороны:

— Семпетурн! Лорд Семпетурн! Слава, слава, слава лорду Семпетурну!

Дождь припустил сильнее. Ступай, приказала она себе. На площади горцы, и одному Божеству известно, что тебя ждет впереди, а позади беснуются Рыцари Деккерета — куда ни посмотри, кругом беда. И даже если среди Рыцарей сейчас Кристофон, она не хотела его видеть, ей надоели выпученные от усердия глаза, руки, поднятые в новом жесте Горящей Звезды. Она побежала — через Малибора к Дизимаулу, по Дизимаулу к маленькому переулку, выходящему на Маламола,— неужели не хватит храбрости?

Я-та, я-та, я-та, вум.

Вдруг она увидела, что навстречу движется колонна, которая маршировала по улице Дизимаула! Впереди шли девять или десять человек, похожих на бездушные машины: руки, как деревянные, размеренно ходили вверх и вниз — левой-правой-левой-правой; да еще при этом они горланили песню с назойливым четким ритмом. Милилейн юркнула в ближайший переулок и наткнулась там на толпу мужчин и женщин; на руках у них были

зеленые с золотом повязки, и они непрерывно выкрикивали здравицы в честь нового лорда Стиамота.

Западня! Сегодня на улицах одни сумасшедшие! Оглядевшись, Милилейн заметила слева от себя полуоткрытую дверь и в отчаянии бросилась в нее. Она оказалась в темном коридоре. Из комнаты в дальнем конце доносилось приглушенное пение и исходил резкий запах какого-то странного благовония. Наверное, что-то вроде храма какого-нибудь нового культа. Но здесь, во всяком случае, ей вряд ли причинят вред. Она сможет переждать тут, пока все эти ошалелые толпы не уйдут куда-нибудь в другое место.

Осторожно прокравшись по коридору, она заглянула в комнату. Темнота. Запах фимиама. У стены какой-то помост, с обеих сторон от него на шестах — две фигурки, напоминающие маленьких засушенных морских драконов. Меж них стоял угрюмый, молчаливый лиимен, три глаза которого горели, словно угли. Милилейн показалось, что она узнает его: уличный торговец, продавший ей как-то вертел сосисок за пять крон. А может быть, и не он. Ведь совсем непросто отличить одного лиимена от другого.

Некто с запахом гэйрога и в плаще с капюшоном приблизился к ней и шепнул:

— Ты пришла к причастию, сестра. Добро пожаловать, и да пребудет с тобой благодать водяных королей.

Водяных королей?

Гэйрог мягко взял ее за локоть и так же мягко провел в комнату, чтобы она нашла себе место среди коленопреклоненной, бормочущей молитвы паствы. Никто не взглянул на нее, и вообще никто не смотрел друг на друга: взгляды всех были устремлены на лиимена, стоявшего между двумя чучелами морских драконов. Милилейн тоже посмотрела на него. Она не осмелилась оглядеться, так как опасалась встретить знакомых.

— Возьмите... выпейте... соединитесь...— распорядился лиимен.

Между рядами стали передавать кубки с вином. Краешком глаза Милилейн заметила, что каждый из молящихся, когда к нему попадал кубок, делал большой глоток; кубки приходилось наполнять заново по мере того, как они передавались из рук в руки. Ближайший из кубков сейчас находился в четырех или пяти рядах от нее.

Лиимен произнес:

— Мы пьем. Мы сливаемся. Мы устремляемся в объятия водяного короля.

Водяными королями лиимены называли морских драконов. Теперь Милилейн вспомнила. Она слышала о драконопоклонниках. Что ж, подумала она, может, в этом что-то и есть. Почему не отдать мир морским драконам, если все и так рухнуло. Она видела, что кубок уже в двух рядах от нее, однако тот перемещался очень медленно.

— Мы приходили к водяным королям, охотились на них и извлекали их из моря,— говорил лиимен.— Мы поедали их плоть и пили их молоко. И это было их даром нам, великой добровольной жертвой, поскольку они боги, а отдавать свою плоть и свое молоко низшим существам, вскормить и сделать их самих подобным богам, вполне достойно богов. Теперь же наступает время водяных королей. Берите. Пейте. Соединяйтесь.

Кубок пошел по ряду Милилейн.

— Они — великие мира сего,— нараспев продолжал лиимен.— Они — хозяева. Они — владыки. Они — истинная Власть, и мы принадлежим им. Мы и все остальные, живущие на Маджипуре. Берите. Пейте. Соединяйтесь.

Сейчас из кубка пила женщина слева от Милилейн; последнюю же охватило дикое нетерпение — она такая голодная, ей так хочется пить! — и она едва удержалась, чтобы не вырвать кубок у соседки, испугавшись, что ей ничего не достанется. Но она дождалась, и вот — кубок у нее в руках. Она заглянула в него: темное, густое, сверкающее вино. Она неуверенно пригубила. Вино было сладким и пряным, крепким на вкус, и сначала она решила, что никогда не пила ничего подобного, но потом ей показалось, что вкус ей что-то напоминает. Она сделала новый глоток.

— Берите. Пейте. Соединяйтесь.

Ну, конечно, это то самое вино, которое используют толкователи снов. Прежде чем соединяются с твоей душой и объясняют беспокоящий тебя сон! Точно! Ссонное вино. Хотя Милилейн посещала толкователей всего пять или шесть раз, да и то несколько лет тому назад, она узнала ни на что не похожий аромат их напитка. Но откуда оно здесь? Ведь только толкователи снов имели право пользоваться им или даже хранить его. Поскольку оно является сильным наркотиком, вино разрешено употреблять лишь под присмотром толкователей. Но каким-то образом тут, в этой молельне, больше походившей на чулан, сонное вино оказалось в огромных количествах, и собравшиеся хлещут его, как пиво...

— Берите. Пейте. Соединяйтесь.

Она обнаружила, что задерживает кубок, повернулась к мужчине справа, глупо улыбнулась и извинилась, но он неотступно смотрел вперед и не обратил на нее ни малейшего внимания; так что, пожав плечами, она поднесла кубок к губам, сделала подряд два больших глотка и передала кубок дальше.

Действие вина сказалось почти сразу. Она покачнулась, моргнула, кое-как удержала голову, грозившую упасть на грудь. «Вот что значит выпить на пустой желудок»,— сказала она себе, обмякла, наклонилась и начала петь вместе со всеми. То был бессмысленный речитатив без слов — оу-уа-ва-ма, оу-уа-ва-ма,— такой же нелепый, как и тот, что она слышала на улице, но более нежный, проникновенный, напоминающий плач.

«Оу-уа-ва-ма, оу-уа-ва-ма». И когда она пела, ей казалось, будто она слышит приглушенные звуки музыки, сверхъестественной и надмирной, далекий звон многих колоколов, что вызывают накладывающиеся друг на друга мелодии, за которыми невозможно уследить, поскольку каждая последующая переигрывает предыдущую. «Оу-уава-ма»,— пела она, и ей откликались звоном колокола, а потом к ней пришло ощущение чего-то огромного, что находилось очень близко от нее, возможно, даже в этой самой комнате, чего-то исполинского, крылатого, древнего, наделенного гигантским интеллектом, в сравнении с которым ее собственный можно уподобить лишь игрушечному. Это нечто обращалось по широкой орбите и при каждом обороте разворачивало свои огромные крылья и простирало их до пределов мира, а когда складывало их, они касались ворот в мозгу Милилейн — всего лишь легкое неуловимое, будто перышком, прикосновение, но после него она почувствовала себя преображенной, словно вышла из своего тела, стала частью какого-то организма из множества разумов, невообразимого и богоподобного. «Берите. Пейте. Соединяйтесь». С каждым прикосновением крыльев она все прочнее сливалась с этим организмом. «Оу-уа-ва-ма. Оу-уа-ва-ма». Она исчезла. Милилейн больше нет. Остался лишь водяной король, голосом которого и был колокольный звон, и разум из множе-

ства разумов, частью которого стала Милилейн. «Оу. Уа. Ва. Ма».

Она испугалась. Она опускалась на самое морское дно, ее легкие наполнялись водой, боль была невыносимой. Она боролась. Она не хотела, чтобы крылья касались ее. Она уворачивалась, она отбивалась кулаками, она изо всех сил стремилась к поверхности...

Открыла глаза. Выпрямилась, ошеломленная и испуганная. Вокруг нее продолжалось пение. «Оу, уа, ва, ма». Милилейн содрогнулась. «Где я? Что я делала? Мне надо выбираться отсюда»,— подумала она. Охваченная ужасом, она с трудом поднялась на ноги и на ощупь двинулась к выходу. Никто ее не останавливал. Вино все еще туманило ей голову, ее шатало, она спотыкалась на каждом шагу и хваталась за стену. Она вышла из комнаты и побрела по пропахшему благовониями коридору. Вокруг по-прежнему трепыхались крылья, они обволакивали ее, проникали в ее разум. «Что я натворила, что я натворила?»

На улицу, в темноту, в дождь. Там еще маршируют все эти Рыцари Деккерета, Орден Тройного Меча — или как их там? Не важно. Будь, что будет. Она побежала, не зная куда. Где-то вдали раздался низкий раскатистый зловещий звук. Она надеялась, что это гейзер Конфалюма. В мозгу у нее бились другие звуки. Я-та, я-та, я-та, вум. Оу, уа, ва, ма. Она почувствовала, как крылья смыкаются над ней. Она побежала, споткнулась, упала, поднялась и побежала опять.

Глава 7

Чем дальше они углублялись в провинцию метаморфов, тем более знакомым казалось все Валентину. И одновременно в нем росло убеждение в том, что он совершает ужасную, страшную ошибку.

Он вспомнил запах этих мест: насыщенный, пряный, сладковатый густой аромат роста и гниения, которые шли одинаково быстро под непрерывными теплыми дождями, затейливый букет, от которого при каждом вдохе кружилась голова. Он вспомнил спертый, липкий, влажный воздух и дожди, которые шли почти ежечасно, барабанили по лесным вершинам высоко над головой, а потом с одного блестящего листа на другой стекали капли,

пока уже совсем небольшое количество влаги не достигало земли. Он вспоминал фантастическое буйство растительности, когда все росло и расцветало почти на глазах, подчиняясь, однако, каким-то непостижимым законам, когда каждому растению отводился определенный уровень: устремленные ввысь, тонкие, на семь восьмых своей высоты лишенные веток, распускающиеся к вершине гигантскими зонтиками из листьев деревья, связанные в единый покров переплетением лоз, лиан, побегов; пониже — более приземистые, округлые, со стволами потолще, лучше переносящие тень; затем — слой сбившегося кучками кустарника и, наконец, лесное дно, темное, таинственное, практически бесплодное — голое пространство сырой, скудной, пористой почвы, которая весело пружинила под ногами. Он вспоминал неожиданные, неизвестно откуда бравшиеся столбы яркого света, что пробивался в самых непредсказуемых местах сквозь лесной покров, и ненадолго рассеивался полумрак.

Но дождевые леса Пиурифэйна простирались на тысячи квадратных миль в самом центре Зимроэля, и любой их участок был как две капли воды похож на другой. Где-то в этих лесах располагалась столица метаморфов Илиривойн, но Валентин спрашивал у себя, какие у него основания думать, что он находится неподалеку; только потому, что ему кажутся знакомыми по воспоминаниям многолетней давности запахи, звуки и обличье этих лесов?

Тогда он странствовал с бродячими жонглерами, и они вбили себе в голову нелепую идею о том, что могут заработать несколько реалов, выступив на празднике урожая у метаморфов. Но там, по крайней мере, с ним был Делиамбер, способный при помощи своих колдовских штучек разнюхать верное направление на перекрестке дорог, и доблестная Лизамон Халтин, знакомая с жизнью джунглей. Теперь же, во время этого похода в Пиурифэйн, Валентин оказался предоставлен самому себе.

Делиамбер и Лизамон, если они еще живы — а он был исполнен мрачных предчувствий на их счет, поскольку в течение прошедших недель не общался с ними даже во сне,— были теперь в нескольких сотнях миль позади, на дальнем берегу Стейча. Никаких известий не имел он и от Тунигорна, которого послал назад, на поиски. Сейчас его сопровождали лишь Карабелла, Слит и телохранители из скандаров. Карабелла обладала смело-

стью и выносливостью, но навыками следопыта — лишь в небольшой степени, а сильные и отважные скандары не отличались особой смышленостью. Слита же, несмотря на его трезвый, проницательный ум, в этих местах угнетал парализующий страх перед метаморфами, который еще в юности был наслан на него во сне, и с тех пор он так и не смог полностью от него избавиться. Глупо со стороны короналя пробираться сквозь джунгли Пиурифэйна с такой скудной свитой; но глупость, подумал Валентин, похоже, делается отличительной чертой последних короналей. Он размышлял о ранней и неестественной смерти Малибора и Вориакса, его предшественников, постигшей их, когда они занимались не слишком разумными делами. Пожалуй, безрассудство становится для короналей обычным делом.

Мало-помалу ему стало казаться, что день ото дня он и не приближается к Илиривойну и не удаляется от него, что город находится везде и нигде, что весь Илиривойн снялся с места и движется впереди него, сохраняя постоянный отрыв, который ему никогда не сократить. Ведь, насколько он помнил по тем временам, столица метаморфов представляла собой скопление утлых плетеных строений, среди которых было лишь несколько более основательных построек, и ему чудилось, будто временный призрачный город может перемещаться с места на место по воле своих обитателей; город-кочевник, город-сон, блуждающий огонек джунглей.

— Посмотри туда,— сказала Карабелла.— Это тропа, Валентин?

— Может быть,— ответил он.

— А может быть, и нет?

— Может быть, и нет.

Им попадались уже сотни подобных троп: легкие шрамы на почве джунглей, неразборчивые следы чьего-то пребывания, оставленные, возможно, месяц назад, а может быть, и во времена лорда Деккерета, за тысячу лет до сего дня. Какая-нибудь случайная, воткнутая в землю палка, на которой остался кусок пера или обрывок ленты; кем-то утоптанная колея, как будто здесь уже кто-то прокладывал дорогу; а иногда и вообще ничего явного, лишь подсознательное ощущение таинственных, находящих отражение только в душе следов того, что здесь проходило разумное существо. Но все они никуда не вели. Постепенно загадки исчезали, переставали восприниматься, и только девственные джунгли расстилались впереди.

— Сделаем привал, мой лорд? — спросил Слит.

Ни он, ни Карабелла не сказали ни слова против этого путешествия, каким бы дурацким оно им ни казалось. Они хоть понимают, думал Валентин, насколько неотложной считает он встречу с королевой метаморфов? Или просто хранят вынужденное молчание в течение всех этих недель бесцельных блужданий из страха перед гневом короля и супруга, хотя наверняка думают, что потраченное время можно было бы употребить с большей пользой в цивилизованных провинциях, заняться там обузданием разворачивающегося кризиса? Или — что хуже всего — они посмеиваются над тем безумным путем, который он прокладывает по обильно политым дождем просекам и полянам? Он спрашивал себя, сколько еще сможет продолжать поиски, и постепенно в нем зрело убеждение, что Илиривойна ему никогда не найти.

Когда они расположились на ночь, он водрузил на голову серебряный обруч Повелительницы Снов и вновь погрузился в транс, телепатическое состояние, и направил сквозь джунгли вызов Делиамберу и Тизане.

Он считал, что ему скорее удастся соприкоснуться разумом с ними, нежели с остальными, так как они были чувствительнее прочих к магии сновидений. Однако ночь за ночью его попытки не достигали даже подобия желаемого. Неужели расстояние имеет такое значение? Валентин никогда не пробовал посылать мысли на дальнее расстояние, кроме тех случаев, когда пользовался сонным вином, а сейчас у него не было этого напитка. Или, возможно, у метаморфов есть способ перехватывать или заглушать послания. Или его послания не находят адресатов, потому что все погибли. Или...

— Тизана... Тизана...

— Делиамбер...

— Валентин вызывает вас... Валентин... Валентин... Валентин...

— Тизана...

— Делиамбер...

Тишина.

Он попытался связаться с Тунигорном. Тот наверняка жив, вне зависимости от того, какая катастрофа постигла остальных, и, хотя его разум крепок и хорошо защищен, все равно оставалась надежда, что он раскроется при одной из попыток. Или Лизамон. Или Залзан Кавол.

Только бы соприкоснуться хоть с кем-нибудь из них, ощутить знакомый ответ знакомого сознания...

Он еще некоторое время повторял вызов, а потом печально снял обруч и уложил его в шкатулку. Карабелла вопросительно посмотрела на него. Валентин покачал головой и пожал плечами.

— Полная тишина,— сказал он.

— Если не считать дождя.

— Да, если не считать дождя.

По листьям снова негромко забарабанил дождь. Валентин угрюмо взглянул в сторону джунглей, но ничего не увидел: прожектор машины включен и будет гореть всю ночь, но за созданной им золотистой сферой света высилась стена мрака. Он понимал, что вокруг лагеря может собраться тысяча метаморфов, и в какой-то мере даже хотел того. Все, что угодно, пускай даже внезапное нападение, взамен бестолковых многонедельных блужданий по незнаемой и непознаваемой первозданности.

Он спрашивал себя, сколько еще продержится.

А как мы будем отсюда выбираться, когда я решу, что продолжать поиски бессмысленно?

Он мрачно прислушался к меняющемуся ритму дождя и наконец уснул.

Почти сразу же к нему пришло сновидение. По его силе, яркости и теплу он определил, что это не обычное сновидение, а, скорее, послание Повелительницы Снов, первое с тех пор, как он покинул Гихорн. Хотя он ожидал какого-либо ощутимого знака присутствия матери в своей душе, она ничем не давала о себе знать, и он начал испытывать недоумение, а проникающие в его душу импульсы стали казаться исходящими из совершенно другого источника. От Короля Снов? Тот обладал властью проникать в души издалека, но даже в столь смутные времена Король вряд ли осмелится воздействовать на короналя. Кто же тогда? Валентин, настороженный даже во сне, обшаривал пределы своего сновидения в поисках ответа, но не находил его.

Сновидение почти не содержало повествовательной части: в нем присутствовали лишь бесформенные образы и беззвучные звуки, создававшие ощущение события чисто абстрактными средствами. Но постепенно перед короналем стал вырисовываться ряд подвижных образов и ускользающих оттенков настроения, что превратилось в метафору чего-то совершенно конкретного: извивающихся, переплетающихся щупалец врууна.

— Делиамбер, ты?

— Я, мой лорд.

— Где?

— Здесь. Неподалеку от вас. Приближаюсь к вам.

Сообщение выражалось не речью, мысленной или какой-нибудь еще, а посредством грамматики меняющихся световых пятен и состояний души, имевших недвусмысленное значение. Вскоре сновидение покинуло Валентина; он некоторое время лежал неподвижно, на грани между сном и бодрствованием, обдумывая увиденное, и впервые за несколько недель почувствовал надежду.

Утром, когда Слит собирался сворачивать лагерь, Валентин вдруг заявил:

— Нет. Я собираюсь остаться здесь еще на несколько дней. Может быть, даже подольше.

Лицо Слита выразило сомнение и замешательство. Впрочем, он быстро справился со своими чувствами, кивнул и отошел к скандарам распорядиться, чтобы те не убирали палатки.

Карабелла заметила:

— Я вижу по вашему лицу, мой лорд, что ночью вы получили какие-то известия.

— Делиамбер жив. Он со всеми остальными следует за нами, пытается нас догнать. Но мы слишком часто и резво передвигаемся, и им никак не удается нас достичь. Как только они засекают нас, мы начинаем движение в новом направлении. Если мы останемся на месте, они нас отыщут.

— Значит, ты разговаривал с врууном?

— С его образом, с его тенью. Но то была истинная тень, его образ. Скоро он будет с нами.

Валентин на деле не сомневался в этом. Однако миновал день, второй, третий. Каждую ночь он надевал обруч и посылал сигнал, но не получал ответа. Скандары стали рыскать по джунглям, как взбудораженные животные; Слит становился все более нетерпеливым и беспокойным и бродил где-то часами, несмотря на страх перед метаморфами, в котором не стыдился признаться. Карабелла, заметив растущую напряженность, предложила тряхнуть стариной и пожонглировать втроем, чтобы отвлечься от забот; но Слит сказал, что у него нет настроения, а Валентин, уступивший ее просьбе, оказался настолько неловок из-за недостатка практики, что уже через пять минут решил плюнуть на забаву, несмотря на все уговоры Карабеллы.

— Ну конечно, ты совсем отвык! — сказал она.— Неужели ты думаешь, что навыки могут оставаться на высоте без шлифовки? Но они возвращаются, если над ними поработать. Вот, Валентин: лови! Лови! Лови!

Она говорила чистую правду. Небольшое усилие — и он вновь начал ощущать, как когда-то давно, что союз руки и глаза может доставить его туда, где время не имеет значения, а все пространство становится одной-единственной точкой в бесконечности. Скандары, которые хоть и знали о том, что жонглирование когда-то было ремеслом Валентина, были просто поражены, увидев, что проделывает кораль, и с нескрываемым любопытством и восхищением наблюдали за тем, как Валентин и Карабелла перебрасываются кучей самых разнообразных предметов.

— Хей! — кричала она.— Хей! Хей! — и вела его к все более сложным трюкам, не сравнимым с теми, которые она обычно выполняла в старые добрые времена, поскольку обладала по-настоящему высоким мастерством; они были элементарными даже в сравнении с прошлым уровнем Валентина, который никогда и не мечтал сравняться с Карабеллой в жонглировании. Но для того, кто не жонглировал по-настоящему уже лет десять, подумал Валентин, игра — честная. Через час он взмок от дождя и пота, но за последние несколько месяцев ни разу не чувствовал себя лучше.

Появился Слит и, глядя на них, казалось, стал потихоньку избавляться от беспокойства и мрачного настроения; через некоторое время он подошел поближе, и Карабелла кинула ему нож, дубинку и топорик, а он небрежно поймал их и начал вплетать в веселый, крутой каскад, к которому добавил еще три предмета, переброшенные ему Валентином. В лице Слита замечалось, пожалуй, некоторое напряжение, хотя десять лет назад от него не было и следа, кроме, возможно, тех случаев, когда он выполнял свой коронный номер с жонглированием вслепую, но тем, похоже, и ограничился.

— Хей! — крикнул он, посылая дубинку и топорик обратно Валентину, и, не дождавшись, пока кораль их поймает, безжалостно бросил еще два предмета. Потом все трое продолжали жонглировать уже на полном серьезе, будто были бродячими жонглерами и репетировали выступление перед королевским двором.

Виртуозность Слита вдохновила Карабеллу на еще более изощренные трюки, что, в свою очередь, заставило того прибавить оборотов, и вскоре Валентин почувствовал, что ему за ними не угнаться. Но все равно он старался держаться вровень, проявляя при этом замечательное усердие, и лишь раз уронил какой-то предмет, пока не обнаружил, что его бомбардируют с обеих сторон смеющаяся Карабелла и невозмутимый, напористый Слит; и вдруг ощутил, что его руки ниже локтей ничего не чувствуют, и уронил все на землю.

— Ах, мой лорд, так не годится! — громыхнул чей-то грубый, удивительно знакомый голос.

— Залзан Кавол! — воскликнул Валентин изумленно и радостно.

Огромный скандар вприпрыжку подбежал к нему, торопливо сделал знак Горящей Звезды, подобрал все предметы, которые уронил Валентин, и с какой-то одержимостью принялся кидать их Слиту и Карабелле своими четырьмя руками в том бешеном ритме, который мог заставить любого жонглера-человека, независимо от его мастерства, работать на пределе возможностей.

Валентин всмотрелся в джунгли и увидел всех остальных: Лизамон Халтин с врууном, вцепившимся ей в плечо, Тунигорна, Тизану, Эрманара, Шанамира и других, что выскакивали под дождь из помятого, забрызганного грязью экипажа, остановившегося неподалеку. Валентин обнаружил, что здесь все те, кого он оставил в Гихорне; наконец-то они собрались вместе.

— Доставайте вино! — крикнул он.— Это надо отпраздновать! — Он бегал между ними, обнимая то одного, то другого, приподнялся на цыпочки, чтобы обхватить руками великаншу, радостно хлопнул по спине Шанамира, торжественно обменялся рукопожатием с исполненным достоинства Эрманаром, обнял Тунигорна так крепко, что человек послабее мог бы задохнуться.

— Мой лорд,— рявкнула Лизамон,— пока жива, больше никуда не отпущу вас одного! При всем моем уважении, мой лорд. Никогда больше! Никогда!

— Если бы я только знал, мой лорд,— проговорил Залзан Кавол,— когда вы сказали, что уйдете вперед на один дневной переход к Стейчу, что будет буря такой силы, а мы не увидим вас столько недель,— ах, мой лорд, грош цена телохранителям,

которые отпустили вас таким образом. Когда Тунигорн сказал, что вы пережили бурю, но подались в Пиурифэйн, не дождавшись нас, ах, мой лорд, мой лорд, не будь вы моим господином, я бы не знаю что с вами сделал, когда бы догнал, поверьте, мой лорд!

— А ты простишь мне мое бегство? — спросил Валентин.

— Ах, мой лорд!

— Ты же знаешь, что у меня и в мыслях не было расставаться с вами надолго. Потому я и отослал назад Тунигорна, чтобы он отыскал вас и привел ко мне. И каждую ночь я отправлял послания — надевал обруч, напрягал все душевные силы, чтобы найти вас и прикоснуться к вам... к тебе, Делиамбер, и к тебе, Тизана.

— Эти послания доходили до нас, мой лорд,— сказал Делиамбер.

— Неужели?

— Каждую ночь. Мы очень радовались, зная, что вы живы.

— И не отвечали?

— Ах, мой лорд, мы каждый раз отвечали,— сказал вруун.— Но мы знали, что не можем пробиться, потому что мои силы слишком малы, чтобы преодолеть такое расстояние. Мы отчаянно хотели сказать вам, чтобы вы оставались на месте и дожидались нас; но каждый день вы уходили все дальше в джунгли, и никак невозможно было вас удержать; и перехватить вас мы не могли, а я не сумел достучаться до вашего разума, мой лорд. Не сумел.

— Но в конце концов ты до меня добрался.

— С помощью вашей матушки Повелительницы Снов,— сказал Делиамбер.— Тизана явилась к ней во сне и получила от нее послание, и Хозяйка Острова Сна поняла и сделала свой разум гонцом для моего, доставив туда, куда я сам ни за что бы не попал. Вот так мне и удалось наконец поговорить с вами. Мой лорд, нам столько нужно рассказать вам, сейчас же!

— Верно,— подтвердил Тунигорн.— Ты будешь поражен, Валентин. Клянусь.

— Тогда порази,— ответил Валентин.

Делиамбер сказал:

— Думаю, Тунигорн рассказал вам, как мы обнаружили, что советник по сельскому хозяйству И-Уулисаан — шпион метаморфов?

— Да, рассказал. Но как это удалось?

— В тот день, мой лорд, когда вы отправились к Стейч, мы застали И-Уулисаана во время глубокого телепатического контакта с кем-то, кто находился очень далеко. Я чувствовал, что его разум ускользнул, ощущал силу контакта и без промедления попросил Залзана Кавола и Лизамон схватить его.

Валентин вскинул взгляд.

— Откуда же у него такая сила?

— Потому что он метаморф, мой лорд,— объяснила Тизана,— а у них существует способ соединять разумы, используя в качестве связующего звена огромных королей морских драконов.

Валентин переводил взгляд с Делиамбера на Тизану и обратно как человек, на которого напали одновременно с двух сторон. Он попытался переварить значение сказанного, но в их словах столь многое показалось ему странным, совершенно сбивающим с толку, что поначалу он почти ничего не понял.

— У меня в голове не укладывается,— сказал он,— что метаморфы общаются друг с другом через драконов. Кто бы мог подумать, что драконы обладают такой телепатической силой?

— Они называют их водяными королями, мой лорд,— заметила Тизана.— Да, оказывается, водяные короли действительно обладают очень мощным разумом, который облегчает лазутчику передачу его сообщений.

— Сообщений о чем? — с беспокойством спросил Валентин.— И для кого?

— Когда мы застали И-Уулисаана за контактом,— отозвался Делиамбер,— Лизамон и Залзан Кавол навалились на него, и он сразу же стал видоизменяться. Мы бы доставили его к вам для допроса, но вы ушли вперед, к реке, а потом началась буря, и мы не смогли за вами последовать. Поэтому мы и допросили его сами. Он признался, мой лорд, что он шпион и его заданием было давать вам советы относительно мер, которые правительство должно предпринять против всех этих болезней, а потом немедленно сообщать о них, что было большим подспорьем для метаморфов в их деятельности по возбуждению и распространению болезней.

Валентин охнул.

— Метаморфы... возбуждали... распространяли болезни?..

— Да, мой лорд. И-Уулисаан нам все рассказал. Мы были... м-м-м... мы не слишком с ним церемонились. Здесь в Пиурифэйне в секретных лабораториях в течение многих лет метаморфы выращивали культуры всех вредителей наших сельскохозяйственных растений, какие только когда-либо бывали. А когда они подготовились, то разбрелись в тысячах обличий, некоторые из них, мой лорд, даже отправились к крестьянам под видом сельскохозяйственных агентов, притворившись, будто хотят предложить новые методы повышения урожайности, а во время инспекторских поездок тайно разбрасывали по полям свои яды. Некоторые из вредителей были запущены по воздуху или переносились с помощью птиц, которых выпускали метаморфы. Вдобавок они распыляли яды и те поднимались в небо тучами...

Ошеломленный Валентин посмотрел на Слита.

— Оказывается, мы были в состоянии войны, не зная об этом!

— Теперь знаем, мой лорд,— заметил Тунигорн.

— А я пробираюсь через владения моего врага, в своей глупости надеясь, что стоит мне лишь произнести добрые слова и раскрыть объятия, как Данипиур улыбнется и Божество вновь благословит нас. А на самом деле Данипиур со своим народом ведет все это время против нас войну, и...

— Нет, мой лорд,— перебил его Делиамбер.— Не Данипиур, насколько нам известно.

— Что ты сказал?

— Того, кому служил И-Уулисаан, зовут Фараатаа. Это исполненный ненависти, безрассудный пиуривар, который не смог добиться от Данипиур поддержки своих планов, и поэтому взялся осуществлять все сам со своими последователями. Понимаете, мой лорд? Среди метаморфов существует два течения. Этот самый Фараатаа возглавляет крайних, наиболее воинствующих. Их план состоит в том, чтобы с помощью голода ввергнуть нас в хаос и заставить покинуть Маджипур. Данипиур же придерживается более умеренных взглядов, во всяком случае, она гораздо менее свирепа.

— Тогда мне следует продолжать путь к Илиривойну и встретиться с ней.

— Вы никогда не найдете Илиривойн, мой лорд,— сказал Делиамбер.

— Это почему же?

— Они разобрали город на части и тащат его на себе по джунглям. Я ощущаю их присутствие, когда навожу свои чары, но оно перемещается. Данипиур избегает вас, мой лорд. Она не хочет с вами встречаться. Возможно, это слишком опасно с политической точки зрения: она не способна больше держать в повиновении свой народ и боится, что все перейдут на сторону Фараатаа, если она выкажет хоть малую толику благосклонности по отношению к вам. Это лишь мое предположение, мой лорд. Но я говорю вам, что вы никогда ее не найдете, даже если будете тысячу лет обшаривать джунгли.

Валентин кивнул.

— Вероятно, ты прав, Делиамбер. Наверняка ты прав.— Он прикрыл глаза и попытался привести мысли в порядок. Насколько неверно он оценивал обстановку; как мало он понимал! — А это общение между метаморфами через морских драконов... как долго оно продолжалось?

— Судя по всему, довольно долго, мой лорд. Морские драконы, оказывается, гораздо разумнее, чем мы представляли... и между ними и метаморфами, по крайней мере некоторыми метаморфами, как кажется, существует что-то вроде союза. Впрочем, мы можем только строить догадки.

— А И-Уулисаан? Где он? Мы должны как следует расспросить его обо всем.

— Мертв, мой лорд,— ответила Лизамон Халтин.

— Как это случилось?

— Когда разразилась буря и все смешалось, он попытался бежать. Мы было его опять поймали, но ветер вырвал его у меня, и больше мы не смогли его найти. А тело отыскали лишь на следующий день.

— Небольшая потеря, мой лорд,— заметил Делиамбер.— Вряд ли удалось бы выжать из него что-нибудь еще.

— Все равно мне хотелось бы поговорить с ним,— сказал Валентин.— Однако его не воскресишь. И с Данипиур, похоже, разговор не состоится. Но мне нелегко расстаться с этой идеей. Неужели совершенно никакой надежды найти Илиривойн, а, Делиамбер?

— Думаю, что нет, мой лорд.

— Я вижу в ней союзника: вам это кажется странным? Королева метаморфов и корональ объединяются против тех, кто раз-

вязал против нас биологическую войну. Глупость, Тунигорн, да? Давай, говори откровенно: ты считаешь меня глупцом?

Тунигорн пожал плечами.

— Я мало что могу сказать, Валентин. Я уверен лишь в том, что Делиамбер прав: Данипиур не желает встречи с тобой и не позволит себя отыскать. И думаю, что тратить время на ее поиски...

— Неразумно. Да. В самом деле, глупость, поскольку у меня столько всяких дел в других местах.

Валентин умолк. Он рассеянно взял у Залзана Кавола несколько предметов для жонглирования и начал перебрасывать их из руки в руку. Болезни, голод, лжекоронали, подумал он. Безумие. Хаос. Биологическая война. Проявление гнева Божества. А кородаль в это время разъезжает по джунглям с дурацкими затеями? Нет. Нет.

Он спросил у Делиамбера:

— Тебе известно, где мы сейчас?

— Насколько я могу прикинуть, примерно в двух тысячах миль к юго-западу от Пилиплока, мой лорд.

— Как думаешь, сколько нам туда добираться?

— Я бы сейчас вообще не ездил в Пилиплок,— вмешался Тунигорн.

Валентин нахмурился.

— Это отчего же?

— Опасно.

— Опасно? Для короналя? Да ведь я там был, Тунигорн, месяц или два назад и не видел никакой опасности!

— Обстоятельства изменились. До нас дошло, что Пилиплок объявил себя свободной республикой. Жители Пилиплока, у которых пока еще достаточно продовольственных запасов, испугались, что эти запасы реквизируют в пользу Кинтора и Ни-мойи; и поэтому Пилиплок откололся от государства.

У Валентина был такой взгляд, будто он смотрит в бездонную пропасть.

— Откололся? Свободная республика? Бред какой-то!

— Тем не менее для жителей Пилиплока все это, по-видимому, имеет смысл. Трудно представить, какой прием они могут оказать тебе теперь. Я думаю, будет разумней отправиться куда-нибудь в другое место, пока ситуация не прояснится.

Валентин гневно возразил:

— Неужели мне суждено шарахаться прочь от моих же городов? Пилиплок объявит о своей лояльности в тот самый миг, как я там появлюсь!

Карабелла сказала:

— А ты в этом уверен? С одной стороны Пилиплок, раздувшийся от гордости и себялюбия, а тут появляется кородаль на обшарпанном экипаже, одетый в какие-то лохмотья. И думаешь, они будут тебя прославлять? Они изменили, и прекрасно это понимают, а потому скорее усугубят свое преступление, чем кротко склонят головы перед твоей властью. И я утверждаю, что в Пилиплоке лучше не появляться, разве что во главе армии!

— Согласен,— подтвердил Тунигорн.

Валентин тревожно посмотрел на Делиамбера, Слита, Эрманара. Ответом ему были молчание и мрачные, печальные, угрюмые взгляды.

— Тогда получается, что я опять свергнут? — спросил Валентин, не обращаясь ни к кому в отдельности.— Опять стал оборванным бродягой? Я не смею войти в Пилиплок? Не смею? А лжекоронали в Кинторе и Ни-мойе? Полагаю, у них есть войска, а у меня нет, следовательно, и там я не смею появиться. И что же мне делать, во второй раз становиться жонглером? — Он рассмеялся.— Нет. Думаю, что нет. Я кородаль и кородалем останусь. Я думал, что дело сделано, что определился со своим местом в этом мире, но, очевидно, успокаиваться еще рано. Делиамбер, выведи меня из джунглей. Найди дорогу на побережье, в какой-нибудь портовый город, в котором я могу найти приют. А оттуда мы отправимся дальше на поиски союзников и опять наведем порядок, правильно?

— А где мы будем искать этих самых союзников, мой лорд? — спросил Слит.

— А где придется,— ответил Валентин, пожав плечами.

Глава 8

Куда бы ни кинул взгляд Хиссун во время поездки с Замковой горы вниз по долине Глэйдж в сторону Лабиринта, везде он видел признаки хаоса и запустения. Хотя в этих благодатных и плодородных районах Алханроэля ситуация еще не достигла та-

кой же остроты, как на западе или на Зимроэле, все равно везде ощущалось почти осязаемое напряжение: запертые ворота, испуганные глаза, каменные лица. Но, подумал он, в самом Лабиринте особых перемен, кажется, нет, возможно, потому, что Лабиринт и без того всегда был местом запертых ворот, испуганных глаз, каменных лиц.

Но если Лабиринт не изменился, то изменился сам Хиссун; эта перемена стала очевидной для него с того самого мгновения, как он въехал во врата Вод — огромные, роскошные парадные ворота, традиционно служившие властителям Маджипура для въезда в город понтифекса. Позади остались теплый, подернутый дымкой день в долине Глэйдж, ароматные ветры, зеленые холмы, радостное сияние яркого солнца. Впереди — вечная ночь потайных, закупоренных колец Лабиринта, жесткий блеск искусственного освещения, странная безжизненность воздуха, никогда не знавшего ветра или дождя. Когда за ним закрылись массивные ворота, Хиссун на долю секунды представил себе, что теперь некая ужасная преграда отделяет его от всего, что есть прекрасного в мире.

Для него стало неожиданностью, что какие-то год или два, проведенные на Замковой горе, смогли произвести в нем такой переворот; что Лабиринт — он даже засомневался, любил ли когда-нибудь пещерный город,— в котором он всегда чувствовал себя как дома, теперь вызывал в нем отвращение и страх. Ему казалось, что он никогда раньше не понимал лорда Валентина: но сейчас Хиссун как бы поставил себя на его место и ощутил, не очень сильно, но вполне достаточно, чтобы понять, какой ужас охватывал душу короналя, когда тот спускался в подземелье.

Хиссун изменился. Покидая Лабиринт, он не представлял собой ничего особенного — был кандидатом в рыцари, но что в том такого для обитателей Лабиринта, на которых не слишком-то действовали такие проявления мирской суеты? Теперь, по прошествии нескольких лет, он возвращался принцем Хиссуном, членом регентского совета. Внешний блеск может и не произвести сильного впечатления на жителей Лабиринта, но вот власть — тем более, что ее добился кто-то из их среды,— другое дело. Они тысячами выстроились вдоль дороги, которая вела от врат Лезвий к внешнему кольцу Лабиринта, толкались и толпились, чтобы

получше рассмотреть Хиссуна, который въехал в огромные ворота в королевском экипаже цветов короналя и со своей собственной свитой, будто сам и был короналем. Они не ликовали, не шумели, не выкрикивали его имя. Люди Лабиринта не имели подобного обыкновения. Но они глазели на него. Молчаливые, исполненные благоговейного трепета, возможно, с оттенком зависти, они провожали его взглядами, в которых читался угрюмый восторг. Ему показалось, что он заметил своего старого товарища по играм Ванимуна, его хорошенькую сестренку, Гизнета и Хойлана и еще с полдюжины других из компании двора Гуаделума. А может быть, и нет: они появились перед его взглядом лишь благодаря игре воображения. Он понял, что хотел увидеть их здесь, хотел предстать перед ними в своих одеждах принца, в огромном экипаже, показать, как маленький оборвыш Хиссун преобразился в принца-регента Хиссуна, над которым подобно второму солнцу витает ореол Замка. Ведь можно хоть раз позволить себе такое проявление мелкого тщеславия? — спрашивал он себя. И тут же отвечал: да, да, а почему бы и нет? Ну хоть немножко самодовольства. Ведь даже святые могут иногда задирать нос, а уж в чем-чем, а в святости его не обвинишь. Но только чуть-чуть — и все, а потом — дела. Если это превратить в привычку, душа заплывет жиром.

Чиновники понтифекса в официальных масках ждали его на границе внешнего кольца. Они весьма церемонно приветствовали Хиссуна и сразу же доставили его к лифту, предназначенному для правителей и их посланников. Лифт стремительно опустился в самые нижние, имперские, уровни Лабиринта.

Хиссуна незамедлительно разместили в покоях, почти таких же пышных, как и те, что постоянно держали для короналя. Альсимир, Стимион и другие его спутники получили по изящной комнате рядом. Как только чиновники понтифекса закончили возню с устройством Хиссуна, их старший объявил:

— Главный представитель Хорнкэст будет чрезвычайно польщен, если вы согласитесь отужинать с ним сегодня вечером, мой лорд.

Помимо своей воли Хиссун ощутил некоторое удивление. Чрезвычайно польщен. Он еще не настолько отвык от Лабиринта, чтобы относиться к Хорнкэсту без благоговения, граничившего со страхом: истинный хозяин Лабиринта, кукловод, кото-

рый дергает за веревочки понтифекса. Чрезвычайно польщен, если вы согласитесь отужинать с ним сегодня вечером, мой лорд. Неужели? Сам Хорнкэст? Трудновато представить, чтобы старик Хорнкэст вообще был чем-нибудь чрезвычайно польщен, подумал Хиссун. Мой лорд — ни больше ни меньше. Ну что ж, ладно.

Но он не мог позволить себе испытывать хотя бы на йоту благоговейный трепет перед Хорнкэстом. Он сделал так, чтобы посланники главного представителя застали его неготовым, когда пришли за ним, и задержался на десять минут с выходом. Войдя в личную столовую главного представителя — зал настолько великолепный, что даже понтифекс, возможно, счел бы его пышность избыточной — Хиссун удержался от любых приветствий или выражений почтительности, хотя позыв к этому у него промелькнул. Это же Хорнкэст! — подумал он и хотел упасть на колени. Но ведь ты Хиссун! — сердито прикрикнул он на себя и остался стоять, приняв надменный и несколько отчужденный вид. Хиссун принуждал себя все время помнить, что Хорнкэст — лишь чиновник; а сам он — особа титулованная, принц Горы, а также член регентского совета.

Впрочем, при виде внушительной осанки и властности Хорнкэста не так-то легко было сохранить душевное равновесие. Его можно было назвать старым, даже древним, но выглядел он крепким, энергичным и живым, будто за счет какого-то колдовства сбросил лет тридцать—сорок. Его взгляд был проницательным и безжалостным, улыбка — двусмысленной, голос — глубоким и сильным. С величайшей учтивостью он подвел Хиссуна к столу и предложил ему какое-то мерцающее редкое вино алого цвета, которое Хиссун благоразумно лишь слегка пригубил. Разговор, любезный и поначалу довольно общий, а потом все более серьезный, направлялся Хорнкэстом, и Хиссун тому не препятствовал. Сначала они заговорили о волнениях на Зимроэле и в западном Алханроэле — Хиссун не мог отделаться от впечатления, что, несмотря на скорбную мину на лице Хорнкэста при обсуждении этой темы, все происходящее вне Лабиринта тревожило главного представителя не больше, чем события на другой планете,— а потом Хорнкэст окольными путями подошел к смерти Элидата, по случаю которой, как он надеялся, Хиссун выразит в Замке глубокие соболезнования от его имени; при этом он хитро смотрел на Хиссуна, как бы говоря: я знаю, что кончина Элидата внесла большие изменения в порядок престолонаследия и что ты вознесся на высший уровень власти, и поэтому, дитя Лабиринта, я очень внимательно слежу за тобой. Хиссун ожидал, что Хорнкэст, уже достаточно наслышанный о гибели Элидата, теперь поинтересуется благополучием лорда Валентина, но, к его изумлению, главный представитель предпочел завести речь о совершенно других вещах, касавшихся нехватки некоторых продуктов, что уже ощущалась в закромах Лабиринта. Нет сомнения, что Хорнкэст сильно озабочен, подумал Хиссун, но не для того же он предпринял эту поездку. Когда высокий представитель ненадолго умолк, Хиссун наконец взял инициативу на себя и заговорил:

— Пожалуй, нам пора обсудить наиболее серьезное, на мой взгляд, событие — исчезновение лорда Валентина.

На какое-то мгновение непоколебимая безмятежность, казалось, покинула Хорнкэста: его глаза сверкнули, ноздри раздулись, губы слегка шевельнулись от удивления.

— Исчезновение?

— Во время продвижения лорда Валентина по Пиурифэйну мы потеряли с ним связь и не можем ее восстановить.

— А можно поинтересоваться, чем корональ занимался в Пиурифэйне?

Хиссун пожал плечами.

— Насколько я понимаю, он находился там с весьма деликатной миссией. Он оторвался от своего кортежа во время той же бури, которая унесла жизнь Элидата. С тех пор мы о нем ничего не слышали.

— Как вы полагаете, корональ жив?

— Не имею представления, а гадать не имеет смысла. Можете не сомневаться, что мы предпринимаем все возможное, чтобы восстановить контакт. Но думаю, что мы на деле должны по крайней мере допустить возможность того, что он погиб. По этому поводу у нас в Замке состоялось заседание совета. Вырабатывается порядок престолонаследия.

— Так-так.

— И, разумеется, одним из существеннейших исходных пунктов наших планов является состояние здоровья понтифекса.

— Да-да, я понимаю.

— Состояние понтифекса без изменений?

Хорнкэст ответил не сразу; он долго и пристально, с непонятной настойчивостью смотрел на Хиссуна, как бы производя тончайшие политические расчеты.

После продолжительного молчания он произнес:

— Вы не хотели бы нанести визит его величеству?

Услышать такое от главного представителя Хиссун ожидал меньше всего. Визит к понтифексу? Он никогда и не мечтал об этом! Ему потребовался какой-то миг, чтобы оправиться от изумления и вновь обрести самообладание. Затем он сказал, стараясь, чтобы его голос звучал как можно невозмутимее:

— Это было бы для меня большой честью.

— Тогда пойдемте.

— Сейчас?

— Да, сейчас.

Главный спикер подал знак, тут же появились слуги и начали убирать остатки ужина; вскоре Хиссун оказался рядом с Хорнкэстом в маленьком экипаже с приподнятым носом, который по узкому туннелю довез их до места, откуда можно было идти только пешком: через каждые пятьдесят шагов проход перекрывался бронзовыми дверями, и каждую из них Хорнкэст открывал, засовывая руку в потайное отверстие. Наконец после прикосновения главного спикера открылась последняя дверь, обозначенная инкрустированной золотом эмблемой Лабиринта с имперской монограммой поверх нее, и они прошли в имперский Тронный зал.

Сердце Хиссуна отчаянно колотилось. Сам понтифекс! Старый безумец Тиеверас! В течение всей своей жизни он едва ли верил, что тот вообще существует. Дитя Лабиринта, он всегда воспринимал понтифекса как некое сверхъестественное, таящееся в подземелье существо, как ставшего отшельником властелина мира; и даже теперь, несмотря на недавнее знакомство с принцами и герцогами, с самим короналем и его домочадцами, понтифекс казался Хиссуну чем-то нереальным, непознанным, непостижимо далеким от мира смертных, отгородившимся от него стеной. Но вот он.

Все именно так, как гласили предания. Сфера из голубого стекла, трубки, шланги, провода и зажимы, разноцветные жидкости, подающиеся по системе жизнеобеспечения, и старый-престарый человек, сидящий необычайно прямо на троне с высокой спинкой на возвышении с тремя невысокими ступеньками. Глаза понтифекса открыты. Но видят ли они? Жив ли он вообще?

— Он больше не разговаривает,— сказал Хорнкэст.— Это последняя из случившихся с ним перемен. Но врач Сепултроув утверждает, что его разум все еще действует, а тело сохраняет жизнеспособность. Подойдите на шаг-другой, взгляните на него поближе. Видите? Видите? Он дышит. Он моргает. Он жив, определенно жив.

У Хиссуна возникло такое ощущение, будто он столкнулся с осколком прошлого, чудом сохранившимся доисторическим созданием. Это же Тиеверас! Корональ при понтифексе Оссиере — сколько поколений прошло с тех пор? Человек, принадлежащий истории, видевший своими собственными глазами лорда Кинникена! Он был уже стариком, когда в Замок пришел лорд Малибор. И вот он все еще здесь: и жив, если только можно назвать жизнью существование, которое он влачит.

Хорнкэст сказал:

— Вы можете поприветствовать его.

Хиссун знал, как принято поступать: с понтифексом не следовало говорить непосредственно, нужно было обращаться к главному спикеру, а тот уже передавал слова монарху. Но все получилось иначе.

Он сказал:

— Покорнейше прошу передать его величеству приветствие от его подданного Хиссуна, сына Эльсиномы, с выражениями уважения и почтения.

Понтифекс не ответил. Понтифекс вообще ничем не показал, что что-то услышал.

— Когда-то,— пояснил Хорнкэст,— в ответ на то, что ему говорили, он издавал звуки, которые я научился толковать. Но он больше не разговаривает. Уже несколько месяцев. Однако мы все равно продолжаем с ним говорить.

— Тогда скажите понтифексу, что весь мир любит его, и его имя постоянно звучит в наших молитвах.

Тишина. Понтифекс оставался недвижен.

— Еще передайте ему,— продолжал Хиссун,— что в мире все идет своим чередом, трудности приходят и уходят, а величие Маджипура несокрушимо.

Тишина. По-прежнему никакого ответа.

— Вы закончили? — спросил Хорнкэст.

Хиссун посмотрел через комнату на загадочную фигуру в стеклянной клетке. Он страстно желал, чтобы Тиеверас поднял руку в благословении, чтобы он произнес пророческие слова. Но он знал, что этого не произойдет.

— Да,— сказал он.— Я закончил.

— Тогда пойдемте.

Главный спикер вывел Хиссуна из Тронного зала. Уже за дверью Хиссун обнаружил, что его одежда промокла от пота, а колени трясутся. Тиеверас! Даже если доживу до его возраста, подумал Хиссун, я все равно никогда не забуду это лицо, эти глаза, эту сферу из голубого стекла.

— Его молчание — новая стадия болезни,— сказал Хорнкэст.— Сепултроув уверяет, что в нем еще достаточно сил. Может, оно и так. Но, возможно, что это начало конца. Ведь должен же быть какой-то предел, даже со всей этой техникой.

— Думаете, это произойдет уже скоро?

— Молю Божество, чтобы так оно и было, но ничего определенного сказать не могу. Решение находится в руках лорда Валентина — или в руках его преемника, если Валентина уже нет в живых.

— Если лорда Валентина нет в живых,— сказал Хиссун,— тогда новый корональ может немедленно стать понтифексом. Если он только не решит по-прежнему поддерживать жизнь Тиевераса.

— Вы правы. А если лорд Валентин погиб, кто, на ваш взгляд, станет новым короналем?

Взгляд Хорнкэста был пронзителен и беспощаден. Хиссун ощутил, как обжигает его огонь этого взгляда, как вся его достигнутая с таким трудом проницательность, осознание того, кем он был и кем собирался стать, испаряются, и он становится уязвимым и сбитым с толку. Внезапно он с головокружительной отчетливостью представил, как в одно прекрасное утро возносится к вершинам власти, становится короналем, к полудню приказывает отключить все эти трубки и аппараты, а к вечеру превращается в понтифекса. Но это же нелепо, в растерянности сказал он себе. понтифекс? Я? Через месяц? Это шутка, совершеннейшая бессмыслица. Он постарался вернуть присутствие духа, и вскоре ему удалось вывести себя на путь, еще в Замке казавшийся ему столь очевидным: если лорд Валентин погиб, то короналем должен стать Диввис и тогда Тиеверас наконец умрет, а Диввис отправится в Лабиринт. Так должно быть. Должно.

Вслух же Хиссун произнес:

— Нельзя, конечно, проводить избрание, пока мы не удостоверимся в смерти короналя, а мы каждый день возносим молитвы о его безопасности. Но если лорда Валентина действительно постигла трагическая участь, я полагаю, принцы Замка изъявят желание увидеть на престоле сына лорда Вориакса.

— Так.

— А если это произойдет, то среди нас есть те, кто считает, что в таком случае можно позволить понтифексу Тиеверасу возвратиться к Источнику.

— Вот как? — сказал Хорнкэст.— Да-да. Надеюсь, я правильно вас понял? — Он последний раз посмотрел в глаза Хиссуну своим холодным, проницательным, всевидящим взглядом, который затем смягчился, будто подернулся пеленой; главный спикер вдруг превратился в усталого старика в конце долгого утомительного дня. Хорнкэст развернулся и медленно пошел к ожидавшему их экипажу.— Идемте,— сказал он.— Уже поздно, принц Хиссун.

Да, поздно, но Хиссун никак не мог уснуть. «Я видел понтифекса,— думал он вновь и вновь.— Я видел понтифекса!» Он проворочался всю ночь, и перед его мысленным взором все время стоял дряхлый Тиеверас; даже во сне образ не угас, а стал еще ярче: понтифекс на троне в стеклянной сфере. Понтифекс в самом деле плакал? А если так, то кого он оплакивал?

На следующий день Хиссун в сопровождении официального эскорта совершил поездку вверх, во внешнее кольцо Лабиринта, во двор Гуаделума, туда, где прожил столько лет в маленькой убогой квартирке.

Эльсинома пыталась отговорить его от этого, неверного, на ее взгляд, поступка; она утверждала, что принцу Замка не подобает приезжать в столь захудалый район, как двор Гуаделума, даже для того, чтобы повидаться с собственной матерью. Но Хиссун просто отмахнулся от ее возражений.

— Я приеду к тебе,— заявил он,— а не ты ко мне, мама.

Прошедшие годы не слишком отразились на ней. Если она и изменилась, то в лучшую сторону: выглядела сильнее, выше, энергичней. Но ему показалось, что в ней появилась какая-то

незнакомая усталость. Он протянул руки ей навстречу, но она испуганно отпрянула, будто не признала в нем своего сына.

— Матушка? Ты не узнаешь меня, матушка?

— Хотелось бы думать, что узнаю.

— Я не стал другим, мама.

— То, как ты держишься... твой взгляд... одежды на тебе...

— Я остался Хиссуном.

— Принцем-регентом Хиссуном. А говоришь, что не стал другим.

— Теперь все другое, матушка. Но кое-что остается неизменным.— Ему почудилось, будто при этих словах она смягчилась, немного расслабилась, как бы восприняв его. Он шагнул к ней и обнял.

Она отступила назад:

— Что будет с миром, Хиссун? Мы слышим такие ужасные вести! Говорят, голодают целые провинции. Новые коронали провозглашают сами себя. А лорд Валентин... где лорд Валентин? Мы здесь знаем так мало о том, что происходит снаружи. Что будет с миром, Хиссун?

Хиссун покачал головой.

— Все в руках Божества, матушка. Но могу тебе сказать одно: если вообще существует возможность спасти мир от катастрофы, мы его спасем.

— Меня просто в дрожь бросает, когда я слышу, что ты говоришь «мы». Иногда во сне я вижу тебя на Замковой горе среди высоких лордов и принцев... я вижу, что они смотрят на тебя, спрашивают твоего совета. Но неужели это может быть правдой? Я начинаю кое-что понимать — знаешь, Хозяйка Острова Сна часто приходит ко мне во сне,— но все равно мне столько надо понять... столько усвоить...

— Ты говоришь, Повелительница часто навещает тебя?

— Иногда по два-три раза в неделю. Она оказывает мне величайшую честь. Хотя и для беспокойства есть повод: я вижу, какая она уставшая, какая тяжесть гнетет ее душу. Она приходит, чтобы помочь мне, ты понимаешь, но иногда я чувствую, что это я должна ей помочь, что должна поделиться с ней своей силой, дать ей опереться на меня...

— Ты поможешь ей, мама.

— Что ты разумеешь, Хиссун?

Он долго не отвечал, обвел взглядом находившиеся в уродливой маленькой комнатенке старые, знакомые с детства, вещи, рваные занавески, потертую мебель, подумал об апартаментах, в которых провел ночь, и тех роскошных помещениях, которые занимал на Замковой горе.

— Ты здесь долго не останешься, матушка.

— А куда же я денусь?

Снова помолчав, он проговорил:

— Думаю, что меня изберут короналем, мама. А после того тебе придется отправиться на Остров и взять на себя новую и очень тяжелую задачу. Ты меня понимаешь?

— Конечно.

— А ты готова, матушка?

— Я выполню свой долг,— сказала она, улыбнулась и покачала головой, будто не веря происходящему. Но потом стряхнула с себя неверие и потянулась к сыну, чтобы обнять его.

Глава 9

— Пусть теперь прозвучит Слово,— сказал Фараатаа.

Наступил Час Огня, полуденный час, и солнце стояло высоко над Пиурифэйном. Сегодня не будет дождя: дождь недопустим, поскольку сегодня должно прозвучать Слово, а это должно свершиться под безоблачным небом. Он стоял на высоком плетеном помосте, глядя вдоль широкой просеки в джунглях, проделанной его последователями. Вырублены тысячи деревьев, на теле земли появился огромный рубец. На обширном открытом пространстве везде, куда только достигал взгляд Фараатаа, располагались плечо к плечу его воины. По обеим сторонам от него возвышались крутые пирамидальные силуэты новых храмов, почти таких же высоких, как его помост, сложенных из бревен согласно древним традициям; на вершине каждого из них развевалось красное с желтым знамя искупления. То был Новый Велализиер, основанный в джунглях. В следующем году Фараатаа решил провести обряды во вновь освященном подлинном Велализиере, за морем.

Сейчас он исполнил Пять Изменений, легко и невозмутимо перетекая из формы в форму: Красная Женщина, Слепой Великан, Человек Без Кожи, Последний Король, причем каждое

видоизменение сопровождалось шипящим возгласом тех, кто наблюдал за ним, а когда он произвел пятое видоизменение и предстал в виде Грядущего Принца, выкрики достигли апогея. Они выкрикивали его имя с нарастающей силой:

— Фараатаа! Фараатаа! ФАРААТАА!

— Я — Принц Грядущий и Король Сущий! — воскликнул он так же, как часто кричал во сне.

И все откликнулись:

— Хвала Принцу Грядущему и Королю Сущему!

И он произнес:

— Соедините руки и души и воззовем к водяным королям.

И они соединили руки и души, и он ощутил, как в него вливается их сила, и послал свой зов:

— Морские братья!

Он слышал их музыку. Он чувствовал, как зашевелились на глубине их гигантские тела. Откликнулись все короли: Маазмурн, Гироуз, Шейтун, Диис, Нараин и другие. И они соединились, и дали свою силу, и стали рупором для его слов.

И его слова полились во все концы света, ко всем, кто мог слышать.

— Вы, враги наши, слушайте! Знайте, что вам объявлена война и что вы уже повержены. Пришло время расплаты. Вы не сможете устоять против нас. Вам не устоять против нас. Началась ваша погибель, и нет вам теперь спасения.

И его воины вновь возгласили:

— Фараатаа! Фараатаа! Фараатаа!

Его кожа начала светиться, от глаз исходило сияние.

Он стал Принцем Грядущим, он стал Королем Сущим.

— Четырнадцать тысячелетий мир принадлежал вам, а теперь мы отвоевали его. Убирайтесь отсюда, чужаки! Садитесь в ваши корабли и убирайтесь к тем звездам, с которых вы прилетели, поскольку теперь этот мир наш. Убирайтесь!

— Фараатаа! Фараатаа!

— Убирайтесь, или наш тяжкий гнев обрушится на вас! Убирайтесь или будете сброшены в море! Убирайтесь, или мы не пощадим никого!

— Фараатаа!

Он распростер руки. Он открылся проникновению энергии стоявших перед ним соплеменников и водяных королей, которые служили ему поддержкой и опорой. Он знал, что время изгнания и печали подходит к концу. Священная война почти выиграна. Те, кто украл этот мир и расплодился в нем, подобно червям, теперь будут повержены.

— Услышьте меня, о, враги. Я — Король Сущий!

И беззвучные голоса оглушительно кричали:

— Услышьте его, о враги. Он — Король Сущий!

— Ваше время пришло! Ваши дни окончены! Вы ответите за ваши преступления, никто не останется в живых! Убирайтесь из нашего мира!

— Убирайтесь из нашего мира!

— Фараатаа! — закричали все вслух.— Фараатаа! Фараатаа!

— Я — Принц Грядущий! Я — Король Сущий!

И они ответили ему:

— Да здравствует Принц Грядущий, который есть Король Сущий!

ЧАСТЬ 4

КНИГА ПОНТИФЕКСА

Глава 1

— Необычен день, мой лорд, когда короналю приходится являться просителем к Королю Снов,— сказал Слит, прикрывая лицо ладонью от знойного ветра, беспрестанно дувшего навстречу со стороны Сувраэля. Через несколько часов им предстояло сойти на берег в Толагае, крупнейшем порту южного континента.

— Не просителем, Слит,— спокойно возразил Валентин.— Собратом по оружию, которому требуется помощь в борьбе с общим врагом.

Карабелла удивленно переспросила:

— Собрат по оружию, Валентин? Я еще не слышала от тебя столь воинственных слов.

— Разве мы не на войне?

— И ты будешь сражаться? И убивать своими собственными руками?

Валентин пристально посмотрел на нее, не поняв, иронизирует она или нет; но ее лицо выражало обычную безмятежность, а в глазах светилась любовь.

— Тебе известно, что я не стану проливать кровь,— наконец ответил он.— Но есть другие способы вести войну. Однажды я уже сражался, и ты была рядом; разве я убивал?

— Но кто был тогда среди врагов? — нетерпеливо вмешался Слит.— Ваши друзья, введенные в заблуждение обманом метаморфов! Элидат, Тунигорн, Стазилейн, Миригант — все они были на противоположной стороне, вы мягко обошлись с ними! Вы

не имели ни малейшего желания убивать таких людей, как Элидат или Миригант, и хотели привлечь всех на свою сторону.

— Доминин Барджазид не относился к моим близким друзьям, но и его я пощадил: думаю, сейчас мы будем тому рады.

— Да, то был чрезвычайно милосердный поступок. Но теперь-то перед нами совсем другой враг — мерзкие метаморфы, грязные подонки...

— Слит!

— Я называю их так, как они того заслуживают, мой лорд! Они поклялись уничтожить все, что мы возвели в нашем мире.

— В их мире, Слит,— поправил Валентин.— Не забывайте, что это их мир.

— Был их, мой лорд. Они проиграли его нам из-за своей малочисленности. Их всего несколько миллионов на планете, которая достаточно велика для...

— Неужели мы опять возобновим этот бесконечный спор? — взволновалась Карабелла, не пытаясь скрыть раздражение.— Зачем? Вам что, слишком легко дышится на суховее с Сувраэля, чтобы еще напрягать легкие ради бесплодной болтовни?

— Я имел в виду, миледи, лишь то, что война за реставрацию была войной, которую можно было выиграть мирными средствами, дружеским рукопожатием, братским объятием. А теперь у нас совсем другой противник. Этот самый Фараатаа насквозь пропитан ненавистью, и он не успокоится, пока мы все не погибнем. Как вы думаете, можно ли его победить любовью? А вы, мой лорд?

Валентин смотрел в сторону.

— Мы будем использовать те средства, которые окажутся наиболее подходящими,— ответил он,— чтобы восстановить целостность Маджипура.

— Если вы искренни в ваших словах,— мрачно заметил Слит,— то должны готовиться уничтожить врага. Не просто загнать в джунгли, как это сделал лорд Стиамот, а извести их, искоренить, навсегда устранить угрозу нашей цивилизации, которую они...

— Извести? Искоренить? — Валентин рассмеялся.— В ваших речах есть что-то первобытное, Слит!

— Не надо воспринимать его буквально, мой лорд,— сказала Карабелла.

— Нет, надо! Верно, Слит?

Пожав плечами. Слит ответил:

— Вы же знаете, что моя ненависть к метаморфам не выдумана мной, а навязана мне посланием — посланием из той самой страны, куда мы сейчас направляемся. Но независимо от этого я считаю, что они должны заплатить жизнями за уже причиненный вред. Я не раскаиваюсь в своих мыслях.

— И вы пожертвуете миллионами за преступления вождей? Эх, Слит, Слит, да вы представляете для нашей цивилизации бо́льшую угрозу, чем десять тысяч метаморфов!

Кровь прилила к бледным щекам Слита, но он промолчал.

— Вас обидели мои слова,— сказал Валентин.— Извините.

— Короналю не нужно просить прощения у кровожадного варвара, который ему служит, мой лорд,— сдавленным голосом произнес Слит.

— Я не собирался насмехаться над вами, а лишь выразил свое несогласие.

— Пусть тогда останется несогласие,— сказал Слит.— Будь я короналем, я бы их всех перебил.

— Но корональ — я, по крайней мере в некоторых частях этого мира. И пока я им являюсь, я буду искать способы выиграть войну по возможности без искоренения и истребления кого бы то ни было. Вы не возражаете, Слит?

— Все пожелания короналя закон для меня, мой лорд, и вы это знаете. Я говорю лишь о том, что сделал бы на месте короналя я.

— Да убережет вас Божество от подобной участи,— с легкой улыбкой заметил Валентин.

— А вас, мой лорд,— от необходимости отвечать насилием на насилие, поскольку, как я знаю, это противно вашей натуре,— ответил Слит с еще более легкой улыбкой и церемонно отсалютовал.— Скоро мы прибудем в Толагай, и мне нужно отдать немало распоряжений относительно вашего размещения. Позвольте удалиться, мой лорд.

Валентин какое-то мгновение глядел вслед удаляющемуся по палубе Слиту, а потом, прикрыв глаза от резкого солнечного света, повернулся навстречу ветру в сторону южного континента, который возвышался на горизонте этакой черной громадой.

Сувраэль! Одно название вызывало трепет!

Он никогда не думал оказаться здесь, на этом пасынке среди континентов Маджипура, малонаселенной территории, скопище

унылых пустынь, почти начисто лишенных растительности и вызывающих самые мрачные чувства. Сувраэль настолько отличался от Зимроэля и Алханроэля, что казался осколком другой планеты. Хотя на нем и проживало несколько миллионов жителей, сосредоточенных в наиболее пригодных для обитания местах, в течение нескольких столетий Сувраэль поддерживал с остальными двумя континентами лишь самые незначительные связи. Чиновники центрального представительства, которых посылали сюда с различными поручениями, воспринимали поездку как наказание. Немногие из короналей бывали здесь. Валентин слышал, что тут был лорд Тиеверас во время одной из великих процессий, да, кажется, лорд Кинникен попал однажды сюда таким же образом. Вдобавок, разумеется, необходимо вспомнить знаменитый подвиг Деккерета, бродившего по пустыне Украденных Снов в сопровождении основателя династии Барджазидов, но то случилось задолго до того, как Валентин стал короналем.

С Сувраэля исходили всего три вещи, которые сколько-нибудь существенно влияли на жизнь Маджипура. Одной из них был ветер: в любое время года с Сувраэля дул поток иссушающего воздуха, который обрушивался на южные побережья Алханроэля и Зимроэля и превращал их в подобия сувраэльских пустынь. Второй являлось мясо: на западной оконечности пустынного континента благодаря морским туманам почва постоянно была влажной, что позволяло содержать обширные пастбища, где выращивался скот для отправки на другие континенты. А третьей статьей сувраэльского экспорта были сны. Уже тысячу лет Барджазиды распространяли свою власть из обширных владений за Толагаем: с помощью усиливающих мысли приспособлений, секреты которых ревностно хранили, они наполняли мир своими посланиями, которые сурово и жестоко проникали в души тех, кто причинял вред кому-либо из сограждан или всего лишь замышлял это сделать. В своем роде пусть безжалостно и беспощадно Барджазиды воплощали совесть мира и уже долгое время являлись тем кнутом, с помощью которого корональ, понтифекс и Хозяйка Острова Сна могли более мягко осуществлять свои полномочия.

Метаморфы, чья первая неудачная попытка мятежа на заре правления Валентина провалилась, понимали силу Короля Снов, и, когда заболел старик Симонан, глава дома Барджазидов, они подменили умирающего одним из своих агентов, следствием чего стал захват трона лорда Валентина младшим сыном Симонана

Доминином, который и не подозревал, что на эту авантюру его толкнул не родной отец, а изменивший обличье метаморф.

Да, подумал Валентин, Слит прав: в самом деле странно, что кораль вынужден обращаться к Барджазидам чуть ли не с протянутой рукой в тот момент, когда его трон вновь зашатался.

На Сувраэль он попал почти случайно. Для возвращения из Пиурифэйна Валентин избрал юго-восточный маршрут, поскольку вряд ли было разумно двигаться на северо-восток к мятежному Пилиплоку и центральной части побережья Гихорна, где не было ни городов, ни гаваней. В конце концов они оказались возле южной оконечности восточного Зимроэля, в отрезанной от остального мира провинции Беллатул с ее влажными тропиками, зубчатой травой, вонючими топкими болотами и пернатыми змеями.

Население Беллатула составляли в основном хьорты: рассудительные мрачноватые существа с глазами навыкате и большими ртами, заполненными рядами упругих жевательных хрящей. Большинство из них зарабатывали на жизнь морскими перевозками: они получали товары, производимые по всему Маджипуру, и переправляли их на Сувраэль в обмен на скот. Но всемирные бедствия стали причиной снижения производства товаров и почти полного прекращения сообщения между провинциями, и беллатулские купцы оказались чуть ли не у разбитого корыта; однако они, по крайней мере, не голодали, поскольку провинция в основном обеспечивала себя продуктами по большей части за счет обильного рыболовства, а довольно скромное сельское хозяйство осталось практически не затронутым болезнями, свирепствовавшими в других регионах. Поэтому провинция сохраняла спокойствие и верность центральному правительству.

Валентин надеялся найти здесь судно, чтобы добраться до Острова, где он собирался посоветоваться с матерью относительно дальнейших действий. Но судовладельцы Беллатула твердо стояли на своем, отговаривая его от плавания на Остров. «Уже несколько месяцев отсюда не уходил на север ни один корабль,— твердили ему.— Все из-за драконов: они словно взбесились и крушат все, что плывет вдоль берега или через море в сторону архипелага. Плавание на север или восток, пока они беснуются, будет просто самоубийством, и ничем больше». Купцы полагали, что пройдет не меньше шести-восьми месяцев, прежде чем последняя из драконьих стай, недавно обогнувших юго-восточ-

ную оконечность Зимроэля, завершит свое путешествие в северные воды, и морские пути вновь окажутся свободными.

Валентина страшила возможность оказаться запертым в отдаленном Беллатуле. Возвращаться в Пиурифэйн не имело смысла, а предпринимать любое путешествие по суше через провинцию метаморфов в обширные центральные территории континента было рискованно и обещало занять много времени. Но представилась еще одна возможность. «Мы можем доставить вас на Сувраэль, мой лорд,— сказали судовладельцы.— Драконы в южных водах вообще не появлялись, и путь остается свободным». Сувраэль? Идея, на первый взгляд, представлялась весьма необычной. Но потом Валентин подумал: «А почему бы и нет?» Помощь Барджазидов могла бы пригодиться; во всяком случае, не стоит отвергать затею вот так, сразу. Кроме того, возможно, что найдется какой-нибудь морской маршрут с южного континента до Острова, что пролегает в стороне от тех мест, в которых буйствуют многочисленные драконы. Да. Да.

Итак, Сувраэль. Путешествие оказалось недолгим. И вот флот беллатулских купцов, на всем протяжении плавания боровшийся с обжигающим встречным ветром, вошел в гавань Толагая.

Город, раскаленный полуденным солнцем, производил гнетущее впечатление и представлял собой унылое скопление одно- и двухэтажных строений грязноватой расцветки, вытянувшихся в линию вдоль берега, а от побережья доходивших до отдаленной гряды невысоких холмов, что обозначали границу между прибрежной равниной и суровой пустыней внутренних районов. Когда королевская свита сходила на берег, Карабелла с ужасом посмотрела на Валентина, ответившего ей ободряющей, но не слишком убедительной улыбкой. Сейчас казалось, что Замковая гора находится отсюда не в десяти тысячах, но в десяти миллионах миль.

Но во дворе здания таможни их ожидали пять великолепных экипажей, украшенных широкими пурпурными и желтыми полосами. То были цвета Короля Снов. Возле экипажей стояли охранники в ливреях тех же цветов. Когда Валентин и Карабелла подошли поближе, из первого экипажа вылез высокий могучего вида мужчина с густой черной бородой с проседью и медленно, слегка прихрамывая, направился им навстречу.

Валентин хорошо помнил эту хромоту, потому что когда-то она принадлежала ему, так же как и тело чернобородого человека, поскольку к ним приближался бывший узурпатор Доминин

Барджазид, по приказу которого Валентин получил тело неизвестного золотоволосого мужчины, чтобы Барджазид, перейдя из своего тела в тело Валентина, мог править на Замковой горе. А хромота у Валентина появилась давным-давно, когда он сломал ногу после несчастного случая во время поездки с Элидатом по карликовому лесу возле Амблеморна на Замковой горе.

— Добро пожаловать, мой лорд,— с большой теплотой произнес Доминин Барджазид.— Ваш визит, на который мы надеялись столько лет,— большая честь для нас.

В высшей степени смиренно он трясущимися руками сделал Валентину знак Горящей Звезды. Да Валентин и сам был далек от спокойствия, поскольку возможность снова лицезреть свое первое тело, теперь, когда оно принадлежит другому, вызвала странное волнение. После поражения Доминина он не стал искушать судьбу и потому не стремился заполучить свое тело обратно, но все равно чужая душа, смотревшая на него его же глазами, приводила его в сильное замешательство. Так же странно и волнительно для него было видеть перед собой узурпатора, полностью искупившего грехи и смывшего с себя клеймо предателя, столь искреннего в своем радушии.

Кое-кто считал, что Доминин заслуживает смерти за свое преступление. Но Валентин никогда не одобрял таких разговоров. Возможно, король каких-нибудь варваров в отдаленные доисторические времена и казнил своих врагов, но на Маджипуре такая кара не предусматривалась ни за одно преступление, даже за покушение на жизнь короналя. Кроме того, рассудок поверженного Доминина помутился, он сошел с ума, когда выяснилось, что его отец, которого считали Королем Снов, на самом деле оказался самозванцем из метаморфов.

И потому было бы совершенно бессмысленно налагать какое угодно наказание на этого совершенно раздавленного обстоятельствами человека. Вернув себе трон, Валентин помиловал Доминина и передал того его родичам, чтобы он мог вернуться на Сувраэль. Здесь он долго выздоравливал. Несколько лет спустя он умолял позволить ему приехать в Замок, чтобы попросить прощения у короналя. «Я уже простил вас»,— ответил тогда Валентин, но Доминин все равно приехал и, насколько можно было судить, с чистым сердцем преклонил колени в тронном зале Конфалюма во время приема и снял груз предательства со своей души.

Теперь, подумал Валентин, положение вновь полностью переменилось: я стал беглецом и ищу приюта во владениях Доминина.

Доминин сказал:

— Мой царственный брат Минакс послал меня, мой лорд, сопроводить вас во дворец Барджазидов, где вы будете нашим гостем. Прошу вас ко мне, в головной экипаж.

Дворец располагался довольно далеко от Толагая, в суровой и печальной долине. Валентин иногда видел его во сне: зловещее, угрожающего вида здание из темного камня, увенчанное фантастическим переплетением остроконечных башен и угловатых парапетов. Его явно строили с таким расчетом, чтобы оно внушало страх.

— Ужасно! — шепнула Карабелла, когда они подъехали поближе.

— Подожди,— ответил Валентин.— Подожди немного.

Они миновали массивные, мрачные опускные решетки и оказались внутри, где ничто не напоминало о неприятном, отталкивающем фасаде дворца. В просторных внутренних двориках эхом отдавалось нежное журчание фонтанов, а прохладные, насыщенные ароматами ветерки заменяли здесь испепеляющую жару внешнего мира. Когда Валентин и Карабелла вышли из экипажа, они увидели ожидавших их слуг с охлажденным вином и шербетом, услышали музыкантов, игравших на сладкозвучных инструментах. Их встретили двое мужчин, облаченных в свободные белые одежды. Один из них был бледнее лицом, имел мягкие черты и округлый живот; второй, загорелый почти до черноты под пустынным солнцем, был худощав и обладал орлиным профилем. Голову худощавого венчала сверкающая золотая диадема — знак Владык Маджипура. Валентину не нужно было представлять Минакса Барджазида, ставшего Королем Снов после своего отца. Вторым был, по всей видимости, его брат Кристоф. Оба сделали знак Горящей Звезды, и Минакс пошел навстречу Валентину, чтобы собственноручно предложить ему пряного голубого вина.

— Мой лорд,— заговорил он,— в нелегкое время вы навещаете нас. Но мы от всей души приветствуем вас, какой бы мрачный момент мы ни переживали. Мы перед вами в неоплатном долгу, мой лорд. Все, что у нас есть, принадлежит вам. Все, чем мы располагаем, находится в вашем распоряжении.— Он явно зара-

нее готовился к этой речи и, судя по тому, как гладко она прозвучала, тщательно отрепетировал ее. Но потом Король Снов подался вперед, его жесткие, мерцающие глаза оказались в нескольких дюймах от лица Валентина, и уже другим, более глубоким, задушевным голосом он произнес:

— Вы можете оставаться здесь столько, сколько сочтете нужным.

Валентин спокойно ответил:

— Вы неправильно меня поняли, ваше высочество. Я прибыл к вам не для того, чтобы просить убежища, а для того, чтобы добиться вашей помощи в предстоящей борьбе.

Король Снов, похоже, несказанно удивился.

— Конечно, я помогу вам всем, что в моих силах. Но неужели вы видите хоть малейшую возможность преодолеть тот хаос, который обрушился на нас? Я должен вам сказать, мой лорд, что очень пристально наблюдал за миром с помощью вот этого...— он прикоснулся к своей диадеме,— и не вижу никакой надежды, мой лорд, ни малейшей надежды.

Глава 2

За час до заката в Ни-мойе вновь раздались оглушительные крики тысяч, может быть, даже сотен тысяч людей:

— Таллимон! Таллимон! Лорд Таллимон! Таллимон! — Эти громогласные радостные вопли прокатились по склонам окрестных гор хребта Гимбелук и захлестнули тихие пределы Парка Сказочных Зверей подобно огромной, беспрепятственно распространяющейся волне.

Уже третий день шли демонстрации в честь самого нового из новоявленных короналей, и сегодняшний взрыв эмоций был самым яростным из того, что происходило до сих пор. Вполне вероятно, что чествование сопровождалось волнениями, грабежом и разрушением всего и вся. Но Ярмуз Хитайн тревожился о другом. Сегодня он пережил один из самых страшных дней за все время своей службы в качестве смотрителя парка: покушение на то, что он полагал достойным, разумным и здравым; какой смысл теперь волноваться из-за шума, который издают городские глупцы?

На рассвете этого дня Ярмуза Хитайна разбудил юный помощник смотрителя, который робко сообщил:

— Вернулся Винголь Найила, господин. Он ждет у восточных ворот.

— Он привез с собой много?

— О да, господин! Три транспортных экипажа набиты под завязку, господин!

— Сейчас иду,— сказал Ярмуз Хитайн.

Главный зоолог парка Винголь Найила последние пять месяцев провел в экспедиции в подвергшихся бедствию северных районах центрального Зимроэля. Ярмузу Хитайну он не слишком нравился, поскольку в нем всегда проявлялись нахальство и самодовольство, а когда он подвергался смертельной опасности во время преследования какого-нибудь неуловимого зверя, то делал все, чтобы все знали, насколько смертельной была опасность. Но с профессиональной точки зрения он был великолепен: неутомимый, бесстрашный, замечательный ловец диких животных. Когда стали поступать сообщения о незнакомых, невероятных созданиях, производивших опустошения в районах между Кинтором и Дюлорном, Найила не стал тратить много времени на сборы.

Экспедиция, очевидно, оказалась успешной. Подойдя к восточным воротам, Ярмуз Хитайн увидел Найилу, с деловитым видом расхаживавшего вдоль дальнего конца энергетического поля, которое не впускало непрошеных гостей и не выпускало редких животных. Находясь вне зоны, имевшей вид розоватой дымки, Найила наблюдал за разгрузкой многочисленных деревянных контейнеров, из которых доносились всевозможные звуки: шипенье, рычанье, жужжанье, гуденье, повизгивание. При появлении Хитайна Найила закричал ему:

— Хитайн! Вы не поверите, что я привез!

— Неужели? — откликнулся Хитайн.

Процедура поступления, кажется, уже началась: весь оставшийся персонал занимался переноской ящиков с животными Найилы через ворота к приемному зданию, где звери будут содержаться в клетках, пока их не изучат достаточно хорошо, чтобы выпустить в один из открытых вольеров.

— Осторожней! — взревел Найила, когда двое рабочих, возившихся с массивным контейнером, чуть не завалили его набок.— Если эта зверюга вырвется, то пожалеть придется всем, а вам — в первую очередь! — Ярмузу Хитайну он сказал: — Это — вопло-

щение ужаса. Хищники, все до единого хищники — зубы как ножи, когти как битвы,— будь я проклят, если понимаю, как мне удалось вернуться живым. Не раз и не два я думал, что мне конец и я сгину, не оставив даже записи в Считчике Душ. Какой бы это было потерей, какой потерей! Но вот он я, живой-здоровый. Пойдемте — вам надо на них посмотреть!

Действительно, зрелище было ужасающим. Все утро и почти весь день Ярмуз Хитайн наблюдал за проходившей перед ним чередой невозможных, отвратительных, просто невыносимых созданий — уродов, чудовищ, омерзительных аномалий.

— Вот эти бегали в окрестностях Мазадоны,— сказал Найила, показывая на пару яростно рычавших тварей с бешеными, налитыми кровью глазами и тремя десятидюймовыми рогами на лбу. По густой красноватой шерсти Ярмуз Хитайн признал в них хайгусов, но ему до сих пор не доводилось видеть столь злобных хайгусов, да еще с рогами.— Маленькие мерзкие убийцы,— сказал Найила.— Я высмотрел их, когда они гнались за злосчастным одичавшим блавом и прикончили его в пять минут, проткнув ему живот. Я поймал их во время еды, а потом появилась вот эта гадость, чтобы доклевать скелет.— Он показал на темнокрылого канавонга со зловещим черным клювом и единственным горящим глазом посреди выпуклого лба: обычный стервятник, таинственным образом преобразившийся в существо из ночного кошмара.— Вы когда-нибудь видели что-нибудь столь же уродливое?

— Надеюсь, ничего более уродливого у вас нет? — справился Ярмуз Хитайн.

— Есть, есть. Более уродливое, более мерзкое, более гнусное,— просто смотрите, что появится из ящиков.

Ярмуз Хитайн вовсе не был уверен, что ему этого хочется. Всю жизнь он посвятил животным — изучал их привычки, заботился о них. Любил их, по-настоящему любил. Но эти... эти...

— А теперь взгляните сюда,— продолжал Найила.— Думкар в миниатюре, вероятно, одна десятая от обычного размера, зато в пятьдесят раз быстрее. Ему мало просто сидеть на песочке и тыкаться мордой в разные стороны в поисках обеда. Нет, это адское отродье бросается прямо на тебя и отхватывает тебе ступню, не успеешь охнуть. Или вот: вы бы сказали, что это манкулайн, верно?

— Конечно. Но на Зимроэле нет манкулайнов.

— И я так думал, пока не увидел моего красавчика на горной дороге Велатиса. Очень похож на манкулайнов Стойензара, правильно? Но есть, по крайней мере, одно отличие.— Он присел на корточки возле клетки, в которой находилось грузное многоногое существо, и издал низкий рычащий звук. Манкулайн тут же зарычал в ответ и принялся угрожающе топорщить длинные, напоминающие лезвие стилета иглы, что покрывали все его туловище, будто хотел метнуть их в зоолога через ячейки клетки. Найила сказал: — Мало того, что он покрыт шипами. Эти шипы еще и ядовиты. Одна царапина — и ваша рука вздувается на неделю. Проверил на себе. Чего не знаю, так это того, что будет, если шип проникнет чуть глубже, не знаю и не хочу знать. А вы?

Ярмуз Хитайн содрогнулся. Его приводила в ужас одна мысль о том, что эти кошмарные создания поселятся в Парке Легендарных Животных, который основан уже много лет назад в качестве убежища для животных по большей части добрых и безобидных, которых распространение цивилизации на Маджипуре поставило на грань исчезновения. В парке было, конечно, и немало хищников, и Ярмуз Хитайн никогда в том не раскаивался: в конце концов, их сотворило Божество, и если они были плотоядными, то не из врожденной жестокости. Но эти... эти...

«Эти животные — порождение зла,— подумал он.— Их надо уничтожить».

Эта мысль поразила его. Никогда ему в голову не приходило ничего подобного. Зло в виде животных? Как могут животные быть злом? Он мог сказать: «Думаю, что животное очень уродливо» или «Считаю животное очень опасным», но зло? Нет и нет. Животные не способны быть злом, даже эти. Зло коренится где-то в другом месте: в их создателях. Нет, даже не в них. У них тоже должны быть свои причины выпускать в мир этих животных, и те причины — не жестокость ради жестокости, или я сильно ошибаюсь. Где же тогда зло? Зло, сказал себе Хитайн, находится везде, оно — всепроникающее вещество, которое распространяется и расходится между атомами воздуха, которым мы дышим. Мы все погрязли во всеобщем разложении. Но только не животные.

Только не животные.

— Как так получилось,— спросил Ярмуз Хитайн,— что метаморфы оказались способны выращивать таких существ?

— Как оказалось, метаморфы умеют очень многое, о чем мы даже не удосужились узнать. Они годами сидели в Пиурифэйне, спокойно разводили этих зверюг и все увеличивали их численность. Вы только представьте себе, на что должно быть похоже то место, где они содержались,— зоопарк ужасов, одни чудовища! А теперь они оказались столь любезны, что поделились с нами.

— Но мы можем быть уверены, что они появились из Пиурифэйна?

— Я тщательно изучил направления их перемещений. Все линии исходят из района к юго-западу от Илиривойна. Это дело рук метаморфов, можете не сомневаться. Просто невозможно, чтобы на Зимроэле вдруг появилось две или три дюжины новых видов в одно и то же время за счет естественных мутаций. Мы знаем, что нам объявлена война: это оружие, Хитайн.

Старик кивнул.

— Думаю, вы правы.

— Самое худшее я оставил напоследок. Пойдемте, посмотрим.

В клетке из густой мелкоячеистой металлической сетки Хитайн увидел небольших крылатых существ, сердито порхавших по клетке, колотившихся о стенки, яростно бивших черными кожистыми крыльями, падавших и поднимавшихся для новых попыток. То были маленькие мохнатые создания дюймов восьми в длину, с непропорционально огромными ртами и сверкающими круглыми глазками красного цвета.

— Дхимсы,— сказал Найила.— Я поймал их в двикковом лесу возле Боргакса.

— Дхимсы? — охрипшим голосом переспросил Хитайн.

— Да, дхимсы. Я обнаружил их, когда они пожирали парочку маленьких лесных братьев, которых, как я предполагаю, сами же и убили. Они были так заняты едой, что не заметили меня. Я уложил их парализующим газом и подобрал. Несколько из них проснулись еще до того, как я поместил их в ящик. Мое счастье, Хитайн, что у меня уцелели все пальцы.

— Я знаю дхимсов,— сказал Хитайн.— Они имеют до двух дюймов в длину и не больше половины дюйма в ширину. А эти — не меньше крысы.

— Да. Летающие крысы. Крысы, которые питаются мясом. Гигантские плотоядные дхимсы, да? Дхимсы, которые не просто щипают и покусывают, но которые способны ободрать лесного

брата до костей за десять минут. Восхитительно, да? Представьте, что в Ни-мойю залетает туча из таких созданий. Миллион, два миллиона — они кишат в воздухе как комары. Обрушиваются вниз, пожирают все на своем пути. Налет саранчи... но саранчи плотоядной...

Хитайн почувствовал, что успокаивается. Сегодня он увидел слишком много. Его рассудок перегружен ужасами.

— Они очень затруднят наше существование,— тихо сказал он.

— Да, весьма затруднят. Нам придется облачаться в броню.— Найила рассмеялся.— Дхимсы — их шедевр, Хитайн. Им не нужны бомбы, если они могут выпустить на своих врагов летающих грызунов. Верно? Да?

Ярмуз Хитайн не ответил. Он смотрел в клетку с разъяренными дхимсами с таким видом, будто заглядывал в яму, достигавшую центра планеты.

Откуда-то издалека доносились все те же вопли:

— Таллимон! Таллимон! Лорд Таллимон!

Найила нахмурился, насторожился и прислушался, стараясь разобрать слова.

— Таллимон? Я правильно понял?

— Лорд Таллимон,— ответил Хитайн.— Новый корональ. Новый новый корональ. Он появился три дня назад, и теперь каждый вечер на проспекте Ниссиморна проходят большие торжества в его честь.

— Когда-то здесь работал какой-то Таллимон. Не родственник?

— Это он и есть.

Винголь Найила был ошеломлен.

— Что? Шесть месяцев назад он выносил помет из клеток в зоопарке, а теперь стал короналем? Неужели это возможно?

— Сейчас кто угодно может стать короналем,— безмятежно ответил Ярмуз Хитайн.— Но, кажется, только на неделю-другую. Возможно, скоро наступит ваша очередь, Винголь.— Он хмыкнул.— Или моя.

— Как же это случилось, Ярмуз?

Хитайн пожал плечами. Взмахом руки он показал на только что добытых Найилой животных: рычащих хайгусов с тремя рогами, карликового думкара, одноглазого канавонга, дхимсов; все они производили ужасное, отталкивающее впечатление, все исходили злобой и ненавистью.

— Если на мир напустили такую нечисть, то почему бы уборщику помета не стать короналем? Сначала жонглеры, потом уборщики навоза, а потом, наверное, и зоологи. А почему бы и нет? Как вам это понравится? «Винголь! Лорд Винголь! Да здравствует лорд Винголь!»

— Прекратите, Ярмуз.

— Вы были в лесу со своими дхимсами и манкулайнами. А мне пришлось наблюдать за всем, что здесь происходит. Я очень устал, Винголь. Я слишком много видел.

— Лорд Таллимон! Подумать только!

— Этот лорд, другой лорд, еще какой-нибудь там лорд — прямо эпидемия короналей весь месяц, да еще и парочка понтифексов в придачу. Долго они не держатся. Но будем надеяться, что Таллимон продержится. По крайней мере, он может защитить парк,— сказал Хитайн.

— От чего?

— От нападения толпы. Там люди голодают, а мы тут продолжаем кормить животных. Говорят, что зачинщики в городе уже подбивают людей ворваться в парк и перерезать всех на мясо.

— Вы шутите?

— Они, очевидно, не шутят.

— Но эти животные бесценны... уникальны!

— Расскажите это голодному, Винголь,— спокойно заметил Хитайн.

Найила смотрел на него.

— И вы и впрямь считаете, что этот самый лорд Таллимон собирается сдержать толпу, если они решат напасть на парк?

— Он здесь работал. Он знает, насколько важно то, что у нас здесь есть. Должен же он хоть немного любить животных, как вы думаете?

— Он убирался в клетках, Ярмуз.

— Хоть бы и так...

— Он сам может оказаться голодным, Ярмуз.

— Положение тяжелое, но не отчаянное. Пока. Как бы там ни было, разве можно накормить толпу горсткой тощих сигимойнов, димилионов и зампидунов? На один раз нескольким сотням людей, зато какая потеря для науки!

— Толпа безрассудна,— сказал Найила.— И я подозреваю, что вы переоцениваете вашего уборщика-короналя. Возможно, он ненавидел это место — ненавидел работу, вас, животных. И, чтобы заработать политический капитал, он может привести своих сторонников сюда на ужин. Ведь он знает, как пройти через ворота?

— Но... Я надеюсь...

— Весь персонал это знает. И где коробки с ключами и как отключить защитное поле, чтобы пройти...

— Он не посмеет!

— Он может, Ярмуз. Примите меры. Вооружите ваших людей.

— Вооружить их? Чем? Вы думаете, я храню здесь оружие?

— Это уникальное место. Если животные погибнут, их уже не восстановить. Вы несете за них ответственность, Ярмуз.

Издалека, но, как отметил Хитайн, ближе, чем раньше — донесся крик:

— Таллимон! Лорд Таллимон!

— Вам не кажется, что они идут сюда? — спросил Найила.

— Он не посмеет. Не посмеет.

— Таллимон! Лорд Таллимон!

— Звучит уже ближе,— заметил Найила.

В дальнем конце помещения поднялась какая-то суматоха. Вбежал один из сторожей, запыхавшийся, с вытаращенными глазами. Он закричал, обращаясь к Хитайну:

— Сотни народу! Тысячи! Они идут к Гимбелии!

Хитайн был близок к панике. Он оглянулся на служащих парка.

— Проверьте ворота, убедитесь, что все наглухо закрыто. Потом заприте внутреннюю зону — все животные, которые сейчас на воле, должны быть перемещены как можно дальше, к северной части парка. Там, в зарослях, им будет легче спрятаться. И...

— Это не поможет,— сказал Винголь Найила.

— А что еще мы можем сделать? У меня нет оружия, Винголь. У меня нет оружия!

— У меня есть.

— Вы о чем?

— Я тысячу раз рисковал жизнью, собирая животных для парка. Особенно тех, которых я привез сегодня. Я собираюсь их защитить.— Он отвернулся от Ярмуза Хитайна.— Вот! Помогите мне с этой клеткой!

— Что вы делаете, Винголь?

— Не обращайте внимания. Идите, присмотрите за своими воротами.— Не дожидаясь помощи, Найила начал заталкивать клетку с дхимсами обратно на небольшую тележку-экипаж, на которой завез клетку в здание. До Хитайна вдруг дошло, какое оружие собирается применить Найила. Он рванулся к нему, вцепился в руку молодому человеку. Найила легко оттолкнул его и, игнорируя отчаянные протесты Хитайна, покатил тележку наружу.

Голоса погромщиков, по-прежнему выкрикивавших имя своего вожака, звучали все ближе и ближе. Парк будет уничтожен, думал объятый ужасом Хитайн. И все же... если Найила действительно собирается...

Нет-нет. Он выскочил из здания, вглядываясь в сумерки: вдалеке, у восточных ворот, увидел Винголя Найилу. Теперь вопли звучали очень громко:

— Таллимон! Таллимон!

Хитайн видел толпу, заполнявшую широкую площадь за воротами, где каждое утро публика ожидала открытия парка. А та фантастическая фигура в причудливых красных одеждах с белой отделкой — не сам ли Таллимон? Он стоял на чем-то вроде паланкина и бешено размахивал руками, подгоняя толпу. Энергетическое поле, окружающее парк, может сдержать нескольких людей, одного-двух животных, но для противостояния напору огромной, наэлектризованной толпы оно не предназначено. Никто не задумывался в обычные времена об огромных наэлектризованных толпах. Однако сейчас...

— Уходите! — кричал Найила.— Не приближайтесь! Я вас предупреждаю!

— Таллимон! Таллимон!

— Я предупреждаю, убирайтесь отсюда!

Они не услышали. Они надвигались, как стадо взбешенных бидлаков, не замечая ничего перед собой. Хитайн в смятении наблюдал за тем, как Найила подал знак одному из привратников, который отключил защитное поле на короткое время, достаточное для того, чтобы Найила мог выкатить клетку с дхимсами на площадь, открыть задвижку на дверце и стремительно отступить под защиту розоватой светящейся дымки.

— Нет,— пробормотал Хитайн.— Даже для спасения парка... нет... нет...

Дхимсы устремились из своей клетки с такой скоростью, что один зверек врезался в другого, и они превратились в летящий поток из золотистого меха и зловещих черных крыльев.

Они неслись вперед — тридцать, сорок футов — развернулись и спикировали вниз, со страшной силой и жестокой ненасытностью врезались в переднюю часть толпы, с такой жадностью, будто не ели несколько месяцев. Подвергшиеся нападению поначалу, кажется, даже и не осознали, что с ними происходит; они попытались отмахнуться от дхимсов раздраженными жестами руки, как от надоедливых насекомых. Но от дхимсов не так-то просто было отмахнуться. Они ныряли, кусали, отрывали куски мяса, взлетали, чтобы сожрать в воздухе свою добычу, и ныряли обратно. Новоявленный лорд Таллимон, брызгая кровью из десятка ран, выбрался, шатаясь, из паланкина и растянулся на земле. Дхимсы перегруппировались для новой атаки и вернулись к тем из передних рядов, кто уже получил ранения. Они вновь и вновь кромсали их, вгрызаясь все глубже и глубже, вытягивая и выкручивая обнажившиеся мышцы и мягкие ткани.

— Нет,— повторял Хитайн, оставаясь на своем наблюдательном пункте за воротами.— Нет. Нет. Нет.

Маленькие яростные создания не ведали пощады. Толпа спасалась бегством, люди кричали, разбегались во всех направлениях, сталкивались, пытались найти дорогу в Ни-мойю, упавшие оставались лежать в алых лужах, а дхимсы все пикировали, пикировали, пикировали. На некоторых оставались всего-навсего ошметки плоти, которыми кровожадные дхимсы тоже не брезговали. Хитайн услышал всхлип; он не сразу осознал, что слышит свои собственные рыдания.

Потом все кончилось. Над площадью нависла странная тишина. Толпа разбежалась; жертвы, усеивавшие мостовую, уже не стонали; насытившиеся дхимсы покружили, хлопая крыльями, над полем битвы, а потом один за другим исчезли в темноте, улетели в направлении, известном одному Божеству.

Потрясенный Ярмуз Хитайн, весь дрожа, медленно побрел от ворот. Парк спасен. Парк спасен. Оглянувшись, он посмотрел на Винголя Найилу, который стоял с распростертыми руками, сверкая глазами, как ангел мести.

— Не надо было этого делать,— произнес Хитайн, еле выдавливая из себя слова, поскольку голос его пресекался из-за отвращения и шока.

— Они уничтожили бы парк.

— Да, парк спасен. Но посмотрите... посмотрите...

Найила пожал плечами.

— Я их предупреждал. Разве я мог позволить им разрушить все, что мы здесь создали, ради нескольких кусков свежего мяса?

— Все равно не надо было этого делать.

— Вы так думаете? Я не испытываю никаких сожалений, Ярмуз. Никаких.— Он немного подумал.— Ах, нет. Об одном я жалею: хотелось бы оставить нескольких дхимсов для нашей коллекции. Но времени не было, а теперь они улетели, а я не испытываю желания возвращаться в Боргакс, чтобы поискать других. А больше я ни о чем не жалею, Ярмуз. И мне не оставалось ничего другого, кроме как выпустить их на свободу. Они спасли парк. Разве могли мы позволить этим безумцам уничтожить парк? Могли, Ярмуз? Могли?

Глава 3

Хотя рассвет едва наступил, ослепительный солнечный свет уже осветил широкие и плавные изгибы долины Глэйдж, когда рано проснувшийся Хиссун вышел на палубу речного судна, на котором возвращался к Замковой горе.

К западу, где река делала широкий поворот и входила в район уступчатых каньонов, местность скрывалась за туманом, будто на заре времен. Но, посмотрев на восток, Хиссун увидел алые черепичные крыши, принадлежавшие большому городу Пендивэйну и сверкавшие в утреннем свете, от них веяло безмятежностью и покоем, а выше по реке вырисовывалась извилистая тень Макропросопоса. Дальше располагались Апокрун, Стэнгард-Фолз, Нимиван и другие города долины, где проживало пятьдесят, если не больше, миллионов жителей. Счастливые места, где жизнь была легка и приятна, но сейчас над этими городами нависла угроза грядущей катастрофы, и Хиссун знал, что население долины Глэйдж застыло в ожидании, сомнении и страхе.

Ему хотелось протянуть к ним руки с палубы корабля, заключить всех в братские объятия и крикнуть:

— Не бойтесь ничего! Божество с нами! Все будет хорошо!

Но правда ли это?

Никто не знает волю Божества, подумал Хиссун. Однако при недостатке знания мы должны определять свою судьбу по

чутью, угадывая то, что подобает делать. Подобно скульптору, мы высекаем наши жизни из каменной глыбы будущего, час за часом следуя замыслу, хранящемуся у нас в рассудке; и если замысел хорош, а работа искусна, то с последним прикосновением резца взору откроется чудесный результат. Но если замысел небрежен, а работа тороплива, то будут нарушены пропорции и равновесие. А если итог плачевен, можем ли мы сказать, что на то была воля Божества? Или так получилось из-за нашего ошибочного замысла?

Мой замысел, говорил он себе, не должен быть плохо продуманным. А тогда удача нам улыбнется, и можно будет сказать, что Божество нас поддержало.

Подобные мысли неотступно преследовали его, пока корабль проплывал мимо Джеррика, Гизельдорна и Саттинора, где Глэйдж начинала свой путь от холмов у подножия Замковой горы. К тому времени, когда Хиссун добрался до Амблеморна, самого юго-западного из Пятидесяти Городов Горы, у него уже созрел замысел того, что необходимо делать.

Отсюда путешествие по реке уже не представлялось возможным, поскольку именно в Амблеморне множество потоков с Горы сливались в Глэйдж, а ни одна из этих речек не была судоходной. И потому Хиссун на экипаже проследовал по отрогам Горы через кольцо Городов Склона, через кольца Свободных и Сторожевых Городов, мимо Морвола, где родился Элидат, Норморка с его огромными стенами и воротами, Хайна, где листья на деревьях были алыми, малиновыми, рубиновыми и пунцовыми, Гриба с его хрустальными скалами и Верхней Сиглы с пятью вертикальными озерами, и еще дальше, к Внутренним Городам, Банглкоду, Бомбифэйлу, Перитолу и другим. Вереница экипажей взбиралась все выше и выше по гигантской горе.

— Она гораздо больше, чем я представляла,— сказала находившаяся рядом с сыном Эльсинома. Она вообще ни разу не выбиралась из Лабиринта, а начинать странствия по свету с подъема на Замковую гору было непростой задачей. Она смотрела на все широко раскрытыми глазами, как маленький ребенок. Хиссун с удовольствием наблюдал за ней, и бывали дни, когда она была настолько пресыщена разными чудесами, что едва могла говорить.

— Подожди,— твердил он ей.— Ты еще ничего не видела.

Через проход Перитол на Бомбифэйлскую равнину, где состоялась решающая битва войны за реставрацию, мимо дивных шпилей самого Бомбифэйла, и еще выше — в зону Высших Городов; горная дорога из блестящей красной брусчатки вела от Бомбифэйла к Большому Морпину, затем — через поля ярких цветов по Большому Калинтэйнскому тракту вверх, пока на самой вершине не показался Замок лорда Валентина, неясная громада, в тысячах направлений разбросавшая каменные и кирпичные отростки по скалам и вершинам.

Когда экипаж выехал на площадь Дизимаула перед южным крылом Замка, Хиссун замер от удивления при виде встречавшей его делегации. Здесь были Стазилейн, Миригант, Элзандир и целая свита помощников. Все, кроме Диввиса.

— Уж не вышли ли они приветствовать тебя в качестве короналя? — спросила Эльсинома, но Хиссун улыбнулся и покачал головой.

— Сильно сомневаюсь.

Пока они приближались к нему по зеленой фарфоровой мостовой, он прикинул, какие перемены могли произойти за время его отсутствия. Не объявил ли Диввис себя короналем? Не для того ли здесь друзья, чтобы предупредить его и посоветовать спасаться бегством, пока есть возможность? Нет, нет, они улыбаются, они столпились вокруг, они радостно обнимают его.

— Какие новости? — спросил Хиссун.

— Лорд Валентин жив! — воскликнул Стазилейн.

— Хвала Божеству! Где он сейчас?

— На Сувраэле,— ответил Миригант.— Он гостит во дворце Барджазидов. Так сказал сам Король Снов, и в тот же самый день мы получили подтверждение от короналя.

— Сувраэль?! — повторил Хиссун с таким удивлением, будто Валентин попал на какой-то неизвестный континент посреди Великого океана или вообще в какой-нибудь другой мир.— Почему на Сувраэле? Как он там очутился?

— Из Пиурифэйна он добрался до Беллатула,— ответил Стазилейн,— но из-за драконов отказался от плавания на север, а также в Пилиплок, где, как вы, надеюсь, знаете, поднят мятеж. Поэтому из Беллатула его доставили на южный континент, где он заключил союз с Барджазидами, которые используют свою власть для восстановления порядка в мире.

— Смелый шаг.

— Да, действительно. А вскоре он отплывает на Остров, чтобы вновь встретиться с Повелительницей Снов.

— А потом? — спросил Хиссун.

— Пока не решено.— Стазилейн пристально посмотрел на Хиссуна.— Трудно сказать, что нам готовят грядущие месяцы.

— Зато я, кажется, это знаю,— сказал Хиссун.— Где Диввис?

— Сегодня он отправился на охоту,— сообщил Элзандир.— В леса под Франгиором.

— В столь несчастливое для его семьи место! — удивился Хиссун.— Ведь именно там погиб его отец лорд Вориакс?

— Да, там,— подтвердил Стазилейн.

— Надеюсь, он будет осторожнее,— заметил Хиссун.— Ему предстоят большие дела. И меня удивляет, что его здесь нет, ведь он знал, что я сегодня возвращаюсь из Лабиринта.— Он обернулся к Альсимиру: — Отправляйся искать лорда Диввиса и скажи ему, что регентский совет собирается на срочное совещание и я жду его.— Потом вновь обратился к остальным: — От волнения при первых минутах встречи с вами, мои лорды, я совершил ужасное, непростительное прегрешение против всех правил учтивости, поскольку не представил вам свою спутницу. Это леди Эльсинома, моя матушка, которая впервые увидела мир за пределами Лабиринта.

— Мои лорды,— приветствовала всех Эльсинома. У нее порозовели щеки, но никаким другим образом она не проявила ни смущения, ни замешательства.

— Лорд Стазилейн... Принц Миригант... Герцог Элзандир Чоргский...

Каждый из них по очереди приветствовал ее с глубочайшим почтением, как если бы перед ними предстала сама Хозяйка Острова Сна. И она отвечала им с хладнокровным достоинством, что привело Хиссуна в восхищение.

— Пусть мою матушку проводят в Павильон леди Тиин и выделят ей помещения, достойные высоких иерархов с Острова,— распорядился он.— Я же присоединюсь к вам через час в зале совещаний.

— Лорду Диввису не хватит часа, чтобы вернуться с охоты,— мягко заметил Миригант. Хиссун кивнул.

— Да, знаю. Но не моя вина в том, что лорд Диввис выбрал именно этот день, чтобы отправиться в лес. Нам нужно так много

обсудить и сделать, что, я считаю, мы должны начать до его приезда. Лорд Стазилейн, вы разделяете мое мнение?

— Полностью.

— Тогда двое регентов из трех согласны. Достаточно, чтобы начать совещание. Итак, мои лорды, через час в зале.

Все уже собрались, когда пятьдесят минут спустя Хиссун, успевший привести себя в порядок и переодеться, вошел в зал. Заняв место за высоким столом рядом со Стазилейном, он оглядел собравшихся принцев и начал:

— Я беседовал с Хорнкэстом и видел собственными глазами понтифекса Тиевераса...

По залу прошел шумок, общее напряжение возросло.

— Понтифекс все еще жив. Но не в нашем с вами понимании. Он больше не разговаривает, даже посредством стонов и вскриков, как то было до недавнего времени. Он живет в другом мире, далеко от нашего, в мире, который, по моему мнению, расположен перед мостом Прощания.

— И когда же он может умереть? — спросил Нимиан Дундилмирский.

— О, не скоро, даже в его теперешнем состоянии,— ответил Хиссун.— Имеются средства, способные, как мне кажется, удерживать его от перехода в мир иной еще несколько лет. Однако, на мой взгляд, дальше откладывать нельзя.

— Решать лорду Валентину,— заметил герцог Халанкский.

Хиссун кивнул.

— Верно. Мы поговорим об этом чуть позже.— Поднявшись, он подошел к карте мира и накрыл ладонью центр Зимроэля.— Во время поездки в Лабиринт и обратно я регулярно получал сообщения. Я знаю, что некий пиуривар Фараатаа объявил нам войну; мне известно и то, что метаморфы уже не ограничиваются заражением сельскохозяйственных культур, они выпускают орды каких-то мерзких тварей и тем самым сеют панику и страх. Знаю я и о голоде в районе Кинтора, об отделении Пилиплока, о волнениях в Ни-мойе. Пока у меня нет сведений об обстановке к западу от Дюлорна — думаю, по эту сторону ущелья ими не может похвастаться никто. Я знаю также, что западный Алханроэль стремительно приближается к тому же хаотическому состоянию, в котором погряз Зимроэль, и что беспорядки быстро распространяются к востоку, вплоть до подножия Горы. Кризис

нарастает, а мы до сих пор предпринимали слишком мало конкретных действий. Создается впечатление, что правительство совершенно не работает, герцоги провинций ведут себя так, будто они полностью независимы друг от друга, а мы сбились в кучу здесь, на Замковой горе, высоко над облаками.

— А что вы предлагаете? — спросил Миригант.

— Мой план таков. Во-первых, мобилизовать армию, чтобы окружить границы Пиурифэйна, полностью перекрыть провинцию и прочесать джунгли в поисках Фараатаа и его сторонников. Уверяю вас, это задача не из легких.

— Кто встанет во главе армии? — поинтересовался герцог Халанкский.

— С вашего позволения, я вернусь к этому вопросу чуть позже,— ответил Хиссун.— Далее: нам нужна еще одна армия, собранная тоже на Зимроэле, для занятия Пилиплока — по возможности мирно, а если не получится, то с применением силы — и восстановления его подчиненности центральному правительству. В-третьих, мы должны собрать Генеральную ассамблею всех правителей провинций, чтобы обсудить рациональное распределение запасов продовольствия и уговорить провинции, еще не затронутые бедствием, поделиться с теми, кто уже голодает. Естественно, необходимо четко разъяснить, что мы призываем к жертве, но не чрезмерной. Провинции, которые не захотят сделать свой вклад, если таковые найдутся, будут заняты войсками.

— Чересчур много армий для общества, в котором не слишком сильны военные традиции,— высказался Манганот.

— Когда требовались армии,— ответил Хиссун,— нам как-то удавалось их собрать. Так было и во времена лорда Стиамота, и во время борьбы за реставрацию лорда Валентина, ныне опять возникает подобная необходимость, поскольку выбора у нас нет. Впрочем, должен обратить ваше внимание на то, что уже существует несколько неофициальных армий под предводительством различных самопровозглашенных короналей. Мы можем воспользоваться ими, да и самими новыми коронаями.

— Воспользоваться услугами изменников? — воскликнул герцог Халанкский.

— Услугами любого, кто может оказаться полезным,— ответил Хиссун.— Мы предложим им присоединиться к нам; мы присвоим им высокие чины, хотя, разумеется не те, которые

они сами себе присвоили; мы дадим им понять, что, если они откажутся от сотрудничества, мы их уничтожим.

— Уничтожим? — переспросил Стазилейн.

— Да, именно это я и имел в виду.

— Даже Доминин Барджазид был помилован и отправлен к своим братьям. Но лишить жизни, пусть даже предателя...

— Дело нешуточное,— продолжал Хиссун.— Но я собираюсь использовать этих людей, а не убивать их. Тем не менее нам придется их убивать, если они не согласятся на наши предложения. Но умоляю вас, давайте обсудим этот вопрос в другой раз.

— Вы собираетесь использовать этих людей? — спросил принц Нимиан Дундилмирский.— Вы говорите почти как кораль!

— Нет. Я говорю как один из тех двоих, из которых должен быть сделан выбор, согласно нашей прежней договоренности. И при достойном сожаления отсутствии лорда Диввиса я, возможно, говорю слишком резко. Но могу сказать, что я очень долго думал над этими планами, и не вижу других вариантов, кто бы ни был у власти.

— У власти лорд Валентин,— заметил герцог Халанкский.

— В качестве короналя. Но мы, я думаю, согласились на том, что при нынешнем кризисе нам нужен настоящий понтифекс, чтобы вести нас, а также и кораль. Лорд Валентин, как вы мне сообщили, плывет на Остров для встречи с Повелительницей Снов. Я предполагаю отправиться туда же, поговорить с короналем и попытаться убедить его в необходимости стать понтифексом. Если он увидит резон в моих доводах, то выскажет свои пожелания по поводу преемника. Я полагаю, что новый кораль должен взять на себя задачу умиротворения Пилиплока и Ни-мойи, а также привлечения на свою сторону лжекоронералей. А второй из нас возглавит армию, которая вторгнется на земли метаморфов. Что касается меня, то мне безразлично, кто наденет корону, Диввис или я, но важно, чтобы мы безотлагательно открыли военные действия и начали восстановление порядка, с чем мы уже изрядно запоздали.

— А мы будем бросать монету, чтобы определиться? — вдруг послышался чей-то голос от входа.

У дверей стоял и смотрел на Хиссуна потный, небритый Диввис, все еще в охотничьем костюме.

— Рад снова видеть вас, лорд Диввис,— с улыбкой приветствовал его Хиссун.

— Сожалею, что пропустил значительную часть совещания. Сегодня мы собираем армии и выбираем короналя, да, принц Хиссун?

— Короналя должен выбрать лорд Валентин,— Хиссун оставался по-прежнему хладнокровным.— А после этого вам и мне придется собирать и вести армии. И думаю, пройдет немало времени, мой лорд, прежде чем у нас появится время для развлечений — таких, например, как охота.— Он указал на свободное кресло рядом с собой.— Прошу садиться, лорд Диввис. Я высказал собравшимся здесь несколько предложений, а теперь хочу повторить их для вас, если вы уделите мне несколько минут. А потом мы должны принять какое-то решение. Итак, займите свое место и выслушайте меня, лорд Диввис. Прошу.

Глава 4

Опять в море: сквозь духоту и дымку нагретого воздуха, когда в спину дует яростный ветер с Субраэля, а мощное безостановочное течение с юго-запада подталкивает корабли к северным землям. Валентин ощутил и другие течения, водоворотом проходящие по его душе. Слова главного спикера Хорнкэста на банкете в Лабиринте все еще звучали у него в мозгу, будто он слышал их только вчера, а не десять тысяч лет тому назад: «Кораль — это персонификация Маджипура. Маджипур находит свое воплощение в личности короналя. Он есть мир, а мир есть кораль». Да, именно так.

И по мере того, как он передвигался по поверхности планеты с Замковой горы до Лабиринта, от Лабиринта до Острова, с Острова в Пилиплок, затем в Пиурифэйн, потом в Беллатул, с Беллатула на Субраэль — теперь с Субраэля опять на Остров,— душа Валентина все больше открывалась навстречу боли Маджипура, его разум становился все восприимчивей к муке, замешательству, безумию, страху, которые теперь разрывали на части мир, бывший когда-то самым мирным и счастливым из миров. День и ночь на него изливались мучения двадцати миллиардов душ. И он с радостью принимал их, и стремился воспринять и постичь все, что исходило от Маджипура, и с готовностью искал возможности ослабить эту боль. Но напряжение утомляло его. Слишком многое на него нахлынуло; он не мог все постичь и свести воедино, и часто оно затопляло и ошеломляло его; но возможности

уклониться не было, поскольку он являлся одним из властителей и не мог отказаться от возложенной на него миссии.

Все послеобеденное время он в одиночестве простоял на палубе, глядя прямо перед собой, и никто, даже Карабелла, не посмел приблизиться к нему — настолько глухая стена отрешенности окружала его. Когда же она все-таки подошла, робко и неуверенно, он улыбнулся, обнял ее, но не сказал ни слова, поскольку находился сейчас в мире, где не было нужды в словах, где он был спокоен, где изъязвленные участки его души могли исцелиться. Он знал, что она не станет докучать ему.

После долгого молчания она посмотрела на запад и ахнула от изумления, но больше ничем не нарушила тишины.

Заговорил он, причем его голос звучал словно издалека:

— Что ты там увидела, любимая?

— Какой-то силуэт. Кажется, дракона.

Он промолчал.

— Неужели это возможно, Валентин? Ведь нам говорили, что в здешних водах в это время года не должно быть никаких драконов. Но что же тогда я вижу?

— Ты видишь дракона.

— Но ведь говорили, что их не будет. Однако сомневаться не приходится. Что-то темное. Что-то огромное. И плывет в одном с нами направлении. Валентин, откуда здесь драконы?

— Драконы есть везде, Карабелла.

— Может быть, мне чудится? А что, если это лишь тень на воде — какое-нибудь скопление водорослей...

Он покачал головой.

— Ты видишь дракона. Дракона-короля, одного из самых крупных.

— Ты говоришь, даже не посмотрев, Валентин.

— Да. Но дракон там.

— Ты его ощущаешь?

— Да, ощущаю. Присутствие громадного дракона. Силу его мысли. Могучий разум. Я ощутил его еще до того, как ты подала голос.

— Ты стал таким чувствительным.

— Слишком.

Он продолжал смотреть на север. Огромная душа дракона лежала тяжким грузом на его душе. Его чувствительность за эти месяцы постоянного напряжения значительно возросла; теперь

он мог посылать мысленные сигналы почти без усилия и едва сдерживался, чтоб не делать этого. Во сне или наяву он странствовал в недрах души мира. Расстояние уже не являлось для него препятствием. Он ощущал все, даже суровые, горькие мысли оборотней, даже медленные пульсирующие излучения, исходившие от драконов.

— Что ему нужно? Он хочет напасть на нас, Валентин? — спросила Карабелла.

— Сомневаюсь.

— Но ты не уверен?

— Я ни в чем не уверен.

Стремясь соприкоснуться с разумом громадного хозяина моря, он послал ему мысленный сигнал. На мгновение образовалось что-то наподобие контакта — ощущение открытости, взаимопроникновения. А потом это ощущение исчезло, будто его смахнули могучей дланью, но не презрительно, не высокомерно, а так, будто дракон говорил: «Не сейчас, не здесь, еще не время».

— У тебя такой странный вид,— сказала она.— Так будет дракон нападать?

— Нет. Нет.

— Ты кажешься испуганным.

— Нет, я не испуган, нет. Я просто стараюсь понять. Но я не чувствую угрозы. Только настороженность... бдительность... этот могучий разум наблюдает за нами...

— И, наверное, сообщает о нас метаморфам?

— Возможно.

— Если драконы и метаморфы заключили против нас союз...

— Так считает Делиамбер, основываясь на показаниях какого-то метаморфа, которого больше уже не допросить. Мне кажется, что все гораздо сложнее. Думаю, что пройдет еще немало времени, прежде чем мы поймем, что связывает меняющих форму и драконов. Но повторяю, опасности я не чувствую.

Она помолчала, глядя на него.

— Ты и вправду можешь читать мысли дракона?

— Нет. Я чувствую мысли дракона, их присутствие. Прочитать я ничего не могу. Дракон — загадка для меня. Чем сильнее я стремлюсь добраться до него, тем легче он отталкивает меня.

— Он поворачивает. Он начинает удаляться.

— Да. Я чувствую, что он закрывает от меня свой разум... удаляет меня... отстраняется...

— Чего он хотел, Валентин? Что он узнал?

— Хотел бы я знать.

Корональ крепко вцепился в поручень. Он обессилел, его трясло. Карабелла на мгновение положила ладонь на его руку и сжала ее. Они снова погрузились в молчание.

Он не понимал. Он понимал так мало, но догадывался, как важно понять. Он был уверен, что именно через него могут быть решены проблемы мира и восстановлено единство. Он, только он может свести в гармонии противоборствующие силы. Но как? Как?

Когда много лет назад смерть брата неожиданно сделала его короналем, он безропотно взвалил на себя эту ношу, отдавая себя всего делу, хотя иногда королевские обязанности казались ему колесницей, которая беспощадно влачит его за собой. Но, по крайней мере, он получил подготовку, которую должен иметь король. А теперь, как ему начинало казаться, Маджипур требует от него, чтобы он стал богом, к чему он вовсе не готовился.

Он все еще ощущал присутствие дракона где-то неподалеку, но не мог установить настоящий контакт и вскоре отказался от всяких попыток. Он простоял до сумерек, устремив взгляд на север, будто ожидал увидеть Остров в виде маяка, сияющего в темноте.

Но до Острова оставалось еще несколько дней плавания. Сейчас они проходили широту огромного полуострова Стойензар. Морской путь от Толагая до Острова пролегал через Внутреннее море почти до Алханроэля — практически до оконечности Стойензара,— а потом огибал архипелаг Родамаунт и выходил к Нуминору. Такой маршрут позволял в полной мере использовать господствующие южные ветры и сильное родамаунтское течение: дорога от Сувраэля до Острова занимала гораздо меньше времени, чем путь в обратном направлении.

В тот вечер он много говорил о драконе. Зимой здешние воды обычно кишели ими, поскольку драконы, пережившие сезон осеннего промысла, как правило проходили мимо побережья Стойензара, когда возвращались на восток, в Великий океан. Но сейчас не зима, и, как имел возможность заметить заодно с остальными Валентин, в этом году драконы избрали необычный маршрут, устремившись на север, мимо западного берега Острова, к некоему таинственному месту встречи в полярных водах. Но сегодня

драконов, кажется, можно встретить в любой точке моря, а кто знает почему? Только не я, подумал Валентин. Точно не я.

Он тихо сидел среди друзей, разговаривал немного, собираясь с духом и восстанавливая силы.

Ночью, лежа рядом с Карабеллой, он не спал и прислушивался к голосам Маджипура. Он слышал голодный плач в Кинторе и испуганное хныканье в Пидруиде; до него доносились злые выкрики стражей порядка, носящихся по мощеным улицам Велатиса, и лающие речи уличных ораторов в Алаизоре. Он слышал свое имя, повторяемое пятьдесят миллионов раз. Он слышал, как метаморфы в своих насыщенных влагой джунглях смакуют победу, в достижении которой уверены, и слышал, как драконы на дне морском зовут друг друга трубными, мрачными голосами.

Чувствовал он и прохладное прикосновение материнской ладони к своему лбу, слышал слова Повелительницы Снов: «Скоро ты будешь со мной, Валентин, и я дам тебе покой». А потом ему явился Король Снов и объявил: «Сегодня ночью я обойду весь мир в поисках ваших врагов, мой друг корональ, и, если мне удастся поставить их на колени, я это сделаю». Эти слова дали ему некоторую передышку, пока не раздались снова крики страха и боли, пение морских драконов, шепот метаморфов; и так ночь перешла в утро, и он поднялся еще более утомленным, чем накануне вечером.

Но как только корабли миновали оконечность Стойензара и вошли в воды, разделяющие Алханроэль и Остров, Валентин почувствовал себя значительно лучше. Поток исполненных муки сигналов со всех концов света не прекращался, но здесь преобладала власть Повелительницы Снов, которая усиливалась с каждым днем, и Валентин ощущал постоянное ее присутствие в своей душе, и она поддерживала его, вела, успокаивала. Столкнувшись на Сувраэле с пессимизмом Короля Снов, Валентин красноречиво отстаивал свою убежденность в том, что мир можно восстановить. «Никакой надежды»,— сказал ему Минакс Барджазид, на что Валентин ответил: «Надежда есть, нужно только протянуть руку и увидеть ее. Я вижу путь». А Барджазид возразил: «Нет никакого пути, и все потеряно». «Следуйте за мной, и я укажу путь»,— сказал ему тогда Валентин. И в конце концов ему удалось вывести Минакса из состояния безысходности и добиться его не слишком охотной поддержки. Проблеск надежды, появивший-

ся у Валентина на Сувраэле, чуть не пропал во время плавания на север, но сейчас, кажется, надежда возвращалась.

Теперь до Острова оставалось всего ничего. С каждым днем он все выше и выше поднимался над горизонтом и каждое утро, когда лучи восходящего солнца освещали с восточной стороны его меловые уступы, являл собой восхитительное зрелище: нежно-розовый при первом свете, затем ослепительно алый, после чего непостижимым образом совершался переход к золотистому, и, наконец, когда солнце стояло уже высоко в небе, Остров становился совершенно белым, и эта потрясающая белизна разносилась над водой, подобная звукам гигантских цимбал, всепроникающей, жизнеутверждающей мелодии.

В порту Нуминора Хозяйка Острова Сна ожидала короналя в доме, известном под названием Семь Стен. Вновь иерарх Талинот Исульд проводила Валентина в Изумрудный зал; вновь он увидел мать, стоящую между двумя танигалами. Она улыбалась, раскрыв объятия ему навстречу.

Но увидел он и произошедшие с ней удивительные и пугающие перемены, а ведь еще года не прошло с тех пор, как они встречались здесь же. Теперь ее черные волосы перемежались седыми прядями; теплота ее взгляда исчезла, уступив место холодной мрачности; время наложило отпечаток даже на ее царственную осанку — опущенные плечи, поникшая голова. Когда-то она казалась ему богиней, а теперь мнилась небожительницей, постепенно превращающейся в пожилую, вполне смертную женщину.

Они обнялись. Мать стала такой легкой, что, казалось, ее может унести прочь любой случайный ветерок. Они пригубили прохладного золотистого вина, и он поведал ей о своих странствиях по Пиурифэйну, о поездке на Сувраэль, о встрече с Доминином Барджазидом и о том удовольствии, которое ему доставил вид бывшего врага, обретшего здравый рассудок и вновь лояльного.

— А что Король Снов? — спросила она.— Сердечно ли он тебя встретил?

— В высшей степени. Между нами сразу возникли теплые отношения, что меня немало удивило.

— Барджазиды редко бывают приветливы, что вызвано, я полагаю, самими условиями жизни в той стране и их ужасными обязанностями. Но они отнюдь не чудовища, как принято счи-

тать. Минакс — человек неистовый, и я это чувствую, когда сталкиваются наши души, что бывает нечасто, но в то же время сильный и благородный.

— Будущее он видит в мрачном свете, но поклялся оказывать полную поддержку всему, что мы должны сделать. В данный момент он заполняет мир самыми мощными посланиями в надежде обуздать безумие.

— Да, знаю. В течение последних недель я ощущаю его мощь, исходящую с Сувраэля. Он предпринял могучее усилие, какого не совершал никогда раньше. Я делаю то же, однако действую менее напористо. Но этого недостаточно. Весь мир обезумел, Валентин. Звезда наших врагов восходит, а наша — закатывается; миром теперь правят голод и страх, а не понтифекс и корональ. Ты сам это знаешь. Ты чувствуешь, как безумие наваливается на тебя, охватывает тебя, грозит смести все.

— Тогда нас ждет поражение, матушка? Ты ли говоришь со мной, источник надежды, ты ли, несущая успокоение?

Что-то вроде прежней стальной непреклонности мелькнуло в ее глазах.

— Я ни словом не упомянула о поражении. Я сказала лишь, что Король Снов и Хозяйка Острова вдвоем не в состоянии сдержать поток сумасшествия.

— Есть еще и третья сила, матушка. Или ты считаешь меня неспособным вести войну?

— Ты способен достичь всего, чего угодно, Валентин. Но здесь недостаточно даже трех властителей. Ущербное правительство не может управиться с обрушившимся на нас кризисом.

— Ущербное?

— Оно стоит на трех ногах, а должно быть на четырех. Старому Тиеверасу пора уснуть.

— Матушка...

— Сколько ты еще намерен уклоняться от своих обязанностей?

— Я ни от чего не уклоняюсь, матушка! Но чего удастся достичь, если я заточу себя в Лабиринте?

— Неужели ты считаешь, что понтифекс бесполезен? Странные у тебя взгляды на наше государство, если ты действительно так думаешь.

— Я сознаю неоценимую роль понтифекса.

— Тем не менее в течение всего правления ты предпочитаешь обходиться без него.

— Разве моя вина в том, что Тиеверас был уже дряхлым стариком, когда я взошел на престол? Что я должен был делать. Отправиться в Лабиринт сразу же после избрания короналем? У меня нет понтифекса, потому что его не было с самого начала. И время было неподходящим, чтобы занимать место Тиевераса. Меня отвлекали иные насущные заботы, как, кстати, и сейчас.

— Твой долг дать Маджипуру понтифекса, Валентин.

— Нет. Еще не время.

— Сколько ты будешь это повторять?

— Я должен оставаться на виду. Я хочу каким-то образом связаться с Данипиур и заключить с ней союз против Фараатаа, нашего общего врага, который уничтожит весь мир под предлогом возвращения его своему народу. А если я окажусь в Лабиринте, то как смогу...

— *Ты снова собираешься в Пиурифэйн?*

— Чтобы еще раз потерпеть неудачу? Но я все равно считаю, что необходимо вступить в переговоры с метаморфами. Данипиур должна понять, что я не похож на королей прошлого, что я признаю новые реальности и считаю невозможным далее подавлять часть души Маджипура, принадлежащую метаморфам. Мы должны допустить их в общество и принять их как равных.

— И ты считаешь, что, не будучи короналем, не сумеешь осуществить задуманное?

— Я убежден в этом, матушка.

— Тогда проверь заново свои убеждения,— сказала Хозяйка Острова Сна неумолимым голосом.— Если они и впрямь убеждения, а не мания, за которой скрывается отвращение к Лабиринту.

— Я ненавижу Лабиринт и не скрываю своей ненависти, но не откажусь войти туда, когда придет время, хотя радости мне это не доставит. Однако я утверждаю, что время еще не наступило. Возможно, мое переселение произойдет скоро, но не сейчас.

— Тогда пусть оно не замедлит совершиться. Позволь, наконец, Тиеверасу уснуть. И пусть это свершится поскорее, Валентин.

Глава 5

Повод для торжества, конечно, небольшой, размышлял Фараатаа, но приглашение на встречу с Данипиур вызывает радость. Столько лет скитаться в джунглях злосчастным изгоем, а до того столь долго подвергаться насмешкам — что ж, теперь сама Данипиур с соблюдением всех дипломатических церемоний приглашает его на аудиенцию в Служебный дом в Илиривойне.

Поначалу его подмывало отклонить приглашение и высокомерно предложить ей явиться к нему в Новый Велализиер. В конце концов она была всего лишь выборным вождем племени, а ее титул не существовал до изгнания; он же провозглашен значительной частью народа Грядущим Принцем и Королем Сущим, ежедневно общается с водяными королями и пользуется гораздо большей преданностью сторонников, чем Данипиур. Но потом он передумал, решив, что произведет гораздо большее впечатление, войдя в Илиривойн во главе тысяч соплеменников и показав Данипиур с ее прихлебателями, какой властью он обладает! Пусть будет так, подумал он и согласился прийти в Илиривойн.

Столица, размещенная на новом месте, все еще имела неуютный, незаконченный вид. Обычно для нее выбирали открытое место в лесу, неподалеку от какой-нибудь сравнительно полноводной реки. Но улицами по-прежнему служили еле заметные тропинки, плетеные хижины почти не имели украшений, их крыши выглядели сделанными наспех, а площадь перед Служебным домом была расчищена не до конца, и повсюду змеились и переплетались лианы. Лишь сам Служебный дом напоминал прежний Илиривойн. Согласно обычаю, здание перенесли со старого места и вновь установили в центре города, где оно господствовало над всем своим окружением. Трехэтажное здание, украшенное сверкающими колоннами из банникопа, с обшитым полированными досками из красного дерева фасадом, возвышалось, как дворец, среди грубых хижин пиуриваров Илиривойна. Но когда мы переплывем через море и восстановим Велализиер, подумал Фараатаа, то построим настоящий дворец из мрамора и сланца, который станет новым чудом света, и мы украсим его всякими прекрасными вещицами, которые заберем в качестве

добычи из Замка лорда Валентина. И тогда Данипиур склонится передо мной!

Но сейчас он собирался неукоснительно соблюдать протокол. Он предстал перед Служебным домом и произвел Пять Изменений Покорности: Ветер, Пески, Клинок, Поток и Пламя. В состоянии Пятого Изменения он оставался до появления Данипиур. На какое-то мгновение она показалась напуганной теми силами, которые сопровождали его в столицу: толпа заполняла всю площадь и выплескивалась за пределы города. Но она быстро оправилась от замешательства и приветствовала его тремя Изменениями Приятия: Звезда, Луна, Комета. При последнем изменении Фараатаа вернулся к своему облику и прошел за ней в здание. Никогда еще не входил он в Служебный дом.

Данипиур держалась холодно, отстраненно и сдержанно. Фараатаа ощутил мгновенный прилив благоговения — ведь она все-таки носила свое звание на протяжении всей его жизни,— но быстро взял себя в руки. Он знал, что ее высокомерие и высочайшее самообладание служили лишь оружием защиты.

Она предложила ему блюдо из калимботов и гумбы, а также подала бледное лавандовое вино, на которое он посмотрел с неудовольствием, потому что вино не относилось к числу напитков, употребляемых пиуриварами древности. Он не стал пить и даже не поднял бокал, что не осталось незамеченным.

Покончив с формальностями, Данипиур заговорила без обиняков:

— Неизменных я люблю не больше вашего, Фараатаа. Но то, к чему вы стремитесь, недостижимо.

— И к чему же я тогда стремлюсь?

— Избавить от них мир.

— Вы считаете это недостижимым? — поинтересовался он, придав голосу оттенок заинтересованности.— Почему же?

— Их двадцать миллиардов. Куда они денутся?

— Неужели во вселенной больше нет миров? Они пришли оттуда: пусть возвращаются.

Она прикоснулась ко лбу кончиками пальцев. Этот жест означал насмешку и презрение, вызванные его словами. Он сделал над собой усилие, чтобы не показать своего раздражения.

— Когда они пришли сюда,— сказала Данипиур,— их было немного. Теперь же их множество, а сообщение Маджипура с

другими мирами сейчас не слишком оживлено. Вы представляете, сколько времени потребуется, чтобы переправить с планеты двадцать миллиардов жителей? Если каждый час будет отправляться по кораблю с десятью тысячами на борту, я думаю, нам все равно не удастся полностью от них избавиться, поскольку они будут плодиться быстрее, чем корабли — загружаться.

— Пускай тогда остаются здесь, а мы будем продолжать войну против них. И они станут убивать друг друга из-за еды, а через некоторое время пищи не останется, и они будут умирать голодной смертью, а города их станут мертвыми. И мы навсегда избавимся от них.

Кончики пальцев снова прикоснулись ко лбу.

— Двадцать миллиардов покойников? Ах, Фараатаа, будьте благоразумны! Вы отдаете себе отчет, что это значит? В одной Ни-мойе людей больше, чем во всем Пиурифэйне,— а сколько вообще городов на планете, кроме Ни-мойи? Подумайте, какой смрад будет исходить от этих тел! Подумайте о болезнях, которые возникнут из-за разложения такого количества трупов!

— Если они вымрут от голода, трупы будут сухими, как опавшие листья. Разлагаться будет нечему.

— Вы рассуждаете слишком легкомысленно, Фараатаа.

— Неужели? Что ж, пусть легкомысленно. С присущим мне легкомыслием я разгромил угнетателей, под пятой которых мы корчились четырнадцать тысячелетий. Так же легкомысленно я вверг их в хаос. Легкомысленно я...

— Фараатаа!

— Я очень многого добился, Данипиур, за счет своего легкомыслия. Причем не только безо всякой поддержки с вашей стороны, а, напротив, при вашем в большинстве случаев прямом противодействии. А теперь...

— Выслушайте меня, фараатаа! Да, вы выпустили на свободу могучие силы и нанесли неизменным такой удар, который я, признаться, не считала возможным. Но теперь пришло время остановиться и подумать о дальнейших последствиях содеянного вами.

— Я подумал,— ответил он.— Мы отвоюем наш мир.

— Возможно. Но какой ценой? Вы наслали болезни на их земли,— а как вы думаете, так ли уж просто будет остановить эти болезни? Вы расплодили чудовищных, ужасных животных и выпустили их на волю. Вдобавок вы хотите, чтобы мир задох-

нулся от миллиардов гниющих тел. Так скажите, Фараатаа, вы спасаете наш мир или уничтожаете его?

— Болезни исчезнут, когда погибнут растения, которые их питают, для нас большей частью бесполезные. Новых животных немного, а мир большой, и ученые заверили меня в том, что они неспособны размножаться самостоятельно; так что мы избавимся от них, когда они сделают свое дело. А что касается гниющих тел, то по этому поводу я не разделяю ваших страхов. Стервятники наедятся так, как никогда не ели, из гор оставшихся костей мы возведем храмы. Победа за нами, Данипиур. Мир отвоеван.

— Вы слишком самоуверенны. Они еще не начали наносить ответных ударов, но если они начнут, Фараатаа, что будет, если они начнут? Прошу вас вспомнить, Фараатаа, что сделал с нами лорд Стиамот.

— Для завоевания лорду Стиамоту потребовалось тридцать лет.

— Да,— согласилась Данипиур,— но его войска были немногочисленны. А теперь неизменные значительно превосходят нас числом.

— А мы научились насылать на них болезни и чудовищ, чего не умели во времена лорда Стиамота. Их многочисленность сыграет с ними злую шутку, когда у них закончатся запасы пищи. Как они смогут сражаться против нас хотя бы тридцать дней, не говоря уж о тридцати годах, если голод уже раздирает на части их цивилизацию?

— Голодные воины могут сражаться гораздо ожесточенней, чем сытые.

Фараатаа расхохотался.

— Воины? Какие воины? Это же нелепость, Данипиур. Люди изнежены!

— При лорде Стиамоте...

— Лорд Стиамот жил восемь тысяч лет назад. С тех пор жизнь для них была чересчур легка, и они стали расой дураков и трусов. А самый большой дурак среди них — их лорд Валентин с его святой простотой и благочестивым отвращением к насилию. Чего их бояться с таким королем, у которого кишка тонка для убийства?

— Согласна: его нам нечего бояться. Но мы можем его использовать, Фараатаа. Именно это я и собираюсь сделать.

— Каким образом?

— Как вы знаете, он мечтает договориться с нами.

— Мне известно,— сказал Фараатаа,— что он появлялся в Пиурифэйне с дурацкой надеждой вступить с вами в переговоры, но вы проявили мудрость и избежали встречи.

— Да, он пришел добиваться дружбы, а я не стала с ним встречаться. Верно. Мне было нужно побольше узнать о ваших намерениях, прежде чем вступать с ним в любые переговоры.

— Теперь мои намерения вам известны.

— Да, известны. И я прошу вас перестать распространять эти болезни и оказать мне поддержку, когда я встречусь с короналем. Ваши действия срывают мои планы.

— Какие именно?

— Лорд Валентин отличается от других короналей. Как вы говорите, он — сама святая простота: мягкий человек, у которого не хватает духу на убийство. Отвращение к войне делает его сговорчивым и податливым. Я собираюсь добиться от него таких уступок, которых нам не предоставлял ни один из предшествующих короналей. Право вновь поселиться на Алханроэле, получить обратно во владение священный город Велализиер, место в правительстве — короче говоря, полное политическое равноправие в пределах Маджипура.

— Проще все уничтожить, а потом выбирать место на свое усмотрение, не спрашивая ничьего разрешения.

— Но вы же должны понять, что это невозможно, что нельзя ни изгнать, ни уничтожить двадцать миллиардов живых существ. Единственное, что мы можем,— установить с ними мир. И именно в Валентине заключается наш шанс на установление мира, Фараатаа.

— Мир! Какое гнусное, лживое слово! Мир! Ну уж нет, Данипиур, мне не нужен мир. Меня интересует не мир, а победа. А победа будет за нами.

— Ваша вожделенная победа обречет нас на гибель,— резко ответила Данипиур.

— Я так не считаю. И я думаю, что ваши переговоры с короналем ни к чему не приведут. Если он дарует нам те уступки, о которых вы собираетесь просить, собственные принцы и герцоги свергнут его и заменят более жестоким человеком, и что тогда будет с нами? Нет, Данипиур. Я должен продолжать войну,

пока в нашем мире не останется ни одного неизменного. Любой другой путь означает продолжение нашего порабощения.

— Я запрещаю.

— Запрещаете?

— Я — Данипиур!

— Да, вы — это вы. Ну и что? Я — Король Сущий, о котором говорилось в прорицаниях. Как вы можете запрещать мне что-либо? Неизменные передо мной трепещут. Я их уничтожу, Данипиур. А если вы будете мне мешать, я уничтожу и вас.— Он поднялся и, взмахнув рукой, отпихнул в сторону бокал с нетронутым вином, расплескав по столу его содержимое. У двери он остановился и оглянулся, ненадолго приняв форму, известную под названием Река, выражавшую неуважение и презрение. Затем он возвратился в свое прежнее обличье.— Война будет продолжаться,— сказал он.— Пока я позволяю вам оставаться на вашем посту, но предупреждаю: оставьте предательские попытки связаться с противником. А что касается святого лорда Валентина, то его жизнь принадлежит мне. В день освящения Велализиера его кровь омоет Столы Богов. Берегись, Данипиур, иначе я использую твою кровь для тех же целей.

Глава 6

— Корональ лорд Валентин со своей матерью Повелительницей Снов во Внутреннем храме,— сказала иерарх Талинот Исульд.— Он просит вас, принц Хиссун, провести ночь в королевской резиденции в Нуминоре и прибыть к нему с утра.

— Как будет угодно короналю.

Хиссун смотрел мимо иерарха на огромную белую стену Первого утеса, нависавшую над Нуминором. Она была ослепительно яркой, до боли в глазах, светилась почти как солнце. Когда несколько дней назад во время плавания с Алханроэля они впервые увидели Остров, он прикрывал глаза рукой от нестерпимого белого сияния, ему хотелось вообще отвернуться, а стоявшая рядом с ним Эльсинома так и сделала, воскликнув: «Что там такое яркое? Мы не ослепнем?» Но теперь, при ближайшем рассмотрении, белый камень уже не пугал: исходивший от него свет выглядел чистым, успокаивающим и напоминал скорее лунное, а не солнечное сияние.

С моря дул прохладный, ласковый ветерок, тот самый ветер, который так стремительно — но не настолько быстро, чтобы утихомирить растущее в Хиссуне с каждым днем нетерпение,— нес их корабль от Алаизора до Острова. Нетерпение еще подгоняло его, когда он ступил на берег Острова. Но сейчас он уже понимал, что нужно проявить выдержку и приспособиться к неспешному ритму жизни Острова и его безмятежной госпожи, иначе ему никогда не удастся сделать то, ради чего он здесь появился.

И правда, он ощутил, что начинает проникаться этой неторопливостью, когда в сопровождении иерарх проходил по небольшому портовому городку к королевской резиденции Семь Стен. Он подумал, что магии Острова невозможно противиться: такое это спокойное, безбурное, мирное место, которое каждой своей чертой свидетельствует о присутствии Повелительницы Снов. Сейчас бедствия, потрясавшие Маджипур, представлялись Хиссуну пустой выдумкой.

Однако ночью Хиссун обнаружил, что заснуть здесь не так-то просто. Он лежал в великолепных покоях, убранных восхитительными темными тканями старинной работы. Здесь, насколько он знал, до него отдыхали великие лорды Конфалюм, Престимион и сам Стиамот; и ему казалось, что все эти древние короли бродят поблизости, переговариваясь шепотом между собой, а их слова — насмешка над ним: выскочка, щеголь, павлин. Нет, говорил он сердито самому себе, то всего лишь шелест волн внизу. Но сон не приходил, и чем сильнее он хотел заснуть, тем меньше ему это удавалось. Он встал, принялся расхаживать по комнатам, вышел во двор, решив поднять кого-нибудь из слуг, чтобы ему принесли вина, но никого не нашел и через некоторое время вернулся в спальню и опять закрыл глаза. На этот раз ему показалось, что Хозяйка Острова Сна слегка, мимолетно, коснулась его души: нет, то было не послание, а лишь прикосновение, легкое, как дуновение, пахнувшее на его душу, нежное «Хиссун, Хиссун, Хиссун», после чего он успокоился, задремал и погрузился в глубокий сон безо всяких сновидений.

Утром за ним с Эльсиномой пришла худощавая и статная Талинот Исульд, которая проводила их до подножия огромного белого утеса, где их ожидали экипажи, чтобы доставить на верхние ярусы Острова.

От подъема по вертикальной стене Первого утеса захватывало дух: все выше и выше, как во сне. Хиссун боялся открывать

глаза, пока экипаж не остановился на посадочной площадке. Здесь он оглянулся на сверкающую на солнце морскую ширь, простирающуюся до далекого Алханроэля. Внизу вонзался в море двойной волнолом Нуминора. Экипаж доставил их через густо поросшее плато к подножию Второго утеса, поднимавшегося вверх так отвесно, что казалось, будто он занимает все небо. На ночь они остановились в домике, расположенном на террасе Зеркал, где из-под земли вырастали массивные валуны черного полированного камня, напоминающие таинственных древних идолов.

Поутру их ожидал еще один подъем на самый верхний, самый заветный утес, на высоту нескольких тысяч футов над уровнем моря, где находилось убежище Хозяйки Острова Сна. Воздух на вершине Третьего утеса был удивительно прозрачен, и предметы, расположенные в нескольких милях, выглядели отчетливо, как под увеличительным стеклом. Высоко в небе лениво описывали круги неизвестные Хиссуну птицы с округлыми красными телами и громадными черными крыльями. Хиссун и Эльсинома вновь проследовали к центру плоской вершины Острова, преодолевая террасу за террасой. Наконец они остановились там, где среди поразительно безмятежных садов в видимом беспорядке были разбросаны строения из белого камня.

— Это — терраса Поклонения,— сказала Талинот Исульд.— Вход во Внутренний храм.

Ночь они провели в тихом, уединенном домике, уютном и непритязательном, при котором имелись мерцающий водоем и тенистый садик, окруженный древней изгородью из переплетенной лозы. На рассвете слуги принесли им охлажденные фрукты и жареную рыбу, и они поели. Появилась Талинот Исульд. С ней пришла еще одна иерарх, высокая седовласая женщина с проницательным взглядом. Она приветствовала их по-разному: Хиссуна — жестом, подобающим при обращении к принцу Горы, но как-то небрежно, почти пренебрежительно, повернувшись же к Эльсиноме, она взяла обе ее руки в свои ладони и довольно долго не выпускала, тепло и одновременно пристально глядя ей в глаза, а потом произнесла:

— Добро пожаловать на Третий утес. Меня зовут Лоривейд. Хозяйка Острова Сна и ее сын ожидают вас.

Утро выдалось прохладным и туманным, солнечные лучи должны были вот-вот пробиться через низкую облачность. Они миновали сад, где на каждом листочке мерцали капельки росы. Впереди шла Лоривейд, а замыкала их маленькую колонну Талинот Исульд. Затем они прошли по мостику из белого камня, настолько хрупкому на вид, что казалось, он может рухнуть даже от самых легких шагов, и оказались в широком поле, на другой стороне которого располагался Внутренний храм.

Хиссун еще не приходилось видеть более привлекательного здания. Оно было выстроено из того же полупрозрачного белого камня, что и мост. В самом центре его находилась невысокая ротонда с плоской кровлей, от которой, подобно лучам звезды, разбегались восемь длинных, тонких, равноудаленных крыльев. Никаких украшений; все чисто, строго, просто и безупречно.

Внутри ротонды, в просторном восьмиугольном помещении с восьмигранным бассейном посередине, их ожидали лорд Валентин и его мать — Хозяйка Острова Сна.

Хиссун в замешательстве остановился у порога. Он переводил взгляд то на Хозяйку Острова Сна, то на Валентина, не зная, кому из них следует оказать знаки внимания в первую очередь. Он решил отдать предпочтение Хозяйке. Но в какой форме это должно выражаться? Нет, конечно, он помнил знак Хозяйки Острова Сна, но нужно ли делать знак непосредственно ей, как знак Горящей Звезды короналю, или то будет непозволительной бестактностью? Хиссун терялся в догадках. Его обучение не предусматривало встречи с Повелительницей Снов.

Тем не менее он повернулся к ней. Она выглядела гораздо старше, чем он ожидал. Щеки, лоб и уголки глаз покрывала сетка глубоких морщин, в волосах сверкали седые пряди. Но улыбка, излучавшая тепло и силу, подобно полуденному солнцу, красноречиво свидетельствовала об энергии и бодрости, еще не покинувших ее; Хиссун почувствовал, как от этой улыбки куда-то улетучиваются все его сомнения и страхи.

Он собрался преклонить перед ней колени, но она, по-видимому, поняла его намерения, прежде чем он успел пошевелиться, и отрицательно качнула головой, а потом протянула ему руку. Хиссун каким-то образом догадался, чего от него ждут, и на мгновение слегка прикоснулся кончиками пальцев к ее пальцам, получив в ответ поразительный, приводящий в трепет заряд бодрости, способный лишить равновесия, если бы он не держал себя в руках. И он почувствовал, как вместе с этим внезапным

приливом энергии к нему стремительно возвращаются уверенность, сила и самообладание.

Теперь он повернулся к короналю.

— Мой лорд,— прошептал он.

Хиссуна поразили и встревожили перемены в облике лорда Валентина, произошедшие с того раза, когда он в последний раз видел короналя в Лабиринте, в самом начале злосчастной великой процессии. Тогда лорд Валентин был подавлен страшной усталостью, но даже при том черты его излучали внутренний свет, какую-то неукротимую жизнерадостность, которой не могло скрыть никакое утомление. Но сейчас все было иначе. От жестокого сувраэльского солнца его кожа потемнела, а волосы выгорели, что придавало ему странно свирепый, почти варварский вид. Глаза ввалились и сделались почти не видны, а лицо высохло, покрылось морщинами, и в его выражении не осталось и следа душевности, составлявшей наиболее яркую черту характера короналя. Он мнился совершенным незнакомцем: угрюмым, напряженным, отчужденным.

Хиссун сложил было пальцы в знаке звездного огня, но Валентин нетерпеливо отмахнулся, схватил Хиссуна за руку и на мгновение крепко сжал ее, что ничуть не убавило беспокойства принца. Никто не здоровается с короналями за руку. Подобно соприкосновению с Повелительницей Снов, рукопожатие тоже заставило Хиссуна почувствовать, как в него вливается энергия, но в отличие от предыдущего раза сейчас он ощутил смущение, замешательство, смятение.

Когда корональ отпустил его руку, Хиссун шагнул назад и указал на Эльсиному, которая камнем застыла у порога при виде двух властителей Маджипура в одной комнате. Охрипшим голосом Хиссун представил:

— Мой лорд... сударыня... прошу любить и жаловать... моя матушка, леди Эльсинома...

— Достойная мать столь достойного сына,— промолвила Хозяйка Острова Сна. Это были первые ее слова, и ее голос показался Хиссуну самым красивым из слышанных им до сих пор — спокойным и мелодичным.— Подойдите ко мне, Эльсинома.

Очнувшись от полного оцепенения, Эльсинома пошла по гладкому мраморному полу, а Повелительница двинулась ей навстречу, и они встретились у восьмиугольного бассейна в центре комнаты. Здесь Повелительница заключила Эльсиному в свои объятия и крепко прижала к себе; а когда женщины отступили друг от друга, Хиссун увидел, что его мать сейчас похожа на человека, долго блуждавшего в потемках и вырвавшегося наконец к солнечному свету. Глаза ее сияли, лицо покрыл румянец, и в ней не осталось ни тени робости или благоговейного трепета.

Теперь она повернулась в сторону лорда Валентина и начала делать знак Горящей Звезды, но он остановил ее, как и Хиссуна, перехватил руку и сказал:

— Нет необходимости, сударыня.

— Мой лорд, это мой долг! — твердо возразила она.

— Нет, уже нет,— корональ улыбнулся в первый раз за все утро.— Все эти жесты и поклоны — для публики. Здесь они не нужны.

Затем обратился к Хиссуну:

— Я бы, пожалуй, тебя не признал, если бы не был уверен, что именно ты появишься здесь сегодня. Мы так долго не виделись, что стали совсем чужими, или мне это только кажется?

— Прошло несколько лет, мой лорд, надо сказать, непростых,— ответил Хиссун.— Время всегда несет с собой перемены, а такие годы меняют очень многое.

— Да, так и есть.— Подавшись вперед, Валентин так пристально всмотрелся в Хиссуна, что тот несколько смешался. После продолжительной паузы корональ заговорил снова: — Когда-то я думал, что хорошо тебя знаю. Но Хиссун, которого я знал еще мальчиком, под маской озорника скрывал робость. А тот, которого я вижу перед собой, стал мужчиной — даже принцем,— и робость в нем осталась, но самую малость, а озорство, я думаю, переросло в нечто более глубокое — может быть, лукавство. Или даже в государственный ум, если верить получаемым мной сообщениям, а я склонен считать, что они не лгут. Кажется, я все-таки вижу того мальчика где-то внутри тебя. Но разглядеть его далеко не просто.

— И мне нелегко увидеть в вас, мой лорд, того человека, который однажды нанял меня провожатым по Лабиринту.

— Что, я так сильно изменился, Хиссун?

— Да, мой лорд, мне страшно за вас.

— Бойся за Маджипур, если тебе так нужно за что-нибудь бояться. Не трать на меня своих страхов.

— Я боюсь за Маджипур, сильно боюсь. Но как вы можете просить меня не бояться за вас? Ведь вы — мой благодетель, мой лорд. Я всем вам обязан. А когда я вижу вас в таком унынии, таким мрачным...

— Времена мрачные, Хиссун. Состояние мира отразилось на моем лице. Но, возможно, впереди всех нас ожидает весна. Скажи мне: что нового на Замковой горе? Я знаю, что лорды и принцы вынашивают там грандиозные планы.

— Вы правы, мой лорд.

— Тогда рассказывай!

— Вы понимаете, мой лорд, что все эти прожекты должны быть одобрены вами, что регентский совет не осмелится предпринять...

— Разумеется. Расскажи, что предлагает совет.

Хиссун глубоко вздохнул и начал:

— Во-первых, одной армией мы хотели бы закрыть все границы Пиурифэйна и окружить его, чтобы не допускать дальнейшего распространения метаморфами болезней и других напастей.

— Окружить Пиурифэйн, ты сказал, или вторгнуться туда? — переспросил Валентин.

— В основном окружить, мой лорд.

— В основном?

— Как только мы установим контроль над границами, планируется войти в провинцию для поисков мятежника Фараатаа и его сообщников.

— Ага. Захватить Фараатаа и его сторонников! А что с ними будет, когда их схватят, в чем я сильно сомневаюсь, памятуя свой собственный опыт блужданий по джунглям?

— Они будут осуждены.

— И ничего больше? И казни зачинщиков не будет?

— Мы не дикари, мой лорд!

— Да-да, конечно. И целью вторжения будет исключительно захват Фараатаа?

— Ничего больше, мой лорд.

— И никаких попыток свергнуть Данипиур? Никакой кампании по полному истреблению метаморфов?

— Такого даже не предполагалось!

— Понятно.— В голосе Валентина звучали странные, почти насмешливые нотки; Хиссун еще ни разу не слышал, чтобы он так разговаривал.— А какие еще намерения у совета?

— Армия умиротворения займет Пилиплок — без кровопролития, если то будет возможно — и возьмет под контроль другие города и провинции, которые, возможно, откололись от правительства. Кроме того, необходимо обезвредить различные незаконные формирования, которые расплодили во многих местах лжекоронали, и, если представится возможность, привлечь их на службу государству. Наконец военная оккупация тех провинций, которые откажутся участвовать в недавно утвержденной программе распределения запасов продовольствия среди пораженных зон.

— Всеобъемлющие планы,— все тем же необычным для него голосом произнес Валентин.— А кто возглавит эти армии?

— Совет предложил разделить командование между лордом Диввисом, лордом Тунигорном и мной,— ответил Хиссун.

— А я?

— А вы будете осуществлять верховное командование над всеми войсками, мой лорд.

— Да-да, конечно.— Взгляд Валентина стал отсутствующим, возникла продолжительная пауза, в течение которой он, казалось, взвешивает все сказанное Хиссуном. В жесткой и сдержанной манере короналя задавать вопросы было что-то настораживающее: создавалось впечатление, что лорд Валентин знал не хуже Хиссуна, к чему ведет разговор, и Хиссун поймал себя на том, что боится продолжения беседы. Глаза короналя загорелись странным блеском, и он снова обратил свой взгляд на Хиссуна.— Это все, принц Хиссун?

— Еще одно, мой лорд.

— Что именно?

— Командующим армии, предназначенной для занятия Пилиплока и других мятежных городов, должен быть корональ.

— Корональ, как вы только что сказали, будет верховным главнокомандующим.

— Нет, мой лорд. Верховным главнокомандующим должен быть понтифекс.

Наступившая тишина казалась нескончаемой. Лорд Валентин стоял не шелохнувшись: его можно было принять за статую, если бы не подрагивание ресниц и подергивание щеки. Хиссун напряженно ждал, не смея заговорить. Уже сейчас, когда все было сказано, он поражался тому отчаянному безрассудству, с каким

осмелился предъявить короналю ультиматум. Но что сделано, то сделано. Слова обратно уже не взять. Если лорд Валентин в гневе лишит его всех званий и отправит обратно в Лабиринт попрошайничать на улицах, пусть будет так: что сделано, того не воротишь.

Корональ засмеялся. Этот смех возник где-то глубоко и, как гейзер, поднимался через грудь к губам: громоподобный, раскатистый смех, подходящий больше великанше Лизамон Халтин или Залзану Каволу, а никак не учтивому лорду Валентину. Корональ смеялся и смеялся, и Хиссун даже начал побаиваться, уж не лишился ли он рассудка, когда смех утих резко и внезапно и ничто не напоминало о необузданном веселье Валентина, кроме загадочной улыбки.

— Отлично задумано! — воскликнул он.— Ах, до чего отлично задумано, Хиссун!

— Мой лорд?

— Скажи-ка мне, кто должен стать новым короналем?

— Мой лорд, вы должны понять, что это лишь предложения... ради улучшения работы правительства во время кризиса...

— Да, конечно. Но спрашиваю еще раз: кого предлагается выдвинуть на мое место ради улучшения работы правительства?

— Мой лорд, выбор преемника всегда остается за бывшим короналем.

— Да, конечно. Но кандидаты в коронали — их разве не предложили высокие советники и принцы? Наиболее вероятным преемником был Элидат, но вы знаете, конечно, что Элидат погиб. Итак, Хиссун, кто же тогда?

— Обсуждалось несколько имен,— тихо заговорил Хиссун, отводя взгляд.— Но если вам неприятно слушать, мой лорд...

— Итак, несколько имен. Кто именно?

— Во-первых, лорд Стазилейн. Но он тут же заявил, что не желает быть короналем. Во-вторых, лорд Диввис...

— Диввис ни в коем случае не должен стать короналем! — резко перебил его лорд Валентин, мельком взглянув на Хозяйку Острова Сна.— Он обладает всеми недостатками моего брата Вориакса, но не имеет ни одного из его достоинств, кроме, пожалуй, доблести и определенной напористости. Но этого недостаточно.

— Было названо еще одно имя, мой лорд.

— Твое?

— Да, мой лорд,— сдавленным шепотом подтвердил Хиссун.— Мое.

Лорд Валентин улыбнулся.

— И ты бы не отказался?

— Нет, мой лорд, если бы мне предложили, не отказался бы.

Корональ буквально буравил Хиссуна взглядом, но тот не дрогнул.

— Ну что ж, тогда не остается никаких сложностей, верно? Моя матушка выступила заодно с регентским советом. Старик Тиеверас наверняка не станет возражать.

— Валентин...— сказала Повелительница, нахмурившись.

— Не волнуйся, матушка, все хорошо. Я понимаю, чему быть, того не миновать. Я больше не имею права колебаться, верно? Поэтому я смиряюсь со своей судьбой. Мы сообщим Хорнкэсту, что следует наконец позволить Тиеверасу пройти по мосту Прощания. А ты, матушка, теперь можешь сложить с себя свое бремя — я знаю, что ты желаешь этого,— и наслаждаться спокойной жизнью бывшей Хозяйки Острова Сна. А ваша миссия, Эльсинома, и твоя, Хиссун, только начинается. Вот видите, все разрешилось, причем именно так, как я и предполагал, только не ожидал, что это произойдет так скоро.— Хиссун, изумленно и растерянно наблюдавший за короналем, увидел, как меняется выражение его лица: исчезли суровость, не свойственная ему жестокость, а в глазах вновь появились покой, теплота и мягкость, прошлого Валентина, а вместо странной и полубезумной, жесткой и неопределенной усмешки на его губах заиграла привычная улыбка — добрая, нежная, любящая.— Дело сделано,— тихо сказал Валентин. Он поднял руки, вытянул их в жесте Горящей Звезды и воскликнул: — Короналю — многая лета! Да здравствует лорд Хиссун!

Глава 7

Войдя в зал совещаний, Хорнкэст застал здесь уже трех министров понтифексата из пяти. В центре, как обычно, восседал гэйрог Шинаам, министр внешних сношений. Его раздвоенный язык беспокойно трепыхался, будто он предполагал, что смертный приговор будет вынесен ему, а не тому древнему созданию,

которому он так долго служил. Рядом с ним пустовало место врача Сепултроува. Правее, вцепившись в подлокотники троноподобного кресла, обмяк маленький, сморщенный, парализованный Дилифон, глаза которого, однако, горели огнем, которого Хорнкэст не видел в них уже много лет. С другой стороны сидела толковательница снов Наррамир, за нелепой, чувственной, колдовской красотой, прикрывавшей столетнее тело, угадывались болезненность и темный страх. Интересно, подумал Хорнкэст, как долго уже каждый из них троих ждет этого дня? И что они решили для себя по этому случаю?

— Где Сепултроув? — резко спросил Хорнкэст.

— У понтифекса,— ответил Дилифон.— Его вызвали час назад. Нам сообщили, что понтифекс снова заговорил.

— Странно, что меня не поставили в известность,— заметил Хорнкэст.

— Мы знали, что вы заняты,— пояснил Шинаам,— и решили, что лучше не мешать.

— Итак, этот день наступил? — спросила Наррамир, напряженно подавшись вперед. Она непрестанно запускала пальцы в свои густые, блестящие волосы.

— Да, наступил,— кивнул Хорнкэст.

— Трудно поверить,— сказал Дилифон.— Этот фарс тянулся так долго, что, казалось, ему нет конца!

— Сегодня свершится развязка,— сказал Хорнкэст.— Вот указ. По правде говоря, сформулировано очень изящно.

Со скрипучим смешком Шинаам сказал:

— Хотелось бы знать, в каких именно словах правящий понтифекс приговаривается к смерти. Думаю, этот документ будут тщательно изучать грядущие поколения.

— В указе никто не приговаривается к смерти,— возразил Хорнкэст.— В нем не содержится никаких распоряжений. Это всего лишь изъявление скорби лорда Валентина по поводу смерти его и нашего общего отца великого понтифекса Тиевераса.

— А он хитрее, чем я думал! — удивился Дилифон.— Выходит сухим из воды!

— Так всегда и бывает,— заметила Наррамир.— А скажите, Хорнкэст, кто станет новым короналем?

— Избран Хиссун, сын Эльсиномы.

— Тот молодой принц из Лабиринта?

— Он самый.

— Изумительно. А кто тогда станет новой Хозяйкой Острова Сна?

— Эльсинома,— ответил Хорнкэст.

— Да это революция! — воскликнул Шинаам.— Валентин единым махом перевернул Замковую гору! Кто бы мог подумать? Лорд Хиссун! Неужели такое возможно? И как же это восприняли принцы Горы?

— Я думаю, у них нет другого выбора,— сказал Хорнкэст.— Но пусть нас не волнуют принцы Горы. Сегодня, в последний день наших полномочий, мы должны выполнить наш долг.

— И хвала Божеству, что это так,— откинулся Дилифон. Гэйрог взглянул на него.

— Вы говорите только за себя!

— Возможно. Но я говорю и за понтифекса Тиевераса.

— Который сегодня, кажется, заговорил, да? — спросил Хорнкэст. Он посмотрел на бумагу, которую держал в руке.— Возникло несколько курьезных проблем, на которые я хотел бы обратить ваше внимание. Мои служащие, например, пока еще не смогли отыскать хоть какое-нибудь описание положенных в таком случае процедур, в соответствии с которыми объявляется о смерти понтифекса и вступлении в должность нового; ведь в последний раз подобное событие произошло очень давно.

— Скорее всего, никто из живущих не обладает опытом в такого рода делах,— сказал Дилифон.— Кроме разве что самого понтифекса Тиевераса.

— Сомневаюсь, что он может оказаться нам полезным,— заметил Хорнкэст.— Мы перерываем архивы в поисках подробностей объявления смерти Оссиера и провозглашения Тиевераса, но если ничего не найдем, тогда придется самим разрабатывать церемониал.

Наррамир, сидевшая с закрытыми глазами, сказала тихим, отсутствующим голосом:

— Вы забыли. Есть еще один человек, который присутствовал при провозглашении Тиевераса.

Хорнкэст изумленно посмотрел на нее. Все знали, что она стара, но никто не знал насколько. Известно было лишь то, что она служила толковательницей снов при понтифексе с незапамятных времен. Но если она помнит Тиевераса короналем, то тогда она даже старше, чем он себе представлял; он почувство-

вал, как по его спине прошел озноб. Надо же, а он-то полагал, что давно вышел из возраста, в котором что-то может еще удивить.

— Значит, вы помните?

— Смутновато. Поначалу объявили во дворе Колонн, потом — во дворе Шаров, затем — на площади Масок, а после — в зале Ветров и во дворе Пирамид. Затем о смерти Оссиера в последний раз объявили возле врат Лезвий. А новый понтифекс по прибытии в Лабиринт должен войти во врата Лезвий и пешком пройти по уровням. Это я помню: Тиеверас решительно проложил себе путь через огромные толпы, выкрикивавшие его имя, пошел так быстро, что никто не мог за ним угнаться, и не останавливался, пока не пересек весь Лабиринт до самого нижнего уровня. Хотела бы я знать, способен ли понтифекс Валентин выказать подобную прыть?

— Есть еще одно забавное обстоятельство,— сказал Хорнкэст.— Понтифекс Валентин не собирается незамедлительно занять свою резиденцию в Лабиринте.

— Что? — вырвалось у Дилифона.

— В настоящее время он находится на Острове с бывшей Хозяйкой Острова Сна, новым короналем и новой Хозяйкой Острова Сна. Понтифекс сообщил мне, что его следующим шагом будет поездка на Зимроэль для приведения к покорности мятежных провинций. Он предполагает, что процесс будет длительным, и требует отложить все торжества по случаю его вступления в должность.

— На какое время? — спросил Шинаам.

— На неопределенное,— ответил Хорнкэст.— Кто знает, сколько продлится кризис? А все это время он будет оставаться в верхнем мире.

— В таком случае,— заметила Наррамир,— можно ожидать, что кризис будет продолжаться, пока жив Валентин.

Взглянув на нее, Хорнкэст улыбнулся.

— Вы хорошо его понимаете. Он терпеть не может Лабиринт и, думаю, будет использовать любой предлог, чтобы не переселяться сюда.

Дилифон медленно покачал головой.

— Но разве это возможно? Понтифекс должен жить в Лабиринте! Таков обычай! Ни разу за десять тысяч лет понтифекс не жил в верхнем мире!

— Но и Валентин еще никогда не был понтифексом,— сказал Хорнкэст.— Думаю, что за время его правления произойдет немало перемен, если мир переживет войну, развязанную метаморфами. Но хочу вам сказать, что для меня не так уж и важно, живет ли он в Лабиринте, на Сувраэле или на Замковой горе. Мое время закончилось, как и ваше, любезный Дилифон, и ваше, Шинаам, и даже, возможно, ваше, миледи Наррамир. Вероятные преобразования меня интересуют очень мало.

— Он должен поселиться здесь! — повторил Дилифон.— Как может корональ осуществлять свои полномочия, если понтифекс тоже является обитателем верхнего мира?

— Возможно, в том и состоит идея Валентина,— предположил Шинаам.— Он становится понтифексом, так как больше не может уклоняться, но, оставаясь наверху, продолжает активно играть роль короналя и, таким образом, ставит своего лорда Хиссуна в подчиненное положение. Клянусь Повелительницей, никогда не думал, что у него столь изощренный ум!

— Я тоже,— согласился Дилифон.

Хорнкэст пожал плечами.

— Мы ничего не знаем о его намерениях, кроме того, что, пока продолжается война, он сюда не войдет. А его двор последует за ним; в момент передачи полномочий преемнику мы освобождаемся от наших постов.— Он медленно обвел взглядом присутствующих.— Напоминаю, что мы говорим о Валентине как о понтифексе, хотя передача полномочий еще не осуществилась. Это и будет нашей последней обязанностью.

— Нашей? — переспросил Шинаам.

— Хотите увильнуть? — поинтересовался Хорнкэст.— Тогда ступайте: идите, ложитесь в свою постель, почтенный старец, а мы справимся и без вас. Ведь мы должны прямо сейчас пойти в тронный зал и исполнить свой долг. А вы, Дилифон? Вы, Наррамир?

— Я пойду с вами,— угрюмо процедил Шинаам.

Хорнкэст шел во главе медленно передвигающейся процессии живых древностей. По дороге пришлось несколько раз останавливаться, пока Дилифон переводил дух, повиснув на руках двух дюжин прислужников. Но вот они дошли до огромной двери, ведущей в имперские палаты, Хорнкэст в очередной раз сунул руку в опознавательное отверстие и прикоснулся к запирающе-

му устройству. Он знал, что больше ему этого делать не придется.

Рядом с шаром сложнейшей системы жизнеобеспечения, внутри которого помещался понтифекс, стоял Сепултроув.

— Очень странно,— сказал врач.— Он вновь заговорил после столь долгого молчания. Послушайте: вот, опять.

Из сферы голубого стекла донеслись свистящие, булькающие звуки, а потом, как уже бывало однажды, отчетливо послышались слова:

— Поднимайся. Иди.

— Те же слова,— сказал Сепултроув.

— Жизнь! Боль! Смерть!

— Думаю, он знает,— сказал Хорнкэст.— Думаю, он должен знать.

Сепултроув нахмурился.

— Что знает?

Хорнкэст показал указ.

— Здесь содержатся изъявления скорби Валентина по случаю кончины великого императора Маджипура.

— Понятно,— промолвил врач, и его ястребиное лицо потемнело от прихлынувшей крови.— Итак, в конце концов это должно произойти.

— Совершенно верно.

— Сейчас? — спросил Сепултроув. Его рука дрожала.

Он держал ее над пультом управления.

Понтифекс разразился последним потоком слов:

— *Жизнь. Величество. Смерть. Валентин — понтифекс Маджипура!*

— Сейчас,— подтвердил Хорнкэст.

Глава 8

Из-за бесконечных морских путешествий Валентину начинало казаться, что в одной из своих прошлых жизней он был легендарным мореплавателем древности капитаном Синнабором Лавоном, который первым отправился в плавание через Великий океан, но повернул назад через пять лет пути и был, наверное, обречен за то на повторное рождение и безостановочные скитания от земли к земле. И теперь Валентин плыл с Острова на Зимроэль. Но сейчас он не ощущал усталости и не испытывал желания оставить теперешнюю бродячую жизнь. В некотором роде, хотя как-то чудно и нежданно, он все еще продолжал великую процессию.

Подгоняемый попутными восточными ветрами флот приближался к Пилиплоку. На сей раз в море не встречались драконы, которые могли бы угрожать плаванию или замедлить его, и потому суда быстро преодолели это расстояние.

На мачтах, вытянувшись в сторону Зимроэля, развевались флаги, уже не золотисто-зеленые, поскольку отныне под флагами такой расцветки плавал Хиссун. Корабли Валентина несли красно-черные флаги понтифекса с эмблемой Лабиринта.

Он еще не привык ни к новым цветам, ни к эмблеме, ни к другим переменам. Теперь, подходя к нему, никто больше не делал знак Горящей Звезды. Ну и пусть: он все равно всегда считал такие приветствия глупостью. Теперь к нему уже не обращались «мой лорд», поскольку понтифекса следовало именовать «вашим величеством». Особой разницы для Валентина не было, если не считать того, что его ухо привыкло к часто повторяемому «мой лорд» как к знаку препинания или как к способу разметки ритма фразы, и ему казалось странноватым, что он больше не слышит подобного к себе обращения. Труднее всего оказалось приучить людей вообще разговаривать с ним, так как все знали обычай древних времен, когда все речи обращались к главному представителю, а не к самому понтифексу, даже если понтифекс находился рядом и прекрасно все слышал. И при ответе понтифексу приходилось идти окольными путями, адресуя свои слова представителю. То была первая традиция понтифексата, отмененная Валентином, но остальные с трудом привыкали к перемене. Он назначил своим главным спикером Слита, что казалось вполне закономерным, но запретил ему заниматься лицедейством и изображать из себя уши понтифекса.

Поэтому ни у кого в голове не укладывалось, что на борту находится понтифекс, доступный всем ветрам и яркому, теплому солнечному свету. Ведь понтифекс — император, окутанный таинственностью. Понтифекс скрыт от глаз людских. Понтифекс, как всем известно, должен находиться в Лабиринте.

Не пойду, подумал Валентин. Я передал свою корону, и теперь кто-то другой имеет право на титул «лорд» перед именем,

а Замок теперь будет Замком лорда Хиссуна, если он сможет туда вернуться. Но я не собираюсь хоронить себя в подземелье.

На палубу вышла Карабелла:

— Эйзенхарт просил передать, мой лорд, что мы подойдем к Пилиплоку через двенадцать часов, если ветер не переменится.

— Никакого «мой лорд»,— заявил Валентин.

Она усмехнулась.

— Никак не запомню, ваше величество.

— Я тоже. Но кое-что изменилось.

— А хоть бы и так. Мне что, нельзя называть тебя «моим лордом», даже когда мы вдвоем? Ты для меня так и остался моим лордом.

— Да ну? А что, если я прикажу тебе вместо слуги налить мне вина и принести башмаки?

— Ты же понимаешь, Валентин, что я имею в виду другое.

— Тогда называй меня Валентином, а не «моим лордом». Я был твоим королем, а теперь я твой император, но я никогда не был твоим хозяином. Я надеялся, что в этом мы достигли взаимопонимания.

— Пожалуй, достигли... ваше величество.

Она рассмеялась, и он рассмеялся вслед за ней, а потом обнял и прижал к себе.

— Я часто говорил тебе, что чувствую некоторое сожаление, даже вину, за то, что вырвал тебя из свободной жонглерской жизни и заменил ее тяжкими обязанностями Замковой горы. А ты мне часто отвечала: «Нет-нет, какая чепуха, жалеть не о чем, я сама, по своей воле, пришла к тебе».

— Я не кривила душой, мой лорд.

— Но теперь я — понтифекс... клянусь Повелительницей, я произношу эти слова, а они звучат так, будто я разговариваю на другом языке! Я понтифекс, я в самом деле понтифекс, и снова чувствую, будто опять должен лишить тебя радостей жизни.

— Почему, Валентин? Разве понтифекс должен отказаться от жены? Что-то я не слышала про такой обычай!

— Понтифекс должен жить в Лабиринте, Карабелла.

— Опять ты о том же!

— Да, я все время о том думаю. Если я буду жить в Лабиринте и тебе придется там жить, как я могу просить тебя об этом?

— А ты меня просишь?

— Ты же знаешь, что я не хочу расставаться с тобой.

— И я с тобой, мой лорд. Но мы пока не в Лабиринте, и мне кажется, что ты туда не собираешься.

— А что, если придется, Карабелла?

— Кто посмеет сказать «придется» понтифексу?

Он покачал головой.

— А что, если мне придется? Ты прекрасно знаешь, как я не люблю Лабиринт. Но если меня обяжут, в государственных интересах, если я столкнусь с абсолютной необходимостью такого поступка — а я молю Божество, чтобы подобного не произошло,— но если и впрямь наступит время, когда логика государственных интересов вынудит меня спуститься в эти пещеры...

— Тогда я отправлюсь с вами, мой лорд.

— И оставишь ласковый ветер, яркие солнечные дни, море, леса и горы?

— Но ты ведь наверняка найдешь предлог, чтобы время от времени выходить на поверхность, даже если сочтешь необходимым там поселиться.

— А если нет?

— Вас занимают заботы далекого будущего, мой лорд. Мир в опасности; тебе предстоит свершить великие дела, и никто не будет загонять тебя в Лабиринт, пока ты их не свершишь; потом у нас будет время думать, где нам жить и как. Разве не так, мой лорд?

Валентин кивнул.

— Да, действительно. Я сам преумножаю свои печали самым глупым образом.

— Но я тебе вот что скажу, и давай больше не будем к этому возвращаться: если ты найдешь какой-нибудь достойный способ навсегда избежать Лабиринта, я только порадуюсь, но если ты должен будешь туда спуститься, я отправлюсь с тобой и никогда не передумаю. Неужели ты считаешь, что, когда корональ брал меня в жены, я не понимала, что в один прекрасный день лорд Валентин станет понтифексом Валентином? Раз я приняла тебя, значит, приняла и Лабиринт, так же, как и вы, мой лорд, приняли Лабиринт, приняв корону, которую носил ваш брат. Так что давайте больше не будем, мой лорд.

— Ваше величество,— поправил Валентин. Он опять обнял ее за плечи и легонько поцеловал в губы.— Я обещаю тебе никог-

да больше не ворчать по поводу Лабиринта, а ты обещай называть меня настоящим титулом.

— Да, ваше величество. Да, ваше величество. Да, ваше величество!

И она, широко размахивая руками, изобразила чудной приветственный жест, карикатуру на эмблему Лабиринта.

Через некоторое время Карабелла спустилась вниз. Валентин остался на палубе и стал обозревать горизонт в подзорную трубу.

Он пытался представить, какой прием ожидает его в свободной республике Пилиплок.

Едва ли можно назвать кого-нибудь, кто не пытался отговорить его от этой поездки. Слит, Тунигорн, Карабелла, Хиссун — все они в один голос напоминали ему о риске, о неопределенности. Обезумевший Пилиплок способен на все — даже захватить его и держать заложником в качестве гарантии своей независимости. «Тот, кто вступает в Пилоплок,— сказала Карабелла, точно так же, как и шесть месяцев назад в Пиурифэйне,— должен войти туда во главе армии, а у вас нет армии, мой лорд!»

Хиссун приводил похожие доводы. «На Замковой горе было решено,— говорил он,— что, когда будут организованы новые армии, войска на Пилиплок поведет корональ, а понтифекс будет осуществлять общее стратегическое руководство на безопасном удалении».

— Войска против Пилиплока не требуется,— заявил Валентин.

— Простите, ваше величество?

— Во время войны за реставрацию я приобрел значительный опыт в умиротворении мятежников без кровопролития. Если в Пилиплок отправишься ты — новый корональ, неопытный и никому неизвестный, с солдатами,— это наверняка побудит их к сопротивлению. Ну а если появится сам понтифекс — кто сможет припомнить, чтобы понтифекс являлся в Пилиплок? — они будут потрясены, присмиреют и не посмеют поднять руку на него, даже если он прибудет туда в одиночку.

Хиссун и продолжал спорить, но Валентину в итоге удалось его переубедить. Другого способа не было. Валентин понимал: только что вступив в должность понтифекса и передав светскую власть короналя молодому человеку, он не должен был полностью устраняться от дел, как можно было бы ожидать. Валентин начинал осознавать, что от власти так просто не отказываются даже те, кто не слишком к ней стремился.

Но дело вовсе не в соперничестве за власть: суть проблемы состояла в том, чтобы предотвратить кровопролитие там, где в нем не было нужды. Хиссун откровенно не верил в возможность мирного возвращения Пилиплока; Валентин же рвался доказать, что такое вполне выполнимо. Назовем это частью обучения нового короналя искусству управления, подумал Валентин. А если не получится... что ж, тогда урок будет мне.

Утром, когда над темным устьем огромной реки Зимр показался Пилиплок, Валентин приказал построить флот двумя крыльями, расположив флагманский корабль «Леди Тиин» по центру. А сам, облаченный в пышные одежды понтифекса алых и красных цветов, приготовленные перед отплытием с Острова, расположился в носовой части судна, чтобы жители Пилиплока могли ясно видеть его при подходе королевского флота.

— Опять они высылают нам навстречу суда охотников на драконов,— заметил Слит.

Да. Так же как и в прошлый раз, когда Валентин посещал Пилиплок в качестве короналя в начале великой процессии по Зимроэлю, навстречу ему вышла флотилия из драконобойных судов. Но в тот раз на их флагштоках трепыхались яркие зеленозолотые флаги короналя и его приветствовали веселыми звуками фанфар и барабанов. Теперь же Валентин увидел совсем другой флаг — желтый с пересекающей его малиновой полосой, такой же мрачный и зловещий, как и сами суда с остроконечными хвостами. То наверняка был флаг свободной республики, которой считал себя Пилиплок; да и флотилия выслана навстречу не для дружеских приветствий.

Великий адмирал Эйзенхарт тревожно оглянулся на Валентина. Показав на рупор, который держал в руке, он спросил:

— Следует ли мне призвать их подчиниться и сопроводить нас в порт, ваше величество? — Но понтифекс лишь улыбнулся и жестом призвал его к спокойствию.

От флотилии отделился самый могучий корабль, громадина с устрашающей клыкастой фигурой на носу и причудливыми трехконечными мачтами. Он приблизился к «Леди Тиин». Валентин узнал корабль Гуидраг, старейшины капитанов: а вот и она сама на палубе, могучая женщина-скандар, кричащая в рупор:

— Именем свободной республики Пилиплок — ложитесь в дрейф и представьтесь!

— Дайте рупор,— попросил Валентин Эйзенхарта.

Поднеся рупор к губам, он объявил:

— Это «Леди Тиин», а я — Валентин. Поднимайтесь на борт, Гуидраг. Нам нужно поговорить.

— Не могу, мой лорд.

— Я сказал не «лорд Валентин», а просто «Валентин»,— ответил он.— Вам понятен смысл? Что ж, раз вы не идете ко мне, тогда я навещу вас! Готовьтесь принять меня на борт.

— Ваше величество! — в страхе воскликнул Слит.

Валентин обратился к Эйзенхарту:

— Приготовьте для нас шлюпку. Слит, поскольку вы — главный спикер, будете меня сопровождать. И вы, Делиамбер.

Карабелла торопливо вмешалась в разговор:

— Мой лорд, умоляю...

— Если они собираются нас захватить,— перебил он,— то сделают это независимо от того, на своем я корабле или у них. У них по двадцать кораблей на каждый из наших, причем отлично вооруженных. Слит, Делиамбер.

— Ваше величество,— непреклонным голосом заговорила Лизамон Халтин,— вы никуда не пойдете без меня!

Валентин улыбнулся.

— Хорошенькое дело! Ты приказываешь понтифексу! Я восхищен твоим порывом, но на этот раз — никаких телохранителей, никакого оружия, никакой защиты, кроме моих одежд. Шлюпка готова, Эйзенхарт?

Оснащенная шлюпка свисала с фок-мачты. Валентин забрался в нее и жестом пригласил мрачного и унылого Слита и врууна. Он обвел взглядом всех остальных собравшихся на палубе — Карабеллу, Тунигорна, Эйзенхарта, Залзана Кавола, Лизамон, Шанамира,— все они смотрели на него с таким видом, будто он лишился остатков разума.

— Пора бы узнать меня получше,— тихо сказал он и распорядился спускать шлюпку.

Шлюпка понеслась над водой, слегка касаясь верхушек волн, и вскоре подошла к борту драконобоя, с которого сбросили причальный крюк. Мгновение спустя Валентин уже ступил на палубу чужого корабля, покрытую несмываемыми пятнами крови морских драконов. Перед ним возвышались не менее дюжины скандаров, самый маленький из которых был в полтора раза

выше Валентина. Их возглавляла старуха Гуидраг, зубов у которой стало еще меньше, а тусклая густая шерсть выцвела еще больше. В ее глазах читались сила и властность, но Валентин заметил в ней и некоторую неуверенность.

— Что случилось, Гуидраг? Почему вы так неласково меня встречаете?

— Мой лорд, я не знала, что это вы возвращаетесь.

— Тем не менее я, кажется, вернулся. Так что, я недостоин несколько более теплого приема?

— Мой лорд... здесь многое изменилось,— с запинкой проговорила она.

— Изменилось? Теперь у вас свободная республика? — Он оглядел палубу, перевел взгляд на выстроившиеся вокруг драконобойные суда.— А что такое свободная республика, Гуидраг? По-моему, мне еще не приходилось сталкиваться с таким понятием. Я вас спрашиваю: что это означает?

— Я — лишь капитан драконобоя, мой лорд. А политические вопросы... не мне о них говорить...

— В таком случае прошу прощения. Но хоть на один-то вопрос вы мне ответите: зачем вы вышли навстречу моему флоту, если не для того, чтобы поприветствовать и сопроводить в порт?

— Меня послали, чтобы приветствовать вас и заставить повернуть назад,— ответила Гуидраг.— Хотя повторяю, что мы не имели ни малейшего представления, что это вы, мой лорд... мы знали лишь то, что это флот имперских кораблей...

— А разве Пилиплок больше не принимает имперские корабли?

Наступило долгое молчание.

— Нет, мой лорд,— неуверенно проговорила Гуидраг.— Не в том дело, мой лорд. Мы — как это сказать — вышли из империи, мой лорд. Вот что такое свободная республика. Это территория, которая сама собой управляет, а не подчиняется кому-то извне.

Валентин слегка приподнял брови.

— Ах, вот оно что! И отчего же так случилось? Власть имперского правительства оказалась слишком обременительной, так вы считаете?

— Вы смеетесь надо мной, мой лорд. Это вещи выше моего понимания. Я только знаю, что перемены произошли из-за пере-

живаемых нами тяжких времен, и Пилиплок решил теперь сам определять свою судьбу.

— Потому что в Пилиплоке пока есть продовольствие, а в других городах нет, а кормить голодных — слишком обременительная обязанность для Пилиплока? Не так ли, Гуидраг?

— Мой лорд...

— И прекратите называть меня «моим лордом»,— прервал ее Валентин.— Теперь вам следует называть меня «ваше величество».

Скандарша, вид которой стал еще более растерянным, спросила:

— А вы разве уже не корональ, мой лорд... ваше величество?..

— Перемены произошли не только в Пилиплоке,— ответил он.— Я вам это покажу, Гуидраг. А затем я вернусь на свой корабль, вы сопроводите нас в гавань, и я поговорю с заправилами этой самой свободной республики, чтобы они мне кое-что объяснили поподробней. Договорились? Теперь позвольте мне показать, кто я такой.

И он взялся одной рукой за руку Слита, другой — за щупальце Делиамбера и легко и плавно погрузился в полудремотное состояние, в транс, позволявший осуществлять мысленные контакты, как если бы он рассылал послания. И из его разума к Гуидраг пошел такой поток жизненной силы и энергии, что воздушное пространство между ними начало светиться, поскольку сейчас он отдавал не только энергию, накопившуюся в нем за все время испытаний и сумятицы, но и ту, которую брал у Слита и врууна, у своих товарищей на борту «Леди Тиин», у лорда Хиссуна и его матери — Хозяйки Острова Сна, у своей матери — бывшей Хозяйки Острова Сна, у всех тех, кто любил Маджипур, каким он был, и хотел, чтобы он по-прежнему оставался процветающей планетой. Он послал сигнал Гуидраг, затем — стоявшим возле нее скандарам-драконобоям, следом — экипажам других судов, послал через воды импульс гражданам свободной республики Пилиплок. Послание было совсем простым: он пришел к ним простить их заблуждения и получить от них подтверждение их верности великому содружеству, каковым являлся Маджипур. Еще он заявил, что Маджипур неделим и что сильный должен помогать слабому, иначе погибнут все, поскольку мир стоит на пороге гибели, и только единым могучим усилием можно его

спасти. И в заключение он сказал им, что приближается окончание хаоса, так как понтифекс, корональ, Хозяйка Острова и Король Снов объединили усилия, чтобы восстановить порядок вещей, и все опять станет единым, если только они не потеряют веру в высшую справедливость Божества, от имени которого он, Валентин, осуществляет теперь власть верховного монарха.

Он открыл глаза. Он увидел, как Гуидраг в полубессознательном состоянии, медленно, покачиваясь, опускается на колени, а остальные скандары рядом с ней делают то же самое. Потом она резким движением закрыла руками глаза, как от нестерпимого света, и пробормотала сдавленным, благоговейным голосом:

— Мой лорд... ваше величество... ваше величество...

— Валентин! — крикнул кто-то на палубе.— Понтифекс Валентин! — Между моряками прокатился крик: — Понтифекс Валентин! Понтифекс Валентин! — и пошел гулять с корабля на корабль, через водную гладь, докатившись даже до укреплений отдаленного Пилиплока.

— Валентин! Понтифекс Валентин! Понтифекс Валентин!

ЧАСТЬ 5

КНИГА ВОССОЕДИНЕНИЯ

Глава 1

Королевскому экспедиционному отряду оставалось еще несколько часов пути вверх по реке до Ни-мойи. Лорд Хиссун вызвал Альсимира:

— Узнай, существует ли еще большой дом, который называется «Ниссиморнский окоем». Если да, то я хочу разместить там свой штаб на время пребывания в Ни-мойе.

Хиссун помнил этот дом — он помнил всю Ни-мойю целиком с ее белыми башнями и сверкающими аркадами — настолько живо, словно провел там полжизни. Но до этой поездки он ни разу не ступал на землю Зимроэля. Он видел Ни-мойю глазами другого человека. Сейчас он мысленно возвращался во времена отрочества, когда тайно изучал воспоминания других людей, хранившиеся в Регистре памяти душ в недрах Лабиринта. Как же ее звали, ту маленькую лавочницу из Велатиса, которая вышла замуж за брата герцога и унаследовала Ниссиморнский окоем? Иньянна, вспомнил он, Иньянна Форлана, воровка на Большом базаре, жизнь которой переменилась вдруг столь удивительным образом.

Все это произошло в конце правления лорда Малибора, лет двадцать — двадцать пять тому назад. Вполне вероятно, что она еще жива, подумал Хиссун. И по-прежнему живет в своем восхитительном особняке с видом на реку. А я приду к ней и скажу: «Я знаю тебя, Иньянна Форлана. Я понимаю тебя как самого себя. Мы с тобой одного поля ягоды: баловни судьбы. И мы знаем, что истинные фавориты судьбы — те, кто знает, как наилучшим образом распорядиться своей удачей».

Ниссиморнский окоем находился на своем месте, красиво поднимаясь над портом на скалистом мысу; его легкие балконы и портики будто плыли в колеблющемся воздухе. Но Иньянна Форлана здесь больше не жила. Огромный дом был заселен кучей бродяг, набившихся по пять-шесть человек в каждую комнату. Они выцарапывали свои имена на стеклянной стене зала Окон, раскладывали дымные костры на верандах, выходящих в сад, и оставляли следы грязных пальцев на ослепительно белых стенах. Большинство из них исчезло как утренний туман, как только в ворота вошел отряд короналя; но некоторые остались, тупо разглядывая Хиссуна, будто он был пришельцем из какого-то другого мира.

— Прикажете очистить дом от этого сброда, мой лорд? — спросил Стимион.

Хиссун кивнул.

— Но сначала дайте им немного еды и чего-нибудь выпить и скажите, что корональ сожалеет по поводу того, что вынужден поселиться здесь. И спросите, известно ли им что-нибудь о леди Иньянне, которой когда-то принадлежал этот дом.

Он угрюмо переходил из комнаты в комнату, сравнивая увиденное с той светлой картиной этого места, оставшейся перед его мысленным взором после знакомства с записью памяти Иньянны Форланы. От произошедшей перемены щемило сердце. В доме не осталось ни единого уголка, не испорченного, не испачканного, не изгаженного тем или иным способом. Потребовалась бы армия ремесленников и годы работы, чтобы восстановить все в прежнем виде, подумал Хиссун.

Доля, выпавшая на Ниссиморнский окоем, не миновала и всю Ни-мойю. Хиссун уныло бродил по залу Окон, откуда открывалась панорама города, и тоскливо взирал на следы ужасных разрушений. Когда-то это был самый зажиточный и блистательный город Зимроэля, ничем не уступавший любому городу Замковой горы.

Белые башни, в которых проживало тридцать миллионов жителей, теперь почернели от дыма страшных пожаров. Герцогский дворец представлял собой какой-то полуразрушенный пенек на великолепном пьедестале. Паутинная галерея, протянувшийся на милю навес из ткани, где располагались лучшие в городе

магазины, с одной стороны была сорвана с креплений и прикрывала улицу, как сброшенный плащ. Стеклянные купола Музея Миров были разбиты, и Хиссуну не хотелось даже думать, что случилось с находившимися внутри сокровищами. Вращающиеся отражатели Хрустального бульвара оставались темными. Он посмотрел на гавань и увидел, во что превратились плавучие рестораны, где когда-то можно было изысканно отобедать и полакомиться редчайшими деликатесами Нарабаля, Сти, Пидруида и других далеких городов: они были перевернуты и плавали по воде вверх дном.

Он почувствовал себя обманутым. Столько лет мечтать о Ни-мойе и наконец оказаться в ней, чтобы застать подобное зрелище. Возможно, былую красоту уже не восстановить...

Как это произошло? Почему охваченные голодом, паникой и безумием жители Ни-мойи направили свою ярость против родного города? Неужели во всей центральной части Зимроэля люди так же, в едином бессмысленном порыве, разрушили до основания всю красоту, созданную в течение многих тысячелетий? Мы дорого заплатили, сказал себе Хиссун, за века тупого самодовольства.

Пришел Стимион и сообщил то, что ему удалось узнать от одного из бродяг: леди Иньянна уже больше года как покинула Ни-мойю после того, как один из лжекороналей захватил этот дом себе под дворец. Куда она подалась, жива ли она вообще — никто не знает. Герцог Ни-мойи со всем семейством, а также большая часть знати бежали еще раньше.

— А лжекорональ? — спросил Хиссун.

— Тоже исчез, мой лорд. Все они, поскольку он был не один. Их оказалось в конце концов десять или двенадцать, и все они грызлись между собой. Все разбежались, как напуганные билантоны, когда месяц назад понтифекс Валентин добрался до города. Сегодня, мой лорд, в Ни-мойе лишь один корональ, и его имя Хиссун.

Хиссун слегка улыбнулся.

— Тогда это моя великая процессия, не так ли? А где же музыканты, где парады? Почему кругом мерзость и запустение? Не думал я, Стимион, что таким будет мое первое посещение Ни-мойи.

— Вы еще вернетесь сюда в лучшие времена, мой лорд, и все будет как прежде.

— Ты так думаешь? Ты действительно так думаешь? Ах, дружище, молюсь, чтобы ты оказался прав!

Появился Альсимир.

— Мой лорд, мэр города передает изъявления совершеннейшего почтения и просит дозволения нанести вам визит сегодня днем.

— Передай ему, чтобы приходил вечером. У нас есть дела поважнее встреч с местными мэрами.

— Передам, мой лорд. Я думаю, что мэр несколько встревожен количеством войск, которые вы собираетесь расквартировать здесь. Он говорил что-то о трудностях с поставками продовольствия и о некоторых проблемах, связанных с санитарным обеспечением...

— Он поставит провизию в требуемых количествах, Альсимир, иначе мы поставим более разворотливого мэра. Это ты ему тоже передай. Можешь добавить, что вскоре здесь появится лорд Диввис примерно с таким же, если не большим, войском, а за ним последует и лорд Тунигорн, так что он может рассматривать свои теперешние хлопоты лишь в качестве репетиции перед началом настоящей работы. А еще скажи ему, что вскоре потребности Ни-мойи в продовольствии снизятся, поскольку, когда буду уходить отсюда, я возьму с собой несколько миллионов местных жителей в качестве оккупационной армии для Пиурифэйна, и спроси его, каким образом он посоветовал бы отбирать добровольцев. А если, Альсимир, он заартачится, то объясни ему, что мы здесь не для того, чтобы причинять лишние хлопоты, а для спасения провинции от хаоса, хотя предпочли бы проводить время в развлечениях на Замковой горе. Если же ты не заметишь за ним особого рвения даже после всего сказанного, закуй его в кандалы и поищи среди его заместителей кого-нибудь посговорчивей, а если такого не найдется, тогда найди человека со стороны.— Хиссун усмехнулся.— Ну хватит о мэре Ни-мойи. От лорда Диввиса что-нибудь есть?

— Довольно много новостей, мой лорд. Он вышел из Пилиплока и со всей возможной быстротой поднимается вслед за нами по Зимру, собирая по дороге войско. Мы получили от него донесения из Порт-Сэйкфоржа, Стенвампа, Оргелиуза, Импемонда и Облиорн-Вейла, а последние известия говорят о том, что он подходит к Ларнимискулусу.

— Который, насколько я помню, находится отсюда в нескольких тысячах миль на восток, так? — спросил Хиссун.— Так что нам еще долго придется ждать. Ну что ж, когда приедет, тогда и приедет, этого никак не ускорить, а до встречи с ним, я думаю, неразумно отправляться в Пиурифэйн.— Он грустно улыбнулся.— Я думаю, наша задача облегчилась бы раза в три, будь наш мир раза в два поменьше. Альсимир, отправь послания с выражением высочайшего уважения Диввису в Ларнимискулус, а также, пожалуй, в Белку, Сларисканз и несколько других городов по маршруту его следования. И сообщи ему, с каким нетерпением я ожидаю встречи с ним.

— Неужели, мой лорд? — поинтересовался Альсимир. Хиссун пристально посмотрел на него.

— Именно так,— сказал он.— Совершенно искренне, Альсимир!

В качестве личной резиденции он выбрал большой кабинет на третьем этаже. Давным-давно, когда здесь жил Калейн, брат герцога Ни-мойи, как подсказывала Хиссуну его приобретенная память, тут располагалась огромная библиотека Галайна, состоявшая из древних книг в переплетах из кож редких животных. Но теперь книги исчезли, и кабинет представлял собой просторное и пустынное помещение с обшарпанным письменным столом посредине, на котором Хиссун разложил карты и стал обдумывать предстоящую экспедицию.

Хиссуну не очень-то понравилось, что его оставили на Острове, когда Валентин отправился в Пилиплок. Он сам хотел провести силой оружия акцию умиротворения в Пилиплоке, но Валентин придерживался иного мнения и одержал верх. Хоть Хиссун и стал короналем, в чем нет никакого сомнения, но после этого решения он понял, что в течение некоторого времени положение дел будет несколько необычным, поскольку ему придется состязаться с полным сил, толковым и весьма энергичным понтифексом, в планы которого не входит переселение в Лабиринт. В истории Хиссун не обнаружил ни одного подобного примера. Даже самые властные и честолюбивые из короналей — лорд Конфалюм, лорд Престимион, лорд Деккерет, лорд Кинникен — оставляли свое место и отправлялись в подземелье, как только заканчивались их полномочия в качестве короналей.

Но Хиссун не мог отрицать и того, что происходящее сейчас тоже не имело прецедента. Но не мог он не согласиться и с тем, что появление Валентина в Пилиплоке, мнившееся Хиссуну тяжелейшим случаем безумия и безрассудства, в действительности оказалось блестящим стратегическим ходом.

Подумать только: мятежный город кротко спускает свои флаги и безропотно передается на милость понтифекса, точно в соответствии с предсказанием Валентина! Хиссун мучался в догадках, какими же чарами обладает этот человек, чтобы так уверенно сделать столь дерзкий шаг? Но ведь в войне за реставрацию он вернул себе трон с помощью очень похожей тактики, разве не так? За его мягкостью, обходительностью скрывался характер весьма сильный и решительный. И все же, подумал Хиссун, его мягкость не просто удобная маска, а существенная часть натуры Валентина, самая сокровенная и истинная его черта. Сверхъестественная личность, но великий король в своем роде...

А сейчас понтифекс продолжал двигаться к западу по Зимру от одной разоренной территории к другой, кротостью добиваясь возврата к здравому смыслу. Из Пилиплока от отправился в Ни-мойю, появившись здесь за несколько недель до Хиссуна. Лжекоронали разбежались, как только узнали о его приближении; погромщики и бандиты перестали грабить; потерявшие голову, ввергнутые в нищету горожане собирались миллионными толпами, как сообщалось, чтобы приветствовать нового понтифекса, как будто он мог одним мановением руки вернуть мир в прежнее состояние. Все это облегчало задачу Хиссуна, следовавшего за Валентином: вместо того чтобы тратить время и силы на возвращение Ни-мойи, он тихо-мирно вошел в город, жители которого уже достаточно успокоились для того, чтобы оказывать всяческое содействие.

Хиссун провел пальцем по карте. Валентин направляется в Кинтор. Ему предстоит нелегкое дело: Кинтор — оплот лжекороналя Семпетурна и его личной армии, Рыцарей Деккерета. Хиссун боялся за понтифекса, но ничего не мог предпринять для защиты: Валентин и слышать о том не хотел. «Я не собираюсь вести с собой армии в города Маджипура»,— сказал он, когда они обсуждали этот вопрос на Острове; и Хиссуну не оставалось ничего другого, как подчиниться его воле. При любых обстоятельствах понтифекс обладает большей властью.

А куда Валентин направится после Кинтора? В города ущелья, подумал Хиссун. А потом дальше, к морю, в Пидруид, Тил-омон, Нарабаль. Никто не знал, что происходило на отда-

ленном побережье, куда нахлынули миллионы беженцев из охваченных беспорядками центральных районов Зимроэля. Перед мысленным взором Хиссун представал Валентин, неутомимо передвигающийся все дальше и дальше, восстанавливая порядок на месте хаоса всего лишь величием собственной души. По существу, его перемещения — какая-то диковинная разновидность великой процессии для понтифекса. Но в голове у Хиссуна все время вертелась беспокойная мысль о том, что не понтифексу проводить великие процессии.

Он заставил себя не думать о Валентине и перешел к своим обязанностям. Сначала нужно дождаться Диввиса. Общение с ним требует большого такта. Но Хиссун понимал, что успех будущего правления будет зависеть от его отношений с этим своенравным и злопамятным человеком. Предложить ему высшие полномочия, дать понять, что среди всех полководцев выше него только корональ. Но одновременно — сдерживать его, не выпускать из-под контроля, если такое вообще возможно.

Хиссун быстро начертил на карте несколько линий. Одна армия под началом Диввиса выдвигается к западу до Кинтора или Мазадона, если Валентин действительно восстановил там порядок, и по пути доукомплектовывается; затем они продвигаются к юго-востоку, охватывая верхние границы провинции метаморфов. Другая основная армия под командованием самого Хиссуна перемещается вниз от Ни-мойи вдоль берегов Стейч, чтобы заблокировать восточные границы Пиурифэйна. Затем клещи сжимаются с двух сторон, и армии идут навстречу друг другу, пока не захватят мятежников.

А чем будут питаться воины, подумал Хиссун, в местах, где умирают от голода? Кормить многомиллионную армию корешками, орехами и травой? Он покачал головой. Мы будем есть корешки, орехи и траву, если там все это имеется. Мы будем есть и камни и землю. Мы будем пожирать клыкастых чудовищ, которых посылают на нас мятежники. Мы будем поедать собственных покойников, если понадобится. И мы одолеем, а тогда — конец безумию.

Он поднялся, подошел к окну и посмотрел на разрушенную Ни-мойю, которая казалась привлекательнее в сгущающихся сумерках, скрывавших самые страшные из шрамов. Он заметил в стекле свое собственное отражение и отвесил ему шутовской поклон. Добрый вечер, мой лорд! Да будет с вами Божество,

мой лорд! «Лорд Хиссун» — как странно звучит. Да, мой лорд; нет, мой лорд; будет исполнено, мой лорд. Ему делали знак Горящей Звезды. От него подобострастно пятились. К нему относились — все без исключения,— будто он и есть корональ. Возможно, скоро он к этому привыкнет. В общем-то все на него свалилось отнюдь не с неба. И тем не менее есть в этом что-то неправдоподобное. Вероятно, потому, что пока правление выражается для него в странствиях по Зимроэлю. Все так и останется неправдоподобным до возвращения на Замковую гору — в Замок лорда Хиссуна! — где он станет подписывать указы и назначения, восседать во главе стола во время всяких торжественных церемоний. Именно так он представлял круг обязанностей короналя в мирное время. Но наступят ли когда-нибудь эти времена? Он пожал плечами. Дурацкий вопрос, как и большинство вопросов. Времена наступят, когда для них подойдет срок, а пока дел хватает и без того. Хиссун вернулся к столу и провел за картой еще час. Через некоторое время вернулся Альсимир.

— Я поговорил с мэром, мой лорд. Теперь он обещает полное содействие. Он ожидает внизу в надежде на то, что вы позволите ему выразить готовность к сотрудничеству.

Хиссун улыбнулся.

— Пришли его ко мне,— сказал он.

Глава 2

Приблизившись к Кинтору, Валентин направил Эйзенхарта готовить место высадки, но не в самом городе, а за рекой, в южных окрестностях Горячего Кинтора, где находились геотермические диковины, гейзеры, фумаролы и кипящие озера. Он хотел войти в город медленно и размеренно, дав знать о себе правящему так называемому «короналю».

Дело не в том, что его появление могло застать врасплох самопровозглашенного лорда Семпетурна. За все время поездки от Ни-мойи по Зимру Валентин не скрывал ни своего имени, ни целей. Он останавливался в каждом крупном городе вдоль реки, встречался с теми, кто еще оставался из местного муниципального начальства, и добивался от них заверений в поддержке армий, собираемых для отражения угрозы со стороны метаморфов. И везде, даже в тех городах, где он не останавливался во время плавания по Зимру, население выходило посмотреть на

императорский флот и поприветствовать монарха: «Понтифекс Валентин! Понтифекс Валентин!»

Однако поводов для радости находилось не так уж много, потому что даже с реки было видно, что все города, когда-то такие процветающие и оживленные, теперь похожи на собственные призраки: портовые склады стоят пустыми и без окон, базары обезлюдели, набережные густо поросли травой. И даже, выходя на берег, он видел, что уцелевшие жители, несмотря на их возгласы и приветствия, совершенно потеряли всякую надежду: опустошенные, тоскливые взгляды, поникшие плечи, унылые лица.

Но, высадившись в том фантастическом месте, которое называлось Горячим Кинтором, с его грохочущими гейзерами, шипящими и булькающими термальными озерами, клубящимися тучами бледно-зеленого пара, Валентин заметил, что собравшиеся настроены несколько иначе: в них чувствовались настороженность, любопытство и азарт, словно они предвкушали некое спортивное состязание.

Валентин понимал, что они хотят увидеть, какой прием окажет ему лорд Семпетурн.

— Мы будем готовы к выходу через несколько минут, ваше величество,— крикнул Шанамир.— Экипажи вот-вот спустят.

— Никаких экипажей,— отрезал Валентин.— Мы войдем в Кинтор пешком.

Он услышал ставший уже привычным возмущенный возглас Слита и увидел знакомое раздраженное выражение на его лице. Лизамон Халтин побагровела от возмущения, Залзан Кавол нахмурился, у Карабеллы тоже был встревоженный вид. Но никто не посмел ему перечить. Этого с недавних пор вообще никто себе не позволял. Он подумал, что дело не столько в том, что он стал понтифексом: замена одного пышного титула на другой — в общем-то обычное явление. Скорее, им казалось, что с каждым днем он все глубже и глубже проникает в мир, куда они сами не могут войти. Он становился для них непостижимым. А сам он чувствовал себя выше всей этой суеты с мерами безопасности: неуязвимым, непобедимым.

— По какому мосту мы пойдем, ваше величество? — спросил Делиамбер.

Мостов было четыре: один — кирпичный, другой состоял из каменных арок, третий — тонкий, сверкающий и прозрачный,

будто из стекла, а четвертый, самый ближний,— ажурное сооружение из легких покачивающихся канатов. Валентин переводил взгляд с одного моста на другой, смотрел на отдаленные квадратные башни Кинтора за рекой. Он заметил, что центральный пролет каменного моста кажется поврежденным. Очередная задача для понтифекса, подумал он, вспомнив, что в древности его титул означал «строитель мостов».

Он сказал:

— Когда-то я знал названия этих мостов, любезный Делиамбер, но забыл. Напомни их.

— Справа от вас, ваше величество, мост Снов. Ближе к нам — мост Понтифекса, а следующий за ним — мост Кинтора, который, кажется, сильно поврежден. А тот, выше по течению,— мост Короналя.

— Ну, тогда пойдем по мосту Понтифекса! — решил Валентин.

Залзан Кавол и несколько его собратьев-скандаров шли впереди. За ними вышагивала Лизамон Халтин; затем неторопливым шагом передвигался Валентин с Карабеллой; сразу за ними следовали Делиамбер, Слит и Тизана, а немногие оставшиеся спутники замыкали шествие. Толпа становилась все гуще и сопровождала понтифекса на почтительном расстоянии.

Когда Валентин подошел к подножию моста, из толпы зевак вырвалась худощавая темноволосая женщина в выцветшем оранжевом платье и с криком «Ваше величество! Ваше величество!» бросилась к нему. Ей удалось приблизиться к нему футов на двенадцать, когда ее перехватила Лизамон Халтин, схватив одной рукой и подняв, как куклу, в воздух. «Нет, подождите...— пробормотала женщина, как только Лизамон вознамерилась швырнуть ее обратно в толпу.— Я не причиню вреда... у меня подарок для понтифекса...»

— Отпусти ее, Лизамон,— спокойно сказал Валентин. Подозрительно нахмурившись, Лизамон подчинилась, но осталась рядом с понтифексом, готовая к любым неожиданностям. Женщина так дрожала, что едва стояла на ногах. Ее губы шевелились, но какое-то время она не могла ничего выговорить. Потом спросила:

— Вы правда лорд Валентин?

— Да, я был лордом Валентином. А теперь я понтифекс Валентин.

— Да-да, конечно. Я знаю. Говорили, что вы погибли, но я никогда не верила. Никогда! — Она поклонилась.— Ваше величество! — Женщина все еще дрожала. Она казалась довольно молодой, но голод и лишения избороздили глубокими морщинами ее лицо, которое было бледнее, чем даже у Слита. Она протянула руку.— Меня зовут Милилейн,— сказала она.— Я хотела подарить вам вот что.

На ладони у нее лежал предмет, похожий на кинжал из кости, продолговатый, узкий, заостренный.

— Смотрите, убийца! — взревела Лизамони подалась вперед, готовая напасть.

Валентин поднял руку.

— Подожди. Что это у вас, Милилейн?

— Зуб... священный зуб... зуб водяного короля Маазмурна...

— Ах, вон оно что.

— Чтобы охранить вас и направлять. Он — величайший из водяных драконов. Это драгоценный зуб, ваше величество.— Теперь ее начало трясти.— Сперва я думала, что поклоняться им — грех, богохульство, преступление. Но потом я вернулась сюда, слушала, училась. Они не злые, ваше величество, эти водяные короли! Они — наши истинные хозяева! Мы все, живущие на Маджипуре, принадлежим им. И я принесла вам зуб Маазмурна, ваше величество, величайшего из них, который высшая Власть...

Карабелла мягко сказала:

— Нам пора идти, Валентин.

— Да.— Он протянул руку и бережно взял у женщины зуб. Тот был длиной около десяти дюймов, странно прохладный на ощупь и словно мерцавший каким-то внутренним светом. Валентин зажал его в ладони, и на мгновение ему показалось, будто он слышит далекий звон колоколов или чего-то, напоминающего колокола, хотя мелодия разительно отличалась от любого колокольного звона, какой ему когда-либо приходилось слышать. Он проговорил: — Спасибо, Милилейн. Я этого не забуду.

— Ваше величество,— прошептала она и попятилась обратно в толпу.

Валентин медленно двинулся дальше через мост.

Переход занял не меньше часа. До другого берега оставалось еще немалое расстояние, когда Валентин увидел собравшуюся там для его встречи толпу; то были не просто любопытные — он заметил на тех, кто стоял в первых рядах, одинаковую униформу зеленого с золотым цветов, цветов короналя. Значит, это армия — армия короналя лорда Семпетурна.

Залзан Кавол оглянулся.

— Ваше величество? — справился он хмуро.

— Продолжайте движение,— сказал Валентин.— Когда дойдете до первого ряда, остановитесь, пропустите меня и оставайтесь рядом.

Он почувствовал, как пальцы испуганной Карабеллы сильнее сжали его запястье.

— Помнишь,— спросил он,— как в начале войны за реставрацию мы вошли в Пендивэйн и увидели ожидавшее у ворот десятитысячное ополчение, а нас было всего несколько десятков?

— Это не Пендивэйн. Пендивэйн не затевал мятежа. А возле ворот тебя ждал не лжекорональ, а толстый испуганный мэр провинции.

— Это одно и то же,— заметил Валентин.

Мост заканчивался. Дальше дорогу преграждали воины в зеленой с золотом униформе. Из переднего ряда выступил офицер, во взгляде которого читался страх:

— Кто вы такие и почему являетесь в Кинтор без разрешения лорда Семпетурна? — сипло воскликнул он.

— Я — понтифекс Валентин, и мне не нужно никакого разрешения для посещения любого города Маджипура.

— Корональ лорд Семпетурн не позволит вам, незнакомец, пройти дальше этого моста!

Валентин улыбнулся.

— Как может корональ, если он действительно корональ, возражать понтифексу? Посторонитесь, молодой человек!

— Я не сделаю этого. Поскольку вы такой же понтифекс, как и я.

— Вы отвергаете меня? Мне хотелось бы, чтобы корональ лично повторил ваши слова,— спокойно ответил Валентин.

Он пошел вперед. Рядом с ним шагали Залзан Кавол и Лизамон Халтин. Окликнувший его офицер бросил неуверенный взгляд на солдат слева и справа от себя, затем расправил плечи, и солдаты сделали то же самое; они демонстративно положили руки на приклады своего оружия. Валентин продолжал идти. Они отступили на полшага, потом еще на полшага; на их лицах засты-

ло выражение непреклонности. Валентин не останавливался. Первый ряд не выдержал и расступился.

Затем разошелся весь строй, и навстречу Валентину выскочил коренастый коротышка с небритыми багровыми щеками. Он был одет в белое платье короналя, поверх которого носил дублет, а буйную гриву черных волос венчала корона Горящей Звезды или, по крайней мере, нечто, более-менее напоминающее ее.

Он вытянул перед собой обе руки с растопыренными пальцами и заорал:

— Стоять! Ни шагу дальше, самозванец!

— По какому праву вы отдаете такие приказы? — благожелательно осведомился Валентин.

— Я сам себе право, потому что я корональ лорд Семпетурн!

— Вот как, значит, вы корональ, а я самозванец? Мне это непонятно. А по чьей воле вы в таком случае стали короналем, лорд Семпетурн?

— По воле Божества, которое предназначило мне править в то время, когда место на Замковой горе осталось свободным!

— Понятно,— сказал Валентин.— Но, насколько я знаю, оно уже занято. Нынешний корональ лорд Хиссун избран на вполне законных основаниях.

— Самозванец не может быть избран на законных основаниях,— отрезал Семпетурн.

— Но я — Валентин, который до него был короналем, а теперь стал понтифексом, причем также, как принято считать, по воле Божества.

Семпетурн мрачно ухмыльнулся.

— Вы были самозванцем и тогда, когда объявили себя короналем, и сейчас!

— Неужели такое возможно? Выходит, тогда ошиблись все принцы и лорды Горы, понтифекс Тиеверас, да упокоится он возле Источника, и моя матушка-Хозяйка Острова Сна?

— Я утверждаю, что вы всех их ввели в заблуждение, что доказывает проклятие, которое легло на Маджипур. Ведь избранный короналем Валентин был темноволос, а у вас волосы золотистые!

Валентин рассмеялся.

— Старая история, дружище! Вы должны знать о том, как меня колдовским способом лишили собственного тела и поместили в это!

— Так вы говорите.

— И с тем согласились все Владыки государства.

— Значит, вы — непревзойденный обманщик,— заявил Семпетурн.— Но я не собираюсь больше тратить на вас время, поскольку меня ждут дела. Уходите: возвращайтесь в Горячий Кинтор, грузитесь на свой корабль и плывите дальше. Если завтра в этот же час вас увидят на моей земле, тогда пеняйте на себя.

— Скоро я вас оставлю, лорд Семпетурн. Но сначала я хочу попросить вас об одной услуге. Это солдаты — Рыцари Деккерета, так вы их называете? — нужны нам на востоке, на границе Пиурифэйна, где корональ Хиссун собирает армию. Отправляйтесь к нему, лорд Семпетурн, становитесь под его начало, делайте все, о чем он вас попросит. Нам известно, что вы собрали эти войска, и мы не станем лишать вас возможности командовать ими, но они должны войти составной частью в более крупные силы.

— Вы сошли с ума,— сказал Семпетурн.

— Я так не думаю.

— Оставить город без охраны? Пройти несколько тысяч миль и бросить свою власть под ноги какому-то самозванцу?

— Так надо, лорд Семпетурн.

— В Кинторе только я решаю, что надо!

— Так не годится,— произнес Валентин. Он легко вошел в состояние полутранса и направил в сторону Семпетурна легчайший мысленный сигнал. Он поиграл с ним, добившись появления на его багровой физиономии выражения хмурого замешательства, а затем послал в мозг Семпетурна образ Доминина Барджазида в старом обличье Валентина и спросил:

— Вы узнаете этого человека, лорд Семпетурн?

— Это... это... это бывший лорд Валентин!

— Нет,— сказал Валентин и метнул в кинторского лжекороналя полновесный заряд мысленной энергии.

Семпетурн отшатнулся, чуть не упал, вцепился в стоящих рядом с ним солдат; щеки его побагровели еще больше и приобрели цвет переспелого винограда.

— Кто он? — спросил Валентин.

— Брат Короля Снов,— прошептал Семпетурн.

— А почему у него внешность бывшего лорда Валентина?

— Потому что... потому что...

— Говори.

Семпетурн обмяк, у него подогнулись колени, руками он почти касался земли.

— Потому что он украл тело короналя, когда захватывал власть, и до сих пор остается в нем... по милости человека, которого он сверг...

— Так. А кто же тогда я?

— Вы — лорд Валентин,— жалким голосом пробормотал Семпетурн.

— Неверно. Кто я, Семпетурн?

— Валентин... понтифекс... понтифекс Маджипура...

— Правильно. Наконец-то. А раз я понтифекс, кто тогда корональ?

— Как... вы... скажете, ваше величество.

— Я сказал, что это лорд Хиссун, который ждет вас в Ни-мойе, Семпетурн. Теперь ступайте: собирайте ваших рыцарей, берите армию и — на восток, в распоряжение короналя. Ступайте, *Семпетурн! Идите!*

Он оглушил Семпетурна последним сигналом, и тот закачался, зашатался и упал на колени.

— Ваше величество... ваше величество... простите меня...

— Я проведу в Кинторе денек-другой,— сказал Валентин,— и посмотрю, все ли здесь в порядке. А потом я должен идти дальше на запад, где меня ждут дела.— Он отвернулся и увидел, что Карабелла смотрит на него такими глазами, будто у него выросли крылья или рога.

Он улыбнулся ей и послал легкий воздушный поцелуй.

Неплохо бы сейчас, подумалось ему, выпить бокал-другой вина, если, конечно, таковое вообще имеется в Кинторе.

Он посмотрел на зуб дракона, который, оказывается, сжимал, и провел по нему пальцами, снова услышал звон колоколов, и ему почудилось прикосновение к душе могучих крыльев. Он бережно завернул зуб в кусок шелковой ткани, поданный ему Карабеллой, вручил драгоценность жене и сказал:

— Береги его как зеницу ока, пока он мне не потребуется. Думаю, он мне сильно понадобится в ближайшем будущем.— Он посмотрел в толпу и увидел Милилейн, которая подарила ему зуб. Она глядела на него; ее глаза горели восторгом и благоговением, будто перед ней было некое богоподобное существо.

Глава 3

Из-за двери спальни доносились такие звуки, словно там жарко бранились. Хиссун сел в постели, насупился, поморгал. Слева, в огромном окне, он заметил над горизонтом красный отблеск рассвета. Из-за приготовлений ко встрече с Диввисом он лег спать довольно поздно и не слишком обрадовался тому, что его будят на рассвете.

— Кто там? — рявкнул он.— Во имя Божества, что за суматоха?

— Мой лорд, мне срочно нужно увидеться с вами! — послышался голос Альсимира.— Ваши охранники говорят, что вас запрещено будить при каких угодно обстоятельствах, но дело совершенно неотложное!

Хиссун вздохнул.

— Кажется, я уже совсем проснулся. Заходи.

Раздался скрежет засова. Мгновение спустя появился крайне взволнованный Альсимир.

— Мой лорд...

— Ну что там?

— На город напали, мой лорд.

Тут Хиссун окончательно стряхнул с себя остатки сна.

— Напали? Кто?

— Необычные птицы чудовищного вида. Крылья — как у морских драконов, клювы — как косы, а с когтей капает яд.

— Таких птиц не бывает.

— Должно быть, очередные твари метаморфов. Они налетели на Ни-мойю с юга громадной стаей незадолго до рассвета. Их там сотни, если не тысячи. Они уже заклевали пятьдесят с лишним горожан, и чем дальше, тем хуже.— Альсимир подошел к окну.— Посмотрите, мой лорд, вот, как раз сейчас несколько этих птиц кружатся над дворцом герцога...

Хиссун присмотрелся. На фоне ясного утреннего неба вились вереницей причудливые тени: громадные птицы, крупнее гихорнов и даже милуфт, но гораздо уродливее. Их крылья ничем не напоминали птичьи, а скорее походили на драконьи — кожистые отростки на растопыренном костистом остове, напоминающем пальцы. Зловещего вида загнутые, заостренные клювы были ослепительно красными, а длинные, вытянутые когти имели ярко-зеленую окраску. Твари носились над городом в поисках

добычи, то опускаясь, то поднимаясь, а люди на улицах разбегались в разные стороны, ища, куда бы спрятаться. Хиссун увидел, как какой-то неосторожный мальчуган лет десяти-двенадцати с книжками под мышкой выскочил из дома прямо навстречу одному из чудовищ: птица устремилась вниз, замерла на миг на расстоянии футов десяти от земли, а потом резким движением выбросила вперед когти, распоровшие одежду мальчишки и оставившие кровавый след на его спине. Когда птица взмыла вверх, мальчик в корчах упал на тротуар и почти сразу затих. Тут же сверху камнями свалились три или четыре птицы и принялись рвать его тело.

Хиссун выругался.

— Ты правильно сделал, что разбудил меня. Что уже предпринято?

— Мы послали на крыши примерно пятьсот лучников, а сейчас собираем дальнобойные излучатели.

— Недостаточно. Совершенно недостаточно. Самое главное сейчас — избежать паники в городе: если по улицам начнут метаться двадцать миллионов ошалелых горожан, они затопчут друг друга насмерть. Жизненно важно показать им, что мы уже овладели ситуацией. Пошли на крыши пять тысяч лучников, десять тысяч, если столько наберется. Я хочу, чтобы каждый, кто способен натягивать лук, принял участие в битве — по всему городу, чтобы все видели, чтобы все успокоились.

— Слушаюсь, мой лорд.

— И отдай приказ, чтобы жители до особых распоряжений оставались в домах. Никто не должен выходить на улицу, независимо от того, какой важности у него дела, пока угроза сохраняется. Еще одно: вели Стимиону сообщить Диввису, что у нас тут возникли некоторые затруднения, так что пускай он будет начеку, если все же собирается войти в город сегодня утром. А кроме того, пошли за тем стариком, который заведует зверинцем редких животных на холмах — его зовут то ли Гитайн, то ли Хитайн. Пусть ему расскажут, что у нас здесь творится, если он еще не знает, и приведут ко мне под надежной охраной; еще нужно подобрать несколько мертвых птиц и принести их сюда, чтобы он мог их изучить.— Хиссун повернулся к окну и хмуро глядел на улицу. Тело мальчика закрывали девять или десять птиц, терзавших его с ненасытной жадностью. Разбросанные вокруг книжки делали зрелище невыносимым.— Что творят! — горько воскликнул он.— Натравливать чудовищ на детей! Ну ничего, они дорого за это заплатят. Альсимир, мы скормим Фараатаа его собственным птичкам, верно? Ну да ладно, иди, слишком много дел.

Едва Хиссун приступил к завтраку, как потекли сплошным потоком подробные доклады. Жертвами воздушного налета стали более сотни горожан, и число погибших стремительно росло. А над городом появились еще по меньшей мере две стаи, и, как кто-то подсчитал, общее количество птиц составляло не менее полутора тысяч особей.

Но стрельба с крыш уже начала приносить свои результаты: из-за своих размеров птицы летали медленно и неповоротливо, представляя собой отличную цель для лучников, которых они совершенно не боялись. Поэтому их сбивали без особого труда, а полное уничтожение казалось лишь вопросом времени, даже если допустить, что со стороны Пиурифэйна надвигаются очередные стаи. Улицы города были в основном очищены от жителей, благодаря тому, что известие о нападении и распоряжения короналя достало самых отдаленных окраин. Птицы описывали зловещие круги над безмолвной, обезлюдевшей Ни-мойей.

Позже Хиссун доложили, что Ярмуза Хитайна, смотрителя Парка Сказочных Зверей, доставили в Ниссиморнский окоем, и он уже занимается во дворе вскрытием одной из мертвых птиц. Хиссун встречался с ним несколько дней назад, поскольку Ни-мойя была наводнена всевозможными смертоносными созданиями самого странного вида, и тогда зоолог дал несколько ценных советов насчет того, что с ними делать. Спустившись вниз, Хиссун застал Хитайна, пожилого человека с угрюмым взглядом и впалой грудью над останками птицы, настолько огромной, что сначала Хиссун подумал, будто их здесь несколько.

— Приходилось вам раньше видеть такую тварь? — спросил он.

Хитайн поднял глаза. Он был бледен, весь в напряжении, его била дрожь.

— Нет, мой лорд, никогда. Они словно явились из кошмарного сна.

— Как вы полагаете, они — порождение метаморфов?

— Несомненно, мой лорд. Подобные птицы не могут иметь естественного происхождения.

— Вы имеете в виду, что их вывели искусственно?

Хитайн покачал головой.

— Не совсем, мой лорд. Мне кажется, их создали посредством генетических операций с существующими в природе видами. В основном они, что более-менее очевидно, напоминают милуфту. Вам известна такая птица? Это самый крупный стервятник Зимроэля. Но им удалось сделать ее еще крупнее и из пожирателя падали превратить в хищника. А таких ядовитых желез, как вот тут, у основания когтей, нет ни у одной птицы Маджипура, но зато в Пиурифэйне имеется одно пресмыкающееся — аммазоар — с точно такими же когтями, и они, кажется, взяли его за образец.

— А крылья? — поинтересовался Хиссун.— Позаимствовали у морских драконов?

— Очень похоже. В том-то и дело, что это не обычные птичьи крылья, а что-то вроде натянутой перепонки, как у дхиимов, к примеру, у летучих мышей, у тех же морских драконов, то есть млекопитающих.

— Это мне известно,— сухо сказал Хиссун.— Но драконы не летают. Зачем же, на ваш взгляд, понадобилось цеплять птицам драконьи крылья?

Хитайн пожал плечами.

— С точки зрения летных качеств, смысла никакого, как мне кажется. Возможно, это сделано лишь для того, чтобы птицы имели еще более устрашающий вид. Когда одна из форм жизни приспосабливается для военных целей...

— Да-да. Значит, вы не сомневаетесь, что эти птицы — новое оружие метаморфов?

— Нисколько не сомневаюсь, мой лорд. Как я уже сказал, такого вида в природе Маджипура не существует и никогда не существовало. Столь крупное и опасное создание не могло остаться незамеченным на протяжении четырнадцати тысячелетий.

— Тогда нам остается записать на их счет еще одно преступление. Кто бы мог подумать, Хитайн, что метаморфы столь изобретательны?

— Это очень древняя раса, мой лорд. Вполне возможно, что у них в запасе немало такого, о чем мы и не подозреваем.

Хиссун содрогнулся.

— Нет уж, будем надеяться на то, что у них за душой больше не осталось никаких штучек.

К середине дня нападение, похоже, удалось отбить. Были сбиты сотни птиц: их туши собрали и свалили огромной смердящей кучей на обширной площади перед главными воротами Большого базара. Уцелевшие, сообразив наконец, что здесь их не ждет ничего хорошего, большей частью улетели к холмам в северном направлении. В городе задержались лишь несколько самых бестолковых. При обороне Ни-мойи погибли пять лучников: они глядели на небо и не заметили, что к ним подбираются сзади. Расстроенный Хиссун подумал о том, что цена оказалась тяжелой, однако он не сомневался, что поступил правильно. Нельзя было позволить, чтобы крупнейший город Маджипура оставался заложником в когтистых лапах пернатых чудовищ.

Около часа Хиссун ездил по городу на экипаже, чтобы убедиться в возможности снять запрет на выход жителей на улицу. В Ниссиморнский окоем он вернулся как раз вовремя: Стимион доложил, что войска под командованием Диввиса начали высаживаться на причалах Прибрежной Аллеи.

В течение всех месяцев, прошедших с той поры, когда Валентин передал Хиссуну во Внутреннем храме корону, Хиссун с тревогой ожидал первой встречи в качестве короналя с человеком, которого он обошел в борьбе за трон. Он понимал, что стоит только выказать малейшие признаки слабости, как Диввис тут же воспримет их как приглашение побороться, и, как только закончится война, он сразу же предпримет все, чтобы сместить его и занять престол, которого так домогался. Хоть до Хиссуна и не доходило никаких сведений о предательских намерениях Диввиса, особых причин доверять смирению того не было.

Тем не менее, собираясь на Прибрежную Аллею на встречу со старшим принцем, Хиссун чувствовал себя странно спокойным. В конце концов, короналем он стал на законных основаниях, по доброй воле избравшего его человека, нынешнего понтифекса: нравится это Диввису или нет, он должен принять случившееся как должное и так его и примет.

Добравшись до берега реки у Прибрежной Аллеи, Хиссун поразился размерам армады, собранной Диввисом. Казалось, он реквизировал все, что только может держаться на воде, от Пилиплока до Ни-мойи; Зимр был покрыт судами на всем обозримом пространстве. Огромный флот тянулся до слияния Стейч с Зимром — колоссального пресноводного моря.

Стимион сообщил, что пока единственным пришвартованным к причалу кораблем остается флагман Диввиса, а сам Диввис ожидает на борту прибытия Хиссуна.

— Сказать ему, чтобы он сошел на берег для встречи с вами, мой лорд? — спросил Стимион.

Хиссун улыбнулся.

— Я поднимусь к нему.

Выйдя из экипажа, он торжественно направился к аркаде в конце пассажирского причала и вышел на пирс. Он был при всех регалиях, его советники и охрана оделись в церемониальные наряды; их сопровождали десятка полтора лучников на случай повторного появления смертоносных птиц. Хоть Хиссун и решил сам идти к Диввису, что являлось, возможно, серьезным нарушением протокола, но не сомневался в том, что производит впечатление короля, который решил снизойти до вассала и оказать тому необычайную честь.

Диввис ждал на палубе у трапа. Он тоже позаботился о том, чтобы иметь достаточно величественный вид. Несмотря на жару, он облачился в просторную черную мантию из шкур хайгуса искусной выделки и покрыл голову великолепным сверкающим шлемом, весьма похожим на корону. Пока Хиссун поднимался по трапу, Диввис нависал над ним этаким великаном.

Но когда они оказались лицом к лицу, Хиссун окинул его твердым, ледяным взглядом, что практически свело на нет разницу в росте. Они довольно долго молчали.

Затем Диввис, как и рассчитывал Хиссун, поскольку иначе это выглядело бы неприкрытым вызовом, сделал знак Горящей Звезды, преклонил колено и воздал свои первые почести новому короналю.

— Хиссун! Лорд Хиссун! Многая лета лорду Хиссуну!

— Многая лета и вам, Диввис, поскольку нам понадобится ваша отвага в предстоящей борьбе. Прошу подняться, друг мой. Поднимайтесь!

Диввис встал. Он спокойно выдержал взгляд Хиссуна, и на его лице выразилась целая гамма чувств, в которых Хиссун не смог до конца разобраться, но ему показалось, что он заметил ненависть, гнев, горечь, однако вместе с тем и некоторую долю уважения, даже ревнивого восхищения, и что-то вроде признаков веселья, будто Диввис не мог удержаться от улыбки при виде столь причудливых превратностей судьбы, которая свела их в таком месте в совершенно новом качестве.

Диввис обвел рукой реку, кишевшую судами.

— Достаточно ли я привел сил, мой лорд?

— Да, войско громадное: собрать армию столь многочисленную — великое деяние. Но кто знает, Диввис, сколько воинов понадобится для войны с призраками? Метаморфы приготовили нам немало гнусных неожиданностей.

Хохотнув, Диввис сказал:

— Я уже слышал, мой лорд, о тех птицах, которых они наслали на вас сегодня утром.

— Тут не над чем смеяться, лорд Диввис. То были омерзительные чудовища самого устрашающего вида, которые убивали людей на улицах и рвали еще не остывшие тела. Я видел своими собственными глазами из окна спальни, как они расправились с ребенком. Но я думаю, что мы перебили их всех или почти всех. А со временем уничтожим и их создателей.

— Удивлен, что вы стали столь мстительны, мой лорд.

— Мстителен? — переспросил Хиссун.— Что ж, если вы так говорите, тогда, наверное, так оно и есть; несколько недель, проведенных в разрушенном городе, кого угодно сделают мстительным. И впрямь, поневоле станешь мстительным, увидев мерзких гадов, которых напускают на ни в чем не повинных горожан. Пиурифэйн сейчас — как бочка с нечистотами, откуда на цивилизованные края выплескивается всякая пакость. Я собираюсь продырявить эту бочку и полностью ее очистить. И я вам обещаю, Диввис: с вашей помощью я страшно отомщу тем, кто развязал против нас эту войну.

— Ваши слова, мой лорд, когда вы говорите в таком тоне о мести, совершенно не напоминают лорда Валентина. Кажется, я вообще никогда не слышал от него самого этого слова.

— А разве мои слова должны напоминать речи лорда Валентина, Диввис? Я — Хиссун.

— Вы — избранный им преемник.

— Да, и в соответствии с тем же выбором Валентин — больше не корональ. Вполне возможно, что мои методы обращения с врагами будут различаться с методами лорда Валентина.

— Тогда вы должны объяснить мне, в чем их отличия.

— Я думаю, что они вам уже известны. Я собираюсь отправиться в Пиурифэйн по Стейч, а вы обойдете его с запада. Тогда мы зажмем мятежников в клещи, захватим этого самого Фараатаа и положим конец всем болезням и чудовищам, которых он на нас повыпускал. А уж тогда понтифекс может собирать остав-

шихся в живых мятежников и добиваться уговорами или чем еще устранения у метаморфов поводов для недовольств. Но для начала, я считаю, нужно продемонстрировать силу. А если нам придется пролить кровь тех, кто не жалеет нашей, что ж, ничего не поделаешь. Что скажете, Диввис?

— Я скажу, что с тех пор, как мой отец занимал престол, я ни разу не слышал более разумных речей из уст короналя. Но мне кажется, что понтифекс ответил бы иначе, если бы ему стали известны ваши воинственные замыслы. Он о них что-нибудь знает?

— Подробно мы с ним еще не разговаривали.

— А будете?

— В настоящее время понтифекс находится в Кинторе, к западу отсюда. Дела задержат его там на некоторое время, да и возвращаться на восток — путь не близкий. Так что я успею углубиться в Пиурифэйн, и нам вряд ли представится возможность побеседовать.

Глаза Диввиса приняли лукавое выражение.

— Ага, теперь я вижу, как вы решаете свои проблемы, мой лорд.

— Какие проблемы вы имеете в виду?

— Проблемы выполнения обязанностей короналя, пока понтифекс остается на воле и разъезжает по стране, вместо того чтобы скрыться в Лабиринт с глаз долой. Мне кажется, что новому молодому короналю подобное поведение пришлось не по душе; я не хотел бы оказаться в таком положении. Но если вы постараетесь удержать расстояние между собой и понтифексом, а также между разными подходами к политике, то тогда сможете действовать при полной свободе рук, верно, мой лорд?

— Мне кажется, мы вступили на опасный путь, Диввис.

— Неужели?

— Да, это так. Вы несколько переоцениваете разницу между взглядами Валентина и моими. Мы все прекрасно понимаем, что он — человек невоинственный; но, возможно, именно потому он и освободил для меня трон Конфалюма. Я надеюсь, что мы с понтифексом понимаем друг друга, и давайте больше не будем говорить на эту тему. Пойдемте, Диввис: по-моему, сейчас вполне подходящий момент, чтобы вы пригласили меня в свою каюту на бокал-другой вина, а потом вы обязательно отправитесь

со мной в Ниссиморн Проспект, где мы выпьем еще, после чего хорошенько обсудим все наши планы относительно ведения войны. Что скажете, лорд Диввис? Что скажете?

Глава 4

Опять начался дождь и смыл контуры карты, которую Фараатаа нарисовал на мокром песке берега реки. Но это его не слишком волновало. Он рисовал и перерисовывал одну и ту же карту весь день, и она уже была ему не нужна, поскольку он помнил все до мельчайших подробностей. Здесь Илиривойн, там Авендройн, а вон там Новый Велализиер. Горы, реки. Положение двух армий вторжения...

Положение двух армий вторжения...

Такого Фараатаа не предусмотрел. Вторжение неизменных в Пиурифэйн — его серьезный просчет. Трусливый слабак лорд Валентин никогда бы не осмелился на такое; нет, Валентин приполз бы к Данипиур, елозя брюхом по грязи, и смиренно умолял бы ее о заключении договора о дружбе. Но Валентин уже больше не корональ — точнее, теперь он занял более высокий пост с меньшими властными полномочиями — голову сломаешь со всеми этими бредовыми перестановками у неизменных. Теперь у них новый король, молодой, лорд Хиссун, который, кажется, совсем другой человек...

— Аарисиим! — окликнул Фараатаа.— Что нового?

— Почти ничего, о Король Сущий. Мы ждем донесений с западного фронта, но они поступят не скоро.

— А что слышно о битве на Стейче?

— Мне доложили, что лесные братья пока отказываются помогать, но, по крайней мере, удалось их заставить помочь нам в установке сетей.

— Хорошо, хорошо. Но будет ли сеть установлена своевременно, чтобы остановить продвижение лорда Хиссуна?

— Скорее всего, о Король Сущий.

— Ты говоришь так,— требовательно спросил Фараатаа,— потому что это правда или потому, что считаешь, что я хочу услышать именно это?

Аарисиим смотрел на него во все глаза и от замешательства даже начал видоизменяться, превратившись на мгновение в зыбкую фигуру из перепутанных, болтающихся на ветру веревок, а

затем — в переплетение продолговатых палок, утолщенных с обоих концов; потом он опять стал Аарисиимом и тихим голосом произнес:

— Как вы несправедливы ко мне, о Фараатаа.

— Возможно.

— Я не лгу вам.

— Если это правда, то тогда правда и все остальное.

— Так и договоримся,— невесело сказал Фараатаа. Дождь над головой усилился, забарабанил по верхнему ярусу джунглей.— Ступай и приходи, когда появятся вести с запада.

Аарисиим растворился в темноте между деревьями. Нахмурившийся Фараатаа вновь принялся рисовать карту.

Вот армия на западе. В ней не счесть воинов, многие миллионы неизменных, их возглавляет лорд с заросшим волосами лицом, которого зовут Диввис, сын бывшего короналя лорда Вориакса. Мы убили твоего отца, когда он охотился в лесу. Знал ли ты об этом, Диввис? Охотником, выпустившим роковую стрелу, был пиуривар, хоть и в обличье лорда из Замка. Посмотри-ка, презренные метаморфы могут убить короналя! И тебя, Диввис, мы можем убить. Мы убьем и тебя, если ты так же беспечен, как и твой отец.

Но Диввис, который не имел представления о том, как погиб его отец, поскольку эта тайна сохранялась пиуриварами строжайшим образом, вовсе не был беспечен, угрюмо подумал Фараатаа. Его штаб бдительно охранялся верными рыцарями, и ни один убийца, даже в самой искусной личине, не мог туда проскользнуть. Резкими, раздраженными движениями тщательно заточенного деревянного кинжала Фараатаа чертил глубокие линии, что обозначали продвижение Диввиса все дальше и дальше от берега реки. Вниз от Кинтора, вдоль внутреннего отрога огромных западных гор, прокладывая дороги по глухомани, где с незапамятных времен не было никаких дорог, сметая все на своем пути, наводнив Пиурифэйн бесчисленными войсками, блокировав местность, загадив священные источники, вытоптав священные рощи...

Против этой орды Фараатаа пришлось выпустить армию пиллигригормов. Он неохотно пошел на такой шаг, поскольку из всех видов его биологического оружия они были чуть ли не самым отвратительным, и он накапливал их для использования на более позднем этапе в Ни-мойе или Кинторе; то были сухопутные рачки

размером с кончик пальца, покрытые прочным панцирем, способным выдержать удар молотка. Виртуозы генетики, работавшие на Фараатаа, сделали их бесчисленные быстро двигающиеся ножки острыми, как зубья пилы. Пиллигригормы обладали ненасытным аппетитом — ежедневно им требовалось мяса в пятьдесят раз больше их собственного веса и удовлетворяли его, прогрызая отверстия в теле любого теплокровного живого существа, попадавшегося на пути и пожирая его плоть изнутри.

Фараатаа рассчитывал, что пятьдесят тысяч рачков дней за пять могли бы ввергнуть город, подобный Кинтору, в полный хаос. Но теперь из-за вторжения неизменных он вынужден был выпустить пиллигригормов не в какой-нибудь город, а на родную землю Пиурифэйна, в надежде на то, что они приведут в расстройство громадную армию Диввиса и вынудят противника к отступлению. Но пока, однако, не поступало никаких сообщений об успехе этой тактики.

А на другом краю джунглей, где продвигался со второй армией вдоль западного берега Стейч в южном направлении лорд Хиссун, Фараатаа планировал натянуть на сотни миль непреодолимую преграду, сеть из необычайно клейкой лианы-птицеловки, чтобы заставить войска разбредаться все шире и шире в поисках прохода и, наконец, полностью рассеяться. Единственная трудность в осуществлении этой военной хитрости состояла в том, что с лианой-птицеловкой не мог управиться никто, кроме лесных братьев, бестолковых обезьян, у которых вместе с потом вырабатывался какой-то фермент, что предохранял их от прилипания к лианам. Но у лесных братьев не было особых причин любить пиуриваров, которые охотились на них на протяжении многих столетий из-за вкусного мяса, а потому получение от них помощи представлялось весьма проблематичным.

Фараатаа ощутил, как в нем поднимается и начинает клокотать ярость.

А ведь все начиналось просто замечательно! Болезни, поразившие сельское хозяйство, гибель угодий на обширных пространствах, следствием чего стали голод, паника, массовая миграция — да, все шло по плану. А специально выведенные животные тоже сделали свое дело, уже в меньших масштабах; они еще больше устрашили население и осложнили жизнь горожан...

Но удар оказался слабее, чем ожидал Фараатаа. Он рассчитывал на то, что гигантские кровожадные милуфты посеют ужас в

Ни-мойе, и без того уже ввергнутой в хаос, но он никак не предполагал, что в момент появления милуфт в городе окажется лорд Хиссун со своим воинством и что его лучники так легко расправятся со смертоносными пернатыми. А теперь у Фараатаа милуфт не осталось, и потребуется не менее пяти лет, чтобы вывести их в количествах, достаточных для нового налета.

Зато оставались пиллигригормы, миллионы ганнигогов, запертых в клетках и готовых выйти на свободу, а вдобавок — квексы, врииги, замбинаксы, маламолы. Сохранились и кое-какие отравы: облако красной пыли, которое, если рассеять его ночью над городом, отравит на несколько недель все запасы воды; пурпурные споры, из которых появляются личинки, поражающие скот, и кое-что похуже. Фараатаа не решался применить некоторые лишь из-за того, что ученые говорили ему, что их непросто будет обезвредить после победы над неизменными. Но если окажется, что война ведется против его народа, что надеяться больше не на что, тогда Фараатаа отбросит все колебания и выпустит на волю все, что только способно причинить ущерб противнику, независимо от последствий.

К нему робко приблизился вернувшийся Аарисиим.

— Есть новости, о Король Сущий.

— С какого фронта?

— С обоих.

Фараатаа пристально посмотрел на него.

— И что, плохие вести?

Аарисиим колебался.

— На западе они уничтожают пиллигригормов. У них есть какой-то огонь, который они разбрасывают с помощью металлических труб, и этот огонь плавит панцири. Противник быстро продвигается через зону, где мы выпустили пиллигригормов.

— А на востоке? — ледяным тоном спросил Фараатаа.

— Они прорвались через лес, и мы не успели вовремя поставить сети. А теперь, по докладам разведчиков, они ищут Илиривойн.

— Чтобы отыскать Данипиур и заключить с ней союз против нас.— Глаза Фараатаа сверкнули.— Все это печально, Аарисиим, но наша песенка далеко не спета! Позови сюда Венууиаба, Симии и кого-нибудь еще. Мы сами отправимся в Илиривойн и схватим Данипиур, прежде чем они доберутся до нее. Если понадобится, мы предадим ее смерти, а тогда с кем они будут договариваться? Если им нужен пиуривар, обладающий достаточными полномочиями, останется один Фараатаа, а Фараатаа не пойдет ни на какие сделки с неизменными.

— Схватить Данипиур? — с сомнением в голосе переспросил Аарисиим.— Предать Данипиур смерти?

— Если придется,— сказал Фараатаа.— Я предам смерти весь мир, прежде чем они получат его!

Глава 5

Днем они сделали остановку в местечке под названием долина Престимион на востоке Ущелья, которое, насколько знал Валентин, когда-то отличалось высокоразвитым сельским хозяйством. Во время путешествия по исстрадавшемуся Зимроэлю ему постоянно приходилось видеть почти одно и то же — брошенные фермы, обезлюдевшие города, следы страшной борьбы за выживание,— но долина Престимион оказалась одним из наиболее унылых мест.

Здесь чернели обугленные поля и бродили молчаливые, подавленные жители.

— Мы выращивали лусавендру и рис,— рассказывал Валентину один из местных крестьян по имени Нитиккималь, который, кажется, был мэром этого района.— Потом пришла лусавендровая ржавчина, все погибло, и нам пришлось сжечь поля. И пройдет не меньше двух лет, прежде чем здесь можно будет что-нибудь сажать. Но мы остались тут. Ни один из нас не покинул долину Престимион, ваше величество. У нас мало еды, а нам, гэйрогам, нужно очень немного, как вы знаете, но даже нам не хватает пищи, и работы у нас нет, что лишает нас покоя, а когда смотришь на испепеленную землю, такая тоска берет! Но это наша земля, и мы останемся на ней. Будем ли мы опять когда-нибудь возделывать наши поля, ваше величество?

— Я уверен, что будете,— ответил Валентин, не будучи уверенным, однако, не являются ли его слова ложным утешением.

Жил Нитиккималь в начале долины в просторном доме с высокими стропилами из черного дерева даннимора и крышей из зеленого сланца. Но внутри было сыро и гуляли сквозняки, будто крестьянин уже не имел ни малейшего желания заниматься ремонтом, столь необходимым в дождливом климате долины Престимион.

После обеда Валентин немного отдохнул в большой комнате, предоставленной хозяином, прежде чем отправиться в муниципалитет на встречу с местными жителями. Сюда ему и принесли толстую пачку донесений с востока. Он узнал, что Хиссун углубился на территорию метаморфов где-то в окрестностях Стейч и занят поисками новой столицы мятежников, известной под названием Новый Велализиер. Интересно, подумал Валентин, повезет ли Хиссуну больше, чем ему, когда он рыскал по джунглям, пытаясь найти кочевой город Илиривойн. А Диввис собрал вторую армию, еще большей численностью, чтобы войти в земли пиуриваров с другой стороны. Валентина беспокоило появление в джунглях столь воинственного человека, как Диввис. Он не хотел посылать армии для прочесывания Пиурифэйна, он стремился этого избежать, но понимал, что обстоятельства диктуют свои условия. Нынешние времена требовали Хиссунов и Диввисов, а не Валентинов: он исполнит должным образом свою роль, а они — свою, и тогда, если на то будет воля Божества, нанесенные миру раны в один прекрасный день начнут исцеляться.

Он просмотрел остальные донесения. Новости с Замковой горы: регентом стал Стазилейн, который тянет лямку повседневных государственных забот. Валентин жалел его. Красавец-непоседа Стазилейн теперь почти не выходит из-за стола и выводит свое имя на всяких бумажках. Как изменило всех нас время, подумал Валентин. Мы, которые когда-то представляли себе жизнь на Замковой горе сплошной охотой и развлечениями, согнулись под грузом ответственности и поддерживаем своими спинами несчастный, разваливающийся мир. Каким далеким казался теперь Замок, как далеки все радости тех времен, когда все шло своим чередом и миром не надо было управлять, и весна цвела круглый год!

Имелись также сообщения от Тунигорна, продвигавшегося по Зимроэлю вслед за Валентином и занимавшегося рутинными делами по оказанию помощи населению: распределением продовольствия, сохранением уцелевших запасов, погребением покойников и прочими мероприятиями, направленными на борьбу с голодом и болезнями. И это Тунигорн — замечательный стрелок и великолепный игрок! Да, подумал Валентин, теперь он расплачивается, да и все мы тоже, за легкость и благополучие нашего беззаботного детства на Горе.

Он отодвинул донесения в сторону и достал из шкатулки зуб дракона, который сунула ему в руку та женщина по имени Милилейн, когда он входил в Кинтор. С самого первого прикосновения к зубу он понял, что тот не просто диковинная безделушка, амулет для суеверных слепцов. Но лишь по прошествии нескольких дней, пытаясь вникнуть в его значение и угадать, как его можно использовать,— причем всегда тайно, не посвящая в свои занятия даже Карабеллу,— Валентин начал понимать, что за вещь подарила ему Милилейн.

Он притронулся к блестящей поверхности зуба, столь хрупкого на вид и почти прозрачного. Однако он не уступал прочностью самому твердому из камней, а его тонкие края были остры, словно заточенное стальное лезвие. На ощупь он был прохладным, но Валентину казалось, что сердцевина его состоит из пламени.

В его мозгу вновь зазвучала музыка колоколов.

Сначала торжественный, почти похоронный перезвон; затем — быстрая смена звуков, каскад ускоряющихся ритмов, которые скоро превратились в почти неразборчивую мешанину из различных мелодий, когда очередная начинала звучать еще до окончания предыдущей; а потом — все мелодии слились воедино, образовав сложную, ошеломительную симфонию. Да, теперь он знал, что это за музыка, понимал, что она — песня водяного короля Маазмурна, которого жители суши знали как дракона лорда Кинникена, который был самым могучим из всех громадных морских драконов.

Валентину потребовалось немало времени, чтобы понять, что он слышал музыку Маазмурна задолго до того, как талисман попал к нему в руки. Много путешествий тому назад, плывя в первый раз от Алханроэля в сторону Острова Сна, он спал в каюте «Леди Тиин» и видел сон, в котором паломники в белых одеждах, среди которых был и он сам, устремились к морю, где вырисовывались очертания огромного дракона, известного как дракон лорда Кинникена. Зверь лежал с разверстой пастью, куда попадали все приближавшиеся к нему паломники. И когда этот дракон двинулся к берегу и даже выбрался на сушу, от него стал исходить колокольный звон — звук настолько тяжелый и ужасный, что, казалось, он рвет воздух.

От этого зуба исходил тот же самый звон. И Валентин мог бы с его помощью, если бы ему удалось сосредоточиться и отправить

разум в странствие по свету, войти в контакт со сверхъестественным сознанием гигантского водяного короля Маазмурна, которого непосвященные называли драконом лорда Кинникена. Таков был дар Милилейн. Откуда она могла знать, как его может использовать он, и только он? А может быть, она вовсе того не знала? Возможно, она подарила ему зуб лишь потому, что он представлял в ее глазах святыню, и она даже не подозревала, что ее дар можно использовать таким образом, для сосредоточения силы воли...

— Маазмурн. Маазмурн.

Он пробовал. Он искал. Он звал. С каждым днем он все ближе подходил к полноценному общению с водяным королем, к настоящему разговору с ним, к соединению разумов. Он почти добился того. Может быть, сегодня, завтра или послезавтра...

— Ответь мне, Маазмурн. Тебя зовет понтифекс Валентин.

Он больше не испытывал страха перед невероятным разумом дракона. За время тайных странствий души он начал понимать, насколько ошибочным было представление сухопутных обитателей Маджипура об исполинах морских глубин. Да, водяные короли внушают страх; но бояться их не надо.

— Маазмурн. Маазмурн.

Еще немного, подумал он.

— Валентин!

Из-за двери раздался голос Карабеллы. Валентин резко вышел из транса, подскочив и чуть не свалившись на пол. Затем взял себя в руки, положил зуб обратно в шкатулку, успокоился и вышел из комнаты.

— Нам пора в муниципалитет,— сказала она.

— Да-да, конечно.

Отзвуки тех таинственных колоколов все еще отдавались в его душе.

Но теперь ему предстоит исполнять другие обязанности. Зуб Маазмурна может немного подождать.

Час спустя Валентин расположился на помосте в зале муниципалитета, а крестьяне медленно рассаживались перед ним. Они отвешивали ему поклоны и подносили для благословения свои орудия труда — косы, мотыги и прочее,— будто понтифекс одним возложением рук мог восстановить прежнее процветание пораженной болезнями долины. Сначала он подумал, что это, по всей видимости, какое-то древнее поверье, распространенное

среди сельских жителей здешних мест, в большинстве своем гэйрогов; но потом решил, что нет, вряд ли, поскольку до того ни один понтифекс не посещал долину Престимион, да и любой другой район Зимроэля, и у них не было никаких оснований ожидать его появления здесь. Скорее всего, эту традицию придумали тут же, на месте, когда узнали, что предстоит встреча с ним.

Но, впрочем, какая разница? Они подносили ему свои орудия, он прикасался то к ручке, то к лезвию, то к древку, улыбался самой задушевной улыбкой, находил для каждого сердечные слова, ободрял, и они отходили от него довольные и сияющие.

Уже в конце вечера в зале началось какое-то оживление, и Валентин, подняв голову, увидел приближающуюся к нему странную процессию. По проходу в сопровождении двух женщин своей расы медленно брела гэйрогша весьма преклонного возраста, если судить по почти бесцветным чешуйкам и поникшим змейкам ее волос. Она казалась слепой и совершенно немощной, однако держалась удивительно прямо и с усилием, будто пробиваясь сквозь каменную стену, продвигалась вперед.

— Это Аксимаан Трейш! — шепотом произнес Нитиккималь.— Вы слышали о ней, ваше величество?

— К сожалению, нет.

— Мудрейшая женщина, кладезь знаний, самая известная из лусавендровых плантаторов. Говорят, она чуть ли не при смерти, но добилась того, чтобы увидеть вас сегодня.

— Лорд Валентин! — окликнула она его чистым, звенящим голосом.

— Уже не лорд,— отозвался он,— а понтифекс Валентин. Вы оказали мне большую честь вашим визитом, Аксимаан Трейш. Ваша слава опережает вас.

— Валентин... понтифекс...

— Подойдите, дайте мне вашу руку,— сказал Валентин. Он взял обеими руками ее иссохшиеся, древние лапы и крепко их сжал. Он смотрел ей прямо в глаза, хотя по прозрачности ее зрачков ему было ясно, что она ничего не видит.

— Нам говорили, что вы самозванец,— заявила она.— Здесь появлялся маленький краснолицый человек и говорил, что вы ненастоящий корональ. Но я не стала его слушать и ушла отсюда. Я не знала, настоящий вы или нет, но решила, что не ему рассуждать о таких вещах, не этому краснолицему.

— Да, это был Семпетурн, я встречался с ним,— сказал Валентин.— Теперь он поверил в того, кто был истинным короналем, а теперь стал истинным понтифексом.

— А вы восстановите целостность мира, истинный понтифекс? — спросила Аксимаан Трейш голосом удивительно звонким и чистым.

— Мы все будем восстанавливать наш мир, Аксимаан Трейш.

— Нет, не все. Мне уже не придется, понтифекс Валентин. Я умру с недели на неделю. Скоро, во всяком случае. Но я хочу добиться от вас обещания, что мир станет таким же, как и раньше — для моих детей, для моих внуков. Если вы дадите мне такое обещание, тогда я встану на колени перед вами, но если вы дадите ложную клятву, то пусть Божество покарает вас так же, как и всех нас, понтифекс Валентин!

— Я обещаю вам, Аксимаан Трейш, что мир будет полностью восстановлен, станет еще краше, и уверяю вас: это не ложная клятва. Но я не могу позволить, чтобы вы становились передо мной на колени.

— Я сказала, что встану, значит, встану! — И, с удивительной легкостью отмахнувшись от обеих женщин, как от мошек, она с глубоким почтением опустилась на колени, хотя ее тело казалось негнущимся, как кусок кожи, пролежавший лет сто на солнце. Валентин склонился, чтобы поднять ее, но одна из женщин — ее дочь, скорее всего, дочь — перехватила его руку и удержала, а потом в страхе посмотрела на свою ладонь, будто не веря, что посмела прикоснуться к понтифексу. Аксимаан Трейш поднялась медленно, но без посторонней помощи и сказала: — Вы знаете, сколько мне лет? Я родилась при понтифексе Оссиере. Думаю, что старше меня на свете никого нет. А умру я при понтифексе Валентине: и вы восстановите мир.

Наверное, она хотела произнести пророчество, подумал Валентин. Но ее слова больше напоминали приказ.

Он сказал:

— Я исполню все, Аксимаан Трейш, а вы доживете до того дня, когда сможете увидеть обновленный мир собственными глазами.

— Нет-нет. Второе зрение приходит, когда пропадает первое. Жизнь моя почти закончена, но ваш путь я вижу отчетливо. Вы спасете нас, сделав то, что сами считаете невозможным.

А завершите свои деяния тем, что вам меньше всего хотелось бы сделать. И хотя вы творите невозможное, а после чего совершите нежелаемое, вы будете знать, что поступили правильно, и возрадуетесь тому, понтифекс Валентин. А теперь, понтифекс, дай нам исцеление.— Ее раздвоенный язык мелькал с невероятной быстротой.— Исцели нас, понтифекс Валентин! Исцели нас!

Она развернулась и медленно двинулась обратно, отказавшись от помощи сопровождавших ее женщин.

Прошло не меньше часа, прежде чем Валентин смог высвободиться из обступивших его плотной толпой жителей долины Престимион: они окружили его в какой-то исступленной надежде, будто некая аура, исходившая от понтифекса, сама по себе могла преобразить их жизнь и чудесным образом вернуть во времена, предшествовавшие гибели лусавендры. Но Карабелла в конце концов сослалась на усталость и увела его оттуда. По дороге к дому Нитиккималя у него перед глазами стояла Аксимаан Трейш, а в ушах все еще звучало сухое шипенье ее голоса. Вы спасете нас, сделав то, что сами считаете невозможным. А завершите свое деяние тем, что вам меньше всего хотелось бы сделать. А теперь, понтифекс, дай нам исцеление. Да, именно так. Исцели нас, понтифекс Валентин! Исцели нас.

Но внутри него продолжала звучать и музыка водяного короля Маазмурна. В прошлый раз он был так близок к окончательному прорыву, к настоящему контакту с немыслимо громадным обитателем морских глубин. Сейчас же... сегодня же ночью...

Перед отходом ко сну Карабелла ненадолго задержалась, чтобы поговорить с ним. Эта древняя гэйрогша и на нее произвела неизгладимое впечатление, и она почти все время возвращалась к тому, с какой силой прозвучали слова Аксимаан Трейш, как завораживающе неотступно смотрели ее незрячие глаза, так таинственно выглядело ее пророчество. Наконец она легонько поцеловала Валентина и зарылась в темноту огромной кровати.

Валентин подождал еще несколько минут, показавшихся ему бесконечными, затем извлек зуб морского дракона.

— Маазмурн?

Он сжимал зуб так крепко, что края того врезались ему в ладонь. Он тут же направил всю силу своего разума на то, чтобы навести мост через пропасть в несколько тысяч миль, отде-

ляющую долину Престимион от морских глубин — но каких? Возле полюса — где скрывался морской король.

— Маазмурн?

— Я слышу тебя, брат на суше, брат Валентин, брат-король. Наконец-то!

— Ты знаешь, кто я?

— Я знаю тебя. Я знал твоего отца. Я знал многих до тебя.

— Ты говорил с ними?

— Нет. С тобой первым. Но я знал их. Они меня не знали, но я их знал. Я прожил много оборотов океана, брат Валентин. И я наблюдал за всем, что происходило на суше.

— Ты знаешь, что происходит сейчас?

— Знаю.

— Нас уничтожают. И ты участвуешь в этом уничтожении.

— Нет.

— Ты руководишь мятежниками-пиуриварами в их войне против нас. Нам это известно. Они почитают вас как богов, а вы их учите, как извести нас.

— Нет, брат Валентин.

— Я знаю, они поклоняются вам.

— Да, они молятся нам, поскольку мы боги. Но мы не поддерживаем их. Мы даем им лишь то, что дали бы любому, кто обратился бы к нам за помощью, но не ставим целью добиться вашего изгнания из этого мира.

— Вы наверняка ненавидите нас!

— Нет, брат Валентин.

— Мы охотимся на вас. Мы убиваем вас. Мы поедаем вашу плоть, пьем вашу кровь и делаем безделушки из ваших костей.

— Да, это правда. Но почему мы должны ненавидеть вас, брат Валентин? Почему?

Валентин ответил не сразу. Он лежал рядом со спящей Карабеллой, похолодевший, дрожащий, с благоговейным трепетом осмысливая все услышанное: спокойное признание в том, что драконы — боги (хоть и непонятно, что сие означает); отрицание соучастия в мятеже, а теперь еще и поразительное утверждение об отсутствии ненависти к народам Маджипура за все, что они сделали. Слишком много для одного раза, сокрушительная лавина нового знания обрушилась туда, где перед этим был лишь звук колоколов да ощущение чьего-то дальнего, неясного присутствия.

— Значит, вы неспособны на гнев, Маазмурн?

— Мы понимаем, что такое гнев.

— Но не чувствуете его?

— Речь идет не о гневе, брат Валентин. То, что делают с нами ваши охотники, вполне естественно. Это — часть жизни; это — одна из сторон сущего. Как я, как ты. Мы восхваляем сущее во всех его проявлениях. Вы убиваете нас, когда мы проходим мимо берега того, что вы называете Зимроэлем, и вы этим пользуетесь; иногда мы убиваем вас на ваших кораблях, если нам кажется, что именно так нужно сделать в тот или иной миг, и, таким образом, и мы извлекаем из вас пользу; и все это — Сущее. Когда-то пиуривары убили нескольких из нас в своем каменном городе, который лежит сейчас мертвым. Чтобы искупить свое, на их взгляд чудовищное, преступление, они разрушили свой город. Но они не поняли. Никто из вас, детей суши, не понимает. Все это — лишь проявления Сущего.

— А наше сопротивление тому, что пиуривары делают с нами? Мы не должны сопротивляться? Нужно ли нам покориться судьбе, поскольку и она — Сущее?

— Ваше сопротивление — тоже Сущее.

— Тогда твоя философия мне совершенно непонятна, Маазмурн.

— И необязательно, брат Валентин. Но и она, и твое непонимание — Сущее.

Валентин замолчал снова. Пауза продолжалась дольше, чем предыдущая, но Валентин постоянно поддерживал контакт.

Потом сказал:

— Я хочу, чтобы закончилось время разрушения. Я собираюсь сохранить на Маджипуре то, что мы воспринимаем, как Сущее.

— Конечно.

— Мне нужна твоя помощь.

Глава 6

— Мы поймали метаморфа, мой лорд,— сказал Альсимир.— Он утверждает, что у него есть для вас и только для вас срочное сообщение.

Хиссун сдвинул брови:

— Лазутчик, как ты думаешь?

— Скорее всего, мой лорд.

— Или даже убийца.

— Конечно, такую возможность тоже нельзя исключать, но я полагаю, что здесь он оказался не для того. Я знаю, мой лорд, что он — метаморф, и любые наши предположения могут оказаться сомнительными, но тем не менее я присутствовал при его допросе, и он кажется искренним. Кажется.

— Искренность метаморфа! — рассмеялся Хиссун.— А помнишь, как они заслали шпиона в свиту к лорду Валентину?

— Да, мне рассказывали. Что же тогда с ним делать?

— Думаю, привести ко мне.

— А если он собирается выкинуть какой-нибудь грязный трюк?

— Тогда нам придется шевелиться быстрее, чем он, Альсимир. Но все же приведи его.

Хиссун понимал, что рискует, но никак нельзя отказываться от встречи с тем, кто объявил себя посланцем противника, или просто отправить его на смерть по одному лишь подозрению в злокозненности. Положа руку на сердце, он мог признаться, что ему будет даже интересно взглянуть наконец на метаморфа после стольких недель блужданий по раскисшим джунглям. За все это время они не встретили ни одного метаморфа, ни единого.

Армия расположилась лагерем на опушке рощи гигантских двикковых деревьев вдоль восточной границы Пиурифэйна неподалеку от реки Стейч. Двикки представляли собой воистину внушительное зрелище: поразительных размеров деревья со стволами окружностью с большой дом; с ярко-красной блестящей корой, изрытой невероятно глубокими трещинами; с листьями, настолько широкими, что под каждым из них могло укрыться от проливного дождя не менее двадцати человек; с колоссальными грубокожими плодами размерами не меньше экипажа, внутри которых содержалась ядовитая мякоть.

Но чудеса растительного мира вряд ли могли восполнить однообразие форсированного марша по залитым дождями джунглям метаморфов. Дождь лил непрерывно; плесень и гниль проникали повсюду, даже, как иногда казалось Хиссуну, и в некоторые мозги; и хотя армия растянулась по фронту на сотню миль с лишним, а второй город метаморфов Авендройн предположительно должен был находиться где-то посередине линии фронта, пока

не удавалось увидеть ни города, ни следов поселений, ни признаков путей эвакуации, и вообще ни единого метаморфа. Складывалось впечатление, что они — какие-то мифологические существа, а джунгли необитаемы.

Диввис, насколько знал Хиссун, сталкивается с такими же трудностями на другой стороне Пиурифэйна. Метаморфы немногочисленны, а их города, по-видимому, чуть ли не складные. Вероятно, они перемещаются с места на место, как легкокрылые ночные насекомые. А может быть, они приняли вид деревьев и кустов, стоят себе спокойненько и давятся со смеха, наблюдая за тем, как мимо них топает армия короналя. И даже огромные двикки, вполне возможно, могут быть разведчиками метаморфов, подумал Хиссун. Надо поговорить с этим шпионом, посланником, убийцей или кто он там: возможно удастся от него что-нибудь узнать, а нет — так хоть какое-то развлечение.

Вскоре вернулся Альсимир с надежно охраняемым пленником.

Он был похож на всех пиуриваров, виденных Хиссуном раньше: странная, вызывающая смутное беспокойство фигура, чрезвычайно высокая, худая до истощения, почти обнаженная, если не считать кожаной набедренной повязки. Кожа и тонкие упругие пряди волос имели необычный бледиовато-зеленый оттенок, а лицо было едва ли не лишено всяких черт: губы-щели, носшишка, а глаза настолько узкие, что их почти не видно за веками. Вид у пленника был беспокойный и совсем не грозный. Но тем не менее Хиссуну хотелось, чтобы рядом с ним оказался кто-нибудь, способный читать в душах, например, Делиамбер, Тизана или даже сам Валентин, для кого чужие тайны не были секретом. Этот метаморф, возможно, задумал что-нибудь нехорошее.

— Кто вы? — спросил Хиссун.

— Меня зовут Аарисиим. Я служу Королю Сущему, которого вы знаете под именем Фараатаа.

— Вас послал ко мне он?

— Нет, лорд Хиссун. Он не знает, что я здесь.— Метаморф вдруг задрожал, как-то судорожно заколыхался, и на мгновение показалось, что его тело видоизменяется и плывет. Телохранители короналя тут же встали стеной между метаморфом и Хиссуном, опасаясь, что эти движения — прелюдия к нападению, но

Аарисиим тут же овладел собой и принял прежний вид. Он тихо сказал: — Я пришел сюда, чтобы предать Фараатаа.

— Вы собираетесь показать нам, где он укрывается? — изумился Хиссун.

— Да.

Слишком хорошо, чтобы быть правдой, подумал Хиссун, глядя по очереди на Альсимира, Стимиона и других ближайших советников. Они явно испытывали те же чувства: скептицизм, настороженность, враждебность.

— Почему вы хотите это сделать?

— Он совершил нечто противозаконное.

— Война в самом разгаре, а вы пришли к нам только теперь...

— Я хотел сказать, мой лорд, противозаконное по нашим обычаям, а не по вашим.

— Ах, вот как. И что же произошло?

— Он отправился в Илиривойн, захватил Данипиур и собирается ее убить. Незаконно захватывать Данипиур. Незаконно лишать ее жизни. Он не слушает ничьих советов. Он захватил ее. К моему стыду. Я находился среди тех, кто был с ним. Я думал, что он хочет держать ее в плену, чтобы она не могла пойти на сделку с вами, неизменными, против нас. Он говорил, что не будет убивать ее, пока не решит, что война полностью проиграна.

— А сейчас он так думает? — спросил Хиссун.

— Нет, лорд Хиссун. Он считает, что война еще далеко не проиграна: он готов выпустить на вас новых тварей и новые болезни и считает, что находится на пороге победы.

— Зачем тогда убивать Данипиур?

— Для закрепления своей победы.

— Безумие!

— Я тоже так думаю, мой лорд.— Сейчас глаза Аарисиима были широко раскрыты и горели странным огнем.— Он рассматривает ее в качестве опасного соперника из-за того, что она склоняется к миру, а не к войне. Если ее убрать, для его власти не останется никакой опасности. Но это еще не все. Он собирается заклать ее на алтаре — принести ее кровь в жертву водяным королям за их продолжительную помощь. Он соорудил храм по образцу того, что находился в Старом Велализиере, и сам возложит Данипиур на жертвенный камень, и своими собственными руками отнимет у нее жизнь.

— А когда это должно произойти?

— Сегодня ночью, мой лорд. В Час Хайгуса.

— Сегодня ночью?

— Да, мой лорд. Я добирался со всей возможной быстротой, но ваша армия такая огромная, я боялся, что меня убьют, прежде чем я доберусь до вашей личной охраны. Мне надо бы прийти к вам вчера или позавчера, но не было возможности, я не мог...

— Сколько дней отсюда до Нового Велализиера?

— Наверное, четыре. Может быть, и три, если спешить.

— Тогда Данипиур погибла! — гневно воскликнул Хиссун.

— Но если он не убьет ее...

— Вы сказали, что жертвоприношение состоится сегодня ночью.

— Да, сегодня луны и звезды благоприятствуют ему, но вдруг он потеряет решимость, передумает в последний миг...

— Часто ли Фараатаа теряет решимость? — поинтересовался Хиссун.

— Никогда, мой лорд.

— Тогда мы никак не сможем вовремя добраться до места.

— Не сможем, мой лорд,— мрачно подтвердил Аарисиим.

Хиссун хмуро посмотрел в сторону двикковой рощи. Что будет, если Данипиур погибнет? Тогда не останется никакой надежды на соглашение с метаморфами: он понимал, что лишь она одна могла смягчить ожесточение мятежников и заставить их пойти на компромисс. Без нее начнется война на истребление.

Он спросил у Альсимира:

— Где сейчас понтифекс?

— Он к западу от Кинтора. Возможно, добрался до Дюлорна, и, скорее всего, сейчас где-то в районе Ущелья.

— А можем мы послать ему туда сообщение?

— У нас очень ненадежная связь с теми местами, мой лорд.

— Я знаю. Я хочу, чтобы ты хоть как-нибудь, любым способом, передал ему эту новость в течение двух часов. Испробуй все, что можно. Воспользуйся колдунами, пошли сообщение Хозяйке Острова Сна, чтобы она попыталась достать его через сновидения. Делай все, что только можно представить, понимаешь, Альсимир? Он должен узнать, что сегодня ночью Фараатаа собирается убить Данипиур. Передай ему это как хочешь и скажи, что только он может ее спасти. Любой ценой.

Глава 7

Для этой цели, подумал Валентин, ему понадобятся и обруч Хозяйки Острова Сна, и зуб Маазмурна. Не должно быть никаких помех, никаких искажений послания: он использует все имеющиеся в его распоряжении возможности.

— Встаньте ко мне поближе,— приказал он Карабелле, Делиамберу, Тизане и Слиту.— Окружите меня. Когда я дотянусь до вас, возьмите меня за руку. Не говорите ничего: только держите.

День был ясным и прозрачным. В свежем бодрящем воздухе пахло алабандиновым нектаром. Но далеко на востоке, в Пиурифэйне, уже опускались сумерки.

Он надел обруч, стиснул в руке зуб водяного короля, глубоко вдохнул свежий, ароматный воздух, от которого у него закружилась голова.

— Маазмурн?

Валентин исторг зов с такой силой, что окружавшие его, должно быть, почувствовали отдачу: Слит содрогнулся, Карабелла прижала ладони к ушам, а у Делиамбера вдруг начали возбужденно извиваться щупальца.

— Маазмурн? Маазмурн?

Колокольный звон. Медленное, тяжелое шевеление гигантского тела, качающегося в холодных северных водах. Легкое шевеление огромных черных крыльев.

— Я слышу, брат Валентин.

— Помоги мне, Маазмурн.

— Помочь? Чем я могу помочь?

— Позволь мне пролететь по миру с твоим духом.

— Тогда иди ко мне, брат-король, брат Валентин.

Это оказалось до изумления просто. Он почувствовал, что становится легким, взмыл вверх. Он плыл, парил, летел. Под ним половинкой огромного шара лежала планета, что погружалась на востоке в ночную темноту. Водяной король нес его безмятежно, безо всяких усилий, как великан мог бы нести на ладони маленького котенка, все дальше и дальше над открывающимся под ним миром. Он ощущал себя единым целым с планетой, он чувствовал себя воплощением всех двадцати миллиардов ее жителей — людей, скандаров, хьортов, метаморфов и всех остальных, они перемещались внутри него, подобно кровяным тельцам. Он был одновременно повсюду; являлся всей печалью и всей

радостью мира, всей тоской и всей нуждой. Он был всем. Он был бурлящей вселенной конфликтов и противоречий. Он ощущал горячее дыхание пустыни, теплый дождик тропиков и холод горных вершин. Он смеялся, плакал, умирал, любил, ел, пил, танцевал, сражался, бешено скакал по неизведанным местам, трудился в поле, прорубал тропу в буйных зарослях джунглей. В океанах его души показывались на поверхности громадные морские драконы и, издав чудовищный протяжный рев, вновь скрывались в бездонных глубинах. Он посмотрел вниз и увидел раны земли, те места, где земля восстала и столкнулась сама с собой, увидел, как все можно исцелить, воссоединить и вернуть к мирной, спокойной жизни. Все охватывалось Сущим. Все было частью всеобъемлющей, единой гармонии.

Но он ощущал во всей великой гармонии один-единственный диссонанс.

Тот врывался резким, пронзительным, визгливым, скрипучим звуком, разрезал ткань мира, подобно ножу, оставляя за собой кровавый след, раздирал целостность на части.

Валентин знал, что даже этот диссонанс — одна из граней Сущего. И все же эта сторона Сущего — мутящая воду, поднимающая пену, ревущая в своем безумии на обширных пространствах мира — была частью Сущего, не способной принять Сущее. Она кричала во всю мочь «Нет!» всем остальным. Она восставала против тех, кто будет восстанавливать гармонию, латать разорванную ткань, кто восстановит единство целостности.

— Фараатаа?

— Кто ты?

— Понтифекс Валентин.

— Дурак Валентин. Младенец Валентин.

— Нет, Фараатаа. понтифекс Валентин.

— Твой титул для меня пустой знак. Я — Король Сущий!

Валентин рассмеялся, и смех его рассыпался по миру дождем капель золотистого меда. Он воспарил на крыльях великого короля драконов, поднявшись чуть ли не до края неба, откуда мог разглядеть сквозь темноту вершину Замковой горы, пронзающей небеса на другой стороне мира, и Великий океан за ней. Он посмотрел вниз, на джунгли Пиурифэйна и вновь рассмеялся, наблюдая за разъяренным Фараатаа, что извивался и барахтался под ливнем этого смеха.

— Фараатаа?

— Чего ты хочешь?

— Нельзя ее убивать, Фараатаа.

— Кто ты такой, чтобы указывать мне?

— Я — Маджипур.

— Ты — глупец Валентин. А я — Король Сущий.

— Нет, Фараатаа.

— Нет?

— Я вижу, как старая сказка не дает тебе покоя. Грядущий Принц, Король Сущий: как ты мог возложить на себя эти титулы? Ты — не Принц и никогда не будешь Королем.

— Ты надоел мне со своими бреднями. Оставь меня, или я сам тебя выброшу.

Валентин ощутил усилие, толчок. Он отразил его.

— Грядущий Принц — существо, совершенно лишенное ненависти. Разве ты можешь это отрицать, Фараатаа? О том говорится в легенде твоего же народа. Ему не присуща мстительность. Он не лелеет жажду разрушения. А в тебе, Фараатаа, нет ничего, кроме ненависти, мстительности, жажды разрушения. Если их отнять у тебя, то останется одна внешняя оболочка, шелуха.

— Дурак.

— Твои притязания необоснованны.

— Дурак.

— Позволь мне забрать твою злобу и ненависть, Фараатаа, если ты хочешь быть королем, которым себя объявляешь.

— Ты несешь совершенную чушь.

— Соглашайся, Фараатаа. Освободи Данипиур. Дай мне свою душу для исцеления.

— Данипиур умрет через час.

— Нет, Фараатаа.

— Смотри!

Разошлись переплетенные верхушки деревьев в джунглях, и Валентин увидел при свете факелов Новый Велализиер. Сложенные из бревен храмы, знамена, алтарь, уже пылающий погребальный костер. К валуну прикована молчаливая женщина-метаморф величественного вида. Вокруг нее пустые, враждебные лица. Ночь, деревья, звуки, запахи. Музыка. Пение.

— Отпусти ее, Фараатаа. А потом приходите ко мне, ты и она, и мы вместе совершим то, что должно быть сделано.

— Никогда. Я вручу ее богу своими собственными руками. И эта жертва станет искуплением за Осквернение, когда мы убили наших богов и в наказание получили вас.

— Ты ошибаешься даже тут, Фараатаа.

— Что?

— В тот день в Велализиере боги отдали себя по собственной воле. Это была их жертва, которой вы не поняли. Вы придумали миф об Осквернении, ошибочный миф. Это ошибка, Фараатаа, полнейшее заблуждение. Водяной король Низнорн и водяной король Домситор добровольно пожертвовали собой в тот далекий день, как сейчас водяные короли отдают себя нашим охотникам во время плавания вокруг Зимроэля. А ты этого не понимаешь. Ты совсем ничего не понимаешь.

— Глупость. Безумие.

— Освободи ее, Фараатаа. Пожертвуй своей ненавистью, как водяные короли пожертвовали собой.

— Я убью ее сейчас же, своими руками.

— Ты не должен этого делать, Фараатаа. Отпусти ее.

— НЕТ.

Ужасная сила этого «нет» оказалась неожиданной: оно поднялось как гигантская океанская волна и нахлынуло на Валентина, ударив его с ошеломляющей мощью, поглощая, погружая на мгновение в хаос. И пока Валентин изо всех сил старался устоять, Фараатаа нанес ему второй такой же удар, и третий, и четвертый, и они били по нему все с той же сокрушительной силой. Но потом Валентин ощутил мощь водяного короля, на которой покоилась его собственная сила, перевел дыхание, восстановил равновесие и вновь ощутил свое могущество.

Он дотянулся до вождя мятежников.

Он вспомнил, как пережил подобное много лет назад в последний час войны за реставрацию, когда один вошел в зал судебных совещаний и застал там кипящего от ярости узурпатора Доминина Барджазида. И Валентин послал ему любовь, дружбу, сожаление по поводу произошедшего между ними. Он послал ему надежду на мирное улаживание всех разногласий, на прощение всех прегрешений, на безопасный выход из Замка. Барджазид ответил неповиновением, ненавистью, гневом, презрением, воинственностью, объявлением вечной войны. Валентин ничего не забыл. И теперь все повторяется снова: вновь перед ним

отчаянный, исполненный ненависти враг, вновь яростное сопротивление, решительный отказ свернуть с пути, ведущего к смерти и разрушению; отвращение и омерзение, насмешка и презрение.

От Фараатаа он не ожидал большего, чем от Доминина Барджазида. Но он оставался Валентином и по-прежнему верил в возможность торжества любви.

— Фараатаа?

— Ты — младенец Валентин.

— Предайся мне мирно. Оставь свою ненависть, если хочешь быть тем, кем ты объявил себя.

— Оставь меня, Валентин.

— Я иду к тебе.

— Нет-нет-нет-нет.

На этот раз Валентин приготовился к вспышке отрицания, лавиной накатившейся на него. Он перехватил силу ненависти Фараатаа и убрал ее в сторону, предложив взамен любовь и доверие, и получил в ответ еще больше ненависти — непоколебимой, неизменной, упрямой.

— Ты не оставляешь мне выбора, Фараатаа.

Пожав плечами, Фараатаа двинулся к алтарю, к которому была привязана Данипиур. Он замахнулся кинжалом из полированного дерева.

— Делиамбер,— окликнул Валентин.— Карабелла. Тизана. Слит.

Они схватили его за руки, локти, плечи. Он почувствовал, как в него вливаются их силы. Но этого было недостаточно. Он воззвал к Хозяйке Острова, к новой Хозяйке Острова Сна, матери Хиссуна, взял ее силу; позаимствовал силы и у своей матери, бывшей Хозяйки Острова Сна. Все равно мало. Он мгновенно перенесся в другое место.

— Тунигорн! Стазилейн! Помогите мне! — Они присоединились к нему. Он отыскал Залзана Кавола. Нашел Эйзенхарта. Добрался до Эрманара. Пришел к Лизамон. Мало. Недостаточно. Еще: «Хиссун! Приди и ты, Хиссун. Дай мне твою силу. Дай мне твою отвагу».

— Я здесь, ваше величество.

Да-да. Теперь можно. Он вновь вспомнил слова старухи Аксимаан Трейш: «Вы спасете нас, сделав то, что считаете невозможным». Да. Теперь это возможно.

— Фараатаа!

От Валентина в сторону Пиурифэйна помчался сгусток мощи, подобный трубному гласу. В одно мгновение он преодолел все расстояния и достиг цели, которой не был сам Фараатаа, но, скорее, ненависть в душе Фараатаа, слепая, яростная, несгибаемая страсть к мести, разрушению, уничтожению. Валентин обнаружил ее и вырвал из души Фараатаа единым неодолимым порывом. Валентин вобрал в себя всю кипящую ярость метаморфа, лишил ее силы и отбросил. И Фараатаа стал пустым.

Еще мгновение его рука оставалась высоко поднятой над головой, мышцы сохраняли напряжение, кинжал был по-прежнему нацелен в сердце Данипиур. Но потом из Фараатаа исторгся безмолвный вопль, крик без звука, пустота, вакуум. Он стоял, застывший, неподвижный, но был уже пуст: ракушка, шелуха. Кинжал выпал из его безжизненных пальцев.

— Иди,— сказал Валентин.— Во имя Божества, иди. Ступай!

Фараатаа упал и больше не двигался.

Наступила тишина. На мир опустилось пугающее спокойствие. Вы спасете нас, сказала Аксимаан Трейш, сделав то, что считаете невозможным. И он не колебался.

Издалека до него донесся голос водяного короля Маазмурна:

— Ты закончил свое путешествие, брат Валентин?

— Да, я закончил путешествие.

Валентин открыл глаза, отложил зуб и снял со лба обруч. Он огляделся и увидел странные бледные лица, испуганные глаза: Слит, Карабелла, Делиамбер, Тизана.

— Валентин...

Он посмотрел на Карабеллу.

— Что, любимая?

— С тобой все в порядке?

— Да,— ответил он.— Со мной все в порядке.— Он очень устал, он чувствовал себя очень странно. Но... да, с ним все в порядке. Он сделал то, что нужно было сделать. Выбора не было. И теперь это свершилось.

Он обратился к Слиту:

— Здесь наши дела завершены. Попрощайся от моего имени с Нитиккималем и другими местными жителями и скажи им, что все будет хорошо, что я им это торжественно обещаю. А затем отправимся в путь.

— Вперед, в Дюлорн? — спросил Слит.

Понтифекс улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Нет. На восток. Сначала в Пиурифэйн, чтобы встретиться с Данипиур и лордом Хиссуном и вдохнуть жизнь в новый мировой порядок. Теперь, когда мир лишился ненависти, такое возможно. А потом можно будет двигаться домой, Слит. Домой!

Глава 8

Церемонию коронации проводили на воздухе, на обширном газоне двора Вильдивар, откуда открывался чудесный вид на Девяносто Девять Ступеней и самые верхние пределы Замка. Вообще-то было не принято проводить коронацию где-нибудь, кроме тронного зала Конфалюма, но условностям не уделяли надлежащего внимания уже давно, а понтифекс Валентин настаивал на том, чтобы церемонию устроили на открытом воздухе. Кто же осмелился бы не согласиться с желанием понтифекса?

Итак, по воле понтифекса все собрались под чудесным весенним небом Замковой горы. Двор был роскошно украшен цветущими растениями — садовники принесли халатинговые деревья, пересадив их каким-то известным им способом, в огромные кадки, и ухитрившись не повредить бутоны, и теперь по обеим сторонам двора словно сверкали малиновые с золотом цветы. Были здесь танигалы и алабандины, караманги и сефитонгали, элдироны, пиннины и десятки других растений. Валентин приказал, чтобы цветов было море. Сказано — сделано: цветы со всех сторон.

Согласно обычаю Владыки царства на церемонии коронации, если присутствовали все четверо, располагались в строго заведенном порядке, образуя подобие ромба: середину ромба занимал новый корональ, понтифекс находился лицом к нему, с одной стороны стояла Хозяйка Острова, а с другой — Король Снов. Но эта коронация отличалась от всех предыдущих, имевших место на Маджипуре: на сей раз Владык было пять, и пришлось изобретать новое расположение.

Выглядело это так: понтифекс и корональ стояли рядом; по правую руку от короналя — лорд Хиссун, чуть поодаль — его мать Эльсинома, Хозяйка Острова; слева от понтифекса Валентина, на таком же расстоянии,— Минакс Барджазид, Король Снов; а перед ними, лицом к остальным — Данипиур из Пиурифэйна, пятая, последняя из властителей Маджипура.

Вокруг размещались ближайшие помощники и советники: с одной стороны от понтифекса — главный спикер Слит, с другой — леди Карабелла; рядом с короналем — Альсимир и Стимион; возле Хозяйки Острова — несколько иерархов, в том числе Лоривейд и Талинот Исульд. Король Снов привел с собой братьев, Кристофа и Доминина, а Данипиур окружал десяток пиуриваров в сверкающих шелковистых одеждах. Метаморфы сбились в плотную кучку, будто никак не могли до конца поверить, что присутствуют в качестве почетных гостей на церемонии, проходящей на вершине Замковой горы.

Еще дальше выстроились принцы и герцоги, в том числе Тунигорн, Стазилейн, Диввис, Миригант, Элзандир и все остальные, а также представители отдаленных провинций, таких как Алаизор и Стойен, Пилиплок, Ни-мойя и Пидруид. А еще — несколько особых гостей: Нитиккималь из долины Престимион, Милилейн из Кинтора и другие, чьи жизненные пути пересекались с путем понтифекса во время странствий последнего по свету. Здесь можно было увидеть даже краснолицего Семпетурна, помилованного за проявленную им доблесть во время кампании в Пиурифэйне: он стоял с изумленным и благоговейным видом и все время делал то знак Горящей Звезды в сторону лорда Хиссуна, то знак понтифекса в сторону Валентина, повторяя их столь часто, что можно было подумать, будто у него нервный тик. Присутствовали на коронации и несколько обитателей Лабиринта, друзья детства нового короналя: Ванимун, который в детстве был короналю как брат; стройная, с миндалевидными глазами сестра Ванимуна Шулэйр; Хойлан и три его брата; и кое-кто еще. Все они стояли, не шевелясь, с широко раскрытыми глазами и разинутыми ртами.

Вино, как обычно, лилось рекой. Были произнесены приличествующие случаю молитвы, спеты гимны, прозвучали традиционные речи. Церемония не дошла еще до середины, когда понтифекс Валентин поднял руку, призвав к вниманию.

— Друзья...— начал он.

Среди собравшихся пробежал изумленный шепот. Чтобы понтифекс обращался ко всем остальным — даже к Владыкам, даже к принцам — как к «друзьям»? Как-то странно... но так похоже на Валентина...

— Друзья,— повторил он.— Позвольте мне сказать лишь несколько слов, поскольку, как я думаю, потом вы очень редко

будете меня слышать, так как пришло время лорда Хиссуна, и замок этот — Замок лорда Хиссуна, и уже после сегодняшнего праздника я перестану в нем появляться. Я хочу только поблагодарить всех вас за то, что вы пришли сюда...— снова шепоток: выражал ли когда-нибудь благодарность хоть один понтифекс? — ...и попросить вас оставаться счастливыми и радостными, причем не только сегодня, а на протяжении всего времени согласия, в которое мы сейчас вступаем. Ведь ныне мы утверждаем в должности короналя, который будет править вами мудро и милосердно в течение многих лет по мере восстановления нашего мира; и мы приветствуем в качестве новой Власти еще одну царственную особу, которая совсем недавно была нашим врагом и больше им не будет, поскольку, по воле Божества, она и ее народ включились в жизнь Маджипура на равных правах со всеми остальными. Возможно, при доброй воле всех сторон удастся исправить древние ошибки и осуществить искупление.

Он сделал паузу и взял у виночерпия кубок, наполненный искрящимся вином. Подняв его, он продолжал:

— Я почти закончил. Мне остается только попросить Божество благословить наш праздник, а также попросить благословения у наших великих морских братьев, с которыми мы разделяем этот мир, возможно, за счет терпимости которых мы населяем небольшую часть этого огромного мира и с которыми после столь долгого молчания мы установили связь. Они стали нашим спасением, когда пришло время творить мир и залечивать раны; будем надеяться, что в грядущие времена они будут указывать нам путь.

А теперь, друзья, мы приближаемся к тому моменту церемонии, когда новопомазанный корональ наденет корону Горящей Звезды и взойдет на Трон Конфалюма. Конечно, сейчас мы не в тронном зале. По моей просьбе, по моему приказу: просто мне хотелось сегодня в последний раз вдохнуть чудесный воздух Замковой горы и ощутить тепло. Сегодня вечером мы с леди Карабеллой, а также со всеми моими хорошими товарищами, оставшимися рядом со мной в течение столь многих лет, во время стольких необычных приключений, отправляемся в Лабиринт, где я собираюсь обосноваться. Одна мудрая старая женщина, которой уже нет в живых, сказала мне во время моего посещения очень далекого места под названием долина Престимион, что я должен свершить то, что считаю невозможным для себя, если хочу нашего спасения. И я свершил это, потому что меня принуждала к тому необходимость. А еще она сказала, что мне придется сделать то, что мне меньше всего хочется. А чего я меньше всего хочу? Думаю, что меньше всего мне хочется покидать Замок и спускаться в Лабиринт, где должен обитать понтифекс. Но я спущусь туда — без горечи, без обиды. Я спущусь туда с радостью, ибо я — понтифекс, а этот Замок мне более не принадлежит. И я отправляюсь туда, как предначертано Божеством.

Понтифекс улыбнулся и взмахнул кубком, как бы чокаясь с короналем, Хозяйкой Острова, Королем Снов и Данипиур. Сделав глоток, он передал кубок леди Карабелле.

И сказал:

— Вот Девяносто девять ступеней. За ними расположена самая заветная святыня Замка, где мы должны завершить сегодняшний обряд; после того мы продолжим наш праздник, а потом я со своими людьми покину вас и отправлюсь в Лабиринт, поскольку дорога туда неблизкая, а я страстно желаю добраться наконец-то до своего дома. Лорд Хиссун, прошу возглавить процессию. Ведите нас, лорд Хиссун.

Содержание

Замок лорда Валентина 11
Перевод М. Коркина

Хроники Маджипура 483
Перевод А. Гришина

Понтифекс Валентин 821
Перевод В. Монахова

Литературно-художественное издание

Роберт Сильверберг

ЗАМОК ЛОРДА ВАЛЕНТИНА

Ответственный редактор *Н. Аллунан*
Редактор *И. Шефановская*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Корректор *М. Ахметова*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *Дж. Бернса*

Оригинал-макет подготовлен *ООО «Издательский дом «Домино».*
197198, Санкт-Петербург, ул. Блохина, 20/7.
Тел./факс (812)329-55-33

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@ eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина»,
ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12 . Тел.: 937-85-81, 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать 19.10.2006.
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 63,0.
Доп. тираж 4000 экз. Заказ № 4148.

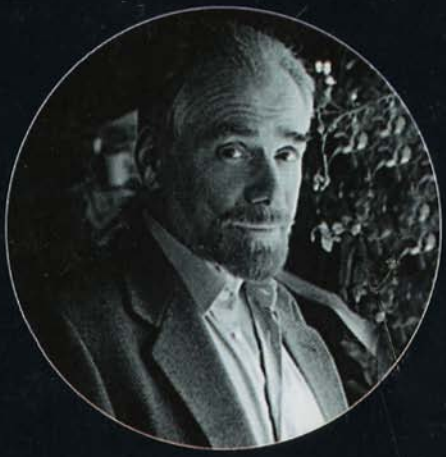
ISBN 5-699-15331-4

9 785699 153312 >

ОАО "Тверской полиграфический комбинат", 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) -sales@ tverpk.ru

Роберт

СИЛЬВЕРБЕРГ



Robert Silverberg

ISBN 5-699-15331-4

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ